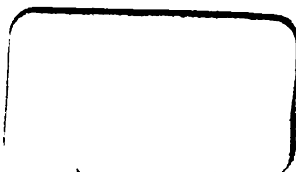

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLI

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLI

1890

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1890

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ІЮЛЬ, 1890

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1890 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Д. В. Давыдова. 2) Изабелла Орсини герцогиня Браччіано. Историческій романъ И. Фіорентини. Переводъ съ итальянскаго Н. А. Попова. Гл. XXVI—XXVII. (Продолженіе). Съ пятью иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ

Съ весьма рѣдкаго литографированнаго портрета.

дозв. ценз. спб., 23 iюня 1890 г.

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ?[1]

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

XXIV.

Въ куль да въ воду.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда въ Астрахани и въ Москвѣ происходили описанныя нами событія, какъ извѣстно, заключенъ былъ съ Польшею Андрусовскій миръ.

Виновникомъ этого гибельнаго для Малороссіи мира былъ старый нашъ знакомый, Ординъ-Нащокинъ-отецъ. Этимъ постыднымъ миромъ Малороссія разрѣзывалась пополамъ, такъ сказать—по живому тѣлу: вся правобережная Украйна, Волынь и Подолія, отдавалась Польшѣ вмѣстѣ съ величайшею святынею русскаго народа—Кіевомъ!

Мало того! Ходили слухи—и не безосновательные—что Ординъ-Нащокинъ совѣтывалъ царю совсѣмъ уничтожить казачество, какъ корень всѣхъ смутъ внутри государства и какъ начало всѣхъ несогласій и недоразумѣній съ сосѣдними государствами: долой Запорожье! долой донское и яицкое войско!

Когда эти слухи проникли на Запорожье и на Донъ, тогда все казачество подняло голову.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 489.

— Лучше жить въ братствѣ съ турками, чѣмъ съ москалями!— крикнулъ на полковничьей радѣ Брюховецкій, потрясая въ воздухѣ гетманскою булавой.

Это онъ выкрикнулъ въ Гадячѣ. Подобный же возгласъ раздался и на Дону, на небольшомъ островѣ Кагальникѣ.

— Я вырѣжу до-ноги все московское боярство и всѣхъ господъ, и поставлю надъ Русской землею одинъ казацкій кругъ!—сказалъ Разинъ, когда къ нему на Донъ явились посланцы отъ Брюховецкаго.

Посланцы эти—наши старые знакомые, которыхъ мы видѣли, въ первой главѣ нашего повѣствованія, въ Столовой избѣ Грановитой палаты, на отпускѣ у царя Алексѣя Михайловича: это—Гарасимъ Яковенко или «Гараська-бугай», Павлò Абраменко и Михайло Брейко, тотъ самый великанъ, который растянулся во весь ростъ на ступеняхъ державнаго мѣста и восклицаніемъ—«оцè лихо! николи съ коня не падавъ, а тутъ, бачъ, упавъ!»—вызвалъ общій смѣхъ.

Посланцы привели отъ гетмана въ подарокъ Разину прекраснаго бѣлаго арабскаго коня подъ богатымъ чапракомъ, а для казацкаго круга пригнали сто превосходныхъ черкаскихъ воловъ, рога которыхъ перевиты были красными, голубыми, алыми и зелеными лентами.

— Ужъ и хохлы дошлые! словно красныхъ дѣвокъ воловъ своихъ лентами изнарядили!—удивлялись донцы, любуясь прекрасными волами.

Станъ Разина въ это время, какъ сказано выше, находился на островѣ Кагальникѣ. Станъ былъ обнесенъ высокимъ землянымъ валомъ, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ поставлены были пушки очень внушительныхъ размѣровъ. За валомъ вся площадь острова, т. е. внутренняя часть острова, состояла изъ массы небольшихъ кургановъ съ торчавшими изъ нихъ плетеными трубами: это были земляныя избы или «курени», въ которыхъ помѣщались казаки Разина и онъ самъ.

— Тебѣ бы, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, особый куренекъ срубить,—говорилъ ему есаулъ Ивашка Черноярецъ, когда рыли землянки для войска.

— У Христа и норы лисьей не было, а онъ былъ царь надъ царями,—отвѣчалъ Разинъ.

Гетманскихъ пословъ Разинъ принялъ безъ всякихъ излишнихъ церемоній, которыхъ онъ терпѣть не могъ, говоря, что они служатъ «для отводу глазъуракамъ», и только приказалъ стрѣлять изъ всѣхъ пушекъ, когда послы съ берега садились въ лодки, чтобъ ѣхать на островъ, и когда пристали къ острову.

Присланныхъ гетманомъ воловъ оставили на берегу, конечно, на время, для корму, а коня перевезли на островъ и торжественно провели передъ выстроившимися казаками.

Разинъ тотчасъ же собралъ «кругъ». Въ кругу стояли: Разинъ съ своимъ есауломъ и три гетманскіе посла. Въ рукахъ у Разина была богатая атаманская «насѣка» или бунчукъ.

Гарасимъ Яковенко нѣсколько отступилъ отъ товарищей впередъ и подалъ Разину «листъ» отъ гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго и всего войска запорожскаго низоваго къ господину атаману Степану Тимоѳеевичу Разину и всему вольному войску донскому. Разинъ взялъ «листъ»-пакетъ, поцѣловалъ печать, бережно разломалъ ее и, вынувъ изъ пакета бумагу, подалъ ее есаулу.

— Вычитай, что̀ пишетъ намъ ясновельможный гетманъ и все славное запорожское войско низовое,—сказалъ онъ, нѣсколько преклоняя бунчукъ въ знакъ почтенія къ посольству.

Въ посланіи говорилось о нестерпимыхъ утѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Москвою и ея воеводами Украинѣ, объ отдачѣ Кіева и всѣхъ печерскихъ угодниковъ полякамъ, о намѣреніи уничтожить все казачество.

Казаки не дали есаулу дочитать посланіе до конца.

— Не бывать этому!—кричали они, хватаясь за сабли, точно бы врагъ стоялъ передъ ними на лицо.

— На осину всѣхъ бояръ! въ куль да въ воду!—кричали другіе.

Посланцы Брюховецкаго объяснили, что заводчикомъ всего этого у царя—Аѳонька Ординъ-Нащокинъ.

— Онъ и сына сово, проклятаго Воинку, подсылалъ къ намъ лазутчикомъ,—пояснялъ великанъ Брейко.

— А наши казаки выкрали его у ляховъ. Мы думали, что оно что-нибудь доброе, а оно вонъ что̀! змѣиное отродье!—добавилъ «Гараська-бугай».

— Мы ево и въ Москвѣ найдемъ!—кричали казаки.

— И батюшку и сынка въ одинъ куль!—добавляли другіе.

«Майданъ» долго волновался, пока Разинъ не махнулъ бунчукомъ. Все утихло.

— Атаманы-молодцы и все вольное войско казацкое!—возвысилъ голосъ Разинъ:—Москва хочетъ утопить насъ въ ложкѣ воды, отобрать отъ насъ казацкія вольности...

— Этому не бывать!—опять послышались крики.

— Не бывать!—подтвердилъ и Разинъ.—Мы сами зажгемъ московское государство съ двухъ концовъ: мы съ Волги, запорожскіе казаки и татары—съ Днѣпра, и тогда посмотримъ, кто кого въ крови утопитъ!

— Любо! любо! Только не мы утонемъ!—кричали казаки.

Между тѣмъ на кострахъ, разведенныхъ еще съ утра, на пищальныхъ шомполахъ уже жарились огромные куски черкаской говядины, а изъ войскового подвала выкатывались бочки съ виномъ.

Скоро на майданѣ начался пиръ.

И донскіе, и запорожскіе казаки всѣ были горазды выпить, а потому гульня была жестокая.

Чей-то голосъ вдругъ затянулъ:

«Какъ у насъ на Дону́,
«Во Черкаскомъ городу́...»

— Къ бѣсу Черкаской городъ!—раздались другіе голоса:—тамъ Корнилка Яковлевъ за одно съ Москвою! Въ воду всѣхъ согласниковъ!

Тогда другой голосъ запѣлъ:

«Какъ у насъ на Дону́,
«Въ Кагальницкомъ городу́!»

— Любо! любо! въ Кагальницкомъ городу̀!

Пьяные голоса перебивали одинъ другого, никто никого не слушалъ. А какой-то казакъ съ вырванною ноздрей, взявшись въ боки, присѣдалъ пьяными ногами и приговаривалъ:

«А какъ нашъ-отъ козелъ
«Всегда пьянъ и веселъ,—
«Онъ шатается,
«Онъ валяется...»

Ему вторила другая пьяная, тоже вырванная ноздря—изъ «сибирныхъ», которая, приставивъ сложенныя ладони ко рту, дудѣла какъ на дудкѣ:

«А-бу-бу-бубу-бу-бу̀,
«Сидитъ воронъ на дубу̀,
«Онъ играетъ во трубу,—
«Труба точеная,
«Позолоченая!»

Между тѣмъ Разинъ, который въ это время разговаривалъ съ запорожскими послами, вспомнивъ что̀-то, всталъ на ноги (онъ сидѣлъ и пировалъ съ послами на разостланномъ персидскомъ коврѣ) и крикнулъ такимъ голосомъ, который всѣхъ заставилъ очнуться.

— Атаманы-молодцы! слушать дѣло!—поднялъ онъ бунчукъ.—Привести сюда бабника съ бабой!

Нѣсколько казаковъ бросились къ небольшой земляной тюрьмѣ и вывели оттуда рослаго, широкоплечаго и мускулистаго казака и молоденькую дѣвушку-казачку. За ними еще одинъ казакъ несъ длинный рогожный куль, въ которомъ отчаянно метался и мяукалъ котъ.

Приведенный изъ земляной тюрьмы молодой казакъ смотрѣлъ кругомъ смѣло, вызывающе, дерзко. Юная же подруга его была блѣдна, какъ мѣлъ, и едва стояла на ногахъ. Молодость и миловидность ея были таковы, что даже грубыя, зачерствѣлыя черты убійцъ при видѣ ея смягчались.

Несчастные обвинялись въ тяжкомъ для «казака въ полѣ» преступленіи. Тренька Порядинъ—такъ звали молодого казака—ны-

нѣшней ночью стерегъ на войсковомъ лугу казацкихъ коней. Когда же дозорные казаки обходили ночью войсковой табунъ и провѣряли варту, то застали Треньку Порядина съ этой дѣвушкой, съ Палагой Юдиной, съ сосѣдняго хутора. А по казацкому обычаю, «ка́закъ въ полѣ» за сношеніе съ бабой подвергался смертной казни: «въ куль да въ воду», притомъ вмѣстѣ съ бабой, если она поймана, и вдобавокъ—съ котомъ, который бы ихъ царапалъ въ кулѣ.

Когда вины несчастныхъ были сказаны есауломъ въ казацкомъ кругу передъ гетманскими послами, Разинъ сказалъ:

— Вершите, атаманы-молодцы! — въ куль да въ воду!

Говоря это, онъ не сводилъ глазъ съ трепетавшей дѣвушки. Въ его душѣ вдругъ всталъ другой милый образъ, такъ безчеловѣчно погубленный имъ. За что̀? за чью вину? И уже никогда, никогда этотъ милый образъ не явится ему на яву, какъ онъ часто является ему во снѣ и терзаетъ его душу позднимъ, напраснымъ раскаяньемъ. И его разомъ охватила такая тоска, такая душевная му́ка, что онъ самъ, кажется, охотно бы пошелъ въ этотъ куль и въ воду...

— Въ куль да въ воду!—повторили голоса въ кругу, иные видимо не охотно.

Осужденный посмотрѣлъ въ глаза своему атаману такимъ взглядомъ, что даже Разинъ смутился.

— Тебя, вора, въ куль да въ воду!—глухо произнесъ осужденный.—Ты не по закону жилъ съ персицкою княжной, бусурманкой, а Палага—моя законная невѣста...

Глухой ропотъ пронесся какъ вѣтеръ по майдану. Разинъ страшно поблѣднѣлъ и пошатнулся, словно бы отъ удара. Слезы и судороги сдавили ему горло...

— Онъ правъ... онъ правъ, братцы! — рыдая говорилъ онъ: — вяжите меня въ куль... я не отецъ вамъ... я не жилецъ на этомъ свѣтѣ... Охъ, смерть моя!... вяжите! вяжите меня!...

Разинъ упалъ на колѣни и положилъ бунчукъ на землю.

— Простите меня, братцы!—и онъ кланялся въ землю.—А теперь вяжите—вотъ мои руки—въ куль, въ куль, да въ воду!...

Онъ говорилъ точно въ бреду. Весь майданъ онѣмѣлъ отъ ужаса...

Наконецъ, нѣкоторые изъ казаковъ опомнились, бросились къ своему атаману, подняли его...

— Батюшка! отецъ нашъ! не покидай насъ, сиротъ твоихъ!— умоляли они его:—безъ тебя мы пропали.

Стонъ прошелъ по всему майдану. Разина обступили, цѣловали его руки, плакали...

Плакалъ и онъ... Въ плачѣ этомъ слышалось глубокое отчаяніе.

Но потомъ онъ быстро подошелъ къ осужденному и горячо обнялъ его:

— Прости меня, Тренюшка! прости, родной мой! И ты меня прости, Палагеюшка!

Онъ поклонился дѣвушкѣ въ землю. Та, блѣдная, все еще растерянная и трепещущая отъ ужаснаго надъ нею и ея возлюбленнымъ приговора, силилась поднять валявшагося въ ея ногахъ страшнаго атамана.

— Прости! прости меня!—повторилъ Разинъ:—за твой дѣвичій стыдъ! за мое окаянство—прости!

— Богъ всѣхъ проститъ! Богъ всѣхъ проститъ!—раздались отдѣльные голоса на майданѣ, а за ними въ одинъ голосъ закричало все войско:—Богъ всѣхъ проститъ! Богъ всѣхъ проститъ!

Эта картина, полная глубокаго драматизма, произвела сильное впечатлѣніе на запорожцевъ.

Въ концѣ концовъ, осужденные были помилованы и какъ почетные гости посажены въ кругѣ, а ни въ чемъ неповинный котъ, выпущенный изъ куля, съ сердитымъ фырканьемъ вскочилъ на ближайшую развѣсистую вербу и злобно глядѣлъ оттуда своими круглыми, горѣвшими зеленымъ огнемъ глазами.

XXV.

Жена Разина.

Посольство Брюховецкаго къ Разину, какъ извѣстно, ни къ чему не привело. Гетманъ правобережной Украины, Дорошенко, въ нѣсколько недѣль покорилъ подъ свою власть всю лѣвобережную Украину, и Брюховецкій своею же чернью—«голотою»—въ нѣсколько минутъ былъ забитъ палками и ружейными прикладами, «какъ бѣшеная собака», по выраженію лѣтописца.

Разину предстояло дѣйствовать одному съ своими казаками.

Наступалъ 1669 годъ. Донъ вскрылся рано. Надо было думать о походѣ.

Вдругъ однажды подъ вечеръ разинскіе молодцы, которые ловили въ Дону, ниже Кагальника, рыбу, замѣтили лодку, которая осторожно, среди густыхъ тальниковъ и видимо крадучись, пробиралась къ казацкому стану. Ловцы настигли ее и увидѣли, что въ ней сидитъ женщина. На окликъ сначала отвѣта изъ лодки не послѣдовало и лодка продолжала спѣшить къ острову.

— Остановись, каюкъ, стрѣлять будемъ!—закричалъ одинъ изъ ловцовъ и выстрѣлилъ по подозрительному каюку.

Послѣ выстрѣла каюкъ остановился. Ловцы подплыли ближе: въ каюкѣ находилась только одна женщина среднихъ лѣтъ, повидимому казачка.

— Ты кто такая и откель?—спросили ловцы.

— Сами видите, атаманы-молодцы, что я казачка и ѣду изъ Черкаскова,—смѣло и даже гордо отвѣчала неизвѣстная женщина.

— Видимъ, что не татарка,—улыбнулся одинъ изъ ловцовъ,—а куда путь держишь?

— Къ атаману Степану Тимоѳеичу Разину,—былъ отвѣтъ.

— О-го-го!—покачалъ головой тотъ же ловецъ,—высоко, болѣзная, летаешь, а гдѣ-то сядешь!

— Сяду рядомъ съ вашимъ батюшкой атаманомъ!—гордо отвѣчала казачка.

— Не погнѣвайся, молода молодка,—замѣтилъ другой ловецъ, постарше,—въ нашъ городокъ вашъ братъ, баба, и ногой ступить не можетъ; а то заразъ кесймъ башка!

— Што такъ строго?—презрительно улыбнулась смѣлая казачка.

— А такъ—у насъ законъ таковъ: чтобъ бабьятиной и не пахло,—отвѣчалъ младшій ловецъ.

— Чтожъ—али баба псиной пахнетъ?—презрительно пожала плечами казачка.

— Псиной не псиной, а припахиваетъ.

Этотъ дерзкій отзывъ взорвалъ казачку: она вспыхнула и замахнулась весломъ, чтобъ ударить обидчика. Тотъ едва увернулся.

— О! да она и въ самомъ дѣлѣ съ запашкòмъ!—засмѣялся онъ.

— Прочь вислоухіе!—закричала внѣ себя казачка:—мнѣ не до васъ, сволочь!—мнѣ спѣшка видѣть атамана; а задèржите меня—завтражъ васъ въ куль да въ воду!

Она торопливо сняла съ своей руки перстень съ бирюзой и подала старшему ловцу.

— На! заразъ же покажь этотъ перстень атаману,—мнѣ ждать нѣколи, а ему и тово меньше!—сказала она повелительно.

Все это говорилось такимъ тономъ, и вообще незнакомая женщина такъ вела себя, что казаки уступили ея требованію и поплыли къ острову. Незнакомка слѣдовала за ними. Она такъ сильно и умѣло работала весломъ, что ея легкій каючòкъ не отставалъ отъ казацкой лодки.

Скоро они были у острова. Изъ-за земляного вала, которымъ былъ обнесенъ станъ Разина, кое-гдѣ поднимался синеватый дымокъ къ небу.

Лодка и каюкъ пристали къ берегу. Старшій ловецъ тотчасъ же отправился въ станъ, а младшій съ незнакомой казачкой остались на берегу.

— Чтожъ у васъ въ Черкаскомъ дѣлается?—спросилъ-было незнакомку оставшійся на берегу ловецъ.

— Это я скажу атаману,—былъ сухой отвѣтъ.

«Фу ты, ну ты!» подумалъ про себя ловецъ, и только пожалъ плечами.

Скоро воротился и тотъ казакъ, который ходилъ въ станъ съ перстнемъ.

— Иди за мной,—сказалъ онъ незнакомкѣ,—батюшка Степанъ Тимоѳеичъ приказалъ звать тебя.

Незнакомка повиновалась. По лицу ея видно было, что волненіе и страхъ боролись въ ней съ какимъ-то другимъ чувствомъ.

Разинъ ждалъ ее на майданѣ въ кругу нѣсколькихъ казаковъ. Выраженіе лица его было сурово.

Незнакомка робко подошла къ нему и опустилась на колѣни. Разинъ молча вглядывался въ ея черты.

— Степанушка! Стеня!—али ты не узналъ меня?—съ нѣжнымъ упрекомъ произнесла пришедшая.

— Нѣтъ, узналъ,—сухо отвѣтилъ Разинъ.

Но и на его холодномъ лицѣ отразилось волненіе и какое-то другое чувство.—Стоявшая передъ нимъ женщина была когда-то его женой.—Была!—Да она и теперь его жена: вотъ тотъ перстенекъ съ бирюзой, который когда-то, въ ту весеннюю ночку, онъ самъ надѣлъ ей на пальчикъ. Помнитъ онъ эту ночку — онѣ не забываются. Но чѣмъ-то другимъ, какою-то пеленою заслонились воспоминанія этой, давно минувшей ночи.—Послѣ нея были другія ночи—не здѣсь, не на Дону, а на морѣ...

— Встань, Авдотья, — болѣе мягкимъ голосомъ сказалъ атаманъ,—тебѣ сказали, что у насъ здѣсь нѣтъ женъ?

— Сказали,—отвѣтила жена Разина,—да я не къ мужу пришла, а къ атаману.

— Сказывай же, съ чѣмъ пришла?—спросилъ тотъ.

— Я при нихъ не скажу,—указала она на казаковъ.

— У меня отъ нихъ тайны нѣтъ,—возразилъ атаманъ.

— Такъ у меня есть,—съ своей стороны возразила жена атамана,—отойдемъ къ сторонѣ.

Разинъ нетерпѣливо пожалъ плечами, но исполнилъ то, чего требовала отъ него жена.

Когда она передала ему что̀-то на ухо. Разинъ сдѣлалъ движеніе не то удивленія, не то досады. Жена продолжала говорить что̀-то съ жаромъ. Глаза атамана сверкнули гнѣвомъ.

— А! дакъ они вотъ какъ!—глухо произнесъ онъ,—ладно же!— я имъ покажу!

— Атаманы-молодцы! — громко обратился онъ къ кругу,— нынче же въ Черкаской!—Слышите?

— Слышимъ, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ! любо!—гаркнули казаки.

— А тебѣ, Авдотья, спасибо за вѣсти,—сказалъ Разинъ женѣ.— А теперь уходи восвояси: тебѣ здѣсь не мѣсто.

— Не мѣсто!—А персицкой любовницѣ было мѣсто!—крикнула жена атамана.

Глаза оскорбленной женщины и жены сверкали негодованіемъ. Не такого пріема ожидала она отъ мужа послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. А онъ словно царь какой принялъ свою—когда-то Кулю, желанную, суженую. Въ этотъ моментъ она забыла, что сама когда-то знать его не хотѣла, когда онъ былъ невѣдомымъ бродягой и шатался съ такими же бродягами... А теперь онъ—царь, настоящій царь!... «Спасибо за вѣсти, а намъ тебя не надо... тебѣ здѣсь не мѣсто!...» Безсильная злоба кипѣла въ ея душѣ...

И какъ на зло—бывшій ея мужъ сталъ теперь еще красивѣе: сѣдина въ курчавой головѣ такъ шла къ его черной бородѣ... А когда-то она ласкала эту бороду, эту буйную голову... Послѣ нея ласкала другая... Эта была милѣе, желаннѣе...

— Не мѣсто! женѣ не мѣсто, а любовницѣ—мѣсто!—повторила она злобнымъ шопотомъ.

— Авдотья!—тихо, сдержанно сказалъ ей мужъ,—уходи, если не хочешь сейчасъ же напиться донской воды.

— Хочу! утопи меня!—настаивала упрямая казачка.

— Ты не стоишь этого!—махнулъ рукою Разинъ, и началъ готовиться къ походу въ Черкаскъ.

Жена бросилась было за нимъ, но потомъ, закрывъ лицо руками, со слезами ушла съ майдана.

Скоро ея каючо̀къ отчалилъ отъ берега и скрылся во мракѣ.

— Нѐ солоно хлебала,—сказалъ про себя провожавшій ее до каюка молодой ловецъ.

XXVI.

На Москву—шапокъ добывать!

Вѣсти, привезенныя изъ Черкаска женою Разина, были дѣйствительно тревожнаго свойства.

Изъ Москвы прибылъ на Донъ бывшій недавно въ «жильцахъ» стольникъ Еремѣй Сухово-Евдокимовъ, который такъ отличался въ прошломъ году, во время послѣдняго купанья стольниковъ и жильцовъ въ Коломенскомъ пруду, что Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ его двумя обѣдами разомъ. Еще тогда же дворскіе завистники говорили, что Еремѣй шибко пойдетъ въ гору послѣ такой «царствой ѣствы, о какой у него и на умѣ не было».

Дѣйствительно, въ Сухово-Евдокимовѣ учуяли ловкаго малаго, который въ одно ушко влѣзетъ, а въ другое вылѣзетъ, и раннею же весною ему уже дали серьезное порученіе: ѣхать на Донъ съ милостивою царскою грамотою, а подъ рукою разузнать—не затѣваетъ ли вновь чего Разинъ. Въ Москвѣ уже извѣстно было и о варварскомъ его поступкѣ съ дочерью хана Менеды—Заирою, и о томъ, что онъ не соединился съ прочими донскими казаками, а

основалъ свой особый станъ на Кагальникѣ. Все это очень безпокоило Алексѣя Михайловича.

Вотъ съ этимъ-то двойственнымъ порученіемъ и явился въ Черкаскъ Сухово-Евдокимовъ «съ товарищи».

— Я знаю, Еремѣй, твое усердіе: ты и тамъ сухъ изъ воды выдешь,—сказалъ ему на милостивомъ отпускѣ «тишайшій», остроумно намекая игрою словъ и на его «сухую» фамилію, и на его умѣнье плавать.

— Ну, какъ бы тамъ изъ «сухово» не вышло мокрёнько,—процѣдилъ себѣ въ бороду Алмазъ Ивановъ, который лучше другихъ понималъ всю серьезность дѣлъ на Дону.

Эти-то вѣсти и сообщила Разину жена, которая оставалась все время въ Черкаскѣ, когда мужъ ея въ теченіе многихъ лѣтъ рыскалъ съ своею «голытьбой» то по Дону и Волгѣ, то по Яику и Каспійскому морю.

Въ ту же ночь Разинъ съ частью своихъ молодцовъ отправился въ Черкаскъ. Въ Дону въ это время начиналось весеннее половодье и потому удобнѣе было ѣхать въ Черкаскъ на лодкахъ. Столица донскихъ казаковъ, какъ извѣстно, въ половодье была не приступна ни съ луговой, ни съ нагорной стороны Дона, такъ какъ ее со всѣхъ сторонъ окружала вода, и весь Черкаскъ—его курени, сады и церкви—казалось, плавали на водѣ.

Утромъ флотилія Разина неожиданно окружила Черкаскъ. Въ станицѣ всѣ переполошились, когда услыхали три вѣстовыхъ пушечныхъ выстрѣла съ атаманскаго струга, и когда молодцы Разина стали высаживаться на берегъ и гурьбой, съ криками и угрозами по адресу Москвы, направляться къ соборной площади.

Разинъ тотчасъ же приказалъ бить «сполохъ», и соборный колоколъ оповѣстилъ всю станицу, что готовится чтó-то необычайное. Всѣ спѣшили на площадь—одни, чтобъ узнать въ чемъ дѣло, другіе—чтобы только взглянуть на Разина, имя котораго успѣло покрыться такъ быстро небывалою славою и который представлялся уже существомъ сверхъестественнымъ: его ни пуля не брала, ни огонь, ни вода, ни сабля; на Волгѣ, напримѣръ, онъ разстелетъ на водѣ войлочную кошму, сядетъ на нее и, точно въ лодкѣ, переплываетъ рѣку; когда въ него стрѣляютъ, онъ хватаетъ пули рукою и бросаетъ ихъ обратно въ непріятеля.

Но за то станичныя и войсковыя власти всѣ спѣшили прятаться отъ страшнаго гостя. Войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ укрылся въ соборѣ, въ алтарѣ, думая, что нечистая сила, съ которой знается Разинъ, не посмѣетъ проникнуть въ храмъ божій.

На соборной площади, или на майданѣ, собрался между тѣмъ кругъ. Разинъ вышелъ на середину круга, махнулъ бунчукомъ на колокольню, и набатный колоколъ умолкъ. Тогда Степанъ Тимоѳеевичъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, съ глубокимъ зна-

ніемъ своего народа и его инстинктовъ, началъ говорить ѳбразнымъ, самымъ пламеннымъ языкомъ о томъ, какъ Москва посягаетъ на ихъ казацкія вольности, какъ бояре задумали обратить весь Донъ и все казачество въ своихъ холопей, сдѣлать холопками ихъ женъ и дочерей; напомнилъ имъ, какъ князь Долгорукій самовольно казнилъ ихъ атамана, а его родного брата Тимоѳея. Онъ говорилъ страстно, убѣжденно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ народныхъ ораторовъ, которые родятся вѣками и за которыми массы идутъ слѣпо. Онъ былъ грозенъ и прекрасенъ въ своемъ воодушевленіи, особенно когда говорилъ о томъ, что̀ онъ видѣлъ, исколесивъ русскую землю отъ Черкаска до Соловокъ,—что вездѣ страшная бѣдность, голодъ, болѣзни, притѣсненія, а за то на Москвѣ, въ царствѣ бояръ,—какія палаты, какая роскошь!—и все это награблено съ бѣдныхъ, съ подневольныхъ, съ голодныхъ. И вдругъ теперь тоже хотятъ сдѣлать съ вольнымъ Дономъ, съ вольными казаками.

Вся площадь, казалось, замерла, слушая страстныя рѣчи человѣка, въ которомъ видѣлась уже сверхъестественная сила.

Среди слушателей была и его жена. Она робко затерлась теперь въ толпѣ, и изъ-за широкихъ спинъ казаковъ жадно и благоговѣйно глядѣла на своего бывшаго мужа. Она теперь не узнавала его, но за то никогда и не любила такъ, какъ въ этотъ моментъ, хотя онъ вчера и смертельно обидѣлъ ее.

«Степанушка! Степанушка мой!» молитвенно, беззвучно шептали ея губы.

— Гдѣ этотъ московскій лазутчикъ, что хочетъ казаковъ въ дурни пошить?—вдругъ оборвалъ свою жгучую рѣчь Разинъ, обратившись къ своимъ молодцамъ.—Подать мнѣ ево сюда!

Казаки бросились исполнять приказаніе атамана.

Черезъ нѣсколько минутъ Сухово-Евдокимова и его товарищей, московскихъ жильцовъ, ввели въ казачій кругъ.

— Долой шапки!—крикнулъ Разинъ.—Здѣсь вамъ не кабакъ!

Оторопѣлые послы московскаго царя сняли шапки.

— Ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ?—спросилъ атаманъ, подступая къ Сухово-Евдокимову.

— Я пріѣхалъ съ царскою милостивою грамотою,—отвѣчалъ послѣдній.

— Не съ грамотою ты пріѣхалъ, а лазутчикомъ—за мною подсматривать и про насъ узнавать!—Такъ вотъ же тебѣ!

И Разинъ со всего размаху ударилъ царскаго посланца по щекѣ.

— Чево вамъ отъ насъ нужно?—продолжалъ атаманъ.—Али и безъ насъ мало вамъ съ кого кровь высасывать! Мало вамъ холопей вашихъ, да крестьянъ, да оброшниковъ, да ясашныхъ! Мало вамъ на Москвѣ палатъ, что на холопскихъ костяхъ сложены! У насъ вонъ нѣтъ каменныхъ палатъ—одни курени да мазанки.

Чевожъ вамъ надо? Нашихъ головъ? Такъ нѣтъ же! вотъ тебѣ грамота!

И онъ снова ударилъ посла.

— Въ воду ево!—махнулъ онъ бунчукомъ.

Казаки набросились на несчастнаго и избили его до полусмерти. Затѣмъ потащили къ Дону и, еще живого, бросили съ атаманскаго струга въ воду.

— Ну-ка, бояринъ, полови стерлядей у насъ во Дону! у васъ на Москвѣ ихъ, слышь, нѣту,—издѣвались казаки надъ своей жертвой.

— Пущай пловетъ къ туркамъ—они добрѣя Москвы!

Искусный пловецъ тотчасъ же пошелъ ко дну.

— Ишь—только ножкой дрыгнулъ...

— Постой, атаманы-молодцы! погоди!—не топи ево!—кричала съ берега голытьба.

— Што такъ, братцы?

— А цвѣтно платье зачѣмъ топить?—У насъ зипуновъ нѣту— сымемъ съ боярина цвѣтно платье.

Казаки согласились съ доводами голытьбы, и тотчасъ же бросились въ другія лодки, чтобъ баграми отыскивать утопленника.

Трупъ скоро былъ вытащенъ изъ воды, не успѣвъ еще окоченѣть. За то тѣмъ легче было его раздѣвать—и его дѣйствительно раздѣли до-нагà.

— Эко зипунъ завидный! да и рубаха и порты знатныя!

— А то на! эко добро да въ воду! жирно будетъ.

— А сапоги-ту! сафьянъ рудожолтъ—заглядѣнье!

— Только чуръ, братцы:—и зипунъ, и рубаху, и порты, и онучи, и сапоги—все въ дуванъ!—по жеребью.

— А хрестъ тѣльной? и ево въ дуванъ?

— Знамо! мы не бусурманы: на насъ, чаю, тоже хресты.

И обнаженное тѣло московскаго посла снова бросили въ Донъ.

— Чать и ракамъ надо чѣмъ-нибудь кормиться.

— Вѣстимо...

— А шапка, братцы, боярска идѣ?—спохватилась голытьба,— шапки не видать!

— Да! шапка! шапка! идѣ шапка? неужто утопили?

— Шапка, должно, въ кругу осталась:—тамъ ево атаманы били.

Бросились въ кругъ искать шапку.

— Идѣ боярска шапка?—подавай шапку въ дуванъ!

Разинъ, увидѣвъ мечущуюся голытьбу, лукаво улыбнулся.

— Эхъ, братцы,—я вамъ на Москвѣ такихъ шапокъ добуду!— сказалъ онъ задорно.

— На Москву, братцы!—на Москву—шапокъ добывать!—закричала голытьба.

— На Москву!—за батюшкой Степаномъ Тимоѳеичемъ—шапки, зипуны добывать!—стоналъ майданъ.

И среди этой бушующей толпы только одни глаза съ любовью и тоскою слѣдили за каждымъ движеніемъ народнаго героя: то были глаза его жены съ навернувшимися на рѣсницы слезами. Но она не смѣла подойти къ нему.

Вечеромъ того же дня флотилія Разина возвращалась въ Кагальникъ. Но это была уже не прежняя маленькая флотилія: почти весь Черкаскъ ушелъ теперь за атаманомъ, захвативъ всѣ лодки, какія только были въ станицѣ.

Съ одного струга неслась заунывная пѣсня и грустная мелодія ея далеко разлегалась по водѣ. Одинъ голосъ особенно отчетливо выводилъ:

«Какъ во городѣ, во Черкаскіемъ,
«У одной-то вдовы было семь сыновъ,
«А восьмая—дочь несчастная.
«Возлелѣявъ-то сестру, всѣ въ разбой пошли,
«Своей матушкѣ все наказывали:
«Не давай-ка безъ насъ сестру въ замужье»...

Вечеръ былъ тихій и теплый. Полная луна серебрила и поверхность широко разлившагося Дона, и прибрежные кусты тальника, и развѣсистыя вершины тополей. Съ луговой стороны неслись по водѣ трели соловья...

Разинъ сидѣлъ на носу своего струга въ глубокой задумчивости: эта пѣсня напомнила ему дѣтство... А теперь?—онъ грустно покачалъ головой...

Еслибъ онъ поднялъ глаза къ нагорному берегу, подъ которымъ плылъ его стругъ, то увидѣлъ бы силуэтъ женщины, которая шла за стругомъ высокимъ берегомъ Дона и отъ времени до времени утирала глаза рукавомъ.

XXVII.

Васька-Усъ.

Весна и лѣто настоящаго года принесли Алексѣю Михайловичу много несчастій и огорченій. Тяжелъ былъ для него и предыдущій—1668 годъ; но то былъ годъ високосный—онъ и не ожидалъ отъ него ничего хорошаго.

А теперь такъ и повалила бѣда за бѣдою.

Въ началѣ марта, царица Марья Ильинишна, съ которою они прожили душа въ душу двадцать лѣтъ, умерла отъ родовъ. За нею черезъ два дня умерла и новорожденная царевна.

Изъ Малороссіи, съ Дона, съ Волги—отовсюду неутѣшительныя извѣстія. Малороссію раздираютъ смуты: тамъ разомъ борятся изъ-за власти семь гетмановъ—Многогрѣшный, Дорошенко, Ханенко, Суховіенко и Юрій Хмельницкій—и кровь льется рѣкою.

Разинъ, послѣ звѣрскаго убіенія въ Черкасскѣ Сухово-Евдокимова, уже двигается съ своими полками къ Волгѣ.

Вдоль всего средняго Поволжья волнуются татары и другіе инородцы, которыхъ поднимаютъ противъ царскихъ воеводъ Багай Кочюрентѣевъ да Шелмеско Шевоевъ.

«А еще бояре въ думѣ назвали челобитье ихъ непутевымъ—и ихъ же батоги бить велѣно нещадно»,—вспоминаетъ Алексѣй Михайловичъ свою оплошность:—«оплошка, точно оплошка».

И патріархъ Никонъ, сидя въ Ферапонтовѣ въ заточеніи, продолжаетъ гнѣваться—не шлетъ царю прощенія...

«Сердитуетъ святѣйшій патріархъ, сердитуетъ... И протопопъ Аввакумъ не шлетъ съ Пустозерска благословенія...»

«Охъ, быть бѣдѣ, быть бѣдѣ!»—сокрушается Алексѣй Михайловичъ.

И бѣда дѣйствительно надвигалась.

Въ началѣ мая Разинъ съ своими толпищами уже приближался къ Волгѣ, нѣсколько выше Царицына. Безконечная панорама этой многоводной рѣки всегда воодушевляла этого необыкновеннаго разбойника. Онъ ѣхалъ впереди своего войска на бѣломъ конѣ, котораго прислалъ ему въ подарокъ покойный гетманъ Брюховецкій.

При видѣ величественной рѣки, раскинувшей здѣсь свои воды по затонамъ и воложкамъ почти на необозримое пространство, Разинъ снялъ шапку точно передъ святыней. Поснимала шапки и ватага его. Разинъ воскликнулъ:

— Здравствуй, Волга-матушка, рѣка великая! жаловала ты насъ, сыновъ твоихъ, допрежь сево златомъ-сѣребромъ и всякимъ добромъ: — чѣмъ-то теперь ты насъ, Волга-матушка, пожалуешь?

Но въ то же мгновенье онъ какъ будто вспомнилъ что-то и какъ-то загадочно посмотрѣлъ на своего есаула: въ душѣ атамана что-то давно назрѣвало противъ Ивашки Черноярца.

По Волгѣ между тѣмъ двигалась его флотилія съ пѣшею голытьбою. Вся Волга, казалось, стонала отъ пѣсни, которая неслась надъ водою. Голытьба пѣла:

«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ...»

Въ это время изъ сосѣдняго оврага показалось нѣсколько всадниковъ. Передній изъ нихъ на поднятой надъ головою пикѣ держалъ какую-то бумагу.

Всадники эти при приближеніи Разина сошли съ коней и поклонились до земли.

— Встаньте! кто вы?—спросилъ Разинъ, останавливая коня.

Всадники поднялись съ земли. Это были повидимому татары—всѣхъ человѣкъ пятнадцать. Впереди ихъ были, какъ казалось, атаманъ и есаулъ: одинъ худой и высокій, другой приземистый.

— Кто вы? — повторилъ Разинъ.

— Мы синбирскіе татаровя, мурзишки, батушка Степанъ Тимоѳеичъ: я — мурзишка Багай Кочюрентѣевъ, а онъ — мурзишка Шелмеско Шевоевъ, — отвѣчалъ высокій татаринъ.—Мы къ тебѣ, батушка Степанъ Тимоѳеичъ.

— Съ какимъ дѣломъ?

— Съ челамбитьямъ, батушка.

И Багай подалъ Разину бумагу. Разинъ передалъ ее есаулу.

— Вычитай,—сказалъ онъ.

Ивашка Черноярецъ развернулъ бумагу и сталъ читать:

«Славному и преславному атаману вольнаго войска донскаго, батюшкѣ Степану Тимоѳеевичю, бьють челомъ и плачются синбирскіе татаровя, а во всѣхъ ихъ мѣсто Багай Кочюрентѣевъ сынъ да Шелмеско Шевоевъ сынъ: жалоба намъ, батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ, на государевыхъ воеводъ да на подъячихъ да на служилыхъ людей: били мы, сироты твои, челомъ великому государю и плакались, что мы-де, сироты ево государевы, ево государеву пашню пашючи, лошаденка покупали и животишка свои и достальные истощали, а за ево государевою пашнею, ходячи, одежонко все придрали, и женишка и дѣтишка испроѣли, и нынѣче, государь, помираемъ голодною смертію; а одежонка намъ, государь, сиротамъ твоимъ государевымъ, купити не на што и нечимъ, и мы-де, государь, сироты твои государевы погибаемъ нужною смертію, волочася съ наготы и босоты. И за то челобитье насъ, государь, батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ, сиротъ твоихъ, указано бить батоги нещадно. Атаманъ государь, смилуйся, пожалуй».

Разинъ внимательно прослушалъ все челобитье, и брови его сурово сдвинулись.

— Такъ за это челобитье васъ и драли?—спросилъ.

— За этамъ челамбитьямъ, батушка, нашъ войводъ сѣкилъ насъ батогамъ нещаднымъ,—отвѣчалъ смиренно Багай.

— Добро.—Я и до вашево воеводы доберусь,—сказалъ Разинъ.— А теперь поѣзжайте домой и ждите меня,—да и всѣмъ—и въ Саратовѣ, и въ Самарѣ, и въ Синбирскѣ скажите, чтобъ меня ждали! Я приду...

Татары усердно кланялись. Въ это время по дорогѣ изъ Царицына еще показались двое всадниковъ. Разинъ тотчасъ узналъ ихъ: то были казаки, его лазутчики, которыхъ онъ предварительно подослалъ въ Царицынъ, чтобъ они заранѣе предупредили въ городѣ своихъ единомышленниковъ о скоромъ прибытіи атамана съ войскомъ. Единомышленники должны были тайно, ночью, отворить городскія ворота для незванныхъ гостей.

Разинъ да и всѣ казаки съ удивленіемъ замѣтили, что у одного изъ лазутчиковъ на сѣдлѣ сидѣлъ какой-то ребенокъ, и казакъ-лазутчикъ бережно придерживалъ его рукой.

— Это что у тебя за проява?—спросилъ Разинъ.

— Да вотъ самъ видишь, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ,—калмычонокъ, отвѣчалъ казакъ:—дѣвочка-сиротка.

— Да гдѣ ты ее добылъ и зачѣмъ?—недоумѣвалъ Разинъ.

— Да вотъ видишь ли, атаманъ: повернули это мы ужó изъ Царицына—тамъ тебя ждутъ не дождутся!—коли смотримъ—идетъ назустрѣчь намъ калмычка съ ребенкомъ на рукахъ; да какъ увидала насъ—и ну улепетывать!—испужалась насъ должно быть.—Я кричу этто: стой! стой! не бойся!—А бѣжала она дура яромъ, да къ Волгѣ,—а яръ-отъ крутой: она возьми да и споткнись—и полетѣла внизъ съ кручи, да прямо въ Волгу.—Вода-то полая подошла къ самой кручѣ—глыбко тамъ—калмычка-ту и бултыхни въ воду—только пузыри пошли. А эта пигалица какъ-то зацѣпилась за коренья барыни-ягоды—застряла—оретъ.—Я и взялъ ее—жаль крошку. Калмычка, должно думать, нищенка—шла изъ Дербетевыхъ улусовъ въ городъ побираться; а какъ увидала насъ,—ну, знамо, заячій духъ напалъ—и бултыхъ въ воду: сказано—дура баба.

Маленькая калмычка, совсѣмъ голенькая, точно бронзовая, лѣтъ, можетъ, двухъ или немного больше, во время этого разсказа довѣрчиво глядѣла на Разина и усердно жевала изюмъ, сама доставая его изъ пазухи своего спасителя, а спаситель этотъ захватилъ малую толику изюмцу въ Царицынѣ у знакомаго армянина. Встрѣчая ласковый взглядъ своей бородатой няньки, дѣвочка весело улыбалась.

Разинъ также съ доброю улыбкою глядѣлъ на черненькое, косоглазое и косматое существо, и въ немъ заговорило хорошее чувство: онъ вспомнилъ, что судьба не дала ему дѣтей отъ его Дуни, съ которою онъ давно разстался; но, быть можетъ, она дала бы ему эту отраду въ жизни отъ другой, отъ той...

Онъ какъ-то машинально поманилъ къ себѣ маленькую калмычку, и она съ улыбкой потянулась къ нему, быть можетъ потому, что онъ былъ въ богатомъ съ золотными кистями кафтанѣ. Онъ взялъ ее и посадилъ къ себѣ на сѣдло, и дѣвочка тотчасъ же занялась кистями.

Казаки съ удивленіемъ, а татары просто съ умиленіемъ смотрѣли на эту невиданную сцену: страшный атаманъ съ ребенкомъ на рукахъ!

«Чортъ съ младенцемъ!»—не одному казаку пришло на умъ это присловье.

Но забавляться ребенкомъ не приходилось долго. Разинъ опять передалъ маленькую калмычку ея спасителю.

— Кудажъ мы ее дѣнемъ?—спросилъ онъ.

— Оставимъ у себя, атаманъ,—не бросать же ее какъ котенка,—отвѣчалъ казакъ.—Все равно—матери у нея нѣту, а тащиться

съ нею до Дербетевыхъ улусовъ—не рука, да и тамъ оно, поди, съ голоду околѣетъ; а у насъ, по крайности, забавочка будетъ.

— Ишь ты бабу въ казацкій станъ пущать!—улыбнулся есаулъ.

— Какая она баба?—козявка, одно слово—мразь.

Разинъ махнулъ рукой:

— Ну, инъ пущай!

Но едва они двинулись впередъ, какъ справа, по возвышенному сырту замелькали толпы народа—и пѣшіе, и конные.

— Кому бы это быть?—удивился Разинъ.—Царскія рати, такъ не ходятъ; да это и не воеводская высылка—не разъѣздъ.

И онъ тотчасъ же приказалъ казакамъ развѣдать—что̀ тамъ за люди. Нѣсколько казаковъ поскакали по направленію къ сырту. Издали видно было, какъ тамъ, въ невѣдомой толпѣ, при приближеніи казаковъ, стали поднимать на пикахъ шапки. Другіе просто махали шапками и бросали ихъ въ воздухъ.

— Кажись, нашъ братъ—вольная птица,—замѣтилъ Разинъ.

— Что̀-то гуторятъ, руками на насъ показываютъ,—съ своей стороны замѣтилъ есаулъ.—Не калмыки ли?

— Нѣтъ, не калмыки: ни колчановъ, ни стрѣлъ—ничево такова не видать.

Теперь посланные скакали уже назадъ. Они видимо чему-то были рады.

— Ну, что за люди?—окликнулъ ихъ Разинъ.

— Нашей станицы прибыли, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ!—кричали издали:—Васька-Усъ бьетъ тебѣ челомъ всею станицей!

— А! Вася-Усъ!—обрадовался Разинъ:—слыхомъ слышали—видна птица по полету!—Чтожъ—милости просимъ нашей каши отвѣдать: а ужъ заварить заваримъ!—Онъ раньше меня варить началъ.

— Раньше-то, раньше,—подтвердилъ Иванка Черноярецъ,—да только каша ево пожиже нашей будетъ.

— Кулишъ, по-нашему, по-запорожски,—пояснилъ одинъ казакъ изъ бывшихъ запорожцевъ.

Скоро толпы Васьки-Уса стали сближаться съ толпами Разина. Голытьба обнималась и цѣловалась съ голытьбою и казаками. Шумъ, говоръ, возгласы, топотъ и ржаніе коней—картина становилась еще внушительнѣе.

Сошлись и атаманы обоихъ толпищъ. Васька-Усъ, проникнутый уваженіемъ къ славѣ Разина, хоть былъ и старше его и лѣтами, и подвигами, первый сошелъ съ коня и снялъ шапку. Это былъ маленькій, худенькій человѣчекъ, изъ дворовыхъ холопей, уже сѣдой, съ усами неровной величины: одинъ усъ былъ у него выщипанъ по приказанію его вотчинника за то, что онъ, будучи доѣзжачимъ, раньше своего господина затравилъ въ полѣ зайца.

За этотъ усъ Васька и мстилъ теперь всѣмъ боярамъ и вотченникамъ, и за этотъ выщипанный усъ онъ и получилъ свою кличку.

Разинъ тоже сошелъ съ коня, и оба атамана трижды поцѣловались.

— Батюшка Степанъ Тимоѳеичъ!—поклонился Усъ,—прими меня и мою голытьбу въ твое славное войско.

— Спасибо, Василей,—а какъ по отчеству величать—не знаю,—отвѣчалъ Разинъ.

— Трофимовъ,—подсказалъ Усъ.

— Спасибо, Василей Трофимычъ!..

— А я съ тобой, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, и въ огонь, и въ воду.

— И на бояръ?—улыбнулся Разинъ.

— О! да на этихъ супостатовъ я какъ съ ковшомъ на брагу!

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ Н. Я. АѲАНАСЬЕВА.

I.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій.—Его оркестры.—Происхожденіе моего отца.—Моя бабушка.—Ея замужество.—Отъѣздъ моего отца въ Тобольскъ.—Интрига вотчима противъ моего отца.—Семейство богачей Безсоновыхъ.—Увозъ моимъ отцомъ дочери Безсонова и женитьба на ней.—Переѣздъ отца въ Москву.—Переселеніе въ Пермь.—Тогдашняя жизнь въ Перми.—Губернаторъ Тюфяевъ.—Трагико-комическое приключеніе съ Тюфяевымъ.—Печальная участь молодого офицера.—Докторъ Граль.—Пермскіе балы.—Пермское общество.—Пермскій оригиналъ-ростовщикъ.—Гибель его самого и его богатства.

Ъ КОНЦѢ прошлаго столѣтія, мѣсто губернатора во Владимірѣ на Клязьмѣ занималъ князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, извѣстный въ свое время писатель и поэтъ. Богатый человѣкъ, онъ жилъ на широкую ногу, подобно всѣмъ большимъ барамъ тогдашняго времени. Будучи хорошо образованнымъ по своему времени, онъ интересовался не одною только литературою, но и искусствами, преимущественно музыкою. У него былъ свой оркестръ, составленный, отчасти изъ крѣпостныхъ, отчасти изъ наемныхъ людей, для управленія которымъ онъ выписывалъ постоянно артистовъ изъ-за границы. Кромѣ этого, обыкновеннаго (симфоническаго) оркестра, у него былъ еще роговой. О послѣднемъ нынче почти не имѣютъ опредѣленнаго понятія, и ужъ, конечно, врядъ ли кто изъ лицъ современнаго поколѣнія слыхалъ его. Но въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія роговые оркестры были въ большой

славѣ. Всякій инструментъ, входившій въ составъ этихъ оркестровъ, имѣлъ всего только одинъ звукъ; поэтому можно заключить какая трудность была для подобныхъ оркестровъ исполнять сложныя пьесы: музыканты должны были необыкновенно внимательно слѣдить за счетомъ, для того, чтобы взять во время свою ноту. Казалось бы, что вслѣдствіе этой ограниченности звуковъ и репертуаръ пьесъ долженъ быть ограниченнымъ и звуковой эфектъ сомнительнымъ. На дѣлѣ же было совершенно противное: роговые оркестры исполняли весьма разнообразныя пьесы, судя по нѣсколькимъ имѣющимся у меня партитурамъ, перешедшимъ ко мнѣ по наслѣдству изъ библіотеки князя Ивана Михайловича, а эфектъ исполненія былъ, по общимъ отзывамъ, поразительный. Въ запискахъ петербургскихъ старожиловъ и въ повременныхъ изданіяхъ начала нынѣшняго столѣтія можно встрѣтить отзывы полные восхищенія, напримѣръ, о знаменитомъ роговомъ оркестрѣ Нарышкиныхъ. Этихъ оркестровъ, разумѣется, было не много и собственники ихъ очень заботились о томъ, чтобы поддержать ихъ репутацію. Заботился о своемъ оркестрѣ и кн. Иванъ Михайловичъ: если Петербургъ имѣлъ нарышкинскій оркестръ, то и Владиміръ не отставалъ отъ столицы по этой части. Выше я упомянулъ о партитурахъ, принадлежавшихъ князю Долгорукому и перешедшихъ ко мнѣ по наслѣдству. Объяснюсь: у князя было три сына—Алексѣй, Павелъ и Александръ Ивановичи и, кромѣ нихъ, еще побочный сынъ, Яковъ Ивановичъ. Послѣдній былъ моимъ отцомъ. Ему, по дню его рожденія, пришедшагося на св. Аѳанасія, дали фамилію Аѳанасьевъ. Мальчикъ воспитывался въ домѣ князя Долгорукаго наравнѣ съ родными сыновьями. Неизвѣстно какъ бы обернулась его судьба, но князь Иванъ Михайловичъ умеръ, не оставивъ на его счетъ распоряженій, и, послѣ его смерти, моя бабушка взяла моего отца (своего сына) къ себѣ. Бабушка имѣла обезпеченныя средства и прекрасный домъ, настолько хорошо устроенный, что у нея преимущественно останавливались проѣзжіе черезъ Владиміръ сановники,—въ тѣ далекія времена въ провинціи было мало удобныхъ помѣщеній; между прочимъ, у нея стояло и посольство, которое посылалось въ Китай съ подарками отъ русскаго двора.

Матерьяльное состояніе бабушки заставило обратить на нее вниманіе искателей фортуны, между прочимъ, одного господина почтеннаго возроста, считавшагося принадлежавшимъ къ хорошему обществу. Онъ сталъ усердно ухаживать за моей бабушкой и, наконецъ, сдѣлалъ ей предложеніе, которое и было принято. Собственно говоря, ему нужно было только одно: завладѣть состояніемъ бабушки. Чтобы лучше достигнуть этого, онъ постарался удалить моего отца. Подъ разными предлогами, онъ уговорилъ бабушку отправить ея сына въ Тобольскъ. Письма, посы-

лавшіеся отцомъ моимъ къ своей матери изъ Тобольска, онъ перехватывалъ и затѣмъ увѣрилъ жену, что сынъ ея неизвѣстно гдѣ пропалъ. Бѣдная женщина волновалась, плакала, но кончила тѣмъ, что примирилась съ потерею и забыла о сынѣ. Въ свою очередь, отецъ мой, не получая отъ матери ни извѣстій, ни денегъ, которыя сперва она ему посылала, рѣшилъ, что она не желаетъ ему болѣе писать, что она его кинула и зажилъ самостоятельною жизнью. Въ Тобольскѣ въ то время онъ былъ единственнымъ учителемъ, который могъ преподавать предметы входившіе въ курсъ тогдашней гимназіи. Нечего говорить, что время его было всегда на расхватъ, такъ что онъ жилъ не только безбѣдно, но даже роскошно, держалъ лошадей и т. д.

Въ числѣ тобольскихъ домовъ, гдѣ онъ давалъ уроки, находился купеческій домъ Безсонова, родственный тогдашнимъ извѣстнымъ сибирскимъ милліонерамъ Пеленковымъ. Безсоновы считались тоже милліонерами. Въ ихъ сундукахъ лежало не малое состояніе, такъ какъ въ то время не было еще ни процентныхъ бумагъ, ни банковъ и деньги держали дома. Люди они были благочестивые, стараго закала. Отецъ мой влюбился въ дочь Безсонова, которая въ свою очередь полюбила его. О согласіи родителей нечего было и думать. Не говоря уже о томъ, что учительское званіе не имѣло въ глазахъ сибирскаго общества никакаго значенія, мой отецъ еще занимался музыкой, страсть къ которой была имъ унаслѣдована и развилась въ домѣ князя Ивана Михайловича: въ глазахъ же Безсоновыхъ всякій музыкантъ былъ отверженное существо, нѣчто въ родѣ скомороха. Они смотрѣли на музыку совершенно такъ же, какъ смотрѣли на нее наши предки, приписывавшіе дѣйствіе музыки дьявольскому навожденію. Ему поэтому ничего не оставалось больше, какъ увезти свою возлюбленную. Она была довольно рѣшительнаго характера и согласилась на побѣгъ. Все было устроено какъ слѣдуетъ, и въ одинъ прекрасный день она исчезла изъ дома и обвѣнчалась съ моимъ отцомъ. Пожалуй, молодые могли бы разсчитывать на прощеніе родителей. Для этого требовалось повиниться и продѣлать цѣлую формальную процедуру: во-первыхъ нужно было бы, стоя на колѣняхъ передъ ними, слезно заявлять о своемъ раскаяніи. Если бы эти слезы тронули ихъ, то по старинному дѣдовскому обычаю, въ знакъ помилованія они прежде всего стали бы бить виновнаго плеткою. Наказавши, они объявили бы ему прощеніе, но подъ условіемъ, чтобы онъ совершенно бросилъ музыку. За прежнюю же музыку на него наложили бы епитимью: онъ долженъ былъ замаливать въ церкви свой грѣхъ и очиститься отъ дьявола.

На эту процедуру мой отецъ былъ не согласенъ. Если денегъ его новой родни ему было не надобно, то тѣмъ менѣе ихъ самихъ! Онъ зажилъ съ молодой женой весело и спокойно, не заботясь о ро-

дительскомъ гнѣвѣ. Я былъ вторымъ сыномъ и родился въ 1821 году (24-го декабря). Долго оставаться въ Тобольскѣ отцу моему, однако, не представлялось возможности. Въ этомъ городѣ было слишкомъ мало рессурсовъ для лицъ сколько-нибудь интелигентныхъ. Мой отецъ рѣшилъ переѣхать въ Москву, что и исполнилъ въ 1828 году. Проѣздомъ въ Москву, онъ остановился во Владимірѣ, чтобы узнать о судьбѣ своей матери. Онъ нашелъ ее уже не въ роскоши, а въ бѣдности и вдовой. Оказалось, что покойный вотчимъ его, постаравшійся сплавить своего пасынка въ Тобольскъ, быстро спустилъ все имѣніе своей жены. Можно себѣ представить изумленіе и радость моей бабушки, совершенно нежданно увидавшей того, кого она не считала уже въ живыхъ. Когда выяснились разныя подробности дѣла и отецъ разсказалъ бабушкѣ всю исторію, когда, наконецъ, она поняла обманъ своего мужа, то упала безъ чувствъ и пришлось потратить не мало усилій, чтобы привести ее въ себя. Отецъ желалъ, чтобы бабушка поѣхала съ нами въ Москву, но она не хотѣла обременять собою сына и наотрѣзъ отказалась.

Въ Москвѣ отецъ опредѣлился въ театръ, для вступленія въ который выдержалъ блистательно экзаменъ: онъ былъ хорошій скрипачъ. Характера онъ былъ, однако, не посѣдливаго, а самая Москва ему не особенно нравилась. Черезъ нѣсколько времени, довольно скоро, онъ оставилъ ее тѣмъ легче, что получилъ выгодное приглашеніе въ Пермь. Здѣсь онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ и даже, думая совсѣмъ основаться въ этомъ городѣ, купилъ было домъ. Тогдашняя Пермь былъ небольшимъ городомъ, имѣвшимъ три или четыре улицы, выходившія прямо съ одной стороны въ поле, съ другой — въ лѣсъ. Каменныхъ домовъ было не болѣе 10 или 15: остальные были деревянные, маленькіе и жалкіе; большинство изъ нихъ принадлежало такъ называемымъ поселыцикамъ изъ бывшихъ арестантовъ и ссыльныхъ, которыхъ при отправленіи въ Сибирь оставляли въ Перми, если они знали какія-нибудь ремесла. Такіе ссыльные, проживъ въ Перми извѣстное число лѣтъ безпорочно, получали полную свободу и приписывались къ городскому обществу въ мѣщане.

Нечего и говорить, что какихъ-либо удобствъ или благоустройства въ тогдашней Перми не было. Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ собиралась мѣстная публика, была бесѣдка, родъ ротонды, похожей на ту, которая ставится въ Петербургѣ около Зимняго дворца при водосвятіи. Ротонда стояла на берегу Камы. Эта величественная рѣка собственно и составляла единственную красоту и роскошь города. Недалеко отъ ротонды помѣщалась каменная гауптвахта, гдѣ по вечерамъ военный оркестръ игралъ зорю. Публика собиралась слушать зорю и гулять по набережной между ротондою и гауптвахтою. Слушать, впрочемъ, было нечего, потому что

полковые музыканты, какъ всѣ вообще военные оркестры того времени, были очень плохи.

Губернаторомъ въ Перми былъ тогда Кириллъ Ивановичъ Тюфяевъ, большой любитель красоты, въ особенности женской. Въ качествѣ любителя изящнаго, онъ обращалъ преимущественно вниманіе на два женскія училища, существовавшія въ городѣ. Ради этого покровительства, отъ губернаторскаго дома были проложены деревянные тротуары къ обоимъ училищамъ, находившимся на противуположныхъ концахъ города, въ слободахъ, изъ которыхъ одна называлась Егошино, а другая—Слутка. Эти тротуары были единственными въ городѣ. Такимъ образомъ, склонность губернатора къ изящному не осталась безъ пользы для города, хотя находились и такіе мѣстные остряки, которымъ эта склонность дала поводъ къ юмористическому стихотворенію, начинавшемуся, сколько помню такъ:

«Ахъ, Кириллъ, Кириллъ
«Много пакостей творилъ:
«Отъ Егошина до Слутки
«Тротуары сдѣлалъ въ сутки».

Но у Тюфяева были склонности и менѣе платоническія. Онъ, напримѣръ, покровительствовалъ нѣкой г-жѣ Петровской, жившей въ сосѣднемъ съ нами домѣ. Кириллъ Ивановичъ часто навѣщалъ ее. Все шло благополучно, но одинъ разъ чуть было не разыгралась трагедія. Она, впрочемъ, и разыгралась, но только не для него. Братъ губернаторской возлюбленной, находившійся въ Петербургѣ, или въ Москвѣ, въ военной службѣ, имѣлъ какое-то дѣло въ Перми. Желая сдѣлать сюрпризъ сестрѣ, которую давно не видалъ, онъ, не предваряя ее о своемъ пріѣздѣ, пріѣхалъ въ Пермь, вошелъ въ ея квартиру и—о ужасъ!—въ ея спальнѣ засталъ Кирилла Ивановича въ совершенномъ дезабилье. Внѣ себя отъ гнѣва, и, можетъ быть, не зная, съ какою особою имѣетъ дѣло, онъ выхватилъ свою саблю и хотѣлъ сдѣлать изъ губернатора котлетку. Кириллъ Ивановичъ вырвался, успѣвши захватить только свой фракъ со звѣздою и, выпрыгнувъ въ окно, добѣжалъ въ этомъ несложномъ костюмѣ до кареты, дожидавшейся его обыкновенно на углу улицы. Хотя онъ былъ страшно разгнѣванъ, но, однако, не потерялся и сдѣлалъ необходимыя распоряженія. Братъ съ сестрой еще продолжали объясняться, какъ въ квартиру г-жи Петровской явились жандармы, схватили молодого офицера и отвезли безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ сумасшедшій домъ, гдѣ ему пришлось просидѣть ни больше ни меньше какъ шесть лѣтъ. Письма и жалобы его къ начальству и знакомымъ по адресу не доходили. Только послѣ этого долгого срока ему удалось какъ-то передать прошеніе жандармскому офицеру, присланному изъ Петербурга ревизовать тюремныя и иныя учрежденія въ городахъ

Восточной Россіи. Когда дѣло разъяснилось, бѣднаго заключеннаго немедленно освободили, а сестру его, продолжавшую попрежнему пользоваться расположеніемъ губернатора, послали въ дальній сѣверный монастырь; что же касается до Кирилла Ивановича, то его просто перевели въ другую губернію. Я видѣлъ, какъ пріѣхала кибитка съ жандармами за г-жей Петровской. Безъ дальнѣйшихъ проволочекъ ее усадили и увезли.

Среди пермскаго общества того времени было нѣсколько очень хорошихъ семействъ и интересныхъ для меня лицъ.

Между ними слѣдуетъ особенно отмѣтить доктора Ѳедора Христофоровича Граля, считавшагося всѣми въ городѣ отцомъ и благодѣтелемъ. Это былъ замѣчательный по добротѣ и сердечности, отличный медикъ, вообще прекрасно образованный человѣкъ. Такіе люди вездѣ встрѣчаются весьма рѣдко. Онъ былъ генералъ и имѣлъ много орденовъ, но генеральство въ противность прежнимъ понятіямъ объ этомъ санѣ — не мѣшало ему имѣть столь добродушное и всегда веселое лицо, что объ его чинѣ никому не приходило въ голову. Теперь, пожалуй, не рѣдкость встрѣтить генераловъ, по внѣшнему виду не отличающихся отъ обыкновенныхъ смертныхъ, но тогда генералъ одною своею наружностью показывалъ, какъ далеко стоятъ отъ него всѣ и каждый. Совсѣмъ инымъ былъ добрѣйшій Ѳедоръ Христофоровичъ. Однимъ своимъ веселымъ видомъ и простымъ обращеніемъ, онъ успокоивалъ и ободрялъ больныхъ. Жилъ онъ въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, состоявшемъ изъ четырехъ комнатъ. Съ 6-ти часовъ утра до 11-ти ночи онъ былъ занятъ посѣщеніями больныхъ. Бѣдныхъ, мало того, что лечилъ даромъ, но еще покупалъ имъ на свои деньги лекарства, и нерѣдко самъ ихъ приносилъ и подавалъ больнымъ. Я видѣлъ разъ, какъ онъ пришелъ въ избу, гдѣ лежала старая женщина. Домашнихъ никого не было: всѣ ушли на работу. Узнавъ, что больная ничего не ѣла, потому что не могла подняться съ постели, почтенный Ѳедоръ Христофоровичъ самъ полѣзъ въ печку и накормилъ ее. За то не только весь городъ, но весь Пермскій уѣздъ любилъ и уважалъ его отъ всей души. Меня уже не было въ Перми, когда онъ умеръ, но мнѣ сообщали, что гробъ его провожалъ весь городъ и народу собралось изъ окрестностей до 50-ти тысячъ. Это самая лучшая оцѣнка его жизни! Въ день его имянинъ, пермское дворянство всегда давало ему великолѣпный балъ. Танцовали до упаду. Танцы въ тѣ времена были не теперешнія: тогда танцовали экоссезъ, русскую кадриль, менуэтъ, гавотъ, матрадуръ, манемаско, гросъ-фатеръ; изъ теперешнихъ танцевъ въ ходу были: мазурка и котильонъ. Котильонъ (съ фигурами) танцовался передъ ужиномъ: имъ собственно кончался балъ. Начинали же балъ всегда польскимъ, который танцовался и послѣ ужина: этотъ польскій переходилъ въ попури, состояв-

шее изъ самыхъ разнообразныхъ танцевъ; иногда мужчины плясали тутъ даже въ присядку. Помню, что лучшими танцорами тогдашнихъ пермскихъ баловъ были два горныхъ инженера—Туманскій и В. В. Самойловъ. Самойловъ потомъ вышелъ въ отставку, поступилъ на императорскую сцену и былъ знаменитымъ актеромъ. Танцовала, разумѣется, молодежь, а болѣе пожилые люди играли въ карты, причемъ обыкновенно любимою игрою былъ банкъ. Такъ дѣлалось не только на балахъ, дававшихся Ѳедору Христофоровичу, но на всѣхъ собраніяхъ и вечерахъ пермскаго общества. Такъ какъ золота въ то время было не мало, то на всѣхъ игорныхъ столахъ виднѣлись кучи его или же груды ассигнацій, доходившія до нѣсколькихъ тысячъ и легко переходившія отъ одного къ другому.

Какъ-то на одномъ изъ этихъ баловъ, я подошелъ къ банкомету въ то время, когда онъ выигралъ. Выигрышъ былъ приписанъ моему счастію. Банкометъ загребъ кучу и изъ нея взялъ безъ счету цѣлую горсть ассигнацій и сунулъ мнѣ ее въ карманъ. Его примѣру послѣдовали и другіе игроки: всякій изъ выигравшихъ клалъ мнѣ деньги. Такимъ образомъ, у меня неожиданно очутилось 600 рублей, которые чуть не подали поводъ къ нѣкоторой непріятности у насъ. Именно, деньги я сосчиталъ уже дома, но такъ какъ окно не было закрыто сторой, а мы жили въ нижнемъ этажѣ, то вѣрно какой-нибудь прохожій, замѣтивши, какъ я считаю деньги, вздумалъ ими воспользоваться. Безъ дальнѣйшихъ околичностей, онъ выломалъ одну раму и хотѣлъ было приняться за другую, но произведенный имъ стукъ разбудилъ мою матушку. Воръ, замѣтя движеніе въ домѣ, скрылся и не безпокоилъ насъ болѣе.

Въ Перми, впрочемъ, занимались не одними картами: въ мое время пользовалась вниманіемъ и музыка. Музыкальные вечера были у Дягилевыхъ и Михаелисъ, у Девилье и у нѣкоторыхъ другихъ. Сынъ Девилье, Павелъ Александровичъ, предсѣдатель казенной палаты, прекрасно игралъ на скрипкѣ. Г-жа Михаелисъ была прекрасной піанисткою. Нѣкоего Саржинскаго слѣдовало считать также прекраснымъ скрипачемъ. Были и другіе, въ особенности изъ числа сосланныхъ поляковъ, которыхъ въ Перми было особенно много; всѣ они принадлежали къ людямъ хорошихъ фамилій и образованнымъ. Поляковъ, жившихъ въ Перми, было такъ много, что они устроивали даже спектакли на польскомъ языкѣ и балы. Особенно живо я помню одного польскаго графа, ходившаго къ намъ и игравшаго на нашемъ инструментѣ. Я всегда удивлялся его силѣ и техникѣ, но отецъ мой боялся, что его инструментъ не выдержитъ игры графа, а такъ какъ въ Перми не было никого, кто бы могъ не только исправить инструментъ, но даже настроить его, то отцу наконецъ пришлось отказать графу, чрезвычайно огорчившемуся запрещеніемъ.

Таково было высшее пермское общество. Среди мѣщанъ и низшаго класса были замѣчательные субъекты. Одинъ изъ нихъ жилъ рядомъ съ нами. Онъ имѣлъ оригинальную кличку «самовара», вѣроятно потому, что самоваръ служилъ ему рѣшительно всѣмъ: комнату свою онъ никогда не топилъ, а нагрѣвалась она самоваромъ; въ самоварѣ же онъ варилъ себѣ и кушанье. Столъ его нельзя было назвать разнообразнымъ, такъ какъ онъ ничего не ѣлъ, кромѣ картофеля, за который кстати никогда и не платилъ. Дѣлалъ онъ это такимъ образомъ: почти во всякомъ домѣ былъ огородъ, гдѣ росли капуста, картофель и проч. Онъ дожидался сбора овощей, и тогда просилъ позволенія перекопать гряды, собиралъ случайно оставшіяся овощи, складывалъ ихъ въ мѣшокъ и уносилъ домой. Такимъ путемъ онъ накоплялъ себѣ годовой запасъ провизіи. Жилъ онъ въ деревянной лачугѣ, состоявшей изъ трехъ маленькихъ комнатъ. Одна служила ему складомъ провизіи, собранныхъ щепокъ, палокъ, углей. Далѣе слѣдовала комната, двери которой были всегда заперты бревномъ; въ третьей же комнатѣ жилъ онъ самъ. Тамъ стоялъ его знаменитый самоваръ и большой желѣзный ящикъ. Эта комната вся была обита войлокомъ. Сюда онъ уже никого не пускалъ; посѣтители принимались только въ предыдущей комнатѣ. Къ нему приходили за деньгами, которыя онъ давалъ подъ большіе проценты и всякими суммами; у него можно было занять даже 10 копеекъ на нѣсколько дней, конечно, съ процентами. Кромѣ отдачи денегъ въ ростъ, онъ бралъ также и заклады, принимая ихъ опять-таки отъ всѣхъ и каждаго. Одѣвался онъ всегда въ заложенныя вещи и щеголялъ не рѣдко въ женскомъ салопѣ, спалъ на своемъ драгоцѣнномъ сундукѣ, постилая на немъ только войлокъ; изъ скупости даже не держалъ собаки, потому что ее надо было бы кормить, но для устрашенія воровъ онъ регулярно каждый вечеръ принимался нѣсколько разъ лаять по-собачьи. Однажды, послѣ скромнаго обѣда, онъ по обычаю заперъ дверь комнаты бревномъ и ушелъ, не замѣтя, что въ самоварѣ рѣшетка прогорѣла и угли вывалились на полъ. Полъ загорѣлся, а затѣмъ быстро вспыхнула хата. Сосѣди не могли отворить дверь, запертую толстымъ бревномъ; ударили въ набатъ. Начали сбѣгаться обыватели, кто съ багромъ, кто съ топоромъ, кто съ ведромъ, или веревкой: какой-нибудь правильной пожарной команды тогда въ провинціальныхъ городахъ еще не было. Вдругъ черезъ толпу какъ вихрь промчался весь растерянный блѣдный «самоваръ», узнавшій о пожарѣ своего дома. Когда онъ увидѣлъ, что горитъ комната, гдѣ стоялъ его драгоцѣнный сундукъ, онъ совсѣмъ обезумѣлъ и, воскликнувъ—«гори мое добро и я съ нимъ»—бросился въ огонь, изъ котораго его не хотѣли или не могли вытащить: такъ онъ и погибъ. Въ этомъ сундукѣ потомъ оказалось слишкомъ сто тысячъ рублей золотомъ, серебромъ и мѣдью. Эта катастрофа произвела на меня удручающее впечатлѣніе; я въ

первый разъ видѣлъ пожаръ и притомъ съ такимъ трагическимъ концомъ: ужасная картина долго рисовалась въ моемъ воображеніи.

Жизнь въ Перми была тогда очень дешева. Большой, напримѣръ, возъ березовыхъ дровъ стоилъ 10 копеекъ. За фунтъ самой лучшей черкаской говядины платили алтынъ, т. е. три копейки ассигнаціями; штофъ молока стоилъ 3 коп. Калачи и тогда существовали въ такой же формѣ, какъ теперь. О калачахъ я помню потому, что однажды баба, продававшая ихъ на базарѣ, на повалъ убила другую, поссорившись съ нею и ударивъ ее мерзлымъ калачемъ по виску.

И образованное общество Перми и необразованные пермяки того времени вѣрили въ домовыхъ, въ привидѣнія и во всѣ существа фантастическаго міра. Нечего и говорить, что поэтому почти не находилось дерзкаго, кто рѣшился бы отрицать сверхъестественную силу колдуновъ, колдуній, ворожей и знахарей.

Въ Перми этихъ кудесниковъ было много и объ ихъ дѣяніяхъ разсказывали всевозможныя чудеса. Напримѣръ, къ одной колдуньѣ, жившей на самомъ концѣ города, въ разрушенной хижинѣ, леталъ по ночамъ огненный змѣй. Почти весь городъ видѣлъ этого змѣя, его полетъ по небу, видѣлъ какъ онъ спускался именно надъ ея хижиной; даже моя матушка видала его. Вѣроятно, суевѣрные пермяки объясняли змѣемъ падавшіе метеоры. У насъ въ домѣ повадился было ходить по ночамъ домовой; всѣ въ квартирѣ слышали даже его походку, слышали какъ онъ, мягко ступая по полу, ѣстъ хлѣбъ, оставшійся въ кухнѣ и пьетъ. Утромъ находили, что хлѣбъ съѣденъ, а квасъ или пиво выпиты. Я ужасно боялся этого домового, боялся, чтобы онъ не пришелъ ко мнѣ. Къ моему счастью, наконецъ, загадка была разрѣшена самымъ прозаическимъ образомъ моимъ отцомъ. Домовымъ оказался деревенскій мальчикъ, Гаврила, жившій у насъ же въ услуженіи. Просыпаясь по деревенскому обычаю очень рано, совсѣмъ еще ночью, онъ слѣзалъ съ палатей, отправлялся къ столу, гдѣ лежалъ хлѣбъ и затѣмъ запивалъ свою трапезу квасомъ; потомъ снова ложился спать. Но и этому объясненію наши домашніе не хотѣли вѣрить и остались при своемъ убѣжденіи.

Свободнаго времени у меня въ Перми было достаточно — учился тогда я еще не много — и пользовался свободою, чтобы шататься по городу. На улицѣ было вездѣ много нищихъ. Они сидѣли или лежали на папертяхъ, площадяхъ, и вообще въ людныхъ мѣстахъ. Среди нихъ было не мало и воровъ, и настоящихъ разбойниковъ, притворявшихся изувѣченными, на самомъ же дѣлѣ высматривавшихъ гдѣ бы можно устроить какое-нибудь «дѣло». Были и калики-перехожіе, наши русскіе трубадуры. Калика обыкновенно садился на землю, поджавъ ноги и

поставя передъ собою деревянную, крашенную золотыми разводами чашку. Около него всегда можно было видѣть собравшійся кружокъ, который охотно слушалъ пѣніе; слушатели бросали въ чашку деньги. Мнѣ такимъ образомъ пришлось слышать не мало любопытныхъ легендъ и народныхъ преданій. Къ сожалѣнію, большинство ихъ смутно удержалось въ моей памяти, вытѣсненное другими впечатлѣніями. Да и въ народѣ, какъ извѣстно, далеко не всякій запоминаетъ эти былины и хорошихъ разсказчиковъ былинъ и духовныхъ стиховъ вообще встрѣчается не много.

II.

Пребываніе въ Екатеринбургѣ.—Заводчикъ Зотовъ.—Переселеніе въ Москву.—Первое публичное появленіе мое въ концертѣ.—Московскіе меломаны.—Фильдъ.—Иностранныя музыкальныя знаменитости въ Москвѣ.—Скрипачъ Арто.—Мое поступленіе въ московскій театръ первою скрипкою.—Тогдашній московскій театральный оркестръ.—Верстовскій и Загоскинъ.—Тогдашніе театральные нравы.—Мочаловъ.

Среди такихъ, довольно однообразныхъ, какъ видитъ читатель, но не лишенныхъ поэзіи впечатлѣній, проходило мое дѣтство. Я прилежно читалъ и любимымъ моимъ чтеніемъ были священныя книги — Четьи-Минеи, житія святыхъ. Подъ вліяніемъ этого чтенія, я собирался посвятить себя монашеской жизни, внѣ которой все казалось мнѣ не стоющимъ вниманія. Все, что̀ мнѣ дарили, все, что̀ я имѣлъ, я отдавалъ нищимъ: ихъ же было такъ много во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ намъ приходилось жить!

Мой отецъ, оставивъ Пермь, гдѣ мы провели нѣсколько лѣтъ, переѣхалъ сперва въ Кунгуръ, потомъ въ Камышловъ и Ирбитъ. Эти города у меня впрочемъ ничего не оставили въ памяти. Наоборотъ Екатеринбургъ, куда мой отецъ былъ приглашенъ извѣстными въ то время уральскими заводчиками, Харитоновымъ и Зотовымъ, представляется мнѣ такъ ясно, какъ будто я еще живу въ немъ. Изъ лицъ екатеринбургскаго общества особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на меня самъ Зотовъ, старикъ съ длинною сѣдою бородой и почтеннымъ видомъ. Онъ находился подъ судомъ и считался арестованнымъ, обвиненный въ убійствѣ, совершенномъ имъ звѣрскимъ образомъ надъ однимъ изъ его заводскихъ людей. У Зотова были чугунно-желѣзные заводы—Кыштымъ, Ураимъ и Касли, находившіеся за уральскимъ хребтомъ. Если и теперь на уральскихъ заводахъ не оберешься жалобъ на произволъ хозяевъ, то можно себѣ представить, что творилось тамъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, какую длинную лѣтопись несправедливостей и ужасовъ всякаго рода можно было бы представить, если бы кто далъ

себѣ трудъ составить ее. Не могу сказать въ точности выдавался ли Зотовъ суровостью среди другихъ заводчиковъ. Очень можетъ быть, что нѣтъ. Во всякомъ случаѣ у него на заводахъ дѣлалось не мало несправедливостей. Одинъ изъ его рабочихъ протестовалъ противъ нихъ; его протестъ сильно напугалъ владѣльца, тѣмъ болѣе, что недовольныхъ была масса: несчастный поплатился жизнью за свою рѣшимость. Но какъ-то этотъ случай не удалось замять и началось дѣло. Зотовъ былъ арестованъ, правда, домашнимъ арестомъ, а его домъ былъ чистый дворецъ. Да и арестъ обозначался только тѣмъ, что въ передней этого дворца помѣщался солдатъ съ ружьемъ. Солдаты, назначавшіеся сюда на дежурство, считали послѣднее праздникомъ для себя. Ихъ отлично поили, кормили; сидя въ теплой передней, они могли дѣлать что̀ имъ было угодно, преспокойно поставивъ свое ружье къ стѣнкѣ. Арестованный Зотовъ жилъ, ни мало не стѣсняя себя, дѣлалъ что̀ ему угодно, распоряжался своими дѣлами, приглашалъ къ себѣ кого хотѣлъ, слушалъ музыку — онъ былъ большой любитель ея,—тратилъ огромныя деньги на картины и т. д. По прошествіи десяти лѣтъ, за давностью срока, онъ былъ освобожденъ отъ суда; тѣмъ все и кончилось. Если не ошибаюсь, вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ конкурсъ надъ его дѣлами, продолжающійся до настоящаго времени. Заводы Зотова были очень велики, и расположены въ великолѣпной мѣстности. Громадныя озера и горы, заросшія вѣковымъ лѣсомъ, представляли картины одна живописнѣе другой. Дичи, птицъ и звѣрей, начиная отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ, было множество. Въ изобиліи водились бурые медвѣди, дикія козы, словомъ всевозможная дичь, за которою тогда почти никто не охотился: въ этомъ отношеніи край былъ почти дѣвственный. О количествѣ дичи можно судить потому, что нашъ поваръ, ѣздившій иногда за 8 верстъ отъ города въ деревню, всегда возвращался съ 10, 15 штуками дичи, убитой имъ мимоходомъ на пути. На заводахъ мнѣ случалось проѣзжать совсѣмъ близко мимо утокъ и другихъ дикихъ птицъ, которыя оставались спокойными. Медвѣди были громадны. Я помню, что въ Уранмѣ охотникъ привезъ убитаго имъ бураго медвѣдя; онъ былъ величиною съ добрую корову. И на такихъ-то животныхъ въ ту пору охотились одинъ на одинъ, только съ винтовкою и обоюдоострымъ ножомъ.

Интелигентнаго общества въ Екатеринбургѣ того времени почти не было. Населеніе его состояло изъ чиновниковъ, немногихъ купцовъ и рабочаго люда, такъ что трудно даже было и поддерживать съ кѣмъ-либо знакомство. Между тѣмъ, я и братья подростали; приходилось думать о нашемъ воспитаніи. Школъ же въ Екатеринбургѣ было мало; если не ошибаюсь, не было даже и гимназіи.

Отецъ мой, зная что его братья, князья Павелъ и Александръ

Долгорукіе, живутъ постоянно въ Москвѣ, и разсчитывая на ихъ содѣйствіе, рѣшился вернуться снова въ первопрестольную столицу. Туда мы и переѣхали въ 1828 году. Устроившись кое-какъ, отецъ повезъ меня къ Павлу Ивановичу Долгорукому. Онъ меня поразилъ своимъ сходствомъ съ моимъ отцомъ. Князь и княгиня ласково меня приняли, но съ отцомъ не сближались. Мнѣ казалось, что они какъ будто тяготятся его присутствіемъ, да кажется оно такъ и было, потому что мой отецъ скоро пересталъ бывать у нихъ въ домѣ. Напротивъ, за мной они часто присылали экипажъ и праздники я всегда проводилъ у нихъ. Князь Павелъ Ивановичъ былъ большой любитель музыки, игралъ хорошо на фортепьяно; мы съ нимъ часто упражнялись въ четыре руки; дома же я преимущественно занимался скрипкою: идеи о монашеской жизни въ Москвѣ оставили меня. Второй мой братъ изучалъ віолончель и впослѣдствіи сдѣлалъ на ней большіе успѣхи. Такимъ образомъ, у насъ въ домѣ могли устроиваться тріо и квартеты, игрались произведенія камерной музыки. Можетъ быть однако изъ меня не вышло бы вовсе виртуоза, если бы не случайное обстоятельство. Въ это время пріѣхали въ Москву два брата Эйхгорнъ, малолѣтніе, но талантливые скрипачи. Они дали нѣсколько концертовъ съ большимъ успѣхомъ. Мой отецъ, прослушавъ ихъ, рѣшилъ, что и мы съ братомъ смѣло можемъ выступить публично. Мы разучили тѣ же пьесы что и Эйхгорны и дали концертъ, прошедшій вполнѣ успѣшно. Съ этого времени начались у меня и усиленныя артистическія занятія, и моя трудовая жизнь. Я началъ доставать деньги, играя квартеты, давая концерты, аккомпанируя пѣвцамъ и пѣвицамъ; моя репутація понемногу стала рости. Я даже могъ содержать всю нашу семью своими трудами, такъ какъ здоровье отца довольно скоро послѣ переѣзда нашего въ Москву стало слабѣть. Но работа мнѣ не была въ тягость; напротивъ, мнѣ все казалось легкимъ и доступнымъ. Безусловно всѣ музыкальные дома въ Москвѣ мнѣ были извѣстны, а такихъ домовъ, гдѣ собирались напримѣръ для игры квартетовъ, было не менѣе 15. Постоянные квартеты были еженедѣльно у Ивана Александровича Нарышкина, почему-то прозваннаго «пѣтушкомъ», у Бровцына, у князя Шаховскаго, у генерала Бутовскаго, у графа Гудовича, владѣльца знаменитаго віолончеля Страдиваріуса, который послѣ его смерти достался Маркевичу; другой подобный віолончель въ Россіи былъ только у графа Віельгорскаго, именно тотъ самый, который впослѣдствіи графомъ подаренъ К. Ю. Давыдову. Замѣчу здѣсь кстати, что за свой віолончель графъ Гудовичъ уплатилъ прекрасною каретою, четверкою вороныхъ лошадей, съ лакеемъ и кучеромъ съ ихъ семействами на придачу. У всѣхъ названныхъ выше лицъ собирались разъ въ недѣлю лучшіе московскіе артисты. Въ Москвѣ былъ въ то время прекрасный квартетъ, состоявшій изъ слѣдующихъ лицъ:

скрипача Грасси, альтиста Аматова, віолончелиста Шмидта; вторую скрипку иногда игралъ я. Если хотите, я долженъ сказать, что музыкою тогда, повидимому, занимались больше теперешняго; но какая разница во всемъ въ пользу нашихъ дней—и въ пониманіи сочиненій, и въ репертуарѣ, и въ уровнѣ музыкальной образованности и даже въ самой техникѣ! Репертуаръ московскихъ меломановъ былъ вполнѣ салонный. Въ фортепьянной литературѣ господствовали Штейбельтъ, Черни (этотъ особенно нравился москвичамъ), потомъ Герцъ, т. е. авторы безусловно безсодержательные, но съ раскатистою техникою. Въ камерной музыкѣ царилъ нѣкто Гебель, о которомъ теперь никто и понятія не имѣетъ: это была смѣсь Онслова съ замашками и претензіями на Бетховена. Затѣмъ игралась гайдновская и моцартовская музыка. Что касается Бетховена, то онъ вообще въ Москвѣ не признавался. Да и о какой серьезной музыкѣ можно было серьезно толковать московскимъ меценатамъ-меломанамъ, если у нихъ въ домѣ, на вечерахъ у Ивана Александровича Нарышкина напримѣръ, разыгрывались и пользовались огромнымъ успѣхомъ такія полуитальянскія, полумосковскія музыкальныя творенія какъ «Несчастье отъ кареты» и тому подобная чепуха?! Бетховенъ и въ Петербургѣ, уже въ болѣе позднее время, не пользовался сочувствіемъ музыкальнаго міра, по крайней мѣрѣ Бетховенъ послѣдняго періода. Въ пятидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ не шли далѣе «разумовскихъ» квартетовъ[1]). Я помню, что разъ какъ-то мы пробовали у А. Ѳ. Львова играть одинъ изъ «голицынскихъ» квартетовъ[2]) и Алексѣй Ѳеодоровичъ сказалъ мнѣ:

— Какъ вы, Николай Яковлевичъ, не видите, что это писалъ сумасшедшій?

По части скрипичной спеціальнымъ успѣхомъ въ Москвѣ пользовались варіаціи Роде; вообще же пріѣзжіе и мѣстные виртуозы угощали слушателей всякою чепухой, отъ которой слушатели были въ восторгѣ. Я забылъ назвать Фильда среди фортепьянныхъ героевъ Москвы. Фильдъ былъ спеціально московская знаменитость, нѣчто въ родѣ ея полубога: геній и отчаянный неряха, неряшество котораго подходило подстать Москвѣ, но не отвѣчало его англійскому происхожденію. Его на перерывъ приглашали всюду и его посѣщенія весьма цѣнились. За нимъ всюду слѣдовалъ одинъ изъ его учениковъ съ подушкою особаго рода, такъ какъ отъ сидячей жизни Фильдъ сильно страдалъ геммороемъ. На обѣдахъ для него обязательно подавалась гречневая каша и шампанское à discretion. Онъ игралъ въ самомъ дѣлѣ превосходно; техника его отличалась замѣчательною отчетливостью, а туше мягкостью; звуки его игры можно было бы сравнить съ колокольчиками или

---

[1]) Квартеты Бетховена, посвященные графу Разумовскому.

[2]) Квартеты Бетховена, посвященные князю Голицыну.

съ пересыпаніемъ жемчуга на блюдѣ. При его игрѣ можно было въ самомъ дѣлѣ воскликнуть:

«Точно сыплется жемчугъ
«На серебряное блюдо!»

При этомъ въ игрѣ его было дѣйствительно много вкуса. Объ общемъ характерѣ ея могутъ дать наилучшее понятіе его фортепьянные концерты и ноктюрны. Вообще съ нимъ ужъ не могло быть того, что случалось не рѣдко съ Листомъ въ его московскихъ концертахъ: это то, что Листъ путалъ напропалую и въ чужихъ и въ собственныхъ сочиненіяхъ. Одинъ изъ концертовъ, гдѣ онъ игралъ фантазію на «Лукрецію Борджію», мнѣ остался особенно памятнымъ въ этомѣ отношеніи. Но возвращаюсь къ московскому квартету и его любителямъ. Иванъ Александровичъ Нарышкинъ на своихъ вечерахъ игралъ обыкновенно первую скрипку въ квартетѣ. Но такъ какъ игралъ онъ отчаянно, то артисты втихомолку подсмѣивались надъ нимъ и толка выходило не много. Не лучше шло и у другихъ знатныхъ любителей. Находясь въ квартетѣ, о которомъ я сказалъ выше, мнѣ случалось играть со всевозможными знаменитостями, посѣщавшими Москву, съ Оле-Булемъ, Липинскимъ и др. Оле-Буль производилъ особенный фуроръ въ Москвѣ своею игрой. Затѣмъ я слышалъ всѣхъ, посѣщавшихъ тогда Москву иностранныхъ артистовъ,—Гаумана (скрипача), Вьетана, Леопольда Мейера, Тальберга, Листа, Берліоза и другихъ. Всѣ эти артисты пользовались самымъ лестнымъ вниманіемъ московскаго общества. За ними ухаживали, гонялись и московскіе салоны, отбивали ихъ одинъ отъ другого. Нѣкоторые изъ этихъ знаменитостей, пользуясь такимъ отношеніемъ къ нимъ общества, рѣшительно не стѣснялись. Помню, что на обѣдѣ въ одномъ домѣ скрипачъ Арто,—кажется отецъ извѣстной впослѣдствіи пѣвицы,—преспокойно бросился на диванъ между двумя дамами, графиней Гудовичъ и графиней Апраксиной; мало того, взявъ у одной изъ нихъ брильянтовую булавку, онъ началъ чистить зубы, потомъ отдалъ обратно,—и наши дамы остались вполнѣ довольны!

Въ 1838 году я поступилъ въ московскій театръ первою скрипкою. Оркестръ тогдашняго московскаго театра скорѣе можно было считать посредственнымъ чѣмъ хорошимъ; были нѣкоторые превосходные артисты между скрипачами, віолончелистами и среди деревянныхъ инструментовъ,—особенно между послѣдними выдавался кларнетистъ Титовъ, отличавшійся превосходнымъ мягкимъ тономъ,—но на вторыхъ пультахъ сидѣли плохіе и посредственности, а дирижеры не заботились о выправкѣ оркестра, о достиженіи ансамбля. Поэтому сплошь и рядомъ исполненіе было зауряднымъ и по просту не чистымъ. Нѣкоторые изъ музыкантовъ оркестра, получая не ахти какое жалованье, предпочитали какое угодно анятіе своему настоящему дѣлу. Очень нерѣдко они не являлись

на репетиціи, а иногда и къ спектаклю. Вообще дѣлали что хотѣли и играли небрежно. Нравственное развитіе ихъ было не особенное, такъ что у поссорившихся между собою музыкантовъ порою происходили въ антрактахъ оперы драки.

Репертуаръ оперный былъ по преимуществу иностранный, хотя давались и русскія оперы, въ особенности оперы Верстовскаго, бывшаго тогда инспекторомъ театра: «Аскольдова могила», производившая фуроръ, «Громобой», «Вадимъ» и т. д. Директоромъ театра былъ знаменитый романистъ М. Н. Загоскинъ, человѣкъ въ музыкѣ ничего не понимавшій. Помню, что когда только-что прибавили къ оркестру оффиклеидъ, который прежде не входилъ въ его составъ, добродушный Загоскинъ хвастался новымъ инструментомъ и показывалъ его всѣмъ какъ какого звѣря. Онъ нарочно даже привезъ въ театръ министра двора, посѣтившаго Москву, чтобы показать ему «чудовище».

А. Н. Верстовскій былъ добрый человѣкъ, но страшный волокита, всегда находившійся подъ вліяніемъ одного изъ своихъ «предметовъ»; наиболѣе вліянія среди его возлюбленныхъ имѣла на него актриса Рѣпина. Вѣроятно, глядя на слабости начальства имъ подражали и подчиненные, включая учениковъ театральнаго училища. Парочки были всюду и никто не стѣснялся. Разъ при представленіи оперы «Водовозъ» поднявшаяся занавѣсь показала одну изъ этихъ парочекъ въ такомъ видѣ, что произошелъ дѣйствительно громадный скандалъ. Кого слѣдуетъ винить за подобное положеніе дѣла, предоставляю судить читателямъ. Помню, напримѣръ, что однажды, въ бытность мою на службѣ въ Петербургѣ, случилось всему оркестру во время полнаго хода репетиціи ожидать ровно четверть часа пѣвицу, удалившуюся съ Гедеоновымъ въ уборную. Да и вообще тотъ вѣкъ по части нравовъ былъ свободный. Достаточно вспомнить, напримѣръ, хотя бы безобразные кутежи Листа въ Петербургѣ и въ Москвѣ...

Театръ москвичи посѣщали усердно, въ особенности драматическій. Тогда еще былъ живъ знаменитый Мочаловъ. Купцы его любили до нельзя. Любовь ихъ и восторги къ таланту Мочалова, выражались, между прочимъ, неизбѣжными угощеніями, погубившими, наконецъ, этого артиста. Любопытна исторія его женитьбы. Въ кремлевскомъ Александровскомъ саду, въ среднемъ гротѣ, который существуетъ еще и теперь, находилась въ то время кофейная. Нашъ трагикъ, гуляя по саду, непремѣнно заходилъ въ кофейную и выпивалъ когда рюмку водки, а когда и больше. Въ теченіе извѣстнаго времени за нимъ было записано на 800 рублей выпитыхъ имъ рюмокъ! Расплатиться Мочалову было нечѣмъ, такъ какъ деньги у него не залеживались. У хозяина кофейной была дочь. Нравилась ли она Мочалову, или нѣтъ — я не знаю, но только, чтобъ расквитаться съ долгомъ, онъ предложилъ хо-

зяину выдать за него дочь и списать долгъ, что было принято и исполнено!

Когда Мочаловъ одно время собирался отправиться за границу для усовершенствованія, то московскіе купцы собрали ему на поѣздку 3,000 рублей. Были устроены торжественные проводы, вино лилось рѣкой. Оказалось, однако, что далеко проводить Мочалова не пришлось. Онъ отправился въ Троицкую лавру помолиться передъ поѣздкою и застрялъ въ мытищенскомъ трактирѣ, гдѣ пьянствовалъ и игралъ цѣлую недѣлю, спустивъ, разумѣется, всѣ деньги... Его такъ и нашли въ Мытищахъ подъ билліардомъ.

III.

Мое поступленіе капельмейстеромъ въ Шепелевскій оркестръ,—Иванъ Дмитріевичъ Шепелевъ.—Княгиня Голицына.—Приключеніе съ итальянскимъ маэстро.—Театръ на Выксѣ.— Выксенское общество. — Приключеніе со мной на охотѣ.— Апостолъ Тимошка. — Николай Дмитріевичъ Шепелевъ. — Выигрышъ мною у него на билліардѣ скрипки Гварнеріуса. — Разстройство дѣлъ Шепелевыхъ.— Вліяніе спиритизма.

Москва, однако, не удовлетворяла меня и я былъ не прочь оставить ее. Случай улыбнулся мнѣ. Черезъ князя Льва Константиновича Голицына, я получилъ приглашеніе поступить къ его шурину, И. Д. Шепелеву, капельмейстеромъ въ театръ, существовавшій у него во владимірскомъ имѣніи. Въ императорскомъ театрѣ я получалъ 800 р. жалованья, Шепелевъ мнѣ предложилъ 3,500 р. въ годъ, кромѣ квартиры; у него я долженъ былъ занять самостоятельное положеніе. Понятно, я не колебался и съ радостью принялъ приглашеніе.

Шепелевъ былъ высоко образованный человѣкъ. Онъ служилъ сперва въ гвардіи, потомъ, выйдя въ отставку, уѣхалъ въ свое имѣніе, состоявшее изъ 18-ти тысячъ душъ крестьянъ, приписанныхъ къ четыремъ чугунно-литейнымъ заводамъ, расположеннымъ въ одной смежной полосѣ, въ трехъ губерніяхъ: Владимірской, Нижегородской и Тамбовской. Всѣ эти заводы снабжались чугунной рудой, добывавшейся на собственныхъ же земляхъ. Главнымъ изъ заводовъ, сосредоточіемъ всего дѣла, былъ Выксинскій, находившійся около Мурома (Владимірской губерніи). Иванъ Димитріевичъ былъ большой любитель искусствъ вообще. Онъ цѣнилъ живопись, скульптуру и самъ рисовалъ весьма недурно, но предпочиталъ всему музыку. Самъ онъ опять-таки недурно пѣлъ: у него былъ хорошій баритонъ. Громадный трехъэтажный домъ его на Выксѣ представлялся рѣшительно дворцомъ; убранство его было роскошно. Въ домѣ находились особыя мастерскія для живописи,

скульптуры, салонъ для занятія музыкой; въ послѣднемъ помѣщеніи занимался самъ Шепелевъ и дѣлались спѣвки. Личные апартаменты Ив. Д. Шепелева были отдѣланы въ турецкомъ вкусѣ; всѣ его комнаты были убраны турецкими коврами, вся мебель отдѣлана тармаламой, повсюду стояли громадныя тропическія растенія и цвѣты, распространявшіе благовоніе. Самъ хозяинъ разгуливалъ въ турецкомъ халатѣ и въ широчайшихъ шароварахъ, на которыя шло до 40 аршинъ канауса, въ бѣлой шелковой полосатой курточкѣ съ серебряными пуговицами, съ ермолкою на головѣ, шитою золотомъ, и въ туфляхъ.

Въ домѣ была великолѣпная библіотека, въ которой можно было найти все, что̀ угодно; въ этой библіотекѣ я познакомился съ Шиллеромъ, Гете, Вальтеръ-Скоттомъ, Шекспиромъ, Байрономъ, Вольтеромъ, Евгеніемъ Сю, Гюго, Диккенсомъ и многими другими писателями, остававшимися до тѣхъ поръ мнѣ неизвѣстными. Пріѣхавъ на Выксу, прежде всего я долженъ былъ играть передъ Иваномъ Дмитріевичемъ. Моя игра такъ понравилась ему, что его расположеніе сразу было обезпечено мнѣ: я сдѣлался тотчасъ же домашнимъ человѣкомъ. Кромѣ Ивана Дмитріевича, на Выксѣ жилъ его младшій братъ, Николай Дмитріевичъ, съ которымъ я тоже близко сошелся. Сверхъ того, здѣсь же жила сестра Шепелевыхъ, бывшая замужемъ за княземъ Голицынымъ. Это была замѣчательная женщина, талантливая, какъ и вся семья Шепелевыхъ; рисовала она превосходно, и музыкальныя способности ея были громадныя. Сколько разъ случалось, что она мнѣ повторяла на память на фортепіано пьесу, игранную мною передъ нею всего только одинъ разъ! При большомъ умѣ, она была чрезвычайно любезна и внимательна ко всѣмъ, на какой бы ступени общественной лѣстницы не находился ея собесѣдникъ; я просто благоговѣлъ передъ ней.

Я сказалъ, что былъ приглашенъ къ Шепелеву капельмейстеромъ. У Шепелева на Выксѣ былъ театръ, какъ у многихъ богатыхъ русскихъ помѣщиковъ стараго времени. Но тогда какъ эти театры у большинства, въ артистическомъ смыслѣ, ничего не представляли изъ себя, или мало чего стоили и по составу труппы и вообще по матеріальнымъ своимъ средствамъ,—у Шепелева наоборотъ, театръ былъ такой, который съ честью могъ бы занять мѣсто не только въ любомъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ, но могъ равняться съ тогдашними столичными нашими сценами, по крайней мѣрѣ, съ московскими. Въ нашихъ провинціяхъ еще не было оперныхъ театровъ,—кромѣ Одессы и Риги — и театръ Шепелева по праву занималъ единственное мѣсто во всей внутренней Россіи. Мнѣ былъ переданъ въ полное завѣдываніе оркестръ и хоръ. Иванъ же Дмитріевичъ оставилъ за собою балетную школу и, сверхъ того, часто занимался лично женскими хо-

рами. Я уже сказалъ, что нѣкогда онъ бралъ уроки въ Петербургѣ, и именно, у однаго итальянскаго маэстро, фамилію, котораго теперь не помню. Объ этомъ маэстро Иванъ Дмитріевичъ, между прочимъ, разсказывалъ мнѣ такой случай. Въ одно прекрасное утро къ маэстро пришелъ его парикмахеръ, намылилъ ему бороду, потомъ, неожиданно взявъ за носъ, сказалъ: «прикажете сейчасъ же перерѣзать вамъ горло?» Маэстро страшно перепугался, но имѣлъ настолько присутствія духа, что сказалъ: «погоди немного, я забылъ свой платокъ, я сейчасъ его возьму». Парикмахеръ выпустилъ его носъ, а маэстро, выйдя спокойно въ другую комнату, опрометью побѣжалъ на улицу, какъ былъ въ рубашкѣ, въ халатѣ и туфляхъ съ подвязанною салфеткою, съ намыленными щеками и началъ звать на помощь. Полицейскіе хотѣли было тащить его въ участокъ, предполагая въ немъ сумасшедшаго. Ему едва удалось убѣдить ихъ, что настояшій сумасшедшій сидитъ у него на верху. Когда поднялись въ его квартиру, цирульникъ стоялъ еще съ бритвою въ рукахъ, ожидая возвращенія маэстро. По справкамъ оказалось, что онъ сидѣлъ долгое время въ сумасшедшемъ домѣ, но такъ какъ былъ всегда скроменъ и тихъ, разсуждалъ здраво, то его и порѣшили выпустить. Послѣ вновь обнаруженнаго сумасшедствія его, конечно, опять засадили въ желтый домъ. Но я отвлекся въ сторону. Свое управленіе театромъ Шепелева, я началъ съ того, что избавилъ моихъ подчиненныхъ отъ тѣлеснаго наказанія, ограничась только карцеромъ и денежными штрафами. Употребленіе тѣлесныхъ наказаній не должно удивлять читателя, потому что и на казенныхъ сценахъ еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ случалось, что артиста наказывали розгами, или изъ оркестра переводили въ истопники. У Шепелева же и хористы, и оркестровые музыканты были изъ крѣпостныхъ людей.

Театръ на Выксѣ былъ немногимъ меньше петербургскаго Маріинскаго театра. Внутреннее расположеніе его было такое же: партеръ, бенуаръ, бельэтажъ, второй и третій ряды ложъ. Ложи были точно также размѣщены, какъ и во всѣхъ театрахъ; напротивъ сцены, гдѣ въ императорскихъ театрахъ помѣщается царская ложа, находилась парадная ложа Шепелевыхъ, отдѣланная бархатомъ и золотомъ, уставленная зеркалами. Изъ ложи дверь вела въ фойе, куда во время антрактовъ приходили гости и знакомые, и гдѣ сервировался чай.

Вся обстановка и всѣ приспособленія въ театрѣ были превосходны; механическая часть безукоризненна и самыя сложныя оперы тогдашняго времени шли безъ всякихъ затрудненій. Декораціи отличались изяществомъ и точностью; ихъ писалъ декораторъ Кораблевъ, тоже изъ крѣпостныхъ Шепелева, бывшій истиннымъ талантомъ и заслуживавшій вполнѣ имя художника. Онъ учился въ Петербургѣ и могъ бы, вѣроятно, пойти далеко, еслибы не его

крѣпостная зависимость: въ сознаніи ли своего положенія или отъ другихъ причинъ, но онъ сдѣлался горькимъ пьяницею.

Театръ освѣщался газомъ. Надо замѣтить, что въ то время даже императорскіе театры въ Петербургѣ освѣщались масляными лампами. Въ двадцатыхъ годахъ была сдѣлана попытка освѣщать газомъ театръ, находившійся на Фонтанкѣ и теперь уже не существующій, но послѣ случившагося тамъ взрыва, произведшаго пожаръ, попытку ввести газъ въ театры оставили. Оркестръ выксинскаго театра состоялъ изъ пятидесяти человѣкъ, т. е. немногимъ меньше состава оркестровъ императорскихъ оперъ. Единственнымъ важнымъ пробѣломъ было отсутствіе въ театрѣ органа. Впрочемъ, въ операхъ того времени органъ примѣнялся мало. Я замѣнялъ органъ духовыми инструментами, именно: флейтами, гобоями, фаготами и контръ-фаготами, при чемъ размѣщалъ инструменты за кулисами на такомъ растояніи отъ сцены, что доходящій оттуда звукъ наиболѣе подходилъ къ органному. Указаннымъ инструментальнымъ сочетаніемъ я такъ удачно достигалъ цѣли, что пріѣзжавшіе изъ Петербурга и Москвы лица, слушавшіе въ первый разъ оперу въ нашемъ театрѣ, всегда обманывались и говорили мнѣ: «Какой у васъ прекрасный органъ». Репетиціи въ театрѣ устроивались по вечерамъ и оперы давались не иначе какъ послѣ того, что онѣ были совершенно разучены. Нѣсколько слабы по численности были хоры: хористовъ у насъ имѣлось не болѣе 35—40 человѣкъ. Для мужскихъ хоровъ, если они были очень трудны, я присоединялъ иногда музыкантовъ изъ оркестра, безъ которыхъ можно было обойтись въ данномъ случаѣ. Оркестръ, какъ я уже сказалъ, былъ очень хорошій, но въ составѣ его было нѣсколько неисправимыхъ пьяницъ. Эти пьяницы принадлежали къ старому поколѣнію музыкантовъ. Изъ новыхъ, которыхъ мнѣ пришлось формировать въ бытность мою на Выксѣ, и которые старались мнѣ подражать во всемъ, ни одинъ не страдалъ этимъ порокомъ. Случалось, что неисправимые пьяницы моего оркестра приносили мнѣ не мало хлопотъ. Одинъ разъ я назначилъ для поддержки басовъ въ трудномъ хорѣ музыканта, котораго звали Абрамомъ, отличнаго артиста, но горькаго пьяницу. Изъ предосторожности я велѣлъ запереть его передъ началомъ спектакля въ уборную. Онъ былъ совсѣмъ уже одѣтъ, въ рыцарскомъ костюмѣ, въ латахъ, съ мечомъ и въ шлемѣ. Проходя мимо уборной, я услыхалъ его молящій голосъ: «Николай Яковлевичъ, разрѣшите одну рюмочку, только одну рюмочку! робѣю, ей-Богу, робѣю!»—«Послѣ, Абрамъ, послѣ спектакля»,—отвѣтилъ я ему. Я распорядился, чтобъ его выпустили въ самый послѣдній моментъ, когда надо было выходить хору на сцену. Дѣйствіе началось; хористы вышли, но Абрама между ними не вижу. На наше счастье все прошло благополучно и безъ него. Въ антрактѣ, придя на сцену, спрашиваю,

почему не выпустили Абрама? Мнѣ отвѣтили, что его въ уборной не нашли, окно же ея оказалось отворенныымъ. Что же вышло? онъ выскочилъ въ окно и одѣтый, какъ былъ рыцаремъ, побѣжалъ въ деревенскій кабакъ. Онъ надѣялся, что успѣетъ воротиться и, подкрѣпясь, станетъ лучше пѣть. На бѣду его въ кабакѣ встрѣтили знакомые, которые заинтересовались его костюмомъ. Вмѣсто одной рюмочки, его угостили цѣлымъ полуштофомъ, такъ что когда онъ вспомнилъ о своихъ рыцарскихъ обязанностяхъ, то до театра уже не дошелъ, а проспалъ всю ночь, свалившись въ канаву, гдѣ его и нашли утромъ въ рыцарскомъ костюмѣ и въ латахъ. Подобныхъ исторій съ пьяными хористами и музыкантами у насъ было много; искоренить ихъ не могли никакія наказанія. Я, впрочемъ, относительно наказаній никогда не шелъ дальше денежныхъ штрафовъ и карцеровъ, какъ уже замѣтилъ выше, всегда придерживался увѣщаній и кроткихъ мѣръ и мнѣ часто удавалось улаживать разныя недоразумѣнія и всякія ссоры и непріятности въ самомъ ихъ началѣ.

Но возвращаюсь къ организаціи театра. Музыканты всѣ получали отъ Шепелева жалованье точно такъ же, какъ и хористы, отъ 10 до 15 рублей въ мѣсяцъ, сверхъ чего они имѣли еще квартиру и дрова. Ничего подобнаго не было ни въ одномъ изъ помѣщичьихъ театровъ стараго времени. Вообще театръ стоилъ Шепелеву не мало денегъ, ибо онъ посѣщался безплатно всѣми, кому Шепелевъ это позволялъ, или кого приглашалъ разъ навсегда. Такимъ образомъ, всѣ почти мѣста принадлежали однимъ и тѣмъ же лицамъ. За то въ бенефисы артистовъ и хора всѣ обязательно подписывались кто сколько могъ. Шепелевы сами всегда давали по сту рублей; вслѣдъ за ними наиболѣе богатые люди давали тоже по сту рублей, а другіе, кто сколько хотѣлъ и могъ, но не менѣе рубля. За эту ничтожную сумму они пользовались своими мѣстами цѣлый годъ, считаясь какъ бы абонентами. Всѣ деньги, собиравшіеся подпискою, хранились у меня. По окончаніи года, передъ Святой, я распредѣлялъ ихъ между оркестромъ. Штрафныя же деньги обращались въ наградныя другимъ. Всѣми дѣлами оркестра завѣдывали выбранныя самими музыкантами лица изъ ихъ среды. Въ числѣ солистовъ были весьма хорошіе пѣвцы; нѣкоторые изъ нихъ, опять-таки являлись крѣпостными Шепелева, но часть ихъ приглашалась и со стороны. Въ мое время въ числѣ солистовъ были два весьма хорошіе сопрано, замѣчательный контральто, теноръ и басъ, густой пріятный и сильный по звуку. Басъ этотъ былъ г. Скотти, родной братъ извѣстнаго живописца. Кромѣ обычнаго состава пѣвцовъ, Шепелевъ приглашалъ также артистовъ изъ Москвы и Петербурга, охотно ѣздившихъ къ нему, такъ какъ за деньгами онъ не стоялъ. Хористы и пѣвцы изъ крѣпостныхъ подготовлялись въ школѣ, которая помѣщалась въ особенномъ домѣ. Жили же въ

этомъ домѣ, исключительно однѣ ученицы. Въ число послѣднихъ выбирались не однѣ только молоденькія, но и хорошенькія, такъ что порою вовсе не обращалось вниманія на голоса... Изъ школы на спѣвки ученицы привозились всегда въ каретѣ съ вооруженными егерями. Иванъ Дмитріевичъ вообще не любилъ, чтобы ктонибудь знакомился съ его артистками, а этого можно было опасаться, потому что на Выксѣ жило большое общество, среди котораго не мало было мужской молодежи. Шепелевъ самъ обучалъ хористокъ, не смущаясь тѣмъ, что порою приходилось повторять нѣкоторыя мѣста множество разъ. Однако, если не смотря на повтореніе дѣло не ладилось, онъ бралъ камышевую трость изрядныхъ размѣровъ и билъ нерадивыхъ по спинѣ. Меня сперва этотъ педагогическій пріемъ страшно возмущалъ; я всегда протестовалъ; Иванъ же Дмитріевичъ преспокойно возражалъ, что наказываетъ ученицъ любя, какъ дѣтей, потому что хочетъ, чтобы онѣ боялись и прилежнѣе занимались: иначе-де «дѣтямъ» легко пойдетъ разная дурь въ голову. «Дѣти», однако, были находчивы, какъ я узналъ въ скоромъ времени. Онѣ подъ платье на спину накладывали подушечки и потому не чувствовали особой боли отъ камышевой трости Ивана Дмитріевича. Работа по театру распредѣлялась у меня слѣдующимъ образомъ: до завтрака я занимался оркестромъ или у себя дома, или въ театрѣ, а вечеромъ происходили спѣвки хористовъ или хористокъ. Остальное время я былъ свободенъ проводить какъ мнѣ угодно. Но такъ какъ Шепелевъ меня полюбилъ, то значительную часть моего времени приходилось отдавать ему. Завтракалъ я всегда у него. На завтракѣ обыкновенно находились посторонніе люди, такъ какъ на Выксѣ, какъ я уже замѣтилъ, было большое общество. Оно состояло изъ чиновниковъ горнаго вѣдомства, нѣсколькихъ молодыхъ горныхъ офицеровъ и лѣсныхъ чиновниковъ,—въ районѣ имѣній Шепелева находился большой участокъ казеннаго лѣса,—машинистовъ по заводской части, техниковъ всякаго рода и національностей, нѣмцевъ, англичанъ съ ихъ семействами. Сверхъ того, всегда были пріѣзжіе изъ обѣихъ столицъ, собиравшихся на Выксу или по приглашенію хозяина, или по дѣламъ, для заказовъ и пріемовъ, правительственныхъ и частныхъ, чугунныхъ издѣлій всякаго рода—рѣшетокъ, рельсъ и т. д. Казалось бы страннымъ, что въ шепелевскихъ имѣніяхъ, шедшихъ сплошною полосою, находилось огромное казенное имущество—лѣсъ. Въ сущности этотъ лѣсъ принадлежалъ Шепелеву; въ казну же онъ попалъ случайно. Лѣсъ этотъ въ прежнее время пользовался дурною репутаціею: онъ служилъ притономъ разбойничьей шайки, еще въ то время, когда имѣнія Шепелева принадлежали его тестю, Баташеву. Народная молва утверждала, что владѣлецъ имѣнія былъ причастенъ къ этимъ дѣламъ. Однажды, послѣ особенно шумнаго дѣла, мѣстная администрація, трепетавшая

передъ Баташевымъ, вынуждена была назначить слѣдствіе. Обратились къ Баташеву. Онъ же, чтобы сразу прервать всякіе разговоры, заявилъ, что лѣсъ ему не принадлежитъ, а что онъ казенный. Съ тѣхъ поръ этотъ громадный лѣсъ и перешелъ въ казну.

Послѣ завтрака играли обыкновенно на билліардѣ или упражнялись въ стрѣльбѣ въ тирѣ или паркѣ, смотря по погодѣ. Часто устроивались охоты. Охота въ шепелевскихъ лѣсахъ была превосходная и разнообразная, какъ за краснымъ звѣремъ, такъ и за дичью.

Я былъ большой любитель охоты и временами предавался ей со страстью. Разъ мнѣ случилось заблудиться въ безконечныхъ выксинскихъ лѣсахъ. Я долго шелъ и, увидѣвъ, что только кружусь, сдѣлалъ нѣсколько сигнальныхъ выстрѣловъ: отвѣта не было. Солнце между тѣмъ уже начало закатываться. Показались звѣзды, которыхъ я и взялъ руководителями. Собака моя, поджавши хвостъ, смиренно шла за мною. Стало совсѣмъ темно, сыро и холодно. Я спотыкался, пугалъ ночныхъ птицъ, въ свою очередь пугавшихъ меня. Наконецъ, вышелъ на длинную поляну, на которой стояло нѣсколько стоговъ сѣна; мнѣ пришла мысль переночевать въ нихъ. Въ это время въ нѣкоторомъ отдаленіи я замѣтилъ огоньки и потомъ какъ бы собачій лай. Я подумалъ было, что Шепелевъ послалъ розыскивать меня съ собаками; но лай вдругъ превратился въ волчій вой. Судя по огонькамъ, мелькавшимъ тамъ и сямъ, волковъ было много. Собака моя видимо боялась и жалась ко мнѣ. Провести ночь въ стогахъ при такомъ сосѣдствѣ было не удобно. Чтò дѣлать? Поднялъ я съ земли большую хворостину и началъ колотить ею чтò было силы, крича во все горло: «гой, гой, у!» и замѣтилъ, что огоньки стали исчезать: я испугалъ волковъ.

Тамъ гдѣ находились стога, должна была быть и торная дорога. Я дѣйствительно скоро нашелъ ее и пошелъ, не зная куда и продолжая шумѣть. Вошелъ въ горѣлый лѣсъ, безпрестанно спотыкаясь и попадая въ воду, наконецъ вышелъ въ поле. Обрадовался прибавилъ шагу и, наконецъ, пришелъ въ деревню, совсѣмъ мнѣ незнакомую. Было два часа ночи. Постучавъ въ окно крайней избы, услышалъ старушечій голосъ:

— Проходи, бродяга, дальше, а не то я тебя вздую кочергою или разобью голову ухватомъ.

Я было началъ ее уговаривать и объяснять, что я охотникъ.

— Говорятъ же уходи, а не то пущу горшкомъ.

Дѣлать было нечего; пошелъ стучаться къ другой избѣ. Отодвинулась деревянная щеколда и въ окнѣ показалась растрепанная мужицкая голова. Я объяснилъ, что заблудился и просилъ его достать мнѣ телѣгу и лошадь, за чтò обѣщалъ щедрую плату.

Пока мужикъ запрягалъ, я у него попросилъ чего-нибудь поѣсть. У него ничего не было, кромѣ кваса и чернаго хлѣба. Онъ подалъ мнѣ краюху въ полъ-каравая, которую мы съ собакой и съѣли цѣликомъ. И какъ вкусны показались мнѣ этотъ хлѣбъ и этотъ квасъ! Правда, что голодъ самая лучшая приправа. На Выксу мы пріѣхали только къ семи часамъ утра: такъ далеко я зашелъ.

Собаки у насъ были отличныя, особенно у брата Ивана Дмитріевича, Николая Дмитріевича. Особенно славилась собака Діанка, у которой чутье было великолѣпное: она тянула осторожно, подводя охотника совсѣмъ близко къ дичи. За нее Шепелевъ заплатилъ 500 рублей. Оба брата были страстными охотниками. По милости Діанки, Иванъ Дмитріевичъ разъ чуть не погибъ. Онъ стоялъ на опушкѣ лѣса, вечеромъ, держа въ рукахъ двустволку со взведенными курками и ждалъ, когда потянутъ утки. Въ это время подошла Діанка, начала ласкаться и лапой спустила оба курка; заряды пролетѣли около самой головы Ивана Дмитріевича. Еслибъ онъ держалъ ружье на одинъ дюймъ болѣе наклоненнымъ къ себѣ, то былъ бы убитъ наповалъ. Я тоже чуть однажды не подстрѣлилъ Ивана Дмитріевича. Мнѣ случилось изъ-подъ собаки убить бекаса, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда изъ-за кустовъ выходилъ Иванъ Дмитріевичъ. Я его увидѣлъ по тому направленію, по которому стрѣлялъ; выйди онъ моментомъ позже, то не избѣжать бы катастрофы. Псовую охоту на Выксѣ не жаловали и ни борзыхъ, ни гончихъ у Шепелева не было. Напротивъ, его зять, князь Голицынъ, былъ страстный охотникъ съ борзыми. Когда онъ пріѣзжалъ на Выксу охотиться, то съ нимъ являлись своры собакъ, а вмѣстѣ съ ними и разные охотничьи чины. Въ большомъ ходу была у насъ медвѣжья охота. При мнѣ Иванъ Дмитріевичъ убилъ собственноручно тринадцатаго медвѣдя.

Медвѣжатъ брали живыхъ и воспитывали.

Наканунѣ праздниковъ, на Выксѣ всегда совершалось торжественное богослуженіе; при этомъ театральный хоръ пѣлъ въ церкви, помѣщаясь на хорахъ. Исполняли концерты Бортнянскаго, Березовскаго, Львова и другихъ композиторовъ того времени. Церковь на Выксѣ была отдѣлана превосходно. Иконостасъ весь рѣзной и вызолоченный. Такъ какъ самъ Шепелевъ занимался живописью, то ему однажды захотѣлось перемѣнить одинъ изъ церковныхъ образовъ, именно образъ апостола Петра. Для «натуры» Иванъ Дмитріевичъ взялъ сторожа изъ парка, смотрѣвшаго за дикими козами: его физіономія казалась ему подходящею. Шепелевъ написалъ образъ превосходно; его вставили въ золотую раму, освятили и поставили на назначенное мѣсто. Но не пришлось ему стоять долго въ церкви. Въ первый же праздникъ народъ вознегодовалъ: — «Какой это апостолъ», — говорили

всѣ,—«это просто козлятникъ Тимошка!» Всѣ поворачивались спиной къ образу, такъ что Иванъ Дмитріевичъ принужденъ былъ приказать его убрать.

Братъ Шепелева, Николай Дмитріевичъ, страдалъ сильно разстроенными нервами. Можетъ быть это зависѣло отъ нервности, свойственной всей семьѣ Шепелевыхъ, можетъ быть и потому, что онъ родился раньше времени. Мы съ нимъ сошлись дружески и я сдѣлался его всегдашнимъ партнеромъ на билліардѣ. Денегъ въ то время у меня было много и мы играли не меньше, какъ по 5 руб. партію. Одинъ разъ, ему особенно не везло: онъ горячился, проигралъ нѣсколько партій кряду и сталъ удвоивать ставки. Фортуна совсѣмъ повернулась къ нему спиной и онъ проигралъ мнѣ десять тысячъ. Успокоившись, онъ отыгралъ семь тысячъ, вмѣсто остальныхъ же трехъ тысячъ, я просилъ, чтобы мнѣ дали скрипку Гварнеріуса, которая была въ оркестрѣ и мнѣ чрезвычайно нравилась; за нее заплачено было именно три тысячи. Такимъ образомъ мнѣ досталась скрипка, впослѣдствіи оказавшая мнѣ не мало услугъ.

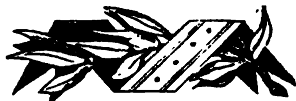
Николай Дмитріевичъ былъ слабохарактеренъ и весьма влюбчивъ, что и послужило началомъ катастрофы въ его семьѣ. Такъ какъ на Выксѣ праздники, балы и маскарады смѣнялись постоянно одинъ другимъ, то ему представлялось не мало случаевъ ухаживать за дамами и барышнями. Въ Муромѣ онъ встрѣтился съ дѣвицей Сухово-Кобылиной. Дѣла Шепелевыхъ, вслѣдствіе безпечности владѣльцевъ, были нѣсколько разстроены. Николай Дмитріевичъ быстро увлекся Сухово-Кобылиной. Затѣмъ онъ, по весьма естественной слабости всѣхъ влюбленныхъ, сталъ смотрѣть пристрастными глазами на всѣхъ ея родныхъ и особенно на ея отца, полковника Сухово-Кобылина. Не знаю какъ случилось, но Николаю Дмитріевичу постоянно приходилось слышать похвалы уму, опытности и характеру полковника, его практичности въ дѣлахъ. Твердили, что еслибы полковникъ завѣдывалъ Шепелевскими дѣлами, то, конечно, ихъ долги всѣ были бы заплачены въ одинъ годъ, хотя, надо замѣтить, что Сухово-Кобылинъ самъ былъ въ долгу, какъ въ шелку. Николай Дмитріевичъ, увлекаясь все болѣе и болѣе своею любовью, принималъ все, что̀ слышалъ, за чистую истину, не взвѣшивая почти ничего. Онъ уговорилъ свою сестру, княгиню Голицыну и зятя, графа Кутайсова, за которымъ была замужемъ его другая сестра, уничтожить общую довѣренность, данную всей семьей Ивану Дмитріевичу, передать ее Сухово-Кобылину и поручить ему управленіе ихъ дѣлами. Полковникъ снизошелъ къ просьбамъ и согласился взять на себя громадный трудъ, съ условіемъ, чтобы ему не мѣшали въ его дѣйствіяхъ и дали бы полную довѣренность. Это было какъ-разъ въ послѣдній годъ моего житья на Выксѣ. Сухово-Кобылинъ управлялъ три года имѣніями Шепелевыхъ, уплатилъ собственные долги, но увы! дѣла Шепе-

левыхъ съ тѣхъ поръ окончательно пошатнулись. Николаю Дмитріевичу, князю Голицыну и графу Кутайсову пришлось много хлопотать, чтобы избавиться отъ своего спасителя, тѣмъ не менѣе новыя отношенія семьи къ брату Ивану Дмитріевичу не измѣнились. Иванъ Дмитріевичъ, послѣ того какъ его родные пригласили Сухово-Кобылина въ качествѣ главноуправляющаго, немедленно выѣхалъ изъ Выксы, тѣмъ болѣе что взаимныя отношенія обострились на столько, что братъ и сестра хотѣли было подать коллективную просьбу о запрещеніи Ивану Дмитріевичу даже въѣзда на Выксу. Крестьяне и рабочіе на заводахъ, узнавъ о выѣздѣ Ивана Дмитріевича и о появленіи Сухово-Кобылина, взволновались; ихъ съ трудомъ успокоили, обѣщавъ медовыя рѣки и выкативъ нѣсколько бочекъ вина. Иванъ Дмитріевичъ, переселившись въ Москву, вздумалъ прислать мнѣ полную довѣренность на управленіе не только театромъ и театральною школою, но и своею частью имѣнія. Это поставило меня въ оппозицію къ противной партіи; я прожилъ нѣсколько времени въ совершенномъ отчужденіи, и видя, что созданное новыми обстоятельствами положеніе на Выксѣ, не можетъ скоро измѣниться, порѣшилъ и самъ оставить Выксу, хотя Иванъ Дмитріевичъ часто писалъ мнѣ о своей увѣренности въ скорыхъ перемѣнахъ. Онъ основывалъ свою увѣренность на предсказаніяхъ духовъ, съ которыми бесѣдовалъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ убѣжденный спиритъ, вѣрилъ въ магнетизмъ и охотно занимался магнитизированіемъ. Спиритизмъ, въ то время, не имѣлъ той формы, которую имѣетъ теперь и все ограничивалось только магнитизированіемъ, при помощи котораго, однако, ловкіе люди умѣли извлекать свои выгоды. Довѣріе Ивана Дмитріевича къ шарлатанамъ подобнаго рода и его увлеченіе магнитизмомъ и было одною изъ причинъ разстройства семейныхъ отношеній Шепелевыхъ. На Выксѣ былъ одинъ субъектъ, засыпавшій очень скоро. Усыпивъ его, Иванъ Дмитріевичъ обыкновенно разговаривалъ съ нимъ, совѣтуясь о разныхъ дѣлахъ. Изъ совѣтовъ и изреченій этого субъекта было видно, что онъ всего больше заботился о своихъ родныхъ: онъ указывалъ Ивану Дмитріевичу кого изъ нихъ сдѣлать управляющимъ, кого конторщикомъ, и вообщее выбиралъ для нихъ выгодныя должности. Иванъ Дмитріевичъ этихъ хитростей не замѣчалъ, а вѣрилъ безусловно всему и всѣ старанія разубѣдить его были напрасны. Да и самъ онъ, какъ ребенокъ, старался скрыть все, что̀ было бы неблагопріятно для его иллюзій. Разъ, чтобы увѣрить меня въ отсутствіи обмана во всѣхъ продѣлываемыхъ манипуляціяхъ, онъ привелъ упомянутаго субъекта ко мнѣ, посадилъ его и замагнитизировалъ; затѣмъ мы вышли въ другую комнату. Снимая халатъ, онъ спросилъ его: — «что̀ я дѣлаю?» Отвѣтъ былъ сдѣланъ впопадъ: — «раздѣваетесь». Шепелевъ взглянулъ на меня съ тор-

жествомъ и затѣмъ опять спросилъ его:—«съ которой руки я снялъ халатъ?» Субъектъ, немного замялся и медленно произнесъ:—«съ лѣ...». Иванъ Дмитріевичъ быстро его перебилъ:—«что̀, что̀?» тогда тотъ сказалъ:—«съ правой». Для меня ложь была ясна, но Иванъ Дмитріевичъ рѣшительно ничего не замѣчалъ и довѣріе его къ субъекту и его совѣтамъ еще болѣе возросло. Спиритическая атмосфера, царствовавшая на Выксѣ, произвела отчасти и на меня свое дѣйствіе. Натура у меня была очень впечатлительная и я невольно воспринималъ все, что̀ могло дѣйствовать на мое воображеніе. Какъ разъ въ то время я писалъ оперу «Фаустъ». Въ моей головѣ постоянно сидѣли картины Брокена, вѣдьмы, гномы, Мефистофель и всяческая чертовщина. Ночныя мои занятія,—я работалъ преимущественно позднею ночью, — довели меня до того, что я, не будучи спиритомъ, дошелъ до галлюцинацій, началъ видѣть и слышать на яву необыкновенныя вещи. Разъ, сидя за партитурой, я услышалъ совершенно ясно шаги въ сосѣдней залѣ. Прислушавшись, я различилъ шорохъ платья; наконецъ, мнѣ показалось, кто-то входитъ въ мою комнату, приближается къ моему столу, беретъ мой стулъ. Оборачиваюсь, вижу женскую фигуру, всматриваюсь—фигура исчезаетъ. Встаю, начинаю ходить по залѣ и, изъ всѣхъ дверей, изъ всѣхъ угловъ являются видѣнія. Я вижу ихъ совершенно ясно. Дѣлая усилія воли надъ собою, я заставляю ихъ исчезнуть, но они замѣняются другими. Чтобы отдѣлаться отъ этихъ видѣній, я ложусь въ постель, но тогда ко мнѣ въ комнату является уже весь шабашъ съ Лысой горы: съ воплями, со стонами и свистомъ несутся ко мнѣ призраки со всѣхъ сторонъ; сердце у меня бьется ожесточенно, я вскакиваю съ постели,—все исчезаетъ. Ложусь и испытываю ощущенія другого рода: чувствую ясно, что тѣло мое остается на кровати, а душа отдѣлилась и переносится въ другой міръ. Словомъ, ощущенія одно другого мучительнѣе и фантастичнѣе, волновали меня. Вотъ до чего довели насъ занятія спиритизмомъ съ Иваномъ Дмитріевичемъ, а также и мой образъ жизни. Опасаясь сойти съ ума, я обратился къ нашему доктору, прекрасному, добрѣйшему человѣку, отлично знавшему свое дѣло. Прежде всякаго леченія, онъ мнѣ посовѣтывалъ радикально перемѣнить образъ жизни. Благодаря его совѣтамъ и указаніямъ мои недуги исчезли въ скоромъ времени.

Н. Аѳанасьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РАСКАТЫ СТЕНЬКИНА ГРОМА ВЪ ТАМБОВСКОЙ ЗЕМЛѢ [1].

(Посвящается Н. Н. Свищову).

VI.

ЕДВА ЛИ НЕ ПЕРВОЕ извѣстіе о томъ, что передовые изъ Стенькиной силы ужъ объявились и начали «чинить всякое худо» получилъ шацкій воевода Остафьевъ: отъ 12-го октября онъ доносилъ въ Москву «Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу». Онъ писалъ: «Холопъ твой Андрюшка Остафьевъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ, часу въ четвертомъ ночи прибѣжалъ въ Шатцкой (г. Шацкъ) вотчины боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго села Сотницына приказной человѣкъ Микифоръ Микулинъ; а въ распросѣ передо мною, холопомъ твоимъ, сказалъ: въ Шатцкомъ де уѣздѣ въ селѣ Кабяковѣ объявились воровскіе казаки, и боярина князя Одоевскаго приказнова человѣка Ѳедора Межина на проѣздѣ убили до смерти; до того жъ, государь, числа прибѣжалъ въ Шацкъ крестьянинъ Клокова Ивашка Ѳедоровъ, а въ распросѣ сказалъ: ѣздилъ де онъ за рѣку Цну съ помѣщицею своею и съ сыномъ еѣ, и въ селѣ Кошебѣевѣ объявились воровскія жъ казаки и сына де еѣ при немъ, Ивашкѣ, срубили, а ево де отпустили и приказали ему молить Бога за нечаю царевича Алексѣя Алексѣевича, да за патріарха Никона, да за Стенку Разина. Да того жъ, государь, числа шацкихъ селъ воевода Василей

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 560.

Строевъ посылалъ въ твою государеву въ дворцовую Ивину слободу для провѣдованья тѣхъ же воровскихъ казаковъ поляка Лунку Алексѣева, и онъ де Лунка прибѣжалъ къ нему Василію и въ распросѣ сказалъ, что де въ той слободѣ объявились воровскіе казаки, да онъ же Лунка видѣлъ у нихъ два значка; а та слобода отъ Шатцка въ 20 верстахъ»...

Затѣмъ и пошло. Товарищъ тамбовскаго воеводы Якова Хитрово писалъ: «Холопъ твой Еремка Пашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ пошолъ изъ Танбова думной дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѳѣевичъ Хитрово въ походъ, а меня, государь, холопа твоего оставилъ въ Танбовѣ, взялъ съ собою твоихъ государевыхъ ратныхъ людей всякихъ чиновъ, разныхъ городовъ и танбовцовъ жалованныхъ людей розныхъ чиновъ, а со мною, государь, холопомъ твоимъ, въ Танбовѣ оставилъ только московскихъ стрѣльцовъ полуголову Григорья Салова да стрѣльцовъ московскихъ съ нимъ 208 человѣкъ, да на чертѣ въ красномъ городкѣ 83 человѣка; и на тѣхъ, государь, танбовцовъ въ нынѣшнее смутное время надѣетца не на ково, потому что у тѣхъ, государь, танбовцовъ на Дону братья и племянники и дѣти, а иные, государь, у вора, у Стенки Разина, а иныхъ, государь, городовъ твоихъ государевыхъ ратныхъ людей не оставилъ въ Танбовѣ со мною, холопомъ твоимъ, ни одного человѣка, и съ тѣми, государь, малыми людьми мнѣ, холопу твоему, въ Танбовѣ сидѣть не съ кѣмъ, а будетъ, государь, въ Танбовѣ иныхъ городовъ твоихъ великого государя ратныхъ людей не будетъ, и въ Танбовѣ, государь, въ приходъ воровскихъ казаковъ чаетъ всякого дурна; а по отписке, государь, изъ Шацкаго воеводы Андрѣя Остафьева, что воровскіе де казаки пришли въ Шацкой уѣздъ отъ города за двадцать верстъ, а Шатцкой, государь, отъ Танбова только во стѣ въ двадцати верстахъ, и что, государь, учинится въ Танбовѣ отъ малолюдства какое дурно, и за то, государь, мнѣ бъ, холопу твоему, отъ тебя, великого государя, въ опалѣ не быть; и о томъ, государь, мнѣ холопу своему, что то, великій государь, укажешь!»

Муромскій воевода «холопъ Ѳеонька Шеховской», ударивъ челомъ, писалъ: «въ нынѣшнемъ октябрѣ пришедъ въ Муромъ въ приказную избу касимовской воевода Тимоѳей Карауловъ сказалъ: пріѣхалъ де онъ Тимоѳей изъ Касимова боясь отъ приходу воровскихъ людей, потому что въ Касимовѣ города и острогу нѣтъ, а уѣздные де всякихъ чиновъ люди въ Касимовъ не идутъ, а Кадомъ и Кадомской и Шатцкой уѣзды воровскіе люди разорили и нынѣ во многихъ мѣстехъ разоряютъ же, и онъ де Тимоѳей, слыша тотъ ихъ воровскихъ людей походъ изъ Касимова въ Муромъ и пріѣхалъ, а отъ Мурома, государь, Касимовъ только въ семидесяти верстахъ, и отъ тово приходу воровскихъ людей въ Муромѣ въ осадѣ безъ служилыхъ людей быть опасно; а снаряду, государь,

въ Муромѣ только одна желѣзная пушечка небольшая да 29 мушкѣтовъ, и о томъ снарядѣ я, холопъ твой, къ тебѣ великому государю къ Москвѣ въ пушкарской приказъ въ нынѣшнемъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ съ пушкаремъ Куземкою Стюферинымъ писалъ и ко мнѣ, холопу твоему, и по се число твоего великого государя указу не бывало; и о томъ, что ты, великій государь, мнѣ холопу своему укажешь?»

Черезъ нѣсколько дней еще шацкій воевода тотъ же «холопъ Андрюшка Остафьевъ», ударивъ челомъ, въ Москву писалъ: «Октября въ 17-й день приходили къ Шацкому къ слободамъ воровскіе казаки многимъ собраніемъ съ пушками... а съ тѣми воровскими казаками приходили къ Шацкому, проѣзжихъ твоихъ государевыхъ дворцовыхъ селъ Конабѣева и конабѣевскаго присуду и всего Шацкаго уѣзду селъ и деревень крестьяне многіе и въ городѣ, государь, отъ того воровскаго заводу Шатцкаго уѣзду всякова дурна надъ городомъ Шацкимъ чаемъ, что въ Шатцкомъ твоихъ великого государя служилыхъ людей мало всякова чину 104 человѣка, а городъ и острогъ большіе, и безъ твоихъ великого государя ратныхъ людей безъ полку города Шацка оберечь будетъ не кѣмъ и некому; а я, холопъ твой, заскорбѣлъ и одряхлѣлъ и обезпамятѣлъ, города строить въ осадное время и призрѣть не могу; и чтобъ, государь, въ моей болѣзни и въ дряхлости и въ безпамятствѣ городу Шацку какіе порухи не учинилось, и чтобъ мнѣ, холопу твоему, отъ тебя, великого государя, въ опалѣ не быть; а что, государь, въ Шацкомъ въ твоей, великого государя, казнѣ было зелья и свинцу и того зелья и свинцу роздано твоимъ великого государя ратнымъ людемъ, а нынѣ того зелья и свинцу въ твоей великого государя казнѣ въ остаткѣ не много»...

Отъ 21-го октября, товарищъ тамбовскаго воеводы Хитрово, бывшаго въ это время «въ походѣ», холопъ Еремка Пашковъ, ударивъ челомъ, писалъ: «Въ ночи прибѣжали ко мнѣ, холопу твоему, въ Танбовъ Филька Клеметьевъ да Лунка Кулаковъ, а въ распросѣ, государь, передо мною, холопомъ твоимъ, сказали: были де они на сторожѣ въ Танбовскомъ уѣздѣ у проѣзжихъ Моршенскихъ воротъ, а начальнымъ де человѣкомъ у нихъ былъ мещеренинъ Петръ Ордабьевъ и пришла де имъ перемѣна, и они де съ той сторожи поѣхали въ Танбовъ и съ начальнымъ человѣкомъ, съ Петромъ Ордабьевымъ да съ иноземцемъ съ Андреемъ Лесковскимъ, и стали де они ночевать въ Танбовскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Княжой, и въ той де, государь, деревнѣ Княжой въ полночь наѣхали на нихъ Танбовскаго жъ уѣзду твои великого государя пашенные крестьяне изо многихъ деревень, измѣня тебѣ, великому государю, и того де Петра Ордабьева и иноземца и ихъ стрѣльцовъ бивъ покинули, а мещеренина де Петра Ордабьева

4*

убивъ мало не до смерти и коловъ рогатиною и съ иноземцомъ повели де ихъ связавъ къ Моршенскимъ воротамъ къ воровскимъ казакамъ; а сколько, государь, воровскихъ казаковъ пришли въ Танбовской уѣздъ, и про то де, государь, они стрѣльцы подлинно не вѣдаютъ, и для, государь, провѣдаванья про тѣхъ воровскихъ казаковъ въ Танбовской уѣздъ въ деревни посылалъ я, холопъ твой, Танбовскихъ же служилыхъ людей, а иныхъ, государь, городовъ служилыхъ людей со мною, холопомъ твоимъ, въ Танбовѣ нѣтъ, опрочѣ московскихъ стрѣльцовъ полуголовы Григорья Салова съ стрѣльцами съ двѣмя стами человѣка; а въ приходъ, государь, воровскихъ казаковъ мнѣ, холопу твоему, въ Танбовѣ такими малыми людьми безъ присыльныхъ твоихъ государевыхъ иныхъ городовъ ратныхъ людей поиску учинить надъ воровскими людьми и осады укрѣпить не кѣмъ, и о томъ, великій государь, какъ укажешь мнѣ, холопу своему».

Шацкій воевода «холопъ Андрюшка Остафьевъ» писалъ еще: «Въ нынѣшнемъ, государь, году октября въ 1-й день прибѣжалъ въ Шацкой въ приказную избу Шацкого уѣзду села Почкова церковной дьячокъ Пронька Патрекѣевъ и въ распросѣ передо мною, холопомъ твоимъ, сказалъ: въ нынѣшнемъ де, государь, году, сентября въ 30-й день въ вечеру прибѣжалъ де Елисеевъ человѣкъ Лачинова Петрушка Коровинъ въ Елисеево въ Шацкое помѣстье Лачинова въ село Подболотье изъ Кадомскаго уѣзда изъ села Усть-парцы и сказывалъ ему, что донескіе казаки воры, въ томъ селѣ Усть-парцы и въ иныхъ селехъ многое разореніе чинятъ, людей до смерти бьютъ и рубятъ и животы статки емлютъ; а Пензу городъ осадили; а онъ де Петрушка едва у нихъ ушолъ и вьючную лошадь съ добромъ у него отбили; а Елисѣевы крестьяне Лачинова села Усть-парцы съ тѣми ворами съ донскими казаками сложились за единъ и хотѣли ево Петрушку убить до смерти; а села Жукова церковь Божію сожгли и мордвина до смерти убили; а Кадомской воевода Дмитрей Аристовъ съ женою и съ подьячимъ изъ Кадома бѣжалъ и жилъ въ Шацкомъ уѣздѣ въ селѣ Подболотьѣ дня съ три, а изъ села Подболотья куды съѣхалъ, и того онъ не вѣдаетъ; а на Инсарѣ тѣхъ воровскихъ людей стоитъ большая сила и къ Шацкому чаетъ тѣхъ воровскихъ людей вскорѣ во вторникъ нынѣшней; а велѣдъ де тотъ Елисеевъ человѣкъ Лачинова Петрушка въ Шацкомъ мнѣ, холопу твоему, и грацкимъ людемъ о томъ вѣсно ему учинить; о томъ мнѣ холопу своему, что ты, великій государь, укажешь?»

Черезъ три дня изъ самаго Тамбова писали: «Октября въ третій день привелъ въ Танбовъ въ приказную избу ряшенинъ Ѳедоръ Колюбакинъ съ товарыщи ломовца сына боярского Савелья Невѣжина съ сыномъ ево Самошкою, и сказалъ, съѣхался де онъ Ѳедоръ съ нимъ Савельемъ на дорогѣ, не доѣхавъ до Керенска

верствъ за 10, и взялъ де ево Савелья въ Танбовъ съ собою для распросу вѣстей про воровскихъ казаковъ и тотъ ломовецъ распрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ: въ нынѣшнемъ де году, сентября въ 27-й день, пришли въ Ломовкой уѣздъ отъ вора отъ Стенки Разина товарыщи ево воровскіе казаки и помѣщиковы крестьяне, приставъ къ воровству ихъ многіе люди, и въ томъ дѐ Ломовскомъ уѣздѣ въ деревнѣ ихъ Невѣжинѣ воровскіе казаки были и брата ево Савельева роднаго Трофима съ зятемъ его Ѳедоромъ взяли и отвели въ томъ же Ломовскомъ уѣздѣ въ село Никольское къ Григорью Андрееву сыну Мещеренину на дворъ ево и держали до ихъ у него Григорья подъ повилушею сутки и вывелъ де ихъ Трофима и зятя его Ѳедора и Григорьева сына Мещеринова Ульяна да Благовѣщенского собора протопопа Андрея Совиновича крестьянина ево Оску порубили до смерти и трехъ де человѣкъ брата ево Трофимова и зятя ево Ѳедора и Григорьева сына Ульяна, тутошніе люди схоронили въ одну могилу и ево де Савельевъ домъ и иныхъ многихъ людей, тѣ воровскіе казаки разграбили и жену его пытали, а онъ де Савелей съ сыномъ да съ племянникомъ своимъ, боясь отъ тѣхъ воровскихъ казаковъ смертнаго убивства, побѣжалъ было въ Шацкой. А пришли де тѣ воровскіе казаки въ Ломовской уѣздъ съ Норовчатовскаго городища, а того де Норовчатовскаго городища жильцы городъ тѣмъ воровскимъ казакамъ сдали, а приказнаго де человѣка съ сыномъ ево ограбя до нага и посадили въ тюрьму, и послѣ де его Савелья тѣ воровскіе казаки пошли къ нижнему городу Ломову. А изъ Ломовскаго де уѣзду прибѣжалъ онъ, Савелей, въ Керенскъ, и керенскіе де жильцы ихъ воровскихъ казаковъ ожидаютъ къ себѣ въ Керенскъ вскорѣ. Да они жъ де воровскіе казаки были въ Кадомскомъ уѣздѣ въ селѣ Жуковѣ, и Матвѣя де Жукова домъ разграбили и церковь Божію въ томъ селѣ Жуковѣ и ево Матвѣевъ дворъ сожгли. А ѣздя де они воровскіе казаки по уѣздамъ рубятъ помѣщиковъ и вотчиниковъ, за которыми крестьяне, а чорныхъ де людей крестьянъ и боярскихъ людей и казаковъ и иныхъ чиновъ служилыхъ людей и никово не рубятъ и не грабятъ. Да онъ же, Савелей, слышалъ въ Ломовскомъ уѣздѣ отъ мужиковъ, говорятъ де боярскіе мужики межъ собою, прислана де къ тѣмъ воровскимъ казакамъ отъ вора отъ Стенки Разина ево воровская грамота, чтобъ де черные люди крестъ цѣловали государю царевичу Алексѣю Алексѣевичу и батюшку нашему, а называютъ де они батюшкомъ бывшаго Никона патріарха. А про него вора про Стенку Разина съ товарыщи говорятъ, что де онъ Стенка на Волгѣ, а въ которомъ де мѣстѣ онъ, Стенка, на Волгѣ, про то де онъ Савелей не вѣдаетъ. Да тогъ жъ числа въ распросѣ сказалъ: Шацкаго уѣзду деревни Берестенокъ Ивановъ крестьянинъ Свищова Филька Шелудякъ, сидѣлъ де онъ Филька въ тюрьмѣ въ Керенскѣ годы съ 4-е въ лошадиной краже; и въ нынѣшнемъ де году, въ сентябрѣ

мѣсяцѣ, а котораго числа того не вѣдаетъ, увѣдалъ де керенской воевода, что вора Стенки Разина воровскіе казаки пришли въ Ломовской уѣздъ и хотятъ приходить въ Керенскъ, и онъ де керенской воевода изъ тюрьмы тюремныхъ сидѣльцевъ всѣхъ распустилъ, и въ Керенскомъ де уѣздѣ селѣ Жуковѣ помѣщика убили и церковь Божію и дворъ его сожгли. Да въ Керенсковомъ же де уѣздѣ въ деревнѣ Тимашовѣ они же, воровскіе казаки, побили помѣщиковъ трехъ человѣкъ и домы ихъ разграбили и пожгли и женъ ихъ и дѣтей побили до смерти. А тѣхъ де воровскихъ казаковъ было съ 500 человѣкъ, а съ ними черкасы и калмыки съ копьи, да съ ними жъ де знамена вязалъ лошединый хвостъ. Да онъ же де, Филька, видѣлся съ воровскими казаками въ Ломовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Шелдоисѣ, и ему де, Филькѣ, они воровскіе казаки сказывали, что итти имъ въ Шацкой, и въ Танбовъ, и въ Козловъ и въ иные городы. Да какъ де онъ Филька шолъ изъ Керенска домой въ Шацкой уѣздъ и заходилъ де въ деревню Ракову къ новокрещену къ Василью князь Кудашеву и при немъ де, Филькѣ, прибѣжалъ изъ Нижнева города Лимова воевода Андрей Пекинъ съ подьячимъ пѣши въ одныхъ рубашкахъ, и сказали, побѣжали де они изъ того Нижнего города Ломова отъ воровскихъ казаковъ, боясь отъ нихъ смертного убійства».

Оттуда же, изъ Тамбова, нѣсколькими днями позже:

«Пріѣхалъ въ Танбовъ, танбовской станичной вожъ Ивашка Болта, котораго посылалъ изъ Танбова для провѣдыванья вѣстей, думной дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѳѣевичъ Хитрово на Царицынъ къ воеводѣ къ Тимоѳею Тургеневу 20 человѣкъ; а въ распросѣ вожъ Ивашка Болта сказалъ:—отпущены де они съ Царицына за два дни до Покрова и пріѣхавъ де онъ, Ивашко Болта, съ товарыщи на рѣку Хопру къ пристанскому казачью городку и товарыщевъ де своихъ танбовскихъ станичниковъ восмнадцать человѣкъ отпустилъ въ Танбовъ, а самъ де онъ, Ивашко, остался съ товарыщемъ своимъ съ Гришкою Дементьевымъ у пристани въ казачьемъ городкѣ для провѣдыванья вѣстей и слышелъ де онъ, Ивашка, въ томъ пристанскомъ городкѣ у казака у Петрушки Гайдука, сказывалъ де онъ, Петрушка, въ томъ пристанскомъ казачьемъ городкѣ своей братьи казакамъ, звали де Фролку Разина казаки съ собраньемъ ево подъ Танбовъ нынѣ вскорѣ, и онъ де, Фролка, посылаетъ подъ Танбовъ войною танбовца отоманомъ Ивашка Мартинова съ воровскими казаками».

Нѣсколькими днями еще позже шацкій воевода «холопъ Андрюшка Остафьевъ», ударивъ челомъ, доносилъ о положеніи, совсѣмъ ужъ отчаянномъ: половина воеводъ была ужъ побита или разбѣжались.

«Въ нынѣшнемъ, государь, году, октября въ 7-й день, писалъ въ Шацкой ко мнѣ, холопу твоему, твоихъ государевыхъ дворцовыхъ Шацкихъ селъ, села Конобѣева воевода Василей Строевъ,

а въ отпискѣ его написано: посылалъ де онъ въ Керенскъ для провѣдыванія воровскихъ казаковъ конобѣевскихъ приставовъ Аѳонку Иванова съ товарыщи, и того жъ де числа писалъ изъ Керенска къ нему Автомонъ Безобразовъ совѣтною грамотку съ тѣми конобѣевскими приставы, а въ той де ево совѣтной грамоткѣ написано:—октября въ 4-й день вѣдомость отъ многихъ людей, что воровскіе казаки въ Инзары, убивъ воеводу, ходили на Пензу и на Пензѣ воеводу Елисѣя Лачинова убили, а въ Нижнемъ Ломовѣ грацкіе люди воеводу въ тюрьму посадили и къ воровскимъ казакамъ посылали, и воровскіе казаки изъ Норовчатаго, а иные съ Пензы пришли; и нынѣ въ Нижнемъ городѣ Ломовѣ; и воровскіе казаки съ Нижняго города присылали атаманы казаковъ въ Верхній городъ Ломовъ, и Верхняго города Ломова воеводу Игнатія Корсакова взяли въ Нижней Ломовъ; а что надъ Ондреемъ Пекинымъ учинилось и надъ Игнатьемъ Корсаковымъ, того не вѣдомо; а въ Керенскъ де хотятъ быть октября въ 5-й день, а грацкіе де люди ему сказали, что имъ битца съ казаками не въ мочь, всѣ приклонились къ ворамъ; а уѣздные люди давно предались, и нынѣ воровскіе люди объявились въ семи верстахъ отъ Керенска, и грацкіе люди его (воеводу) стерегутъ, чтобы не ушелъ и его де ворамъ отдадутъ, и чтобъ ему о томъ отписать къ великому государю къ Москвѣ, а ему послать некого; да конобѣевскіе жъ приставы передъ нимъ въ распросѣ сказали: какъ де они поѣхали отъ Керенска съ тою совѣтною грамоткою и къ Керенску пришли де воровскіе казаки и учали къ городу Керенску приступать, и они то изъ-за города Керенска видѣли; а въ Шацкомъ, государь, служилыхъ людей мало, стрѣльцовъ 80 человѣкъ, пушкарей и затинщиковъ, и разсыльщиковъ 24 человѣка, и на нихъ къ приходу не надежа, а уѣздные люди въ осаду не идутъ; и хотябъ они въ осаду пришли, на нихъ не надежа, что шатаніе въ нихъ большое; а подъ городомъ твоя государева дворцовая черная слобода, а въ ней съ 500 дворовъ, и они въ осаду ни единъ человѣкъ не идутъ, ожидаютъ всякого дурна».

VII.

Вотъ въ какомъ отчаянномъ состояніи находились не только воеводы, попы и подъячіе этого несчастнаго изстрадавшагося отъ всякаго безправія края, но и вообще все населеніе! Воеводы съ своей призрачной властью, взывая къ порядку и покорности ими же всякой неправдой озлобленнаго и разореннаго населенія, грозили страхами Божьяго и царскаго суда и бѣжали сами, утекали, куда попало, какъ только показывались казаки и воры или вооруженные дубинками мужики; а воровскіе казаки и свои же, приставшіе къ нимъ односельчане, разные «уѣздные люди» силой забирали къ себѣ въ свои банды тѣхъ, кто не хотѣлъ или боялся открыто и прямо

становиться на ихъ сторону. Но воеводы пока-то еще приведутъ свою угрозу въ дѣйствіе, да еще и станутъ ли когда-либо это дѣлать—гдѣ ужъ имъ, сами бѣгутъ! — а казаки и своя братья, всякаго чина уѣздные люди, приставшіе къ нимъ, скоры на расправу. Да наконецъ, и что̀ же терять? Въ лѣсахъ вонъ жили же люди, которые теперь повыходили оттуда и разсказываютъ, что имъ жилось хоть порой и холодно и голодно, но зато не въ примѣръ вольнѣй и лучше во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ помѣщичьимъ и монастырскимъ крестьянамъ, безпрекословно исполнявшимъ волю господскую. Ну, избави Боже, воеводы одолѣютъ, побьютъ казаковъ—хотя какъ же это можетъ быть, когда эти воеводы безъ войска и сами бѣгутъ первые? — ну, тогда можно уйти въ лѣса, на рѣки, гдѣ вонъ сколько и ранѣе того жило народу и жили они — сами говорятъ—не въ примѣръ лучше смирныхъ и терпѣливыхъ, которые все какой-то милости ждали да награды за свое спокойствіе и терпѣніе и не дождались такъ-таки ни отъ кого ничего... Остававшееся еще смирнымъ населеніе видѣло съ одной стороны претензію на власть уже ускользнувшую изъ рукъ у воеводъ, самихъ воеводъ перетрусившихъ, побросавшихъ все и въ однихъ рубашкахъ въ холодъ и въ морозъ, по снѣгу (осень стояла въ томъ году холодная и былъ въ октябрѣ, уже снѣгъ) бѣжавшихъ за десятки верстъ, ночью, отъ одного извѣстія, что казаки идутъ; а съ другой—эти же казаки — побѣдители, которыхъ воеводы и подъячіе зовутъ «ворами», на самомъ дѣлѣ частые и настоящіе ихъ спасители и благодѣтели, такъ какъ самихъ ихъ не трогаютъ, охотно помогаютъ имъ и бьютъ и грабятъ только ихъ общихъ притѣснителей и грабителей воеводъ, подъячихъ и помѣщиковъ, а какъ придетъ, что тамъ, позади ихъ, идетъ съ главными силами самъ «батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ» и съ нимъ нечай царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ и Никонъ патріархъ, то и совсѣмъ все новое устройство имъ дастъ, вольное, казацкое. Въ «прелестныхъ» грамотахъ Стеньки говорилось прямо, что онъ дѣйствуетъ по приказанію царевича и Никона и чтобы и присягали имъ. Онъ требовалъ «повидимому» совершенно законнаго, онъ ничего не требовалъ такого, чтобы не было освѣщено ихъ волей, ихъ приказами. Онъ и помѣщиковъ, и воеводъ, и подъячихъ грабилъ и вѣшалъ только потому, что они ему это дѣлать приказали и вообще все дѣло расправы съ непокорными и злоупотреблявшими властью поручили ему. Онъ исполнитель распоряженій царскаго сына и патріарха, онъ самъ по себѣ ничего, онъ творитъ волю пославшихъ его. Онъ и населеніе призываетъ къ этому же и если принуждаетъ нерѣшительныхъ и робкихъ идти съ собою, то это потому только, что спасаетъ ихъ отъ могущаго обрушиться на нихъ гнѣва царевича: зачѣмъ они не встрѣчали его и не помогали исполнить его волю, направленные имъ же на благо и на спасеніе...

Да, наконецъ, и безъ всякихъ размышленій о будущемъ и о законности возстанія, шли къ казакамъ и своимъ смѣлымъ людямъ просто отвести въ вольномъ житьѣ душу, погулять, попить на волькѣ, а тамъ пусть будетъ, что будетъ: хуже не будетъ того, что было. И такихъ безшабашныхъ людей безъ всякаго сомнѣнія было еще больше, потому что такихъ легкомысленныхъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ больше, а потомъ это видно и изъ того, что такіе люди всегда первые бѣгутъ, какъ только настанетъ пора неудачъ, а ужъ такой паники и такого общаго поголовнаго бѣгства, какое было при концѣ Стенькинова возстанія и представить себѣ нельзя. Какъ легкомысленно бѣжали прежде воеводы, подъячіе, помѣщики и всякіе «государевы служилые люди», все время безшабашно кутившіе и чинившіе всякую неправду населенію, обращавшіеся въ бѣгство при одномъ слухѣ только, что идутъ воровскіе казаки и ужъ близко воеводы Стенькины, такъ точно потомъ, послѣ первыхъ же неудачъ, стали разбѣгаться и утекать Стенькины банды при одномъ извѣстіи, что идутъ и ужъ близко государевы люди съ воеводами, знаменами и пушками, отбитыми вначалѣ у нихъ казаками и теперь вновь попавшими къ нимъ въ руки.

Но это все случилось, какъ сказано выше, благодаря тому только, что Стенькѣ не посчастливилось подъ Симбирскимъ и онъ не достигъ лѣсистыхъ и неприступныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ Тамбовской земли. Окоротить его успѣли рано и этимъ только и спаслись.

Теперь же среди этой общей паники и поголовнаго почти возстанія всего края, изъ всѣхъ воеводъ, сидѣвшихъ въ городахъ съ «пушками» и «мушкетами» не потеряли головъ, повидимому, только двое—Тамбовскій воевода думный дворянинъ Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово да воевода Козловскій Степанъ Хрущовъ. Эти двое только и не сробѣли, по крайней мѣрѣ не растерялись, не жаловались, что они «одряхлѣли, уныли и стало имъ оттого тошно». Они оба сейчасъ же, какъ началось возстаніе, обнаружили и энергію въ принятіи необходимыхъ къ защитѣ и успокоенію своихъ городовъ мѣръ и стали готовится не бѣжать, а сразиться съ грознымъ врагомъ.

Оба они, распорядительные и энергичные, все время, даже въ самое худшее, при началѣ возстанія, когда Стенькины казаки только-что разлились по Тамбомской землѣ и начали поднимать населеніе, когда доходили слухи все объ однихъ только побѣдахъ Стенькиныхъ и его самаго ждали ужъ чуть не со дня на день, и то они оба держали высокій тонъ, недопускавшій сомнѣнія, что они не отступятъ передъ врагомъ, а скорѣе лягутъ мертвыми въ неравной съ нимъ битвѣ.

Отъ 10-го октября Хрущовъ писалъ царю на Москву: «Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ въ 10-й день писалъ ко мнѣ, холопу

твоему изъ Шацкого воевода Андрей Остафьевъ, а въ отписке ево, государь, написано: прибѣжали де въ Шацкой Шацкіе сторожевые казаки Екимка Ковылинъ съ товарыщемъ отъ Керенского лѣсу изъ Ининой слободы, а въ распросе де, государь, передъ нимъ сказали: были де они для вѣстей въ Ининой слободѣ, и того жъ де, государь, числа пришолъ въ тое слободу изъ Керенска крестьянинъ, а сказывалъ де, государь, имъ, что Керенскъ городъ воровскіе люди взяли и изъ Керенска идутъ въ Шацкой, а въ Ининой де свободѣ крестьяне черезъ рѣку Цну мостятъ мостъ, а въ тотъ же де день чаетъ ихъ въ Инину свободу, а Инина де слобода отъ Шацкаго всего въ 20 верстахъ; и по тѣмъ, государь, вѣстямъ въ Козловской уѣздъ во вся села и въ деревни послалъ я, холопъ твой, козловскихъ разъѣщиковъ, а по наказнымъ, государь, паметямъ велѣлъ я, холопъ твой, козловцовъ дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ людей съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ запасы выбивать наскоро въ Козловъ въ осаду и для разбору либо мнѣ, холопу твоему, мучитца итти въ походъ противъ твоихъ государевыхъ непріятельскихъ людей отъ Козлова не въ дальнихъ мѣстехъ; а что, государь, вѣстовой въ Шацкой отписке написано, что ломовцы и керенцы твои государевы грацкіе люди и уѣздные тебѣ государю измѣнили, воеводъ въ тюрьму посадили и къ воровскимъ казакамъ приклонилися, и я, холопъ твой, слыша такую ихъ шатость, велѣлъ въ Козловѣ посадцкихъ слободъ твоихъ государевыхъ служилыхъ людей козловцовъ дѣтей боярскихъ и сторожевыхъ и полковыхъ казаковъ и стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ и воротниковъ и посадцкихъ и грацкихъ всякихъ чиновъ людей пересмотрѣть по спискамъ и пересмотрѣвъ, государь, велѣлъ ихъ для подкрепленія твоей государевы службы привести къ вѣрѣ въ соборной Апостольской церкви по чиновной печатной книгѣ; а сверхъ, государь, чиновника велѣлъ я, холопъ твой, написать статью къ вѣрѣ жъ, чтобъ они, козловцы, въ нынѣшнее въ смутное время къ вору и къ измѣннику и крестопреступнику, къ Стенкѣ Разину и къ ево товарыщемъ къ воровскимъ казакамъ къ ихъ воровству и къ дьявольской ихъ душепагубной прелести не приставали ни въ чемъ и бунту и скопу и заговору и мятежу не заводили и надъ Козловомъ городомъ и надъ иными твоими государевыми городами и надъ твоею государевою казною и надъ воеводы, и надъ приказными и надо всякими мірскими людьми убивства и грабежу и никакіе хитрости лукавствомъ не чинили и изъ Козлова на Хоперъ и на Донъ и на Волгу къ вору и измѣннику къ Стенкѣ Разину и къ товарыщемъ ево не отъѣхали и не збѣжали и тебѣ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу и твоимъ государскимъ дѣтемъ благовѣрному государю царевичу и великому князю Ѳодору Алексѣевичу и бла-

говѣрному государю царевичу и великому князю Іоанну Алексѣевичу и благовѣрнымъ царевнамъ служили въ Козловѣ и не измѣняли; а козловцы, государь, на томъ крестъ цѣловали въ соборной Апостольской церкви; а какъ, государь, изъ уѣзду козловцы жъ всякихъ чиновъ люди въ Козловъ по высылкѣ будутъ и я, холопъ твой, въ томъ по тому жъ велю ихъ привести къ вѣрѣ для подкрѣпленія твоей государевы службы и осаду, государь, велю крѣпить и въ походъ не въ дальные мѣста противъ твоихъ государевыхъ непріятельскихъ людей стану готовитца тотчасъ; а въ Шацкой, государь, для подлинныхъ вѣстей послалъ я, холопъ твой, въ станицу козловца сына боярскаго Родіона Толкачева съ товарыщи 12 человѣкъ того жъ числа, и что, государь, какихъ вѣстей о воровскихъ казакахъ прибудетъ впредь и что у меня, холопа твоего, станетъ чинитца, и о томъ о всемъ къ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой, учну писать въ Розрядъ того жъ числа».

Воевода тамбовскій, думной дворянинъ Яковъ Хитрово былъ еще энергичнѣе. Ему первому пришлось сразиться съ воровскими казаками и ходилъ онъ для этого изъ Тамбова «подъ Шацкой». Онъ ходилъ туда «на спѣхъ», собравши все, что было у него подъ рукой своего тамбовскаго войска и присланныхъ къ нему на подмогу рейтаръ; московскихъ же стрѣльцовъ онъ почему-то не смѣлъ съ собою брать въ походъ и о томъ, чтобы впослѣдствіи было ему дозволено употребить ихъ въ дѣло, онъ писалъ особо къ царю, просилъ его разрѣшенія. Хитрово поспѣшно прибылъ подъ Шацкъ и поспѣлъ во время, какъ разъ наканунѣ прихода туда же Мишки Харитонова съ тремя другими Стенькиными воеводами.

Этотъ походъ Хитрово «подъ Шацкой» былъ дѣломъ очень рискованнымъ, особенно съ такими силами, которыми онъ располагалъ. Хитрово выходилъ биться на встрѣчу къ передовому Стенькину атаману Харитонову, не имѣя за собой никакой помощи, и въ то же время зная, что за Харитоновымъ, напротивъ, стоитъ вся Стенькина сила и весь поднятой Стенькою край.

Этотъ походъ Хитрово былъ огромнымъ съ его стороны подвигомъ. Онъ шелъ на вѣрную погибель и неудайся разбить ему Харитонова, никто бы не спасся. Въ Шацкѣ сидѣть нельзя было, да и безцѣльно, такъ какъ не откуда было бы ждать помощи. Воеводы всѣхъ сосѣднихъ городовъ — одни разбѣжались, другіе были побиты или сидѣли у мятежниковъ въ тюрмахъ, въ ожиданіи своей участи. Воевода козловскій Хрущевъ хоть и энергичный былъ человѣкъ, но ему гдѣ же было идти къ Шацку и бросить на произволъ свой городъ, да у него и сила была самая пустая, ничтожная. Если Барятинскій, разбивъ Разина подъ Симбирскимъ, остановилъ вообще разливъ всего возстанія, то Хитрово своей побѣдой подъ Шацкимъ остановилъ дальнѣйшій разливъ передовыхъ бандъ Стеньки по Тамбовской землѣ и далѣе. Нельзя, конечно, равнять побѣду

Хитрово подъ Шацкимъ съ побѣдой Барятинскаго подъ Симбирскимъ; но значеніе ея огромно для всего края, который разстилался на далекое пространство совсѣмъ беззащитнымъ, и на которомъ эти передовые Стенькины банды даже и послѣ разбитія его самого съ его главными силами подъ Симбирскимъ, сплотившись, могли образовать новую страшную силу, и, кто знаетъ, не явился какъ бы къ ней вновь въ качествѣ главнаго атамана и руководителя-организатора дальнѣйшаго развитія возстанія разбитый подъ Симбирскимъ самъ Стенька Разинъ. Изъ разсказовъ тамбовскаго лѣтописца и изъ грамотъ московскихъ и воеводскихъ отписокъ мы видѣли какой богатый матеріалъ скопился во всемъ краѣ для Стеньки и какой громадный контингентъ озлобленныхъ, отчаянныхъ, на все готовыхъ людей поставилъ бы онъ Разину въ его «войско».

Но этого не случалось только благодаря неудачи Харитонова «съ товарыщи» подъ Шацкимъ, котораго одолѣлъ Хитрово. Побѣдѣ этой какъ-то мало до сихъ поръ придавали значенія, а между тѣмъ она несомнѣнна и огромна. Будущій историкъ возстанія Разина, конечно цѣнитъ ее, особенно имѣя въ виду вновь найденныя и опубликованныя данныя о положеніи края, открытаго для разлива по немъ передовыхъ Стенькиныхъ бандъ...

Хитрово повидимому и самъ понималъ, отправляясь въ походъ, на какое отчаянное, рискованное, но и огромной важности дѣло онъ идетъ. Онъ понималъ также, что тутъ медлить и собираться съ силами, собирать ихъ по крошкамъ, и оттягивать походъ, невозможно. Если бы собиралъ онъ свои силы, притягивая къ себѣ потомъ изъ сосѣднихъ еще не охваченныхъ возстаніемъ городовъ, то въ гораздо большей степени, сравнительно съ нимъ, успѣлъ бы усилиться отъ присоединявшихся къ нему въ изобиліи и со всѣхъ сторонъ Харитоновъ «съ товарыщи», къ которымъ потомъ стекались и изъ этихъ «вѣрныхъ» городовъ и изъ деревень, и изъ лѣсовъ, въ которыхъ кто же могъ знать сколько ихъ, этихъ «воровскихъ людей» тамъ?

Донесенія Хитрово, носящія на себѣ какой-то эпическій отпечатокъ, въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны:

«Въ нынѣшнемъ, государь, году по извѣту Танбовца земца посылалъ я, холопъ твой, изъ Танбова на рѣкѣ Хопру въ урочищи Березники, въ которыхъ мѣстехъ по рѣкѣ Хопру Земецкіе вотчины, что де будто въ тѣхъ урочищахъ стоятъ собрався воровскіе казаки съ три тысячи человѣкъ Тамбовцовъ и Козловцовъ служилыхъ людей, а тѣ, государь, посыльные люди, пріѣхавъ въ Танбовъ мнѣ, холопу твоему, сказали, что де въ тѣхъ урочищахъ воровскихъ казаковъ и иныхъ никакихъ людей не видали; а тѣ, государь, ево Земецкіе вѣсти про тѣхъ воровскихъ казаковъ солгались. И въ нынѣшнемъ же, государь, году октября въ 10-й день

писалъ ко мнѣ, холопу твоему, въ Танбовъ изъ Шацкаго Ондрѣй Остафьевъ о вѣстяхъ про воровскихъ казаковъ и я, холопъ твой, съ твоими великого государя ратными людьми пошолъ изъ Танбова къ Шацкому на спѣхъ, октября въ одиннадцатый день, а въ Танбовѣ, государь, оставилъ я, холопъ твой, товарыща своево стольника и воеводу Еремѣя Пашкова съ твоими великого государя съ ратными людьми; а со мною, государь, холопомъ твоимъ, въ походѣ твоихъ великого государя ратныхъ людей конныхъ и пѣшихъ 2,670 человѣкъ, а сколько, государь, какихъ чиновъ ратныхъ людей порознь въ походѣ со мною, холопомъ твоимъ, и сколько, государь, ратныхъ же людей оставилъ я, холопъ твой, въ Танбовѣ съ стольникомъ и воеводою съ Еремѣемъ Пашковымъ, и тому, государь, роспись послалъ къ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой, подъ сею отпискою; а московскихъ, государь, стрѣльцовъ полуголову Григорія Салова, а съ нимъ московскихъ стрѣльцовъ 210 человѣкъ оставилъ я, холопъ твой, въ Танбовѣ, а съ собою, государь, въ походъ тѣхъ московскихъ стрѣльцовъ, безъ твоего великого государя указу, я, холопъ твой, взять не смѣлъ, и о тѣхъ, государь, о московскихъ стрѣльцахъ ты, великій государь, какъ мнѣ, холопу своему, укажешь. Да октября жъ, государь, въ одиннадцатый день, писалъ ко мнѣ, холопу твоему, изъ Шацкаго воевода Андрей жъ Остафьевъ о вѣстяхъ про воровскихъ же казаковъ, и съ той, государь, его Ондреевой отписки послалъ къ тебѣ великому государю я, холопъ твой, списокъ подъ его отпискою. А съ твоими, государь, съ ратными людьми по тѣмъ вѣстямъ иду я, холопъ твой, къ Шацкому на спѣхъ. Да того жъ, государь, числа прислалъ ко мнѣ, холопу твоему, изъ Танбова товарыщъ мой стольникъ и воевода Еремей Пашковъ списокъ съ отписки, какову отписку писалъ къ нему въ Танбовъ изъ Козлова воевода Степанъ Хрущовъ о вѣстяхъ про воровскихъ казаковъ, и тотъ, государь, списокъ съ отписки послалъ къ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой, подъ сею отпискою; а на передъ, государь, изъ походу послалъ я, холопъ твой, къ Шацкому твоихъ великого государя, ратныхъ людей Левонтья Букина съ мещеряны и съ рейтары съ полковыми казаками, всего съ нимъ 300 человѣкъ; а напередъ, государь, сево послано на заставу къ Кацмацкимъ воротамъ для береженія отъ воровскихъ же казаковъ и для промыслу твоихъ, великого государя, ратныхъ людей 300 жъ человѣкъ».

Хитрово, такимъ образомъ, «поспѣшая», пошелъ къ Шацкому на выручку 11-го октября, оставивъ въ Тамбовѣ, съ 2,118 человѣками стрѣльцовъ, рейтары и проч. своего товарища сотника Еремѣя Пашкова, которому пока не угрожала еще никакая опасность. Подробный списокъ оставшихся съ Пашковымъ вооруженныхъ силъ Хитрово послалъ на Москву къ государю. По этому списку въ Тамбовѣ съ Пашковымъ оставалось: «дѣтей боярскихъ 21 чел.,

бѣломѣсныхъ казаковъ 81 чел., сторожевыхъ казаковъ 40 чел., полковыхъ казаковъ разныхъ слободъ и селъ 1,017 чел., Московскихъ стрѣльцовъ 210 чел., Танбовскихъ стрѣльцовъ 243 чел., солдатъ 502 человѣка, пушкарей и затинщиковъ и воротниковъ 31 человѣкъ, станичныхъ вожей 3 чел. Всего въ Танбовѣ всякихъ чиновъ ратныхъ людей оставлено 2,118 человѣкъ».

Этихъ силъ Пашкову, которому никто и ни откуда не угрожалъ безъ сомнѣнія, было достаточно. Ужъ если Хитрово пошелъ съ такимъ же числомъ людей къ Шацкому на встрѣчу Харитонову и тремъ еще Стенькинымъ атаманамъ, число войскъ которыхъ онъ не могъ даже приблизительно знать, такъ какъ къ нимъ ежедневно подходила помощь и изъ деревень, лѣсовъ и нагоняли задніе и отставшіе атаманы, замедлившіеся на своемъ ходу разореніями и грабежами городовъ и помѣщичьихъ усадебъ; то Пашкову съ его силами можно бы покойно сидѣть, не робѣя преждевременно. Но такъ великъ былъ у всѣхъ, за исключеніемъ Хитрово и Хрущова, страхъ и такъ всѣ оказались растерявшимися и малодушными, что этотъ же самый Пашковъ, въ тотъ же самый день, оставленный Хитрово сидѣть въ Тамбовѣ съ такой относительно все-таки солидной силой, послалъ на Москву къ царю явную и завѣданную ложь, повидимому, забывъ совершенно о томъ, что она тотчасъ же раскроется: «Въ нынѣшній день пошелъ изъ Танбова думный дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѳѣевичъ Хитрово въ походъ, а меня, государь, холопа твоего, оставилъ въ Танбовѣ; взялъ съ собою твоихъ государевыхъ ратныхъ людей всякихъ чиновъ разныхъ городовъ и танбовцовъ жалованныхъ людей розныхъ чиновъ, а со мною, государь, холопомъ твоимъ въ Танбовѣ оставилъ только московскихъ стрѣльцовъ, полуголову Григорья Салова да стрѣльцовъ московскихъ съ нимъ 208 человѣкъ, да на чертѣ въ красномъ городкѣ 83 человѣка; и на тѣхъ, государь, танбовцовъ въ нынѣшнеее смутное время надѣетца не на ково, потому что у тѣхъ, государь, танбовцовъ на Дону братья и племянники и дѣти, а иныхъ, государь, городовъ твоихъ государевыхъ ратныхъ людей не оставилъ въ Танбовѣ, со мною, холопомъ твоимъ, ни одного человѣка, и съ тѣми, государь, малыми людьми мнѣ, холопу твоему, въ Танбовѣ сидѣть не съ кѣмъ, а будетъ, государь, въ Танбовѣ иныхъ городовъ твоихъ великого государя ратныхъ людей не будетъ, и въ Танбовѣ, государь, въ приходъ воровскихъ казаковъ чаетъ всякого дурна; а по отписке, государь, изъ Шацкаго воеводы Андрѣя Остафьева, что воровскіе де казаки пришли въ Шацкой уѣздъ отъ города за 20 верстъ, а Шацкой, государь, отъ Танбова только во стѣ въ двадцати верстахъ, и что, государь, учинится въ Танбовѣ отъ малолюдства какое дурно, и за то, государь, мнѣ бъ, холопу твоему, отъ тебя, великого государя, въ опалѣ не быть; и о томъ, государь, мнѣ, холопу твоему, что ты, великій государь, укажешь!»

Что въ отвѣтъ на это донесеніе царю послѣдовало,—не извѣстно, но вскорѣ въ Тамбовъ былъ присланъ изъ Москвы стольникъ и воевода Иванъ Бутурлинъ. На одного Пашкова очевидно не надѣялись.

Въ числѣ вновь открытыхъ и обнародованныхъ Тамбовской Архивной Комиссіей документовъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подлиннаго донесенія Хитрово о битвѣ его подъ Шацкимъ съ Харитоновымъ. Есть свѣдѣнія и нѣкоторыя подробности объ этомъ, но самаго донесенія нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно побѣда Хитрово была полная и ему дальше уже не приходилось сталкиваться съ такими силами. Имѣя Шацкой опорнымъ своимъ пунктомъ, Хитрово то и дѣло ходилъ по разнымъ направленіямъ разбивать отдѣльныя банды, какъ только узнавалъ, что онѣ гдѣ-нибудь собибираются, но это все было ужъ не то. Главные атаманы: Харитоновъ, Чирокъ и Шиловъ были разбиты и убѣжали назадъ, побросавъ и пушки и знамена. А главное, побѣда эта, ободривъ упавшій совершенно въ царскомъ войскѣ духъ, имѣла несомнѣнно сильное вліяніе тотчасъ же на все окрестное населеніе. Важность побѣды Хитрово въ стратегическихъ и другихъ отношеніяхъ выяснилась уже позже; но теперь она была важна въ этихъ двухъ отношеніяхъ: ободрила упавшій духъ въ царскомъ войскѣ, дала ему вѣру въ самого себя и потомъ охладила увѣренность населенія въ непобѣдимость Стеньки и его атамановъ.

Послѣ Харитонова «съ товарыщи» больше всѣхъ надѣлалъ хлопотъ воеводѣ Хитрово Тимошка Мещеряковъ. Съ нимъ воеводѣ пришлось много повозиться. Хитрово очень обстоятельно и характерно описываетъ въ своемъ донесеніи, какъ онъ бился съ Мещеряковымъ, побѣдилъ, какъ потомъ тотъ ему сдался, а онъ, имѣя въ виду разныя свои политическія соображенія, отпустилъ его на волю.

«Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ, въ 21-й день, вѣдомо мнѣ, холопу твоему, учинилось въ Шацкомъ, что въ Шацкомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Печинищахъ, отъ Шацкаго въ 20 верстахъ, собрався розныхъ шацкихъ селъ и деревень воры и измѣнники крестьяне забунтовали и стояли для воровства многіе люди въ той деревнѣ Печинищахъ, да съ ними жъ де, государь, ворами и измѣнники въ той же деревни стояли танбовскіе казаки и солдаты розныхъ слободъ и селъ, которымъ, по твоему великого государя указу, велѣно быть на твоей, великого государя, службѣ въ Шацкомъ полку у меня, холопа твоего, и твое, великого государя, денежное жалованье для службы имъ казакомъ и солдатомъ дано въ Танбовѣ, и изъ твоей же, государь, деревни Печинищей тѣ воры и танбовскіе казаки и солдаты, боясь на себя твоихъ, великого государя, ратныхъ людей приходу, отошодъ въ Танбовскій уѣздъ на рыбную пустошь въ село Алгасово, ставъ обозомъ, и завели бунтъ,

и призвали къ себѣ рыбной же пустоши розныхъ селъ крестьянъ многихъ и стали побивать всякихъ чиновъ людей и животъ ихъ, грабить и твою, великого государя, казну, котора была послана съ начальными людьми ко мнѣ, холопу твоему, въ рейтарской полкъ полковника Семена Семенова сына Скорнякова-Писарева, знамена, и трубы, и литавры, и пистоли, и карабины взяли; и октября, государь, въ 22-й день на тѣхъ воровъ и бунтовщиковъ и на танбовскихъ казаковъ и на солдатовъ въ Танбовскій уѣздъ въ село Алгасово съ твоими, великого государя, ратными людьми и съ полковники, и съ рейтары изъ Шацкаго я, холопъ твой, ходилъ и пришодъ въ село Алгасово тѣхъ воровъ и казаковъ и солдатовъ и мужиковъ бунтовщиковъ въ селѣ Алгасовѣ осадили и къ обозу ихъ приступили жестокими приступы и изъ пушекъ били и побивали въ обозѣ и у обозу ихъ многихъ, и то, государь, село Алгасово велѣлъ я, холопъ твой, въ то приступное время зажечь и разорить, потому что того села Алгасова крестьяне въ томъ же обозѣ съ тѣми ворами и съ казаками и съ солдаты сидѣли и съ твоими, великого государя, ратными людьми бились за одно; и октября жъ, государь, въ 23-й день милостію Божіею и твоимъ, великого государя, царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Росіи Самодержца и твоихъ государскихъ благородныхъ чадъ счастьемъ они воры и бунтовщики танбовцы казаки съ солдаты Тимошка Мещерековъ съ товарыщи, видя надъ собою твоихъ, великого государя, ратныхъ людей промыселъ и жестокій приступъ и отъ пушечной стрѣльбы великую тѣсноту, а на себя упадокъ и пожарное разореніе, тебѣ, великому государю, въ той своей воровской винѣ до били челомъ; и я, холопъ твой, велѣлъ ихъ привесть къ вѣрѣ на томъ, что имъ, казакомъ и солдатомъ впредь тебѣ, великому государю и твоимъ, великого государя, благороднымъ чадомъ служить по прежнему и ни къ какому воровству и къ воровскимъ прелестямъ не приставать и твоихъ, великого государя, бояръ и воеводъ и всякихъ приказныхъ людей не побивать и городовъ не сдавать и не измѣнить, а гдѣ воровскихъ людей провѣдаютъ, и ихъ имать и въ городы приводить, также гдѣ и про воровской заводъ увѣдаютъ и имъ извѣщать и воровскіе свои знамена мнѣ, холопу твоему, отдали и въ всемъ быть послушнымъ, а приветчи, государь, къ вѣрѣ тѣхъ танбовцовъ, казаковъ и солдатовъ, Тимошку Мещерекова съ товарыщи отпустилъ я, холопъ твой, изъ того села Алгасова въ Танбовъ, октября, въ 23-й день для того, чтобъ они, видя къ себѣ такую твою, великого государя, милость, въ Танбовскомъ уѣздѣ по селамъ и по деревнямъ сказывали, что имъ вмѣсто смерти данъ животъ и вина имъ отдана, и видя бъ такую твою государскую милость иные ихъ братья по селамъ и по деревнямъ ни на какую воровскую прелесть не прельщались; да вѣдомо, государь, мнѣ, холопу твоему, учинилось,

что въ Шацкомъ уѣздѣ села Сасова и села Кобякова крестьяне заворовали и завели бунтъ и собрався тѣхъ села Сасова и села Кобякова и иныхъ разныхъ селъ крестьяне многіе люди стоятъ въ томъ селѣ Сасовѣ и отъѣзжая въ иные села людей побиваютъ и пытаютъ и на тѣхъ, государь, воровъ и заводчиковъ съ твоими, великого государя, ратными людьми въ село Сасово иду я, холопъ твой, октября въ 25-й день; а что, государь, милостію Божіею и твоимъ, великого государя, счастьемъ надъ тѣми ворами отъ твоихъ, великого государя, ратныхъ людей какой промыслъ и поискъ учинитца и о томъ къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ учну писать я, холопъ твой, вскорѣ съ гонцы».

И это село Сасово, гдѣ скопилось тоже много «воровскихъ казаковъ» Хитрово разгромилъ: «И октября, государь, въ 26 день, писалъ царю Хитрово, по твоему великого государя указу, въ Шацкой уѣздъ въ то село Сасово ходилъ я, холопъ твой, изъ Шацкаго съ твоими великого государя съ ратными людьми и съ полковниками и съ рейтары на воровскихъ казаковъ и того села Сасова на измѣнниковъ на мужиковъ; и воровскіе, государь, казаки и и села Сасова измѣнники мужики, увидѣвъ приходъ къ тому селу Сасову со мною, холопомъ твоемъ, твоихъ великого государя ратныхъ людей и надъ тѣмъ селомъ промыслъ, изъ того, государь, села Сасова тѣ воровскіе казаки и измѣнники мужики и съ двѣмя знаменами побѣжали за рѣку Цну въ лѣса, а достальныхъ, государь, воровскихъ людей и измѣнниковъ мужиковъ твои великого государя ратные люди, которыхъ застали въ селѣ Сасовѣ, побили, а иныхъ, государь, пущихъ измѣнниковъ мужиковъ велѣлъ я, холопъ твой, въ томъ же селѣ Сасовѣ и перевѣшать; и то, государь, село Сасово твои великого государя ратные люди за ихъ измѣну и за непокорство тѣхъ сасовскихъ мужиковъ выжгли, а достальныхъ, государь, села Сасова крестьянъ, которые были переиманы, велѣлъ я, холопъ твой, въ томъ же селѣ Сасовѣ привесть къ вѣрѣ, что имъ впредъ служить тебѣ великому государю по прежнему, и ни къ какому воровству и къ шатости не приставать».

Въ слѣдующемъ своемъ донесеніи въ Москву Хитрово жалуется и кается въ свой ошибкѣ, что отпустилъ на волю и простилъ взятаго въ плѣнъ подъ Алгасовымъ вора и измѣнника атамана Тимошку Мещерякова. Хитрово разсчитывалъ, что онъ почувствуетъ и поцѣнитъ милость его и будетъ ему еще полезенъ, отговаривая другихъ отъ бунта, а вышло наоборотъ, Мещеряковъ не только не пересталъ самъ лично принимать участія въ возстаніи, но еще черезъ своего подручнаго станичнаго вожа Гаврилку Карнауха поднялъ на возстаніе остальную часть Тамбовскаго уѣзда и вызвалъ этимъ новый походъ туда Хитрово для усмиренія.

«Въ нынѣшнемъ, государь, октября въ 29 день, писалъ объ этомъ Хитрово въ Москву, объявились мнѣ, холопу твоему, въ Шац-

комъ на съѣзжемъ дворѣ Танбовцы дѣти боярскіе Ѳедоръ Клоковъ съ товарыщи, а сказали посланы де, государь, они изъ Танбова отъ стольника и воеводы отъ Еремѣя Пашкова съ ротмистромъ съ Даниломъ Броунтомъ да съ подьячимъ съ Тимоѳеемъ Хлѣбниковымъ въ Шацкой ко мнѣ, холопу твоему, съ вѣстовою отпискою, что де, государь, Танбовскіе казаки и солдаты, которые октября въ 23 день въ приходъ къ селу Алгасову со мною, холопомъ твоимъ, твоихъ великого государя ратныхъ людей въ воровствѣ своемъ тебѣ великому государю вины свои принесли и крестъ цѣловали и въ Танбовъ отпущены Тимошка Мещеряковъ съ товарыщи, изъ того села Алгасова въ Танбовъ не пошли, и тебѣ великому государю измѣнили въ другой и завели въ Танбовскомъ уѣздѣ въ селахъ и въ деревняхъ воровской бунтъ большой и сбираются для воровства въ Танбовскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Селквукинѣ и въ иныхъ селахъ; и октября въ 27 день въ Танбовскомъ уѣздѣ въ Вирятинскомъ лѣсу воровскіе люди ихъ Ѳедора Клокова съ товарыщи разбили и разграбили порознь и ротмистра Данила Броунта и подъячаго Тимоѳея Хлѣбникова съ товарыщи и съ отписками поиманы, а они де Ѳедоръ Клоковъ съ товарыщи отъ тѣхъ воровскихъ людей ушли пѣши и прибѣжали въ Шацкой ко мнѣ, холопу твоему, съ вѣстою безъ отписокъ».

Но еще больше хлопотъ Мещеряковъ надѣлалъ Пашкову, который изъ Тамбова не выходилъ, ни съ кѣмъ не сражался, а все только пугался и просилъ о пощадѣ. Когда Хитрово извѣстилъ его, что отпустилъ на свободу взятаго имъ въ плѣнъ подъ Алгасовымъ Мещерякова, Пашковъ, подождавъ нѣсколько времени, послалъ провѣдать объ немъ казаковъ «лучшихъ людей» и съ нимъ какого-то Рождественскаго попа Тимоѳея. Но черезъ два дня прибѣжалъ одинъ только попъ Тимоѳей, едва спасшись отъ Мещерякова: «И октября, государь, въ 25 день, часу въ 1-мъ дни прибѣжалъ ко мнѣ, холопу твоему, въ Танбовъ тотъ Танбовскій Рождественскій попъ Тимоѳей, а въ распросѣ мнѣ, холопу твоему, сказалъ: какъ де онъ попъ съ тѣми казаками будутъ въ Танбовскомъ уѣздѣ въ селѣ Черленомъ отъ города въ 20 верстахъ, и въ томъ де селѣ Черленомъ казаковъ изо многихъ селъ, и изъ деревень скопилось человѣкъ съ 400 и больши и тебѣ, великому государю, измѣнили да и многія твои великого государя танбовскіе служилые уѣздные люди многихъ слободъ и деревень, измѣнили жъ, и которыхъ думной дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово приветчи ко кресту отпустилъ въ Танбовъ атамана Тимошку Мещеряка съ товарыщи, тотъ Тимошка цѣловалъ крестъ тебѣ, великому государю, и прислалъ де отъ себя станичного вожа Гаврилку Карнауха наговаривать на воровство и на измѣну всѣхъ твоихъ государевыхъ Танбовскихъ служилыхъ людей, и многія, государь, Танбовцы служилые и всякихъ чиновъ люди того прелестника

Гаврилка Карнауха послушевъ, тебѣ великому государю, измѣнили и ево де попа Тимоѳея и товарыщей ево въ томъ селѣ Черленомъ тѣ измѣнники, бивъ на смерть и снявъ съ него попа платья и связавъ, кинули на ночь въ потполъ, а на утрее де хотѣли ево попа срубить; а товарыщи де ево поповы, которые съ нимъ посланы изъ Танбова, живы ль или нѣтъ, а онъ де попъ Тимоѳей про нихъ не вѣдаетъ, биты жъ де они, государь, на смерть; а онъ де попъ Тимоѳей ушелъ изъ потполья въ окно ночью и прибѣжалъ въ Танбовъ пѣшъ; да онъ же де попъ Тимоѳей, лежавъ въ потпольѣ, слышалъ отъ тѣхъ мятежниковъ, что де идутъ, государь, къ нимъ воровскіе казаки; а со мною, государь, холопомъ твоимъ, только въ осадѣ въ Танбовѣ московскихъ стрѣльцовъ полуголова Григорей Саловъ съ стрѣльцами съ двумя стами человѣкъ да Танбовцевъ, государь, стрѣльцовъ и двухъ слободъ полковой и покровской всѣхъ съ 500 человѣкъ, и говорятъ, государь, тѣ Танбовцы градскіе люди, что тебѣ великому государю измѣнить они не хотятъ; а у тѣхъ, государь, Танбовцовъ, которые хотятъ сидѣть въ осадѣ, въ измѣнѣ, братья ихъ и дѣти, и въ тѣхъ, государь, Танбовцахъ будетъ ли правда или нѣтъ, и того, государь, вѣдать не почему» и т. д., и т. д., обычная пѣсня Пашкова о сомнѣніяхъ и подозрѣніяхъ.

Но это, кажется, было послѣднее его донесеніе, потому что слѣдующая грамота отъ царя послана въ Тамбовъ ужъ на имя воеводы Ивана Бутурлина.

VIII.

Возстаніе приходило къ концу. Хитрово продолжалъ хотя все еще переходить съ мѣста на мѣсто, преслѣдуя и разбивая шайки «воровскихъ казаковъ» и мужиковъ, но это все ужъ было не опасно. Возстаніе видимо улегалось. Приходили слухи и подробныя вѣсти о разгромѣ Разина Барятинскимъ подъ Симбирскимъ и о томъ, что все войско его разбѣжалось и самъ онъ не извѣстно куда скрылся. Начало собираться къ Тамбову и войско, бывшее въ дѣлахъ противъ Разина. Начинался періодъ суда и расправа надъ зачинщиками и участниками возстанія. Не рѣшительныя мѣры и мѣры кротости, которыя практиковались доселѣ, частью въ предположеніи подѣйствовать этимъ на бунтовщиковъ, вызвать въ нихъ раскаяніе, частью по слабости и по неимѣнію силъ поступить вездѣ энергично и рѣшительно, замѣнялись теперь мѣрами самой крутой строгости и даже просто жестокостью.

Изъ Москвы къ Бутурлину пришла грамота съ приказаніемъ какъ поступать съ бунтовщиками: ...«Писалъ къ намъ, говорится въ грамотѣ, изъ Танбова стольникъ нашъ и воевода Еремей Пашковъ, что Танбовскаго уѣзда села Черленаго и иныхъ селъ и де-

ревень казаки намъ великому государю измѣнили, да Танбовскаго жъ уѣзду, казачей атаманъ Тимошка Мещерякъ съ товарыщи, которые были въ измѣнѣ намъ великому государю въ винахъ своихъ добили челомъ, крестъ цѣловали изъ полку думнаго нашего дворянина и воеводы Якова Тимоѳеевича Хитрово отпущены въ Танбовскій уѣздъ въ домы свои, и тотъ воръ и крестопреступникъ танбовскихъ казаковъ атаманъ Тимошка Мещерякъ съ товарыщи, забывъ Господа Бога и наше государево крестное цѣлованіе, намъ, великому государю, измѣнилъ въ другой рядъ и прислалъ отъ себя станичного вожа Гаврилка Карнауха и велѣлъ танбовскихъ служилыхъ и всякихъ людей наговаривать на воровство и на измѣну; и по ево де Гаврилкову наговору танбовцы служилые и всякихъ чиновъ люди многіе намъ, великому государю, измѣнили. И какъ къ вамъ ся наша великого государя грамота придетъ, и вы бъ по сему нашему великого государя указу съ нашими государевыми ратными людьми, которымъ по наряду съ Москвы съ вами въ полку быть велѣно, и съ резанцы дворяны и дѣтьми боярскими шли днемъ и ночью на спѣхъ, тотчасъ, не мѣшкавъ нигдѣ ни малого времени ни для чего, а въ дорогѣ про воровскихъ людей развѣдывали... И вы бъ надъ казаки и надъ измѣнниками, надъ Тимошкою Мещерякомъ и надъ Гаврилкою Карнауховымъ: и будетъ гдѣ объявятца, прося у Господа Бога милости и у Пречистой Богородицы и у всѣхъ святыхъ помощи и заступленія, промышляли всякими обычаи, чтобъ съ Божіею помощію надъ нимъ поискъ и промыслъ учинитъ вскорѣ; а какъ дастъ Богъ надъ ними поискъ и промыслъ учинить и атамана Тимошку Мещеряка и товарыща его станичного вожа Гаврилко Карнауха возмете или они, видя вашъ надъ собою промыслъ, сдадутца, и вы бъ ихъ и товарыщевъ ихъ къ тому воровству пущихъ заводчиковъ велѣли распросить и пытать накрѣпко и огнемъ жечь, а послѣ распросу и пытки, сказавъ имъ воровскіе ихъ вины при многихъ людехъ велѣли имъ обсѣчь руки по локоть, а ноги по колѣни, казнить смертію повѣсить, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было также воровать и къ такому воровству приставать: а сами бъ есте въ Танбовѣ жили съ великимъ береженіемъ и опасеньемъ и про сборъ и про приходъ воровскихъ казаковъ съ Хопра и съ Медвѣдицы и изъ иныхъ мѣстъ провѣдывать всякими обычаи и отъѣзжіе сторожи держали въ которыхъ мѣстахъ пригожъ, чтобъ воровскіе казаки къ танбовскимъ крѣпостямъ и къ Танбову и въ Танбовскій уѣздъ бездѣльно не пришли и надъ городомъ и въ уѣздѣ какова дурна и порухи не учинили; и гдѣ какіе воровскіе казаки объявятца, и на нихъ съ нашими государевыми ратными съ конными и съ пѣшими людьми и съ пушки и съ обозомъ ходили, и о томъ поискъ и промыслъ чинили, а Танбовцевъ служилыхъ и жилецкихъ всякихъ чиновъ людей нашею государскою милостію

обнадежили и говорили имъ, чтобъ они намъ, великому государю, служили, а на воровскіе ни на какіе прелести не прельщались и ни къ какому воровству не приставали никакими обычаи, а за службу наша государева милость къ нимъ будетъ и служба ихъ у насъ, великого государя, никогда въ забвеніи не будетъ».

Подходилъ къ Темникову князь Юрій Долгорукій, прославившійся побѣдой надъ «воровскими казаками» подъ селомъ Паневымъ и потомъ своими казнями въ Арзамасѣ. Подходили другіе воеводы. Забунтовавшіе города и села сдавались одни за другими, прося помилованія и высылали на встрѣчу войскамъ поповъ съ иконами и крестами. Стольникъ воевода Степанъ Лихаревъ безъ труда освободилъ Казатинъ и приказалъ всѣмъ возмутителямъ въ городѣ рубить головы, а въ селахъ и деревняхъ вѣшать ихъ. 14-го декабря Хитрово взялъ Керенскъ; 17-го января князь Щербатовъ овладѣлъ Нижнимъ-Ломовомъ; потомъ сдался ему Верхній-Ломовъ, потомъ покорилась Пенза. Возстаніе доживало послѣдніе дни...

Между тѣмъ дворяне и дѣти боярскіе, воеводы, бѣжавшіе съ воеводствъ и неизвѣстно гдѣ оказавшіеся, подъячіе, приказные, собирались снова на свои мѣста. Чѣмъ большій страхъ и даже паника овладѣвали населеніемъ при слухахъ о побѣдахъ царскихъ воеводъ и о казняхъ, которыя слѣдовали за побѣдами, тѣмъ теперь выше поднимали эти бѣжавшіе и возвратившіеся начальники головы. Начались безчисленные «указанія» и доносы. Вездѣ чинился судъ и за нимъ сейчасъ же слѣдовало наказаніе.

Растерявшееся населеніе приносило всюду повинную. Уличаемые въ соучастіи съ мятежниками увѣряли, что они взяты были въ банды и удерживались тамъ силою. Зачинщиковъ населеніе выдавало. Ихъ допрашивали, потомъ вѣшали, нѣкоторымъ рубили руки по локоть, ноги—по колѣни и въ такомъ видѣ отпускали на свободу, чтобы было памятно имъ. Всѣхъ же вообще, сколько-нибудь причастныхъ воровству или только подозрѣваемыхъ въ немъ—а ихъ было безъ числа—пороли кнутомъ.

Стенькины грамоты и «прелетныя» письма сыскивали всюду, отбирали ихъ и отсылали въ Москву, а тѣхъ, у кого ихъ находили, вѣшали, чтобы не осталось ни одного человѣка, который видѣлъ эти письма его или грамоты.

Казни были ужасны и происходили въ ужасающихъ размѣрахъ. Жестокостью въ этомъ случаѣ больше всѣхъ прославился воевода князь Юрій Долгорукій, занимавшійся этимъ во все время своей стоянки въ Арзамасѣ:—«Страшно было смотрѣть на Арзамасъ,— говоритъ современникъ, — его предмѣстья казались совершеннѣйшимъ адомъ; повсюду стояли висѣлицы и на каждой висѣло по сорока и по пятидесяти труповъ; тамъ валялись разбросанныя головы и дымились свѣжею кровью; здѣсь торчали колья, на которыхъ мучились преступники и часто были живы по три дня, испы-

тывая неописанныя страданія. Въ три мѣсяца Долгорукій казнилъ въ Арзамасѣ одиннадцать тысячъ человѣкъ: ихъ казнили не иначе, какъ соблюдая обряды правосудія и выслушавъ свидѣтелей и обвинителей. На вопросъ, какое было у нихъ намѣреніе, они всѣ въ одно говорили подъ пыткой:

— «Хотѣли мы Москву взять и васъ всѣхъ бояръ и дворянъ, и приказныхъ людей перебить на смерть».

Характерную черту обнаружили при этомъ побѣдители: они вздумали было взятыхъ въ плѣнъ мятежниковъ обращать въ рабство себѣ и многіе столько ихъ набрали, зачисливъ въ своихъ крѣпостныхъ, что правительство должно было наконецъ велѣть останавливать по дорогамъ воеводъ, бояръ и дворянъ, которые вели къ себѣ этихъ новыхъ своихъ крѣпостныхъ. Ихъ задерживали и возвращали назадъ за счетъ этихъ бояръ и дворянъ...

Такъ кончилось возстаніе и край затихъ впредь на цѣлыхъ сто лѣтъ, вплоть до возстанія Пугачева, вызвавшаго тѣ же ужасы при разгромѣ помѣщиковъ и чиновниковъ и потомъ при своемъ усмиреніи...

А еще черезъ сто лѣтъ великій актъ 19-го февраля 1861 года сдѣлалъ навсегда невозможнымъ дальнѣйшее ихъ повтореніе...

С. Терпигоревъ.

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.

1784—1839 гг.

(Опытъ литературной характеристики).

РОШЛО пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти поэта-партизана Дениса Васильевича Давыдова, и память о немъ стала изглаживаться. Но имя Давыдова заслуживаетъ напоминанія, а его исключительное положеніе среди современныхъ ему писателей даетъ ему полное право на вниманіе потомства. Счастливый случай доставилъ въ наше распоряженіе болѣе 50 писемъ Давыдова къ Е. Д. Золотаревой. Пользуясь этими неизданными документами и разными печатными источниками, мы попытаемся очертить личность Давыдова въ связи съ его біографіей.

Родъ Давыдовыхъ принадлежитъ къ числу старинныхъ русскихъ дворянскихъ фамилій. У отца Дениса Васильевича, Василія Денисовича, было три сына и одна дочь. Старшій изъ сыновей былъ Денисъ, за нимъ слѣдовали: Евдокимъ, Левъ и дочь Александра Васильевна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за тайнаго совѣтника сенатора Дмитрія Никитича Бѣгичева. Василій Денисовичъ черезъ братьевъ своихъ и сестеръ породнился съ Лопухиными, Орловыми-Чесменскими, Ермоловыми и другими вліятельными лицами. Екатерина Николаевна Раевская, рожденная графиня Самойлова, мать извѣстнаго Н. Н. Раевскаго, выйдя во второй разъ замужъ за Льва Денисовича Давыдова, имѣла двухъ сыновей, Александра Львовича и извѣстнаго декабриста Василія Львовича.

Василій Денисовичъ, женатый на Еленѣ Евдокимовнѣ Щербининой, во время рожденія старшаго сына своего, командовалъ Полтавскимъ легко-коннымъ полкомъ, который стоялъ около села Грушевки, принадлежавшаго княжнѣ Еленѣ Никитичнѣ Вяземской.

Семейство Давыдова занимало большой домъ, выстроенный на скорую руку для императрицы Екатерины во время путешествія ея въ Крымъ. Къ этому времени относится посѣщеніе Суворовымъ отца Дениса Васильевича, описанное послѣднимъ въ статьѣ «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ». Вниманіе знаменитаго полководца и пророческія слова, сказанныя имъ мальчику: «Ты выиграешь три сраженія»—имѣли на него большое вліяніе, усиливъ въ немъ страсть къ военному ремеслу, призваніе къ которому онъ чувствовалъ съ малолѣтства. Денисъ Васильевичъ получилъ обычное для того времени домашнее образованіе. Его выучили читать и писать на двухъ иностранныхъ языкахъ, рисовать, музыкѣ, танцамъ и проч. Съ русской грамматикой, какъ видно изъ воспоминаній сына его В. Д. Давыдова, онъ не могъ справиться до самой своей смерти, и жившій въ послѣдніе годы его жизни учитель его дѣтей А. И. Башиковъ долженъ былъ всегда исправлять граматическія ошибки въ его произведеніяхъ. Между тѣмъ, французскимъ языкомъ владѣлъ онъ хорошо, что видно какъ изъ встрѣчающихся у него галицизмовъ, такъ и изъ имѣющихся подлинныхъ его писемъ.

Знакомство съ «Аонидами» Н. М. Карамзина дало ему мысль попробовать писать стихи. Первое его стихотвореніе было:

«Пастушка Лиза, потерявъ
«Вчера свою овечку» и т. д.

Стихотвореніе это сентиментальнаго характера написано въ тонѣ господствовавшей тогда поэзіи; оно лишено правильнаго размѣра и къ нему по тогдашнимъ литературнымъ правиламъ пристегнуто нравоученіе, что другу нельзя измѣнять, совершенно не вытекающее изъ стихотворенія. Знакомство съ развитой и передовой молодежью, писавшей въ журналахъ того времени, пробудило въ немъ любовь къ поэзіи, которую онъ позднѣе называлъ «никогда не дремлющимъ бѣсомъ».

Въ 1801 году, Давыдовъ отправился въ Петербургъ и послѣ немалыхъ препятствій (вслѣдствіе его небольшого роста) былъ принятъ въ Кавалергардскій полкъ эстандартъ-юнкеромъ. Служа, Давыдовъ не переставалъ заниматься своимъ самообразованіемъ и не прекращалъ «бесѣды съ музами». Въ особенности усердно занимался онъ военной исторіей и впослѣдствіи поражалъ всѣхъ знаніемъ хронологіи. Въ это время онъ находился подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата А. М. Каховскаго, слѣдившаго за его занятіями.

Между тѣмъ, надъ семьей Давыдовыхъ стряслось несчастіе; отецъ его былъ преданъ суду съ конфискованіемъ имѣнія за без-

порядки въ полку. Отецъ поѣхалъ хлопотать въ Петербургъ, но, напуганный разсказами о встрѣчахъ съ императоромъ Павломъ, долженъ былъ однажды спрятаться подъ мостъ при проѣздѣ государя (Воспоминанія В. Д. Давыдова «Русская Старина» 1872, т. 2). Рѣшеніемъ суда на него наложено было взысканіе большой суммы, взысканіе тѣмъ болѣе тяжелое, что состояніе его было въ то время крайне ограничено, благодаря картамъ и широкой жизни. Извѣстіе о преданіи Василія Денисовича суду застало его въ Москвѣ и въ этотъ день, по словамъ князя И. А. Крапоткина, вся Москва перебывала у него съ выраженіемъ сочувствія.

Семья Давыдовыхъ очутилась въ крайне бѣдственномъ положеніи и Денисъ Васильевичъ впослѣдствіи разсказывалъ, что ему по цѣлымъ мѣсяцамъ приходилось питаться однимъ картофелемъ. Въ то же время, продолжавшіяся бесѣды съ музами заставили юнаго корнета (онъ былъ произведенъ 13-го декабря 1804 года) неожиданно и помимо своей воли перейти изъ гвардіи въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный тогда въ Кіевской губерніи. Причиной этого неожиданнаго перевода было слѣдующее обстоятельство: Давыдовъ написалъ двѣ басни: «Голова и ноги» и «Рѣка и зеркало». Басни эти не вошли почему-то ни въ одно изъ собраній его стихотвореній (хотя первая была напечатана въ «Русской Старинѣ» 1872 года, т. 2; а вторая, кромѣ того, и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» т. 1, XXXIV. стр. 70). Въ первой баснѣ говорится, что ноги разгнѣвались на голову за то, что онѣ должны идти, куда имъ приказываютъ. На это голова замѣчаетъ, что ей природой дано повелѣвать. Ноги возражаютъ, что онѣ могутъ споткнуться и разшибить голову.

Басня заканчивается такими строками:

«Смыслъ этой басни всякій знаетъ,
«Но должно—тсъ! молчать;
«Дуракъ лишь все болтаетъ».

Во второй баснѣ «Рѣка и зеркало» вельможа, приговоренный къ казни «за правду колкую, за истину святую», разсказываетъ царю, какъ ребенокъ, видя въ зеркалѣ свой безобразный видъ, утѣшился тѣмъ, что могъ разбить зеркало, но пришелъ въ безсильное отчаяніе, увидя свое изображеніе въ рѣкѣ, истребить которую онъ былъ не въ силахъ.

«Я зеркало—разбей меня,
«Рѣка—твое потомство,
«Ты въ ней найдешь еще себя.
«Монарха рѣчь сія такъ сильно убѣдила,
«Что онъ велѣлъ ему и жизнь и волю дать:
«Постойте, виноватъ,—велѣлъ... сослать;
«А то бы эта быль на басню походила».

Въ приведенныхъ басняхъ, послужившихъ причиной перевода Давыдова въ армію, мы видимъ уже легкость языка и умѣніе владѣть стихомъ, помимо довольно вѣрно схваченной простой разговорной рѣчи.

Военная молодежь Бѣлорусскаго полка веселилась, кутила, ухаживала за польками и вообще въ полку было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго, чѣмъ печали. По выраженію Давыдова, всѣ всегда были веселы и всегда навеселѣ. Это прожиганіе жизни дало новое направленіе его поэзіи и сдѣлало имя его извѣстнымъ.

Стихотворенія «Бурцовъ ёра, забіяка», «Гусарскій пиръ», «Гусарская исповѣдь» выучивались наизусть и съ восторгомъ повторялись всѣми кавалеристами того времени. Въ этихъ стихотвореніяхъ, проникнутыхъ военнымъ духомъ, удалью, отличающихся смѣлостью стиха и звонкостью риѳмы, поэзія кипитъ и пѣнится какъ воспѣваемое шампанское.

«Долой, долой крючки отъ глотки до пупа,
«Гдѣ трубки? Вейся дымъ на удаломъ раздольѣ!»

или:

«Ради Бога, трубку дай,
«Ставь бутылки передъ нами,
«Всѣхъ наѣздниковъ сзывай
«Съ закрученными усами».

Какъ, напримѣръ, вѣрно схваченъ презрительный тонъ стараго кутилы въ «Гусарской исповѣди», говорящаго о бонтонныхъ балахъ слѣдующее:

«Бѣгу васъ сборища, гдѣ жизнь въ однихъ ногахъ,
«Гдѣ благосклонности передаются вѣсомъ,
«Гдѣ откровенность въ кандалахъ,
«Гдѣ тѣло и душа подъ прессомъ;
«Гдѣ заслоняютъ намъ вихрь танцевъ эполеты,
«Гдѣ столько пузъ затянуто въ корсеты!»

Если вспомнить при этомъ выраженіе князя А. И. Щербатова: «Davidoff, quand on le connait bien, n'est que le fanfaron du vice» (Давыдовъ, когда хорошо его узнать, только хвастунъ своихъ пороковъ) и слова А. П. Ермолова, что Давыдовъ былъ гусаромъ, славилъ и пилъ вино и отъ того прослылъ пьяницей, то еще ярче выступитъ талантливость Дениса Васильевича. Бойко владѣя стихомъ, онъ съумѣлъ проникнуть въ міросерцаніе старыхъ гусаръ, схватить ихъ тонъ и привычки до того вѣрно, что самъ прослылъ въ глазахъ читающей Россіи бойкимъ, безшабашнымъ воякой, горькимъ пьяницей и пѣвцомъ «вина, любви и славы».

Въ 1806 г. 4-го іюля, Давыдовъ былъ снова переведенъ въ гвардію въ Лейбъ-Гусарскій полкъ поручикомъ. Фальшивое положеніе

относительно товарищей, бывшихъ подъ Аустерлицемъ въ то время, когда онъ мирно пировалъ, уколы самолюбія, а можетъ быть и вполнѣ естественная служебная зависть, заставили его прибѣгнуть къ слѣдующей оригинальной выходкѣ:

Когда главнокомандующимъ русской арміей, дѣйствовавшей противъ французовъ, былъ назначенъ графъ Каменскій, Давыдовъ, не имѣя никакой протекціи, рѣшилъ явиться къ нему лично съ просьбой о принятіи его въ армію. Расчитывая, что днемъ онъ не добьется свиданія, Давыдовъ отправился къ графу Каменскому въ четыре часа ночи.

«Всякій чудакъ,—пишетъ Давыдовъ въ статьѣ своей «Встрѣча съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ»,—любитъ чудное, а набѣгъ среди ночи юнаго поручика, служившаго безъ связей и протекціи, на престарѣлаго фельдмаршала живаго, яраго и строптиваго, не былъ слишкомъ близокъ къ необыкновеннымъ правиламъ общежитія и даже благоразумія».

Фельдмаршалъ, выйдя изъ своего номера, увидѣлъ въ коридорѣ офицера въ парадной формѣ, разговорился съ нимъ, пригласилъ его въ свою спальню и, выслушавъ его просьбу, обѣщалъ хлопотать о его переводѣ. Хлопоты его, впрочемъ, не увѣнчались успѣхомъ и Давыдовъ остался въ томъ же полку. Желаніе его исполнилось позднѣе, въ январѣ 1807 г., когда онъ получилъ назначеніе въ адъютанты къ князю Багратіону. Назначенію этому не мало содѣйствовала всемогущая въ то время Марья Антоновна Нарышкина, рожденная княжна Четвертинская, жена оберъ-камергера Дмитрія Львовича Нарышкина.

Въ 1807 г. Давыдовъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Вольсдорфомъ, Прейсишъ-Эйлау, Гейльсбергомъ, Фридландомъ.

О сраженіи при Прейсишъ-Эйлау онъ написалъ большую статью, имѣющую спеціально-военный характеръ. По заключеніи мира Давыдовъ вернулся въ свой полкъ и написалъ стихотворенія: «Договоры», «Мудрость» и нѣкоторыя другія. Первое, являясь переводомъ съ французскаго, имѣетъ своимъ содержаніемъ объясненіе въ любви. Называется оно такъ потому, что въ немъ пародируются мирные трактаты и влюбленный, предлагая свои условія, ждетъ съ нетерпѣніемъ ратификаціи ихъ. Стихотвореніе это самое длинное изъ всѣхъ поэтическихъ твореній Давыдова и отличается недурными картинами театра, свѣтскаго бала и мирной сельской жизни. Первыя двѣ картины въ сатирическомъ тонѣ, послѣдняя, напротивъ, носитъ характеръ сентиментальности.

«Во вкусѣ англійскомъ, простомъ,
«Я рощу насажу, она окружитъ домъ,
«Пустыню оживитъ, дастъ пищу размышленью;
«Вдоль рощи побѣжитъ струистый ручеекъ,
«Тамъ ивы гибкія бесѣдкою сплетутся,

«Березы надъ скамьей, развѣсившись, нагнутся,
«Тамъ мшистый, темный гротъ,
«Тамъ свѣтленькій лужокъ,
«И даже огородъ прельщаетъ насъ порой
«Своей растительной и скромной простотой».

Стихотвореніе «Мудрость» написано въ духѣ Анакреона и не отличается ни особеннымъ остроуміемъ, ни легкостью или изяществомъ языка. Въ то время могучее перо Пушкина еще не коснулось русскаго языка и анакреонтическая ода Давыдова напоминаетъ тяжелый, серьезный стихъ державинскихъ анакреонтическихъ произведеній, гдѣ авторъ «Фелицы» тщетно старается писать легко, весело и, какъ говорится, играть риѳмой. Къ походу 1807 года можетъ быть еще отнесена статья озаглавленная: «Урокъ Сорванцу». Въ статьѣ этой, посвященной сыновьямъ, Давыдовъ разсказываетъ о первыхъ впечатлѣніяхъ, испытанныхъ имъ въ рукопашномъ бою:—«Сабельные удары,—говоритъ онъ,— посыпались, пули засвистали, пошла потѣха! Я помню, что моя сабля поѣла живого мяса. Благородный паръ крови курился на ея лезвіи». Въ это время ему приходитъ въ голову, что въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ появились люди, прежде незамѣченные, которые силою собственной воли и дарованія исторгали побѣду у непріятеля наперекоръ предначертаній главнаго начальства. Ему начинаетъ казаться, что онъ именно принадлежитъ къ числу такихъ людей, воображеніе его заносится, Богъ вѣсть куда. Онъ бросается съ цѣпью впередъ, какъ бѣшеный, опрокидываетъ непріятельскихъ фланкеровъ, но въ запальчивости погони натыкается на французскіе резервы и въ свою очередь спасается бѣгствомъ. Французскіе всадники его настигаютъ, одинъ изъ нихъ схватилъ его уже за шинель; но, къ счастію, подоспѣвшіе казаки успѣваютъ избавить его отъ плѣна. Хотя въ этой статьѣ авторъ какъ-будто и желаетъ показать своимъ сыновьямъ всю опасность и неумѣстность смѣлыхъ выходокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно рисуется и самъ воспѣваетъ свою храбрость и дарованія. При этомъ намъ невольно приходятъ на память слова А. А. Бестужева (Марлинскаго), что Давыдову нельзя вполнѣ довѣрять тамъ, гдѣ онъ повѣтствуетъ о собственныхъ подвигахъ.

Заключеніе мира Давыдовъ описалъ въ статьѣ «Тильзитъ въ 1807 году», весьма интересной по сообщеннымъ подробностямъ о свиданіи императора Александра съ Наполеономъ.

Въ 1808 г., когда вспыхнула война съ Швеціей, Давыдовъ находился въ отпуску въ Москвѣ, гдѣ, по его словамъ, «утопалъ въ наслажденіяхъ и, какъ въ эти лѣта водится, влюбленъ былъ до безумія».

Онъ отправился въ отрядъ къ князю Багратіону, но такъ какъ военныя дѣйствія въ южной Финляндіи уже прекратились, вы-

просился на сѣверъ къ Раевскому и Кульневу, съ которыми былъ хорошо знакомъ, а съ первымъ находился даже въ родствѣ.

Въ статьѣ «Воспоминаніе о Кульневѣ», Давыдовъ дѣлаетъ подробную характеристику Кульнева и при этомъ не можетъ удержаться, чтобы не высказать, что съ такимъ человѣкомъ онъ былъ неразлученъ. Прославляя подвиги Кульнева, онъ восхваляетъ себя, потому-что, по его словамъ, во всѣхъ дѣлахъ они участвовали одинаково.

Въ статьѣ этой мы находимъ шуточные стихи по поводу дѣла около деревни Пигаіоки, почему-то также не вошедшіе въ собраніе его стихотвореній. Въ это же время Давыдовымъ была переведена басня Делиля «La Rose et l'Etourneau» «Чижъ и роза».

1809 годъ застаетъ его снова при Багратіонѣ, который командовалъ тогда Задунайской арміей. Давыдовъ находился вмѣстѣ съ нимъ при взятіи Мачина и Гирсова, въ сраженіяхъ при Россеватѣ и при блокадѣ Силистріи. Затѣмъ, воспользовавшись даннымъ ему отпускомъ, онъ посѣтилъ имѣніе двоюроднаго брата своего Александра Львовича Давыдова, Каменку, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Александръ Львовичъ былъ женатъ на герцогинѣ Аглаѣ Граммонъ (позже замужемъ за графомъ Себастіани).

Денисъ Васильевичъ воспѣлъ ее въ стихотвореніяхъ: «Еслибъ боги милосердные» и «Не пробуждай» («Русская Старина» 1872, т. 2).

Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній онъ пишетъ:

«Сколько плѣнниковъ считается,
«Сколько презрѣнныхъ терзается
«Вкругъ обители красавицы!
«Мать страшится называть тебя
«Сыну, юностью кипящему,
«И супруга содрогается,
«Если взоръ супруга вѣрнаго
«Хотя разъ, хоть на мгновеніе
«Обратится на волшебницу!..»

Во второмъ говорится:

«Не повторяй мнѣ имя той,
«Которой память—муки жизни.
«Не воскрешай, не воскрешай
«Меня забывшаго—напасти—
«Дай отдохнуть тревогамъ страсти
«И ранъ живыхъ не раздражай».

По замѣнѣ въ 1810 году Багратіона графомъ Каменскимъ, Давыдовъ снова приписывается къ отряду Кульнева, участвуетъ въ осадѣ Рущука, а остальное время проводитъ въ Житомірѣ и Луцкѣ, гдѣ и ведетъ бесѣды съ «соименнымъ ему покорителемъ Индіи», т. е. Діонисіемъ или Вакхомъ.

За это время имъ было написано письмо къ Н. Н. Раевскому, напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г. Въ письмѣ этомъ Давыдовъ выставляетъ ошибки графа Каменскаго и описываетъ неудачный штурмъ Рущука, при которомъ мы потерили 8,000 нижнихъ чиновъ, 4-хъ генераловъ и 363 штабъ и оберъ-офицеровъ.

За періодъ времени отъ 1810 по 1812 годъ, Давыдовымъ были написаны изъ поэтическихъ произведеній: «Гусаръ» и «Гр. П. А. Строгонову за чекмень подаренный имъ во время войны 1810 года въ Турціи».

Наконецъ насталъ знаменитый двѣнадцатый годъ, передъ славой котораго померкли побѣды прежнихъ лѣтъ и передъ опасностью и важностью котораго забыты были и «славная» шведская война и неудачный штурмъ Рущука. Эта была эпоха необыкновеннаго подъема народнаго духа, необыкновеннаго воодушевленія общества, когда вся Россія поднялась, чтобы отразить вторгнувшагося въ нее врага.

Въ началѣ войны Давыдовъ служилъ въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, командуя первымъ его батальономъ и участвовалъ въ дѣлахъ подъ Міромъ, Романовымъ, Дашковой и во многихъ аванпостныхъ сшибкахъ до самаго Бородина. Въ это время у него явилась мысль объ организаціи партизанской войны, что онъ и выразилъ въ письмѣ къ Багратіону. Послѣдній, выслушавъ затѣмъ и его личныя объясненія, рѣшился доложить объ этомъ Кутузову. Между тѣмъ войска наши придвинулись къ Бородину и готовились къ рѣшительному бою.

Бородино принадлежало когда-то отцу Дениса Васильевича; онъ часто проводилъ тамъ въ дѣтствѣ лѣтніе мѣсяцы и потому хорошо былъ знакомъ съ мѣстностію. Послѣ разгрома, бородинская усадьба никогда уже болѣе не возобновлялась и это имѣніе, доставшееся впослѣдствіи Александрѣ Васильевнѣ Бѣгичевой, было продано Воейкову, который, въ свою очередь, продалъ Бородино въ 1838 году императору Николаю Павловичу.

Вотъ какъ описываетъ Давыдовъ свое послѣднее пребываніе въ Бородинѣ: «Завернутый въ бурку и съ трубкою въ зубахъ, я лежалъ подъ кустомъ лѣса за Семеновскимъ, не имѣя угла, не только въ собственномъ домѣ, но и даже въ овинахъ, занятыхъ начальниками. Глядѣлъ, какъ шумныя толпы солдатъ разбирали избы и заборы Семеновскаго, Бородина и Горковъ для строенія бивуаковъ и раскладыванія костровъ... Слезы воспоминанія сверкнули въ глазахъ моихъ; но скоро осушило ихъ чувство счастья, видѣть себя и обоихъ братьевъ моихъ вкладчиками крови и имущества въ эту священную лотерею».

Наконецъ Кутузовъ разрѣшилъ Давыдову сформировать партизанскій отрядъ изъ 50 гусаръ и 150 казаковъ.

Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ дѣйствіями отряда Давыдова—отсылаемъ къ статьѣ его: «Отрывки изъ партизанскаго дневника». Отъ себя можетъ замѣтить только, что теперь, черезъ 75 лѣтъ, когда патріотическій жаръ остылъ, едва ли всѣ дѣйствія Давыдова окажутся гуманными. Стоитъ вспомнить его разсказъ о томъ, какъ онъ училъ крестьянъ подпаивать французовъ и рѣзать ихъ пьяныхъ (стр. 459), или какъ онъ самъ сжегъ сарай съ засѣвшими въ немъ французами (стр. 497).

Одинъ изъ помощниковъ Давыдова, Николай Бедряга, говоритъ, что покинулъ отрядъ, возмутившись тѣмъ, что Давыдовъ велѣлъ перерѣзать сдавшихся ему на честное слово французовъ.

По переходѣ нашихъ войскъ черезъ границу, Давыдовъ поступилъ въ корпусъ къ Винценгероде и командовалъ его авангардомъ. 10-го марта 1813 года онъ «сдѣлалъ налетъ» на Дрезденъ, защищаемый корпусомъ Дюрока, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе главнокомандующаго. Въ статьѣ своей «Занятіе Дрездена» онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ причины такого поступка: «Все въ союзныхъ арміяхъ, говоритъ онъ, начало мечтать о столицахъ, торжественныхъ въѣздахъ въ столицы, повергеніи ключей столицъ къ стопамъ императора. Начиная съ Блюхера, тогда еще безъ ореола Кацбаха, Бріена и Ватерлоо, тогда еще алкавшаго славы безъ разбора, какъ бы она не досталась,—всякій начальникъ отдѣльнаго многочисленнаго корпуса требовалъ столицъ на пропитаніе честолюбію своему, потому что для огромныхъ силъ столицы доступны были не менѣе городковъ, предоставленныхъ на наживу честолюбіямъ нашей братіи. Къ несчастью моему подручныхъ столицъ было только двѣ, изъ коихъ одну (Берлинъ) захватилъ уже Чернышевъ, другая, (Дрезденъ) оставалась на удалого».

За проступокъ этотъ Давыдовъ лишенъ былъ начальства и переведенъ въ отрядъ Ланского.

Въ 1814 году Давыдовъ командовалъ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, находившимся въ арміи Блюхера, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Бріенномъ, при Ларотьерѣ и подъ Фершампенуазомъ. За отличіе, оказанное въ битвѣ при Ларотьерѣ, онъ былъ произведенъ изъ полковниковъ въ генералъ-маіоры, но въ концѣ того же года снова переименованъ въ полковники.

Званіе генерала было возвращено ему только въ 1815 году. Случай этотъ объясняется тѣмъ, что государь не желалъ производить въ генералы Александра Львовича Давыдова, а такъ какъ потому времени всякія справки были затруднительны, то въ приказѣ было объявлено, что всѣ Давыдовы, произведенные въ генералъ-маіоры, переименовываются въ полковники («Русск. Стар.», 1872, т. 2). Изъ генералъ-маіоровъ Давыдовыхъ оказался одинъ только Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. По этому поводу онъ обратился съ письмомъ

къ государю, подписаннымъ «бывшій генералъ-маіоръ», гдѣ ходатайствуя о вознагражденіи заслугъ своихъ, проситъ объ оставленіи дарованной награды, «ибо, говоритъ онъ, во мнѣ живетъ одно достоинство солдата, взамѣнъ высшихъ талантовъ—это безпредѣльная преданность къ славѣ вашего оружія».

Вскорѣ Давыдовъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Москву, гдѣ среди веселья не прекращалъ своей литературной дѣятельности. Будучи окончательно произведенъ въ генералъ-маіоры, онъ занялъ мѣсто начальника штаба, сперва 7-го, а затѣмъ 3-го пѣхотнаго корпуса, стоявшаго въ Кременчугѣ. Во время пребыванія своего въ Кременчугѣ, Давыдовъ влюбился въ польку Златницкую, вышедшую впослѣдствіи замужъ за князя Петра Александровича Голицына, хотѣлъ на ней жениться, но у него недоставало средствъ, чтобы обвѣнчаться и устроиться своимъ домомъ. Тогда государь, по ходатайству друзей его, въ особенности графа Закревскаго, простилъ ему казенный долгъ, (который взыскивался еще за Василія Денисовича) и далъ аренду въ размѣрѣ 6,000 рублей въ годъ. Бракъ разстроился; Давыдовъ извѣстилъ объ этомъ государя и отказался отъ аренды; но она была ему оставлена. Въ 1819 году онъ женился на дочери генералъ-маіора Софьѣ Николаевнѣ Чирковой; въ 1821 году отчислился по кавалеріи, а въ 1823 году вышелъ въ отставку.

Война двѣнадцатаго года побудила его написать статьи: «Отрывки изъ партизанскаго дневника», «Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона», «Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году?» «Занятіе Дрездена въ 1813 году», «Письмо къ Вальтеръ-Скотту» и «Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевскаго».

Съ содержаніемъ двухъ изъ этихъ статей мы уже познакомили читателей; что же касается другихъ, то «Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона» и «Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году» имѣютъ помимо историческаго интереса, полемическій оттѣнокъ.

Въ такомъ же тонѣ написано и «Письмо къ Вальтеръ-Скотту». Въ «Замѣчаніяхъ на некрологію Н. Н. Раевскаго» Давыдовъ рисуетъ намъ его «гражданскія и частныя добродѣтели». Статья эта написана чрезвычайно горячо и искренно.

Изъ поэтическихъ произведеній Давыдова за это время отмѣтимъ: «Партизанъ», «Пѣсня», «Товарищу» и «Бородинское поле».

Хотя въ этихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ патріотическомъ духѣ, и чувствуется воинственный жаръ и увлеченіе войной и свободной жизнью, напримѣръ въ стихахъ:

«Станемъ, братцы, вѣчно жить
«Вкругъ огней подъ шалашами;
«Днемъ рубиться молодцами,
«Вечеромъ горѣлку пить..!»

или

«За тебя на чорта радъ,
«Наша матушка Россія»....

но все-таки въ нихъ иногда проглядываетъ чувство нѣкоторой разочарованности, грусть, что особенно замѣтно въ стихотвореніяхъ «Партизанъ» и «Товарищу».

Смотря на Москву, поэтъ говоритъ:

«Онъ видитъ градъ,
«Гдѣ онъ любилъ, не бывъ любимъ,
«Гдѣ онъ страдалъ безъ состраданья,
«Гдѣ столько разъ онъ испыталъ
«Невѣрность клятвъ и обѣщаній
«И гдѣ никто не понималъ
«Его души глухихъ рыданій».

Бывая въ Москвѣ и вращаясь въ обществѣ, Давыдовъ часто бывалъ въ Кунцовѣ, гдѣ тогда жилъ Аполлонъ Майковъ, директоръ театра. Послѣдній давалъ спектакли, въ которыхъ участвовала нѣкая танцовщица Иванова; о ней князь П. А. Вяземскій говоритъ: «подлинно она была красавица и необыкновенно стыдливо-граціозна». («Русскій Архивъ», 1866 г., стр. 900).

Давыдовъ увидѣлъ ее, познакомился съ нею и увлекся не на шутку. Такъ въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 2-го сентября 1815 года онъ пишетъ: «A propos de siréne, что дѣлаетъ божество, все ли она такъ хороша? Богомъ тебѣ клянусь, что по сію пору влюбленъ въ нее какъ дуракъ». Въ отвѣтъ на это письмо князь Вяземскій передалъ ему слухи о томъ, что Иванова выходитъ замужъ за танцора Глушковскаго. Давыдовъ 16-го октября того же года пишетъ ему изъ Варшавы: «Авось судьба будетъ мнѣ благосклонна и зимой опять заброситъ меня въ матушку Москву. Тогда надѣюсь, что усы мои опутаютъ ноги Глушковскаго и уничтожатъ всѣ его покушенія, — но этой вѣсти между тѣмъ я не вѣрю и не хочу вѣрить. Да и охота тебѣ выводить меня изъ заблужденія? — Я по сію пору влюбленъ какъ дуракъ! Ты знаешь, что полячки, особенно въ Варшавѣ, и хороши, и привлекательны, но божусь тебѣ честью, что ни одной нѣтъ достойной стать на ряду съ нею».

Въ письмѣ отъ 8-го декабря изъ Янова (возлѣ Бреста) мы находимъ: «Жаль, что тебя нѣтъ здѣсь и Ивановой, тогда можетъ быть, я не поѣхалъ бы и въ Москву».

Увлеченіе Ивановой отразилось на многихъ стихотвореніяхъ Давыдова, какъ напримѣръ: «Элегія», «О милый другъ», «Нѣтъ полно пробѣгать». Первое изъ этихъ стихотвореній написано съ большимъ чувствомъ; но поэтъ скоро утѣшился, что видно изъ его словъ въ стихотвореніи «Болтунъ краснорѣчивый», гдѣ проводится мысль, что грустить нечего, а напротивъ, нужно стараться, чтобъ веселѣе жилось и

«Чтобъ хмѣльнѣе быть
«Давай здоровье пить
«Всѣхъ вѣтренницъ извѣстныхъ».

Неудачныя послѣдствія осады Дрездена заставили Давыдова прибѣгнуть къ ходатайству графа А. А. Аракчеева, интересное письмо къ которому напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 года. Между прочимъ, въ письмѣ этомъ Давыдовъ говоритъ, «что недовольство начальства за занятіе Дрездена, суть послѣдствія гнусныхъ интригъ противъ него». Онъ проситъ разсмотрѣть всѣ обстоятельства и повысить его чиномъ, такъ какъ всѣ его сверстники обошли его по службѣ. Начальство не обращаетъ на него вниманія, заботясь только о себѣ и никто не хочетъ возобновить въ памяти его императорскаго величества его службу, говоря не по моей части, «какъ будто доводить истину до царя, раздѣлено на части?» (стр. 905).

Разстроившаяся свадьба съ Золотницкой заставила оскорбленнаго поэта написать два стихотворенія: «О ты! смущаешься присутствіемъ моимъ» и «Неужто думаете вы».

Выйдя въ отставку по случаю отказа императора Александра на двукратное представленіе Ермолова о назначеніи Давыдова начальникомъ кавказской линіи, Денисъ Васильевичъ поселился въ Москвѣ съ семьей и мирно проживалъ тамъ до вступленія на престолъ императора Николая. Событія 14-го декабри 1825 года отразились только на семьѣ Давыдова, именно, на двоюродномъ братѣ его Василіѣ Львовичѣ.

Напрасно Южное Общество стремилось завербовать Дениса Васильевича въ ряды свои, онъ отказался, находя цѣли общества лишенными всякаго основанія и несогласными съ его воззрѣніями. «J'aime mieux l'arbitraire d'un grand tyran, mais unique, que l'arbitraire sopoudré d'éloquence d'une masse de petits tyrans» часто говорилъ онъ. («Русская Старина» 1872, т. 2). По объявленіи войны Персіи, Давыдовъ снова поступилъ на службу, участвовалъ въ дѣлахъ у подошвы Алагеза, при урочищѣ Мирахъ и разбивъ Гассанъ-хана заставилъ его бѣжать въ Эривань.

По окончаніи экспедиціи, Давыдовъ занимался постройкой крѣпости Дугелахъ-Оглу, зимой уѣзжалъ на шесть недѣль въ Москву и по возвращеніи своемъ на мѣсто служенія вскорѣ, благодаря интригамъ генерала Паскевича и по слабости здоровья, уѣхалъ на кавказскія минеральныя воды.

По отъѣздѣ Давыдова всѣ его близкіе и родные были удалены изъ края, что заставило его написать письмо графу В. Ѳ. Адлербергу, въ которомъ онъ излагаетъ причины своего отъѣзда изъ арміи и проситъ напомнить Дибичу, чтобы онъ вошелъ съ докладомъ государю о дозволеніи отбыть ему съ водъ обратно въ Россію. Въ тонѣ этого письма просвѣчиваетъ чувство недовольства

И. И. Дибичемъ, такъ полно отразившееся въ «Запискахъ» Давыдова, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить въ своемъ мѣстѣ.

Отъ этого времени сохранилось также письмо Давыдова къ графу А. А. Закревскому; въ немъ мы находимъ слѣдующее: «Я теперь живу въ деревнѣ, чуждый и дѣлъ и слуховъ этого міра. Здоровье мое потрясенное не на шутку мерзостью г-на П. начинаетъ поправляться». («Русскій Архивъ» 1866, стр. 909). Изъ стихотвореній за это время имъ были написаны: «Полусолдатъ» въ тонѣ котораго слышится грустная нота.

«А я межъ вами одинокій
«Нѣмою грустію убитъ
. . . .
«Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
«На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
«На Эльбѣ, на войнѣ родной,
«На льдахъ Торнео, на Секванѣ.
. . . .
«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полусолдатъ
«Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
«Жена, полдюжины ребятъ,
«Да щи, да чарка съ запеканкой!»

Другое стихотвореніе «Душенька», посвященное какой-то красавицѣ, и, наконецъ, третье «Зайцевскому поэту-моряку». Въ послѣднемъ стихотвореніи снова звучитъ элегическая нота. Поэтъ говоритъ, давно ли онъ участвовалъ въ бояхъ и веселился.

«Давно ль........ Но забвеньемъ судьба меня губитъ.
«И лира нѣмѣетъ, и сабля не рубитъ».

Въ 1831 году, при возстаніи Польши, имѣя уже шесть человѣкъ дѣтей, Давыдовъ снова выпросился въ дѣйствующую армію. Ему былъ порученъ отрядъ, состоявшій изъ трехъ казачьихъ и одного драгунскаго полковъ. Давыдовъ взялъ приступомъ Владиміръ на Волыни, одержалъ побѣду надъ корпусомъ Уржановскаго, участвовалъ въ сраженіи подъ Лисобинами, отбилъ при Казиміржѣ корпусъ Ружицкаго и по усмиреніи возстанія получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, чинъ генералъ-лейтенанта и затѣмъ окончательно вышелъ въ отставку.

Польское возстаніе описано имъ въ «Запискахъ партизана», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», 1872 года.

Касаясь въ предисловіи либеральнаго духа, господствовавшаго въ первую половину царствованія императора Александра І-го до вліянія на него Меттерниха, Давыдовъ говоритъ: «Я можетъ быть ошибаюсь, но тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ томъ, что не желудкамъ нашего нравственно-хилаго вѣка переваривать такую пищу, какъ свобода; на это потребны желудки древнихъ грековъ и римлянъ, которые могли безвредно насыщаться и пресыщаться ею. Ихъ могучая природа принимала съ пользою благодать ниспосы-

лаемую благимъ провидѣніемъ народамъ, исполненнымъ любви и самоотверженія и твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но мы, проникнутые космополитизмомъ, именуемымъ любовью къ человѣчеству, какъ будто бы: люблю всѣхъ не означаетъ—никого не люблю, кромѣ самого себя; мы бездушные и жалкіе скептики, безпощадно анализирующіе все святое, мы чахлые, гнилые и вполнѣ прозаическіе,—мы не должны дерзать мыслить о свободѣ. Нѣтъ, надо сперва постараться сдѣлаться достойными этой небесной манны и лишь тогда она сама собой снизойдетъ къ намъ съ неба, но пока всепоглощающее *я* будетъ единымъ кумиромъ, единымъ рычагомъ всей нашей дѣятельности, всѣ наши усилія и стремленія будутъ тщетны. Нашъ удѣлъ до того времени одинъ: либо рабство, либо анархія, удѣлъ римлянъ и грековъ послѣ ихъ паденія съ высоты добродѣтели и любви къ отечеству, въ то преступное нравственное растлѣніе, въ то утонченное себялюбіе, въ коихъ мы нынѣ такъ погрязли» (стр. 6.).

Послѣ этихъ общихъ разсужденій, авторъ переходитъ къ изложенію самыхъ событій 1831 года; боясь утомить читателя выписками, мы не можемъ удержаться, чтобы не привести мыслей Давыдова относительно арміи того времени и характеристики Дибича.

Говоря о существовавшей тогда системѣ обученія войска, которое готовилось «не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ», тратя время на изученіе ремешковъ и уставовъ, Давыдовъ заканчиваетъ такъ: «Грустно думать‘ что къ этому стремятся, не понимая истинныхъ требованій вѣка; какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены на гибельное развитіе системы, которая, если продлится, надолго лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Но дай Боже убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха. Мысль, что цѣлое поколѣніе воспитывается въ подобныхъ идеяхъ, ужасна; это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу. Мнѣ уже состаравшемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ окружено толпой неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усиліе этихъ лицъ не допускать до него справедливыя требованія вѣка, могутъ лишь ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ» (стр. 27).

Вчитавшись въ эти вѣщія слова, невольно поражаешься ихъ суровой и грустной справедливостью. Надо помнить, что это было писано почти за четверть вѣка до Крымской кампаніи, которая такъ блистательно оправдала печальныя предположенія Давыдова.

Говоря во второй части своихъ «Записокъ» о Дибичѣ, Давыдовъ низводитъ съ пьедестала Забалканскаго героя и, кромѣ критическаго разбора его военныхъ дѣйствій, характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Клеймо проклятія горитъ на его (Дибича) памяти въ душѣ каждаго россіянина, кто бы онъ ни былъ—другъ ли его или человѣкъ имъ облагодѣтельствованный, если только честь и польза отечества дороже для него всѣхъ частныхъ связей и отношеній (стр. 312). Упоенный удачами своими въ Турціи, Дибичъ уже ѣхалъ въ Польшу въ полной увѣренности на побѣду при первомъ своемъ появленіи. Произошло однако то, что должно было произойти. Одержанные имъ успѣхи въ Турціи вознесли самонадѣянность его за предѣлы благоразумія, а первый отпоръ въ Польшѣ и многосложность неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вдругъ воспрянувшихъ и имъ вовсе не предвидѣнныхъ, окончательно поколебали эту самонадѣянность и совершенно убили въ немъ присутствіе духа, безъ котораго даже сдачу въ вистъ разыграть весьма затруднительно (стр. 318).

«Вотъ тотъ, кому Россія обязана семимѣсячной отсрочкой въ покореніи царства Польскаго, отсрочкою въ глазахъ ея порицателей столь предосудительной государству, употребившему не болѣе времени, чтобъ побѣдить самого Наполеона и его Европейскую Армаду, но повторяю, корень зла скрывается не въ русскомъ войскѣ, а въ личности самого Дибича!»

Въ то же время Давыдовымъ было написано стихотвореніе на Дибича, озаглавленное «Голодный песъ», впервые напечатанное въ «Русской Старинѣ» 1872 г. Изъ этого стихотворенія, написаннаго чрезвычайно зло, мы беремъ болѣе характерныя строки:

«Адріанополь
«Всвъ битвъ у ногъ,
«Константинополь
«Въ чаду тревогъ;
«Чтожъ ты, зѣвака,
«Повѣсилъ носъ?
«Хватай, собака,
«Голодный песъ.
. . . .

. . . .
«Все это жжется,
«Я, братъ, привыкъ,
«Что такъ дается.
«Царьградъ великъ,
«Боюсь я ляха! и т. д.

Обнародованіе «Записокъ» Давыдова вызвало въ «Русской Старинѣ» 1884 года, слѣдующую замѣтку К. В. Чевкина:

«Записки Давыдова весьма любопытны по событіямъ, до коихъ относятся, и по личности автора; онѣ любопытны, но мало по-

лезны для исторической истины и еще менѣе для доброй славы Д. В.—до такой степени факты дѣйствительные перемѣшаны съ вымышленными или искаженными, а мысли дѣльныя съ пустыми и неосновательными». Далѣе К. В. Чевкинъ выражаетъ несогласіе съ мнѣніемъ и желчной местью Давыдова «противъ многихъ сподвижниковъ русской славы, къ числу коихъ нельзя не причислить и Дибича, и Паскевича».

Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ сужденія обоихъ являются далеко не безпристрастными. Дѣло въ томъ, что недовольство Давыдова противъ Дибича, начавшееся еще на Кавказѣ и укрѣпившееся послѣ участія послѣдняго въ отставкѣ Ермолова, отразилось вполнѣ въ «Запискахъ партизана». Съ другой стороны К. В. Чевкинъ не можетъ явиться по отношенію къ И. И. Дибичу безпристрастнымъ судьей, такъ какъ онъ «благоговѣлъ передъ его памятью и питалъ къ нему чувства сыновнія въ лучшемъ смыслѣ этого слова». (И. Н. Божеряновъ. Памяти Давыдова, 1824. Іюль).

Теперь обратимся къ обзору послѣднихъ лѣтъ жизни Давыдова.

Послѣдніе годы своей жизни Денисъ Васильевичъ провелъ большей частью въ своемъ имѣніи Маза, Симбирской губерніи, гдѣ, «мѣшая съ забавой дѣло», занимался охотой и литературой. Иногда дѣла заставляли его покидать свое помѣстье, посѣщать Петербургъ, Москву, Владиміръ, Пензу, гдѣ всюду обширный кругъ знакомыхъ иногда надолго удерживалъ его. Судьбѣ угодно было, чтобы въ бытность свою въ Пензѣ, онъ познакомился съ дочерью тамошняго помѣщика Е. Д. Золотаревой.

Молодая дѣвушка, выдающагося ума и образованія, красавица, понравилась поэту и онъ вспыхнулъ тѣмъ жаромъ, которымъ горятъ только въ его лѣта, забывая, что онъ женатъ, и что у него шестеро дѣтей. При чтеніи его 57-ми писемъ къ ней (любезно доставленныхъ намъ сыномъ покойной Евгеніи Дмитріевны, Анатоліемъ Васильевичемъ Мацневымъ, которому приносимъ за это глубокую признательность) невольно вспоминается Пушкинскій стихъ:

«И можетъ быть на мой закатъ печальный
«Блеснетъ любовь улыбкою прощальной».

Переписка велась на французскомъ языкѣ, письма по большей части длинныя, но есть и небольшія записки, набросанныя какъ видно второпяхъ и наскоро. Печатаніе всей переписки не можетъ представить интереса: въ ней слишкомъ много личныхъ отношеній, чисто дѣловыхъ вопросовъ и намековъ, понятныхъ лишь для лицъ хорошо знакомыхъ съ семейными обстоятельствами, какъ Золотаревыхъ, такъ и Давыдова.

Переписка завязалась сначала робко, боязливо, но потомъ развивалась все сильнѣе и сильнѣе. Не смотря на мольбы и увѣренія Давыдова, Евгенія Дмитріевна боялась писать, что весьма понятно въ молоденькой дѣвушкѣ. Не смотря на честное слово Давыдова,

Евгенія Дмитріевна продолжала не довѣрять его скромности и онъ съ лихостью отставного гусара пишетъ ей, «что можетъ только ей простить сомнѣніе въ его словѣ, а то каждаго онъ съумѣлъ бы заставить вѣрить ему». «При томъ же, — откровенно замѣчаетъ онъ, — сохраненіе тайны переписки также дорого ему, человѣку женатому».

Намъ кажется, что увлеченіе Е. Д. Золотаревой было вызвано именно горячей натурой поэта, нуждавшейся въ предметѣ поклоненія. Это заставило его говорить языкомъ страсти, что вызвало со стороны Евгеніи Дмитріевны нѣкоторое неудовольствіе. (Писемъ Е. Д. Золотаревой не сохранилось, но приведенный ниже отрывокъ выписанъ Давыдовымъ въ одномъ изъ его писемъ. Она писала: «Le language passioné que vous tenez dans la lettre, que je viens recevoir, me fait frémir; pourquoi empoisonner le charme de cette correspondance, qui me ravit». (Страстный языкъ, которымъ вы выражаетесь, заставляетъ меня трепетать; зачѣмъ отравлять всю прелесть этой переписки, которая меня такъ восхищаетъ [1]).

Въ отвѣтъ на продолжающіяся изліянія, она предлагаетъ ему дружбу. Глубоко огорченный этимъ Давыдовъ пишетъ: «Vous avez le courage de me proposer l'amitié, mais, cruelle amie! l'amour n'est-il pas comme la vie, qui une fois éclose, ne revient plus au néant. Soyez donc franche une fois dans la vie; voulez-vous vous débarasser de moi, qui, je le sens, vous pèse et vous importune. Tuez moi raide, enfoncez moi le couteau au coeur sans sourciller en me disant: je ne vous aime pas, je ne vous ai jamais aimé, tout de ma part n'était que tromperie, je me suis amusée.

«Что пользы мнѣ въ твоемъ совѣтѣ?
«Когда я съединилъ и пламенно люблю
«Весь Божій міръ въ одномъ предметѣ
«И въ одномъ чувствѣ жизнь мою!»

(У васъ хватаетъ смѣлости предлагать мнѣ дружбу, жестокій другъ! Любовь подобна жизни, которая разъ утраченная не возвращается болѣе. Будьте откровенны хоть разъ въ жизни, — вы хотите отдѣлаться отъ меня, который, я это чувствую, гнететъ и безпокоитъ васъ. Убейте меня, вонзите не поморщась мнѣ ножъ въ сердце, говоря: я васъ не люблю, я никогда васъ не любила, все съ моей стороны было обманъ, я забавлялась!)

Вся переписка ведена въ тонѣ вышеприведеннаго отрывка. Письма Давыдова полны вздоховъ, слезъ, стоновъ и, вспомнивъ года влюбленнаго, нельзя иногда не улыбнуться его сентиментальности. Страдая отъ молчанія и не получая долго писемъ отъ Золотаревой, онъ сознается, что плачетъ цѣлые дни какъ ребенокъ.

[1]) Мы всюду сохранили ореографію подлинниковъ.

Удивляется холодности ея писемъ (des lettres à la glace), но благодаритъ и за нихъ, видя пощаду своимъ мукамъ. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: «Какъ не вспомнить:

«Унеслись невозвратимыя
«Дни тревогъ и милыхъ бурь
«И мечты мои любимыя,
«И небесъ моихъ лазурь».

«Но долженъ ли я былъ ожидать иного, когда я видѣлъ при самой минутѣ моего отъѣзда улыбку вмѣсто печали, что мнѣ внушило дорогою:

«Не глядитъ она, печальная,
«На пролетъ надеждъ моихъ,
«Не дрожитъ слеза прощальная
«На рѣсницахъ молодыхъ!»...

Видясь каждый день съ предметомъ обожанія, онъ находитъ, что свиданія ихъ рѣдки, назначаетъ мѣста встрѣчъ, и уѣзжая въ деревню или въ Москву, говоритъ: «что только одиночество можетъ его утѣшить».

Иногда Давыдовъ завидуетъ Евгеніи Дмитріевнѣ, ея веселью, ея молодости, ея развлеченіямъ; ему хочется, чтобы въ разлукѣ съ нимъ она грустила и плакала, какъ онъ. Отраженіе этого чувства, помимо писемъ, мы находимъ въ посвященномъ ей стихотвореніи:

«Тебѣ легко, ты весела,
«Ты радостна, какъ утро мая»...

«А я? Я плачу какъ дитя, приникнувъ къ изголовью». Чувство грусти и тоски не мѣшаетъ Давыдову посѣщать балы, описаніе которыхъ онъ даетъ въ своихъ письмахъ.

Въ письмѣ отъ 27-го ноября мы находимъ:

«J'ai été encore à un autre bal, celui de Prince Scherbatoff dont la maison et renommée pour réunir la plus haute société d'ici. Il est marié à une polonaise de basse extraction, qu'il a fait, pour ainsi dire, élêver ainsi que ses deux filles à Paris, où il a passé une dizaine d'années; c'est de là que toute cette famille arrive. L'hôtel qu'elle habite ici, est une espèce de palais et arrangé dans le meilleur goût, tout est bronze, meubles de Paris, et tableaux du plus grand prix». (Я былъ еще на другомъ балу, а именно: на балу князя Щербатова, домъ котораго предназначенъ для собранія здѣшняго высшаго общества. Онъ женатъ на полькѣ низкаго происхожденія, которую онъ, такъ сказать, воспиталъ съ своими двумя дочерьми въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ десять лѣтъ; теперь вся семья пріѣхала оттуда. Домъ, который они занимаютъ, какъ дворецъ, отдѣланъ съ большимъ вкусомъ, все бронза, парижская мебель и драгоцѣнныя картины).

Въ письмѣ отъ 10-го января Давыдовъ пишетъ: «J'étais au grand bal masqué du G. Gouverner, qui fut vraiment magique par la richesse des parures; il y avait plus de 600 personnes, toutes magnifiquement costumées. Le Pont des Maréchaux a dévoré cent mille roubles, compte fait. On a acheté pour 1,000 r. de gravures, qui ont servi de modèle aux costumes. Au bal masqué de l'Assemblée j'ai été intrigué par plusieurs masques, qui presque toutes m'ont demandé des nouvelles de Penza et de mon amour, sans vous nommer cependant. Une femme mascuée m'a parlé d'elle-même: disant me connaître et m'aimer, cela m'a fait rire, et je lui répondis: Je vous plains, Madame, vous ayant fait sans m'en douter tant d'infidélités pendant ce laps de témps je me trouve indigne de votre amour; et elle disporut. Mais à la sortie, deux autres femmes masquées jusquaux dents, sont venues se placer à coté de moi, pendant que j'étais assis dans le vestibule pour attendre ma voiture. Ne voilà-t-il pas que l'une d'elles se penche à mon oreille (ma femme était de l'autre coté de moi) et me dit doucement: depuis quand Général êtes Vous de nos contrèes?—De quelles contrées, Madame?—de Penza—à ce mot je tressailli et ne puis d'abord lui répondre, que par un soupir involontaire et à demi étouffé, mais après je lui dis:—depuis deux mois—mais dites done qui êtes vous? Vous êtes donc de ce pays, au quel je rêve sans cesse! Mais qui était donc cette dame? Jusqu'à prèsent c'est un énigme pour moi—hélas, comme toutes les femmes. La spirituelle C-e Rostopchin, que j'ai reconnu de suite, m'aborda aussi, mais celle-lá avee une impertinence; vous sentez bien, que je ne suis pas resté en faute; la mienne était si bien tournée, qu'elle partit comme un éclair, poursuivie des rires et des huits de ceux qui entendirent ma riposte». (Былъ на большомъ маскарадномъ балѣ генералъ-губернатора, который былъ по истинѣ волшебенъ богатствомъ драгоцѣнностей. Было болѣе 600 человѣкъ, великолѣпно костюмированныхъ. Кузнецкій Мостъ по счетамъ поглотилъ 100 тысячъ рублей. Картинокъ, по которымъ дѣлали костюмы, было куплено на 1,000 рублей. На маскарадѣ въ собраніи меня интриговали нѣсколько масокъ, спрашивавшія у меня новостей изъ Пензы, и о моей любви, не называя именъ, конечно. Одна маска говорила мнѣ о себѣ и увѣряла, что знаетъ и любитъ меня. Это заставило меня смѣяться, и я сказалъ ей: Я васъ сожалѣю, сударыня, такъ какъ за этотъ промежутокъ времени я, самъ того не подозрѣвая, столько разъ измѣнялъ вамъ, что чувствую себя недостойнымъ вашей любви; она исчезла. При выходѣ, когда я, сидя въ передней, ожидалъ моей кареты, двѣ маски усѣлись около меня. Одна изъ нихъ наклоняется къ моему уху (жена моя была съ другой стороны) и спрашиваетъ: давно ли вы, генералъ, изъ нашихъ мѣстъ?—Изъ какихъ мѣстъ, сударыня?—Изъ Пензы! При этомъ словѣ я вздрогнулъ и не могъ ей ничѣмъ отвѣтить, кромѣ неволь-

наго полуподавленнаго вздоха, но потомъ я ей сказалъ:—Уже два мѣсяца! Но скажите кто вы, изъ той ли вы мѣстности, о которой я постоянно мечтаю?—Кто была эта дама? До сихъ поръ она осталась для меня загадкой, впрочемъ какъ всѣ женщины! Умная графиня Ростопчина, которую я сейчасъ узналъ, обратилась также ко мнѣ, но съ дерзостію. Вы конечно поймете, что я не остался въ долгу у ней: отвѣтъ мой былъ такъ удаченъ, что она скрылась, какъ молнія (сопровождаемая смѣхомъ и возгласами слышавшихъ мое возраженіе).

Въ письмахъ Давыдова мы часто находимъ указанія на посылку книгъ и нотъ, причемъ не безъинтересными являются его отзывы о нихъ. Такъ, въ одномъ письмѣ мы находимъ слѣдующее:

«Vous me dites toujours qu'en fait de romans même, vous n'aimez que les moins frivoles. J'ai donc ècrit la dessus á Bellizard mon libraire, qui vient de m'envoyer un des fameux de A. Dumas. Je ne sais s'il est digne de vous être offert, je ne l'ai pas lu, car je viens de le recevoir hier, et vous l'envoie aujourd'hui. Je vous envoie повѣсти Пушкина, lisez les, je suis sûr que vous les placerez bien au dessus de Павловъ. Surtout «Выстрѣлъ» que Пушкинъ m'a lu luimême un couple de fois, et que je relis avec plaisir». (Вы всегда говорили мнѣ, что изъ романовъ вы любите всегда менѣе игривые. Я писалъ такъ моему поставщику Белизару и онъ мнѣ прислалъ одинъ изъ знаменитыхъ А. Дюма. Я не знаю, достоинъ ли онъ быть вамъ предложеннымъ, я его не читалъ, такъ какъ получилъ только вчера, а сегодня посылаю вамъ. Также посылаю повѣсти Пушкина, прочтите ихъ, я увѣренъ, что вы ихъ будете ставить гораздо выше Павлова. Особенно «Выстрѣлъ», который Пушкинъ самъ мнѣ читалъ много разъ и я перечитываю его съ большимъ удовольствіемъ).

Въ другой разъ Давыдовъ пишетъ, что посылаетъ романъ Бенжаменъ Констана «Adolphe», и замѣчаетъ при этомъ, что это замѣчательный романъ, и написанъ знаменитымъ романистомъ. Также рекомендуетъ онъ прочесть «Les feuilles d'automne» Виктора Гюго и романъ «Lélia». Проведя какъ-то вечеръ у генерала Орлова, онъ пишетъ, что слышалъ тамъ «la fameuse M-lle Barténeff», которая пѣла, и у нея онъ досталъ нѣсколько арій и романсовъ, каковые и прилагаетъ. Въ другой разъ онъ присылаетъ два романса Верстовскаго и музыку къ его стихотворенію «Къ рѣчкѣ». Переписка Давыдова, гдѣ на каждой страницѣ, чуть не по десяти разъ, встрѣчаются слова: ma vie, mon ange, ma déesse и т. п. не могла долго продолжаться въ такомъ страстномъ тонѣ. И дѣйствительно въ нѣкоторыхъ письмахъ начинаютъ проявляться отблески, какъ бы зарницы будущихъ грозъ. Все чаще и чаще попадаются его упреки на молчаніе и оставленіе его вопросовъ въ письмахъ безъ отвѣта. Охлажденіе послѣдовало не съ его стороны,

и первый толчекъ къ прекращенію переписки былъ поданъ не имъ. Въ его послѣднемъ письмѣ находимъ слѣдующее:

«Je savais bien que tout devait se terminer ainsi; mais cela n'amortit pas le coup. Tout est fini pour moi; plus de présent, plus d'avenir! le passé seul me reste, or ce passé est dans les lettres que je vous ai écrit durant mes deux années et demie de bonheur!» (Я знаю хорошо, что это должно такъ кончиться, но это не облегчаетъ удара. Все кончено для меня; нѣтъ настоящаго, нѣтъ будущаго! мнѣ осталось только прошлое и все оно заключается въ этихъ письмахъ, которыя я вамъ писалъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ счастья).

Далѣе слѣдуетъ просьба о возвращеніи писемъ и портрета. Изъ этого же письма видно, что Евгенія Дмитріевна была уже невѣстой, а слѣдовательно всякая переписка должна была прекратиться. Е. Д. Золотаревой были посвящены почти всѣ послѣдніе напѣвы Давыдова, какъ напримѣръ:

«Я васъ люблю безъ страха, опасенья,
«Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы,
«Я могъ бы васъ любить глухимъ, лишеннымъ зрѣнья...
«Я васъ люблю затѣмъ, что это вы!»

Затѣмъ: «На голосъ извѣстной русской пѣсни», указаніе на что мы имѣемъ въ приведенной выше перепискѣ, «Рѣчка», «Море воетъ», «Вальсъ» и наконецъ «Выздоровленіе». Въ послѣднемъ говорится:

«Прошла борьба моихъ страстей,
«Болѣзнь души моей мятежной,
«И призракъ пламенныхъ ночей,
«Неотразимый, неизбѣжный.
«И милыя тревоги милыхъ дней,
«И языка несвязный лепетъ,
«И сердца судорожный трепетъ,
«И смерть и жизнь при встрѣчѣ съ ней...
«Исчезло все!...»

Стихотвореніе «Море воетъ» было озаглавлено Давыдовымъ первоначально «И моя звѣздочка» и должно было быть напечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія», но г. Араповъ «un homme á l'art de tout gâter», напечаталъ его въ «Сѣверной Пчелѣ», что безпокоило Давыдова, такъ какъ онъ не хотѣлъ печататься въ летучихъ изданіяхъ. Объ этомъ есть указанія въ перепискѣ Давыдова съ Е. Д. Золотаревой и съ Языковымъ. Работая постоянно въ «Библіотекѣ для Чтенія» Сенковскаго и «Современникѣ» Пушкина, Давыдовъ отдѣлывалъ свои прозаическія произведенія, напр. «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія» и зоркимъ окомъ слѣдилъ за всѣми политическими и литературными событіями. Такъ, въ перепискѣ съ Языковымъ мы находимъ его отзывы о драмѣ Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла» и о «Само-

званцѣ». Въ перепискѣ съ Языковымъ онъ, часто жалуясь на свое болѣзненное состояніе, не перестаетъ посылать ему стихи и требуетъ, чтобы тотъ давалъ о нихъ отзывы.

Онъ переписывается съ Баратынскимъ, Пушкинымъ, Вяземскимъ, Жуковскимъ (къ послѣднему особенно забавно письмо при отсылкѣ уса) и пишетъ эпиграммы. Такъ одна—«Мериносъ собакой сталъ»—написана на И. В. Сабурова, «О ты убившій жизнь»—на Бекетова. Увлеченіе не помѣшало ему написать нѣжное стихотвореніе, посвященное С. А. Кушкиной:

«Вы личикомъ—паѳосскій богъ»...

За это время имъ были написаны лучшія его стихотворенія въ лирическомъ родѣ: «Я помню глубоко» и лучшее его сатирическое стихотвореніе: «Современная пѣсня». Въ этомъ стихотвореніи, полномъ чисто русскаго юмора и намековъ, онъ отмѣтилъ то глубокое недовольство на существующій порядокъ, которое бродило въ обществѣ. Давыдовъ показалъ всю ничтожность этихъ недовольныхъ, стремившихся перекроить всю Европу по своему. Онъ сравнилъ ихъ съ мошками, которыя стараются безпокоить Россію:

«Но на зло врагамъ, она
«Все живетъ и дышетъ,
«И могуча, и грозна,
«И здоровьемъ пышетъ.
«А когда, во время сна,
«Моль иль таракашка
«Заползетъ ей въ носъ—она
«Чхнетъ—и вонъ букашка!»

Изъ переписки Давыдова съ Языковымъ отмѣтимъ только слѣдующее:

Какъ-то разговаривая съ Марьей Антоновной Нарышкиной, на слова ея: «Davidoff est pour suivantes», Давыдовъ отвѣтилъ ей: «Que voulez-vous, Madame, elles sont plus fraîches». Онъ передалъ мимоходомъ этотъ разговоръ Пушкину, а тотъ, по истеченіи многихъ лѣтъ, увѣковѣчилъ эти двѣ фразы поставивъ ихъ эпиграфомъ ко второй главѣ «Пиковой дамы».

Получивъ извѣстіе о смерти Пушкина, Давыдовъ писалъ Языкову: «Знаете ли нашу общую горесть? Пушкинъ, нашъ славный Пушкинъ, убитъ на дуэли. Онъ приревновалъ жену свою—и, какъ всѣ увѣряютъ, напрасно, она даже не кокетствовала, а какой-то Дантесъ, кавалергардскій офицеръ (и побочный сынъ голландскаго короля) давно уже искалъ всѣми средствами компрометировать ее въ обществѣ. Пушкинъ закипѣлъ, какъ Отелло, вызвалъ Дантеса на дуэль, ранилъ его сильно, но самъ палъ. Пуля вошла въ брюхо и остановилась въ кишкахъ; онъ умеръ черезъ три часа по полученіи раны. Я такъ разстроенъ этимъ извѣстіемъ, что нѣтъ силъ писать вамъ болѣе. C'est une calamité publique!»

Незадолго до своей кончины, Давыдовъ ходатайствовалъ о перенесеніи тѣла кн. Багратіона изъ имѣнія Симы (имѣніе кн. Голицыныхъ Владимірской губ.), гдѣ оно покоилось, или въ Александроневскую лавру, или на Бородинское поле. «Въ первомъ случаѣ, говоритъ Давыдовъ, знаменитый питомецъ легъ бы возлѣ великаго наставника; во второмъ, великая жертва сочеталась бы съ великимъ событіемъ». Государь приказалъ перенести прахъ Багратіона, и Давыдову, какъ адъютанту покойнаго, повелѣно было сопровождать его.

Въ письмѣ отъ 20-го марта 1839 г. Давыдовъ пишетъ Ермолову, жалуясь на свою болѣзнь, слѣдующее: «Сверхъ того, если честь сего перемѣщенія возложена будетъ на меня, честь,—которую я приму за истинное благодѣяніе, то мнѣ нужно будетъ получить на сіе предписаніе военнаго министра заблаговременно, дабы имѣть время распорядиться по сему случаю». («Р. Арх.» 18—66, стр. 915). Но Давыдовъ не дожилъ до этой чести и 23-го апрѣля того же года его не стало.

Извѣстіе о кончинѣ его заставило Жуковскаго въ «Бородинской годовщинѣ» сказать:

«И боецъ, сынъ Аполлона,
«Мнилъ онъ гробъ Багратіона
«Проводить въ Бородино,—
«Той награды не дано:
«Вмигъ Давыдова не стало!
«Сколько славныхъ съ нимъ пропало
«Боевыхъ преданій намъ!
«Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!»

Мы кончили нашъ очеркъ. Стараясь собрать разнообразный матеріалъ, разбросанный въ историческихъ журналахъ, въ письмахъ, произведеніяхъ и мнѣніяхъ современниковъ Давыдова, мы старались возстановить его образъ передъ читателями и подтвердить его характеристику, сдѣланную имъ самимъ въ его автобіографіи.

«Миръ и спокойствіе—о Давыдовѣ нѣтъ слуха, его какъ бы нѣтъ на свѣтѣ; но повѣетъ войною—и онъ уже тутъ торчитъ среди битвъ, какъ казачья пика. Снова миръ—и Давыдовъ опять въ степяхъ своихъ, опять гражданинъ, семьянинъ, пахарь, ловчій, стихотворецъ, поклонникъ красоты во всѣхъ ея отрасляхъ; въ юной дѣвѣ ли, въ произведеніяхъ ли художествъ, въ подвигахъ ли: военномъ или гражданскомъ; въ словесности ли—вездѣ слуга ея, вездѣ рабъ ея, поэтъ ея—вотъ Давыдовъ!»

А. Осиповъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОЖИТОМЪ [1].

(Посвящается товарищамъ по Павловскому и сослуживцамъ по Петровскому и Полтавскому кадетскимъ корпусамъ).

VII.

На службѣ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ.—Любезность Клингенберга.— Выгодная квартира. — Знакомство съ А. Ѳ. Шелономъ. — Его краткая біографія. — Переводъ статистики Гродненской губерніи. — Шелонъ доставляетъ мнѣ занятія. — Подготовленіе къ дѣятельности преподавателя исторіи. — Отдѣленіе отпѣтыхъ.—Отношеніе Михаила Павловича къ строевой подготовкѣ корпусовъ.— Репетиціи Толстого.— Просьба кадета 2-го корпуса.—Пріемъ ординарцевъ Михаиломъ Павловичемъ.— Выступленіе корпуса въ лагерь.—Привалъ близь дома умалишенныхъ.—Дѣвица Боггговутъ.—Заря съ церемоніей.—Императоръ самъ производитъ ученіе.—Производство выпускныхъ и рѣчь государя.—Печальный случай съ двумя выпускными.— Гуманность Ростовцова.— Мое намѣреніе перейти на службу въ Полтаву.—Кіевъ.—Разсказы о генералѣ Ротѣ.

СЕМНАДЦАТАГО іюня 1839 года, я прибылъ въ Петербургъ и на другой же день представился директору корпуса, Карлу Ѳедоровичу Клингенбергу. Пріемъ, оказанный мнѣ генераломъ, былъ самый радушный, напоминавшій его отеческое обращеніе съ нами во время нашего нахожденія въ Павловскомъ корпусѣ. Въ его вопросѣ: какъ доѣхалъ и есть ли средства для заготовленія новаго обмундированія?—я понялъ намекъ на мой довольно уже потертый мундиръ. Дѣло въ томъ, что во время моего пребыванія въ деревнѣ у брата, случился пожаръ, при чемъ вся моя обмундировка сго-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XL, стр. 610.

рѣла. Нисколько не стѣсняясь, я высказалъ Клингенбергу всю затруднительность моего положенія. Клингенбергъ заставилъ меня написать объ этомъ рапортъ, послалъ меня съ нимъ къ Ростовцеву и я получилъ очень солидную по тому времени сумму.

Корпусъ былъ въ лагерѣ. Меня прикомандировали къ остававшейся въ Петербургѣ неранжированной ротѣ. Квартиру я себѣ нашелъ очень скоро, по второй ротѣ Измайловскаго полка, на столь выгодныхъ условіяхъ, что теперешнимъ жителямъ Петербурга это можетъ показаться чуть ли не баснею: за шестьдесятъ рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ я получилъ двѣ чистенькія комнаты съ окнами на улицу, при передней, во второмъ этажѣ, со столомъ въ три блюда по буднямъ и въ четыре по праздникамъ; въ дни же когда у меня соберется кто-нибудь изъ товарищей, мнѣ полагался и ужинъ въ два блюда. Кромѣ того, хозяйка должна была кормить и моего денщика.

Вскорѣ вмѣстѣ со мною поселился мой однокашникъ, подпоручикъ Семеновскаго полка Карцевъ, вышедшій изъ корпуса позже меня. Онъ потерялъ право пользоваться казенною квартирою, вслѣдствіе поступленія въ Военную Академію. Какъ судьба играетъ людьми! Въ корпусѣ, будучи фельдфебелемъ, я былъ начальникомъ Карцева; при сожительствѣ на одной квартирѣ, я былъ старше его чиномъ, а впослѣдствіи, когда Карцевъ былъ помощникомъ главнокомандующаго кавказскою арміей его высочества Михаила Николаевича, я получилъ, по его дружескому ко мнѣ участію, послѣ переформированія корпусовъ въ военныя гимназіи, 30-й кавказскій линейный баталіонъ, то-есть не только поступилъ въ подчиненіе къ нему, но сталъ неизмѣримо ниже его на лѣстницѣ ранговъ и служебнаго положенія. Вотъ какъ измѣняются роли! Не измѣнился только въ своей душѣ Александръ Петровичъ: и въ Тифлисѣ, гдѣ мнѣ приходилось часто встрѣчаться съ нимъ, и въ Харьковѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ военнаго округа, онъ оказывалъ мнѣ самое дружеское расположеніе.

Поустроившись, я сдѣлалъ визиты всѣмъ служащимъ. Инспекторъ классовъ, А. Ѳ. Шелонъ, повидимому, былъ радъ увидѣть меня. Во время моего пребыванія въ корпусѣ, Шелонъ былъ помощникомъ инспектора классовъ и преподавателемъ фортификаціи. Послѣднее обстоятельство крайне всѣхъ удивляло, такъ какъ фракъ, да и самая его фигура, съ кривыми, вывороченными ногами, никакъ не допускала мысли, чтобы онъ могъ читать какую-нибудь военную науку. Несмотря на скромную фигуру Шелона, нашъ инспекторъ, полковникъ Верещагинъ, ровно ничего не значилъ безъ своего помощника. Личность Шелона дѣйствительно заслуживаетъ особаго вниманія. Окончивъ курсъ въ Императорскомъ Военно-Сиротскомъ домѣ, въ 1820 году, онъ, вслѣдствіе физической неспособности къ военной службѣ, былъ выпущенъ съ чиномъ

14-го класса и, не имѣя никого изъ родственниковъ, былъ радъ-радешенекъ, что директоръ корпуса помѣстилъ его въ свою канцелярію на грошевое содержаніе. Усиленныя канцелярскія занятія, при всемъ желаніи усовершенствовать свое образованіе, не дозволяли ему посѣщать университетскія лекціи. На его счастіе въ корпусѣ открылась вакансія на должность библіотекаря. Его сдѣлали библіотекаремъ. Окруженный книгами, проводя дни и ночи въ своей библіотекѣ, онъ самоучкой изучилъ французскій языкъ, усвоилъ и по другимъ предметамъ такія прочныя свѣдѣнія, что въ тридцатыхъ годахъ былъ уже главнымъ редакторомъ издаваемаго тогда Плюшаромъ «Энциклопедическаго лексикона», въ которомъ принимали участіе почти всѣ наши ученые. Обстоятельство это сблизило его со многими выдающимися личностями нашей литературы. Мнѣ самому приходилось не разъ встрѣчать на его вечерахъ Жуковскаго, Плетнева, Кукольника, Греча, Сенковскаго, Даля, Одоевскаго, Языкова и др.

Павловскій корпусъ обязанъ Шелону и подборомъ самыхъ лучшихъ учителей Петербурга. Будучи членомъ и хозяйственнаго комитета, онъ съумѣлъ пріобрѣсти вліяніе и на эту отрасль корпусной администраціи, ограничилъ менѣе нужные расходы и всю экономію старался обратить на усиленіе средствъ къ умственному образованію воспитанниковъ. Для хорошихъ учениковъ онъ ничего не жалѣлъ, покровительствовалъ также и тѣмъ, которые особенно старательно занимались однимъ избраннымъ предметомъ. Онъ не стѣснялся переводить послѣднихъ въ высшіе классы и послѣдствіемъ такого умнаго взгляда на дѣло образованія было то, что число тунеядцевъ въ заведеніи дошло до небывалаго minimum'a. Воспитанникамъ послѣдняго рода онъ указывалъ и доставлялъ возможность пользоваться самыми лучшими руководствами къ болѣе пространному изученію избранныхъ ими предметовъ, въ связи съ другими, имѣющими близкое съ ними соприкосновеніе. Такимъ образомъ сама собою устанавливалась спеціальность и въ то же время, когда у насъ она даже поощрялась, воспитанники другихъ заведеній за эти же самыя наклонности исключались вонъ. Къ сожалѣнію, по одному обстоятельству, о которомъ даже прискорбно вспомнить, не довелось Шелону занять мѣсто главнаго инспектора всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, о чемъ предполагалъ ходатайствовать великій князь Михаилъ Павловичъ, высоко цѣнившій заслуги Шелона.

Когда я пришелъ въ первый разъ къ Шелону, онъ сталъ разспрашивать меня о моей службѣ и, узнавъ, что я провелъ семь лѣтъ въ царствѣ Польскомъ и Литвѣ, полюбопытствовалъ: знаю ли я польскій языкъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ попросилъ меня перевести на русскій языкъ небольшую, тутъ же передъ нимъ лежавшую, брошюру «Статистика Гродненской губер-

ніи». Мой переводъ, надъ которымъ я проработалъ не болѣе четырехъ дней, былъ совершенно одобренъ Шелономъ. Платя любезностью за любезность, онъ предложилъ мнѣ очень выгодное, въ смыслѣ вознагражденія, дѣло: приготовить, правда въ весьма непродолжительное время, одного сынка знатнаго барина къ экзамену изъ фортификаціи для поступленія въ инженерное училище. Не имѣя твердыхъ знаній въ этомъ предметѣ, я было началъ отказываться, но Шелонъ прервалъ мое отнѣкиванье фразою:

— Вотъ вамъ руководство Теляковскаго, просмакуйте его и увидите, что задача не трудна.

Я согласился и достигъ благопріятныхъ результатовъ: мой новый ученикъ сдалъ экзаменъ очень порядочно.

Вслѣдствіе такого удачнаго опыта на поприщѣ преподавательской дѣятельности, Шелонъ предложилъ мнѣ избрать какой-нибудь предметъ для преподаванія въ Павловскомъ корпусѣ. Я остановился на исторіи и началъ серьезно заниматься ею. Впослѣдствіи, уже во время моей бытности въ Павловскомъ корпусѣ, послѣ пробной лекціи, я былъ утвержденъ въ званіи преподавателя всеобщей исторіи.

По возвращеніи баталіона кадетъ изъ лагеря, я былъ назначенъ въ первую роту. По принятому тогда порядку, эта рота состояла изъ воспитанниковъ, не подающихъ особенно блестящихъ надеждъ къ успѣшному окончанію курса наукъ. Самые сомнительные экземпляры находились въ первомъ отдѣленіи. Какъ на зло это отдѣленіе дали мнѣ, назначивъ въ помощь унтеръ-офицера Софьяно (нынѣ генералъ-адъютанта, товарища генералъ-фельцейхмейстера). Правда, спасти отъ выпуска въ юнкера этихъ господъ было невозможно, но принявъ за правило прежде всего гуманное обращеніе, я достигъ, по крайней мѣрѣ, того, что обуздалъ сорванцовъ. Вотъ когда я почувствовалъ призваніе быть воспитателемъ и когда окончательно рѣшилъ не возвращаться въ артилерію.

Въ день Богоявленія, 1840 года, я подвергнулся маленькой непріятности. На парадъ былъ назначенъ сборный взводъ изъ всѣхъ ротъ. На правомъ флангѣ стоялъ кадетъ моего отдѣленія. Когда ко взводу подходилъ Михаилъ Павловичъ и было скомандовано—«на плечо!»—правофланговый задней шеренги такъ сильно задѣлъ штыкомъ киверъ моего кадета, что сдвинулъ его на самые глаза. Великій князь, отнеся это къ плохой пригонкѣ кивера, приказалъ посадить подъ арестъ на гауптвахту какъ ротнаго командира, такъ и отдѣленнаго офицера.

Кстати разсказать здѣсь и о другомъ случаѣ, свидѣтельствующемъ какъ Михаилъ Павловичъ относился къ строевой части въ кадетскихъ корпусахъ.

Не припомню въ мартѣ или въ апрѣлѣ того же 1840 года, великій князь выразилъ крайнее неудовольствіе за неудовлетворительную подготовку взводиковъ, высылаемыхъ корпусами на воскресные разводы. Онъ приказалъ состоявшему при немъ генералу Толстому объѣзжать каждую недѣлю всѣ корпуса какъ для репетицій съ этими взводиками, такъ и для осмотра ординарцевъ, посылаемыхъ по воскреснымъ днямъ во дворецъ его высочества.

При одномъ изъ такихъ посѣщеній генераломъ Толстымъ 2-го кадетскаго корпуса, къ нему подошелъ одинъ изъ воспитанниковъ съ просьбою удостоить его счастія представиться Михаилу Павловичу. Кривоногій, кривобокій, рябой и вообще чрезвычайно неврачный на видъ, кадетъ изумилъ своею просьбою генерала. На вопросъ: какъ онъ учится и ведетъ себя? — директоръ корпуса отозвался о немъ самымъ наилестнѣйшимъ образомъ. Это обстоятельство, при всѣмъ извѣстныхъ требованіяхъ великаго князя, поставило Толстого въ немалое затрудненіе. Надо было посовѣтываться съ Ростовцевымъ, надо было общими силами убѣдить Михаила Павловича склониться на просьбу достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ юноши.

Послѣ долгихъ и полновѣсныхъ представленій, просьба ихъ была уважена, но не иначе, какъ при условіи предупредить его высочество въ минуту представленія этого воспитанника.

На бѣду въ день представленія великій князь смотрѣлъ конногвардейскій полкъ и, оставшись имъ крайне недовольнымъ, возвратился во дворецъ такимъ разсерженнымъ, что къ нему и приступа не было.

Началось представленіе. Подпрапорщиками остался недоволенъ; пажей назвалъ куклами въ мундирахъ; ординарцевъ артилерійскаго, инженернаго училища и 1-го кадетскаго корпуса пропустилъ молчаливо; при взглядѣ же на представлявшихся отъ 2-го корпуса до такой степени расшумѣлся, что душа у всѣхъ ушла въ пятки:

— Это что за чучело?—произнесъ Михаилъ Павловичъ. — Въ насмѣшку что ли прислали мнѣ на показъ такого урода? Какъ смѣете вы, генералъ Мирковичъ, такъ шутить со мною? Сегодня же доложу государю о вашей умышленной дерзости! Въ сторону это безобразіе! Баталіоннаго командира арестовать на мѣсяцъ, ротнаго на два мѣсяца, а эту чучелу высѣчь!

Ноги подкосились у ординарцевъ Павловскаго корпуса и Дворянскаго полка, но пріемъ ихъ прошелъ благополучно.

На силу-на силу, и то только черезъ три дня, удалось Ростовцеву и Толстому умилостивить Михаила Павловича и выпросить всѣмъ прощеніе.

Въ первый день Пасхи, въ числѣ прочихъ получившихъ вы-

сочайшія награды, находился баталіонный командиръ Московскаго кадетскаго корпуса, произведенный въ генералы съ назначеніемъ на должность директора вновь открываемаго Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса. Назначеніе Святловскаго крайне заинтересовало меня, какъ уроженца Харьковской губерніи. Зародилась мысль: не перебраться ли въ Полтаву? Мысль эта мало-помалу начала меня преслѣдовать, но привести ее въ исполненіе не представлялось еще возможности.

Вскорѣ наступилъ день выхода военно-учебныхъ заведеній въ лагерь подъ Петергофъ. Сборъ былъ назначенъ у Нарвской заставы къ четыремъ часамъ дня. Прибылъ государь. Отрядъ, какъ и всегда, принялъ его нескончаемымъ «ура». Пропустивъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ по отдѣленіямъ всѣ корпуса, императоръ приказалъ слѣдовать на ночлегъ въ деревню Лигово. Для привала баталіонъ Павловскаго корпуса, по заведенному съ 1830 года обычаю, расположился на дворѣ дома умалишенныхъ и въ зданіяхъ, прилегавшихъ къ этому дому.

Это гостепріимство устроилъ Павловскому корпусу бывшій его директоръ Никита Васильевичъ Арсеньевъ, получившій мѣсто попечителя такъ называемаго «Желтаго дома». Сюда же Арсеньевъ перетащилъ и бывшаго своего эконома Кандаурова, который и по смерти Арсеньева поддерживалъ это гостепріимство. На привалѣ кадетамъ былъ предложенъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ и молокомъ, жаркое и разныя лакомства. Офицерамъ былъ устроенъ ужинъ съ разливною рѣкою шампанскаго.

Передъ ужиномъ мы попросили разрѣшенія осмотрѣть заведеніе. Нельзя было не замѣтить, какъ свирѣпые на видъ больные ласково относились къ Кандаурову. Посѣтили мы и дѣвицу Боговутъ, помѣщенную сюда еще въ царствованіе императора Александра Павловича. Предметомъ ея помѣшательства былъ самъ императоръ. Въ своемъ довольно хорошемъ помѣщеніи она приняла насъ чрезвычайно привѣтливо; говорила о разныхъ предметахъ такъ разсудительно, какъ, казалось бы, не могъ говорить человѣкъ помѣшанный. По нашей просьбѣ она сыграла одну изъ Бетховенскихъ сонатъ, да такъ сыграла, что мы даже рты разинули.

Послѣ ужина мы тронулись дальше, на ночлегъ, и на другой день отправились на Петергофъ.

Возлѣ дачи Мятлева отрядъ былъ остановленъ. Весь отрядъ переодѣлся и построился по отдѣленіямъ на дорогѣ. Прибылъ изъ Петергофа императоръ и лично повелъ насъ въ лагерь церемоніальнымъ маршемъ.

Здѣсь отрядъ выстроился развернутымъ фронтомъ по баталіонно, вызваны были караулы и произведена вечерняя заря съ церемоніей. Передъ роспускомъ баталіоновъ государь громко произнесъ своимъ пѣвучимъ голосомъ:

— Живите, поживайте, меня не забывайте! Съ Богомъ!

Сойдя затѣмъ съ лошади, онъ пересѣлъ въ ландо къ императрицѣ, пожаловавшей въ лагерь съ великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевными, и отбылъ въ Александровскій дворецъ.

Такой порядокъ выступленія кадетъ въ лагерь и вступленія въ Петергофъ повторялся ежегодно.

Въ лагерѣ пробыли мы до 12-го августа. Смотры, маневры и линейныя ученья были для кадетъ праздниками. Они рвались изъ всѣхъ силъ, чтобы угодить батюшкѣ-царю. Государь, конечно, зналъ это чувство къ нему кадетъ и являлся къ нимъ всегда въ отличномъ настроеніи духа. Помню, какъ, сдѣлавши разъ тревогу, онъ началъ производить линейное ученье и самъ, державный, подавалъ сигналы на рожкѣ. Когда же послѣдовалъ сигналъ къ атакѣ, вслѣдъ за нимъ прокомандовалъ своимъ богатырскимъ голосомъ:

— Барабанщики бьютъ, музыканты играютъ, молодцы впередъ выступаютъ.

Линейнымъ ученіемъ, повидимому, кадеты угодили ему. Теперь говорятъ, что это ничто иное, какъ игра въ солдатики. Пусть такъ! Тѣмъ не менѣе кто можетъ утверждать, что эти живыя игрушки - солдатики не отличались такого рода преданностью престолу и отечеству, какою едва ли можетъ похвастаться нынѣшняя молодежь.

Передъ выступленіемъ изъ лагеря, государь прибылъ къ намъ, приказалъ ударить тревогу и лично назначилъ выпускныхъ на различныя должности въ строю своихъ баталіоновъ, для провѣрки знанія ими строевой пѣхотной службы. Оставшись вполнѣ довольнымъ, императоръ тутъ же поздравилъ ихъ съ производствомъ въ офицеры.

По возвращеніи въ Петербургъ, выпускные были обмундированы по формѣ тѣхъ частей, въ которыя выходили, приведены къ присягѣ и представлены Михаилу Павловичу. Сюда же пріѣхалъ и государь.

Осмотрѣвъ обмундированіе, императоръ обратился къ молодымъ людямъ со словами:

— Отпуская васъ на службу, я разстаюсь съ вами, какъ съ своими собственными дѣтьми, при увѣренности, что и вдали отъ меня вы не измѣните тѣхъ чувствъ ко мнѣ, которыми и мое сердце переполнено къ вамъ. Служите честно и примѣрно; я не забуду васъ!

Когда же произведенные сдѣлали безмолвный поклонъ и многія лица приняли чрезвычайно грустное выраженіе, государь прослезился и, уходя, проговорилъ Михаилу Павловичу:

— Эти слезы исторгаются у меня ежегодно.

Не помню хорошо, этого ли или одного изъ ближайшихъ къ

нему выпусковъ, двое воспитанниковъ, уже по производствѣ ихъ въ офицеры гвардіи, впали въ довольно важное преступленіе. Озадаченный директоръ повезъ ихъ къ Ростовцеву, приказавъ не начинать присяги до его возвращенія. По тщательному, хотя и въ высшей степени гуманному, обсужденію вины молодыхъ людей, какъ Ростовцевъ, такъ и директоръ пришли къ заключенію, что если съ виновными будетъ поступлено по всей строгости законовъ, то они немедленно и навсегда погибнутъ, тогда какъ по своимъ дарованіямъ обѣщаютъ быть вполнѣ полезными слугами отечеству. Вслѣдствіе этого рѣшились прибѣгнуть къ единственному, но и крайне рискованному средству. Призвавъ молодыхъ людей въ свой кабинетъ, Яковъ Ивановичъ заставилъ одного изъ нихъ прочесть вслухъ статью закона, по которой они должны были быть приговорены къ соотвѣтствующему наказанію. Видя ихъ крайнее смущеніе и слезы, Ростовцевъ предложилъ имъ выбрать самимъ наказаніе себѣ.

— Рѣшаемся на все! — отвѣтили молодые люди. — Спасите только насъ!

Избранное самими наказаніе произведено было келейно.

Года черезъ два это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ военному министру, графу Чернышеву, и при извѣстныхъ тогда его отношеніяхъ къ Михаилу Павловичу, онъ доложилъ обо всемъ государю, указывая, что Ростовцевъ, состоя подъ крылышкомъ великаго князя, позволяетъ себѣ неслыханныя вещи.

Потребованный передъ лицо разгнѣваннаго монарха, Ростовцевъ долженъ былъ принять на себя цѣлый потокъ грома и молніи, при угрозѣ быть сосланнымъ туда, куда и Макаръ телятъ не гоняетъ. Молча выслушивалъ Яковъ Ивановичъ грозныя слова императора. Когда же его гнѣвъ началъ, повидимому, утихать, онъ попросилъ разрѣшенія сказать два-три слова въ свое оправданіе.

Доводы Ростовцева были на столько полновѣсны и человѣчны, что государь самъ умилился и перемѣнилъ гнѣвъ на милость.

Едва ли кому-нибудь другому могъ сойти съ рукъ описанный случай; но императоръ Николай Павловичъ былъ рыцарской справедливости и умѣлъ цѣнить заслуги Ростовцева, которыя впослѣдствіи сдѣлались еще болѣе важными для всей Россіи. Но здѣсь не мѣсто говорить о нихъ. Онѣ сдѣлались достояніемъ исторіи славнаго царствованія въ Бозѣ почившаго императора Александра II. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ привести хотя нѣкоторыя черты характера Якова Ивановича.

Яковъ Ивановичъ былъ человѣкъ превосходной души и сердца. Въ его характерѣ вмѣщались качества и весьма серьезнаго и подчасъ игриваго свойства. Доступъ къ нему былъ открытъ для всѣхъ и каждаго. Не мало случаевъ могъ бы я указать, когда люди, пріѣхавшіе изъ провинціи по дѣламъ въ Петербургъ, не только

незнакомые Якову Ивановичу, но имѣвшіе дѣла въ совершенно другихъ вѣдомствахъ, обращались къ нему за помощью и всегда находили ее.

Не могу не привести одинъ случай, характерно-обрисовывающій доброту и вмѣстѣ съ тѣмъ игривость характера Якова Ивановича:

Лѣтомъ, въ 1840 году, въ Павловскѣ обѣдали у Михаила Павловича его приближенные: Толстой, Криденеръ и Ростовцевъ. Едва кончился обѣдъ, какъ доложили, что какая-то почтенная старушка пришла съ прошеніемъ къ великому князю. Не желая выходить, Михаилъ Павловичъ согласился на просьбу Ростовцева поручить ему объясненіе съ просительницей, при чемъ приказалъ ему назваться великимъ княземъ. Прошеніе старушки, обремененной громаднымъ семействомъ, состояло въ томъ, чтобы вызвать ходатайство его высочества о дарованіи средствъ для возвращенія изъ Сибири ея сосланному и нынѣ прощенному мужу.

Принявъ на себя роль великаго князя, Ростовцевъ предложилъ ей прибыть въ Петербургъ по окончаніи лагернаго сбора.

— Ваше высочество!—сказала старушка,—цѣлые полтора, а, можетъ быть, и два мѣсяца я должна ожидать по вашему приказанію, а между тѣмъ дѣти уже пухнутъ отъ голода.

Въ это время изъ любопытства какъ сыграетъ Ростовцевъ возложенную на него роль, въ пріемную вошли Толстой и Криденеръ.

— Такъ вы, сударыня, говорите, что крайне нуждаетесь въ деньгахъ?—спросилъ Ростовцевъ.

— Ужъ такую терплю, ваше высочество, нужду: одинъ Богъ знаетъ!

— Хорошо! Толстой и ты, Криденеръ, дайте этой достойной дамѣ по сто рублей.

Хотя эти господа и не были особенно обрадованы такимъ сюрпризомъ, но дѣлать нечего: вынули деньги и отдали. Хохоту потомъ было не мало! Старушка же чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Впослѣдствіи она получила еще пятьсотъ рублей на дорогу мужа.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Петербургъ Святловскій, съ цѣлью подыскать для Полтавскаго корпуса инспектора классовъ, преподавателей и офицеровъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, я рѣшился обратиться къ нему съ просьбою взять меня къ себѣ. Карлъ Өедоровичъ Клингенбергъ сначала былъ чрезвычайно недоволенъ моимъ планомъ, но узнавъ руководившіе мною мотивы, перестала противорѣчить мнѣ и далъ къ Святловскому письмо съ лестной для меня рекомендаціей.

16-го октября состоялся высочайшій приказъ о переводѣ меня въ Петровскій Полтавскій кадетскій корпусъ, а 1-го ноября я получилъ предписаніе отправиться къ новому мѣсту служенія.

Дорогу я совершилъ, терпя на каждомъ шагу всевозможныя неудобства. То снѣгу слишкомъ много, то его вовсе нѣтъ, то ледоходъ не позволяетъ переправляться черезъ рѣки и т. п. Наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ добрался я до Кіева.

Впечатлѣніе произведенное на меня Кіевомъ не скажу, чтобы было особенно отрадное. Всѣ гостинницы были биткомъ набиты и мнѣ пришлось остановиться въ маленькой конуркѣ у какихъ-то сестеръ Пановыхъ, отдававшихъ у себя помѣщеніе для проѣзжающихъ. Осмотрѣлъ городъ. Полюбовался и тогда уже красивымъ Крещатикомъ. Лавры осмотрѣть не удалось: не знаю вслѣдствіе чего монахи приняли меня совсѣмъ по сезону страшно холодно и ровно ничего не показали. Удалось только осмотрѣть контрактовый залъ, причемъ я не мало былъ удивленъ разсказомъ, что въ недалекомъ прошедшемъ наши старые гусары въѣзжали въ него верхомъ по мраморной лѣстницѣ и какъ ни въ чемъ не бывало становились въ пары для танцевъ. По тогдашнимъ нравамъ общества такія выходки не считались скандаломъ, и дамы съ восторгомъ принимали приглашенія молодцовъ-проказниковъ гусаръ. Впослѣдствіи, въ Полтавѣ, мой знакомый, генералъ Граве, не только подтвердилъ этотъ разсказъ, но и разсказалъ мнѣ много уморительныхъ и смѣлыхъ фортелей своихъ товарищей. Козломъ отпущенія большей части этихъ дурачествъ былъ ихъ корпусный командиръ, генералъ Ротъ, личность довольно комичная. Разскажу два-три эпизода мнѣ сообщенные.

Квартируя въ городѣ Балтѣ и чувствуя нерасположеніе къ своему главному начальнику, гусары устроили церемоніальныя похороны, по всѣмъ правиламъ церковнаго устава. Обязанности священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и пѣвчихъ исполняли переодѣтые офицеры. Въ открытомъ гробу, на пышной катафалкѣ, лежала туша громаднѣйшей откормленной свиньи. Процессія отправилась по той улицѣ, гдѣ квартировалъ Ротъ. Услышавъ похоронное пѣніе, генералъ открылъ окно и спросилъ: кого хоронятъ?

— Генерала Рота,—послышался отвѣтъ.

И даже такой скандалъ сошелъ съ рукъ довольно благополучно: главныхъ зачинщиковъ перевели въ другіе полки—и дѣлу конецъ.

Однажды, принимая офицеровъ, назначенныхъ къ нему на ординарцы, Ротъ замѣтилъ, что его собственная лошадь держитъ голову неспокойно.

— Какъ вы думаете,—спросилъ генералъ у одного изъ офицеровъ,—вѣроятно у моей лошади мундштукъ не хорошъ?

— Мундштукъ хорошъ, ваше высокопревосходительство, но ротъ никуда не годенъ!

Въ турецкую кампанію 1828—29 годовъ, Ротъ замѣтилъ, что одинъ саперный офицеръ его отряда отпустилъ себѣ необыкновенно длинные волоса, почти до плечъ и уподоблялся духовному

лицу въ мундирѣ. Нѣсколько разъ генералъ приказывалъ ему остричься по формѣ, но приказаніе не исполнялось. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, Ротъ приказалъ привести сапера къ себѣ въ палатку, велѣлъ снять сюртукъ и сѣсть на барабанъ. Призванный цирульникъ приступилъ къ операціи удаленія излишней растительности съ вольнодумной головы. По окончаніи стрижки, саперъ, какъ ни въ чемъ не бывало, надѣлъ сюртукъ, вынулъ изъ кармана кошелекъ, досталъ оттуда монету:

— Кому его превосходительство прикажетъ заплатить: хозяину или подмастерью?

— О! вы прекрасный офицеръ!—сказалъ генералъ.—Милости просимъ сегодня ко мнѣ откушать.

VIII.

Пріѣздъ въ Полтаву. — Мысль объ образованіи корпуса на югѣ Россіи. — Церемонія открытія Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса. — Директорство Святловскаго. — Учрежденіе «капитанскаго класса». — Постановка обученія иностраннымъ языкамъ. — Посѣщеніе корпуса императоромъ и Михаиломъ Павловичемъ. — Смерть Святловскаго. — Управленіе корпусомъ Пинкорнелли. — Директоръ Струмилло. — «Гомзагурдіевщина». — Младшій штабъ-офицеръ Кунъ. — Первый выпускъ. — Исторія Струмилло съ дворянствомъ. — Отставка Струмилло. — Директоръ Врангель. — Реформы новаго директора. — Неудовольствіе Врангеля на меня. — Сближеніе съ выдающимися личностями города. — Преосвященный Нафанаилъ. — Отношеніе Врангеля къ родителямъ кадетъ. — Распоряженія по поводу тѣлеснаго наказанія. — Умѣніе Врангеля выставить свою дѣятельность.

2-го декабря я въѣхалъ въ Полтаву, гдѣ нашелъ въ зданіи корпуса приготовленную мнѣ квартиру. На другой день представился директору и баталіонному командиру. Директоръ принялъ меня чрезвычайно радушно, сообщилъ въ чемъ должны заключаться обязанности всѣхъ офицеровъ для подготовленія корпуса къ открытію, сказалъ, что на день открытія я буду назначенъ дежурнымъ по корпусу.

Ни одинъ изъ воспитанниковъ еще не былъ принятъ и только вечеромъ 5-го декабря поступило безъ экзамена 16 человѣкъ. Въ этотъ же вечеръ пріѣхалъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Вслѣдъ за нимъ доставленъ въ корпусъ портретъ Петра Великаго, подаренный государемъ императоромъ вмѣстѣ съ другою большою картиною, изображающею Полтавскій бой, работы знаменитаго нашего академика Шебуева. Портретъ Петра Великаго, по общимъ отзывамъ, считался лучшимъ изъ всѣхъ, сдѣланныхъ при его жизни. Писанъ онъ въ Дрезденѣ, гдѣ и купилъ его за десять тысячъ рублей серебромъ графъ Ростопчинъ, поднесшій затѣмъ свою покупку государю.

Мысль объ основаніи кадетскаго корпуса на югѣ Россіи появилась еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія въ средѣ дворянства Харьковской губерніи. Проектъ устройства такого заведенія въ самомъ Харьковѣ на двѣсти воспитанниковъ и на иждивеніе дворянъ только этой губерніи, былъ выработанъ ихъ губернскимъ предводителемъ Г. Ѳ. Квитко и представленъ на Высочайшее разсмотрѣніе. Императоръ Александръ Павловичъ, сколько извѣстно, весьма сочувственно отнесся къ такому похвальному стремленію дворянъ. Уже было построено и зданіе для корпуса, какъ вдругъ, вѣроятнѣе всего потому, что встрѣтилось затрудненіе, гдѣ и какимъ образомъ кадеты харьковскаго корпуса могутъ окончить курсъ въ спеціальныхъ, чисто военныхъ наукахъ, прислано было изъ Петербурга предложеніе: не пожелаетъ ли дворянство приспособить уже готовое зданіе къ помѣщенію въ немъ института благородныхъ дѣвицъ? Дворянство помирилось съ этимъ предложеніемъ и институтъ былъ открытъ. Лѣтъ пятнадцать спустя, въ царствованіе Николая Павловича, вопросъ о корпусѣ былъ поднятъ вновь. На этотъ разъ съ просьбою обратилось дворянство уже четырехъ губерній: Черниговской, Полтавской, Харьковской и Екатеринославской.

Просьба дворянъ отвѣчала желаніемъ императора, а потому онъ и рѣшилъ устроить корпусъ въ Полтавѣ, близъ которой наше воинство покрыло себя безсмертной славой побѣды, одержанной Петромъ Великимъ надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII. Дворянство было польщено этимъ предложеніемъ, а корпусъ названъ Петровскимъ-Полтавскимъ.

Приглашенія на празднества открытія корпуса были сдѣланы 4-го числа. Главнымъ лицамъ и преосвященному, долженствовавшему освятить храмъ во имя святого Самсонія Страннопріимца, въ день котораго, 27-го іюня 1709 года, происходилъ Полтавскій бой, приглашенія развозилъ я. Почетными лицами были: генералъ-губернаторъ черниговскій, полтавскій и харьковскій, генералъ-адъютантъ князь Николай Андреевичъ Долгорукій, архіепископъ полтавскій, и переяславскій Гедеонъ, полтавскій губернаторъ Гессе и всѣ предводители дворянства выше названныхъ четырехъ губерній.

Церемонія открытія корпуса началась въ 11 часовъ утра 6-го декабря 1840 года чтеніемъ Высочайшаго указа, привезеннаго Ростовцевымъ. Восторгъ, вызванный этимъ событіемъ, выразился въ дружномъ «ура» всѣхъ присутствующихъ и пѣніемъ народнаго гимна. Церковное служеніе началось освященіемъ храма. Архипастырь сказалъ прочувственную рѣчь, восхваляя монарха за его заботы о просвѣщеніи южнаго края Россіи. Далѣе онъ коснулся обязанностей какъ воспитателей, такъ и воспитанниковъ вновь созидаемаго храма науки. Изложеніе этихъ обязанностей было въ

высшей степени назидательно. Послѣ молебна о преуспѣяніи корпуса и многолѣтія государю и всему августѣйшему дому, послѣдовало освященіе помѣщенія корпуса. Церемонія эта продолжалась до трехъ часовъ дня.

Во время всего богослуженія пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, стройное пѣніе которыхъ поразило даже меня, привыкшаго къ извѣстнымъ хорамъ Петербурга.

Обѣденный столъ былъ сервированъ въ одномъ изъ большихъ залъ заведенія. Тамъ же, паралельно большому столу, былъ накрытъ другой столъ для воспитанниковъ. На одномъ концѣ этого стола сидѣлъ предназначенный на должность фельдфебеля Георгій Яковлевъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ), на другомъ—я, какъ дежурный офицеръ. Обѣдъ для кадетъ былъ обыкновенно принятый, съ добавленіемъ лишь кое-какихъ лакомствъ, выдававшихся имъ и во всѣ большіе праздники.

За столъ сѣли всѣ одновременно въ четыре часа. Оживленіе было общее. Говорились рѣчи, провозглашались тосты. Всѣ рѣчи отличались самыми искренними желаніями процвѣтанія корпуса. Директоръ Святловскій сказалъ отвѣтную рѣчь. Всеобщее одобреніе вызвало слѣдующее мѣсто этой рѣчи:

«Чтобы достигнуть высоты тѣхъ пожеланій, которыя мы съ безпредѣльною благодарностью принимаемъ отъ дорогихъ нашихъ гостей, а равно и оправдать надежды на насъ государя императора и дворянства, на иждивеніе котораго воздвигнутъ этотъ храмъ науки, нужна работа, работа и работа! Надѣюсь, что общими усиліями нашими, направленными къ одной общей, свѣтлой цѣли, мы превозможемъ этотъ трудъ!»

Въ двухлѣтнее свое управленіе корпусомъ, Святловскій вполнѣ оправдалъ слова, произнесенныя имъ при открытіи заведенія. Не смотря на то, что его здоровье, еще прежде назначенія на должность директора Полтавскаго корпуса, было сильно подорвано признаками начинающейся горловой чахотки, дѣятельность его была примѣрная, изумительная! Онъ былъ вполнѣ хозяиномъ заведенія по всѣмъ отраслямъ. Ему полностью принадлежала иниціатива всѣхъ мѣропріятій, поставившихъ корпусъ въ самое благопріятное положеніе. Главная его заслуга состояла въ томъ, что стремясь къ осуществленію идеи III тома свода военныхъ постановленій, касающагося физическаго, нравственнаго и умственнаго образованія воспитанниковъ, онъ съумѣлъ заставить каждаго изъ воспитателей проникнуть въ глубину этихъ постановленій, сознать, что безъ взаимнаго, согласнаго содѣйствія другъ другу, дѣло не пойдетъ на ладъ.

Для достиженія этой цѣли Святловскій всячески старался сблизить между собою не только учителей и воспитателей, но и ихъ семейства. Въ этомъ отношеніи его супруга, Александра Семеновна

была самою видною исполнительницею желаній своего мужа. Искренность и простота ея обращенія со всѣми дамами корпуснаго общества поселили въ послѣднихъ любовь и уваженіе къ ней. Такимъ же точно образомъ держалъ себя и самъ Викентій Францовичъ, безъ малѣйшаго притязанія на первенство.

По примѣру двухъ уже существовавшихъ провинціальныхъ корпусовъ, Полоцкаго и Новгородскаго графа Аракчеева, Полтавскій былъ учрежденъ тоже на 400 воспитанниковъ, изъ коихъ 280 содержались на иждивеніе дворянства, по 70 человѣкъ на каждую губернію, а 120 на счетъ правительства. Послѣднія 120 вакансій могли быть заняты уроженцами и другихъ губерній.

Корпусъ подраздѣлялся на четыре роты: гренадерскую, первую, вторую и неранжированную, ежегодно измѣнявшія свои названія, такъ что неранжированная становилась черезъ три года гренадерской. Такимъ образомъ полный составъ корпуса могъ образоваться только къ началу 1845 года.

Классы раздѣлялись на два приготовительныхъ и четыре общихъ, съ подраздѣленіемъ каждаго на два паралельныхъ отдѣленія. Курсъ наукъ для поступившихъ въ первый приготовительный классъ могъ кончиться не раньше шести лѣтъ. Для изученія спеціально военныхъ наукъ, воспитанники, окончившіе IV-й общій классъ, отправлялись въ Петербургъ, въ Дворянскій полкъ, гдѣ, передъ ихъ зачисленіемъ, подвергались провѣрочному экзамену.

Выше я сказалъ, что поступавшіе въ заведеніе воспитанники не экзаменовались. Это обстоятельство, по повѣркѣ знаній вновь поступившихъ дѣтей, поставило корпусное начальство въ необходимость открыть сразу три класса: первый общій и два приготовительныхъ. Въ первый приготовительный классъ поступило не малое количество дѣтей, незнакомыхъ даже съ азбукой.

Экзаменъ 1841 года показалъ, что въ первомъ приготовительномъ классѣ пришлось оставить на второй годъ человѣкъ до сорока. Такой громадный процентъ отсталыхъ внушилъ Святловскому мысль основать для нихъ особый классъ, въ которомъ преподаваніе должно было производиться по сокращеннымъ програмамъ. Ему не было присвоено особаго названія, но сами воспитанники другихъ классовъ нарекли его «капитанскимъ», вѣроятно потому, что большая часть изъ преподававшихъ въ немъ состояла въ капитанскомъ чинѣ.

Цѣль Святловскаго была та, чтобы созданные имъ преподаватели изъ строевыхъ воспитателей могли заниматься съ своими учениками и внѣ класнаго времени. Принявъ на себя обязанность преподавать русскій языкъ и ариѳметику, я, въ чинѣ поручика, составлялъ единственное исключеніе между капитанами.

Дѣла, дѣйствительно, настолько подвинулись, что по истеченіи года не было уже надобности поддерживать существованіе этого

класса. Но разъ подмѣченный фактъ о невыгодахъ отсутствія пріемныхъ экзаменовъ уничтожилъ это положеніе. Святловскій сдѣлалъ представленіе, по утвержденіи котораго поступающіе должны были экзаменоваться по опредѣленной программѣ.

Къ числу полезныхъ мѣропріятій Святловскаго надо отнести и слѣдующее. Сознавая, что изученіе иностранныхъ языковъ во всѣхъ безъ исключенія кадетскихъ корпусахъ находится въ крайне жалкомъ положеніи, а между тѣмъ, безъ знанія ихъ молодымъ людямъ совершенно закрывается возможность поступить для дальнѣйшаго образованія въ Военную Академію, онъ ввелъ порядокъ, по которому воспитанники корпуса обязаны были ежедневно выучивать наизусть по одной фразѣ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, за чѣмъ должны были слѣдить отдѣленные офицеры. Къ этому нововведенію, составлявшему для воспитателей нѣкоторую тягость, мы отнеслись съ крайнимъ недовѣріемъ. Тѣмъ не менѣе, не дальше, какъ спустя полгода, воспитанники, при содѣйствіи учителей, посѣщавшихъ по просьбѣ Святловскаго роты въ рекреаціонное время, мало-по-малу начали входить во вкусъ объясненія съ ними и между собою на этихъ языкахъ. Святловскаго это радовало до безконечности.

Къ чести Святловскаго тѣлесное наказаніе примѣнялось въ нашемъ заведеніи только въ крайнихъ, изъ ряду вонъ выходящихъ случаяхъ и то не иначе, какъ по личному разрѣшенію.

Въ сентябрѣ 1842 года, Петровскій Полтавскій корпусъ былъ осчастливленъ первымъ пріѣздомъ государя-императора. Послѣ обхода двухъ уже сформированныхъ ротъ, воспитанники которыхъ стояли у своихъ кроватей, и подробнаго осмотра всего заведенія, государь приказалъ вывести обѣ роты въ садъ съ ружьями и поставить на площадкѣ передъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ память побѣды надъ шведами. Проходя церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника на правомъ флангѣ перваго взвода, государь салютовалъ ему. На ученьѣ Святловскаго не было. Здоровье его было до того разстроено, что онъ съ трудомъ встрѣтилъ государя и получилъ приказаніе отправиться домой и не выходить.

Оставшись вполнѣ довольнымъ всѣмъ видѣннымъ въ корпусѣ, государь пожаловалъ Святловскому орденъ Станислава I-й степени и тысячу червонцевъ для поѣздки за границу, куда его отправляли доктора. Почти всѣ служившіе въ корпусѣ получили награды.

Нѣсколько дней спустя посѣтилъ корпусъ Михаилъ Павловичъ, но, къ чрезвычайному нашему изумленію, строевого ученія не произвелъ.

Святловскій не воспользовался поѣздкой за границу. Усилившаяся горловая чахотка свела его въ могилу. Много потерялъ корпусъ со смертью этого достойнаго человѣка.

Послѣ смерти Святловскаго завѣдываніе корпусомъ было пору-

чено баталіонному командиру, полковнику Пинкорнелли. Говоря по правдѣ, этотъ господинъ сѣлъ совсѣмъ не въ свои сани: будучи по наружному виду человѣкомъ сердобольнымъ, онъ, по чрезмѣрной слабости характера, сильно поддавался всевозможнымъ вліяніямъ, результатомъ которыхъ выходили подчасъ такія жестокія и негуманныя распоряженія, что вѣра въ его душевное смиреніе совершенно утрачивалась; къ тому же онъ былъ страшный ханжа и человѣкъ, положительно, малограмотный. Онъ предоставилъ ротнымъ командирамъ право подвергать кадетъ тѣлесному наказанію по ихъ усмотрѣнію, безъ его вѣдома. Процвѣтаніе порки, кажется, единственный памятникъ кратковременнаго завѣдыванія корпусомъ Пинкорнелли.

Вслѣдствіе того, что единственными иниціаторами при всѣхъ наказаніяхъ являлись ротные командиры, довѣріе и любовь къ нимъ воспитанниковъ, такъ высоко поднятыя Святловскимъ, совершенно утратились и перешли въ крайнюю нелюбовь и затаенную ненависть.

Въ началѣ 1843 года директоромъ нашего корпуса былъ назначенъ баталіонный командиръ Новгородскаго графа Аракчеева корпуса, полковникъ Струмилло. Безспорно онъ былъ человѣкъ чрезвычайно честный, но и только! Своею чрезмѣрною грубостью онъ напоминалъ медвѣдя новгородскихъ лѣсовъ, вслѣдствіе чего отъ него нельзя было ожидать другихъ услугъ корпусу, какъ медвѣжьихъ. Мѣропріятія Пинкорнелли были имъ одобрены, бездна хорошихъ началъ, введенныхъ Святловскимъ, отмѣнена. Подобной же участи, между прочимъ, подвергся и способъ изученія иностранныхъ языковъ.

Суровое обращеніе Струмилло съ воспитанниками, частыя наказанія розгами, возбудили въ нихъ крайнюю нелюбовь къ директору; не любили его и родители кадетъ. Въ средѣ кадетъ нравственныя начала сильно пошатнулись. На бѣду въ это самое время къ намъ зачислили изъ новгородскаго кантонистскаго отдѣленія нѣкоего Гомзагурдія, юношу лѣтъ пятнадцати, препровожденнаго въ Полтаву по этапу, подъ конвоемъ внутренней стражи, извѣстной тогда, какъ самая безнравственная отрасль русскаго воинства. Съ поступленіемъ въ корпусъ этого негодяя, въ заведеніи развились грубость, непослушаніе, драки, манера браниться самымъ нецензурнымъ образомъ и даже воровство. Имя Гомзагурдія при всѣхъ подобныхъ случаяхъ всегда фигурировало на первомъ планѣ. Неоднократно наказывали его розгами, но и розги были для него нипочемъ: ими онъ еще хвастался передъ товарищами. Что мудренаго, что изъ среды мальчиковъ, взросшихъ на хуторахъ, среди мужицкихъ дѣтей, неполучившихъ въ своей семьѣ твердыхъ нравственныхъ началъ, явились подражатели и подражатели успѣшные! Зло росло и росло. Для искорененія его потре-

бовались болѣе рѣшительныя и строгія мѣры. Оказалъ услугу въ этомъ отношеніи заведенію младшій штабъ-офицеръ подполковникъ Кунъ.

Должность младшаго штабъ-офицера Кунъ занялъ по переименованіи его въ подполковники изъ капитана л.-гв. Волынскаго полка, состоя до того времени командиромъ нашей второй роты. Какъ человѣкъ умный и образованный, самъ будучи однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, Кунъ съумѣлъ расположить къ себѣ воспитанниковъ своей роты и особенно выдвигалъ тѣхъ, которые отличались хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Хорошо зная французскій языкъ, онъ постоянно поддерживалъ въ своей ротѣ заведенную Святловскимъ методу ознакомленія дѣтей съ практическою стороною знанія этого языка. Къ нему и къ инспектору классовъ, полковнику Ницкевичу, приглашались по субботамъ тѣ изъ воспитанниковъ, которые сдѣлали бо̀льшіе успѣхи въ этомъ языкѣ. Сюда же приглашались и два учителя французскаго языка, для разговоровъ съ кадетами.

Задавшись мыслью, во что̀ бы то ни стало, выкурить изъ заведенія «Гомзагурдіевщину», Кунъ, при первомъ же случаѣ обнаружившагося воровства со взломомъ, учиненнаго Гомзагурдіемъ, такъ сильно пронялъ его розгами, что на этотъ разъ онъ вышелъ изъ цейхауза, рыдая и совсѣмъ забывъ о своей прежней методѣ— хвастаться передъ товарищами. Послѣ этого онъ, дѣйствительно, присмирѣлъ, да и остальные воспитанники мало-по-малу начали устраняться отъ него. Вскорѣ, впрочемъ, онъ былъ выброшенъ изъ заведенія въ юнкера арміи.

Быть можетъ, этотъ единственный случай строгаго наказанія вызвалъ преданіе, что кадетъ пороли не на животъ, а на смерть, и что Кунъ былъ главнымъ представителемъ этого живодерства. Но я отлично помню, что даже многіе родители кадетъ того времени, узнавши о строгомъ наказаніи Гомзагурдія и объ его исключеніи въ юнкера арміи, не находили словъ, чтобы достаточно отблагодарить Куна за избавленіе ихъ дѣтей отъ такого вреднаго и гнуснаго товарища.

При Струмилло сформировались окончательно всѣ четыре роты, составился такимъ образомъ батальонъ, которому было пожаловано знамя св. Станислава. Кадетъ начали выводить въ лагерь. Въ 1845 году былъ произведенъ первый выпускъ изъ корпуса. При испытаніи выпускныхъ при специальныхъ классахъ Дворянскаго полка, наши воспитанники поразили всѣхъ относительнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи нашъ корпусъ выдѣлялся только въ продолженіе первыхъ двухъ-трехъ выпусковъ.

Вскорѣ Струмилло, будучи до того времени холостымъ, женился

на дочери очень богатаго помѣщика, Старицкаго. Заручившись хорошимъ состояніемъ, нашъ директоръ сдѣлался совершенно равнодушнымъ къ заведенію. Управленіе корпусомъ, помимо смиреннаго Пинкорнелли, перешло всецѣло въ руки Ницкевича и Куна. Пошатнувшаяся нравственность окрѣпла; о «Гомзагурдіевщинѣ» и помину не было. Классная часть попрежнему шла хорошо. Такъ продолжалось до самаго устраненія Струмилло отъ должности, послѣдовавшаго въ 1849 году.

Исторія удаленія Струмилло отъ должности директора Петровскаго-Полтавскаго кадетскаго корпуса довольно грязная. Мотивы ея—недоразумѣнія съ губернаторомъ и нелюбовь дворянства къ его тестю. Струмилло былъ уволенъ вслѣдствіе жалобы дворянства государю на его непристойное поведеніе. Отлично зная всѣ обстоятельства дѣла, самъ будучи свидѣтелемъ многаго, не могу не сказать, что со Струмилло поступили не хорошо и что пострадалъ онъ почти безвинно.

На мѣсто Струмилло былъ назначенъ генералъ-маіоръ Егоръ Петровичъ Врангель, прибывшій въ Полтаву въ началѣ мая 1849 года съ Кавказа. До его прибытія корпусомъ управлялъ Пинкорнелли.

Еще до прибытія Врангеля, Пинкорнелли ожидалъ производства въ генералъ-маіоры, съ отчисленіемъ по арміи. Кунъ долженъ былъ занять его мѣсто, но въ началѣ мая, во время большого разлива рѣки Ворсклы, переправляясь на охотѣ черезъ одинъ изъ ея рукавовъ, онъ утонулъ. Баталіоннымъ командиромъ былъ назначенъ подполковникъ Дубровинъ, а младшимъ штабъ-офицеромъ Линевичъ.

Въ первое время, по прибытіи въ Полтаву, Врангель посѣщалъ корпусъ довольно часто, но преимущественно днемъ.

Однимъ изъ его первыхъ приказаній было возложеніе на дежурныхъ офицеровъ обязанности, вмѣстѣ съ обыкновеннымъ рапортомъ, представлять отъ каждой роты слѣдующія свѣдѣнія: 1) Кто изъ воспитанниковъ и по какимъ предметамъ получилъ 12 балловъ; 2) тоже о неудовлетворительныхъ отмѣткахъ; 3) какіе воспитанники и за что̀ записаны въ класные журналы; 4) кто изъ кадетъ провинился въ ротахъ и подробности этихъ провинностей; 5) какому взысканію были подвергнуты виновные.

Налагать взысканія даже и за классныя провинности все же, попрежнему, входило въ обязанность ротныхъ командировъ.

Составленіе вышеупомянутыхъ свѣдѣній было возложено на дежурныхъ по ротамъ унтеръ-офицеровъ. Это распоряженіе было для послѣднихъ чрезвычайно тягостнымъ. Понятно, что для провѣрки этихъ свѣдѣній и собранія по нимъ разныхъ справокъ нужно было не мало времени; а потому если прежніе рапорты подавались къ 10 часамъ вечера, то при новыхъ требованіяхъ нельзя

было управиться и къ 11-ти. Мнѣ первому пришлось представить директору цѣлую кипу такихъ отчетностей; пришлось и объяснять записи въ класныхъ журналахъ, что было, подчасъ, трудно: такой-то воспитанникъ былъ грубъ, такой-то—дерзокъ, такой-то—невѣжливъ... а въ чемъ состояли дерзость, грубость, невѣжливость—господа учителя не трудились разъяснять.

Такимъ образомъ, дежурному по заведенію приходилось еще разузнавать отъ старшихъ въ отдѣленіяхъ разныя подробности.

Когда я пришелъ къ директору въ 11 часовъ вечера, его человѣкъ доложилъ мнѣ, что генералъ легъ спать. Отдавъ человѣку рапорты, я вышелъ, но былъ остановленъ имъ же на лѣстницѣ и узналъ, что генералъ проситъ меня обождать. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ была вручена на клочкѣ бумаги записка. Читаю:

«Прошу полковника Пинкорнелли изслѣдовать по какой причинѣ капитанъ Тимченко-Рубанъ такъ поздно пожаловалъ ко мнѣ съ рапортомъ. Теперь одиннадцать часовъ!»

Прочтя это посланіе, я возвратилъ его человѣку съ поясненіемъ, что у генерала, вѣроятно, есть посыльные. Результатомъ объясненія со мною вышло приказаніе, чтобы дежурные офицеры являлись съ рапортомъ до ужина. Но на меня генералъ, видимо, дулся.

Начались экзамены. Воспитанники моихъ классовъ особенно хорошо зарекомендовали себя и своего учителя исторіи. Врангель сдѣлался ко мнѣ нѣсколько любезнѣе. Послѣ экзаменовъ корпусъ былъ выведенъ въ лагерь. Директоръ тоже поселился въ немъ. Посѣщая ежедневно кадетскіе шатры, онъ докапывался до всѣхъ мелочей, съ цѣлью убѣдиться на сколько каждый изъ ротныхъ командировъ и офицеровъ вникаетъ въ свои обязанности. Не довольствуясь личными наблюденіями, Врангель старался пополнять ихъ нѣкоторыми свѣдѣніями, почерпнутыми изъ разговоровъ съ кадетами.

По вступленіи въ должность директора, Врангель сразу понялъ, какія задачи представлялись ему для возстановленія въ дворянствѣ того довѣрія, какое существовало къ корпусу при Святловскомъ и было такъ сильно поколеблено во время директорства Струмилло. Онъ сблизился со всѣми болѣе вліятельными личностями Полтавы, а терпимостью и гуманными распоряженіями по заведенію снискалъ себѣ любовь и расположеніе родителей и родственниковъ кадетъ.

Между прочимъ, Врангель сошелся съ преосвященнымъ Нафанаиломъ, архіепископомъ полтавскимъ и переяславскимъ. При возникшихъ дружескихъ между ними отношеніяхъ, преосвященный часто посѣщалъ корпусъ въ будніе дни, а по праздникамъ совершалъ въ корпусной церкви богослуженіе. Рѣчи его глубоко дѣйствовали на сердца юношей, и, дѣйствительно, онъ былъ ора-

торъ, какихъ мало! Любя воспитанниковъ и жалуя директора, Нафанаилъ относился благосклонно и ко всѣмъ намъ и не упускалъ удобнаго случая похвалить наше заведеніе.

Послѣ одного изъ посѣщеній преосвященнаго, во время котораго онъ произнесъ особенно прочувствованную рѣчь, обращенную къ воспитанникамъ, въ мою гренадерскую роту принесли классные журналы съ отмѣтками по наукамъ и записями за неисправность. Просмотрѣвъ ихъ, я, вмѣсто взысканій, ограничился слѣдующей резолюціей:

«Надѣюсь, что послѣ всего слышаннаго сегодня изъ устъ нашего многоуважаемаго архипастыря, воспитанники поняли всю пользу образованія и, конечно, нашъ классный журналъ не будетъ впредь приносить столько неудовлетворительныхъ балловъ. Взысканій не налагаю».

Эта резолюція, что меня крайне обрадовало, понравилась Врангелю.

Къ общему нашему сожалѣнію, Нафанаилъ, по какому-то очень важному на него доносу, былъ переведенъ вскорѣ въ Архангельскъ. Прощальная рѣчь, произнесенная имъ въ домовой архіерейской церкви во время вечерни въ первый день Пасхи, была въ высшей степени трогательна. Не только друзья, а ихъ у него было много, но и враги-доносчики были потрясены до глубины души. Особенно тронуло всѣхъ, когда онъ припавъ ницъ въ самыхъ царскихъ дверяхъ, воззвалъ, чтобы тѣ, которыхъ онъ когда-либо обидѣлъ, приблизились къ нему, дабы тутъ же, передъ престоломъ Господнимъ, испросить себѣ прощеніе.

Для родителей воспитанниковъ двери нашего корпуса были открыты всегда, кромѣ классныхъ часовъ. Это дѣлалось съ цѣлью, чтобы родители имѣли возможность ознакомиться съ жизнью своихъ дѣтей въ стѣнахъ заведенія. Директоръ не упускалъ случая приглашать ихъ на танцовальные вечера, устроиваемые въ корпусѣ; равнымъ образомъ доставлялъ имъ свободный доступъ къ себѣ на квартиру, для личнаго съ нимъ объясненія. Принимая родителей учащихся въ своемъ кабинетѣ, Врангель показывалъ имъ свою алфавитную книжку воспитанниковъ, съ различными собственными замѣтками, а также и ежедневныя рапортички о разныхъ случайностяхъ въ корпусѣ. Словомъ, давалъ чрезвычайно обстоятельный отчетъ о разныхъ сынкахъ, племянничкахъ и внукахъ.

— Вотъ директоръ, такъ директоръ!—повторяли въ одинъ голосъ всѣ, которымъ приходилось побывать у Врангеля хоть одинъ разъ. Вотъ какого намъ нужно.

Желая по возможности искоренить тѣлесное наказаніе, Врангель принялъ за правило, чтобы назначеніе подобнаго наказанія дѣлалось не иначе, какъ по опредѣленію воспитательнаго коми-

тета и притомъ подвергать такому взысканію только дѣтей не свыше двѣнадцатилѣтняго возроста; воспитанниковъ же переросшихъ эти года вовсе удалять изъ заведенія также по постановленію комитета.

Эта мѣра, въ большинствѣ случаевъ, была хорошею для репутаціи заведенія, но не оправдывалась бѣдными родителями кадетъ, которые, положительно, стояли за розги и въ критическихъ случаяхъ даже просили Врангеля подчивать ихъ дѣтей березовой кашей. По ихъ мнѣнію, такое взысканіе соотвѣтствовало проступкамъ виновныхъ, тогда какъ изгнаніемъ изъ заведенія карались ничѣмъ неповинные родители. Иногда Врангель подчинялся этимъ требованіямъ, но не иначе, какъ при условіи, чтобы родители наказывали дѣтей сами, у себя дома. Нѣсколько подобныхъ случаевъ сберегли не малое количество дѣтей отъ исключенія изъ заведенія, да и нравственность въ корпусѣ, видимо, поднялась.

Хорошимъ педагогомъ считало Врангеля и все наше петербургское начальство. Слухъ куда не дойдетъ! Нѣмцы вообще, а такіе, какъ Врангель, 84-й пробы, въ особенности, отлично умѣютъ выставить свою дѣятельность въ самыхъ яркихъ краскахъ.

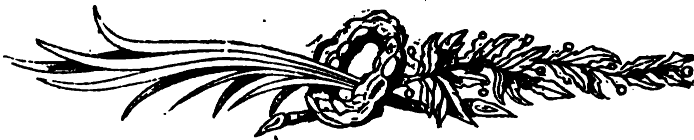
При посѣщеніи корпуса государемъ императоромъ въ 1850 году, Врангель, въ особой аудіенціи, такъ мастерски очертилъ свою дѣятельность, что одинъ только и удостоился награды, тогда какъ до него, при всѣхъ высочайшихъ посѣщеніяхъ кадетскихъ корпусовъ, почти всѣ служащіе были награждаемы. Ему былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 2-й степени.

Въ августѣ 1849 года скончался въ Варшавѣ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній великій князь Михаилъ Павловичъ. Его мѣсто занялъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Начальникомъ штаба попрежнему остался Ростовцевъ.

И. Тимченко-Рубанъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БЕЗВРЕМЕННО УГАСШІЙ ТАЛАНТЪ.

1.

Ъ ИМЕНЕМЪ Николая Александровича Добролюбова соединяется представленіе о даровитѣйшемъ критикѣ начала шестидесятыхъ годовъ, имѣвшемъ огромное вліяніе на всю русскую литературу и оставившемъ въ ней блестящій слѣдъ. Но много ли мы знаемъ о личной жизни этого даровитаго писателя, почти юношею выступившаго на литературное поприще, такъ рано умершаго, но и въ этотъ короткій срокъ съумѣвшаго сдѣлать имя свое навѣки связаннымъ съ цѣлымъ періодомъ русской литературы, съ цѣлымъ направленіемъ ея? Мы вообще очень мало знаемъ о жизни даже самыхъ замѣчательнѣйшихъ представителей нашей литературы и общественной жизни, мы въ этомъ отношеніи обидно «лѣнивы и нелюбопытны», какъ сказалъ еще Пушкинъ; хорошо составленныя біографіи у насъ понынѣ рѣдкость. Тѣмъ съ большимъ интересомъ и признательностію должны быть встрѣчены обработанные Н. Г. Чернышевскимъ и недавно изданные въ Москвѣ «Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова».

Личность знаменитаго критика и публициста характеризуется этими «матеріалами» съ разнообразныхъ сторонъ, о которыхъ трудно получить хотя какое-нибудь представленіе по его сочиненіямъ. Въ нихъ мы воочію видимъ, при какихъ житейскихъ условіяхъ онъ выросъ, подъ какими вліяніями развивался его умъ, отъ природы богатый и сильный. Мы видимъ, наконецъ, по крайней мѣрѣ угадываемъ, какъ постепенно складывалось въ немъ то направленіе мысли, которому суждено было обнаружить позже такое вліяніе на русскую литературу шестидесятыхъ годовъ.

Какъ многіе замѣчательные люди, Добролюбовъ своимъ первоначальнымъ развитіемъ чрезвычайно много былъ обязанъ своей матери, имѣвшей на него, очевидно, огромное вліяніе. Это была женщина безъ особеннаго образованія, но съ умомъ свѣтлымъ и яснымъ, а главное, съ сердцемъ, откликающимся на все доброе. И впослѣдствіи, Добролюбовъ писалъ о ней, послѣ ея смерти: «Былъ у меня одинъ предметъ, къ которому я не былъ холоденъ, кототорый любилъ со всею пылкостью и горячностью молодого сердца, въ которомъ сосредоточилъ я всю любовь, которая была только въ моей душѣ,—этотъ предметъ была мать моя. Поймешь ли ты теперь, какъ много, необъятно много, потерялъ я въ ней. Теперь все въ мірѣ мнѣ чужое, все я могу подозрѣвать, ни къ кому не обращусь я съ полною дѣтскою довѣрчивостью... Все исчезло для меня вмѣстѣ съ обожаемою матерью...» Отецъ Добролюбова былъ не заурядно образованный человѣкъ; библіотека, составленная имъ для себя, указываетъ на потребности ума живого и широко развитаго. Этою библіотекою воспользовался вполнѣ и самъ Добролюбовъ. Какъ сынъ виднаго и вліятельнаго нижегородскаго протоіерея, Добролюбовъ благополучно миновалъ всѣ стѣсненія, которымъ нерѣдко подвергались въ тѣ времена дѣти бурсы; онъ и поступилъ въ духовное училище прямо въ высшій классъ и притомъ на второй годъ (курсы тогда были двухгодичные), и черезъ годъ былъ уже въ семинаріи, по лѣтамъ моложе всѣхъ своихъ товарищей. Этими успѣхами, по свидѣтельству Н. Г. Чернышевскаго, Добролюбовъ много обязанъ былъ счастливой случайности, той именно, что̀ въ лицѣ домашняго учителя своего, Михаила Алексѣевича Кострова (позже женатаго на сестрѣ Добролюбова), онъ нашелъ рѣдкаго воспитателя. «Должно думать, что изъ всѣхъ учителей и профессоровъ, уроки которыхъ слушалъ впослѣдствіи Николай Александровичъ,—говоритъ собиратель «матеріаловъ»,—ни одинъ не пріобрѣлъ такихъ правъ на нашу признательность за содѣйствіе развитію геніальныхъ способностей его, какъ Михаилъ Алексѣевичъ. Чрезвычайно важно ужъ и одно то, что благодаря соотвѣтствію успѣховъ преподаванія Михаила Алексѣевича съ ожиданіями Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны (отецъ и мать Н. А.), Николай Александровичъ былъ три года избавленъ отъ школьнаго стѣсненія; это, безъ сомнѣнія, было великимъ выигрышемъ для него въ умственномъ отношеніи и великою пользою для укрѣпленія физическихъ силъ его... Въ эти три года Николай Александровичъ быстро усвоивалъ себѣ тѣ свѣдѣнія, какія требовались программой духовно-учебныхъ заведеній: когда онъ поступилъ въ высшее отдѣленіе духовнаго уѣзднаго училища, при началѣ второго года двухлѣтняго курса этого класса, ему было только одиннадцать лѣтъ. Прямо на второй годъ курса 4 класса поступали очень немногіе, и самые младшіе изъ нихъ имѣли по 13 лѣтъ...» (647—648).

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ совершалось первоначальное развитіе и образованіе молодого ума даровитаго юноши. И къ тому времени, съ котораго начинается переписка Добролюбова съ родными и знакомыми, составляющая главнѣйшее содержаніе «матеріаловъ», мы видимъ въ будущемъ критикѣ, не смотря на его крайнюю молодость, человѣка умственно почти уже совершенно сформировавшагося, съ опредѣленно намѣченнымъ направленіемъ, по которому уже возможно угадывать будущее.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что на впечатлительную природу Добролюбова въ неизмѣримой степени повліялъ бытъ его родной среды. А этотъ бытъ образованнаго духовенства, о которомъ у насъ вообще представленія ложныя, или, вѣрнѣе, нѣтъ никакого яснаго представленія, и который только въ «Соборянахъ» Лѣскова получилъ нѣкоторое отраженіе,—бытъ этотъ имѣетъ характернѣйшія черты, отъ вліянія которыхъ укрыться невозможно. Такова, напримѣръ, черта родственной любви, быть можетъ, нигдѣ не проявляющейся съ такой силой, какъ въ этомъ быту; семейное и родственное начало въ духовенствѣ было крѣпко въ тѣ времена, къ которымъ относится начало переписки Добролюбова. Такова нѣкоторая положительность, практичность и рутинная приверженность къ извѣстнымъ формамъ отношеній и сношеній между родными и знакомыми; нарушеніе этихъ формъ, оскорблявшее родныхъ Добролюбова, приносило ему не мало мелкихъ, конечно, неудовольствій. Таково, наконецъ, домосѣдство, извѣстная неподвижность, въ силу которой человѣкъ, отправлявшійся на «чужбину», въ «чужіе люди», и т. п., считался подвергающимся необычной судьбѣ, особымъ опасностямъ, и вызывалъ со стороны родныхъ чувство преувеличенныхъ заботъ и сожалѣнія; привязанность къ «родинѣ» въ самомъ тѣсномъ значеніи, къ мѣсту, гдѣ прошли первые годы жизни, была явленіемъ въ духовенствѣ всеобщимъ и очень сильнымъ. Все это наложило на письма Добролюбова и его родныхъ своеобразную и сильную печать. Напрасно было бы думать, что эти свойства быта, какъ и характеръ семинарскаго воспитанія, были только незначительными частностями среди вліяній, чрезъ которыя прошелъ Добролюбовъ. До самыхъ послѣднихъ дней, какъ мы увидимъ, на Добролюбовѣ лежала печать его происхожденія, и сердечныя связи его съ родной средой не прекращались никогда, служили для него источниками заботъ и радостей, несомнѣнно скрашивавшихъ его безрадостную, полную грусти и разочарованій жизнь.

Указавъ вкратцѣ эти общія черты жизни и характера Добролюбова и среды, въ которой онъ выросъ, обратимся теперь къ тѣмъ фактамъ, которые представляетъ намъ «переписка». Съ нею мы вступаемъ въ самый интереснѣйшій періодъ жизни Добролюбова, періодъ его высшаго образованія и литературной дѣятельности.

2.

Въ началѣ августа 1853 года, на восемнадцатомъ году жизни, Добролюбовъ ѣхалъ въ Петербургъ для поступленія въ академію, духовную, конечно, и аккуратно извѣщалъ родителей о всемъ, чтò съ нимъ происходитъ. Любопытно, однако,—и это вы тотчасъ же отмѣчаете,—что Добролюбовъ, несомнѣнно горячо любившій и отца, и мать, откровененъ съ ними не вполнѣ. И это обстоятельство необходимо имѣть постоянно въ виду, при чтеніи писемъ Добролюбова. Семнадцатилѣтній юноша, онъ уже обнаруживаетъ много жизненнаго такта и ума, избѣгая неумѣстной прямоты, которою онъ могъ бы оскорбить своего корреспондента, и онъ къ каждому пишетъ особеннымъ образомъ, приноровляясь къ его понятіямъ, не навязываясь съ своими особыми мнѣніями, хотя и неуступая ничего въ нихъ. Въ то время у Добролюбова были уже завѣтные уголки мысли, особое «направленіе», которое онъ пока обнаруживаетъ только изрѣдка, въ письмахъ исключительной интимности, вызванныхъ особыми обстоятельствами.

Проѣздомъ изъ Нижняго Новгорода, Добролюбовъ долженъ былъ попасть въ Москву. Естественно ожидать, что юноша ничего въ своей жизни не видавшій, кромѣ своего родного города, долженъ былъ бы испытать отъ древней русской столицы извѣстное впечатлѣніе, а образованіе, знаніе исторіи (удивившее въ Педагогическомъ Институтѣ экзаменаторовъ), должно было вызвать въ немъ рядъ чувствъ и мыслей объ исторической роли старой столицы. Но Добролюбовъ былъ уже съ извѣстнымъ теоретическимъ представленіемъ о Москвѣ, его мнѣніе о ней было уже готово, когда онъ еще не зналъ и не видѣлъ ее; въ свои семнадцать лѣтъ, онъ былъ «западникомъ», его манилъ Петербургъ и отталкивала Москва. Въ письмахъ къ отцу и матери онъ, какъ мы выше замѣтили, осторожно обходитъ этотъ предметъ. Онъ просто пишетъ: «Что касается до матушки Москвы, то я ничего не скажу о ней»: «дистанція огромнаго размѣра»,—добавляетъ онъ иронически, не удерживаясь. Исходная точка его, однако, ясна; въ этомъ же письмѣ онъ вставляетъ стихи Пушкина о будкахъ, бабахъ, мальчишкахъ, фонаряхъ и пр., и считаетъ нужнымъ добавить: «если хотите имѣть понятіе о Москвѣ (вообще, то есть), то прочтите статью Бѣлинскаго «Петербургъ и Москва»» (стр. 3)... Взоромъ туриста юноша уже рѣшилъ, что описаніе и характеристика Бѣлинскаго совершенно вѣрны. Между тѣмъ, въ письмѣ къ товарищу по семинаріи, Лаврскому, Добролюбовъ высказывается съ полной опредѣленностью. «Спѣшу принести вамъ повинную въ томъ,—писалъ Добролюбовъ,— что я ничего не осматривалъ и ничего не видалъ особенно хорошаго въ Москвѣ, въ которой былъ всего одинъ день. Только церковь Василія Блаженнаго доставила мнѣ нѣкоторое удовольствіе:

долго смѣялся я надъ разноцвѣтными ея головами... Еслибъ я присмотрѣлся побольше къ Москвѣ, то, полагаю, восхищеніе мое Петербургомъ было бы гораздо полнѣе и внезапнѣе». Вы уже чувствуете передъ собою въ этихъ словахъ предубѣжденнаго человѣка, молодого, но настойчиваго, одного изъ тѣхъ «теоретиковъ», которыхъ такъ не любилъ Аполлонъ Григорьевъ, и которыхъ Добролюбовъ былъ наиболѣе блестящимъ и искреннѣйшимъ представителемъ, наиболѣе убѣжденнымъ и честнымъ.

Родители Добролюбова хотѣли, чтобы онъ поступилъ въ духовную академію. И, очевидно, не одни матеріальные разсчеты руководили ими, хотя о нихъ именно неоднократно заходитъ рѣчь въ письмахъ. Но при томъ направленіи, которое принимала мысль Добролюбова, естественно, онъ долженъ былъ склоняться къ «свѣтскимъ» учебнымъ заведеніямъ, какъ выражались обыкновенно въ его кругу. И вотъ, не смотря на желаніе родителей, не смотря на искреннюю любовь къ нимъ, онъ съ большою осторожностью, но и настойчивостью, устроиваетъ для себя поступленіе въ Главный Педагогическій Институтъ. Дѣлалось тогда это довольно часто слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ экзамены въ духовную академію были обыкновенно позже, чѣмъ въ институтъ, въ послѣдній можно было держать экзаменъ безъ документовъ, съ обязательствомъ представить ихъ позже, то находились люди, которые одновременно заявляли желаніе поступить и въ академію, и въ институтъ, и въ случаѣ неудачи въ одномъ мѣстѣ, устроивались въ другомъ. Такъ поступилъ и Добролюбовъ, и сдѣлался студентомъ Педагогическаго Института. Чтобы успокоить родителей, онъ пишетъ имъ, что экзамены въ институтъ легче, чѣмъ въ академію, почему онъ и хотѣлъ сначала испытать свои силы тутъ, чтобы въ случаѣ неудачи въ академіи, не воротиться назадъ и пр. и пр. Но собиратель матеріаловъ справедливо замѣчаетъ, что это далеко не такъ, что для тогдашняго семинариста съ спеціальнымъ семинарскимъ образованіемъ неизмѣримо труднѣе было поступить въ институтъ. И фактъ непринятія въ это заведеніе нѣкоторыхъ изъ товарищей Добролюбова подтверждаетъ это какъ нельзя лучше.

Въ дѣйствительности Добролюбовымъ руководили болѣе серьезныя и вполнѣ сознанныя основанія. Онъ съ рѣдкой, для своихъ лѣтъ, ясностью, понималъ ту разницу, которая существовала тогда между такъ называемымъ «духовнымъ» и свѣтскимъ образованіемъ, видѣлъ практическое общественное значеніе того и другого, — и весь былъ на сторонѣ свѣтскаго. Съ отцомъ и матерью, людьми, конечно, старинныхъ, устоявшихся взглядовъ, онъ не считалъ вначалѣ нужнымъ слишкомъ распространяться объ этомъ, и указываетъ только чисто на внѣшнія преимущества и особенности выбраннаго имъ заведенія. «Лучшимъ ли я нахожу для себя институтъ, чѣмъ академію?—пишетъ онъ имъ:—Вы можете такъ спра-

шивать, не видавши института и академіи и, чтобы вполнѣ представить превосходство перваго, надобно самому присмотрѣться къ обоимъ. Разумѣется, у кого какой вкусъ; кому что нравится: еще не дальше, какъ вчера, одинъ студентъ нашъ восхищался медицинской академіей, потому-что тамъ можно курить когда и гдѣ угодно, и ходить по корпусу безъ сюртука, или, лучше сказать прямо,—просто «въ натурѣ». Другимъ нравится и духовная академія; но что касается до меня, то вы, конечно, припомните, что... желаніе мое было поступить въ университетъ... Мысль эта глубоко вкоренилась во мнѣ и ничуть не была пустою мечтой, какъ увѣрялъ одинъ человѣкъ. Я уже умѣлъ наблюдать за своими склонностями, умѣлъ сообразить кое-что, и давно понялъ, что я совсѣмъ и не способенъ къ жизни духовной и даже наукѣ духовной...» И онъ приводитъ кстати передъ этимъ образчикъ грубаго обращенія даже сторожей съ студентами духовной академіи, не говоря уже о начальствѣ, въ родѣ секретаря или письмоводителя правленія.

Любопытно, однако, что юный Добролюбовъ уже и тогда стоялъ выше этихъ, какъ онъ понималъ, «мелочей», и не внѣшность, а сущность, цѣлесообразность и практичность образованія свѣтскихъ заведеній привлекали его. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ впослѣдствіи, почти годъ спустя, послѣ удачныхъ экзаменовъ для перехода на второй курсъ въ институтѣ: «Соображая свои успѣхи, и то, какъ легко они мнѣ достались, я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что избранный мною путь есть вѣрный и безошибочный. Вѣрно въ академіи большихъ и большихъ трудовъ стоило бы мнѣ возиться съ различными герменевтиками, гомилетиками, литургиками, пасториками, канониками... И никогда бы я не выкарабкался изъ посредственности самой жалкой, будучи принужденъ писать каждый мѣсяцъ по два сочиненія о томъ, можно ли научиться логикѣ изъ разсматриванія природы, объ отношеніи между логикой и психологіей, и т. п. въ томъ же родѣ, невыносимо тяжеломъ, отвлеченномъ, скучномъ, нисколько не приложимомъ къ жизни»... «Теперь уже я не словами, а дѣломъ надѣюсь оправдаться передъ вами въ своемъ нѣсколько произвольномъ поступкѣ» (стр. 133), замѣтилъ Добролюбовъ по этому поводу отцу.

Любопытно отмѣтить, что Добролюбовъ на своемъ собственномъ опытѣ долженъ былъ часто провѣрять все неудобство исключительнаго схоластическаго образованія, какое давалось тогда въ семинаріи. Вещи рѣшительно всѣмъ извѣстныя были ему неизвѣстны, не смотря на его любовь къ наукѣ и настойчивое трудолюбіе. Пріѣхавъ на станцію желѣзной дороги, напримѣръ, онъ былъ пораженъ видомъ и формой вагоновъ, рисунками которыхъ, конечно, и тогда украшались учебники физики. «Въ Нижнемъ — пишетъ онъ:—я имѣлъ самое нелѣпое понятіе о вагонѣ и даже нѣсколько

удивился, когда ввели меня въ настоящій, а не воображаемый...» И такихъ мелкихъ, но досадныхъ вещей попадалось, конечно, множество на его пути, показывая ему необходимость болѣе близкихъ къ жизни знаній и все неудобство житейское отсутствія подобныхъ знаній. Объ этомъ, какъ увидимъ, онъ и самъ говоритъ уже въ лѣта большей зрѣлости.

Здѣсь уже кстати будетъ сказать, что восхищеніе институтомъ по сравненію съ академіей, естественно, скоро замѣнилось недовольствомъ этимъ учебнымъ заведеніемъ. Извѣстно, и изъ писемъ Добролюбова ясно, какъ стѣснительна была въ немъ жизнь для студентовъ, которыхъ формалистика, въ родѣ непреложной обязанности ложиться спать въ 10 часовъ и запрещенія, поэтому, имѣть свѣчи, нерѣдко лишала студентовъ возможности заниматься, когда къ тому представлялась необходимость. Но съ этимъ, съ этими мелкими неудобствами, Добролюбовъ мирился болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его товарищей, чему причиной была его серьезность, выдержанность, игнорированіе пустяковъ въ виду главныхъ цѣлей. Но обстоятельства сложились такъ, что въ концѣ концовъ онъ очутился во главѣ недовольныхъ особенно директоромъ и экономомъ. И эти исторіи грозили Добролюбову серьезными непріятностями, которыя были бы тѣмъ печальнѣе и страшнѣе для него, что въ это время онъ уже былъ сирота, и его братья и сестры всѣ свои надежды возлагали на него. На второмъ курсѣ Добролюбовъ написалъ стихи на случай юбилея Греча, разошедшіеся по городу, такіе стихи, что самъ Добролюбовъ въ извѣстномъ смыслѣ называетъ ихъ «пасквилемъ». Но непріятности онъ устранилъ съ той практичностью и умѣньемъ, о которыхъ мы уже говорили выше. «Я,—писалъ Добролюбовъ,—могъ поплатиться за мое легкомысліе цѣлою карьерой, но, къ счастью, имѣлъ довольно благоразумія, чтобы не запираться передъ директоромъ и, признавшись въ либеральности своего направленія, показалъ видъ чистосердечнаго раскаянія». Присоединившееся къ этому заступничество профессоровъ окончательно устранило опасность для Добролюбова, и онъ перешелъ въ третій курсъ. Урокъ, данный этимъ случаемъ, подѣйствовалъ на Добролюбова. «Бѣды большой еще нѣтъ въ моихъ дѣлахъ. Пушкинъ и Лермонтовъ писали пасквили, Искандеръ до сихъ поръ пишетъ на Россію ѣдкія статьи. Даль выгнанъ былъ изъ корпуса за «написаніе пасквилей...» А я, слава Богу, отдѣлался еще довольно легко, и теперь подобное обстоятельство со мною не повторится...» Вотъ что писалъ Добролюбовъ, когда исторія, начавшаяся по его неосторожности, наконецъ прекратилась, и опасность была устранена.

Но прошелъ годъ, и Добролюбовъ выступилъ противъ институтскихъ порядковъ открыто, печатно. Въ «Современникѣ» появилась статейка объ институтскомъ актѣ, наполненная, по выраже-

нію самого Добролюбова, «самыми злокачественными выписками изъ него». Очевидная и рѣзкая насмѣшка прикрывалась въ этой статьѣ формой утрированной, до нелѣпости похвалы. Въ то же время кто-то изъ бывшаго пятаго курса института написалъ письмо министру народнаго просвѣщенія объ институтской администраціи. Вся эта исторія для Добролюбова не имѣла, да и не могла имѣть никакихъ послѣдствій, но, въ теченіе всего четвертаго года, онъ, при блестящихъ успѣхахъ, находился съ начальствомъ института не въ ладахъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ кружкомъ студентовъ. И самъ Добролюбовъ писалъ одному изъ своихъ родственниковъ:—«начальство мое, послѣ всѣхъ исторій, какими я насолилъ ему, радо будетъ отправить меня въ Иркутскъ или въ Колу, а никакъ не оставить въ Петербургѣ» (т. е. на службѣ). Но и тутъ дѣло окончилось лучше, чѣмъ онъ предполагалъ: начальство ничего худого ему не сдѣлало.

Въ высокой степени замѣчательна черта, проявившаяся въ этомъ случаѣ въ Добролюбовѣ. Кончилъ онъ свой курсъ, и интересы институтскіе отступили отъ него вдаль. Другіе, товарищи его, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, вспоминали о «борьбѣ» съ начальствомъ, а онъ, котораго вздумали попрекать въ невыдержкѣ характера, въ «измѣнѣ дѣлу» и т. п., уже забывалъ институтскія дрязги для болѣе важныхъ своихъ цѣлей. «Скажу только, — писалъ онъ по этому поводу къ одному изъ своихъ друзей-товарищей, А. И. Златовратскому:—скажу только, что человѣку, у котораго есть интересы и цѣли повыше институтскихъ отмѣтокъ и благосклонностей, странно и смѣшно было бы принимать серьезно всѣ эти пустяки, которые волновали нашихъ товарищей въ послѣдній годъ... Я жилъ душою въ институтѣ, я работалъ, сколько было силъ моихъ, подвергаясь опасностямъ и непріятностямъ, пока у меня было дѣло полезное и благородное, и пока я не утратилъ вѣры въ тѣхъ, для которыхъ, между прочимъ, работалъ... Все, что было мною совершено противъ начальства въ послѣднее время,—прибавляетъ Добролюбовъ, — было уже не плодомъ святого убѣжденія, а дѣломъ старой привычки...», потому-что онъ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. «Еслибы я далъ себѣ трудъ подумать, я бы никогда не сталъ терять даже получаса времени для людей, которые стоятъ моего полнаго равнодушія, если не болѣе...»—вотъ общій выводъ, къ которому онъ приходитъ, выражая откровенное презрѣніе къ тѣмъ, кто можетъ придавать слишкомъ большое вниманіе къ мелкимъ дрязгамъ,—онъ уже далеко выше ихъ. Такъ или иначе, но курсъ былъ оконченъ и Добролюбову предстояли другіе пути; литературная дѣятельность была для него прочно начата и установлена уже статьею о «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», напечатанной за долго до окончанія имъ курса института, и другими статьями.

Жизнь раскрывалась передъ Добролюбовымъ путемъ широкимъ и плодотворнымъ, его близкія связи съ редакціей «Современника» обезпечивали ему будущность.

3.

Въ то время какъ Добролюбовъ медленно подвигался къ тому положенію, о которомъ сказано выше, его личная жизнь прошла чрезъ рѣдкія, исключительныя испытанія. Когда онъ былъ на первомъ курсѣ института, при наступленіи весны, скончалась послѣ родовъ его мать, которую онъ, какъ мы видѣли, любилъ страстно. Ударъ этотъ жестоко поразилъ впечатлительнаго юношу. Письма его къ отцу и къ другимъ въ это время дышатъ глубокимъ горемъ. Тогда-то онъ и писалъ вышеприведенныя строки о своей любви къ матери. «Отчій домъ не манитъ меня къ себѣ,—говоритъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ,—семья меньше интересуетъ меня, воспоминанія дѣтства только растравляютъ сердечную рану, будущность представляется мнѣ въ какомъ-то жалкомъ, безотрадномъ видѣ... Знаешь ли, что во всю мою жизнь, сколько я себя помню, я жилъ, учился, работалъ, мечталъ, всегда съ думой о счастіи матери? Всегда она была на первомъ планѣ; при всякомъ успѣхѣ, при всякомъ счастливомъ оборотѣ дѣла, я думалъ только о томъ, какъ это обрадуетъ маменьку...» И на предполагаемый упрекъ ему, что онъ «разсуждаетъ, а не чувствуетъ», Добролюбовъ отвѣчаетъ:— «Но въ томъ-то и бѣда моя, что я разсуждаю. Если бы я могъ, какъ другіе, разразиться слезами и рыданіями, воплями и жалобами, то, разумѣется, тоска моя облегчилась бы и скоро прошла. Но я не знаю этихъ порывовъ сильныхъ чувствованій, я всегда разсуждаю, всегда владѣю собой, и потому-то мое положеніе такъ безотрадно, такъ горько. Разсудокъ подсказываетъ мнѣ всю великость моей утраты, не позволяетъ мнѣ забыться на минуту; я вижу страшное горе во всей его истинѣ, и между тѣмъ слезы душатъ меня, но не льются изъ глазъ...» Такъ характеризовалъ свое душевное состояніе самъ Добролюбовъ, обнаруживая, какъ видитъ читатель, огромную силу самосознанія, самоанализа, во всякомъ случаѣ, исключительную въ восемнадцатилѣтнемъ юношѣ.

Лѣтомъ Добролюбовъ пріѣхалъ на каникулы въ Нижній, съ цѣлью, между прочимъ, поддержать и утѣшить отца, понесшаго въ лицѣ жены такую страшную утрату. И въ эти каникулы онъ потерялъ и отца. Огромная семья осталась въ кругломъ сиротствѣ и почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Братья и сестры Добролюбова были разобраны родными и даже просто знакомыми изъ участія и изъ уваженія къ памяти отца, а самъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ съ такимъ страшнымъ горемъ въ сердцѣ, въ сравненіи съ которымъ горе по матери казалось слабымъ. Для Добро-

любова начались поистинѣ тяжелые дни, и тогда-то вся его любящая натура, его родственныя чувства выразились съ полной силой. Его размышляющая и дѣятельная натура не допустила его застояться на чувствѣ печали, вызвала въ немъ энергическую дѣятельность, направленную къ тому, чтобы вывести семью изъ тяжелаго положенія. И вотъ онъ, среди рѣшительно подавляющихъ институтскихъ занятій, находитъ время писать много и часто родственникамъ и знакомымъ, у которыхъ были его сестры и братья, утѣшать письменно и этихъ послѣднихъ, а вскорѣ затѣмъ и помогать имъ матеріально. Добролюбовъ воспользовался всѣми своими знакомствами и сношеніями въ Петербургѣ, чтобы устроить дѣла своихъ родныхъ. Нижегородскій тогдашній архіерей, нерасположенный къ семьѣ Добролюбовыхъ, упорно отказывалъ оставить мѣсто отца за одной изъ дочерей, — и Николай Александровичъ вынудилъ его сдѣлать это черезъ Сѵнодъ. У семьи былъ домъ, обремененный долгами, изъ которыхъ главный—казенный, строительной комиссіи, угрожалъ продажей съ аукціона; и Добролюбовъ, не смотря на всѣ препятствія, черезъ министра народнаго просвѣщенія, принявшаго въ немъ участіе, добился-таки, что этотъ большой долгъ былъ сложенъ съ дома по именной волѣ государя.

Съ третьяго курса и даже со второго, энергичный юноша такъ много работалъ, что могъ весьма значительно помогать сестрамъ и братьямъ. Трогательною чертою является рѣшительная щедрость Добролюбова, его безкорыстное стремленіе помочь окружающимъ, особенно роднымъ. Помимо постоянныхъ посылокъ то въ 5, то въ 25 и 50 рублей своимъ семейнымъ, онъ, будучи самъ бѣденъ и еще въ началѣ четвертаго курса, нашелъ возможнымъ и нужнымъ помочь своему двоюродному брату, бывшему на службѣ, имѣвшему уже извѣстное общественное положеніе. Тотъ писалъ ему о несовсѣмъ удачной, въ матеріальномъ смыслѣ, женитьбѣ, жаловался, что у него выросъ значительный долгъ, конечно, не думая, что Николай Александровичъ можетъ помочь ему. И вотъ что получилъ онъ въ отвѣтъ:—«Послѣ полученія письма,—писалъ ему Добролюбовъ,—я сталъ думать о томъ, какъ бы помочь тебѣ, и нашелъ нѣкоторое средство. Средство это состоитъ въ деньгахъ, которыхъ я ждалъ для отвѣта. Вчера получилъ я 100 рублей (нужно думать, что это былъ гонораръ за статью о «Собесѣдникѣ»), и посылаю ихъ тебѣ. Можешь распорядиться ими для удовлетворенія назойливѣйшихъ должниковъ твоихъ, разумѣется, не сказывая никому, что получилъ деньги отъ меня...» Въ теченіе всей институтской жизни, уже не говоря о времени литературной дѣятельности, дававшей ему значительныя средства, Добролюбовъ былъ благодѣтелемъ всѣхъ своихъ семейныхъ. Энергія его рѣшительно поражаетъ читателя. Онъ и умеръ въ этой же роли. Послѣднее письмо его, напечатанное въ книгѣ, гласитъ:—«Въ половинѣ ноября (1861) та-

кой-то можетъ отъ меня получить 100 рублей, а если понадобится нѣсколько больше, то и больше. Объ остальномъ напишу, когда стану немножко поправляться. Пишу въ постелѣ; вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ лежу. Твой братъ и другъ Н. Добролюбовъ». Это былъ отвѣтъ на просьбу того же двоюроднаго брата, помочь ему рублями 100 или даже 50-ю, передавъ ему эти деньги черезъ извѣстное лицо. На смертномъ одрѣ Добролюбовъ думалъ о себѣ меньше, чѣмъ обо всѣхъ другихъ, кто въ немъ нуждался.

Энергическія усилія Добролюбова не остались безрезультатны. Къ тому времени, какъ онъ окончилъ свой курсъ, семья его въ сущности была уже значительно обезпечена домомъ, мѣстомъ и замужествомъ одной изъ сестеръ. Позже, двухъ братьевъ Добролюбовъ взялъ къ себѣ въ Петербургъ, остальныя двѣ сестры съ его помощью вышли замужъ, (двѣ умерли раньше). Умирая, Добролюбовъ оставлялъ всѣхъ своихъ или окончательно обезпеченными, или поставленными на дорогу. Огромная доля энергіи этого человѣка уходила на заботу о благѣ его родныхъ, близкихъ его сердцу.

Тѣмъ любопытнѣе представляется его теоретическое, разсудочно-холодное отношеніе къ родинѣ въ смыслѣ болѣе обширномъ. Могутъ сколько угодно говорить о его страстной любви къ отечеству, къ Россіи, но остается несомнѣнный фактъ именно разсудочнаго, предвзятаго и теоретическаго отношенія его къ ней, которое сказалось напримѣръ въ этомъ странномъ смѣхѣ надъ историческимъ соборомъ Василія Блаженнаго. Изъ этого-то отношенія вытекали проявлявшіеся еще въ институтѣ холодные, ироническіе отзывы его о совершавшейся тогда севастопольской борьбѣ, которая, такимъ образомъ, занимала въ тогдашней духовной жизни будущаго критика мѣсто менѣе значительное, чѣмъ борьба студентовъ института съ директоромъ и экономомъ. Конечно, въ тогдашнихъ враждебныхъ выходкахъ противъ нашихъ враговъ было, должно было быть, много преувеличеннаго, даже смѣшного. Но, какъ-то странно звучитъ въ устахъ русскаго человѣка желаніе осмѣять русскихъ патріотовъ въ пользу враговъ. И какихъ враговъ—Наполеона III-го, напримѣръ. Между тѣмъ Добролюбовъ вотъ что писалъ своему двоюродному брату въ 1855 году:—«ты, вѣрно, видѣлъ карикатуры Степанова на англичанъ и французовъ; замѣтилъ, какъ онъ представляетъ и унижаетъ Наполеона III-го... Вотъ на него двѣ эпиграммы:

«Что намъ смотрѣть карикатуры
«На нашихъ западныхъ враговъ?..
«Да наша Русь вся и въ натурѣ
«Есть съ иностранныхъ образцовъ
«Карикатурная гравюра...»

Впрочемъ, это настроеніе и направленіе гораздо больше принадлежитъ его времени, чѣмъ его личному характеру и свойствамъ его ума.

4.

Мы переходимъ теперь ко времени, когда имя Добролюбова начало пріобрѣтать все бо́льшую и бо́льшую извѣстность, когда плодотворная дѣятельность на поприщѣ литературы должна была, по видимому, внести въ его душу нравственное удовлетвореніе. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ обычнымъ явленіемъ, служащимъ доказательствомъ, что въ лицѣ Добролюбова мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ личностью высоко замѣчательною. Время его наибольшей и благотворнѣйшей дѣятельности было для него временемъ наибольшихъ нравственныхъ страданій, унынія, недовольства собою, невѣрія въ собственныя силы. Одна изъ личностей, возбуждавшихъ въ Добролюбовѣ невольное уваженіе, именно г-жа Пещурова, нѣкогда учившая Николая Александровича французскому языку, писала ему:—«вообще, жаль расположенія Вашего духа; какое-то découragement видно въ Вашихъ письмахъ. Я понимаю, что это происходитъ отъ одиночества; но надѣюсь, что это мало-помалу пройдетъ. Я вижу, что Ваши занятія, о которыхъ Вы говорите болѣе нежели съ скромностью, а съ униженіемъ (humilité) Васъ интересуютъ только по денежной пользѣ, что они Вамъ приносятъ. Если бы Вы писали съ увлеченіемъ, было бы иначе, и Вы бы не имѣли времени тосковать. Я не прощаю Вамъ, что Вы не хотите мнѣ сказать, подъ какимъ именемъ Вы выдаете Ваши статьи, и досадую, что можетъ быть читаю ихъ, не зная, что онѣ Вами писаны...»

Вотъ что отвѣтилъ на это Добролюбовъ:

«Мнѣ горько признаться Вамъ, что я чувствую постоянное недовольство самимъ собой и стыдъ своего безсилія и малодушія. Во мнѣ есть убѣжденіе (очень вѣроятно, что и несправедливое) въ томъ, что я по натурѣ свой не долженъ принадлежать къ числу людей дюжинныхъ и не могу пройти въ своей жизни незамѣченнымъ, не оставивъ никакого слѣда по себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствую совершенное отсутствіе въ себѣ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя необходимы для поддержки умственнаго превосходства. Кромѣ того, я лишонъ и матерьяльныхъ средствъ для пріобрѣтенія знаній и развитія своихъ идей въ томъ видѣ, какъ я бы желалъ и какъ нужно было бы. Тоска и негодованіе охватываетъ меня, когда я вспоминаю о своемъ воспитаніи и прохожу въ умѣ то, надъ чѣмъ до сихъ поръ я бился. Лѣтъ съ шести или семи я постоянно сидѣлъ за книгами и рисунками. Я не зналъ дѣтскихъ игръ, не дѣлалъ ни малѣйшей гимнастики, отвыкъ отъ людского общества, пріобрѣлъ неловкость и застѣнчивость, испортилъ глаза, одеревѣнилъ всѣ свои члены... Еслибы я захотѣлъ теперь сдѣлаться человѣкомъ свѣтскимъ, то не могъ бы уже по самому устройству своего организма, которое пріобрѣлъ я искусственно. А между

тѣмъ—и въ дѣлѣ науки и искусства я не пріобрѣлъ ровно ничего. Лѣтъ пять рисовалъ я разныхъ солдатиковъ, и теперь не могу вывести ни собачки, ни домика, ни лошадки... Читалъ я пропасть книгъ, но что̀ читалъ,—еслибы Вы знали!.. Недавно перебиралъ я свои старинныя тетрадки, и нашелъ, что въ 13 — 14 лѣтъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о вещахъ, которыя хорошо извѣстны моимъ теперешнимъ десятилѣтнимъ ученикамъ и даже ученицамъ. Чего же Вы хотите? Пятнадцати лѣтъ я началъ учиться по-нѣмецки, и до сихъ поръ еще не безъ труда читаю ученыя нѣмецкія книги,—а повѣсти ихъ (нѣмцевъ) и теперь не умѣю читать. По-французски я сталъ учиться на восемнадцатомъ году, и если теперь читаю на этомъ языкѣ, то именно благодаря Вамъ. Англійскаго до сихъ поръ не знаю... Сколькихъ же сокровищъ знанія лишенъ я былъ до двадцати лѣтъ, умѣя читать только русскія книги... Да и изъ русскихъ книгъ я читалъ не то, что̀ было нужно, и до послѣдняго времени остался какимъ-то недоумкой... Мнѣ тяжело и грустно бываетъ, когда мои теперешніе знакомые и пріятели начинаютъ иногда говорить со мною, какъ о вещахъ, извѣстныхъ всѣмъ, о такихъ предметахъ науки и искусства, о которыхъ я не имѣю понятія... Я тогда терзаюсь и сержусь, и хочу все время посвятить ученью... Но—это легко сказать... Пора ученья прошла. Теперь мнѣ нужно работать, для того, чтобъ было чѣмъ жить... А работа моя, къ несчастью, такая, что учить другихъ надобно... Я самъ удивляюсь, какъ меня стаетъ на это, и этимъ я измѣряю силу моихъ природныхъ способностей... Иногда мнѣ приходится встрѣчать людей тупыхъ и безполезныхъ, но громадными средствами обладающихъ для образованія и развитія себя. Тогда я думаю: еслибы я такъ былъ воспитанъ, еслибы я столько зналъ и имѣлъ средствъ—какой бы замѣчательный человѣкъ изъ меня вышелъ... Но за неимѣніемъ этого, я работаю, — пишу кое-какъ;—и какъ же Вы хотите, чтобы мое писанье составляло для меня утѣшеніе и гордость? Я вижу самъ, что все, что̀ пишу, слабо, плохо, старо, безполезно, что тутъ видѣнъ только безплодный умъ, безъ знаній, безъ данныхъ, безъ опредѣленныхъ практическихъ взглядовъ. Поэтому я и не дорожу своими трудами, не подписываю ихъ, и очень радъ, что ихъ никто не читаетъ... Чтобы удовлетворить Вашему желанію, скажу Вамъ, что мною писана вся критика и библіографія въ «Современникѣ» нынѣшняго года. Не правда ли, что Вы никогда не разрѣзали ни одной страницы изъ этого отдѣла журнала?.. И не правъ ли я былъ, говоря, что статей моихъ Вы, какъ и большая часть читателей, никогда не могли не только прочитать, но даже и замѣтить...» (стр. 434—436).

Въ этомъ, необыкновенно характерномъ, письмѣ Добролюбовъ выразилъ все отрицательное о самомъ себѣ, все, что̀ въ немъ самомъ было источникомъ недовольства собою. И этотъ мотивъ про-

ходитъ черезъ многія письма Добролюбова. Онъ не разъ, и даже позже, за границей, высказываетъ твердое намѣреніе оставить литературную дѣятельность. «Очень можетъ быть,—писалъ онъ Златовратскому, — что скоро я прекращу свою безтолковую дѣятельность по этой части (по части литературы) и посвящу себя скромнымъ педагогическимъ трудамъ далеко отъ Петербурга...» «Работа моя,—писалъ онъ позже Бордюгову,—сдѣлалась тяжела и отвратительна. Еслибы не нужда въ деньгахъ, не взялся бы я за перо. Разрѣши мнѣ послѣ этого нравственную разницу между мною и дѣвицами, продающими свои прелести...» «Ужасно пріятно,—говоритъ онъ тому же лицу въ другомъ письмѣ,—сочинять остроумныя статейки, въ то время когда плакать хочется каждую минуту и на сердцѣ кошки скребутъ».

Необходимо сказать, что не къ самому себѣ только въ отрицательномъ отношеніи лежалъ источникъ тоски и безвѣрія въ свое дѣло и въ свои силы у Добролюбова. Кругомъ себя онъ не видѣлъ людей, на которыхъ можно было бы положиться, которые дѣйствительно могли бы явиться представителями идей и идеаловъ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ разочарованъ глубоко и непоправимо. Вотъ что писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, Шемановскому:

«Было время, и очень недавно, когда мы надѣялись на себя, на своихъ сверстниковъ; но теперь и эта надежда оказывается неосновательною. Мы вышли столько же вялыми, дряблыми, ничтожными, какъ и наши предшественники. Мы истомимся, пропадемъ отъ лѣни и трусости. Бывшіе до насъ люди, вступившіе въ разладъ съ обществомъ, обыкновенно спивались съ кругу, а иногда попадали на Кавказъ, въ Сибирь, въ іезуиты вступали, или застрѣливались. Мы, кажется, и этого не въ состояніи сдѣлать. Полное нравственное разслабленіе, отвращеніе отъ борьбы, страсть къ комфорту, если не матеріальному, то умственному и сердечному,—дѣлаетъ насъ совершенно безполезными коптителями неба, негодными ни на какую твердую и честную дѣятельность. Ты можешь подумать, что все это я пишу о тебѣ, желая упрекнуть тебя въ томъ, что ты такъ упалъ духомъ. Да, пожалуй, относи и къ себѣ все, что̀ мной сказано: я тебя не исключаю изъ этой характеристики нашего поколѣнія. Но повѣрь, что я никого не исключаю изъ нея, и всего меньше себя. Разница между нами, въ отношеніи къ нашей спячкѣ, не очень велика. Одинъ спитъ 24 часа въ сутки, другой—23 часа и 59 минутъ, третій 23 часа и 59 минутъ съ половиной, съ четвертью, съ осьмушкой и т. д.; но повѣрь, что разница нейдетъ дальше одной минуты. При видѣ великихъ вопросовъ, подымаемыхъ жизнью, при заманчивой перспективѣ трудной и горькой, но плодотворной дѣятельности, ожидающей новыхъ тружениковъ, при воспоминаніи о великихъ урокахъ исторіи — пробуждается иногда какая-то рѣшимость, шевельнутся проклятья,

разольется сладкое чувство человѣческой, идеальной любви по всему организму,—но все это тотчасъ же и замретъ, не успѣвши выразиться даже и въ словѣ, не только на дѣлѣ. И это не только въ себѣ замѣчаешь; то же самое дѣлается и съ другими, кого любишь и уважаешь за благородство и честность, на кого мы, бывало, возлагали наши лучшія, святѣйшія надежды»... (462—463).

Такъ писалъ Добролюбовъ въ то время, когда множество его статей читались съ увлеченіемъ и воспитывали грядущее поколѣніе, когда статья «Темное царство», получившая такую огромную извѣстность, доставившая славу своему автору, уже должна была появиться. Тяжелое душевное состояніе угнетало Добролюбова съ поражающей силой, и нужно удивляться энергіи его ума, позволявшей ему, не смотря на душевное угнетеніе, создавать новыя и новыя статьи. Двойственность, душевная неудовлетворенность, замѣтны и въ статьяхъ Добролюбова, особенно позднѣйшихъ. Помните ли его недовольство наступавшими на его глазахъ направленіями «шестидесятыхъ годовъ», даже не тѣми направленіями, сентиментальными и восторженными передъ грядущимъ «прогрессомъ» и «нашимъ временемъ, когда»..., которыя осмѣивалъ Добролюбовъ. Его взоры невольно обращались къ прошлому, къ сороковымъ годамъ, когда, по его выраженію, были должно быть «другіе люди и другіе идеалы», когда возможно было «направленіе живое и дѣйственное, направленіе истинно гуманическое, не битое и не разслабленное разными юридическими и экономическими сентенціями.» Добролюбовъ, очевидно, съ ненавистью относился къ ремесленной литературѣ, не придавая и вообще литературѣ преувеличеннаго значенія, какое придавалось ей прежде. Видя кругомъ, между тѣмъ, литературныхъ дѣльцовъ и ремесленниковъ, глупо гордыхъ своей кичливой ролью, Добролюбовъ естественно долженъ былъ придти къ насмѣшкѣ надъ людьми, которые, по его выраженію, уткнулись въ свою литературу.

Онъ хотѣлъ настоящаго дѣла. Но зналъ ли онъ и самъ, какое это настоящее дѣло, остается подъ вопросомъ и сомнѣніемъ. Одинокій въ своей литературной средѣ, онъ старался возобновить дружественныя связи съ своими институтскими друзьями, писалъ имъ почти просительныя письма—оставить старые счеты и сомнѣнія. Но въ этой-то перепискѣ всего болѣе и отразилось то, что мечты о плодотворной дѣятельности, которыя могли быть въ институтское время, оказались несостоятельными, а затѣмъ Добролюбовъ писалъ о томъ, что нужно создать для себя возможность честной и полезной дѣятельности. Его проповѣдь о «дѣлѣ вмѣсто словъ» встрѣчала въ его собственной жизни огромныя препятствія къ практическому осуществленію, и это служило источникомъ для него тяжелыхъ нравственныхъ страданій.

5.

Личная жизнь съиграла въ душевномъ состояніи Добролюбова довольно большую роль. Складывалась она въ высшей степени неблагопріятно для него. Онъ хотѣлъ любви, хотѣлъ быть любимымъ, какъ истый идеалистъ, имѣющій о любви представленія овсѣмъ особаго характера, а полюбить, еще болѣе вызвать къ ебѣ любовь, ему не удавалось. «Я, несчастный, — писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—не могу найти предмета для этого чувства, а чувство бродитъ въ душѣ и безпрестанно мѣшаетъ мнѣ... И чортъ меня знаетъ, зачѣмъ я началъ шевелить въ себѣ эту потребность женской ласки, это чувство нѣжности и любви...» Дѣло въ томъ, что Добролюбовъ не относился къ своему чувству и положенію непосредственно, просто. Самъ себѣ онъ представлялся некрасивымъ и вообще неспособнымъ вызвать къ себѣ сильное чувство, и думалъ, что «самыя шутки принимаютъ всегда оборотъ, не весьма лестный для самолюбія» его. Понравилась ему одна особа; но онъ уже заранѣе предрѣшаетъ, то тутъ ничего не выйдетъ, потому что—пишетъ онъ:—«ни одинъ разговоръ не обходится безъ того, чтобы она не сказала, что хотя человѣкъ я и хорошій, но ужъ слишкомъ неуклюжъ...» Особа эта, сообщая Добролюбову «тайны своего сердца», призналась, что собственно «не считаетъ его за мужчину и потому вовсе не стыдится говорить ему многое, чего другимъ не сказала бы». И Добролюбовъ иронически и грустно въ одно и то же время смѣется надъ собой: «Отчего же я не мужчина?—спрашиваетъ онъ— и что же я такое, послѣ этого? Неужели баба?» И Добролюбовъ не давалъ воли своему чувству.

Были моменты, конечно, когда и для Добролюбова возможно было развитіе взаимной склонности и освобожденіе отъ тяготившаго его нравственнаго одиночества. Но онъ, какъ всегда, какъ самъ сознавался, больше разсуждалъ, чѣмъ чувствовалъ, и чувство его увядало подъ гнетомъ «рефлексіи». Вотъ что разсказываетъ онъ въ письмѣ къ Бордюгову:

«Разскажу тебѣ одинъ поучительный моментъ, изъ котораго видно, пожалуй, какая я свинья, но сознаніе котораго меня хорошо арранжируетъ въ настоящую минуту. Недавно мнѣ показалось, что въ обращеніи А. С. со мной проглянула какая-то нѣжность, какъ будто начало возникающей любви. Это было для меня такъ ново и пріятно, что я не могъ не обратить своего вниманія на чувство, возбужденное во мнѣ этимъ случаемъ. Строгій анализъ показалъ мнѣ, что чувство это—не любовь, а просто пріятное щекотаніе самолюбія. Она меня еще и теперь очень интересуетъ, даже гораздо больше чѣмъ прежде, но судя по тому, что̀ именно пробуждается во мнѣ при ея внимательности,—я убѣждаюсь, что весь интересъ пропадетъ, какъ только я узнаю, что она меня полюбила.

Теперь я только догадываюсь, что могу заставить ее полюбить себя, но все еще сомнѣваюсь, и потому продолжаю съ ней обращаться такъ, чтобы добиться пріятной несомнѣнности. Состояніе это, когда надежда перевѣшиваетъ сомнѣніе, довольно пріятно, и еслибъ она была столько умна, что весь вѣкъ могла бы держать меня въ такомъ состояніи, я бы завтра же на ней женился. Но я знаю, что такихъ умныхъ женщинъ нѣтъ на свѣтѣ, знаю, что очевидность должна скоро заступить мѣсто сомнѣнія и надежды, и потому развязка моего любезничанья очень близка. Я даже, по всей вѣроятности, не стану и ждать того, чтобы она дѣйствительно меня полюбила,—съ меня довольно будетъ убѣдиться, что она совершенно готова на это. А если она въ самомъ дѣлѣ полюбитъ и будетъ страдать?.. Не лучше ли бросить эти игрушки огнемъ? Вздоръ, — мы съ ней не таковскіе... Любовь, не получая себѣ пищи пройдетъ у ней въ полтора дня... А если и нѣтъ, такъ что за бѣда?

«Пускай ее поплачетъ:
«Ей ничего не значитъ.

«Но, разумѣется, тутъ-то я и оказываюсь свиньей... Я себя и не оправдываю...» (502).

И молодость, и незнакомство съ жизнью, и высокая честность, и въ то же время какая-то способность заглушить въ себѣ искреннее чувство любви сказываются въ этомъ эпизодѣ, разсказанномъ Добролюбовымъ съ чувствомъ глубокой печали, скрытой подъ насмѣшливостью. Но особенно характеренъ случай, въ которомъ Добролюбову досталось по истинѣ печальная роль. Разсказъ этотъ очень простъ и ясенъ. Приглашенный, почти насильно затащенный въ одно общество, онъ, не танцующій, смотрѣлъ, какъ танцуютъ другіе.

«Между танцующими,— разсказываетъ онъ,— открылъ я одну дѣвушку, отъ которой не могъ оторвать глазъ: такъ была хороша она. Прежде всего поразилъ меня контрастъ черныхъ глазъ и бровей ея съ свѣтло-русыми волосами, потомъ розовая нѣжность ея кожи, правильное до послѣдней степени, симетричное расположеніе всѣхъ чертъ, ротикъ съ улыбкой счастья и доброты, и такое умное, живое и въ то же время ласкающее выраженіе всей физіономіи, особенно глазъ... Ахъ, какіе это глаза, еслибъ ты видѣлъ! Они не жгутъ и не горятъ, а какъ-то свѣтятся и грѣютъ тебя... Я впивался въ нее и почелъ бы себя счастливымъ, еслибы на меня упалъ одинъ взглядъ этихъ глазъ. Но она танцовала, а я былъ въ толпѣ смотрящихъ изъ дверей. А какъ она танцовала! Сколько прелести и граціи было въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ поворотѣ головы, въ каждой улыбкѣ, которой она размѣнивалась съ своимъ кавалеромъ! Нѣтъ, никакой Грёзъ никогда бы не могъ создать такой головки! А тутъ она была передо мною живая, пор-

хающая, говорящая съ другими! А я не смѣлъ даже подойти къ ней близко... Въ первый разъ я отъ глубины души проклялъ свою неуклюжесть и свое неумѣнье танцовать. Но проклятіями взять было нечего. Я рѣшился дѣйствовать иначе. Я спросилъ, кто она; мнѣ назвали фамилію; спросилъ: съ кѣмъ она пріѣхала? Съ отцомъ. Я удовольствовался и прошелъ въ другую комнату. Тамъ попросилъ я, чтобы мнѣ показали г-на такого-то (т. е. отца ея). Мнѣ указали, и я началъ около него вертѣться. Подслушалъ я, что онъ не успѣлъ составить себѣ партіи и ищетъ партнеровъ; тотчасъ же побѣжалъ я къ хозяину и попросилъ, чтобъ онъ устроилъ партію въ ералашъ: такой-то съ такимъ-то сейчасъ изъявили желаніе играть, я—тоже хочу, остается найти четвертаго. Хозяинъ, ничего не подозрѣвая, сладилъ партію, и я сталъ играть съ почтеннымъ отцомъ, которому тутъ же былъ и представленъ. Надо тебѣ сказать, что онъ генералъ со звѣздой, и не смотря на то, я ему куртизанилъ въ картахъ и вообще ужасно егозилъ передъ нимъ. Пойми, какъ я врѣзался-то! Разумѣется, вся эта исторія кончилась тѣмъ, что мы познакомились»...

Добролюбовъ сталъ бывать въ домѣ, игралъ разъ въ дурачки съ плутнями въ цѣломъ обществѣ, гдѣ была и дѣвушка, такъ поразившая его, но не умѣлъ сблизиться, да и не успѣлъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ туда, встрѣтя чуждое ему общество, въ затрудненіи, онъ отошелъ въ сторону. Но предоставимъ ему самому разсказывать дальше:

«Я осмотрѣлся и не нашелъ около себя дружелюбнаго лица, съ которымъ бы могъ заговорить, кромѣ опять того же офицерика. Въ прошедшую среду мы съ нимъ немножко сошлись, такъ что я началъ разговоръ такимъ образомъ; «Хорошо мое положеніе въ этомъ домѣ! никого не знаю, никому не представленъ, и заговорить ни съ кѣмъ не могу». Онъ посмотрѣлъ на меня, и тутъ только замѣтилъ я, что онъ чѣмъ-то особенно сіяетъ.—«А вы знаете мое положеніе въ этомъ домѣ?» спросилъ онъ меня.—«Какое? Въ томъ же родѣ, какъ и мое?»—«Нѣтъ, совсѣмъ въ другомъ», отвѣчалъ онъ и ухмыльнулся:—«Я сегодня объявленъ здѣсь женихомъ».—«Какъ? закричалъ я.—«Да, я женюсь на дочери N». Не знаю, что со мной сдѣлалось при этомъ извѣстіи. Я судорожно сжалъ рукой горячій стаканъ чаю, бывшій у меня, прислонился къ двери, и боль обожженной руки отвлекла начинавшееся головокруженіе.—«Я очень доволенъ», прибавилъ онъ, весело смотря мнѣ въ глаза.—«Еще бы», отвѣчалъ я:—«да это такое счастье, больше котораго я ничего и не подумалъ бы пожелать себѣ».—Онъ посмотрѣлъ на меня нѣсколько странно; я опомнился.—«Ну, поздравляю васъ», началъ я добродушнымъ тономъ:—«Она, кажется, очень умная и добрая, и притомъ...» Словомъ, я пустился въ панегирикъ ей,—который не былъ ему непріятенъ... Между прочимъ, я спросилъ, давно ли онъ

знакомъ съ нею;—три года, говоритъ...» Дождавшись возможности прилично удалиться изъ этого общества, Добролюбовъ началъ прощаться. Но и прощанье вышло не совсѣмъ благополучно съ его точки зрѣнія. Именно, «отецъ,— разсказываетъ Добролюбовъ,— прощаясь со мною, наивно проговорилъ:—«А жаль, что вамъ партіи не составилось сегодня».—Я немножко дрогнулъ и отвѣтилъ: «что дѣлать?» такимъ отчаянно-грустнымъ тономъ, что меня всѣ окружающіе сочли, вѣроятно, чудовищнымъ экземпляромъ записного картежника. А я думалъ совсѣмъ о другой партіи... Дорога отъ нихъ ко мнѣ была длинная, ванька попался плохой; въ лицо мнѣ хлесталъ мокрый снѣгъ. Въ груди у меня шевелились рыданья, я хотѣлъ всплакнуть отъ бездѣлья; но и то какъ-то не вышло. Дома принялся было за исправленіе одной рукописи, которую хотимъ теперь печатать; но почувствовалъ себя въ настроеніи къ дружескимъ изліяніямъ и принялся за письмо. И такъ отъ 6-го до 24-го февраля я предавался безумной, хотя и робкой надеждѣ на то, что могу быть счастливъ. Сколько тутъ было плановъ, мечтаній, думъ и сомнѣній! Радостныхъ минутъ только не было, исключая, впрочемъ той, когда я получилъ приглашеніе ея отца бывать у нихъ, и тѣхъ немногихъ минутъ, когда мы играли въ дурачки... И вотъ она аллегорія-то: какъ я ни плутовалъ, а все-таки въ дуракахъ остался. А она вотъ выходитъ! Чортъ знаетъ, что такое! Я тебѣ не расписываю своихъ чувствъ. Но объ ихъ силѣ ты можешь заключить по несвойственной мнѣ смѣлости и стремительности дѣйствія, выказанныхъ мною въ этомъ случаѣ. Суди же и о великости моего огорченія. Все, окружающее меня, все, что я знаю,—дрянь въ сравненіи съ нею; а я принужденъ съ этой дрянью возиться и любезничать, въ то время, какъ у меня защемлено».

Такъ грустно кончился этотъ случай увлеченія Добролюбова. Вѣроятно, все это пришло бы со временемъ въ порядокъ. И Добролюбовъ, находившій, что «цѣль, которую онъ было предположилъ себѣ, оказалась ему вовсе не по плечу», крѣпче сталъ бы на благотворномъ пути, по которому онъ шелъ, и освободился бы отъ увлеченій, бывшихъ результатами его молодости. И личная жизнь его устроилась бы. Но смертельный недугъ уже сторожилъ его. Ни путешествіе за границу, ни всѣ другія мѣры, не достигли цѣли. И удивительный талантъ, обѣщавшій въ будущности, можетъ быть, совсѣмъ не то, чего отъ него ожидали, не увлеченія шаблонныя, характеризующія слѣдовавшее затѣмъ время, а серьезную мысль и критическое отношеніе къ увлеченіямъ,—удивительный талантъ этотъ исчезъ съ литературнаго поприща съ грустными словами на устахъ:

«Пускай умру, печали мало...»

Арс. Введенскій.

ШИРКОВСКОЕ ДѢЛО.

ИРКОВСКОЕ дѣло до сихъ поръ живетъ въ памяти многихъ курскихъ старожиловъ. Въ Курской губерніи было въ старину много громкихъ дѣлъ, преданія о которыхъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, сохранились до настоящаго времени въ формѣ легендарныхъ сказаній, гдѣ былое переплетено съ небылицами, въ большей или меньшей степени, смотря по фантазіи разсказчиковъ и пересказчиковъ. Такія дѣла заключаютъ въ себѣ небезъинтересныя данныя для характеристики прошлаго быта и нѣкоторыхъ его своеобразныхъ особенностей, преимущественно касающихся стараго барства и дореформеннаго чиновничества.

Къ числу подобныхъ дѣлъ относится и «Ширковское». Оно въ свое время надѣлало немало шума не только въ Курской губерніи, но и за предѣлами ея; оно было два раза рѣшаемо правительствующимъ сенатомъ, разбиралось въ государственномъ совѣтѣ, для разслѣдованія этого дѣла учрежденъ былъ въ Петербургѣ особый высшій комитетъ изъ знатнѣйшихъ сановниковъ имперіи, въ немъ принималъ участіе всесильный тогда Аракчеевъ, въ его подробности входилъ самъ императоръ Александръ I. Производство ширковскаго дѣла было облечено таинственностью и въ сущности своей оно было загадочно, а эти обстоятельства, само собою разумѣется, волновали современниковъ Ширкова, одного изъ богатѣйшихъ курскихъ помѣщиковъ, который въ своихъ прихотяхъ и желаніяхъ не зналъ ни мѣры, ни удержу.

Съ той поры прошло три четверти вѣка, наступило время, когда находившееся прежде подъ спудомъ дѣло, можетъ быть изложено по архивнымъ документамъ и представить для читателей любопытную бытовую картинку изъ недавняго прошлаго.

I.

Льговскій помѣщикъ Ширковъ жилъ открыто и богато. Какъ обыкновенно водилось въ то время у большихъ баръ, пиры у него смѣнялись балами, за балами слѣдовали рауты, охоты, пикники и т. д. Гостей, разумѣется, бывало всегда множество. Чуть не полгуберніи съѣзжалось къ Ширкову въ имѣніе. Мало того: бывало пишетъ къ нему губернскій предводитель дворянства:

«Ѳедоръ Иванычъ, мы безъ васъ тутъ въ Курскѣ скучаемъ»...

И Ширковъ, со всѣмъ своимъ дворомъ и штатомъ, ѣдетъ въ Курскъ. Съ нимъ, разумѣется, оркестръ, хоръ, крѣпостные актеры, которымъ приходилось играть даже въ городскомъ театрѣ. По прибытіи въ Курскъ, у Ширкова начинается рядъ празднествъ...

Какъ большой баринъ, Ширковъ, конечно, и самодурствовалъ въ волю. Не мало анекдотовъ объ этомъ самодурствѣ дошло и до нашего времени. Они рисуютъ личность Ширкова въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ.

Въ день именинъ Ширкова, въ его усадьбу непремѣнно съѣзжались представители губернской администраціи, множество богатѣйшихъ помѣщиковъ и масса всякаго рода гостей. Для большаго блеска выписывали нѣсколькихъ протоіереевъ; изъ Рыльска являлся архимандритъ и торжественно отправлялъ службу, на которой именинникъ присутствовалъ, сидя передъ алтаремъ въ мягкихъ вольтеровскихъ креслахъ. Въ концѣ молебна дьякономъ обыкновенно провозглашалось многолѣтіе «болярину Ѳеодору». И вотъ, въ одинъ изъ такихъ именинныхъ дней, молодой дьяконъ недавно назначенный къ церкви села Лунова, находившейся въ имѣніи Ширкова заартачился и не пожелалъ провозглашать многолѣтія «вельможному болярину»; ибо, по мнѣнію дьякона, такое многолѣтіе не согласно съ уставомъ церковнымъ. Не смотря на то, что священники и даже самъ архимандритъ, подсказывали дьякону: «болярину... болярину».., непокорный провозгласилъ прямо: «всѣмъ православнымъ христіанамъ». Ширковъ сдѣлался мраченъ, какъ ночь. Онъ кивнулъ головой камердинеру и когда тотъ въ мгновеніе ока очутился подлѣ своего властелина, прошепталъ нѣсколько словъ.

По окончаніи службы, многочисленныя поздравленія расточались передъ Ширковымъ. Архимандритъ кланялся въ поясъ. Направились всѣ изъ церкви. Задумчивый Ширковъ вышелъ къ

своему экипажу и бросилъ взоръ на деревню. Лицо его сразу просвѣтлѣло.

— Молодцà, ребята,—сказалъ онъ многочисленной своей дворнѣ.

За что такая похвала? За то, что по приказу оскорбившагося барина, дворовые въ пять-десять минутъ разнесли домъ и усадьбу дьякона. Когда послѣдній изъ церкви поплелся къ себѣ, то увидѣлъ, что отъ жилища его не осталось камня на камнѣ, а жена съ дѣтьми воютъ благимъ матомъ, ломая свои руки на развалинахъ...

Дьяконъ бросился въ Курскъ, къ архіерею...

— Что ты надѣлалъ, дуракъ, — замѣтилъ ему старикъ-архіерей.—Скорѣе просись въ другой приходъ...

И черезъ недѣлю не только дьяконскаго дома, но и его самого съ семействомъ уже не было въ Луновѣ.

Ширковъ любилъ охоту, но особенную страсть питалъ къ волкамъ... Чтò бы ни застрѣлили, или ни затравили, на охотѣ, лисицъ, зайцевъ и т. п., Ширковъ былъ мраченъ... Поражала пуля волка, онъ успокоивался и жаловалъ убившему сѣраго изъ собственныхъ рукъ синюю ассигнацію... Чѣмъ на охотѣ больше было убито волковъ, тѣмъ Ширковъ дѣлался веселѣе...

Разъ, назначена была облава на волковъ. Ѣдетъ Ширковъ и съ нимъ скачутъ охотники. Глядь, а сельскій попъ перерѣзалъ имъ дорогу на своей кляченкѣ... Взбѣсился «болярянъ», догналъ попа, да и сталъ его угощать арапникомъ, сколько влѣзло. Затѣмъ поѣхали на охоту. Волковъ было убито шесть штукъ. Возвратившись домой, въ радостяхъ Ширковъ велѣлъ представить къ себѣ избитаго священника. Тотъ явился. Послѣдовала мировая, разумѣется, выгодная для потерпѣвшаго.

Когда Ширковъ проѣзжалъ лѣтомъ въ рабочую пору, то любилъ видѣть, чтобы вездѣ кипѣла работа на поляхъ, хотя бы и не его помѣстья. Если онъ гдѣ-нибудь находилъ залѣнившагося, по его мнѣнію, работника, сейчасъ же приказывалъ драть его немилосердно кнутьями. Льговскій и смежные уѣзды хорошо знали это. И когда катилъ Ширковъ по дорогѣ, то вокругъ работа горѣла въ рукахъ мужчинъ и женщинъ. И только тогда ослабѣвала дѣятельность крестьянскаго люда, когда ширковскій экипажъ скрывался за горизонтомъ.

Ширковъ былъ женатъ и у него были дѣти. Разумѣется, семейство его было безсловесно и покорно. О гаремѣ изъ крѣпостныхъ и говорить нечего. Онъ былъ во всякое время дня и ночи къ услугамъ помѣщика... Кромѣ того, Ширковъ свелъ интригу съ дочерью своей сосѣдки, бѣдной дворянки Алтуховой,—которой было лестно вниманіе богача... Притомъ же Ширковъ былъ ея крестнымъ отцомъ и Марія,—такъ звали дочь Алтуховой,—бывала въ ширковской усадьбѣ, иногда даже безъ вѣдома матери.

Такъ проживалъ Ширковъ до 28-го мая 1813 года.

Въ этотъ день, въ полѣ, на большой дорогѣ изъ Курска въ Льговъ, близь села Лунова, найдено было мертвое тѣло Маріи Алтуховой, въ четырехъ верстахъ отъ усадьбы Ширкова. Тѣло убитой лежало навзничь, съ распростертыми руками, было одѣто въ женской шубкѣ, въ рубашкѣ, на ногахъ были башмаки безъ чулокъ. Растрепанные волосы и все лицо дѣвушки были въ крови, горло было проткнуто острымъ орудіемъ до самаго затылка насквозь, ротъ былъ съ обѣихъ сторонъ разрѣзанъ до ушей, обѣ губы отрѣзаны прочь, около носа рана, правая рука была проколота въ трехъ мѣстахъ. Рука эта, по словамъ очевидцевъ, замерла со сложенными для крестнаго знаменія пальцами. Изо рта убитой Маріи былъ вынутъ пропитанный кровью комокъ бумаги.

Видъ трупа приводилъ всѣхъ въ содроганіе. Поспѣшили дать знать о происшествіи становому приставу и нижнему земскому суду въ Льговѣ. Поразительнѣе всего было то обстоятельство, что головной гребень убитой Алтуховой былъ найденъ у воротъ дома ея отца, а платье возлѣ кровати, на которой она вечеромъ 27-го мая дома легла спать. Въ ту ночь, когда была убита Алтухова, отецъ ея, человѣкъ вообще нетрезвой жизни, былъ пьянъ и спалъ въ саду, мать была въ отсутствіи, въ Курскѣ... Два крѣпостныхъ человѣка ночевали въ сараѣ... Очевидно, покойная Алтухова сама ли удалилась изъ дома, или была кѣмъ-либо похищена; но уже потомъ не возвратилась.

На мѣсто происшествія явился становой приставъ. Привалила толпа народа. Смотрѣли на убитую... Дорожная пыль была изборождена колесами экипажа. Собравшіеся вслухъ обвиняли въ страшномъ злодѣяніи Ширкова.

— Онъ ее укокошилъ, онъ!—гомонили въ толпѣ.

Другіе шептались о томъ же. Ни для кого не было тайной, что Ширковъ любилъ свою крестницу.

Вдругъ полиція, понятые и толпа любопытныхъ заприметили ѣхавшій изъ ширковской усадьбы экипажъ. Это были дрожки и на нихъ ѣхалъ человѣкъ Ширкова.

— Куда?—окликнулъ ѣхавшаго становой приставъ.

— Въ Льговъ,—отвѣчалъ тотъ.—Бумагу везу въ нижній земскій судъ, отъ барина.

Человѣкъ Ширкова ударилъ по лошади и помчался дальше. Взглянуть на валявшійся на дорогѣ трупъ онъ и не подумалъ. Между тѣмъ, собравшіеся однодворцы и понятые стали просить становового пристава сейчасъ же измѣрить и засвидѣтельствовать,— ширину колеи проѣхавшихъ ширковскихъ дрожекъ и ширину колеи экипажа, на которомъ былъ вывезенъ трупъ дѣвушки на большую дорогу и тамъ брошенъ. Становой согласился и оказалось, что обѣ колеи совпадаютъ точь въ точь.

— Его дѣло, его!—заговорили въ толпѣ.

Но напрасны были измѣренія слѣдовъ въ дорожной пыли. Когда становой приставъ пріѣхалъ во Льговъ, то въ земскомъ судѣ лежало на столѣ заявленіе Ширкова, изъ котораго можно было видѣть, что онъ самъ сознается въ томъ, что Алтухова ѣхала въ злополучную ночь на его дрожкахъ.

«Крестница моя, Марія Алтухова,— заявилъ земскому суду Ширковъ,—имѣла ко мнѣ горячую любовь. Я въ ночь смерти ея посылалъ за нею дрожки со своимъ кучеромъ и камердинеромъ. Она, пріѣхавши ко мнѣ въ домъ, пробыла довольно долго у меня и потомъ предъ разсвѣтомъ, на зарѣ, отправилась къ себѣ въ родительскій домъ. Черезъ нѣсколько времени возвратился кучеръ и сказалъ, что Алтухова на пути, вынувъ изъ дрожекъ пистолетъ, застрѣлилась съ отчаянія, не успѣвъ склонить меня на любовь».

Вскорѣ, въ земскій судъ прибылъ самъ Ширковъ; ему не сидѣлось въ усадьбѣ. Нечего и говорить, что встрѣченъ онъ былъ мелкими «приказными» подобающимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, нужно было приступить къ слѣдствію. Судъ пожелалъ допросить ширковскаго кучера, который везъ Алтухову. Ширковъ отвѣчалъ, что кучеръ сейчасъ же явится для показаній. Но онъ солгалъ. Рано утромъ кучеръ съ камердинеромъ были устланы Ширковымъ въ Курскъ, будто бы за докторомъ, для того, чтобы подать Алтуховой помощь. Такимъ образомъ, посланные должны были проѣхать изъ Лунова въ Курскъ 50 верстъ и столько же обратно, а между тѣмъ у Ширкова въ домѣ жилъ лекарь, итальянецъ Бондини, имѣвшій всегда при себѣ медикаменты, которыми онъ многимъ оказывалъ помощь. Въ недальнемъ разстояніи, во Льговѣ, жилъ медикъ Брунсъ, къ которому Ширковъ, однако, не послалъ. Точно также Ширковъ не далъ знать о происшествіи роднымъ погибшей дѣвушки и не принялъ никакихъ мѣръ къ охраненію трупа, а оставилъ его брошеннымъ на большой дорогѣ.

Земскій судъ началъ слѣдствіе. На мѣсто происшествія члены суда поѣхали только на другой день. Въ усадьбу Ширкова они не смѣли и заѣхать, а тѣмъ болѣе—допросить его крѣпостныхъ людей. Трупъ Алтуховой былъ освидѣтельствованъ льговскимъ штабъ-лекаремъ Брунсомъ, который даже не позаботился вскрыть черепа Алтуховой для опредѣленія—былъ ли сдѣланъ въ ротъ выстрѣлъ, или нѣтъ.

Не будемъ описывать терзаній несчастной матери Алтуховой, у которой Марія была единственной дочерью. Со времени гибели дочери старуха Алтухова поставила себѣ цѣлью стать обвинительницею убійцы ея Маріи, которымъ она громко называла Ширкова. Этотъ послѣдній продолжалъ вести открытую жизнь, но всѣми было замѣчено, что представители курскаго дворянства перестали посѣщать Луново и его гостепріимнаго хозяина. Мѣсто

ихъ заняли разные судейскіе чиновники, которые мало-по-малу стали смѣлѣе по отношенію къ Ширкову и вскорѣ, какъ пьявки, присосались къ нему. Выше мы видѣли, что Ширковъ подалъ въ земскій судъ заявленіе о самоубійствѣ Алтуховой. Послѣ знакомства съ персоналомъ льговскаго земскаго суда, Ширковъ измѣнилъ свое показаніе. Онъ объяснилъ, что кучеръ его, возвратившись ночью 28-го мая, въ страхѣ передалъ ему, что на дорогѣ нѣсколько пьяныхъ негодяевъ напали на ѣхавшую въ дрожкахъ Марію Алтухову, изнасиловали ее и убили.

Въ основу своего слѣдствія земскій судъ положилъ убійство Алтуховой неизвѣстными людьми... Но какъ было ихъ найти?.. Всѣмъ сосѣдямъ Ширкова было извѣстно, что слѣдствіе ведется по его указаніямъ, что слѣдователи днюютъ и ночуютъ у него и въ его домѣ составляютъ протоколы и журналы. Для слѣдствія Ширковъ поставилъ свидѣтелей и нашелъ виновныхъ. Явились свидѣтели, утверждавшіе, что они видѣли, какъ Ширковъ простился съ пріѣзжавшею къ нему Алтуховою, какъ проводилъ ее до экипажа и ушелъ потомъ къ себѣ въ спальню. Явилось добровольно четыре человѣка крестьянъ, которые заявили суду, что они убили Алтухову на большой дорогѣ, будучи пьяны...

— Пировали мы,—показали обвиняемые,—всю ночь въ Соломинскомъ кабакѣ, а какъ вышли оттуда, увидѣли дрожки съ проѣзжавшей барышней, и грѣхъ насъ попуталъ...

Въ протоколахъ льговскаго земскаго суда было записано подробное показаніе явившихся съ повинною крестьянъ.

«Когда они остановили дрожки, то одинъ изъ нихъ—Лобановъ, пригласилъ ширковскаго кучера, Щеплюхина, идти пить вино. Тотъ отказался. Алтухова въ это время начала бранить Лобанова, котораго прежде знала, за пьянство. Онъ, разсердившись, схватилъ дѣвушку за шубу, потащилъ съ дрожекъ и повалилъ съ помощью своего товарища Борзенкова на землю. При этомъ Щеплюхинъ, по его словамъ, началъ кричать, а Борзенковъ зажалъ ему ротъ съ угрозами убить его. Послѣ этого, Лобановъ изнасиловалъ Алтухову и такъ какъ она при этомъ сопротивлялась, то товарищи Лобанова держали ее. Послѣ Лобанова, несчастная Алтухова подверглась тому же отъ другихъ негодяевъ—Борзенкова, Сотникова и Лягушкина. Они принудили къ насилію и Щеплюхина. Потомъ всѣ вмѣстѣ стали пить вино, а Алтухова просила своихъ мучителей пощадить ея жизнь. Но Лобановъ ударилъ ее въ затылокъ кистенемъ, отчего Алтухова упала на землю, продолжая молить о пощадѣ; Борзенковъ же, выхвативъ изъ кармана ножъ, сначала ударилъ дѣвушку этимъ орудіемъ въ руку, а потомъ въ ротъ и такимъ образомъ прикончилъ ее».

Въ это время кучеръ Щеплюхинъ хотѣлъ уйти, но былъ задержанъ и, испугавшись угрозъ пьяной шайки, разсказалъ, какъ

совершено было убійство Алтуховой не сейчасъ, но по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, когда убійцы сами сознались въ содѣянномъ ими преступленіи.

Слѣдствіе земскаго суда такимъ образомъ нашло преступниковъ и свидѣтелей. Но приказные крючки безбожно тянули дѣло. Прошелъ цѣлый годъ, а конца слѣдствія не было. Между тѣмъ, сосѣди Ширкова стали замѣчать, что Ширковъ совсѣмъ перемѣнился. Онъ постарѣлъ на видъ, сталъ угрюмъ и раздражителенъ, не смотря на то, что если гибель Алтуховой набросила на него какую-либо тѣнь, то услужливый земскій судъ отогналъ ее далеко-далеко... Какъ нарочно, въ тѣ годы, когда велось слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Алтуховой, льговскій земскій судъ состоялъ изъ весьма неблагонадежныхъ людей. Засѣдатель, по словамъ знавшихъ его, былъ человѣкъ «пристрастный къ пьянству», другой засѣдатель былъ «не лучшихъ качествъ...» Стряпчій былъ преданъ Ширкову «душой и тѣломъ». Вслѣдствіе этого, земскій судъ нѣкоторыхъ изъ сосѣдей Ширкова (однодворцевъ), которые не согласились быть лжесвидѣтелями, выслалъ въ Курскъ якобы по требованію курской полиціи съ тѣмъ, чтобы они изъ Курска никуда не отлучались...

Ширкову удалось, кромѣ своихъ крестьянъ и однодворцевъ, найти свидѣтельницу въ свою пользу въ бѣдной усадьбѣ несчастной старухи Алтуховой, именно женщину Ирину. Впослѣдствіи эта женщина чистосердечно созналась, что Ширковъ подкупилъ ее и просилъ показать на судѣ, что ея деверь Захаръ (Лобановъ) далъ ей ножъ въ то утро, когда найдена была убитой барышня Алтухова, при этомъ будто бы сказалъ:

— Этотъ ножъ ночью поработалъ.

«Будучи въ земскомъ судѣ, — разсказываетъ Ирина, — я хотя и пьяна была, однако же не рѣшалась сказать такъ, какъ научилъ меня Ширковъ. Но когда меня судьи спросили:—«Есть ли у тебя ножъ?» я отвѣчала:—«есть...» Стряпчій началъ спрашивать:—«Гдѣ ножъ лежитъ?» Я сказала. Судьи отправились за ножемъ и взяли его. Потомъ написали то, что̀ имъ говорилъ Ширковъ. Во время допроса были пьяны секретарь суда, стряпчій и судьи, а напились они у Ширкова, который былъ при допросѣ и научалъ тутъ же допрашиваемыхъ, что̀ имъ говорить».

Разумѣется, предосудительныя дѣйствія и поступки Ширкова, были вызваны желаніемъ спасти себя отъ рукъ правосудія; но и вообще темныя дѣянія были въ характерѣ этого человѣка... Натура Ширкова была испорчена и нравственно исковеркана «съ младыхъ ногтей». Ширковъ остался сиротою послѣ отца 5-ти и послѣ матери 12-ти лѣтъ. 14-ти лѣтъ отъ роду онъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно и началъ самъ распоряжаться своимъ имѣніемъ. Будучи почти еще мальчикомъ, Ширковъ изъ села уѣхалъ

въ Москву, гдѣ, по словамъ его, находился въ вихрѣ буйной разгульной жизни и увлекался чтеніемъ романовъ. Служить онъ не захотѣлъ. Въ Москвѣ Ширковъ, между прочимъ, состроилъ такую штуку:—набралъ у купцовъ въ долгъ значительное число товаровъ и, занимая направо и налѣво деньги, надавалъ закладныхъ и обязательствъ на 36,400 руб. Потомъ отрекся отъ платежа, ссылаясь на свое несовершеннолѣтіе, и поэтому всѣ долги Ширкова, на основаніи законовъ, были въ 1805 году гражданскою палатою признаны недѣйствительными.. Проживая у себя въ деревнѣ, Ширковъ велъ самую распутную жизнь.

Въ 1807 году, онъ полюбилъ дочь одного почтеннаго и уважаемаго сосѣдями помѣщика Льговскаго уѣзда. Онъ вздумалъ на ней жениться, не смотря на то, что былъ уже женатъ. Ему это было нипочемъ. Своей женѣ онъ предложилъ разводъ за 300 душъ крестьянъ... И однажды, когда отецъ дѣвушки, въ которую влюбился Ширковъ, не ожидалъ къ себѣ сватовства, отъ Ширкова появились сваты съ предложеніемъ выдать дочь... Разумѣется, почтенный помѣщикъ оскорбился и даже хотѣлъ отомстить. Но Ширковъ испугался и просилъ прощенія у оскорбленнаго, объяснивъ свой поступокъ пьянствомъ... А пьянству онъ предавался безъ мѣры и удержу.

Однажды Ширковъ проѣзжалъ возлѣ лѣса. Былъ праздникъ. Въ лѣсу было много женщинъ и дѣвушекъ изъ имѣнія сосѣдняго помѣщика. Среди нихъ находились и двѣ дочери помѣщика. Ширковъ велѣлъ ватагѣ своей челяди броситься на крестьянокъ и барышень и всѣхъ ихъ обнажить. Приказаніе было исполнено. И гулявшія по лѣсу должны были нагишомъ пройти до ближайшаго жилья верстъ пять. Разсердившійся сосѣдъ Ширкова подалъ на него жалобу въ уѣздный судъ; но дѣло какъ поступило, такъ и легло подъ сукно... Судейскіе чины всегда выручали Ширкова; въ одномъ только отношеніи они были непокладисты, — не спѣшили привести слѣдствіе къ концу. Закончить его—значило выпустить изъ рукъ лакомый кусокъ. Ширкова доили, какъ корову. Въ годъ убійства Алтуховой, у Ширкова гостилъ совѣтникъ губернскаго правленія, Копецкій; въ 1814 году «немалое время» провелъ въ ширковской усадьбѣ совѣтникъ Гавриловъ. Наѣзжалъ въ Луново членъ курской врачебной управы, имѣлъ ночлегъ у Ширкова и «былъ», по словамъ одного изъ слѣдственныхъ документовъ, «до того потчиваемъ и угощаемъ, что не только, чтобъ могъ дѣлать свидѣтельство, но и едва ли онъ хорошо видѣлъ что́-нибудь».

Былъ въ исходѣ 1815-й годъ. Ширковъ томился. Дѣло о смерти Алтуховой и не думали кончать въ земскомъ судѣ. Мать убитой подавала жалобы губернатору на неправильное веденіе слѣдствія. Кромѣ того, послѣ роковой ночи 28 мая 1813 года, камердинеръ Ширкова, Филипповъ сдѣлался бариномъ. Въ барскомъ домѣ для

камердинера были отведены особые покои, ширковскіе крѣпостные прислуживали недавнему лакею. Прихоти камердинера безпрекословно исполнялись Ширковымъ. Этотъ послѣдній подарилъ Филиппову экипажъ и лошадей, въ которыхъ тотъ и ѣздилъ по деревнямъ и пріѣзжалъ въ Курскъ, гдѣ кутилъ неизвѣстно на чьи деньги. Заживши по-барски, Филипповъ возымѣлъ страсть къ охотѣ. Ширковъ поспѣшилъ купить ему верховую лошадь, потому-что изъ тѣхъ, которыя были въ усадьбѣ, Филиппову не нравилась ни одна. Онъ съ борзыми и гончими, съ ширковскими охотниками и доѣзжачими носился на конѣ въ льговскихъ лѣсахъ. Гордый самодуръ Ширковъ преклонялся передъ своимъ крѣпостнымъ человѣкомъ и, скрѣпя сердце, потакалъ ему. Но, разумѣется, на сердцѣ Ширкова было смутно, тяжело и безпокойно. Завѣтной мечтой его стало: поскорѣе развязаться съ настоящимъ положеніемъ вещей и отдѣлаться отъ мучительнаго нравственнаго кошмара во что̀ бы то ни стало. Для этой цѣли Ширковъ рѣшился на такой шагъ, который, по его собственнымъ словамъ, былъ имъ сдѣланъ послѣ долгихъ колебаній, сомнѣній и раздумья...

II.

Въ концѣ 1815 года, жена Ширкова подала министру полиціи и главнокомандующему въ Петербургѣ, генералу Вязьмитинову, прошеніе, въ которомъ жаловалась на медленность въ производствѣ дѣла объ убійствѣ Алтуховой и на то, что мужу ея со стороны администраціи дѣлаются «притѣсненія и отягощенія...» Въ заключеніе своей жалобы, жена Ширкова просила для дополненія производимаго льговскимъ земскимъ судомъ слѣдствія и окончанія его командировать на мѣсто происшествія чиновника министерства полиціи.

Просьба Ширковой была удовлетворена безъ затрудненій. Главнокомандующій Вязьмитиновъ послалъ въ Курскую губернію чиновника Геттуна, которому было предписано «увидѣть весь ходъ дѣла объ убійствѣ Алтуховой и положеніе его, и разобрать, не откроются ли вновь какія-либо обстоятельства дѣла?»

Геттунъ находился въ командировкѣ два мѣсяца и, возвратившись въ Петербургъ, представилъ докладъ министру полиціи, въ которомъ описалъ свои дѣйствія и сдѣлалъ свои выводы относительно совершенія преступленія и виновниковъ его. Изъ сообщенія Геттуна мы извлечемъ важнѣйшія данныя для продолженія исторіи ширковскаго дѣла.

Прежде всего Геттуну показались, какъ онъ самъ говоритъ, показанія подсудимыхъ въ высшей степени противорѣчащими одно другому, неправдоподобными и съ обстоятельствами дѣла несходными. Это вводило судъ въ безполезную и нескончаемую пере-

писку. Геттунъ отвергъ предположеніе о томъ, что Алтухова сама застрѣлилась. «Ей, — говоритъ въ своемъ докладѣ Геттунъ, — неудобно было во время быстрой ѣзды такъ ловко направить выстрѣлъ, чтобы пуля попала въ ротъ». Точно также Геттунъ категорически отвергъ возможность умерщвленія Алтуховой Ширковымъ, при содѣйствіи камердинера, на томъ основаніи, что свидѣтели, два ширковскихъ крестьянина, видѣли Марію Алтухову въ 150 саженяхъ отъ усадьбы своего барина живою на дрожкахъ, которыми правилъ кучеръ Щеплюхинъ. Геттунъ вскорѣ по прибытіи своемъ во Льговъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, съ чиновниками уѣзднаго суда пошелъ въ городскую тюрьму. Здѣсь ему признались добровольно кучеръ Ширкова Щеплюхинъ, Борзенковъ и Лобановъ въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой, такъ что Геттунъ, руководствуясь показаніями подсудимыхъ, свидѣтелей и производствомъ дѣла, нарисовалъ слѣдующую картину гибели Алтуховой.

Былъ вечеръ 28-го мая... Мать и дядя Алтуховой уѣхали въ Курскъ. Она оставалась въ домѣ одна и послала къ Ширкову записочку, написанную карандашемъ. Ширковъ сидѣлъ за ужиномъ, когда слуга поднесъ ему клочокъ бумажки. На ней значилось слѣдующее:

«*Я не знаю, пришлете ли за мною или нѣтъ? Я писала, чтобъ вы сами пріѣхали поговорить. Какъ мнѣ узнать, когда вы пришлете? Я вчера не спала. Пришли пораньше, въ двѣнадцатомъ часу. Поскорѣй пришли!*»

Послѣ ужина Ширковъ послалъ въ деревню Соломину за дѣвицей Алтуховой[1]) камердинера своего Филиппова съ кучеромъ Щеплюхинымъ въ дрожкахъ, запряженныхъ парою лошадей, приказавъ проѣхать мимо дома Алтуховыхъ къ парому на рѣкѣ Сеймѣ, съ колокольчиками подъ дугою лошади. Звонъ колокольчиковъ былъ условный знакъ, по которому Алтухова вышла изъ дома отца своего и поѣхала на присланномъ экипажѣ въ село Луново къ Ширкову. Пріѣхавши къ дому, остановились у воротъ. Марія Алтухова съ камердинеромъ пошла на заднее крыльцо къ Ширкову. Въ его спальнѣ она пробыла около часа и вышла оттуда во второмъ часу ночи вмѣстѣ съ Ширковымъ въ переднюю, гдѣ находились его камердинеръ и кучеръ, и Ширковъ приказалъ одному только кучеру своему отвезти Алтухову домой въ деревню Соломину.

Что дѣвица Алтухова поѣхала съ кучеромъ въ деревню Соломину,—говоритъ Геттунъ,—это видѣли поваръ Ширкова и его дворовый человѣкъ Козловскій. Затѣмъ Ширковъ, приказавъ камердинеру своему остановить дрожки на дорогѣ у моста, подошелъ къ плетню и говорилъ черезъ него съ Алтуховой. Послѣ этого она

---

[1]) Читатель не долженъ забывать, что здѣсь передается разсказъ Геттуна.

отправилась на дрожкахъ домой, а Ширковъ съ камердинеромъ легли спать въ одной комнатѣ.

О чемъ же разговаривалъ Ширковъ съ своей крестной дочерью?

По его словамъ, онъ уговаривалъ увлекшуюся имъ дѣвушку перестать питать къ нему страстную любовь, потому что онъ женатъ и не можетъ на ней жениться, совѣтовалъ ей выйти замужъ и обѣщалъ ей пріискать хорошаго жениха.

Черезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда Алтуховой, возвратился кучеръ Щеплюхинъ и разсказалъ Ширкову о томъ, какъ была на дорогѣ убита Марія Алтухова. Ширковъ, разбудивши свою жену, спавшую въ отдѣльной комнатѣ, сказалъ ей о случившемся. Потомъ послалъ на мѣсто происшествія крестьянина своего Ткачева, посмотрѣть, не жива ли еще Алтухова. Ткачевъ, возвратившись, сказалъ своему барину о томъ, что онъ издали при лунномъ свѣтѣ видѣлъ лежавшую возлѣ дороги дѣвицу Алтухову, но близко къ ней не осмѣлился подойти, опасаясь, чтобы кто-либо не заподозрилъ его въ совершеніи преступленія. Тогда Ширковъ приказалъ своимъ кучеру и камердинеру ѣхать въ Курскъ за докторомъ, чтобы подать помощь Алтуховой. Затѣмъ Ширковъ отправилъ заявленіе въ Льговскій земскій судъ о совершившемся событіи. Судъ на другой день выѣхалъ на мѣсто происшествія и произведено было при этомъ освидѣтельствованіе и осмотръ трупа убитой. Курская врачебная управа, получивъ копію съ медицинскаго свидѣльства отъ льговскаго лекаря Брунса и видя, что Брунсъ, описавъ всѣ наружные и внутренніе знаки на тѣлѣ, не вывелъ заключенія о причинѣ смерти Алтуховой, предписала Брунсу дополнить свидѣтельство указаніемъ, отчего именно послѣдовала смерть Алтуховой. Дополненіе было сдѣлано въ томъ смыслѣ, что Алтухова была убита острымъ холоднымъ оружіемъ.

Выше мы сказали, что Геттунъ вполнѣ согласился съ земскимъ судомъ въ вопросѣ о томъ, кто убилъ Алтухову. Пьяная шайка, бродившая на большой дорогѣ, не замышляя кроваваго злодѣйства, случайно совершила его. Добытые Ширковымъ свидѣтели, передъ Геттуномъ съ присягой и увѣщаніями заявили, что они будто бы слышали объ убійствѣ Алтуховой именно четырьмя лицами, бродившими возлѣ деревни Соломиной. Геттунъ со всѣми подробностями передалъ свидѣтельскія показанія въ докладѣ министру полиціи. Свидѣтелями были большею частью крестьяне Ширкова, Алтуховой и сосѣдей-помѣщиковъ. Они говорили о дѣйствіяхъ и поступкахъ Борзенкова, Лобанова и Щеплюхина quasi-убійцъ Маріи Алтуховой утромъ 29-го мая 1813 года.

По мнѣнію Геттуна, онъ нашелъ нить въ ширковскомъ дѣлѣ и установилъ, что убійцы Алтуховой, каждый отдѣльно, были озлоблены противъ Алтуховой и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, удовлетворили своей злобѣ. Кучеръ Щеплюхинъ, — говоритъ Гет-

тунъ,—имѣлъ злобу на дѣвицу Алтухову за то, будто бы, что онъ, по оговору покойной, былъ наказанъ за пьянство. Лобановъ также злился на Алтухову за то, что она била по щекамъ свою служанку Ковардину, любовницу Лобанова. Когда эта послѣдняя пожаловалась Лобанову, онъ сказалъ:

— Ну, мы все это воротимъ, мы напрядемъ ей на кривое веретено.

Лобановъ, по дознанію Геттуна, и прежде имѣлъ съ Щеплюхинымъ тайные переговоры. Борзенковъ же побужденъ былъ къ преступленію желаніемъ удовлетворить своей страсти.

Такимъ образомъ, Геттунъ привезъ въ Петербургъ изслѣдованіе, которое вполнѣ обѣляло Ширкова. Фактъ убійства пьяной шайкой Геттунъ выставилъ безусловно вѣрнымъ, не допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ одномъ мѣстѣ своего доклада Геттунъ коснулся предположенія объ убійствѣ Алтуховой Ширковымъ, о чемъ въ Льговскомъ уѣздѣ держались упорные слухи, но категорически отвергъ его. «Ширкову,—утверждалъ Геттунъ,—съ его камердинеромъ невозможно было умертвить Марію Алтухову, перенести ея трупъ на дрожки и посадивши на нихъ отправить, при чемъ трупъ придерживалъ бы только одинъ камердинеръ Филипповъ, которому въ 1813 году было съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Кромѣ того, въ саду у плетня, гдѣ бы Ширковъ могъ убить свою жертву, не найдено было слѣдовъ крови или другихъ какихъ-либо признаковъ убійства»...

Слѣдствіе Геттуна дало возможность Ширкову вздохнуть свободно. Дѣло его было направлено въ уголовную палату и льговскіе судейскіе чиновники отстали отъ него. Чего же было лучше, когда петербургскій довѣренный слѣдователь министерства полиціи совершенно выгородилъ Ширкова изъ судебнаго дѣла и въ благопріятномъ для него смыслѣ сдѣлалъ представленіе самому министру полиціи... Ширковъ былъ доволенъ, но мать убитой дѣвушки не мирилась съ дѣйствіями Геттуна. Она лично просила петербургскаго чиновника о томъ, чтобы онъ, по самой сущей справедливости, постарался раскрыть всю истину дѣла. Геттунъ на это, по словамъ матери Алтуховой, отвѣчалъ:

— Я для того и присланъ!

— Я—говоритъ Алтухова, ожидала этого съ довѣріемъ и уповая на провосудіе, которое всегда бываетъ подкрѣпляемо божескими законами, но вскорѣ къ пущей горести своей узнала, что г. Геттунъ повелъ дѣло особымъ одностороннимъ образомъ и нѣсколько разъ допрашивалъ только человѣка нашего Лобанова и съ большою заботливостью домогался отъ него признанія и даже на него была наложена цѣпь. Къ тому же и дворовая женщина наша Прасковья Ковардина была истребована льговскимъ земскимъ судомъ и представлена къ Геттуну, а потомъ, будучи беременною, содер-

жалась въ тюрьмѣ въ колодкахъ. Затѣмъ однажды, не знаю почему, приходятъ къ намъ г. Геттунъ съ исправникомъ и засѣдателями и при нихъ человѣкъ до ста стороннихъ людей. Геттунъ поразилъ меня, сказавши, что имъ у насъ надо сдѣлать обыскъ и чтобы я велѣла сказать, гдѣ у насъ находится конопляный мякинникъ.

— Для чего онъ вамъ нуженъ?—спросила я.

— Человѣкъ вашъ Лобановъ,—отвѣчалъ мнѣ Геттунъ,—признавался, что въ мякинникѣ зарыта окровавленная рубашка и золотое кольцо покойной дочери вашей.

— Дочь моя, возражала я, уже третій годъ какъ убита, а мякинникъ у насъ сдѣланъ только прошедшею осенью, а до того времени у насъ никогда не было обыкновенія беречь мякину. Я только недавно узнала, что конопляная мякина нужна въ хозяйствѣ для птицы.

Геттунъ настаивалъ. Я приказала человѣку своему показать тотъ шалашикъ, гдѣ у насъ мякина; туда и пошли всѣ слѣдователи съ понятыми, искали—чего, не знаю, рыли всюду, вокругъ всего хлѣбника и возвратились съ обыска къ намъ въ домъ.

Я спросила:

— Что нашли?

Геттунъ отвѣчалъ:

— Ничего не нашли.

Тогда я стала настаивать на томъ, что не у насъ, а въ иной усадьбѣ надо искать злодѣевъ. А Геттунъ, понявши слова мои, сказалъ:

— Ширковъ не виноватъ. Это четыре человѣка убили вашу дочь. Они и сознались въ томъ.

«И всѣ изреченія Геттуна, говоритъ Алтухова, клонились въ пользу Ширкова».

Несчастная мать во время слѣдствія земскаго суда и переслѣдованія министерскаго чиновника доказывала кому слѣдуетъ, что дочь ея погибла отъ руки Ширкова, но всѣ ея доводы, по ея словамъ, «были никѣмъ не внемлемы, а Ширковъ со своимъ большимъ состояніемъ успѣвалъ во всѣхъ предпріятіяхъ для закрытія своего преступленія». Алтухова ссылалась для обвиненія Ширкова на рѣчи своихъ сосѣдей и молву народную... «У меня, говорила она, бывали въ домѣ дьячекъ Николай, другой дьячекъ—Алексѣй, отецъ ихъ Иванъ. Они говорили:

— Намъ извѣстно, да и всѣмъ тоже, какъ Ширковъ надъ дочерью вашею наругался и какъ она, вырвавшись изъ рукъ его, ушла было; но ширковскій камердинеръ поймалъ ее. Тогда Ширковъ въ изступленіи приказалъ камердинеру стрѣлять по ней изъ ружья. Тотъ отказался. Ширковъ въ неистовомъ азартѣ бросился на камердинера, выхватилъ изъ его рукъ ружье и ударилъ не-

послушнаго слугу въ грудь. А потомъ взялся мучить несчастную дочь вашу.

— Я, говоритъ Алтухова, эти слова отъ нихъ слышала и въ томъ свидѣтельствуюсь Богомъ и отдаю имъ самимъ всѣ слова, мною указанныя на очистительную присягу. А въ случаѣ отпирательства говорившихъ, я принимаю ее на себя.

Не успѣлъ министръ полиціи получить геттуновскаго доклада о произведенномъ имъ разслѣдованіи, какъ къ нему была прислана просьба Алтуховой, въ которой горячо было высказано подозрѣніе на Ширкова—какъ убійцу ея дочери. Тогда министръ полиціи счелъ самымъ лучшимъ всѣ полученныя имъ свѣдѣнія объ убійствѣ Маріи Алтуховой передать въ министерство юстиціи. Изъ этихъ свѣдѣній заслуживала вниманія записка матери Алтуховой, въ которой объясняется, по ея мнѣнію, истинная причина убійства ея дочери Ширковымъ. «Онъ любилъ мою дочь, — говоритъ Алтухова, часто тайнымъ образомъ посылалъ за нею и увозилъ ее къ себѣ. Потомъ онъ узналъ о томъ, что сосѣдній помѣщикъ Полковъ очень любитъ Марію и желаетъ на ней жениться. Ширковъ имѣлъ случай перехватить записочку отъ Маріи къ Полкову и случай этотъ возродилъ въ сердцѣ Ширкова ревность и негодованіе, которыя и довели дѣло до трагической развязки. О ревности знала и жена Ширкова и брала съ мужа клятву въ томъ, что онъ исправится; но клятва эта имъ была нарушена. Я предполагаю насильственный увозъ моей дочери къ Ширкову. Она, раздѣвшись, легла спать, платье ея было найдено близь постели; не было ни малѣйшихъ причинъ, которыя могли бы препятствовать ей, если бы она пожелала добровольно ѣхать, надѣть платье; безъ него, въ одной сорочкѣ, накинувъ на плечи коротенькую шубку, не могла моя дочь ѣхать въ домъ своего сосѣда; такой безстыдной наглости не могло быть»...

Изъ имѣвшихся у насъ подъ руками документовъ не видно, какія особыя распоряженія по такъ называемому «Ширковскому дѣлу» дѣлало министерство юстиціи. Въ 1816 году курскій уѣздный судъ рѣшилъ дѣло объ убійствѣ Алтуховой.

Резолюція суда гласила:

«Щеплюхина, яко убійцу и лишителя живота невинной, обвинить и наказавъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, поставить на лбу штемпельные знаки и сослать въ каторжныя работы на вѣчныя времена.

«Губернскаго секретаря Ширкова и камердинера его Филиппова отъ суда и слѣдствія освободить.

«Крестьянъ: Борзенкова, Лобанова и Лягушкина, на основаніи узаконеній воинскаго процесса, который говоритъ: «лучше десять винныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приго-

ворить» считать отъ суда и слѣдствія свободными и возвратить ихъ господамъ.

Такъ рѣшилъ уѣздный судъ. Но, разумѣется, столь важное дѣло, какъ ширковское, не могло закончиться лишь въ уѣздномъ судѣ. Перешло оно въ курскую палату уголовнаго суда. Здѣсь оно производилось въ теченіе болѣе, чѣмъ двухъ лѣтъ. Не будемъ утомлять читателей подробностями дореформеннаго судопроизводства. Отмѣтимъ только то обстоятельство, что палата взглянула на дѣло иначе и измѣнила рѣшеніе уѣзднаго суда: именно оправданныхъ въ первой судебной инстанціи: Лобанова, Борзенкова и Лягушкина она, не задумавшись, признала виновными въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой и присудила къ жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ и ссылкѣ въ каторжныя работы въ Сибирь. Вслѣдъ за этимъ дѣло объ убійствѣ Алтуховой было отправлено на ревизію въ сенатъ, который согласился съ мнѣніемъ уголовной палаты. Такъ какъ старуха Алтухова продолжала заявлять о своемъ подозрѣніи на Ширкова, то сенатское рѣшеніе не было признано окончательнымъ. Вновь «Ширковское» дѣло разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ и этимъ высшимъ учрежденіемъ уже въ послѣдней инстанціи было санкціонировано. Ширковъ, «по неясности обстоятельствъ», какъ было сказано въ постановленіи государственнаго совѣта, былъ освобожденъ отъ наказанія.

Щеплюхинъ, Борзенковъ, Лобановъ и Лягушкинъ были подвергнуты наложенному на нихъ наказанію: въ Курскѣ на торговой площади высѣчены кнутомъ и клеймены; ноздри у нихъ были вырѣзаны и всѣ четверо отправлены въ каторжныя работы. Совершилось это въ 1819 году. Разумѣется, Ширковъ былъ доволенъ благополучнымъ для него исходомъ дѣла, перевершенія котораго нельзя было и ожидать.

Но огромная сумма денегъ была употреблена Ширковымъ для того, чтобы выйти сухимъ изъ воды. До роковой ночи 28 мая 1813 года Ширковъ, не смотря на то, что жилъ открыто и роскошно, не имѣлъ долговъ; но начиная со второй половины 1813 года, произошло нѣчто поразительное. Въ этомъ году у Ширкова считалось въ Курской губерніи 4,234 десятины земли и въ Смоленской—142, крѣпостныхъ людей 532 человѣка. 25 августа 1813 года онъ заложилъ 200 десятинъ земли за 8,000 руб.; въ ноябрѣ взялъ въ долгъ 10,000 руб. Въ 1814 году онъ занялъ 16,000 руб. у частныхъ лицъ. Въ 1815 году, когда дѣло объ убійствѣ Алтуховой было въ самомъ разгарѣ, Ширковъ занялъ огромную сумму—57,000 руб. подъ заемныя письма и 60,000 руб. подъ закладныя, стало быть, всего 117,000 руб. Въ 1816 году Ширковымъ у разныхъ лицъ было занято 58,000 руб., а въ 1818—36,000 руб. и въ 1819—102,000 руб. Кромѣ того, въ 1815 году Ширковъ продалъ 250 десятинъ земли, въ 1816—нѣсколько десятковъ крестьянъ и

до 300 десятинъ земли; въ 1817, 1818 и 1819 годахъ Ширковъ также продавалъ куски своего имѣнія и всего продалъ на 42,050 рублей.

По несомнѣннымъ документамъ было совершенно точно установлено, что до начала дѣла отъ убійствѣ Маріи Алтуховой и по окончаніи этого дѣла не только такихъ, но и гораздо меньшихъ суммъ Ширкову не нужно было добывать и онъ ихъ и не старался добыть.

Куда Ширковъ употребилъ деньги, забранныя имъ въ періодъ производства судебнаго дѣла, къ которому онъ оказался прикосновеннымъ, объ этомъ онъ ничего не могъ сказать и не далъ надлежащаго отчета. Ясно было, что деньги, добытыя Ширковымъ, пошли по чужимъ карманамъ; но по чьимъ именно, осталось неизвѣстнымъ.

По окончаніи дѣла объ Алтуховой и послѣ конфирмаціи приговора, Ширковъ, къ удивленію курянъ, уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ занялъ довольно видную должность въ штатѣ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа М. А. Милорадовича. Кто же его опредѣлилъ? спрашивали куряне. Отвѣтъ былъ такой: Геттунъ. Этотъ бывшій слѣдователь по Ширковскому дѣлу въ 1819 году занялъ постъ правителя генералъ-губернаторской канцеляріи и порадѣлъ Ширкову. Курскій самодуръ сдѣлался чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Почему именно Ширкову вздумалось служить въ Петербургѣ—трудно сказать.

III.

Въ холодное зимнее время 1820 года несчастная старуха Алтухова пѣшкомъ пришла изъ Льговскаго уѣзда въ Петербургъ. Здѣсь она подала министру внутреннихъ дѣлъ просьбу, въ которой требовала мщенія обѣлившему себя Ширкову въ такихъ выраженіяхъ:

«Кровь дочери моей вопіетъ на небо, вопіетъ къ законамъ, вопіетъ къ правосудію, вопіетъ и къ сердцу вашему, сіятельнѣйшій князь.

«Я пришла изъ Курска въ Петербургъ, чтобы найти покровительство себѣ и крови дочери моей. Въ особѣ вашей я имѣю надежду, потому что внушено мнѣ еще на мѣстѣ о вашемъ великодушіи и правотѣ.

«Дочь моя убита моимъ богатымъ сосѣдомъ, отцомъ ея крестнымъ, губернскимъ секретаремъ Ѳедоромъ Ширковымъ. Государственный совѣтъ не могъ его обвинить по признанной сенатомъ запутанности въ дѣлѣ, и неправда теперь торжествуетъ. Но Провидѣніе, какъ видно, предопредѣлило Ширкову обличеніе, открывъ нынѣ связь его съ изслѣдовавшимъ дѣло о немъ чиновни-

комъ Геттуномъ, который, сдѣлавшись правителемъ канцеляріи г. санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора, опредѣлилъ и убійцу моей дочери. Обстоятельство сіе подаетъ достаточную причину къ пересмотру произведеннаго г. Геттуномъ слѣдствія объ убійствѣ дочери моей.

«Сіятельнѣйшій князь! именемъ правосудія и душевной правоты вашей умоляю васъ вступиться за кровь дочери моей. Ширковъ для того опредѣлился къ военному генералъ-губернатору въ столицѣ, чтобы усилить себя въ средствахъ для отклоненія возникающихъ случаевъ къ изобличенію его въ убійствѣ дочери моей. Не отвергните, безпристрастный князь, вопіющей къ вамъ крови дочери моей и слезъ моихъ».

Въ то же время Алтухова была допущена къ императору Александру I и, упавъ къ ногамъ его, подала всеподданнѣйшую просьбу. Она повторяетъ мысли, высказанныя въ прошеніи къ министру и заканчиваетъ такъ:

«Всемилостивѣйшій Государь, образъ Божій! внемли моему прибѣжищу къ тебѣ, да кровь дочери моей найдетъ въ тебѣ правосудіе и я, несчастная мать, изъята буду твоимъ покровительствомъ отъ гоненій врага для меня сильнаго».

Александръ I повелѣлъ главноуправляющему канцеляріей его величества Муравьеву сдѣлать запросъ курскому губернатору «о поведеніи и образѣ жизни Ширкова, а равно и о томъ, какое онъ имѣетъ состояніе». Губернаторъ немедленно отвѣчалъ: «Ширковъ поведенія непостояннаго, навязчиваго и склоннаго къ сутяжничеству. Образъ его жизни—предосудителенъ. По наслѣдству ему досталось прекрасное состояніе, но въ настоящее время оно прожито».

Между тѣмъ, Алтухова, въ дополненіе къ своей просьбѣ подала министру внутреннихъ дѣлъ сообщеніе такого содержанія:

«Я называю Ширкова убійцею дочери своей по внушенію своего сердца и по всѣмъ свѣдѣніямъ. Хотя дѣло и рѣшено, но займы очень большихъ денегъ и связь его съ Геттуномъ до нынѣ не были извѣстны правительству и по сему новому обстоятельству я прошу пересмотрѣть дѣло для открытія убійцы отъ суда и законовъ скрывавшагося. Ширковъ не остановился на томъ, что убилъ мою дочь, разорилъ меня, вслѣдствіе сосѣдства нашего. Судиться съ нимъ, по своей великой бѣдности, я не могу».

Разсказываютъ, что императоръ Александръ I самъ не могъ удержаться отъ слезъ, когда несчастная обездоленная мать рыдая валялась въ ногахъ его. Вскорѣ послѣ подачи Алтуховой всеподданнѣйшаго прошенія, къ курскому губернатору послѣдовалъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

«Съ 1813 года производилось дѣло о смертоубійствѣ дочери, Курской губерніи, Льговскаго уѣзда, дворянки Алтуховой, по которому былъ обвиняемъ губернскій секретарь Ширковъ. Дѣло сіе,

преходя всѣ инстанціи, разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ, коимъ утверждено рѣшеніе сената, освободившаго, по неясности обстоятельствъ, Ширкова отъ наказанія. Нынѣ мать дѣвицы Алтуховой, свѣдавъ, что Ширковъ опредѣленъ здѣсь на службу, посредствомъ участія чиновника, слѣдствіе производившаго, подала просьбу, коею она утверждаетъ, что слѣдствіе сіе было сдѣлано пристрастно, и проситъ покровительства.

«Обративъ вниманіе на сіе примѣрное жестокостію происшествіе и признавая непремѣнною обязанностью правительства не оставлять ничего въ сомнѣніи, что къ оному относиться можетъ я желаю, чтобы вы употребили всевозможныя средства къ открытію истины, и вслѣдствіе того поручаю вамъ:

«1) Для произведенія новаго изслѣдованія вы составите комиссію изъ васъ и двухъ почетнѣйшихъ чиновниковъ, наблюдая, чтобы сіи послѣдніе не имѣли прежде въ семъ дѣлѣ участія, по сужденію онаго или по слѣдствіямъ.

«2) Комиссія, такимъ образомъ составленная, подъ предсѣдательствомъ вашимъ отправится на мѣсто и тамъ приступитъ немедленно, имѣя въ виду все прежнее производство, къ новому изслѣдованію. Въ семъ, конечно, встрѣтятся немалыя затрудненія по немалому протеченію времени, но обязанностію вашею будетъ стараться преодолѣть оныя.

«3) Если по теченію слѣдствія признаете вы нужнымъ возвратить изъ Сибири сосланныхъ по приговору уголовной палаты людей, какъ участниковъ въ смертоубійствѣ дѣвицы Алтуховой, то о присылкѣ оныхъ вы не оставите отнестись къ иркутскому гражданскому губернатору, который о доставленіи преступниковъ съ нарочнымъ получитъ надлежащее предписаніе.

«4) Какъ обвиняемый въ убійствѣ Алтуховой Ширковъ находится въ имѣніи своемъ и тамъ, по связямъ своимъ и богатству, можетъ содѣйствовать къ сокрытію истины, то вы, призвавъ его въ Курскъ, имѣете объявить ему, чтобы онъ отправился немедленно въ Тверь и тамъ остался до повелѣнія; по отъѣздѣ же его приступите къ слѣдствію.

«5) Дворянка Алтухова, мать убитой, показываетъ, что Ширковъ употребилъ немалыя суммы во время слѣдствія и суда для удаленія отъ себя обвиненія, и что въ семъ удостовѣриться можно посредствомъ долговыхъ его обязательствъ во время подсудимости его заключенныхъ.

«Вы не оставите по показанію сему обратить вниманіе, разсмотрѣвъ:

«а) Въ чемъ состояло недвижимое имѣніе Ширкова до случившагося смертоубійства.

«б) Сколько недвижимаго имѣнія у него нынѣ находится.

«в) Были ли имъ учинены въ теченіе этого времени какія-либо продажи и кому именно.

«г) Какіе были на имѣніи его до 1813 года долги и какіе нынѣ существуютъ.

«д) Какіе долговые акты совершены были имъ въ продолженіе производства дѣла его. Всѣ свѣдѣнія сіи могутъ служить при слѣдствіи вашемъ къ открытію истины. Управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ приказалъ я препроводить къ вамъ просьбу дворянки Алтуховой къ министру юстиціи поступившую и на усмотрѣніе мое представленную, равно какъ и всѣ свѣдѣнія по дѣлу въ бывшемъ министерствѣ полиціи находящемся.

«Возлагая на васъ порученіе вышеизъясненное, я вамъ даю новый знакъ довѣренности моей, надѣясь, что вы оправдате оную, доставя мнѣ средство удостовѣриться, дѣйствительно ли виновные понесли наказаніе, или правосудіе должно, къ сожалѣнію, обратиться на другихъ преступниковъ. Александръ».

Вслѣдъ за рескриптомъ императора, курскій губернаторъ Кожуховъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ сообщеніе, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что Высочайше повелѣно—сосланныхъ по дѣлу Ширкова крестьянъ въ Сибирь—возвратить обратно. Затѣмъ министръ указалъ губернатору на непремѣнную волю государя, чтобы новая слѣдственная комиссія обратила вниманіе на камердинера Ширкова, который ѣздилъ за дѣвицей Алтуховою: такъ какъ камердинеръ есть такое лицо, чрезъ котораго, говоритъ министръ, всего удобнѣе открыть истину и поэтому государь-императоръ признаетъ нужнымъ, чтобы камердинеръ былъ задержанъ и ему пресѣчена возможность войти въ какія бы то ни было сношенія съ Ширковымъ. Кромѣ того, графъ Кочубей поручилъ губернатору, чтобы онъ, согласно Высочайшему повелѣнію, оградилъ мать убитой Алтуховой отъ всякихъ притѣсненій и доставилъ ей законную защиту въ спокойномъ владѣніи ея собственностью.

Такимъ образомъ, Ширковское дѣло возгорѣлось вновь. По повелѣнію Александра I-го, старуха Алтухова была отправлена въ Льговскій уѣздъ на казенный счетъ. Курскій губернаторъ поспѣшилъ выслать Ширкова въ Тверь въ сопровожденіи двухъ надежныхъ жандармовъ. Согласно распоряженію высшей власти, губернаторъ составилъ комиссію изъ двухъ дворянскихъ предводителей, которая открыла свои засѣданія въ Льговѣ, въ августѣ 1821 года. Новое слѣдствіе пошло инымъ путемъ, чѣмъ прежнее. Какъ прежде старались выгородить участіе въ убійствѣ Алтуховой Ширкова, такъ теперь обвиненіе было направлено на него. Губернаторъ Кожуховъ дѣятельно работалъ надъ преслѣдованіемъ запутаннаго дѣла. По его словамъ, новая слѣдственная комиссія дѣйствовала въ высшей степени осторожно и осмотрительно, не довѣряя даже

собственному сознанію подсудимыхъ, со стараніемъ открывая новыя показанія и провѣряя ихъ.

Результатомъ слѣдствія комиссіи была обширная записка объ убійствѣ Алтуховой, какъ оно выяснилось по новымъ разслѣдованіямъ.

«Комиссія—говорится въ этой запискѣ—истребовавъ ото всѣхъ мѣстъ прежнее объ убійствѣ Алтуховой производство, собравши всѣхъ, кого могли отыскать, бывшихъ въ ночь убійства въ домѣ Ширкова людей, какъ крѣпостныхъ его, такъ и стороннихъ, и, наконецъ, для необходимо нужныхъ соображеній, сосланныхъ въ Сибирь, достигнувъ чрезъ неоднократныя разительныя на мѣстѣ преступленія увѣщеванія того, что кучеръ, отвозившій тѣло убитой, чистосердечно раскрылъ всѣ подробности убійства, которыя впослѣдствіи подтвердилъ самъ камердинеръ Ширкова Парменъ, который былъ доведенъ до такой степени раскаянія и сознанія, что въ день Преображенія Господня, упавши въ присутствіи комиссіи на колѣни, сознался во всемъ содѣянномъ имъ. Кромѣ того, комиссія собрала подробныя свѣдѣнія о воспитаніи, нравственности, поведеніи и страстяхъ Ширкова и эти свѣдѣнія даютъ возможность рѣшительно судить, какихъ дѣяній отъ него ожидать должно было. Комиссія открыла фальшивое составленіе при слѣдствіи земскаго суда допросовъ, поставку Ширковымъ къ вымышленному оправданію своему ложныхъ свидѣтелей, которые впослѣдствіи сознались въ лжесвидѣтельствѣ; изъ этого ясно видно, что все прежде бывшее слѣдствіе заключаетъ въ себѣ не болѣе какъ одну цѣпь ложныхъ вымысловъ, ухищреній и фальшивостей.

«Ширковъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ужасной исторіи жесточайшаго убіенія шестнадцатилѣтней дѣвушки Маріи Алтуховой. Онъ любилъ ее; часто и даже по нѣсколько разъ въ день являлся къ родителямъ Алтуховой, оказывалъ ей ласки, дѣлалъ подарки. Потомъ Ширковъ сталъ ревновать свою крестницу къ помѣщику Полкову. Незадолго до 28-го мая онъ ѣздилъ съ женою въ Курскъ, отслужилъ въ монастырѣ молебенъ и далъ женѣ клятву оставить свою любовь къ Маріи Алтуховой. Но—говорится въ запискѣ комиссіи—Ширкова клятвѣ нельзя вѣрить; онъ былъ вольнодумецъ; онъ позволялъ себѣ во время обѣдни, вышедши на церковное крыльцо, курить трубку табаку.

«Въ день совершенія убійства, Ширковъ принималъ у себя гостей, сосѣднихъ помѣщиковъ. Потомъ послалъ за Алтуховой камердинера своего, котораго обыкновенно называлъ барбосомъ и кучера, котораго звалъ вороной, и велѣлъ разбудить своего музыканта Козловскаго, чтобы тотъ присмотрѣлъ за лошадьми, когда пріѣдутъ съ Алтуховой дрожки.

«Алтухову привезли. Камердинеръ повелъ ее въ домъ черезъ крыльцо, называвшееся каминнымъ, а кучеръ привязалъ къ рѣ-

шеткѣ лошадей и самъ также вошелъ въ домъ. По приводѣ Алтуховой, Ширковъ самъ выпилъ изъ большого квасного стакана водки и поднесъ камердинеру и кучеру. Тѣ выпили.

— «Пей и ты!—сказалъ онъ Алтуховой, подавая ей стаканъ.

«Алтухова отказывалась. Но Ширковъ принудилъ ее осушить стаканъ. Завязался разговоръ. Ширковъ просилъ крестницу отвезти къ себѣ въ домъ машинку [1]), которую онъ бралъ у ея дяди.

— «Дядюшка, когда возвратится изъ Курска, самъ возьметъ,— отвѣчала Алтухова.

«Затѣмъ Ширковъ увелъ Алтухову въ спальню. Чрезъ полчаса вышелъ оттуда и позвалъ изъ каминной камердинера. Тотъ вошелъ... Алтухова вскочила съ кровати...

— «Послушай, миленькій,—вскрикнула она,—что ты дѣлаешь?

«Но Ширковъ началъ ругаться. Камердинеру приказалъ совершить гнусное дѣло... Не въ первый разъ камердинеръ слышалъ отъ своего барина подобныя приказанія, и выполнилъ его. Не довольствуясь этимъ, Ширковъ потребовалъ въ спальню кучера. Когда тотъ вошелъ, несчастная дѣвушка лежала на постелѣ и рыдала... По уходѣ кучера, Ширковъ сталъ ругать Алтухову за ея отношенія къ Полкову, показывалъ ей перехваченное имъ письмо отъ нея къ Полкову. Крики и брань Ширкова все увеличивались; потомъ кучеръ и камердинеръ услышали ударъ, нанесенный Алтуховой по щекѣ... За нимъ посыпались другіе. Ширковъ выволокъ изъ спальни въ каминную комнату свою крестницу, крича:

— «Нѣтъ! ты больше ко мнѣ не пріѣдешь.

«Когда она стала было что-то говорить, то Ширковъ, разсвирѣпѣвъ такъ, что изо рта у него брызнула пѣна, схватилъ со стола тяжелый преспапье и ударилъ Алтухову въ лобъ столь сильно, что впослѣдствіи на лобной кости черепа былъ найденъ знакъ отъ удара.

«Ошеломленная дѣвушка присѣла на полъ съ закрытыми глазами.

— «Держи ее!—закричалъ страшнымъ голосомъ Ширковъ.

«Камердинеръ и кучеръ схватили Алтухову первый за плечи, другой за ноги. Ширковъ, бросившись въ спальню, схватилъ лежавшій подъ постелью трехгранный кинжалъ, подбѣжалъ къ своей крестницѣ и, намѣреваясь ее ударить въ бокъ, попалъ въ руку. Разъяренный какъ звѣрь, Ширковъ ударилъ свою жертву кинжаломъ въ ротъ и повернулъ во рту нѣсколько разъ смертоносное оружіе. Сейчасъ же схватилъ онъ свой большой саржевый платокъ, лежавшій неподалеку, приложилъ къ ранѣ отъ кинжала на

---

[1]) Въ «Запискѣ» коммиссіи сказано, что машинка эта была найдена дядей Алтуховыхъ на дорогѣ и употребляется для часового мастерства. Ширковъ бралъ ее себѣ изъ любопытства.

затылкѣ, велѣлъ камердинеру придержать, а самъ взялъ лоскутъ бумаги и всунулъ его въ ротъ убитой, потомъ завязалъ платокъ такъ, что раны на затылкѣ и лицѣ были закрыты. Потомъ посмотрѣлъ, не идетъ ли кровь, и послалъ кучера, чтобы тотъ сказалъ музыканту Козловскому идти домой. Когда кучеръ возвратился со двора, тѣло убитой еще трепетало. Ширковъ съ камердинеромъ надѣли на нее шубу, а затѣмъ онъ схватилъ убитую за одну руку, камердинеръ за другую, кучеръ за ноги и понесли ее на дрожки. Камердинеръ сѣлъ на дрожки, а Ширковъ съ кучеромъ посадили бездыханное тѣло несчастной дѣвушки къ нему на колѣни. Кучеръ сѣлъ на козла, а Ширковъ велѣлъ бросить трупъ гдѣ-либо возлѣ дома Алтуховыхъ.

«Рысью, соучастники Ширкова въѣхали на гору, а далѣе помчались еще скорѣе. Начинало свѣтать. Когда стали спускаться подъ гору къ деревнѣ Соломиной, то услышали, что кто-то ѣдетъ навстрѣчу изъ Глушковой съ колокольчиками и, поэтому испугавшись, свернули отъ проѣзжей дороги въ сторону; здѣсь, остановившись, кучеръ подскочилъ къ убитой, взялъ ее за руки и при содѣйствіи камердинера сбросилъ на землю навзничь. Камердинеръ успѣлъ схватить окровавленный платокъ. Оставить его на убитой дѣвушкѣ нельзя было, такъ какъ онъ явился бы немаловажной уликой противъ Ширкова. Второпяхъ камердинеръ зацѣпилъ платкомъ за крыло дрожекъ и окровавилъ его. Послѣ этого, кучеръ и камердинеръ ускакали въ усадьбу. Ширковъ встрѣтилъ ихъ въ сѣняхъ и спросилъ:

— «Гдѣ бросили? Никто не видѣлъ?

«Они отвѣтили на вопросы.

«Потомъ Ширковъ велѣлъ камердинеру перемѣнить платье, а кучеру надѣть другой кафтанъ, пилъ съ ними водку, научилъ кучера сказать, что Алтухова застрѣлилась... Черезъ нѣсколько времени Ширковъ съ кучеромъ подошелъ къ спальнѣ жены... Постучали. Жена немного пріотворила двери и, увидѣвши съ мужемъ кучера, чуя недоброе, спросила:

— «Что̀ вы надѣлали съ бариномъ?

«Кучеръ отвѣчалъ:

— «Барышня Алтухова сама на себя руки наложила, застрѣлилась.

— «Чортъ васъ побери! — сказала жена Ширкова и закрыла двери.

«Кучеръ изъ барскаго дома пошелъ къ дрожкамъ, возлѣ которыхъ засталъ жившаго въ конюшнѣ плѣннаго венгерца Калачея [1]), который спросилъ:

---

[1]) Нужно замѣтить, что нѣсколько изъ взятыхъ въ плѣнъ изъ наполеоновской арміи нижнихъ чиновъ были оставлены на жительство въ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ поступили въ услуженіе на разныя должности въ городахъ и помѣщичьихъ усадьбахъ.

— «Отчего это на лѣвомъ крылѣ дрожекъ кровь?

— «У меня шла кровь изъ носу,—отвѣчалъ кучеръ.

— «Куда тамъ изъ носа!—возразилъ венгерецъ,—ежели куренка зарѣзать, то и то меньше крови выйдетъ.

«Лошадей отпрягли. Калачей принесъ воды и замылъ кровь. Между тѣмъ Ширковъ послалъ кучера и камердинера въ Курскъ за докторомъ... Впрочемъ, они не доѣхали до Курска. Ширковъ послалъ вслѣдъ за ними музыканта Горбачева верхомъ и вернулъ ихъ обратно.

«Сначала—говорится въ «Запискѣ» комиссіи—Ширковъ старался разными мѣрами подтвердить свое показаніе земскому суду о томъ, что Алтухова застрѣлилась, и принималъ мѣры, чтобы подкупить доктора—показать, что смерть Алтуховой произошла отъ самоубійства. Но когда пріѣхали вмѣстѣ съ засѣдателемъ Полозовымъ члены врачебной управы, операторъ Шицъ и штабъ-лекарь Коквинскій, и когда раскрыли гробницу и нашли тѣло убитой уже предавшимся гнилости и все-таки пожелали узнать, отчего произошла рана въ ротъ, то Ширковъ, испытывая сильное волненіе, говорилъ:

— «Вотъ, вотъ, смотрите, что она застрѣлилась; вотъ и черное пятно видно во рту.

«Медики однако нашли, что Алтухова не застрѣлилась, а была убита какимъ-то острымъ трехграннымъ орудіемъ. Потерпѣвъ неудачу, Ширковъ поставилъ лжесвидѣтелей, даже, употребивши громадныя деньги, нашелъ виновныхъ будто бы въ убійствѣ его крестницы на большой дорогѣ».

Комиссія по дѣлу Алтуховой нашла, что Лобановъ и Борзенковъ, повинившіеся и сосланные въ Сибирь въ ночь рокового убійства, вовсе не были въ кабакѣ и на дорогѣ, а спали съ товарищами на лугу до утра. Потомъ Лобановъ сталъ пахать бахчу и помѣщикомъ его Алтуховымъ былъ вызванъ на дорогу—построить надъ лежавшимъ тѣломъ убитой палатку.

Ширковъ, желая увеличить число свидѣтелей въ свою пользу, выдумалъ исторію, будто бы находившійся у него по найму для постройки хозяйственныхъ зданій крестьянинъ Лупилинъ съ работникомъ Малюкановымъ отлучались безъ дозволенія Ширкова въ поле стрѣлять зайцевъ и, возвращаясь оттуда, видѣли, какъ дѣвица Алтухова поѣхала съ кучеромъ на дрожкахъ по дорогѣ въ Соломину. Теперь упомянутые крестьяне сознались, что они три раза по ночамъ были привозимы къ Ширкову во Льговъ и уговариваемы имъ сдѣлать ложное показаніе; когда же они на то не соглашались, то Ширковъ объявилъ, что онъ разоритъ и сроетъ до основанія жилища и усадьбы ихъ, и разоритъ семейства ихъ. Тогда, боясь мщенія, Лупилинъ и Малюкановъ согласились на лжесвидѣтельство.

Нужно сказать, что комиссіи по переслѣдованію Ширковскаго дѣла было пропасть хлопотъ. Комиссія вновь вызвала массу свидѣтелей, дѣлала имъ многочисленныя очныя ставки, критиковала прежнія производства дѣла и т. д. Время между тѣмъ шло. Въ декабрѣ 1821 года, переслѣдованіе не было еще закончено. Тогда отъ извѣстнаго графа Аракчеева курскій губернаторъ получилъ слѣдующую бумагу:

«По поводу всеподданнѣйшаго прошенія губернскаго секретаря Ширкова государь императоръ повелѣть соизволилъ, чтобы вы увѣдомили, по какой причинѣ не окончено еще изслѣдованіе по дѣлу объ убійствѣ дѣвицы Алтуховой, порученное вамъ по высочайшему повелѣнію?»

Разумѣется, Ширкова томила неизвѣстность. Вѣдь дѣло, которое касалось его, успѣло растянуться на цѣлыхъ восемь лѣтъ. Жена Ширкова, во время пребыванія мужа въ Твери, оставалась во льговскомъ имѣніи. Ширковъ обмѣнивался съ нею письмами. Одно изъ этихъ писемъ приложено къ производству комиссіи. Вотъ что написано въ немъ:

«1821 года, мая 9-го дня. Милая Настенька! Сейчасъ я возвратился изъ церкви, гдѣ слушалъ обѣдню и служилъ молебенъ и, можешь быть увѣрена, молился съ усердіемъ; такъ какъ сегодняшній день, есть день св. Николая, моего покровителя и покровителя по придѣлу церкви въ селѣ Макаровкѣ. Вотъ подходитъ 27 мая, день горестнаго начала страданіямъ нашимъ. Прошлаго года въ сей день я получилъ непріятную вѣсть [1]), но сей годъ, авось Богъ, видя послѣднюю точку нашего терпѣнія, не испытующій сверхъ границъ, то авось 27 мая будетъ какою ни есть намъ отрадою, а можетъ и прекращеніемъ всѣхъ совершенно бѣдствій. Дѣло мое, можетъ, конфирмуется, я получу свободу — продажа (имѣнія) не только остановится, но и имѣніе возвратится подъ опеку твою, для чего даю тебѣ совѣтъ: просить опеку, когда государь къ 15 мая прибудетъ въ Петербургъ. Посему переговоря съ Геттуномъ или прочтя ему о семъ, проси, а когда неминуемо послѣдуетъ къ министру юстиціи, то проси о помощи Геттуна. Мнѣ, кажется, что министръ полиціи самъ можетъ опеку твою учредить. На имѣніи нашемъ есть долгъ, но на удовлетвореніе его должна идти часть имѣнія, а остальная часть должна содержать тебя съ дѣтьми, а вы теперь не имѣете никакого содержанія. Я, лишась невинно службы, по задержкѣ не поспѣвъ въ срокъ тоже ничего не имѣю и для того имѣніе должно тебѣ возвратиться. По министерству юстиціи это (возвращеніе) хуже или тяжелѣе будетъ сдѣлать; ибо власть верховной полиціи вольнѣе дѣйствуетъ, нежели юстиціи, которая основываетъ все на законномъ теченіи дѣла. И

[1]) Объ отправленіи въ Тверь на житье.

такъ поѣзжай и проси Геттуна сіе прочесть и научить, какъ сдѣлать. И Аракчееву можно подать записку, особо извлекши изъ сего».

Въ 1821 году, курскій губернаторъ Кожуховъ сдѣлалъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о томъ, что слѣдствіе высочайше учрежденной комиссіи по Ширковскому дѣлу закончено. Свидѣтели, какіе допрашивались, показали не въ пользу Ширкова, а камердинеръ Парменъ Филипповъ сознался въ преступномъ дѣяніи, котораго былъ участникомъ. Вызванные изъ Сибири четыре человѣка, сосланныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ качествѣ виновныхъ въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой, точно также подтвердили, что гибель крестницы Ширкова послѣдовала отъ рукъ этого послѣдняго. Одинъ только Ширковъ ни прежде, ни послѣ не повинился ни въ чемъ. Какъ онъ былъ упоренъ въ своемъ «запирательствѣ», по выраженію курскаго губернатора, видно изъ того, что онъ не задумался въ церкви принять такъ называемую очистительную присягу... Эта присяга состояла въ томъ, что Ширкова босымъ ввели при погребальномъ колокольномъ звонѣ въ храмъ и здѣсь священникъ увѣщевалъ его сказать чистую правду о дѣяніи, въ которомъ онъ былъ заподозрѣнъ, и возглашалъ, что если присягающій скроетъ истину и солжетъ, то будетъ онъ проклятъ на вѣки и будутъ прокляты потомки его до седьмого колѣна.

Кромѣ представленія министру, курскій губернаторъ препроводилъ государю Александру I всеподданнѣйшій рапортъ, въ которомъ было сказано слѣдующее:

«По именному вашего императорскаго величества повелѣнію, была учреждена комиссія для разслѣдованія и отысканія виновныхъ въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ изъ двухъ членовъ губернскаго предводителя дворянства Зеленина и старооскольскаго предводителя Черемисинова.

«По внимательномъ разсмотрѣніи всего прежняго дѣла и по соображенію всѣхъ обстоятельствъ сего бѣдственнаго случая, комиссія, раскрывая виновнаго, обязана было не оставлять ничего въ сомнѣніи и убѣдиться въ справедливости, къ затменію которой употреблены были всевозможныя средства. Чтобы найти путь къ достиженію справедливости, необходимо нужно было вникнуть въ самомалѣйшія подробности во всѣхъ прежнихъ производствахъ сокрытыя.

«Время, уничтожая все въ мірѣ, изгладило послѣдніе слѣды сего ужаснѣйшаго происшествія, а Ширковъ съ своей стороны истребилъ все то, что только могло раскрыть истину. Оставалось вызвать изъ Сибири сосланныхъ въ каторжную работу и посредствомъ ихъ показаній раскрыть сущность дѣла и распутать сплетеніе ложныхъ исторій.

«Сіи несчастные, невинно пострадавшіе за настоящаго злодѣя, открыли нѣкоторыхъ людей по дѣлу нужныхъ, отысканіе которыхъ въ отдаленныхъ губерніяхъ потребовало много времени, отчего и послѣдовало промедленіе. Нынѣ, благодаря рукѣ Провидѣнія, завѣса неизвѣстности и сомнѣнія скинута. И комиссія считаетъ священнымъ долгомъ передъ вашимъ императорскимъ величествомъ представить злобнаго убійцу—Ширкова».

IV.

Докладъ комиссіи о произведенномъ ею слѣдствіи по дѣлу объ убійствѣ Алтуховой былъ поднесенъ императору Александру I. Онъ призналъ за нужное учредить въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, комитетъ, въ который членами были назначены: петербургскій военный генералъ-губернаторъ и два сенатора—Хитровъ и графъ Кутайсовъ. Сверхъ того, находиться въ комитетѣ было повелѣно курскому губернатору А. С. Кожухову. Учрежденный, по волѣ государя, комитетъ долженъ былъ вновь пересмотрѣть Ширковское дѣло. Онъ открылъ свои засѣданія 23 марта 1822 года.

При самомъ началѣ работъ комитета, Кожуховъ счелъ необходимымъ представить вниманію его слѣдующую объяснительную записку:

«Хотя рѣшительный приговоръ надъ губернскимъ секретаремъ Ширковымъ за содѣянное имъ злодѣяніе не есть предметъ моей обязанности, но такъ какъ комиссія по дѣлу объ убійствѣ дѣвицы Маріи Алтуховой въ заключеніи своемъ привела уважительные доводы, изобличающіе Ширкова въ злодѣяніи, и полагаетъ, что судебное мѣсто не можетъ произнести приговора, потому что комиссіей не соблюдено формы судебной; поэтому я (говоритъ губернаторъ), какъ предсѣдатель бывшей комиссіи, имѣю честь объяснить слѣдующее:

«Цѣль комиссіи состояла въ томъ, чтобы открыть настоящаго убійцу, скрывшагося отъ справедливости законовъ и освободить невинныхъ, напрасно за него страдавшихъ, и тѣмъ выполнить священную волю его императорскаго величества. Подлоги, извороты и ухищренія Ширкова, потворство ему разныхъ лицъ при прежнемъ производствѣ дѣла, поставили комиссію въ затрудненіе... И если бы комиссія держалась формальностей судебныхъ, то никогда бы не достигла желаннаго результата; напротивъ, соблюденіе формы препятствовало бы раскрытію истины, которая нынѣ очевидно раскрыта. Комиссія содѣйствовала раскрытію сколько могла и для сего предпринимала всѣ мѣры, какія находила полезными, не руководствуясь однѣми формами и вслѣдствіе этого раскрыла то, чего сама не ожидала».

Комитетъ по изслѣдованію Ширковскаго дѣла счелъ нужнымъ вызвать въ Петербургъ почти всѣхъ бывшихъ по дѣлу Ширкова свидѣтелями и вновь допрашивалъ ихъ. На вызовъ этотъ послѣдовало высочайшее соизволеніе. Вызываемые, по указу сената курскому губернатору, должны были быть препровождены съ особыми предосторожностями. Объ этихъ предосторожностяхъ читатель можетъ получить свѣдѣнія изъ слѣдующей бумаги министерства внутреннихъ дѣлъ:

«Встрѣтилось нужнымъ потребовать секретаря губернатора Сербинова, исправника Шапошникова, унтеръ-офицера Калмыкова и рядового Чистякова. Правительствующій сенатъ указомъ мнѣ (министру) предписалъ сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ Петербургъ вышеупомянутыхъ людей, съ тѣмъ, чтобы они никакого между собой сообщенія, какъ во время слѣдованія ихъ въ пути, такъ и нигдѣ, сообщенія не имѣли. Для этого поступить должно слѣдующимъ образомъ. Объявя секретарю Сербинову, чтобы онъ явился ко мнѣ (министру) по дѣламъ службы, снабдить его прогонами и отправить въ Петербургъ. Такъ какъ исправникъ Шапошниковъ, вѣроятно, въ Курскѣ налицо не находится, то предписать ему явиться, уже по отъѣздѣ Сербинова, въ Курскъ и, подъ тѣмъ же предлогомъ, послать въ Петербургъ и притомъ такъ, чтобы оба эти чиновника не могли въ пути другъ съ другомъ встрѣтиться. Точно также секретнымъ образомъ нужно отправить Чистякова и Калмыкова».

Особый петербургскій комитетъ имѣлъ по дѣлу объ убійствѣ Алтуховой засѣданія. Въ то же время въ пятомъ департаментѣ правительствующаго сената шло подробное производство дѣла и переписка, вызванная обстоятельствами дѣла.

Въ правительствующемъ сенатѣ Ширковское дѣло не окончилось въ 1822 году и перешло въ 1823 годъ. Главнѣйшія показанія учрежденная во Льговѣ особая комиссія по дѣлу Алтуховой добыла отъ камердинера Ширкова—Филиппова, который, какъ мы раньше видѣли, сознался въ преступномъ дѣяніи. Филипповъ былъ вновь допрошенъ въ одномъ изъ засѣданій сената и, къ удивленію сенаторовъ, знавшихъ уже изъ доклада комиссіи сущность его прежнихъ показаній, объявилъ, что его показаніе комиссіи ложно, что Ширковъ не виноватъ въ смерти Алтуховой, что эта дѣвушка сама застрѣлилась въ дрожкахъ, когда кучеръ Ширкова отвозилъ ее домой.

Что же заставило Филипова давать ложное, по его словамъ, показаніе комиссіи? Онъ такъ объяснилъ это обстоятельство присутствію сената:

«Я былъ во Льговѣ, по распоряженію комиссіи, взятъ подъ стражу. Меня отослали въ баню, бывшую на дворѣ помѣщика Кусакова, и приставили караулъ изъ двухъ солдатъ и унтеръ-

офицера. Потомъ пришелъ секретарь Сербиновъ съ исправникомъ Шапошниковымъ и принесли образъ въ баню; не знаю зачѣмъ, поставили меня на поклоны, велѣли класть чаще поклоны, а сами стояли по сторонамъ. Часовые въ то время были высланы вонъ. Отъ тяжести кандаловъ, въ которые я былъ закованъ, и отъ того, что я много положилъ поклоновъ, со мною стало дурно и я упалъ навзничь. Секретарь вышелъ изъ бани, а исправникъ остался. Заставляя дѣлать поклоны, они говорили:

— «Ты отрекся отъ Бога и не хочешь сознаться въ томъ, что видѣлъ, какъ помѣщикъ убилъ дѣвицу Алтухову...

«Исправникъ словесно уговаривалъ меня. Когда секретарь выходилъ вонъ изъ бани, то сказалъ:

— «Этого мало тебѣ, велю дать плетей!

«Секретарь велѣлъ при отходѣ своемъ изъ бани не давать мнѣ ничего ни пить, ни ѣсть. Потомъ я былъ потребованъ къ допросу въ комиссію и опять показывалъ то же, что̀ и прежде, и отосланъ былъ опять въ баню. Пришелъ снова секретарь ко мнѣ, часовыхъ выслалъ вонъ, а меня всячески стращалъ и грозилъ.

— «Ты долженъ сказать объ убійствѣ Алтуховой, я безъ того не отстану отъ тебя.

— «Что угодно со мной дѣлайте, — отвѣтилъ я,—я ничего не знаю.

«Исправникъ схватилъ меня за уши, началъ приподнимать кверху и приговарилъ:

— «Скажешь потомъ, скажешь.

«Потомъ оставилъ мои уши и схватилъ обѣими руками челюсти, прижалъ меня къ стѣнѣ и кричалъ:

— «Сказывай, безъ того не отстану!

«У меня глаза лѣзли вонъ отъ боли. Секретарь билъ меня по щекамъ кулаками и разсѣкъ языкъ до крови. Потомъ схватилъ за шею и сдавилъ меня такъ, что я чуть было не задохся. Затѣмъ бросилъ меня и ушелъ.

«Трое сутокъ пробылъ я въ банѣ, не пивши и не ѣвши, на четвертыя сутки къ вечеру пришелъ унтеръ-офицеръ и сказалъ:

— «Ты, можетъ быть, ѣсть хочешь?

«Я крѣпко заплакалъ и отвѣчалъ:

— «Когда мнѣ не велѣно давать ни пить, ни ѣсть, что̀ жъ я сдѣлаю?

«Унтеръ-офицеръ объяснилъ, что секретарь послалъ его узнать, не запрошу ли я ѣсть. Я сказалъ, что прошу ѣсть. Тогда мнѣ принесли пять соленыхъ огурцовъ и кусокъ хлѣба. Пить мнѣ не велѣно было давать. И я цѣлую ночь не пилъ. На пятый день потребовали меня въ комиссію. Тамъ предсѣдатель сталъ меня опять спрашивать:

— «Какъ было дѣло?

«Я началъ показывать также, какъ и прежде. Предсѣдатель сказалъ:

— «Врешь! Когда кучеръ на Ширкова показываетъ и люди на него показываютъ, ты долженъ знать. Ты скрываешь своего. Ты сознайся.

«Я сталъ оправдываться. Говорю: кучеръ напрасно показываетъ. Я съ этой муки, пять дней не пивши, могъ бы, Богъ знаетъ чтò показать. Не только господина, но и отца своего родного не пощадилъ бы.

«А предсѣдатель сказалъ на это мое слово:

— «Мало тебѣ этой муки, жилы твои надо тянуть на колеса. Будь увѣренъ, что настою на томъ, чтобъ дать тебѣ 300 ударовъ кнутомъ и будешь сосланъ не туда, гдѣ товарищи твои были, гдѣ вѣчно свѣту не увидишь.

«Тогда онъ ударилъ меня въ лицо, велѣлъ набить на шею колодку и посадить къ кучеру, куда и былъ я приведенъ. Тамъ кучеръ, сидя за столомъ, ѣлъ хлѣбъ съ огурцами. Унтеръ-офицеръ, бывшій при кучерѣ, началъ меня уговаривать не дѣлать запирательства.

— «Я не запираюсь,—отвѣтилъ я,—но не знаю, что же мнѣ показать.

— «Да, ты не знаешь, ты маленькій, замѣтилъ мнѣ кучеръ.

«Я ему сказалъ:

— «Что мнѣ показывать, когда я ничего не знаю... А ты на меня невиннаго клевещешь... Видишь,—у меня челюсти распухли отъ битья и уши отодраны отъ тѣла, гной даже течетъ.

«Тогда кучеръ кликнулъ унтеръ-офицера и сказалъ ему:

— «Осталось у меня сибирскихъ восемь гривенъ, пошли купить полосьмухи водки.

«Водки принесли. Выпили—унтеръ-офицеръ, кучеръ. Этотъ послѣдній кликнулъ меня:

— «Парменъ, выпей!

«Я не сталъ пить.

«Кучеръ опять сказалъ:

— «Ты сердиться сердись, а выпей.

— «Лучше я выпью яду, чѣмъ твоего вина.

«Унтеръ-офицеръ принесъ мнѣ кормовыя деньги за четыре дня, но я ихъ не взялъ, говоря: на чтò же мнѣ деньги, когда мнѣ хлѣба не позволяютъ купить?

«Унтеръ-офицеръ сказалъ:

— «Возьми, братецъ.

«Я, взявъ деньги, сказалъ ему:

— «Я вижу, что ты добрый человѣкъ, имѣешь крестъ въ себѣ я четверо сутокъ не пивши, не ѣвши, душа у меня запеклась, сердце изныло, пошли мнѣ купить на четвертакъ вина.

«Онъ согласился. Вино принесли; я, наливъ себѣ большой до-

ревянный стаканъ, выпилъ и потомъ сказалъ кучеру, чтобы онъ подалъ мнѣ хлѣба и огурцовъ.

«Въ это время вошелъ секретарь и, увидя меня, сказалъ:

— «Ну, что, голубчикъ, одумался?

— «Не въ чѣмъ мнѣ одумываться,—отвѣтилъ я,—что̀ зналъ, то и показалъ.

«Тогда секретарь обратился къ унтеръ-офицеру:

— «Принесли ли колодку надѣть ему на шею?

«Тотъ отвѣтилъ:

— «Послали за ней въ полицію.

«Секретарь ушелъ. Я, желая узнать отъ кучера, какое онъ сдѣлалъ показаніе, попросилъ унтеръ-офицера выйти и вывести часового. А самъ спросилъ у кучера:

— «Скажи мнѣ, что ты показывалъ, я уже готовъ твое показаніе показать, и долго ли еще мнѣ мучиться?

«Онъ было замялся, не сталъ мнѣ открывать, но я его увѣрилъ, что я покажу точно также, какъ и онъ.

«Тогда кучеръ передалъ мнѣ свое показаніе. Вошелъ унтеръ-офицеръ и спросилъ:

— «Переговорили ли?

«Я отвѣчалъ, что дѣло кончено. Часового опять поставили.

«Когда меня на другой день привезли въ комиссію, я палъ на колѣни, просилъ прощенія и пересказалъ все подробно, что слышалъ отъ кучера. Потомъ меня отправили въ Курскъ, требовали отъ меня подписку, что я все добровольно показалъ, и я, убоявшись, что опять приму какое ни на есть мученье, исполнилъ требованіе. Въ Курскѣ я былъ посаженъ въ тюрьму подъ секретомъ, гдѣ и пробылъ безъ малаго годъ въ кандалахъ».

Новое показаніе ширковскаго камердинера внесло новую путаницу въ дѣло объ убійствѣ Алтуховой... Сенаторы растерялись и послѣ долгихъ колебаній рѣшено было вновь начать слѣдствіе. Доложили объ этомъ императору. Онъ согласился съ мнѣніемъ сената и повелѣлъ вызвать въ Петербургъ въ качествѣ свидѣтелей одиннадцать человѣкъ. Одного изъ нихъ, бывшаго плѣннаго венгерца, выписали изъ Австріи съ особымъ нарочнымъ, лично получившимъ инструкцію отъ Александра I. Свидѣтели давали показанія; но вслѣдствіе десятилѣтней давности показанія эти были совершенно незначительны. Между прочимъ курскому губернатору былъ сдѣланъ запросъ: справедливо ли заявленіе Филиппова о томъ, что у него вынудили жестокими мѣрами лживое признаніе? Губернаторъ отвѣчалъ: «Это заявленіе обнаруживаетъ подлогъ и изобличаетъ участіе Филиппова въ убійствѣ Алтуховой... нужно только сличить его съ прежними показаніями и сообразить съ обстоятельствами дѣла. Видны сейчасъ же разнорѣчія и вымышленныя доказательства, никакого основанія неимѣющія. Во всѣхъ прежнихъ произ-

водствахъ по сему дѣлу, при всѣхъ ухищреніяхъ Ширкова, не представлено ни имъ, ни его камердинеромъ, ни одного обстоятельства, служащаго къ ихъ оправданію, тогда какъ самое происшествіе прямо обвиняетъ ихъ».

Во все продолженіе хода дѣла объ убійствѣ Алтуховой въ сенатѣ ни Ширковъ, ни Филипповъ, не смотря на всѣ увѣщанія, не сдѣлали признанія въ томъ, что они виновны. Тѣмъ не менѣе, въ половинѣ 1823 года состоялся приговоръ, которымъ оба были признаны убійцами Алтуховой. Этотъ приговоръ былъ Высочайше конфирмованъ и Ширковъ съ своимъ камердинеромъ отправлены въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Нечего и прибавлять, что Филипповъ, кромѣ того, былъ подвергнутъ жестокому тѣлесному наказанію. Отправляясь въ Сибирь, оба громко высказывали, что они пострадали безвинно-напрасно, но vox populi былъ рѣшительно и безповоротно противъ нихъ.

А. Танковъ.

ОСАДА ЕРМОЛОВА.

ВА ГОДА тому назадъ, въ статьѣ «Карьера Паскевича», я говорилъ о первомъ томѣ сочиненія князя Щербатова: «Генералъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность». Нынѣ вышелъ второй томъ этого сочиненія, съ восемью картами и планами, захватывающій собою, хотя сравнительно небольшой промежутокъ времени, съ августа 1826 по октябрь 1827 года, но зато періодъ крайне характерный и многозначительный для дѣятельности историческаго героя князя Щербатова, а именно время его появленія на Кавказѣ, съ порученіемъ выжить оттуда Ермолова путемъ непосредственнаго участія въ начавшейся тогда, неожиданно для Петербургскихъ дипломатовъ, персидской войнѣ.

Статьей «Карьера Паскевича» не всѣ остались довольны, находили ее односторонней и написанной съ предвзятой цѣлью умалить личное достоинство фельдмаршала, приписывая всю его карьеру одной удачѣ. Такой взглядъ я также нахожу и несправедливымъ, и одностороннимъ, такъ какъ никогда не думалъ отказывать любимому генералу императора Николая Павловича въ отсутствіи достаточныхъ военныхъ дарованій и несомнѣнной безукоризненной личной храбрости, а также и въ умѣньѣ предводительствовать войсками. Я только не могъ не замѣтить, что Паскевичъ, не будучи, во всякомъ случаѣ, выше Багратіона и Ермолова по дарованіямъ и стоя вообще гораздо ниже великихъ полководцевъ, былъ несомнѣнно очень счастливъ въ прохожденіи своей службы, на что у него впрочемъ также были извѣстныя заслуги и права. Сравнимъ, напримѣръ, карьеру Паскевича съ карьерой

его сверстника и соратника на бородинскомъ полѣ, Ермолова. Какая разница въ этихъ карьерахъ при несомнѣнныхъ дарованіяхъ того и другого, при несомнѣнномъ достоинствѣ Ермолова, которое ни въ какомъ отношеніи не уступало дарованіямъ и достоинству будущаго князя Варшавскаго! Не имѣемъ ли мы по этому право искать причины блестящихъ успѣховъ Паскевича не въ однихъ качествахъ хорошаго генерала, но и въ другихъ спеціальныхъ качествахъ, какими не обладалъ вовсе Ермоловъ? На этотъ-то вопросъ категорическимъ утвержденіемъ отвѣчаетъ второй томъ прекрасно написанной монографіи князя Щербатова, въ которомъ на долю Паскевича выпала крайне неблагодарная роль въ неблагородной и ненужной вовсе осадѣ, которой подвергли Ермолова, ранѣе его увольненія отъ занимаемой имъ должности на Кавказѣ. Не Паскевичъ велъ эту осаду кавказскаго льва, ее вели Дибичъ, Бенкендорфы, Ламздорфъ, Сухтеленъ и Адлербергъ, непрощавшіе, по причинамъ совершенно понятнымъ, русскому рыцарю безъ страха и упрека желаніе оставаться русскимъ. Но Паскевичъ былъ орудіемъ этой осады, и въ этомъ отношеніи можно съ увѣренностью сказать, что исторія легко могла бы перетасовать карты, т. е. поставить Паскевича на мѣсто занимаемое Ермоловымъ на Кавказѣ, но никакая исторія не могла бы поставить Ермолова въ то положеніе, какое досталось Паскевичу въ 1826 году. Замѣтимъ еще, что Паскевичъ оказался не на высотѣ порученной ему задачи, что совершенно ясно слѣдуетъ изъ письма къ нему Сухтелена, приводимаго въ подлинникѣ въ историческомъ изслѣдованіи князя Щербатова. Онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, онъ затянулъ скандалъ, придавъ ему на вѣки историческую форму и историческое значеніе, чего бы при большей смѣлости Паскевича, во время слѣдованія по начертанному ему пути, навѣрное не было бы. Съ этой проблематической точки зрѣнія можно съ достаточною увѣренностью догадываться, что прежде всего Ермоловъ не взялъ бы на себя неестественнаго, въ военномъ отношеніи, порученія Паскевича, но если бы почему-либо взялъ его, то выполнилъ бы его гораздо рѣзче и тверже, нежели то сдѣлалъ Паскевичъ. Онъ бы осады льва, какъ бы послѣдній свирѣпъ ни былъ и ни казался, не началъ, и не тянулъ бы непріятной и унизительной канители такъ долго, какъ ее тянулъ Паскевичъ. Такъ можно думать потому, что Ермоловъ былъ самъ настоящій левъ, а Паскевичъ такимъ львомъ никогда не былъ. Вотъ почему нельзя, обсуждая историческое поведеніе николаевскаго фельдмаршала, не обращать вниманія на то рѣдкое счастіе, которое сопровождало всѣ его подвиги и дѣла.

Событія, которыхъ касается историкъ въ своемъ второмъ томѣ, такъ поучительны и интересны, такъ много говорятъ русскому

сердцу, что мы не можемъ и на этотъ разъ отказать себѣ въ удовольствіи, путемъ добросовѣстной компиляціи, напомнить читателямъ о главнѣйшихъ сторонахъ трагикомедіи, разыгравшейся на Кавказѣ въ концѣ 1826 и въ началѣ 1827 года. Въ это время краемъ управлялъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, казавшійся почему-то необыкновенно страшнымъ Петербургу, гдѣ тотчасъ по воцареніи молодого императора русскіе люди начали видимо уступать нѣмцамъ. Популярности этого льва почему-то особенно боялись и потому искали благовиднаго предлога для его удаленія съ исторической арены дѣятельности. Просто этого сдѣлать не смѣли и повели противъ льва, и недумавшаго защищаться, правильную осаду. О характерныхъ-то чертахъ послѣдней осады я и поведу рѣчь.

1.

Начнемъ съ анекдота, впрочемъ, для Ермолова крайне характернаго.

Однажды, войдя въ залу передъ внутренними покоями императора Александра I, гдѣ ждало много военныхъ генераловъ съ нѣмецкими фимиліями, Алексѣй Петровичъ вдругъ обратился къ нимъ съ общимъ вопросомъ:

— Позвольте узнать, господа, не говоритъ ли кто-либо изъ васъ по-русски?

Позже, гораздо позже, когда Ермоловъ жилъ въ изгнаніи у себя въ Орлѣ, къ нему заѣхалъ А. С. Пушкинъ. Въ разговорѣ съ поэтомъ, старый генералъ, разбирая походы Дибича въ 1828 и 1829 годахъ, говорилъ:

— Лѣтъ черезъ пятьдесятъ подумаютъ, что въ этомъ походѣ съ нашими войсками участвовали вспомогательные корпуса пруссаковъ и австрійцевъ, предводимые такими-то и такими нѣмецкими генералами.

Этихъ двухъ примѣровъ, повидимому, вполнѣ достаточно, чтобы понять тонъ отзыва о Ермоловѣ въ письмѣ Бенкендорфа къ Воронцову, которое мы находимъ во французскомъ подлинникѣ въ числѣ приложеній въ книгѣ князя Щербатова. Вотъ выдержки изъ этого письма.

«Извѣстія изъ Грузіи таковы, какъ я предсказывалъ. Ермоловъ ничего не дѣлаетъ; если ему вѣрить, то атака персіянъ невозможна... Бѣдный Паскевичъ не можетъ помочь, находясь подъ начальствомъ человѣка, который купилъ рекламистовъ въ свою пользу путемъ уничтоженія всякихъ военныхъ требованій. Вотъ великій патріотъ, находившій Барклая, Витгенштейна и всѣхъ не носившихъ московскаго произвища, недостойными имени русскихъ! Вотъ его настоящая цѣна!»

Въ другомъ, болѣе раннемъ, письмѣ къ Воронцову, тотъ же Бенкендорфъ сѣтуетъ такъ:

«Вотъ каковы эти великія репутаціи, основанныя на интригѣ и на высокомѣріи; онѣ падаютъ при самомъ ничтожномъ сопротивленіи. Эта война, возбужденная своевольной и неполитичной администраціей, вызванная личнымъ честолюбіемъ, обрушилась на ея автора, который не съумѣлъ ни приготовить нужныхъ къ тому средствъ, ни предвидѣть послѣдствій. Глупость непріятеля и его трусость исправятъ все это, но бѣдные зарѣзанные и раззоренные жители, колоніи нѣмецкія, ограбленныя и обреченныя рабству, не могутъ быть болѣе вызваны къ жизни, къ довольству, и безопасность здѣсь разрушена на многіе годы!»

Надѣюсь, что теперь понятно, какъ смотрѣли и заставляли другихъ смотрѣть на Ермолова его сослуживцы, неумѣвшіе говорить порусски.

А между тѣмъ Ермоловъ, еще при жизни императора Александра, писалъ о томъ, что не слѣдуетъ довѣрять миролюбію Персіи и уповать на долгую память объ унизительномъ для персіянъ Гюлистанскомъ договорѣ. Ермоловъ, въ виду послѣдняго, а также и получаемыхъ имъ, къ несчастію, преувеличенныхъ и не вѣрныхъ даже свѣдѣній о переустройствѣ персидской арміи на европейскій ладъ при помощи англійскихъ денегъ и англійскихъ офицеровъ, находилъ имѣвшіяся у него подъ руками кавказскія средства защиты недостаточными, но ему не вѣрили. Кто же не вѣрилъ? Нѣмецъ Нессельроде, именно тотъ самый, при которомъ герцогъ Ришелье говорилъ порусски, не желая быть понятымъ. Эти русскіе начальники и дипломаты предлагали даже сдѣлать уступки Персіи, лишь бы не вызывать на границахъ имперіи безпокойства и затрудненій. Посланный же въ Персію Ермоловъ нашелъ, что нельзя дѣлать персіянамъ никакихъ територіальныхъ уступокъ и нельзя также признавать Аббасъ-Мирзу наслѣдникомъ престола, потому что Ермоловъ не видѣлъ въ этомъ принцѣ добраго къ намъ расположенія, а, напротивъ, слышалъ отъ него негодующіе отзывы о томъ, что Россія владѣетъ областями, владычество надъ которыми принадлежитъ только шаху.

Какъ же говорить, въ виду этихъ свидѣтелей, о честолюбіи и недальновидности Ермолова въ персидскихъ дѣлахъ? Проще дѣло выясняется тѣмъ, что трудно было русскому льву вести политику подъ диктовку лицъ, не говорившихъ по-русски. Что же касается до бѣдныхъ разграбленныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, которыхъ самъ же Ермоловъ вызвалъ на Кавказъ, помогъ на границѣ устроиться въ качествѣ учителей и образцовъ для русскихъ хозяевъ, то они, если и пострадали, то навѣрное не болѣе того, какъ страдали прусскіе нѣмцы въ то время, когда молодецкая рота полковника Ермолова отстаивала нѣмецкую независимость противъ французовъ на по-

ляхъ Прейсишъ-Эйлау и Гутштадтѣ. Но нѣмцы хотятъ всегда слишкомъ многаго и всегда въ сужденіяхъ своихъ бываютъ неумолимы, особенно когда встрѣчаютъ истинную силу тамъ, гдѣ привыкли находить одно постоянное безсиліе.

Отсюда и инкриминаціи, и восклицательное негодованіе Бенкендорфовъ.

Ермоловъ былъ, дѣйствительно, тѣмъ рѣдкимъ русскимъ человѣкомъ, который не считалъ за обиду называться и быть на самомъ дѣлѣ русскимъ, въ томъ же патріотическомъ смыслѣ, въ какомъ каждая нація бываетъ и только и можетъ быть патріотичной. Но онъ далеко не былъ неумолимымъ нѣмцеѣдомъ, какимъ его представляли себѣ и желали представить императору Николаю окружавшіе его и пользовавшіеся его довѣріемъ люди. Если мы заглянемъ во второй томъ интереснаго и талантливаго изданія В. Потто: «Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ и біографіяхъ», мы найдемъ тамъ ту рѣзкую и благородную характеристику Ермолова, какъ генерала и какъ человѣка, которой не хватаетъ для полноты картины въ сочиненіи князя Щербатова.

Изъ генераловъ-нѣмцевъ Ермоловъ особенно не любилъ Витгенштейна. Подъ Люценомъ мы, какъ извѣстно, потерпѣли неудачу. Витгенштейнъ взвалилъ ее на Ермолова, укоряя его въ недостаткѣ предусмотрительности, вслѣдствіе которой въ войскахъ оказался недостатокъ снарядовъ. Но тотъ же Витгенштейнъ, въ день не рѣшительнаго и опаснаго для насъ сраженія подъ Бауценомъ, оставляетъ аріергардъ Ермолова противъ всей французской арміи и тотъ удерживаетъ ее до тѣхъ поръ, пока наше положеніе улучшается и мы можетъ съ честью кончить для себя этотъ день. Самъ Витгенштейнъ, зная, что Ермоловъ дрался на глазахъ государя, долженъ былъ признаться, что въ этотъ день онъ спасъ почти всю русскую артиллерію. Подъ Кульмомъ же, когда ядро оторвало руку Остерману, Ермолову пришлось руководить также фатальнымъ для насъ и выгоднымъ для Наполеона боемъ. Собственноручно написавъ реляцію объ этомъ блестящемъ подвигѣ русской гвардіи, Ермоловъ о себѣ вовсе не упомянулъ, но весь успѣхъ приписалъ распорядительности графа Остермана. Прочитавъ эту реляцію, Остерманъ, не смотря на жестокія страданія, написалъ собственноручно Ермолову:

«Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство, нахожу лишь только, что вы мало упомянули о генералѣ Ермоловѣ, которому всю истинную справедливость отдавать привыченъ».

За то подъ Парижемъ Ермоловъ, командуя соединеннымъ корпусомъ русской и прусской гвардіи, дѣйствительно обидѣлъ нѣмцевъ, выведя въ расходъ не своихъ, но пруссаковъ. За это прусскій король не далъ ему Чернаго Орла, и нисколько Ермоловъ не

тужилъ объ этомъ, находя, что хоть въ этотъ день русскія войска сохранились отъ лишняго пролитія крови въ пользу пруссаковъ, которыхъ не вѣсть для чего спасали отъ Наполеона.

Вспомнимъ еще при этомъ, что тотъ же Ермоловъ, вступая во Францію, провелъ церемоніальнымъ маршемъ свою гвардію мимо того дерева, подъ которымъ былъ убитъ благородный Тюрень, чтобы отдать воинскія почести доблести воина, хотя бы и враждебной страны, и еще болѣе вспомнимъ, что тотъ же Ермоловъ, когда ему была пожертвована Александромъ Павловичемъ аренда въ сорокъ тысячъ, не смотря на крайнюю ограниченность своихъ личныхъ средствъ, написалъ императору письмо, въ которомъ отказался отъ послѣдней награды, прося взять назадъ уже подписанный указъ и употребить эту сумму на помощь бѣднымъ служащимъ, обремененнымъ семействами. Объ этомъ фактѣ, когда шелъ вопросъ о деталяхъ удаленія Ермолова съ Кавказа, писалъ императору Николаю и Дибичъ, напоминая о безкорыстіи и бѣдности страшнаго Цезаря, удалявшагося на невольный и столь незаслуженный ранній покой.

И вотъ этотъ-то человѣкъ, высокій дарованіями и духомъ, человѣкъ-римлянинъ, по-римски любившій и служившій своей родинѣ, былъ признанъ опаснымъ и отданъ на жертву укрѣпившихся и овладѣвшихъ довѣріемъ государя нѣмцамъ.

Паскевичъ взялся быть орудіемъ этихъ нѣмцевъ въ моментъ сверженія Ермолова, и князь Щербатовъ напрасно старается увѣрить насъ, что причины враждебности братьевъ Бенкендорфовъ къ Ермолову не выяснены и что едва ли можно предполагать, какъ многіе тогда думали, что Бенкендорфъ, покровительствуя нѣмцамъ на русской службѣ, ненавидѣлъ Ермолова, какъ представителя въ арміи чисто русской партіи. Почему, спросите вы, этого нельзя предполагать? А потому, отвѣчаетъ историкъ, что Бенкендорфъ писалъ свои неодобрительныя письма о Ермоловѣ Михаилу Семеновичу Воронцову. Да, писалъ, но кто по отношенію къ Россіи былъ настоящимъ иностранцемъ, какъ не милордъ Воронцовъ? Фамилія еще не значитъ все, въ доказательство чего можно привести, что Белингсгаузенъ, назвавшій одинъ изъ открытыхъ имъ острововъ Ермоловымъ, былъ, конечно, болѣе русскимъ, нежели Воронцовъ, о которомъ Пушкинъ выразился достаточно ясно, что онъ былъ и полумилордъ, и полукупецъ, но патріотомъ русскимъ никогда не былъ, хотя, конечно, въ дипломатическомъ отношеніи все же былъ выше Нессельроде градусовъ на сто. Да о Воронцовѣ Бенкендорфъ ничего бы худого и не смѣлъ написать Ермолову, который и послѣ нанесенныхъ ему обидъ, кровныхъ и глубокихъ, отдавалъ справедливость военнымъ дѣйствіямъ Паскевича, когда послѣднія были удачны и правильны, и административному таланту Воронцова, назначеннаго на Кавказъ.

Для тѣхъ, кто хорошо понимаетъ цѣну людямъ, конечно, Ермоловъ будетъ стоять подобно классическому витязю, никогда не помышлявшему о себѣ, и самая осада крошечныхъ великанчиковъ, предпринятая противъ этого человѣка львинаго образа, какъ нельзя лучше дополняетъ то грандіозное и высокое впечатлѣніе, которое производилъ на всѣхъ, не исключая и нѣмцевъ, этотъ безупречный русскій герой и гражданинъ. Пусть и до сихъ поръ Ермолову нѣтъ нигдѣ памятника, пусть даже почему-то нѣтъ на общихъ памятникахъ боевыхъ заслугъ и доблестей его имени, когда есть имена менѣе славныхъ, пусть навсегда останется ему лучшимъ памятникомъ та простая лампада надъ могилой, которую соорудили кавказскіе солдаты изъ обломка гунибской гранаты, но имя его переживетъ вѣка и вѣчно будетъ заставлять русскія сердца биться сильнѣе и жизненнѣе. Пусть

«Предъ нимъ, за нимъ нѣтъ пышныхъ титлъ,
«Не громокъ онъ средь гордой знати,
«Но за него усердный гласъ молитвъ
«Непобѣдимой русской рати».

2.

Наканунѣ трагическаго вступленія на престолъ, Николай Павловичъ писалъ Дибичу, что не будетъ спокоенъ, пока не получитъ присяги Ермолова и кавказскихъ войскъ, такъ какъ, писалъ онъ: «я виноватъ, ему менѣе всѣхъ довѣряю».

Присяга эта, какъ извѣстно, замедлила, и не могла не замедлить вслѣдствіе разстояній, а также и потому, что, ничего незнавшій о перемѣнѣ престолонаслѣдія, Ермоловъ посылалъ въ Крымъ узнавать о случившихся въ Петербургѣ происшествіяхъ. Винить его за послѣднее невозможно, потому что именно Ермоловъ принадлежалъ къ числу лицъ, которыя неспособны играть присягой и относятся къ ней осторожно и съ уваженіемъ. Когда дѣло вполнѣ для него выяснилось, онъ по закону присягнулъ и самъ, и войска свои привелъ къ присягѣ на точномъ основаніи законовъ. Но разъ уже у великаго князя существовало противъ него предвзятое недовѣріе, конечно, опоздавшіе присяжные листы не могли произвести хорошаго впечатлѣнія. Въ виду этого, мнѣ кажется, нечего искать другихъ причинъ для всего совершившагося, нечего удивляться желанію молодого монарха избавиться отъ генерала, которому онъ не довѣрялъ, но можно только сожалѣть, что дѣло не было сдѣлано проще на точномъ основаніи военныхъ законовъ и обычныхъ воинскихъ порядковъ.

Внезапное вторженіе полчищъ Аббаса-Мирзы въ предѣлы русскихъ ханствъ, и непріятныя извѣстія, пришедшія съ Кавказа въ Москву, ко времени коронованія Николая I, доставляли, конечно,

вполнѣ достаточный предлогъ для замѣны Ермолова другимъ генераломъ, о чемъ онъ еще въ концѣ царствованія императора Александра, зная инсинуаціи Нессельроде, писалъ:

«Опасаюсь порицанія, что я былъ виною прерванія мира, что война есть замыселъ мой, для удовлетворенія видовъ честолюбія. Всего легче замѣнить меня другимъ начальникомъ».

Заканчивая это письмо, Ермоловъ просилъ позволенія остаться на Кавказѣ частнымъ человѣкомъ, чтобы быть свидѣтелемъ пораженія самаго презрѣннаго народа на свѣтѣ. Казалось бы, чего медлить, но предполагая и въ этой естественной просьбѣ военноначальника, которому перестали довѣрять, какую-то заднюю мысль, какое-то желаніе оправдаться въ упущеніяхъ и разстройствахъ ввѣренныхъ ему войскъ, не пожелали простого рѣшенія вопроса, а предприняли сложную и унизительную осаду генерала, который, удивленный и огорченный подобнымъ поведеніемъ могущественныхъ лицъ, какъ онъ впослѣдствіи выражался, и этимъ же «поведеніемъ» вполнѣ, какъ начальникъ, обезсиленный въ виду наступающаго врага, самъ и не помышлялъ о какой бы то ни было своей личной защитѣ.

31-го іюля, Ермолову писали, что подъ предводительствомъ такого опытнаго, отличнаго и въ высокой степени обладающаго довѣріемъ войскъ, вождя, какъ онъ, нельзя сомнѣваться въ пораженіи наступающихъ войскъ персидскихъ; одиннадцать же дней позже, когда первый курьеръ еще не успѣлъ доѣхать до Тифлиса, на Кавказъ уже ѣхалъ Паскевичъ съ самыми неестественными инструкціями и съ совершенно невыясненною степенью подчиненности Ермолову, подъ начальствомъ котораго Паскевичу высочайше повелѣвалось командовать войсками совершенно самостоятельно. Мало того, въ карманѣ этого же подчиненнаго лежалъ подписанный императоромъ указъ объ увольненіи Ермолова, указъ, которымъ Паскевичъ, однако, могъ воспользоваться только въ крайнемъ случаѣ. Достаточно къ этому прибавить, что Паскевичъ получилъ право личной переписки съ государемъ и получалъ отъ послѣдняго свѣдѣнія, касавшіяся Ермолова, и которыя должны были сохраняться отъ осажденнаго генерала въ тайнѣ.

Князь Щербатовъ, въ благородныхъ, но напрасныхъ усиліяхъ оправдать эти указы и такую переписку, говоритъ, что указъ былъ подписанъ въ минуту раздраженія и на случай явнаго ослушанія Ермоловымъ воли монарха. Затѣмъ онъ же прибавляетъ: «вѣроятно, и Паскевичъ въ первую минуту, получивъ этотъ указъ, не вполнѣ выяснилъ себѣ практическое его значеніе, иначе онъ отказался бы взять его».

И хотя историку, въ положеніи князя Щербатова, трудно сохранить безпристрастіе въ данномъ случаѣ столкновенія двухъ историческихъ личностей, но въ этомъ мѣстѣ своего повѣствова-

нія онъ становится на сторону Ермолова и категорически заявляетъ, что не было и не могло быть у высшаго правительства никакого повода ожидать со стороны русскаго боевого генерала подобнаго неестественнаго сопротивленія монаршей волѣ. Довольно прозрачно намѣкаетъ онъ, что Паскевичъ, не сдѣлавшій никакого употребленія изъ указа, на что навѣрное расчитывали болѣе, нежели на его персидскія побѣды, поступилъ плохо. Начавъ мелкую борьбу съ Ермоловымъ изъ-за вопроса о снабженіи войскъ, подозрѣвая его въ желаніи лишить его даже личныхъ адъютантовъ и тому подобное, на что давала пищу самая неестественность взаимныхъ отношеній двухъ полномочныхъ генераловъ во главѣ одной арміи, Паскевичъ, дѣйствительно, попалъ въ положеніе тягостное и непріятное. Жалуясь на это положеніе и прося своего отозванія съ Кавказа, онъ получилъ отъ помощника начальника главнаго штаба Сухтелена слѣдующее, очень не двусмысленное, внушеніе:

«Были бы весьма рады, если бы вы, по пріѣздѣ на Кавказъ, воспользовались даннымъ вамъ полномочіемъ, но такъ какъ тогда вы довольствовались добывать славу и добровольно стали въ положеніе подчиненнаго, то въ настоящее время отъ васъ ожидаютъ проявленія чувства самопожертвованія... и чѣмъ ваши отношенія съ Цезаремъ (т. е. съ Ермоловымъ) будутъ лучше, тѣмъ болѣе вы будете себѣ полезнѣе въ Петербургѣ».

Въ это время плохо подвигавшаяся къ конечному результату осада Ермолова Паскевичемъ заставила послать на Кавказъ сильное подкрѣпленіе въ лицѣ Дибича, въ то время еще не Забалканскаго. Дибичу Ермоловъ очень обрадовался и, польстивъ этому маленькому великанчику, перетянулъ его незамѣтно на свою сторону. Въ этомъ фазисѣ осады, Паскевичъ одинаково съ Ермоловымъ попалъ изъ положенія судьи въ положеніе подсудимаго, и судъ Дибича, которому показалось нужнымъ нарвать и для себя боевыхъ лавровъ, командуя вольницей Ермолова, не былъ безпристрастенъ. Начать съ того, что, какъ хорошій нѣмецъ, Дибичъ началъ пролагать дорогу на Кавказъ Витгенштейну, затѣмъ при немъ же явились алчущіе славы гвардейцы: Ламздорфъ, Бенкендорфъ, Ашъ, Адлербергъ и, наконецъ, Сухтеленъ. Создавая свои планы будущей войны съ Персіей, и распрашивая интендантскихъ чиновниковъ о поведеніи Ермолова и Паскевича, Дибичъ незамѣтно для самого себя попалъ подъ вліяніе Ермолова, и въ этотъ-то моментъ положеніе Паскевича стало даже забавнымъ. Паскевичъ, производившій петербургскіе парады боевому войску Ермолова, войску, имѣвшему своеобразное обмундированіе и совершенное отсутствіе выправки, войску, которое требовало позволенія бросить ранцы, прежде чѣмъ идти въ аттаку на персіянъ, долженъ былъ сознаться вмѣстѣ съ Дибичемъ, что нельзя одинаково наряжать войска въ разныхъ климатахъ. Къ концу ревизіи и пребыванія

Дибича на Кавказѣ, форма Ермолова, была признана цѣлесообразной и войскамъ дали кителя, фуражки вмѣсто невозможныхъ киверовъ и даже башлыки, не смотря даже на то, что государь находилъ ихъ чрезмѣрно безобразными. Также измѣнилось и его мнѣніе относительно возможности вести слишкомъ активную наступательную борьбу съ персіянами, по причинѣ того, что послѣ пораженій войска эти разбѣгались, на зиму распускались совсѣмъ, а у насъ на пути не оставалось достаточно провіанта, который хотя и можно было заготовить въ Астрахани и выше по Волгѣ, но возить за войсками, по неприступнымъ и тяжелымъ горамъ Эриванскаго, Нахичеванскаго и Карабахскаго ханствъ, было почти невозможно. Короче сказать, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ и съ положеніемъ вещей, петербургскіе генералы стали и дѣлать, и говорить по-ермоловски. И ужъ конечно не велика разница, что Ермолову приходилось довѣрять нечестному Мадатову, который во всякомъ случаѣ, даже по позднѣйшей оцѣнкѣ Паскевича, былъ все же храбрымъ гусаромъ, а самому Паскевичу, приходилось также довѣрять поручику Карганову, также мошеннику и негодяю, но за которымъ во всякомъ случаѣ не было никакихъ военныхъ выдающихся заслугъ. Карьеру Паскевича на Кавказѣ со стороны ея удачи, конечно, составили два Ермоловскихъ генерала: Мадатовъ и Вельяминовъ, заставившіе и убѣдившіе Паскевича принять подъ Елизаветполемъ бой со всею арміею Аббаса-Мирзы и своими срамными войсками разбившіе эту армію.

3.

Паскевичъ пріѣхалъ на Кавказъ 29-го августа 1826 года, смѣна же Ермолова указомъ государя произошла 12-го марта 1827 года; и такъ, осада Ермолова петербургскими генералами продолжалась шесть съ половиной мѣсяцевъ. Въ это время пріѣзжали и уѣзжали въ Тифлисъ и Петербургъ разныя болѣе или менѣе извѣстныя лица, велась секретная кореспонденція каждымъ изъ дѣйствующихъ лицъ на свой страхъ и совѣсть и, что также любопытно, эти письма посылались съ оказіями, съ друзьями и адъютантами, такъ какъ писавшіе государю и другимъ лицамъ, на помощь и содѣйствіе которыхъ расчитывали, почти не вѣрили и не довѣряли другъ другу. Одинъ Ермоловъ не писалъ ничего, кромѣ чисто офиціальныхъ отношеній и бумагъ, очевидно одинъ изъ всѣхъ хорошо понимая, что для него ни въ какомъ случаѣ побѣда невозможна. Но онъ, ожидая конца, утѣшался, заставляя Дибича плясать подъ свою дудку. Дѣйствительно, если прослѣдить послѣдовательность донесеній и писемъ Дибича къ императору, нельзя не видѣть, какъ послѣдовательно и постепенно его сужденія клонились въ пользу

Ермолова. Въ послѣднихъ письмахъ онъ даже пытается реабилитировать его политическую репутацію, донося о прекрасномъ состояніи опальныхъ полковъ, принимавшихъ участіе въ семеновскомъ бунтѣ и въ происшествіяхъ четырнадцатаго декабря, и оправдывая Ермолова въ разныхъ подлыхъ на него доносахъ о послабленіяхъ, которыя онъ будто бы дѣлаетъ наказаннымъ и разжалованнымъ офицерамъ. Мало того, проектируя въ концѣ концовъ вызовъ на Кавказъ Витгенштейна, Дибичъ весьма непрозрачно докладываетъ о малой способности дѣйствовать въ кавказскихъ условіяхъ Паскевича, и о престарѣлости его собственнаго кандидата Витгенштейна. Въ результатѣ выходило довольно ясно, что самая польза дѣла требовала оставленія Ермолова на Кавказѣ, съ порученіемъ исполнять боевые планы, составленные самимъ Дибичемъ, и еще лучше подъ его же, Дибича, личнымъ руководствомъ. Въ этомъ же смыслѣ долженъ былъ написать отъ себя письмо къ государю и самъ Ермоловъ.

Послѣдній обѣщалъ сдѣлать по желанію Дибича, но опоздалъ къ отъѣзду очередного фельдъегеря, къ изумленію Дибича, угадавшаго наконецъ во всемъ поведеніи съ нимъ Ермолова тотъ своеобразный «обманецъ», котораго былъ дѣйствительно иногда не чуждъ остроумный характеръ Ермолова. Черезъ день послѣ отъѣзда курьера Дибича, Ермоловъ все-таки написалъ и отослалъ письмо, но вотъ какого содержанія:

«Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность вашего императорскаго величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить ваше величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку, не имѣющему ни довольно способности, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности вашего императорскаго величества поставилъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное: немогу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшимости, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной.

«Дѣятельность моя охлаждается той мыслью, что не буду я умѣть исполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь. Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю, однако же, просить объ увольненіи отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ это можетъ быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не считаю непреодолимыми: но, устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣлюсь представить вашему императорскому величеству мѣру сію, какъ согласную съ общей пользою, которая была главною цѣлью моихъ дѣйствій».

Конечно, не того ждали и желали въ Петербургѣ, откуда государь писалъ Дибичу, получивъ уже его колеблющіяся въ пользу Ермолова донесенія:

«Я надѣюсь, что вы не позволите себя обмануть этому человѣку, для котораго ложь, какъ только она ему полезна, становится добродѣтелью, и который ни во что не ставитъ получаемыя имъ повелѣнія».

Послѣ этого разговаривать далѣе было незачѣмъ и дѣло кончилось тѣмъ же, чѣмъ бы ему слѣдовало начаться: увольненіемъ Ермолова и назначеніемъ Паскевича командиромъ кавказскаго корпуса и главнымъ начальникомъ гражданской части на Кавказѣ.

Увольненіе должно было быть произведено безъ скандала, но Дибичъ посовѣтовалъ отставному герою поскорѣе оставить Кавказъ, на которомъ Ермолову нужно было устроить свои частныя семейныя дѣла. При выѣздѣ всемогущему Цезарю не догадались предложить необходимый для его выѣзда конвой и онъ долженъ былъ просить объ этомъ.

Въ донесеніи государю о совершившейся по его повелѣнію перемѣнѣ въ управленіи Кавказомъ Дибичъ пишетъ, что даже и въ этомъ краѣ, гдѣ о каждомъ распространяютъ массу позорящихъ клеветъ, никто не могъ и не смѣлъ заподозрить личнаго безкорыстія Ермолова. Онъ, дѣйствительно, выѣхалъ изъ Тифлиса въ той самой рогожной кибиткѣ, въ какой десять лѣтъ тому назадъ въѣхалъ въ него. Ему оставили на первое время только четыре тысячи ассигнаціями жалованья, которыя онъ получалъ по чину. Уѣхалъ онъ въ Орловскую губернію въ имѣніе отца, не имѣя еще полныхъ пятидесяти лѣтъ отъ роду, уѣхалъ на долгій и безполезный для своей родины созерцательный покой.

За что? Кажется только и единственно за то, что одинъ былъ твердъ въ своихъ правилахъ и постояненъ въ своей прочной любви ко благу Россіи, какъ онъ самъ о себѣ писалъ Аракчееву. Не нравилось это многимъ и никто не умѣлъ тогда оцѣнить древне-римское величіе русскаго военачальника.

4.

Съ увольненіемъ Ермолова, собиравшійся пожинать кавказко-персидскіе лавры Дибичъ былъ въ свою очередь вызванъ въ Петербургъ. Конечно, будущій Забалканскій поторопился отречься отъ своего мнѣнія въ непригодности Паскевича къ его новой роли, на чемъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаетъ вниманіе своего читателя историкъ Паскевича.

Всякому, кто пишетъ исторію лица, не вполнѣ еще забытаго, притомъ по фамильнымъ документамъ и особенно на средства его наслѣдниковъ, предстоитъ обыкновенно трудная задача обойти или затушевать тѣ негладкости пути въ жизни и дѣятельности историческаго героя и тріумфатора, которыя не благопріятны для его

памяти и не выгодны для общаго блеска его историческаго панегирика. Такая же задача предстояла князю Щербатову во второмъ томѣ его исторіи, такъ же какъ впереди предстоитъ и еще горшая въ послѣднемъ томѣ, когда придется касаться дѣятельности и участія князя Варшавскаго въ событіяхъ восточной войны 1854—1855 годовъ. Но послѣднее еще далеко впереди, теперь же, изучая вышедшій томъ, по обыкновенію хорошо и очень интересно написанный, нельзя не отдать справедливости его автору, что онъ очень удачно справился съ трудной задачей историческаго изложенія о появленіи Паскевича на Кавказѣ съ его страннымъ порученіемъ. Для этого князь Щербатовъ оставляетъ своему герою вполнѣ страдательную роль, весьма мало распространяясь о дѣйствіяхъ самого Паскевича, ничего не приписывая его иниціативѣ, но выставляя его въ положеніи жертвы случая и каприза людей, волѣ которыхъ онъ не могъ и не умѣлъ сопротивляться. Съ этой точки зрѣнія войнѣ Паскевича съ Мадатовымъ, обманывавшимъ его на доставкѣ нужнаго провіанта, отведено едва ли не болѣе мѣста, чѣмъ столкновеніямъ Паскевича съ Ермоловымъ. Весьма любопытно было бы сопоставить съ этимъ ироническое отношеніе автора къ Дибичу, имѣвшему однако такое же порученіе убрать съ Кавказа Ермолова, какое имѣлъ и Паскевичъ, и на самомъ дѣлѣ отнесшемуся къ своей задачѣ человѣчнѣе Паскевича, хотя подчасъ и довольно наивно. Вообще, въ первыхъ четырехъ главахъ, герой нашего историка является блѣднымъ, не ярко вырисовывающимся въ воображеніи читателя, и только съ принятіемъ серьезнаго начальства надъ арміею, когда въ сущности Паскевичъ началъ говорить такъ же, какъ до него говорилъ Ермоловъ, и дѣйствовать съ тою же осторожностью, съ какою тотъ дѣйствовалъ, фигура его вступаетъ въ свои права и рисуется въ свѣтѣ совершенно опредѣленномъ. И этотъ свѣтъ выгоденъ для историка-панегириста, потому что героя въ самомъ дѣлѣ есть за что̀ хвалить. Онъ мудро распоряжается ввѣренными ему силами войскъ, не ищетъ напрасныхъ кровопролитій, заботится о путяхъ сообщенія и обмундированіи солдатъ, и, кромѣ того, одерживаетъ красивыя и недорого-стоющія побѣды надъ глупыми и плохими полчищами Аббасъ-Мирзы.

Онъ заставилъ сдаться на капитуляцію крѣпость Аббасъ-Абадъ, овладѣлъ Сардарь-Абадомъ, путемъ ускоренной осады, и, наконецъ, взялъ Эривань съ ничтожною потерею въ сто человѣкъ убитыми и ранеными. Единственнымъ непріятнымъ для него дѣломъ было кровавое столкновеніе генерала Красовскаго съ незначительнымъ отрядомъ, пробившимся сквозь всю армію Аббаса-Мирзы къ Эчміадзину, причемъ отрядъ потерялъ до семисотъ человѣкъ убитыми и до трехсотъ ранеными, и въ томъ числѣ самого командира этого злополучнаго отряда, генерала Красовскаго. По этому дѣлу можно было судить, каковы были деморализованныя войска корпуса

Ермолова, которыхъ пріѣхавшій новый начальникъ стыдился сначала показать непріятелю.

И такъ и здѣсь боевое счастіе не покидало знаменъ Паскевича и прокладывало ему широкій путь къ дальнѣйшей карьерѣ, въ концѣ которой виднѣлась варшавская Воля, и долгое намѣстничество Паскевича въ Польшѣ, то есть, именно та роль, для которой всего болѣе годился этотъ умный, дальновидный государственный человѣкъ и николаевскій полководецъ. Путь его былъ съ этой минуты широкъ и блестящъ, но этотъ путь велъ Россію къ паденію Севастополя и Парижскому унизительному для насъ миру.

И не случаенъ былъ послѣдній результатъ. Въ то время какъ неизмѣннымъ тріумфаторомъ шелъ Паскевичъ путемъ не измѣнявшаго ему счастія къ почестямъ и славѣ, на одной изъ маленькихъ московскихъ улицъ, въ неказистомъ домѣ, медленно и долго угасалъ русскій левъ, нѣкогда имъ осажденный. Не искалъ онъ славы, не издавалъ жалобъ, не добивался популярности. Онъ и въ частной жизни жилъ такъ же просто какъ и на службѣ, не лишая себя удовольствія сказать по временамъ мѣткое слово или своеобразно оцѣнивать происходящія на его глазахъ событія. Общественное мнѣніе имъ, однако, постоянно интересовалось, постоянно заставляло вспоминать о немъ, тамъ, гдѣ бы объ немъ охотно забыли навсегда. Поступокъ графини Орловой-Чесменской, предложившей Ермолову пользоваться доходами съ ея подмосковнаго громаднаго имѣнія, послужилъ поводомъ назначить герою Кульма и Бородина приличное его сану и заслугамъ содержаніе. Ему назначили тридцать тысячъ рублей ассигнаціями, и вскорѣ сдѣлана была попытка полнаго примиренія, причемъ Ермолова посадили въ Государственный Совѣтъ. Но такъ какъ тамъ принципіально отстраняли его отъ обсужденія знакомыхъ ему вопросовъ войны и военнаго устройства, а занимали обсужденіемъ разныхъ юридическихъ тонкостей, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, то онъ и самъ сталъ отпрашиваться отъ послѣдней службы и, получивъ увольненіе, снова поселился въ тихой тогда Москвѣ, являясь одной изъ самыхъ большихъ ея достопримѣчательностей.

При открытіи памятника на бородинскомъ полѣ, Ермоловъ былъ вызванъ сопровождать государя и, какъ очевидецъ, разсказывалъ ему на мѣстѣ о важнѣйшихъ моментахъ героической битвы подъ Москвой. Когда же праздновалось столѣтіе со дня учрежденія Преображенскаго полка, прямо съ парада командиръ гвардейскаго корпуса великій князь Михаилъ Павловичъ и покойный государь Александръ Николаевичъ, бывшій тогда цесаревичемъ, заѣхали въ въ скромный домъ Ермолова, поклониться батюшкѣ Алексѣю Петровичу, какъ выразился тогда великій князь. Въ день открытія памятника Кульмскаго боя, Ермолову былъ данъ орденъ Андрея Первозваннаго. Все это были вещественные знаки личнаго

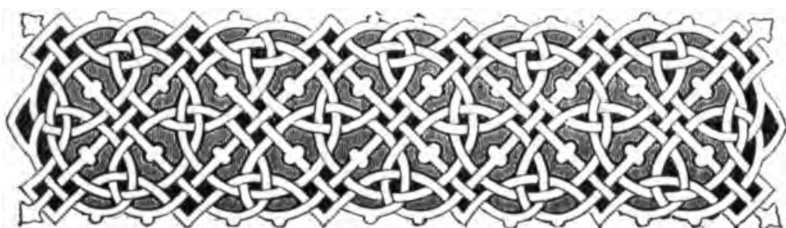
вниманія и благоволенія государя къ старому ветерану. Но придворныя и правящія сферы продолжали не любить и бояться Ермолова, который всегда могъ повторить вопросъ: говорить ли ктонибудь изъ нихъ по-русски, и потому великая сила и доблесть въ его лицѣ обречена была угасать безъ всякой пользы для родины и ея государя.

Ермоловъ былъ невозможенъ въ то время, когда генералы Смоленскаго и Марсова полей признавались главными авторитетами войскового дѣла. Не могъ онъ что-либо значить въ то время, когда ружейные стволы нарочно истирали наждакомъ и нарочно расхлябывались всѣ ружейные обхваты и личинки, чтобы на парадахъ получался лучшій музыкальный темпъ ружейныхъ пріемовъ, и когда мудрецы развода негодовали на войну, какъ на явленіе разстроивающее войсковую дисциплину. Но не имѣя возможности бороться со зломъ, онъ зналъ и предвидѣлъ, что̀ изъ него выйдетъ. Плацъ-парадные побѣдители доставили намъ севастопольское пораженіе и въ тяжкій часъ своей кончины императоръ Николай долженъ былъ вспомнить столь несправедливо обиженнаго имъ кавказскаго льва, потому что въ ту минуту онъ самъ умиралъ побѣжденный и разбитый врагомъ, «котораго привыкъ презирать», какъ онъ писалъ въ своемъ первомъ гнѣвномъ рескриптѣ Ермолову.

Ермоловъ умеръ въ глубокой старости, переживъ всѣхъ своихъ обидчиковъ и непріятелей. Медленное его умираніе въ пучинѣ вынужденнаго бездѣйствія продолжалось долѣе его служебнаго поприща. Но это недовершенное служеніе оставило по себѣ неизгладимый историческій слѣдъ въ той прочной покорности, какою изъ всѣхъ нашихъ окраинъ отличается едва ли не одинъ, Ермоловымъ усмиренный, Кавказъ. Онъ, единственно твердостью и неизмѣнностью своей вѣры въ русскую несокрушимую силу, умѣлъ въ десять лѣтъ сокрушить національную жизненность многочисленныхъ кавказскихъ племенъ. Онъ, дѣйствительно, показалъ эту силу и не отступался отъ этого никогда и ни для какихъ постороннихъ соображеній. И, какъ всегда бываетъ въ подобномъ случаѣ, заслуживъ плохую оцѣнку у своихъ согражданъ, онъ получилъ у враговъ память, доходившую до богопочитанія. Онъ импонировалъ имъ, какъ львинымъ обликомъ, такъ и мощью своего духа, и тѣмъ первый заставилъ ихъ понять ту силу, которая заключалась въ русскомъ народномъ самосознаніи и русской боевой мощи. Не зачѣмъ поэтому сѣтовать на то, что ему нѣтъ памятника, когда такіе поставлены и Воронцову, и Паскевичу.

Кавказъ съ его величественными, въ небо уходящими вершинами,—вотъ достойный памятникъ Ермолову, и обрусѣлый Кавказъ—вотъ его вѣчная историческая слава.

В. К. П.

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ И. Ѳ. БОГДАНОВИЧА.

БЕЗСМЕРТНЫЙ авторъ «Душеньки», коллежскій совѣтникъ, Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, послѣдніе дни своей жизни провелъ въ г. Курскѣ, гдѣ скончался 6-го января 1803 года и погребенъ на Всесвятскомъ, что̀ за херсонскими воротами, кладбищѣ. Курское Всесвятское, или, проще, какъ принято въ Курскѣ его называть — херсонское кладбище—одно изъ самыхъ древнихъ (двухъ) курскихъ кладбищъ, нынѣ существующихъ, находится на юго-западной сторонѣ Курска. Внѣшній видъ кладбища, какъ и всѣхъ, большею частью, православныхъ кладбищъ въ провинціи поражаетъ посѣтителя своимъ крайне безотраднымъ состояніемъ и наводитъ на невольныя думы о полномъ невниманіи и небрежности живыхъ людей къ праху своихъ почившихъ братьевъ. Надгробные памятники, иногда очень цѣнные, полуразрушены, деревянные кресты покосились или валяются по кладбищу; могилы густо заросли крапивой, лопушникомъ и другими сорными травами; кладбище не огорожено со всѣхъ сторонъ; словомъ, рука хищниковъ и печать полнѣйшей людской небрежности видны на каждомъ шагу... На этомъ-то кладбищѣ, среди полуразрушенныхъ надгробныхъ памятниковъ, то временемъ, то рукою хищниковъ, находится заросшій крапивой, шиповникомъ, сиренью, акаціей и разнаго рода сорной травой, когда-то прекрасный, а нынѣ полуразрушенный памятникъ на могилѣ творца «Душеньки», Ипполита Ѳедоровича Богдановича, поставленный въ 1834 году бывшимъ

курскимъ губернаторомъ П. Н. Демидовымъ. Какъ будто бы пророчески исполнились слова И. Ѳ. Богдановича:

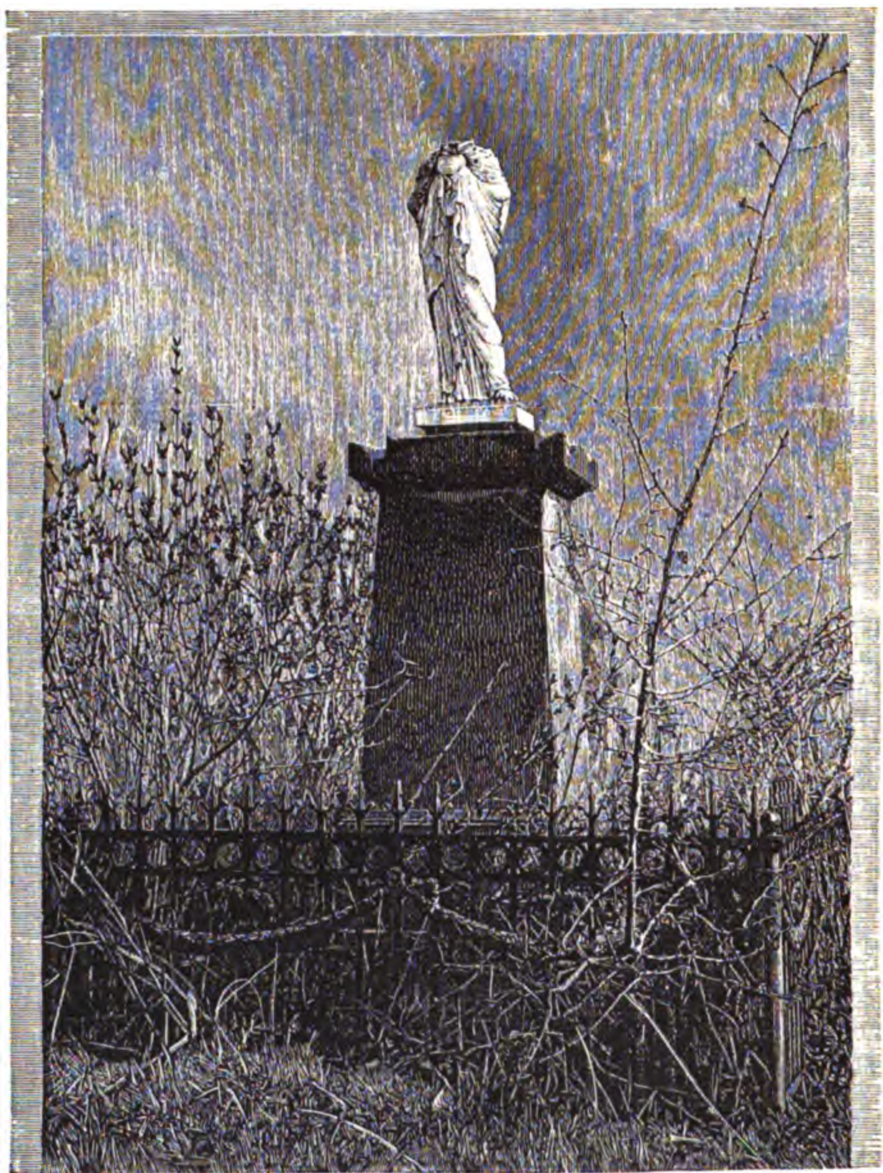
«Когда чего я не имѣю,
«Я то̀ считаю за ничто!»...

Черезъ три десятка съ лишнимъ лѣтъ, послѣ смерти, на забытой курянами могилѣ знаменитаго писателя и человѣка, русскій меценатъ сооружаетъ превосходный памятникъ; а спустя 56 лѣтъ послѣ сооруженія, этотъ памятникъ рука хищника и невѣжды приводитъ въ такое положеніе, что теперь съ трудомъ только можно было опредѣлить на запущенномъ кладбищѣ ту могилу, на которой памятникъ этотъ поставленъ. Впрочемъ, къ счастію, памятникъ настолько еще крѣпокъ, что ни время, ни стихіи, ни даже хищничество, не могли совершенно уничтожить его. Если Богъ поможетъ и добрые люди сочувственно отнесутся, то при небольшихъ матеріальныхъ затратахъ, можно будетъ произвести реставрацію памятника. Кстати, недалеко и то время (6-го января 1903 года), когда исполнится столѣтіе со дня кончины И. Ѳ. Богдановича.

Добыть свѣдѣнія о подробностяхъ сооруженія памятника на могилѣ И. Ѳ. Богдановича, не смотря на всѣ старанія пишущаго эти строки, не удалось. Извѣстно только то, что памятникъ поставленъ въ 1834 году П. Н. Демидовымъ и, какъ утверждаютъ курскіе старожилы, на собственныя его средства.

Памятникъ И. Ѳ. Богдановича въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ находится, изображаетъ прекрасную, скульптурной работы, бѣлаго мрамора статую Психеи. Психея изображена въ видѣ стройной женщины, изящная фигура которой закутана въ пышную длинную одежду (тунику), мелкими складками ниспадающую къ ногамъ. Сверху одежды наброшенъ особый покровъ, закрывающій руки, держащія свѣтильникъ. Голова статуи отбита; свѣтильникъ поврежденъ, какъ равно, въ нѣкоторыхъ частяхъ, повреждено и основаніе статуи. По слѣдамъ, оставшимся на памятникѣ, видно, что хищники усиливались сорвать съ пьедестала статую. Пьедесталъ сдѣланъ изъ пестраго мрамора въ греческомъ стилѣ и утвержденъ на гранитныхъ плитахъ въ двѣ ступеньки. Вокругъ памятника имѣется квадратная, крѣпкая, довольно изящная желѣзная рѣшетка. Высота памятника въ томъ видѣ, въ какомъ нынѣ находится, 3 арш. и 1 верш.; статуя Психеи—1 арш. 4 верш. На пьедесталѣ были помѣщены надписи, сдѣланныя рельефными бронзовыми буквами, которыя были привинчены къ пьедесталу.

Буквы эти похищены съ задней стороны совершенно; остались только однѣ точки, гдѣ буквы находились; на лицевой же сторонѣ осталась незначительная часть буквъ. Возстановляя надпись по слѣдамъ оставшихся буквъ на лицевой сторонѣ пьедестала,

Памятникъ на могилѣ И. Ѳ. Богдановича.

можно придти къ заключенію, что она была слѣдующаго содержанія:

здѣсь погребенъ
(..ѣ.. .о..ев...)
коллежскій совѣтникъ
(....е...ій ...ѣтн...)
ипполитъ ѳеодоровичъ
(.....ит. .ео...ови..)
богдановичъ
(...........)
скончавшійся
(..о...вшій..)
6 генваря 1803 года.
(. ге...ря 1.0. ....)[1].

Несомнѣнность мѣста погребенія И. Ѳ. Богдановича на Всесвятскомъ кладбищѣ удостовѣряютъ курскіе старожилы, въ числѣ которыхъ назову почтенную Анну Никитичну Машнину, глубокую старуху, одиноко живущую въ Курскѣ, по Золотаревской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Въ домѣ бабушки А. Н. Машниной, по разсказу А. Н., находившемся на углу Троицкой и Пастуховской улицъ, нынѣ уже не существующемъ, гдѣ теперь выстроено духовное училище, проживалъ И. Ѳ. Богдановичъ и тамъ скончался.

Время и мѣсто постановки памятника на могилѣ И. Ѳ. Богдавовича А. Н. Машнина помнитъ хорошо. Объ И. Ѳ. она передала разсказъ бабушки и матери своей, что И. Ѳ. былъ въ большой дружбѣ съ тогдашнимъ курскимъ губернаторомъ Александромъ Матвѣевичемъ Веревкинымъ[2], у котораго даже столовался. Во время тяжкой болѣзни И. Ѳ. Богдановича, по разсказу А. Н. Машниной, дали знать А. М. Веревкину, который немедленно прибылъ въ квартиру Богдановича. Приглашенный имъ, А. М. Веревкинымъ, настоятель Троицкой церкви напутствовалъ умирающаго поэта и, затѣмъ, похоронилъ на Херсонскомъ кладбищѣ. По метрическимъ книгамъ Курска актъ смерти И. Ѳ. Богдановича, какъ увѣдомила меня курская духовная консисторія, незначится записаннымъ.

И. Ѳ. Богдановичъ, какъ видно изъ его біографіи, составленной Н. М. Карамзинымъ, родился въ Малороссіи, въ м. Переволочной[3], 23-го декабря 1743 года, а скончался, какъ сказано выше, въ Курскѣ 6-го января 1803 года.

Т. Вержбицкій.

---

[1]) Скобками означены слова, сохранившіяся на памятникѣ. Т. В.

[2]) Статскій совѣтникъ А. М. Веревкинъ служилъ въ должности курскаго губернатора съ 13-го іюня 1799 по 13-е сентября 1803 г. Т. В.

[3]) Полтавской губерніи, Кобелякскаго уѣзда. Т. В.

КАМЕННЫЯ БАБЫ.

СЯКОМУ, кто часто проѣзжалъ въ лѣтнее время по безмѣрнымъ степямъ нашего Новороссійскаго края, неминуемо приходилось видѣть или, по крайней мѣрѣ, слышать о такъ называемыхъ каменныхъ бабахъ и, быть можетъ, неминуемо приходилось задавать себѣ вопросъ: какой такой народъ былъ, который ставилъ бабы на курганахъ, и что̀ означали собой эти бабы? Вопросъ о каменныхъ бабахъ занималъ многихъ изъ русскихъ археологовъ; его касались Терещенко, Спасскій, Клапротъ, Гакстаузенъ, Кеппенъ, Пассекъ, Флоренсовъ, Мельгуновъ, Пискаревъ, Кельсіевъ, Уваровъ, Ядринцевъ и другіе [1]). Изъ мнѣній названныхъ археологовъ можно вывести то заключеніе, что каменныя бабы ставились еще въ глубочайшей древности въ разныя времена до Р. Х. и послѣ Р. Х. совмѣстно у многихъ народовъ: гунновъ, половцевъ, калмыковъ, ногайцевъ, киргизъ-кайсаковъ, хакасовъ, усуновъ, дулгасцевъ, гетовъ, саковъ и иногда у скиѳовъ; вообще у народовъ, принадлежавшихъ къ одному племенному семейству или, по крайней мѣрѣ, къ одной языческой религіи, каковы народы тюркско-татарскаго происхожденія; исключеніе составляютъ только скиѳы; но и на курганахъ скиѳовъ постановку каменныхъ бабъ приписываютъ не имъ лично, а народамъ тюркско-татарскаго происхожденія, которые пользовались уже готовыми могилами, хоронили въ нихъ своихъ покойниковъ и ставили на вершинахъ ихъ грубыя изваянія

---

[1]) «Труды V археологическаго съѣзда», 76; «Труды I археологическаго съѣзда», Москва, 1871, II, 501; «Древніе памятники и письмена Сибири», Спб., 1885; «Записки одесскаго Общества исторіи и древн.», т. II, отд. III, 822.

каменныхъ бабъ [1]). Извѣстно, что ни на одной бабѣ не найдено никакихъ надписей; отсюда слѣдуетъ думать, что всѣ онѣ принадлежатъ народамъ, еще незнавшимъ письменъ.

Первое упоминаніе о каменныхъ бабахъ принадлежитъ голландскому монаху Вильгельму Рубруквису, ѣздившему въ 1253 году посломъ отъ короля Людовика IX къ монгольскому царю Мангу-Хану. Вильгельмъ Рубруквисъ, направляясь на Великую Монголію, на пути своего слѣдованія былъ у половцевъ, называемыхъ иначе куманами; здѣсь онъ видѣлъ похороны умершаго и говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Куманы имѣютъ обыкновеніе насыпать землю надъ могилою умершаго и ставить статую, обращенную лицомъ къ востоку и держащую сосудъ обѣими руками у пупа чрева. Богатымъ они воздвигали пирамиды или маленькіе четыреугольные домики, но въ этихъ домикахъ ничего не находится. Я видѣлъ также одну могилу, гдѣ они повѣсили шестнадцать лошадиныхъ кожъ, по четыре противъ каждой изъ четырехъ странъ свѣта, потомъ ставили кумысъ, чтобы ѣсть и пить» [2]). Далѣе о каменныхъ бабахъ упоминаютъ новгородскія лѣтописи подъ 1398 годомъ: «Преставися святой Стефанъ... сей научи перьмскую землю вѣрѣ Христовѣ, а прежде кланялися звѣремъ и древомъ, водѣ, огню и златой бабѣ» [3]). Въ такъ называемомъ Тмутороканскомъ болванѣ нѣкоторые также видятъ одну изъ каменныхъ бабъ, которыхъ такъ много было на Тмутороканскомъ, теперешнемъ Таманскомъ, полуостровѣ: «Дивъ кличетъ верху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ Волзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутороканскый болване» [4]). Потомъ въ XVI вѣкѣ (1517—1526 гг.) о каменныхъ бабахъ говоритъ баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, посолъ германскихъ императоровъ Максимиліана I и Карла V, къ русскому великому князю Василію IV Ивановичу, авторъ «Записокъ о Московіи»: «Золотая баба, т. е. золотая старуха, есть идолъ у устьевъ Оби, въ области Обдорѣ; онъ стоитъ на правомъ берегу... Разсказываютъ, или справедливѣе баснословятъ, что этотъ идолъ золотой бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ сына въ утробѣ, и что тамъ уже виденъ другой ребенокъ, который, говорятъ, ея внукъ. Кромѣ того увѣряютъ, что тамъ поставлены какіе-то инструменты, которые издаютъ постоянный звукъ, въ родѣ трубнаго» [5]). Затѣмъ о каменныхъ бабахъ упоминаетъ въ XVI вѣкѣ «Книга большого чер-

---

[1]) Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи, Москва, 1880, II, 528.

[2]) Путешествіе Рубруквиса, изданіе Вержерона, т. I, гл. X.

[3]) Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, Спб., 1852, VI, примѣчаніе 125.

[4]) А. А. Потебня. Слово о полку Игоревѣ, Воронежъ, 1878, 26.

[5]) «Записки о Московіи», переводъ Анонимова, Спб., 1866, 126.

тежа»: «А на рѣчкѣ на Терновкѣ [1]) стоитъ человѣкъ каменной, а у него кладутъ изъ Бѣлаграда станичники доѣздныя памяти, а другія памяти кладутъ на Самарѣ и у двухъ дѣвокъ каменныхъ... А по правой странѣ по тому истукану изъ кладязей Какуйгыръ— люди каменные болваны, противъ тое соли, что емлютъ Азоевцы» [2]). Далѣе о каменныхъ бабахъ упоминаетъ итальянскій путешествен-

никъ Гванини (1538—1614 г.): «Въ Обдорской области, близь устья рѣки Оби, есть одинъ стариннѣйшій, высѣченный изъ камня, идолъ, называемый московитами золотой бабой, т. е. золотой старухой. Это есть подобіе старой женщины, въ нѣдрѣ своемъ держащей младенца и имѣющей другого возлѣ себя ребенка, котораго они

[1]) Терновка—правый притокъ рѣки Самары, Екатеринославской губ., Павлоградскаго уѣзда.

[2]) «Книга большого чертежа», изданіе Спасскаго, Москва, 1846, 18, 55.

называютъ внукомъ ея обитателя» [1]). Наконецъ, о каменныхъ бабахъ даютъ подробныя описанія русскіе ученые прошлаго вѣка— Фалькъ, Зуевъ, Лепехинъ, Гюльденштедтъ, Палласъ и др.

Большинство каменныхъ бабъ высѣчено изъ крупно-зернистаго кварцоваго и раковистаго песчаника, легко вывѣтривающагося отъ дурной погоды, или же изъ мѣстнаго известняка и сѣроватаго

цвѣта гранита; только одинъ разъ найдена была небольшихъ размѣровъ баба серебрянаго изваянія, на берегу рѣки Кумы [2]).

Обыкновенный портретъ каменныхъ бабъ представляется въ такомъ видѣ: придавленный лобъ, короткій затылокъ, плоское, круглое, съ широкими скулами и щеками лицо, всегда обращенное на востокъ, можетъ быть, для указанія первобытнаго отечества, от-

---

[1]) «Описаніе Европейской Сарматіи», Спира, 1851, pag. 85, 86.

[2]) «Труды I археологическаго съѣзда», Москва, 1871, II, 504.

куда вышли всѣ тюркско-татарскія племена; большой туповатый подбородокъ; узенькіе глаза, маленькій ротъ, приплюснутый носъ, плоская спина, отвислая грудь, выпученный животъ, прижатыя локтями къ бокамъ руки, короткія ноги, можетъ быть, для означенія сидячаго положенія фигуры [1]), маленькія ступни и неизбѣжно сложенныя на животѣ руки, держащія какую-то ступку, продолговатую чашку или бутылку.

Отклоненія отъ этого общераспространеннаго типа составляютъ или совершенно обнаженныя бабы, кромѣ головного убора и высокихъ до колѣнъ сапогъ, или бабы обнаженныя до пояса, ниже котораго идетъ короткое до колѣнъ платье, а иногда вмѣсто платья узкіе штаны и съ острыми голенищами сапоги, или же бабы фаллосовыя. Послѣднія составляютъ большую рѣдкость и, сколько намъ извѣстно, такихъ бабъ всего лишь три: одна въ елисаветградскомъ реальномъ училищѣ [2]), другая въ частномъ собраніи каменныхъ бабъ Г. П. Алексѣева, въ мѣстечкѣ Котовкѣ, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, и третья въ собраніи А. Н. Поля, въ имѣніи Дубовой-Балкѣ, Верхне-днѣпровскаго уѣзда той же губерніи. Фаллосовыя бабы, елисаветградская и котовская, имѣютъ въ общемъ одинъ и тотъ же типъ, такъ что по портрету одной бабы можно судить и о портретѣ другой: котовская баба имѣетъ около двухъ съ половиной аршинъ высоты, до двухъ четвертей толщины, представляетъ изъ себя фигуру мужского пола съ сильно выпученнымъ животомъ, но со стертымъ отъ времени лицомъ, съ типичной низко придавленной на головѣ шапочкой и съ тремя, въ видѣ толстыхъ жгутовъ, косами, идущими вдоль спины, до стана; ниже стана, на спинѣ бабы, рельефомъ сдѣлана фигура пляшущаго мужчины, поднявшаго верхъ обѣ руки, съ фаллосомъ внизу. Фаллосовая баба дубово-балчанская имѣетъ совершенно иной видъ, чѣмъ двѣ другія названныя бабы: это плоскій камень въ четыре съ половиной аршина высоты, имѣющій видъ толстой доски, три четверти аршина толщины и одинъ аршинъ съ двумя вершками ширины, съ одной стороны которой выбита фигура человѣка, съ лицомъ совершенно круглымъ и скорѣе славянскимъ, чѣмъ монголовиднымъ, съ кинжаломъ въ правой рукѣ, съ какимъ-то рогомъ, можетъ быть для питья, въ лѣвой рукѣ, и съ фаллосомъ въ полъаршина длины внизу.

Каменныя бабы изображаютъ собой оба пола и всѣ возросты: мужчинъ и женщинъ, юношей и дѣвицъ, малолѣтнихъ и взрослыхъ дѣтей. Признаками бабъ мужского пола служатъ: на губахъ усы;

---

[1]) Въ такомъ видѣ и до сихъ поръ хоронятъ своихъ покойниковъ сельскіе татары Казанской, Симбирской и Оренбургской губерній: «Записки одесскаго Общества ист. и древн.», т. II, отд. III, 822. Есть, впрочемъ, бабы и въ наклонномъ и даже прямомъ положеніи.

[2]) «Труды Московскаго археологическаго Общества», т. XI, вып. II, 87.

на головѣ небольшой колпачекъ, или круглая низкая, на подобіе ермолки, шапочка, иногда съ каймою или полями по вѣнцу колпачка; на спинѣ три косы, или скрученныя жгутами, или перевязанныя накрестъ и идущія одна возлѣ другой до пояса; въ ушахъ иногда серьги; у пояса съ лѣвой стороны иногда ножъ или мечъ [1]), съ правой стороны колчанъ, иногда гребешокъ, мѣшочекъ; на ногахъ или вовсе ничего, или сапоги, ременные переплеты и крючки для поддерживанія голенищъ; поверхъ всей фигуры длинный кафтанъ съ узкими рукавами, съ нашивками или каймами по фалдамъ и обшлагамъ, съ треугольными вырѣзками на таеѣ, перехваченный на груди ремнемъ, идущимъ съ груди на спину и здѣсь скрѣпляющимся большой между лопатками бляхой, потомъ выходящимъ подъ обѣ мышки на грудь и тутъ закрѣпляющимся двумя бляхами; наконецъ, на плечахъ поверхъ кафтана иногда нашивки и разныя украшенія. Признаками бабъ женскаго пола служатъ на головѣ высокая, иногда шишкообразная, кверху съуживающаяся, съ широкими полями, шапочка; спереди выбивающіеся изъ-подъ шапочки волосы; по вискамъ, въ родѣ бараньихъ роговъ, жгуты волосъ; на груди иногда четырехъ-угольная коробочка и ниже коробочки сильно отвислыя груди; въ ушахъ серьги съ подвѣсками, на шеѣ ожерелье изъ бусъ и обручей; на спинѣ двѣ косы, спускающіяся одна возлѣ другой до пояса, и длинный платокъ съ заостренными лопастями [2]).

Существованіе бабъ обоего пола, какъ справедливо замѣчаетъ графъ А. С. Уваровъ, даетъ поводъ думать, что у народовъ, оставлявшихъ послѣ себя подобнаго рода памятники, мужчины и женщины пользовались одинаковымъ уваженіемъ и одинаковымъ правомъ на памятникъ. Въ процентномъ отношеніи между количествомъ бабъ мужского пола и женскаго замѣчена та особенность, что сибирскія бабы изображаютъ больше мужчинъ, тогда какъ южно-русскія больше женщинъ.

Начало каменныхъ бабъ—центральная Азія; конецъ—Западный край Россіи. Н. М. Ядринцевъ, взявшій на себя трудъ спеціально прослѣдить мѣста нахожденія въ Сибири каменныхъ бабъ, послѣ тщательныхъ розысковъ, пришелъ къ заключенію, что каменныя бабы встрѣчаются въ Сѣверной Монголіи, Кемчикѣ, Минусинскомъ округѣ, Алтаѣ, къ югу отъ него около Кульджи, около Вѣрнаго, Исыкъ-Куля, въ Киргизской степи близъ Балхаша, и отсюда переходятъ въ южную Россію [3]). Изъ южной Россіи каменныя бабы

---

[1]) «Судя по формѣ мечей и ножей, замѣчаетъ графъ А. С. Уваровъ, можно, кажется, отнести эти изваянія къ желѣзному вѣку, потому что бронзовыя орудія отличаются совершенно другою формою».

[2]) Всего больше къ этому портрету подходитъ, такъ называемая, кубанская баба: «Археологическій Вѣстникъ», Москва, 1868, ноябрь—декабрь, 282.

[3]) «Древніе памятники и письмена въ Сибири», Спб., 1885, 19.

идутъ въ Западную Россію до Калишской губерніи и Галичины [1]).

Подвигаясь постепенно изъ центральной Азіи, путемъ перекочеванія съ одного мѣста на другое, тюркско-татарскія племена вездѣ оставляли за собой слѣды своего пребыванія въ видѣ каменныхъ бабъ, которыя въ данномъ случаѣ служатъ столбами для указанія пути передвиженія человѣчества изъ Азіи въ Европу въ

древнѣйшія времена и служатъ ключемъ для разгадки родства между европейскими и азіатскими народами; причемъ наблюдается фактъ, что бабы Азіи далеки отъ совершенства бабъ южной Россіи; первыя въ сравненіи съ послѣдними просто каменныя глыбы или, въ лучшемъ видѣ, грубо вытесанные фетиши, тогда какъ послѣднія суть полныя подобія человѣка, въ нихъ нѣтъ ни одной

---

[1]) А. С. Уваровъ. «Труды I археологическаго съѣзда», Москва, 1871, II, 517.

формы и ни одного члена тѣла сверхъестественнаго, напротивъ, все такъ правдоподобно и соразмѣрно, что невольно бросается въ глаза всякому; это достойно особеннаго вниманія, въ виду того обстоятельства, что всѣ произведенія каменныхъ бабъ носятъ на себѣ характеръ полной самостоятельности и сохраняютъ всѣ особенности типа тюркско-татарскихъ народовъ, безъ всякаго подражанія классической скульптурѣ.

Главныя мѣста распространенія каменныхъ бабъ—югъ Россіи, преимущественно Таврическая, Екатеринославская, южная часть Харьковской и Херсонская губерніи, гдѣ малороссы иногда называютъ ихъ «мамаями». Особенно много каменныхъ бабъ было въ славяно-сербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи и Александрійскомъ Херсонской, близь знаменитаго Чернаго лѣса, въ которомъ нѣкогда находили себѣ пріютъ страшные для поляковъ и жидовъ гайдамаки. На Томаковской, Луговой и Чертомлыцкой мо-

гилахъ Екатеринославскаго уѣзда, стояли также каменныя бабы; баба Чертомлыцкой могилы особенно интересна тѣмъ, что ей приписывалась сверхъестественная сила: она будто бы отвращала засуху и излечивала людей отъ лихорадки. «Она грубо вытесана изъ цѣльнаго песчаника, длиною до 3³/₄ аршина, въ томъ числѣ самое изображеніе длиною въ 3 аршина, а подножіе въ ³/₄ аршина; шириною камень въ плечахъ 1 аршинъ, въ подолѣ кафтана 15 вершковъ, толщиною около 11 вершковъ. Любопытны разсказы окрестныхъ поселянъ объ этой каменной бабѣ. Тому лѣтъ двадцать или тридцать, ее было свезли съ кургана и поставили гдѣ-то въ усадьбѣ для хозяйскаго дѣла, какъ простой камень. А какъ между поселянами существовало, да и теперь существуетъ, вѣрованіе, что эта баба исцѣляетъ отъ лихорадокъ, то снятіе ея съ кургана возбудило суевѣрные толки, и случай этотъ сопровождался будто бы четырехълѣтнею повсемѣстною засухою, а къ тому же и самая баба много безпокоила деревню суевѣрными представленіями, такъ что, по общему мнѣнію, рѣшено было поставить ее на прежнее мѣсто. При этихъ перевозкахъ, вѣроятно, была отбита у нея голова и сама она потомъ поставлена къ востоку (тогда какъ раньше, по словамъ Зуева, стояла къ западу). Старики присовокупляютъ, что когда нужно было свезти бабу съ кургана, то насилу ее стягли 10 воловъ, а когда везли на курганъ, такъ одною парою пошла и такъ легко, какъ будто сама собою шла. Послѣ того какой-то крестьянинъ изъ Чертомлыцкихъ хуторовъ взялъ съ кургана одну только отшибленную голову и приладилъ ее, какъ подставу, у погреба. Пошли толки, сдѣлалась опять засуха. Какой-то женщинѣ открылось, что засуха пройдетъ, когда голова будетъ поставлена на мѣсто. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Вообще, изъ разсказовъ открывается, что Чертомлыцкая баба пользуется особымъ суевѣрнымъ уваженіемъ между тамошними жителями, преимущественно женщинами, которое поддерживали и распространяли посредствомъ разныхъ басень старые чабаны или пастухи, въ тѣхъ выгодахъ, что жертва, приносимая ей въ чаяніи исцѣленій деньгами и хлѣбомъ, собирается тайно тѣми же чабанами. Намъ разсказывала между прочимъ одна старуха изъ Чертомлыцкихъ хуторовъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ она носила къ бабѣ своего двѣнадцатилѣтняго сына, долго страдавшаго лихорадкой. Пришла она на курганъ съ сыномъ на рукахъ раннею зарею, помолилась на восходъ, положила бабѣ гривну грошей да паляницу (хлѣбъ) и съ той поры сынъ исцѣлѣлъ... Въ 1859 году, когда мы въ первый разъ осматривали Чертомлыцкую могилу, раннимъ утромъ, на восходѣ солнца, мы встрѣтили тамъ старика-чабана, который благоговѣйно объяснялъ намъ, что баба очень помогаетъ въ лихорадкахъ и другихъ болѣзняхъ, что люди часто къ ней приходятъ, приносятъ деньги и хлѣбъ, что иной разъ, именно на вос-

ходѣ солнца, она какъ будто спроситъ: «Покайся, що зъ молоду робивъ?» Такое суевѣрное поклоненіе Чертомлыцкой бабѣ не угасло и теперь. Когда, начиная раскопку кургана, мы принуждены были свалить бабу къ его подошвѣ, гдѣ она и оставалась нѣкоторое время, то по окрестности также пошли суевѣрные толки, и многіе поселяне, проѣзжавшіе или проходившіе мимо, благоговѣйно снимали свои шляпы и иногда цѣловали поверженный камень. Однажды, во время нашихъ работъ, когда баба снова была поставлена уже на долгой могилѣ, къ ней пришла крестьянка съ ребенкомъ лѣтъ пяти или шести. Перекрестившись передъ ней, она поклонилась ей въ землю, приложилась къ ногамъ, къ рукамъ, къ груди, къ плечу, подняла ребенка и точно также прикладывала его; потомъ обошла бабу кругомъ, чѣмъ-то поливала и прыскала изъ пузырька, наконецъ, повязала ее около шеи платкомъ и ушла. Платокъ тотчасъ подхватилъ одинъ изъ гробарей-землекоповъ» [1]).

Лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ, по разсказамъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ, каменныхъ бабъ гораздо больше было въ новороссійскихъ степяхъ, чѣмъ теперь: въ настоящее время онѣ или обезображены до неузнаваемости или совсѣмъ истреблены, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше ихъ становится. Ѣдетъ бывало по шляху чумакъ, видитъ вдали отъ дороги стоитъ каменная баба. «Стойте, хлопци! Чого вона, подлюка, тамъ стоить? Пидемъ ій голову дегтемъ вымажемъ!» Пойдутъ и вымажутъ. И стоитъ каменная баба съ вымазанной дегтемъ головой на посмѣшище невѣждъ и зѣвакъ. Но это еще полъ-бѣды; бѣда, коли каменныхъ бабъ совсѣмъ уничтожаютъ. Въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, лѣтъ двадцать тому назадъ, былъ одинъ очень расторопный исправникъ; онъ задумалъ сдѣлать у себя каменный погребъ и рѣшилъ, что лучшимъ матеріаломъ для этого могутъ служить каменныя бабы; чтобы собрать ихъ возможно больше, а главное, чтобы не расходоваться на эту статью, сообразительный исправникъ разослалъ якобы полученный изъ столицы приказъ крестьянамъ по волостямъ, чтобы они, у кого найдутся каменныя бабы, отправляли бы ихъ немедленно въ Петербургъ. Мужики взмолились и послали отъ себя слезное прошеніе исправнику, чтобы онъ упросилъ высшее начальство объ отмѣнѣ распоряженія везти бабъ въ столицу. Исправникъ долго не соглашался покривить душой, но потомъ, снисходя усиленнымъ просьбамъ крестьянъ, сопровождаемымъ нѣкоторыми прилагательными, въ видѣ засаленныхъ мужицкихъ кредитокъ, внялъ, наконецъ, мольбамъ просителей и позволилъ везти каменныхъ бабъ вмѣсто Петербурга на свой исправницкій дворъ. И скоро послѣ этого во дворѣ благодѣтельнаго исправника возникъ отличный погребъ, можно сказать, основанный на бабахъ. Это—фактъ, за ко-

[1]) И. Е. Забѣлинъ. «Исторія русской жизни», Москва, 1876, I, 625—627.

торый ручаются свидѣтели и теперь еще благополучно живущіе въ Новомосковскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Кильчени, въ деревнѣ Пріютѣ, и собственными глазами видѣвшіе основанный на бабахъ погребъ.

Что же означаютъ собой каменныя бабы? Слово «баба», какъ думаютъ, заимствовано русскими съ татарскаго языка, на которомъ оно, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ слова, значитъ «предокъ, отецъ». Но этимологія слова не опредѣляетъ его значенія, а письменные памятники не раскрываютъ его смысла. Отсюда разныя попытки объяснить значеніе каменныхъ бабъ: одни считали ихъ за божества какого-либо изъ древнѣйшихъ народовъ; другіе считали ихъ монгольскими идолами; третьи приписывали ихъ тюрко-татарамъ и видѣли въ нихъ портреты или изображенія умершихъ, можетъ быть, главныхъ начальниковъ улусовъ, ихъ женъ и дѣтей [1]). Послѣднее мнѣніе намъ кажется наиболѣе правдоподобнымъ; это мнѣніе можно лишь расширить нѣсколько въ томъ смыслѣ, что каменныя бабы суть портреты или изображенія умершихъ, которымъ живые воздавали особыя почести, преклонялись передъ ними. Доказательствами того могутъ служить, во-первыхъ, то, что каменныя бабы изображаютъ собой разные полы и возрасты людей; во-вторыхъ то, что на всѣхъ каменныхъ бабахъ изображенныя человѣческія фигуры неизбѣжно держатъ въ своихъ рукахъ какую-то чашу, можетъ быть, для жертвоприношеній или поминокъ по умершему; тщетно нѣкоторые изыскатели старины пытались видѣть не чашу, а платокъ,—здѣсь и подобнаго нѣтъ ничего платку, тѣмъ болѣе, что въ разрываемыхъ курганахъ съ каменными бабами находили такія же точно каменныя чаши, какія представлены въ рукахъ фигуръ; въ-третьихъ, наконецъ, и то, что на нѣкоторыхъ изъ каменныхъ бабъ представлены пляшущія фигуры мужчинъ, явно напоминающія собой греческія фаллосовыя фигурки, носимыя эллинскими женщинами, во время религіозныхъ процессій, вокругъ жертвенника Діониса, съ цѣлью испросить у бога плодородія вообще и увеличенія членовъ семьи въ частности.

Д. Эварницкій.

[1]) Ueber Tumuli. Bull. de l'Akadem., 1886, F. 1; Списокъ кургановъ. «Сѣвер. Пчела», 1837; «Записки одесскаго Общества исторіи и древностей», т. II, отд. III, 822.

«ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ» ВЪ СИБИРИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

I.

ТЯЖЕЛО жилось въ XVII вѣкѣ малочисленному русскому населенію Сибири. Оторванные отъ родной почвы и заброшенные судьбою въ непривѣтливый край, въ среду первобытныхъ «иноземцевъ», ревниво отстаивавшихъ свою независимость въ борьбѣ съ предпріимчивыми пришельцами, русскіе долгое время чувствовали себя въ Сибири какъ въ непріятельской странѣ. Сколько буйныхъ русскихъ головъ нашло себѣ здѣсь преждевременную могилу, пока шагъ за шагомъ было пройдено съ неимовѣрными трудностями это огромное пространство отъ Урала до Восточнаго океана! И трудно сказать, отчего больше гибли русскіе: отъ вражескихъ ли рукъ инородцевъ, или отъ тяжелыхъ физическихъ и соціальныхъ условій тамошней жизни...

Особенно трудно приходилось «служилымъ людямъ», совершавшимъ безпрестанные походы, то для сбора «ясака» съ «мирныхъ иноземцевъ», готовыхъ при каждомъ удобномъ случаѣ перейти въ разрядъ «измѣнниковъ» государю и всевозможными мѣрами избавиться отъ платежа «ясака» и воеводскихъ «поминковъ», то для открытія «новыхъ землицъ» и «приведенія» ихъ «подъ государеву руку», то для подавленія бунтовъ ясачныхъ людей и пр. и пр. Въ этихъ походахъ русскіе гибли массами и отъ нападеній инородцевъ, и отъ всевозможныхъ физическихъ лишеній. Если гдѣ, то именно здѣсь имѣла правдивый смыслъ обычная формула «челобитныхъ» XVII вѣка, въ которыхъ челобитчики плачутся, что они «помираютъ голодною смертію»... Сибирскіе служилые люди,

дѣйствительно, не разъ «помирали голодною смертію» во время своихъ походовъ по неизмѣримымъ пространствамъ Сибири. Въ документахъ нерѣдки фактическія указанія на то, какъ русскимъ приходилось въ походахъ ѣсть «траву и сосну и коренье» и «всякую ѣдь скверную»[1]... Встрѣчаются даже ужасные примѣры вынужденнаго людоѣдства[2]...

Возвращаясь съ походовъ «домой», въ города и «остроги», представлявшіе крайне слабо развитые центры «культурной» жизни, русскіе служилые люди не находили и здѣсь полнаго успокоенія отъ только-что понесенныхъ трудовъ. Въ большинствѣ это была безсемейная и бездомовная голытьба, привязанная къ извѣстному городу или острогу единственно получаемымъ здѣсь «государевымъ жалованьемъ», да возможностію «погулять» тутъ послѣ походныхъ лишеній—добраться до «хмѣльнаго зелья», «питья табаку», игры «въ зернь» и т. п. Ничто болѣе прочное не привязывало ихъ къ населеннымъ центрамъ. Прогулявши заработанное государево жалованье и пріобрѣтенную въ походахъ всякими неправыми путями «мягкую рухлядь», они снова бросались въ походы, въ надеждѣ на новую наживу.

Не мудрено, какъ сильно грубѣли въ такой обстановкѣ сердца этихъ отважныхъ «землепроходовъ» и какъ жестоко отзывалась на бѣдныхъ инородцахъ загрубѣлость русской служилой, промышленной и всякой иной голытьбы... Кто знаетъ, какими путями пошла бы русская колонизація Сибири и какой характеръ она пріобрѣла бы, особенно въ отношеніяхъ къ инородцамъ, еслибы среди русскихъ первонасельниковъ этого края люди семейные преобладали надъ безсемейною вольницею...

Но, къ сожалѣнію, первыхъ было меньшинство среди того русскаго люда, который въ XVII вѣкѣ стремился въ Сибирь. Русская женщина и доселѣ болѣе мужчинъ привязанная къ землѣ «отцовъ и дѣдовъ» и менѣе подвижная, не охотно шла въ XVII вѣкѣ въ Сибирь и была тамъ сравнительно большою рѣдкостью. Неудивительны послѣ этого слезныя «челобитныя» русскихъ людей, заброшенныхъ въ Сибирь и не нашедшихъ здѣсь подругъ жизни, челобитныя о высылкѣ къ нимъ русскихъ «гулящихъ женокъ» (гулящихъ не въ нашемъ обидномъ смыслѣ, а въ смыслѣ свободныхъ, вольныхъ).

Именно съ такими челобитьями обращались къ царю въ 1627 и 1630 гг. енисейскіе «пашенные крестьяне изъ ссыльныхъ лю-

---

[1]) См. напр., въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи Сибирскаго приказа столбецъ № 274, лл. 21, 96.

[2]) Мнѣ извѣстенъ одинъ случай употребленія русскими людьми въ пищу «мертвыхъ тѣлъ» своихъ же собратовъ, въ 1643 г. (Сибирскаго приказа столбецъ № 184, л. 90 и слѣд.).

дей». Челобитныя ихъ настолько любопытны, что надъ ними стоитъ остановиться подробнѣе.

Первая челобитная, 1627 г., подана енисейскому воеводѣ крестьяниномъ Ивашкою Семеновымъ отъ имени двадцати товарищей [1]). Ивашка разсказываетъ, что онъ и товарищи присланы были на «государеву пашню» въ 1621 г. и съ того времени «по вся годы» приходится имъ «распахивать вновь» землю, т. е. подымать новину. Работа крайне тяжелая, отъ нея пала большая часть данныхъ имъ «государевыхъ лошадей», осталось только 14 лошадей, съ которыми невозможно управиться около земли. Купить лошадей имъ не на что, такъ какъ за все время они получили отъ казны «подмоги» всего по 2 рубля на человѣка. Своихъ же «пашнишекъ и по сю пору распахать не успѣли»—все заняты государевымъ дѣломъ. Кромѣ «государевой пашни» на нихъ возложены и разныя «издѣлья» по городу и уѣзду. Такъ, они перевозятъ въ Енисейскъ хлѣбные и другіе припасы изъ Маковскаго острожка, «курятъ» вино и пиво «на остяцкіе расходы», «своею силою» построили «государеву винную поварню и аманацкую избу», производятъ разныя «подѣлки» по городу и проч.

Словомъ, все свое время они отдаютъ «государеву дѣлу», а о себѣ и подумать имъ некогда. Всѣ эти шесть лѣтъ они терпѣли «великую нужю и бѣдность и голодъ и наготу и босоту»: «по 2 годы на твоей государевѣ пашнѣ траву ѣли—мало не померли голодною смертію»... «Не токмо, государь, что лошади купити, но и платьишка и обуви купити нечѣмъ, и хлѣба, государь, себѣ въ 6 годовъ досыти не напахали»...

Даже «дворишковъ» они не успѣли себѣ устроить какъ слѣдуетъ. Всѣ они «людишка одинокіе и холостые»: «какъ, государь, съ твоей государевой пашни придемъ—хлѣбы печемъ и ѣсти варимъ и толчемъ и мелемъ сами, опочиву нѣтъ ни на малъ часъ! А какъ бы, государь, у насъ сиротъ твоихъ, женишки были и мы бы хотя избные работы не знали»... Имъ обѣщали прислать изъ Тобольска «гулящихъ женокъ», но и до сихъ поръ «не присылаютъ—женитца не на комъ, а безъ женишекъ, государь, намъ быти никако немочно!»...

Челобитная оканчивается воззваніемъ къ «милосердому государю-царю»: «смилуйся! пожалуй насъ сиротъ твоихъ бѣдныхъ своимъ царскимъ денежнымъ жалованьемъ на платьишко и на обувь» и проч. и «вели, государь, намъ прислати изъ Тобольска гулящихъ женочекъ, на комъ женитися!»...

По поводу этой челобитной была отправлена «грамота» тобольскимъ воеводамъ князю Андрею Хованскому съ товарищи [2]). Гра-

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 12, лл. 134—136.
[2]) Ibid., лл. 137—144.

мота предписывала выдать челобитчикамъ новыя «подможныя деньги», «смотря по скудости» крестьянъ, купить для нихъ лошадей, да жонокъ гулящихъ и свободныхъ, вдовъ и дѣвокъ, изъ Тобольска и изъ иныхъ городовъ въ Енисейской острогъ велѣли послати, потому что въ Енисейскомъ острогѣ пашенные крестьяне многіе холостые, а безъ жонъ имъ быти не умѣть»...

«Отписка» князя А. Хованскаго[1]) говоритъ, что челобитчикамъ крестьянамъ выдано вновь по 2 рубля «подможныхъ денегъ» на человѣка (но «на ссуду, взаймы»), сдѣланы распоряженія о покупкѣ для нихъ лошадей, но «гулящихъ жонокъ и дѣвокъ» не послано, потому что такихъ не нашли въ Тобольскѣ.

Новая «грамота»[2]) предписываетъ князю А. Хованскому «отписать отъ себя въ сибирскіе городы: гдѣ будутъ сыщутъ гулящихъ жонокъ и дѣвокъ — велѣть послати въ Енисѣю».

Но видно и въ другихъ сибирскихъ городахъ также не нашли «гулящихъ жонокъ и дѣвокъ»: по крайней мѣрѣ въ 1630 г. встрѣчаемъ новую «челобитную» енисейскихъ пашенныхъ крестьянъ[3]) о томъ же предметѣ. На этотъ разъ челобитную подалъ крестьянинъ Ѳедоръ Толстихинъ отъ лица 53-хъ человѣкъ.

И здѣсь крестьяне плачутся на бѣдственность своего положенія, какъ слѣдствіе массы лежащихъ на нихъ повинностей. Перечень послѣднихъ почти тотъ же, что и въ первой челобитной. Впрочемъ, встрѣчаемъ и одну новую повинность, очень оригинальную... Косятъ они на государя сѣно по 30 копенъ каждый крестьянинъ. «А тому, государь, сѣну расходу нѣтъ..., а сѣно стоитъ въ стогахъ годовъ по 8 и по 9, а гніетъ даромъ, тебѣ, государю, прибыли нѣтъ, а намъ, сиротамъ твоимъ, работа великая»...

О домашней своей жизни крестьяне отзываются почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: «а людишки, государь, мы одинокіе — женъ и дѣтей у насъ нѣтъ, въ пашенную и въ свякую пору мелемъ и печемъ и варимъ сами, а въ кою пору на твоемъ государевомъ здѣльѣ или въ гоньбѣ—и въ ту пору подворишки наши пусты стоятъ». Въ Енисейскѣ они не находятъ для себя женъ, а «въ сибирскіе городы для женитьбы насъ не отпустятъ» воеводы. Просятъ о такомъ отпускѣ и объ облегченіи перечисленныхъ въ челобитной повинностей.

Приговоръ на челобитной дѣлаетъ выговоръ воеводѣ за напрасное обремененіе крестьянъ безполезнымъ сѣнокошеніемъ (то «дѣелось воеводцкимъ нерадѣньемъ»), предписываетъ бросить его, а объ иныхъ дѣлахъ, возбужденныхъ челобитной — «будетъ указъ по докладу» государю.

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 12, лл. 145—150.
[2]) Ibid., лл. 151—152.
[3]) Ibid., лл. 364—366.

Къ сожалѣнію, этого «доклада» не сохранилось, такъ что мы не знаемъ—разрѣшено ли было енисейскимъ крестьянамъ отправиться въ поиски по сибирскимъ городамъ за «гулящими женами и дѣвками», или снова было предписано воеводамъ заняться этимъ дѣломъ. Во всякомъ случаѣ — челобитныя очень характерны для обрисовки домашней обстановки первыхъ русскихъ колонизаторовъ-земледѣльцевъ Сибири.

II.

Совершенно иначе относились къ вопросу о женахъ другіе колонизаторы Сибири—служилые люди. Какъ лица болѣе самостоятельныя и властныя, болѣе энергичныя и предпріимчивыя—они считали излишнимъ безпокоить государя челобитьями о своихъ семейныхъ дѣлахъ и рѣшали ихъ самовольно, каждый по своему вкусу и обстоятельствамъ. Произволъ служилыхъ людей въ этихъ дѣлахъ не рѣдко принималъ крайне безобразный характеръ...

Правда, правительство принимало мѣры противъ этихъ безобразій, но зло такъ глубоко укоренилось, что вырвать его не удалось ни въ XVII вѣкѣ, ни позже[1]).

Одно изъ древнѣйшихъ указаній источниковъ на семейныя безобранія сибирскихъ служилыхъ людей заключается въ «отпискѣ» государю тобольскаго архіепископа Макарія, 1628 года[2]). «Въ прошлыхъ годѣхъ»—разсказываетъ архіепископъ—тобольскій конный казакъ Гаврило Поповъ «завладѣлъ» крещеною «остяцкою жоночкой» Акулиной. Проживя съ нею нѣсколько времени, онъ «зговорилъ» и выдалъ ее замужъ за «гулящаго человѣка» Дружину Ондрѣева. Но когда Дружинка «збрелъ» на Тюмень, Поповъ не отпустилъ съ нимъ его жену, а «продалъ» ее «отставленому» подъячему Агафону Тимофѣеву. Агафонъ служилъ подъячимъ на Тюмени, Пелыми и въ Тобольскѣ, и вездѣ былъ отставленъ «за воровство». Онъ былъ человѣкъ женатый. Купивши Акулину, подъячій «сослалъ жену свою Ѳедорку въ свою деревню» и сталъ жить съ Акулиной, противъ ея желанія.

Въ 1627 г. била челомъ архіепископу другая «остяцкая женочка» Соломонида Ларіонова на тобольскаго подъячаго Степана Полутова, который въ 1620 г. «купилъ ее» у казака Данилы Козлова—«дѣвкою крещеною.» Жила она съ подъячимъ 4 года,

---

[1]) О семейной развращенности русскихъ сибиряковъ XVII вѣка см. въ недавно вышедшемъ изслѣдованіи г. П. Н. Буцинскаго «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ», стр. 283—295 (но сюда не вошли матеріалы, предлагаемые въ настоящемъ очеркѣ). Подобныя же данныя за XVIII вѣкъ см., например, у Словцова въ его «Историч. Обозр. Сибири» (изд. 1886 г.), т. I, стр. 174, 281 и др.

[2]) Сибирскаго приказа столб. № 13, лл. 153—156, 161—163.

прижила съ нимъ сына и теперь отъ того Степана ходитъ опять чревата. Жена Степана узнала о связи мужа и «бьетъ» Соломониду и «увѣчитъ на смерть».

Архіепископъ заключаетъ: «а иные, государь, въ Тобольскѣ казачьи дѣти матерей своихъ бьютъ и давятъ (sic); а иные казаки на Руси женъ своихъ и дѣтей пометали, а въ Сибири поимаютъ иныхъ женъ; а у иныхъ, государь, казаковъ и въ Сибири—на томъ городѣ жена, а на другомъ другая, а иные, государь, казаки велятъ женамъ своимъ блудъ дѣяти съ чюжими мужми; а иные, государь, казаки поѣдучи на твою государеву службу оставливаютъ женъ своихъ на блудъ инымъ казакомъ и гулящимъ людемъ...» Архіепископъ справедливо заключаетъ, что «отъ таковаго, государь, ихъ блуднаго, пребезаконнаго содомскаго житья быть не мошно!..»

Въ другой «отпискѣ» того же 1628 г.[1]) архіепископъ Макарій говоритъ о казакахъ и другихъ служилыхъ людяхъ, которыхъ отправляютъ изъ Сибири въ Москву съ «соболиною казною», воеводскими «отписками» и другими дѣлами: «И тѣ, государь, казаки, выѣхавъ изъ сибирскихъ городовъ за Верхотурской волокъ, въ городѣхъ и въ селѣхъ женятся, а женясь — тутъ жены своя мечютъ, и пріѣхавъ... къ Москвѣ—и на Москвѣ тѣ жъ казаки женятся на иныхъ женахъ, а иное, государь — у мужей жены увозятъ, да бьютъ челомъ тебѣ великому государю... о подводахъ, на чемъ весть женъ своихъ. И привезши, государь, въ сибирскіе городы тѣхъ своихъ женъ продаютъ своей же братьѣ; а иные, государь, ихъ жены пріѣзжаютъ въ Сибирь послѣ ихъ, а они мужи ихъ на иныхъ поженилися...»

Приговоръ государя на послѣдней «отпискѣ» предписываетъ архіепископу—«сыскивать» о казачьихъ женахъ и «указъ чинить по своему святительскому суду и разсмотрѣнью: тотъ судъ и сыскъ ево святительской...» Относительно же выдачи подводъ для незаконныхъ казачьихъ женъ приговоръ замѣчаетъ: «а подводъ казакамъ на Москвѣ и подъ прямые жены не даютъ»...

Конечно, архіепископъ не одинъ разъ «чинилъ сыскъ и судъ» по своему «святительскому разсмотрѣнью» о «пребеззаконной» семейной жизни сибиряковъ. Но ея неурядицы и безобразія оттого не уменьшались.

На ряду съ духовною властію и свѣтская обращала вниманіе на семейныя дѣла служилыхъ людей и доносила о нихъ въ Москву. Такова, напримѣръ, «отписка» тобольскихъ воеводъ князя Петра Пронскаго съ товарищи, 1640 года[2]).

Въ апрѣлѣ этого года била челомъ воеводамъ «русская жонка»

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 16, лл. 151—152.
[2]) Столбецъ № 102, лл. 322—323.

Овдотьица Васильева, привезенная въ Тобольскъ сосланнымъ изъ Москвы «иноземцомъ», ротмистромъ Степаномъ Коловскимъ. Замужемъ была она за стрѣльцомъ Гришкою Ивановымъ и жила съ нимъ въ Архангельскѣ, куда мужъ былъ посланъ на службу. Жизнь въ Архангельскѣ ей не понравилась — приходилось тамъ много бѣдствовать. Она «съѣхала» отъ мужа на родину, въ Сольвычегодскую, къ отцу и матери. Отецъ ея служитъ «пивоваромъ» на «государевѣ поварнѣ». Мужъ же ея «и нынѣ живъ» въ Архангельскѣ «въ стрѣльцахъ.»

Проѣзжалъ какъ-то чрезъ Сольвычегодскую, возвращаясь изъ Москвы въ Сибирь, енисейскій казакъ Осипъ Васильевъ. Познакомившись съ Овдотьицою и понравившись ей, Осипъ «подговорилъ» ее бѣжать отъ отца и матери, и «образовался-де ей— хотѣлъ на ней женитца.» Овдотьица охотно согласилась, не смотря на то, что ея законный мужъ былъ живъ. Влюбленная парочка уѣхала изъ Соливычегодской.

Но Осипу Авдотья скоро надоѣла и уже въ Соликамской онъ «отдалъ» ее встрѣтившемуся здѣсь ротмистру Коловскому. «Продалъ ли де ее Овдотьицу» Осипъ, или «такъ отдалъ» Коловскому— она «не вѣдаетъ.» Но видно ротмистръ ей не понравился и въ Тобольскѣ она стала принимать мѣры, чтобы уйти отъ него. Отпустилъ ли ее ротмистръ, нашла ли она своего Осипа, или вернулась на родину—остается не извѣстнымъ.

На того же ротмистра Коловскаго била челомъ и другая «привозная руская жонка» Оринка Иванова. Она была родомъ изъ Кайгородка, дочь бобыля, вдова «гулящаго человѣка». Въ Кайгородкѣ встрѣтилась она съ ротмистромъ, который и «подговорилъ» ее ѣхать съ нимъ въ Сибирь. Она согласилась, но на Тюмени ротмистръ «отдалъ» ее тарскому «сотнику» Ивану Лаптеву, сопровождавшему ссыльнаго Коловскаго въ качествѣ «пристава.»

Затѣмъ князь Пронскій сообщаетъ, что у пріѣхавшихъ съ Руси въ Тобольскъ томскихъ боярскихъ дѣтей онъ нашелъ по нѣсколько «привозныхъ рускихъ жонокъ.» (Васильемъ Старковымъ привезены «2 жонки—Ѳеимка Омельянова да Василиска Осипова» и проч.). «Имали» они тѣхъ «жонокъ» на Устюгѣ Великомъ, въ Соливычегодской и другихъ мѣстахъ. Чтобы прикрѣпить ихъ къ себѣ, боярскіе дѣти составили на женокъ «крѣпости» на «урочные лѣта.» Но эти «крѣпости» явно не законныя: писали ихъ и «въ послухахъ» были не мѣстные подъячіе и не «земскіе дьячки», а «товарищи» боярскихъ дѣтей—томскіе же служилые люди, да и притомъ—«ни въ которомъ городѣ тѣ крѣпости не записаны».

Оказалось, впрочемъ, что сами «привозныя жонки» ничего не имѣли ни противъ этихъ «крѣпостей», ни вообще противъ сожительства съ боярскими дѣтьми, хотя бы и на гаремномъ принципѣ... На допросѣ у воеводъ женки показали, «что они вдовы вольные,

а били челомъ Томскимъ служилымъ людемъ своею волею и впредь у нихъ жить хотятъ...» Воеводы не довѣряли, однако, ихъ вдовьему положенію и хотѣли отдать сомнительныхъ вдовъ «на поруки» до государева указа, опасаясь, что явятся челобитчики «за тѣхъ жонокъ на тѣхъ служилыхъ людей». Но и челобитчики не являлись, и никто въ Тобольскѣ «не ручался» за привозныхъ женокъ. Пришлось тогда ограничиться тѣмъ, что у боярскихъ дѣтей воеводы отобрали «крѣпости» на привезенныхъ женщинъ, а самихъ служилыхъ людей отдали «на поруки, съ записьми», что если явятся «исцы тѣмъ жонкамъ», то ихъ хозяева обязаны «поставить» женокъ въ Тобольскѣ.

Воеводы замѣчаютъ, что вообще «многіе сибирскіе служилые люди» привозятъ «съ Руси изъ верховыхъ городовъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми», также и отдѣльныхъ «женокъ и дѣвокъ и робятъ». Между тѣмъ на право привоза этихъ людей они не представляютъ ни «государевыхъ проѣзжихъ грамотъ», ни воеводскихъ «проѣзжихъ памятей». Воеводы заключаютъ: «и впредь, государь, намъ холопемъ своимъ—о такихъ людѣхъ вели свой государевъ указъ учинить».

Въ приговорѣ читаемъ: «отписать (тобольскимъ воеводамъ) — велѣть заказъ учинить служилымъ и всякимъ людемъ крѣпкой, чтобы они съ Руси жонокъ и дѣвокъ съ собою въ Сибирь не провозили, и ни отъ ково ихъ на Руси не подговаривали, и въ Сибири ими не торговали, чтобъ отнюдь впередъ такова воровства не было. А хто учнетъ такъ воровать съ Руси жонокъ и дѣвокъ подговаривать, и въ Сибирь провозить, и продавать, и имъ чинить наказанье, хто чего доведетца».

Но не одинъ разъ повторялся этотъ «заказъ крѣпкой» и много разъ за нарушеніе его чинилось сибирякамъ «наказанье», а зло нисколько не уменьшалось, а скорѣе возростало...

III.

Высшіе служилые люди Сибири, особенно могущественные сатрапы-воеводы не отставали въ дѣлѣ семейныхъ правонарушеній отъ подчиненныхъ имъ казаковъ и другой нисшей братіи. Пользуясь своею обширною (вслѣдствіе отдаленія отъ центральнаго правительства) властію, воеводы и другіе начальные люди иногда даже превосходили въ семейныхъ безчинствахъ своихъ подчиненныхъ. Понятно, какъ печально вліяла на послѣднихъ разнузданность семейной жизни ихъ начальниковъ. Насколько воеводы безобразничали открыто въ городахъ, въ надеждѣ, что «до царя далеко», настолько и казаки не церемонились въ походахъ и въ «ясачныхъ зимовьяхъ», вдали отъ воеводскихъ глазъ. Кто былъ болѣе грязенъ въ проступкахъ противъ семейной нравственности—судить трудно.

Но и надъ воеводами иногда «громъ гремѣлъ» и далекая Москва чинила и имъ «наказанье»... Приведу два случая.

Въ 1626 г. патріархъ Филаретъ Никитичъ получилъ «отписку» тобольскаго архіепископа Макарія [1]) о енисейскомъ воеводѣ Андреѣ Леонтьевичѣ Ошанинѣ. 3-го августа «сказывалъ» архіепископу енисейскій казакъ Иванъ Обуховъ, что когда въ прошломъ 1625 г. Ошанинъ ѣхалъ изъ Москвы на свое воеводство, то съ Тюмени «увезъ» у государева пашеннаго крестьянина Медвѣдка его сноху Катеринку Ондрѣеву. Пріѣхавши въ Енисейскъ, Ошанинъ «продалъ» Катеринку казаку Булатку Иванову, «а взялъ за нее 20 рублевъ»... Когда Булатко отправился «на промыселъ», воевода снова взялъ къ себѣ Катеринку, а затѣмъ въ другой разъ «продалъ» ее «иному казаку» Леонтью Кобылину, взявши теперь за свой «товаръ» дороже—30 рублей. Кобылинъ и доселѣ «живетъ» съ нею «беззаконствомъ, что и съ женою, и та-де, государь, нынѣ Катеринка чреваста»...

Архіепископъ обвиняетъ воеводу Ошанина еще въ другомъ проступкѣ. Лѣтомъ, 1626 г., по настоянію воеводы, енисейскій «бѣлый попъ» Кирило «молитвилъ (т. е. обвѣнчалъ) ночью» мѣстной съѣзжей избы подъячаго Максима Перфирьева съ Оленою Ондрѣевою, женою Поздѣя Ѳирсова, взявши съ подъячаго «отъ молитвенья» 20 рублей. Между тѣмъ, у подъячаго еще «жива жена» на Верхотурьѣ... Раньше Перфирьевъ обращался съ просьбою о вѣнчаніи къ енисейскому «черному попу» Тихону, но тотъ отказался «молитвить» замужнюю женщину съ женатымъ человѣкомъ. Это не понравилось покровительствовавшему подъячему воеводѣ и Ошанинъ началъ «смирять» попа Тихона «жестокимъ смиреньемъ». Воевода даже дерзнулъ взять на себя епископскую власть и, не мудрствуя лукаво, запретилъ попу Тихону священнослуженіе!... Воевода отнялъ у Тихона «церковные ключи» и «не пущаетъ» его въ церковь...

Приговоръ государя и патріарха, отъ 23-го ноября 1626 года, предписываетъ тобольскимъ воеводамъ немедленно смѣнить съ воеводства Ошанина и временно послать на его мѣсто тобольскаго «письменнаго голову», который долженъ «росписаться» (т. е. принять всѣ дѣла по воеводству) съ Ошанинымъ и «вѣдать» городъ до государева указу и до присылки новаго воеводы изъ Москвы. «Росписавшись» съ Ошанинымъ, письменный голова [2]) долженъ тотчасъ «выслать» его въ Тобольскъ и произвести въ Енисейскѣ «сыскъ» (слѣдствіе) объ увезенной и проданной воеводою «жонкѣ»;

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 12, лл. 67—68.

[2]) «Письменныя головы» играли при сибирскихъ воеводахъ XVII вѣка роль нынѣшнихъ губернаторскихъ чиновниковъ особыхъ порученій, исполняя преимущественно такія порученія, которыя были связаны съ представленіемъ письменныхъ отчетовъ о результатахъ порученнаго имъ дѣла.

а въ Тобольскѣ Ошанина представить на судъ архіепископа, который долженъ судить воеводу и ту «жонку» въ «духовномъ дѣлѣ», по законамъ церковнымъ. Деньги, полученныя Ошанинымъ за дважды проданную женщину—«доправить» на Ошанинѣ и вернуть казакамъ Иванову и Кобылину, если они будутъ о томъ бить челомъ. Письменный голова, наконецъ, долженъ розыскать по дѣлу о столкновеніи Ошанина съ попомъ Тихономъ и проч.

Грамоты объ исполненіи этого строгаго и справедливаго приговора государя и патріарха отправлены какъ тобольскимъ воеводамъ князю Андрею Андреевичу Хованскому съ товарищи, такъ и архіепископу Макарію [1]).

Второй случай относится къ 1643—1645 гг. и касается Нарымскаго воеводы Ивана Чеадаева. Объ этомъ случаѣ разсказываетъ «отписка» тобольскаго архіепископа Герасима [2]). Въ 1643 г., когда Чеадаевъ ѣхалъ на воеводство въ Нарымскій острогъ, дорогою въ Сибирь умерла его жена, а онъ «былъ женатъ третьимъ бракомъ». Послѣ смерти жены Чеадаевъ билъ челомъ архіепископу, чтобы онъ его благословилъ «женитца въ Сибири четвертымъ бракомъ!»... Понятно, архіепископъ отвѣчалъ отказомъ, основываясь на «правилахъ св. апостолъ и св. отецъ». Случившемуся въ Тобольскѣ нарымскому попу Павлу, Герасимъ «приказалъ съ подкрѣпленіемъ и съ великимъ запрещеніемъ», чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ «не молитвилъ» нарымскаго воеводу.

Но въ Нарымѣ власть воеводы была посильнѣе архіепископской... Чеадаевъ познакомился въ Нарымѣ съ «дѣвицею» Анною, дочерью «казачьяго головы» Юрья Данилова и пожелалъ вступить съ нею въ бракъ. Дѣвушка согласилась, хотя трудно допустить, чтобы она и ея родители не знали, что для Чеадаева невозможенъ новый бракъ: попъ Павелъ долженъ былъ предупредить ихъ о томъ. Но Даниловы, которымъ улыбалась возможность породниться съ такимъ высокимъ для ихъ положенія лицомъ, надѣялись, очевидно, на всемогущую въ ихъ глазахъ воеводскую власть. На массѣ ежедневныхъ примѣровъ Юрій Даниловъ, старый сибирскій служака, могъ убѣдиться, что для сибирскихъ воеводъ «законъ не писанъ».

Какъ бы тамъ ни было, бракъ Чеадаева съ Анной Даниловой состоялся, «а молитвилъ тотъ четвертой законопреступной бракъ» тотъ самый попъ Павелъ, которому архіепископъ такъ строго наказывалъ о не вѣнчаніи именно этого брака...

Архіепископъ Герасимъ скоро узналъ о бракѣ Чеадаева и донесъ патріарху Іосифу. Въ 1644 г. получена была Герасимомъ патріаршая грамота, предписывавшая, по приговору государя и патріарха—«розвести» Чеадаева съ его четвертою женою Анною

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 12, лл. 69—74 и 75—79.

[2]) Столбецъ № 136, лл. 180—185.

и взять по Чеадаевѣ «поручную запись, что впредь ему Ивану съ тою своею четвертою женою Анною не жить и не знатца».

Чтобы не допустить сожительства ихъ, велѣно было отправить несчастную Анну изъ Нарыма въ Тобольскъ и отдать на попеченіе живущей тамъ ея бабкѣ, женѣ Черкаса Рукина. О попѣ же Павлѣ велѣно «сыскать накрѣпко»: «самовольствомъ ли» онъ «молитву говорилъ» Чеадаеву, или «по неволѣ»? Въ первомъ случаѣ велѣно съ него «снять скуѳью», а во второмъ—дѣло предоставлялось на «святительское разсмотрѣніе» архіепископа Герасима.

Посланные Герасимомъ въ Нарымъ, для «розвода» брака и «сыска» о немъ—«поповскій староста» Тобольскій Богоявленскій попъ Илья Григорьевъ и Софійскаго дому боярскій сынъ Макарій Голосѣинъ—въ сентябрѣ 1644 г. вернулись изъ Нарыма и подали архіепископу «доѣздную память», гдѣ сообщали, что они «розвели» Чеадаева съ Анною, взяли по Чеадаевѣ «поручную запись въ томъ розводѣ», произвели «сыскъ» о попѣ Павлѣ и Анну доставили въ Тобольскъ, на подводахъ ея мужа. Въ день пріѣзда въ Тобольскъ Анна была передана ея бабкѣ Рукиной.

Въ привезенномъ сыщиками «обыскѣ» о попѣ Павлѣ говорилось, что нарымскіе «всякихъ чиновъ люди» показали «по крестному цѣлованью»: «своею ли охотою» попъ «молитвилъ» Чеадаева съ Анною, или «по неволѣ» — того они не вѣдаютъ». Попъ Павелъ сознался, что «молитвилъ» этотъ бракъ, такъ какъ будто Чеадаевъ не сказалъ попу—«третей ли ему бракъ будетъ, или четвертой, а молитву-де говорилъ второбрачную и молитвилъ спроста, самовольствомъ, а не по неволѣ воеводы Ивана Чеадаева и не изъ посулу». Выходитъ, такимъ образомъ, что попъ не повѣрилъ архіепископу, знавшему отъ самаго Чеадаева о его намѣреніи вступить въ четвертый бракъ и предупреждавшему попа о невѣнчаніи именно этого брака!..

За такое «самовольство» архіепископъ «снялъ скуѳью» съ попа Павла... Чеадаевъ же, повидимому, не понесъ другого наказанія, кромѣ расторженія брака: по крайней мѣрѣ, на архіепископской отпискѣ стоитъ помѣта Сибирскаго приказа—«въ столпъ» (равнозначущая нашему выраженію—сдать дѣло «въ архивъ»).

Если сибирскіе воеводы и другіе служилые люди такъ безцеремонно обращались съ русскими женщинами, все-таки имѣвшими нѣкоторыя права и находившими защиту у другихъ русскихъ властей, то тѣмъ безцеремоннѣе относились они къ безправнымъ и беззащитнымъ инородкамъ... Безчисленное множество разъ гуманное московское правительство XVII в. предписывало сибирскимъ властямъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы служилые, духовные, торговые, промышленные и всякіе др. люди не владѣли «ясыремъ», т. е. рабами изъ инородцевъ, пріобрѣтенными всякими неправыми путями,

главнымъ образомъ во время походовъ служилыхъ людей по мирнымъ и немирнымъ инородческимъ землямъ [1]). На «заставахъ», расположенныхъ на путяхъ сообщенія Сибири съ Русью (главнымъ образомъ на Верхотурской) «заставочнымъ головамъ» приказывалось производить строгіе досмотры всѣхъ проѣзжающихъ изъ Сибири лицъ и отбирать у нихъ ясырь—«сибирскихъ татаръ и остяковъ (и др. инородцевъ) и ихъ женъ и дѣтей—робятъ и дѣвокъ». При этомъ некрещеный ясырь возвращался на родину, а крещеныя—«дѣвки» выдавались замужъ за служилыхъ и др. людей, взрослые «робята» верстались въ службу, а малолѣтніе отдавались до совершеннолѣтія на прокормленіе служилымъ людямъ въ городахъ, а затѣмъ также записывались въ службу.

И однако, не смотря на частое повтореніе указовъ о недержаніи ясыря и не провозѣ его на Русь, сибиряки старались обходить эти указы — такъ легко было добыть въ Сибири ясырь и такъ выгодно владѣть имъ... Понятно, что въ этомъ стремленіи воеводы играли не послѣднюю роль. Напримѣръ, въ 1636 г. Верхотурскій таможенный и заставочный голова Данило Обросьевъ писалъ въ Сибирскій приказъ [2]), что на заставѣ онъ отобралъ 8 человѣкъ крещенаго «ясыря», провозимаго на Русь воеводами и ихъ дѣтьми. Именно у бывшаго тарскаго воеводы кн. Ѳедора Бѣльскаго голова отобралъ «Петрушку калмыка, да дѣву ясырку Овдотьицу калманку (калмычку), лѣтъ по 13-ти»; у Тарскаго же воеводы Неупокоя Кокошкина—калмыка 12 лѣтъ; у воеводскаго сына Алексѣя Ѳедорова Шишкина—остяка 10 лѣтъ и киргиза 8 лѣтъ; у воеводскаго же сына кн. Михаила Никитина Егупова-Черкасскаго—«3 дѣвокъ ясырокъ: Пелагеицу да Овдотьицу, татарокъ, да Ѳедорку, остяцкую, всѣ лѣтъ по 16-ти»...

Изъ росписи ясыря [3]), отобраннаго въ 1636—1637 гг. на Верхотурской и Обдорской заставахъ, узнаемъ, что изъ 3 «ясырокъ» вышеупомянутаго кн. М. Черкассаго 2 выданы замужъ за томскихъ служилыхъ людей, а 3-я заболѣла дорогою и оставлена въ Нарымскомъ острогѣ. Затѣмъ: у воеводы Никиты Карамышева отобраны 2 «дѣвки», одна изъ нихъ умерла, а другая выдана замужъ за «новокрещена»; взятая у одного торговаго человѣка «женка» отпущена, по ея просьбѣ, въ Енисейскій уѣздъ «къ мужю»; изъ отобранныхъ у воеводской жены Племянниковой и у нѣкоторыхъ служилыхъ людей 15 «робятъ и дѣвокъ»—2 дѣвки выданы замужъ за томскихъ конныхъ казаковъ, одна за кузнецкаго служилаго человѣка и проч.

---

[1]) Иногда, впрочемъ, и сами инородцы продавали своихъ дѣтей русскимъ во время не рѣдкихъ голодовокъ и пр. (см. напр. столб. № 870).

[2]) Сибирскаго приказа столб. № 102, лл. 103—105.

[3]) Столб. № 176, лл. 126—129.

Вообще «женки» и «дѣвки» всего чаще встрѣчались среди «ясыря». Нѣтъ нужды распространяться о томъ, какую позорную роль приходилось имъ играть у своихъ владѣльцевъ. Инородцы хорошо это понимали и не могли благодушно относиться къ позору своихъ женъ и дочерей. Месть за женщинъ была одною изъ главныхъ причинъ частыхъ бунтовъ инородческихъ. И если русскіе въ борьбѣ съ инородцами гибли въ значительномъ количествѣ, то нельзя не сознаться, что они сами и были главною причиною своей гибели: карающая рука Немизиды дѣлала свое дѣло...

Н. Оглоблинъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи С. С. Татищева. Спб. 1890.

ОВАЯ, НЕДАВНО вышедшая книга г. Татищева представляетъ собой собраніе историческихъ изслѣдованій и полемическихъ статей. Къ первому отдѣлу относятся: «Русская дипломатія, старая и новая», «Европа наканунѣ войны 1853—1856 годовъ», «Князь Адамъ Чарторыйскій», «Россія и Болгарія, историческая справка»; ко второму: «Дипломатія и печать», полемика съ г. Мартенсомъ, съ бывшимъ дипломатомъ и гражданиномъ, документальная справка, по вопросу объ австро-венгерскомъ занятіи Босніи и Герцоговины. Вышеозначенныя статьи появлялись частью въ изданіяхъ покойнаго М. Н. Каткова, памяти котораго и посвящена книга, частью на столбцахъ «Новаго Времени».

Всѣ онѣ написаны въ тотъ еще недавній періодъ, когда наше отечество только-что начало освобождаться отъ австро-германскаго союза, понемногу и постепенно вступая на путь самостоятельной политики, завѣщанной намъ всей нашей славной исторіей.

Г. Татищевъ своими талантливыми публистическими статьями, въ которыхъ мастерское изложеніе соединяется съ живымъ знаніемъ людей и, такъ сказать, подкладки современной политики и основательнымъ изученіемъ исторіи дипломатическихъ сношеній въ XIX вѣкѣ, не мало содѣйствовалъ разъясненію и усвоенію русскимъ обществомъ настоящихъ задачъ нашей національной политики.

Такова несомнѣнная заслуга статей собранныхъ вмѣстѣ, въ разсматриваемой нами книгѣ, которая съ интересомъ прочтется всѣми русскими людьми, интересующимися вопросами нашей внѣшней политики.

Русская печать въ лицѣ М. Н. Каткова и С. С. Татищева съ успѣхомъ выполнила свою задачу—освобожденія русской общественной мысли отъ нѣмецкаго плѣна.

Со времень, печальной памяти, графа Нессельроде наши дипломаты и даже нѣкоторые историческіе писатели смотрѣли на политическія сношенія Россіи съ европейскими державами черезъ иноземныя, преимущественно нѣмецкіе очки, что не мало содѣйствовало оскудѣнію здраваго пониманія нашихъ государственныхъ задачъ людьми къ тому призванными.

Такое положеніе вызвало естественный и горячій протестъ со стороны людей думающихъ и чувствующихъ по-русски; во главѣ этого протеста выступили Катковъ и Татищевъ, вложившіе въ него не мало энергіи, труда, и огня убѣжденія, растопившихъ понемногу толстую кору шаблонной рутины и заскорузлой казенщины, господствовавшихъ взглядовъ и мнѣній въ вопросахъ нашей внѣшней политики.

Въ доброе старое время внѣшняя политика и сопряженные съ ней вопросы мира и войны считались исключительнымъ достояніемъ офиціально-призванныхъ къ завѣдыванію ими дипломатовъ. Другое дѣло теперь, при современныхъ экономическихъ условіяхъ и общеобязательной военной службѣ, когда всѣ слои общества лично и матеріально заинтересованы въ ходѣ политическихъ дѣлъ.

Участіе русскаго общества въ дѣлахъ внѣшней политики началось, сравнительно, весьма недавно, именно, впервые оно рельефно выразилось въ 1863 г., т. е. всего четверть вѣка тому назадъ. Польскій мятежъ и наглое вмѣшательство Европы въ наши внутренія дѣла, вызванные этимъ мятежемъ, расшевелили наше, какъ бы дремавшее, національное чувство и создали у насъ политическую печать, до того времени отсутствовавшую. Этнографическая выставка въ Москвѣ, въ 1867 г., и событія 1876 г. были дальнѣйшими видными стадіями ея развитія.

Политическая печать создается годами, зрѣлая политическая мысль является результатомъ упорныхъ и послѣдовательныхъ историческихъ изслѣдованій—она своего рода подвигъ и плодъ народнаго многолѣтняго опыта. Наша политическая печать въ польскомъ вопросѣ, благодаря предшествовавшимъ историческимъ трудамъ Карамзина (его извѣстная «Записка»), Погодина и нѣкоторыхъ другихъ, въ лицѣ такого высокодаровитаго публициста, какимъ былъ М. Н. Катковъ, обнаружила въ 1863 году несомнѣнные признаки зрѣлости и сразу пріобрѣла вѣсъ и значеніе. Но въ другихъ вопросахъ и, преимущественно, внѣшней политикѣ, она явилась крайне зеленой и молодой.

Славянскимъ вопросомъ и Балканскимъ полуостровомъ до 1876 г. у насъ занимались весьма мало и притомъ поверхностно очень немногіе—онъ считался спеціальнымъ достояніемъ такъ называемыхъ славянофиловъ, людей чисто-кабинетнаго склада и притомъ сентиментальныхъ доктринеровъ и мечтателей въ политикѣ, которые, претендуя на полную самобытность своихъ взглядовъ, придерживались заимствованныхъ у европейскихъ писателей идей о свободѣ національностей и безпристрастіи въ политикѣ. Русское общество, печать и дипломатія, усердно сочувствовали и привѣтствовали итальянскую независимость и удаленіе Австріи съ Аппенинскаго полуострова, легкомысленно игнорируя то обстоятельство, что династія Габсбурговъ, отброшенная съ этого усвоеннаго ею пути къ югу, усиленно станетъ напи-

рать на Балканскій полуостровъ и что такое перенесеніе центра тяжести внѣшней политики сосѣдней съ нами Дунайской имперіи для насъ во всякомъ случаѣ невыгодно.

Хотя это обидно, но надо сознаться, что средніе русскіе люди въ дѣлѣ политической подготовки и способности практически понимать, взвѣшивать политическія событія и вообще въ нихъ оріентироваться не только уступаютъ интелигентному Западу, но и болгарамъ, грекамъ и румынамъ, которые съ дѣтства пригляделись и навыкли въ борьбѣ народной и вѣроисповѣдной.

Путаница и шаткость взглядовъ—одна изъ главныхъ причинъ неудачъ нашей политики въ Болгарскомъ вопросѣ, которому посвящена одна изъ самыхъ обширныхъ статей С. С. Татищева подъ заглавіемъ: «Россія и Болгарія. Историческая справка».

Въ свое изслѣдованіе этого вопроса авторъ внесъ новые, у насъ недостаточно распространенные пріемы историческаго метода изслѣдованія, основаннаго на документахъ, которые говорятъ гораздо убѣдительнѣе и доказательнѣе лирическихъ изліяній и патріотическихъ чувствъ покойнаго и несомнѣнно краснорѣчиваго московскаго славянофила И. С. Аксакова.

«Историческій методъ,—справедливо замѣчаетъ въ своей книгѣ г. Татищевъ,—не только предостерегаетъ насъ отъ опрометчивыхъ сужденій въ настоящемъ, но до извѣстной степени приподнимаетъ передъ нами и завѣсу будущаго» («Дипломатія и печать», стр. 519).

С. С. Татищевъ весьма ясно и опредѣленно формулируетъ завѣты нашей исторіи, забвеніе которыхъ составляетъ существенный недостатокъ нашей дипломатіи XIX вѣка. «Въ московскій періодъ нашей исторіи,—говоритъ онъ,—отличительныя черты нашего государственнаго строя, своеобразіе и обособленность, всецѣло отразились и въ нашей дипломатіи. Въ сношеніяхъ съ иностранными державами она руководилась исключительно сознаніемъ нашихъ народныхъ пользъ и нуждъ, строго оберегая при этомъ честь и достоинство государя и государства» («Русская дипломатія, старая и новая», стр. 1). Отличительныя эти черты выражаетъ тріединая формула: православіе, самодержавіе и народность. Сознаніе пользъ и нуждъ побуждало насъ искать выхода къ морю. Отсюда врагами нашими, на Западѣ, являлись Швеція и Польша, на югѣ—Турція. Франція, дружившая съ названными державами, естественно становилась нашимъ противникомъ. Московская политика достигаетъ высшаго своего проявленія при Петрѣ I и съ кратковременными промежутками, удерживается вплоть до кончины Екатерины II. Въ царствованіе ея сына Павла I, Россія впервые выступила защитницей не своихъ интересовъ, а отвлеченныхъ идей права и справедливости. Государственный эгоизмъ, этотъ краеугольный камень здравой политики, уступилъ мѣсто великодушію и безкорыстію (тамъ же, стр. 14 и 16). Вскорѣ во взглядахъ Павла произошли перемѣны, что выразилось въ одобрительныхъ помѣткахъ государя на извѣстной «Запискѣ графа Ѳ. В. Растопчина». При Александрѣ I наша политика еще далѣе отъ московскаго преданія. Всего пагубнѣе оказалось завѣдываніе дипломатическимъ вѣдомствомъ поляка-патріота Чарторыйскаго. Тогда-то и начался приливъ въ него иностранцевъ всѣхъ національностей. Чѣмъ менѣе политика петерргскаго двора становилась русскою, тѣмъ болѣе нуждалась она въ преныхъ орудіяхъ, а такими орудіями могли служить ей только чужеземцы,

ибо тѣ самыя цѣли, къ которымъ недовѣрчиво или равнодушно относилась Россія, возбуждали энтузіазмъ цѣлой толпы эмигрантовъ всякаго рода, видѣвшихъ въ торжествѣ удовлетвореніе своихъ страстей и интересовъ (тамъ же, стр. 16 и 17). При императорѣ Николаѣ Павловичѣ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ остался вѣдать графъ Нессельроде. Министръ этотъ, находившійся въ полномъ подчиненіи Меттерниху, дѣлалъ все, чтобы направить усилія Россіи для совершенно ей чуждыхъ интересовъ европейскаго строя. Мнѣнія почтеннаго автора о характерѣ внѣшней нашей политики въ царствованіе Николая Павловича, изложены имъ въ извѣстномъ, обширномъ и спеціальномъ трудѣ, посвященномъ этому предмету. Эта книга, какъ извѣстно, вызвала сильныя и не лишенныя основанія возраженія, будто г. Татищевъ отчасти погрѣшаетъ передъ исторической истиной, увлекаясь желаніемъ выгородить личное участіе Николая въ такомъ антинаціональномъ направленіи нашей политики. Вредъ политической системы; установившейся у насъ послѣ нашего участія въ такъ называемыхъ освободительныхъ войнахъ 1813 и 1814 годовъ, заключался въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ средне-европейскими державами и въ отдаленіи отъ Франціи, какъ державы революціонной. Между тѣмъ разросшаяся Пруссія замѣнила Швецію съ ея притязаніями владычествовать надъ Балтійскимъ моремъ, а къ Австріи перешло значеніе Рѣчи Посполитой—она къ тому же какъ разъ въ то время обнаружила стремленіе все болѣе и болѣе рѣшительное--стать нашимъ соперникомъ на Востокѣ. Франція же, которая, по своему положенію на Рейнѣ, является нашимъ естественнымъ союзникомъ, отвергалась нами по принципу. Такая политическая система, которой мы упорно держались послѣ Вѣнскаго конгресса вплоть до Восточной войны 1853—56 годовъ, привела насъ къ тяжкимъ историческимъ испытаніямъ и къ Парижскому миру.

Отношенія Пруссіи къ Россіи передъ и въ продолженіе этой войны весьма удачно и мѣтко очерчены авторомъ въ статьѣ: «Европа наканунѣ Восточной войны 1853—56 годовъ».

Предпочтеніе, оказываемое г. Татищевымъ Франціи передъ Пруссіей, вызвало его полемику съ «Бывшимъ дипломатомъ», псевдонимъ, подъ которымъ писалъ, нынѣ умершій, совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ А. Г. Жомини.

Заключительная (XX) глава исторической справки «Россія и Болгарія» впервые появляется; въ «Новомъ Времени» были напечатаны только первыя девятнадцать главъ. Не вполнѣ соглашаясь съ нѣкоторыми заключеніями и мнѣніями С. С. Татищева въ Болгарскомъ вопросѣ, мы, тѣмъ не менѣе, охотно признаемъ, что статьи его объ отношеніяхъ Россіи къ Болгаріи представляютъ весьма серьезную попытку развязать этотъ Гордіевъ узелъ нашей современной дипломатіи. Изложеніе и анализъ нашихъ отношеній къ Болгаріи послѣ Берлинскаго конгресса написаны авторомъ со свойственнымъ ему талантомъ, ясностью и точностью.

Вообще новая книга г. Татищева весьма цѣнный вкладъ въ нашу довольно бѣдную литературу по вопросамъ внѣшней политики.

П. М.

Исторія русской этнографіи. Т. I: общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. А. Н. Пыпина. Спб. 1890.

Новая книга А. Н. Пыпина составилась изъ многолѣтнихъ работъ по исторіи русской народности, первоначально помѣщавшихся въ «Вѣстникѣ Европы» (1881—1888). «Объединенныя здѣсь въ одно цѣлое, онѣ были вновь пересмотрѣны и въ различныхъ мѣстахъ болѣе или менѣе значительно дополнены». Все изданіе должно состоять, по плану автора, изъ четырехъ томовъ: I—II—«этнографія великорусская», III—«этнографія малорусская», и IV—«Бѣлоруссія и Сибирь». Пока вышелъ одинъ первый томъ; остальные три авторъ надѣется выпустить въ теченіе года. Когда изданіе будетъ окончено, мы дадимъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» общій очеркъ развитія въ русскомъ обществѣ интереса къ народу, къ его быту, воззрѣніямъ и соціально-экономическому положенію,—интереса, достигшаго своей наибольшей интенсивности въ наше время. Теперь же ограничимся лишь нѣсколькими словами относительно I-го тома.

«Матеріалъ этнографіи — народно-поэтическія воззрѣнія и обрядовой бытъ. Изученіе ея—путь къ опредѣленію «народности». Обзоръ ея исторіи есть вмѣстѣ обзоръ успѣховъ народнаго самосознанія». Такъ, въ краткихъ словахъ, опредѣляетъ г. Пыпинъ содержаніе и значеніе своего капитальнаго труда (Введеніе, стр. 15). Первая глава разсматриваемаго тома представляетъ общій обзоръ изученій народности и результатъ ихъ въ современныхъ понятіяхъ. Прочія главы посвящены разсмотрѣнію русской этнографіи въ томъ періодѣ, который можно назвать подготовительнымъ. Дѣло въ томъ, что русская этнографія лишь въ послѣднія десятилѣтія, почти только съ сороковыхъ годовъ, получила характеръ настоящей научной дисциплины: до тѣхъ поръ можно прослѣдить только ея зародыши, первыя попытки, которыя, однако, во-первыхъ, сохраняютъ даже и донынѣ цѣнность научнаго матеріала и, во-вторыхъ, имѣютъ несомнѣнный историческій интересъ, какъ ступени общественнаго самосознанія, приводившаго постепенно къ болѣе и болѣе глубокому пониманію собственнаго народа и его жизни и, наконецъ, подготовлявшаго самую возможность точной, правильно поставленной науки. Въ это время еще не было этнографіи, какъ науки, но было несомнѣнное, часто глубоко серьезное стремленіе къ изученію народности, отражавшееся и на другихъ отрасляхъ знанія, какъ исторіи, и на развитіи литературы поэтической, имѣвшей для русскаго общества важное воспитательное значеніе. «Исторія этихъ стремленій,—говоритъ авторъ,—должна составить необходимое начало исторіи самой науки: въ этомъ смыслѣ исторія русской этнографіи должна быть начата съ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка, съ Петровской реформы и съ первыхъ изученій русской территоріи и населенія; здѣсь вообще впервые возникаетъ сознательная мысль объ изученіи народа и народности, развившаяся позднѣе въ общественную дѣятельность для народа и въ правильную науку». Онъ особенно настаиваетъ на послѣднемъ положеніи, и отдѣлъ книги, посвященный XVIII вѣку, отличается полемическимъ характеромъ: имѣя въ виду извѣстное направленіе, авторъ доказываетъ, что Петровская реформа не «оторвала» нашего общества отъ народа. Напротивъ, ея вліянію приписываетъ онъ «одинъ изъ главныхъ толчковъ» къ тому общественному движенію умовъ, которое развивало понятіе нравственной обязанности служенія народу. Но-

вая, европейская (потому что другой и нѣтъ) образованность стремится къ распространенію знаній въ обществѣ, къ изученію страны и народа, болѣе и болѣе сближается съ интересами народной массы, наконецъ, является защитницей ея человѣческихъ и общественныхъ правъ. Если въ наше время потребность къ изученію народа, стремленіе къ распространенію въ его средѣ просвѣщенія, къ его матеріальному, нравственному и умственному освобожденію, становятся сознательной обязанностью всякаго серьезно мыслящаго человѣка, и во имя этой цѣли ведется столько ревностной и плодотворной работы, то въ этомъ сказывается только послѣдній результатъ тѣхъ началъ, которыя положены были реформой, и тѣхъ трудовъ, которые предприняты были впервые образованностью XVIII вѣка и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжались.

Считаемъ излишнимъ говорить о научныхъ достоинствахъ «Исторіи русской этнографіи»: серьезное изученіе предмета, широкія и хорошо обоснованныя обобщенія, прогрессивность воззрѣній—постоянныя свойства трудовъ А. Н. Пыпина, давно уже доставившія ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди нашихъ ученыхъ. Мы можемъ только пожелать успѣха его книгѣ, а также и скорѣйшаго появленія въ свѣтъ обѣщаемаго имъ дополненія къ ней—«Систематическаго обозрѣнія русской этнографической литературы», въ формѣ библіографическаго указателя. «Это обозрѣніе,—говоритъ онъ,—доставитъ изслѣдователямъ небезполезный подборъ фактовъ и справокъ, какого не могла бы дать собственная исторія науки, а для приступающихъ къ изученію предмета послужитъ руководителемъ въ обширной массѣ разнороднаго матеріала, въ которомъ начинающій обыкновенно только съ трудомъ можетъ осмотрѣться, долго не имѣя возможности составить себѣ отчетливаго понятія о цѣломъ составѣ избранной имъ и полюбившейся науки».

С.

Ѳ. И. Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Томъ I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Спб. 1890.

Новая книга г. Булгакова, заглавіе которой мы только-что привели, представляетъ изъ себя не ученый трудъ, а популярное сочиненіе, задача котораго заключается въ томъ, чтобы дать публикѣ, говоря словами автора, «сжатое резюме всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи развитія типографскаго искусства съ первыхъ его зачатковъ до нашего времени». Въ вышедшемъ теперь первомъ томѣ изложеніе доведено, впрочемъ, только до конца XVIII вѣка, книгопечатаніе же XIX столѣтія должно послужить предметомъ особаго второго тома. Въ виду полнаго отсутствія подобныхъ общихъ книгъ по исторіи книгопечатанія на русскомъ языкѣ, приходится привѣтствовать всякую попытку въ этомъ родѣ, хотя бы даже она была и не вполнѣ удачна. Г. Булгаковъ въ вышедшей части своего сочиненія указываетъ вкратцѣ ходъ развитія письменъ, матеріала и орудій письма до изобрѣтенія книгопечатанія, разсказываетъ исторію самаго изобрѣтенія и распространенія книгопечатанія до XVI вѣка въ различныхъ странахъ Европы, затѣмъ передаетъ исторію развитія типографскаго искусства съ XVI по XVIII вѣкъ на западѣ Европы, въ славянскихъ земляхъ и въ Россіи; особый отдѣлъ книги составляетъ русское книгопечатаніе въ XVIII вѣкѣ.

Изложеніе сопровождается громаднымъ количествомъ иллюстрацій, представляющихъ образцы замѣчательныхъ шрифтовъ, первоначальныхъ изданій, типографскихъ украшеній, гравюръ и проч. и дающихъ возможность читателю наглядно представить себѣ первоначальное положеніе типографскаго дѣла и постепенное его развитіе; кромѣ того, въ книгѣ помѣщены портреты наиболѣе замѣчательныхъ типографщиковъ и, наконецъ, текстъ ея украшенъ заставками, иниціалами и орнаментами изъ русскихъ рукописей разныхъ вѣковъ, причемъ авторъ въ особомъ указателѣ, помѣщенномъ въ концѣ книги, отмѣчаетъ тѣ изданія, изъ которыхъ онъ заимствовалъ эти рисунки. Вообще внѣшность изданія можно назвать безукоризненной. Что касается до самаго содержанія книги, то здѣсь, не останавливаясь на мелочахъ, не особенно важныхъ въ виду ея популярнаго характера, мы позволили бы себѣ указать на нѣсколько существенныхъ, на нашъ взглядъ, недостатковъ въ изложеніи автора. Первымъ изъ нихъ является нѣкоторая отрывочность въ передачѣ фактовъ, сводящаяся мѣстами къ простому перечисленію типографщиковъ и ихъ изданій въ различныхъ странахъ. Особенно сильно сказывается этотъ недостатокъ въ томъ отдѣлѣ книги, гдѣ идетъ рѣчь о развитіи типографскаго искусства съ XVI по XVIII вѣкъ въ западно-европейскихъ государствахъ: здѣсь авторъ часто упускаетъ изъ виду ту связь, какая существовала за это время между отдѣльными изобрѣтеніями и улучшеніями въ области типографскаго дѣла, и даетъ читателю вмѣсто связной исторіи довольно сухой перечень фактовъ. Еще важнѣе съ точки зрѣнія общей культурной исторіи отсутствіе въ книгѣ систематическихъ и опредѣленныхъ указаній на ту связь, какая существовала между развитіемъ книгопечатанія, съ одной стороны, и тѣмъ общимъ повышеніемъ умственнаго уровня народной массы, какое проявилось въ XVI—XVIII вв.,—съ другой. Авторъ, правда, говоритъ мѣстами объ этомъ, но слишкомъ обще и неопредѣленно. Съ другой стороны, тѣ факты изъ жизни отдѣльныхъ типографщиковъ, приведенные въ книгѣ, которые указываютъ на умственную борьбу, какую они вели съ современными имъ порядками, факты тѣмъ болѣе важные, что въ теченіе наиболѣе значительной части этого періода типографщики являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и издателями, слѣдовательно, лицами вполнѣ сознательно примыкавшими къ извѣстному движенію, недостаточно выдвинуты и освѣщены авторомъ. Въ сочиненіи популярномъ, предназначенномъ для широкой массы публики, эти недостатки пріобрѣтаютъ, конечно, особенно важное значеніе. Можно пожелать еще въ заключеніе, чтобы авторъ во второмъ томѣ своего сочиненія обратилъ нѣсколько болѣе вниманія на языкъ, который подчасъ у него слишкомъ шероховатъ.

В. М.

Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. П. О. Бобровскаго. Спб. 1890.

Труды г. Бобровскаго занимаютъ, безъ сомнѣнія, видное мѣсто въ числѣ появившихся, по поводу прошлогодняго уніатскаго юбилея, статей и изслѣдованій, выясняющихъ значеніе самаго возсоединенія уніатовъ въ политическомъ и религіозномъ смыслѣ, а также роль отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей въ этомъ событіи. Можно спорить противъ относительныхъ мѣстъ,

отводимыхъ авторомъ въ исторіи возсоединенія той или другой личности, напримѣръ, Іосифу Сѣмашкѣ—съ одной стороны, каноникамъ Тупальскому, Сосновскому и профессору Бобровскому—съ другой; ожесточенная полемика по этому поводу, завязавшаяся въ прошломъ году, продолжалась до послѣдняго времени. Но нельзя не признать правильности той строго-исторической точки зрѣнія, какую авторъ устанавливаетъ на самый процесъ постепеннаго разложенія и паденія уніи въ Россіи, независимо отъ собственно-религіозной стороны вопроса. Какъ извѣстно, большинство мнѣній по данному предмету сходится въ томъ, что главными виновниками столь важнаго для русской народности въ Западномъ краѣ событія были имп. Николай и митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, а непосредственный толчокъ къ ускоренію дѣла возсоединенія, въ политическихъ видахъ, сообщило польское возстаніе 1831 года. Матеріаломъ же и средой для дѣйствія въ смыслѣ рѣшительнаго возвращенія уніатской церкви къ православію было новое поколѣніе уніатскаго духовенства, усвоившее себѣ болѣе широкіе взгляды на историческую судьбу русской уніи, которая должна была тѣснѣе сближаться и, наконецъ, слиться либо съ католичествомъ, либо съ православіемъ.

Авторъ разсматриваемой книги избралъ предметомъ своего изслѣдованія внутреннюю борьбу въ нѣдрахъ самой уніи за предшествующій ея паденію періодъ, — борьбу между латинизованнымъ, отшатнувшимся отъ церковно-славянскаго языка, отъ греческихъ обрядовъ базиліанскимъ орденомъ и бѣлымъ духовенствомъ—клиромъ. «Унія на всемъ пространствѣ западныхъ губерній отъ Днѣпра до Западной Двины и Виліи уже давно наклонилась къ упадку и должна была погибнуть вмѣстѣ съ окончаніемъ разложенія базиліанскаго ордена; самый процесъ разложенія этого института угрожалъ подавить русскихъ латинствомъ, но этого не могло, не хотѣло и не должно было допустить бѣлое духовенство. Къ счастію, оно не успѣло еще утратить сознанія о коренномъ русскомъ происхожденіи своемъ и своихъ прихожанъ. Лисовскій и Красовскій, какъ іерархи, Тупальскій, Сосновскій и Бобровскій, какъ представители клира, съ самоотверженіемъ обличали условія гибельнаго для русской церкви разложенія ордена до конца, — съ достоинствомъ пастырей защищали клиръ отъ порчи, погубившей монашество въ уніи,—и исполнили свой долгъ уже и тѣмъ, что сохранили и вновь упрочили греко-славянское богослуженіе, завѣщанное первоучителями славянъ, св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, среди полутора милліона бѣлоруссовъ, малороссовъ и чернорусcовъ».

Такъ резюмируется взглядъ автора на вопросъ о паденіи уніи. По этому взгляду, наибольшая заслуга въ подготовкѣ событія принадлежитъ перечисленнымъ уніатскимъ дѣятелямъ въ первую четверть текущаго столѣтія, въ связи съ состояніемъ дѣла просвѣщенія народа при имп. Александрѣ I, съ направленіями системы этого просвѣщенія и даже съ тенденціями русской государственной политики въ названное царствованіе. Такой взглядъ даетъ возможность автору нарисовать широкую, чрезвычайно интересную картину духовнаго и общественнаго образованія въ западной Россіи за послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I. Передъ читателемъ проходитъ дѣятельность Адама Чарторыйскаго, кн. Голицына и Новосильцева, библейскихъ комитетовъ и масонскихъ ложъ, тайныхъ обществъ и пропаганды польскихъ идей, которая поддерживалась недоразумѣніемъ въ русской правительственной политикѣ, разсматривавшей западныя губерніи, даже въ дѣлѣ обще-

ственнаго воспитанія, какъ часть Польши. Роль кн. Адама Чарторыйскаго, въ качествѣ попечителя виленскаго учебнаго округа, достаточно извѣстна: вся его дѣятельность была посвящена идеалу возстановленія Польши, съ инкорпорированнымъ въ ней западно-русскимъ краемъ, и въ наше время, послѣ разоблаченія этихъ тенденцій въ литературѣ, новаго и изумительнаго тутъ ничего нѣтъ. Можно только жалѣть, что русскою властью не было своевременно понято это стремленіе.

Нѣкоторое новое освѣщеніе находимъ мы въ книгѣ г. Бобровскаго по затрогивавшемуся также въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ дѣлу о виленскихъ университетскихъ тайныхъ обществахъ двадцатыхъ годовъ, въ которыхъ участвовалъ Мицкевичъ. Предметъ этотъ, благодаря именно эпизодическому своему значенію для біографіи великаго польскаго поэта, достаточно разработывался и продолжаетъ еще служить темой изслѣдованій, какъ въ польской, такъ и въ русской литературѣ. Взаимно-вспомогательныя благотворительныя студенческія общества въ Виленскомъ университетѣ, исходя изъ чисто-нравственныхъ началъ, выставлявшихся впередъ польскими изслѣдователями, имѣли, въ конечныхъ своихъ результатахъ, цѣли политическаго свойства, понятныя во всемъ объемѣ, впрочемъ, только для руководителей. Сами по себѣ эти общества могли только поддерживать въ студентахъ сознаніе польской народности и содѣйствовать между ними извѣстному политическому настроенію, безъ другихъ непосредственно-серьезныхъ послѣдствій, но самая поддержка подобнаго настроенія въ молодомъ поколѣніи составляла часть программы Чарторыйскаго. Послѣдній во-время самъ распорядился закрытіемъ общества такъ называемыхъ филаретовъ, узнавъ о строгихъ правительственныхъ мѣрахъ, «вслѣдствіе полученныхъ въ Петербургѣ извѣстій о ненадежномъ состояніи умовъ въ губерніяхъ, входившихъ въ составъ Виленскаго учебнаго округа, особенно же о фанатическомъ настроеніи студентовъ и учащейся молодежи». Дѣло закончилось строгимъ разслѣдованіемъ, возложеннымъ на Новосильцева, который, прибывъ въ Вильну для раскрытія тайныхъ студенческихъ обществъ, замѣнилъ Чарторыйскаго въ должности попечителя. Дѣятельность Новосильцева въ качествѣ попечителя учебнаго округа рельефно очерчена авторомъ и заслуживаетъ полнаго вниманія историка этого времени. Неудивительно, какъ мы сказали, что кн. Адамъ Чарторыйскій преслѣдовалъ полонизаторскія цѣли, становясь во главѣ управленія учебнымъ дѣломъ въ Западномъ краѣ; онъ пользовался лишь общимъ ослѣпленіемъ многихъ тогдашнихъ русскихъ государственныхъ людей (до Шишкова), считавшихъ западныя губерніи частью Польши. Но ослѣпленіе Новосильцева, воображавшаго служить русскому дѣлу, гораздо менѣе понятно и можетъ объясняться только общею неустойчивостью его воззрѣній, космополитическимъ воспитаніемъ, колебаніемъ отъ одной системы къ другой, при чемъ, благодаря ловкости латинизаторовъ, «онъ отдавалъ явное предпочтеніе школамъ, бывшимъ въ рукахъ латинскихъ монашескихъ сословій».

Чѣмъ были библейскіе комитеты по отношенію вліянія своего на развитіе уніатскаго вопроса? Авторъ, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, рисуетъ это вліяніе въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Должно, впрочемъ, помнить, что при тогдашней борьбѣ партій значеніе библейскаго общества нерѣдко преувеличивалось въ дурную сторону его противниками. Министръ Шишковъ усиленно настаивалъ на закрытіи библейскаго общества и его провинціальныхъ комитетовъ, какъ учрежденій, «сѣющихъ развратъ и воль-

номыслiе въ дѣлахъ вѣры». Библейское общество издавало, какъ извѣстно, книги св. писанія въ русскомъ переводѣ. Между тѣмъ, по взгляду Шишкова, книги, распространенныя библейскими обществами, «разрушаютъ священнѣйшую связь между церковью, престоломъ и отечествомъ, вводятъ соблазнъ, развращаютъ нравы и потрясаютъ спокойствіе, законы и благоденствіе народное». Впрочемъ, Шишковъ правильно смотрѣлъ на закрытіе базиліанскихъ монастырей и кромѣ того сознавалъ необходимость существенной реформы въ гимназіяхъ, уставъ которыхъ былъ обнародованъ уже послѣ его выхода, въ 1828 году. Борьба партій на церковной и воспитательной почвѣ принадлежитъ къ самымъ интереснымъ страницамъ книги.

Но эти подробности труда г. Бобровскаго, сами по себѣ интересныя, имѣютъ все-таки лишь отдаленную связь съ уніатскимъ дѣломъ. Авторъ старается выяснить тѣ политическія условія, въ силу которыхъ уніатскій вопросъ неминуемо долженъ былъ устремиться къ единственно-возможной для него реальной развязкѣ. Единственно возможнымъ этотъ исходъ сдѣлался съ тѣхъ поръ, какъ постепенное сліяніе уніи съ католичествомъ становится немыслимымъ, вслѣдствіе благопріятнаго поворота во внутренней правительственной политикѣ особенно по отношенію къ дѣлу воспитанія молодежи. Этимъ внѣшнимъ условіямъ, перемѣнѣ во взглядахъ русскихъ правительственныхъ лицъ на западную Россію—не какъ на польскій, но какъ на чисто русскій край, соотвѣтствовали исходъ внутренней борьбы въ уніи, ослабленіе базиліанскаго ордена и его упадокъ, возвышеніе значенія бѣлаго клира соотвѣтственно дѣлавшимся еще съ начала столѣтія усиліямъ достойныхъ іерарховъ Лисовскаго и Красовскаго,—возвышеніе въ богослуженіи славянскаго языка и обрядности.

Характеристика этихъ условій, имѣющая очень почтенную и важную въ историческомъ отношеніи цѣль, сама по себѣ еще не служитъ доказательствомъ, чтобъ и дѣйствительно событіе возсоединенія уніи было обязано своимъ происхожденіемъ именно тѣмъ обстоятельствамъ и людямъ, какіе очерчены авторомъ. Унія могла протянуться еще нѣкоторое и даже продолжительное время, подобно тому, какъ она досуществовала до половины семидесятыхъ годовъ у холмскихъ уніатовъ, еслибы не явилось внѣшнихъ, рѣшительныхъ событій—въ родѣ польскаго мятежа 1831 г., еслибъ не явилось историческихъ дѣятелей, какъ имп. Николай и митроп. Сѣмашко, въ развѣнчиваніи котораго, быть можетъ, и преувеличенно обвиняютъ нынѣ автора его литературные противники.

Самъ авторъ, упоминая о предшествовавшихъ 14 декабря 1825 г. событіяхъ, говоритъ, что «они раскрыли глубокія раны въ общественномъ быту Россіи, дали самый рѣшительный толчекъ къ возстановленію русскихъ началъ для народнаго образованія и воспитанія въ западныхъ губерніяхъ». Самъ авторъ говоритъ, что благодаря «энергіи и неусыпной дѣятельности имп. Николая, въ самомъ непродолжительномъ времени изданы были благопріятныя условія для приведенія въ исполненіе реформъ въ греко-уніатской церкви, которыя затянулись при его предшественникѣ, вслѣдствіе систематическаго противодѣйствія базиліанскаго ордена, безучастія къ нуждамъ своего духовенства епархіальныхъ епископовъ... и безсилія коллегіи, старавшейся угодить и базиліанамъ, и свѣтскому клиру». Отсюда прямой выводъ тотъ, что только дѣятельностью людей новаго царствованія уніатскій вопросъ направленъ былъ къ рѣшительному концу.

Рѣшительной эпохой въ дѣлѣ паденія уніи считается указъ 9 октября 1827 г., о недозволеніи принимать въ греко-уніатское монашество людей другого обряда и объ учрежденіи училищъ для наставленія уніатскаго юношества духовнаго званія въ правилахъ вѣры въ обрядахъ богослуженія на славянскомъ языкѣ. Авторъ считаетъ даже, что этимъ указомъ завершается особый періодъ въ исторіи русской уніи, «періодъ противодѣйствія базиліанскаго ордена стремленіямъ бѣлаго духовенства освободиться отъ латинизаторскихъ цѣпей», т. е. періодъ, въ который возросло сознаніе необходимости реформъ въ уніатской церкви. Но еще раньше этого указа имп. Николай высказалъ гр. Блудову свое желаніе «возсоединить уніатовъ». Государь изъ прежняго своего опыта зналъ многое объ уніатскихъ дѣлахъ. «Еще командуя бригадой, квартировавшей въ Литвѣ (въ 1821—22 г.), великій князь сокрушался о бѣдственномъ состояніи и униженіи сельскаго духовенства и наконецъ узналъ много такого, что не внесено въ лѣтописи исторіи». Въ виду такой подготовленности и рѣшимости государя, нашелся и человѣкъ, «который могъ бы быть орудіемъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ». Это былъ Сѣмашко. Польскій мятежъ 1831 г. довершилъ собою указанія времени о необходимости покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ уніатовъ, представлявшихъ собою благодарный матеріалъ для польскихъ вліяній даже и послѣ пораженія латинизаторской силы базиліанскаго ордена. При сопоставленіи этого съ приведенными словами имп. Николая, оказывается, что внутренней борьбѣ въ русской уніи нельзя придавать, въ дѣлѣ паденія послѣдней, такой исключительной важности, какая приписывается ей въ книгѣ г. Бобровскаго. Борцы противъ латинизаторства уніи дѣлали, безъ сомнѣнія, хорошее дѣло, отстаивая народныя начала въ греко-уніатской церкви, но вовсе еще не доказано, чтобъ они стремились къ возсоединенію съ православіемъ. Заслуга этого событія принадлежитъ въ преобладающей степени все-таки имп. Николаю и избранному имъ «орудію», митрополиту Іосифу Сѣмашкѣ.

За этими оговорками относительно опредѣленія заслугъ тѣхъ или другихъ лицъ въ разрѣшеніи уніатскаго вопроса, изслѣдованіе г. Бобровскаго, въ своихъ объективныхъ частяхъ, является цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу по обрисовкѣ общественныхъ стремленій и партій при Александрѣ I въ примѣненіи къ церковному вопросу. Самый пріемъ автора заслуживаетъ, какъ мы сказали, полнаго сочувствія: перенести изслѣдуемое событіе на строго-историческую почву, показать тѣ вліянія, какія расчистили почву для воздѣйствія непосредственныхъ историческихъ факторовъ въ дѣлѣ разрѣшенія вѣкового вопроса. Такая постановка дѣла, вмѣстѣ съ указанной уже нами интересной групировкой разнородныхъ вліяній въ царствованіе Александра I, сообщаютъ труду г. Бобровскаго безспорное значеніе даже въ глазахъ тѣхъ, которые не раздѣляли бы его воззрѣній на относительную важность въ уніатскомъ вопросѣ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ лицъ.

Н. С. К.

Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. VIII, вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. И. Н. Смирнова. Казань. 1890.

Изученіе различныхъ народностей въ Россіи началось, сравнительно, недавно. Въ 1733—37 гг. Г. Ф. Миллеръ, І. Г. Гмелинъ вмѣстѣ съ Штеллеромъ и Крашенинниковымъ собирали этнографическіе матеріалы въ предѣ-

лахъ Сибири, причемъ Крашенинниковъ составилъ интересное описаніе быта камчадаловъ, которые въ то время переживали еще эпоху каменнаго вѣка. Съ тѣхъ поръ интересъ къ наблюденіямъ надъ народной жизнью ростетъ все больше и больше и мы видимъ цѣлый рядъ изслѣдователей, поставившихъ себѣ задачей собираніе этнографическаго матеріала. Палласъ, Гюльденштедтъ, Лепехинъ, Зуевъ, Рычковъ, Фалькъ—дали богатый матеріалъ, положенный позже въ основаніе своихъ изслѣдованій Снегиревымъ, Терещенкой, Сахаровымъ и др., когда почувствовалась необходимость обобщить собранный матеріалъ, сдѣлать изъ него выводы. Не смотря однако на добросовѣстность, съ какой относились названные изслѣдователи къ своему дѣлу, они не въ силахъ, конечно, были, во-первыхъ, заглянуть во всѣ уголки Россіи, а во вторыхъ, точно охарактеризовать и описать ту или другую народность, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Внутреннюю жизнь почему-то обходили; одни изъ изслѣдователей совершенно не обращали на нее вниманія, или же, если и обращали, то самое небольшое, другіе, относившіеся болѣе внимательно, не могли дѣлиться своими наблюденіями, такъ какъ встрѣчали препятствія со стороны цензуры. Все это показываетъ намъ, какъ необходимо, пока еще есть время, продолжать этнографическія заботы и пополнять пробѣлы въ прежнихъ. Поэтому нельзя не порадоваться тому, что «въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ являются люди, готовые наблюдать окружающую жизнь и дѣлиться своими наблюденіями съ публикою» (стр. I). Однако, чтобы «это движеніе принесло наукѣ всю пользу, какую оно можетъ принести надо придти на помощь наблюдателямъ, надо показать, что уже извѣстно относительно предмета, который они собираются наблюдать, что изъ этого извѣстнаго вытекаетъ, какіе вопросы можно поставить на основаніи наличнаго матеріала» (стр. II). Такія цѣли преслѣдовалъ г. Смирновъ, издавая свой первый очеркъ «Черемисы», тѣ же цѣли преслѣдуетъ онъ и при изданіи настоящей книги.

Сказавши, что документальная исторія вотяковъ, племени Удъ-Мурт'овъ начинается со времени подчиненія Вятки московскому князю Ивану III (1489 г.), г. Смирновъ опредѣляетъ въ первой главѣ своего труда мѣста древнихъ вятскихъ поселеній, говоритъ о древнѣйшей культурѣ пермской группы а также объ отношеніи вотяковъ къ чуди, болгарамъ и татарамъ. Власть послѣднихъ надъ вотяками была очень велика и отразилась въ вятскихъ легендахъ, (изданныхъ Н. Г. Первухинымъ), въ которыхъ между прочимъ, находимъ такія указанія: «когда татаринъ садился на лошадь, вотякъ долженъ былъ становиться на четверенки; ни одна дѣвушка не могла выйти замужъ не пробывши у татарина заложницей дня 4—5» (стр. 52). Заканчивается глава описаніемъ хода русской колонизаціи въ вятскихъ земляхъ и ея культурнаго значенія. Здѣсь впрочемъ автору не удалось сказать ничего новаго. «Исторія колонизацій восточной части Вятской губерніи ждетъ еще своего изслѣдователя», говоритъ онъ. «Имѣя въ виду главнымъ образомъ этнографическую, а не историческую задачу, мы не беремъ на себя труда восполнить этотъ пробѣлъ и ограничиваемся тѣми данными, которыя имѣются въ литературѣ» (стр. 72).

Вторая глава посвящена описанію внѣшняго быта вотяковъ. Здѣсь, между прочимъ, говоря объ ихъ жилищахъ и замѣчая, что названія многихъ частей вятскаго жилья заимствованы у татаръ, г. Смирновъ говоритъ: «Казалось бы, слѣдовало ждать противнаго, вліянія болѣе раннихъ поселен-

цевъ въ краѣ на позднѣйшихъ пришельцевъ и при томъ кочевниковъ. Это противорѣчіе объясняется однако вліяніемъ болгарской культуры на татарскую» (стр. 90). Что касается до насъ, то мы ничего «противнаго» не ждали, да и ждать не могли послѣ той характеристики вотяковъ, которую г. Смирновъ сдѣлалъ на стр. 86: «привыкнувъ, говоритъ онъ, къ пассивной борьбѣ съ природой, вотякъ такъ же держитъ себя и въ столкновеніяхъ съ людьми. Онъ отступалъ передъ русскимъ колонизаторомъ, покуда могъ, отступаетъ, гдѣ можетъ, и теперь. Когда отступленіе становится невозможнымъ, онъ покорно принимаетъ новыя условія и позволяетъ пришельцамъ хозяйничать въ своемъ дому. Знающіе люди говорятъ, что въ смѣшанныхъ селеніяхъ мірскія дѣла рѣшаются русскимъ меньшинствомъ, а не вотскимъ большинствомъ» (стр. 86).

Четыре слѣдующихъ главы посвящены изображенію внутренней жизни вотяковъ и отличаются особеннымъ интересомъ. Здѣсь, прежде всего, авторъ очень подробно останавливается на вопросѣ о развитіи семейной и общественной организаціи, причемъ затрогиваетъ любопытный вопросъ о матернитетѣ у вотяковъ и на основаніи данныхъ языка убѣждается въ существованіи нѣкогда его у вотяковъ, оговариваясь, впрочемъ, что «добытыя данныя не способствуютъ еще окончательному рѣшенію вопроса въ томъ или другомъ направленіи» (стр. 135). Что касается до положенія женщины, то оно довольно сносно. До замужества она пользуется совершенной свободой. Замужество полагаетъ конецъ свободѣ чувства и «распущенная дѣвушка становится вѣрной женой» (стр. 133). Впрочемъ такое положеніе женщины-жены является результатомъ развитія супружескихъ правъ и еще не такъ давно, именно въ прошломъ столѣтіи. Вотякъ совершенно индиферентно относился къ вѣрности жены. Затѣмъ авторъ переходитъ въ область идей, вѣрованій, понятій, обрядовъ и, наконецъ, созданій творчества. Передать хотя вкратцѣ богатое содержаніе этихъ трехъ главъ намъ не позволяютъ размѣры замѣтки и потому мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на одинъ интересный вопросъ, затронутый г. Смирновымъ, именно вопросъ о каннибализмѣ у вотяковъ. Уже давно г. Смирновъ пришелъ къ положительному рѣшенію этого вопроса и такъ какъ къ выводамъ его отнеслись съ недовѣріемъ, видя въ нихъ преждевременныя сообщенія, то онъ въ настоящемъ своемъ сочиненіи сдѣлалъ вторичную попытку разрѣшить этотъ вопросъ, обосновывая свои прежніе выводы новыми, болѣе точными данными.

Что касается до предметовъ творчества вотяковъ, до ихъ поэзіи, то намъ кажется, что авторъ отнесся къ нимъ поверхностно, слегка. Обойденъ и не затронутъ, по нашему мнѣнію, вопросъ о народной вотяцкой символикѣ. Г. Смирновъ приводитъ нѣсколько параллелизмовъ, выбранныхъ имъ изъ пѣсенъ и говоритъ, что параллелизмы эти далеко не всегда удачны. На первый взглядъ—да: они не только не удачны, но даже какъ будто не имѣютъ никакого смысла. Возьмемъ два изъ приведенныхъ авторомъ:

«Мы встали рано утромъ и посмотрѣли на верхушку зеленаго дуба;
«Хотя я и былъ далеко, но не забылъ твои черныя брови».
«Съ высокой горы бѣжитъ съ шумомъ снѣговая вода;
«Если съ малолѣтства будешь богатъ, то сердце твое никогда не успокоится» (стр. 251 и сл.).

Какой здѣсь смыслъ, какая логическая послѣдовательность—рѣшать не беремся, такъ какъ не знакомы съ произведеніями вотской поэзіи и потому

рѣшеніе этого вопроса предоставляемъ спеціалистамъ. Внутренняго смысла, нѣсколько лишь затемненнаго народной символикой, мы склонны искать здѣсь на основаніи аналогичныхъ примѣровъ въ малорусской поэзіи. Позволимъ себѣ привести одинъ, два примѣра:

«Ой у полі озерце,
«Там плывае відерце,
«Соснові кленки,
«А дубовэ денце...
«Не цураймося сердце».

Или:

«Тече річка, не величка
«З вышневого саду...
«Клыче козак дівчиноньку
«Собі на пораду».

На первый взглядъ, какъ и въ приведенныхъ выше примѣрахъ вотяцкихъ пѣсенъ, здѣсь смысла нѣтъ. Повидимому нѣтъ ничего общаго между этими двумя идиллическими картинками, пейзажиками и выраженіями чувствъ любви, высказанныхъ, напримѣръ въ словахъ: «не цураймося сердце». Но если обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что въ народной малорусской поэзіи вода вездѣ является символомъ, тогда смыслъ, это внутреннее общее, открывается само собой.

Въ послѣдней главѣ, г. Смирновъ дѣлаетъ очень подробный обзоръ литературы о вотякахъ, при чемъ разбираетъ не только крупныя или чѣмъ-либо замѣчательныя сочиненія, но и мелкія этнографическія замѣтки, разсѣянныя въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Такой обзоръ, сдѣланный при томъ же спеціалистомъ и знатокомъ своего дѣла, какимъ является г. Смирновъ, имѣетъ большое значеніе и вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ и самый очеркъ.

Въ концѣ тома приложено нѣсколько вотскихъ сказокъ, при чемъ двѣ первыя, записанныя Г. А. Аптіевымъ, приведены на вотскомъ нарѣчіи съ параллельнымъ русскимъ переводомъ, а также «вотскія языческія имена изъ пермской книги 1676 г.,» размѣщенныя въ алфавитномъ порядкѣ, равно какъ и языческія имена, извлеченныя изъ мѣстныхъ патронимическихъ названій списка нас. мѣстъ Вятской губерніи. В. Б.

Литературныя встрѣчи и знакомства. А. П. Милюкова. Спб. 1890.

Мысль издать отдѣльной книгой столь интересныя и талантливыя воспоминанія, какъ печатавшіяся раньше въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (въ «Историч. Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ») воспоминанія почтеннаго А. П. Милюкова, столько пережившаго и перевидѣвшаго на своемъ вѣку, должна быть признана безусловно счастливой. Талантливыхъ и объективныхъ литературныхъ воспоминаній у насъ очень немного, и среди нихъ небольшая по объему книжка «Литературныхъ встрѣчъ и знакомствъ» нашего автора займетъ несомнѣнно одно изъ видныхъ мѣстъ. Прекрасный, образный языкъ, какимъ нынѣ пишутъ только старые литераторы, вѣрные хранители пушкинскихъ традицій, беллетристическая, художественная манера разсказа, сжатость и мѣткость въ характеристикахъ, разлитое повсюду чувство мѣры и наблюдательный умъ, останавливающійся только на существенномъ и важномъ и схватывающій много характернаго, добродушный юморъ и тонкое остроуміе, — вотъ тѣ симпатичныя качества, пре-

красное соединеніе которыхъ дѣлаетъ очерки и портреты г. Милюкова цѣнными въ историко-литературномъ отношеніи и, конечно, привлечетъ къ нимъ многочисленныхъ читателей, ибо они увлекательны, какъ хорошій романъ, и интересны, какъ бесѣда съ наблюдательнымъ человѣкомъ. Особенное вниманіе въ книгѣ г. Милюкова обращаютъ на себя очерки воспоминаній объ А. И. Герценѣ и Ѳ. М. Достоевскомъ, занимающіе почти половину книги. Въ первомъ очеркѣ авторъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Герценомъ въ 1857 году, въ Лондонѣ; пробывъ тамъ двѣ недѣли, авторъ успѣлъ довольно близко познакомиться «съ блестящими идеями смѣлаго публициста», услышать отъ него много любопытныхъ анекдотовъ и побесѣдовать о разныхъ интересныхъ вопросахъ — о славянофильствѣ и западничествѣ, о Польшѣ, о революціи 1848 года, о Франціи и Англіи, въ которой всѣ удивительно дорожатъ законностью и въ которой поэтому всякому свободномыслящему человѣку живется покойнѣе, чѣмъ на континентѣ, о музыкѣ, поэзіи и поэтахъ, и пр. Столь же интересенъ, если еще не больше, второй очеркъ, посвященный Ѳ. М. Достоевскому, съ которымъ авторъ былъ знакомъ въ продолженіе болѣе чѣмъ 30-ти лѣтъ. Помимо общаго литературнаго значенія, факты сообщаемые г. Милюковымъ въ этомъ очеркѣ имѣютъ большую цѣнность для будущей полной біографіи Ѳ. М. Достоевскаго. Почтенный авторъ познакомился съ послѣднимъ зимою 1848 года, — тяжелаго года для тогдашней образованной молодежи. Авторъ разсказываетъ о своемъ сближеніи съ кружкомъ С. Ѳ. Дурова, который состоялъ, правда, изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніями; о собраніяхъ этого кружка, въ которомъ видную роль игралъ Ѳ. М. Достоевскій, объ его бесѣдахъ, преніяхъ и занятіяхъ, и, наконецъ, о печальной катастрофѣ 23 апрѣля 1849 года, когда Ѳ. М. былъ арестованъ. Очень тепло и трогательно повѣствуетъ г. Милюковъ о своемъ прощаніи въ крѣпости съ арестантами Достоевскимъ и Дуровымъ, осужденными въ Сибирь на каторгу, и приводитъ, между прочимъ, собственный разсказъ Ѳ. М. объ его арестѣ, написанный имъ уже по возвращеніи изъ ссылки въ альбомѣ дочери г. Милюкова, въ 1860 году. Въ послѣдующихъ главахъ авторъ сообщаетъ тоже очень много любопытнаго о характерѣ и литературной дѣятельности знаменитаго писателя. Изъ этихъ воспоминаній о немъ дѣйствительно выступаетъ «такая же высокая личность человѣка, какъ и образъ высокоталантливаго писателя». Въ этихъ главахъ обращаетъ на себя особенное вниманіе одинъ разсказъ Ѳ. М., не вошедшій въ «Записки изъ Мертваго Дома» по цензурнымъ соображеніямъ, такъ какъ затрогивалъ щекотливый въ то время вопросъ о злоупотребленіяхъ крѣпостнаго права.

Съ большимъ юморомъ обрисованы Ап. Григорьевъ и Л. А. Мей, которыхъ сближала и родственность художественнаго таланта, и горячая любовь къ искусству, и, наконецъ, одна и та же слабость и необезпеченность въ жизни; точно такъ же съ большой обстоятельностью, хотя и очень сжато, характеризованъ Ир. Ив. Введенскій, извѣстный переводчикъ Диккенса. Весьма мѣтко очерченъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, бывшій директоръ московскаго театра и переводчикъ мольеровскаго «Мизантропа», этотъ семидесятилѣтній молодившійся селадонъ и подъ конецъ жизни задорный спекуляторъ. Интересны воспоминанія о Д. И. Языковѣ, переводчикѣ Шлецерова изслѣдованія Несторовой лѣтописи, издателѣ записокъ Нащокина и Дюка Лирійскаго и непремѣнномъ секретарѣ (въ 1839 году) Академіи Наукъ Съ удовольствіемъ

прочитывается разсказъ о знакомствѣ съ О. И. Сенковскимъ и воспоминанія объ Я. П. Бутковѣ, авторѣ разсказовъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Петербургскія вершины», и нѣсколькихъ повѣстей, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ сороковыхъ годахъ. Характерные разсказы Буткова о воздвигавшихся на него гоненіяхъ цензуры, въ лицѣ Мусина-Пушкина, занимаютъ большую часть интересныхъ воспоминаній, посвященныхъ одному изъ печально-погибшихъ талантовъ, какими такъ обильны лѣтописи русской литературы. С. Т—чевъ.

Двинскіе или Борисовы камни. Изслѣдованіе А. Сапунова. Изданіе Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Витебскъ. 1890.

Витебскія древности имѣютъ своего дѣльнаго и энергичнаго изслѣдователя, получившаго добрую извѣстность изданіемъ обширнаго, еще не пришедшаго къ окончанію, сборника «Витебская Старина» и другихъ историческихъ сочиненій, касающихся судебъ древняго Полоцкаго княжества. Мы получили новый трудъ почтеннаго витебскаго историка, озаглавленный выше. Это—небольшая брошюра, въ 32 страницы, въ которой авторъ задался цѣлью представить точные снимки съ Двинскихъ или Борисовыхъ камней, переданныхъ въ разныхъ изданіяхъ, по словамъ автора, весьма неточно.

Скромно поставленная авторомъ задача однако расширена имъ и притомъ съ такою добросовѣстностью, какою отличаются предшествующіе его труды. Г. Сапуновъ обозрѣлъ литературу предмета, сдѣлалъ оцѣнку такихъ напр. трудовъ, какъ изслѣдованія Стрыйковскаго, Тышкевича, Плятера, Сементковскаго, Киркора и другихъ лицъ, интересовавшихся Двинскими камнями, наконецъ съ своей точки зрѣнія высказался по неразрѣшенному до сихъ поръ вопросу: кѣмъ, когда и для какой цѣли изсѣчены кресты и надписи на этихъ историческихъ памятникахъ древности? Авторъ напрасно впрочемъ ставитъ такую работу на второй планъ, такъ какъ это—лучшая часть его труда; главная же задача, къ которой онъ стремился—представить «точные» снимки камней, по нашему мнѣнію, не можетъ быть признана совершенно выполненною. Въ девяти таблицахъ г. Сапуновъ воспроизвелъ, съ одной стороны, изображенія Двинскихъ камней прежнихъ изслѣдователей и издателей, а съ другой, какъ предполагаемое исправленіе ихъ,— рисунки, такъ сказать, дѣйствительные, точные, исполненные по изысканіямъ самого автора.

Какъ же это исполнено г. Сапуновымъ?

Возьмемъ для примѣра камень № 2. Представивъ изображенія его, помѣщенныя въ журналѣ «Rubon» за 1842 г., въ соч. Тышкевича «Rzut oka», въ «Ученыхъ запискахъ Академіи Наукъ» за 1855 г., «Всем. Иллюстраціи», «Живописной Россіи» и, наконецъ, въ книгѣ «Бѣлоруссія и Литва», авторъ указываетъ на такія, напр., неточности прежнихъ изображеній, какъ постановка въ надписи на камнѣ буквы *Н* вмѣсто *И*, или *С* вмѣсто *Е*, очертаніе славянской буквы *З*, на подобіе латинскаго *Z*, обозначеніе титла или буквы выше того мѣста, гдѣ имъ слѣдуетъ быть, и т. д. Подобныя ошибки конечно не должны быть допускаемы; но авторъ закрываетъ глаза предъ тѣмъ фактомъ, что въ упомянутыхъ выше изданіяхъ надписи воспроизведены не отдѣльнымъ изображеніемъ крупныхъ размѣровъ, а на самомъ ри-

сункѣ камня, по большой части въ маломъ размѣрѣ, когда подобныя чисто корректурныя ошибки скорѣе возможны и, слѣдовательно, терпимы, чѣмъ опечатки въ текстѣ. Но у самого г. Сапунова на выдаваемомъ имъ за достовѣрный рисункѣ камня № 2 мы не можемъ хорошенько разобрать, что у него поставлено: *Н* или *И* (вторая буква у креста), а славянская буква *З* тоже скорѣе можетъ быть принята за латинскій *Z*.

Такой способъ исправленія мнимыхъ прегрѣшеній прежнихъ изслѣдователей, по нашему мнѣнію, не исправленіе. Притомъ, издавая вмѣсто ошибочныхъ, по бо́льшей части хорошо исполненныхъ въ техническомъ отношеніи, рисунковъ якобы достовѣрныя изображенія, слѣдовало бы позаботиться, чтобы послѣднія были, въ томъ же отношеніи, безукоризненны, чтобы камень дѣйствительно былъ камнемъ, а не какимъ-то пятномъ, небрежно или неумѣло зачерненнымъ и похожимъ на что угодно, только не на камень, какъ это вышло съ «достовѣрными» изображеніями на таблицахъ VII, VIII, IX и XI; такіе рисунки именно могутъ «подать поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и сомнѣніямъ», которыя авторъ имѣлъ въ виду предотвратить и предупредить. **М. Г—цкій.**

В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ. Кіевъ. 1890.

Въ небольшой брошюрѣ, заглавіе которой мы выписали, г. Гошкевичъ, на основаніи документовъ, найденныхъ имъ въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи и еще неизданныхъ, попытался дать точное опредѣленіе мѣста, «на которомъ несомнѣнно стоялъ дворъ и замокъ достопамятнаго князя Симеона Олельковича, правившаго Кіевомъ во второй половинѣ XV вѣка, возстановителя соборной церкви Кіево-Печерской Лавры». Съ этой цѣлью онъ приводитъ буквально нѣсколько документовъ, извлекаетъ изъ нихъ точныя географическія данныя для мѣстностей, ближайшихъ къ городищу и, наконецъ, даетъ точное описаніе послѣдняго (стр. 18 сл.). Обвалившійся берегъ р. Гнилуши, протекающей около городища, обнаружилъ на глубинѣ 2½ арш. отъ поверхности земли толстый слой угля (6 верш.). Это обстоятельство дало поводъ нашему изслѣдователю предположить, что на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ половинѣ XV в. стоялъ замокъ Симеона Олельковича «существовало болѣе древнее поселеніе, истребленное огнемъ,—а князь Симеонъ Олельковичъ засыпалъ пожарище толстымъ слоемъ глины и самъ поселился на старомъ мѣстѣ». На основаніи цѣлаго ряда лѣтописныхъ датъ, г. Гошкевичъ приходитъ къ весьма вѣроятному заключенію, что именно здѣсь находился тотъ «городецъ», который игралъ большую роль въ исторіи борьбы между Мономаховичами и Ольговичами изъ-за обладанія Кіевомъ и мѣстоположеніе котораго до сихъ поръ не было точно опредѣлено въ трудахъ, посвященныхъ исторической географіи Россіи. Что касается до приложенной въ концѣ карты изслѣдуемой мѣстности, то она сдѣлана не вполнѣ удовлетворительно.

В. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Французскіе этюды о русскихъ и славянахъ.—Понятіе о грѣхѣ въ русской литературѣ.—Парадоксы парижскихъ романистовъ.—Поклоненіе русскимъ извѣстностямъ.—Нѣмка, восхищающаяся Надсономъ, и нѣмецъ, видящій апостола въ Л. Н. Толстомъ.—Раздвоившійся Достоевскій.—Брошюры и статьи объ отставкѣ Бисмарка.—До какой степени говоритъ правду опальный канцлеръ.—Торжество печатнаго слова.

ПРОФЕССОРЪ славянскихъ нарѣчій во французской коллегіи, Луи Леже, издалъ подъ названіемъ «Русскіе и славяне», томъ политическихъ и литературныхъ этюдовъ. (Russes et Slaves. Etudes politiques et littéraires). Довольно объемистый томъ, въ 346 страницъ, начинается введеніемъ, въ которомъ изслѣдуется роль славянъ въ исторіи цивилизаціи. Затѣмъ слѣдуютъ семь статей, написанныхъ съ большимъ знаніемъ дѣла, безпристрастіемъ и расположеніемъ къ Россіи, хотя и проникнутыхъ нѣсколько доктринерскимъ тономъ. Въ первой статьѣ говорится о томъ, какъ составилась русская національность. Авторъ излагаетъ сначала, подъ какими вліяніями образовалась мало-по-малу эта національность изъ славянской и финской группы племенъ, населявшихъ Россію. Но финской группѣ онъ придаетъ уже слишкомъ много значенія и считаетъ ее главнымъ центромъ, ядромъ, основаніемъ государства, забывая, что если это вѣрно по отношенію къ центральнымъ и восточнымъ провинціямъ, то преувеличено по отношенію къ сѣвернымъ новгородскимъ и южнымъ кіевскимъ славянамъ. Страна подвергалась послѣдовательно вліянію грековъ, привислянскихъ поляковъ, скандинавовъ или варяговъ, византійской церкви и татаръ. Варяги дали ей названіе Россіи и «играли роль дрожжей въ тѣстѣ или кислотнаго броженія въ нейтральной жидкости». Византія дала странѣ религію, отдѣлившую Русь отъ западной Европы, но сблизившую ее съ дунайскими и балтійскими славянами. Татары вліяли на развитіе въ ней системы упра-

вленія и верховной власти. «Иванъ Грозный опирался на Византію, но онъ былъ бы невозможенъ, если бы до него не существовалъ Чингисъ-ханъ». Второй этюдъ говоритъ о началѣ русской литературы: проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго, завѣщаніи Мономаха, изборникѣ Святослава, лѣтописи Нестора, хожденіи по святымъ мѣстамъ, посланіи Даніила Заточника, отрывки изъ котораго первый разъ являются на французскомъ языкѣ. Тутъ же приведены цитаты изъ «Слова о полку Игоря» и былины владимірова цикла. Третья глава носитъ названіе «Женщина и русское общество въ XVI вѣкѣ». Здѣсь помѣщены обширныя выписки изъ «Домостроя». Въ главѣ «Первыя русскія посольства въ чужіе краи» разсказаны подробности офиціальной миссіи Чемоданова и Лихачева въ Италію со всѣми комическими эпизодами этого путешествія. Въ пятомъ этюдѣ «Неизвѣстная Болгарія» изображенъ характеръ народной жизни этой части Балканскаго полуострова, бытъ и нравы «помаковъ», принявшихъ магометанство, болгарское духовенство и проч. Шестой этюдъ «Сербскій народъ» даетъ такую же полную и любопытную картину этого славянскаго племени. Послѣдній, самый интересный и обширный этюдъ посвященъ Ивану Коллару и содержитъ въ себѣ разборъ произведеній этого писателя. Авторъ разсказываетъ всю жизнь этого славянскаго поэта, его борьбу съ мадьярами Пешта, его любовь къ Вильгельминѣ Шмитъ, представляетъ подробный разборъ его поэмы «Дщерь славы». Леже заканчиваетъ свой этюдъ слѣдующей цитатой изъ стихотвореній Коллара: «Мы народъ молодой; мы знаемъ, что сдѣлали другіе народы, но никто не можетъ угадать, чѣмъ мы будемъ современемъ, черезъ сотню лѣтъ. Нашъ языкъ, который нѣмцы называютъ языкомъ рабовъ, будетъ раздаваться подъ сводами дворцовъ и даже въ устахъ нашихъ враговъ. Славянская наука, одежда, наши нравы, наши пѣсни будутъ господствовать на Эльбѣ и на Сенѣ».

— Какой-то Жанъ Гонсе изслѣдуетъ въ странной статьѣ «Revue bleue» «понятіе о грѣхѣ въ русской литературѣ» (Notion du peché dans la littérature russe). Авторъ начинаетъ съ вопроса: куда обратится теперь французская литература со своимъ натурализмомъ, готовая отдаться Богу, или, какъ Фаустъ, чорту, лишь бы только помолодѣть и обновиться. Современный реализмъ никого не удовлетворяетъ. Школѣ Флобера и его послѣдователямъ недостаетъ «широкаго источника симпатіи, напоминающаго произведенія Толстого и Достоевскаго. Безъ любви и безъ вѣры реализмъ отталкиваетъ: ему необходима вѣра въ человѣческое страданіе. Этимъ отличается славянская натура въ то время, когда французовъ справедливо обвиняютъ въ черствомъ сердцѣ». Поль Бурже попробовалъ въ романѣ «Crime d'amour» извлечь у своихъ читателей «русскія слезы», но это не удалось ему. Гонсе пытается опредѣлить: можетъ ли принципъ русской литературы, принаровленный къ французскому вкусу, оживить реализмъ, склоняющійся къ упадку? Авторъ находитъ, что источникъ страданія главнаго элемента у русскихъ писателей происходитъ отъ фатализма, тяготѣющаго надъ русскою жизнью. Гонсе находитъ у Гоголя цитату, по которой можно заключить, что онъ считаетъ людей за одержимыхъ бѣсомъ или не имѣющихъ ни воли, ни силы противиться своимъ страстямъ. Таким являются всѣ герои и въ разсказахъ его послѣдователей: Раскольниковъ и жильцы «Мертваго дома», которыхъ какая-то посторонняя, непреодолимая воля влекла къ преступленіямъ часто совершенно безумнымъ;

Катерина въ «Грозѣ» Островскаго, у которой также нѣтъ своей воли. Анна Каренина и ея любовникъ также дѣйствуютъ какъ одержимые бѣсомъ. Фатализмъ господствуетъ и въ отношеніяхъ къ героинямъ героевъ натуралистическихъ романовъ. У Флобера, Мопасана и другихъ реалистовъ героини, увлекаясь адюльтеромъ, оправдываютъ его—роковымъ предопредѣленіемъ судьбы—точно «Прекрасная Елена». Онѣ совершаютъ проступокъ почти безъ борьбы, безъ увлеченій, такъ спокойно, что читатель остается совершенно холоденъ къ ихъ грѣху и въ этомъ ихъ разница съ русскими героинями: у тѣхъ всегда говоритъ и пробуждается совѣсть. Сознаніе въ грѣхѣ составляетъ ихъ отличительную характеристику. Совѣсть, хотя и не такъ ясна, потому что не развита воспитаніемъ, говоритъ «въ мужикахъ и бабахъ Островскаго и Писемскаго даже въ каторжныхъ Достоевскаго». Все это вѣрно до извѣстной степени, но французскій авторъ напрасно сравниваетъ персонажей русскихъ романистовъ съ героями Эсхиловыхъ трагедій. Вообще строить выводы о нравственномъ характерѣ всей націи на основаніи поступковъ и мнѣній романтическихъ героевъ—дѣло очень рискованное, но съ чѣмъ уже никакъ нельзя согласиться—это съ мнѣніемъ Гонсе, что развитіе нигилизма происходитъ отъ чувства религіозности развитаго въ русскомъ человѣкѣ: теряя вѣру въ евангельскія истины, онъ не можетъ остаться безъ глубокихъ вѣрованій и создаетъ себѣ религію особаго рода изъ нигилизма. Это чистый парадоксъ, какъ и большая часть статьи французскаго автора.

— Вообще въ своемъ преклоненіи передъ русскимъ творчествомъ иностранцы заходятъ иногда въ оцѣнкѣ его за предѣлы разумной критики и, въ этомъ отношеніи, хладнокровные нѣмцы не уступаютъ увлекающимся французамъ. Въ одномъ и томъ же майскомъ нумерѣ журнала «Magazin für die Litteratur des In—und Auslandes» помѣщены двѣ восторженныя статьи: о Надсонѣ (Simon Jakovlevitch Nadson) и о Л. Н. Толстомъ. Статья о послѣднемъ носитъ напыщенное заглавіе «Тульскій Назареянинъ» (Der Nazarener von Tula) Восхищеніе Надсономъ г-жи Вильгельмины фонъ-Троль еще понятно. И здѣсь находились дамы, увлекавшіяся не только весьма не крупнымъ талантомъ поэта, но и его болѣзненною личностью. Поэтому сотрудницѣ дрезденскаго журнала простительно увѣрять, что никто изъ современныхъ поэтовъ не умѣлъ такъ пламенно одушевлять (so feurig zu begeistern) русскую молодежь, какъ Надсонъ, что «его нація носила по немъ глубокій трауръ» (послѣднее можетъ быть вѣрно только по отношенію къ евреямъ), что въ немъ «слышалось живое, вѣрное эхо пульсоваго біенія его народа». Эти и подобныя тому диковинки въ родѣ утвержденія, что Некрасовъ былъ представителемъ русскаго идеализма, извинительны поклонницѣ поэта, воспользовавшейся въ этой же статьѣ случаемъ выказать и свое поэтическое дарованіе въ переводѣ нѣсколькихъ надсоновскихъ стихотвореній. Но съ чего какому-то Максимиліану Гардену вздумалось въ Л. Н. Толстомъ признавать современнаго апостола—это понять не легко. Нѣмецкій критикъ восхищается не только талантомъ русскаго писателя, но даже его наружностью, «широкимъ, сильно развитымъ, носомъ, проборомъ посреди», даже его «мужицкою блузою», но всего болѣе его апостольскою пропагандою. Это апостольство нѣмецкій критикъ видитъ даже въ послѣдней повѣсти графа «Крейцеровой сонатѣ», вполнѣ отождествляя автора съ героемъ, и прямо называя его «Толстой-Позднышевъ». Нѣмецкій

авторъ восхищается всѣмъ: и мыслью Руссо, анализируемой Толстымъ: «все прекрасно, что выходитъ изъ рукъ творца всѣхъ вещей, все вырождается въ рукахъ человѣка», и собственными выводами тульскаго назареянина, утверждающаго, что въ современной культурѣ господствуютъ женщины, отъ которыхъ міръ страдаетъ. Что у насъ находятся безусловные поклонники не только художественнаго таланта Л. Н. Толстого,—это было бы понятно и естественно — но и его соціально-преобразовательныхъ идей, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, и самъ Максиміліанъ Гарденъ приводитъ по этому поводу слова одного француза: «heureuse Russie où ces belles chimères sont encore neuves». Но какъ положительный нѣмецъ, знакомый со всѣми соціальными ученіями, восхищается всѣми подобными химерами, въ которыхъ для него не можетъ быть уже ничего новаго,— этого мы рѣшить не беремся. Думаемъ, однако, что всѣ старанія здѣшнихъ и иностранныхъ сеидовъ гр. Толстого возвеличить его пророческое и проповѣдническое значеніе, въ ущербъ его художественному таланту—будутъ совершенно напрасны.

— Въ слѣдующемъ № того же журнала мы встрѣтились съ любопытнымъ литературнымъ курьезомъ, доказывающимъ, что не одни французы пишутъ всякій вздоръ о Россіи, но что и акуратные нѣмцы зачастую сообщаютъ о ней небылицы. Какой-то Гансъ фон-Вазедовъ отыскалъ между современными русскими романистами другого Достоевскаго и въ статьѣ, озаглавленной «Новое о Ѳедорѣ Достоевскомъ» (Neues von Fedor Dostoyewski) съ важностью замѣчаетъ, что не только обыкновенная публика, но и критика часто смѣшиваетъ современнаго Ѳедора Достоевскаго съ классическимъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ, «могучимъ творцомъ Раскольникова.» Гдѣ отыскалъ у насъ нѣмецкій критикъ другого Ѳедора Достоевскаго, въ наше время, когда старшій братъ его Михаилъ умеръ 25 лѣтъ тому назадъ? Это уже его дѣло, но справиться о томъ, дѣйствительно ли существуетъ теперь другой писатель съ тѣмъ же именемъ и тою же фамиліею онъ могъ бы хоть у русскихъ книгопродавцевъ. Въ Берлинѣ вышла, правда, книга, гдѣ помѣщенъ разсказъ «Незнакомка» и романъ «Домъ сумасшедшихъ и палата господъ», и Вазедовъ разбираетъ эту книгу, но такъ, что не узнаешь, какое содержаніе этихъ произведеній. Онъ говоритъ только, что между обоими Достоевскими много общаго — оба любятъ прикрывать свои идеи «мистическимъ покрываломъ», оба отличаются психическимъ анализомъ, но у современнаго Достоевскаго нѣтъ широкаго, пророческаго, возвышеннаго міровоззрѣнія покойнаго писателя. Статья критика наполнена только оцѣнкою различія между двумя писателями, изъ которыхъ современный прекрасно изобразилъ помѣшательство: «утонченно реалистически, хотя и не художественно». Критикъ самъ сомнѣвается, однако же, истинно ли русскіе изображены въ разбираемомъ имъ романѣ? и приходитъ къ заключенію, что между героями романа и дѣйствительными людьми такая же разница, какъ между настоящими наѣздниками и волтижерами изъ цирка. Главными элементами русскаго народнаго характера авторъ считаетъ—католическій мистицизмъ и нигилизмъ—и утверждаетъ, что оба часто соединяются въ одномъ и томъ же лицѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ вздоромъ и увѣреніемъ, что главныя теченія русской литературы—славянофильство, перерождающееся въ панславизмъ, и католицизмъ, нѣмецкій писатель не могъ обойтись и безъ обычныхъ любезностей, по отношенію къ своимъ

русскимъ собратамъ, говоря, что литературу, «созданную Петромъ въ пособіе его реформамъ, въ русскихъ вгоняли (eingeprügelt) кнутомъ, а когда она сдѣлалась свободомыслящей, ее выгоняли кнутомъ же». Другого, болѣе правдиваго и доброжелательнаго отзыва нечего и ждать отъ нашихъ друзей и сосѣдей.

— Политическое событіе громадной важности, измѣняющее весь ходъ современной политики—отставка князя Бисмарка послужила конечно поводомъ множества брошюръ и журнальныхъ статей. Нѣмцы относятся къ ней какъ-то нерѣшительно, незная, къ добру или къ худу удаленіе отъ дѣлъ канцлера, создавшаго конечно единство германской имперіи, но и разорившаго ее непомѣрными налогами на военщину и вооруженія. Особенно политикановъ привели въ недоумѣніе бесѣды Бисмарка съ иностранными репортерами, гдѣ онъ выставляетъ себя такимъ горячимъ охранителемъ мира, какъ будто теперь этотъ миръ не такъ уже проченъ и какъ будто не самъ канцлеръ ежеминутно угрожалъ этому миру своей двуличной политикой, сѣявшей вездѣ смуты и грозившей всѣмъ сосѣдямъ миліонами имъ же собранныхъ штыковъ. Французы гораздо откровеннѣе говорятъ объ этой отставкѣ. «Revue bleue», въ большой статьѣ Альфреда Берля «Эмпиризмъ въ политикѣ» (L'empirisme en politique) подробно разбираетъ дѣятельность канцлера и совершенно основательно находитъ, что онъ не создалъ ничего прочнаго, не осуществилъ никакой великой, политической или соціальной идеи. Германская имперія создалась бы и безъ него силою вещей, какая заставила и его самого дѣйствовать энергичнѣе въ пользу новаго порядка идей, которому онъ не особенно сочувствовалъ сначала. Онъ былъ скорѣе упрямъ, чѣмъ твердъ. Далеко не прогресистъ, а чаще всего консерваторъ и даже ретроградъ, онъ упорнѣе всего преслѣдовалъ своихъ личныхъ враговъ, но, побѣдивъ ихъ, не умѣлъ пользоваться плодами своихъ къ побѣдъ. У него никогда не было того, что составляетъ истинное величіе, широкихъ, гуманныхъ идей, твердаго политическаго идеала. Политика, которой онъ держался въ послѣднія двадцать лѣтъ, дѣлала то, что нѣмцы и ихъ союзники изнемогаютъ теперь подъ бременемъ непосильныхъ вооруженій, а враги Германіи и особенно французы не боятся его и даже, благодаря ему, сдѣлали свои средства къ защитѣ почти непреодолимыми. Еще Генрихъ Гейне говорилъ: «французы, друзья мои, вы хорошо знакомы съ божествами Олимпа. Помните же, что между всѣми этими богами и богинями, ведущими такую веселую жизнь, одна изъ богинь является на всѣхъ пирахъ и оргіяхъ неиначе какъ съ копьемъ, въ каскѣ и въ латахъ,—и это богиня мудрости.» Теперь Франція хоть и даетъ веселые пиры, но по примѣру Минервы не покидаетъ своего вооруженія.

— О бесѣдахъ Бисмарка съ иностранными репортерами Альбертъ Мале отзывается не только иронически, но и непочтительно въ статьѣ «Les interviews de M-Bismarck». Французскій публицистъ начинаетъ съ народной поговорки: «когда чортъ старѣется, онъ дѣлается отшельникомъ.» Только въ наше время,—прибавляетъ Мале, онъ не занимается провѣркою часовъ, какъ Карлъ V въ монастырѣ св. Юста, а развлекается разговорами съ публицистами, не желая, чтобы объ немъ перестали говорить въ газетахъ. Послѣ бесѣды съ репортеромъ «Новаго Времени», въ которой отставленный канцлеръ распинался въ своемъ миролюбіи и любви къ Россіи, онъ самъ пригласилъ къ себѣ редактора газеты «Matin» слѣдующей, довольно высоко-

мѣрной запиской, напечатанной въ газетѣ: «его сіятельство спрашиваетъ г. Генриха де-Гу — не желаетъ ли онъ съ нимъ пообѣдать.» И на этомъ обѣдѣ всѣ любезности хозяина относились къ Франціи. За столомъ были только французскія блюда, вина, даже французскіе цвѣты. И здѣсь также шли жаркія увѣренія въ миролюбіи Германіи: она никогда не угрожала и не будетъ угрожать никому. Она никогда не нападетъ на Францію и не будетъ вызывать ее къ нападенію. Никогда не будетъ она прямо или косвенно искать предлоговъ къ войнѣ. Только редакція «Крестовой Газеты» да генералы, «боящіеся опоздать сдѣлаться фельдмаршалами», могутъ толковать о занятіи Голландіи или балтійскихъ провинцій. На берлинскомъ конгресѣ Россія нашла въ канцлерѣ самаго вѣрнаго и честнаго друга и если отношенія между двумя имперіями сдѣлались потомъ не такъ сердечны, въ этомъ вина подозрительнаго и самолюбиваго князя Горчакова. Пруссія теперь конечно сильна, говорилъ канцлеръ и, забывая о Даніи, Гановерѣ, даже Австріи, прибавилъ: «никакой народъ не имѣетъ права нападать на другой народъ только потому, что онъ сильнѣе другого.» Онъ увѣрялъ даже, что избѣгалъ сколько могъ войны съ французами и что его принудилъ къ ней Наполеонъ III. Отчего же, спрашиваетъ Мале, вся Европа говорила, что Бисмаркъ сочинилъ цѣлый романъ по телеграфу объ оскорбленіи, которое французскій посланникъ нанесъ будто бы прусскому королю, а генералъ Лефло, посланникъ въ Петербургѣ, напечаталъ въ «Фигаро» 21 мая 1887 года, что въ 1875 году только вмѣшательство Александра II остановило новое вторженіе нѣмцевъ во Францію? Отчего императоръ Фридрихъ III въ своемъ дневникѣ говоритъ, что канцлеръ угрожалъ рапортомъ выйти въ отставку, если Франціи не будетъ объявлена война? Кто же говорилъ правду: тогда ли князь Бисмаркъ или теперь герцогъ Лауенбургскій? Графъ Бейстъ говорилъ давно, что «совѣсть у канцлера—барометрическая, опускается и поднимается, смотря по погодѣ.» Или, прибавляетъ Мале, напуганный перспективою готовящейся страшной рѣзни, которую онъ самъ же подготовилъ и вызвалъ, онъ хочетъ снять съ себя отвѣтственность за нее? Желая увѣрить другихъ, что не онъ будетъ причиной рѣзни, онъ искажаетъ факты. Но въ бесѣдѣ сквозь маску добродушія невольно прорывается по временамъ всѣмъ знакомый Бисмаркъ, никогда никого не щадившій. Съ ѣдкой ироніей отзывается онъ о своемъ врагѣ, супругѣ Фридриха III, Викторіи и «о безчисленныхъ ресурсахъ англійской медицины», или вспоминая Гладстона, занимающагося рубкою дровъ, прибавляетъ: «вотъ и я долженъ теперь пилить дрова, потому что не могу пилить людей». И во всѣхъ этихъ выходкахъ видно затаенное сожалѣніе, что онъ не можетъ больше управлять Германіей и Европой. Поэтому онъ и не можетъ скрыть своихъ жалобъ. Говоря о своемъ отъѣздѣ изъ Берлина и народныхъ оваціяхъ, онъ замѣчаетъ: «это были прекрасныя похороны перваго класса—а между тѣмъ я еще совершенно живъ. Мнѣ конечно 75 лѣтъ, но я еще очень молодъ для того, чтобы ничего не дѣлать». И потомъ эта изъ сердца вырвавшаяся жалоба, когда гость сказалъ, что опала можетъ еще прекратиться: «о нѣтъ! все кончено, совершенно кончено, болѣе чѣмъ вы думаете, болѣе, чѣмъ вы когда-либо можете предполагать». Но канцлеръ считаетъ самъ свой трудъ объединенія Германіи законченнымъ. Стало быть онъ жалѣетъ теперь только о потерѣ власти, въ немъ страдаетъ самолюбіе, кричитъ эгоизмъ, а это, говоритъ Мале не можетъ внушать къ нему никакого участія. Во всякомъ случаѣ разсказъ

редактора внушаетъ не печаль, а искреннюю радость по справедливому замѣчанію Мале. Во время своего могущества Бисмаркъ презиралъ журналистовъ, напоминавшихъ ему о правѣ, о справедливости, о гуманности. Теперь, при концѣ своей жизни и карьеры, канцлеръ, оправдывавшій свои поступки только правомъ сильнаго, чувствуетъ необходимость опереться на другіе принципы, признаетъ важность общественнаго мнѣнія объ общественномъ дѣятелѣ. Онъ объясняетъ публицисту свои поступки любовью къ отечеству, желаніемъ сдѣлать его великимъ и могучимъ; имъ руководила необходимость общаго блага, устраненія препятствій для объединенія Германіи. Развѣ въ этихъ попыткахъ оправданія не заключается признаніе великаго значенія печатнаго слова? Напрасно только канцлеръ хочетъ увѣрить насъ, что средства, употребленныя имъ для достиженія законной и высокой цѣли, были также хороши и законны. Онъ бесѣдовалъ также съ кореспондентомъ «Petit journal», у котораго болѣе 200,000 подписчиковъ, и съ репортеромъ англійской газеты «Daily-Telegraph». Французскому публицисту канцлеръ говорилъ такъ о причинахъ своей отставки: «молодой императоръ полонъ жажды дѣятельности и вѣритъ въ возможность осчастливить человѣчество, что вполнѣ естественно въ его возрастѣ; я меньше въ нее вѣрю, не скрывалъ этихъ своихъ убѣжденій, и онъ увидѣлъ, что я ему больше не гожусь: нельзя, въ самомъ дѣлѣ, впрягать въ одну телѣгу старую рабочую лошадь и молодого рысака». Англійскому репортеру Бисмаркъ конечно расхваливалъ Англію, твердилъ о пользѣ для нея поддерживать Германію, о выгодѣ для обѣихъ державъ быть въ дружественныхъ отношеніяхъ, даже и потому, что враги у нихъ «общіе». Въ этой бесѣдѣ не было, конечно, и помину о какихъ-нибудь любезностяхъ, адресованныхъ Франціи, а тѣмъ болѣе Россіи.

СМѢСЬ

ЫСТАВКА Волжско-Камскаго края въ Казани открылась 15-го мая. Значеніе ея преимущественно мѣстное, экономическое, промышленное. Въ историческомъ отношеніи она вноситъ немного новаго. Только археологическія изслѣдованія въ Волжско-Камскомъ краѣ пролили свѣтъ на бытъ доисторическаго мѣстнаго человѣка и особенно полно обрисовали болгаръ. Богатый матеріалъ, добытый при раскопкахъ ихъ обиталищъ и могилъ, частію представленъ на выставку, гдѣ можно ознакомиться съ отдѣльными частями болгарскихъ построекъ, кирпичемъ, украшеніями домовъ, водопроводными глиняными трубами. Выставлена масса остатковъ каменнаго и желѣзнаго оружія болгаръ въ видѣ наконечниковъ стрѣлъ и копій, а рядомъ и орудія — топоры, зубила, косы, свидѣтельствующія, что обладатели ихъ были не только воины, но и земледѣльцы. Не мало также незатѣйливыхъ каменныхъ и металическихъ украшеній — бусъ, амулетовъ, колецъ, а на одномъ перстнѣ имѣется даже гербъ Казани. Каковъ былъ человѣкъ, изготовлявшій все это, видно по скелетамъ и черепамъ болгаръ. Подобныя же, хотя и менѣе полныя, колекціи относятся до племенъ чуди, мери, средней Азіи, а обзоръ указанныхъ колекцій приводитъ къ заключенію, что культура этихъ народовъ была одновременна, находилась на одной ступени. Интересно сопоставленіе племенныхъ скелетовъ: русскихъ, татаръ, черемисъ, болгаръ и т. д. наглядно показывающее различіе этихъ народностей.

Столѣтіе Павловскаго полка. Съ особеннымъ торжествомъ, 15-го мая, лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ праздновалъ свой столѣтній юбилей. Полкъ былъ составленъ въ царствованіе императрицы Екатерины II изъ батальоновъ Московскаго Гренадерскаго полка и въ первое время назывался Павловскій Гренадерскій полкъ. При общемъ переименованіи армейскихъ полковъ Павломъ I онъ сталъ называться сперва Гренадерскимъ генералъ-маіора Эмме и затѣмъ, съ 1800 г. (апрѣля 8), Гренадерскимъ генералъ-маіора Кербица. Со вступленіемъ на престолъ Александра I полкъ названъ по прежнему Павловскимъ Гренадерскимъ. Въ 1813 г. (апрѣля 13) за мужество и храбрость, оказанныя въ Отечественную войну, полкъ причисленъ къ со-

ставу гвардейскихъ и наименованъ лейбъ-гвардіи Павловскимъ. Съ этого времени гвардія раздѣлилась на старую и новую или молодую; послѣднюю составляли полки: л.-гв. Гренадерскій, Павловскій, Кирасирскій его величества и Конно-Егерскій (теперь л.-гв. Драгунскій). Въ царствованіе Николая I въ 1831 году (декабря 6), въ ознаменованіе подвиговъ отличной храбрости, оказанныхъ противъ польскихъ мятежниковъ, полку предоставлены права и преимущества старой гвардіи. За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году полку даны георгіевскія знамена, а за отличное мужество, храбрость и неустрашимость, оказанныя полкомъ въ 1806 и 1807 годахъ въ сраженіяхъ съ французами, повелѣно сохранить шапки въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ остались по прекращеніи военныхъ дѣйствій. На шапкахъ повелѣно имѣть имена тѣхъ солдатъ, на которыхъ онѣ въ сраженіи находились. Гдѣ стоятъ теперь Павловскія казармы, тамъ нѣкогда былъ дворецъ цесаревны Елисаветы Петровны, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія зданіе стараго ломбарда, въ которомъ и помѣстились батальоны Павловскаго полка по прибытіи въ столицу. Въ 1817 году была сдѣлана капитальная перестройка зданія и въ слѣдующемъ году зданіе названо казармами л.-гв. Павловскаго полка.

Археологическіе грабежи въ Кіевской губерніи. «Кіевлянинъ» горько жалуется на небрежность, съ которою производятся раскопки кургановъ, находящихся въ Кіевской губерніи, вообще на невниманіе къ этимъ свидѣтелямъ прошлаго, предоставленнымъ на расхищеніе крестьянъ. «Большая часть найденныхъ вещей извлекается изъ земли въ изломанномъ видѣ; но если даже и удается добыть вещь цѣлою, то она, побывавши въ крестьянскихъ рукахъ, легко и скоро измѣняетъ свой внѣшній видъ. Всѣ надписи, значки, окись металла и другія отличія, по которымъ обыкновенно судятъ о древности находки, нерѣдко оказываются стертыми кирпичемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что правительство употребляетъ мѣры къ тому, чтобы сосредоточить въ музеяхъ образцы культуры и искусства народовъ, отошедшихъ въ область исторіи и преданія, почти въ каждомъ изъ уѣздовъ Кіевской губерніи появились и скупатели древностей. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ въ интересахъ науки и правительства, но большинство преслѣдуетъ только личную выгоду. Изъ числа послѣднихъ есть и такіе, которые успѣли завести сношенія съ лицами, доставляющими купленныя вещи въ заграничные музеи. И эти скупщики, какъ оказывается, дѣйствуютъ лучше и добросовѣстнѣе относительно находимыхъ вещей и нашедшихъ, чѣмъ мѣстные скупщики; само собою разумѣется, что для Россіи эти вещи пропадаютъ уже безслѣдно. Какія находки попадаются иногда въ этихъ курганахъ, указываетъ, напримѣръ, найденная недавно однимъ изъ крестьянъ у «Княжей горы», близъ Канева, золотая корона съ украшеніями. Большая часть находки досталась евреямъ и лишь только незначительные куски листового золота были куплены профессоромъ В. Б. Антоновичемъ для университета. Жаль, что такія драгоцѣнныя вещи безслѣдно пропадаютъ для науки... Среди никарскихъ крестьянъ упорно держится слухъ, основанный на преданіи, что на одной изъ этихъ горъ есть подземелье, гдѣ хранится княжеское оружіе, посуда, казна и другіе предметы. Нѣкоторые изъ нихъ даже указываютъ на мѣсто расположенія этого подземелья.

Новый портретъ Гоголя. Университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ получилъ весьма цѣнное пожертвованіе отъ своего студента Гр. Соболевскаго. Пожертвованіе заключается въ портретѣ и письмѣ Н. В. Гоголя. Интересъ представляетъ собою портретъ Гоголя, до сихъ поръ остававшійся совершенно неизвѣстнымъ. Портретъ рисованъ масляными красками на картонѣ; вышина его 13½ милл., ширины — 11½ милл. Гоголь изображенъ на портретѣ по поясъ, въ школьномъ возрастѣ, во время ученія въ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, которую онъ кончилъ въ 1828 г. На портретѣ Го-

голь—въ форменномъ сюртукѣ того времени съ синимъ воротникомъ и желтыми пуговицами, въ очкахъ. Портретъ въ профиль. Глаза голубые, прямой носъ, нѣжный цвѣтъ лица, волосы русые. Судя по портрету, Гоголю въ это время было лѣтъ 17. Письмо Гоголя представляетъ два листа пожелтѣвшей бумаги, кругомъ исписанные, въ размѣрѣ почтовой. Писано письмо 19-го марта 1827 года изъ Нѣжина. Къ кому оно адресовано — неизвѣстно, но, несомнѣнно, что къ одному изъ ближайшихъ друзей Гоголя въ Петербургѣ. Содержаніе письма составляетъ интересъ для біографіи Гоголя, такъ какъ въ немъ находятся указанія на гоголевскихъ школьныхъ друзей и пріятелей.

Лепта въ пользу алтайской миссіи. Начальникъ алтайской и киргизской миссіи, епископъ Макарій, доставилъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника» библіографическую замѣтку о малоизвѣстномъ у насъ изданіи, съ просьбою ознакомить нашихъ читателей съ авторомъ «Лепты», ея исторіей и содержаніемъ. Вотъ что говорится въ этой запискѣ:

«Вышла изъ печати «Лепта» (первая) въ пользу алтайской миссіи, основателя миссіи архимандрита Макарія. Изданіе четвертое. Духовно-нравственныя пѣснопѣнія съ цифровыми нотами, г. Бійскъ 1890 года. Скромное названіе книжки дано авторомъ ея, архимандритомъ Макаріемъ, основателемъ алтайской миссіи. Справедливѣе было бы этимъ пѣснопѣніямъ дать названіе болѣе цѣнной монеты, чѣмъ та, каковою названа книжица. Нѣкоторыя пѣсни «Лепты» передѣланы о. Макаріемъ изъ народныхъ псальмъ, съ сохраненіемъ отчасти и самыхъ напѣвовъ, такова напримѣръ пѣснь Іосифа цѣломудреннаго въ темницѣ. Пѣснь (VI) покаянная написана авторомъ для сайдыпскихъ казачекъ, надоѣдавшихъ ему на сырной недѣлѣ пѣніемъ не совсѣмъ скромныхъ пѣсенъ. Въ пѣсни о Преображеніи Господнемъ (IV), начинающейся словами «на горѣ святой Ѳаворской» пародирована пѣсня деревенскихъ женщинъ, въ которой упоминаются горки. Есть въ миссіи преданіе, что пріискать мелодію для пѣсни о Преображеніи о. Макарій поручилъ служившей въ миссіи дѣвицѣ Софьѣ Густавовнѣ де-Вальмонъ. Первая мелодія г. де-Вальмонъ оказалась настолько не соотвѣтствующею желанію о. Макарія, что вызвала въ немъ огорченіе и приказаніе пріискать новый напѣвъ. О. Макарій, пріискивая мелодіи духовныхъ пѣсенъ, заботился и объ ихъ гармонизаціи; такъ въ письмѣ къ Н. Д. М. онъ пишетъ: «представляю вамъ одинъ псаломъ Давидовъ съ нотами, по которымъ вы можете догадаться, какъ я распѣваю въ моихъ прогулкахъ и путешествіяхъ по службѣ. Ноты соотвѣтствуютъ еврейскому тексту, который написанъ подъ ними съ переводомъ россійскимъ». Въ письмѣ къ Г. Т. М. о. Макарій пишетъ: «посылаю въ подарокъ псальму, которую пою и самъ повременамъ; сложить ее желаніе возбуждено извѣстною страстною пѣснію западныхъ христіанъ: «Stabat Mater dolorosa». Первое изданіе «Лепты» (1847) было напечатано съ приложеніемъ въ концѣ линейныхъ нотъ и гармонизаціи для фортепіано. Послѣдующія два изданія печатались уже безъ нотъ. Послѣднее 4-е изданіе выпущено съ цифровыми нотами. Употребленіе цифирной нотаціи вызвано неимѣніемъ мѣстныхъ типографскихъ и денежныхъ средствъ миссіи для печатанія линейными нотами. Но за то въ этомъ изданіи всѣ пѣсни положены на ноты, съ гармонизаціею для 4-хъ голосовъ. Мелодія большей части кантъ употребляема была при о. Макаріѣ и сохранилась въ миссіи частію по преданію, частію по нотамъ перваго изданія. Но нѣкоторыя пѣсни, помѣщенныя въ «Лептѣ», при о. Макаріѣ не были пѣты. Мелодіи для нихъ имѣютъ позднѣйшее происхожденіе. Въ первыхъ изданіяхъ XVII пѣснь «объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ» была печатана особой книжкой съ линейными нотами въ концѣ. Въ настоящее время эта пѣснь сохранилась у насъ въ единственномъ экземплярѣ. Желаніе сохранить ее, какъ дорогой памятникъ труда о. Макарія, побудило насъ присовокупить къ «Лептѣ»

и пѣснь объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ. Цѣна «Лепты» 50 коп. съ пересылкою. «Лепта» можетъ быть пріобрѣтаема изъ канцеляріи начальника алтайской миссіи, въ г. Бійскѣ, а также въ Томскѣ—въ Сибирскомъ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина и у нѣкоторыхъ столичныхъ книгопродавцевъ».

Премія археологическаго общества. Русское археологическое общество учреждаетъ двѣ преміи, по четыреста рублей каждая, за лучшія сочиненія по нижеуказаннымъ темамъ: 1) «Систематическій обзоръ главныхъ частей большого дворца по сочиненію Константина Багрянороднаго о церемоніяхъ византійскаго двора». 2) «Ежедневные пріемы византійскихъ царей и праздничные выѣзды ихъ въ храмъ св. Софіи». Срокъ для представленія перваго сочиненія назначается на первое января 1891 года, а второго на первое мая того же года. Каждая рукопись должна имѣть какой-либо девизъ, который находился бы и на особомъ запечатанномъ пакетѣ съ запискою, содержащею въ себѣ имя, отчество, фамилію, званіе и мѣсто жительства сочинителя. Сочиненіе, удостоенное преміи, издается на счетъ общества въ его запискахъ: сто экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ предоставляются въ распоряженіе автора. Сочинитель имѣетъ право печатать свой трудъ другими изданіями, на основаніи существующихъ законовъ.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1889 годъ. Управленіе библіотеки, находясь подъ наблюденіемъ товарища городского головы, ординарнаго профессора Новороссійскаго университета, В. Н. Лигина, попечителя профессора университета А. И. Кирпичникова и его товарища гласнаго думы Я. А. Новикова, состояло изъ завѣдующаго библіотекою приватъ-доцента того же университета — В. А. Яковлева, двухъ его помощниковъ и письмоводителя. Пополненіе библіотеки происходило главнымъ образомъ посредствомъ пожертвованій,—общее число которыхъ составляетъ почтенную цифру—1,489 названій въ 2,525 томахъ и брошюръ (въ томъ числѣ 250 томовъ дублетовъ) на сумму свыше 3,000 руб. Кромѣ того, по установившемуся обычаю высылались текущія изданія отъ разныхъ обществъ, учрежденій и редакцій: одесскаго учебнаго округа, одесскаго епархіальнаго вѣдомства, Новороссійскаго общества естествоиспытателей, отдѣленія русскаго техническаго общества, русскаго географическаго общества, главной физической обсерваторіи и др., также смитсоніанскаго института въ Вашингтонѣ, будапештскаго общественнаго управленія, мадридскаго общественнаго управленія, національной библіотеки въ Ріо-Жанейро, г. Трюбнера—изъ Лондона; отъ университетовъ: Новороссійскаго, Варшавскаго, св. Владиміра въ Кіевѣ, Московскаго и Дерптскаго, отъ земствъ: Владимірскаго, Екатеринославскаго, Бессарабскаго, Воронежскаго, Херсонскаго, Смоленскаго, отъ четырехъ уѣздныхъ земскихъ управъ и кавказскаго цензурнаго комитета. Въ обмѣнъ на дублеты въ отчетномъ году получено 87 названій въ 176 томахъ на сумму 281 руб. 60 к.; при этомъ отдано книгъ на 217 руб. 85 к. Покупкою пріобрѣтено на сумму 1,299 руб. 71 к. Такимъ образомъ къ 1-му января 1890 г. библіотека состояла изъ 27,566 названій въ 59,291 томѣ, съ дублетами. Сверхъ того, въ городской библіотекѣ хранится еще библіотека славянскаго благотворительнаго общества Кирилла и Меѳодія, въ настоящее время приведенная въ порядокъ и каталогизированная и состоящая изъ 3,500 томовъ. Кромѣ книгъ, въ библіотекѣ находятся: коллекція гравюръ въ 177 экземплярахъ, колекція автографовъ въ 53 экземплярахъ и 11 рукописей. По каталогизаціи въ 1889 г. отпечатано второе прибавленіе къ систематическому каталогу библіотеки, въ которое вошли поступленія съ 1885—1888 гг. включительно, въ числѣ 5,585 названій въ 8,757 томахъ, и отмѣчены въ каталогахъ всѣ сочиненія, относящіяся до Новороссійскаго края. Въ виду усиленныхъ работъ по каталогизаціи въ теченіе года всего посѣщало библіотеку болѣе 1,800 лицъ, а читальныхъ дней было до 310. Читатели библіотеки по-

сѣтили ее въ теченіе года 37,487 разъ (женщины 2,440 разъ). Среднимъ числомъ приходилось по 120 человѣкъ въ день. По праздникамъ всего было 3,435 посѣтителей, въ числѣ которыхъ 200 женщинъ. Замѣчено увеличеніе читателей по правовѣдѣнію, географіи, всеобщей исторіи, медицинѣ, математикѣ, сельскому хозяйству, русской словесности, городскому и земскому хозяйству; напротивъ, уменьшилось по богословію, философіи, естествовѣдѣнію, военнымъ и морскимъ наукамъ, технологіи, искусствамъ, всеобщей литературѣ, энциклопедіи и журналамъ прежнихъ лѣтъ. Иностранные журналы библіотека имѣетъ въ весьма ограниченномъ количествѣ и въ ежемѣсячныхъ требованіяхъ на нихъ не замѣчается особыхъ колебаній. Потребность въ чтеніи иностранныхъ книгъ очень не велика, и выдача ихъ относится къ выдачѣ русскихъ, какъ 1 къ 60. Читатели иностранныхъ книгъ не составляютъ и 2% общаго числа читателей. Воскресное и праздничное чтеніе служило по преимуществу развлеченіемъ, а не серьезнымъ занятіемъ. Этотъ фактъ наблюдается и въ другихъ публичныхъ библіотекахъ и указываетъ, что рабочій (въ широкомъ смыслѣ) людъ пользуется праздникомъ для отдыха и для развлеченія.

† Въ Москвѣ, 5-го апрѣля, скоропостижно, правитель дѣлъ Московскаго отдѣленія русскаго Музыкальнаго Общества и консерваторіи **Николай Прокофьевичъ Ситовскій**. Онъ былъ извѣстенъ не столько своею дѣятельностью въ Москвѣ, сколько на Кавказѣ и въ Петербургѣ. Естественникъ по образованію, Ситовскій началъ службу по министерству финансовъ въ 1853 г., принимая участіе въ трудахъ по разрѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ и по проведенію лучшихъ реформъ прошлаго царствованія. Въ 60-хъ годахъ онъ долго служилъ на Кавказѣ и пріобрѣлъ извѣстность широкою дѣятельностью по кавказскому обществу естествознанія и акклиматизаціонному саду. За свою дѣятельность на Кавказѣ Ситовскій былъ награжденъ 1,130 десятинами земли въ Ставропольской губерніи. Послѣ службы на Кавказѣ онъ былъ командированъ въ Москву для исполненія обязанностей правителя дѣлъ совѣта торговли и мануфактуръ. Послѣднія обязанности онъ несъ одновременно съ службою по Музыкальному Обществу. Послѣ перехода въ Москву, Ситовскій принялъ дѣятельное участіе въ трудахъ московскихъ ученыхъ обществъ, завѣдывалъ зоологическимъ садомъ и былъ вице-президентомъ общества акклиматизаціи животныхъ. Находясь въ 1878—89 гг. въ Петербургѣ, Ситовскій издавалъ «Вѣстникъ Общества покровительства животнымъ» и велъ это изданіе настолько хорошо, что далъ ему широкое распространеніе. Скончался Ситовскій, отъ разрыва сердца, во время прогулки по Никитской улицѣ.

† Настоятель православной церкви въ Парижѣ, протоіерей **Арсеній Васильевичъ Тачаловъ**, въ Берлинѣ 7-го апрѣля. Покойный извѣстенъ своими трудами по духовной литературѣ, по преимуществу критическими и переводными. Дѣятельность его прошла всецѣло заграницею. Образованіе Тачаловъ получилъ въ Петербургской духовной академіи, степень магистра которой онъ получилъ въ 1863 г. Тотчасъ по окончаніи академическаго курса, онъ былъ посланъ псаломщикомъ въ висбаденскую православную церковь, а черезъ четыре года посвященъ въ ея священники. Онъ служилъ и въ Эмсѣ, въ свое время бывшемъ наиболѣе любимымъ курортомъ русскихъ. Постройкою русской православной церкви Эмсъ обязанъ Тачалову, съумѣвшему привлечь для нея крупныхъ жертвователей. Съ 1876 г. Тачаловъ также ѣздилъ совершать церковныя службы въ Гомбургъ, Югенгеймъ и Румпенгеймъ. Настоятелемъ православной церкви въ Парижѣ Тачаловъ былъ назначенъ въ 1887 г,, послѣ смерти протоіерея Прилежаева. Изъ богословскихъ трудовъ Тачалова наиболѣе важны его статьи: «Какое впечатлѣніе произвелъ въ Германіи новый догматъ папской непогрѣшимости и какія могутъ быть отъ того послѣдствія» и переработка статьи Гетингера: «О причинахъ

религіознаго сомнѣнія». Покойный принималъ дѣятельное участіе въ шести конгрессахъ старо-католиковъ и въ обѣихъ боннскихъ конференціяхъ по вопросу о возсоединеніи церквей.

† Въ Тифлисѣ, 20-го апрѣля, одинъ изъ видныхъ кавказскихъ дѣятелей, директоръ 2-й тифлисской классической гимназіи **Александръ Ильичъ Лиловъ.** Онъ въ теченіе 20 лѣтъ былъ въ числѣ главныхъ руководителей педагогическаго дѣла на Кавказѣ и постоянною отзывчивостью къ общественнымъ явленіямъ и нуждамъ принесъ большую пользу кавказскому обществу. Воспитывался Лиловъ въ нижегородской духовной семинаріи и въ Казанской духовной академіи, отъ которой въ 1856 г. получилъ степень магистра. Первое время онъ оставался въ академіи бакалавромъ, а въ 1859 г. перешелъ на службу въ министерство Народнаго Просвѣщенія. Съ этой поры началась его педагогическая дѣятельность на Кавказѣ. Директоромъ 2-й тифлисской гимназіи Лиловъ былъ съ 1874 г., со времени ея основанія. Отдавшись непосредственно педагогическому дѣлу, онъ въ то же время внимательно слѣдилъ за общественными вопросами и принималъ участіе въ ихъ разрѣшеніи. Не мало онъ отдавалъ времени и кавказской журналистикѣ. Въ газетѣ «Кавказъ», при изданіи ея Вороновымъ, онъ завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ и, кромѣ того, работалъ въ «Филологическихъ Запискахъ» и «Русскомъ Богатствѣ». Лилову же Кавказъ обязанъ многими этнографическими очерками и статьями, которые онъ помѣщалъ въ «Кавказѣ» и въ «Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа».

† 11-го мая, бывшій директоръ Эрмитажа, гофмейстеръ **Александръ Алексѣевичъ Васильчиковъ.** При покойномъ Эрмитажъ обогатился нѣсколькими археологическими коллекціями. Во время его управленія Эрмитажемъ была приведена въ порядокъ коллекція гравированныхъ портретовъ русскихъ дѣятелей и начато иконографическое и художественное ея изученіе. Также, по его иниціативѣ, были пересмотрѣны и описаны предметы, входящіе въ составъ Петровской галлереи. Одною изъ видныхъ его заслугъ по управленію Эрмитажемъ представляется также начавшееся новое изданіе систематическаго иллюстрированнаго каталога Эрмитажа. А. А. Васильчиковъ родился въ Москвѣ 30-го сентября 1832 г. Образованіе получилъ сперва дома, потомъ въ 1-й московской гимназіи и въ Московскомъ университетѣ. Его отецъ, бывшій новгородскимъ губернаторомъ, слѣдилъ самъ за образованіемъ сына и съумѣлъ развить въ немъ любовь къ искусству. Послѣ окончанія университетскаго курса А. А. Васильчиковъ объѣхалъ всю Западную Европу, гдѣ познакомился со всѣми знаменитыми картинными галлереями и историческими музеями, чѣмъ дополнилъ пробѣлы въ своемъ художественномъ образованіи. Съ 1856 г., около 10 лѣтъ, онъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, въ посольскихъ миссіяхъ, сперва въ Римѣ, потомъ въ Карлсруэ. Служба заграницею дала ему возможность заняться любимымъ своимъ предметомъ—собираніемъ колекцій гравированныхъ портретовъ. Живя заграницею, А. А. Васильчиковъ собралъ богатыя колекціи этихъ портретовъ, изучилъ массу другихъ, находившихся въ галлереяхъ и музеяхъ. Плодомъ этихъ занятій явился напечатанный имъ въ 2-хъ томахъ трудъ: «Liste alphabêtique des portraits russes». Въ этомъ трудѣ описано всѣхъ лицъ съ ихъ изображеніями 4,004. Въ описаніе вошла вся колекція портретовъ Петра I въ количествѣ 688 снимковъ съ разныхъ гравированныхъ досокъ, описано 60 портретовъ императрицы Анны, 279 портретовъ императрицы Екатерины II, 108 портретовъ Екатерины I и масса портретовъ выдающихся дѣятелей. Кромѣ «Liste alphabétique», покойный помѣстилъ въ «Русскомъ Архивѣ» монографію о родѣ Разумовскихъ, изданную потомъ отдѣльно, въ четырехъ томахъ. А. А. Васильчиковъ былъ однимъ изъ близкихъ людей при Дворѣ. Съ 1866 г. онъ состоялъ церемоніймейстеромъ, а съ 1879 г. — гофмейстеромъ. Послѣ введенія въ Россіи мирового суда, былъ избранъ почетнымъ

мировымъ судьею по Звенигородскому уѣзду Московской губерніи. Въ Эрмитажѣ А. А. Васильчиковъ былъ преемникомъ С. А. Гедеонова, оставившаго ему обширное поле для улучшеній; замѣнилъ его въ Эрмитажѣ князь Трубецкой.

† Петербургскій университетъ понесъ новую тяжелую, преждевременную утрату: русская наука лишилась одного изъ крупныхъ ея дѣятелей. По возвращеніи изъ-за-границы, гдѣ онъ напрасно искалъ облегченія отъ неизлечимой болѣзни, давно подтачивавшей его физическія силы, 1-го іюня, въ часъ пополудни, 49 лѣтъ, скончался Иванъ Павловичъ Минаевъ, профессоръ сравнительнаго языкознанія въ Петербургскомъ университетѣ. И. П. принадлежа по происхожденію къ дворянской семьѣ Тамбовской губерніи, получилъ домашнее воспитаніе и закончилъ образованіе въ одной изъ московскихъ гимназій. Затѣмъ онъ поступилъ на восточный факультетъ Петербургскаго университета, гдѣ занимался подъ руководствомъ профессоровъ В. П. Васильева и К. А. Коссовича. Студентомъ третьяго курса, онъ написалъ сочиненіе по каѳедрѣ китайскаго и манджурскаго языковъ: «Географическія изслѣдованія о Монголіи», за которое получилъ золотую медаль въ 1861 г. Профессоръ Васильевъ успѣлъ внушить даровитому юношѣ живой интересъ къ изученію буддизма, что послужило точкою отправленія для всей послѣдующей ученой дѣятельности Ивана Павловича. Профессору Коссовичу онъ былъ обязанъ первоначальнымъ знакомствомъ съ санскритскимъ языкомъ. По окончаніи курса въ университетѣ, въ 1862 г., задаваясь вполнѣ сознательно цѣлью изученія первоисточниковъ буддизма, для чего необходимо было основательное и глубокое знакомство съ литературами санскритской и палійской, Иванъ Павловичъ отправился въ Берлинъ и Геттингенъ, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи Боппа, Вебера и Бенфея. Слѣдующіе затѣмъ три года И. П. Минаевъ, для приготовленія себя къ преподаванію исторіи Востока, занимался самостоятельно рукописями въ Парижѣ и Лондонѣ и тѣмъ положилъ основаніе отличавшей его обширной и разносторонней начитанности въ неизданныхъ памятникахъ буддійской литературы. Тогда же онъ завязалъ прочныя ученыя связи съ выдающимися представителями западно-европейскаго оріентализма, главнымъ образомъ во Франціи и Англіи. Въ Россію Иванъ Павловичъ воротился въ 1868 г., уже зрѣлымъ ученымъ и, по защищеніи магистерской дисертаціи, подъ заглавіемъ «Пратимокша-сутра, буддійскій служебникъ» утвержденъ, въ должности штатнаго доцента по каѳедрѣ санскритской словесности, но въ 1871 году перешелъ въ историко-филологическій факультетъ, на каѳедру сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Уже магистерская дисертація Минаева представляла очень цѣнный вкладъ въ весьма мало разработанную научную область; что же касается его докторской дисертаціи «Очеркъ фонетики и морфологіи языка пали» (защищалась 18-го декабря 1872 г.), то она была вообще первымъ въ Европѣ опытомъ систематическаго изложенія грамматики этого священнаго языка буддійскаго вѣроученія. Въ скоромъ времени книга Ивана Павловича была переведена на французскій языкъ (въ печати переводъ появился въ 1875 г.) и вполнѣ оцѣнена также мѣстными индійскими учеными, среди которыхъ Иванъ Павловичъ, послѣ своихъ путешествій въ Индію, также имѣлъ почитателей. Благодаря этимъ трудамъ, Иванъ Павловичъ пріобрѣлъ авторитетное положеніе въ ряду европейскихъ спеціалистовъ данной области, такъ что его труды по изданію и объясненію неизвѣстныхъ или неизданныхъ памятниковъ, стали, между прочимъ, украшать томы извѣстнаго всѣмъ оріенталистамъ центральнаго органа палійской филологіи «Pali text-Society», также и другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ изданій. Всѣ эти труды служили какъ бы приготовленіемъ къ задуманному Иваномъ Павловичемъ обширному историко-критическому сочиненію о буддизмѣ. Этому творенію не суждено было появиться въ свѣтъ.

Изданъ былъ только первый томъ (въ 1889 г.), дающій, однако, полную возможность судить, что онъ поставилъ изученіе буддизма на новую, болѣе прочную критическую почву. Не довольствуясь кабинетнымъ изученіемъ индійской древности, Иванъ Павловичъ совершилъ два путешествія въ Индію (въ 1874—76 и 1885 гг.), гдѣ провелъ въ общей сложности около двухъ лѣтъ; оттуда онъ вынесъ богатую научную добычу—въ видѣ рукописей, рѣдкихъ восточныхъ изданій, предметовъ археологической старины, а главное—живое знаніе мѣстныхъ нарѣчій и народнаго быта. Какъ результатъ его наблюденій, въ печати появились весьма живо и увлекательно написанныя «Письма съ львинаго острова» (Цейлона) и «Камаонскія сказки». Этими изданіями далеко не исчерпывался запасъ пріобрѣтенныхъ ученымъ путешественникомъ свѣдѣній о современной индійской жизни; большая часть замѣтокъ и записей Ивана Павловича осталась не обнародованною въ печати. Многое онъ сообщалъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, преимущественно въ географическомъ. Онъ былъ несомнѣнно лучшимъ у насъ знатокомъ исторической географіи Средней Азіи. Плодомъ этихъ занятій являются «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи», «Старая Индія» (Хоженіе Аѳанасія Никитина) и неизданный еще, но совершенно готовый къ печатанію переводъ Марко-Поло съ коментаріемъ. Нѣкоторыя изъ названныхъ сочиненій Ивана Павловича, вышедшихъ отдѣльно, печатались первоначально въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; тамъ же онъ помѣстилъ много другихъ самостоятельныхъ изслѣдованій и мелкихъ статей въ видѣ рецензій на вновь выходящія книги, русскія и иностранныя, соприкасающіяся съ тою или другою областью его занятій. Онъ отзывался также и на животрепещущіе вопросы текущей политики по дѣламъ средне-азіатскимъ и помѣщалъ по временамъ статьи въ «Новомъ Времени». Онъ принадлежалъ къ самымъ выдающимся ученымъ не только русскимъ, но и европейскимъ. Имя его пользовалось особеннымъ уваженіемъ въ Англіи и во Франціи. Какъ профессоръ и членъ университетской преподавательской корпораціи, Иванъ Павловичъ Минаевъ всегда стоялъ чрезвычайно высоко во мнѣніи товарищей; всѣ признавали въ немъ не только рѣдкаго ученаго, но и высокую нравственную личность, цѣнили его непреклонную вѣрность убѣжденіямъ, безукоризненную честность, прямоту и строгую правдивость. Всѣ сознавали, что этотъ человѣкъ не въ состояніи покривить душою, никогда и ни за что не скажетъ лживаго или льстиваго слова. Даже тѣ, которые расходились съ нимъ по разнымъ вопросамъ и отношеніямъ, никогда не рѣшались и не думали заподозрить Ивана Павловича въ какихъ-либо недостойныхъ или низменныхъ побужденіяхъ.

† Въ Воронежѣ выдающійся земскій врачъ, докторъ медицины **В. В. Киселевъ**, съ самой студенческой скамьи ушедшій въ провинцію и посвятившій свою дѣятельность исключительно деревнѣ. Покойный представлялъ рѣдкій типъ сердечнаго и отзывчиваго труженика-врача, стремленіе котораго—не популярность, а скромная и честная работа на пользу ближняго. Насколько былъ талантливъ Киселевъ, видно изъ того, что 16-ти лѣтъ онъ уже успѣлъ окончить воронежскую гимназію. Въ Петербургѣ его даже не приняли сразу въ медико-хирургическую академію изъ-за слишкомъ юныхъ лѣтъ и ему пришлось пережидать цѣлый годъ. Академію онъ кончилъ блестяще и на 23-мъ году защитилъ на степень доктора дисертацію на тему: «О физіологіи глаза». Получивъ докторскую степень, Киселевъ тотчасъ возвратился въ родной Воронежъ и здѣсь началъ свою практическую дѣятельность въ Новохоперскомъ уѣздѣ и продолжалъ ее до 1887 г., когда переселился въ Борисоглѣбскій уѣздъ. Своею полезною и энергичною дѣятельностью онъ сразу пріобрѣлъ симпатіи всего уѣзднаго населенія. Молва о немъ, какъ о добромъ врачѣ, разнеслась не только по Новохоперскому уѣзду, но и по всей губерніи, даже за ея предѣлами. Къ нему больные приходили и пріѣзжали изъ даль-

нихъ селъ и деревень. Жизнь въ захолустьи нисколько не мѣшала Киселеву продолжать ученыя занятія и ему удавалось иногда урывать время для поѣздокъ за-границу, гдѣ онъ посѣщалъ извѣстнѣйшія клиники. Благодаря этому, онъ быстро сталъ считаться лучшимъ діагностомъ на югѣ. Дѣятельность Киселева началась въ провинціи въ самое трудное время, тотчасъ послѣ отмѣны крѣпостного права, когда по всей Россіи врачебное дѣло среди народа было еще въ зачаточномъ состояніи. Показать на дѣлѣ еще тогда, что врачъ въ деревнѣ можетъ дѣлать много,—это большая заслуга со стороны Киселева. Покойный скончался на 46-мъ году, надорвавъ свои жизненныя силы упорнымъ, постояннымъ трудомъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу библіографической замѣтки г. С. А—ва о сочин. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи Востока».

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ помѣщена библіографическая замѣтка г. С. А—ва о переведенномъ мной соч. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ» и напечатанномъ въ 1876—79 гг. въ мѣстныхъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ». Въ настоящее время на книгѣ перемѣнена обложка, заглавіе ея искажено, изданіе приписано книжному магазину М. И. Карповича и отнесено къ двумъ послѣднимъ годамъ. Хотя авторъ замѣтки и не высказываетъ своего предположенія относительно виновника этой дѣйствительно «безцеремонной и возмутительной спекуляціи», вводящей въ обманъ покупателей, тѣмъ не менѣе неоднократно повторяетъ мое имя. Изъ боязни, чтобы читатели не заподозрили меня въ этой оскорбительной для меня продѣлкѣ или, покрайней мѣрѣ, въ соучастіи въ ней, я считаю необходимымъ сказать въ свое оправданіе слѣдующее: мой переводъ Ленормана печатался, какъ я уже сказалъ, въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ»: поэтому изданіе его никакому книгопродавцу, и тѣмъ болѣе г. Карповичу, принадлежать не могло; переводъ выходилъ отдѣльными выпусками, которые, за исключеніемъ одного, купленнаго книгопродавцемъ Н. Я. Оглоблинымъ, тотчасъ при появленіи въ свѣтъ пріобрѣтались Л. В. Ильницкимъ, бывшимъ владѣльцемъ магазина, принадлежащаго теперь г. Карповичу; изъ шести выпусковъ переводъ перваго, «Египтяне», принадлежитъ не мнѣ и ложно приписывается мнѣ г. Карповичемъ. Сдавъ изданіе гг. Ильницкому и Оглоблину, я никогда не принималъ и не принимаю никакого участія въ его распространеніи; поэтому въ перемѣнѣ обложекъ и искаженіи заглавія совершенно не участвовалъ и даже вовсе не зналъ объ этомъ. Всю вину въ этой спекуляціи возлагаю на книгопродавца М. И. Карповича, такъ какъ въ его магазинѣ находятся нераспроданные экземпляры «Руководства». Лично г. Карповича вовсе не знаю.

И. Каманинъ.

— Зарѣзана, убита Элеонора? Да кто же ее убилъ?

— Ея мужъ.

— Пьетро? Это невозможно!

— Да, моя добрая синьора, онъ ее убилъ. Вотъ, смотрите, ея кровь.

И горничная указала на брызги крови на своемъ платьѣ.

Изабелла не вѣрила своимъ ушамъ.

Служанку била лихорадка, она вся дрожала и не могла связно разсказать о случившемся. Пришлось уложить ее въ постель и дать ей время оправиться. Прійдя нѣсколько въ себя, оставшись наединѣ съ герцогиней, камеристка, наконецъ, передала подробно объ этомъ страшномъ происшествіи.

— Находясь на своей виллѣ, одна съ служанками, Элеонора собиралась лечь спать,—разсказывала камеристка,—вдругъ совершенно неожиданно вошелъ въ ея спальню мужъ. Грозно смотрѣлъ онъ, лицо его было блѣдно и хмуро. Присутствовавшія камеристки, почтительно откланявшись, поспѣшили удалиться, оставивъ герцога наединѣ съ женой. Мрачный видъ донъ Пьетро возбудилъ подозрѣніе въ камеристкахъ, и онѣ, расположась въ сосѣдней комнатѣ, стали прислушиваться. Въ продолженіе десяти минутъ въ спальнѣ все было тихо и камеристки уже намѣревались удалиться, какъ вдругъ до ихъ слуха донеслись пронзительный крикъ и страшные вопли. Они бросились въ спальню и ихъ глазамъ представилась ужасная картина. Донъ Пьетро, съ кинжаломъ въ рукѣ, наносилъ своей женѣ ударъ за ударомъ; несчастная отчаянно отбивалась и кричала, пока не упала на полъ. При появленіи камеристокъ, убійца остановился, а онѣ бросились поднимать свою госпожу. Но донна Элеонора уже умирала; прерывающимся голосомъ она молила Бога о прощеніи ей грѣховъ. Прекрасное тѣло молодой герцогини было все залито кровью. Чрезъ нѣсколько минутъ она скончалась. Но тутъ сцена совершенно измѣнилась. Когда мужъ увидалъ, что жена его умерла, онъ точно переродился; его вдругъ охватило страшное раскаяніе. Онъ сталъ на колѣни на полу, облитомъ кровью, молилъ Бога и всѣхъ святыхъ о прощеніи и клялся, что никогда болѣе не женится. Онъ возбуждалъ не состраданіе, а ужасъ и отвращеніе. Я убѣжала оттуда, не оглядываясь, будто въ этомъ проклятомъ домѣ помѣстился демонъ,—добавила разсказчица.

Изабеллу страшно поразило это извѣстіе. Она видѣла въ участи своей несчастной подруги собственную судьбу.

Оставшись одна съ своей компаньонкой, Лукреціей Фрескобальди, она поцѣловала ее и, склонившись къ ней на плечо, проговорила:

— Милая Лукреція, надо и мнѣ готовиться къ смерти.

На слѣдующій день донъ Пьетро явился къ герцогу, который по разстроенному виду брата угадалъ, что случилось, и ограничился лишь вопросомъ:

— Исполнено?

Пьетро молча кивнулъ головой. Герцогъ Франческо вполнѣ удовольствовался этимъ, не интересуясь знать подробности, и прямо объявилъ, что онъ готовъ заплатить долги брата. Донъ Пьетро, зная, что получитъ вознагражденіе за пролитую кровь, захватилъ съ собой списокъ долговъ, который и вручилъ Франческо. Послѣдній взялъ списокъ, положилъ его въ свой карманъ и, кромѣ того, далъ еще убійцѣ кошелекъ съ двумя тысячами дукатовъ.

Затѣмъ приняты были мѣры, чтобы скрыть отъ всѣхъ тѣло Элеоноры и заставить молчать придворныхъ дамъ. Потомъ было обнародовано, что принцесса скончалась отъ аневризма сердца, которымъ давно страдала. Но королю испанскому Филиппу, человѣку вполнѣ способному понимать семейныя тайны, Франческо счелъ нужнымъ сообщить правду, въ виду чего и было имъ написано въ Мадридъ къ посланнику письмо слѣдующаго содержанія: «Хотя въ печати и говорится о несчастномъ случаѣ съ донной Элеонорой, тѣмъ не менѣе вы должны сообщить его католическому величеству истину. Донна Элеонора лишена жизни ея мужемъ, нашимъ братомъ, донъ Пьетро, за измѣну и позорящее его имя поведеніе, недостойное высокаго происхожденія покойной, о чемъ и было сообщено донъ Пьетро съ просьбой, чтобы онъ пожаловалъ сюда. Но донъ Пьетро Толедскій не только не исполнилъ этой просьбы, но даже не допустилъ секретаря переговорить съ дономъ-Гарціа (отецъ Элеоноры). Въ виду всего этого мы рѣшили увѣдомить его католическое величество о случившемся, такъ какъ считаемъ себя обязанными извѣщать обо всѣхъ событіяхъ вообще и въ особенности этого дома, ибо сокрытіе истины было бы съ нашей стороны признакомъ не достаточной почтительности къ его католическому величеству. При первой возможности вамъ будетъ присланъ подробный отчетъ объ этомъ событіи, чтобы можно было судить, какими справедливыми мотивами руководствовался донъ Пьетро».

Король Филиппъ остался вполнѣ доволенъ довѣріемъ, оказаннымъ ему великимъ герцогомъ Тосканскимъ, осудилъ поведеніе, которымъ покойная принцесса навлекла на себя справедливую месть мужа, и потребовалъ подробный отчетъ всего дѣла, обѣщая хранить его въ глубокой тайнѣ. Но семья Толедская, и въ особенности герцогъ Альба, узнавъ истину, глубоко возмутились, хотя сдѣлать ничего не могли, потому что самъ король одобрилъ поступокъ мужа несчастной Элеоноры. Кромѣ того, по правиламъ испанскаго рыцарства, перешедшимъ и въ Италію, безчестье смывалось только кровью.

Герцогиня Изабелла идетъ на исповѣдь.

Дозв. ценз. спб., 17 Апрѣля 1880 г.

XXVI.

Исповѣдь.

«— Padre... una grande
«Peccatrice son io; di grave e antiche
«Colpe a te confessarmi oggi m'imcombe
«Terribile dover.
«— Narra tue colpe
«Toutte le narra e le più gravi prima.
«Molto concede al pentimento Iddio.»
Consigli I. Orsini [1]).

А СЛѢДУЮЩІЙ день, Джіованнино, довѣренный слуга герцога Браччіано, явился во дворецъ Орсини и просилъ доложить о себѣ свѣтлѣйшей синьорѣ герцогинѣ. Допущенный къ Изабеллѣ, онъ вручилъ ей письмо отъ ея супруга, который сообщалъ ей, что черезъ нѣсколько дней выѣдетъ изъ Рима во Флоренцію, чтобы имѣть счастье видѣться съ любезной супругой и обнять ее.

Исполнивъ возложенное на него порученіе, Джіованнино помѣстился въ кругу дворцовыхъ слугъ, въ ожиданіи пріѣзда своего господина. Слѣдуя полученнымъ имъ инструкціямъ, слуга герцога Браччіано началъ собирать подробныя свѣдѣнія, касающіяся дома, а главнымъ образомъ привычекъ герцогини. Съ этой цѣлью онъ больше всего искалъ общества болтливыхъ камеристокъ Изабеллы. Вечерами, подъ разными предлогами, онъ уходилъ въ па-

---

[1]) «— Отецъ мой... великая я грѣшница...
«Старые тяжелые грѣхи тебѣ исповѣдывать сегодня
«На мнѣ лежитъ страшная обязанность.
«— Разскажи твои грѣхи,
«Всѣ разскажи и самые тяжелые прежде всего.
«Очень милосердъ къ раскаявающимся Господь Богъ».

лаццо Питти, гдѣ тайно проживалъ его господинъ, и разсказывалъ ему все, что успѣвалъ разузнавать за день.

Извѣстіе о пріѣздѣ мужа во Флоренцію подтвердило мрачныя предчувствія, волновавшія душу тоскующей Изабеллы. Никогда еще смерть не казалась ей такъ близкой. Она сравнивала свое положеніе съ положеніемъ больного, одержимаго неизлечимымъ, смертельнымъ недугомъ, около одра котораго уже читаютъ отходную. Подъ вліяніемъ такого душевнаго настроенія она посѣтила рано утромъ церковь Santa Maria Novella, имѣя намѣреніе исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ отцу Маттео, который былъ извѣстенъ своей святостью и могъ испросить у Бога прощеніе грѣшницѣ. О своемъ намѣреніи Изабелла сообщила компаньонкѣ Лукреціи Фрескобальди и просила проводить ее на другой день утромъ въ церковь.

Едва горизонтъ озарился первыми лучами разсвѣта, какъ герцогиня Изабелла и ея компаньонка, закутанныя въ плащи и вуали, незамѣтно вышли изъ дворца чрезъ маленькую калитку и отправились вдоль стѣнъ полуосвѣщенныхъ домовъ къ церкви Santa Maria Novella.

Церковь была уже открыта, ея обширные своды, погруженные во мракъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слабо освѣщались тусклымъ мерцаніемъ лампадъ. Сквозь цвѣтныя стекла еще не проникалъ лучъ свѣта. Фрескобальди спросила у молившихся женщинъ, гдѣ исповѣдальня отца Маттео. И когда ей указали, она подвела къ маленькой часовенкѣ, съ небольшимъ отверстіемъ, Изабеллу. Святой отецъ, по обыкновенію, уже былъ тамъ и ждалъ кающихся. Внутри исповѣдальни былъ совершенный мракъ. Фигура отца Маттео съ капюшономъ, спущеннымъ на голову, походила на едва замѣтную тѣнь. Изабелла, опустившись на колѣни, почувствовала ледяную дрожь. Между тѣмъ Фрескобальди отошла прочь и монахъ открылъ окошечко.

— Отецъ мой,—начала Изабелла,—чувствуя приближеніе смерти, я пришла исповѣдаться въ моихъ грѣхахъ и, прежде чѣмъ предстать предъ судилищемъ Всевышняго, раскаяніемъ облегчить мою душу.

— Говори, дочь моя,—сказалъ монахъ глухимъ, хриплымъ голосомъ, прикрывая свой ротъ платкомъ.

— У меня одинъ грѣхъ, но самый тяжкій. Связанная брачными узами, я нарушила ихъ святость преступной любовью.

Монахъ молчалъ; кающаяся продолжала:

— Отецъ мой, могу ли я надѣяться, что Господь мнѣ проститъ?

— Дочь моя! — отвѣчалъ монахъ — еще болѣе рѣзкимъ и задушеннымъ голосомъ, который едва можно было разслышать,— милость Господня безпредѣльна. Онъ прощаетъ грѣхи всѣмъ истинно кающимся. Но прежде чѣмъ я во имя Высшаго Судьи от-

пущу тебѣ грѣхи, ты должна мнѣ сказать, сколько разъ грѣшила, чтобы я могъ соразмѣрить наказаніе съ виной.

— Отецъ мой...

— Сколько разъ ты грѣшила противъ седьмой заповѣди?

— Отецъ мой, не дайте мнѣ умереть отъ стыда у вашихъ ногъ. Мнѣ не хватитъ памяти сосчитать всѣ мои грѣхи. Довольно, если я вамъ скажу, что грѣшила не разъ.

— Съ однимъ ты грѣшила, дочь моя?

— Къ несчастью, нѣтъ.

— Имена ихъ!—вскричалъ монахъ такимъ страшнымъ голосомъ, что Изабелла задрожала.

— Отецъ мой, я могу винить только себя, не выдавая другихъ.

— Имѣла ли ты незаконныхъ дѣтей?

— Да, отецъ мой,—едва могла вымолвить несчастная женщина.

— Значитъ, у тебя были незаконныя дѣти?

— Да, но только одинъ остался въ живыхъ.

— А гдѣ онъ теперь?

— Отецъ мой!

— Гдѣ онъ?

— Позвольте мнѣ умолчать объ этомъ. Я пришла покаяться въ своихъ грѣхахъ, а убѣжище, найденное мною сыну, не есть грѣхъ.

— Въ такомъ случаѣ сегодня я не могу дать тебѣ отпущенія. Подумай хорошенько, сосредоточься въ сознаніи своихъ грѣховъ, молись и приходи другой разъ.

Съ этими словами монахъ захлопнулъ окошечко. Изабелла, опустивши голову на руки, глухо зарыдала. Компаньонка съ трудомъ довела ее домой. Придя въ свою комнату, убитая горемъ, молодая женщина упала на полъ и, ломая руки, вскричала:

— Боже великій, не для меня твоя милость!..

Кающіяся грѣшницы въ церкви Santa Maria Novella, ожидавшія очереди подойти къ исповѣдальницѣ отца Маттео, должны были разойтись, такъ какъ монахъ послѣ первой, выслушанной имъ исповѣди, покинулъ свой постъ и ушелъ изъ церкви.

Если бы кто-нибудь прослѣдилъ за монахомъ, то увидѣлъ бы, что онъ шелъ по улицѣ размашистой походкой, похожей болѣе на военную, чѣмъ на монашескую. Такимъ образомъ, онъ еще до восхода солнца пришелъ къ калиткѣ въ оградѣ сада Боболи, отперъ ее ключемъ, который имѣлъ при себѣ, прошелъ черезъ садъ, смежный съ палаццо Питти, и, постучавшись въ дверь небольшого дома, тихо позвалъ:

— Джіованнино!

Джіованнино отперъ дверь и низко поклонился. Войдя въ комнату, мнимый монахъ сбросилъ на полъ плащъ, рясу, капюшонъ и оказался герцогомъ Браччіано.

— Отнеси монаху его одежду,—сказалъ онъ слугѣ,—и выпусти его на волю.

Джіованнино вмѣстѣ съ своимъ господиномъ придумали планъ заговора. Узнавъ на другой же день чрезъ одну изъ камеристокъ, подслушавшую у дверей, что герцогиня собирается на разсвѣтѣ идти на исповѣдь къ отцу Маттео, Джіованнино передалъ это герцогу Браччіано, которому давно приходила мысль выпытать у жены признаніе въ ея грѣхахъ посредствомъ исповѣди, переодѣвшись монахомъ.

Ночью Джіованнино, въ сообществѣ нѣсколькихъ удальцовъ, пригласилъ отца Маттео выйти изъ монастыря, какъ бы для исповѣди умирающаго, заманилъ его въ засаду и, снявъ съ него монашеское одѣяніе, отнесъ своему господину. Герцогъ, переодѣвшись монахомъ, отправился въ церковь Santa Maria Novella и, проникнувъ внутрь храма ни кѣмъ не замѣченный, занялъ исповѣдальню отца Маттео.

На слѣдующій день конскій топотъ пышной кавалькады и трубные звуки возвѣстили о въѣздѣ во Флоренцію герцога Браччіано, зятя великаго герцога Тосканскаго.

Въ палаццо Орсини уже было все приготовлено, чтобы принять почетнаго гостя-хозяина. Пажи, слуги, лакеи суетились; дворъ былъ убранъ трофеями, напоминавшими побѣду при Лепанто, двери и лѣстницы разукрашены. Герцогиня Изабелла въ большомъ залѣ, окруженная фрейлинами, ожидала прибытія супруга на верхней площадкѣ лѣстницы. Когда раздался трубный звукъ на большомъ дворѣ, Изабелла встала и отправилась со всѣмъ своимъ штатомъ къ дверямъ. Герцогъ слѣзъ съ лошади, быстро вбѣжалъ на парадное крыльцо и при всѣхъ нѣжно расцѣловался съ супругой.

Оставшись наединѣ съ Изабеллой, Паоло Джіордано осыпалъ ее комплиментами. Восхищаясь ея красотой, онъ говорилъ, что она стала еще привлекательнѣе. Затѣмъ онъ сѣтовалъ на судьбу, заставившую его жить вдали отъ такой прелестной жены, и т. д.

Высокая, стройная, съ матовымъ цвѣтомъ лица, съ блестящими глазами, Изабелла на самомъ дѣлѣ была прекрасна. Мужъ, не смотря на ея невѣрность, не чувствовалъ къ ней отвращенія, напротивъ, она возбуждала въ немъ жгучее, никогда еще не испытанное имъ желаніе обладать этой роскошной красавицей. Но въ то же время, чувство мести въ душѣ ревнивца нисколько не ослабѣвало. Напротивъ, сладострастныя картины, представляемыя развращеннымъ воображеніемъ жестокаго деспота, разжигали его дикую злобу и побуждали къ кровавому насилію. Улыбаясь, онъ ласкалъ жену, и она никакъ не могла разгадать смыслъ этой улыбки, чтò она выражала: дѣйствительно ли нѣжность, или злую иронію?

— Что вы, Изабелла, подѣлывали все это время,—говорилъ герцогъ,—какъ поживали, были ли вы здоровы, покойны?

— Печально тянулись мои дни съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ,—отвѣчала она.

— Да, онъ васъ любилъ!

— Болѣе чѣмъ кто-либо другой. Только онъ одинъ меня и любилъ.

— Вы меня хотите упрекнуть?

— О, нѣтъ. Какая же любовь можетъ сравниться съ любовью отца?

— Но я всегда жилъ вдали отъ васъ...

— Да, для того, чтобы болѣе прославить наше имя. Я знаю, какъ храбро вы сражались въ битвѣ при Лепанто.

— Не говорите мнѣ о славѣ, Изабелла! Теперь, хотя и поздно, я сознаю, что истинное счастье подлѣ очаровательной и обожаемой жены. Что̀ значутъ слава и почести? Все это одни призраки, не болѣе. Человѣкъ гоняется за ними, какъ ребенокъ за мыльными пузырями радужныхъ цвѣтовъ; какъ то, такъ и другое уноситъ вѣтеръ. Между тѣмъ, радости семейнаго очага, постоянное общество любящей вѣрной жены... Безумецъ! Ради чего я такъ долго пренебрегалъ этими сокровищами?

Изабелла молчала, потупя глаза.

— Нѣтъ, отнынѣ я намѣренъ загладить, насколько возможно, свою вину,—продолжалъ герцогъ.—Я навсегда поселюсь во Флоренціи, подлѣ тебя, моя прелестная Изабелла! Большую часть года мы будемъ проводить въ твоемъ за̀мкѣ Черрето, въ поэтическомъ уединеніи. Ты артистка въ музыкѣ и поэзіи, ты будешь пѣть мнѣ подъ акомпанементъ лютни пѣсни твоего сочиненія. Я буду разсказывать тебѣ про войну, въ которой принималъ участіе, про побѣды, опасности, мои путешествія и приключенія. Мы еще молоды, можемъ любить другъ друга, и природа усѣетъ путь нашъ розами. Видишь, Изабелла, около тебя и я дѣлаюсь поэтомъ. Но, однако, ты меня ни разу не поцѣловала,—продолжалъ Паоло Джіордано, обнимая жену.

Она отвѣтила на его поцѣлуй, но ея губы были холодны, какъ ледъ.

— А нашъ Троило?—вдругъ спросилъ герцогъ,—я расчитывалъ найти его здѣсь, хотѣлъ съ нимъ вмѣстѣ отпраздновать мой пріѣздъ. Развѣ его нѣтъ во Флоренціи?

— Не знаю,—прошептала Изабелла.

— Какъ не знаешь? Развѣ вы болѣе уже не друзья? Что̀ за причина вашей размолвки? Не забылъ ли онъ должнаго къ тебѣ уваженія? Если это такъ, то клянусь Богомъ, онъ заплатитъ мнѣ своею кровью за оскорбленіе, не смотря на то, что онъ мнѣ двоюродный братъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, Джіордано. Ничего подобнаго не произошло между мною и вашимъ родственникомъ. Дѣйствительно, была маленькая непріятность по поводу пустяковъ, не стоющихъ вниманія. Онъ сталъ все рѣже и рѣже приходить къ намъ. Я его не приглашала и онъ совершенно исчезъ. Вотъ и все.

Говоря это, Изабелла безпрестанно краснѣла, такъ что, еслибы Джіордано не зналъ истины въ эту минуту, онъ ее угадалъ бы непремѣнно.

— Но гдѣ же онъ, я его хочу видѣть. Я не вижу причины разрывать старинную родственную дружбу, привязанность, скрѣпленную узами крови. Я надѣюсь, ты позволишь мнѣ употребить всѣ усилія, чтобы возобновить вашу давнишнюю дружбу? Я желаю, чтобы эта честь принадлежала мнѣ.

— Это безполезно.

— Я хочу!

Герцогъ потребовалъ къ себѣ мажордома и спросилъ, не знаетъ ли онъ, во Флоренціи ли донъ Троило Орсини?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Паоло приказалъ принести себѣ бумаги и, поспѣшно написавъ записку, велѣлъ тотчасъ же отнести ее къ своему двоюродному брату.

Троило Орсини, оставшійся во Флоренціи по просьбѣ герцога, нисколько не подозрѣвалъ его тайнаго замысла и, конечно, не могъ отвѣтить отказомъ на приглашеніе двоюроднаго брата, главы семейства Орсини.

Съ замираніемъ сердца, но съ лицомъ очень спокойнымъ, онъ поневолѣ отправился во дворецъ Орсини.

Войдя въ большую залу и увидавъ своего двоюроднаго брата, Троило Орсини бросился его обнимать, говоря:

— Милый братецъ, какъ я радъ васъ видѣть! Добро пожаловать. Еслибы я зналъ ранѣе о вашемъ пріѣздѣ, я, конечно, пришелъ бы васъ встрѣтить. Но до сегодняшняго дня мнѣ ничего не было извѣстно.

— Неужели Изабелла не говорила вамъ, что получила отъ меня письмо, въ которомъ я извѣщалъ ее о моемъ скоромъ пріѣздѣ?

— Я давно не видался съ вашей супругой.

— Это почему? Развѣ вы болѣе уже не дружны? По какой же причинѣ?

— Между нами не было размолвки, просто маленькое охлажденіе.

— Да почему же? Я никакъ не могу этого понять. Развѣ она не уважала въ васъ славнаго дворянина, моего близкаго родственника? Если вы ею чѣмъ-нибудь недовольны, прошу васъ, скажите прямо. Пожалуйста не думайте, что я ставлю мою любовь къ женѣ выше чести нашего дома.

Мнимый отецъ Маттео.

Дозв. ценз. спв., 13 апреля 1890 г.

— Напрасно вы все это воображаете. Ничего подобнаго не было.

— Однако, въ чемъ же дѣло?

— Пустяки, о которыхъ не стоитъ и говорить. Изабелла сама вамъ все разскажетъ.

— Если причины вашего охлажденія такъ незначительны, то я надѣюсь, что моего присутствія будетъ достаточно, чтобы безслѣдно разсѣять всякое недоразумѣніе.

Сказавъ это, Паоло Джіордано приказалъ пажу пригласить герцогиню Изабеллу, которой во время объясненій двоюродныхъ братьевъ не было въ большой залѣ.

Пажъ тотчасъ же отправился въ апартаменты герцогини Изабеллы и передалъ ей желаніе ея супруга.

Паоло Джіордано непремѣнно хотѣлъ, чтобы жена и его двоюродный братъ подали другъ другу руки въ знакъ примиренія и возобновленія дружбы.

Изабелла, исполняя приказаніе мужа, опять покраснѣла и вся затрепетала, когда рука убійцы дорогого ей человѣка коснулась ея руки. Троило напротивъ былъ совершенно спокоенъ и безпечно улыбался. Но отъ продолжительнаго взгляда ревниваго мужа не ускользнуло, что подъ маской равнодушія трепетали всѣ фибры Троило и кровь застывала въ его жилахъ.

XXVII.

Послѣдняя ночь.

Ъ ТОТЪ ЖЕ самый день Паоло Джіордано Орсини увезъ жену свою съ небольшой свитой приближенныхъ въ виллу Черрето.

Франческо Доменико Гуеррацци посѣщалъ эту виллу и описываетъ ее слѣдующимъ образомъ:

«Весело красуясь, сіяетъ тамъ природа. Но люди своимъ роковымъ прикосновеніемъ съумѣли вселить ужасъ и въ это очаровательное мѣстечко. Прелестный и живописный холмъ они обнесли кирпичами и камнями, что превратило его въ крѣпость. Четыре круглыя лѣстницы, по двѣ съ каждой стороны, ведутъ на вершину. Первыя, образуя уголъ у подножія горы, идутъ влѣво. Вторыя начинаются тамъ, гдѣ кончаются первыя, и соединяются угломъ на дворцовомъ плацу. Стѣны изъ кирпичей яркаго цвѣта покато спускаются внизъ и даже теперь кажутся окрашенными кровью. Ступени и борты парапетовъ всѣ изъ камня Гонфолины. На первыхъ лѣстницахъ сорокъ двѣ ступени, довольно далеко отстоящія другъ отъ друга. На вторыхъ лѣстницахъ сорокъ три ступени. Снизу̀, подъ холмомъ, тянется извѣстный подземный ходъ. Иногда среди стѣны вдругъ попадается также высѣченное изъ камня страшное орудіе. Но случайность ли это, или дѣло рукъ человѣческихъ — видѣнъ обвалившійся гербъ Медичи, разбитый, уничтоженный, такъ же какъ палъ родъ Медичи, какъ пало его владычество, какъ сходятъ въ могилу всѣ великіе міра сего.

«Въ первомъ этажѣ дворца обширнѣйшій залъ. Въ глубинѣ его арка, а съ правой стороны этой арки широкія каменныя ступени ведутъ въ слѣдующій этажъ. При входѣ на верхъ, на правой сто-

ронѣ, въ углубленіи, знаменитая угольная комната; одна изъ ея стѣнъ выходитъ на полдень, другая, фасадная, на западъ. Во время нашего разсказа въ ней были два окна, изъ которыхъ одно находилось въ западной стѣнѣ. Въ комнатѣ двѣ двери—одна большая, замѣтная, другая маленькая, потаенная, прикрытая зелеными обоями изъ дамаска. Я смѣрилъ комнату и нашелъ, что въ ширину она имѣетъ семь шаговъ, а въ длину десять. Въ стѣнѣ шкафъ, который безъ внимательнаго осмотра замѣтить нельзя. Посмотрите на высокій потолокъ и вы увидите шесть балокъ, положенныхъ на главную толстую балку. Всмотритесь хорошенько и вы замѣтите подъ главной балкой отверстіе. Запомните эту комнату и отверстіе на верху. Прошло двѣсти шестьдесятъ лѣтъ, а это отверстіе и до сихъ поръ существуетъ.

«Названіе Черрето происходитъ отъ вишневой рощи, осѣнявшей холмъ и занимавшей большую часть этой мѣстности, точно также, какъ Фрассинетто—отъ земляники, Суверето—отъ sughero (пробка)—отъ пробковаго дерева и Роверето—отъ roveri—дубы.

«Куда же дѣвалась вишневая роща? Гуляющій теперь напрасно будетъ искать тѣнистой прохлады отъ жгучаго солнечнаго жара. Нетолько вокругъ Черетто, но и на всемъ протяженіи Тосканы, до каменистыхъ вершинъ Аппенинъ, съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже попадаются деревья. А въ то время весь Черрето былъ покрытъ густой тѣнью отъ вишенъ, вязовъ, дубовъ и разныхъ другихъ деревьевъ. Въ этихъ лѣсахъ водились рябчики, фазаны и безчисленныя породы другихъ птицъ. Въ кустахъ прыгали козы, лани, олени, зайцы и кабаны; однимъ словомъ, это было мѣсто лучшей охоты для великихъ князей Тосканы».

Супруги прибыли къ вечеру въ очаровательное Черрето. Джіордано хмурился и былъ задумчивъ, хотя и старался не показывать женѣ своего дурного расположенія духа. Изабелла, подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ рокового предчувствія, казалась еще грустнѣе мужа. Послѣ небольшого отдыха и перемѣны туалета супруги расположились въ большомъ залѣ, мракъ котораго не могли уничтожить многочисленные факелы.

Сѣли обѣдать. Изабелла молчала, ея супругъ время отъ времени заводилъ разговоръ.

— Какъ ты хороша, моя прелестная супруга,—говорилъ онъ,—какъ я счастливъ, что снова около тебя. Теперь я уже никогда не разстанусь съ тобой, мы будемъ блаженствовать.

На всѣ эти комплименты супруга Изабелла отвѣчала печальной улыбкой, грустно качая своей очаровательной головкой. Она была дивно хороша. Ея волнистые волосы свободно падали локонами на гофрированный бѣлый воротникъ, окаймлявшій нарядное черное платье, которое прекрасно обрисовывало ея красивыя формы и стройный станъ.

Къ чему Паоло Джіордано говоритъ всѣ эти комплименты? Не для того ли, чтобы обмануть, успокоить жертву своего мщенія?

Нѣтъ, слова герцога были вполнѣ искренни. Бывали минуты, когда онъ колебался привести въ исполненіе задуманный имъ адскій планъ. Прелестный образъ жены возбуждалъ въ его суровой душѣ нѣчто въ родѣ раскаянія. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что до сихъ поръ такъ мало цѣнилъ Изабеллу. Рисуя себѣ картину счастливаго будущаго въ объятіяхъ красавицы жены, герцогъ забывалъ всѣ оскорбленія, которыя она ему нанесла. Онъ желалъ продлить эту дружескую бесѣду, отгоняя отъ себя мысленно все остальное. Между тѣмъ время шло, ночь уже давно настала. Изабелла, страшно утомившись послѣ дороги и всѣхъ треволненій въ продолженіе дня, просила позволенія супруга уйти въ свою комнату.

— Если вы позволите, завтра мы увидимся,—сказала она.

— Завтра?—переспросилъ герцогъ, точно пробудившись отъ сна.

Изабелла простилась съ мужемъ и пошла въ свои апартаменты. Пажи съ зажженными факелами освѣщали ей путь. При входѣ въ свою комнату Изабелла встрѣтила Лукрецію Фрескобальди и камеристокъ, которыя должны были раздѣвать герцогиню. Но она сдѣлала имъ знакъ и осталась вдвоемъ съ Лукреціей.

— Несчастная я!..—вскричала Изабелла, падая на диванъ.

Фрескобальди старалась успокоить герцогиню, сколько могла. Но ничего не помогало. Убитая горемъ, томимая страшнымъ предчувствіемъ, Изабелла ломала руки, тяжело вздыхала и твердила, что она—несчастная...

Между тѣмъ Паоло Джіордано отправился на свою половину. Медленно шелъ онъ, не поднимая головы, какъ человѣкъ погруженный въ глубокую думу. Въ спальнѣ его встрѣтилъ Джіованнино.

— Я приготовилъ то, что̀ вы мнѣ изволили приказать, синьоръ герцогъ,—сказалъ онъ шопотомъ.

Джіордано при этихъ словахъ вздрогнулъ, какъ уязвленный въ самое больное мѣсто. Всматриваясь въ лицо Джіованнино, онъ будто припоминалъ что̀-то.

— Хорошо,—медленно проговорилъ онъ,—теперь можешь идти.

— Вы, синьоръ герцогъ, будьте совершенно покойны,—рапортовалъ палачъ,—веревка крѣпкая и привязана надежно.

— Пошелъ вонъ, тебѣ говорятъ!—вскричалъ Паоло Джіордано, сверкнувъ глазами на лакея.

Тотъ поспѣшилъ удалиться, но дойдя до порога, обернулся и сказалъ:

— Если вашей свѣтлости что̀-нибудь понадобится, то я буду здѣсь не подалеку, наготовѣ.

— Хорошо!—отвѣчалъ герцогъ, дѣлая нетерпѣливый жестъ.

Затѣмъ притворивъ дверь за уходившимъ слугой, Джіордано

сталъ ходить по комнатѣ, какъ всегда это дѣлалъ, когда въ душѣ его происходила борьба разнородныхъ чувствъ.

Какъ мало онъ походилъ теперь на того, какимъ онъ былъ утромъ!

— Прелестна моя жена, — шепталъ онъ, — и необыкновенно щедро одарена отъ природы, хороша, умна, талантлива! И все это совершенство принадлежитъ мнѣ! Во всякую минуту я могу пользоваться имъ, потому что оно мое.

Далѣе въ головѣ Паоло Джіордано возникъ рядъ вопросовъ. Не лучше ли постоянно пользоваться такимъ сокровищемъ, забывъ прошлое? Стоитъ ли на него обращать вниманіе, когда будущее сулитъ такъ много счастья? Если Изабелла и нарушила свой долгъ, то можно ли въ этомъ винить только ее одну? Онъ, который столько лѣтъ пренебрегалъ ею, подвергалъ соблазну, развѣ онъ не былъ столько же виновенъ, какъ и она? Развѣ для того, чтобы смыть позоръ недостаточно убить Троило, а ее простить?

А что̀ на это скажутъ его шуринъ Франческо, свѣтъ? Но что за дѣло до мнѣнія свѣта, если самому можно быть счастливымъ! Счастливымъ? Да, въ этомъ поэтическомъ убѣжищѣ, въ Черрето, вдали отъ мірскихъ заботъ и треволненій, подлѣ красавицы жены, страстно имъ любимой. Да, страстно любимой, потому что она дастъ ему счастье, за которымъ онъ не перестаетъ гоняться по свѣту.

«Какой я безумецъ, — разсуждалъ Джіордано, — развѣ можетъ быть счастливъ тотъ, кто любитъ чужую жену, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ: горю, мести и многимъ другимъ случайностямъ? Нѣтъ, истинное счастье въ любви собственной жены, въ мирѣ, въ полнотѣ обладанія. А развѣ Изабелла не достаточно прекрасна и обольстительна?»

Къ сожалѣнію, всѣ эти разумныя мысли не были слѣдствіемъ трезваго анализа, а вызваны были раздраженной чувственностью, съ удовлетвореніемъ которой безслѣдно пропадали и разумныя мысли. Это былъ моментъ, когда сладострастье преобладало надъ чувствомъ мести. Джіордано, бѣгая изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ, живо представлялъ себѣ изящныя формы красавицы Изабеллы, ея томные и порой сверкающіе глаза, густые черные вьющіеся локоны, бѣлое тѣло; въ душѣ сластолюбца не было другого чувства, кромѣ страстнаго, жгучаго желанія, теперь же, сію же минуту сжать въ своихъ объятіяхъ эту обворожительную женщину...

Джіордано быстро отворилъ дверь своей комнаты, кликнулъ пажа и велѣлъ ему тотчасъ пригласить къ себѣ герцогиню Изабеллу.

Пажъ отправился исполнять приказаніе герцога.

Изабелла въ это время еще не ложилась и сидѣла съ своей компаньонкой Лукреціей.

Разговоръ герцогини Браччіано съ Лукреціей Фрескобальди по

поводу приглашенія Паоло Джіордано въ эту роковую ночь попалъ на страницы исторіи.

Мы оттуда его и заимствуемъ.

— Идти мнѣ спать къ мужу, или нѣтъ, какъ вы думаете?— спрашивала Изабелла свою компаньонку.

— Дѣлайте, что хотите. Но какъ бы тамъ ни было, все же онъ вашъ мужъ.

Изабелла рѣшила идти. Она думала, что если ей суждено умереть, то она не избѣгнетъ смерти, отвѣтивъ отказомъ на приглашеніе.

Мужъ ее встрѣтилъ съ страстью влюбленнаго. Бросившись къ ней, онъ ее обнялъ и осыпалъ поцѣлуями. Его пламенныя ласки возбудили надежду въ душѣ Изабеллы. «Онъ меня простилъ», думала она. Увы! несчастная женщина ошиблась. Послѣ удовлетворенія животнаго чувства, влюбленный Джіордано преобразился въ палача. Утомленная Изабелла не замѣтила этой перемѣны, она заснула. Если бы она увидала его при свѣтѣ лампады, то ужаснулась бы: до такой степени видъ его былъ отвратителенъ. Жажда кровавой мести снова воспалила его мозгъ и участь несчастной женщины была рѣшена. Голова красавицы Изабеллы покоилась на подушкѣ, она тихо спала. Вдругъ что-то охватило ея горло, стало давить, все сильнѣе и сильнѣе поднимая вверхъ...

Но кто же въ состояніи описывать эту ужасную сцену? Кто рѣшится на это? Обойдемъ молчаніемъ подробности преступленія.

Совершивъ страшное злодѣяніе, герцогъ позвалъ Джіованнино и приказалъ немедленно осѣдлать ему лошадь. Пока лакей бѣгалъ исполнить приказаніе, Джіордано одѣлся; онъ чувствовалъ потребность бѣжать отъ этого ужаснаго мѣста. Выйдя на крыльцо, онъ прыгнулъ на лошадь, далъ ей шпоры и понесся въ карьеръ на угадъ, безъ дороги и опредѣленной цѣли, желая свалиться куда-нибудь въ пропасть и размозжить себѣ голову. Но умное животное принесло его къ воротамъ Флоренціи, куда онъ и въѣхалъ еще до разсвѣта.

Изабелла лежала на супружескомъ ложѣ съ шеей, перетянутой веревкой, которая была спущена съ потолка изъ отверстія, замѣченнаго Гуеррацци. Лицо несчастной было страшно искажено. Такъ кончила принцесса, одаренная отъ природы необыкновенной красотой и многими талантами. По мнѣнію историковъ, герцогиня Изабелла могла бы осчастливить многихъ, если бы была «менѣе красива, болѣе добродѣтельна и имѣла бы лучшихъ родителей».

Ужасное происшествіе насколько возможно хранилось въ тайнѣ. Тѣло покойной, съ таинственной поспѣшностью заколоченное въ роскошный гробъ, было торжественно погребено, при чемъ достойные супругъ и братъ облеклись въ траурную одежду.

Слѣдуя обыкновенію своего семейства скрывать домашнія тра-

гедіи, или, вѣрнѣе сказать, злодѣйства, подъ видомъ несчастныхъ случайностей, Франческо Медичи сообщилъ всѣмъ дворамъ, что его сестра, герцогиня Браччіано, внезапно охваченная недугомъ въ то самое время, когда мыла себѣ голову, упала на руки прислужницъ и моментально скончалась, такъ что не успѣли оказать ей медицинской помощи.

Въ награду за убійство жены Паоло Джіордано получилъ еще болѣе щедрую плату, чѣмъ герцогъ Пьетро. Франческо де-Медичи уплатилъ далеко не маленькіе долги герцога Браччіано и, кромѣ того, послѣдній получилъ въ подарокъ виллу Поджіо Барончелли, переименованную впослѣдствіи въ Поджіо Имперіале.

Теперь намъ остается сообщить, какъ кончили остальныя главныя лица этого разсказа.

Начнемъ съ Біанки и ея мужа.

Дружба великаго герцога и его супруги съ кардиналомъ Фердинандомъ съ нѣкоторыхъ поръ прекратилась окончательно. Фердинандъ уже не пріѣзжалъ изъ Рима во Флоренцію къ брату погостить, какъ это бывало прежде. Итальянскіе принцы тоже отшатнулись отъ Франческо де-Медичи. Всѣ они жестоко издѣвались надъ женой флорентійскаго деспота. Герцоги Савойскіе, Феррарскіе, Мантуанскіе, Падуанскіе и Пармскіе образовали между собой лигу враждебную тосканскому владыкѣ и рѣшили скрѣпить ее. Герцогъ Феррары уже женился на принцессѣ Маргаритѣ. Герцогъ донъ Винченцо, братъ послѣдней, обручился съ старшею дочерью герцога Пармскаго. Этотъ бракъ былъ оскорбленіемъ для Франческо де-Медичи, такъ какъ раньше донъ Гульельмо Гонзаго, герцогъ Мантуанскій, просилъ для этого же самаго сына донъ Винченцо руку Элеоноры де-Медичи, дочери герцога Франческо, и переговоры о совершеніи брака еще не были окончены. Узнавъ о предстоящей свадьбѣ, Франческо потребовалъ отъ герцога Мантуанскаго рѣшительнаго отвѣта. Герцогъ отвѣчалъ ему чрезъ своего флорентійскаго уполномоченнаго письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Я никогда особенно не стремился къ совершенію этого брака, теперь же мое нежеланіе усилилось въ виду качествъ особы, на которой женился великій герцогъ. Если дочери его свѣтлости не вполнѣ поручены этой особѣ, то всѣмъ извѣстно, что молодая принцесса прогуливается съ этой особой по Флоренціи. Я незнаю, чтобы могло меня расположить къ такому родству, сынъ мой, также не нашелъ бы счастья въ бракѣ, не представляющемъ ни тѣхъ выгодъ, ни той пользы, которыя намъ первоначально обѣщали».

Если послѣ подобнаго оскорбленія Франческо де-Медичи не рѣшился объявить войну герцогу Мантуанскому, то является оче-

виднымъ, что въ немъ погасъ воинственный пылъ отца, или же онъ боялся, чувствуя свою изолированность въ виду союза противъ него четырехъ герцоговъ.

Противники Франческо старались всячески его унизить, потѣшались надъ его супругой Біанкой, указывали на раздоръ его съ братомъ-кардиналомъ; вообще имя Медичи, когда-то почитаемое и внушавшее страхъ, сдѣлалось предметомъ насмѣшекъ и остротъ.

Единственнымъ средствомъ, при помощи котораго Франческо могъ возстановить потерянный авторитетъ, было примиреніе его съ братомъ - кардиналомъ. Хитрая Біанка взялась за это дѣло. Пустивъ въ ходъ свою обычную систему, лесть, ей удалось примирить братьевъ. Первая вспышка гнѣва Фердинанда уже остыла, къ тому же онъ попрежнему постоянно нуждался въ субсидіи со стороны брата, а потому и высказалъ готовность примириться, даже благодарилъ Біанку за ея посредство. Вскорѣ между Фердинандомъ и его братомъ произошло полное примиреніе въ виллѣ Пратолино, во время сбора винограда и роскошной охоты въ 1580 году. Послѣ этого, кардиналъ провелъ тамъ всю слѣдующую зиму.

Біанка употребляла неимовѣрныя усилія, чтобы заслужить расположеніе кардинала. Герцогъ Франческо также былъ съ нимъ очень хорошъ, не предпринимая ничего важнаго безъ его совѣта. Подъ вліяніемъ такой любезности Біанки и братской любви герцога, кардиналъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы уничтожить лигу, составленную противъ герцога Франческо де-Медичи. По возвращеніи въ Римъ, онъ воспользовался дружбой кардинала Д'Эсте и Гонзаго и отклонилъ ихъ отъ союза съ Фарнезе, что было достаточно для совершеннаго уничтоженія лиги, противъ дома Медичи.

Біанка была въ восторгѣ отъ благопріятныхъ послѣдствій примиренія, виновницей котораго считала себя. Но эта удача ни мало не способствовала къ возстановленію ея собственной репутаціи среди общества. Флорентійцы попрежнему глубоко ее ненавидѣли и презирали. Они не желали сносить господства женщины дурной репутаціи. Всѣ осуждали Біанку и считали ее причиной смерти великой герцогини. Каждый шагъ бывшей фаворитки осуждался. Граждане приходили въ негодованіе за ея расточительность, припоминая какъ герцогъ Франческо былъ скупъ, по отношенію къ покойной герцогинѣ, лишая ее самаго необходимаго, тогда какъ на Біанку тратились баснословныя суммы денегъ на всѣ ея прихоти и затѣи, какъ, напримѣръ, на украшеніе виллы Пратолино и т. д.

Въ народѣ ходили разные толки про Біанку и ея мужа. Бывшую фаворитку иначе не называли, какъ strega—вѣдьма. Разсказывались безчисленныя исторіи про ея жестокости и звѣрскіе поступки съ подчиненными. Затѣмъ, передавали о ея занятіяхъ

Насильственная смерть Изабеллы.

Дозв. ценз. Спб., 20 декабря 1889 г.

въ любимой виллѣ. До сихъ поръ въ Пратолино показываютъ комнату, названную лабораторіей Біанки, гдѣ она будто бы подвѣшивала маленькихъ дѣтей надъ кипящимъ котломъ и собирала стекавшій при этомъ съ ребенка жиръ, изъ котораго приготовлялась мазь для натиранія тѣла, чтобы оно сохраняло свѣжесть и упругость. Репутацію колдуньи Біанка пріобрѣла вслѣдствіе ея любви къ физическимъ опытамъ и занятіямъ натуральной магіей. Но главная причина народной ненависти къ Біанкѣ заключалась въ томъ, что венеціанка расплодила кругомъ себя безчисленное количество шпіоновъ. Всѣ они были у нея на жалованьи, исполняя должность доносчиковъ. Придворные отличались своей жестокостью и несправедливостью, дѣлали массу преступленій, и все это имъ сходило съ рукъ, благодаря снисходительности ихъ повелительницы.

Болѣе всѣхъ возбуждалъ ненависть братъ Біанки, Витторіо Капелло. Устроившись при флорентійскомъ дворѣ, онъ съумѣлъ расположить къ себѣ зятя, герцога Франческо, и сталъ заправлять всѣми государственными дѣлами, страшно гордился довѣріемъ къ нему герцога и на каждаго флорентійца смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Наконецъ, въ своей надменности онъ дошелъ до того, что забылъ должное уваженіе къ самому герцогу. Онъ безъ вѣдома послѣдняго сталъ награждать недостойныхъ людей, вымогая у гражданъ деньги, притѣснялъ честныхъ людей и дѣлалъ все, что хотѣлъ. Наконецъ, онъ дошелъ до послѣдней степени нахальства. Видя, что ему все сходитъ съ рукъ, Витторіо попросилъ у зятя три тысячи скуди въ займы. Герцогъ далъ ему письменный приказъ о выдачѣ этой суммы изъ казначейства. Витторіо, получивъ приказъ, передѣлалъ изъ цифры 3 т., 30 т. и предъявилъ казначею. Послѣдній, какъ опытный человѣкъ, видя подлогъ, не выдалъ денегъ, а записку представилъ герцогу Франческо. Низкій поступокъ шурина былъ открытъ. Но Капелло нетолько не раскаялся въ немъ, но даже въ присутствіи казначея, нагло отрицалъ подлогъ.

Герцогъ окончательно вышелъ изъ себя и рѣшилъ совсѣмъ уволить его отъ службы, предварительно переговоривъ съ женой. Хитрая Біанна нашла неудобнымъ на этотъ разъ отстаивать брата, также пришла въ сильное негодованіе и согласилась съ мужемъ, что провинившагося слѣдуетъ уволить отъ службы немедленно. Такимъ образомъ Витторіо Капелло пришлось черезъ три дня покинуть Флоренцію.

Пылая чувствомъ мщенія къ зятю и сестрѣ, Витторіо Капелло, возвратившись въ Венецію, сталъ употреблять всѣ свои старанія, чтобы поссорить Республику съ тосканскимъ герцогомъ и его женой. Почва для этого оказалась вполнѣ благопріятною. Венеціанцы были недовольны герцогомъ Франческо, разочаровавшись въ тѣхъ выгодахъ, которыхъ они ожидали отъ брака флорентійскаго

герцога съ Біанкой Капелло. Увольненіе Витторіо Капелло отъ службы, перетолкованное послѣднимъ сообразно его цѣлямъ, было принято гордыми венеціанцами, какъ знакъ оскорбленія и вообще разрушало ихъ планы, такъ какъ черезъ Капелло они знали все происходившее во Флоренціи. Въ виду всего этого, венеціанская знать возстала противъ герцога Франческо и даже старалась повредить его отношеніямъ къ испанскому королю.

Франческо и Біанка, въ свою очередь, возмутились противъ Республики и между обѣими партіями возникла сильная вражда. Таково было положеніе дѣлъ, когда герцогъ Феррары предложилъ венеціанскому дожу женить своего сына, дона Чезаре, на его племянницѣ, которую Республика превозгласила своей дочерью, съ той же торжественностью, какъ это было сдѣлано для Біанки Капелло. Хотя переговоры объ этомъ дѣлѣ велись съ чрезвычайной таинственностью, но великая герцогиня тосканская узнала о немъ. Чрезъ флорентійскаго резидента въ Венеціи Біанка представила сенату протестъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«Честь быть дочерью Республики,—писала великая герцогиня,—въ прежнее время такъ высоко цѣнилась, что достигнуть ея могли только коронованныя особы и принцессы, мужья которыхъ по рангамъ или могуществу стояли почти наравнѣ съ королями. Но какъ сильно падетъ этотъ титулъ, если жены князей, ничѣмъ не отличающіяся отъ простыхъ дворянъ, будутъ получать его!»

Далѣе Біанка говорила о вредѣ, нанесенномъ ся правамъ и достоинству, благодаря тому, что мужу ея, герцогу Франческо, было оказано мало уваженія, между тѣмъ, какъ великій герцогъ всегда былъ вѣрнымъ и почтительнымъ сыномъ Республики. И наконецъ, она заявляла, что не дружба и уваженіе заставили Республику пожаловать ей знакъ благоволенія, а жажда власти, ибо она, Біанка, узнала, что мужъ ея былъ оклеветанъ въ Испаніи венеціанскимъ посланникомъ.

Это письмо было прочитано въ Сенатѣ и возбудило всеобщій смѣхъ. Біанкѣ рѣшено было отвѣтить, что мать можетъ предписывать законы дочери, но никакъ не дочь матери. Хотя предполагаемый бракъ и не состоялся, но отношенія герцога Франческо къ венеціанской Республикѣ продолжали быть натянутыми. Ко всему этому флорентійскій герцогъ затѣялъ споръ съ Республикой по поводу взятія Санъ-Стефанскими галерами судна, что послужило къ увеличенію вражды, и венеціанская Республика окончательно отвернулась отъ великаго герцога Тосканы.

Между тѣмъ во Флоренціи стали говорить, что великая герцогиня, укрѣпившись физически, получила способность къ дѣторожденію и забеременѣла. Кардиналъ Фердинандъ не могъ забыть хитростей, употребленныхъ Біанкой для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей и заподозрилъ новый обманъ со стороны невѣстки, что послужило опять къ разладу его съ братомъ. Тутъ же кстати

умеръ и донъ Филиппо, законный наслѣдникъ престола, сынъ покойной герцогини Іоанны. Это послѣднее обстоятельство окончательно побудило кардинала Фердинанда позаботиться о томъ, чтобы не угасъ родъ Медичи. Желая предупредить новую продѣлку со стороны Біанки, онъ написалъ къ брату Пьетро, прося его вернуться во Флоренцію и жениться вторично; а такъ какъ донъ Пьетро отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, то кардиналъ задумалъ снять пурпуровую мантію и самъ жениться.

Опасенія кардинала еще болѣе усилились, когда братъ его, великій герцогъ Франческо, публично объявилъ своимъ законнымъ сыномъ донъ-Антоніо, подставленнаго Біанкой и, какъ было извѣстно всѣмъ, совершенно посторонняго человѣка, не состоявшаго ни въ какомъ родствѣ съ семействомъ де-Медичи. Герцогъ Франческо надѣлилъ Антоніо многими землями, частью конфискованными у обвиняемыхъ въ возмущеніи, частью купленными на казенныя деньги, и выхлопоталъ для него у короля испанскаго титулъ принца Капестрано, назначивъ Антоніо нѣмецкій конвой, такъ что всѣ во Флоренціи стали считать молодого принца наслѣдникомъ престола и вторымъ лицомъ въ государствѣ. Не трудно было угадать, что вся эта продѣлка была устроена Біанкой, которая въ импровизированномъ своемъ сынѣ думала имѣть поддержку въ случаѣ смерти герцога Франческо. Кардиналъ Фердинандъ, уже не стѣсняясь, сталъ открыто выказывать невѣсткѣ свое нерасположеніе. Но хитрая интриганка не желала явнаго разрыва съ кардиналомъ, а продолжала угождать ему еще болѣе прежняго, стараясь при каждомъ удобномъ случаю выказать ему свою преданность.

Въ то же самое время Біанка изощряла свое женское лукавство въ переговорахъ самаго оригинальнаго свойства. Какъ мы уже знаемъ, принцесса Фарнезе Пармская предназначалась въ жены дону Винченцо Гонзаго, сыну донъ Гульельмо, герцога Мантуанскаго. Послѣдній, возлагавшій на сыновей надежды по продленію рода своего, увидавъ будущую невѣстку, сталъ безпокоиться и усомнился въ ея способности быть матерью, такъ какъ принцесса была слабаго здоровья. Вслѣдствіе этого невѣсту, уже прибывшую въ Мантуу, отослали обратно въ Парму къ роднымъ.

Фарнезе крайне оскорбились такой неприличной выходкой и рѣшились отмстить принцу Мантуанскому, приписавъ ему тотъ же самый недостатокъ, въ которомъ была обвинена невѣста, т. е. въ неспособности къ обязанностямъ мужа. Между обѣими сторонами завязался ожесточенный споръ, возбудившій много толковъ при итальянскихъ дворахъ и послужившій матеріаломъ для сатирическихъ сочиненій. Герцогъ Мантуанскій просилъ папу разобрать это дѣло. Его святѣйшество поручилъ его кардиналу Баромео. Этотъ послѣдній, не желая обидѣть ни ту, ни другую сторону, убѣждалъ молодую принцессу поступить въ монастырь и тѣмъ по-

ложить конецъ пререканіямъ и избѣгнуть непріятнаго приговора. Тѣмъ временемъ Гульельмо Гонзаго искалъ для сына другой невѣсты и снова обратился съ предложеніемъ къ Элеонорѣ де-Медичи. Герцогъ Франческо торжествовалъ: онъ теперь имѣлъ возможность отмстить за дерзкое письмо, полученное имъ, какъ мы знаемъ, отъ герцога Мантуанскаго, когда шли первые переговоры по поводу сватовства дона Винченцо. Настроенный Біанкой, герцогъ отвѣчалъ, что охотно приметъ предложеніе, если сынъ герцога донъ Винченцо опровергнетъ взводимое на него семействомъ Фарнезе обвиненіе. «Женихъ,—писалъ Франческо,—долженъ доказать, что соединяетъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для хорошаго мужа». Напрасно кардиналъ Баромео и его товарищи старались увѣрить, что выраженное Фарнезе сомнѣніе было ничто иное, какъ вымыселъ, желаніе отмстить герцогу Мантуанскому—ничто не помогало. Франческо былъ непреклоненъ.

Несчастный юноша, сдѣлавшійся невольно притчей во языцѣхъ, донъ Винченцо, ни за что не соглашался подвергнуть себя этому унизительному испытанію. Біанка же настаивала на своемъ и, наконецъ, обратилась къ папѣ съ просьбой понудить герцога Мантуанскаго исполнить требованіе мужа. Папа, обсудивъ эту просьбу съ теологами и кардиналами, рѣшилъ назначить пробу, такъ какъ этого требовали интересы герцоговъ, но съ тѣмъ, чтобы эксперименты производились не въ пятницу.

Біанка нагло хвасталась, что съумѣла такъ ловко повести столь щекотливое дѣло. Такъ какъ требованіе герцога тосканскаго было исполнено и препятствіе къ свадьбѣ устранено, то бракъ принца Винченцо съ дочерью герцога Франческо Элеонорою и былъ торжественно совершонъ. Въ то же самое время дочь покойнаго герцога Козимо, отъ его второй жены Камиллы Марчеллы, принцесса Виржинія вышла замужъ за феррарскаго принца, донъ Цезаря д'Эсте. Такимъ образомъ домъ Медичи пріобрѣлъ новую силу, породнившись съ двумя владѣтельными принцами, что значительно улучшило положеніе флорентійскаго двора по отношенію къ внѣшней политикѣ.

Между тѣмъ разладъ Франческо съ братомъ усиливался. Министры герцога Франческо, Сергуиди и Аббіозо, креатуры Біанки, какъ нельзя болѣе способствовали враждѣ между герцогомъ Франческо и кардиналомъ Фердинандомъ, увѣряя герцога, что братъ его по своему чрезмѣрному честолюбію мечтаетъ только о власти. Отъ природы подозрительный и недовѣрчивый, какъ его покойный отецъ, герцогъ Франческо охотно вѣрилъ всѣмъ этимъ розсказнямъ, въ сущности исходившимъ отъ Біанки, и все болѣе и болѣе отдалялся отъ брата.

Таково было положеніе дѣлъ, когда донъ Пьетро пріѣхалъ изъ Италіи во Флоренцію. Въ его свитѣ находился нѣкто Довардъ,

человѣкъ фальшивый и наглый, пріобрѣтшій скоро дружбу министра Сергуиди, а съ нею вмѣстѣ, конечно, довѣріе герцога Франческо и его супруги. Этотъ хитрый испанецъ съумѣлъ еще болѣе усилить недовѣріе Франческо и Біанки къ кардиналу Фердинанду. Пріѣхавъ во Флоренцію къ свадьбѣ донны Виржиніи, кардиналъ былъ принятъ братомъ чрезвычайно холодно, что и побудило его тотчасъ же послѣ брака вернуться въ Римъ.

Не задолго до отъѣзда кардинала въ Римъ, по городу опять стали ходить слухи о беременности Біанки. На этотъ разъ Фердинандъ болѣе чѣмъ когда-нибудь сталъ опасаться обмана со стороны хитрой венеціанки, такъ какъ герцогъ Франческо и его придворные говорили съ полной увѣренностью о беременности великой герцогини. Поэтому, прежде чѣмъ уѣхать въ Римъ, онъ тайно поручилъ брату, донъ Пьетро, слѣдить за Біанкой. Пьетро охотно взялъ на себя это порученіе. Наблюдая за супругой брата, донъ Пьетро, не смотря на свою пустоту, видѣлъ во всѣхъ ея поступкахъ плутни и обманъ; всѣ дѣйствія Біанки внушали ему подозрѣнія, и онъ нерѣдко увлекался, впадалъ въ крайности и дѣлалъ не совсѣмъ основательныя заключенія. Когда изъ Болоньи во Флоренцію пріѣхала графиня Пелегрина Бентиволіо (дочь Біанки отъ перваго мужа Бонавентури), донъ Пьетро вообразилъ, что она имѣетъ намѣреніе помогать матери въ ея обманѣ. Вслѣдствіе такихъ соображеній онъ писалъ брату Фердинанду слѣдующее:

«Я недавно узналъ, изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, что Пелегрина беременна. Всѣ, конечно, это тщательно скрываютъ. Рѣшили удалить графа Улисса (мужа Пелегрины) и перевести беременную графиню во дворецъ. Мнѣ также удалось узнать, что комнаты, предназначенныя для графини, имѣютъ сообщеніе чрезъ витыя лѣстницы съ комнатами Біанки. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ является вполнѣ яснымъ намѣреніе этихъ женщинъ. Чтобы привести въ исполненіе свой планъ, онѣ распустили слухъ о болѣзни графини, вѣроятно для того, чтобы скрыть ея беременность. Но это обстоятельство еще болѣе подтвердило мои подозрѣнія. Желая прослѣдить до конца ихъ планъ, я все обдумалъ и вижу, что едва ли мнѣ удастся помѣшать осуществленію ихъ замысла. Въ виду беременности Пелегрины, они имѣютъ возможность привести свой планъ въ исполненіе. И не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что герцогъ охотно согласится объявить своимъ наслѣдникомъ ребенка родной дочери Біанки, чѣмъ кого-либо изъ своихъ родственниковъ».

Фердинандъ отвѣчалъ брату, что его подозрѣнія преувеличены.

«Беременность Пелегрины, — писалъ онъ, — для меня гораздо менѣе подозрительна, чѣмъ всякая другая; тутъ потребуется столько условій, какъ, напримѣръ, время, мѣсто, способъ, качества и число лицъ и т. д. Вообще объ этомъ тревожиться не стоитъ. Хотя я и

очень доволенъ вашими открытіями, но все-таки полагаю, что дѣло задумано иначе, а уловками, на которыя вы указываете, они хотятъ лишь отклонить всеобщее вниманіе. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ ищутъ беременную женщину въ народѣ».

Въ заключеніе кардиналъ совѣтовалъ Пьетро быть осмотрительнѣе, не увлекаться мелочами, чтобы не упустить изъ виду важнѣйшихъ обстоятельствъ.

Но всѣ эти благоразумные совѣты осторожнаго Фердинанда ровно ни къ чему не послужили. Донъ Пьетро не обладалъ въ достаточной степени ловкостью и тактомъ для того, чтобы скрыть свои намѣренія. Его продолжительное пребываніе при флорентійскомъ дворѣ уже возбуждало подозрѣнія. Кромѣ этого, онъ самъ себя выдалъ. Разъ, болтая съ прислугой, онъ сказалъ, что имѣетъ намѣреніе оставаться во Флоренціи до родовъ герцогини Біанки. Министръ Сергуиди тотчасъ же узналъ объ этомъ и поспѣшилъ сообщить герцогу Франческо и его супругѣ, которые догадались, что Пьетро слѣдитъ за ними по порученію кардинала Фердинанда. Съ этихъ поръ герцогъ Франческо и Біанка стали открыто высказывать Пьетро, что были бы очень довольны его отъѣздомъ изъ Флоренціи. Герцогъ окончательно лишилъ его всякой возможности бывать въ апартаментахъ Біанки и сталъ обращаться съ нимъ съ самой оскорбительной грубостью. Но, не смотря на все это, донъ Пьетро не уѣзжалъ и поспѣшилъ сообщить обо всемъ кардиналу, прося позволенія покинуть Флоренцію. Кардиналъ упрашивалъ его повременить нѣкоторое время, «такъ какъ истина, говорилъ онъ, должна скоро обнаружиться».

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, разъ утромъ, министръ Сергуиди явился къ донъ Пьетро и сообщилъ ему отъ имени великаго герцога Франческо, что получено изъ Генуи извѣстіе о приготовленіи нѣсколькихъ отличныхъ галеръ для отплытія въ Испанію и что этотъ случай для него, донъ Пьетро, самый благопріятный, и имъ слѣдуетъ воспользоваться. Наконецъ, герцогъ Франческо и его жена выразили желаніе, чтобы донъ Пьетро поскорѣе вернулся къ испанскому двору. Біанка даже пригласила донъ Пьетро къ себѣ и уговаривала воспользоваться удобнымъ случаемъ. Донъ Пьетро отвѣчалъ, что благодаритъ ихъ свѣтлость за совѣты, но не можетъ ими воспользоваться, ибо считаетъ своей обязанностью присутствовать при родахъ великой герцогини. Тогда Біанка, видя, что нѣтъ никакихъ средствъ избавиться отъ назойливости этого человѣка, объявила ему, что вопросъ о ея беременности еще не рѣшонъ, хотя и есть нѣкоторые признаки, но что они крайне преувеличены герцогомъ Франческо, что если она будетъ дѣйствительно беременна, то сообщитъ ему, Пьетро, объ этомъ первому, и въ томъ даетъ честное слово великой герцогини и венеціанской дворянки. Затѣмъ Біанка прибавила, что по всей вѣроятности бу-

деть въ состояніи положительно сказать, беременна она или нѣтъ, до праздника св. Іоанна, «потому что, говорила Біанка, я рѣшила принимать очистительныя лекарства, такъ какъ чувствую себя не совсѣмъ хорошо. Теперь пока мнѣ кажется, если я беременна,— добавила она,—то не болѣе трехъ мѣсяцевъ». Весь этотъ разговоръ донъ Пьетро поспѣшилъ сообщить въ Римъ брату Фердинанду, присовокупивъ, что Біанка очень перемѣнилась къ худшему.

Послѣ увѣренія Біанки, что она сообщитъ о своей беременности, донъ Пьетро нашелъ возможнымъ покинуть Флоренцію. Между тѣмъ герцогъ Франческо былъ вполнѣ увѣренъ въ беременности Біанки и даже не терпѣлъ, чтобы кто-нибудь выражалъ сомнѣніе по поводу этого обстоятельства. Онъ писалъ брату Фердинанду, чтобы тотъ пріѣзжалъ присутствовать при родахъ Біанки. На это кардиналъ отвѣчалъ ему, что готовъ пріѣхать, но лишь тогда, когда беременность будетъ несомнѣнно доказана. Герцогъ Франческо разсердился на брата и отвѣтилъ ему дерзкимъ письмомъ, въ которомъ пенялъ за его отказъ. «Я уже достаточно наслушался разныхъ толковъ,—писалъ Франческо,—относительно предметовъ ясныхъ, какъ день. Меня предупреждали, что вы не пріѣдете, но я хотѣлъ очистить мою совѣсть и пригласилъ васъ, но получилъ отказъ. Пришлите по крайней мѣрѣ кого-нибудь къ тому времени, когда Богу будетъ угодно помочь великой герцогинѣ счастливо разрѣшиться отъ бремени». Но кардиналъ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить въ беременность невѣстки и въ подобномъ духѣ отвѣчалъ своему брату.

Между тѣмъ Біанка, будто не зная о недоразумѣніяхъ, снова возникшихъ между братьями, постоянно писала кардиналу Фердинанду и увѣряла его въ своей преданности. Относительно же своей беременности выражала неувѣренность и слабую надежду. «Мнѣ было бы крайне прискорбно, — говорила она, — еслибы наши надежды не осуществились; хотя я и замѣчаю въ себѣ нѣкоторые признаки беременности, какъ, напримѣръ, движеніе плода, который уже достигъ довольно значительныхъ размѣровъ».

Другой разъ Біанка писала Фердинанду: «Мой господинъ, великій герцогъ, и я рѣшили позвать ученыхъ спеціалистовъ, чтобы они изслѣдовали меня и сказали свое мнѣніе. Одна акушерка, осмотрѣвъ меня, сказала, что я беременна; другая же утверждала, что нѣтъ. И каждая изъ нихъ научно доказывала свое мнѣніе. Все это очень насъ смутило, а меня въ особенности, потому-что я не могу лечиться, какъ этого требуетъ мое здоровье».

Выражая неувѣренность въ своей беременности, Біанка хотѣла усыпить бдительность надъ ней кардинала. Съ той же самой цѣлью она, какъ мы знаемъ, объявила донъ Пьетро, что сомнѣвается въ своей беременности и, если беременна, то не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Чтобы окончательно отклонить подозрѣніе въ кардиналѣ, что

она опять хочетъ продѣлать ту же хитрую комедію съ беременностью, которую уже разъ продѣлала, Біанка сама очень горячо упрашивала Фердинанда пріѣхать къ ея родамъ.

Но всѣ эти предосторожности и попытки отклонить подозрѣніе ровно ни къ чему не послужили. Біанка увидала, что за ней усиленно слѣдятъ и что второй разъ продѣлать фальшивые рѳды и взять чужого ребенка и выдать за своего—опасно. Въ виду такихъ соображеній, она, въ одно прекрасное утро, торжественно объявила, что всѣ признаки беременности исчезли, а увеличеніе живота происходило отъ болѣзни. Такъ и кончилась ничѣмъ эта новая попытка Біанки, и супругъ ея долженъ былъ разочароваться въ своихъ сладкихъ надеждахъ.

Герцогиня, конечно, не замедлила сообщить объ этомъ и въ Римъ. Вотъ что она писала кардиналу:—«Послѣ очистительнаго и піявокъ я почувствовала себя значительно лучше. Животъ мой, кажется, уменьшается. Мы скоро переѣзжаемъ въ Пратолино; тамъ должно окончиться мое леченіе и я надѣюсь поправиться, чего въ особенности желаю, чтобы постоянно имѣть возможность служить вамъ».

Тѣмъ не менѣе вражда между кардиналомъ и герцогомъ продолжалась, что было одной изъ главныхъ причинъ утраты вліянія и потери престижа обоихъ Медичи при римскомъ дворѣ; враги старались ихъ чернить при всякомъ удобномъ случаѣ. Папа Сикстъ V, тотъ самый, который получилъ тіару, благодаря вліянію кардинала де-Медичи, старался подорвать его авторитетъ. Тогда кардиналъ Фердинандъ увидѣлъ, что ради общихъ семейныхъ интересовъ необходимо примириться съ братомъ, великимъ герцогомъ тосканскимъ. Самой ловкой посредницей въ этомъ дѣлѣ кардиналъ считалъ Біанку. Хотя въ душѣ она глубоко ненавидѣла Фердинанда, но наружно всегда старалась поддерживать съ нимъ добрыя отношенія и нерѣдко оказывала ему услуги. Кардиналъ зналъ это и рѣшился написать невѣсткѣ письмо, въ которомъ, между прочимъ, была слѣдующая фраза:

«Я всегда любилъ и уважалъ вашу свѣтлость за всѣ ваши достоинства, а больше всего за ваше умѣнье поддерживать хорошія семейныя отношенія». Далѣе, указавъ на всю невыгоду семейнаго разлада, кардиналъ просилъ Біанку способствовать примиренію его съ братомъ.

Біанка, въ головѣ которой давно уже созрѣлъ адскій планъ по отношенію къ ея ненавистному врагу, Фердинанду де-Медичи, горячо взялась за это дѣло. Она тотчасъ же поспѣшила отвѣтить кардиналу, что съ особеннымъ удовольствіемъ готова исполнить его желаніе. «Вы можете быть увѣрены, ваше высочество, — писала хитрая интриганка,—что я днемъ и ночью мечтаю лишь объ одномъ (пусть Богъ не дастъ мнѣ радости въ жизни, если

Женоубійца.

Дозв. ценз. спб., 21 марта 1890 г.

это не такъ), чтобы между вами и моимъ мужемъ была постоянная братская любовь, чтобы рана вражды закрылась окончательно, чтобы она не только не гноилась, но послѣ нея не оставалось бы даже и слѣдовъ».

Затѣмъ Біанка пустила въ ходъ всю свою ловкость, повліяла на мужа и достигла цѣли. Герцогъ Франческо поручилъ ей написать брату, что онъ готовъ съ нимъ помириться. Въ то же самое время кардиналу была послана крупная сумма денегъ, въ которой онъ давно нуждался. Фердинандъ горячо благодарилъ Біанку и обѣщалъ пріѣхать во Флоренцію будущей осенью. И дѣйствительно, въ октябрѣ 1587 года, кардиналъ пріѣхалъ въ столицу Тосканы и былъ принятъ братомъ и его женой истинно по родственному.

Съ этихъ поръ между братьями Медичи, повидимому, состоялось полное примиреніе. Герцогъ Франческо умолялъ Фердинанда простить ему его рѣзкость и далъ торжественное обѣщаніе изгладить изъ памяти подозрѣнія, внушенныя ему его фаворитами. Фердинандъ благодарилъ герцога и въ свою очередь увѣрялъ его, что онъ его лучшій другъ.

Такимъ образомъ между кардиналомъ, герцогомъ Франческо и его женой установилась самая тѣснѣйшая дружба. Вскорѣ дворъ отправился въ Поджіо, гдѣ осенью всегда устроивалась великолѣпная охота. Здѣсь Біанка употребляла всѣ усилія, чтобы доставить удовольствіе дорогому гостю. Охоты, балы, банкеты, кавалькады и проч. устроивались безпрерывно. Между тѣмъ адскій планъ уже вполнѣ созрѣлъ въ головѣ мстительной венеціанки.

Въ одинъ прекрасный полдень, когда трое друзей шли завтракать, Біанка рекомендовала кардиналу обратить вниманіе на великолѣпный тортъ, красовавшійся среди другихъ блюдъ на столѣ. Любезная герцогиня объявила, что тортъ этотъ приготовленъ ея руками для дорогого гостя, и просила Фердинанда сдѣлать ей честь попробовать ея стряпни. Догадался ли кардиналъ, что тортъ, приготовленный Біанкой, не совсѣмъ удобенъ для пищеваренія, или нѣтъ,—исторія умалчиваетъ, но дѣло въ томъ, что онъ почтительно отказался первый пробовать тортъ. Великій герцогъ Франческо, ничего не подозрѣвая, объявилъ, что готовъ показать примѣръ, и съ этими словами взялъ кусокъ торта и съѣлъ. Біанка, при всемъ своемъ умѣньи владѣть собою, затрепетала. Тортъ, приготовленный ею, дѣйствительно не особенно былъ полезенъ для желудка, потому что въ немъ заключался ядъ. Считая смерть мужа неминуемой, и не желая попасть въ зависимость къ своему страшному врагу—Біанка предпочла умереть и также съѣла кусокъ торта. Отъ кардинала не ускользнулъ трепетъ герцогини и онъ отказался попробовать пирожнаго, приготовленнаго руками ея свѣтлости.

На другой день, великій герцогъ Франческо де-Медичи и его супруга Біанка скончались. Фердинандъ сбросилъ кардинальскую пурпуровую мантію и надѣлъ корону великаго герцога Тосканскаго. Брату Франческо онъ устроилъ пышныя похороны. Тѣло же герцогини Біанки было перенесено во Флоренцію и поставлено въ церкви св. Лоренцо, въ сакристіи. Когда спросили Фердинанда, слѣдуетъ ли выставить тѣло покойной герцогини съ короной на головѣ,—онъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ?—она и такъ долго носила корону.

Далѣе на вопросъ, гдѣ хоронить Біанку, герцогъ сказалъ:

— Хороните, гдѣ хотите, только не тамъ, гдѣ наши могилы.

Вслѣдствіе такихъ приказаній новаго·герцога, Біанку похоронили вдали отъ склепа св. Лоренцо. Затѣмъ, велѣно было снять со всѣхъ зданій гербъ Капелло и замѣнить его гербомъ Іоанны Австрійской.

Исторія убійцы прелестной герцогини Изабеллы также весьма плачевна. Совершивъ страшное преступленіе, Паоло Джіордано вернулся въ Римъ и въ объятіяхъ своей очаровательной Виржиніи Аккорамбони Перетти забылъ весь міръ. Здѣсь необходимо замѣтить, что любовница Орсини была женою Франческо Перетти, племянника кардинала Монтальдо, впослѣдстіи папы Сикста V-го. Современные историки говорятъ, что Виржинія была одною изъ самыхъ обворожительнѣйшихъ женщинъ своей эпохи и возбуждала всеобщій восторгъ; въ особенности къ ней былъ неравнодушенъ кардиналъ Фарнезе, личность чрезвычайно вліятельная. Но такъ какъ Фарнезе имѣлъ болѣе шестидесяти лѣтъ, то и не могъ получить взаимности со стороны прекрасной Виржиніи, а равно и возбудить ревность въ ея любовникѣ. Получивъ право путемъ убійства вновь сочетаться бракомъ, Паоло Джіордано уже не довольствовался прежними отношеніями къ Виржиніи и рѣшилъ покончить съ ея мужемъ Перетти, стѣснявшимъ его свободную любовь.

Нанявъ шайку головорѣзовъ, онъ поручилъ имъ убить Перетти. Злодѣи въ точности исполнили возложенное на нихъ порученіе. Когда, ночью, ничего не подозрѣвавшій Перетти возвращался домой съ веселаго ужина, они подкараулили его и убили. Преступленіе, разумѣется, надѣлало много шума въ Римѣ, всѣ заподозрѣли Паоло Джіордано и его любовницу, которыхъ и посадили въ замокъ св. Ангела, какъ обвиняемыхъ въ предумышленномъ убійствѣ Перетти, но, по недостатку явныхъ уликъ, вскорѣ выпустили, освободивъ отъ суда и слѣдствія. Едва выпущенный изъ тюрьмы, Паоло Джіордано, задумалъ жениться на вдовѣ Перетти. Но этому болѣе всѣхъ воспротивился кардиналъ, Фердинандъ Медичи, бывшій въ то время въ Римѣ, объявляя такой бракъ не благовиднымъ для своего зятя, который какъ бы принималъ на себя тяжесть обвиненія въ убійствѣ, открывшомъ ему путь къ желанному союзу.

Фердинандъ горячо возставалъ противъ намѣренія Паоло Джіордано и даже обратился къ папѣ Григорію съ просьбой запретить бракъ, что папою Григоріемъ и было исполнено. Но онъ вскорѣ умеръ, и на папскій престолъ былъ избранъ дядя убитаго Перетти, кардиналъ Монтальто, подъ именемъ Сикста V-го.

Паоло Джіордано хорошо понималъ, что новый папа не оставитъ неотмщенной смерть своего племянника, тѣмъ не менѣе рѣшился представиться Сиксту V-му, поздравить его съ восшествіемъ на престолъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, показать насколько чиста его совѣсть, по отношенію взводимаго на него преступленія. Его святѣйшество принялъ герцога весьма любезно и сказалъ:

— Можете быть увѣрены, что папѣ Сиксту V-му не подобаетъ мстить за обиды, причиненныя кардиналу Монтальто. Тѣмъ не менѣе, я бы совѣтовалъ вамъ быть осторожнѣе въ вашихъ дѣйствіяхъ, чтобы васъ не причислили къ разряду наемныхъ убійцъ и бандитовъ; такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ уже не кардиналу Монтальто, а папѣ Сиксту V-му, пришлось бы вмѣшаться въ дѣло, и не только увѣщевать васъ, но и наказать.

Изъ этихъ словъ страшнаго Сикста V-го Паоло Джіордано увидалъ, что ему нельзя ждать пощады отъ его святѣйшества и поспѣшилъ убраться изъ папскихъ владѣній, предварительно сочетавшись бракомъ съ Виржиніей, вдовою Перетти. Герцогъ Браччіано съ своей молодой женой скрылись въ венеціанскую республику, сначала пріѣхали въ Падую, а оттуда въ Салò, на берегъ озера Гарди. Здѣсь, въ этомъ уединеніи, герцогъ Браччіано считалъ себя вполнѣ безопаснымъ. Но онъ ошибся: мстительная рука страшнаго Сикста V-го и тамъ его нашла. Паоло Джіордано, въ одинъ прекрасный день, внезапно умеръ, какъ современники утверждали, отъ яда. Умирая, герцогъ Браччіано, имѣлъ время закрѣпить всѣ свои имѣнія и богатства за своей женой Виржиніей. Людовикъ Орсини, не признавая завѣщанія покойнаго, предъявилъ свои права на наслѣдство, и между нимъ и герцогиней Виржиніей возникла самая отчаянная борьба. Процессъ еще длился, когда Виржинія переѣхала съ двумя братьями своего перваго мужа въ Падую.

Ночью, 22-го октября 1585 года, Людовикъ Орсини (какъ утверждали, съ разрѣшенія папы) окружилъ съ сорока бандитами домъ герцогини Браччіано и ворвался въ комнаты. Первый палъ подъ ножами убійцъ Фламиній Перетти, потомъ злодѣи чрезъ его трупъ проникли въ спальню къ Виржиніи. Несчастная женщина, услыхавъ шумъ, вскочила въ одномъ бѣльѣ съ кровати и, увидавъ разбойниковъ, въ рукахъ которыхъ блестѣли обнаженные стилеты, вскричала:

— Ради неба прошу объ одномъ: дать мнѣ время помолиться о спасеніи души.

Въ отвѣтъ на эту просьбу одинъ изъ злодѣевъ погрузилъ стилетъ въ лѣвый бокъ молодой женщины и съ ужасающимъ цинизмомъ, издѣваясь надъ умирающей, спрашивалъ ее, хорошо ли онъ ей проткнулъ сердце.

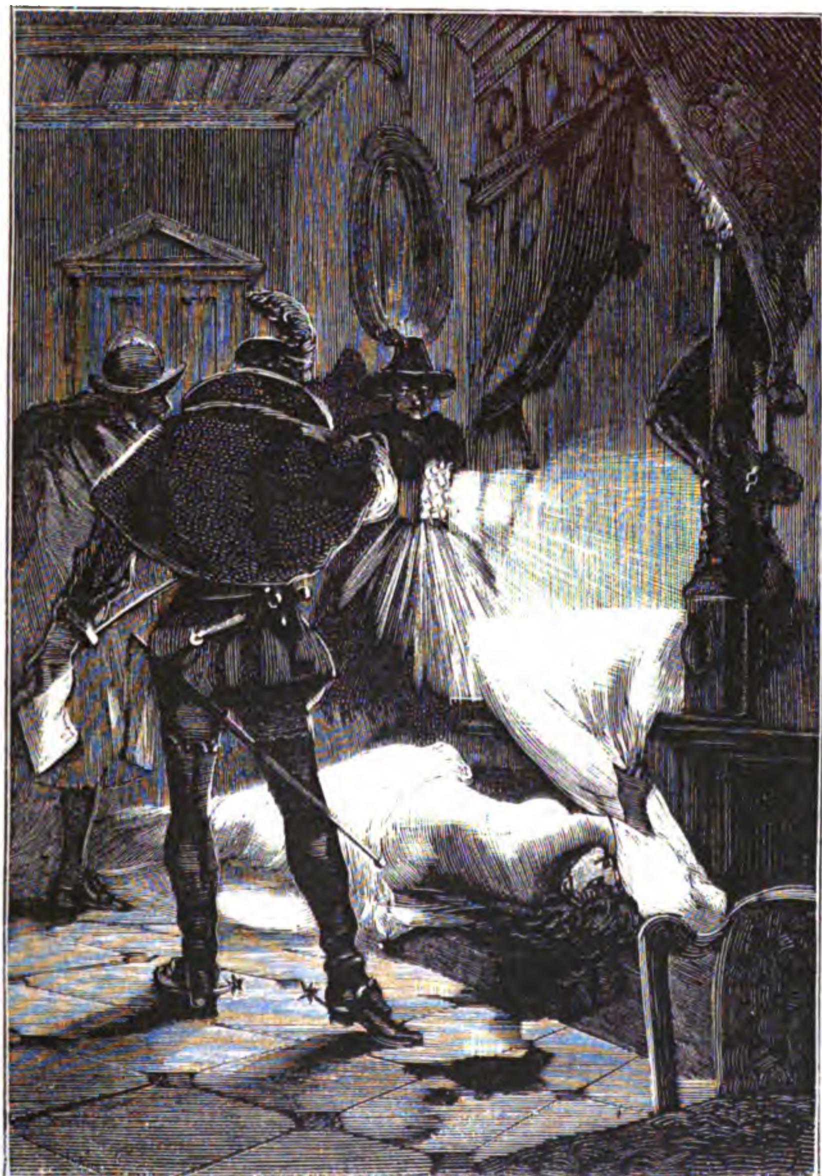
На другой день весь городъ Падуа взволновался, узнавъ объ этомъ страшномъ преступленіи. Тотчасъ же отдано было приказаніе запереть всѣ ворота, никого не выпускать изъ города, объѣхать всѣ дома и непремѣнно поймать убійцу. Изъ Венеціи по этому случаю пріѣхалъ государственный инквизиторъ Брагадино для производства самаго строжайшаго слѣдствія. Вскорѣ оказалось, что убійцей герцогини Браччіано былъ Людовикъ Орсини. Къ большому удовольствію слѣдователей, злодѣй еще не успѣлъ убѣжать изъ города и заперся въ одномъ изъ каменныхъ домовъ. Тщетно его убѣждали сдаться, убійца отвѣчалъ угрозами и такъ барикадировалъ свое убѣжище, что взять его не было никакой возможности. Наконецъ прибѣгли къ помощи пушекъ, разрушили стѣны и Людовика Орсини арестовали. Такъ какъ въ его преступленіи нельзя было сомнѣваться, да и самъ обвиняемый его не отрицалъ, то по приводѣ убійцы въ тюрьму ему дали три часа для написанія письма къ женѣ, а потомъ задушили. Троило Орсини также умеръ насильственной смертью. Избѣгнувъ мести своего двоюроднаго брата, Паоло Джіордано, бѣгствомъ изъ Флоренціи послѣ убійства Изабеллы, онъ имѣлъ намѣреніе скрыться во Франціи; но посланные ему въ слѣдъ бандиты Франческо де-Медичи настигли его и убили.

Въ то время постоянно разыгрывались подобныя трагедіи.

Историческая замѣтка къ І-й главѣ.

Основаніе средневѣковыхъ княжествъ.

Основаніе власти дома Медичи надъ флорентійской республикой относится къ началу XV столѣтія. Въ эту эпоху всѣ старинныя итальянскія республики преобразовались въ княжества. Республиканское правленіе сохранилось еще во Флоренціи, но и тамъ уже оно не имѣло стойкаго и рѣшительнаго характера. Народная власть не была въ рукахъ выборныхъ судей, она перешла къ богатымъ и вліятельнымъ людямъ, выказавшимъ опытность и ловкость въ общественныхъ дѣлахъ. Въ то время, какъ эти люди поочередно одерживали верхъ одинъ надъ другимъ, ссылая другъ друга въ изгнаніе, флорентійская республика тоже переходила отъ одной семьи къ другой. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одна семья, болѣе искусная, не съумѣла упрочить за собой власть. Съ этой минуты дни флорентійской республики были сочтены. Ари-

Убійство герцогини Вирҗиніи Орсини.

Дозв. ценз. спб., 21 марта 1890 г.

стократическая партія, во главѣ которой стояло семейство Альбицци, господствовала во Флоренціи болѣе полустолѣтія. Въ продолженіе всего этого времени нетолько охранялась внѣшняя независимость республики, но свято чтилась и свобода гражданъ, такъ какъ вожди, смѣнявшіе другъ друга, управляя страной, не переставали быть простыми гражданами, не присвоивая себѣ абсолютной власти.

Въ 1434 году эта партія была изгнана и выбранъ Козимо де-Медичи, главный противникъ Альбицци, что и пошатнуло снова республиканское правленіе. Партія Медичи называлась народной партіей. На ея тріумфъ смотрѣли, какъ на побѣду демократіи надъ аристократіей. Но именно это и оказалось опаснымъ для свободы и равенства гражданъ. Чѣмъ скромнѣе было положеніе приверженцевъ Медичи, тѣмъ болѣе пріобрѣталъ онъ надъ ними власти, благодаря своимъ несмѣтнымъ богатствамъ и славѣ, которой пользовался. Этимъ путемъ семейство Медичи стало быстро приближаться къ тосканскому трону и чрезъ столѣтіе овладѣло имъ окончательно. Авторитетъ, пріобрѣтенный Козимо Медичи во Флоренціи, уподоблялся княжеской власти. Хотя въ странѣ еще господствовало старинное республиканское правленіе, но Козимо пользовался такимъ громаднымъ вліяніемъ, что все дѣлалось по его желанію.

Этотъ флорентійскій купецъ, добившись апогея власти, не бросилъ торговли, унаслѣдованной имъ отъ предковъ. Козимо Медичи, кромѣ своихъ комерческихъ способностей, былъ знатокомъ въ искусствахъ и обладалъ большими философскими свѣдѣніями. Не смотря на свое могущество и громадное богатство, онъ велъ жизнь простого гражданина, не тратилъ денегъ на наемъ войска, не старался ослѣпить гражданъ великолѣпіемъ своего дома, а покровительствовалъ искусствамъ, наукѣ, индустріи, земледѣлію, учредилъ публичныя библіотеки, былъ щедръ для всѣхъ знаменитостей и воздвигнутыми монументами увѣковѣчилъ себя. Козимо Медичи былъ тонкимъ знатокомъ человѣческой натуры и самымъ искуснымъ политикомъ. Но не высшія стремленія, а честолюбіе руководило его политическими соображеніями. Желая упрочить могущество свое и своей семьи, онъ мало-по-малу разрушилъ основы республиканскаго правленія. Наружно Флоренція оставалась свободною, но на самомъ дѣлѣ была въ рукахъ нѣсколькихъ горожанъ, приверженцевъ Медичи. Чтобы поработить своихъ враговъ, Медичи нападалъ на нихъ, не боясь нарушать законы. Такимъ путемъ ему удалось совершенно упрочить свою власть.

Въ продолженіе тридцати лѣтъ Козимо былъ главой, но не господиномъ флорентійской республики. Онъ управлялъ не приказаніями, а совѣтами. А такъ какъ по своему авторитету онъ стоялъ выше всѣхъ гражданъ, то совѣты его принимались безу-

словно. На свой собственный счетъ онъ обогатилъ родину церквами, монастырями и другими публичными зданіями, образцами самой роскошной архитектуры. Козимо Медичи умеръ въ своей виллѣ Корреджіо, 1-го августа, 1464 года. Флоренція осталась ему благодарною, воздвигнувъ памятникъ съ надписью: «Отцу родины» (Padre della patria).

Его сынъ, Пьетро де-Медичи, человѣкъ ограниченнаго ума и слабаго здоровья, возъимѣлъ намѣреніе сдѣлаться главой республики, по примѣру отца. Авторитетныя лица Флоренціи не оказывали ему уваженія, какъ покойному его отцу, но подкупленная чернь вся была на сторонѣ Пьетро де-Медичи. Поборники свободы скоро увидали, что повиновеніе уже вошло въ привычку флорентійцевъ и численность не на ихъ сторонѣ. Въ силу этихъ причинъ Пьетро де-Медичи сдѣлался наслѣдникомъ отцовской власти, хотя и пользовался ею далеко не такъ осмотрительно, какъ покойный.

Въ это время Галенца Маріо Сфорца, по смерти отца своего Франческо, овладѣвшій безъ всякихъ пререканій миланскимъ герцогствомъ въ мартѣ 1466 года, послалъ во Флоренцію пословъ, чтобы потребовать отъ дворянства продолженія союзнаго договора и годовой субсидіи, которую флорентійцы платили его отцу. Это обстоятельство послужило поводомъ къ открытой размолвкѣ между Пьетро де-Медичи и сторонниками флорентійской свободы. Пьетро желалъ исполнить просьбу Сфорцы, а его противники не соглашались не это. Между обѣими сторонами возникла упорная борьба и партія Медичи уже была готова побѣдить, какъ поборники свободы, желая поддержать народныя права, прибѣгли къ заговору. Николò Содерини, блюститель правосудія, собралъ триста нѣмецкихъ кавалеристовъ, съ цѣлію напасть на Пьетро въ его дворцѣ и выгнать его изъ города; въ то же время Содерини заключилъ союзъ съ Эсте и тотъ обѣщалъ ему дать въ поддержку тысячу триста кавалеристовъ. Пьетро де-Медичи извѣстили о заговорѣ, онъ вооружилъ своихъ приверженцевъ, и дѣло дошло было до схватки, но вмѣшательство судей прекратило распрю и между противниками заключено было перемиріе. Пьетро де-Медичи воспользовался этимъ временемъ и, чтобы упрочить свою власть, предложилъ учредить полновластную коллегію, которая состояла, разумѣется, изъ его же приверженцевъ. Коллегія была учреждена и прежде всего постановила: прекратить на десять лѣтъ до сего времени практиковавшееся избраніе судей и замѣнить его выборными по произволу господствующей партіи Медичи. Тогда защитники свободы, предвидя жестокую расправу враговъ, добившихся верховной власти, поспѣшили убѣжать изъ города. Вся Италія переполнилась флорентійскими переселенцами, большая часть которыхъ отправилась въ Венецію искать покровительства республики, въ виду того, что эмигранты пострадали за

свободу. Венеціанцы не рѣшились открыто защищать ихъ, но отпустили своего capitano generale, Бартоломео Колеони ди-Бергамо, для того чтобы флорентійскіе выходцы могли его избрать своимъ предводителемъ. Флорентійскіе эмигранты всѣ были очень богаты и не жалѣли денегъ на военные расходы. Кромѣ Колеони ди-Бергамо, избраннаго главнымъ вождемъ предпріятія, они наняли и другихъ храбрыхъ командировъ: Эрколе д'Эсте, брата герцога Феррары, Марко Піо, владѣльца Карпи, Галеотто Пико, владѣльца Мирандоли, и Пиподельи Арделафи, владѣльца Форни.

Бартолемео Колеони съ войскомъ флорентійскихъ изгнанниковъ перешелъ рѣку По, 10-го мая 1467 года, и проникъ въ територію Имола, имѣя намѣреніе войти въ Тоскану со стороны Романьи. Медичи выслали противъ него извѣстнаго своими военными способностями капитана Фридриха Монтефельтро. Между тѣмъ молодой миланскій герцогъ Галеаццо Сфорца поспѣшилъ явиться на помощь флорентійцамъ, чтобы торжественно доказать свою вѣрность старинной дружбѣ и союзу его отца съ Медичи. Но военный флорентійскій совѣтъ десяти, не довѣряя боевымъ способностямъ герцога, старался занять его празднествами, предоставивъ Монтефельтро дѣйствовать самостоятельно. Враги сразились 25-го іюля того же 1467 года. Въ этотъ день первый разъ была употреблена въ дѣло легкая артилерія, сослужившая кровавую службу жестокимъ опустошеніемъ въ обоихъ отрядахъ, что и побудило начальниковъ того и другого отступить; нѣсколько дней спустя начались переговоры о мирѣ.

Флорентійскіе эмигранты, истративъ всѣ деньги на военные расходы, не могли продолжать войны и принуждены были принять невыгодныя для нихъ условія мира. Правительство Медичи не только не отдало имъ конфискованныхъ имѣній и не дозволило возвратиться въ покинутое ими отечество, но, напротивъ, еще усилило деспотизмъ и при помощи казней и всякихъ суровыхъ мѣръ окончательно утвердило свою власть и старинная любовь флорентійцевъ къ свободѣ была уничтожена. Между тѣмъ въ декабрѣ 1469 года Пьетро де-Медичи скончался. Старые республиканцы, посѣдѣвшіе на государственной службѣ, не воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ и не сдѣлали никакой попытки къ революціи. Они были солидарны съ приверженцами несовершеннолѣтнихъ двухъ сыновей покойнаго Пьетро Медичи. Такимъ образомъ вся страна управлялась извѣстной партіей семейства Медичи.

Молодой Лоренцо Медичи, скромно довольствуясь почетомъ, оказаннымъ ему республикой въ продолженіе многихъ лѣтъ не искалъ власти. Народу время отъ времени устроивались празднества. Въ особенности торжество было велико по случаю пріѣзда во Флоренцію миланскаго герцога Галеаццо Сфорца съ его супру-

гой Бона ди-Савайа. Хроникеры говорятъ, что ничего подобнаго флорентійцы не могли запомнить. Герцогская свита состояла изъ двухъ тысячъ кавалеристовъ; двѣсти тысячъ флориновъ золотомъ были назначены герцогомъ Галеаццо для этого замѣчательнаго торжества.

Молодые Медичи вообще давали собой весьма дурной примѣръ, пріучая народъ къ удовольствіямъ и роскоши. Флорентійцы, отличавшіеся всегда своей простотой и любовью къ труду, сдѣлались легкомысленны, предпочитали удовольствія политической борьбѣ за свободу. Во все продолженіе времени господства партіи Медичи было лишь два случая со стороны гражданъ сбросить ненавистное иго. Нѣкто Бернардино Норди, молодой, храбрый эмигрантъ, сдѣлалъ попытку къ возстанію, занявъ въ 1470 году сосѣдній съ Флоренціей городъ Прато; но предпріятіе не удалось, Норди и его сообщники были побѣждены и поплатились жизнью за свой смѣлый шагъ. Два года спустя вспыхнуло возстаніе въ Вольтерра, но также было потушено въ самомъ его зародышѣ.

Между тѣмъ сыновья покойнаго Пьетро Медичи, Лоренцо и Джіуліано, подросли и приняли власть надъ республикой. Мало-помалу народъ лишался своихъ старинныхъ правъ и, наконецъ, подпалъ подъ иго централизаціи и абсолютизма. Въ эту эпоху флорентіецъ Пацци, другъ свободы и старинныхъ правъ гражданъ, составилъ заговоръ подъ покровительствомъ папы Сикста IV-го, преемника Павла II. Заговорщики, среди которыхъ были кардиналъ Ріаріо, племянникъ папы, и Францискъ Сальвіати, архиепископъ Пизы, рѣшили убить обоихъ братьевъ Медичи, Лоренцо и Джіуліано, въ церкви святого Лоренцо во время обѣдни. Было условлено такимъ образомъ: когда священникъ обратится къ молящимся со святыми дарами и всѣ падутъ ницъ, заколоть кинжалами обоихъ братьевъ Медичи. Но и это дѣло не удалось. Братья Медичи были ранены, а не убиты. Народъ растерзалъ многихъ заговорщиковъ тутъ же, на мѣстѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ поймали и казнили и лишь весьма незначительная часть успѣла скрыться. Главные же заговорщики: Францискъ Пацци, архіепископъ Сальвати и многіе другіе были повѣшены на окнахъ публичнаго палаццо (publico palazzo), въ 1478 году.

Лоренцо Медичи, уничтоживъ республиканскую добродѣтель, пріучилъ флорентійскихъ гражданъ къ игу деспотизма, искусно убраннаго розами. Онъ былъ замѣчательно образованъ, обладалъ способностями литератора и поэта, протежировалъ наукамъ и искусствамъ и съумѣлъ дать необыкновенный блескъ двору, за что и названъ «Magnifico». Въ 1492 году, онъ умеръ въ своей виллѣ Кореджи. Ему наслѣдовалъ его сынъ Пьетро, юноша легкомысленный, не обладавшій достоинствами своего покойнаго отца. Пьетро заключилъ союзъ съ неаполитанскимъ королемъ, въ силу котораго дол-

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Ардашевъ, Н. Регламентъ вотчинной коллегіи. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Астафьевъ, В. Примѣненіе таблицъ Томсона къ рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ мореходной астрономіи. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Бадеръ, В. А. Новость: паровая машина безъ котла, съ моментальнымъ парообразованіемъ. М. 1890 г. Ц. 60 к.

Библіотека графа С. Д. Шереметева. Т. I. Собранія Волчановское (В) и В. С. Шереметева (В. С.) въ селѣ Михайловскомъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Бобровскій, П. Къ біографіи М. К. Бобровскаго (славянскаго филолога оріенталиста). Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Брандтъ, Э., проф. Животные паразиты домашнихъ млекопитающихъ и птицъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлокуровъ, С. А. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Матеріалы, извлечен. изъ москов. главнаго архива м-ва иностран. дѣлъ. Вып. I-й. 1578—1613 гг. М. 1889 г. Ц. 3 р.

Валуевъ, Ѳ. Практическое руководство желѣзнодорожнаго дѣла. Выпускъ I-й. Администрація. Движеніе. Сигналы. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

Васильевъ, С. Драматическіе характеры. Комедія „Горе отъ ума“. Софья. Москва. 1890 г. Ц. 1 р.

Веберъ, К. Винокуренное производство. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Виддернъ-фонъ. Ночной бой въ полѣ и въ районѣ крѣпостей. Перев. съ нѣмецкаго, просмотрѣнный ген.-маіоромъ Пузыревскимъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Викторъ Гюго и его время. Перев. съ франц., съ предисловіемъ проф. Н. И. Стороженко. Изд. 2-е. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вильчинскій, О. Древнѣйшія каменныя орудія въ Европѣ. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Виреніусъ, А. Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ. (Корь, скарлатина, оспа, дифтеритъ, тифъ, коклюшъ, свинка и др.). 2-е исправлен. и дополн. изданіе Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Gouguenheim, A. и Lermoyez. Физіологія голоса и пѣнія и гигіена пѣвца. М. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Даллэ, Г. Предсказаніе погоды. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Даниловъ, П. Положеніе о сельскомъ состояніи, дополненное всѣми позднѣйшими узаконеніями (по 1-е мая 1890 г.) съ разъясняющими ихъ извлеченіями изъ рѣшеній Прав. Сената, циркуляровъ мин. внутр. дѣлъ и друг. правит. распоряж. Часть II. Изд. 2-е исправлен. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Двойная бухгалтерія въ популярныхъ очеркахъ. Выпускъ I. Изданіе журнала „Счетоводъ“. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Дюмонтейль, Ф. Странные цвѣты и растенія. Общепонятные и научно-образовательные разсказы. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Варлаама, Хутынскаго новгородскаго чудотворца. Спб. 1890 г. Ц. 10 к.

Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи № 9. Симферополь. 1890 г. Ц. 1 р.

Интеллигенція, какъ категорія капиталистическаго строя. Казань. 1890 г. Ц. 35 к.

*) **Карамзинъ, Н. М.** Повѣсти. Изданіе 6-е („Дешевая Библіотека“). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.

Каро, Як. Беата и Гальшка. Историческій разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. Кіевъ. 1890 г. Ц. 60 к.

Карцовъ, А. С. Мое хозяйство въ Черноморскомъ округѣ. Въ связи съ другими вопросами. Вильно. 1890 г. Ц. 1 р.

Каталогъ пособій при преподаваніи географіи. Состав. спеціальн. коммис. подъ предсѣдательствомъ С. П. Меча. М. 1890 г. Ц. 20 к.

Klimke, A. Руководство живописи по фарфору. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Клитинъ, А. Наше время и самоубійство. Кіевъ. 1890 г. Ц. 25 к.

Коноваловъ, М. Н. Нафтены, гексагидробензолы и ихъ производныя. Тверь. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кояловичъ, М., проф. Разборъ сочиненія П. О. Бобровскаго: „Русская грекоуніатская церковь въ царствованіе императора Александра I". Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Лаврскій, А. Элементарный курсъ зоологіи. Вып. I. Казань. 1890 г. Ц. 2 р.

Лебедевъ, А. Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Маевскій, П. Ключъ къ опредѣленію древесныхъ растеній по листвѣ. Для средней, юго-западной и западной Россіи. М. 1890 г. Ц. 75 к.

Макавѣевъ, А. Курсъ геометрическаго черченія. Вып. 2-й. Отд. III. Съ атласомъ таблицъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Макшеевъ, А. Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Масловичъ, В. Г. Сказки про Харька, основателя Харькова, про его дочь Ганку и батрака Якива. Харьковъ. 1890 г. Ц. 25 к.

Международная тюремная выставка. Прогулка по Михайловскому манежу. Спб. 1890 г. Ц. 10 к.

Мельниковъ, Н. Парижская выставка 1890 г. Техническія письма. Одесса. 1890 г. Ц. 2 р.

Моралевъ, Н. Краткое изложеніе полеводства, огородничества и садоводства. Казань. 1890 г. Ц. 85 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Издан. А. Гарбель и К°. Вып. I. М. 1890 г. Ц. за вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Нимейнеръ, д-ръ. Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Охотинъ, М. А., д-ръ. Введеніе къ изученію экзотическихъ болѣзней. (Опытъ изложенія основъ климато-и-этнопатологіи). Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 10 к.

Паргаминъ, М. Н., вр. Половая жизнь и анализъ средствъ, способствующихъ зачатію. Кіевъ. 1890 г. Ц. 60 к.

*) **Пешель, Оскаръ.** Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. Э. Ю. Петри, съ 6-го изданія дополненнаго Киргоффомъ. Спб. 1890 г. Ц. 4 р.

Помощь самообразованія. Сборникъ публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ. Выпускъ I. Саратовъ. 1889 г. Ц. 2 р. 20 к.

Рачинскій, Н., д-ръ мед. О примѣненіи гапсальскихъ грязевыхъ ваннъ на основаніи физіологическихъ данныхъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е марта 1890 г. Спб. Ц. 50 к.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по европ. границѣ за время съ 1-го января до 1-е апрѣля 1890 г. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Селифонтовъ, Н. Родословная Селифонтовыхъ и Румянцевыхъ. Для друзей. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Скворцовъ, И., проф. Основныя задачи воспитанія. М. 1890 г. Ц. 40 к.

— Гигіена воспитанія. М. 1890 г. Ц. 60 к.

Смирнова, С. С. Огонекъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Вышли части I и II („Семейная Библіотека», изд. А. Чудиновымъ, №№ 5 и 6). Цѣна каждому № 25 к.

Сондерманъ. Мазепа. Историческій романъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Спутникъ москвича. Путеводитель по Москвѣ и окрестностямъ. М. 1890 г. Ц. 65 к.

Струве, Г. Введеніе въ философію. Разборъ основныхъ началъ философіи вообще. Варшава. 1890 г. Ц. 3 р.

Таганцевъ, Н. С. Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. III. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уваровъ, А., графъ. Византійскій альбомъ. Т. I. Вып. I. Съ 22 фототипіями при текстѣ и атласомъ съ 8-ю хромолитографіями (Посмертное изданіе). М. 1890 г. Ц. 12 р.

Фаминцынъ, А. С. Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ, съ рисунк. и нотными примѣрами. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Fournier, W. et Canter. Электрическіе звонки, ихъ устройство и условія правильнаго дѣйствія. М. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Чеховъ, Ан. П.** Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Изд. 4-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

— Хмурые люди. Разсказы. Изд. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Шубелеръ, Ф. Огородничество. Практическія наставленія для народныхъ учителей. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Шлехтендаль, Д. и Д. Вюнше. Опредѣлитель насѣкомыхъ, введеніе въ ихъ изученіе. М. 1890 г. Ц. 2 р. 25 к.

Щепкина, Е. Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники. (1578—1762). Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эссенъ-фонъ, М. Сравненіе нѣкоторыхъ расходовъ 1887 года на всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Янжулъ, И. И. Основныя начала финансовой науки. Вып. 2-й. Спб. 1890 г. Ц. за два вып. 4 р.

Ясинскій, М. Н. Волненіе помѣщичьихъ крестьянъ Кіевской губ. въ 1855 году. Кіевъ. 1890 г. Ц. 50 к.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

Въ составъ II-го ТОМА (Л до Я) вошли портреты и снимки съ произведеній:

Н. А. Лаверецкаго, И. А. Лаверецкаго, Л. Ф. Лагоріо, Е. А. Лансере †, Э. К. Липгарта, М. Л. Маймана, К. Е. Маковскаго, В. Е. Маковскаго, Н. Е. Маковскаго †, А. Т. Маркова †, Д. Н. Мартынова †, В. В. Маттэ, А. И. Мещерскаго, М. О. Микѣшина, О. А. Моллера †, А. И. Морозова, Г. Г. Мясоѣдова, В. И. Навозова, А. А. Наумова, Т. А. фонъ-Неффа †, А. Н. Новоскольцева, А. Л. Обера, В. Д. Орловскаго, баронессы М. И. Паленъ, И. А. Пелевина, В. Г. Перова †, Н. С. Пименова †, Н. К. Пимоненко, А. А. Писемскаго, Х. П. Платонова, П. Ѳ. Плѣшанова †, И. И. Подозерова, И. П. Пожалостина, В. Д. Полѣнова, А. А. Попова, А. Н. Попова, М. П. Попова, С. П. Постникова †, Л. О. Премацци, И. М. Прянишникова, М. Д. Раевской-Ивановой, С. Р. Ростворовскаго †, И. И. Реймерса †, П. Г. Ремера, А. А. Рицциони, И. Е. Рѣпина, В. Е. Савинскаго, Н. С. Самокиша, Н. Е. Сверчкова, П. А. Свѣдомскаго, А. А. Свѣдомскаго, И. Ф. Селезнева, Г. И. Семирадскаго, Н. А. Сергѣева, Н. Ю. Силивановича, В. С. Смирнова, А. В. Снигиревскаго, И. И. Соколова, Ѳ. Г. Солнцева, Е. С. Сорокина, П. С. Сорокина †, В. С. Сорокина, К. П. Степанова, Р. Г. Судковскаго †, В. И. Сурикова, М. Г. Суходольскаго, Г. С. Сѣдова †, Л. А. Сѣрякова †, И. И. Творожникова, В. Ѳ. Тимма, графа Ѳ. П. Толстого †, Ю. И. Томашевскаго-Вончи, И. П. Трутнева, К. А. Трутовскаго, Ю. И. Феддерса, К. Д. Флавицкаго †, Р. Ѳ. Френца, А. Н. Фролова, А. А. Харламова, В. Г. Худякова †, М. И. Цейдлера, И. Ф. Ціонглинскаго, П. А. Черкасова, М. А. Чижова, П. П. Чистякова, Ѳ. П. Чумакова, П. М. Шамшина, А. І. Шарлемана, В. Г. Шварца †, В. К. Шебуева †, В. О. Шервуда, И. И. Шишкина, М. А. Шишкова, И. Н. Шредера, А. Н. Шурыгина †, Н. С. Шустова †, М. И. Щетинина и В. И. Якобія.

Въ дополненія: Н. А. Вельонскаго и И. И. Ендогурова.

ЦѢНА ЗА ОБА ТОМА 17 руб., въ изящной папкѣ 18 руб., съ пересылкой 19 руб. Отдѣльно І-й томъ (А—К) 10 руб., съ пересылкой 11 руб. II-й томъ (Л—Я) 12 р., съ пересылкой 13 руб. за папку каждаго тома—50 коп.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ИСТОРІЯ КНИГОПЕЧАТАНІЯ

и

ТИПОГРАФСКАГО ИСКУССТВА

ТОМЪ I

Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА.

Съ 6-ю хромолитографическими и съ 8-ю автотипическими приложеніями, съ 270 снимками историческихъ шрифтовъ, заглавныхъ листовъ, типографскихъ украшеній, портретовъ типографщиковъ, первопечатныхъ изданій заграничныхъ и русскихъ, съ 150 иниціалами и заставками изъ славяно-русскихъ рукописей разныхъ вѣковъ.

Цѣна 3 р. 50 к., въ изящной хромолитографической папкѣ 4 р., въ переплетѣ 4 р. 50 к., за пересылку 50 к.

Адресоваться: **Въ книжный магазинъ „Новаго Времени“ Спб., Невскій, 38.**

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять рублей** съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „Историческаго Вѣстника": русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

АВГУСТЪ, 1890

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1890 г.

ГРАФЪ ЕВГЕНІЙ АНДРЕЕВИЧЪ САЛІАСЪ.

Дозв. ценз. спб., 11 іюля 1890 г.

За чьи грѣхи?[1]

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

XXVIII.

Смѣна часовыхъ.

Ночь передъ Царицыномъ.

Полный дискъ луны и блѣдныя звѣзды показываютъ, что время давно перевалило за полночь. Станъ Разина, обогнувшій съ трехъ сторонъ городскія стѣны, давно спитъ; только отъ времени до времени въ ночномъ воздухѣ проносятся караульные оклики:

— Славенъ городъ Черкаской! — несется съ освѣщеннаго луною холма, что высится у обрыва надъ рѣчкою Царицею.

— Славенъ городъ Кагальникъ! — отвѣчаетъ ему голосъ съ другого берега рѣчки Царицы.

— Славенъ городъ Курмояръ! — пѣвуче заводитъ голосъ съ тѣневой стороны предмѣстья.

— Славенъ городъ Чиры!

— Славенъ городъ Цымла!

Это перекликаются часовые въ станѣ Разина. Имъ вторитъ дружное кваканье лягушекъ, раздающееся въ камышахъ да въ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLI, стр. 5.

осокѣ по берегу Царицы. Тамъ же отъ времени до времени раздается глухой протяжный стонъ, наводящій страхъ въ ночной тиши: но это стонетъ небольшая съ длинною шеей водяная птица—бугай или выпь.

Безбрежная равнина водной поверхности Волги кое-гдѣ сверкаетъ растопленнымъ серебромъ.

Чудная весенняя ночь!

Разинъ лежитъ въ своемъ атаманскомъ наметѣ съ открытыми глазами. Ему не спится—его томитъ какая-то глухая тоска. Какъ клочья громадной разодранной картины проносятся передъ нимъ картины, ѝбразы, видѣнія, звуки—изъ его прошлой бурной жизни: то пронесется въ душѣ отголосокъ давно забытой пѣсни, то мелодія знакомаго голоса, то милый образъ, милое видѣніе,—и опять мракъ, или зарево пожара, или стонъ умирающихъ...

Но явственнѣе всего передъ нимъ носится милый образъ. Въ наметѣ у него темно, но онъ видитъ это милое личико,—точно оно сходитъ откуда-то вмѣстѣ съ блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца, проникающимъ въ шатеръ чрезъ отдернутую полу намета. Онъ не можетъ его забыть, не можетъ отогнать отъ себя это видѣніе... Отогнать!— но тогда чтѝжъ у него останется?..

Онъ старается прислушаться къ окликамъ часовыхъ, къ ночнымъ неяснымъ звукамъ. Но среди этихъ неопредѣленныхъ звуковъ слышится чей-то дѣтскій плачъ...

Нѣтъ, это сонное пѣніе пѣтуха въ городѣ...

— Славенъ городъ Раздоры!

— Славенъ городъ Арчадà!

На свѣтлую полосу въ наметѣ, освѣщенную мѣсяцемъ, легла какъ будто прозрачная тѣнь. Разинъ всматривается и видитъ, что эта тѣнь приняла человѣческія формы...

Чтѝ это? Кто это? Но тѣнь все явственнѣе и явственнѣе принимаетъ человѣческій обликъ...

Это она—Заира!—Она нагибается надъ нимъ, и онъ слышитъ тихій укоръ ея милаго голоса: «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—Я такъ любила тебя»...

— Славенъ городъ Курмояръ!

— Славенъ городъ Кагальникъ!

Разинъ въ испугѣ просыпается... Но и теперь его глаза продолжаютъ видѣть, и онъ ясно сознаетъ это нѣсколько мгновеній; какъ легкая, прозрачная, точно дымъ отъ кадила, тѣнь отошла за отдернутую полу намета и исчезла въ лунномъ свѣтѣ. Ему стало жаль, что онъ проснулся и отогналъ давно жданное видѣніе. Если бы не эти оклики часовыхъ, она оставалась бы дольше съ нимъ.

Онъ закрываетъ глаза. Онъ ждетъ—можетъ быть повторится видѣніе... Слышенъ какой-то свистъ со стороны Волги, чтѝ-то знакомое напоминаетъ этотъ свистъ... Да, онъ вспомнилъ-вспомнилъ

высокіе камыши въ заводяхъ Каспійскаго моря, такую же ночь прошлаго года и тихо качающійся съ морской зыбью стругъ... Такъ же и тогда свистѣла эта ночная водяная птичка—это овчарикъ... Но тогда онъ не одинъ прислушивался къ свисту этой ночной птички...

Со стороны города опять доносится пѣніе пѣтуха. Это, должно быть, уже третьи пѣтухи. Скоро должны придти изъ города тѣ, которые отопрутъ городскіе ворота. Но нѣтъ, до зари еще далеко.

Не слыхать болѣе окликовъ часовыхъ. Да это и не нужно. Кто же осмѣлится напасть на спящій станъ Разина? Да и кому нападать?

Слышится чей-то вздохъ, тихій, тихій, какъ вздохъ младенца...

Разинъ открылъ глаза... Что это? Опять она! На лицѣ ея грустная улыбка... Онъ слышитъ опять ея голосъ: «Зачѣмъ ты ему повѣрилъ? Онъ только хотѣлъ погубить меня... Онъ не хотѣлъ, чтобъ я была твоя»...

— Кто онъ?—глухо спросилъ Разинъ и самъ проснулся отъ своего голоса.

Но онъ теперь зналъ, кто онъ... Онъ и прежде это зналъ. Если бы не его наушничество, она бы и теперь была жива. Это сознаніе давно его мучило, и онъ уже давно терзался глухою ненавистью къ своему есаулу. Онъ всему виною!

Разинъ всталъ и вышелъ изъ шатра. До утра еще далеко.

— Славенъ городъ Раздоры!

— Славенъ городъ Арчадà.

Это опять оклики часовыхъ, но ихъ самихъ не видать.

Разинъ обогнулъ уголъ своего просторнаго намета и въ тѣни, бросаемой имъ отъ мѣсяца, увидѣлъ спящаго есаула. Ивашка Черноярецъ лежалъ на разостланной буркѣ. Въ головахъ у него было сѣдло, а руки подложены подъ голову. Онъ лежалъ лицомъ вверхъ, растянувшись во весь ростъ.

Разинъ вынулъ изъ-за пояса, изъ оправленныхъ серебромъ и бирюзою ноженъ, длинный персидскій ножъ и по самую рукоятку всадилъ его въ грудь своего есаула, подъ самымъ лѣвымъ сосцомъ.

Черноярецъ открылъ глаза...

— Атаманъ!—съ ужасомъ прошепталъ онъ.

Разинъ быстро повернулъ ножъ въ груди своей жертвы, и вынулъ.

— Это тебѣ за нее!—глухо произнесъ онъ.

Убитый даже не шевельнулся больше.

Тщательно вытеревъ ножъ объ бурку и вложивъ въ ножны, Разинъ пошелъ вдоль своего стана. Казалось, онъ прислушивался къ ночнымъ звукамъ. Кваканье лягушекъ умолкло, но вмѣсто нихъ въ камышахъ Царицы заливалась очеретянка. По временамъ стонала выпь и насвистывалъ овчарикъ. На Волгѣ, вправо отъ Царицына, длинная водная полоса сверкала серебромъ.

— Хто идетъ?—послышался окликъ часового.

— Атаманъ,—отвѣчалъ Разинъ.

— Пропускъ?

— Кагальникъ.

Разинъ шелъ дальше. Видны уже были очертанія городскихъ стѣнъ и длинная черная тѣнь тянулась отъ крѣпостной башни съ каланчою.

— Славенъ городъ Москва!—глухо донеслось съ каланчи.

— Славенъ городъ Ярославль!

— Славенъ городъ Астрахань!

Это перекликались часовые на стѣнахъ города. И Разину вдругъ ясно представилось, какъ эти города, которые теперь славятъ часовые, будутъ его городами, особенно Москва. И онъ вспомнилъ маленькую келейку въ монастырѣ у Николы на Угрѣшѣ и Аввакума, прикованнаго къ стѣнѣ этой келейки. Бѣдно и сурово въ кельѣ,—только солома шуршитъ подъ ногами узника. А тамъ, въ городѣ—какія палаты у бояръ!—какое убранство на ихъ коняхъ, сколько золота на ихъ одеждѣ!—сколько соболей изведено на ихъ шубы, на шапки!

И этотъ городъ будетъ его городомъ! Онъ станетъ середи Москвы, на Лобномъ мѣстѣ, станетъ, и крикнетъ, какъ тогда обѣщалъ Аввакуму: «Слышишь, Москва!—слышите, бояре!» И услышатъ этотъ голосъ во всей русской землѣ, за моремъ услышатъ!

Изъ-за обрыва, спускавшагося къ Царицѣ, осторожно вынырнула человѣческая фигура и, увидѣвъ при свѣтѣ мѣсяца Разина, попятилась назадъ.

— Хто тамъ?—окликнулъ Разинъ и взялся за свой персидскій ножъ.

— Васька Усъ,—былъ отвѣтъ:—а въ придачу—Кагальникъ.

— А! это ты старина?—удивился Разинъ.—Што полуношничаешь?

— Не спится, атаманъ, дакъ робятъ провѣряю.

— Какихъ ребятъ?

— Часовыхъ... Который изъ ихъ задремитъ—я тово и смѣняю.

— Какъ смѣняешь?

— Вотъ эстимъ самымъ ножемъ.—Васька Усъ показалъ широкій ножъ, на которомъ видна была свѣжая кровь.—Который часовой меня не окликнетъ и я подкрадусь къ ему—тому прямо ножъ подъ микитки—и баста! Ужъ тотъ што за часовой, къ которому подкрасться можно!—послѣднее дѣло: я тово и смѣняю. Я всегда такъ-ту, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, и у меня никогда часовой не задремитъ—ни-ни!—ни Боже мой!—ужъ это всѣ знаютъ.

— Ну и молодецъ же ты, Василій Трофимычъ!—удивился Разинъ:—вотъ умно придумалъ!—молодецъ!—Ну, а я не дошелъ до этово—не додумался.

— Ничево, атаманъ, Богъ проститъ,—утѣшалъ его разбойникъ.

— Ну и чтòжъ! смѣнилъ кого?—спросилъ Разинъ.

— Двухъ смѣнилъ-таки—порѣшилъ... Другимъ наука.

— Ну и молодецъ же ты!—похлопалъ разбойника по плечу Разинъ.—Будь же ты за это моимъ есауломъ!

— А Иванъ Черноярецъ што?—удивился въ свою очередь Васька Усъ.—Не хорошъ?

— Я ево тоже смѣнилъ, какъ ты молодцовъ,—отвѣчалъ Разинъ.

— А-а!—протянулъ Усъ.

Изъ оврага, идущаго отъ Царицы, послышался протяжный, очень осторожный свистъ. Разинъ отвѣчалъ такимъ же свистомъ, только два раза.

Изъ оврага вышелъ человѣкъ въ поповскомъ одѣяніи.

— Здравствуй, отецъ протопопъ,—поздоровался съ нимъ Разинъ.

— Здравствуй, батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ,—отвѣчалъ пришедшій.

Къ нему подошелъ Васька Усъ и снялъ шапку.

— Благослови, отче,—сказалъ онъ, протягивая руку горстью какъ за подачкой.

— Во имя Отца и Сына...—благословилъ пришедшій.

— Ну что, отецъ Никифоръ?—спросилъ Разинъ.—Уговорилъ?

— Уговорилъ—все готово—хоть голыми руками бери городъ.

Въ это время въ станѣ послышались голоса, говоръ, шумъ.

— Злодѣи! есаула зарѣзали!

— Это Васькины ребята! Вяжи злодѣевъ! А гдѣ Васька?!.

— Батюшки! и часовой зарѣзанъ!

Разинъ съ улыбкой переглянулся съ своимъ новымъ есауломъ, и они поторопились въ станъ.

Начинало свѣтать.

XXIX.

Воевода Тургеневъ на веревкѣ.

Едва первые лучи солнца позолотили кресты и главы царицынскихъ церквей, какъ казаки двинулись къ городу.

Разинъ и его новый есаулъ ѣхали впереди,—Разинъ съ бунчукомъ въ рукѣ, Васька Усъ—съ обнаженною саблей.

Разинцы подступали къ городу двумя лавами: одна шла къ тому мѣсту, гдѣ пологій валъ и городская стѣна, казалось, представляли наиболѣе удобствъ для приступа, хотя эта часть стѣны и башня были защищены пушками; другая лава подавалась впередъ правѣе, къ тому мѣсту, которое казалось неприступнымъ и гдѣ находились городскія ворота, прочно окованныя желѣзомъ.

Разинъ попеременно находился то въ головѣ правой лавы, то въ головѣ лѣвой.

Воевода Тургеневъ, недавно назначенный командиромъ Царицына, и стрѣльцы, его подкомандные, повидимому спокойно ожидали приступа, потому что, съ одной стороны, увѣрены были въ невозможности взять крѣпость безъ стѣнобитныхъ орудій, съ другой—что со дня на день ожидали прибытія по Волгѣ сверху сильнаго стрѣлецкаго отряда.

Тургеневу и другимъ защитникамъ Царицына очень хорошо видно было со стѣнъ, какъ Разинъ разъѣзжалъ впереди своей, казалось, нестройной толпы. Тургеневъ, высокій и плотный мужчина съ сильною сѣдиною въ длинной бородѣ, стоялъ на стѣнѣ, опершись на дуло пушки, и, казалось, считалъ силы непріятеля.

— Дядя,—обратился къ нему стоявшій рядомъ молодой воинъ въ богатыхъ доспѣхахъ:—дозволь мнѣ попужать орла-стервятника.

— Како̀во это, племянничекъ? — спросилъ воевода.

— А вонъ тово, што на бѣломъ конѣ — самово Стеньку.

— А чѣмъ ты ево попужаешь?

— Вотъ этой старушкой! — онъ указалъ на пушку.

— Добро — попробуй: только наводи вѣрнѣй.

Молодой воинъ при помощи пушкарей навелъ дуло орудія на Разина. Взвился дымокъ и грянулъ выстрѣлъ. Ядро не долетѣло до цѣли и глухо ударилось о глинистую сухую почву.

Разинъ издали погрозилъ бунчукомъ.

Правая лава, между тѣмъ, достигла городскихъ воротъ и остановилась. Разинъ поскакалъ туда.

Вдругъ въ городѣ, какъ бы по сигналу, зазвонили колокола во всѣхъ церквахъ. Воевода съ удивленіемъ глянулъ на окружающихъ.

Со стѣны, ближайшей къ воротамъ, послышались крики:

— Батюшки! злодѣи въ городѣ! — ихъ впустили въ ворота.

Дѣйствительно, Разинъ безпрепятственно вступилъ въ городъ въ головѣ правой лавы: городскія ворота были отворены передъ нимъ настежь.

Навстрѣчу новоприбывшимъ отъ собора двигалось духовенство въ полномъ облаченіи, съ крестами и хоругвями. Впереди, съ распятіемъ въ рукахъ, шелъ тотъ священникъ, соборный протопопъ Никифоръ, котораго мы уже видѣли ночью около стана Разина. Рыжая, огненнаго цвѣта борода его и такіе же волосы, разметанные по плечамъ, горѣли подъ лучами солнца какъ червонное золото.

Разинъ сошелъ съ коня и приложился къ кресту. При этомъ онъ что̀-то шепнулъ на ухо протопопу, и тотъ утвердительно наклонилъ голову. Затѣмъ стали прикладываться къ кресту казаки.

Между тѣмъ на площади разставляли столы для угощенія дорогихъ гостей. Сначала робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе начали выходить изъ своихъ домовъ царицынцы, и спѣшили на площадь.

Колокольный звонъ смолкъ и духовенство возвратилось въ соборъ.

Царицынцы со всѣхъ сторонъ сносили на площадь калачи, яйца, всякую рыбу и горы сушеной и копченой воблы. Мясники рѣзали воловъ, барановъ, и тутъ же на площади свѣжевали и потрошили убоину. Другіе обыватели разводили костры, жарили на нихъ всякую живность, и сносили потомъ на разставленные столы, а съ кружечнаго двора выкатывали бочки съ виномъ.

Всѣмъ повидимому распоряжался соборный протопопъ, отецъ Никифоръ. Его огненная борода мелькала то здѣсь, то тамъ.

— Ишь какъ батька-то хлопочетъ — такъ и разрывается,—судачили царицынскія бабы, глазѣя на приготовленія къ пиру.

— Да и какъ, мать моя, не хлопотать горюну?—Все это чтобъ насолить супостату своему, воеводѣ-жеребцу, за дочку.

— Что и говорить, милая,—дочка-то у нево одна, что глазокъ во-лбу,—а онъ, волкъ лихой, и польстись на дѣвчонку.

— Эка невидаль! дѣвчонка! — ввязалась въ разговоръ Мавра, извѣстная на весь Царицынъ сплетница: — онамедни дѣвка сама къ яму, къ воеводѣ-то, бѣгала.

— Плещи, плещи, язва! — осадила ее первая баба.

— Не плещу я! а ты сама язва язвенная!—окрысилась сплетница.— Ишь святая нашлась! Сама, своими глазыньками видѣла, какъ она, Фроська-то, шмыганула къ нему въ ворота—такъ и засвѣтила рыжей косой.

— Тьфу ты, негодница! — помолчала бы хоша—сама была дѣвкой, — отвернулась первая баба.

— Глядь! глядь-ко-ся! мать моя! — удивилась вторая баба. — Что-й-то у тово казака на рукахъ? Никакъ махонька калмычка?

— И то, милая, калмычка, — да совсѣмъ голенька. — Должно на дорогѣ подобрали.

— Ахъ, бѣдная! — семъ-ка я сбѣгаю — принесу ей рубашонку отъ моей Фени.

И сердобольная баба побѣжала за рубашкой для маленькой калмычки.

Вскорѣ начался и пиръ. За почетнымъ столомъ помѣстился Разинъ съ своимъ новымъ есауломъ, а также всѣ казацкіе сотники. Ихъ угощалъ отецъ Никифоръ.

За сосѣднимъ столомъ возсѣдали на скамьяхъ другіе сподвижники Разина, и въ томъ числѣ Онуфрій Лихой, тотъ самый, что вчера привезъ въ казачій станъ маленькую калмычку. Дѣвочка сидѣла тутъ же, на колѣняхъ у своего сѣдобородаго покровителя, и, безпечно поглядывая своими узенькими глазами на все окружающее, серьезно занималась медовымъ пряникомъ. Она была видимо довольна своей судьбой — какъ сыръ въ маслѣ каталась, чего она въ своемъ улусѣ никогда не испытывала. Теперь она

была въ чистенькой рубашенкѣ, и даже въ ея черную какъ смоль косенку была вплетена алая ленточка. Все это оборудовала сердобольная баба.

Пиръ, между тѣмъ, разгорался все болѣе и болѣе. Слышно было оживленіе, громкіе возгласы, смѣхъ. Разинъ, разгоряченный виномъ и подчиняясь своему огневому темпераменту, громко объявлялъ, что онъ во всей русской землѣ изведетъ неправду, переведетъ до корня все боярство...

— Ни сѣмени не оставлю! А Ордина-Нащокина съ сыномъ Воиномъ на крестѣ Ивана Великаго повѣшу!

— Марушка! Марушка! подь сюды—ходи черезъ столъ.

Это манилъ черезъ столъ маленькую калмычку казачій пятидесятникъ, Яшка Лобатый, коренастый увалень, первый силачъ на Дону.—Дѣвочкѣ уже дали подходящее имя: ее назвали «Марушкой».

— А гдѣ воевода? — вспомнилъ, наконецъ, Разинъ. — Подать сюда воеводу!

— Да воевода, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, заперся съ своими приспѣшниками въ башнѣ,—отвѣчалъ попъ Никифоръ.

— А! въ башнѣ? Такъ я ево оттудова выкурю.—Атаманы-молодцы! за мной!—крикнулъ Разинъ, вставая изъ-за стола.

Сотники, пятидесятники и другіе казаки, пировавшіе поблизости, обступили атамана.

— Идемъ добывать воеводу! - скомандовалъ Разинъ.—Щука въ вершу попала—выловимъ ее!

— Шуку ловить! щуку ловить!—раздались голоса.

— Въ Волгу ее!—пущай тамъ карасей ловитъ!

Ватага двинулась къ крѣпостной башнѣ. Впереди всѣхъ торопливо шелъ попъ Никифоръ. Полы его рясы раздувались, а рыжіе волосы ярко горѣли на солнцѣ.

— Ай да батька! ай да долгогривый!— смѣялись казаки.— Да ему хуть въ атаманы, дакъ въ пору.

Башня была заперта. На крики и стукъ въ башенную дверь въ одну изъ стѣнныхъ прорѣзей отвѣчали выстрѣломъ, никого, впрочемъ, не ранившимъ.

— А! щука зубы показываетъ! — крикнулъ Яшка Лобатый.— Такъ я жъ тебя!

И онъ побѣжалъ куда-то къ площади. Вскорѣ оказалось, что богатырь несъ на плечѣ громадное бревно, почти цѣлый брусъ.

— Сторонись, атаманы-молодцы! ушибу!—кричалъ онъ.

Всѣ посторонились, а богатырь со всего разбѣгу ударилъ бревномъ въ башенную дверь. Дверь затрещала, но не упала. Лобатый вновь разбѣжался,— и отъ второго удара дверь подалась на петляхъ. Послѣдовалъ третій, сильнѣйшій ударъ—и дверь соскочила съ петель.

— Ай да Яша!—онъ бы и лбомъ вышибъ!—смѣялись казаки.

И Лобатый же первымъ бросился вверхъ по лѣстницѣ. За нимъ другіе казаки. Разинъ стоялъ внизу рядомъ съ попомъ Никифоромъ.

— Щуку не убивайте, молодцы!—крикнулъ онъ вверхъ.

Оттуда доносился шумъ борьбы, крики, стоны.—Въ нѣсколько минутъ все было покончено—никого не оставили въ живыхъ. Пощадили только воеводу. Его снесъ съ башни Лобатый словно куль съ овсомъ.

Какъ безумный подскочилъ къ несчастному попъ Никифоръ и ударилъ его по щекѣ.

— Нна!—это тебѣ за Фросю! за ея дѣвичью честь!—говорилъ онъ задыхаясь, и тутъ же накинулъ на шею воеводы веревку.— На осину ево, на осину Іуду! ,

— Нѣтъ, бачка, онъ не твой,—сказалъ Разинъ, отстраняя попа.—Онъ нашъ—войсковой: что кругъ присудитъ, то съ нимъ и будетъ.—Сказывайте вашъ присудъ, атаманы-молодцы,—обратился онъ къ казакамъ.

— Въ воду щуку—карасей ловить!—раздались голоса.—Въ Волгу злодѣя!

— Быть по вашему,—согласился Разинъ.—А теперь скажи, воевода,—обратился онъ къ Тургеневу,—за што ты грабилъ народъ?—Али тебя царь затѣмъ посадилъ на воеводство, чтобъ кровь христіанскую пить? Мало тебѣ своего добра, своихъ вотчинъ?— Не отпирайся—я все знаю: про тебя, про твое неистовство и на Дону ужъ чутка прошла.—Кайся теперь—проси прощенья у тѣхъ, кого ты обидѣлъ.

Тургеневъ молчалъ. Онъ зналъ, что его не любили въ городѣ. Онъ видѣлъ, какъ сбѣжавшіеся на шумъ царицынцы враждебно смотрѣли на него.

— Православные!—обратился Разинъ къ горожанамъ.—Што вы скажите?

Всѣ молчали. Всѣмъ казалось страшнымъ говорить смертный приговоръ беззащитному человѣку.

— Казни, батюшка, казни злодѣя!

Всѣ оглянулись въ изумленіи.—Страшный приговоръ произнесла—баба!—и то была—сплетница!

— Ахъ, ты, язва!—не утерпѣла сердобольная баба, которой стало жаль человѣка, стоявшаго передъ толпой съ безропотной покорностью.

Послышался лошадиный топотъ. Это прискакалъ гонецъ съ верхней пристани.

— Стрѣльцы сверху плывутъ—видимо-не-видимо!—торопливо сказалъ онъ.

Разинъ глянулъ на Тургенева, и махнулъ рукой. Казаки поняли его жестъ.

— Въ воду щуку!—къ стрѣльцамъ на подмогу!—заговорили они.

Одинъ изъ казаковъ взялъ за веревку, которая все еще висѣла на шеѣ воеводы, и потащилъ къ Волгѣ, къ крутому обрыву. Толпа хлынула за ними въ глубокомъ молчаніи.

Вдругъ откуда не возьмись молоденькая дѣвушка, которая быстро пробилась сквозь толпу и съ воплемъ бросилась на шею осужденному.

— Соколъ мой! Васенька! возьми и меня съ собой! — безъ тебя я не жилица на бѣломъ свѣтѣ!..

— Владычица! да это Фрося! — всплеснула руками сердобольная баба.

Это и была дочка попа Никифора: изкрасна золотистая коса, жгутомъ лежавшая на спинѣ дѣвушки, подтверждала это кровное родство съ рыжимъ попомъ, который весь задрожалъ, увидавъ дочь въ объятіяхъ ненавистнаго ему человѣка.

Тургеневъ съ плачемъ обнялъ дѣвушку...

— Бѣдное дитя, прости меня! — шепталъ онъ.

— Меня прости, соколикъ, — я погубила тебя.

Но казаки тотчасъ же рознял и ихъ.

Обрывъ былъ подъ ногами — и воеводу толкнули туда. Не успѣли опомниться, какъ и дѣвушка бросилась туда же, и Волга мгновенно приняла обѣ жертвы.

Попъ Никифоръ стоялъ надъ кручей и рвалъ свои рыжія космы.

XXX.

Струги съ мертвой кладью.

Разинъ между тѣмъ дѣлалъ распоряженія о встрѣчѣ стрѣльцовъ, которые плыли сверху на защиту какъ собственно Царицына, такъ и другихъ низовыхъ городовъ.

Все свое «толпище», какъ иногда называли въ казенныхъ отпискахъ его войско, онъ раздѣлилъ на двѣ части: одну половину, меньшую, подъ начальствомъ Васьки Уса, онъ оставлялъ въ городѣ, съ другою, большею, онъ самъ выступалъ для встрѣчи московскихъ гостей и для усиленія отряда, находившагося на его флотиліи.

Есаулъ долженъ былъ выстроить свой отрядъ вдоль городскихъ стѣнъ, обращенныхъ къ Волгѣ, и всю крѣпостную артилерію расположить такъ, чтобы она могла обстрѣливать всю поверхность Волги вплоть до небольшого островка, лежащаго какъ разъ противъ Царицына и заросшаго густымъ тальникомъ и верболозомъ.

Лодки же, на которыя онъ посадилъ часть пѣхоты, онъ приказалъ отвести за островокъ и тамъ укрыть ихъ за верболозомъ. Онъ это сдѣлалъ для того, что когда стрѣльцы, подплывъ къ городу и встрѣтивъ тамъ артилерійскій огонь съ крѣпостныхъ стѣнъ, вздумаютъ укрыться за островомъ, то чтобы тамъ ихъ встрѣтилъ не менѣе губительный огонь съ флотиліи, которая и должна была отрѣзать стрѣльцамъ отступленіе.

Самъ же онъ съ небольшимъ отрядомъ конницы пошелъ вверхъ берегомъ прямо навстрѣчу московскимъ гостямъ.

Скоро показались и струги съ стрѣльцами. Издали уже слышно было, что стрѣльцы шли съ полной увѣренностью «разнести воровскую сволочь», и на первомъ же стругѣ раздавалась удалая верховая стрѣлецкая пѣсня, до сихъ поръ раздающаяся по Волгѣ отъ Рыбинска, въ то время Рыбное, до Астрахани. Стрѣльцы пѣли:

«Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ
«Сизый селезень плыветъ!
«Ишь ты, поди жъ ты, чтожъ ты говоришь ты,—
«Сизый селезень плыветъ!»

Но стрѣлецкое пѣніе вдругъ оборвалось, когда съ берега казаки, среди которыхъ было не мало изъ волжскаго бурлачья, гаркнули продолженіе этой пѣсни:

«Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому
«Добрый молодецъ идетъ:
«Онъ со кудрями, онъ со русыми
«Разговариваетъ!
«Ишь ты, поди жъ ты, что ты говоришь ты,—
«Разговариваетъ!»

Увидѣвъ на берегу небольшой отрядъ, стрѣльцы направили свои струги ближе къ берегу, и открыли по казакамъ огонь. Казаки отвѣчали имъ тѣмъ же и началась перестрѣлка.

По мѣрѣ усиленія огня, казаки отступали, все болѣе и болѣе приближаясь къ городу. Стрѣльцы изъ этого заключили, что казаки не выдерживаютъ огня и пустились за ними въ догонку.

Но въ это время со стѣнъ города, о взятіи котораго казаками стрѣльцы и не подозрѣвали, открыли по стругамъ убійственный огонь. Пораженные неожиданностью, стрѣльцы не выдержали артилерійскаго огня и повернули отъ города, чтобъ укрыться за островомъ, но тамъ ихъ встрѣтила такая же убійственная пальба изъ засады.

Царское войско растерялось, поражаемое съ двухъ сторонъ и ядрами, и пулями. Но стрѣльцы все-таки упорно защищались, и только тогда, когда двѣ трети было ихъ перебито, стали просить пощады.

Разинъ велѣлъ прекратить пальбу и привести струги съ остальными стрѣльцами къ берегу.

Когда струги причалили къ берегу, казаки стали считать убитыхъ, и насчитали болѣе пятисотъ труповъ. Въ живыхъ осталось до трехсотъ стрѣльцовъ.

Они вышли на берегъ и кланялись побѣдителю. Разинъ сказалъ имъ:

— Коли хотите служить мнѣ, оставайтесь со мною, а нѣтъ...

— Хотимъ, хотимъ, батюшка, Степанъ Тимоѳеичъ!—закричали побѣжденные,—мы шли противъ тебя неволею... Прости насъ!

— Добро, — сказалъ Разинъ, — оставайтесь съ нами. А чтобы воеводамъ да боярамъ впредь неповадно было перечить мнѣ, я имъ покажу, какая ждетъ ихъ широкая масляница. Атаманы-молодцы!— крикнулъ онъ къ казакамъ,—снарядите-ка два струга, которые будутъ залишніе, и изукрасимъ ихъ, какъ вонъ въ пѣснѣ поется:

«Хорошо были стружечки изукрашены,
«Они копьями, знаменами, будто лѣсомъ поросли».

— А мы изукрасимъ ихъ получше, поцвѣтнѣе.

Казаки, повидимому, не понимали его и ждали, чтò будетъ дальше. Тогда Разинъ указалъ на два морскихъ струга изъ тѣхъ, которые имъ были оставлены прошлою осенью въ Царицинѣ послѣ морского похода и стояли теперь у пристани порожніе.

— Вотъ что, братцы, сказалъ онъ: — сносите всѣхъ убитыхъ стрѣльцовъ на эти струги, сносите поровну, а тамъ я скажу, что дальше дѣлать. Помогайте и вы, ребята,—сказалъ онъ оставшимся въ живыхъ стрѣльцамъ. — А у ково въ карманѣ сыщите деньги, сносите ихъ есаулу — въ дуванъ пойдутъ.

Всѣ принялись за работу, не понимая для чего это, и скоро оба струга наполнены были трупами. Разинъ взошелъ на одинъ изъ струговъ.

— Эхъ! обратился онъ къ трупамъ:—жаль мнѣ васъ, горюны,— да чтò дѣлать!—коли лѣсъ рубятъ, то и щепки летятъ... А я охъ какой лѣсъ задумалъ вырубить! — заповѣдной! Да хочу вырубить дочиста, чтобъ и побѣговъ не осталось.

Онъ задумался, глядя на обезображенныя лица мертвецовъ.

— Ну, теперь, братцы, распоясывайте у мертвецовъ кушаки!— снова заговорилъ Разинъ.

Казаки повиновались. Когда было распоясано нѣсколько десятковъ на томъ и другомъ стругѣ, Разинъ остановилъ эту странную работу.

— Ну, довольно, братцы: есть чѣмъ изукрасить стружечки,—сказалъ онъ.—Теперь развѣшивайте мертвецовъ по всѣмъ снастямъ,— вотъ какъ въ Астрахани бѣлорыбицу либо осетрину, а то и воблу развѣшиваютъ вялить да балыки провѣсные дѣлаютъ... Да чтобъ понаряднѣе были — всѣ бы снасти и мачты и шесты изнавѣсить боярскими балыками... Пущай любуются да кушаютъ на здоровье... А я изъ нихъ такихъ балыковъ надѣлаю!

Только теперь всѣ поняли, къ чему клонились эти странныя распоряженія атамана.

И вотъ казаки и стрѣльцы принялись развѣшивать мертвецовъ, подвязывая ихъ къ снастямъ кушаками.

Страшную картину представляло это необычайное зрѣлище. Изъ Царицына все населеніе высыпало смотрѣть на то, что̀ дѣлали казаки. Весь берегъ былъ усыпанъ зрителями.

А Разинъ ходилъ по стругу, иногда останавливался и задумывался, качалъ головою, какъ бы отгоняя назойливыя мысли, и потомъ встряхивалъ кудрями и отдавалъ приказанія:

— Выше, выше подвѣшивай!—да шапку на-бекрень надѣнь... Такъ, такъ—ладно... Каковы балыки! Эй! этово гла̀дково на самый верхъ посадите, на палю, какъ вонъ у запорожцевъ да у турокъ дѣлаютъ — такъ, такъ — ишь важно на палѣ сидитъ! А то на̀—милостивая грамота—похваляемъ,—а тамъ и въ бараній рогъ, какъ старца Аввакума... Нѣтъ, я вамъ не Аввакумъ!..

Когда ужасная оснастка струговъ была окончена, Разинъ обратился къ стрѣльцамъ!

— А кто ваши головы?—спросилъ онъ?

Стрѣльцы отвѣчали: — Были у насъ, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, пять головъ съ нами изъ Казани послано, да нонѣ въ бою твоими казаками трое изъ нихъ убиты до смерти, а осталось только двое,—вотъ они.

Разинъ подозвалъ ихъ къ себѣ. Тѣ стояли ни живы, ни мертвы.

— Васъ я не трону,—сказалъ онъ,—вы такъ головами и останетесь; одново изъ васъ я посажу на одинъ стругъ, другово на другой. Плывите въ Астрахань съ своими стрѣльцами, какъ плыли сюда изъ Казани.—Слышали?

— Слышали, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ,—покорно отвѣчали стрѣлецкіе головы.

— Такъ помните, что я вамъ сказалъ, и астраханцамъ всякаго званія людямъ передайте мои рѣчи отъ слова до слова, какъ я сказалъ,—заключилъ свою рѣчь Разинъ.

Стрѣлецкіе головы поклонились.

— А теперь,—обратился Разинъ къ казакамъ,—снесите на оба струга ко̀рму всякаго и питья на недѣлю и больше тово — чтобъ головамъ было чѣмъ дорогою кормиться. Живо!

Казаки бросились исполнять приказаніе атамана, и чрезъ нѣсколько минутъ изъ города принесено было множество калачей, нѣсколько окороковъ, балыковъ, копченой воблы и нѣсколько боченковъ вина.

— Это вамъ кормъ, — сказалъ Разинъ головамъ: — голодны не будете. Да не перепейтесь дорогой.

Головы кланялись и благодарили.

— А чтобъ вы не бѣжали съ дороги, я васъ обоихъ велю при-

ковать — каждово къ своему рулю, — пояснилъ Разинъ: — рулемъ-то вы будете править, а бѣжать не бѣжите... Гребцовъ вамъ не надо: сама Волга-матушка донесетъ васъ до Астрахани. Эй! атаманы-молодцы: принесите двѣ якорныхъ цѣпи, да подлиннѣе и прикуйте господъ головъ—каждово къ своему рулю.

Казаки принесли двѣ цѣпи и исполнили, что имъ приказывалъ атаманъ: одного стрѣлецкаго голову помѣстили на одномъ стругѣ съ мертвецами и приковали, другого — на другомъ, и тоже приковали.

Затѣмъ оба струга съ мертвой кладью и съ прикованными рулевыми отвели на середину Волги и пустили на произволъ судьбы.

Струги тихо поплыли по теченію...

Зрѣлище было до того ужасно, что многіе стрѣльцы, тѣ, что остались въ живыхъ, глядя, какъ уплывали ихъ мертвые товарищи, горько плакали.

Разинъ долго провожалъ струги глазами и затѣмъ молча воротился въ городъ.

Д. Мордовцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ Н. Я. АѲАНАСЬЕВА [1].

IV.

Братья Баташевы.—Ихъ вліяніе въ краѣ.—Баташевскія конфекты.—Подвѣшиваніе мастерового.—Исчезновеніе татарскаго князька.—Исчезновеніе одной деревни.—Замуравленный чиновникъ.—Чудачества Ивана Родіоновича Баташева.—Пріемъ пушекъ съ Баташевскихъ заводовъ.—Женитьба Шепелева на дочери Баташева.

ЕПЕЛЕВСКІЕ заводы и имѣнія принадлежали прежде дѣду Шепелевыхъ по матери—Ивану Родіоновичу Баташеву. Этотъ Баташевъ и его братъ Андрей Родіоновичъ были изъ простого званія, какъ разсказывалъ мнѣ самъ Шепелевъ. Они торговали старымъ желѣзомъ въ Муромѣ, въ подвальной лавочкѣ, потомъ стали брать разные подряды, быстро богатѣть и, наконецъ, сдѣлались обладателями 36 тысячъ душъ крестьянъ. Одинъ изъ братьевъ, Иванъ, былъ кроткаго нрава. Другой, Андрей, не только крутой самодуръ, но просто свирѣпый человѣкъ. Вліяніе и силу они имѣли страшную во всемъ округѣ и еще большую тамъ, гдѣ находились ихъ имѣнія. Смѣнить губернатора, или архіерея, въ губерніяхъ Нижегородской, Владимірской, Тамбовской, имъ ничего не стоило. О мелкой администраціи и говорить нечего: она вся была у нихъ на посылкахъ. У Андрея Родіоновича были назначены передъ Новымъ Годомъ особые пріемные дни для становыхъ, исправниковъ, вообще для земскихъ властей. Всѣ они

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLI, стр. 23.

обязаны были съѣзжаться къ нему для поздравленія въ этотъ день. Ихъ не допускали не только въ кабинетъ, но даже въ залу; они должны были оставаться въ передней. Баташеву докладывали фамиліи пріѣхавшихъ. Онъ справлялся въ своей записной книжечкѣ о поведеніи каждаго и, сообразно заслугамъ пріѣхавшаго, бралъ со стола заранѣе приготовленную тарелку съ конфектами, подъ которыми находилась существенная награда: кому горсть золота, кому серебра, кому мѣди, а кому горсть мусора. Получившіе эти тарелочки отправлялись съ ними домой. За то и земскія власти и уѣздныя и губернскія дѣлали рѣшительно все, чтò хотѣли Баташевы. Одинъ разъ убѣжалъ мастеровой съ завода и явился въ Елатомскій судъ съ жалобой. Чиновники были такъ испуганы этимъ, что не нашлись сдѣлать ничего иного, какъ, заковавъ мастерового въ кандалы, отправить его обратно къ Баташеву. Послѣдній же, когда ему доложили о побѣгѣ мастерового и его возвращеніи, приказалъ немедленно его повѣсить на площади для примѣра другимъ на одинъ денекъ, такъ чтобы не совсѣмъ его вздергивали:

— Пусть немного достаетъ до земли, дурь-то у него и пройдетъ.

Баташевъ не постѣснился бы повѣсить бѣднягу безъ всякихъ разговоровъ и проволочекъ, но мастеровой былъ хорошій и ему нуженъ.

При своемъ дикомъ самодурствѣ Андрей Родіоновичъ былъ ловеласъ. Бѣда была встрѣтиться съ нимъ сколько-нибудь хорошенькой женщинѣ! Онъ узнавалъ имя ея мужа, который, если не соглашался уступить Баташеву свои права на жену, пропадалъ безъ вѣсти. Какимъ образомъ дѣйствовалъ въ тѣ не очень отъ насъ далекія времена Баташевъ, показываетъ, между прочимъ, и слѣдующій случай, о которомъ мнѣ разсказывалъ Шепелевъ. Было у него въ имѣніи черезполосное владѣніе какого-то татарскаго князька. Андрея Родіоновича это стѣсняло. Когда нечаянно заходила рѣчь объ этомъ имѣніи, онъ всегда говорилъ:

— Ужъ этотъ мнѣ князекъ! все равно, что бѣльмо на глазу.

Надумавъ, онъ порѣшилъ, чтò надо сдѣлать.

Онъ пригласилъ князька однажды къ себѣ въ гости и послѣ обѣда предложилъ продать ему это имѣніе. Въ цѣнѣ онъ не стѣснялся, объявивъ, что заплатитъ какую угодно сумму, только чтобы князь не торчалъ среди его имѣнія и чтобы прекратилось неудовольствіе крестьянъ на черезполосицу, отъ которой у нихъ происходили только ссоры и непріятности. Князь сперва не соглашался, наконецъ, уступилъ настояніямъ Баташева и назначилъ большую сумму. Баташевъ, не споря, согласился, деньги были заплачены, купчая крѣпость совершена немедленно, князь уѣхалъ, но увы! до своего дома не доѣхалъ; онъ исчезъ; его больше никто не видалъ. Говорили, что его застрѣлили и бросили съ камнемъ въ воду;

деньги же возвратили прежнему владѣльцу. Но это еще ничего. У Баташева разъ пропала цѣлая деревня съ народомъ, съ домами, со всѣмъ имуществомъ, пропала такъ, что и слѣда отъ нея не осталось. Какъ же это было? Очень просто. Окружили ночью деревню, населеніе ея перерѣзали, дома сожгли, а землю запахали. Сперва всѣ говорили объ исчезнувшей деревнѣ, но Баташева боялись: поэтому говорили не громко, а затѣмъ забыли это дѣло. Тамъ же, гдѣ была деревня, стало пахотное поле. Вотъ что можно было дѣлать въ концѣ прошлаго вѣка! Я разъ какъ-то спросилъ Шепелева:

— Какимъ образомъ у Баташева очутилось во владѣніи такое множество народа, 36 тысячъ душъ.

Иванъ Дмитріевичъ объяснилъ мнѣ, что на заводахъ находилось множество бѣглыхъ, крѣпостныхъ людей и разнаго бродячаго люда, укрывавшагося и находившаго тамъ работу. Весь этотъ бѣглый и бездомный людъ потомъ былъ приписанъ крѣпостными къ заводамъ. Сверхъ того, Баташевымъ, конечно, многое было пріобрѣтено и покупкою.

При мнѣ, на одномъ изъ заводовъ, на Гусевскомъ, когда я тамъ былъ, ломали каменную стѣну и нашли въ ней человѣческій скелетъ. По сохранившимся мѣднымъ пуговицамъ, слѣдовало думать, что замуравленный былъ исправникъ или становой, или вообще какой-нибудь чиновникъ, не умѣвшій угодить Андрею Родіоновичу.

Братъ Андрея Родіоновича, Иванъ, былъ другого характера, гораздо болѣе мягкаго. На немъ лежали занятія по письменной части и надо отдать ему справедливость, онъ писалъ хорошо, зналъ свое дѣло. Онъ отличался разными странностями; такъ, напримѣръ, всегда разрывалъ носовой платокъ на три части и клалъ ихъ въ разные карманы, одна часть была для обтиранія глазъ, другая для пота и такъ далѣе.

Къ именинамъ жена приготовляла ему всегда халатъ тысячи въ три (онъ ходилъ всегда въ халатѣ), который выписывала изъ Константинополя. Онъ надѣвалъ и прохаживался въ немъ. Въ этотъ день приказывалось всѣмъ горничнымъ прятать ножницы, потому что Иванъ Родіоновичъ считалъ необходимымъ всегда обрѣзать передніе концы и, разумѣется, этимъ портилъ халатъ. Если не въ день полученія его, то черезъ нѣсколько дней, онъ все-таки непремѣнно обрѣзывалъ мѣшавшія ему полы. За обѣдомъ онъ не садился за общій столъ, а ходилъ кругомъ, ведя бесѣду. Жена же его возсѣдала въ вольтеровскомъ креслѣ, обитомъ бархатомъ, съ ногами завернутыми въ дорогую турецкую или индѣйскую шаль, тысячи въ три. Когда почему-нибудь она начинала капризничать, то Иванъ Родіоновичъ, не смущаясь ни чьимъ присутствіемъ, громко говорилъ:

— Вотъ баба какая дрянь стала! а въ дѣвкахъ-то славная была. Знаете почему я на ней женился? Разъ, смотрю въ окно и вижу, она у плотины на прудѣ босикомъ бѣлье полощетъ; юбка-то была подобрана такъ, что видны были икры, бѣлыя, полныя такія, я и влюбился.

Жена не дослушивала разсказа, вставала изъ-за стола и уходила въ свои апартаменты. Дальше этого пункта Иванъ Родіоновичъ не шелъ. Онъ былъ обыкновенно тихъ и мягокъ, но настойчивъ и самолюбивъ. Для выполненія своего желанія онъ никогда не прибѣгалъ къ жестокимъ мѣрамъ, какъ братъ, но пользовался перомъ, которымъ владѣлъ, какъ сказано, ловко. Вотъ одинъ изъ примѣровъ его дѣйствій. Заказаны были заводу правительствомъ чугунныя пушки на довольно значительную сумму. Пушки были отлиты. Для освидѣтельствованія и принятія ихъ присланъ изъ Петербурга артилерійскій полковникъ. На Выксѣ управляющій поднесъ ему слѣдуемый процентъ. Полковникъ нашелъ предложенную сумму маловажною и началъ свидѣтельствовать пушки со всею строгостью. Ивану Родіоновичу доложили объ этомъ. Онъ ни слова не сказалъ, но написалъ въ Петербургъ заявленіе, что жертвуетъ пушки въ казну и не хочетъ взять за нихъ ни копейки, но проситъ прислать для принятія ихъ добросовѣстнаго человѣка. Въ этомъ же заявленіи онъ кстати указывалъ, что трудно будетъ пушки доставить въ Муромъ, потому что отъ Выксы до Мурома нѣтъ дороги, ѣздятъ какъ попало по полямъ и лугамъ, и даже есть мѣста, черезъ которыя совершенно нѣтъ проѣзда. Поэтому не найдетъ ли казна возможнымъ прислать солдатъ, стоящихъ въ Муромѣ и которые ничѣмъ не заняты, для исправленія дороги на протяженіи сорока верстъ, казнѣ это ничего не стоитъ, а между тѣмъ принесло бы пользу всѣмъ и облегчило бы въ будущемъ доставку заказовъ въ Муромъ. Все, что̀ желалъ Иванъ Родіоновичъ, было исполнено: дорога была сдѣлана безъ всякихъ затратъ съ его стороны, а между тѣмъ, онъ давно желалъ проложить эту дорогу, но не дѣлалъ ее потому, что она обошлась бы ему очень дорого. Теперь же онъ получалъ ее даромъ, что превышало стоимость пушекъ по крайней мѣрѣ втрое и, наконецъ, полковникъ, осмѣлившійся сдѣлать ему непріятную вещь, былъ исключенъ изъ службы за недобросовѣстность.

Имущества Баташевыхъ перешли къ Шепелеву по наслѣдству. Отецъ Ивана Дмитріевича, въ свое время извѣстный гвардейскій генералъ, былъ богатъ, но расточителенъ. Женщины были одной изъ его слабостей и чтобы пріобрѣсти благосклонность какой-нибудь актрисы, онъ не стѣснялся дѣлать ей подарки по 20 тысячъ и болѣе. Сильно расшатавъ свое состояніе, онъ началъ пріискивать богатую невѣсту. Слухъ о Баташевой, единственной наслѣдницѣ громадныхъ имѣній, дошелъ до него и онъ повелъ атаку. Узнавъ,

что Баташевы безвыѣздно живутъ на Выксинскомъ заводѣ, онъ порѣшилъ атаковать крѣпость на мѣстѣ. На его счастье, на Выксѣ жилъ его знакомый докторъ. Онъ списался съ нимъ, обѣщалъ щедро наградить доктора, если онъ ему поможетъ, и затѣмъ явился на Выксу подъ предлогомъ заказа. У дома Баташева ломается его коляска, Шепелевъ падаетъ и не можетъ встать. Явившійся докторъ объявилъ, что полученныя поврежденія сопряжены съ опасностью для жизни. Шепелева вносятъ въ домъ, за нимъ ухаживаютъ и т. д. Такъ какъ онъ былъ красивъ, любезенъ, уже генералъ, не смотря на свои сравнительно молодыя лѣта, и хорошей семьи, то немудрено, что ему скоро удалось обворожить всѣхъ. Лечился онъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не предложилъ дочери Баташева свою руку, которая и была принята. Исторія съ сломанной коляской и сломанной ногой была только комедіею. Генералъ Шепелевъ былъ, не смотря на свое французское воспитаніе и свободомысліе, полученное имъ отъ энциклопедистовъ, чисто русскій баринъ; любилъ кулачные бои и такъ преуспѣвалъ въ нихъ, что ему ничего не стоило сбить съ ногъ своего противника. Впрочемъ, случалось, что и ему доставалось; тогда онъ платилъ своему сопернику большія деньги. Подъ старость, когда онъ былъ боленъ каменною болѣзнью, онъ сдѣлался очень религіозенъ, но на свой манеръ. Когда онъ чувствовалъ припадокъ болѣзни, то начиналъ молиться Николаю угоднику, образъ котораго висѣлъ у него постоянно въ кабинетѣ. Если боль не унималась, онъ начиналъ бранить угодника, упрекать его за невниманіе къ молитвѣ, напоминалъ ему, что сдѣлалъ для него золотую ризу, что бралъ его всегда съ собою въ походы и т. д. Если не смотря на эти напоминанія, боль не унималась, то онъ приказывалъ своему камердинеру вынести образъ вонъ. Затѣмъ, по окончаніи припадка, образъ приносили и Шепелевъ начиналъ снова молиться и просить прощенія.

V.

Отъѣздъ мой въ Москву.—Путешествіе по Россіи.—Устройство концертовъ въ то время.—Результаты моего путешествія.—Приключеніе въ Бердичевѣ.—Встрѣча въ Одессѣ съ Вьётаномъ.—Пребываніе на южномъ берегу Крыма.—Вечеръ у градоначальника въ Редутъ-Кале.—Путешествіе въ каюкѣ по Ріону.—Пирушка въ саклѣ.—Пребываніе въ Тифлисѣ.

Я уже разсказывалъ о непріятныхъ отношеніяхъ, которыя возникли между Иваномъ Дмитріевичемъ и его родственниками подъ конецъ моего пребыванія на Выксѣ. Говорилъ также, что у меня была полная довѣренность на управленіе частью имѣній, приходившихся на долю Ивана Дмитріевича. Я, однако, чувствовалъ

себя неспособнымъ долго вести это дѣло и потому рѣшилъ оставить Выксу и уѣхать въ Москву. Передъ самымъ отъѣздомъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ трагическаго происшествія и самому немножко поплатиться. Рано утромъ я услышалъ отчаянные женскіе крики. Вскочивъ съ постели, я увидѣлъ дѣвушку лѣтъ 15-ти всю въ огнѣ. Она вертѣлась, прыгала, закрывала лицо руками и кричала. Я бросился къ ней, сорвалъ горящее платье, но при этомъ обжегъ себѣ руки такъ, что кожа на нихъ была снята какъ перчатка: мнѣ пришлось ждать шесть мѣсяцевъ своего поправленія. Бѣдная же дѣвочка умерла на третій день.

И такъ, я уѣхалъ въ Москву, гдѣ поселился вмѣстѣ съ Иваномъ Дмитріевичемъ въ его громадномъ домѣ на Вшивой Горкѣ (около Солянки), извѣстномъ въ Москвѣ подъ именемъ Шепелевскаго дворца. Это дѣйствительно былъ дворецъ съ бельведеромъ, откуда открывался великолѣпный видъ на добрую часть всего города и Замоскворѣчья, дворецъ роскошно убранный и съ великолѣпнымъ садомъ. Тѣмъ не менѣе, владѣлецъ этого дворца частенько нуждался въ деньгахъ и запутывался въ долгахъ все болѣе и болѣе. Долго оставаться съ Иваномъ Дмитріевичемъ я не могъ, и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (такъ какъ и мои матеріальныя средства тоже истощались, да и дѣлать мнѣ въ Москвѣ было нечего), рѣшился предпринять концертное путешествіе по Россіи.

Въ этомъ путешествіи меня сопровождалъ мой братъ віолончелистъ, который, кромѣ своего инструмента, еще хорошо игралъ на фортепьяно. Онъ мнѣ и аккомпанировалъ. Мы объѣздили въ это путешествіе всю восточную, среднюю и южную Россію, начиная отъ Костромы и Ярославля и кончая Тифлисомъ, Одессою и Петербургомъ. Въ это путешествіе, продолжавшееся четыре года, я далъ 78 концертовъ въ пользу бѣдныхъ. Я былъ первымъ изъ русскихъ виртуозовъ, отважившихся на путешествіе по Россіи вообще, и притомъ на такое продолжительное. Въ этомъ случаѣ я былъ піонеромъ для другихъ. Я приготовилъ большой репертуаръ: въ него входило около 100 пьесъ, въ числѣ которыхъ были какъ мои собственныя сочиненія, около двадцати, такъ и сочиненія скрипичныхъ корифеевъ того времени—Паганини, Вьётана, Беріо, Эрнста и др. Замѣчу здѣсь кстати, что наиболѣе успѣха повсюду имѣли пьесы Вьётана. Чтобы обезпечить матеріальный успѣхъ концертовъ, я старался получить рекомендательныя письма къ властямъ, къ губернаторамъ, къ предводителямъ, къ мѣстнымъ любителямъ музыки, которыми, между прочимъ, чаще всего оказывались аптекаря-нѣмцы. Съ этими любителями, гдѣ только представлялась возможность, я устроивалъ квартеты, знакомя такимъ образомъ публику съ камерною музыкою. Не знаю, какъ дѣлаютъ виртуозы въ настоящее время, когда они концертируютъ по провинціямъ Россіи, но въ мое время было рѣшительно необходимо заручиться поддержкою

лицъ высокопоставленныхъ въ мѣстной администраціи или въ мѣстномъ обществѣ. Слушателей бывало не особенно много, если мѣрить по петербургскому аршину—человѣкъ 100, 200, 300, но для провинціи сороковыхъ годовъ, такая цифра составляла крупный успѣхъ и обезпечивала концертъ въ особенностл при даровой залѣ: залы Дворянскихъ собраній, въ которыхъ я давалъ свои концерты, я всегда получалъ безплатно. Губернаторъ обыкновенно бралъ 50 или 100 билетовъ, изъ числа которыхъ половину 25 или 50 отдавалъ откупщику. Въ нѣкоторыхъ городахъ начальство любезно передавало билеты полиціймейстерамъ и частнымъ приставамъ, а тѣ разсылали квартальныхъ въ гостиные дворы предлагать билеты купцамъ. Безъ сомнѣнія, подобной заботливости не встрѣтятъ теперь концертанты нигдѣ, — не тѣ времена. Точно также о распространеніи билетовъ между помѣщиками и дворянствомъ заботился съ своей стороны предводитель... Благодаря такимъ мѣрамъ, путешествіе наше было счастливо. Мы не стѣснялись въ своихъ расходахъ и тѣмъ не менѣе у меня осталось за всѣми издержками 18 тысячъ рублей чистоганомъ.

Я давалъ въ каждомъ изъ городовъ, находившихся на нашемъ пути, не менѣе двухъ концертовъ, въ нѣкоторыхъ по три и даже четыре. Концерты мои были успѣшны не только въ денежномъ отношеніи, но и въ артистическомъ: я могъ быть вполнѣ удовлетвореннымъ хорошимъ пріемомъ меня публикою. Въ этомъ путешествіи не обошлось, конечно, и безъ приключеній разнаго рода. Проѣхавъ черезъ разные города на почтовыхъ, въ Кременчугѣ я нашелъ болѣе удобнымъ отправиться въ дальнѣйшій путь на долгихъ. Нанялъ одного казака, Якова, съ тройкою лошадей, съ хорошимъ тарантасомъ и съ его собственной особой. Платилъ я ему за все — и за его услуги сверхъ того — по 5 р. въ день. Возница мой былъ добродушный парень, не прочь выпить, какъ всѣ казаки; но оставался однако въ границахъ: я имъ былъ доволенъ. Изъ Кременчуга, мы завернули въ Бердичевъ, дрянной, грязный городишка, наполненный евреями.

Мой Яковъ ненавидѣлъ жидовъ, и не упускалъ случая сдѣлать имъ что̀-либо непріятное. Если онъ встрѣчалъ двухъ-трехъ жидовъ, то непремѣнно продѣлывалъ слѣдующую штуку: протягивалъ къ нимъ руку и указательнымъ пальцемъ начиналъ водить по воздуху. Я не понималъ въ чемъ дѣло и спросилъ объясненія: «Я имъ показываю,—отвѣчалъ онъ,—что считаю ихъ; они этого терпѣть не могутъ; думаютъ, что одинъ изъ пересчитанныхъ въ этомъ году непремѣнно умретъ». Когда мы уѣхали изъ Бердичева и проѣхали верстъ 10 отъ него, насъ обогнали въ телѣгѣ человѣкъ восемь евреевъ. Этихъ мой Яковъ уже не считалъ, а зорко за ними приглядывалъ. Когда они скрылись въ лѣсъ, виднѣвшійся передъ нами, Яковъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «это недобрые люди и не

на доброе дѣло ѣдутъ». Я думалъ, что они повернутъ въ шинокъ, но они покатили прямо въ лѣсъ; лѣсъ же этотъ громадный, идетъ на много верстъ и никакого жилья, разумѣется, тамъ нѣтъ. «Пожалуй они насъ тамъ встрѣтятъ, а дѣлать съ ними ничего не подѣлаешь,—говорилъ Яковъ,—ихъ восемь. Не переждать ли намъ? Да вонъ кстати изъ-за лѣса вишь какая туча поднимается! Заворотимте-ка мы лучше въ шинокъ, да и переночуемъ, а завтра Богъ дастъ отправимся далѣе». Я согласился съ его предложеніемъ. Мы подъѣхали къ корчмѣ. Дворъ ея былъ крытый, съ двумя воротами, изъ которыхъ одни выходили къ лѣсу. Яковъ распрегъ лошадей, а я пошелъ пройтись по дорогѣ. Смотрю, изъ лѣса ѣдетъ обратно, но тихо, та же самая телѣга съ жидами. Невольно мнѣ подумалось, что быть можетъ слова Якова и справедливы. Покамѣстъ я раздумывалъ, около меня, неизвѣстно откуда, появился человѣкъ огромнаго роста съ черными вьющимися волосами, съ мало привлекательною физіономіей, въ грязномъ архалукѣ. Осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, онъ запустилъ правую руку въ карманъ, вытащилъ оттуда серебряныя ложки и предложилъ мнѣ ихъ купить. Я отказался, сказавъ ему, что мнѣ съ ними нечего дѣлать, такъ какъ ѣмъ деревянными ложками: молъ лучше, не обожжешься. Онъ посмотрѣлъ на меня презрительно, сплюнулъ и вернулся во дворъ, покуривая коротенькую трубочку. Во дворѣ онъ подошелъ къ Якову, спрашивая его: «Купцы что ль ѣдутъ на ярмарку?» Смѣтливый Яковъ отвѣчалъ: «Какое купцы! музыканты. Играютъ по трактирамъ. Вишь вонъ на козлахъ привязана бандура». Незнакомецъ еще разъ презрительно плюнулъ и ушелъ въ шинокъ. Заглянувъ туда, я увидѣлъ тамъ еще человѣкъ десять такихъ же подозрительныхъ личностей, какъ и разговаривавшій съ нами незнакомецъ: у нихъ шелъ пиръ горою. Я не остался въ корчмѣ, а вышелъ на дворъ, хотя была гроза и дождь лилъ какъ изъ ведра. Эта обстановка навела на насъ съ братомъ тяжелыя мысли. Мы даже приготовили пистолеты, кинжалы, вообще рѣшили дорого продать свою жизнь. Подъ вліяніемъ безпокойства, я думалъ, что не засну всю ночь; вышло наоборотъ; мы спали какъ убитые и проспали до утра, не слыхавъ, что около насъ дѣлается. Когда мы проснулись, утро было тихое, ясное, ароматное. Подозрительная ватага уже исчезла. Мы принялись за чай; но приключенію нашему еще не былъ конецъ. Отворилась дверь корчмы и вошелъ хохолъ съ чубомъ на головѣ, съ подбритыми волосами, съ огромной дубиной въ рукахъ. Подойдя къ намъ, онъ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ сказалъ: «Идемъ къ пану». — «Къ какому пану, зачѣмъ? Не пойду». — «А коль не пойдешь, я позову казаковъ, тебя свяжутъ и поведутъ насильно». Видя, что разговаривать при такихъ условіяхъ трудно, я перемѣнилъ тонъ и прежде всего предложилъ ему чаю. Онъ охотно принялъ предложеніе.—

«А гдѣ твой панъ живетъ?»—«Версты тутъ три за лѣсомъ».—«Да зачѣмъ же я къ нему пойду?»—«Такъ приказано».—«А кто ты самъ такой?»—«Староста».—«Послушай, идти я не могу, мы запряжемъ лошадей и отправимся всѣ вмѣстѣ къ твоему пану». Онъ молчалъ, раздумывая. Я предложилъ ему еще чаю; тогда онъ согласился. Запрягли лошадей, хохолъ сѣлъ на козлы съ своею дубиной и мы поѣхали черезъ лѣсъ, по проселочной дорогѣ. Наконецъ, подъѣхали къ деревянному домику съ крылечкомъ на четырехъ столбикахъ. На крылечкѣ пилъ чай панъ въ вязаномъ бѣломъ колпакѣ на головѣ, въ халатѣ, въ туфляхъ на босу ногу и въ одномъ бѣльѣ; это былъ мѣстный становой приставъ. Я объяснилъ ему, что староста по его приказанію привелъ меня сюда. «Вы откуда ѣдете и куда?»—спросилъ онъ. Я объяснилъ ему, что ѣду изъ Кіева въ Одессу, что я музыкантъ и у меня есть рекомендательныя письма отъ самого генералъ-губернатора Бибикова. Онъ тотчасъ измѣнилъ свой тонъ и началъ извиняться. Онъ сообщилъ мнѣ, что получилъ предписаніе отъ генералъ-губернатора принять мѣры противъ шайки разбойниковъ, которая сдѣлала уже нѣсколько убійствъ и грабежей въ той мѣстности. Поэтому было отдано приказаніе казакамъ и старостамъ, чтобы они приводили въ станъ личностей, которыхъ они найдутъ по утрамъ въ шинкахъ. Я разсказалъ ему то, чему мы были свидѣтелями съ вечера и замѣтилъ, что ужъ коли искать разбойниковъ и подозрительныхъ личностей, то надо ихъ искать не утромъ, а ночью. Не знаю послѣдовалъ ли этотъ оригинальный представитель власти моему совѣту, такъ какъ въ той мѣстности я больше не былъ. Распростившись съ нимъ, я поѣхалъ своею дорогой. Не задолго до моего проѣзда, въ южныхъ городахъ концертировалъ Листъ и мнѣ приходилось слышать разсказы не столько объ его игрѣ, сколько объ его кутежахъ и волокитствахъ. Въ Кіевѣ, онъ между прочимъ, остался совсѣмъ безъ денегъ: его обыгралъ племянникъ генералъ-губернатора Бибикова, чѣмъ послѣдній былъ очень недоволенъ и даже выслалъ племянника изъ Кіева. Бибиковъ самъ былъ охотникъ, если не до картъ, то до женщинъ. Ходило множество разсказовъ объ его похожденіяхъ, порою очень неудачныхъ для него...

Наконецъ я добрался до Одессы, гдѣ далъ два концерта. Вскорѣ туда пріѣхалъ и Вьётанъ съ женою, они остановились въ той же самой гостинницѣ, гдѣ и я. Мнѣ очень нравились его сочиненія и я поэтому былъ чрезвычайно радъ встрѣтиться съ нимъ и познакомиться. Мы сошлись очень хорошо. Каждый день у насъ составлялись квартеты, и мы проводили большую часть дня вмѣстѣ и вмѣстѣ купались въ морѣ. Я былъ счастливъ, что судьба насъ сблизила. Лицо Вьётана напоминало что-то негритянское: толстыя губы и черные, круто вьющіеся волосы, придавали ему африкан-

скій оттѣнокъ. Но тѣло его было бѣлое и онъ былъ превосходно сложенъ: я всегда любовался его торсомъ. Онъ былъ добрый человѣкъ, безпечный и лѣнивый. Когда онъ не игралъ, то валялся по дивану цѣлые дни, ничего не дѣлая. Наоборотъ, жена его, для которой онъ былъ кумиромъ, отличалась своею дѣятельностью. Она даже чистила ему платье, одѣвала его, составляла афиши его концертовъ и, сверхъ того, аккомпанировала ему. Говорятъ, она была прежде garde malade въ какомъ-то госпиталѣ. Во всякомъ случаѣ, большей заботливости и преданности своему мужу, она не могла бы и выказать.

Съ нетерпѣніемъ я стремился къ южному берегу. Уже въ Одессѣ море очаровало меня, но мнѣ говорили чудеса о восхитительной природѣ южнаго берега. Въ Балаклавѣ, на станціи, я долженъ былъ остановиться, такъ какъ за большимъ разгономъ не было лошадей. Такой разгонъ былъ всегда, когда князь Воронцовъ находился въ Алупкѣ: проѣзжающимъ, не имѣвшимъ казенныхъ подорожныхъ, приходилось сидѣть на станціи по суткамъ, а иногда и болѣе. Мнѣ сказали, что я могу выѣхать не раньше какъ на другой день. Дѣлать было нечего; пришлось отправиться осматривать городъ и его окрестности. Балаклава расположена на берегу закрытаго залива, въ совершенно правильной котловинѣ, окруженной горами. Въ то время это былъ городишка, состоявшій изъ мазанокъ и маленькихъ домиковъ; во всемъ городѣ находился одинъ только порядочный, деревянный одноэтажный домъ. Случайно я заговорилъ съ встрѣтившимся мнѣ молодымъ человѣкомъ, который охотно вызвался быть моимъ чичероне.

Послѣ осмотра города, молодой человѣкъ, оказавшійся сыномъ градоначальника, былъ такъ любезенъ, что пригласилъ меня къ себѣ. Когда я вошелъ къ нимъ въ залу—они жили въ томъ единственномъ хорошемъ домѣ города, о которомъ я упомянулъ,—то замѣтилъ прекрасный рояль, открылъ его и началъ играть. Я фантазировалъ по крайней мѣрѣ съ часъ и готовъ былъ бы просидѣть всю ночь за инструментомъ, такъ расположенъ былъ играть. Кто ѣздилъ по нашей провинціи, тотъ знаетъ какъ трудно и теперь найти тамъ,—кромѣ самыхъ большихъ городовъ,—порядочный инструментъ, что̀ за разбитыя сковороды обыкновенно предлагаютъ къ услугамъ концертантовъ! Въ то время, разумѣется, было еще хуже въ этомъ отношеніи и моя радость стало быть вполнѣ объясняется.. Однако, изъ боязни надоѣсть слушателямъ и быть невѣжливымъ, я оставилъ играть. Но вся семья была въ такомъ восторгѣ отъ моей игры, что я могъ сѣсть опять за инструментъ и продолжать свой импровизированный концертъ. Живя въ захолустьѣ и рѣдко кого видя, они не знали какъ меня благодарить. Я въ свою очередь былъ доволенъ и, такимъ образомъ, мы провели вечеръ самымъ пріятнымъ образомъ. У нихъ я и но-

чевалъ. Я выѣхалъ изъ Балаклавы, когда еще было совершенно темно. Возница мой погонялъ лошадей и мы быстро катились впередъ. Признаюсь, въ этой темнотѣ, я боялся, чтобы гдѣ-нибудь мы не скатились съ обрыва. Съ напряженнымъ вниманіемъ осматривался я кругомъ. Вдругъ надъ самою головою раздается ружейный выстрѣлъ. Въ ночной тишинѣ гулъ выстрѣла былъ особенно громкій и въ горахъ онъ повторился нѣсколько разъ. Я ожидалъ уже увидѣть около насъ татаръ. Это ожиданіе было весьма непріятно. Никто, однако, не показывался, а возница мой совсѣмъ спокойно погонялъ лошадей. Я постарался спросить его, какъ могъ хладнокровнѣе, чтò означалъ этотъ выстрѣлъ. Оказалось, что это стрѣлялъ сторожъ въ какомъ-нибудь виноградникѣ. По обычаю, существующему въ Крыму, какъ и въ разныхъ южныхъ странахъ, сторожа стрѣляютъ ночью, чтобы показать, что они бодрствуютъ. Стало свѣтать. Мы поднимались все выше на гору, по которой шло прекрасное шоссе. Въ одномъ мѣстѣ я увидѣлъ ключъ; отъ него по канавкѣ, обдѣланной камнемъ, струилась чистѣйшая какъ кристалъ вода. Я остановилъ лошадей, умылся, напился и точно помолодѣлъ отъ этой чудесной воды. Когда мы поднялись на гору, я увидѣлъ очаровательную картину. Внизу виднѣлась Байдарская долина, около которой съ обѣихъ сторонъ шли цѣпи горъ. Солнце еще не показывалось изъ-за горы, но лучи его были видны надъ долиною радужными цвѣтами. Долина была закутана тонкимъ, какъ флеръ, туманомъ, сквозь который виднѣлись сады и бѣлыя деревни. Я остановилъ экипажъ и залюбовался этой великолѣпной картиной. Съ трудомъ оторвавшись отъ нея, я приказалъ спускаться. Проѣхавъ Байдарскую долину, мы опять начали подниматься въ гору. На верху передъ нами было чтò-то въ родѣ тріумфальныхъ воротъ, построенныхъ изъ камня. Когда ворота остались за нами, передо мной открылась новая картина, ошеломившая меня до одуренія. «Стой!» закричалъ я возницѣ и началъ разсматривать чудеса, которыя въ моей жизни еще не видѣлъ. Я стоялъ на высокой горѣ, сажень во сто; передо мной разстилался обрывъ крутой, какъ стѣна, изъ гранита. Впереди виднѣлось безконечное море, яркое и блестящее, игравшее на солнцѣ разными цвѣтами. Долго я стоялъ, пораженный роскошнымъ зрѣлищемъ. Далѣе по берегу моря дорога шла то зигзагами, то спиралью, мы ѣхали то впередъ, то назадъ, то подымались, то опускались, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были тоннели. По берегамъ расположено множество дачъ, окруженныхъ садами. Дорога по южному берегу такъ меня очаровала, что подобнаго чувства я во всю жизнь уже болѣе не испытывалъ. Въ Венеціи и въ роскошной Италіи, я не такъ сильно былъ очарованъ, какъ тутъ. Наконецъ, мы пріѣхали въ Алупку. Воронцовскій дворецъ издали показался мнѣ, сравнительно съ каменистыми горами и разбросан-

ными въ безпорядкѣ гигантскими камнями, карточнымъ домикомъ. Въ Алупкѣ я остановился въ гостинницѣ, переодѣлся и пошелъ во дворецъ, взявъ съ собою рекомендательное письмо отъ графини Шуазель, близкой пріятельницы графини Воронцовой. Меня немедленно повели къ княгинѣ. Мы прошли нѣсколько комнатъ, одна изъ которыхъ была совсѣмъ круглая, а посрединѣ ея довольно высоко билъ фонтанъ; всѣ же стѣны и даже потолокъ были покрыты зеленью большихъ вьющихся тропическихъ растеній. Наконецъ, мы достигли залы, гдѣ находились княгиня и князь. Княгиня сидѣла у стола и курила кальянъ. На другомъ концѣ комнаты стоялъ князь М. С. Воронцовъ около стола, на которомъ лежала груда рисунковъ, плановъ и прочее. Въ комнатѣ находилось большое общество. Княгиня, прочтя письмо, очень ласково разспрашивала меня о путешествіи и просила считать ихъ домъ своимъ. Князь Воронцовъ, въ то время бывшій намѣстникомъ Кавказа, былъ также внимателенъ и ласковъ ко мнѣ, какъ и его супруга. Я долженъ былъ каждый день приходить къ нимъ обѣдать и завтракать. Обѣдали въ 6 часовъ; каждый день за столъ князя садилось человѣкъ 70 или 80. Князь былъ, какъ извѣстно, англоманъ до такой степени, что даже не пилъ свое прекрасное вино, ему всегда подавался хересъ. Послѣ обѣда всякій былъ воленъ дѣлать, что̀ хочетъ, но къ завтраку и къ обѣду всѣ собирались обязательно. Я много игралъ у нихъ по вечерамъ. Во дворцѣ былъ прекрасный англійскій рояль Братвуда. Временами князь приглашалъ оркестръ изъ Симферополя. Я прожилъ въ Алупкѣ около двухъ недѣль и былъ очень счастливъ, что съумѣлъ заслужить расположеніе княгини. Она меня принимала даже по утрамъ, не закончивъ вполнѣ туалета, знакъ довѣрія, котораго удостоивались не многіе, потому что княгиня въ описываемое время была уже очень не молода и относилась чрезвычайно внимательно къ тайнамъ своего туалета.

Изъ Крыма я направился на Кавказъ, черезъ Керчь, гдѣ познакомился съ нѣкіимъ г. Андросовымъ, впослѣдствіи обыгравшимъ меня въ карты. Съ нимъ и съ его прислугою мы направились въ Редутъ-Кале на пароходѣ. Въ Редутъ-Кале мы расположились въ двухъ очень плохихъ комнатахъ съ дырявымъ поломъ, черезъ который видна была вода. Дѣло въ томъ, что Редутъ-Кале стоитъ при впаденіи Ріона въ Черное море. Мѣстность чрезвычайно низкая, почти въ уровень съ моремъ; рѣка замѣняетъ собою улицу. Большая часть домовъ расположена надъ водою, на деревянныхъ подставкахъ, такъ что сообщеніе тамъ какъ въ Венеціи, но только въ карикатурѣ. Кровати для насъ не нашлось и мы должны были расположиться прямо на полу. У Андросова нашелся въ Редутъ-Кале знакомый, съ которымъ мы отправились къ градоначальнику на вечеръ, дававшійся, кажется, по случаю именинъ его. Градоначальникъ жилъ въ деревянномъ, низенькомъ, одноэтажномъ до-

микѣ, передъ которымъ была терраса немного выше уровня земли; съ террасы, замѣнявшей переднюю, стеклянная дверь вела прямо въ залу. На террасѣ находился казакъ, у котораго оставляли верхнее платье. Корадини, такъ звали знакомца Андросова, представилъ насъ хозяину, который принялъ насъ чрезвычайно любезно. Большое общество уже наполняло его домъ. Здѣсь были греки, армяне, чиновники съ женами; въ одной комнатѣ велась азартная игра, довольно крупная. На лодкахъ безпрестанно подъѣзжали новые гости. Когда всѣ собрались, пришелъ грекъ, поставилъ два стула, на нихъ большой ящикъ, щелкнулъ ключемъ и началась французская кадриль: ящикъ оказался шарманкой, подъ звуки которой и танцовали. Не стану описывать бала въ уѣздномъ захолустьѣ. Танцовали усердно; послѣ каждаго танца разносилось угощеніе, а мужчины курили, не выпуская трубокъ изо рта, такъ что накурено было ужасно. Въ другой комнатѣ метали банкъ и накурено было точно также. На террасу нельзя было выйти, потому что лилъ проливной дождь и было темно. Не находя интереса въ этомъ черезчуръ смѣшанномъ обществѣ, я потихоньку убрался домой. Мой спутникъ явился только часовъ въ 9 утра и въ ужасномъ видѣ: въ мокрой шинели, бобровый воротникъ которой превратился въ блинъ, ноги грязныя, лицо блѣдное и волосы растрепанные. Его обыграли на тысячу рублей, да къ тому же едва не украли шинель, которую ему удалось получить обратно только благодаря особой энергіи. Мы порѣшили не оставаться болѣе въ этомъ «гостепріимномъ» пріютѣ, наняли каюкъ съ двумя провожатыми мингрельцами и отправились по Ріону далѣе. На каюкѣ помѣщался нашъ тарантасъ и вещи, и его тащили на бичевѣ вверхъ по Ріону бурлаки-мингрельцы. Хотя былъ январь, но было довольно тепло. Вечеромъ, мы дѣлали привалы на берегу. Мингрельцы вколачивали колъ въ землю и привязывали къ нему каюкъ, на берегу раскладывали костеръ и приготовлялся ужинъ. Наваливали валежникъ, чтобы не спать прямо на землѣ, на валежникъ клали ковры и мы размѣщались подъ открытымъ небомъ, не опасаясь ни лихорадокъ, ни холода, ни дикихъ звѣрей, которые могли бродить въ лѣсу. Мингрельцы насъ, впрочемъ, предупредили, чтобы мы не снимали сапогъ, потому что шакалы, которыхъ здѣсь множество, могутъ съѣсть сапоги. Утромъ рано, мы поднимались и, напившись чаю, плыли далѣе. Сперва путешествіе это доставляло намъ удовольствіе—пріятно было находиться въ хорошую погоду на прекрасной рѣкѣ, посреди величественной природы; но погода измѣнилась, пошелъ дождь и поднялся вѣтеръ. Дождь превратился въ какія-то льдинки и рѣзалъ лицо. Мы были одѣты тепло, но мальчикъ, бывшій съ нами, промокъ до костей; съ нимъ сдѣлалась сильная лихорадка. Я думалъ, что онъ не вынесетъ припадка, и мы не довеземъ его до Тифлиса. Узнавъ отъ

нашего проводника, что поблизости—верстъ за 8—имѣется сакля (ближе ничего не было!) я рѣшилъ укрыться въ ней отъ непогоды. Крайне утомленные добрались мы туда. Берегъ былъ глинистый, крутой, такъ что съ чрезвычайнымъ трудомъ приходилось карабкаться по немъ. Сакля, какъ всѣ постройки подобнаго рода на Кавказѣ, была устроена прескверно. Отовсюду дулъ вѣтеръ; посреди ея горѣлъ костеръ и въ ней же стояли коровы и овцы. Кое-какъ мы устроились и принялись обогрѣваться чаемъ. Узнавъ, что въ саклѣ находятся чужіе, русскіе, въ нее начали собираться изъ окрестностей мингрельцы съ провизіей. Одна изъ пришедшихъ женщинъ была красавица, какихъ рѣдко можно встрѣтить. Мы всѣ невольно на нее заглядѣлись. Я далъ ей нѣсколько мелкихъ монетъ, а одинъ изъ нашихъ спутниковъ-мингрельцевъ, что-то долго говорилъ ей по-мингрельски: красавица краснѣла, наконецъ, закрыла чадрой лицо, оставивъ только прекрасные глаза. Оказалось, что нашъ мингрелецъ предложилъ ей ѣхать съ нами въ Тифлисъ, говоря, что русскій совсѣмъ очарованъ ею. Я, дѣйствительно, былъ очарованъ и, пожалуй, былъ не прочь, по своей молодости и неразумію, продѣлать такую штуку. Но Андросовъ, какъ человѣкъ опытный и хорошо знавшій Кавказъ, объяснилъ мнѣ всю нелѣпость и опасность предложенія моего проводника: намъ просто могли поставить ловушку притворнымъ согласіемъ. Мы пригласили женщинъ сѣсть около костра на циновки, предложили имъ пуншъ и у насъ устроилась маленькая импровизированная пирушка, продолжавшаяся до самого вечера. Наши гости пѣли намъ свои народныя пѣсни, въ которыхъ, однако, долженъ признаться, я не нашелъ ничего особенно интереснаго, хотя ихъ мелодіи не были лишены нѣкоторой оригинальности для европейскаго слуха. Вообще, я не могу сказать, чтобы нашелъ на Кавказѣ,—или быть можетъ я находился въ невыгодныхъ условіяхъ для наблюденія,—красоты въ народныхъ туземныхъ пѣсняхъ, за исключеніемъ немногихъ. А исполненіе было всегда плохое. Нѣкоторые кавказскіе мотивы мнѣ, впрочемъ, послужили впослѣдствіи для моей оперы «Амалатъ-Бекъ». Наконецъ, всѣ разошлись, остались только двѣ наши хозяйки. Онѣ легли на доскахъ, поднятыхъ отъ земли на двѣ четверти на столбахъ и покрылись одѣяломъ. Мы же легли на землѣ на циновкахъ; каюкъ нашъ оставался на Ріонѣ безъ всякаго присмотра: безпокоиться о какой-либо пропажѣ не приходилось, потому что мингрельцы честный и простой народъ. На другое утро мы двинулись дальше, сопровождаемые пожеланіями толпы народа, снова собравшейся къ утру поглазѣть на насъ. Мы давали разнымъ «князьямъ» по гривеннику за мелкіе услуги и они были чрезвычайно довольны. Погода разъяснилась; было чудесное утро. Всѣ насъ провожали до каюка, всякій старался чѣмъ-нибудь услужить; мы разстались очень дружественно.

Наконецъ, мы дотащились до Кутаиса, гдѣ оставили нашъ каюкъ и уже на лошадяхъ двинулись въ Тифлисъ. Путь лежалъ, почти все время, по берегу Куры. Кура,—горная рѣчка, безпристанно извивалась, иногда и совсѣмъ исчезла. На одной станціи, имя которой не помню, мы встрѣтили цѣлую роту скопцовъ, присланныхъ туда изъ Россіи. Всѣ были слабы, безжизненны, безбороды, лица у всѣхъ какъ выжитый лимонъ; казалось, съ трудомъ они поднимали ружья. Эти войска употреблялись только для отданія чести проѣзжимъ генераламъ и начальству. Жили они зажиточно; у нихъ была общая артель, которою завѣдовала женщина тоже оскопленная. За то лошадей мы получили отъ нихъ великолѣпныхъ. Видно было, что за ними уходъ былъ тщательный. Но нельзя было смотрѣть безъ смѣха на старанія скопцовъ въ запряжкѣ экипажа: до такой степени они были малосильны!..

На Кавказѣ, какъ я сказалъ выше, намѣстникомъ былъ тогда князь М. С. Воронцовъ. Такъ какъ я уже въ Алупкѣ познакомился съ нимъ и его супругой, то и здѣсь бывалъ у нихъ въ домѣ довольно часто. Они продолжали оставаться любезными и внимательными ко мнѣ. Въ домѣ у нихъ устроивались музыкальные вечера. Въ тифлисскомъ обществѣ было въ то время порядочное число любителей музыки, но они были разбросаны: ничто ихъ не соединяло, тѣмъ болѣе, что не было и такого объединяющаго центра какъ театръ. Послѣдній былъ устроенъ въ Тифлисѣ гораздо позже. Я далъ въ Тифлисѣ два концерта и познакомился со всѣмъ городомъ. Бывалъ у князя Гагарина, впослѣдствіи кутаисскаго губернатора, большого любителя живописи и музыки. Въ домѣ его было множество картинъ и альбомовъ съ рисунками, изображавшими кавказскую жизнь. Одна изъ комнатъ была увѣшена эскизами и портретами разныхъ лицъ, работы самого хозяина. У него въ домѣ я встрѣтился съ поэтомъ Я. П. Полонскимъ, съ К. Булгаковымъ, извѣстнымъ своими шалостями. Онъ и въ Тифлисѣ былъ такой же неугомонный, какъ въ Петербургѣ. Изъ Тифлиса я началъ возвратный путь въ Россію опять черезъ Кутаисъ, но въ Кутаисѣ концертовъ не давалъ. Въ этомъ губернскомъ городѣ слушателей не набралось бы и 20 человѣкъ: населеніе Кутаиса не слыхало ничего, кромѣ шарманки, да мѣстной зурны и ничего иного не признавало. Во всемъ городѣ было одно только фортепьяно и то весьма плохое, какъ была всего одна карета, принадлежавшая губернатору. Эту карету губернаторъ обыкновенно посылалъ за разными туземными царевнами, жившими въ городѣ. Губернаторъ принялъ меня любезно и я у него игралъ нѣсколько разъ.

Его домъ былъ въ одинъ этажъ и съ улицы было слышно и видно все, что̀ въ немъ дѣлалось. Когда я игралъ, огромная толпа собиралась на улицѣ. Тѣмъ не менѣе, они находили, что музыка моя очень странная, потому что никто не танцуетъ, слушая ее.

Вообще Кавказъ, въ то время, по своему развитію, стоялъ ниже любой захолустной русской губерніи и путешествіе тамъ не было ни особенно легко, ни особенно пріятно; вслѣдствіе усиленной гоньбы лошадей на станціяхъ часто не доставало, а находившіяся были измучены до того, что не рѣдко, мнѣ по крайней мѣрѣ, приходилось выѣхавши на трехъ, пріѣзжать на станцію только на коренной. Дороги были плохи, станціи убійственны, съ окнами, въ которыхъ были выбиты всѣ стекла; въ углахъ же комнатъ находился наметенный вѣтромъ снѣгъ. Дворъ наполненъ обыкновенно черною вонючею грязью по колѣно; чтобы добраться до крыльца, приходилось перескакивать по камнямъ, разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ двора. Ѣсть зачастую было нечего; нельзя было достать даже молока и яицъ. Приходилось самимъ жарить на кочергахъ вмѣсто вертела—какую-нибудь съ трудомъ добытую курицу. И при такихъ удобствахъ на станціяхъ проѣзжающимъ приходилось оставаться не по нѣсколько только часовъ, а чуть не по недѣлѣ. Иногда надо было переѣзжать до слѣдующей станціи за недостаткомъ лошадей на буйволахъ, или волахъ, на двухколесныхъ арбахъ, гдѣ кое-какъ устроивалось сидѣнье. Разумѣется, ѣхали крайне медленно, и тратилась масса времени даже на небольшія станціи; какія-нибудь двадцать верстъ тащились цѣлый день: такая была грязь и такъ много препятствій. Грузины останавливались чуть не у каждаго духана, увѣряя, что иначе волы должны издохнуть. Они распрягали воловъ или буйволовъ, и оставляли насъ съ братомъ на произволъ судьбы подъ открытымъ небомъ. Но за то, какъ бывало радуешься, когда попадешь на порядочную станцію, гдѣ можно было обогрѣться. Чтобы избѣжать такихъ проволочекъ, я придумалъ слѣдующую штуку: досталъ изъ чемодана афишу одного изъ моихъ концертовъ, напечатанную крупными буквами, очень эфектно раскладывалъ ее на столъ и увѣрялъ моихъ вожатыхъ, что это указъ, по которому я обязанъ быть доставленъ на слѣдующую станцію, и если я опоздаю, то возчиковъ отдадутъ подъ судъ. Грузины вѣрили моей выдумкѣ и мы двигались кое-какъ впередъ. Я долженъ сказать, что хотя грузины вообще тяжелый народъ, и видъ имѣютъ суровый, но они честны и добры, это не то что греки, армяне и евреи. Развлеченьемъ въ дорогѣ служили намъ встрѣчи съ какими-нибудь интересными предметами или личностями. Разъ мы встрѣтили цѣлый караванъ арбъ, закрытыхъ коврами; его сопровождали всадники человѣкъ двадцать, на прекрасныхъ лошадяхъ. Когда всадники проѣхали впередъ, ковры арбъ поднялись и мы увидѣли хорошенькихъ женщинъ, посылавшихъ намъ воздушные поцѣлуи. Это былъ какой-то татарскій князь, переѣзжавшій на лѣтнее жилье со своей семьей.

VI.

Мой пріѣздъ въ Петербургъ.—Поступленіе на службу въ петербургскій театральный оркестръ.—Петербургскіе музыканты и любители музыки.—Графъ Віельгорскій.—А. Ѳ. Львовъ.—А. Н. Сѣровъ.—О. И. Сенковскій.—Оставленіе мною службы въ оркестрѣ.—Мой проектъ устройства консерваторіи.—Конкурсы Русскаго Музыкальнаго Общества.—Мое путешествіе по Европѣ.—Парижскіе оркестры.—Мои оперы и музыкальныя сочиненія.

Удачны были мои концерты и во внутренней и сѣверовосточной Россіи. Путешествіе мое закончилось Петербургомъ, куда я пріѣхалъ въ 1851 году и тоже далъ два концерта съ большимъ успѣхомъ, доказательствомъ чего могутъ служить рецензіи помѣщенныя въ «Journal de St. Petersbourg», «Сѣверной Пчелѣ» и др. газетахъ.

Мое намѣреніе было не оставаться въ Петербургѣ; я готовился уже ѣхать за границу, во Францію, Германію и Англію, и надолго, но судьба измѣнила мои планы. Отецъ мой умеръ; я не могъ оставить старушку мать съ малолѣтнимъ еще братомъ и сестрою. Пришлось искать занятій въ Петербургѣ. Черезъ Александра Дмитріевича Кирѣева, бывшаго правою рукою Гедеонова, тогдашняго директора театровъ, мнѣ и моему брату віолончелисту сдѣлано было предложеніе поступить въ оркестръ итальянской оперы, на выгодныхъ для насъ условіяхъ. Мы охотно согласились. Тогда итальянская опера была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Составъ ея былъ блестящій; въ ней были такія силы, какъ Рубини, Маріо, находившійся въ цвѣтѣ своей молодости, Гризи, столь же красивая, какъ и превосходная пѣвица, Тамбурини, Ронкони, Лаблашъ, Бретингъ, Ферзингъ, Демерикъ, знаменитая Віардо, вотъ какія были ея силы. Балетъ стоялъ тоже на высокой степени совершенства, въ немъ танцовали Тальони, которую я, впрочемъ, не засталъ, Фанни Эльслеръ и другія.

Директоръ Гедеоновъ былъ добрѣйшій человѣкъ, но самодуръ и крикунъ, ошеломлявшій своимъ крикомъ. Но кто не пугался перваго впечатлѣнія, могъ идти къ нему смѣло и добиваться чего хотѣлъ. Я помню, разъ при мнѣ его усмирилъ статистъ, на котораго онъ напустился по своему обыкновенію, угрожая выгнать его вонъ, отдать подъ судъ, сослать въ Сибирь. Статистъ, которому терять было нечего, отвѣчалъ ему съ такимъ жаромъ и рѣзкостью, что Гедеоновъ растерялся, отступилъ и сдѣлалъ все, что̀ надо было статисту. А ужъ итальянскіе артисты, и въ особенности артистки, изъ числа пользовавшихся его покровительствомъ, дѣлали изъ него все, что̀ хотѣли и третировали его, при случаѣ, не стѣсняясь ни чѣмъ, совсѣмъ sans façon.

Гедеоновъ не входилъ въ театральное хозяйство, а какъ велось оно при немъ вѣдаетъ одинъ Аллахъ. Вообще, о Гедеоновѣ и его

управленіи существуетъ въ печати столько воспоминаній и анекдотовъ, вполнѣ вѣрныхъ, что я считаю совершенно лишнимъ останавливаться на немъ. Главными лицами у него были Неваховичъ и Лисицынъ, устроивавшіе для него не мало дѣлъ разнаго рода, иногда довольно щекотливаго свойства, и за то распоряжавшіеся въ театрѣ по произволу. Прослуживъ въ театрѣ не мало лѣтъ, я могу сказать, что театральный міръ представляетъ собою болото, болото поганое, хотя по наружности оно можетъ обмануть хоть кого.

Оркестръ петербургской оперы былъ весьма хорошъ, но и въ немъ была деморализація, отчасти вслѣдствіе экономическихъ причинъ, отчасти вслѣдствіе слабости инспектора оркестровъ Мауэрера: многіе убѣгали отъ службы, какъ только могли, получая, однако, исправно жалованье. По своему нравственному развитію петербургскіе музыканты стояли, однако, гораздо выше своихъ московскихъ товарищей, хотя и здѣсь случались исторіи. Такъ, напримѣръ, извѣстный Венявскій, бывшій весьма задорнымъ и нахаломъ, поспоривъ съ однимъ изъ товарищей изъ-за А. Патти, такъ прищемилъ своего противника дверью, что тому пришлось слечь въ постель.

Венявскій занялъ мѣсто Вьётана, находившагося въ петербургскомъ театрѣ около десяти лѣтъ. Волшебная его игра всѣмъ извѣстна: весь театръ съ жадностью всегда ожидалъ пробы его смычка. Надо, однако, сказать, что Венявскій былъ посредственный квартетистъ и пользы большой въ Петербургѣ не принесъ: учениковъ у него осталось мало.

Я въ Петербургѣ познакомился со многими литераторами и художниками, зналъ Глинку, хотя и не коротко, Доргомыжскаго, Греча, Булгарина, Сенковскаго, Кукольника, И. А. Гончарова, А. Н. Майкова, Писемскаго и др. Музыкальный міръ Петербурга въ началѣ пятидесятыхъ годовъ былъ далеко не такой многочисленный и разнообразный какъ теперь, не было разныхъ партій и кружковъ, какъ въ настоящее время. Если бы надо было характеризовать эту эпоху, то ее слѣдовало бы назвать эпохою просвѣщеннаго диллетантизма. Наиболѣе сильное рѣшающее вліяніе имѣли именно высокопоставленные диллетанты, какъ гр. М. Віельгорскій, кн. Одоевскій и А. Ѳ. Львовъ, директоръ пѣвческой капеллы.

Графъ Віельгорскій получалъ отъ государя 15 тысячъ ежегоднаго пособія, именно назначеннаго для поощренія артистовъ. Всѣ артисты, кто хотѣлъ составить себѣ положеніе въ Петербургѣ, должны были являться въ музыкальномъ салонѣ графа: иначе его не признавали и онъ ничего не могъ сдѣлать. Въ этомъ смыслѣ графъ Віельгорскій былъ рѣшающій судьбы авторитетъ. Получали ли виртуозы, игравшіе у графа, что-либо изъ суммы, назначенной на ихъ поощреніе, слѣдуетъ сильно сомнѣваться. Напротивъ, можно сказать, что они всѣ обязательно играли и не получали ни копейки.

Нельзя сказать, чтобы графы Віельгорскіе (ихъ было двое Матвѣй и Михаилъ) были особенно хорошіе музыканты. Мнѣ по крайней мѣрѣ приходилось слышать какъ графъ Мих. Ю. Віельгорскій говорилъ о нѣкоторыхъ затруднительныхъ случаяхъ: «Да что же тутъ думать; списывайте съ партитуры!»

А. Ѳ. Львовъ былъ самолюбивъ, весьма высокаго мнѣнія о своихъ произведеніяхъ—черта обычная, впрочемъ, всѣхъ художниковъ, завистливъ и недоброжелателенъ. Признать какого-нибудь виртуоза, ему было невыносимо. Самаго посредственнаго артиста онъ готовъ былъ превозносить, чтобы только унизить хорошаго. «Это не то что Вьётанъ»,—говорилъ онъ, слушая какую-нибудь третьестепенность. Я игралъ съ нимъ какъ въ квартетахъ, такъ и разныя его произведенія, между прочимъ и его оперы, арранжированныя для квартета и фортепьяно. Партію фортепьяно держалъ иногда Сѣровъ, впослѣдствіи извѣстный композиторъ, но въ то время не особенно еще хорошо знавшій музыку и во всякомъ случаѣ совсѣмъ посредственный піанистъ. Ал. Ѳедоровичъ Львовъ всегда былъ ужасно недоволенъ его игрою и все собирался не давать ему портить его оперы. Скупъ былъ Львовъ страшно. Мнѣ, дававшему въ его домѣ уроки, хорошо извѣстно было какъ трудно, даже невозможно было получить отъ него слѣдуемую плату.

Я сейчасъ назвалъ А. Н. Сѣрова. Какъ человѣкъ—авторъ «Юдиѳи» не внушалъ къ себѣ симпатіи и въ нравственномъ отношеніи не былъ привлекателенъ. «Всегда подамъ змѣю»,—говорилъ онъ тогда очень часто. Въ денежныхъ расчетахъ онъ былъ черезчуръ беззаботенъ, что вредило ему во всѣхъ отношеніяхъ и порою отталкивало отъ него его пріятелей... Не смотря на то, что знанія его были не велики въ то время, о которомъ я говорю, желаніе его импонировать вездѣ было огромное. Мнѣніе объ его музыкальныхъ дарованіяхъ было не особенно ему благопріятное; это мнѣніе радикально измѣнилось только послѣ «Юдиѳи», которую отъ него никто не ожидалъ, и которая показала размѣры его дарованія.

Вообще, хотя музыкантовъ тогда было немного въ Петербургѣ, но дружбы между ними было еще меньше. Вѣроятно, поэтому Даргомыжскій всегда высказывалъ самое не одобрительное мнѣніе о своихъ товарищахъ. Изъ молодыхъ музыкантовъ обращалъ на себя вниманіе своими способностями М. А. Балакиревъ, учившійся на фортепьяно въ Нижнемъ-Новгородѣ у Эйзериха, котораго лично я зналъ въ этомъ городѣ.

Изъ писателей стараго поколѣнія отличную память оставилъ во мнѣ О. И. Сенковскій, имѣвшій, не смотря на свое польское происхожденіе, татарскую наружность, но добрѣйшій человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова и до семидесяти лѣтъ не имѣвшій ни одного сѣдого волоса. Энциклопедистъ онъ былъ замѣчательный: онъ все

зналъ, обо всемъ имѣлъ основательное понятіе, хотя порою и преувеличивалъ ихъ. Онъ и умеръ, между прочимъ, главнымъ образомъ потому, что простудившись, не хотѣлъ слушать совѣтовъ медика, а лечился на основаніи своихъ соображеній. Въ музыкѣ онъ былъ свѣдущъ и нерѣдко посвящалъ свои досуги на изобрѣтеніе разныхъ приспособленій въ музыкальныхъ инструментахъ. У него стоялъ оргàнъ, созданный по его мысли и фортепьяно, ящикъ котораго ради акустическихъ соображеній, былъ желѣзный.

Я устроился въ Петербургѣ хорошо и былъ вполнѣ доволенъ. Въ 1853 году, я поступилъ въ Смольный Монастырь преподавателемъ музыки, а въ слѣдующемъ году оставилъ театръ, потому что игра въ оркестрѣ стала меня утомлять, тѣмъ болѣе, что музыка итальянскихъ оперъ начала мнѣ надоѣдать. За то, наоборотъ, «Жизнь за Царя» и «Русланъ и Людмила» Глинки приводили меня въ восторгъ. Съ 1858 года, я совсѣмъ оставилъ виртуозное поприще и посвятилъ себя исключительно сочиненіямъ. Мнѣ случалось играть въ Зимнемъ Дворцѣ у ея величества императрицы Маріи Александровны, на ея музыкальныхъ вечерахъ. Императрица милостиво со мною разговаривала, разспрашивала меня о томъ, какъ занимались мои ученицы—графиня Перовская и Мальцева. Въ это же время я написалъ проектъ устройства консерваторіи. Проектъ мною былъ показанъ графу Віельгорскому, В. Ѳ. Одоевскому и А. Ѳ. Львову. Графъ Віельгорскій, педантичный по природѣ, почему-то нашелъ, что проектъ написанъ рѣзко, хотя что же рѣзкаго могло быть въ проектѣ консерваторіи?! А. Ѳ. Львовъ, бывшій тогда директоромъ пѣвческой капеллы, сдѣлалъ мнѣ лишь одно указаніе, что изложеніе не по формѣ!.. Изъ отношенія этихъ лицъ я увидѣлъ, что мнѣ трудно было бы чтò-нибудь сдѣлать относительно приведенія въ исполненіе моего проекта. Но чтò было трудно мнѣ, то оказалось возможнымъ для другихъ. Я убѣжденъ, что А. Кологривовъ, бывшій впослѣдствіи инспекторомъ театральныхъ оркестровъ, именно подъ вліяніемъ моей записки, сдѣлавшейся извѣстною въ музыкальныхъ кругахъ, началъ въ свою очередь хлопотать объ устройствѣ консерваторіи и сообщилъ свою мысль А. Г. Рубинштейну.

Антонъ Григорьевичъ уже пользовался въ то время чрезвычайною репутаціею виртуоза. Ему не составляло труда найти людей, которые его поддержали. Такимъ образомъ мысль о консерваторіи быстро пошла въ ходъ и въ непродолжительный срокъ осуществилась. Я во всякомъ случаѣ былъ доволенъ, что мысль эта не пропала даромъ. Консерваторія, открывшаяся при Русскомъ Музыкальномъ Обществѣ, быстро получила надлежащее значеніе въ петербургскомъ обществѣ и музыкальномъ мірѣ. Русское же Музыкальное Общество начало свое музыкальное поприще поощреніемъ русскихъ артистовъ и композиторовъ. Оно назначало конкурсы на

различныя сочиненія. Эти конкурсы и преміи были только въ первый годъ его существованія. Я принималъ участіе въ конкурсахъ и получилъ шесть премій, такъ что А. Г. Рубинштейнъ даже замѣтилъ мнѣ какъ-то: «вы пріѣзжаете къ намъ точно за жалованьемъ». Неизвѣстно почему эти конкурсы прекратились. Долженъ еще сказать, что въ 1852 году я женился (на Лермонтовой, воспитанницѣ Смольнаго Института), а въ 1857 г. сдѣлалъ съ женой большое путешествіе по Германіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи и Англіи. Въ Парижѣ, черезъ русскаго посланника Балабина, я имѣлъ случай познакомиться почти со всѣми тамошними выдающимися артистами и композиторами: съ Оберомъ, Тома, Мейерберомъ и другими. Я нерѣдко выступалъ тамъ въ различныхъ музыкальныхъ собраніяхъ и какъ солистъ, и какъ квартетистъ. Если и въ настоящее время классическая музыка имѣетъ наиболѣе распространеніе во Франціи, то въ то время она имѣла тамъ еще большее значеніе. Мы играли квартеты Бетховена (до голицынскихъ квартетовъ, дальше которыхъ французы не шли), Моцарта, Гайдна и останавливались на Мендельсонѣ. Для парижанъ послѣдній былъ nec plus ultra самой глубокой науки и самой тонкой поэзіи.

Популярныхъ концертовъ въ Парижѣ тогда еще не было; Падлу основалъ ихъ позже. Да и трудно было бы основать ихъ, потому что въ Парижѣ не было въ то время хорошихъ оркестровъ, кромѣ оркестра Большой Оперы, большинство членовъ котораго принадлежало къ профессорамъ консерваторіи и участвовало также въ знаменитыхъ концертахъ послѣдней. Оркестры въ другихъ парижскихъ театрахъ были просто скверны, а порою невыносимы. Хорошихъ дирижеровъ тоже не было, какъ нѣтъ ихъ въ Парижѣ, собственно говоря, и теперь еще.. Лучше были военные оркестры; въ этомъ отношеніи Франція и тогда стояла на значительной степени высоты.

Что касается Лондона, то музыкальные вкусы англійской столицы были совсѣмъ низменны. Англичанамъ нужны или громадныя массы, поражающія ихъ гораздо болѣе, чѣмъ тѣ ораторіи, корыя исполняются этими массами, или эксцентрическіе пустяки, что-нибудь въ родѣ дуэта тромбона со скрипкой, или пиколки высвистывающей варіаціи на тему: «Венеціанскаго карнавала». И та и другая музыка,—какъ я самъ былъ свидѣтелемъ,—одинаково приводитъ ихъ въ восторгъ.

Вернувшись въ Россію, я ревностно отдался композиторской дѣятельности, посвящая ей всѣ часы свободные отъ служебныхъ занятій. Опера «Фаустъ», начатая мною на Выксѣ, была давно мною оставлена. Мнѣ хотѣлось воспользоваться впечатлѣніями моей поѣздки на Кавказъ и я остановился на повѣсти Марлинскаго «Амалатъ-Бекъ». Добрѣйшій В. И. Даль написалъ мнѣ либретто,

но будучи черезчуръ мягкимъ, почти даже женоподобнымъ, сдѣлалъ такимъ же и героя моей оперы. Опера эта была поставлена на Маріинской сценѣ. Затѣмъ я написалъ другую оперу «Стенька Разинъ», но цензура наложила рѣшительное veto на этотъ сюжетъ. Сколько я ни хлопоталъ, какія измѣненія не дѣлали мы съ либреттисткой (М. В. Ватсонъ), ничто не помогло. Такимъ образомъ, пропалъ безплодно обширный трудъ, тяжесть чего могутъ понять только тѣ, кто находился въ моемъ положеніи.

Кромѣ оперы, мною написаны четыре симфоніи, исполнявшіеся въ Петербургѣ, въ концертахъ Музыкальнаго Общества, въ Павловскѣ и въ Москвѣ; мною написано также нѣсколько скрипичныхъ концертовъ и цѣлый рядъ четырехголосныхъ хоровъ на духовные тексты.

Н. Аѳанасьевъ.

„ЗЕЛЬМИРА".

Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Екатерины II.

(1782—1788).

I.

ЛѢТОМЪ 1782 года, въ Россію прибылъ братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны, принцъ виртембергскій, Фридрихъ, и поступилъ въ русскую службу. Онъ родился въ 1754 году: слѣдовательно, когда онъ явился въ Петербургѣ, ему было 28 лѣтъ. Съ 1780 года онъ былъ женатъ на брауншвейгской принцессѣ Августѣ, дочери герцога Карла Вильгельма, извѣстнаго прусскаго военачальника.

Принцъ Фридрихъ служилъ въ Россіи по военной части и нѣкоторое время занималъ должность губернатора въ Выборгѣ. Императрица Екатерина не была расположена къ нему особенно потому, что онъ грубо обращался съ своею женою. Несогласія, возникавшія между принцемъ и принцессою, дошли до того, что Августа, въ декабрѣ 1786 года, искала убѣжища у императрицы и, не желая возвратиться къ мужу, осталась жить во дворцѣ. Послѣ этого, Екатерина предложила принцу виртембергскому выѣхать изъ Россіи. Въ то же время она распорядилась отправить принцессу Августу, — которую въ своихъ письмахъ къ барону Гримму обыкновенно называла почему-то «Зельмирою» — въ Ревель. Между тѣмъ велись переговоры о разводѣ принцессы съ мужемъ. Августа въ 1787 и 1788 годахъ прожила отчасти въ городѣ Ревелѣ, отчасти въ замкѣ Лоде, близь Ревеля. Здѣсь же она и скончалась осенью 1788 года.

Вскорѣ по кончинѣ принцессы начали ходить слухи о ея насильственной смерти, при чемъ обвиняли и императрицу Екатерину. Частныя бесѣды объ этомъ дѣлѣ воспроизводились въ литературѣ. Такимъ образомъ, въ разныхъ сочиненіяхъ появились болѣе или менѣе нелѣпые разсказы о загадочной кончинѣ принцессы, которую считали несчастною жертвою коварства и преступныхъ замысловъ.

Вопросъ этотъ особенно занималъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи въ началѣ текущаго столѣтія. Такъ напр., въ сочиненіи Петри о Прибалтійскомъ краѣ, при описаніи разныхъ мѣстностей Эстляндіи, сказано о замкѣ Лоде, что сюда «была сослана знатная нѣмецкая принцесса и что о томъ, какимъ образомъ она скончалась, не знаютъ достовѣрно» [1]).

Раксаль (Wraxall) очень подробно разсказываетъ въ своихъ «Historical memoirs of my own time» [2]) исторію принцессы Августы слѣдующимъ образомъ:

«Княжна Тараканова и великая княгиня (Наталья Алексѣевна) не однѣ были лишены жизни императрицею. Августа Каролина, принцесса брауншвейгская, умерла не менѣе загадочнымъ и трагическимъ образомъ. Она была замужемъ за принцемъ виртембергскимъ. Я видѣлъ принцессу въ 1777-мъ году, когда былъ при брауншвейгскомъ дворѣ... Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, она съ мужемъ отправилась въ Россію... Въ 1787 году, принцъ покинулъ русскую службу, а также и жену; говорили, что онъ не безъ основанія жаловался на ея поведеніе. У нихъ было трое дѣтей, которыхъ принцъ, съ позволенія императрицы, взялъ съ собою, между тѣмъ какъ принцесса оставалась въ Россіи подъ покровительствомъ Екатерины. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ сообщили принцу, мужу принцессы, и герцогу брауншвейгскому, ея отцу, о кончинѣ ея. Герцогъ тотчасъ же потребовалъ выдачи трупа, но не имѣлъ въ этомъ успѣха; онъ не могъ также добиться доказательствъ смерти принцессы или узнать подробности ея кончины. Не только оставался спорнымъ вопросъ, умерла ли она естественною смертью, но и другой—не жива ли она еще? не находится ли гдѣ либо въ Сибири, или въ пустыняхъ сѣвера, какъ это случилось съ ея родственниками, сосланными Елисаветою послѣ сверженія съ престола Ивана въ 1741 году. До меня, между 1789 и 1795 годами, доходили толки по этому предмету: говорили, что принцесса умерла отъ яда. Я справлялся относительно участія въ этомъ дѣлѣ императрицы, или принца виртембергскаго: считали вѣроятнымъ участіе послѣдняго. Король Великобританіи раздѣлялъ

---

[1]) Neuestes Gemalde von Lief-und Ehstland unter Katharina II und Alexander I. Von Joh. Christoph Petri. Leipzig, 1809, стр. 71—72.

[2]) I. 203—215. (Лондонъ, второе изд., 1818).

это мнѣніе (объ отравленіи принцессы), высказываясь открыто. Когда принцъ въ 1796 году намѣревался просить руки дочери короля, Георгъ III, считая принца виновникомъ кончины его первой супруги, былъ до того предубѣжденъ противъ него, что и слышать не хотѣлъ объ этой женитьбѣ. Для устраненія этого препятствія принцъ отправилъ въ Лондонъ частнаго агента, которому было поручено узнать объ источникѣ обвиненія и представить доказательства неосновательности его. Я лично зналъ этого агента, когда онъ находился тутъ (въ Англіи); то былъ человѣкъ способный, умный, ревностно принявшійся за исполненіе даннаго ему порученія. Доказавъ ясно, что никто иной, какъ графъ Воронцовъ, бывшій въ то время русскимъ посланникомъ въ Англіи, былъ виновникомъ распущенія этого слуха, агентъ убѣжденіями и, какъ можно считать вѣроятнымъ, доказательствами, довелъ графа Воронцова до того, что онъ объявилъ принца невиноватымъ въ кончинѣ его первой супруги. Отсюда слѣдовало, что только Екатерина, подъ покровительствомъ которой принцесса оставалась въ Россіи, могла быть обвинена въ совершеніи этого преступленія. Агентъ доказалъ королю, что никто иной, какъ императрица, отправила на тотъ свѣтъ принцессу безъ участія, согласія и вѣдома мужа, если только вообще она не умерла своею смертью».

«Лѣтомъ 1798 года»,—продолжаетъ Раксаль,—«одинъ господинъ, бесѣдуя со мною о кончинѣ принцессы виртембергской, увѣрялъ меня, что видѣлъ и просматривалъ бумаги, относившіяся къ ея заключенію (emprisonement) и кончинѣ; по желанію и приказанію принца, эти бумаги были сообщены королю Георгу III, который тѣмъ самымъ убѣдился, что принцъ не принималъ никакого участія въ этомъ темномъ и плачевномъ дѣлѣ; въ заключеніе тотъ господинъ сообщилъ свое мнѣніе, что, если принцесса не умерла естественнымъ образомъ, то Екатерина одна была виновницею отравленія».

Останавливаясь подробно на разсказѣ этого «господина», Раксаль воспроизводитъ слѣдующія данныя, слышанныя имъ изъ этого источника: «Принцесса, пріѣхавъ въ Россію вмѣстѣ съ мужемъ, сдѣлалась любимицею Екатерины. Нельзя удивляться тому, что приближеніе ея имѣло цѣлью испортить ея нравственность. Во время отсутствія принца въ походѣ противъ турокъ[1]) его супруга была окружена искушеніями и вела себя до того неблагоразумно, что онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ вынужденъ принять въ отношеніи ея строгія мѣры. Онъ также писалъ тестю, сообщилъ ему о худомъ поведеніи жены и просилъ совѣта какъ поступить въ данномъ случаѣ. Герцогъ брауншвейгскій и принцъ виртембергскій пришли къ предварительному заключенію, что

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ то время никакой войны съ турками не было

принцессу прежде всего надо удалить изъ Россіи. Поэтому принцъ просилъ императрицу объ увольненіи, изъявляя желаніе покинуть Россію вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Императрица дозволила ему уѣхать и взять съ собою дѣтей, но наотрѣзъ отказала въ дозволеніи взять съ собою въ Германію жену. Около двухъ недѣль послѣ отъѣзда принца, принцесса безъ всякой причины, по приказанію Екатерины, была отправлена въ замокъ Лоде, находящійся въ двухъ стахъ миляхъ отъ Петербурга, но неизвѣстно въ какой части имперіи (?!). Тамъ она оставалась, какъ кажется подъ строгимъ присмотромъ, около восемнадцати мѣсяцевъ; однако, всѣ лица нѣмецкаго происхожденія, окружавшія ее до того, были удалены отъ нея. Наконецъ, императрица сообщила принцу, что его супруга скончалась отъ кровоизліянія (of an hemorrhage). Такое же письмо получилъ и герцогъ брауншвейгскій. Никакихъ подробностей не сообщили. Убѣжденный въ томъ, что ничѣмъ нельзя поправить случившагося несчастія, отецъ успокоился, но въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не сообщалъ о кончинѣ дочери своей супругѣ, герцогинѣ, которая оставалась въ убѣжденіи, что дочь ея жива и находится гдѣ-то въ Сибири».

Окончивъ воспроизведеніе разсказа «господина», Раксаль замѣчаетъ: «можно спросить: что̀ могло побудить императрицу содержать въ заключеніи принцессу или отравить ее? Едва ли поводомъ къ этому могли служить любовныя похожденія принцессы». Затѣмъ Раксаль продолжаетъ: «Во всѣхъ нѣмецкихъ альманахахъ показано, что принцесса скончалась 27-го сентября 1788 года. Въ продолженіе восьми лѣтъ принцъ не принималъ никакихъ мѣръ для опроверженія слуховъ о его участіи въ кончинѣ жены».

...«Графъ же Воронцовъ сначала увѣрялъ, что его государыня въ этомъ дѣлѣ нисколько не была виновата; затѣмъ, однако, его принудили отказаться отъ своихъ прежнихъ словъ. Однако, спрашивается: когда онъ сталъ допускать вину Екатерины? Многое зависѣло отъ обстоятельствъ времени. Екатерина скончалась 6-го ноября 1796 года; послѣ ея смерти, при многочисленности приписываемыхъ ей преступленій, одно преступленіе болѣе или менѣе не могло имѣть особеннаго значенія. Вѣрно то, что переговоры (о бракѣ виртембергскаго принца съ англійскою принцессою) съ тѣхъ поръ шли гораздо болѣе быстро и успѣшно, такъ что 18-го мая 1797 года состоялась свадьба. Кончина виртембергской принцессы и виновникъ этого событія пока остаются покрытыми мракомъ неизвѣстности. Предоставляемъ времени привести въ ясность это дѣло; быть можетъ, оно навсегда останется загадочнымъ».

Таковъ разсказъ Раксаля, заключающій въ себѣ несообразности и противорѣчія. Выгораживая принца, онъ, основываясь на слухахъ и предположеніяхъ, обвиняетъ въ чрезвычайно рѣзкихъ выраженіяхъ, во-первыхъ, принцессу Августу, во-вторыхъ, императрицу

Екатерину; ссылаясь на разныя толки и сплетни, Раксаль видитъ въ принцессѣ прелюбодѣйку, въ Екатеринѣ убійцу. Изъ самаго разсказа Раксаля видно, что ни агентъ принца виртембергскаго, отправленный въ Англію около 1796 года, ни тотъ «господинъ», съ которымъ Раксаль бесѣдовалъ въ 1798 году, не могли представить хоть сколько-нибудь положительныя данныя о кончинѣ принцессы. «Господинъ», просматривавшій, какъ сказано, бумаги, относившіяся къ этому дѣлу, вывелъ изъ нихъ заключеніе о совершенномъ оправданіи принца, но въ сущности не нашелъ въ нихъ никакихъ слѣдовъ преступленія Екатерины, и поэтому допускаетъ возможность, что принцесса скончалась отъ какой-то болѣзни, что̀ впрочемъ не мѣшало ему обвинять Екатерину. Точно также и агентъ, смѣло считавшій императрицу убійцею, прибавилъ къ своимъ показаніямъ замѣчаніе: «если только вообще принцесса кончила свою жизнь насильственнымъ образомъ».

Значитъ, оба источника, которыми пользовался Раксаль, не имѣютъ ровно никакого значенія. Агентъ и «господинъ» въ сущности не знали ничего положительнаго о кончинѣ принцессы Августы. Далѣе, многія частности въ этихъ разсказахъ, напр., замѣчаніе о добровольномъ выѣздѣ принца изъ Россіи, какъ мы увидимъ, не соотвѣтствуютъ фактамъ. Совершенно нелѣпымъ оказывается замѣчаніе, что герцогиня брауншвейгская въ продолженіе многихъ лѣтъ не знала о кончинѣ дочери, между тѣмъ какъ «во всѣхъ нѣмецкихъ альманахахъ» было сказано, что послѣдняя умерла въ сентябрѣ 1788 года. Наконецъ, обвиненіе графа Воронцова въ томъ, что онъ о кончинѣ принцессы въ различное время говорилъ различно, т. е. во всякомъ случаѣ лгалъ, было очень смѣлою выходкою, которая дорого обошлась автору книги «Historical memoirs of my own time».

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, занимавшій должность русскаго посла въ Англіи съ 1785 до 1807 года, оставался жить въ Англіи и послѣ выхода въ отставку. Едва ли можно считать вѣроятнымъ, чтобы Раксаль, издавая свою книгу, не зналъ о пребываніи графа въ Англіи. Семенъ Романовичъ, въ свою очередь, не могъ не узнать о содержаніи сочиненія Раксаля. Можно было ожидать протеста со стороны русскаго вельможи, занимавшаго весьма видное положеніе въ высшихъ сферахъ англійскаго общества.

Понятно, что графъ Воронцовъ былъ сильно взволнованъ нелѣпымъ разсказомъ Раксаля. Прочитавъ книгу, онъ тотчасъ же написалъ Раксалю письмо, въ которомъ протестовалъ противъ клеветы, требуя сообщенія источниковъ, на которыхъ она основана, названія имени агента, бывшаго въ Англіи въ 1796 году, и грозя, между строками, болѣе рѣзкими мѣрами. Раксаль немедленно отвѣчалъ, изъявляя искреннее сожалѣніе о своемъ неосторожномъ образѣ дѣйствій и увѣряя графа, что не желалъ оскорбить его; къ

этому было прибавлено, что онъ не помнитъ имени агента, съ которымъ бесѣдовалъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ, и что во второмъ изданіи своего сочиненія ошибка, по указанію графа Воронцова, будетъ исправлена.

Семенъ Романовичъ рѣшился преслѣдовать Раксаля судомъ, о чемъ и написалъ одному англійскому сановнику, Шепгерду. Въ письмѣ было сказано между прочимъ: «Авторъ сочиненія Historical Memoirs, котораго я не знаю, позволилъ себѣ утверждать вещи, лишенныя основанія и заключающія въ себѣ клевету. То онъ говоритъ, что первая супруга принца виртембергскаго была отравлена мужемъ, то онъ разсказываетъ, что виновницею этого преступленія была покойная императрица, моя государыня; сознавая, что нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ о томъ, была ли принцесса отравлена или умерла естественною смертью, онъ осмѣливается утверждать, что я сначала обвинялъ принца въ этомъ преступленіи, а затѣмъ приписывалъ всю вину императрицѣ, при чемъ указано на то, что я утверждалъ послѣднее не раньше какъ послѣ кончины императрицы; такое обвиненіе придаетъ моему мнимому образу дѣйствій характеръ особенной подлости и страшнаго коварства... Я видѣлъ принца и принцессу виртембергскихъ два или три раза при русскомъ дворѣ... Въ Англіи я узналъ о кончинѣ принцессы лишь по наложенію траура при дворѣ, такъ какъ принцесса была племянницею короля. Я не зналъ даже, гдѣ скончалась принцесса. Никогда со мною не говорилъ какой-либо агентъ принца виртембергскаго; онъ бы и не отважился на такую дерзость оклеветать въ бесѣдѣ со мною ту самую государыню, представителемъ которой я былъ при дворѣ его величества, короля Великобританіи. Предоставляю вамъ разсудить, можно ли считать вѣроятнымъ, чтобы я, занимая такой постъ, обвинялъ въ столь ужасномъ преступленіи въ одно время принца виртембергскаго, въ другое — мою государыню, и къ тому же безъ представленія какихъ-либо доказательствъ и не зная ничего о болѣзни, отъ которой она умерла, или о мѣстѣ ея кончины. Всѣ, знающіе меня, найдутъ, что этотъ разсказъ ничто иное, какъ нелѣпая клевета. Однако, большее число читателей книги, не зная меня, остается убѣжденнымъ въ томъ, что, согласно съ показаніемъ самого посла ея величества императрицы всероссійской при англійскомъ дворѣ, она въ самомъ дѣлѣ запятнала себя такимъ преступленіемъ. Поэтому я, при помощи всѣхъ находящихся въ моемъ распоряженіи законныхъ средствъ, долженъ противодѣйствовать такимъ поклепамъ. Задѣты за живое моя честь, моя совѣсть и мой характеръ. Я рѣшился преслѣдовать судебнымъ порядкомъ автора, позволившаго себѣ оклеветать меня, надѣясь на строгость и правосудіе англійскихъ законовъ... До принятія мѣръ въ этомъ смыслѣ я бы желалъ узнать ваше мнѣніе по этому дѣлу и прошу васъ прочесть стр. 203—214 означенной книги и сообщить мнѣ о вашемъ взглядѣ на этотъ вопросъ».

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ былъ сильно взволнованъ этимъ эпизодомъ. Онъ узналъ о появленіи книги лишь черезъ нѣсколько недѣль послѣ выхода ея въ свѣтъ; ему сообщилъ объ этомъ нѣкто Коксъ, который читалъ книгу Раксаля и въ раздраженіи прибѣжалъ къ зятю графа, лорду Пемброку. По совѣту Пемброка, графъ и написалъ указанное письмо къ Раксалю. По совѣту прокурора (sollicitor general) Шепгарда было начато противъ Раксаля судебное слѣдствіе. Сообщая въ письмѣ къ своему сыну, графу Михаилу Семеновичу, обо всемъ этомъ, Воронцовъ замѣчаетъ въ сильномъ раздраженіи: «Если бы Раксаль, вмѣсто изданія книги, оклеветалъ меня въ какомъ-либо журналѣ, я принудилъ бы его взять назадъ все сказанное въ томъ же самомъ періодическомъ изданіи. Но такъ какъ онъ сдѣлалъ это въ книгѣ, которую, благодаря ея свойству, покупаютъ съ жадностью и переводятъ на языки французскій и нѣмецкій въ минуту появленія ея въ подлинникѣ, то предложеніе Раксаля—исключить или исправить сказанное обо мнѣ въ новомъ изданіи, не имѣетъ для меня никакого значенія; всѣ переводы дѣлаются по первому изданію и я остаюсь оклеветаннымъ во всей Европѣ. Какое-либо сочиненіе Робертсона, Юма, Адама Смита, въ продолженіе пяти, шести лѣтъ и болѣе остается не переведеннымъ, напротивъ, англійскій романъ, сборникъ анекдотовъ, переводится тотчасъ же». Заключая свое письмо, графъ Семенъ Романовичъ сильно жалуется на «сумасшествіе Раксаля», заставляющаго его «ради огражденія чести» начать процессъ, имѣть хлопоты, издержать значительную сумму денегъ и пр., а далѣе Воронцовъ, обѣщая выслать сыну книгу Раксаля, указываетъ еще на другія неточности и выдумки, встрѣчающіяся въ этомъ изданіи.

Прошелъ цѣлый годъ. Какъ видно, судебное слѣдствіе двигалось медленно. 21 мая 1816 года, Семенъ Романовичъ писалъ своему сыну: «Ты усмотрѣлъ изъ газетъ, что Раксаль за оклеветаніе меня приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію. Такъ какъ я, преслѣдуя его, не имѣлъ иной цѣли, какъ охраненіе моей чести, и не желаю вовсе, чтобы онъ такъ долго просидѣлъ въ тюрьмѣ, а къ тому же, считая его болѣе сумасброднымъ, нежели злымъ человѣкомъ, я просилъ статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ ходатайствовать предъ принцъ-регентомъ о прощеніи его и объ освобожденіи его изъ тюрьмы». Въ другомъ письмѣ, отъ 29 мая 1816 года, Воронцовъ сообщилъ сыну, что лордъ Элленборо не соглашается на освобожденіе Раксаля въ виду того, что этотъ случай можетъ быть полезнымъ урокомъ для другихъ клеветниковъ. Не смотря на это, Воронцовъ, находясь однажды въ гостяхъ у принцъ-регента, повторилъ свою просьбу объ освобожденіи Раксаля, при чемъ принцъ-регентъ сказалъ: «Мы это уладимъ». Далѣе Воронцовъ намѣревался обратиться по этому же предмету къ лорду Ливерпулю,

но мы не знаемъ ничего болѣе объ исходѣ этого дѣла. Графъ Семенъ Романовичъ писалъ: «Раксаль находится въ самомъ невыгодномъ положеніи, потому что онъ оклеветалъ многихъ лицъ и представителей разныхъ партій, такъ что всѣ въ восхищеніи отъ приговора и желаютъ исполненія его; но для человѣка въ его положеніи настоящее наказаніе уже заключается въ томъ, что онъ провозглашенъ клеветникомъ; недѣля, проведенная въ тюрьмѣ, равняется шестимѣсячному заключенію; позоръ одинаковъ. Нужно принять во вниманіе, что онъ женатъ, что ему болѣе 60 лѣтъ, и что въ эти годы шестимѣсячное заключеніе бываетъ чувствительнѣе годичной тюрьмы для человѣка 30-ти лѣтъ» и пр. [1]).

Эпизодъ этотъ достоинъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Изъ него видно, между прочимъ, что графъ С. Р. Воронцовъ нисколько не вѣрилъ баснѣ о насильственной смерти виртембергской принцессы. Изъ книги Раксаля же видно, что въ рукахъ лицъ безцеремонно и смѣло обвинявшихъ императрицу Екатерину въ совершеніи преступленія, не находилось никакихъ доказательствъ, и что весь разсказъ о загадочной и якобы насильственной кончинѣ принцессы въ замкѣ Лоде былъ основанъ на болтовнѣ людей, не имѣвшихъ возможности собрать точныхъ свѣдѣній объ этомъ событіи.

II.

Неблагопріятный исходъ Раксалева дѣла былъ мало замѣченъ современниками. Его книга также вскорѣ была забыта и сдѣлалась библіографическою рѣдкостью. Но въ публикѣ не переставали заниматься молвою о страшной судьбѣ молодой принцессы, загадочнымъ образомъ погибшей въ замкѣ Лоде.

Укажемъ на нѣкоторые примѣры новаго появленія въ литературѣ разсказовъ о преступленіи, совершенномъ надъ «Зельмирою».

Въ 1819 году, въ октябрѣ, сынъ принцессы Августы, король виртембергскій Вильгельмъ I, во время пребыванія въ Варшавѣ, обратился къ императору Александру I съ просьбою о погребеніи его матери, трупъ которой находился до того въ часовнѣ при Гольденбекской киркѣ близь замка Лоде. При этомъ случаѣ, эстляндскимъ губернаторомъ, барономъ Будбергомъ, были собраны свѣдѣнія о случившемся за три десятилѣтія до этого событія въ Лоде. Записка Будберга, очень недавно напечатанная [2]), основывалась на устномъ преданіи старожиловъ края, между прочимъ на разсказахъ дочери пробста Даля, жившаго въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ сосѣдствѣ замка Лоде. Эти разсказы и слухи

[1]) «Архивъ князя Воронцова», XVII, 392—397, 453, 456—457.

[2]) Deutschprotestantische Kämpfei in den baltischen Provinzen Russlands. Leipzig, 1888, стр. 81—82.

передавали слѣдующее: приставленный къ принцессѣ, чиновникъ Польманъ держалъ ее какъ бы въ заперти и не пускалъ къ ней никого, онъ сдѣлался ея любовникомъ; она была беременна. Въ одинъ день, осенью 1788 года, люди, работавшіе около зàмка, услышали пронзительные крики въ зàмкѣ; туда поспѣшилъ врачъ, но его не впустили въ зàмокъ; врачъ слышалъ крики, мало-по-малу ослабѣвавшіе. Всѣ думали, что принцесса родила безъ помощи бабки и что «злодѣй» Польманъ, съ цѣлью скрыть слѣды своихъ интимныхъ отношеній къ Августѣ, никого не хотѣлъ пустить къ ней, что поэтому она умерла въ родахъ и новорожденный ребенокъ былъ положенъ къ ней въ гробъ. Послѣ того, какъ трупъ принцессы былъ отправленъ въ часовню, находившуюся при Гольденбекской церкви, приставленные къ часовнѣ караульные услышали, ночью, въ часовнѣ стоны и вздохи и побѣжали тотчасъ же въ зàмокъ Лоде для сообщенія генералу Польману о случившемся. Гофмейстеръ зàмка Лоде, Рацнеръ, однако не раньше, какъ въ восемь часовъ утра, явился въ часовню. Пасторъ Даль настоятельно требовалъ немедленнаго вскрытія гроба, однако Рацнеръ на это не соглашался, объясняя разсказъ о стонахъ исключительно игрою воображенія трусливыхъ караульныхъ.

Таковъ разсказъ Будберга. Важнѣйшій фактъ въ немъ: рожденіе Августою ребенка, трупъ котораго яко бы былъ положенъ въ гробъ матери. Мы увидимъ въ концѣ нашего изслѣдованія, что тщательный осмотръ гроба и останковъ принцессы состоялся именно въ то время, когда Будбергъ составилъ свою записку и что тутъ не было найдено костей младенца. Достойно вниманія, что въ разсказѣ Будберга вся вина сваливается на Польмана. О Екатеринѣ ни слова.

Неизвѣстный туристъ, совершившій въ сороковыхъ годахъ путешествіе въ Петербургъ и по Эстляндіи, посѣтивъ зàмокъ Лоде, разсказываетъ въ своемъ сочиненіи «Baltische Briefe» [1]) слѣдующее: «При Петрѣ Великомъ зàмокъ этотъ служилъ тюрьмою для государственныхъ преступниковъ. Послѣднею обитательницею такого рода была одна виртембергская принцесса, страшная судьба которой придаетъ этимъ стѣнамъ и башнямъ особенный интересъ. Екатерина II сослала ее сюда, какъ одни говорятъ, потому что она проболталась, сообщивъ кому-то какую-то государственную тайну, а какъ говорятъ другіе, потому что ее полюбилъ сынъ императрицы, Павелъ. Какъ бы то ни было, она была молода и хороша собою. Сначала съ нею обращались сообразно съ ея саномъ и достоинствомъ; нѣкоторые изъ пожилыхъ дворянъ этой провинціи вспоминаютъ о томъ, какъ благосклонно она ихъ принимала и даже танцовала съ ними... Къ ея несчастію, она удостоилась вниманія

---

[1]) Leipzig, 1846. F. A. Brockhaus, II, 46—47.

генерала Польмана, которому было поручено надзирать за нею. Мало-по-малу убавили число людей, окружавшихъ ее, ограничивали все болѣе и болѣе ея свободу; ея стражъ оказался злодѣемъ. Слѣдствіемъ всего этого была ея кончина при самыхъ плачевныхъ обстоятельствахъ; когда ей пришлось родить ребенка, ее оставили безъ всякой помощи; она не могла разрѣшиться отъ бремени и умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ. Ея трупъ былъ перенесенъ въ подвалъ зàмка. Не было произведено никакого слѣдствія. Никто не обратился къ правосудію Екатерины. Ничего не было сдѣлано и при Павлѣ, и при Александрѣ I, и лишь очень недавно, когда прибылъ въ зàмокъ Лоде родственникъ принцессы, принцъ Ольденбургскій, осматривали трупъ, случайно хорошо сохранившійся и не оставлявшій сомнѣнія въ родѣ ея кончины. Его прилично похоронили въ находящейся вблизи Гольденбекской церкви» [1]).

Этотъ разсказъ, какъ и предыдущій, во многихъ частностяхъ совсѣмъ расходится съ преданіемъ, воспроизведеннымъ Раксалемъ. Но попадаются еще и другіе толки, относящіеся къ принцессѣ Августѣ.

Извѣстный авторъ многотомнаго сочиненія «Geschichte der deutschen Hofe seit der Reformation», Фезе (Vehse), въ отдѣлѣ объ исторіи виртембергскаго двора [2]) разсказываетъ слѣдующія подробности о мнимой судьбѣ супруги виртембергскаго принца: «Принцесса Августа при русскомъ дворѣ обратила на себя вниманіе многочисленными любовными похожденіями; вслѣдствіе этого, мужъ съ нею обращался весьма сурово. Затѣмъ неосторожность въ образѣ дѣйствій Августы дошла до того, что она, послѣ театральнаго представленія въ Эрмитажѣ, упала въ ноги императрицѣ и, въ присутствіи многочисленнаго собранія, умоляла защитить ее отъ варварскаго обращенія съ нею мужа. Она оставалась въ Россіи, между тѣмъ, какъ ея мужъ — какъ кажется вслѣдствіе спора съ сестрою, при чемъ, какъ говорятъ, дѣло дошло до драки, — покинулъ эту страну. Екатерина не дозволяла принцессѣ выѣхать, между тѣмъ, какъ она была рада отъѣзду принца. Августа оставалась еще нѣкоторое время при дворѣ и пользовалась расположеніемъ Екатерины. Однако, разъ вечеромъ, онѣ поссорились. Августа возражала императрицѣ съ необычайною холодностью и надменностью. Въ тотъ же самый вечеръ ее, какъ арестантку, отвезли въ мѣсто ссылки, въ пятидесяти миляхъ отъ Петербурга. Долго никто не зналъ о ея мѣстопребываніи; 27 сентября 1788 года, она

---

[1]) Не смѣшанъ ли здѣсь разсказъ о кончинѣ «Зельмиры» съ легендою о кончинѣ первой супруги Павла? См. мою статью о послѣдней въ журналѣ «Новь», 1886, № 18. Похороны принцессы, какъ мы увидимъ, состоялись въ 1819 году.

[2]) Geschichte der deutschen Hofe, 26. Band. Vierte Abtheilung: Geschichte der Häuser Baiern, Wurtemberg, Baden und Hessen. Vierter Theil. Hamburg, 1853, стр. 22—24.

кончила свою жизнь самымъ ужаснымъ образомъ, въ зàмкѣ Лоде, близъ Ревеля. Разсказывали, что императрица Екатерина, раздраженная дерзостью принцессы въ обращеніи съ нею, превратила прежнюю любовь къ принцессѣ въ крайнюю ненависть; увѣряли, что обѣ женщины полюбили одного и того же мужчину, и что вслѣдствіе этого Екатерина приказала увезти Августу въ Лоде, чтобы тамъ окончательно отдѣлаться отъ нея. Для этой цѣли дано было особое порученіе нѣкоему барону Розену, котораго считали именно этимъ любовникомъ. Принцесса пробыла въ Лоде около года и ожидала разрѣшенія отъ бремени. Въ этомъ состояніи съ нею бывали припадки столбняка. Розенъ воспользовался такимъ припадкомъ для того, чтобы зарыть ее въ землю заживо. Говорятъ, что одинъ пасторъ, услышавшій вопли несчастной въ могилѣ, хотѣлъ спасти ее, но не добился дозволенія открыть могилу; а когда затѣмъ гораздо позже раскрыли гробъ, трупъ былъ найденъ лицомъ внизъ».

Таковъ разсказъ Фезе, который и въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, говоря о дѣтяхъ Августы, замѣчаетъ, что ее «зарыли живою» [1]).

Въ этомъ разсказѣ любопытно появленіе на сценѣ барона Розена, изъ-за котораго, какъ полагали, поссорилась Екатерина съ принцессою. О немъ въ другихъ источникахъ не упомянуто. Чрезвычайно эффектнымъ оказывается далѣе въ этомъ разсказѣ способъ устраненія Августы. Повѣствованіе вообще, какъ видно, основано исключительно на слухахъ. На источники не указано. Единственнымъ источникомъ служитъ преданіе, на которое ссылается авторъ, употребляя выраженія «говорили», «разсказывали» и т. п. Однако, весь разсказъ составленъ въ тонѣ, не допускающемъ сомнѣнія въ томъ, что авторъ вѣрилъ въ правдивость всего вообще эпизода и всѣхъ его частностей.

Нельзя сказать, чтобы сочиненіе Фезе отличалось особенно серьезнымъ, научнымъ направленіемъ. Нѣсколько болѣе солиднымъ оказывается трудъ бывшаго дерптскаго профессора К. Л. Блюма «Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Iakob Iohann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands» [2]). Однако, и въ этомъ сочиненіи говорится, что несчастная принцесса очень понравилась тогдашнему фавориту и что, «какъ говорятъ», вслѣдствіе этого Екатерина отправила ее въ Ревель подъ надзоромъ Польмана, старца, о которомъ разсказывали впослѣдствіи, что онъ будто находился съ нею въ интимныхъ отношеніяхъ [3]). О кончинѣ принцессы Блюмъ замѣчаетъ, что она умерла въ зàмкѣ Лоде и что

---

[1]) Стр. 85.

[2]) Въ четырехъ томахъ, явилось въ Лейпцигѣ и Гейдельбергѣ въ 1857 году.

[3]) II, 544.

трупъ ея долго оставался въ подвалѣ, пока наконецъ король виртембергскій Вильгельмъ, сынъ принцессы, не распорядился о погребеніи ея въ Виртембергѣ.

Фаворитомъ въ то время, когда случилось отправленіе принцессы Августы въ Ревель, былъ Мамоновъ; нигдѣ не упомянуто о томъ, что принцесса пользовалась вниманіемъ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе устное преданіе о ревности, заставившей Екатерину отдѣлаться отъ принцессы, глубоко вкоренилось въ публикѣ.

Автору этой статьи нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсказывалъ одинъ изъ старожиловъ Эстляндіи о слѣдующемъ мѣстномъ преданіи, сохранившемся до новѣйшаго времени въ отношеніи къ трагической кончинѣ принцессы въ замкѣ Лоде. Причиною ссылки ея была ненависть Екатерины, развившаяся вслѣдствіе того, что принцесса явилась однажды въ томъ же самомъ костюмѣ, въ какомъ была одѣта императрица (!). Въ тотъ самый день, когда въ замкѣ Лоде хотѣли устроить балъ, Польманъ застрѣлилъ принцессу. Между предметами, высланными для принцессы въ Лоде изъ Петербурга по приказанію императрицы, былъ ящикъ съ гробомъ: значитъ ожидали кончины принцессы, т. е., Польманъ исполнилъ лишь данное ему порученіе. Не раньше какъ въ 1819 году похоронили принцессу въ Гольденбекской церкви. Когда при этомъ открыли гробъ, въ немъ былъ найденъ, кромѣ трупа принцессы, трупъ новорожденнаго ребенка и пр.

Совсѣмъ новыя и не менѣе нелѣпыя данныя о судьбѣ принцессы заключаются въ недавно вышедшей въ свѣтъ книгѣ: «Lebensbeschreibung des Fürsten Gregor Alexandrowitsch Potemkin, des Fauriers, von St. Jean, dereinstigem sekretär des Fürsten Potemkin». (Karlsruhe, 1888). Тутъ мнимый секретарь Потемкина, Сенъ-Жанъ, о существованіи котораго пока ничего не было извѣстно, такъ что мы вообще имѣемъ основаніе считать этотъ трудъ мистификаціею, разсказываетъ слѣдующее: Потемкинъ хотѣлъ употребить принцессу какъ шпіона для того, чтобы узнать о какихъ-то преступныхъ замыслахъ ея мужа, принца виртембергскаго, великаго князя Павла Петровича и его супруги, Маріи Ѳеодоровны. Эти старанія Потемкина повели къ разладу между принцемъ и принцессою, принцесса обратилась къ императрицѣ съ просьбою о защитѣ, а принцъ выѣхалъ изъ Россіи. Съ принцессою, отправленною въ Ревель, сначала обращались довольно благосклонно, а затѣмъ ее мало-по-малу лишали разныхъ удобствъ, такъ что ее наконецъ содержали какъ арестантку; отецъ принцессы, герцогъ брауншвейгскій, тщетно старался узнать о судьбѣ дочери; его агента, отправленнаго съ письмомъ къ Августѣ, къ ней не допустили и не отвѣчали на запросы герцога. Потемкинъ, съ цѣлью уничтожить слѣды всѣхъ этихъ интригъ, рѣшился окончательно погубить принцессу. Палачами при этомъ были Польманы, отецъ и сынъ. Одинъ изъ

нихъ изнасиловалъ Августу. Когда ей приходилось родить, ей отказали въ медицинской помощи и въ повивальной бабкѣ, вслѣдствіе чего она умерла. Екатерина ничего не знала объ этомъ преступленіи: распустили слухъ, что принцесса скончалась отъ водяной болѣзни, и Екатерина вѣрила этому слуху; впрочемъ, императрица едва ли была безъ вины при этомъ случаѣ; она подарила Польману имѣніе, чѣмъ доказано, что она была довольна исполненіемъ порученій, полученныхъ имъ отъ Потемкина [1]).

Укажемъ наконецъ на разсказъ г. Бартенева, который по случаю изданія нѣкоторыхъ писемъ Екатерины къ Польману сообщаетъ слѣдующее: «Въ двухъ съ небольшимъ верстахъ отъ Лоде находится Гольденбекская церковь. На погостѣ семейныя группы могилъ, въ которыхъ покоятся старинные державцы тамошняго края, бароны Майдели, графы Эссены, Пиллары-фонъ Пилхау и за послѣднее время графы Буксгевдены... На краю церковной ограды такъ называемая капелла, куда ставятъ покойниковъ до преданія ихъ землѣ. Въ 1885 году (когда случилось намъ посѣтить эти мѣста и пользоваться гостепріимствомъ любезныхъ обитателей зáмка Лоде) Гольденбекскимъ пасторомъ былъ Павелъ Эбергардъ. По его словамъ, въ эту капеллу Польманъ поставилъ гробъ принцессы Августы, заперъ на ключъ и приставилъ караульнаго. Сей послѣдній, услыхавъ крикъ въ капеллѣ, побѣжалъ въ зáмокъ, но Польманъ въ теченіе цѣлаго дня не пріѣзжалъ въ капеллу». О зáмкѣ Лоде сказано у г. Бартенева: «Онъ вскорѣ потомъ (т. е. послѣ кончины принцессы) былъ пожалованъ Екатериною графу Ѳ. Ѳ. Буксгевдену, который, по семейному преданію, подъ коврами въ принцессиной комнатѣ нашелъ запекшуюся кровь» [2]).

III.

Во всѣхъ этихъ разсказахъ о трагической судьбѣ и насильственной кончинѣ принцессы Августы, какъ мы видѣли, встрѣчается множество противорѣчій, несообразностей. Въ одно и то же время преданія гласятъ, что несчастную отравили, что ее живьемъ зарыли въ могилу, что ее застрѣлили, что ее умышленно лишили жизни отказомъ въ повивальной бабкѣ въ минуту рожденія ребенка. Виновниками столь ужасныхъ преступленій въ этихъ разсказахъ являются то принцъ виртембергскій, то императрица Ека-

[1]) О характерѣ этой книги мнимаго секретаря Потемкина можно судить по замѣчанію, которымъ оканчивается разсказъ о судьбѣ Августы (стр. 82—97): «Случаи отравленія и публичныхъ казней множества совершенно невинныхъ людей при Екатеринѣ были до того обыкновеннымъ явленіемъ, что публика, привыкшая къ этому, не говорила уже на другой день о такихъ событіяхъ».

[2]) «Русскій Архивъ», 1888, I. 15—16.

терина, то князь Потемкинъ, а палачами то Польманъ, то Розенъ и другіе.

Въ исторической литературѣ пока нѣтъ опроверженія этихъ небылицъ. Только издатель «Архива князя Воронцова», г. Бартеневъ, печатая вышеприведенныя бумаги, относящіяся къ дѣлу Раксаля, замѣчаетъ въ выноскѣ: «Само собою разумѣется, что Екатерина неповинна въ кончинѣ принцессы; супругъ же ея виновенъ лишь косвенно: жестокимъ обращеніемъ» [1]). Г. Кобеко, сообщая разныя подробности о принцѣ и принцессѣ и объ отношеніи къ этому дѣлу Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, оставляетъ вопросъ о кончинѣ Августы открытымъ, ограничиваясь замѣчаніемъ, что ея смерть въ Лоде дала поводъ къ разнымъ толкамъ. Авторъ этой статьи въ своемъ сочиненіи о Екатеринѣ II также не считалъ нужнымъ останавливаться на этомъ вопросѣ [2]).

Поэтому необходимо сопоставленіе точныхъ, документальныхъ, современныхъ данныхъ съ вышеприведенными разсказами.

Нельзя сказать, чтобы мы располагали достаточнымъ историческимъ матеріаломъ для объясненія всѣхъ подробностей этого грустнаго эпизода. Но достаточно уже и того, что на основаніи разныхъ дѣловыхъ бумагъ и замѣчаній современниковъ является возможность вывести несомнѣнное заключеніе, что нѣтъ ни малѣйшаго повода къ предположенію, чтобы въ зàмкѣ Лоде было совершено какое-либо преступленіе по распоряженію Екатерины. Вышеприведенные разсказы о кончинѣ принцессы и о поводахъ къ ея удаленію въ Ревель и Лоде оказываются или возбуждающими сомнѣнія или совершенно несостоятельными.

Этотъ случай можетъ служить доказательствомъ того, что вообще преданіе, относящееся къ отдѣльнымъ фактамъ, не заслуживаетъ вниманія, а далѣе изъ него слѣдуетъ, въ какой степени слабою должна считаться аргументація, на которой иногда основывалось обвиненіе Екатерины въ совершеніи разныхъ преступленій. Историки-памфлетисты разсуждали слѣдующимъ образомъ: если Екатерина была въ состояніи подкупить повивальную бабку съ цѣлью отдѣлаться отъ ненавистной ей великой княгини Наталіи Алексѣевны [3]), то она вѣроятно была и убійцею Таракановой; или же если Екатерина была до того жестокою и коварною, чтобы распорядиться объ убіеніи принцессы Августы въ зàмкѣ Лоде, то она вѣроятно была способна къ интригѣ съ Мировичемъ ради того, чтобы избавиться отъ опаснаго претендента Ивана Антоновича и т. п. Всѣ эти аргументы несостоятельны. Точное изслѣдованіе каждаго изъ этихъ событій представляетъ ясное доказательство нелѣ-

[1]) «Архивъ кн. Воронцова», XVII. 397.

[2]) См. замѣтку на стр. 767.

[3]) См. опроверженіе этого, часто повторяемаго, обвиненія въ моей статьѣ въ журналѣ «Новь». 1886, № 18.

пости анекдотической исторической литературы, основанной на такъ называемомъ преданіи. И общее впечатлѣніе личности императрицы и отдѣльныя событія ея царствованія, при монографической разработкѣ всего историческаго матеріала, являются въ совершенно иномъ видѣ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на исторіи принцессы Августы. Здѣсь прежде всего нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Почти всѣ вышеприведенные разсказы, заключая въ себѣ самое рѣзкое обвиненіе принцессы Августы и императрицы Екатерины, или вовсе выгораживаютъ принца виртембергскаго или развѣ только мелькомъ упоминаютъ о несогласіи между принцемъ и принцессою. Между тѣмъ, исторія этого брака заключаетъ въ себѣ главное объясненіе всѣхъ частностей этого эпизода. Жестокій нравъ принца Фридриха можетъ считаться ключемъ, при помощи котораго разрѣшается загадка судьбы принцессы Августы.

Современники объ этомъ бракѣ сообщаютъ слѣдующее. Въ запискахъ князя Ѳ. Н. Голицына сказано: «Супружество сіе кончилось несчастливо. Принцъ былъ нрава вспыльчиваго, о принцессѣ не могу точно сказать, хотя и ее также не очень хвалили» [1]). Екатерина въ письмахъ къ Гримму неоднократно упоминала о «Зельмирѣ» и ея супругѣ, такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда въ Россію лѣтомъ 1782 года она писала: «я охотно беру сторону Зельмиры, потому что нельзя же ставить человѣку въ преступленіе, если онъ не находитъ любезнымъ того, что ему не является таковымъ? Но надо, чтобы я вамъ сказала о Зельмириномъ мужѣ, въ пользу котораго я вовсе не предубѣждена, но который, мнѣ кажется, оклеветанъ жестоко. Мы нашли, что онъ толстая масса — и ничего больше. Отнюдь не подозрѣвая его въ жестокосердіи, въ способности къ жестокому и безчеловѣчному обращенію, мы его видѣли въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ онъ обнаружилъ сострадательность и большое добродушіе, а также и благородный образъ мыслей. Два раза онъ ссорился съ своимъ зятемъ [2]) изъ-за пустяковъ и кончалъ дѣло съ благородствомъ. Однажды онъ упрекалъ сестру свою, зачѣмъ она бранитъ своихъ женщинъ, которыхъ онъ увидалъ въ слезахъ. Есть много обстоятельствъ, которыя свидѣтельствуютъ скорѣе въ его пользу, нежели противъ него» и пр. [3]).

Въ октябрѣ 1782 года, Екатерина писала къ Потемкину: «Виртембергская принцесса пріѣхала, и въ четвергъ у ней въ Эрми-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1874. I. 1327.
[2]) Великій князь Павелъ Петровичъ. Д. Кобеко.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII. 249.

тажѣ глаза были такъ распухши и расплаканы, что жалко было смотрѣть; они, сказываютъ, живутъ какъ кошка съ собакою» [1]).

Вѣроятно приблизительно къ этому же времени относится записка императрицы къ почтдиректору Эку, свидѣтельствующая о томъ, что въ то время была въ ходу такъ называемая перлюстрація: «я весьма любопытствую узнать образъ мыслей виртембергскій. Если вы можете достать оригинальныя письма обоихъ, то пришлите ко мнѣ. Я говорю отъ обоихъ, потому что они весьма часто въ своихъ мнѣніяхъ по правиламъ разнствуютъ, такъ чтò если одному захочется, то другому не нравится» [2]).

Въ декабрѣ 1782 года, Екатерина писала къ Гримму: «Зельмира пріѣхала и ведетъ себя очень хорошо. Я тщательно старалась развѣдать, кто изъ нихъ виноватъ, мужъ или жена, и повидимому, мужъ могъ бы вести себя помягче. Впрочемъ, въ настоящее время они, кажется, живутъ лучше прежняго... Я думаю, что супругъ Зельмиры, живучи здѣсь, поумѣритъ себя. Поступая иначе, онъ ничего себѣ не выиграетъ, а малюткѣ будетъ оказано покровительство гораздо больше нежели ожидаютъ». Въ письмѣ отъ 9-го марта 1783 года читаемъ: «Зельмира лежитъ, и очень трудно сказать, чтò она такое, потому что она не открываетъ рта. Я всячески старалась удовольствовать ее, но мнѣ это не удалось. Подождемъ лѣта; можетъ быть она будетъ сообщительнѣе». Въ сентябрѣ 1783 года императрица писала: «У насъ Зельмиру не считаютъ одаренною умомъ, но такъ какъ мнѣ удается заставить ее смѣяться и такъ какъ она, кромѣ того, любитъ движеніе, упражненія, я не раздѣляю этого мнѣнія. Но я думаю, что она очень боится угрюмаго мужа, который, впрочемъ, теперь находится въ Херсонѣ. Впрочемъ, она очень молода и никого не знаетъ. Ее находятъ неостроумною, потому что она всегда какъ во снѣ и молчалива».

Въ апрѣлѣ 1785 года, Екатерина могла сообщить барону Гримму гораздо болѣе подробныя и далеко не отрадныя извѣстія: «Вы мнѣ писали о Зельмирѣ, рекомендуя ее отъ имени ея родителей моему участію [3]). Прежде всего я должна сказать вамъ, что она ведетъ

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 218.

[2]) «Сб. Ист. Общ. XLII. 430.

[3]) Этого письма Гримма, кажется, нѣтъ въ коллекціи его писемъ къ Екатеринѣ, изданныхъ въ XLIV томѣ «Сборника Историческаго Общества». Вотъ замѣтки о принцессѣ въ его письмахъ: 21 августа 1782 г.: «La justice rendue si généreusement et si naturellement à Zelmire me fait me prosterner de reconnaissance et d' admiration et embrasser les genoux de notre imperatrice, comme si je connaissais Zelmire». 1-го января 1783 г.: «On me tourmente beaucoup et depuis longtemps d'Allemagne pour savoir, si Zelmire a trouvé grâce devant le trône des miséricordes. Je réponds tristement que je n' en sais rien». 9-го марта 1783 г.: «Je suis ravi de voir ce que j'ái osé annoncer de Zelmire justifié par le suffrage et l' approbation de V. M. I. Je ne souhaite á cette petite d' autre protection que celle de la grande» etc. «Сб. И. Общ.». XLIV, 271, 307, 337.

себя прекрасно и что ее не въ чемъ упрекнуть; но бездѣльникъ мужъ ея—человѣкъ съ которымъ нѣтъ возможности ужиться; онъ ведетъ себя съ нею такъ дико и безобразно, что изведетъ бѣдняжку, и я даже не знаю, можно ли при немъ не опасаться за самую ея жизнь и здоровье. У него съ нею на прошлой недѣлѣ произошла возмутительная сцена, которая сдѣлалась извѣстна всѣмъ: онъ билъ ее, таскалъ за волосы и потомъ заперъ на ключъ въ своемъ домѣ. Родная сестра [1]), зять и всѣ на сторонѣ жены. Какъ скоро я узнала объ этомъ, то щадя жену и принимающихъ въ ней участіе, не подвергла этого дѣла огласкѣ и услала мужа въ его губернію подъ предлогомъ спѣшнаго дѣла. При отъѣздѣ его они кое-какъ помирились, но можно предвидѣть, что этотъ миръ будетъ непроченъ; она поѣдетъ со мною на дачу, куда я отправляюсь послѣзавтра. Ея мужъ ежечастно говоритъ ей, что онъ терпѣть ея не можетъ, и вотъ самое любезное привѣтствіе, которое ей приходится отъ него слышать. По моему, для бѣдной женщины было бы полезно, чтобы ея родители узнали о печальномъ положеніи, въ которомъ она находится безъ всякой вины съ ея стороны; но слѣдовало бы внушить имъ, чтобы они не подвергали этого огласкѣ. Зельмирѣ совершенно неизвѣстно, что я пишу теперь, а пишу потому, что предвижу, что рано или поздно ее придется развести съ мужемъ, если не хотятъ уморить ее. Вы сдѣлаете изъ этого употребленіе, какое найдете лучшимъ; если можно будетъ, мы постараемся устранить всякій случай, который могъ бы нарушить миръ; но съ такимъ сумасшедшимъ, какъ ея мужъ, это, повидимому, трудненько».

28-го іюня 1785 года, Екатерина писала изъ Петербурга: «Послушайте, я писала вамъ о Зельмирѣ и объ ея печальномъ положеніи. На два мѣсяца я услала ея медвѣдя; но въ настоящее время у меня уже нѣтъ благовиднаго предлога, чтобы держать его вдали отсюда: онъ воротится сюда. Сестра и зять ожидаютъ повторенія прежнихъ сценъ. Эта бѣдная женщина видимо чахнетъ. Сообщили ли вы отцу Зельмиры, что я передавала вамъ о несчастномъ положеніи его дочери? Если же нѣтъ, то прошу васъ довести до свѣдѣнія ея родителей, что̀ я писала вамъ и сверхъ того, что я предвижу, что скоро буду вынуждена, чтобы дать покой сестрѣ и зятю, къ отсылкѣ этого негодяя (ce bélître) восвояси. Тогда что станется съ бѣдной, неповинной Зельмирою? Какъ она поѣдетъ съ этимъ человѣкомъ, отъ котораго можетъ ожидать однихъ оскорбленій? Я желала бы, чтобы отцу Зельмиры угодно было условиться со мною насчетъ того, какимъ способомъ облегчить судьбу этой несчастной женщины. Отецъ грозилъ запереть ее на вѣкъ, если она осмѣлится не поѣхать за своимъ мужемъ; но не угодно ли па-

[1]) Марія Θеодоровна.

папѣ самому попробовать прожить съ нимъ? Онъ увидѣлъ бы, что тутъ можно ожидать однихъ только побоевъ да ругательствъ. Зельмира, боюсь, не проживетъ долго съ нимъ; даже собственныя дѣти, какъ они ни малы, не могутъ видѣть его безъ ужаса. По мнѣ, остается сдѣлать и выбрать одно изъ трехъ, когда онъ будетъ высланъ отсюда, гдѣ всѣ его ненавидятъ и терпѣть не могутъ: 1) пусть Зельмира съ миромъ возвратится къ родителямъ, или 2) если это родителямъ не угодно, пусть она остается здѣсь, буде пожелаетъ, или поселится гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; 3) дѣтей не отдавать на руки отцу; сыновья должны поступить на попеченіе виртембергскаго курфиршества, а дочери остаться при матери, поведеніе которой безукоризненно. Коротко и ясно: я обѣщала Зельмирѣ мое покровительство и обязалась передъ нею честнымъ словомъ, что ее не покину. Я не прочь, чтобы ея папаша и мамаша знали это, и не позволю, чтобы такъ или иначе ее сдѣлали несчастнѣе, чѣмъ она уже есть. Я хочу, чтобы, не имѣя возможности жить съ мужемъ, она не терпѣла нужды въ своемъ уединеніи, и объявляю вамъ напрямки, что запрещу Зельмирѣ рѣшительно выѣзжать изъ Россіи, пока не удостовѣрюсь формальнымъ и надлежащимъ образомъ, что она будетъ обезпечена во всѣхъ отношеніяхъ. Слышите? Ясно ли все это, и станете ли говорить объ этомъ съ папашей, какъ слѣдуетъ, или не станете, чтобы въ случаѣ, если вамъ нельзя будетъ переговорить, я могла бы поручить другому лицу? Но такъ какъ онъ поручилъ мнѣ свою дочь чрезъ васъ, то я полагаю, вы могли бы передать ему то, что̀ я говорю вамъ для блага и пользы его дочери».

Значитъ, еще за полтора года до окончательнаго разрыва между принцемъ и принцессою императрица предвидѣла эту катастрофу и принимала уже мѣры для обезпеченія судьбы Зельмиры. Заботливость, попеченіе, материнское отношеніе къ принцессѣ—все это представляетъ рѣзкую противоположность со всѣмъ тѣмъ, о чемъ говорится въ большинствѣ указанныхъ выше темныхъ источниковъ.

И въ позднѣйшихъ письмахъ къ Гримму Екатерина, зная, что ея другъ и агентъ имѣлъ случай бесѣдовать съ родителями принцессы Августы, весьма часто возвращалась къ этому предмету. Такъ, напримѣръ, она писала 22-го іюля 1785 года: «Грозный мужъ обращается съ Зельмирою немного получше; зять и сестра на него вліяютъ нравственно». Въ письмѣ отъ 21-го сентября говорится: «Зельмира со своимъ медвѣдемъ поѣхала въ Финляндію, гдѣ ихъ дѣтямъ привита оспа. Письма отца и матери у меня; я передамъ ихъ ей тогда только, когда увижу въ томъ надобность. Она пишетъ своей золовкѣ, что они теперь ладятъ и что если онъ будетъ продолжать обходиться съ ней также хорошо, какъ теперь, она будетъ довольна. Онъ намѣревается, какъ видно, будущей

весной уѣхать восвояси: въ его губерніи его ненавидятъ и, по отзыву зятя и сестры, нельзя ни минуты положиться на это примиреніе». 2-го ноября императрица писала: «Зельмира и ея медвѣдь возвратились изъ Выборга. Она утверждаетъ, что за это лѣто не можетъ пожаловаться на него. Уже три недѣли, какъ они пріѣхали. Сегодня она у меня обѣдала. Я не передавала Зельмирѣ писемъ ея родителей и передамъ, когда это будетъ необходимо. Зельмира молода, неопытна и, кажется мнѣ, слабохарактерна, но не столько робка сколько придавлена, и такъ какъ они пока, кажется, ладятъ, то я не хочу будить черной кошки: благо уснула. Но если раздоры начнуться опять, я пущу въ ходъ письма, и ея родители могутъ быть увѣрены, что я не покину ее, пока она будетъ находиться въ моихъ владѣніяхъ. Это лѣто она жила въ Царскомъ Селѣ безъ мужа, а осенью пробыла съ нимъ въ Выборгѣ шесть недѣль по собственному желанію для привитія оспы дѣтямъ».

Екатерина не безъ основанія ожидала новыхъ непріятностей между принцемъ и принцессою. Она писала 5-го ноября: «Еще не дальше какъ въ воскресенье Зельмира увѣряла всѣхъ, что ея положеніе нѣсколько поправилось; а въ понедѣльникъ опять была ссора и драка; затѣмъ они помирились, т. е. условились, по временному соглашенію, разъѣхаться послѣ родовъ великой княгини [1]), о чемъ Зельмира и писала мнѣ, а вчера просила меня сохранить все это въ тайнѣ. Сказать правду, она сама хорошенько не знаетъ, чего хочетъ, и неудивительно. Я бы рада была, если бы оба они убрались отсюда, потому что мало пріятнаго слушать всѣ эти похожденія. Я отослала ей письма ея родителей». Въ этомъ же письмѣ сказано: «Какъ скоро я составлю себѣ болѣе ясное понятіе по дѣлу Зельмиры, я, быть можетъ, отправлю курьера къ ея отцу; или же я напишу вамъ, такъ какъ онъ предпочитаетъ этотъ способъ» [2]).

IV.

Годомъ позже, т. е. въ концѣ 1786 года, обстоятельства дали императрицѣ совершенно ясное понятіе о положеніи, въ которомъ находилась несчастная принцесса Августа.

Екатерина, какъ мы видѣли, принимала искреннее участіе въ судьбѣ принцессы. Она заблаговременно мечтала о средствахъ для обезпеченія ея въ матеріальномъ отношеніи. Считая вѣроятнымъ, что разводъ принца съ принцессою окажется неизбѣжнымъ, она уже въ 1785 году позаботилась о сообщеніи родителямъ «Зельмиры» надлежащихъ данныхъ о положеніи дѣлъ дочери. Личныя отно-

[1]) Великая княгиня Марія Павловна родилась 4-го февраля 1786 года.
[2]) «Сборникъ Ист. Общ.», XXIII. 249, 263, 271, 289, 340, 345, 347, 370.

шенія ея къ принцессѣ и то положеніе, которое Екатерина занимала въ области политики, давали ей право вмѣшательства въ это щекотливое дѣло. При этомъ она, сколько видно изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи историческихъ матеріаловъ, руководствовалась началами безкорыстнаго правосудія и гуманнаго сочувствія къ несчастной женщинѣ. Изъ нѣкоторыхъ писемъ Екатерины къ Гримму видно, что принцессу оклеветали предъ императрицею, что у нея были недоброжелатели. Такъ, напр., мы узнаемъ, что супруга прусскаго посланника, Гёрца, распускала неблагопріятные слухи о принцессѣ и что императрица, вообще нерасположенная въ это время къ Пруссіи и не благосклонно обращавшаяся съ прусскими дипломатами, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ порицала образъ дѣйствій Гёрца и его супруги, которыхъ называла между прочимъ «Krippenbeisser» и «Krippenbeissernn» [1]).

Въ какой мѣрѣ Екатерина заботилась объ устройствѣ судьбы принцессы, видно и изъ того обстоятельства, что она подарила ей домъ [2]). На императрицу принцесса могла надѣяться въ случаѣ крайней нужды, даже болѣе чѣмъ на родителей. Отецъ принцессы былъ человѣкомъ крутого нрава. Онъ, какъ мы видѣли, не смотря на несчастіе дочери, не хотѣлъ согласиться на то, чтобы она покинула мужа. Понятно, что Августа, въ крайнемъ отчаяніи, прибѣгла къ милосердію Екатерины.

17-го декабря 1786 года, принцесса, очевидно немедленно послѣ страшныхъ сценъ, происходившихъ съ мужемъ, рѣшилась покинуть его. Поздно вечеромъ, когда императрица, по возвращеніи изъ Эрмитажа, прощалась въ почивальнѣ съ великимъ княземъ и великою княгинею и когда послѣдніе ушли, принцесса вмѣсто того, чтобы идти съ ними, осталась наединѣ съ Екатериною, бросилась передъ нею на колѣни, объяснила ей свое положеніе и просила защиты и позволенія не возвращаться къ мужу. Императрица немедленно приказала приготовить для принцессы комнаты въ Эрмитажѣ [3]). Въ дневникѣ Храповицкаго 17-го декабря 1786 года сказано: «Принцесса виртембергская осталась ночевать во дворцѣ».

Изъ писемъ Гарновскаго къ Попову видно, во-первыхъ, что это событіе совершилось безъ вѣдома двора и что императрица и приближенные къ ней люди старались сохранить это дѣло въ тайнѣ, во-вторыхъ, что уже за нѣсколько дней до 17-го декабря, по приказанію императрицы, были приняты мѣры для приготовленія комнатъ, которыя должны были служить убѣжищемъ для принцессы Августы.

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII. 363, 368.

[2]) На Литейной. См. рескриптъ отъ 27-го января 1785. «Сб. Ист. Общ.». XXVII, 349. Объ этомъ домѣ см. нѣкоторыя частности въ статьѣ г. Бартенева о Польманѣ въ «Русскомъ Архивѣ», 1888, I. 9.

[3]) Разсказъ въ запискахъ Ө. Н. Голицына въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 г., I, 1327.

Гарновскій былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Потемкина. Онъ управлялъ фабриками свѣтлѣйшаго князя и сообщалъ ему чрезъ правителя канцеляріи, Попова, весьма подробныя вѣсти обо всемъ, что происходило въ Петербургѣ вообще и при дворѣ въ особенности. Его записки могутъ считаться чуть ли не столько же важнымъ источникомъ исторіи той эпохи, какъ дневникъ Храповицкаго. Его письма къ Попову имѣютъ, такъ сказать форму дневника. Изъ разсказа Гарновскаго мы узнаемъ слѣдующее:

14-го декабря, утромъ, Безбородко послалъ за Гарновскимъ, спросилъ его, чисты ли покои князя Потемкина, и сообщилъ ему, что государынѣ нужны эти комнаты на нѣсколько дней. «Государынѣ», замѣтилъ Безбородко, «хочется близь своихъ покоевъ помѣстить предъ отъѣздомъ своимъ [1]) на нѣсколько дней принцессъ, дабы онѣ послѣ отъѣзда принцевъ не скучали». Гарновскій не говоритъ, о какихъ принцессахъ и принцахъ была рѣчь; однако, его особенно озадачивала просьба Безбородки: ни слова никому не говорить объ этомъ дѣлѣ. Сообщая Попову о своемъ недоумѣніи, онъ замѣтилъ: «Не утверждаю, а догадываюсь, что, подъ претекстомъ помѣщенія принцессъ, покои сіи на что-нибудь другое назначаются».—15-го декабря возобновился разговоръ Безбородки съ Гарновскимъ о комнатахъ, при чемъ министръ уже прямо сказалъ: «Онѣ назначены на нѣкоторое секретное употребленіе». На вопросъ Гарновскаго: «А на какое?» Безбородко отвѣтилъ: «Не знаю».

Гарновскій продолжаетъ: «17-го числа, въ 10 часовъ пополудни, спросили графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) къ государынѣ въ такое время, когда графъ уже спать ложился. Графъ находился у государыни и ихъ императорскихъ высочествъ почти до третьяго часа пополуночи. Примѣчено, что съ сего числа нѣсколько комнатъ для ея и. в—ва въ Эрмитажѣ, гдѣ, кромѣ ночниковъ, ничего по ночамъ не горѣло, освѣщаются нынѣ во всякій вечеръ многими свѣчами. Чуть ли не живетъ тутъ принцесса виртембергская, однако же живетъ секретно. Въ сіе же время удалился отселѣ принцъ виртембергскій, по повелѣнію ея величества. Въ чужіе ли краи онъ поѣхалъ или въ другое мѣсто — неизвѣстно. Уповательно, что наши покои назначены были для помянутой принцессы, ибо 19-го числа сказалъ мнѣ графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко): по перемѣнившимся обстоятельствамъ покои ваши, кажется, болѣе не надобны, однако же не худо, если они и будутъ на случай готовы» [2]).

Екатерина писала Потемкину 18-го декабря 1786 года: «Дурное обращеніе (les ètrilleries) принца виртембергскаго съ женою вы-

---

[1]) Екатерина тогда собиралась совершить путешествіе въ полуденный край Россіи.

[2]) «Русская Старина», XV, 12—18.

нудило ее удалиться ко мнѣ, потому что дѣйствительно ея жизни угрожала опасность; я воспользовалась этимъ весьма благопріятнымъ случаемъ, чтобы отослать обоихъ отсюда, и немного дней спустя, они оставятъ насъ. Я сдѣлала то, что должна была сдѣлать и сдѣлала хорошо: жена поѣдетъ къ своимъ родителямъ, а мужъ куда хочетъ»[1]).

Къ барону Гримму Екатерина писала 26-го декабря 1786 года: «Въ нашемъ Эрмитажѣ вотъ уже десять дней витаетъ заколдованная принцесса: Зельмира убѣжала ко мнѣ, такъ какъ она рисковала бы жизнью съ такимъ недостойнымъ негодяемъ, каковъ ея супругъ. Не было дурного обращенія или оскорбленія, которыхъ бы ей не пришлось испытать или опасаться. Я воспользовалась удобнымъ случаемъ и приказала сказать этому дьяволу, чтобы онъ убрался отсюда. Онъ написалъ мнѣ бѣшеное письмо, но все-таки ему пришлось собраться въ дорогу, и во вторникъ на прошедшей недѣлѣ онъ уѣхалъ, объявивъ, что ѣдетъ для свиданія съ тестемъ, и Зельмира боится, чтобы онъ не очернилъ ее въ глазахъ ея родителей. Общество все противъ негодяя; даже самые близкіе къ нему люди[2]) не оправдываютъ его. Они жалѣютъ только о томъ, что Зельмира не предупредила ихъ: но, говоря по совѣсти, она не могла этого сдѣлать. Думаю, что и на меня дуются, но какъ себѣ хотятъ: посердятся, да и перестанутъ. Мое положительное и твердое намѣреніе отправить Зельмиру обратно къ ея родителямъ, и во всемъ этомъ дѣлѣ я поступала, поступаю и поступлю, какъ велитъ долгъ. Дожидаться отвѣта отъ родителей здѣсь я не могу, потому что уѣзжаю 2-го января[3]). Отправить Зельмиру наудачу я не могу, и потому пока рѣшилась услать ее отсюда, такъ какъ оставаться здѣсь ей также нельзя. Куда она поѣдетъ дожидать рѣшенія своей участи, въ эту минуту не могу вамъ сказать опредѣленно, потому что это будетъ зависѣть отъ помѣщенія, и я теперь разослала по разнымъ мѣстамъ выбрать для нея удобный и приличный пріютъ. Сверхъ того, я ей даю слово, что, помимо ея собственной воли и не убѣдившись въ томъ, что судьба ея устроится къ лучшему, насколько это возможно въ ея тяжкомъ положеніи, ее не заставятъ покинуть уединеніе или временный пріютъ, гдѣ она пока будетъ помѣщаться. Все это, кажется, гуманно и пристойно. Насколько можно было, я постаралась прикрыть молчаніемъ разные ужасы и на другой же день отправила курьера и написала родителю Зельмиры, прося его уладить это дѣло со мною дружески. Я нахожу, между прочимъ, что Зельмира отнюдь не глупа. Въ ней довольно мужества и твердости; она надѣется, что

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 395—396.
[2]) Очевидно Марія Θеодоровна и Павелъ.
[3]) Въ Крымъ и Кіевъ.

я ее не покину, и въ этомъ не ошибается. Ей бы очень хотѣлось остаться въ Петербургѣ, и именно у меня, но это наврядъ ли возможно, потому что у насъ будутъ рады забыть всю эту непріятную исторію. Надобно признаться, что Зельмирину роду никогда не было счастья въ Россіи, вотъ уже восьмой или девятый человѣкъ изъ этого дома терпитъ здѣсь горе [1]). Сообщите мнѣ, что̀ узнаете о настроеніи Зельмирина батюшки, доволенъ ли онъ мною или не доволенъ? Не могу допустить, чтобы негодяю (т. е. принцу) удалось заставить его (герцога) забыть, какой онъ (принцъ) злой и дурной человѣкъ. Для этого я слишкомъ высокаго мнѣнія объ умѣ человѣка, принадлежащаго къ числу героевъ нашего вѣка [2]). Негодяй же (принцъ), напротивъ, герой злости. Говорятъ, онъ намѣренъ поселиться въ Швейцаріи. Онъ самъ сказалъ Зельмирѣ, что онъ во враждѣ непримиримъ и не понимаетъ, какъ люди могутъ прощать. Не правда ли, премилый характеръ?» [3]).

Въ запискахъ Ѳ. Н. Голицына сказано, послѣ разсказа событія 17-го декабря: «На другой день императрица послала за принцемъ и съ нимъ изволила объясниться касательно его супруги. Видно, онъ во время сего разговора не умѣлъ воздержаться, и намъ сказывали, что онъ государыню такъ прогнѣвалъ, что велѣно ему было выѣхать въ три дня изъ столицы».

Этотъ разсказъ, кажется, не точенъ. Екатерина не имѣла, насколько извѣстно, личнаго объясненія съ принцемъ, а написала ему письмо слѣдующаго содержанія: «Monsieur mon cousin. Увѣдомляю ваше высочество, что принцесса у меня; домъ мой въ настоящее время служитъ ей убѣжищемъ. Мое намѣреніе отослать ее къ ея родителямъ. Ваше высочество на будущее время можете обращаться къ нимъ. Я не судья въ этомъ дѣлѣ и не буду имъ; но имѣя основаніе предполагать, что ваше высочество не пожелаете послѣ этого дольше оставаться здѣсь, я симъ даю вамъ пока годовой отпускъ и совѣтую воспользоваться имъ возможно скорѣе и разрѣшаю вамъ не прощаться со мною. Если ваше высочество

---

[1]) Напрасно г. Бартеневъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1878, III, 128) недоумѣваетъ кто, эти восемь или девять человѣкъ изъ брауншвейгскаго дома. Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина говоритъ: о супругѣ Алексѣя Петровича, бывшей брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою принцессою, объ Антонѣ Ульрихѣ, мужѣ Анны Леопольдовны и его дѣтяхъ—Іоаннѣ Антоновичѣ, Екатеринѣ, Елизаветѣ, Петрѣ и Алексѣѣ: не считая самой Анны Леопольдовны, бывшей въ сущности послѣ вступленія въ бракъ, брауншвейгскою принцессою, выходитъ, что Августа была осьмымъ членомъ этой фамиліи, пострадавшимъ въ Россіи.

[2]) Герцогъ Карлъ Фердинандъ брауншвейгскій отличился въ качествѣ полководца во время Семилѣтней войны. За то въ 1792 году онъ дѣйствовалъ очень неудачно въ походѣ въ Шампань. Онъ же былъ разбитъ на голову при Ауэрштетѣ въ 1806 году.

[3]) «Ne voilà-t-il pas un joli petit caractère».

найдете нужнымъ подать въ отставку, то прошу увѣдомить меня, чтобы я могла послать вамъ указъ» [1]).

Императрица сочла нужнымъ сообщить о случившемся и о принятыхъ ею мѣрахъ цесаревичу и его супругѣ, сестрѣ принца. Она писала имъ: «Любезныя дѣти! Такъ какъ виртембергская принцесса обратилась ко мнѣ, то я не могу отказать ей въ пріютѣ и покровительствѣ. Мое намѣреніе отослать ее къ ея родителямъ и доставить ей участь менѣе несчастную, какую допускаетъ ея положеніе; на этотъ счетъ я прошу васъ не безпокоиться. Откажитесь отъ свиданія съ нею нѣкоторое время. Я не хочу быть и не буду судьею въ этомъ дѣлѣ; оно принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которыя лучше набросить покрывало забвенія и глубочайшаго молчанія; вотъ самое разумное и осторожное, что я могу сказать объ этомъ предметѣ, и къ этому-то я и постараюсь привести его; совѣтую вамъ поступать точно также и направлять всякаго, кто бы вздумалъ уклоняться отъ этого. Принцу виртембергскому я написала письмо, копію съ котораго при семъ прилагаю. Очень хорошо знаю, что обо всемъ, что̀ содержитъ эта страница и приложеніе, можно бы сдѣлать множество вопросовъ и поясненій, но я не стану отвѣчать на нихъ, такъ какъ знаю, что дѣлаю то, что̀ должна дѣлать. Вотъ и все» [2]).

Оба письма произвели самое сильное дѣйствіе. Мы знаемъ изъ писемъ Екатерины къ Гримму, что Марія Ѳеодоровна и Павелъ Петровичъ не одобряли обращенія принца съ женою, но можно считать вѣроятнымъ, что они въ то же время были недовольны и принцессою. Графъ Сегюръ, находившійся въ то время въ Петербургѣ, разсказываетъ въ своихъ «Mémoires et souvenirs» [3]), что великій князь и его супруга жаловались на нѣкоторое недовѣріе къ нимъ принцессы Августы, выказанное ею при этомъ случаѣ. Ѳ. Н. Голицынъ пишетъ: «Сіе происшествіе причинило великому князю и его августѣйшей супругѣ большое огорченіе, а еще болѣе отъ нескромности принцессы. Она, какъ мы послѣ слышали, много поразсказала всего слышаннаго ею на вечеринкахъ у великаго князя, хотя тамъ (и я побожиться былъ готовъ) большую всегда осторожность въ рѣчахъ употребляли и великій князь этого чрезвычайно остерегался» [4]). Къ этому нерасположенію къ принцессѣ у великой княгини присоединилось сильное раздраженіе по поводу оскорбленія, заключавшагося для ея брата въ письмѣ къ нему Екатерины. Марія Ѳеодоровна вспыхнула и написала слѣдующее письмо къ Екатеринѣ: «Государыня! Безпокойство мое слишкомъ велико, чтобы я могла выразить все, что̀ я чувствую; братъ мой

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XV, 26—27.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XV, 25—26.
[3]) II, 418.
[4]) «Русскій Архивъ» 1874 г., I, 1327—28.

служилъ вашему величеству съ рвеніемъ и преданностью, слѣдовательно не могъ, да и не долженъ былъ ожидать этой строгой мѣры, которая всенародно покрываетъ его позоромъ, приводитъ меня въ отчаяніе и будетъ смертельнымъ ударомъ для тѣхъ, кто далъ мнѣ жизнь. Вотъ все, государыня, что̀ можетъ имѣть честь сказать вамъ ваша покорнѣйшая и послушнѣйшая слуга и дочь Марія». Екатерина тотчасъ же отвѣтила слѣдующею запискою: «Любезнѣйшія дѣти! Я не покрываю позоромъ принца виртембергскаго, но, напротивъ того, стараюсь предать забвенію его ужасное поведеніе; моя обязанность подавлять тому подобныя вещи» [1]).

О страшномъ волненіи великокняжеской четы и принца свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ въ письмахъ Гарновскаго: «Какъ графъ Валентинъ Платоновичъ поднесъ ихъ императорскимъ высочествамъ и принцу (что̀ случилось предъ самымъ ужиномъ въ комнатахъ ихъ высочествъ) касательно отъѣзда принца собственноручныя ея императорскаго величества письма, каждому особое [2]), то принцъ усильно просилъ великаго князя о показаніи ему полученнаго его высочествомъ письма, къ чему и великая княгиня просьбу свою присовокупить изволила. Однако же великій князь изволилъ, какъ я слышалъ отъ достовѣрнаго человѣка, отозваться тако: «я—подданный россійскій и сынъ императрицы; что̀ между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому». Его высочество, сказавъ сіе, изволилъ удалиться въ свой кабинетъ и приказалъ принца къ себѣ не пропускать». Далѣе Гарновскій писалъ уже послѣ того, какъ, 2-го января 1787 года, императрица отправилась въ путь въ Кіевъ и въ Тавриду: «Великій князь и великая княгиня, обременены бывши по случаю происшествія сего ужасною печалью, до новаго года изъ своихъ покоевъ никуда не выходили; да ихъ императорскія высочества и къ себѣ, кромѣ графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) и г-жи Бенкендорфши, никого не допускали».

О принцѣ у Гарновскаго встрѣчается еще слѣдующее довольно любопытное замѣчаніе: «Принцъ дѣйствительно удалился отсель, и удалился, какъ говорятъ, въ чужіе краи. Принцесса, претерпѣвъ отъ принца ужасные побои, и опасаясь потерять руки и ноги, коихъ онъ лишить ее предполагалъ, послѣ отъѣзда отсель ея и. величества, приносила ея величеству жалобу и чрезъ сіе самое подала поводъ къ скорому его отъѣзду. Вотъ что̀ большая часть людей въ городѣ думаютъ объ отъѣздѣ принца; однако же не всѣ; другіе подозрѣваютъ, будто бы принцу, впадшему въ преступленіе

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XV, 27—28.

[2]) Слѣдуетъ ли изъ этого, какъ полагаетъ г. Кобеко (стр. 285), что Гарновскій разсказываетъ объ особыхъ письмахъ, писанныхъ Екатериною Павлу и Маріи Ѳеодоровнѣ?

государственное, назначено по секрету пребываніе въ Перновѣ или Ригѣ. Стеченіе разныхъ обстоятельствъ подало имъ поводъ шептать другъ другу въ уши, будто бы принцъ имѣлъ съ шведскимъ дворомъ опасную здѣшнему государству переписку, о которой г. Шпренгпортенъ преподалъ ея и. величеству первое извѣстіе, и какъ графъ Ангальтъ ѣздилъ недавно въ Финляндію, то думаютъ, что и сей посыланъ былъ туда для того только, чтобъ развѣдать обстоятельнѣе о подозрительныхъ дѣяніяхъ принца и о взятіи надлежащихъ противу оныхъ осторожностей. Говорятъ, яко бы нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся. Впрочемъ, какая бы ни была причина внезапнаго принца отъѣзда, нѣтъ въ городѣ ни одного человѣка, не исключая и самыхъ коренныхъ нѣмцевъ, которые бы сожалѣли объ отъѣздѣ его» [1]).

Эти данныя достойны вниманія во многихъ отношеніяхъ. Изъ нихъ видно, что Марія Ѳеодоровна не безъ основанія говорила о «покрытіи принца позоромъ». Публика была готова видѣть въ немъ государственнаго преступника, между тѣмъ какъ его удаленіе было вызвано, какъ кажется, лишь семейными обстоятельствами и частными соображеніями, не имѣвшими никакого отношенія къ дѣламъ политическимъ [2]). Далѣе любопытно видѣть, какъ легко въ публикѣ рождаются слухи, лишенные всякаго основанія, и какимъ образомъ выдумываются историческіе факты, которымъ потомство приписываетъ нѣкоторое значеніе. Наконецъ, изъ этого разсказа Гарновскаго видно, что въ публикѣ не знали точно о времени отъѣзда принца. Голицынъ писалъ, что принцу было приказано покинуть столицу не позже 20-го декабря; Гарновскій же разсказываетъ, что уже послѣ отъѣзда Екатерины, т. е. послѣ 2-го января, бумага поданная принцессою императрицѣ, ускорила отъѣздъ принца. Судя по разсказу Гарновскаго, можно бы думать, что принцесса уѣхала въ Ревель раньше отъѣзда принца въ Германію, между тѣмъ какъ принцъ безъ сомнѣнія долженъ былъ удалиться очень скоро послѣ 17-го декабря, а принцесса уѣхала, какъ видно изъ дневника Храповицкаго, за три дня до отъѣзда Екатерины, т. е. 30-го декабря 1786 года.

Екатерина, какъ мы видѣли, 26-го декабря писала Гримму, что занимается выборомъ удобнаго мѣста, которое могло бы служить пріютомъ для принцессы. Къ этому предмету очевидно относится замѣтка въ дневникѣ Храповицкаго 26 декабря: «Спрошенъ послѣ обѣда для подачи карты Рижской и Ревельской». Къ этому же

---

[1]) «Русская Старина», XV, 19—20.

[2]) Г. Кобеко, стр. 285, указывая на эти слухи, замѣчаетъ: «Судя по негодованію, съ которымъ Екатерина впослѣдствіи отзывалась о принцѣ Фридрихѣ, можно думать, что въ этомъ слухѣ была извѣстная доля правды». Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія.

дѣлу относятся замѣчанія въ этомъ же источникѣ: «27 декабря; посыланъ былъ съ пакетомъ къ графу Ангальту и къ Стрекалову, отъ него привезъ 1000 р., которые отданы Вильдшѣ, бывшей при принцессѣ виртемберской». «29 дек. Говорено о принцѣ, что заслужилъ онъ кнутъ, ежели бы не закрыли мерзкихъ дѣлъ его». «30 дек. отправлена принцесса виртемберская съ Вильдшею и Польманомъ» [1]).

Мы не думаемъ, чтобы отправленіе Храповицкаго къ Ангальту и далѣе замѣчаніе о мерзкихъ дѣлахъ принца, заслуживающихъ наказанія кнутомъ, могли бы считаться подтвержденіемъ слуха о какомъ-то государственномъ преступленіи принца, но считаемъ тѣмъ болѣе нужнымъ указать на этотъ источникъ, что г. Кобеко до извѣстной степени склоняется въ пользу правдаподобія этого слуха. Какъ бы то ни было, но именно въ то время, когда императрица была занята приготовленіями къ знаменитому своему путешествію въ полуденный край Россіи, она должна была посвятить много времени и труда дѣлу Зельмиры. Еще 4-го января, значитъ въ то время, когда дворъ уже находился, такъ сказать, на пути, въ Царскомъ Селѣ, Храповицкій пишетъ: «При чтеніи иностранной почты говорили о всѣхъ братьяхъ великой княгини, какъ худо живутъ съ женами и повторили о поступкахъ бывшаго здѣсь». И тутъ, какъ кажется, нѣтъ никакого намека на какіе-либо иные поступки, какъ именно на варварское обращеніе съ женою.

Объ отъѣздѣ принцессы въ запискахъ Ѳ. Н. Голицына сказано только: «Поживши во дворцѣ, принцесса отправлена была въ Ревель со свитою, гдѣ ей въ зàмкѣ отведенъ былъ покой; но она въ скоромъ времени послѣ того скончалась» [2]). Гарновскій пишетъ: «Принцесса виртемберская, жившая нѣсколько времени въ Эрмитажѣ, предпріяла путь въ Ревель, гдѣ она, расположась въ пріуготовленномъ для нея зàмкѣ, до тѣхъ поръ пробыть имѣетъ, пока супружество ея уничтожится законнымъ порядкомъ. Находившійся въ деревняхъ своихъ отставной егермейстеръ Польманъ, бывъ сысканъ сюда по именному указу, отправленъ вмѣстѣ съ принцессою, и имѣетъ находиться при ней чрезъ все время пребыванія ея въ Ревелѣ» [3]).

А. Брикнеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Въ изданіи Барсукова записокъ Храповицкаго неправильно «Пошмановъ».

[2]) «Русскій Архивъ», 1874. I. 1837.

[3]) «Русская Старина», XV. 19.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОЖИТОМЪ [1].

(Посвящается товарищамъ по Павловскому и сослуживцамъ по Петровскому Полтавскому кадетскимъ корпусамъ).

IX.

Въ Пятигорскѣ.—Воспоминаніе о генералѣ Завадовскомъ.—Пріѣздъ въ корпусъ Ростовцева.—Воспитательный комитетъ.—Посѣщеніе корпуса наслѣдникомъ цесаревичемъ.—Инспекторъ классовъ Водянскій.—Врангель попечитель Виленскаго учебнаго округа.—Тиньковъ.—Его разговоръ со мною.—Директоръ Юрьевъ.—Религіозность Юрьева.—«Юрьевская исторія».—Появленіе памфлета на Юрьева.—Выговоръ въ приказѣ инспектору и преподавателямъ.—Доносъ на Юрьева.—Меня обвиняютъ въ продажѣ кадетскихъ сапоговъ.—Баронъ Шлипенбахъ разбираетъ дѣло.—Его вниманіе ко мнѣ.—Приказъ Шлипенбаха по корпусу.—Жена Юрьева вмѣшивается въ исторію мужа.—Командировка въ образцовый учебный полкъ.—Представленіе Ростовцеву.—Назначеніе младшимъ штабъ-офицеромъ въ Петровскій Полтавскій кадетскій корпусъ.

Ъ 1852 ГОДУ я подалъ прошеніе объ увольненіи меня, по разстроенному здоровью, на Кавказскія минеральныя воды. Врангель исходатайствовалъ мнѣ четырехмѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и полугодовой окладъ жалованья на подъемъ. Наслѣдникъ цесаревичъ, лично отъ себя, далъ бумагу, по которой я получилъ даровую квартиру въ Пятигорскѣ, въ домѣ неимущихъ, устроенномъ спеціально для офицеровъ кавказской арміи.

Въ Пятигорскѣ я былъ представленъ начальнику Сѣвернаго Кавказа, генералу Завадовскому. Послѣдній предложилъ мнѣ перейти на Кавказъ съ тѣмъ, что онъ мнѣ дастъ отдѣльный линей-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLI, стр. 94.

ный баталіонъ. Предложеніе было чрезвычайно заманчиво, но все же я долженъ былъ поблагодарить и отказаться. Въ это время у меня уже была очень многочисленная семья, надо было хлопотать объ образованіи дѣтей, а послѣднее было гораздо болѣе исполнимо при прежней службѣ.

Завадовскій былъ большой чудакъ. Про него ходила бездна анекдотовъ, довольно забавныхъ. Приведу одинъ-другой:

Кавказской резервной дивизіей, расположенной въ Ростовѣ на Дону, командовалъ генералъ Варпаховскій, большой другъ Завадовскаго. Оба они были между собою на «ты», останавливались другъ у друга, когда одинъ пріѣзжалъ въ Ставрополь, а другой въ Ростовъ. У Завадовскаго былъ адъютантъ, нѣкій Попка, изъ простыхъ казаковъ, выведенный имъ въ люди, человѣкъ съ большимъ природнымъ умомъ, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ своего генерала. Однажды, въ бытность Варпаховскаго въ Ставрополѣ, въ подкутившемъ товарищескомъ кружкѣ зашла рѣчь о находчивости Завадовскаго во всѣхъ важныхъ, серьезныхъ случаяхъ. Варпаховскій какъ-то увлекся и сказалъ:

— Да что̀ Завадовскій! Я знаю, что̀ за него всѣмъ орудуетъ Попка!

Обстоятельство это дошло до Завадовскаго. Вскорѣ онъ назначилъ смотръ резервной дивизіи, прибылъ въ Ростовъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, остановился у Варпаховскаго.

Осмотрѣвъ дивизію, онъ ни слова не произнесъ о томъ, въ какомъ состояніи она имъ найдена, но, по прибытіи въ Ставрополь, отправилъ Варпаховскому ордеръ, въ которомъ перечислялъ всѣ неисправности и упущенія и предупреждалъ, что въ случаѣ если всѣ вышеизложенные безпорядки не будутъ устранены черезъ три мѣсяца, онъ сдѣлаетъ представленіе объ отрѣшеніи начальника дивизіи отъ должности.

Какъ громомъ пораженный, Варпаховскій летитъ въ Ставрополь. Тутъ онъ объясняетъ Завадовскому, до чего огорошенъ его ордеромъ.

— Ни, сего не було!—отвѣчаетъ Завадовскій.

— Какъ не было? я покажу тебѣ ордеръ!

— Покажи, покажи!

— Дывысь! Що бы се було?—размышляетъ Завадовскій, вертя въ рукахъ бумагу.—А! се, мобудь, картожный Попка? Такочко оно и е!

Какъ-то прибылъ на Кавказъ военный министръ графъ Чернышевъ, давно уже точившій зубы на Завадовскаго. Встрѣтившись съ нимъ въ Пятигорскѣ, министръ наговорилъ ему кучу непріятностей, разнесъ за найденные имъ безпорядки и упущенія и объявилъ, что не приминетъ доложить обо всемъ государю. Видя, что дѣло плохо, Завадовскій, экстренно, но въ тайнѣ отъ графа Чернышева, испросилъ себѣ разрѣшеніе на отпускъ въ Петербургъ. Прибывъ въ Петербургъ, онъ, какъ бы не зная, что графъ Чер-

нышевъ въ отлучкѣ, явился къ военному министру. Въ канцеляріи ему объявили, что министръ уѣхалъ, но что все-таки онъ долженъ представиться государю. Когда императоръ принялъ его и спросилъ: что̀ новаго на Кавказѣ? Завадовскій отвѣтилъ:

— Все хорошо. Спасибо вашему величеству, что вы прислали намъ такого разумнаго графа. Онъ всѣмъ намъ показалъ свѣтъ. Что̀ за мудрая голова!

Государь, какъ извѣстно, очень остался доволенъ свиданіемъ съ Завадовскимъ, и когда возвратился графъ Чернышевъ, онъ, не давъ ему ничего сказать о поѣздкѣ, произнесъ:

— Спасибо тебѣ, графъ Александръ Ивановичъ! Твоя поѣздка на Кавказъ принесла намъ много пользы. Завадовскій все уже успѣлъ передать мнѣ.

Послѣ этого у Чернышева и языкъ не повернулся сказать что̀-либо не въ пользу Завадовскаго.

Въ 1854 году, наслѣдникъ цесаревичъ, въ первый разъ послѣ своего назначенія главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, предпринялъ путешествіе по провинціальнымъ корпусамъ. Передъ тѣмъ во всѣхъ корпусахъ побывалъ Ростовцевъ. Его пріѣздъ въ Полтаву особенно мнѣ памятенъ. Осмотрѣвъ корпусъ, онъ пожелалъ присутствовать въ воспитательномъ комитетѣ, который собрался для разрѣшенія вопросовъ о переводѣ воспитанниковъ въ слѣдующіе классы и о передачѣ неподающихъ надеждъ на попеченіе родителей или, въ случаѣ ихъ отказа, о выпускѣ ихъ въ юнкера арміи. Такихъ воспитанниковъ набралось девятнадцать человѣкъ.

Ростовцевъ принялъ на себя роль посторонняго зрителя. Покуда очередь подачи голоса дошла до меня, восемь человѣкъ были за исключеніе неподающихъ надеждъ, а всѣхъ насъ было двѣнадцать. Не смотря на такое значительное большинство мнѣній, противуположныхъ моему убѣжденію, я высказалъ слѣдующее:

«Изгонять въ одинъ разъ такое множество кадетъ, хотя бы и отсталыхъ и крайне неразвитыхъ, считаю мѣрою не гуманною. Мы всѣ хорошо знаемъ до какой степени равнодушно относится къ умственному и нравственному воспитанію дѣтей большая часть помѣщиковъ-хуторянъ. По ихъ мнѣнію, корпусъ только для того и существуетъ, чтобы снять съ нихъ эту тяжелую обязанность, при взносѣ денегъ на содержаніе кадетъ. Такою мѣрою мы совершенно закроемъ для нихъ путь къ образованію, закроемъ и возможность пристроиться на службу и создадимъ изъ нихъ пролетаріевъ въ полномъ смыслѣ слова. Этимъ приговоромъ мы вызовемъ въ нихъ проклятіе того часа и той минуты, когда они поступили въ заведеніе. А сколько нареканій на корпусъ послѣдуетъ со стороны родителей этихъ несчастныхъ юношей? Кто изъ здѣшняго общества рѣшится сказать что̀-либо въ защиту насъ.

при сознаніи, что мѣра строгости, употребленная нами, положительно несогласна съ началами педагогіи? Наконецъ, положа руку на сердце, можемъ ли мы утверждать, что съ нашей стороны прилагалось всевозможное стараніе о устраненіи такого плачевнаго исхода въ участи цѣлыхъ девятнадцати человѣкъ? Добавлю при этомъ еще и то, что между ними не мало и такихъ, поведеніе которыхъ почти безупречно».

Комитетъ присоединился къ моему мнѣнію и его рѣшеніе было вполнѣ одобрено Ростовцевымъ. Конечно, послѣ этого, къ своимъ занятіямъ съ этими юношами я относился особенно старательно. Замѣчательно, что всѣ они кончили курсъ вполнѣ благополучно, а одинъ изъ нихъ, Винниковъ 1-й, былъ даже третьимъ ученикомъ въ старшемъ классѣ и выпущенъ въ артилерію. Впослѣдствіи Врангель говорилъ мнѣ, что Ростовцевъ, въ своихъ письмахъ къ нему, постоянно освѣдомлялся какъ идутъ эти девятнадцать человѣкъ, и чрезвычайно радовался удовлетворительности ихъ успѣховъ.

Въ 1856 году, скончался только-что произведенный въ генералы инспекторъ классовъ Ѳ. Г. Ницкевичъ. Покойный умѣлъ вести свою часть довольно самостоятельно, хотя и не вполнѣ обладалъ всѣми нужными для инспектора свѣдѣніями. На его мѣсто, по ходатайству бывшаго статсъ-секретаря М. П. Позена, съ которымъ Ростовцевъ былъ весьма друженъ, былъ назначенъ нѣкій Бодянскій. Онъ былъ сынъ священника и, до поступленія въ семинарію, состоялъ въ хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ, исправляя въ то же время и должность архіерейскаго служки. По выпускѣ изъ семинаріи въ 1830 году, онъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Полтавскую классическую гимназію, а въ 1842 году былъ принятъ въ корпусъ преподавателемъ этого же предмета въ приготовительномъ классѣ. Состоя въ то же время редакторомъ и издателемъ «Полтавскихъ губернскихъ вѣдомостей», Бодянскій частенько пропускалъ свои уроки въ корпусѣ, въ разсчетѣ на свое умѣніе показать товаръ лицомъ, причемъ доходилъ подчасъ до комизма. Мы совсѣмъ не считали его нашимъ сотрудникомъ въ дѣлѣ воспитанія, какъ вдругъ узнали, что его прочатъ на должность инспектора классовъ. Зная подобное наше мнѣніе, Врангель, на предложеніе Ростовцева сдѣлать Бодянскаго инспекторомъ, отвѣчалъ уклончиво, что, впрочемъ, не помогло.

Молва, прославившая Врангеля, какъ рѣдкаго педагога, дошла до государя. Вслѣдствіе этого, въ 1857 году, при открытіи вакансіи на должность попечителя Виленскаго учебнаго округа, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и, послѣ аудіенціи въ кабинетѣ у государя, ему было предложено это мѣсто.

Благодаря государя за такое высокое къ нему довѣріе, Врангель со слезами высказалъ глубокое сожалѣніе, что приходится разстаться съ дорогимъ ему мундиромъ Петровскаго Полтавскаго

кадетскаго корпуса. Тронутый горькими слезами генерала, государь позволилъ ему остаться въ томъ же мундирѣ и при новой должности, съ правомъ считаться по спискамъ корпуса. Послѣднее обстоятельство было не только чрезвычайно лестно, но и очень выгодно, такъ какъ вслѣдствіе положенія о военно-учебныхъ заведеніяхъ, касающагося всѣхъ прослужившихъ въ нихъ пять и десять лѣтъ, онъ имѣлъ право на полуторный окладъ жалованія.

Въ доказательство, что нашъ корпусъ считался при Врангелѣ въ числѣ лучшихъ военно-учебныхъ заведеній, считаю необходимымъ привести слѣдующій примѣръ: директоромъ Орловскаго Бахтина кадетскаго корпуса былъ большой пріятель Ростовцева, Тиньковъ. При немъ, вслѣдствіе черезчуръ широкихъ затѣй для доставленія воспитанникамъ удовольствій, въ Орловскомъ корпусѣ оказался сильный недочетъ въ казенныхъ суммахъ. Тиньковъ не придерживался положенія, по которому воспитанники могли быть увольняемы въ отпускъ только по праздникамъ или наканунѣ ихъ, а разрѣшилъ отпускать ихъ каждый день по окончаніи лекцій и при томъ безъ провожатыхъ. Избалованные мальчики-кадеты позволяли себѣ предаваться во время отпусковъ полному разгулу, часто доходившему до скандаловъ. Слухи обо всемъ этомъ дошли до Петербурга. Была назначена провѣрочная комиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Ореуса. Послѣдній не пощадилъ Тинькова, но въ Петербургѣ ограничились только тѣмъ, что послѣднему было предложено отправиться въ Полтаву, дабы присмотрѣться, какъ Врангель управляетъ заведеніемъ.

Что вынесъ Тиньковъ изъ этой науки—не знаю; вѣрно только то, что въ 1854 году онъ оставилъ педагогическую дѣятельность.

Въ Полтавѣ Тиньковъ встрѣтилъ меня, какъ стараго знакомаго. Познакомились мы съ нимъ въ 1847 году во время моей остановки въ Орлѣ при путешествіи съ выпускными кадетами въ Петербургъ. Разсказалъ онъ между прочимъ вещь чрезвычайно поразившую меня: въ Орловскомъ корпусѣ служилъ мой большой другъ и пріятель Янковичъ. Послѣ исторіи со Струмилло, я написалъ Янковичу письмо, въ которомъ описывалъ подробности дѣла и возмущался поведеніемъ полтавской интелигенціи. Это письмо Янковичъ показалъ Тинькову, а послѣдній переслалъ его Ростовцеву, Ростовцевъ—Михаилу Павловичу, Михаилъ Павловичъ — государю.

— Вѣроятно, — закончилъ свой разсказъ Тиньковъ, — только вашему письму обязанъ Струмилло спасеніемъ отъ очень крутой мѣры, къ которой хотѣлъ прибѣгнуть государь.

Не думалъ я, чтобы моя интимная переписка съ пріятелемъ могла забраться такъ далеко.

Послѣ Врангеля директоромъ нашего корпуса назначили Никанора Ивановича Юрьева, также прибывшаго съ Кавказа, гдѣ онъ состоялъ на службѣ по отдѣльному корпусу жандармовъ. Онъ

былъ лично извѣстенъ государю, какъ командиръ шефской роты 1-го кадетскаго корпуса, въ которой императоръ состоялъ по спискамъ.

Будучи человѣкомъ въ высшей степени религіознымъ, Юрьевъ не пропускалъ ни одного церковнаго служенія. Онъ искренно любилъ кадетъ и, встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, цѣловалъ ихъ въ лобъ и крестилъ. Вслѣдствіе своей сильной близорукости и благодаря этой манерѣ обхожденія съ воспитанниками, онъ, подчасъ, былъ комиченъ. Разъ, въ виду не малаго количества воспитанниковъ, онъ принялъ за кадета молодого каптенармуса Богомолова, также поцѣловалъ и перекрестилъ его, чѣмъ вызвалъ сильный смѣхъ въ очевидцахъ этой сцены. Его чрезмѣрная доброта сопровождалась слабохарактерностью, съ неизбѣжнымъ ея слѣдствіемъ: семью пятницами на одной недѣлѣ. Отдавъ утромъ одно приказаніе, онъ приказывалъ вечеромъ совершенно другое; его приказанія по одному и тому же обстоятельству дежурному по корпусу, баталіонному командиру и другимъ должностнымъ лицамъ почти всегда были совершенно различныя. Много вредило Юрьеву и вмѣшательство въ его служебную дѣятельность супруги. Въ особенности некстати вмѣшалась она во время извѣстной «Юрьевской исторіи».

Въ пятидесятыхъ годахъ, въ нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ журналахъ начали появляться статьи, въ которыхъ мѣшались съ грязью порядки, существующіе въ кадетскихъ корпусахъ и ихъ военная закваска. Эти статьи не только не возбранялись для свободнаго чтенія воспитанниковъ, но даже разъяснялись въ Полтавскомъ корпусѣ инспекторомъ классовъ Бодянскимъ. Цѣль этого господина состояла въ томъ, чтобы убить всякое вліяніе на кадетъ какъ директора, такъ и всѣхъ воспитателей, носящихъ военный мундиръ. Очевидно въ стремленіяхъ Бодянскаго проглядывала идея—обратить корпусъ изъ спеціально-военнаго въ общеобразовательное заведеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стать въ немъ самымъ вліятельнымъ лицомъ. Идеи Бодянскаго, какъ болѣе современныя, всецѣло раздѣлялись почти всѣми преподавателями и репетиторами классовъ, тѣмъ болѣе, что они были недовольны директоромъ за частое порицаніе ихъ способовъ преподаванія. Во время рождественскихъ праздниковъ 1857 года, въ стѣнахъ заведенія появился памфлетъ, въ родѣ акаѳиста, въ которомъ перечислялись всѣ недостатки Юрьева и были затронуты даже его семейныя дѣла. Судя по складу этого произведенія, можно было догадываться, что авторъ очень хорошо знакомъ съ акаѳистами вообще. Вѣроятно, опасаясь обвиненія въ авторствѣ, мотивомъ къ чему могло служить семинарское образованіе, Бодянскій распустилъ слухъ, что мѣсто рожденія памфлета — моя, старшая по возросту, рота. Вскорѣ памфлетъ попалъ въ руки Юрьева. Услужливые языки

сообщили ему и предположеніе откуда появилось это произведеніе. Какъ командиръ роты, я являлся отвѣтственнымъ лицомъ и поэтому не могъ не стать во враждебныя отношенія къ иниціатору обвиненія моихъ питомцевъ—Бодянскому. Директоръ, повидимому, также отнесся къ нему не съ особеннымъ довѣріемъ. Это недовѣріе рельефно выразилось по поводу слѣдующаго. Какъ я уже говорилъ выше, Бодянскій не отличался особенною добросовѣстностью своего отношенія къ дѣлу. Глядя на своего начальника, учителя также начали манкировать своими обязанностями: запаздывали на уроки, иногда вовсе не приходили. Юрьевъ нѣкоторое время перестадъ показываться въ стѣнахъ заведенія. Учителя какъ бы обрадовались: стали еще менѣе ретивы. Тогда Юрьевъ неожиданно явился послѣ начала послѣобѣденныхъ лекцій, не засталъ почти никого изъ учителей на мѣстахъ и надѣлилъ ихъ всѣхъ съ Бодянскимъ во главѣ довольно рѣзкимъ выговоромъ въ приказѣ по корпусу.

На другой день ко мнѣ явился служитель изъ инспекторской комнаты, съ увѣдомленіемъ, что господинъ инспекторъ классовъ и учителя просятъ меня пожаловать къ нимъ. Являюсь. Вижу по рукамъ ходитъ какая-то бумага. Всѣ ее подписываютъ и передаютъ наконецъ мнѣ, съ просьбою сдѣлать тоже, такъ какъ помимо ротнаго командира я былъ преподавателемъ исторіи. Читаю. Оказывается просьба на имя инспектора сдѣлать прямо отъ себя донесеніе Ростовцеву на недостойное и грубое поведеніе директора по отношенію къ учителямъ. Подписаться я отказался, мотивируя свой отказъ и нежеланіемъ участвовать въ некрасивой, по моему мнѣнію, исторіи и незаконностью коллективной жалобы. Не найдя моей подписи на доносѣ, Бодянскій не приминулъ сообщить почтенному собранію, что во мнѣ они имѣютъ опаснаго врага, такъ какъ теперь ихъ продѣлка, вѣроятно, не останется секретомъ отъ директора. Думали, гадали, какъ бы втянуть и меня и, наконецъ, придумали: написали доносъ и на меня, обвиняя въ продажѣ на базарѣ кадетскихъ сапоговъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распустили слухъ, что мнѣ не сдобровать, да распустили не только между служащими, но даже между воспитанниками моей роты.

Въ половинѣ августа 1858 года, прибылъ въ Полтаву, по высочайшему повелѣнію, для изслѣдованія учительской жалобы, генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Шлипенбахъ. Хотя онъ и поселился у Юрьева, но вполнѣ изолировалъ себя отъ него и съ первой же минуты предложилъ директору не вмѣшиваться въ управленіе заведеніемъ до окончанія слѣдствія.

Слѣдствіе Шлипенбахъ производилъ самъ. Меня онъ потребовалъ послѣднимъ и, снявъ допросъ, предложилъ изложить его письменно. Отпуская меня, онъ прибавилъ:

— Ваше личное дѣло я уже разсмотрѣлъ во всѣхъ подробно-

стяхъ, переспросилъ не только всѣхъ служащихъ, но даже и поставщиковъ. Вотъ вамъ мой совѣтъ: плюньте на эту гадость и разотрите.

Между тѣмъ, слухи объ ожидающей меня громадной непріятности росли и росли. Поговаривали даже о моемъ удаленіи со службы. Кадетики, поколебленные въ своемъ уваженіи ко мнѣ, начали все-таки высказывать участіе и приставали ко мнѣ съ фразами:

— Правда ли, судя по разсказамъ учителей, васъ ожидаетъ большое несчастіе?

Я отвѣчалъ, что ничего не знаю.

Наступило 30-е августа. Назначенъ былъ парадъ со знаменемъ. Баталіонъ былъ выстроенъ въ рекреаціонномъ залѣ моей роты. Всѣ служащіе въ корпусѣ присутствовали на парадѣ. Учителя стояли лицомъ къ фронту. Прибылъ Шлипенбахъ. Отдали честь. Подойдя къ первому взводу, которымъ командовалъ я, онъ спросилъ:

— Какъ ваша фамилія, капитанъ, и сколько времени вы служите въ корпусѣ?

Я назвалъ свою фамилію и объявилъ, что служу съ перваго дня основанія заведенія. Генералъ снялъ каску и, низко поклонившись мнѣ, сказалъ:

— Передъ такимъ почтеннымъ ветераномъ я преклоняюсь. Вы, кадеты, также должны любить и уважать вашего капитана.

Замѣтивъ по выраженію лицъ кадетъ, что они, повидимому, не прочь отъ этого, генералъ довольно улыбнулся. Учительская компанія, съ Бодянскимъ во главѣ, не раздѣлила этой улыбки. Два, три слова къ кадетамъ и ихъ отвѣты показали, что они вовсе не вооружены противъ своихъ воспитателей строевой части, довольны и своимъ директоромъ.

31-го августа, въ томъ же залѣ, при собраніи всѣхъ воспитанниковъ и служащихъ, былъ прочитанъ приказъ генерала Шлипенбаха. Въ этомъ приказѣ порицалось неумѣстное стремленіе учителей подорвать авторитетъ директора и воспитателей вообще, обязанныхъ слѣдить за нравственнымъ и строевымъ образованіемъ кадетъ, и говорилось, что оконченное слѣдствіе будетъ повергнуто на всемилостивѣйшее воззрѣніе государя императора. Затѣмъ, по высочайше предоставленной ему власти, генералъ Шлипенбахъ, теперь же и навсегда, устранялъ статскаго совѣтника Бодянскаго отъ должности инспектора классовъ, а обязанность эту предписалъ исполнять его помощнику, капитану Дудышкину. Завѣдываніе корпусомъ, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій высшаго начальства, Шлипенбахъ поручалъ полковнику Дубровину.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Шлипенбахъ лично далъ отчетъ о своей поѣздкѣ въ Полтаву государю. Къ Юрьеву отнеслись довольно снисходительно; онъ навѣрно остался бы на своемъ мѣстѣ, если бы не его жена, почтенная Нина Александровна. Эта

послѣдняя, узнавъ, что Ростовцевъ, вполнѣ обвиняя Бодянскаго, не упустилъ замѣтить и Юрьеву, что онъ впадалъ въ нѣкоторыя ошибки, написала Якову Ивановичу такое рѣзкое посланіе, что уже самому Юрьеву нельзя было остаться на прежнемъ мѣстѣ.

Въ маѣ 1859 года, изъ штаба его величества по управленію военно-учебными заведеніями была получена бумага о командированіи меня въ образцовый учебный полкъ, съ присовокупленіемъ, что если, по испытаніи въ знаніи строевой службы и военнаго хозяйства, я получу хорошую аттестацію, то буду произведенъ въ подполковники и назначенъ на должность младшаго штабъ-офицера въ Орловскій Бахтина кадетскій корпусъ.

Въ Петербургѣ я узналъ, что Ростовцевъ живетъ на дачѣ, въ Стрѣльнѣ, и, будучи занятъ крестьянскою реформою, никого изъ служащихъ по военно-учебнымъ заведеніямъ не принимаетъ. Всѣми дѣлами завѣдывалъ директоръ Пажескаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Желтухинъ, которому мнѣ и слѣдовало представиться.

Желтухинъ принялъ меня чрезвычайно любезно. Узнавъ, что я желалъ видѣть Ростовцева, онъ сказалъ мнѣ, что 20-го числа воспитанники военно-учебныхъ заведеній отправляются въ лагерь подъ Петергофъ.

— Они поѣдутъ по желѣзной дорогѣ въ три часа дня,—добавилъ онъ,—пріѣзжайте къ этому времени на вокзалъ; я тоже пріѣду, провезу васъ въ Стрѣльну въ своемъ вагонѣ и доложу тамъ Якову Ивановичу о вашемъ желаніи представиться ему.

Когда мы прибыли въ Стрѣльну, Желтухинъ уѣхалъ куда-то. Долго ожидалъ я его возвращенія, но, видя, что весь отрядъ военно-учебныхъ заведеній переодѣлся и выстроился на шоссе, я оставилъ станцію и, пробравшись къ правому флангу отряда, сталъ шагахъ въ тридцати отъ него. Вскорѣ къ отряду подъѣхали великіе князья: Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, военный министръ и, наконецъ, Ростовцевъ. Ростовцевъ подозвалъ меня. Онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ, что радъ видѣть меня, чтобы поблагодарить за мое отношеніе къ дѣлу, по поводу «Юрьевской исторіи».

— Ты,—продолжалъ Яковъ Ивановичъ,—предназначаешься на должность младшаго штабъ-офицера въ Орелъ, но я думаю оставить тебя въ Полтавскомъ корпусѣ, гдѣ директоръ и инспекторъ новыя лица. Ты намъ нуженъ.

25-го іюня я отправился въ Царское Село, гдѣ и представился командиру образцоваго полка, генералъ-маіору Своеву. Полкъ еще не выходилъ въ лагерь, вслѣдствіе глазной эпидеміи. Туда я отправился, вмѣстѣ съ полкомъ, 15-го іюля.

Въ образцовомъ полку, вмѣсто полугода, какъ это было положено, я пробылъ только до 1-го августа. 24-го августа я былъ произведенъ въ подполковники, 15-го сентября состоялся высочай-

шій приказъ о переводѣ меня въ Петровскій Полтавскій кадетскій корпусъ, а 16-го я уже былъ въ Полтавѣ.

Здѣсь я нашелъ уже новаго директора, генералъ-маіора Тихоцкаго.

X.

Директоръ Тихоцкій. — Кадетамъ устроиваютъ развлеченія.—Начало безпорядковъ въ заведеніи. — Тихоцкій ставитъ дежурныхъ офицеровъ въ фальшивое положеніе.—Приказъ о прибавочныхъ лекціяхъ по русской словесности.—Слухи о безобразномъ поведеніи кадетъ внѣ стѣнъ заведенія. — Разговоръ директора съ воспитанниками спеціальныхъ классовъ.—Приказъ по корпусу.—Неудовольствіе кадетъ. — Отказъ воспитанниковъ 2-го отдѣленія старшаго спеціальнаго класса идти на лекцію русской словесности.—Арестъ фельдфебелей.—Мѣры Тихоцкаго. — Отказъ воспитанниковъ 1-го отдѣленія.—Тихоцкій даетъ пощечину Цыглеру.—Кадеты бушуютъ.—Визитъ губернатора директору.—Директоръ собирается донести о безпорядкахъ въ Петербургъ. — Самовольная отлучка Миницкаго I-го.—Странный пріемъ у директора.—Первый воспитательный комитетъ.—Освобожденіе фельдфебелей изъ-подъ ареста.—Товарищи не пускаютъ въ комитетъ Миницкаго и Цыглера. — Телеграмма въ Петербургъ. — Мой протестъ. — Стараніе Тихоцкаго объяснить безпорядки разнузданностью кадетъ.—Тихоцкій обвиняетъ меня въ умышленномъ искаженіи фактовъ. — Переводъ Миницкаго въ лазаретъ.—Объясненіе съ директоромъ.—Бесѣда съ Соколовичемъ.—Поблажка Тихоцкаго.—Мой отказъ подать рапортъ редакціи Тихоцкаго.—Кадеты просятъ разрѣшенія не говѣть.—Приказаніе директора доставлять свѣдѣнія о проступкахъ кадетъ прямо на его имя.

Кратковременное директорство Тихоцкаго ознаменовалось крайне прискорбными событіями въ корпусѣ. Но такъ какъ, будучи единственнымъ виновникомъ всѣхъ безпорядковъ, онъ, для своего оправданія, старался свалить всю вину на ту распущенность, которая царила въ заведеніи при Юрьевѣ, возникаетъ необходимость сказать нѣсколько словъ о нравственномъ состояніи заведенія въ то время, когда Тихоцкій принялъ бразды правленія.

При управленіи корпусомъ полковника Дубровина, въ заведеніи все шло своимъ порядкомъ: тихо, спокойно, безъ всякихъ исторій, напоминавшихъ собою смутные дни инспекторства Бодянскаго. Такой же точно отзывъ о состояніи заведенія далъ и генералъ-лейтенантъ Розенъ, инспектировавшій корпусъ въ концѣ іюля 1859 года. То же повторилъ государю и самъ Тихоцкій во время Высочайшаго смотра 18-го сентября. Наконецъ, убѣжденіе Тихоцкаго въ хорошемъ состояніи ввѣреннаго ему заведенія еще рельефнѣе обрисовалось по представленіи отчета о полугодичномъ экзаменѣ въ декабрѣ 1859 года. Просмотрѣвъ этотъ отчетъ и найдя классную часть въ весьма хорошемъ состояніи, онъ отдалъ приказъ по корпусу, въ которомъ благодарилъ не только инспектора и преподавателей, но всѣхъ строевыхъ воспитателей за усердное

ихъ содѣйствіе къ умственному образованію питомцевъ заведенія; выразилъ, между прочимъ, и то, что во всѣхъ частяхъ видитъ полный и желательный порядокъ.

Желая поощрить воспитанниковъ за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, а также за хорошую ихъ нравственность, онъ приказалъ полиційиейстеру корпуса, полковнику Ярошенко, устроить въ самомъ большомъ залѣ театральную сцену, чтобы доставить пріятное развлеченіе на время рождественскихъ праздниковъ. Воспитанники были въ восторгѣ. Почти каждодневные спектакли сходили удачно. Изъ города приглашалось множество лицъ. Кромѣ пьесъ разыгранныхъ кадетами, на этой же сценѣ давались и публичные спектакли любителями въ пользу проектировавшейся Полтавской женской гимназіи.

8-го февраля было получено извѣстіе о смерти Якова Ивановича Ростовцева. Не помню хорошо, была ли панихида по покойномъ, всѣми любимомъ и уважаемомъ главномъ начальникѣ, но, во всякомъ случаѣ, нельзя не удивляться, что не далѣе, какъ черезъ пять дней, директоръ корпуса разрѣшилъ воспитанникамъ устроить маскарадъ съ правомъ приглашать на него всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Разрѣшеніе это показалось намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что оно послѣдовало тотчасъ послѣ довольно крупной исторіи съ дежурнымъ по 1-й ротѣ гвардіи поручикомъ Богдановичемъ.

Какъ-то, ведя роту къ завтраку, этотъ офицеръ нѣсколько разъ замѣчалъ одному воспитаннику, чтобы онъ приличнѣе держалъ себя во фронтѣ. Эти замѣчанія не дѣйствовали и рота вся начала паясничать во фронтѣ, принимая команды взрывами смѣха. Богдановичъ остановилъ роту и пригласилъ къ ней дежурнаго по корпусу, капитана Нарѣжнаго, бывшаго и командиромъ 1-й роты. Едва Нарѣжный явился, какъ воспитанники начали приносить ему жалобы на недостойное съ ними обхожденіе Богдановича. Доложили директору. Не разобравъ въ чемъ дѣло, Тихоцкій объявилъ 1-й ротѣ выговоръ и велѣлъ предупредить Богдановича, что ежели и впредь на него послѣдуетъ подобная жалоба, то онъ будетъ удаленъ изъ заведенія въ двадцать четыре часа.

Приведу еще обстоятельство. Однажды, посѣтивъ 3-ю роту, директоръ приказалъ дежурному офицеру произвести перекличку. Всѣ воспитанники оказались налицо. Выходя въ коридоръ, Тихоцкій сказалъ офицеру:

— Я произвелъ перекличку не безъ причины. Въ этой ротѣ, какъ слышалъ я со стороны, воспитанники играютъ въ карты и курятъ, забиваясь въ темные уголки. Передайте всѣмъ своимъ товарищамъ, что ежели на чьемъ-либо дежурствѣ это откроется, я непремѣнно удалю того офицера изъ заведенія.

Затѣмъ, посѣтивъ вновь эту же роту, спустя два, три дня, генералъ самъ заговорилъ съ воспитанниками:

— Вы въ картишки играете, покуриваете! Хотя мы и смотримъ на это сквозь пальцы, но вы должны знать, что въ заведеніи этого допускать нельзя.

— Стало быть можно!—логично рѣшили кадеты.

Понятно, что послѣ такого строгаго внушенія офицерамъ и такого популярнаго разговора съ кадетами, офицеры пришли въ крайнее недоумѣніе относительно своихъ обязанностей на дежурствѣ. Они рѣшили, что гораздо легче и спокойнѣе смотрѣть на все сквозь пальцы.

10-го февраля, мы прочли въ «Русскомъ Инвалидѣ» о назначеніи великаго князя Михаила Николаевича главнымъ начальникомъ военно-ученыхъ заведеній. Около 15-го февраля, изъ штаба его высочества получена была бумага, въ которой приказывалось назначить для старшаго спеціальнаго класса (тогда уже были открыты спеціальные классы при Полтавскомъ корпусѣ) прибавочныя лекціи по русской словесности. Мѣра эта была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что учитель этого предмета, Пономаревъ, вслѣдствіе болѣзни не посѣщалъ классовъ въ продолженіе почти всего курса.

Распоряженіе о назначеніи прибавочныхъ лекцій послѣдовало, но о томъ, что это сдѣлано по требованію изъ Петербурга, почему-то умалчивалось.

Благодаря безтактнымъ дѣйствіямъ директора, результатомъ которыхъ явилось пассивное отношеніе къ дѣлу со стороны дежурныхъ офицеровъ, воспитанники начали, мало-по-малу, опускаться и своевольничать. До директора, опять-таки «со стороны», начали доходить слухи, что кадеты, въ особенности старшаго возроста, находясь въ отпуску, Богъ знаетъ чтò дѣлаютъ и ведутъ себя далеко неодобрительно. Директоръ приказалъ привести къ себѣ на квартиру всѣхъ воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ. Его обращеніе къ кадетамъ удивило всѣхъ насъ.

— Вы, спеціалисты, воображаете, что у васъ умныя, развитыя головы? Ошибаетесь! Тутъ (онъ указалъ на свой лобъ) у васъ совершенно пусто! Вы, чего добраго, не затруднитесь посѣщать и тотъ домикъ... Тамъ, на полугорѣ? Пожалуй, будете и записки туда посылать? Я призвалъ васъ для предупрежденія подобныхъ безобразій и случись еще разъ чтò-либо въ родѣ этого—не пощажу никого, даже родного сына!

Послѣ этого воспитанники были отведены по своимъ ротамъ.

Послѣдовалъ приказъ по корпусу объ увольненіи воспитанниковъ въ отпускъ съ провожатыми, при чемъ вмѣнялось ротнымъ командирамъ особенно соблюдать это правило по отношенію къ воспитанникамъ спеціальныхъ классовъ, которые не умѣютъ себя держать за стѣнами заведенія.

Этотъ приказъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ крайне оскорбителенъ для выпускныхъ. Между ними возникъ ропотъ.

— Съ какой стати,—говорили они,—на насъ однихъ обрушивается неудовольствіе директора? Развѣ въ нашихъ IV и V общихъ классахъ мало такихъ, которые ждутъ не дождутся выпуска въ армейскіе юнкера, и тѣхъ находятъ возможнымъ отпускать безъ провожатыхъ! и т. д.

Свое неудовольствіе воспитанники спеціальныхъ классовъ не приминули выразить и другимъ способомъ: они рѣшительно перестали заниматься науками и классные журналы наполнились нулями.

22-го февраля, въ кабинетѣ инспектора классовъ, найдены были двѣ записки отъ обоихъ отдѣленій старшаго спеціальнаго класса, съ заявленіемъ, что прибавочныя лекціи по русской словесности посѣщаться не будутъ. Подполковникъ Дудышкинъ не придалъ этимъ запискамъ никакого значенія. Въ тотъ же день, послѣ вечернихъ классовъ, воспитанники 2-го отдѣленія дѣйствительно разошлись по ротамъ, несмотря на настоянія Дудышкина.

Желая открыть настоящую причину не желанія воспитанниковъ посѣщать прибавочныя лекціи по русской словесности, директоръ корпуса потребовалъ къ себѣ на квартиру всѣхъ четырехъ фельдфебелей, находившихся въ этомъ отдѣленіи. Но какъ ни старался Тихоцкій вызвать на откровенность этихъ юношей—ничего не добился. Кончилось тѣмъ, что кромѣ Пеленкина, все время находившагося при Дудышкинѣ, какъ дежурнаго, остальные трое: Оприцъ, Кириловъ и Разгоповъ были арестованы, съ угрозою, что на нихъ однихъ обрушится вся тягость отвѣтственности за такое небывалое нарушеніе дисциплины всѣмъ отдѣленіемъ.

Чтобы воспитанники 1-го отдѣленія не повторили того же самаго на другой день, директоръ, еще утромъ 23-го числа, пригласилъ къ себѣ Дудышкина и меня. Я въ это время исправлялъ должность баталіоннаго командира, за болѣзнью Дубровина.

Мы получили приказаніе, въ случаѣ уклоненія кадетъ отъ прибавочныхъ лекцій, дѣйствовать настойчиво, но такимъ образомъ, чтобы была соблюдена и постепенность въ примѣненіи нашихъ правъ.

— Вы,—сказалъ Тихоцкій Дудышкину,—какъ младшій, должны первый отдать приказаніе воспитанникамъ идти въ классъ, не послушаютъ васъ, — пусть подполковникъ Рубанъ сдѣлаетъ тоже. Ежели и за симъ воспитанники окажутъ неповиновеніе,—доложить мнѣ. Я же, съ своей стороны постараюсь прибыть въ корпусъ къ $5^1/_2$ часамъ.

Я было попробовалъ возразить противъ такого распоряженія, но получилъ въ отвѣтъ, что разъ отданное приказаніе никогда не измѣняется его превосходительствомъ.

Въ это время пришелъ дежурный по корпусу, капитанъ Нарѣжный. Оказалось, что онъ переговорилъ съ воспитанниками 1-го

отдѣленія, которые, почти всѣ, его роты. Они не выкажутъ никакого неповиновенія и просятъ лишь у директора разрѣшенія выразить въ письмѣ къ нему причины неповиновенія ихъ товарищей.

Директоръ, видимо, обрадовался: онъ согласился на письмо, съ тѣмъ, однако же, чтобы кромѣ мотивовъ вчерашней исторіи въ письмѣ ни о чемъ не упоминалось.

Придя въ роту, Нарѣжный объявилъ о рѣшеніи директора, но, къ немалому своему недоумѣнію, услышалъ отвѣтъ:

— Въ такомъ случаѣ мы и вовсе писать не будемъ!

Въ 5 часовъ 30 минутъ, при выходѣ воспитанниковъ послѣ вечернихъ классовъ, я находился въ классномъ коридорѣ. Около 6-ти часовъ вечера Дудышкинъ предложилъ воспитанникамъ обоихъ отдѣленій занять мѣста.

Имѣя лекцію строевого устава во 2-мъ отдѣленіи и видя, что всѣ кадеты въ сборѣ, я вошелъ къ нимъ въ классъ и занялся своимъ дѣломъ. Вскорѣ ко мнѣ въ классъ вошелъ директоръ и началъ задавать воспитанникамъ вопросы; но по лицу его можно было судить, что онъ чрезвычайно взволнованъ.

Минутъ черезъ десять въ классъ вошелъ Дудышкинъ и передалъ мнѣ просьбу Нарѣжнаго прибыть въ роту. Получивъ разрѣшеніе Тихоцкаго, я отправился. На пути Дудышкинъ сообщилъ мнѣ, что 1-е отдѣленіе повторило продѣлку 2-го, и что директоръ уже знаетъ объ этомъ.

Я приказалъ построить 1-е отдѣленіе старшаго спеціальнаго класса. Это было исполнено довольно быстро. Объявивъ, что ихъ ожидаетъ учитель, я скомандовалъ—«на право»; но, замѣтивъ, что ни одинъ изъ кадетъ не повернулся, я высказалъ имъ въ короткихъ словахъ, что своимъ непослушаніемъ они только вредятъ себѣ, не расчитывая, какія послѣдствія могутъ выйти изъ этого. Затѣмъ я снова повторилъ ту же команду—и снова всѣ остались на мѣстѣ, точно вкопанные.

Приказавъ капитану Нарѣжному оставить воспитанниковъ выстроенными, я отправился къ директору. Не медля ни мало, Тихоцкій, сопровождаемый Дудышкинымъ и мною, отправился въ 1-ю роту, оставивъ мой классъ подъ надзоромъ помощника инспектора классовъ, штабсъ-капитана Барсова.

Подойдя къ воспитанникамъ, Тихоцкій спросилъ ихъ:

— Отчего вы не слушаетесь и не идете въ классъ?

Всѣ молчали.

— Идите!

Стоятъ, какъ вкопанные.

— Ступайте въ классъ, говорю вамъ!

И опять та же неподвижность.

— На пра-во!—скомандовалъ директоръ.

Но и команда не помогла.

Повторивъ два, три раза, ту же команду и видя, что воспитанники упорно не внимаютъ ей, генералъ разгорячился и, подойдя къ стоявшему противъ него воспитаннику Цыглеру, далъ ему три полновѣсныхъ пощечины. Вслѣдъ за этимъ онъ началъ поворачивать за плечи въ правую сторону нѣсколько другихъ кадетъ, крича, сколько позволялъ его голосъ:

— Идите вы! Идите вы!..

Воспитанники, дѣйствительно, тронулись и, дѣйствительно, по направленію къ классамъ. Повидимому, они сами не понимали, что творятъ. Поднялся неистовый крикъ и давка. Директоръ, какъ сквозь землю провалился. Такой же крикъ подняла и вся 3-я рота, расположенная въ томъ же среднемъ этажѣ. Это шествіе наверхъ, въ классный коридоръ, всей толпы двухъ взволнованныхъ ротъ, представляло самую безобразную картину. Голосовъ моего, Дудышкина и дежурнаго офицера нельзя было разслышать. Среди этого хаоса вдругъ выдѣлился чей-то чрезвычайно громкій и рѣзкій голосъ:

— Господа! Кромѣ Рубана никого не слушайте!

Не скажу, чтобы, въ душѣ, я былъ особенно обрадованъ и польщенъ этимъ. Однако, этотъ возгласъ, повидимому, подѣйствовалъ на толпу. Крики начали слабѣть. Пользуясь этимъ, мнѣ, при содѣйствіи дежурнаго офицера, удалось выпроводить 1-ю и 3-ю роты изъ класснаго коридора въ свои помѣщенія, а воспитанниковъ 1-го отдѣленія 2-го спеціальнаго класса кое-какъ направить въ классную комнату. Сюда же вошелъ и я съ Дудышкинымъ. Сразу довольно трудно было заставить кадетъ занять свои мѣста, но послѣ серьезнаго моего къ нимъ обращенія, они разсѣлись; глухой говоръ, ропотъ и даже рыданія болѣе слабыхъ нервами не прекращались.

Было уже семь часовъ, когда слѣдовало отпустить воспитанниковъ въ роты. Предполагая, что генералъ въ корпусѣ, я попросилъ Дудышкина спросить на это его разрѣшеніе; но унтеръ-офицеръ Бабинъ сообщилъ, что директоръ убѣжалъ домой по боковой лѣстницѣ, даже безъ шапки. Это извѣстіе снова взбудоражило кадетъ. Надо было видѣть съ какою поспѣшностью бросились они изъ класса, съ криками:

— Мы найдемъ его и въ собственной квартирѣ!

Я бросился за ними. Увидѣвъ впереди штабсъ-капитана служительской роты Мамонтова, я прокричалъ ему, чтобы какъ можно скорѣе всѣ двери были заперты. Мое приказаніе было исполнено довольно быстро. Къ дверямъ приставили часовыхъ. Убѣдившись, что съ этой стороны опасаться было нечего, я, вмѣстѣ съ Дудышкинымъ, направился въ 1-ю роту. Тутъ мы увидѣли нѣсколько кружковъ кадетъ. Всюду кричали, всюду орали. Оставалось одно: вооружиться терпѣніемъ и дать имъ до-сыта наговориться.

Около 8 часовъ кучки начали, мало-по-малу, рѣдѣть и тишина водворяться. Я вышелъ въ церковный коридоръ. Здѣсь меня поразило совершенно неожиданное зрѣлище: у стеклянныхъ дверей церкви цѣлая куча кадетъ стояла на колѣняхъ и молилась. Видно кадеты серьезно были потрясены событіемъ. Религіозное обращеніе къ Богу въ такой моментъ заставило насъ, воспитателей, глубоко задуматься и опасаться крупныхъ послѣдствій оскорбленія всего юношества, въ лицѣ одного изъ ихъ товарищей.

Однако къ $8^1/_2$ часамъ роты были-таки построены для слѣдованія къ ужину. Какъ построеніе такъ и ужинъ сошли въ полномъ порядкѣ.

Около десяти часовъ вечера мы съ Дудышкинымъ отправились къ директору. Едва успѣлъ я доложить, что въ корпусѣ все благополучно, какъ пожаловалъ начальникъ губерніи А. П. Волковъ. Выразивъ свое соболѣзнованіе по поводу такого непріятнаго событія въ корпусѣ, губернаторъ сообщилъ директору, что узналъ объ этомъ отъ одного изъ воспитанниковъ, который, въ одной курткѣ, безъ шапки, весь въ слезахъ, прибѣжалъ къ нему, съ просьбою принять участіе въ кадетахъ и оградить ихъ отъ побоевъ директора, который не только собственноручно надавалъ пощечинъ ихъ товарищу Цыглеру, но и требовалъ отъ офицеровъ, чтобы они били, кололи и рубили кадетъ.

Выслушавъ губернатора, Тихоцкій сказалъ,—что дѣйствительно былъ выведенъ изъ себя небывалымъ непослушаніемъ кадетъ, но Цыглера не билъ, а только взялъ за плечо, чтобы повернуть въ ту сторону, куда надо было идти. Приказаніе бить, колоть и рубить назвалъ наглѣйшею выдумкою, сославшись въ послѣднемъ на насъ. Мы подтвердили, что подобнаго приказанія не слышали.

По описанію примѣтъ ходившаго къ губернатору, можно было догадаться, что это былъ Миницкій 1-й. Директоръ отдалъ было приказаніе арестовать его, но мы отсовѣтовали прибѣгать къ этой мѣрѣ, пока не будетъ доказана ясно виновность Миницкаго.

Губернаторъ откланялся, но мы остались. Послѣ нѣкоторой паузы директоръ спросилъ меня:

— Ну чтò же теперь дѣлать?

Имѣя въ виду, что Тихоцкій, говоря съ губернаторомъ, скрылъ свой настоящій поступокъ съ Цыглеромъ, я отвѣтилъ:

— На вашемъ мѣстѣ, я теперь же телеграфировалъ бы начальнику штаба такъ: воспитанники 1-го отдѣленія 2-го спеціальнаго класса, при моемъ требованіи идти на прибавочную лекцію русской словесности, оказали мнѣ небывалое неповиновеніе. Я погорячился и употребилъ противъ одного изъ нихъ крайне энергичную мѣру. Подробности почтой.

— Благодарю васъ,—сказалъ директоръ,—такъ и сдѣлаю.

Около 12 часовъ ночи я зашелъ въ корпусъ. Здѣсь дежурный

по 1-й ротѣ доложилъ мнѣ, что кадетъ Миницкій 1-й самовольно отлучился изъ заведенія и былъ у губернатора. Не желая поднимать ночью какой-либо тревоги, я оставилъ это обстоятельство до моего личнаго доклада директору.

24-го числа въ 7 часовъ утра я снова явился въ корпусъ. Тамъ все было спокойно. Миницкій 1-й самъ подошелъ ко мнѣ и доложилъ о своемъ путешествіи къ губернатору. Я его спросилъ: не былъ ли онъ еще гдѣ-нибудь?

— Рѣшительно нигдѣ! — былъ данъ отвѣтъ.

Мой вопросъ основывался на дошедшемъ до меня слухѣ, что кто-то изъ воспитанниковъ ходилъ и къ губернскому предводителю дворянства, г. Кованько.

Въ десять часовъ я прибылъ къ директору съ докладомъ о поступкѣ Миницкаго. Только-что я началъ говорить, какъ Тихоцкій прервалъ меня:

— Теперь мнѣ не надо вашего доклада! Вотъ у меня рапортъ полиціймейстера, полковника Ярошенко. Не будь этого рапорта, вы бы мнѣ ничего не сообщили. Этого скрывать нельзя!

Я ничего не понялъ изъ этой тирады.

Вслѣдъ за мною прибылъ старшій врачъ корпуса Бобровскій, который, узнавъ, что въ 12 часовъ дня назначенъ экстренный комитетъ, полюбопытствовалъ узнать причину этого неожиданнаго обстоятельства. Тихоцкій сообщилъ ему исторію въ такомъ же видѣ, какъ и губернатору и попросилъ принять участіе въ засѣданіи.

Въ двѣнадцать часовъ дня всѣ члены комитета и четверо фельдфебелей собрались на квартирѣ у директора. Цѣль собранія была двоякая: во-первыхъ, дознать настоящую причину, почему воспитанники 2-го спеціальнаго класса такъ упорно отказывались ходить на прибавочныя лекціи по русской словесности, и, во-вторыхъ, какія надо принять мѣры къ принужденію ихъ исполнить это требованіе.

Первой цѣли, по мнѣнію Тихоцкаго и Бобровскаго, можно было достигнуть, допросивъ вышеозначенныхъ четверыхъ фельдфебелей, а потому съ этого и начали. Но сколько ни тратилось краснорѣчія, сколько ни употреблялось пріемовъ и уловокъ, ничто не помогало. Всѣ они, на всѣ вопросы, какъ будто по заказу, отвѣчали:

— Не понимаемъ и сами, какъ это случилось.

Генералъ велѣлъ ихъ отпустить и выпустить изъ-подъ ареста. Разсчитывали, что можно что̀-либо узнать отъ Миницкаго. Послали за нимъ. Посланный вернулся съ докладомъ, что Миницкаго не отпускаютъ товарищи. Тоже отвѣтили, когда послали за Цыглеромъ.

Тутъ же, въ комитетѣ, директоромъ была получена телеграмма изъ Петербурга. О ея содержаніи Тихоцкій умолчалъ, но, видимо,

обезпокоился. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ закрылъ засѣданіе комитета. Мнѣ онъ поручилъ арестовать Миницкаго.

Сознавая всю трудность возложеннаго на меня порученія, такъ какъ приходилось имѣть дѣло ни съ однимъ только Миницкимъ, но и со всѣми его товарищами, такъ категорично выразившими ослушаніе директору и комитету, я рѣшилъ дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и гуманнѣе. Придя въ роту, я былъ встрѣченъ всѣми воспитанниками спеціальныхъ классовъ, которые, ожидая результата своего отказа выслать въ комитетъ двухъ своихъ товарищей, держались совокупно. Сначала, когда я объявилъ Миницкому о приказаніи арестовать его, онъ принялъ извѣщеніе съ полною покорностью, но когда всѣ его товарищи начали доказывать мнѣ, что Миницкій также виноватъ, какъ всѣ они, онъ, наотрѣзъ, отказался исполнить мое требованіе идти подъ арестъ. Тщетно старался я убѣдить молодежь, что провинность всего класса не имѣетъ ничего общаго съ фактомъ самовольной отлучки одного изъ нихъ изъ заведенія: меня слушали мало. Я рѣшилъ не настаивать. Около шести часовъ вечера Миницкій явился ко мнѣ съ повинной и объявилъ, что готовъ безпрекословно исполнить мое требованіе.

Хотя, въ продолженіе дня, я и ходилъ нѣсколько разъ къ Тихоцкому, но пріема дождался только въ девять часовъ вечера. Я разсказалъ ему исторію ареста Миницкаго. Директоръ остался крайне недоволенъ, что я будто бы дѣлалъ кадетамъ потачки и что не употребилъ для исполненія его приказанія силу. Я отвѣчалъ, что къ силѣ не прибѣгнулъ, вслѣдствіе опасенія возбудить тѣмъ еще большее волненіе въ средѣ молодежи, вызвать еще болѣе крупные безпорядки.

Между другими лицами я засталъ у директора штабсъ-капитана Барсова. Послѣдній доложилъ генералу, что когда воспитанникамъ было объяснено петербургское требованіе о назначеніи прибавочныхъ лекцій по русской словесности, они обязались подпискою не противиться далѣе этому распоряженію.

25-го февраля, Тихоцкій потребовалъ къ себѣ меня и Дудышкина; тутъ же мы застали выздоровѣвшаго баталіоннаго командира. Намъ была прочтена наканунѣ полученная телеграмма. Въ ней говорилось, что его высочество требуетъ немедленнаго сообщенія о причинахъ нежеланія кадетъ ходить на прибавочныя лекціи, послужившихъ къ проявленію такого неслыха́ннаго неповиновенія начальству. Обратясь къ Дубровину, директоръ предложилъ ему отправиться въ корпусъ и, во что̀ бы то ни стало, узнать эту причину, чтобы имѣть возможность отвѣтить что̀-либо въ Петербургъ.

По уходѣ Дубровина, Тихоцкій разсказалъ намъ, что онъ былъ у нашего, извѣстнаго по своему уму, архіерея, который положительно отказался понять, вслѣдствіе чего кадеты подняли такую бурю изъ-за того, что онъ, Тихоцкій, хотѣлъ повернуть Цыглера.

Тутъ же онъ прибавилъ,—что разъ, представляя Михаилу Павловичу свой Кабардинскій полкъ, ему случилось чуть не изрубить одного сдѣлавшаго ошибку унтеръ-офицера, а великій князь сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ ничего.

Выслушивая это, я невольно задалъ себѣ вопросъ: неужели Тихоцкій не можетъ сообразить, что нанести ударъ нижнему чину далеко не то же, что надавать пощечинъ благородному, не сегодня-завтра долженствующему быть произведеннымъ въ офицеры, воспитаннику? Его часто повторяемая фраза: «взялъ Цыглера за плечо»... заставляла меня призадуматься, не помѣстилъ ли онъ ее и въ свое донесеніе въ Петербургъ?

Дубровинъ вернулся скоро. О результатѣ своей миссіи онъ при мнѣ не распространялся, а попросилъ директора выйти съ нимъ и Дудышкинымъ въ смежную комнату. Что̀ тамъ было говорено—не знаю.

Когда утромъ 26-го числа я пришелъ къ Тихоцкому съ докладомъ, то засталъ тамъ нѣсколько человѣкъ изъ служащихъ въ корпусѣ, ведшихъ оживленный разговоръ. Мое появленіе сразу прекратило эту бесѣду.

Воспользовавшись собраніемъ многихъ лицъ, Тихоцкій сейчасъ же составилъ отвѣтную телеграмму великому князю. Подъ диктовку генерала, корпусный адъютантъ, штабсъ-капитанъ Моралевскій, написалъ:

«Причина неповиновенія—нежеланіе воспитанниковъ ходить на прибавочныя лекціи по русской словесности; послѣдствія—по случаю арестованія трехъ фельдфебелей и одного кадета».

Я позволилъ себѣ замѣтить, что великій князь требуетъ совсѣмъ не этихъ свѣдѣній.

— Писать телеграмму дѣло не ваше, а мое!—сказалъ директоръ.—Я попрошу васъ только подписаться на черновикѣ.

Объяснивъ директору, что подпись обозначаетъ согласіе подписавшагося съ вышеизложеннымъ, я откланялся, не взявъ въ руки предложеннаго мнѣ пера.

Того же числа, въ 8 часовъ вечера, былъ собранъ новый комитетъ при участіи и учителей. Директоръ корпуса прилагалъ всѣ усилія для убѣжденія всѣхъ, что главнѣйшія причины безпорядковъ кроются въ той разнузданности, которую онъ засталъ въ нашемъ заведеніи; намекнулъ и на то, что, можетъ быть, существуетъ и другая причина: тонкое поджигательство со стороны людей, близко стоящихъ къ кадетамъ, пользующихся въ ихъ средѣ странною и подозрительною популярностью. Послѣднее заявленіе вызвало сильный и даже слегка рѣзкій протестъ со стороны одного изъ самыхъ старыхъ преподавателей корпуса, Кательникова.

Тихоцкій спохватился, замялъ разговоръ на эту тему и снова обратился къ любимѣйшей болтовнѣ о деморализаціи заведенія.

Между прочимъ, онъ вынулъ изъ кармана письмо и предложилъ Дудышкину прочесть его вслухъ. Въ этомъ письмѣ, надо сказать, очень хорошо написанномъ, говорилось, что наши взрослые воспитанники позволяютъ себѣ очень ужъ свободно разсуждать о такихъ предметахъ, какъ власть, законъ и свобода. Онъ сослался на это письмо, какъ на неоспоримое доказательство того, что наше заведеніе, еще до его вступленія въ должность директора, было крайне распущено.

27-го февраля, по почтѣ, было отправлено въ Петербургъ секретное донесеніе о событіяхъ въ корпусѣ, извѣстное только директору и адъютанту Моралевскому, рукою котораго оно было писано на квартирѣ у Тихоцкаго.

29-го февраля, Тихоцкій, въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ, замѣтилъ, что онъ навѣрно знаетъ мое подтвержденіе въ обществѣ его мнимой фразы: «бейте, колите, рубите» и вывелъ изъ этого то заключеніе, что я являюсь и тайнымъ поджигателемъ воспитанниковъ.

Одинъ изъ присутствовавшихъ, штабсъ-капитанъ Савоини, тутъ же заявилъ директору, что дословно передастъ мнѣ его фразу.

Въ тотъ же день, не знаю по какимъ соображеніямъ, совершенно здороваго Миницкаго 1-го перевели изъ-подъ ареста въ отдѣльную комнату при лазаретѣ, поручивъ медицинскому персоналу имѣть за нимъ наблюденіе.

Это распоряженіе крайне возмутило всѣхъ воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ. Они обратились къ Дубровину съ просьбою объ его отмѣнѣ; но просьба ихъ не была уважена.

1-го марта, былъ хозяйственный комитетъ. Сюда мнѣ принесли записку отъ кадетъ 1-ой роты, въ которой послѣдніе просили меня придти къ нимъ. Получивъ разрѣшеніе отъ Тихоцкаго, я отправился въ роту и, возвратясь, доложилъ директору, что кадеты и ко мнѣ обратились съ просьбою о выпискѣ Миницкаго изъ лазарета. Тихоцкій ничего не отвѣтилъ, но сдѣлалъ какую-то чрезвычайно странную гримасу и отвернулся отъ меня.

Это странное отношеніе начинало надоѣдать мнѣ. Я попросилъ у директора объясненія, сказалъ, что знаю о высказанномъ имъ подозрѣніи по поводу моего тайнаго поджигательства и довольно категорично потребовалъ формальнаго по сему обстоятельству слѣдствія. Но Тихоцкій, видно, не особенно любилъ короткіе пути. Въ своемъ отвѣтѣ мнѣ онъ бродилъ кругомъ и около моего вопроса и кончилъ тѣмъ, что сознался въ своемъ нерасположеніи ко мнѣ, вслѣдствіе моего отказа подписать телеграмму, отправленную великому князю. Больше я ничего не могъ добиться.

Вечеромъ того же дня ко мнѣ зашелъ отецъ одного изъ воспитанниковъ спеціальнаго класса, нѣкій Соколовичъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ я высказалъ, что самымъ прискорбнымъ фактомъ является

полное несознаніе воспитанниками своей вины, ихъ нежеланіе покориться требованіямъ и извиниться передъ директоромъ. Я согласился на просьбу Соколовича повидаться съ сыномъ и нѣкоторыми знакомыми кадетами въ пріемной комнатѣ и высказалъ мысль, что было бы не дурно, еслибъ онъ поговорилъ съ ними о дѣлѣ, келейно, посовѣтовалъ бы угомониться.

Его разговоръ съ кадетами принесъ нѣкоторую пользу. Увѣренные, что въ Соколовичѣ можетъ говорить только отцовское чувство, кадеты слушали его внимательно, начали слегка поддаваться его убѣжденіямъ и обѣщали переговорить объ этомъ съ товарищами.

И этой мѣрою Тихоцкій остался чрезвычайно недоволенъ. Очевидно, ему была невыносима всякая огласка дѣла. Какъ будто можно было сохранить въ тайнѣ такую громкую исторію?!..

Громадная ошибка Тихоцкаго заключалась въ слѣдующей поблажкѣ: по случаю наступавшихъ репетицій передъ годовыми экзаменами, воспитанники обратились къ инспектору съ просьбой испросить разрѣшенія директора не посѣщать лекцій строевого устава и прибавочныхъ по русской словесности. Въ обыкновенное время еще можно было бы согласиться на такую просьбу, но теперь, когда весь сыръ-боръ загорѣлся именно изъ-за этихъ прибавочныхъ лекцій, согласіе Тихоцкаго явилось страшно безтактнымъ поступкомъ.

2-го марта, я получилъ приказаніе подать рапортъ объ ослушаніи Миницкаго идти подъ арестъ. Рапортъ продиктовалъ мнѣ самъ Тихоцкій и въ своей диктовкѣ такъ искусно подтасовалъ факты, что выходило, будто я самъ на себя подаю рапортъ, обвиняя себя въ нерѣшительности и полномъ отсутствіи вліянія на кадетъ. Само собою разумѣется, я наотрѣзъ отказался подавать такіе рапорты и объявилъ, что и самъ съумѣю проредактировать требуемое отъ меня.

Вечеромъ 5-го марта воспитанники спеціальныхъ классовъ обратились ко мнѣ съ просьбою походатайствовать о разрѣшеніи имъ не говѣть на 4-й недѣлѣ, мотивируя свою просьбу тѣмъ состояніемъ духа, при которомъ трудно углубиться въ самого себя. Я отвѣтилъ имъ отказомъ, объяснивъ, что время говѣнія кадетъ устанавливается распоряженіями свыше. Директору я все-таки доложилъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Вскорѣ послѣдовало распоряженіе Тихоцкаго, чтобы всѣ свѣдѣнія о проступкахъ и неуспѣхахъ въ наукахъ воспитанниковъ подавались прямо директору, помимо ротныхъ и баталіоннаго командировъ. Это приказаніе было пояснено тѣмъ, будто послѣдними лицами скрывались проступки кадетъ. Подобное подозрѣніе совершенно не гармонировало съ стремленіями директора доказать полную деморализацію заведенія. Результатомъ явились ежеднев-

ные аресты и все болѣе и болѣе частыя и строгія взысканія. Кадеты были страшно раздражены. Невѣжество и грубость противъ офицеровъ не знали границъ.

Съ 7-го по 13-е марта — недѣля говѣнія.

XI.

Переводъ 1-й роты въ 3-й этажъ.—Арестъ «подстрекателей и запѣвалъ».—Отдѣленіе тринадцати воспитанниковъ отъ товарищей.—Мѣры противъ желанія кадетъ освободить отдѣленныхъ товарищей.—Просьба Миницкаго.—Бесѣда съ отдѣленными воспитанниками. — Записка и ея опроверженіе. — Новая непріятность съ Тихоцкимъ.—Обвиненіе меня въ тайномъ поджигательствѣ.—Крупный разговоръ въ комитетѣ.—Директоръ проситъ у губернатора баталіонъ солдатъ.—Пріѣздъ въ Полтаву Грессера.—Дознаніе.—Проводы Грессера кадетами. — Инспекторскій смотръ Мирковича. — Мирковичъ беретъ мой дневникъ. — Пріѣздъ Политковскаго. — Провѣрка знаній военныхъ наукъ. — Политковскій собираетъ свѣдѣнія о Тихоцкомъ.—Опять мой дневникъ на сценѣ. — Приказъ Политковскаго по корпусу. — Отставка Тихоцкаго. — Директоръ баронъ Искуль-фонъ-Гильденбандтъ. — Его дѣятельность. — Преобразованіе корпусовъ. — Посѣщеніе корпуса государемъ императоромъ. — Меня переводятъ на Кавказъ.

14-го марта послѣдовало приказаніе Тихоцкаго перевести 1-ю роту въ 3-й этажъ, чтобы отдѣлить ее отъ 3-й роты. Кровати и столики были перенесены во время классовъ. Послѣ классовъ 1-я рота, вопреки приказанію капитана Нарѣжнаго, отправилась въ свое старое помѣщеніе въ среднемъ этажѣ. Кадеты горланили, что перенесутъ вещи обратно на своихъ плечахъ, но новаго помѣщенія занимать не намѣрены. Пригласили баталіоннаго командира, полковника Дубровина. Послѣдній выстроилъ роту и лично повелъ ее по боковой лѣстницѣ въ третій этажъ. Рота безпрекословно повиновалась. Пришли въ коридоръ новаго помѣщенія. Команда: «стой! во фронтъ! разойтись!» не произвела никакого впечатлѣнія. Тѣмъ же стройнымъ порядкомъ, въ ногу, рота прошла весь коридоръ, вышла на парадную лѣстницу и спустилась обратно въ средній этажъ, гдѣ уже водворилась 2-я рота. Ничего нельзя было съ ними подѣлать! Мы съ Дубровинымъ собрали кадетъ въ спальню. Тутъ они сообщили намъ, что переберутся только тогда, когда мы обѣщаемъ не запирать ихъ на верху и то только при условіи, чтобы къ нимъ же были переведены всѣ кадеты спеціальныхъ классовъ, занимающіе должности въ другихъ ротахъ. Руководствуясь тѣмъ, что послѣ проступка всего спеціальнаго класса, оставлять въ другихъ ротахъ за старшихъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не приходилось, это требованіе было удовлетворено, причемъ воспитанникамъ дали понять, что эта мѣра была уже рѣшена раньше и имѣетъ форму наказанія.

Директоръ отдалъ приказаніе отдѣленнымъ офицерамъ представить ему списки «подстрекателей и запѣвалъ», не стѣсняясь, по собственному убѣжденію. Всѣхъ поименованныхъ въ этихъ спискахъ моментально арестовали. Это вновь подняло страшную бурю въ 1-й ротѣ. Тогда мы съ Дубровинымъ отправились къ директору, стали ему доказывать, что такими мѣрами заведеніе никогда не будетъ умиротворено и что за дальнѣйшіе безпорядки мы не принимаемъ на себя отвѣтственности. Арестованныхъ директоръ велѣлъ освободить.

Въ комитетахъ 15-го и 18-го марта разбиралась масса докладныхъ записокъ и рапортовъ дежурныхъ офицеровъ на неповиновеніе воспитанниковъ. Самымъ крупнымъ эпизодомъ былъ отвѣтъ фельдфебеля Кирилова дежурному офицеру Богдановичу. Первый вошелъ въ другую роту и о чемъ-то говорилъ въ кругу кадетъ; когда же Богдановичъ приказалъ ему удалиться въ свою роту, Кириловъ не послушался и рѣзко отвѣтилъ:

— Ваше приказаніе и смѣшно, и странно.

На вопросъ директора, какое наложить наказаніе на провинившагося, послышались самые разнообразные отвѣты. Придавая этому поступку большое значеніе, какъ прямо противорѣчащему воинскому духу и понятію о дисциплинѣ, мы съ полковникомъ Дубровинымъ все-таки не могли не замѣтить, что причиной этого и вообще всѣхъ подобныхъ поступковъ является то странное волненіе умовъ, каковое замѣчалось въ средѣ кадетъ. Высказавъ предположеніе, что наказаніе только хуже взбудоражитъ всѣхъ, мы предложили не налагать никакого взысканія, а просить особаго слѣдователя съ высшими полномочіями изъ Петербурга. Домашнія изслѣдованія, по нашему мнѣнію, положительно никуда не вели, а только затягивали дѣло и вредили порядку. Директоръ, повидимому, согласился съ нами, но о предполагаемой программѣ дѣйствій умолчалъ.

На новомъ комитетѣ 19-го марта, по инициативѣ директора, вопреки несогласію очень многихъ изъ присутствующихъ членовъ, было постановлено отдѣлить отъ товарищей наиболѣе выдѣлившихся во время исторіи 23-го февраля кадетъ. Съ большимъ трудомъ удалось, такъ сказать, добыть изъ роты отъ товарищей тринадцать воспитанниковъ и привести ихъ въ комитетъ. Тутъ имъ было прочтено въ чемъ они обвиняются и объявлено, что, признавая ихъ вредными для товарищей, комитетъ положилъ переселить ихъ въ одинъ изъ покоевъ служительской роты и подчинить полиціймейстеру корпуса, полковнику Ярошенко. Обвиняемые подняли страшный гвалтъ. Между воплями и аханьями слышались фразы, въ общихъ чертахъ сводящіяся къ слѣдующему: они сами не понимаютъ въ чемъ заключается ихъ вина; они не солдаты, чтобы ихъ можно было помѣстить въ казармы; они не желаютъ разставаться

съ товарищами; они имѣютъ своихъ начальниковъ и не намѣрены подчиняться полиціймейстеру корпуса.

Вопреки ожиданію, директоръ велъ себя какъ посторонній зритель. Когда шумъ нѣсколько поутихъ, онъ сказалъ едва слышнымъ голосомъ:

— Ваши поступки разберетъ особая комиссія съ полномочіемъ вернуть менѣе виновныхъ въ роты. Подчинены вы будете только ротнымъ командирамъ, черезъ которыхъ можете и переписываться съ товарищами.

Эта огромная до безтактности уступка все-таки не послужила къ прекращенію волненія. Лишь послѣ долгихъ и тщательныхъ убѣжденій воспитанники согласились слѣдовать въ отведенное имъ помѣщеніе, да и то далеко не съ покорностью. Церемонія ихъ шествія произошла на глазахъ всѣхъ воспитанниковъ корпуса, взлѣзшихъ на окна зданія, мимо которыхъ тринадцать ихъ товарищей вели въ служительскую казарму. Благодаря этому, нечего и говорить, какой порядокъ царилъ въ ротахъ въ продолженіе всего остального дня.

Вскорѣ до директора дошелъ откуда-то слухъ, что кадеты 1-й роты собираются освободить своихъ отдѣленныхъ товарищей силою. Сейчасъ же были приняты всевозможныя мѣры. Всѣ двери, выходившія изъ зданія корпуса стали запирать, къ нимъ были приставлены часовые, ротнымъ командирамъ и отдѣленнымъ офицерамъ было приказано глядѣть въ оба. Но этого мало: директоръ поручилъ штабсъ-капитану Барсову, совершенно постороннему въ этомъ дѣлѣ лицу, какъ помощнику инспектора классовъ, обратиться къ отдѣленнымъ кадетамъ съ предложеніемъ остеречь своихъ товарищей отъ всякой попытки освободить ихъ силою.

Если принять во вниманіе, что дошедшій до директора слухъ могъ быть и совершенно ложнымъ, что подобною мѣрою воспитанники могутъ быть натолкнуты самимъ начальствомъ на новую исторію, что этимъ какъ бы сознавались въ своемъ безсиліи противъ нихъ, если принять все это во вниманіе, не берусь разсуждать объ остроуміи подобной мѣры.

20-го марта, я получилъ записку отъ Миницкаго I-го, съ просьбой зайти къ нему въ лазаретъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ, что его мучитъ окружающій его въ лазаретѣ комфортъ, между тѣмъ какъ его товарищи, во всякомъ случаѣ не болѣе виновные, чѣмъ онъ самъ, помѣщены въ казармахъ. Миницкій просилъ меня передать директору это обстоятельство и попросить послѣдняго о его переводѣ къ отдѣленнымъ.

Явившись къ Тихоцкому и разсказавъ о своемъ свиданіи съ Миницкимъ, я услышалъ слѣдующую фразу, произнесенную иронически-недовольнымъ голосомъ:

— Интересно знать, почему это Миницкій, наотрѣзъ отказы-

вающійся говорить съ кѣмъ-либо изъ офицеровъ, постоянно имѣетъ съ вами, подполковникъ, конфиденціальные разговоры, нарушая даже порядокъ подчиненности?

О своемъ отвѣтѣ распространяться не буду.

Зайдя вечеромъ къ Дубровину, я узналъ, что капитанъ Нарѣжный передавалъ ему о страшномъ неудовольствіи воспитанниковъ первой роты на своего ротнаго командира, а также и на насъ съ Дубровинымъ, за увѣщеваніе ихъ отдѣленныхъ товарищей согласиться добровольно на требованія директора корпуса. На другой день Нарѣжный долженъ былъ дежурить по корпусу и не безъ основанія опасался демонстраціи со стороны кадетъ своей роты.

Разсмотрѣвъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, мы пришли къ опредѣленному рѣшенію, которое заключалось въ слѣдующемъ. Утромъ 21-го числа, я зашелъ къ отдѣленнымъ воспитанникамъ. Я зналъ раньше, что они уже успокоились и начали здраво смотрѣть на вещи. Они прямо объявили мнѣ, что отлично сознаютъ пользу своего послушанія для ихъ дѣла и для облегченія отвѣтственности. Добившись такого сознанія, я сказалъ, что ихъ товарищи, повидимому, не такъ ясно понимаютъ суть вещей и предложилъ поручить мнѣ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ кѣмъ-нибудь по ихъ выбору въ ротѣ. Кадетъ Циглеръ (по прозванію «красный», однофамилецъ пострадавшаго 23-го числа), подъ диктовку товарищей, написалъ письмо къ кадету Орловскому.

Когда я пришелъ въ корпусъ и вызвалъ послѣдняго, онъ объявилъ мнѣ, что сейчасъ была получена ротою записка отъ отдѣленныхъ слѣдующаго содержанія:

— «Запискѣ, данной Ивану Романовичу, не придавать никакой вѣры».

Вѣроятно, по моемъ уходѣ отдѣленные испугались, чтобы я не сталъ выпытывать что-нибудь, кромѣ того, о чемъ мы говорили съ ними. О второй запискѣ директоръ былъ увѣдомленъ Нарѣжнымъ. Показавъ мою записку Нарѣжному и Дубровину, я ее разорвалъ, какъ ненужную.

Черезъ полчаса я былъ потребованъ къ директору.

— Не потрудитесь ли вы ознакомить меня съ данной вамъ запиской?—обратился ко мнѣ Тихоцкій.

Я потрудился.

— Мнѣ было бы пріятнѣе видѣть подлинникъ.

Я отвѣтилъ, что разорвалъ его.

— Значитъ, вамъ неудобно было сохранить его?

Я холодно отозвался нежеланіемъ понимать намеки генерала, но, вмѣстѣ съ тѣмъ упомянулъ о томъ, что Дубровинъ и Нарѣжный читали эту записку.

Послѣ моей аудіенціи у генерала, Орловскаго почему-то также присоединили къ отдѣленнымъ воспитанникамъ.

Колкіе намеки генерала, а также распускаемые имъ слухи о моемъ подстрекательствѣ во всѣхъ случаяхъ безпорядковъ въ корпусѣ, передаваемые мнѣ моими сослуживцами, переполнили чашу моего терпѣнія. 22-го марта, во время комитета, я испросилъ у директора разрѣшенія говорить по личному моему дѣлу и, отбросивъ въ сторону всякое стѣсненіе, ознакомилъ всѣхъ присутствующихъ съ отношеніями ко мнѣ генерала. По дневнику, который я аккуратно велъ съ 23-го февраля, я ознакомилъ комитетъ съ подробностями моихъ дѣйствій и заключилъ свое слово тѣмъ, что мнѣ передавали о распускаемыхъ генераломъ слухахъ о моей виновности въ тайномъ поджигательствѣ.

Не желая называть фамилій лицъ, передававшихъ мнѣ эти слухи, я просилъ, чтобы генералъ опровергнулъ мои слова. Не успѣлъ я кончить, какъ нашъ старшій врачъ, Бобровскій, всталъ и объявилъ во всеуслышаніе, что самъ слышалъ подобныя слова генерала, отъ него лично. Не стану описывать смущеніе генерала съ одной стороны и возмущеніе моихъ сослуживцевъ съ другой. Впрочемъ, этимъ дѣло и кончилось.

25-го марта, воспитанники 1-й роты объявили подполковнику Дудышкину, что такъ какъ имъ не хотятъ объяснить причину отдѣленія ихъ товарищей, то они сами позаботятся объ освобожденіи отдѣленныхъ.

Когда объ этомъ передали директору, онъ отправился къ начальнику губерніи съ просьбой сдѣлать распоряженіе, чтобы въ корпусъ ежедневно приводилась рота гарнизонныхъ солдатъ съ ружьями. Губернаторъ отказалъ наотрѣзъ. Въ своемъ желаніи какъ-нибудь уладить дѣло, директоръ доходилъ до курьезныхъ мѣръ. Между прочимъ, всѣмъ изъявившимъ добровольное желаніе было разрѣшено присоединиться къ отдѣленнымъ. Послѣднихъ набралось до тридцати человѣкъ.

Около праздниковъ Свѣтлаго Христова Воскресенія прибылъ въ Полтаву генералъ-лейтенантъ Грессеръ, главный инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, которому было поручено произвести слѣдствіе въ нашемъ корпусѣ. На третій день праздника, Грессеръ, остановившійся у Тихоцкаго, явился съ послѣднимъ въ корпусъ, обошелъ подъ руку съ нимъ все заведеніе и велѣлъ построить воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ въ рекреаціонномъ залѣ. Какъ имъ, такъ и отдѣленнымъ, которыхъ посѣтилъ позже и опять-таки съ директоромъ, Грессеръ сказалъ очень ласковыя рѣчи. Послѣ перваго посѣщенія корпуса, Грессеръ отправился вмѣстѣ съ Тихоцкимъ къ наиболѣе важнымъ лицамъ Полтавы, какъ-то къ губернатору, архіерею, губернскому и уѣзднымъ предводителямъ дворянства, съ цѣлью примирить этихъ лицъ съ директоромъ корпуса.

Наконецъ было приступлено къ слѣдствію, къ допросамъ. Показанія снимались съ воспитанниковъ и офицеровъ и всегда въ

присутствіи Тихоцкаго. Забыли почему-то меня. Результатомъ довольно скоро законченнаго дознанія было признаніе пяти человѣкъ спеціальнаго класса наиболѣе виновными и подлежащими исключенію изъ заведенія.

Недоумѣвая, почему я, игравшій такую видную роль въ корпусной исторіи, оставленъ совершенно въ сторонѣ, я рѣшился явиться къ Грессеру. Послѣдній выслушалъ меня съ неохотою, объявилъ, что, повидимому, я нахожу нужнымъ произвести второе дознаніе, что этого не будетъ, такъ какъ онъ собирается уѣзжать, а, по моемъ уходѣ, объявилъ директору въ присутствіи полиціймейстера корпуса:

— Ну, ужъ младшій штабъ-офицеръ у васъ! Я бы не держалъ его ни минуты. Впрочемъ, ручаюсь, ему не здобровать!

Кадеты остались чрезвычайно недовольны резолюціей генералъ-лейтенанта Грессера, почему и напутствовали его изъ оконъ заведенія самыми непристойными пожеланіями, когда онъ садился въ коляску для обратнаго путешествія въ Петербургъ.

Недѣли черезъ три послѣ отъѣзда Грессера изъ Полтавы, туда прибылъ генералъ отъ инфантеріи Мирковичъ для производства инспекторскаго смотра корпуса. Въ корпусѣ все было тихо, какъ ни въ чемъ не бывало. Тихоцкаго въ Полтавѣ не было. Мирковичъ остался вполнѣ доволенъ порядками заведенія. Будучи лично знакомъ съ нашимъ правителемъ дѣлъ, Косяровскимъ, онъ сказалъ, что хотя корпусная исторія его и не касается, но ему было бы интересно познакомиться съ подробностями хода дѣлъ, чтобы провѣрить тѣ свѣдѣнія, которыя онъ имѣетъ. Косяровскій сказалъ генералу, что я велъ подробный дневникъ происшествіямъ. Мирковичъ потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Завтра я уѣзжаю въ свое курское имѣніе; тамъ на досугѣ, мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ вашимъ интереснымъ документомъ, познакомиться какъ лицу совершенно постороннему. Не можете ли вы одолжить мнѣ на нѣкоторое время вашъ дневникъ?

Хотя дневникъ былъ у меня и въ одномъ экземплярѣ и написанъ съ помарками, я согласился на просьбу Мирковича, прося только возвратить его, такъ какъ онъ могъ мнѣ понадобиться въ случаѣ отдачи меня подъ судъ, какъ о томъ ходили слухи.

Вскорѣ я получилъ свой дневникъ обратно, но, что меня чрезвычайно удивило, изъ штаба военно-учебныхъ заведеній. Впослѣдствіи оказалось, что Мирковичъ собиралъ подъ сурдинку кое-какія свѣдѣнія и отправилъ отчетъ о нихъ начальнику штаба военныхъ учебныхъ заведеній Путятѣ, съ приложеніемъ моего дневника.

Почти вслѣдъ за посылкою, мною полученною, въ Полтаву прибылъ состоявшій при Путятѣ по учебной части генералъ-маіоръ Политковскій. Онъ также помѣстился въ квартирѣ у директора, но совершенно изолировалъ себя отъ него, даже обѣдъ себѣ при-

казалъ готовить на кадетской кухнѣ. Цѣль его пріѣзда состояла въ провѣркѣ, какъ у насъ идутъ военныя науки.

Онъ посѣщалъ ежедневно спеціальные классы, внимательно выслушивая отвѣты кадетъ по артилеріи, фортификаціи и тактикѣ. Казалось, задача его была уже выполнена, но онъ и не думалъ объ отъѣздѣ. Никому и въ голову не приходило, что ему было поручено переизслѣдовать дѣло, по которому былъ командированъ Грессеръ.

Политковскій завелъ знакомство со всѣми выдающимися лицами въ городѣ и чутко прислушивался ко всякимъ сужденіямъ о корпусѣ и его директорѣ. Когда же онъ почувствовалъ подъ собою почву, то открылъ свое инкогнито и прямо приступилъ къ дѣлу. Онъ требовалъ къ себѣ всѣхъ служащихъ поочередно, прося соблюдать въ тайнѣ бесѣду съ нимъ. Разсказывали между прочимъ, хотя за достовѣрность послѣдняго факта и не отвѣчаю, что пригласивъ къ себѣ на чай пятерыхъ воспитанниковъ, наиболѣе ему понравившихся своими отвѣтами по военнымъ наукамъ, Политковскій, подъ видомъ шутки, разспрашивалъ ихъ о событіяхъ въ корпусѣ и о моей роли въ нихъ. Послѣднимъ онъ потребовалъ къ себѣ меня. Опять выступилъ на сцену мой дневникъ.

— Ручаетесь ли вы,—сказалъ мнѣ Политковскій,—въ безусловной истинѣ всего изложеннаго въ вашей тетрадкѣ?

— Ручаюсь и готовъ доказать это передъ лицомъ правосудія.

Ознакомившись во всѣхъ подробностяхъ съ моими записками, Политковскій призвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Какъ лицу прибывшему сюда по высочайшему повелѣнію переизслѣдовать дѣло, мнѣ остается только поблагодарить васъ, что вы помогли мнѣ распутать узелъ, завязанный генераломъ Грессеромъ. Я положительно протестую противъ его взгляда, по которому на васъ обрушивалась всею тягостью обвиненіе въ преступныхъ дѣйствіяхъ, угрожавшихъ отнять у васъ и честь и доброе имя. Будьте спокойны. Я подробно ознакомился съ вашею дѣятельностью, провѣрилъ ее самымъ тщательнымъ дознаніемъ и считаю своимъ священнымъ долгомъ не только оправдать васъ, но и заявить, что служба ваша, по своей полезности и добросовѣстности, заслуживаетъ только похвалы.

Передъ отъѣздомъ Политковскаго въ корпусѣ былъ прочитанъ его приказъ, приводимый мною вкратцѣ:

«Прибывъ сюда съ спеціальною цѣлью провѣрить систему преподаванія военныхъ наукъ, а также и успѣхи по нимъ воспитанниковъ, я, между прочимъ, по высочайше возложенному на меня порученію, имѣлъ возможность весьма подробно ознакомиться какъ съ горестными событіями въ заведеніи, такъ и съ ближайшими причинами, ихъ произведшими. Преподаваніе военныхъ наукъ и успѣхи по нимъ настолько удовлетворительны, что лучшаго и желать невозможно въ губернскомъ корпусѣ. Убѣдясь же въ суще-

ствующемъ порядкѣ и спокойствіи въ заведеніи, я оставляю Полтаву съ полною надеждою, что по докладѣ моемъ государю императору какими милыми, добрыми и преданными ему нашелъ я воспитанниковъ этого корпуса, даруется всемилостивѣйшее прощеніе за неурядицы въ заведеніи. Надѣюсь, что воспитанники оправдаютъ мой докладъ о нихъ».

Этотъ лестный для нихъ отзывъ обворожилъ кадетъ. Благодарностямъ генералу и обѣщаніямъ вести себя примѣрно не было конца. Въ тотъ же день генералъ Политковскій выѣхалъ изъ Полтавы, а черезъ три недѣли послѣ этого Тихоцкій былъ устраненъ отъ должности съ увольненіемъ въ отставку.

Послѣ Тихоцкаго директоромъ корпуса былъ назначенъ генералъ-маіоръ баронъ А. А. Икскуль фонъ-Гильденбандтъ. До этого назначенія онъ занималъ такую же должность въ Новгородскомъ графа Аракчеева корпусѣ, откуда перетащилъ съ собою и инспектора классовъ полковника генеральнаго штаба Кузьмина-Караваева, назначеннаго къ намъ вмѣсто подполковника Дудышкина.

Дѣятельность барона Икскуля, предупрежденнаго о всѣхъ бывшихъ у насъ безпорядкахъ, была вполнѣ разумная. Вначалѣ онъ совершенно выдѣлился изъ общаго круга воспитателей, держалъ себя неприступно и гордо, но съ большимъ тактомъ. Запросто принималъ у себя только одного Караваева. Послѣ, когда убѣдился что въ заведеніи все идетъ хорошо, тихо и спокойно, онъ пересталъ, уже казаться такимъ грознымъ, какимъ зарекомендовалъ себя на первыхъ порахъ. Воспитанники любили его, воспитатели уважали. И дѣйствительно: это былъ благороднѣйшій человѣкъ, обладавшій притомъ чрезвычайно теплою душою. Его тактичность и деликатность имѣли подчасъ анекдотическій оттѣнокъ. Нужныя замѣчанія служащимъ онъ всегда приправлялъ необидными шутками. Помню встрѣтилъ онъ разъ меня на улицѣ съ сильно отросшей бородой. Я шелъ съ женой. Чрезвычайно любезно поздоровавшись съ нами, онъ обратился къ женѣ:

— Правда ли, что васъ сегодня обокрали и между прочимъ унесли бритвы Ивана Романовича?

Или такой случай: учителя, по установленнымъ правиламъ, должны были являться на уроки въ вицъ-мундирахъ. Однажды, зайдя въ классъ учителя французскаго языка Таксиса, который былъ въ сюртукѣ, Икскуль сказалъ:

— Вы, вѣроятно, читаете лекцію вмѣсто Ганнота? Я его встрѣтилъ на улицѣ въ вицъ-мундирѣ.

Вникнувъ въ положеніе заведенія, Икскуль лично убѣдился въ необходимости истребить до корня послѣдніе остатки антогонизма между представителями строевой и учебной части. Онъ рѣшилъ соединить обѣ части въ одну семью рабочихъ въ пользу воспитанія дѣтей. На всѣхъ комитетахъ должны были присутствовать какъ учителя, такъ и офицеры. Самые комитеты получили вполнѣ ра-

зумное и раціональное значеніе. Передъ собраніемъ комитета всѣ участники его получали самыя подробныя свѣдѣнія: какіе вопросы должны подлежать обсужденію и, такимъ образомъ, являлись на засѣданіе съ заранѣе обдуманными отвѣтами. Никому не возбранялось поднимать на засѣданіяхъ новые вопросы, причемъ требовалось объясненіе, почему предложенный вопросъ считался важнымъ.

При такой постановкѣ дѣла, воспитатели должны были вполнѣ отдаться своимъ педагогическимъ задачамъ, заботиться и о томъ, чтобы не ударить въ грязь лицомъ при представленіи своихъ мнѣній. Работа, слѣдовательно, началась серьезная и не безполезная.

Комитеты сдѣлались школою для воспитателей. Мало-по-малу выработалась правильная система нравственнаго и умственнаго развитія дѣтей. Воспитанники, убѣдясь, что и учителя и воспитатели составляютъ какъ бы дополненіе другъ другу, перестали разсчитывать, что на дежурствѣ одного можно дѣлать то-то и то-то, а на дежурствѣ другого вести себя осторожнѣе. Перестали уповать и на то, что учителя, какъ то прежде водилось, будутъ поддерживать ихъ въ комитетахъ въ ущербъ представленіямъ о нихъ ихъ ближайшаго ротнаго начальства. Они прониклись сознаніемъ, что въ образѣ дѣйствій ихъ воспитателей не существуетъ болѣе никакого личнаго произвола и съ покорностью начали относиться ко всѣмъ требованіямъ. Вотъ истинная коренная заслуга Александра Александровича Икскуля.

Во время директорства Икскуля, въ 1862 году, въ Петербургѣ, окончательно выработался проектъ о преобразованіи кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи. Приходилось подумать о своей дальнѣйшей судьбѣ. Обѣщанное мнѣ мѣсто баталіоннаго командира въ одномъ изъ открывавшихся военныхъ училищъ не выгорѣло. Тогда я завелъ переписку съ своимъ бывшимъ товарищемъ и сожителемъ Карцевымъ, въ то время состоявшимъ начальникомъ штаба кавказской арміи. Послѣдній обѣщалъ выхлопотать мнѣ отдѣльный баталіонъ.

Въ сентябрѣ 1864 года мнѣ довелось представить государю императору баталіонъ кадетъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса. Смотръ происходилъ совмѣстно съ войсками. Государь остался было не вполнѣ доволенъ церемоніальнымъ маршемъ и оставилъ кадетъ, отпустивъ войска. Послѣ короткаго отдыха государь началъ производить подробнѣйшее ученіе. Ученіе и новый церемоніальный маршъ прошли безукоризненно. Государь выразилъ свое полное удовольствіе.

20-го мая 1865 года, Петровскій Полтавскій кадетскій корпусъ былъ переименованъ въ военную гимназію того же имени. Вмѣстѣ съ этимъ переименованіемъ я получилъ назначеніе на Кавказъ, чѣмъ и закончилась моя учебно-педагогическая дѣятельность.

И. Тимченко-Рубанъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Ъ НАЧАЛѢ тридцатыхъ годовъ, я воспитывался въ бывшемъ Петербургскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, что нынѣ 1-я гимназія и находился въ выпускномъ классѣ. Въ этомъ году я былъ невольнымъ и близкимъ свидѣтелемъ одного крупнаго происшествія, надѣлавшаго огромный переполохъ въ стѣнахъ пансіона, которое такъ прочно запало у меня въ памяти, что я и до сихъ поръ, не смотря на мои преклонныя лѣта, живо его помню.

Въ этомъ году, по росписанію лекцій въ нашемъ классѣ, по понедѣльникамъ отъ двухъ до четырехъ часовъ была лекція изъ закона Божія, преподавателемъ котораго былъ В. Б. Бажановъ. Мы всѣ высоко его уважали. Вотъ, въ одинъ изъ понедѣльниковъ, и именно на Ѳоминой недѣлѣ, только-что прозвонили на лекцію, мы всѣ собрались въ классѣ и заняли свои мѣста. Я сидѣлъ на первой скамейкѣ вторымъ отъ входныхъ дверей, когда вошелъ къ намъ о. Бажановъ. Занявъ свое мѣсто на каѳедрѣ, В. Б., обратясь ко мнѣ, приказалъ разсказать прошлую лекцію. Только-что я всталъ и началъ разсказывать, какъ двери въ нашъ классъ съ шумомъ растворились и на порогѣ показалась величавая фигура императора Николая I. Всѣ мгновенно вскочили съ своихъ мѣстъ и на привѣтствіе его прокричали: «здравія желаемъ ваше императорское величество». Государь, отдавъ поклонъ В. Б. и положа свою шляпу на каѳедру, приказалъ продолжать лекцію, но В. Б. до того

сконфузился (онъ еще тогда не былъ духовникомъ его величества), что не могъ вызвать меня, а я, и говорить нечего, сидѣлъ неподвижно. Государь, оглядѣвъ всѣхъ насъ, быстро подошелъ къ моему сосѣду съ правой стороны, воспитаннику Ч. и, замѣтивъ на немъ сюртукъ изъ тонкаго сукна съ какимъ-то отступленіемъ отъ формы, изволилъ сказать: «Откуда ты взялся, лейбъ-уланъ, поди сюда» и съ этимъ словомъ, разстегнувъ на Ч. сюртукъ и замѣтя у него какія-то пряжки, подошелъ къ дверямъ и громко позвалъ директора. Стоящій у дверей гувернеръ Фукъ объявилъ государю, что директора нѣтъ дома. Государь приказалъ позвать инспектора «и его нѣтъ дома» — отвѣчалъ Фукъ. Государь сильно разгнѣвался, началъ прохаживаться по коридору. Не прошло четверти часа, какъ прибѣгаютъ и директоръ, и инспекторъ. Государь, подозвавъ директора къ Ч., спросилъ его, видѣлъ ли онъ этого улана? Растерявшійся до нельзя директоръ молчалъ. «Вы оба сейчасъ, сію минуту, отправляйтесь на гауптвахту!» грозно сказалъ государь и, взявъ свою шляпу, уѣхалъ. Сидя возлѣ Ч., я взглянулъ на него и ужаснулся; онъ стоялъ совершенно какъ мертвецъ съ крупными каплями пота на лицѣ, да и правду сказать, было отчего и помертвѣть: у него въ боковомъ карманѣ была колода картъ, а въ заднемъ карманѣ коротенькая трубка и табакъ.

За эти принадлежности, еслибы ихъ у него нашли, порядкомъ бы ему досталось. Какъ только государь уѣхалъ, Ч. и карты, и трубку, сжегъ въ печкѣ и поклялся никогда не играть въ карты и не курить. На другой день возвратилось наше начальство изъ-подъ ареста. Года черезъ три послѣ выпуска я случайно встрѣтился съ Ч. и спросилъ его, куритъ ли онъ табакъ: «нѣтъ, братъ,— отвѣчалъ Ч.,—съ того дня не курю и не играю».

II.

Въ тридцатыхъ годахъ, въ числѣ воспитанниковъ артилерійскаго училища былъ сынъ помѣщика Д. Е—нъ, милый, любезный и честный товарищъ, котораго всѣ любили. Учился онъ очень недурно и былъ страстный театралъ. Какъ-то, не задолго до святокъ, состоялось строжайшее запрещеніе воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній посѣщать театры. Узнавъ объ этомъ, Е—нъ сильно огорчился, но, долго не думая, рѣшилъ во что бы то ни стало побывать въ театрѣ. И вотъ, въ одинъ день, къ вечеру, воспользовавшись дежурствомъ одного простоватаго офицера, скрылся изъ училища. Заѣхавъ въ знакомый ему магазинъ готоваго платья и переодѣвшись здѣсь въ статскій костюмъ, онъ отправился въ театръ. Довольный успѣхомъ, Е—нъ занялъ въ театрѣ кресло и оглядѣвшись увидѣлъ, что возлѣ него помѣщается его начальникъ, полковникъ К. Замѣтивъ упорный на него взглядъ полковника, Е—нъ,

нисколько не смутясь, обратился къ нему съ вопросомъ: «Не правда ли, полковникъ, что вы во мнѣ узнаете моего брата вашего воспитанника?» — «Да, да! — отвѣтилъ К., — это поразительное сходство!» — «Да, полковникъ, это всѣ замѣчаютъ. Скажите, полковникъ, какъ братъ учится и ведетъ себя?» — «Да учится-то онъ недурно, но шалунъ, большой шалунъ». — «Пожалуйста, полковникъ, попеняйте ему и скажите, что родителямъ нашимъ это очень не пріятно». Затѣмъ, перемѣнивъ разговоръ, Е—нъ началъ бесѣдовать съ полковникомъ о постороннихъ предметахъ. Въ послѣднемъ антрактѣ, К. отправился въ буфетъ, а за нимъ и Е—нъ. Въ буфетѣ Е—нъ купилъ коробку конфектъ и передалъ ее К., прося отдать отъ него брату и сказать ему, чтобы онъ велъ себя лучше. Полковникъ отправился обратно въ театръ, а Е—нъ поспѣшно взялъ извозчика, заѣхалъ въ магазинъ переодѣться и, никѣмъ не замѣченный, явился въ училище и легъ на свою кровать. По окончаніи спектакля, К. пріѣхалъ въ училище и, обходя дортуары, подошелъ къ мнимо-спящему Е—ну и началъ его будить. Е—нъ быстро вскочилъ съ кровати. — «Я былъ въ театрѣ, — сказалъ полковникъ, — и видѣлъ тамъ вашего брата — прекрасный молодой человѣкъ — вотъ берите съ него примѣръ — онъ прислалъ вамъ конфектъ — возьмите ихъ». И вполнѣ довольный К. отправился въ свою квартиру. Вскорѣ продѣлка Е—на огласилась и дошла до слуха императора Николая. Наканунѣ роспуска воспитанниковъ на святки, въ училище пріѣхалъ императоръ. Обойдя все заведеніе, онъ передъ уходомъ потребовалъ къ себѣ Е—на. Е—нъ въ страшномъ перепугѣ подошелъ къ императору. Николай, обратясь къ нему, сказалъ: — «Ну, повѣса, разсказывай теперь, какъ ты былъ въ театрѣ, да смотри не врать». Е—нъ во всемъ чистосердечно сознался. — «Счастливъ ты, что сказалъ правду, но все-таки — прибавилъ государь, обращаясь къ директору, — его всѣ святки не пускать со двора». Для Е—на этимъ все и кончилось, но полковникъ К. за свою оплошность пострадалъ сильнѣе: его уволили отъ службы.

III.

Въ годъ выхода книжки «Московскаго Наблюдателя», въ которой было помѣщено стихотвореніе Пушкина: «На выздоровленіе Лукулла», я служилъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія и былъ свидѣтелемъ очень грустной сцены по поводу этого стихотворенія. Черезъ нѣсколько дней по выходѣ въ свѣтъ этого стихотворенія, былъ въ департаментѣ докладъ министру С. С. Уварову. По окончаніи доклада С. С. на выходѣ изъ департамента встрѣтилъ въ канцеляріи цензора Гаевскаго; остановившись, онъ громко спросилъ его: «Вы, Павелъ Ивановичъ, вѣроятно читали, что этотъ негодяй и мерзавецъ написалъ на меня?» Гаевскій, ни-

чего на это не отвѣчая, почтительно наклонилъ голову. «Сейчасъ извольте отправиться къ князю Д. (онъ былъ тогда предсѣдателемъ цензурнаго комитета) и скажите ему отъ меня, чтобы онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе цензурному комитету, чтобы къ сочиненіямъ этого негодяя назначить не одного, а двухъ, трехъ, четырехъ цензоровъ», — и съ этими словами, кивнувъ намъ головою, удалился. По отъѣздѣ С. С., Гаевскій подошелъ къ намъ и съ грустнымъ видомъ сказалъ: «Какъ это жаль, что С. С. такъ выражается о Пушкинѣ». Въ тотъ же день вечеромъ я былъ у дяди своего, цензора В. Н. Семенова, у котораго нашелъ Пушкина. Отозвавъ дядю въ другую комнату, я передалъ ему слова Уварова. Дядя не вытерпѣлъ и разсказалъ Пушкину, а тотъ, отыскавъ меня, началъ подробно разспрашивать и смѣялся, говоря, что Лукуллъ этимъ отъ него не отдѣлается. Послѣ, я слышалъ, что Пушкинъ, получивъ распоряженіе комитета, писалъ объ этомъ императору Николаю, который на его письмѣ написалъ, что впредь онъ самъ будетъ его цензоромъ.

IV.

Служа по министерству народнаго просвѣщенія, я пользовался добрымъ расположеніемъ директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія Новосильскаго, нерѣдко я бывалъ у него на дому и любилъ слушать его разсказы про бывшаго министра князя Ливена. Изъ многихъ его разсказовъ я запомнилъ болѣе характертерный.—«Когда я вздумалъ жениться,—говорилъ Новосильскій,— я обратился къ князю Ливену съ просьбой выдать мнѣ впередъ за полгода жалованье. Князь, выслушавъ мою просьбу, сказалъ:— «А чѣмъ ты, батюшка, будешь жить послѣ?» Я отвѣчалъ:—«Какъ-нибудь проживу, ваша свѣтлость».—«Нѣтъ, батюшка, какъ-нибудь жить нельзя, ты поди подумай и черезъ три дня мнѣ скажи». Прошло три дня, князь молчитъ. На четвертый день, окончивъ докладъ, князь съ серьезнымъ лицомъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Ну, что, придумалъ?»—«Ничего не придумалъ, ваша свѣтлость». — «Скажи, батюшка, сколько тебѣ нужно, 1000 руб. довольно?» — «Очень довольно, ваша свѣтлость».—«Почему же ты не займешь у меня?» — «Я не смѣлъ и подумать объ этомъ, ваша свѣтлость».—«Напрасно, поди, батюшка, напиши вексель и принеси мнѣ, а я тебѣ дамъ деньги, да не забудь позвать меня на свадьбу». Я написалъ, получилъ отъ него деньги, свадьбу мы отпраздновали, князь былъ посаженымъ отцомъ моей невѣсты, а на другой день прислалъ ей прекрасный туалетъ, наполненный всевозможными туалетными принадлежностями, среди которыхъ находился и мой вексель въ 1000 р. наполовину разорванный. Князь Ливенъ,—го-

ворилъ Новосильскій,—былъ до такой степени щепетильной честности, что когда требовалъ себѣ для частнаго письма листъ бумаги, то всегда возвращалъ за него деньги».

V.

Во время службы моей въ департаментѣ народнаго просвѣщенія былъ тамъ канцелярскій чиновникъ И. В. С. Владѣя чрезвычайно красивымъ почеркомъ, который, какъ говорили, нравился императору Николаю I, онъ имѣлъ исключительную обязанность переписывать бумаги исходящія отъ лица министра. С. былъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, но къ несчастію въ высшей степени разсѣянный. Эта разсѣянность нерѣдко приводила его къ смѣшнымъ, а иногда и къ серьезнымъ приключеніямъ. Объ этой разсѣянности ходило много анекдотовъ, но одно происшествіе, по поводу той же злосчастной разсѣянности, у меня сохранилось въ памяти. Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Придя разъ въ департаментъ, я узналъ, что получено изъ канцеляріи министерства сообщеніе, что сегодня министръ, отправляясь съ докладомъ къ государю, заѣдетъ въ департаментъ. Всѣ и все, въ ожиданіи министра, приняло какой-то заботливый видъ, одинъ С. невозмутимо переписывалъ бумаги; въ этотъ день у него было три докладныхъ записки государю. Окончивъ переписку, С. началъ перомъ рисовать птицъ, что онъ мастерски умѣлъ дѣлать. Пріѣхалъ министръ, экзекуторъ взялъ отъ С. бумаги и отнесъ къ министру въ кабинетъ. Министръ, пробывъ недолго въ департаментѣ, взялъ съ собою бумаги и отправился съ докладомъ. Въ этотъ день управляющій департаментомъ, князь Шихматовъ, ранѣе обыкновеннаго оставилъ департаментъ; слѣдомъ за нимъ потянулись и мы. Но нельзя представить нашего удивленія, когда мы еще сверху лѣстницы увидали возвращающагося министра вмѣстѣ съ княземъ. Мы, разумѣется, поспѣшили возвратиться на свои мѣста. Вошелъ къ намъ министръ сильно взволнованный и громко позвалъ къ себѣ С. Подавая ему бумагу, разрисованную птицами, онъ сказалъ: «Это твоя работа, негодяй, чтобы сегодня же твоего духу здѣсь не было!»—и съ этими словами, не поклонившись никому, вышелъ изъ департамента. С. сейчасъ же былъ уволенъ, а мы всѣ, окруживъ его, никакъ не могли понять какъ это случилось. А случилось это очень просто: С., переписавъ докладныя записки, перевернулъ, на одной изъ нихъ, страницу нарисовалъ птицъ, и по своей разсѣянности забылъ объ этомъ, а экзекуторъ, взявъ отъ него бумаги, не просмотрѣлъ ихъ; въ такомъ видѣ министръ и повезъ бумаги къ докладу. Прошло неболѣе недѣли С. опредѣлился въ департаментъ государственнаго казначейства. Мы потолковали, погоревали о С. и стали было уже забывать всю эту исторію. Ровно черезъ мѣсяцъ, совершенно неожиданно полу-

чается высочайшее повелѣніе, чтобы, С. какъ неправильно уволенный, былъ немедленно возвращенъ на прежнее мѣсто, съ выдачей ему годового оклада жалованья.

Не знаю, чѣмъ кончилась дальнѣйшая судьба С. по службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, потому что я перешелъ въ другое вѣдомство.

VI.

Въ числѣ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, представленныхъ къ наградамъ, былъ инспекторъ Ришельевскаго лицея Ч. Онъ былъ представленъ къ ордену Владиміра 4-й степени. Дѣла о наградахъ находились тогда въ завѣдываніи канцеляріи департамента. Одному изъ столоначальниковъ этой канцеляріи П. было поручено княземъ Шихматовымъ сдѣлать выборку изъ представленія попечителей о награждаемыхъ и составить общій имъ списокъ по алфавиту. П., отмѣчая въ графѣ когда и кто получилъ послѣднюю награду, поставилъ у Ч. вмѣсто Анны 3-й степени Станислава 3-й степени. Списокъ этотъ читали, перечитывали, всѣ подписали и черезъ министра отправили въ комитетъ министровъ. Въ комитетѣ, какъ видно, обратили вниманіе, что Ч. представленъ къ наградѣ не по порядку орденовъ и назначили ему, вмѣсто Владиміра, Анну 3-й степени. Все казалось сошло благополучно, награды разосланы и въ газетахъ напечатано. Недѣли черезъ три, князь Шихматовъ получаетъ отъ одесскаго попечителя письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что Ч. вмѣсто ожидаемаго Владиміра получилъ другую Анну. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, отыскали представленіе одесскаго попечителя и увидѣли, что въ формулярномъ спискѣ Ч. ясно обозначено, что Ч. имѣетъ Анну 3-й степени съ 28-го года. Что тутъ дѣлать? Князь Шихматовъ отправился къ министру и они рѣшили сдѣлать докладъ государю. Въ докладной запискѣ Уваровъ, объясняя эту ошибку, взвелъ на столоначальника напраслину, что онъ, будучи прекраснымъ чиновникомъ, будто бы былъ до крайности разсѣянъ; тогда какъ П. никогда этимъ не отличался. Орденъ Ч. перемѣнили, а виновному сдѣланъ былъ строгій выговоръ безъ внесенія въ формуляръ. Прошло около полугода. Императоръ пріѣхалъ осмотрѣть новое помѣщеніе департамента и, проходя черезъ канцелярію, спросилъ: «А гдѣ этотъ мастеръ, что даетъ по два креста?» Министръ, сопровождая императора, указалъ на П. Государь грозно на него посмотрѣлъ и погрозилъ пальцемъ.

VII.

Въ 1834 году я служилъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. Въ то время министромъ народнаго просвѣщенія былъ С. С. Уваровъ, а департаментомъ завѣдывалъ князь П. Л. Ши-

ринскій-Шихматовъ; князя Шихматова мы искренно уважали за его доброе, сердечное, мягкое обращеніе съ нами; довольно было князю сдѣлать, кому-нибудь изъ насъ, замѣчаніе — заслужившій его всѣми средствами старался исправиться. Къ общей нашей грусти, князь внезапно опасно заболѣлъ и лишь только вѣсть о его болѣзни разнеслась между нами, всѣ мы, словно по какому приказу, отправились на квартиру князя и убѣдительно просили княгиню дозволить намъ, по очереди, днемъ и ночью дежурить у постели больного. Княгиня, со слезами на глазахъ, благодарила насъ и изъявила согласіе на просьбу нашу. Но вотъ, къ общей нашей радости, князь настолько поправился, что черезъ три мѣсяца могъ вступить въ завѣдываніе департаментомъ. Живо помню, какъ мы всѣ, когда узнали, что сегодня князь пріѣдетъ въ департаментъ, вышли къ нему на встрѣчу, къ самому подъѣзду, и искренно его поздравляли съ выздоровленіемъ. Князь былъ глубоко тронутъ этой встрѣчей.

На время болѣзни князя, завѣдываніе департаментомъ было поручено К. С. Сербиновичу; но объ этомъ человѣкѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Воспитанникъ Полоцкой іезуитской академіи, онъ былъ хитрый, придирчивый, раздражительный, и до крайности мелочной человѣкъ, а какъ начальникъ невыносимый. Нужно было имѣть много терпѣнія, чтобы выносить его капризы.

Вѣроятно, нерасчитывая вовсе на выздоровленіе князя, онъ думалъ утвердиться на этомъ мѣстѣ—иначе нельзя думать, потому что съ первыхъ же дней своего управленія сталъ вводить особые порядки, которыми довелъ депертаментъ до того, что онъ принялъ мрачный, унылый видъ; всѣ начали шептаться, остерегаться другъ друга, появились доносы, наушничество, подслушиванье и тому подобное. Любимецъ Сербиновича, экзекуторъ Штакельбергъ, поднялъ голову и открыто грозилъ всѣмъ и каждому, что онъ обо всемъ будетъ доносить Сербиновичу. Къ числу замѣчательныхъ распоряженій Сербиновича должно отнести его приказаніе, объявленное тѣмъ же экзекуторомъ, чтобы всѣ черновыя бумаги, прежде ихъ переписки начисто, были представляемы ему для просмотра, но съ тѣмъ, чтобы писавшій бумагу своеручно подписалъ, что онъ ее составлялъ по совѣсти. Одна изъ такихъ бумагъ выпала на мою долю и была причиной порядочнаго переполоха какъ въ департаментѣ, такъ и въ моемъ семействѣ. Разсказъ объ этой злополучной бумагѣ, не только извѣстенъ былъ въ департаментѣ, но и открыто ходилъ по городу. Я тогда жилъ при своей матери на Васильевскомъ Островѣ въ третьей линіи. Живо помню какъ въ одинъ прекрасный день, въ концѣ октября, часовъ въ 11 вечера, прискакалъ изъ департамента курьеръ съ строгимъ приказаніемъ Сербиновича, чтобы я немедленно явился къ нему въ департаментъ. Дѣлать было нечего—я поѣхалъ. Мать моя страшно перепугалась

за меня, воображая не надѣлалъ ли я какихъ тамъ бѣдъ, что за мною присылаютъ въ такую пору. По пріѣздѣ въ департаментъ, меня встрѣтилъ ночной дежурный чиновникъ и провелъ въ кабинетъ директора департамента, гдѣ засѣдалъ Сербиновичъ. Продержавъ меня около часа передъ кабинетомъ, онъ наконецъ позвалъ меня къ столу. Взявъ, изъ кипы бумагъ, одну, и подавая ее мнѣ, онъ спросилъ: «Скажите, это вы писали?» на утвердительный мой отвѣтъ, онъ продолжалъ: «Вѣроятно, вы кончили курсъ въ университетѣ?» Я подтвердилъ ему это «и вѣроятно,—продолжалъ онъ,—въ здѣшнемъ, т. е. въ Петербургскомъ?» и когда я ему и этотъ вопросъ подтвердилъ, то Сербиновичъ, покачивая головой, съ глубокимъ вздохомъ произнесъ: «Господи! Господи!» Непонимая причины такого возгласа, я, какъ отупѣлый, стоялъ безмолвно передъ нимъ. Промучивъ меня въ этомъ недоумѣніи, Сербиновичъ произнесъ: «скажите пожалуйста, когда кончается рѣчь, какой ставятъ знакъ препинанія?» Я отвѣчалъ: «Точку».—«А вы ее поставили?» спросилъ Сербиновичъ, подавая мнѣ мою бумагу. Обмакнувъ перо въ чернильницу, Сербиновичъ сталъ просить меня, чтобы я потрудился поставить злополучную точку; затѣмъ отпустилъ меня со вздохомъ, прося при этомъ, на будущее время быть осмотрительнѣе.—Вотъ что бывало въ министерствахъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

VIII.

Я былъ хорошо знакомъ съ А. В. Никитенко и пользовался его добрымъ расположеніемъ. Понятно, что я читаю съ особымъ интересомъ печатающійся въ «Русской Старинѣ» его дневникъ. Въ этомъ дневникѣ многія лица, игравшія выдающіяся роли въ тридцатыхъ годахъ очень вѣрно очерчены, но удачнѣе всѣхъ вышли двѣ личности: С. С. Уваровъ и К. С. Сербиновичъ—оба, какъ живые. Удивительно, что Никитенко, вѣрно замѣтивъ привычку Уварова приплетать свое имя къ имени императора Николая, забылъ записать въ своемъ дневникѣ объ одномъ памятномъ всѣмъ намъ, служившимъ въ то время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, парадно-напыщенномъ привѣтствіи Уварова, обращенномъ ко всѣмъ намъ. Я твердо помню, что Никитенко присутствовалъ при этомъ. Дѣло происходило такъ. Въ исходѣ тридцатыхъ годовъ, къ Пасхѣ, Уваровъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. На канунѣ праздника, когда крупныя награды дѣлаются извѣстными, отъ Уварова послѣдовало приказаніе, чтобы всѣ чиновники его вѣдомства на другой день Пасхи къ 11-ти часамъ утра собрались въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, куда и онъ пріѣдетъ. Къ назначенному времени всѣ мы собрались. Ровно въ 12-ть часовъ пріѣхалъ министръ. Медленной походкой онъ вошелъ въ залъ и, поздоровавшись со всѣми нами,

выдвинулся на средину залы и своимъ звонко-тягучимъ голосомъ произнесъ: «истинный министръ народнаго просвѣщенія есть государь императоръ—я его орудіе—вы исполнители моей власти—въ лицѣ моемъ вы всѣ награждены; впрочемъ, я вами доволенъ». Сказавъ это, онъ сдѣлалъ общій поклонъ и быстро вышелъ. По отъѣздѣ Уварова мы начали поздравлять другъ друга съ наградою.

Пишущему эти строки довольно часто приходилось быть дежурнымъ у Уварова и нерѣдко встрѣчать тамъ Никитенко. Хорошо помню, что А. В. всегда выходилъ отъ министра взволнованнымъ отъ его затѣйливыхъ распоряженій по цензурѣ. Никитенко очень тяготился цензорствомъ и часто просилъ министра уволить его отъ этой обязанности, но министръ никакъ не соглашался. Про Сербиновича скажу только, что его портретъ, описанный въ дневникѣ Никитенко, вполнѣ подтверждаетъ мой разсказъ о немъ о непоставленной точкѣ.

Н. Н. Т.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1862 ГОДУ.

Извѣстно, что при введеніи въ народную жизнь великой реформы 19 февраля 1861 года дѣло не обошлось безъ такъ называемыхъ крестьянскихъ волненій, которыя пришлось усмирять, и часто при посредствѣ военной силы. Волненія эти вызывались разными причинами, среди которыхъ немаловажную роль играли недоразумѣнія и недовѣріе вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ къ дѣйствіямъ мировыхъ посредниковъ, вводившихъ новое Положеніе. Особенно много крестьянскихъ волненій и безпорядковъ было въ періодъ введенія уставныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ точнымъ образомъ отношенія между помѣщиками и бывшими крѣпостными.

Въ предстоящемъ очеркѣ мы позволимъ себѣ передать читателямъ, на основаніи бывшихъ у насъ подъ руками архивныхъ источниковъ, нѣсколько особенно характерныхъ случаевъ изъ исторіи крестьянскихъ волненій въ Курской губерніи, въ 1862 г. Въ этихъ источникахъ сохранились свѣдѣнія не только о различныхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ администраціи и ея органовъ; но и мнѣнія, отзывы и рѣчи крестьянъ, выражающіе ихъ желанія, стремленія и взгляды на сущность дарованнаго имъ освобожденія и поземельнаго устройства. Сохранившіеся до насъ отголоски крестьянскаго міровоззрѣнія представляютъ значительный интересъ; тѣмъ болѣе, что всѣ другіе областные документы изъ исторіи эмансипаціи не заключаютъ въ себѣ рѣшительно ничего такого, чтò бы шло отъ народа и было высказано изъ устъ его...

Въ Курской губерніи, какъ и въ другихъ, эпоху введенія эмансипаціи можно раздѣлить на два періода. Къ первому относится 1861 годъ, ко второму 1862 годъ. Въ первомъ періодѣ временно-обязанные крестьяне, получивъ свободу, оставались почти въ томъ же положеніи по отношенію къ работѣ на помѣщиковъ, какъ и прежде... во второмъ, по уставнымъ грамотамъ, получали извѣстные надѣлы земли и другихъ угодій, обязывались нести узаконенныя повинности на своихъ бывшихъ господъ и т. д. Вслѣдствіе этого 1861 годъ не подавалъ особыхъ поводовъ къ волненіямъ. Правда, они были; но носили характеръ минутныхъ вспышекъ, которыя весьма часто также скоро угасали, какъ и воспламенялись. Вскорѣ, напримѣръ, послѣ объявленія воли во многихъ имѣніяхъ крестьяне вдругъ на нѣкоторое время бросали работать на барскихъ поляхъ, пока власти не заставляли ихъ опять выходить на барщину. Иногда вызывали безпорядки сами помѣщики, непривыкшіе еще къ новому порядку вещей, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ самый день объявленія манифеста о свободѣ, 27 марта, во дворъ одного изъ крестьянъ села Плоскаго, Звѣрева, явился его баринъ съ двѣнадцатью борзыми собаками и началъ травить находившихся въ усадьбѣ овецъ. Когда двѣ изъ нихъ были уже затравлены, то сынъ Звѣрева началъ просить барина уйти. А тотъ, схвативши вилы, принялся бить мальчика и кричалъ:

— Побью теперь всѣхъ васъ подлецовъ до смерти; мнѣ ничего за васъ не будетъ, вы не мои!

Результатомъ такихъ дѣйствій явилась защита односельчанами Звѣрева и волненіе, потребовавшее вмѣшательства полицейской власти.

А вотъ и другой (изъ многихъ подобныхъ) случай въ селѣ Капустичѣ, вызвавшій въ концѣ концовъ вмѣшательство военной силы. 26-го апрѣля 1861 года, въ одинъ изъ дней Святой недѣли крестьяне положили всѣмъ обществомъ отслужить въ мѣстной церкви благодарственный молебенъ за свое освобожденіе и согласились въ этотъ день не работать. Идучи къ церкви, они замѣтили кое-гдѣ на поляхъ работавшихъ и уговорили ихъ присоединиться къ обществу. Наконецъ, подошли къ усадьбѣ помѣщика и увидѣли, что здѣсь крестьянинъ, по барскому приказу, чинитъ борону.

— Пойдемъ въ церковь съ нами,—пригласили крестьяне работавшаго.

Тотъ бросилъ чинить борону и вышелъ со двора. Увидѣлъ это помѣщикъ, выскочилъ на крыльцо и закричалъ:

— Вамъ, такіе-сякіе, что̀ надо?

Крестьяне отвѣчали:

— Мы положили обществомъ сегодня не работать, идемъ служить молебенъ, и въ Положеніи въ такіе дни воспрещено работать.

— Я знать не хочу никакого Положенія!—воскликнулъ по-

мѣщикъ, и схвативъ перваго попавшагося изъ крестьянъ за волосы, началъ его бить кулаками.

— Вотъ тебѣ Положеніе, вотъ тебѣ Положеніе!—приговаривалъ онъ.

Крестьяне стали защищать своего товарища и началось смятеніе.

Много незначительныхъ безпорядковъ между временно-обязанными возникло отъ того, что нѣкоторые помѣщики, а за ними и исправники, требовали отъ крестьянъ исполненія такихъ повинностей, которыя были отмѣнены Положеніемъ, какъ напримѣръ, караулы при господскихъ амбарахъ, огородахъ и т. п., другіе исправники поддерживали помѣщичьи требованія назначать крестьянъ на рабочіе барщинные дни, что̀ Положеніемъ было опредѣлено не ранѣе, какъ по введеніи въ каждомъ имѣніи уставныхъ грамотъ... Вслѣдствіе этого курскому губернатору, которымъ въ то время былъ генералъ-маіоръ В. И. Денъ пришлось разъяснять исправникамъ ихъ ошибки и предписать внимательно и добросовѣстно штудировать Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, а затѣмъ объяснять крестьянамъ, что они освобождены отъ добавочныхъ сборовъ и нарядовъ, караула господскихъ усадебъ, лѣсовъ, амбаровъ и проч. Кромѣ того, губернаторскій циркуляръ рекомендовалъ для вѣрнаго счета отработанныхъ барщинныхъ дней завести книги, зачетные билеты, или другіе какіе-либо знаки, въ которыхъ отмѣчать число и количество исполненной барщины.

Говоря о крестьянскихъ безпорядкахъ въ 1861 году, нельзя не отмѣтить чрезвычайно любопытнаго факта. Именно, по свѣдѣніямъ тогдашней курской губернской администраціи оказалось, что многія волненія и неповиновеніе временно-обязанныхъ крестьянъ «произошли почти исключительно отъ неправильнаго истолкованія имъ мѣстными приходскими причетниками правилъ и условій, изложенныхъ въ Положеніи». «Въ настоящее переходное время,— писалъ по этому случаю В. И. Денъ,—крестьяне зорко слѣдятъ за всѣми посторонними истолкованіями и оттого возникшіе безпорядки и недоразумѣнія въ одномъ мѣстѣ переходятъ въ другія мѣстности». В. И. Денъ просилъ согласія епархіальнаго архіерея «немедленно вывозить съ мѣста жительства всѣхъ тѣхъ причетниковъ, которые замѣчены будутъ въ превратномъ толкованіи крестьянамъ Положенія». Архіерей согласился на эту мѣру только съ тѣмъ, чтобы причетники, по взятіи ихъ съ мѣста жительства, непремѣнно при мѣстномъ священникѣ или благочинномъ, были препровождаемы въ консисторію, съ обозначеніемъ того, въ чемъ они изобличены, для поступленія съ ними по закону.

Вообще, крестьянскія волненія 1861 года не носили на себѣ аграрнаго характера. У насъ была подъ руками вѣдомость этихъ волненій и различныя бумаги, касающіяся ихъ, и отовсюду можно

было усмотрѣть незначительность изучаемаго нами явленія народной жизни.

Совсѣмъ не то находимъ въ 1862 году. Введеніе уставныхъ грамотъ мировыми посредниками въ Курской губерніи совершилось съ большимъ трудомъ. Не сразу и не скоро временно-обязанные крестьяне привыкли къ новому, созданному уставными грамотами положенію. Уже въ мартѣ 1862 года курскій губернаторъ констатировалъ тотъ фактъ, что при первомъ приступѣ посредниковъ ко введенію грамотъ, крестьяне упорно отказывались принимать ихъ. Губернаторъ требовалъ отъ полицейскихъ чиновниковъ самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, возникающихъ при предъявленіи крестьянамъ уставныхъ грамотъ. Но вскорѣ понадобилось содѣйствіе войскъ. Въ концѣ марта 1862 года тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ разослалъ губернаторамъ секретный циркуляръ, въ которомъ увѣдомилъ, что они имѣютъ полное право распоряжаться командированіемъ войскъ для подавленія крестьянскихъ волненій и вслѣдствіе отлучки войскъ изъ мѣстъ ихъ постояннаго расположенія военные начальники могутъ отмѣнять сборы для лѣтнихъ занятій, какъ полковые, такъ и другіе, до болѣе благопріятнаго времени.

Крестьянскія волненія 1862 года отличались отъ предшествующихъ тѣмъ, что овладѣвали цѣлыми деревнями, селами, а иногда нѣсколькими мѣстностями сразу. Кромѣ того, какъ недоразумѣнія 1861 года довольно часто оканчивались мирно, благодаря увѣщаніямъ и разъясненіямъ мировыхъ посредниковъ, такъ безпорядки періода введенія уставныхъ грамотъ прекратить можно было только силой... Смыслъ и значеніе этихъ безпорядковъ и волненій, а также цѣль ихъ, съ достаточною ясностью обнаружатся для читателей, если они пробѣгутъ сообщаемыя нами ниже наиболѣе характерные эпизоды изъ исторіи первыхъ шаговъ реформы 19 февраля.

1.

Въ настоящей главѣ скажемъ нѣсколько словъ о безпорядкахъ среди временно-обязанныхъ крестьянъ въ Курскомъ уѣздѣ. Первое извѣстіе о безпорядкахъ здѣсь прислано было въ Курскъ въ началѣ іюня 1862 года. Произошли они въ селѣ Плаксинѣ. Именно мировой посредникъ началъ вводить 30-го мая уставную грамоту. Крестьяне не приняли ее. Тогда, 31-го мая, всѣ они были собраны на площади, вызванъ сюда волостной старшина. Мировой посредникъ объявилъ крестьянамъ и старостѣ ихъ общества, что уставную грамоту, надлежащимъ образомъ составленную и провѣренную, они должны принять.

На это послѣдовалъ единогласный отказъ.

— Намъ, говорили плаксинцы, земля отводится тамъ, гдѣ мы не желаемъ.

Мировой посредникъ увѣщевалъ ихъ и предупреждалъ, что за неповиновеніе они могутъ подвергнуться строгому наказанію. Кромѣ того, плаксинцамъ былъ данъ день для того, чтобы они могли одуматься и разсудить о текущихъ дѣлахъ.

1-го іюня былъ снова собранъ сельской сходъ. Мировымъ посредникомъ были прочитаны тѣ статьи Положенія, которыя относятся къ уставной грамотѣ и объяснена эта грамота. Но крестьяне опять-таки отказались отъ принятія грамоты. Тогда мировой посредникъ, и безъ согласія крестьянъ, призналъ ее окончательно введеной, передалъ ее сельскому старостѣ. Староста взялъ въ руки грамоту, но сейчасъ же положилъ ее на стоявшій возлѣ дома стулъ и сказалъ, что такъ какъ общество не согласно на уставную грамоту, то онъ приказа не беретъ. Мировой посредникъ обратился къ волостному старшинѣ и приказалъ внушить крестьянамъ и старостѣ повиновеніе и смотрѣть, чтобы уставная грамота исполнялась. Старшина взялъ грамоту въ руки. Посредникъ вошелъ въ домъ и сѣлъ къ окну, гдѣ и занялся письменной работой. Черезъ четверть часа посредникъ у окна увидѣлъ старшину, который на глазахъ посредника бросилъ грамоту на землю.

— Я противъ общества не пойду!—объявилъ старшина.

Общество крестьянъ разошлось. Мировому посреднику ничего другого не оставалось, какъ составить о происшедшемъ протоколъ. Бывшій съ нимъ исправникъ Курскаго уѣзда отправилъ донесеніе губернатору, въ которомъ, между прочимъ, сообщилъ, что плаксинскіе временно-обязанные крестьяне, не смотря на происшедшіе между ними безпорядки, продолжали надлежащимъ образомъ отбывать полевыя работы въ пользу помѣщика. Тѣмъ не менѣе исправникъ высказалъ въ донесеніи, что онъ «приводить ослушниковъ и зачинщиковъ къ повиновенію не можетъ иначе, какъ при посредствѣ военной силы». По мнѣнію тогдашняго курскаго исправника, присутствіе на мѣстѣ военной команды можетъ имѣть значительное нравственное вліяніе и тогда можно будетъ производить разнаго рода взысканія чрезъ полицейскихъ служителей при мѣстномъ становомъ приставѣ, по указанію мирового посредника. На донесеніи исправника послѣдовала губернаторская отмѣтка: «Просить мирового посредника уничтожить ни къ чему неведущій протоколъ. Полковнику Бодиско написать о немедленномъ командированіи эскадрона въ село Плаксино на продовольствіе и фуражъ поселянъ впредь до особаго распоряженія».

Эскадронъ Астраханскаго драгунскаго полка не замедлилъ явиться къ плаксинцамъ. Но «нравственное» вліяніе его на первыхъ порахъ, вопреки убѣжденію исправника, не было значительно. 4-го іюня мѣстный мировой посредникъ писалъ Дену: «Не смотря

на приходъ въ Плаксино военной команды, на всѣ возможныя мои увѣщанія и условія, предлагаемыя помѣщикомъ, общество временно-обязанныхъ крестьянъ не согласилось отбывать повинности по уставной грамотѣ». Посредникъ просилъ губернатора поскорѣе выслать изъ Курска члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія для успокоенія крестьянъ. Губернаторъ сдѣлалъ необходимыя въ этомъ случаѣ распоряженія. И согласно съ этими распоряженіями въ Плаксинѣ дѣйствовали полицейскія власти и военная команда; что касается до мирового посредника, то о немъ Денъ отозвался такъ: «его присутствіе въ Плаксинѣ только усложняетъ дѣло»... Эскадронъ Астраханскаго драгунскаго полка довольно долго стоялъ въ Плаксинѣ. Но уже 6-го іюня эскадронный командиръ довелъ до свѣдѣнія начальства о томъ, что довольствіе отъ плаксинцевъ получать весьма трудно. «Село состоитъ,—писалъ онъ,—изъ 18 дворовъ; 12 изъ нихъ послѣ пожара несовсѣмъ еще отстроены... Жители даютъ нижнимъ чинамъ только хлѣбъ и квасъ и то въ недостаточномъ количествѣ. Земская полиція фуража нашла всего $5^1/_2$ четв. овса и 35 пуд. сѣна»... Командиръ просилъ въ Плаксинѣ оставить одинъ только взводъ. Когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія губернатора, то онъ призналъ за лучшее—весь эскадронъ вывести изъ Плаксиной; тѣмъ болѣе, что плаксинцы къ тому времени приняли уже уставную грамоту.

2.

Въ апрѣлѣ 1862 года уставная грамота должна была быть введена въ селѣ Дунайкѣ Грайворонскаго уѣзда. Мѣстный мировой посредникъ пріѣхалъ 22-го апрѣля въ это село для повѣрки уставной грамоты. Здѣсь онъ, собравши полный сельскій сходъ, прочиталъ крестьянамъ уставную грамоту. Общество крестьянъ не возражало противъ отдѣльныхъ статей грамоты; поэтому, закончивъ чтеніе, посредникъ предложилъ вопросъ:

— Желаете ли вы остаться на издѣльной повинности, или перейти на оброкъ?

Отвѣтъ общества крестьянъ былъ такой:

— На царское положеніе желаемъ!

Посредникъ зналъ, что подъ словомъ царское положеніе крестьяне разумѣютъ выкупъ полевого надѣла и усадебной осѣдлости и разъяснилъ имъ, что прежде чѣмъ они, при содѣйствіи правительства, выкупятъ свои полевыя и усадебныя угодья, они должны избрать одну изъ предлагаемыхъ имъ повинностей за пользованіе помѣщичьей землей—издѣльную, или оброкъ; далѣе, что содѣйствіе свое правительство предлагаетъ только крестьянамъ, перешедшимъ на оброкъ.

Крестьяне возразили:

— Пускай царь заплатитъ за землю помѣщику, которая отходитъ въ наше пользованіе, всю сумму сполна, а потомъ мы будемъ уплачивать по частямъ.

Мировой посредникъ замѣтилъ крестьянамъ, что правительство, при полномъ надѣлѣ, гарантируетъ только 80 коп. за рубль, а остальные затѣмъ 20 коп. должны внести крестьяне; затѣмъ онъ указалъ на льготы, какія предлагаетъ имъ помѣщикъ, въ случаѣ, если они примутъ уставную грамоту.

Тѣмъ не менѣе крестьяне говорили одно:

— Якъ царь велитъ, такъ и будемо, а мы желаемъ ни на что, кромѣ какъ на царское положеніе.

Мировой посредникъ два раза давалъ крестьянамъ время подумать и посовѣтоваться другъ съ другомъ, высылалъ къ нимъ волостного старшину и старосту; однако, все это было напрасно. Присутствовавшій здѣсь становой приставъ сказалъ крестьянамъ:

— Мы всѣ чиновники-исполнители царской воли, мы васъ не обманываемъ, да и не смѣемъ перетолковывать волю государя...

— Нехай царь намъ прикажетъ... послѣдовалъ на это отвѣтъ.

— Но царю нельзя же объѣхать всѣ общества и самому передавать свою волю, и для этого онъ уполномочиваетъ чиновниковъ.

— Если царь захочетъ, то передастъ намъ свою волю по слухамъ,—отвѣчали крестьяне.

Мировой посредникъ указалъ на недавно бывшую экзекуцію въ Славгородѣ Харьковской губерніи, отстоящемъ отъ Дунайки на 10 верстъ. Но толпа говорила:

— Что Богъ дастъ! Вѣдь тѣ же остались живы.

Послѣ этихъ словъ посредникъ предложилъ крестьянамъ пріостановиться введеніемъ грамоты еще на одну недѣлю, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе этого времени они могли прочитать еще разъ Положеніе и получилъ въ отвѣтъ:

— Мы слушали уже Положеніе и согласились уже на одно[1]), а стало быть и теперь, и черезъ недѣлю, скажемъ то же самое.

Тогда мировой посредникъ обо всемъ происшедшемъ увѣдомилъ губернатора, причемъ высказалъ слѣдующую просьбу: «прошу сдѣлать зависящее распоряженіе о прекращеніи зла въ самомъ его началѣ. Село Дунайка, по числу душъ, одно изъ большихъ имѣній Дунайской волости, а потому безнаказанность крестьянъ дунайскаго общества можетъ имѣть дурной примѣръ для сосѣднихъ имѣній Грайворонскаго уѣзда и тѣмъ послужитъ препятствіемъ къ мирному введенію уставныхъ грамотъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ мировой посредникъ написалъ Дену слѣдующее небезъинтересное письмо: «Препровождая вашему превосходительству актъ, составленный мною и другими присутствовавшими на самомъ мѣстѣ, въ селѣ

---

[1]) «Царское положеніе».

Дунайкѣ, я считаю долгомъ высказать тѣ данныя, на которыхъ я основывалъ составленіе акта. Славгородская экзекуція оставила свое вліяніе на сосѣднія имѣнія и этому единственно вліянію я приписываю то спокойствіе и видимую тишину, которыя сохранились во все время объясненія моего съ крестьянами. Превратные толки, распространившіеся между крестьянами нашего уѣзда, источникомъ которыхъ служитъ подговариваніе шереметевскимъ крестьяниномъ солохинской волости «Слѣпа-Баба» другихъ переходить въ Крымъ на казенныя земли, для чего будто бы онъ уполномоченъ записывать охотниковъ самимъ государемъ, рѣшительно порождаютъ сомнѣніе въ обществахъ крестьянскихъ: они положительно увѣрены, что мы ихъ обманываемъ, что Положеніе сдѣлано для господъ и въ видахъ ихъ пользы, что истинная и священная воля государя можетъ доходить до нихъ только чрезъ избранныхъ лицъ (какъ Слѣпа-Баба). Владѣлецъ Чеповскій сегодня заявилъ мнѣ словесную жалобу, что и его дворовые люди пришли и требуютъ настоятельно—выдать имъ увольнительные акты, иначе они подадутъ «желаніе» на переселеніе въ Крымъ крестьянину «Слѣпа-Баба». Такое направленіе убѣжденій крестьянъ должно быть по моему мнѣнію сейчасъ же уничтожено; если же это оставить безъ вниманія, то можно разсчитывать, что они еще больше убѣдятся въ правильности своихъ дѣйствій. Къ крайнему удивленію моему, повторяю, крестьяне высказывали свое мнѣніе и желаніе съ совершеннымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, оставаясь непреклонными въ одномъ и томъ же желаніи перейти на «царское положеніе». Это доказываетъ ихъ твердую увѣренность, что иначе и быть не можетъ. Все, что бы я ни говорилъ, ни разъяснялъ, все они выслушивали съ должнымъ вниманіемъ, но затѣмъ вслѣдъ же вѣжливо и кротко отвѣчали:

— «Какъ вамъ угодно, а мы желаемъ на «царское положеніе».

«Такая кротость и вѣжливость ихъ, писалъ мировой посредникъ совершенно обезоруживаютъ меня. Трудно найти ихъ слабую сторону, узнать, чего именно они не понимаютъ и въ чемъ желали бы разъясненія; все, говорю, они понимаютъ, но стоятъ на одномъ. Врагъ всякихъ наказаній тамъ, гдѣ на сценѣ является непониманіе, недоразумѣніе, я здѣсь, однако же, считалъ бы совершенно умѣстнымъ назначеніе, хотя бы на короткое время постоя воинской команды. Этою мѣрою, за отсутствіемъ всякихъ наказаній тѣлесныхъ, можно было бы нравственно подѣйствовать на нихъ и показать, какъ имъ, такъ и сосѣднимъ имѣніямъ, что упорство не остается безнаказаннымъ; ибо они совершенно увѣрены, что если и была экзекуція въ Славгородѣ, то причиною ея были безпорядки въ обществѣ и грубости крестьянъ, но никакъ не желаніе остаться на «царскомъ положеніи», высказанное хотя и упорно, но мирно; поэтому-то они такъ хитро и приняли методу вести себя во сто

кратъ вѣжливѣе обыкновеннаго. Вы знаете, ваше превосходительство, мое направленіе, знаете, насколько я снисходителенъ къ неразвитости крестьянъ, увѣрены и въ томъ, что я не позволилъ бы себѣ просить о томъ, чтò вы считаете за мѣру въ крайнихъ только случаяхъ, но я здѣсь, положа руку на сердце, не нахожу другой дѣйствительной мѣры, какъ высказанной вамъ. Съ прискорбіемъ оканчиваю письмо, съ прискорбіемъ повторяю потому, что вступая на службу, я не ожидалъ просить когда-нибудь и о какихъ-либо наказаніяхъ крестьянамъ, но сознаю, что иначе нельзя. Пусть эта мѣра—постой—сама по себѣ еще не крайняя, и неслишкомъ тягостная для нихъ, послужитъ къ лучшему, приведетъ ихъ къ тому спокойному, раціональному и полезному положенію крестьянъ, которое я ожидаю въ будущемъ ихъ устройствѣ. Мнѣ жаль крестьянъ, они, сами того не сознавая, не желаютъ принять мирно всѣхъ благодѣяній, которыя оказалъ имъ Монархъ; но чтобы они чрезъ это несознаніе не довели себя подчасъ до болѣе строгихъ наказаній, будемъ обращаться съ ними, какъ съ дѣтьми, будемъ наставлять ихъ... Нельзя не вспомнить великой истины и не примѣнить ея къ нашимъ крестьянамъ, что **они плачутъ, какъ дѣти, когда имъ моютъ головы**».

На сообщеніи этомъ губернаторъ надписалъ: «Посреднику должно быть стыдно писать такую ерунду; если крестьяне не принимаютъ грамоты, то мировой посредникъ обязанъ передать копію съ нея на храненіе въ волостное правленіе и объявить, что всякое по ней, т. е. грамотѣ, неисполненіе повлечетъ за собой штрафъ денежный, или еще болѣе строгое наказаніе... Мирового посредника попросить ко мнѣ немедленно пріѣхать. Распоряженія поэтому никакого не надо дѣлать».

Мировой посредникъ въ маѣ пріѣзжалъ въ Курскъ и являлся къ губернатору. Губернаторъ нашелъ, что необходимо въ урочномъ положеніи сдѣлать измѣненія, чтò можетъ благодѣтельно подѣйствовать на крестьянъ.

Возвратившись на мѣсто, мировой посредникъ вновь собиралъ крестьянъ Дунайки и предлагалъ имъ исполнять примѣненное урочное положеніе. Но они отказались. Уставная грамота была введена лишь тогда, когда въ Дунайку были введены уланы одного изъ конныхъ полковъ квартировавшихъ въ Курской губерніи.

3.

3-го апрѣля 1862 года, мировой посредникъ **перваго участка** Корочанскаго уѣзда прибылъ въ слободу Козьмодемьянскую для приведенія въ дѣйствіе уставной грамоты въ имѣніи баронессы Сердобиной. Здѣсь онъ, при полномъ собравшемся обществѣ временно-обязанныхъ крестьянъ, прочиталъ уставную грамоту, а затѣмъ копію съ нея передалъ уполномоченнымъ отъ общества.

Но собранные крестьяне отказались принять грамоту. Посредникъ сталъ имъ дѣлать разъясненія; но крестьяне отвѣчали:

— Два года мы будемъ работать такъ, какъ прежде работали, а тамъ какъ Богъ дастъ.

Посредникъ хотѣлъ отдать копію съ уставной грамоты сельскому старостѣ; но онъ не взялъ ея, отговариваясь тѣмъ, что общество запретило ему брать ее. Дѣйствительно, толпа закричала:

— Не смѣй брать грамоты! Мы не приказываемъ!

Тогда посредникъ уѣхалъ изъ слободы и о случившемся сообщилъ губернатору. Денъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Сію минуту,—предписаніе командиру Бѣлорусскаго гусарскаго полка о командированіи эскадрона въ Козьмодемьяновку,—и, по приведеніи крестьянъ въ порядокъ, заставить ихъ просить прощенія у мирового посредника и непремѣнно принять грамоту».

7-го апрѣля, вечеромъ, въ слободу Козьмодемьянскую пріѣхали исправникъ, судебный слѣдователь и мировой посредникъ. Слѣдомъ за ними примчались гусары Бѣлорусскаго полка. Крестьянамъ было приказано собраться на слѣдующій день. 8-го апрѣля была отслужена обѣдня, а затѣмъ собрался сельскій сходъ. Чтò здѣсь происходило, мы передадимъ со словъ мирового посредника, написавшаго сообщеніе губернатору.

«Мы,—говоритъ посредникъ,—объявили крестьянамъ приказаніе вашего превосходительства принять копію съ уставной грамоты; но крестьяне отказывались и объяснили, что если они возьмутъ ее, то уже лишаются права жаловаться на составленіе ея. Грамота составлена для нихъ невыгодно, они не снесутъ работъ по урочному положенію.

«Мы убѣждали крестьянъ съ 9-ти до 2-хъ часовъ, объясняли мы какому наказанію они могутъ подвергнуться за ослушаніе и неповиновеніе властямъ, причемъ прочитаны были изъ XV тома св. зак. уголовн. относящіяся къ этому предмету статьи, но всѣхъ этихъ убѣжденій они не слушались и были отпущены съ тѣмъ, чтобы они подумали обо всемъ, что имъ было сказано и собрались бы на другой день, послѣ обѣдни».

Утромъ 9-го апрѣля, когда сошлись крестьяне, на площади красовался уже эскадронъ. Посредникъ, слѣдователь и исправникъ находили, что онъ на крестьянъ можетъ имѣть моральное вліяніе. Среди крестьянъ былъ замѣченъ человѣкъ, державшій въ обѣихъ рукахъ икону. Онъ оказался Иваномъ Гузіевымъ, извѣстнымъ посреднику потому, что еще въ февралѣ за ослушаніе и неповиновеніе былъ наказанъ розгами.

— Зачѣмъ ты вынесъ икону?—спросилъ у Гузіева исправникъ.

Тотъ молчалъ. Крестьянъ начали убѣждать. Тѣ кричали одно:

— Не возьмемъ копіи!

Эскадронъ окружилъ крестьянъ. Тогда было приказано глав-

ныхъ зачинщиковъ вывести изъ толпы. Вывели двухъ человѣкъ. Ихъ взяли подъ арестъ. Потребовали Гузіева. Но онъ не хотѣлъ выходить. Крестьяне закричали:

— Не дадимъ его!

Исправникъ скомандовалъ разсыльнымъ взять Гузіева силой.

Вся толпа бросилась его не давать. Со всѣхъ сторонъ неслись крики:

— Не выдавай, не выдавай! За что̀ мучать православныхъ?

Въ это время прорвавшіеся сквозь цѣпь эскадрона болѣе 20 человѣкъ вмѣстѣ съ арестованными вбѣжали во дворъ, но тамъ были окружены гусарами и посажены подъ караулъ. Кромѣ того, двое изъ зачинщиковъ были взяты и наказаны розгами по 20 ударовъ. Это повліяло,—говоритъ мировой посредникъ,—на крестьянъ. Они изъявили согласіе принять копію, но съ тѣмъ, чтобы имъ позволили предварительно посовѣтоваться съ арестованными, въ томъ числѣ и съ Гузіевымъ. Это было исполнено. Тогда крестьяне приняли копію, дали подписку исполнять урочное положеніе и просили прощенія у мирового посредника. Затѣмъ арестованные были наказаны розгами, а Гузіева препроводили въ тюремный за̀мокъ для преданія уголовному суду, какъ подстрекателя къ неповиновенію властямъ.

Несомнѣнно, что губернаторъ остался доволенъ сообщеніемъ о принятіи крестьянами слободы Козьмодемьянской уставной грамоты. Но въ одинъ день съ этимъ сообщеніемъ онъ получилъ рапортъ командира Бѣлорусскаго гусарскаго полка, Траубенберга, въ которомъ сообщалось слѣдующее непріятное извѣстіе: «На площади, гдѣ производилось наказаніе виновныхъ, собралось много государственныхъ крестьянъ другихъ деревень, которые были разогнаны, а крестьяне слободы Терновой, спрятавшись за ограду церкви, бросали въ солдатъ и офицеровъ каменьями». Командиръ прибавилъ, что объ этомъ фактѣ, согласно 853 ст. III части I книги свода военныхъ постановленій, имъ сдѣлано донесеніе государю императору. На сообщеніи командира Денъ написалъ: «Почему исправникъ ничего мнѣ не доноситъ о каменьяхъ? Желательно правды».

Крестьяне въ имѣніи баронессы Сердобиной, послѣ усмиренія волненія среди нихъ, продолжали съ покорностью исполнять урочное положеніе, какъ объ этомъ извѣщали губернатора донесенія исправниковъ. Впрочемъ, въ слободѣ Козьмодемьянской долгое время квартировалъ эскадронъ гусаръ. Между тѣмъ дѣло о каменьяхъ, брошенныхъ въ солдатъ, продолжалось. На губернаторскій запросъ исправникъ и мировой посредникъ отвѣчали, что они не видѣли, чтобы государственные крестьяне села Тернова бросали камни. Командиръ Бѣлорусскаго полка самъ ѣздилъ въ Козьмодемьянскую слободу и довелъ до свѣдѣнія губернатора, что

онъ «убѣдился, что крестьяне деревни Терновой дѣйствительно бросали камни изъ-за церковной ограды въ офицеровъ и солдатъ». Денъ просилъ барона Сердобина описать самымъ точнымъ образомъ, какъ происходило 8-го апрѣля. Сердобинъ отвѣчалъ слѣдующимъ подробнымъ письмомъ [1]): «Полковникъ Траубенбергъ сообщилъ мнѣ бумагу отъ вашего превосходительста, гдѣ вы ему объясняете (dites), что рапортъ эскадроннаго командира не согласенъ съ рапортомъ судебнаго слѣдователя, исправника и мирового посредника. Скажу о томъ, чего я былъ очевидцемъ (témoin oculaire). Въ первый день праздника судебный слѣдователь, собравши крестьянъ послѣ обѣдни, убѣждалъ ихъ повиноваться закону, указывая имъ на послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собою бунтъ (révolté). Ему отвѣчали неповиновеніемъ и дерзостями. На другой день на площадь села прибылъ эскадронъ. Когда крестьяне были окружены солдатами, то толпа двинулась сама на солдатъ; одинъ изъ нихъ, зачинщикъ сборища, несъ икону, другой—хлѣбъ-соль, третій красныя яйца (l'un d'eux, le chef du tumulte, portant une image, ayant à côté de lui un paysan portant le pain et le sel, un autre des oeufs de Pâques). Они пали на колѣни предъ солдатами и говорили имъ:

— «Не забывайте, вы намъ братья.

«Эскадронный командиръ прогналъ этихъ крестьянъ. Судебный слѣдователь вновь началъ убѣждать крестьянъ, но напрасно. Тогда, по его приказанію, разсыльные исправника арестовали Гузіева, зачинщика всѣхъ безпорядковъ. Тогда произошла шумная сцена. (Il se passa alors une scène du tumulte). Часть крестьянъ хотѣла воспротивиться арестованію Гузіева и устремилась сквозь цѣпь эскадрона (se precipitèrent à travers les cheveaux). Тогда офицеръ и нѣсколько солдатъ пошли впередъ и нѣсколько человѣкъ было арестовано. Тогда государственные крестьяне деревни Терновой зашумѣли и полѣзли на стѣны (commencèrent a monter sur les murs). Одинъ изъ офицеровъ и нѣсколько солдатъ получили приказаніе разсѣять терновцевъ. Крестьяне встрѣтили ихъ палками и камнями. Жаль, что судебный слѣдователь не задержалъ нѣкоторыхъ изъ этихъ негодяевъ (coquin). Объ этомъ я просилъ исправника; но эти господа не сочли нужнымъ сдѣлать этого. Я могу отдать должную справедливость терпѣнію и умѣренности, которую выказали при этомъ гг. офицеры и солдаты гусарскаго полка. Они достойны похвалы. Но не могу этого сказать о гг. чиновникахъ. Они не оправдали вашего высокаго довѣрія. Не понимаю, почему они не донесли о поведеніи жителей деревни Терновой. Въ настоящее время мои крестьяне спокойны; но волненіе

---

[1]) Письмо написано на французскомъ языкѣ. Мы передаемъ его въ переводѣ.

таится. Депутація крестьянъ только-что отправилась въ Петербургъ...»

Кромѣ барона Сердобина, Денъ просилъ корочанскаго предводителя, чтобы онъ откровенно высказалъ свое мнѣніе о безпорядкахъ въ Козьмодемьянской слободѣ.

«Мнѣ кажется,—писалъ предводитель,—что слѣдовало бы къ мѣсту дѣйствія вызвать старостъ или добросовѣстныхъ другихъ деревень той же волости, чтобы они могли съ достовѣрностью, какъ свидѣтели, передать, что именно происходило. Оставлено безо всякаго преслѣдованія общество крестьянъ деревни Терновой, участвовавшее въ подстрекательствѣ и поддержкѣ бунтовавшихъ, слышны были возгласы: «Когда это перевѣшаютъ пановъ!»

«Въ нашемъ уѣздѣ есть порядочные люди, какъ, напр., мировой посредникъ, но теоретики, и нѣтъ лица, обладающаго практическимъ знаніемъ дѣйствительной жизни. Другого—слѣдователя нашего уѣзда я считаю хорошимъ человѣкомъ, но болѣе для общества, особенно гусаръ; увеличеніе дѣлъ въ его участкѣ служитъ, кажется, подтвержденіемъ справедливости моего замѣчанія. Вдобавокъ у него преобладаетъ духъ филантропіи въ размѣрѣ, сбивающемъ его съ служебнаго такта. Для блага уѣзда смѣю сказать: если бы товарищемъ посредника былъ честный практикъ, то служба видимо выиграла бы».

Такъ какъ дѣло о брошенныхъ въ гусаръ камняхъ было доведено до высочайшаго свѣдѣнія, то курскому жандармскому полковнику поручено было на мѣстѣ произвести разслѣдованіе о совершившемся фактѣ.

Разслѣдованіе жандармскаго полковника подтвердило донесеніе командира гусарскаго полка. Камни были брошены. Это видѣли гусарскіе офицеры; одинъ изъ нихъ заявилъ, кромѣ того, что онъ видѣлъ, какъ около солдатъ пролетѣла брошенная кѣмъ-то желѣзная скоба... Тогда губернаторъ предписалъ корочанскому уѣздному суду произвести формальное слѣдствіе и найти виновныхъ. Зачинщикъ же возмущенія Иванъ Гузіевъ былъ преданъ военному суду.

Командиръ Бѣлорусскаго гусарскаго полка довелъ до свѣдѣнія командующаго 4-ю кавалерійскою дивизіей о поврежденіяхъ, полученныхъ нижними чинами отъ каменьевъ. Командующій препроводилъ эту бумагу губернатору. Чтò же сдѣлали эти каменья? Отъ нихъ потерпѣли четыре человѣка гусаръ. У перваго появилась царапина на локтѣ, у второго выше брови небольшая царапина, у третьяго выше локтя небольшое красное пятно, у четвертаго царапина подъ колѣномъ. Больше ничего! Получивши такія свѣдѣнія, Денъ справедливо замѣтилъ насчетъ командира гусарскаго полка:

— Вотъ и оказывается вздоръ, о которомъ порядочные люди не говорятъ.

Такъ какъ козьмодемьянскіе крестьяне, какъ мы видѣли выше, приняли уставную грамоту, то эскадронъ изъ ихъ слободы былъ выведенъ. Но въ сентябрѣ въ слободу опять явились гусары. Дѣло въ томъ, что 3-го сентября гумно, принадлежавшее баронессѣ Сердобиной, было подожжено и сгорѣло до тла. Власти потребовали отъ общества выдачи виновныхъ въ поджогѣ. Общество не выдало. И вотъ въ наказаніе въ Козьмодемьяновкѣ былъ расквартированъ второй эскадронъ гусарскаго полка, который и находился на полномъ содержаніи слобожанъ. Эскадронъ квартировалъ цѣлый мѣсяцъ, пока козьмодемьяновцы не обратились съ просьбой къ губернатору объ удаленіи эскадрона, говоря: «если эскадронъ простоитъ въ нашей слободѣ долгое время, то общество наше лишится всего своего состоянія». При этомъ козьмодемьяновцы обѣщались выдать виновныхъ въ поджогѣ гумна. Прошеніе имѣло успѣхъ и эскадронъ вышелъ изъ слободы.

4.

Весною 1862 года общество временно-обязанныхъ крестьянъ слободы Сабыниной, находящейся въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, отправилось въ поле и тамъ начало дѣлить между собою господскую землю. Владѣлецъ, узнавши объ этомъ, поскорѣе послалъ за мировымъ посредникомъ. Тотъ пріѣхалъ на мѣсто дѣлежа земли и, по его словамъ, окончилъ дѣло самымъ миролюбивымъ образомъ, убѣжденіемъ и разъясненіемъ заставилъ крестьянъ сознаться въ своей винѣ и оштрафовалъ одного изъ главныхъ виновниковъ передѣла рублемъ, а сельскаго старосту двумя рублями.

Спустя нѣсколько времени, по распоряженію помѣщика были набиты ракитовыя колья по берегу ручья и около водяной мельницы, которая всегда была въ одномъ только владѣніи помѣщика. Крестьяне немедленно отправили къ мировому посреднику выборныхъ, чтобы узнать: законно ли поступилъ помѣщикъ, или нѣтъ? «Меня, говоритъ посредникъ, подобная выходка крестьянъ немало удивила, но, объяснивъ имъ права владѣльца, я окончательно воспретилъ имъ вмѣшиваться въ его распоряженія».

Лѣтомъ между крестьянами слободы Сабыниной распространилась молва, что будто бы тѣ изъ крестьянъ, которые не изъявятъ добровольныхъ соглашеній, не будутъ лишены права на раздѣлъ всей помѣщичьей земли и послѣ срочнаго часа[1]) получать, кромѣ

---

[1]) Извѣстно, что дворовые люди, получивъ свободу 19 февраля 1861 года, окончательно были освобождены лишь черезъ два года. Крестьяне положеніе о дворовыхъ примѣнили къ себѣ и въ 1863 году ожидали окончательной свободы, т. е. совершеннаго прекращенія временно-обязаннаго состоянія и полученія земли. 19-е февраля 1863 года у нихъ получило названіе «срочнаго часа». Выраженіе это въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Курской губерніи измѣнилось въ

той земли, которую пахали, еще по $2^3/_4$ десятины царскаго надѣла; тѣ же, которые изъявятъ полное согласіе, лишены будутъ всѣхъ этихъ правъ и останутся только на той землѣ, которою они владѣли и будутъ исполнять издѣльную или денежную повинность. Когда молва объ этомъ распространилась среди сабынинцевъ, то они объявили помѣщику, что урочнаго положенія исполнять не будутъ, а послѣ срочнаго часа вся земля—ихъ.

Тогда помѣщикъ просилъ мирового посредника ввести поскорѣе уставную грамоту. Составленъ былъ проектъ ея. Крестьянское общество согласилось ее принять. Между тѣмъ ночью, подъ тотъ день, когда грамота должна была быть окончательно принята, къ сельскому старостѣ прибѣжалъ объѣздчикъ въ лѣсу, крестьянинъ Павелъ Чижовъ, и закричалъ:

— Пропали мы, что дали руки; насъ закабалили на вѣкъ... Скорѣй собирай міръ...

Сельскій староста велѣлъ Чижову замолчать...

— Въ холодную посажу,— пригрозилъ онъ объѣздчику.

— Ты, я вижу, подкупленъ,—замѣтилъ тотъ,—и все общество продалъ.

— Кто тебѣ сказалъ объ этомъ, откуда ты это взялъ? — спросилъ староста.

— А слышалъ я это отъ купца, который былъ въ то время на лѣсопильнѣ.

На другой день мировой посредникъ ввелъ уставную грамоту и потребовалъ работъ по урочному положенію. Крестьяне согласились. «Къ 10 часамъ вечера сходъ былъ оконченъ и я, говоритъ мировой посредникъ, собирался лечь отдохнуть. Вдругъ, слышу, толпа народа съ крикомъ окружила мою квартиру...

«Не случилось ли какого-нибудь несчастія, подумалъ я и выслалъ узнать. Мой посланный возвратился съ такими словами:

— «Общество пришло требовать обратно актъ, подписанный ихъ уполномоченными.

«Тогда я вышелъ къ крестьянамъ, потребовалъ грамоту, прочиталъ ее по пунктамъ и послѣ каждаго пункта спрашивалъ:

— «Правильно ли?

«Общество соглашалось съ тѣмъ, что читается то же, что̀ и подписали его уполномоченные. Послѣ долгихъ убѣжденій и разъясненій крестьяне успокоились и разошлись по домамъ».

Но потомъ, когда посредникъ сталъ имъ надѣлять землю, то крестьяне разошлись съ нимъ во взглядахъ: посредникъ считалъ надѣляемую землю удобною, крестьяне—нѣтъ. Въ этомъ они оста-

---

«случный часъ» и «судный часъ». Изъ-за срочнаго часа было не мало волненій; многіе думали, что, принявши уставную грамоту, они потеряютъ право па льготы срочнаго часа.

лись непреклонны и отказались принять въ надѣлъ землю, признанную ими неудобною. Тогда посредникъ просилъ у губернатора строгихъ мѣръ: расквартированія эскадрона гусаръ Лубенскаго полка, пока крестьяне не примутъ надѣляемую имъ землю. Денъ согласился и написалъ на прошеніи мирового посредника: «Разрѣшить принять необходимую строгую мѣру; я вполнѣ надѣюсь, что благоразуміе и предусмотрительность посредника и исправника не доведутъ до столкновенія, какъ это произошло въ Новооскольскомъ уѣздѣ . . . . . . въ Ольшанкѣ»[1]).

Эскадронъ былъ расквартированъ на полномъ содержаніи сабынинскаго общества. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, уполномоченные общества подали прошеніе губернатору. Въ немъ крестьяне говорятъ: «по уставной грамотѣ предположено къ выдѣлу земли на 194 ревизскихъ души 408 десятинъ. Земля эта неудобная, безъ водопоя, по грунту своему глинистая, притомъ одинъ изъ участковъ этой земли отстоитъ отъ нашего селенія на разстояніи 10-ти верстъ. Мы просили г. мирового посредника надѣлить насъ удобною землею. Онъ намъ въ этомъ отказалъ. Послѣ этого къ намъ былъ поставленъ эскадронъ солдатъ, неизвѣстно для какой цѣли. Эскадронъ этотъ находится на полномъ нашемъ иждивеніи, дѣйствуетъ самовольно и незаконно. Отъ него мы терпимъ сильнѣйшее обремененіе. Нижніе чины этого эскадрона берутъ у насъ барановъ, куръ и яйца безо всякаго возмездія, независимо сего берутъ лошадей для своихъ надобностей, безо всякаго законнаго права и прогоновъ, а также самовольно берутъ съ полей сѣно, овесъ и другой хлѣбъ для корма своихъ лошадей, чѣмъ до крайности насъ обидѣли и, кромѣ того, угрожаютъ продажей нашего скота для своихъ надобностей».

Крестьяне просили вывести изъ ихъ слободы эскадронъ и надѣлить ихъ удобною землею. Прошеніе было губернаторомъ препровождено въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Присутствіе предложило посреднику надѣлить сабынинцевъ землею изъ другихъ участковъ земли помѣщика.

5.

Въ маѣ 1862 года временно-обязанные крестьяне слободки Благовѣщенской и окрестныхъ деревень, находящихся во Льговскомъ уѣздѣ, получили уставныя грамоты отъ своихъ владѣльцевъ. Но и послѣ этого они не отбывали работъ на помѣщиковъ своихъ по урочному положенію, а работали попрежнему три дня въ недѣлю мужчины и два—женщины. Вслѣдствіе этого мировые посредники 2-го и 3-го участковъ Льговскаго уѣзда насчитали на крестьянскихъ обществахъ недоимку. Для уплаты этой недоимки стано-

[1]) Многоточіе въ подлинникѣ.

вымъ приставомъ была продана часть движимаго имущества крестьянъ двухъ деревень и деньги переданы владѣльцамъ имѣній. Крестьяне же Благовѣщенской слободки не допустили станового пристава до описи скота ихъ, въ чемъ ихъ поддержали приглашенные приставомъ сторонніе люди, такъ называемые добросовѣстные изъ села Шептуховки.

Узнавши объ этомъ, льговскій исправникъ выѣхалъ на мѣсто и успѣлъ взыскать съ благовѣщенцевъ недоимку. Добросовѣстныхъ же онъ высѣкъ розгами. Тогда началось отбываніе барщины по уставной грамотѣ. О происшествіи въ слободкѣ Благовѣщенской исправникъ увѣдомилъ губернатора и, между прочимъ, въ увѣдомленіи своемъ замѣтилъ: «почти во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ вводятся уставныя грамоты, крестьяне отказываются отъ исполненія по онымъ повинностей, а желаютъ продолжать работы попрежнему до двухъ лѣтъ. Это настойчивое желаніе основывается на ложномъ понятіи, которое составили себѣ крестьяне, что по истеченіи двухъ лѣтъ земля имъ будетъ дана даромъ, а если кто изъ нихъ подпишетъ грамоту или согласится работать по ней, тотъ лишится ожидаемаго».

Между тѣмъ благовѣщенцы только нѣсколько дней работали по урочному положенію. А затѣмъ опять стали выходить на работу по изстари заведенному порядку—три дня въ недѣлю. 12-го іюня исправникъ съ мировымъ посредникомъ отправились въ слободку Благовѣщенскую и убѣждали крестьянъ отбывать урочное положеніе. Имъ было приказано 13-го числа явиться на работы, 21 работнику для пахоты паровой земли, а 16 женщинамъ — полоть овесъ. Лишь только крестьяне вышли на улицу, какъ заявили, что 13-го числа (въ среду) они работать не будутъ. Посредникъ подтвердилъ свое приказаніе. Но крестьяне не послушались и не работали. На другой день посредникъ опредѣлилъ взыскать въ пользу экономіи 21 руб. 60 коп., а 14 человѣкъ крестьянъ подвергнуть наказанію розгами, что и было исполнено. Во время наказанія посредникъ твердилъ о томъ, что нужно исполнять урочное положеніе. Получившіе наказаніе говорили одно:

— Хоть засѣките, или въ тюрьму посадите, или въ Сибирь сошлите, а по наряду работать не будемъ, а будемъ попрежнему работать трехдневку до двухъ лѣтъ.

Исправникъ объ упорствѣ благовѣщенцевъ довелъ до свѣдѣнія губернатора и объяснилъ ему, что взысканіе за прогульные дни съ крестьянъ денегъ, предпринятое посредникомъ, который за два дня взыскалъ съ нихъ 110 руб. окончательно можетъ разорить крестьянъ. Интересна надпись Дена на донесеніи исправника: «Жаль, что вынужденнымъ нахожусь напомнить посреднику, что я не могу допустить двойныхъ наказаній—тѣлеснаго и денежнаго. Совершенно раздѣляю мнѣніе исправника, что непомѣрные штрафы, взыскиваемые посредникомъ, не только не ведутъ къ цѣли, но

удаляютъ отъ нея. Всѣ же подобныя здѣсь описаннымъ дѣйствія гг. мировыхъ посредниковъ ставятъ меня въ непріятнѣйшую необходимость дѣлать строгія взысканія, что также не можетъ служить къ упроченію довѣрія крестьянъ».

Въ этомъ же смыслѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ была составлена бумага къ посреднику. Его вниманіе было обращено на двойное наказаніе и непомѣрные штрафы. Тѣмъ не менѣе, пришлось предписать двинуть въ слободу Благовѣщенскую эскадронъ Астраханскаго драгунскаго полка, который до сего времени былъ на экзекуціи въ селѣ Плаксинѣ. Присутствіе эскадрона подѣйствовало на крестьянъ. Собранные на слободскую площадь, они упали на колѣни, просили помилованія и обѣщались исполнять урочное положеніе.

Исправникъ отпустилъ ихъ по домамъ, а самъ, пользуясь нахожденіемъ нѣкоторое время эскадрона въ слободѣ, ввелъ, вмѣстѣ съ мировымъ посредникомъ, уставныя грамоты въ сосѣднихъ селахъ и деревняхъ. По словамъ исправника, «эскадронъ драгунъ произвелъ сильное впечатлѣніе на умы крестьянъ». Поэтому онъ просилъ губернатора, чтобы эскадронъ совершилъ маршевое движеніе по уѣзду, въ видѣ угрозы для крестьянъ. Губернаторъ согласился. Получивши согласіе губернатора, исправникъ послалъ нарочнаго къ мировымъ посредникамъ, прося ихъ увѣдомить, въ какихъ именно селеніяхъ необходимо, по ходу крестьянскаго дѣла, присутствіе драгунъ. «Не дождавшись отъ нихъ увѣдомленія,—писалъ губернатору исправникъ,—я направилъ эскадронъ черезъ тѣ селенія, гдѣ хотя и не введены уставныя грамоты, но есть ложное толкованіе Положенія, вслѣдствіе того, что дворянинъ Северьяновъ писалъ крестьянамъ просьбы о выкупѣ земли именно чрезъ селенія Скрыжевку, Вышнюю Грунь, Надеждино и Густомой. При переходѣ драгунъ чрезъ эти мѣста, я объяснялъ крестьянамъ ихъ обязанности къ землевладѣльцамъ и всѣ послѣдствія за неисполненіе этихъ обязанностей. Отвѣтъ ихъ былъ такой:

— «До бѣды себя не допустимъ.

«На дорогѣ я,—говоритъ исправникъ,—получилъ отъ мирового посредника 1-го участка увѣдомленіе о томъ, что въ селѣ Фитижѣ необходимо присутствіе войска, вслѣдствіе неисполненія крестьянами условій уставныхъ грамотъ. Тогда я направилъ эскадронъ въ Фитижъ, куда и самъ прибылъ вечеромъ 8-го іюля. На другой день я узналъ, что прибытіе эскадрона не имѣло ожидаемаго вліянія на крестьянъ, а напротивъ, возникли между ними толки о томъ, что эскадрономъ только ихъ пугаютъ, и такъ какъ эскадронъ пришелъ безъ царскаго указа, то не имѣетъ у нихъ права оставаться.

«Между тѣмъ въ 12 часовъ дня болѣе 200 человѣкъ крестьянъ стояли на площади. Сюда пришелъ эскадронъ. Въ толпѣ крестьянъ были слышны рѣчи:

— «Стой плотнѣй, небойсь, всѣмъ головы не посрубять!

«Я и посредникъ начали убѣждать крестьянъ. Напрасно: они стояли на своемъ — работать трехдневку, до случнаго часа. Въ это время мировой посредникъ передалъ мнѣ о взысканіи денегъ съ общества фитижцевъ за прогульные дни и о наказаніи пяти человѣкъ зачинщиковъ розгами. Я объявилъ обществу требованіе мирового посредника. Толпа закричала:

— «Денегъ мы не отдадимъ и своихъ не выдадимъ!

«Крестьяне, которыхъ нужно было высѣчь, ушли въ средину толпы. Я убѣждалъ въ необходимости и законности исполненія приговора мирового посредника. Я приказалъ приговоренныхъ къ наказанію взять изъ толпы; но ихъ не давали. Тогда я просилъ эскадроннаго командира спѣшить нѣсколько человѣкъ драгунъ и взять виновныхъ. Но крестьяне кричали:

— «Стой плотнѣй, видѣли конныхъ, повидимъ и пѣшихъ.

«Когда драгуны стали тѣснѣе окружать толпу, то она ринулась впередъ для того, чтобы прорвать цѣпь. Этого сдѣлать не удалось и крестьяне всѣ попадали на землю, одинъ на другого, образовавъ груду тѣлъ. Этимъ они хотѣли спасти отъ наказанія присужденныхъ къ наказанію. Солдатамъ приказано было растащить упавшихъ на землю, что было сдѣлано, виновные взяты и сейчасъ же высѣчены».

По словамъ исправника, эти дѣйствія такъ повліяли на крестьянъ, что они просили прощенія и обѣщались повиноваться властямъ.

Губернаторъ, прочитавши донесеніе исправника, написалъ слѣдующую записочку «члену отъ правительства на мировыхъ съѣздахъ Васьянову»: «Иванъ Васильевичъ, васъ я покорнѣйше прошу произвести разслѣдованіе, въ чемъ заключалось вмѣшательство военной команды, бывшей въ Фитижѣ Льговскаго уѣзда. Въ чемъ обвинялись крестьяне и чѣмъ окончилось все дѣло? Точныя объ этомъ свѣдѣнія мнѣ необходимы; потому что до меня доходятъ хотя смутные, но невыгодные для мирового посредника слухи... Кромѣ того, я имѣю поводъ подозрѣвать исправника въ скрытіи отъ меня нѣкоторыхъ подробностей, недѣлающихъ чести ни мировому посреднику, ни исправнику».

И. В. Васьяновъ въ своемъ письмѣ къ Дену подтвердилъ почти всѣ факты, разсказанные исправникомъ въ его донесеніи. Дошедшіе до губернатора слухи оказались преувеличенными и невполнѣ достовѣрными. По словамъ И. В. Васьянова, роль мирового посредника въ Фитижѣ была пассивная, а исправникъ много повредилъ дѣлу своимъ разглагольствіемъ; не донесъ же онъ губернатору лишь о томъ, что во время свалки нѣсколько крестьянъ были слегка контужены. Тѣмъ дѣло и кончилось.

6.

Во время полевыхъ работъ, лѣтомъ 1862 года, болѣе всего было жалобъ на временно-обязанныхъ крестьянъ со стороны помѣщиковъ на плохое и нерадивое исполненіе полевыхъ работъ. Такъ, напримѣръ, мировой посредникъ 2-го участка Новооскольскаго уѣзда писалъ 4-го августа Дену: «Въ теченіе іюля жалобы владѣльцевъ на дурное выполненіе работъ крестьянами и на прогульные дни не прекращались. Малѣйшее снисхожденіе крестьяне употребляютъ во зло. Въ троицкой экономіи не выходили на господскую работу въ нѣкоторые дни произвольно по 43 человѣка и работы производились плохо. Въ артельной экономіи 236 десятинъ вспахали совершенно дурно, сѣна отъ дурной уборки пропало также весьма много, и я вынужденъ былъ самъ ѣздить по полямъ и постоянно держать въ полѣ волостныхъ старшинъ, чтобы къ концу мѣсяца пополнить прогульные дни и исправить дурно сдѣланныя работы, и по необходимости долженъ былъ оштрафовать нѣсколько сельскихъ старостъ и крестьянъ, а болѣе виновныхъ наказать розгами. Только эта строгая мѣра укротила произволъ и въ послѣдніе дни недоимка рабочихъ дней пополнена и дурныя работы, какія возможно было, исправлены. Кромѣ того, я завелъ въ каждой волости книгу, въ которую еженедѣльно гг. владѣльцы могутъ вписывать, въ отсутствіе мое, свои претензіи на дурныя работы крестьянъ и послабленіе сельскихъ старостъ, а въ другой графѣ старшина будетъ отмѣчать, какими мѣрами онъ прекратилъ безпорядокъ. Надѣюсь этимъ способомъ проявить больше дѣятельности въ волостныхъ старшинахъ и заставить ихъ употреблять въ дѣло власть, предоставленную имъ Положеніемъ».

Въ селѣ Анновкѣ работы шли удовлетворительно; но въ половинѣ іюля нѣсколько крестьянъ на полномъ сходѣ бранили исправляющаго должность волостного старшины, дѣлали ему разныя угрозы и отказались исполнять всѣ его требованія, за то, что онъ принялъ и хранилъ въ волости двѣ уставныя грамоты. «За такое оскорбленіе я,—говоритъ посредникъ,—опредѣлилъ наказать трехъ болѣе виновныхъ розгами и объ исполненіи моего рѣшенія 18-го іюля отнесся къ г. становому приставу 2-го стана, который нѣсколько разъ требовалъ этихъ людей чрезъ сотскаго, своего разсыльнаго и волостное правленіе, но получалъ отвѣтъ:

— «Безъ громады мы не пойдемъ.

«Однажды онъ (т. е. становой приставъ) приказалъ взять оскорбившихъ старшину крестьянъ. Но одинъ изъ оскорбившихъ встрѣтилъ сотскаго и разсыльнаго съ цѣпомъ въ рукахъ и прогналъ ихъ. 3-го августа становой приставъ увѣдомилъ меня о томъ, что по его приказанію старшина, сотскій и разсыльный рѣшились было взять одного изъ виновныхъ крестьянъ, но крестьянинъ на-

чалъ защищаться; на помощь къ нему прибѣжала жена; разсыльный и сотскій бѣжали; остался одинъ только, желавшій буквально исполнить приказаніе становного пристава—старшина; но его сильно избили виновный крестьянинъ съ женою. И поэтому, не смотря на присутствіе въ Анновкѣ эскадрона гусаръ, рѣшеніе мое становой приставъ не нашелъ возможнымъ исполнить съ 18-го іюля по 3-е августа».

Губернаторъ отдалъ приказаніе: «наказаніе виновныхъ въ оскорбленіи поручить старооскольскому исправнику Иванову», а на донесеніи мирового посредника написалъ: «становому приставу предложить убираться, хотя бы его слѣдовало предать суду, за бездѣйствіе власти».

Во время прекращенія безпорядковъ въ селѣ Анновкѣ, произошелъ инцидентъ, который небезъинтересно здѣсь отмѣтить. Тогдашній управляющій палатой государственныхъ имуществъ, бывшій въ Анновкѣ, приказалъ находившемуся въ этомъ селѣ эскадрону гусаръ передвинуться въ деревню Михайловку. Эскадронъ такъ и сдѣлалъ. Но, конечно, о приказаніи управляющаго поспѣшили увѣдомить губернатора. Тотъ задалъ офиціальный вопросъ управляющему: «кѣмъ именно вы уполномочены распоряжаться передвиженіемъ эскадрона гусаръ и что служило вамъ основаніемъ къ принятію участія въ дѣлѣ временно-обязанныхъ крестьянъ?»

Управляющій палатою отвѣчалъ на это, что распоряженіе о движеніи эскадрона въ Михайловку онъ сдѣлалъ потому, что ему было донесено, что государственные крестьяне Михайловки будто бы приняли участіе въ безпорядкахъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Когда же онъ лично убѣдился, что донесеніе это неосновательно, то приказалъ эскадрону возвратиться въ Анновку. Въ это же село онъ поѣхалъ для того, чтобы узнать, въ чемъ заключается неповиновеніе анновскихъ крестьянъ, нѣтъ ли угнетенія ихъ со стороны помѣщиковъ и основательны ли дѣйствія мирового посредника? Получивъ отзывъ управляющаго, Денъ немедленно обратился съ жалобою на него къ министру государственныхъ имуществъ, въ которой объяснилъ, что управляющій вмѣшивался не въ свое дѣло и присвоилъ себѣ права, непринадлежащія ему по его офиціальному положенію. По словамъ жалобы, неправильныя распоряженія управляющаго палатой государственныхъ имуществъ повели къ усиленію безпорядковъ между крестьянами слободы Анновки и послужили къ увеличенію между ними раздраженія и недовѣрія къ мѣстнымъ властямъ. Жалоба Дена заканчивается такими словами: «По важности въ настоящее время крестьянскаго дѣла и по званію начальника губерніи, имѣя на своей обязанности заботиться всѣми мѣрами объ устраненіи постороннихъ дѣйствій, могущихъ имѣть вредное вліяніе на ходъ этого дѣла, считаю долгомъ представить поступокъ г. управляющаго курской па-

латой государственныхъ имуществъ на ваше благоусмотрѣніе.» На жалобу министръ государственныхъ имуществъ отвѣчалъ, что онъ управляющему «сдѣлалъ должное внушеніе и строгое замѣчаніе.» Этимъ исходомъ дѣла День остался недоволенъ и на министерской бумагѣ написалъ: слабо.

Между тѣмъ крестьяне слободы Анновки очень долгое время не хотѣли принимать уставной грамоты. Изъ Курска въ Анновку въ концѣ іюня былъ командированъ членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія В. Л. Изъѣдиновъ. Свои впечатлѣнія онъ описалъ въ слѣдующемъ письмѣ къ губернатору:

«Съ величайшимъ прискорбіемъ долженъ сообщить вамъ, что крестьяне слободы Анновки ни на что не поддаются и стоятъ на своемъ убѣжденіи: грамоты не принимать, ждать двухъ лѣтъ, а тамъ, что̀ Богъ дастъ. Два дня, 23-го іюня съ 2-хъ часовъ по полудни и до темной зари, 25-го съ 10 часовъ утра и до 6-ти вечера, я говорилъ съ обществомъ; никакіе доводы, ни чтеніе статей Положенія, ни разъясненія, не заставили крестьянъ убѣдиться. По моей просьбѣ, владѣлецъ имѣнія сдѣлалъ крестьянамъ много уступокъ. Онъ соглашается землю, прилегающую къ выгону, разбить на двѣ части, одну отдаетъ крестьянамъ, въ которой они могутъ сдѣлать три клина; но такъ какъ вслѣдствіе этой уступки производится разверстаніе и обмѣнъ крестьянскихъ угодій, то предположеніе это, на основаніи 64 ст. Мѣст. Пол. не иначе можетъ быть приведено въ исполненіе, какъ по добровольному соглашенію съ крестьянами. Имъ, по крайней мѣрѣ десять разъ, были читаны статьи о разверстаніи угодій, но они наотрѣзъ отвѣчали:

— «Зимою помѣщикъ не согласился, а теперь мы не хочемъ!

«Крестьяне думаютъ, что черезъ два года имъ будетъ пожалована земля, а о той, которая имъ слѣдуетъ къ надѣлу, говорятъ:

— «Эта земля—помѣщичья, пускай она за помѣщикомъ остается, а мы брать ее не желаемъ.

«Крестьяне до того сплотнились, что когда вслѣдствіе доводовъ и увѣщаній, нѣкоторые стали колебаться, то одинъ голосъ изъ толпы: общество не хочетъ, общество ни на что̀ не согласно, мгновенно разрушалъ все впечатлѣніе.

«Весьма немногіе изъ крестьянъ идутъ противъ общаго мнѣнія... Исправляющій должность старшины спросилъ у меня:

— «Могу ли я съ нѣсколькими товарищами заявить письменно о томъ, что мы готовы принять грамоту какъ законный актъ?

— «Конечно, можете,—отвѣчалъ я, въ надеждѣ, что, можетъ быть, этотъ примѣръ подѣйствуетъ на другихъ.

«Уставную грамоту я просматривалъ; въ ней нѣтъ такихъ ошибокъ, которыя давали бы крестьянамъ поводъ не принимать ее. Подробно провѣряя дѣйствія мирового посредника, я не могу осуждать ихъ безусловно; есть ошибки, но онѣ происходятъ отъ не-

опытности, а не отъ другихъ какихъ-либо причинъ. Недовѣріе же къ нему крестьянъ произошло оттого, что онъ говорилъ въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіями. И на меня они смотрѣли подозрительно и говорили:

— «Все, что̀ вы намъ читаете, писали господа; когда же кто-нибудь скажетъ намъ по нашему?

«Крестьяне до сей поры не приступали къ пахотѣ своего парового клина.

— «Почему вы не пашете?—спросилъ я,—ваша земля, а вы ее не пашете!

— «Покажите намъ нашу землю!—отвѣчали они.

— «Па̀рена, которою вы и прежде пользовались, ее вы и должны пахать.

— «То помѣщичья земля, — отвѣчали мнѣ,—мы ее не хочемъ пахать, а вы намъ покажите нашу, что царь пожаловалъ».

«Такія сужденія, говоритъ В. Л. Изъѣдиновъ, показываютъ, что крестьяне не хотятъ въ надѣлъ брать земли, а это грозитъ имъ раззореніемъ; они могутъ остаться безъ хлѣба». При этомъ онъ разсказываетъ любопытный фактъ. Двое зажиточныхъ анновскихъ крестьянъ взяли въ аренду 180 десятинъ помѣщичьей земли съ цѣлью раздать въ наймы эту землю небольшими участками; но анновское общество не только не допустило никого изъ своихъ до найма, но даже успѣло запугать постороннихъ сосѣднихъ нанимателей; такъ что оба арендатора принуждены, изъ боязни понести убытки, отказаться отъ земли и сдать ее, съ вѣдома вотчинной конторы, купцу Ротову.

«Отправляясь изъ Курска, говоритъ Изъѣдиновъ, подъ вліяніемъ мысли, что волненіе въ Анновкѣ происходитъ отъ неправильно составленной грамоты, отъ подстрекательства нѣсколькихъ человѣкъ, я думалъ удалить изъ общества нѣкоторыхъ болѣе вліятельныхъ лицъ, чтобы этою мѣрою, лишивъ общество коноводовъ, понудить его къ покорности; но на мѣстѣ я призналъ эту мѣру несвоевременною; общество слишкомъ сплотнилось, на него смотрятъ со стороны и выхваляютъ его дружество и стойкость. Поэтому я разсчиталъ, что удаленіе лицъ болѣе вліятельныхъ не только безполезно, но даже можетъ раздражить крестьянъ, при томъ настроеніи духа, въ какомъ они теперь находятся». Въ заключеніе Изъѣдиновъ просилъ строгихъ мѣръ для того, чтобы крестьяне приняли грамоту. На этомъ письмѣ День написалъ: «Принимать грамоту... этой фразы я совсѣмъ допустить не могу. Могутъ быть жалобы на упущенія въ грамотѣ; но какъ скоро рукъ не даютъ, грамота вводится и копія ея составляется въ волостномъ правленіи, о принятіи же ея и рѣчи быть не можетъ».

Вскорѣ послѣ письма В. Л. Изъѣдинова, и мировой посредникъ Новооскольскаго уѣзда извѣстилъ губернатора о томъ, что анновцы,

а по ихъ примѣру и жители окрестныхъ хуторовъ, «надѣленной имъ земли не пашутъ и населенію грозитъ голодъ».

Губернаторъ предписалъ новооскольскому исправнику принять энергическія мѣры къ тому, чтобы крестьяне пахали землю подъ озимое. Но исправникъ отвѣчалъ на это: «прошу снабдить меня предписаніемъ, въ разрѣшеніе недоумѣнія моего: какъ поступить мнѣ относительно уклоненія крестьянъ отъ пахоты земли?» Губернаторъ не удостоилъ исправника предписаніемъ, а обратился къ старооскольскому исправнику Иванову, который не разъ уже въ затруднительныхъ случаяхъ, при введеніи крестьянской реформы, посылался на мѣсто волненій для усмиренія крестьянъ, дѣйствовалъ съ успѣхомъ и получалъ благодарность отъ Дена. Впрочемъ, въ пособіе Иванову былъ командированъ эскадронъ гусаръ.

7.

Такъ какъ мы поставили себѣ задачей разсказать о волненіяхъ, бывшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Курской губерніи, по поводу введенія эмансипаціи, среди временно-обязанныхъ крестьянъ, то считаемъ нужнымъ остановиться въ настоящей главѣ на такихъ случаяхъ крестьянскихъ безпорядковъ, которые были непродолжительны и не отличались особенными размѣрами и значеніемъ, но которые небезъинтересно здѣсь отмѣтить для бытовой характеристики тогдашняго времени. Передадимъ объ этихъ крестьянскихъ недоразумѣніяхъ, держась хронологическаго порядка.

Въ Рыльскомъ уѣздѣ была введена въ селѣ Михайловкѣ уставная грамота и сельскому старостѣ былъ выданъ «приказный листъ», по которому крестьяне были обязаны работать на помѣщика. Не прошло недѣли послѣ этого, какъ къ мировому посреднику явились крестьяне села Михайловки цѣлою толпою, безъ сельскаго старосты, и объявили, что они не хотятъ выполнять работъ по уставной грамотѣ... Одинъ изъ недовольныхъ крестьянъ сказалъ:

— Мы будемъ ждать, пока не прочтутъ «Новаго Положенія» съ колокольнымъ звономъ и барабаннымъ боемъ!

Мировой посредникъ обратился къ исправнику, прося его «усмирить крестьянъ, заставить ихъ повиноваться и объяснить крестьянамъ, что уставная грамота должна быть принята безъ колокольнаго звона».

«Вслѣдствіе этого сообщенія,—писалъ Дену рыльскій исправникъ,—я отправился въ деревню Михайловку и въ одинъ день усмирилъ крестьянъ, которые единогласно послѣ того [1]) объявили, что будутъ безусловно повиноваться, признавать уставную грамоту и по ней работать безпрекословно. А крестьянину, который ожи-

[1]) Послѣ чего именно, исправникъ не говоритъ.

далъ новаго положенія при колокольномъ звонѣ и барабанномъ боѣ, я далъ 25 розогъ.

Въ селѣ Никольскомъ Тимскаго уѣзда въ іюнѣ 1862 года мировымъ посредникомъ было объявлено временно-обязаннымъ крестьянамъ помѣщицы фонъ-Мантейфель о томъ, что они должны переселиться на вновь имъ отведенныя усадьбы. Крестьяне отказались сдѣлать это. Тогда былъ посредникомъ приглашенъ исправникъ для содѣйствія ему. Тотъ явился на мѣсто и, какъ говоритъ самъ въ донесеніи губернатору, прежде всего арестовалъ четырехъ человѣкъ зачинщиковъ и отправилъ въ тимскій земскій судъ. Однако это не подѣйствовало на крестьянъ. Только ихъ волостной старшина приступилъ къ перенесенію своей избы на вновь назначенное мѣсто. Остальные упорствовали. Исправникъ велѣлъ имъ завтра же раннимъ утромъ начать переселеніе. Но каково же было его удивленіе, когда на другой день, онъ узналъ, что все мужское населеніе села Никольскаго ночью неизвѣстно куда вышло изъ своихъ усадебъ и скрылось. Исправникъ поспѣшилъ просить у губернатора войска. Но войску не пришлось дѣйствовать въ Никольскомъ. Черезъ нѣсколько дней ушедшіе возвратились и выразили покорность.

Въ Новооскольскомъ уѣздѣ, ольшанскій волостной старшина донесъ губернатору о томъ, что уже болѣе двухъ мѣсяцевъ нѣкіимъ Кушныревымъ между крестьянами «разглашаются ложные и превратные толки о какой-то новой волѣ». «Я,—говоритъ волостной старшина,—просилъ о поступленіи съ Кушныревымъ и его сообщниками по законамъ, но до настоящаго времени (конецъ марта) не сдѣлано по сему предмету даже никакого изслѣдованія. Кушныревъ, пользуясь тѣмъ, что въ продолжительное время не видитъ наказанія и не призывается къ суду, недавно собралъ толпу крестьянъ и, предводительствуя ими, явился къ волостному правленію, требовалъ къ себѣ меня и произносилъ угрозы». Волостной старшина обвинялъ мирового посредника въ потворствѣ Кушныреву. Губернаторъ потребовалъ отъ мирового посредника объясненія: «по какому случаю имъ было допущено вредное вліяніе Кушнырева, продолжавшееся съ 18-го января?» Мировой посредникъ отвѣчалъ на запросъ Дена, что онъ о Кушныревѣ и его вредномъ вліяніи на временно-обязанныхъ крестьянъ сообщалъ становому приставу два раза, но отъ него отвѣта не получалъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что Кушныревъ былъ переданъ въ руки судебнаго слѣдователя и заключенъ въ новооскольскій тюремный замокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ новооскольскому исправнику Денъ послалъ слѣдующій репримандъ: «немедленно объявить исправнику, что если я еще узнаю, что какой-либо крестьянинъ, или неизвѣстный че-

ловѣкъ, безнаказанно будетъ волновать крестьянъ и подстрекать ихъ къ неповиновенію, то исправникъ того уѣзда, въ которомъ окажется подобное бездѣйствіе земской полиціи, немедленно будетъ отрѣшенъ».

Въ періодъ введенія въ жизнь Положенія 19-го февраля въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Курской губерніи среди временно-обязанныхъ крестьянъ было замѣчено упорное нежеланіе принять надѣляемые имъ участки земли по уставнымъ грамотамъ. Отказъ этотъ вызвалъ характерное явленіе—отказъ, во что бы то ни стало, пахать землю подъ озимые посѣвы для будущаго (1863) года. Между тѣмъ, отказываясь «метать парину [1]), тѣмъ самымъ временно-обязанные крестьяне обрекали себя на вѣрный и несомнѣнный голодъ въ будущемъ году. Изъ значительнаго числа дѣлъ, возникшихъ въ то время по поводу нежеланія крестьянъ пахать землю подъ озимое, выбираемъ одно, отличающееся не безъинтересными подробностями.

Въ Новооскольскомъ уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика Изъѣдинова крестьяне не захотѣли метать землю подъ паръ. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ мировой посредникъ того участка, въ которомъ находилось имѣніе: «Когда волостной старшина донесъ мнѣ объ этомъ, я отправился въ имѣніе, въ надеждѣ лично доказать крестьянамъ всю несообразность ихъ поступка; но не достигъ никакого результата. Крестьяне упорно стоятъ въ своемъ нежеланіи; всѣ доводы мои, что въ такомъ случаѣ потерпятъ они, а не помѣщикъ, не имѣли успѣха; они не хотятъ понять ничего. Нѣкоторые изъ крестьянъ, болѣе зажиточные, нанимаютъ для себя землю, пашутъ ее подъ парину, а своей земли пахать не хотятъ.

«Я, говоритъ мировой посредникъ, обращался къ бѣднымъ изъ нихъ, указывая имъ на то, что если богатые, нанимая землю, отказываются отъ пахоты ихъ полей, то они разсчитываютъ на посѣвъ съ арендованной земли; но бѣдняки прямо-таки подвергаютъ себя лишеніямъ по упорству...

— «Послѣ пожалѣете, да будетъ поздно,—прибавилъ я.—Теперь васъ богатые подбиваютъ не пахать, а послѣ откажутъ въ кускѣ хлѣба. Вспомните, ребята: когда общество отказалось при членѣ губернскаго присутствія Евреиновѣ пахать землю, онъ сказалъ, что бѣдные подвергнутся черезъ это опасности голодать. А зажиточные тогда отвѣчали: «мы прокормимъ ихъ!» а что же вышло потомъ? они отперлись отъ своихъ словъ.

«Крестьяне отвѣчали одно: парины пахать не будутъ и также не станутъ исполнять повинностей на помѣщика, такъ какъ надѣла получить они не желаютъ. Я указалъ имъ на то, какому наказанію они себя подвергаютъ и предложилъ:

---

[1]) Т. е. готовить поля для озимыхъ посѣвовъ.

— «Не желаетъ ли кто-нибудь избѣжать отвѣтственности и объявить, что принимаетъ надѣлъ?

«Нѣкоторые изъ крестьянъ, по окончаніи схода, оставшись на площади, старались высказать, что они не придерживаются общаго мнѣнія, но формальнаго заявленія о томъ не сдѣлали. Я думалъ такъ, говоритъ мировой посредникъ, что еслибы нѣсколько человѣкъ согласились съ моими убѣжденіями, то скорѣе можно было бы открыть тѣхъ, которые дѣйствительно виновны въ безпорядкахъ. Если бы я имѣлъ возможность возстановить однихъ противъ другихъ, то они уличили бы другъ друга».

Замѣчательно, какой исходъ изъ запутаннаго положенія вещей придумали изъѣдиновскіе крестьяне. Они, какъ извѣстно, не хотѣли связать себя пріемомъ надѣльной земли, но, разумѣется, сознавали, что слѣдовало бы пахать парину... И вотъ они явились къ посреднику съ такимъ предложеніемъ:

— Мы вспашемъ нашъ надѣлъ; только составьте бумагу, что мы наняли его у помѣщика за деньги, а не получили по Положенію.—Къ землѣ, назначенной крестьянамъ имѣнія Изъѣдинова, прирѣзано было 90 десятинъ «степи». Мировой посредникъ обошелъ эту степь и приказалъ снять со степи траву крестьянамъ въ ихъ пользу. Они, однако, отказались брать и траву. Тогда посредникъ, боясь, что сѣно въ степи безполезно пропадетъ, приказалъ волостному правленію или хозяйственнымъ образомъ убрать со степи сѣно, или отдать въ аренду право снять это сѣно и пріобрѣтенныя деньги хранить. Волостное правленіе предпочло второй способъ эксплуатаціи степи. Что же касается до составленія бумаги о наймѣ будто бы крестьянами у помѣщика надѣльной земли, то мировой посредникъ отъ этого наотрѣзъ отказался. Посредникъ донесъ о поведеніи крестьянскаго общества губернатору. Тотъ потребовалъ приведенія крестьянъ въ повиновеніе отъ исправника. Однако же и полицейскія мѣры, соединенныя съ тѣлеснымъ наказаніемъ, оказались тщетными. Пришлось крестьянъ имѣнія Изъѣдинова заставлять пахать землю и готовить себѣ на будущій годъ продовольствіе при посредствѣ войскъ, которыя и успѣли сломить упорное сопротивленіе крестьянскаго общества.

8.

Выше[1]) мы познакомились съ такимъ случаемъ изъ крестьянскихъ волненій, гдѣ, какъ это было въ Козьмодемьянской слободѣ, въ солдатъ бросали каменьями. Подобное обстоятельство имѣло мѣсто и въ слободѣ Ольшанкѣ, Новооскольскаго уѣзда. Когда, въ концѣ іюля 1862 года, исправникъ вмѣстѣ съ мировымъ посредникомъ

[1]) Глава третья.

вводили уставную грамоту въ слободѣ Воскресенской, то они долго должны были бороться съ упорствомъ крестьянъ. Наконецъ, воскресенцы согласились на убѣжденія посредника и исправника и объяснили, что не принимать уставной грамоты ихъ научили временно-обязанные крестьяне слободы Ольшанки, которые распускали слухъ и увѣряли, что если кто-нибудь изъ крестьянъ будетъ обрабатывать землю, отведенную въ надѣлъ, до истеченія двухлѣтняго срока со дня высочайшаго манифеста, тотъ останется попрежнему вѣчно крѣпостнымъ, а непринявшіе въ надѣлъ земли будутъ свободными. Узнавши объ этомъ, исправникъ вмѣстѣ съ эскадрономъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка прибылъ въ слободу Ольшанку. Здѣсь онъ приказалъ собрать сельскій сходъ и составить именной списокъ участвующихъ въ сходѣ крестьянъ. Чрезъ нѣсколько времени волостной старшина увѣдомилъ исправника о томъ, что крестьяне, собравшись въ числѣ 500 человѣкъ, не дозволяютъ ему составить именного списка и не желаютъ выслушивать разъясненія исправника о принятіи въ надѣлъ слѣдуемой имъ земли. Тогда исправникъ вмѣстѣ съ командиромъ эскадрона подошелъ къ собравшимся крестьянамъ и сказалъ имъ, что непремѣнно нужно составить имъ именной списокъ, чтобы впослѣдствіи никто изъ нихъ не могъ отказаться отъ того, что не слышалъ разъясненія исправника.

Тогда крестьяне закричали:

— Переписывать себя мы никому не позволимъ и надѣла принимать не будемъ. Намъ дадена будетъ земля царская.

Болѣе трехъ часовъ, по словамъ исправника, онъ убѣждалъ ольшанцевъ, а самъ подмѣчалъ, кто именно внушаетъ толпѣ стоять крѣпко и не сдаваться на убѣжденія. Такихъ исправникъ насчиталъ шесть человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, Акимъ Склюдовъ, выдѣлился изъ толпы и подалъ исправнику бумагу.

Тотъ взглянулъ на нее и увидѣлъ, что тамъ написано заявленіе о нежеланіи ольшанцевъ отбывать повинности въ пользу помѣщика. Тогда эскадронъ гусаръ окружилъ толпу.

— Ребята!—воскликнулъ исправникъ,—еще разъ говорю вамъ: исполните распоряженіе начальства, выдайте зачинщиковъ!

Кромѣ того, исправникъ предупредилъ крестьянъ, что за ослушаніе они будутъ наказаны, а въ случаѣ сопротивленія и буйства гусары будутъ дѣйствовать оружіемъ.

Толпа отвѣчала на это неистовыми криками.

Тогда исправникъ распорядился, чтобы гусары брали изъ толпы крестьянъ и наказывали ихъ розгами. Гусары приступили къ исполненію этого распоряженія, а крестьяне бросились на солдатъ, стали хватать лошадей за мундштуки, схватываться за пики и сабли. Эскадронъ движеніемъ впередъ сжалъ толпу со всѣхъ сторонъ въ плотную массу, а пѣшіе гусары наказывали розгами взя-

тыхъ изъ толпы крестьянъ. Въ это время въ тылу эскадрона собралось множество крестьянъ съ кольями и кирпичами, которые и пустили въ дѣло. Но гусары, при помощи холоднаго оружія, разсѣяли толпу... При этомъ нѣсколько солдатъ были контужены, а 30 человѣкъ крестьянъ получили ушибы. Вся толпа разбѣжалась по лѣсамъ. На другой день до 100 человѣкъ явились къ исправнику рано утромъ и просили у него прощенія и изъявили полную покорность. Они, кромѣ того, сообщили, что и остальные ольшанцы хотятъ явиться съ повинной головою, но опасаются наказанія. Исправникъ обѣщался никого не наказывать, лишь бы общество взяло въ надѣлъ землю и согласилось отбывать въ пользу помѣщика извѣстныя повинности. Полное спокойствіе было водворено въ Ольшанкѣ черезъ недѣлю, а поэтому тогда же гусарскій эскадронъ былъ выведенъ изъ слободы. Въ своемъ донесеніи Дену, исправникъ говоритъ, что дѣйствіе военной силы произвело столь значительное впечатлѣніе на окрестныя селенія, что временно-обязанные крестьяне этихъ селеній, прежде не хотѣвшіе принимать уставныхъ грамотъ, теперь сами поспѣшили просить мирового посредника ввести эти грамоты въ дѣйствіе и взялись за обсѣмененіе полей, отъ котораго прежде отказывались.

9.

Передавая читателямъ одно за другимъ болѣе или менѣе интересныя дѣла, касающіяся первыхъ шаговъ эмансипаціи въ Курской губерніи, мы не можемъ миновать и такъ называемаго бѣгошинскаго дѣла, которое, по своей сущности, сходно съ возникавшими въ то время крестьянскими дѣлами, но не лишено нѣкоторыхъ характерныхъ подробностей.

Въ октябрѣ 1862 года путивльскій исправникъ довелъ до свѣдѣнія губернатора о томъ, что временно-обязанные крестьяне, поселенные на землѣ графа Толстого въ селѣ Бѣгошѣ, подъ разными предлогами, незаслуживающими, по мнѣнію исправника, уваженія, уклоняются отъ выполненія законныхъ требованій мирового посредника, не взяли копіи съ уставной грамоты, превратно понимаютъ Положеніе, а назначенные мировымъ посредникомъ изъ этихъ крестьянъ одиннадцать человѣкъ прибыть въ засѣданіе мирового съѣзда для разъясненія имъ Положенія, туда не явились. Кромѣ того, волостной старшина удостовѣрилъ, что среди бѣгошинцевъ произошли безпорядки. Тогда мировой съѣздъ предложилъ исправнику перевести въ Бѣгошу эскадронъ Вознесенскаго уланскаго полка и строгими полицейскими мѣрами побудить крестьянъ къ выполненію законныхъ требованій мирового посредника. Исправникъ двинулъ эскадронъ въ Бѣгошу. 14-го октября онъ со-

бралъ въ Бѣгошѣ сходъ, гдѣ и убѣждалъ крестьянъ изъявить покорность.

— Мы подождемъ возвращенія нашихъ ходоковъ, — отвѣчали крестьяне.

— Какихъ ходоковъ? — спросилъ исправникъ.

— Депутатовъ, — послышались голоса въ толпѣ.

Исправникъ узналъ, что бѣгошинское общество отправило въ Петербургъ троихъ уполномоченныхъ для подачи всеподданнѣйшаго прошенія государю. Тогда онъ прибѣгъ къ тѣлесному наказанію наиболѣе упорныхъ, по его словамъ, крестьянъ. Нѣкоторые изъ наказанныхъ отправились къ бѣгошинскому священнику и просили причастить ихъ и исповѣдывать, разсказавши при этомъ, что они такъ избиты, что могутъ вскорѣ умереть. На сообщеніи путивльскаго исправника Денъ написалъ: «Объявить строгое замѣчаніе исправнику за неудовлетворительность этого донесенія, кто мировой посредникъ, въ какомъ размѣрѣ произведено наказаніе, въ чемъ именно заключались проступки и дерзости крестьянъ?»

На это исправникъ отвѣчалъ перечисленіемъ крестьянскихъ провинностей.

1) При повѣркѣ мировымъ посредникомъ уставной грамоты раздавались «съ азартомъ крики»:

— Не хотимъ ничего исполнять, будемъ ждать случнаго часа.

2) Когда посредникъ потребовалъ отъ крестьянъ рабочихъ людей въ помощь землемѣру для отрѣзки надѣла, то они кричали:

— Не дадимъ рабочихъ. Кто изъ общества пойдетъ въ поле, какъ собаку, изобьемъ, лошадей убьемъ и сохи поломаемъ!

Посредникъ нанялъ рабочихъ изъ окрестныхъ обывателей, и земля была отрѣзана. Кромѣ того онъ 6 человѣкъ наказалъ розгами, а 84—оштрафовалъ по 1 руб. Штрафъ этотъ заплаченъ не былъ, и пришлось его взыскать посредствомъ продажи части движимаго имущества оштрафованныхъ.

3) Графъ Толстой высказалъ желаніе передать жалобы и землю крестьянамъ посредствомъ выкупа, но крестьяне отъ этого отказались. Нѣкоторые изъ нихъ взяли въ волостномъ правленіи экземпляръ Положенія и начали его читать. Нѣкоторыя статьи были истолковываемыми читавшими и притомъ такъ, что, по замѣчанію посредника, видно было, что Положеніе было комментировано крестьянамъ неблагонамѣреннымъ человѣкомъ.

4) Какъ извѣстно, мировой посредникъ потребовалъ одиннадцать человѣкъ бѣгошинцевъ въ Путивль въ засѣданіе мирового съѣзда. Но бѣгошинцы составили сходъ и, пришедши къ волостному правленію, начали кричать, чтобы въ Путивль никто не ходилъ. Между тѣмъ изъ толпы крестьянъ выдѣлился одинъ грамотный и началъ читать всему обществу прошеніе, написанное на

высочайшее имя. Сейчасъ же по прочтеніи, читавшій вмѣстѣ съ другимъ крестьяниномъ отправился въ Петербургъ. Одиннадцать человѣкъ неявившихся въ мировой съѣздъ были наказаны розгами, каждый по тридцати ударовъ. Для усмиренія же бѣгошинцевъ мировой съѣздъ вытребовалъ въ село эскадронъ уланъ и расквартировалъ его на иждивеніи общества.

Губернаторъ съ этимъ согласился, хотя и замѣтилъ: «мировой съѣздъ напрасно распоряжается эскадрономъ; передвиженіе эскадроновъ есть дѣло власти исполнительной»...

10.

Вотъ еще фактъ изъ исторіи освобожденія крестьянъ въ Курской губерніи, съ небезъинтересными подробностями. Уставная грамота вводилась въ деревнѣ Верхней Саларевкѣ Путивльскаго уѣзда. 12-го мая, при первоначальной повѣркѣ уставной грамоты, въ присутствіи члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, путивльскаго предводителя дворянства, исправника и посредника, общество деревни Саларевки прежде всего заявило, что 50 десятинъ сѣнокоса по болоту рѣки Терна, которымъ они пользовались прежде, находятъ для себя неудобнымъ и не желаютъ ихъ принимать въ счетъ надѣла.

Мировой посредникъ, выслушавъ это заявленіе, обратился къ предводителю дворянства съ просьбой согласиться на желаніе крестьянъ и, исключивъ этотъ сѣнокосъ изъ крестьянскаго надѣла, внести объ этомъ въ уставную грамоту. Предводитель согласился на это. Но не согласились на то крестьяне. Они не хотѣли даже смотрѣть тотъ лугъ, который имъ предполагалось отвести въ надѣлъ вмѣсто болотистаго участка. Тогда, по требованію властей, въ Саларевку прибылъ эскадронъ гусаръ Вознесенскаго полка. На площади собраны были крестьяне.

— Всѣ ли вы согласны, — спросилъ у нихъ мировой посредникъ, — чтобы болотный сѣнокосъ былъ исключенъ изъ ихъ надѣла?

На этотъ вопросъ крестьяне отвѣчали:

— Того сѣнокоса мы не хочемъ ни принимать себѣ въ надѣлъ, ни отдавать помѣщику. Ни на какія соглашенія съ помѣщикомъ мы не согласны и будемъ ждать случнаго часа.

Мировой посредникъ пригласилъ исправника замѣчать, кто на сходѣ будетъ говорить дерзости, и сказалъ:

— Молчать и слушать!

Всѣ умолкли.

Посредникъ прочиталъ уставную грамоту и соотвѣтствующія статьи Положенія. Когда онъ кончилъ чтеніе, раздался общій возгласъ:

— Мы ничего не понимаемъ!

— Спросите у меня, — сказалъ посредникъ, — чего именно не понимаете, я вамъ объясню.

— Не хочемъ этого,—послѣдовалъ отвѣтъ,—и по уставной грамотѣ работать не намѣрены.

— Послушайте,—сказалъ посредникъ,—уставная грамота необходима для обезпеченія вашихъ же правъ, по ней у васъ уменьшается въ годъ много рабочихъ дней.

— Мы милости не просимъ, — отвѣчали крестьяне, — намъ не нужно уменьшенія рабочихъ дней. Хоть голову снимутъ, а уставной грамоты не примемъ.

Послѣ этого мировой посредникъ, по его выраженію, поручилъ исправнику водворить порядокъ. Тотъ рѣшилъ: зачинщиковъ взять изъ толпы.

Раздались крики:

— Не давать ихъ, не выдавать!

Но спѣшившіеся уланы вывели изъ толпы замѣченныхъ зачинщиковъ и оттѣснили другихъ, которые, въ свою очередъ, были окружены всадниками. Сейчасъ же семерыхъ изъ крестьянъ, взятыхъ какъ зачинщиковъ, начали сѣчь розгами. По окончаніи экзекуціи, посредникъ просилъ исправника пересѣчь рѣшительно всѣхъ, находившихся на площади крестянъ. Исправникъ согласился съ этимъ и принялся наказывать одного за другимъ. Тогда крестьяне упали на колѣна, просили прощенія и обѣщали исполнять всѣ распоряженія начальства. Только двое изъ наказанныхъ не согласились на это, во время сѣченія они кричали:

— Хоть изрѣжьте въ куски, а по грамотѣ работать не будемъ.

Мировой посредникъ предложилъ исправнику взять этихъ двоихъ крестьянъ подъ арестъ въ Путивль, и если они выразятъ раскаяніе, возвратить на мѣсто жительства, въ противномъ случаѣ предать ихъ суду. Гусарскій эскадронъ былъ оставленъ въ Саларевкѣ до окончательнаго успокоенія крестьянъ.

Сообщивъ о происшествіи въ Саларевкѣ, мировой посредникъ, вводившій уставную грамоту, сдѣлалъ слѣдующую замѣтку: «Какъ трудно спокойное введеніе уставныхъ грамотъ даже въ имѣніяхъ, гдѣ, какъ въ Саларевкѣ, уменьшается число рабочихъ дней, и можемъ ли мы надѣяться на мирный исходъ переворота, если правительству не благоугодно будетъ внять просьбамъ помѣщиковъ и требованіямъ крестьянъ о прекращеніи между тѣми и другими обязательныхъ отношеній...» Мировой посредникъ просилъ губернатора «оставить въ уѣздѣ эскадронъ на все время уборки хлѣбовъ, безъ чего многія имѣнія рискуютъ потерять богатый урожай этого года».

На эту просьбу Денъ отвѣчалъ:—«успокоить тѣмъ, что я нисколько не тороплюсь отозвать эскадронъ».

Между тѣмъ и путивльскій уѣздный предводитель по поводу событія въ Салеревкѣ прислалъ къ губернатору сообщеніе, въ которомъ просилъ наводнить уѣздъ войсками въ виду того, что со стороны временно-обязанныхъ крестьянъ можно ожидать сопротивленія, непокорности и т. п. Но губернаторъ на этомъ сообщеніи написалъ:—«Оставить безъ вниманія. Исправнику же предписать—если безпорядки въ густонаселенныхъ имѣніяхъ дойдутъ до послѣднихъ предѣловъ, то распорядиться расквартированіемъ, гдѣ нужно будетъ, эскадроновъ».

11.

Въ Рыльскомъ уѣздѣ находилось большое имѣніе, которымъ на поссессіонномъ правѣ владѣлъ графъ Потемкинъ. Впослѣдствіи имѣніе это было пожаловано въ собственность и отъ прежняго владѣльца досталось графу Рибопьеру. 13-го февраля 1862 года временное отдѣленіе рыльскаго земскаго суда прибыло въ это имѣніе для ввода во владѣніе новаго помѣщика. Для присутствія при вводѣ во владѣніе были вызваны отъ каждаго селенія и деревни старшины, старосты, атаманы [1]), сотскіе, десятскіе и по 12 человѣкъ крестьянъ. На сходкѣ, гдѣ былъ объявленъ указъ, было болѣе тысячи человѣкъ. Свидѣтелями были приглашены два мировыхъ посредника: Болтинъ и Бобровскій и нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ.

Уѣздный стряпчій прочиталъ указъ курской палаты гражданскаго суда, въ которомъ подробно было изложено названіе деревень всего имѣнія, количество земли и крестьянъ, къ ней приписанныхъ. Владѣльцемъ ихъ объявлялся графъ Рибопьеръ. Но лишь только состоялось объявленіе, какъ всѣ собранные крестьяне, по словамъ исправника, «въ изступленіи и съ азартомъ» начали кричать, что они поссессіонные, что земля, которою они владѣютъ—казенная, уставныя грамоты, о которыхъ имъ толкуютъ, вовсе до нихъ не касаются; работающіе на суконной фабрикѣ мастеровые должны нынѣ же быть надѣлены землею наравнѣ съ землевладѣльцами, чего они настоятельно требуютъ, что всѣ Положенія, которыя имъ объявляютъ, относятся къ быту помѣщичьихъ крестьянъ, а не поссессіонныхъ...

Посредникъ, исправникъ, стряпчій и другія лица, убѣждали крестьянъ повиноваться объявленному имъ указу гражданской палаты. Однако всѣ эти убѣжденія не имѣли результатовъ и громада разошлась, громко повторяя, что графъ Рибопьеръ не будетъ признанъ владѣльцемъ.

Тогда исправникъ и мѣстный посредникъ составили актъ о происшедшемъ и представили губернатору, который замѣтилъ:—

---

[1]) Атаманы—старшины малороссовъ, проживали въ имѣніи.

«удивляюсь, что мировой посредникъ не подготовилъ крестьянъ къ пониманію своего положенія, а теперь не увѣдомляетъ меня обо всемъ, прописанномъ здѣсь исправникомъ. Еще до распутицы надо будетъ въ Глушковѣ [1]) расквартировать два эскадрона Вознесенскаго уланскаго полка».

Распоряженіе губернатора было исполнено. Когда два эскадрона расположились въ имѣніи графа Рибопьера на полномъ содержаніи крестьянъ, мировые посредники начали мало-по-малу вводить въ отдѣльныхъ крестьянскихъ обществахъ уставныя грамоты. Въ теченіе 1862 года было введено нѣсколько грамотъ; крестьяне были спокойны и военная команда покинула имѣніе. Вновь волненіе въ этомъ имѣніи возникло въ началѣ 1863 года, именно въ селѣ Званномъ. Дѣло было такъ, по словамъ рыльскаго исправника. Во время передачи крестьянамъ уставной грамоты и оброчнаго разсчета, они рѣшительно отказались отъ платежа оброка и заявили о желаніи въ теченіе одной недѣли войти съ уполномоченнымъ отъ графа Рибопьера въ соглашеніе о переходѣ на выкупъ земельнаго надѣла. Узнавши объ этомъ, мировой посредникъ пріостановился введеніемъ уставной грамоты и разъяснилъ обществу села Званнаго, что если въ указанный срокъ соглашенія не состоится, то оно не освобождается отъ платежа оброка владѣльцу. Прошла недѣля. Мирового посредника вотчинная контора увѣдомила о томъ, что крестьяне села Званнаго и не подумали вступать въ какія-либо соглашенія насчетъ выкупа, а выразили желаніе остаться на прежней барщинѣ, въ ожиданіи «царскаго выкупа» 19-го февраля 1863 года. Мировой посредникъ, какъ и слѣдовало ожидать, обратился къ исправнику. Тотъ явился на мѣсто, читалъ крестьянскому сходу Положеніе о фабричныхъ крестьянахъ и объяснялъ его; его однако и слушать не стали. Управляющій имѣніемъ сообщилъ исправнику, что въ Званномъ господствуетъ такое раздраженіе, что мѣстные сельскіе начальники опасаются проѣзжать по этому селу. Тогда исправникъ просилъ назначенія эскадрона въ Званное и расквартированія тамъ его на полномъ содержаніи жителей до 1-го марта, въ виду приближенія 19-го февраля, которое крестьяне считаютъ «случнымъ часомъ». Денъ удовлетворилъ просьбу исправника, замѣтивъ:—«Необходимо расквартировать эскадронъ Вознесенскаго уланскаго полка и продовольствовать на счетъ крестьянъ, пока не поймутъ эти дураки, что случнаго часа не будетъ никогда...»

Вскорѣ эскадронъ въ составѣ 4 офицеровъ и 80 рядовыхъ вступилъ въ село Званное и оставался тамъ дотолѣ, пока звановцы не приняли уставной грамоты, а сдѣлали они это послѣ 19-го февраля...

---

[1]) Глушково—главное село поссессіонныхъ владѣній.

12.

Говоря о введеніи въ крестьянскую жизнь реформы 19-го февраля, нельзя пройти молчаніемъ случай оцѣнки дѣятельности мировыхъ посредниковъ уѣзднымъ исправникомъ. Такая оцѣнка была сдѣлана во Льговскомъ уѣздѣ, по слѣдующему поводу. Губернаторъ Денъ, въ мартѣ 1862 года, адресовалъ льговскому исправнику слѣдующее предписаніе: «До свѣдѣнія моего доходятъ разные, весьма неблагопріятные слухи о томъ, что отъ неудачныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ выказались плачевныя послѣдствія. Не получая по этому предмету никакого донесенія, я поставленъ въ необходимость напомнить вамъ, что вы обязаны доносить мнѣ о всѣхъ недоразумѣніяхъ, возникающихъ между волостными управленіями и мировыми учрежденіями, хотя бы эти недоразумѣнія уже были разъяснены. Съ нетерпѣніемъ я ожидаю донесенія».

Льговскій исправникъ прислалъ губернатору обширное донесеніе, гдѣ разсказаны всѣ случаи недоразумѣній между посредниками и крестьянскими обществами. Недоразумѣнія эти были одного характера, «подходили, по словамъ исправника, подъ одинъ разрядъ», общества отказывались принимать грамоты, выражали желаніе работать два года, а тамъ ждать новаго Положенія.

Вотъ, напримѣръ, какая сцена разыгралась при введеніи уставной грамоты въ деревнѣ Локнѣ.

Собрались уполномоченные общества. Посредникъ все разъяснилъ и разсказалъ. Но отвѣтъ сельскаго старосты и уполномоченныхъ былъ таковъ:

— Дворовыхъ людей (четырехъ человѣкъ) на нашъ надѣлъ мы не примемъ, усадебныхъ мѣстъ не дадимъ, работы по душамъ тоже не возьмемъ, а будемъ работать, какъ работали до двухъ лѣтъ... А земли надѣльной по душамъ дѣлить не будемъ, а долженъ самъ помѣщикъ дать дворовымъ землю и обстроить ихъ...

Мировой посредникъ вновь зачиталъ уставную грамоту.

— Читайте, читайте,—возразилъ сельскій староста,—мы люди—слѣпые, ничего не знаемъ, а какъ сказано въ манифестѣ, такъ и будемъ работать до двухъ лѣтъ, а послѣ того—что будетъ, такъ тому и быть...

Въ деревнѣ Верхней Плаксиной призванные къ посреднику уполномоченные, когда посредникъ отдавалъ сельскому старостѣ уставную грамоту, воскликнули:

— Мы не беремъ, и ты не бери; грамота намъ не нужна! Мы тебя выбрали, ты долженъ насъ слушаться.

Посредникъ успѣлъ убѣдить старосту взять грамоту. Но черезъ нѣсколько дней принявшій грамоту староста пришелъ во Льговъ, явился въ засѣданіе мирового съѣзда и положилъ уставную гра-

моту на присутственный столъ. На вопросъ предсѣдателя съѣзда, зачѣмъ онъ такъ сдѣлалъ, староста отвѣчалъ:

— Мы ожидаемъ другой воли и до новаго царскаго указа не примемъ грамоты.

Въ селѣ Кудинцовѣ 16-го марта была провѣрка уставныхъ грамотъ. Для этого обществомъ были выбраны шесть уполномоченныхъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Но уполномоченные въ волостное правленіе не пошли. Тогда мировой посредникъ вышелъ къ нимъ для убѣжденія ихъ. Но убѣжденія не подѣйствовали. Крестьяне объявили, что ждутъ случнаго часа и присылки отъ царя новаго указа.

Льговскимъ исправникомъ въ донесеніи губернатору приведено еще нѣсколько однородныхъ случаевъ неповиновенія посредникамъ крестьянъ. Во всѣхъ случаяхъ главные зачинщики (большею частью сельскіе старосты) подвергались, по опредѣленію мировыхъ посредниковъ, суду, а уполномоченные наказанію розгами... Говоря о безпорядкахъ, при введеніи уставныхъ грамотъ, исправникъ склоняется на сторону мировыхъ посредниковъ. Но Денъ на донесеніи написалъ: «Изо всего этого нельзя не заключить, что мировые посредники не пользуются вовсе довѣріемъ крестьянъ и не имѣютъ довѣрія внушенія. Вообще же мировые посредники придаютъ слишкомъ много значенія пассивной оппозиціи крестьянъ и слишкомъ легко предаютъ виновныхъ суду. Я мало надѣюсь на поѣздки чиновъ губернскаго присутствія и на вліяніе сихъ послѣднихъ на гг. мировыхъ посредниковъ».

Дѣйствительно, на льговскихъ мировыхъ посредниковъ въ началѣ 1862 года (до марта) было подано много жалобъ отъ временно-обязанныхъ крестьянъ на неуказаніе имъ полевого надѣла, при утвержденіи уставныхъ грамотъ. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, разсмотрѣвъ эти жалобы, признало полезнымъ для правильнаго и спокойнаго теченія дѣла пріостановиться введеніемъ уставныхъ грамотъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ они составлены не по добровольному съ обѣихъ сторонъ соглашенію, а одними владѣльцами, и приступить къ введенію въ апрѣлѣ. Мировымъ посредникамъ не понравилось предложеніе губернскаго присутствія. Они заявили губернатору (въ коллективной бумагѣ), что упорство крестьянъ происходитъ отъ того, что они черезъ два года ждутъ новаго указа. «Среди крестьянъ, писали посредники, глубоко укоренилось мнѣніе, что по истеченіи двухлѣтняго срока они получатъ вторую волю, что эта воля будетъ сопровождаться отдачей всей земли безо всякаго съ ихъ стороны вознагражденія въ пользу помѣщика». Когда посредники опровергаютъ это мнѣніе, то, не имѣя возможности возражать, крестьяне обыкновенно отвѣчаютъ:

— Мы не крайніе, начинайте съ другихъ; пусть начинаютъ вводить грамоты съ большихъ имѣній...

Но и въ большихъ имѣніяхъ, говорится въ заявленіи посредниковъ, повторяется то же самое. Посредники просили губернатора принять строгія мѣры, безъ которыхъ введеніе уставныхъ грамотъ невозможно и командировать во Льговскій уѣздъ кавалерійскій дивизіонъ для поддержанія законныхъ дѣйствій въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ мѣрами кротости нельзя будетъ достигнуть должнаго порядка... Въ заключеніе льговскіе посредники категорически заявили Дену о томъ, что если онъ не уважитъ ихъ ходатайства о командированіи войскъ, то они не ручаются за исполненіе крестьянами ихъ обязанностей, тишину и спокойствіе края и затѣмъ всякую отвѣтственность за крестьянскіе безпорядки слагаютъ съ себя.

Заявленіе посредниковъ вызвало такое замѣчаніе губернатора: «мировые посредники забываютъ, что они не имѣютъ права слагать съ себя отвѣтственность другимъ путемъ, кромѣ отставки. Это явное бездѣйствіе власти, по моему мнѣнію, требуетъ командированія члена губернскаго присутствія для производства дознанія и о послѣдующемъ донесенія». Къ подписавшимъ же заявленіе посредникамъ было адресовано увѣдомленіе, въ которомъ Денъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я входилъ въ личныя объясненія съ предсѣдателемъ льговскаго мирового съѣзда—уѣзднымъ предводителемъ дворянства и вызывалъ въ Курскъ земскаго исправника. И какъ предводитель, такъ и исправникъ, удостовѣрили меня, что никакихъ особенныхъ безпорядковъ между временно-обязанными крестьянами нѣтъ, что крестьяне исполняютъ работы удовлетворительно. Затѣмъ я заявленіе ваше предлагалъ на обсужденіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и оно не нашло необходимыми строгія мѣры для Льговскаго уѣзда. Мировымъ посредникамъ, въ случаѣ отказа крестьянъ принять уставную грамоту, поступать по точному смыслу распоряженія присутствія по настоящему предмету [1]). Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, мнѣ остается только сказать вамъ, милостивые государи, что доколѣ чиновникъ состоитъ на принятой имъ должности, онъ не имѣетъ права даже предполагать, что онъ можетъ слагать съ себя отвѣтственность за безпорядки въ дѣлѣ, порученномъ его заботливости»...

А. Танковъ.

[1]) Т. е. въ случаѣ непринятія крестьянами грамоты, копію съ нея оставить въ волостномъ правленіи, обязанность же заставить крестьянъ исполнять грамоту возлагалась на полицію.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

IV.

Графъ Евгеній Андреевичъ Саліасъ.

1.

Ъ РЯДУ писателей, посвятившихъ свою дѣятельность русскому историческому роману, рѣшительно выдающееся мѣсто принадлежитъ въ настоящее время графу Евгенію Андреевичу Саліасъ-де-Турнемиру. Длинный рядъ его повѣстей и романовъ («Ксаня-чудная», «Тьма», «Еврейка», «Манжажа» (Mon joujou), «Пугачевцы», «Мадонна», «Петербургское дѣйство», «Принцесса Володимирская», «Los Novios», «Атаманъ Устя», «На Москвѣ», «Найденышъ», «Свадебный бунтъ», «Кудесникъ», «Вольнодумцы», «Аракчеевскій сынокъ», «Аракчеевскій подкидышъ», «Бригадирская внучка», «Барыни-крестьянки» и проч., и проч.) хорошо знакомъ русской читающей публикѣ, всегда встрѣчавщей ихъ съ живымъ интересомъ. И публика имѣла на то свои права и основанія.

Сынъ знаменитой въ свое время, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, писательницы, по псевдониму Евгеніи Туръ, графъ Саліасъ получилъ незаурядное образованіе и склонность къ литературнымъ занятіямъ. Съ ранняго дѣтства онъ вращался въ кругу лучшихъ представителей тогдашней литературы въ домѣ своей матери, и это, разумѣется, не осталось безъ вліянія на его литературное развитіе. Между тѣмъ жизнь дома и за границей предста-

вила ему обширный, немногимъ доступный, кругъ наблюденій надъ жизнью и людьми. Всѣ эти обстоятельства не могли бы не отразиться благотворно на дѣятельности писателя и съ меньшимъ дарованіемъ, не могли бы не придать интереса простымъ разсказамъ о его впечатлѣніяхъ.

Начало литературной дѣятельности графа Саліаса относится къ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Нѣсколько повѣстей его («Ксаня-чудная», «Тьма», «Еврейка»), подписанныхъ псевдонимомъ Вадимъ, затѣмъ «Путевые очерки Испаніи», въ которыхъ оригинальность соединялась съ яркостью красокъ и богатствомъ воображенія, обратили на автора вниманіе. Но это были первые шаги автора нашего, еще не опредѣлявшіе его будущей литературной роли. Послѣ нѣкотораго перерыва въ его дѣятельности, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, появились въ «Русскомъ Вѣстникѣ» романы «Бѣгуны» и «Земцы и нѣмцы», составившіе позже, вмѣстѣ съ двумя другими томами («Два коновода» и «Пугачи») большой романъ—хронику «Пугачевцы», и имя автора получило широкую извѣстность. Романъ «Пугачевцы» опредѣлилъ дальнѣйшую дѣятельность графа Саліаса, за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ произведеній, въ беллетристической формѣ представлявшихъ различныя эпохи русской исторіи, преимущественно восемнадцатый вѣкъ.

Русская критика, впрочемъ, не особенно благосклонно встрѣтила новаго писателя, какимъ графъ является съ выходомъ «Пугачевцевъ». Романъ этотъ былъ, напримѣръ, причисленъ однимъ изъ извѣстныхъ критиковъ къ произведеніямъ «московскаго» направленія, возникшимъ на почвѣ московскихъ тенденцій, а вся литература московскаго направленія, по мнѣнію его, «вся цѣликомъ составляетъ мертвый наростъ самаго гангренознаго свойства». «Кто только вступитъ на почву московскихъ тенденцій, — писалъ этотъ критикъ:—у того, будь онъ поэтъ до мозга костей, тотчасъ же является побужденіе изрекать неизреченные глаголы, и онъ начинаетъ цѣлыя страницы и томы наполнять мистическими резонерствами, или вездѣ начнетъ отыскивать враговъ отечества». Самая форма романовъ въ духѣ «московскихъ тенденцій» представлялась критику крайне шаблонной: «на первомъ планѣ изобрази героя охранителя, который долженъ быть «красивъ и статенъ и древняго рода», «характера гордаго, непреклонно-твердаго, храбро-отважнаго», «убѣжденій, само собою разумѣется, безкорыстно честныхъ» и проч. Легко, однако, понять, что это сужденіе о романахъ «московскаго» какого-то направленія, къ которымъ критикъ причисляетъ и романъ графа Саліаса, не есть критика, а узко-тенденціозное разсужденіе, богатое только страшными словами. То, что литературное произведеніе принадлежитъ къ московскому или иному направленію, не доказываетъ еще ровно ничего. И если оно

не нравится противникамъ этого направленія, то будетъ нравиться сторонникамъ его, которые должны поэтому придти отъ него въ восхищеніе; но и то, и другое отношеніе къ произведенію будетъ не критическое, а партійное, исполненное заблужденій и несправедливости. И форма тенденціозныхъ произведеній московскаго направленія принадлежитъ не этому послѣднему только, а есть вообще принадлежность всякаго тенденціознаго произведенія. Такъ, развѣ беллетристика «петербургская», самая прогрессивная и «европейская», и въ частности .«радикальная», но выставляла намъ героя непремѣнно грубаго и неотесаннаго, но увлекающаго женскія сердца, характера также «непреклонно-твердаго», съ убѣжденіями удивительно честными и происхожденія обязательно семинарскаго или мѣщанскаго, въ крайнемъ случаѣ—мелко дворянскаго или чиновничьяго въ обширномъ смыслѣ? Впрочемъ, указываемый критикъ дѣлаетъ снисхожденіе роману графа Саліаса, относя его больше къ романамъ «славянофильскаго» направленія.

Но все это, повторяемъ, не критика и ни мало не подвигаетъ насъ въ дѣлѣ пониманія художественныхъ, вѣрнѣе сказать, литературныхъ, свойствъ даннаго писателя, а даетъ лишь нѣкоторое ложное представленіе о его личныхъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ. Можно, вѣдь, быть совершенно плохимъ романистомъ при самыхъ роскошныхъ убѣжденіяхъ и—наоборотъ. Обыкновенно говорятъ, что все въ литературѣ русской живое и истинно талантливое принадлежитъ не къ «московскому» направленію, а это обстоятельство служитъ доказательствомъ его безсилія. Дѣйствительно, было время, когда въ общемъ это было справедливо; но это служитъ доказательствомъ только того, что въ періодъ разцвѣта русской литературы въ обществѣ преобладало направленіе западническое, но не славянофильское. Но нужно подождать преобладанія иного направленія и посмотрѣть, не явятся ли и при немъ геніальные таланты, прежде чѣмъ судить о его безсиліи. Русская литература, между тѣмъ, уже представила доказательство фальшивости указываемаго односторонняго взгляда, такъ какъ въ лицѣ графа Л. Н. Толстого мы имѣемъ геніальнѣйшаго писателя, который однако не принадлежитъ къ «петербургской литературѣ», говоря выраженіемъ цитированнаго выше критика. Правда, въ геніальномъ писателѣ, названномъ нами, ухитряются видѣть двойственность въ томъ смыслѣ, что-де онъ, какъ художникъ, принадлежитъ къ «петербургской» литературѣ, а своими тенденціями—къ московской. Но такое раздробленіе писателя настолько произвольно, что не можетъ быть предметомъ спора; оно доказываетъ только, что и художественные образы, типическія изображенія дѣйствительности, могутъ подать поводъ къ различнымъ разсужденіямъ, къ пониманію, отличному отъ авторскаго. Но это не ново, и на примѣрѣ Островскаго, котораго такъ неодинаково понимали Добролюбовъ и Аполлонъ Гри-

горьевъ, мы можемъ ясно прослѣдить, какъ различны, даже противоположны, могутъ быть толкованія однихъ и тѣхъ же литературныхъ фактовъ, однихъ и тѣхъ же изображеній дѣйствительности.

Рѣчь наша клонится, однако, не къ тому, чтобы восхвалять или порицать московское или петербургское направленіе художественной литературы. Мы глубоко убѣждены, что художественности нѣтъ ни московской, ни петербургской, а есть просто художественность,—синонимъ безпритязательнаго, не подбитаго вѣтромъ авторскихъ тенденцій, безпристрастнаго, изображенія дѣйствительности, какъ она есть; въ частности, для историческихъ беллетристическихъ произведеній,—какъ она была. Авторъ, конечно, не можетъ избѣжать того, чтобы не отразить въ своемъ произведеніи своихъ воззрѣній на жизнь, не внести своего субъективнаго элемента. Но это нужно отличать отъ узкой тенденціозности, ведущей всегда къ одностороннему не пониманію только, а изображенію дѣйствительности. Пусть авторъ судитъ о жизни какъ онъ хочетъ и можетъ, но пусть онъ и не вырываетъ изъ рукъ читателя возможности судить о ней по своему невѣрнымъ, подстроеннымъ ея изображеніемъ. И такъ, дѣло въ художественности, въ истинности изображенія, а не въ тенденціозности, которая всегда принесетъ плохую услугу, будетъ ли она петербургскою или московскою, или какою-нибудь другою тенденціею. И если графъ Саліасъ дѣйствительно тенденціозенъ, то въ самомъ этомъ фактѣ нужно бы искать причины его недостатковъ, какъ беллетриста, а не въ томъ, каковы его тенденціи. Но въ наши дни, начиная съ конца шестидесятыхъ годовъ, характерною чертою критики было отыскиваніе тенденцій въ произведеніяхъ литературы, хотя бы въ нихъ этихъ тенденцій въ дѣйствительности и не было.

Намъ предстоитъ, такимъ образомъ, разсмотрѣть произведенія графа Саліаса прежде всего не съ точки зрѣнія той, хороши или дурны его тенденціи, а существуютъ ли въ его произведеніяхъ тенденціи, или же они, произведенія его, представляютъ собою, по стремленіямъ и таланту автора, безпретенціозныя изображенія русской исторической дѣйствительности въ тѣ эпохи, которыя бралъ авторъ.

2.

Романъ «Пугачевцы», по общему признанію, есть лучшее произведеніе графа Саліаса, въ которомъ съ наибольшей силой выразились различныя стороны его таланта. На этомъ романѣ мы прежде всего и остановимся, тѣмъ болѣе, что онъ только главнымъ образомъ обратилъ на себя вниманіе критики, которая по нему и опредѣлила литературную физіономію автора. Дальнѣйшія произведенія графа Саліаса уже только подводились подъ ранѣе созданное опредѣленіе, основанное на этомъ романѣ.

«Отъ людей, компетентныхъ въ исторіи и спеціально занимавшихся XVIII столѣтіемъ» можно было услышать въ самый моментъ появленія «Пугачевцевъ», что «графъ Саліасъ очевидно добросовѣстно изучилъ пугачевскій бунтъ и что романъ его представляетъ несомнѣнную фактическую вѣрность исторіи», какъ это свидѣтельствуетъ совсѣмъ нерасположенная къ нему критика. Но и въ этомъ критики сомнѣвались, видя въ романѣ стремленіе пригнуть историческіе факты къ «московскимъ тенденціямъ». Въ доказательство приводился, напримѣръ, одинъ изъ виднѣйшихъ персонажей романа, князь Данило Родивонычъ Хвалынскій. Это, по мнѣнію критики, и былъ тотъ шаблонный герой московскаго толка, «гордый, непреклонно-твердый, храбро-отважный» и съ «генеалогическимъ древомъ», который предполагается непремѣнною принадлежностью тенденціозныхъ московскихъ романовъ. Но, какъ извѣстно, герой этотъ не по душѣ автору, выставляющему его въ свѣтѣ весьма непривлекательномъ. Сама же критика не московскаго толка признала, что въ отношеніяхъ къ своей женѣ Милушѣ «онъ является безъ всякихъ преувеличеній негодяемъ въ высшей степени». Его общественная роль также крайне незавидна. «Во время разгара мятежа,—говоритъ критикъ,—князь, конечно, преисполненъ жаромъ разить враговъ отечества. Но онъ слишкомъ гордъ, чтобы скромно причислиться къ какому-нибудь изъ дѣйствовавшихъ полковъ, подъ чье-нибудь начальство, онъ рѣшается дѣйствовать самостоятельно, снаряжаетъ изъ своихъ холоповъ и охочихъ наемниковъ свой собственный регрементъ черныхъ гусаръ, стоившій ему нѣсколько тысячъ рублей помимо содержанія». И съ этимъ регриментомъ онъ отправился не на пугачевцевъ, а «просто началъ нападать на мирныя селенія, жечь, грабить и вѣшать, не разбирая ни праваго, ни виноватаго и считая всѣхъ крестьянъ безразлично мятежниками». «Жегъ, билъ и вѣшалъ, — читаемъ мы въ романѣ,—все и всѣхъ, попадавшихся подъ руку, на пространствѣ отъ Бугульмы до Юзеевой и, между прочимъ, сбрилъ три большія татарскія деревни. Благодаря этому, душъ восемьсотъ, оставшихся вдругъ безъ крова и хлѣба, тучей двинулись въ Берду (къ Пугачеву), побросавъ женъ и дѣтей, но унося съ собой звѣрскую ярость и злобу на царицыны порядки и полки...» И Бибиковъ, котораго графъ Саліасъ выставляетъ чрезвычайно симпатичнымъ человѣкомъ, глубоко понимавшимъ потребности времени и возмутившагося края, знавшимъ, что нужно дѣлать для прекращенія смуты, презрительно отзывается объ этомъ героѣ: «Герой! Veni, vidi... и перваго, кто подвернулся—на висѣлицу! или изъ пистолета! Самъ—и сыщикъ, и судья, и палачъ... Этакихъ—знаменитыхъ... роту наберу, а коли влѣзутъ въ одинъ мѣшокъ, то и въ воду ихъ...»

Такъ вотъ каковъ этотъ герой, который долженъ, по мнѣнію петербургской критики, изображать собою лучшаго представителя московскихъ тенденцій, столь любезныхъ графу Саліасу. Но позвольте, невольно скажетъ каждый читатель, какимъ же образомъ можно видѣть въ графѣ Саліасѣ тенденціознаго восхвалителя московскаго направленія и «героевъ-охранителей», когда герой-охранитель его является «негодяемъ» по отношенію къ женѣ и развѣ немногимъ меньше по отношенію къ людямъ и даже къ родинѣ? А это очень просто кажется петербургской критикѣ. Графъ Саліасъ, видите ли, «не вполнѣ и не вовсемъ вѣренъ тенденціи «Московскихъ Вѣдомостей» (!), и «происходитъ» это, нужно думать, «отъ молодости и ненаметанности», а можетъ быть, у графа Саліаса такой уже складъ ума, что ему трудно удержаться на какой-нибудь тенденціи и остаться ей логически послѣдовательнымъ до конца».

Не подлежитъ, очевидно, сомнѣнію, что личность князя Хвалынскаго совсѣмъ не представляетъ ничего общаго съ московскими или иными тенденціями, что обвиненіе графа Саліаса по поводу его есть только доказательство тенденціозности и непослѣдовательности критики. Въ дѣйствительности этотъ персонажъ въ высокой степени любопытенъ и поучителенъ съ чисто-психологической стороны и можетъ служить лучшимъ доказательствомъ несправедливости къ автору критики, которая на подобныхъ основаніяхъ могла бы пріурочить къ какому угодно направленію любое произведеніе, очевидныя противорѣчія котораго ей можно всегда объяснить непослѣдовательностью автора.

Не касаясь пока вопроса, насколько цѣлостенъ и ясенъ князь Хвалынскій съ точки зрѣнія строго художественной, мы можемъ съ полной увѣренностью сказать, по крайней мѣрѣ, что авторъ угадалъ имъ широко распространенный типъ, который долженъ былъ существовать въ Россіи восемнадцатаго вѣка. То было своеобразное время, въ которое дѣйствовали своеобразные въ психологическомъ смыслѣ люди. Князь Хвалынскій, очевидно, былъ не какой-то «твердо-непреклонный охранитель», а новаторъ, прогрессистъ своего времени, и авторъ, изображая его, если и игралъ въ руку извѣстному направленію, то совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ это поняла петербургская критика. Князь Хвалынскій былъ произведеніемъ того вѣка, когда въ Россіи распространялось европейское образованіе въ формахъ своеобразныхъ и въ направленіи далеко не всегда благотворномъ. Петербуржецъ по воспитанію и жизни, вдали отъ родныхъ полей, отъ живой дѣйствительности, вращавшійся преимущественно въ придворной средѣ, среди нѣмцевъ, презиравшихъ русскую жизнь и ровно ничего въ ней непонимавшихъ, онъ усвоилъ себѣ чисто теоретическія воззрѣнія, развилъ въ себѣ условныя понятія о «чести» и благородствѣ, не узналъ совершенно русской жизни и сдѣлался тѣмъ рыцаремъ «черныхъ

гусаръ», какимъ мы находимъ его въ романѣ. Оттуда и двойственное впечатлѣніе, которое онъ можетъ производить. Когда онъ появляется передъ вами въ романѣ вначалѣ, онъ можетъ произвести впечатлѣніе рѣшительно симпатичное. На европейскій манеръ вылощенный, дѣйствительно, съ строгими понятіями о чести и долгѣ, условно благородный, онъ истинный теоретикъ, чувствующій себя выше распущенной, лѣнивой и необразованной среды. Закаленный войнами, онъ мужественъ, и это кладетъ на него свой отпечатокъ. Онъ не глупъ, хотя и не выдается изъ средняго уровня умовъ, но внѣшнее образованіе даетъ оттѣнокъ его уму, позволяющій ему опять считать себя выше другихъ, выше среды, въ которую онъ попалъ въ провинціи. Но на практическомъ дѣлѣ, задѣвающемъ основы общей русской жизни, требующемъ знанія ея, болѣе сложномъ, чѣмъ простое дѣло войны, его теоретическія, взрощенныя не на живой почвѣ русской дѣйствительности, понятія оказываются недостаточными, отсутствіе выдающагося ума мѣшаетъ ему вникнуть въ дѣло глубже, и вотъ онъ совершаетъ рядъ ошибокъ, глупостей, вредя общему дѣлу вмѣсто того, чтобы помогать ему. Презрительное отношеніе къ родной жизни, впитанное въ петербургской средѣ, является ему въ этомъ случаѣ великимъ подспорьемъ, помощью. Такое, единственно-возможное, пониманіе характера князя Хвалынскаго дѣлаетъ, конечно, лишними и странными всякія толкованія о томъ, какія тенденціи, московскія или петербургскія, руководили авторомъ въ изображеніи этого лица. Очевидно, что графъ Саліасъ руководился просто основаніями историческими, быть можетъ, просто чувствомъ тогдашней, временъ Пугачева, русской жизни, тогдашней эпохи, въ которую, по свидѣтельству «людей компетентныхъ», онъ вглядѣлся внимательно и добросовѣстно. Нужно думать, что графъ Саліасъ не совсѣмъ непреднамѣренно нарисовалъ своего князя Хвалынскаго въ столь своеобразномъ освѣщеніи, понималъ и обсудилъ этотъ характеръ теоретически, но въ немъ все-таки сказывается художественный элементъ,—его авторъ не объясняетъ, а рисуетъ, изображаетъ, заставляя его говорить самого за себя своими рѣчами и дѣйствіями.

На примѣрѣ князя Хвалынскаго мы уже научаемся искать въ произведеніяхъ графа Саліаса не тенденцій, а характеристики изображаемой эпохи. Приглядываясь ближе къ многочисленнымъ и многоразличнымъ персонажамъ его романа «Пугачевцы», мы находимъ рядъ рѣшительно удачныхъ изображеній, рядомъ, впрочемъ, и съ неудачными. Авторъ нашъ обнаруживаетъ открыто прямое стремленіе объяснить упорность пугачевскаго бунта съ одной стороны, а съ другой—неудачи русскихъ войскъ въ усмиреніи его, и съ этою цѣлью нѣсколько предвзято подыскиваетъ персонажей, долженствующихъ выразить его мысли. Такое подыскиваніе, отзывающееся теоретичностью, всегда вредитъ художе-

ственному характеру произведенія. Это лишь, однако, черта въ романѣ графа Саліаса, не исключающая правдивости и ясности многихъ изображеній. Особенно замѣтно это на изображеніяхъ лицъ историческихъ. Генералы Каръ, Бибиковъ, Рейнсдорфъ, Фрейманъ, даже на моментъ только появляющійся Суворовъ, глядятъ на васъ живыми лицами, хотя, нужно прибавить, именно только по отношенію къ своей роли усмирителей бунта. Несравненно слабѣе выходятъ персонажи, долженствующіе изобразить народъ съ его ролью въ возстаніи, каковы Савка и Яшка. И это выдаетъ намъ одно изъ свойствъ авторскаго дарованія. Графъ Саліасъ силенъ тамъ, гдѣ онъ на почвѣ факта, на почвѣ дѣйствительности; онъ изображаетъ только то ярко и отчетливо, что онъ наблюдалъ или близко изучилъ. Но народъ той эпохи, хотя онъ и немного отличенъ отъ современнаго, находится въ нѣкоторомъ отдаленіи на обширной картинѣ пугачевскаго мятежа, и авторъ рисуетъ его уже съ видимо придуманными цѣлями, съ пріемами, что ему нужно то-то и то-то показать. Во всякомъ случаѣ, романъ представляетъ широкую картину интереснѣйшаго момента исторической жизни Россіи съ большою полнотой и отчетливостью, при чемъ роль крѣпостничества народнаго у «господъ» и чиновниковъ, какъ скрытаго, въ глубинѣ лежавшаго, но главнаго источника смуты, выдвигается съ полной откровенностью съ первыхъ же главъ романа. Съ этой именно цѣлью въ началѣ же романа и выступаютъ на сцену Савка и Яшка, безправностью своего положенія и невѣжествомъ выбитые изъ колеи своего родного быта и потомъ уже приставшіе къ бунту. Роль такихъ образованныхъ господъ, какъ князь Хвалынскій, которымъ образованіе не дало ни знанія среды, ни способности понять ее, подчеркиваетъ безпомощное положеніе народа. Какъ видитъ читатель, все это далеко отъ какихъ-то узкихъ тенденцій «московскихъ» и говоритъ за стремленіе автора безпритязательно и безпристрастно очертить значеніе эпохи.

3.

Критика поставила въ упрекъ графу Саліасу, между прочимъ, то, что онъ является не только послѣдователемъ, но и рабскимъ подражателемъ графу Льву Толстому. По ея словамъ, графъ Саліасъ «съумѣлъ вполнѣ отрѣшиться отъ своей собственной физіономіи», что онъ у графа Толстого взялъ «цѣликомъ все, что только можно было взять—характеры, сцены, мотивы, философію, словомъ все». У графа Толстого Пьеръ задумываетъ убить Наполеона, и у графа Саліаса Параня стремится убить Пугачева; у графа Толстого князь Андрей Болконскій боленъ и послѣ болѣзни впадаетъ въ разныя размышленія, и у графа Саліаса тоже совершается съ княземъ Иваномъ; у перваго Долоховъ продѣлываетъ головоломную штуку съ бутылкой

рома, выпивая ее на откосѣ окна, рискуя упасть и разбиться, и у послѣдняго Ахлатскій въѣзжаетъ на конѣ на колокольню и т. д. Наконецъ, графъ Саліасъ «подражаетъ Л. Толстому и въ томъ отношеніи, что точно также старается провести идею, что всѣ историческія событія обусловливаются массовыми движеніями, причемъ отдѣльныя личности играютъ роль чисто служебную». Въ доказательство послѣдняго, критика приводитъ тотъ фактъ, что по графу Саліасу, если бы Пугачевъ погибъ или былъ захваченъ, то бунтъ все-таки шелъ бы своимъ путемъ,—роль Пугачева тотчасъ же была бы замѣщена другимъ и третьимъ лицомъ.

Эти указанія критики имѣютъ нѣкоторую долю правды только въ томъ смыслѣ, что графъ Саліасъ несомнѣнно испыталъ сильное вліяніе графа Толстого. Но понятно, что это обстоятельство не можетъ служить серьезнымъ укоромъ для писателя съ несравненно меньшимъ дарованіемъ, чѣмъ геніальный творецъ «Войны и мира». Непервоклассные писатели большею частію подчиняются вліянію первоклассныхъ, они только популяризируютъ идеи этихъ послѣднихъ, дѣлаютъ ихъ болѣе доступными и понятными читателямъ въ частныхъ примѣненіяхъ, примѣняютъ эти идеи, имѣющія у геніальныхъ писателей болѣе общій смыслъ и приложеніе, къ данному обществу и данной эпохѣ. Пусть вліяніе графа Толстого на графа Саліаса сказалось и болѣе, чѣмъ слѣдовало бы для его самостоятельности, все-таки фактъ самъ по себѣ не заключаетъ въ своемъ составѣ ничего, исключающаго достоинства произведенія графа Саліаса. Напротивъ, попытка представить пугачевскую смуту въ свѣтѣ идей и жизненныхъ представленій графа Толстого можетъ вызывать сочувствіе. Конечно, это сочувствіе возможно только со стороны тѣхъ, кто раздѣляетъ эти воззрѣнія, но каждый, вѣдь, пишетъ не для того, чтобы угодить своимъ противникамъ. И если графъ Саліасъ усвоилъ себѣ воззрѣнія на историческія движенія отъ графа Толстого, не могъ же онъ не внести ихъ и въ свое произведеніе. Между тѣмъ, далеко невозможно сказать, чтобы графъ Саліасъ былъ просто подражателемъ Толстого. Въ романѣ его есть персонажи, не имѣющіе никакого сходства съ персонажами творца «Войны и мира». Даже случаи внѣшняго сходства характеровъ, выводимыхъ обоими писателями, совсѣмъ не имѣютъ того значенія, которое имъ придается критикой. Дѣйствительно, и Пьеръ, напримѣръ, думаетъ убить Наполеона, и Параня въ «Пугачевцахъ» Пугачева; но на этомъ сходство и оканчивается, потому что Пьеръ и Параня характеры совершенно различные и значеніе ихъ поступковъ не одно и то же. Въ Паранѣ именно представленъ характеръ фантастическій, дѣвушка капризная и мечтательная, ищущая необыкновенныхъ дѣлъ, лишенная простого отношенія къ жизни, и она совершаетъ свой подвигъ наобумъ, съ легкомысленностью и незнакомствомъ съ жизнью, заставляющими сожалѣть ее.

Героическая черта въ ея характерѣ есть, но она не преобладающая, а второстепенная. Все это совсѣмъ не похоже на Пьера Безухова, и нужно сказать, что авторъ изобразилъ свою Параню довольно рельефно. Думается, что такія безпокойныя натуры, какъ она, были всегда на Руси, гдѣ имъ негдѣ было развернуться, имъ, воспитаннымъ въ тиши и бездѣйствіи. И авторъ былъ вѣренъ эпохѣ, заставивши одну изъ этихъ безпокойныхъ натуръ воспрянуть при видѣ смуты, заполонившей огромный край ея родины.

Но замѣчательною чертою графа Саліаса является то, что въ то время еще, когда графъ Л. Н. Толстой не былъ вполнѣ угаданъ и оцѣненъ, онъ съумѣлъ понять все значеніе его и пошелъ по его слѣдамъ. Упрекъ ему въ этомъ звучитъ страннымъ диссонансомъ. Казалось бы, все развитіе русскаго историческаго романа скорѣе обязывало его къ этому. Было время, когда историческія представленія отводили не только главное, но почти единственное и исключительное мѣсто въ историческихъ событіяхъ единичнымъ личностямъ, героямъ этихъ событій, и рутина дѣлала то, что до позднѣйшихъ временъ такія представленія руководили и исторіей, и исторической беллетристикой. Русскій историческій романъ, однако, только у второстепенныхъ представителей литературы подчинялся этой рутинѣ. Развѣ великая историческая картина, нарисованная Гоголемъ въ «Тарасѣ Бульбѣ» не представляетъ въ самомъ широкомъ развитіи мысль о значеніи именно массы въ историческихъ событіяхъ? И развѣ историческій опытъ нашей родины не представляетъ поразительныхъ примѣровъ, въ которыхъ, какъ 1612 и 1812 годы, дѣйствующими лицами въ историческихъ трагедіяхъ являются массы народныя, низводя значеніе отдѣльныхъ лицъ на степень орудій задачъ не ими выполняемыхъ? И нѣтъ ничего естественнѣе, что геніальный романистъ, Л. Толстой, въ своихъ великихъ произведеніяхъ проводилъ эту мысль въ формахъ даже нѣсколько преувеличенныхъ. И это имѣло свое значеніе, потому что исторія, насколько она извѣстна и доступна публикѣ, не могла привить ей эту мысль, сдѣлать ее общедоступною и понятною. Графъ Саліасъ усвоилъ эту мысль въ «Пугачевцахъ», распространивъ ее на этотъ страшный бунтъ, который безъ массъ и смысла никакого имѣть не можетъ, и ничѣмъ не погрѣшилъ противъ истины исторической.

Но отдавая эту справедливость талантливому романисту, мы должны сказать, что въ практическомъ художественномъ исполненіи это введеніе въ романы массовой, народной психологіи не всегда ему удавалось. Психологія массъ—дѣло новое и трудное, и художественное воспроизведеніе событій, основанныхъ на ней, по плечу только геніальнѣйшимъ представителямъ литературы. Но и геніальный писатель Л. Толстой, отражая въ своемъ великомъ произведеніи значеніе массы народной въ исторической картинѣ, чувствуя

всю необъятность своей задачи, считаетъ нужнымъ поясненія и дополненія. Естественно, что гр. Саліасъ въ большинствѣ случаевъ въ состояніи лишь приподнять завѣсу, скрывающую за собою необъятно громадныя силы, вырывающіяся вовнѣ въ формѣ историческихъ фактовъ, видимыхъ всѣми. Картины движеній массъ у него не полны и блѣдны, объясненія посредствомъ личной судьбы отдѣльныхъ персонажей, какъ Савка и Яшка, недостаточны и, такъ сказать, мелки. Но авторъ все-таки даетъ представленіе о нихъ достаточно ясное и полное, и читатели, интересующіеся не внѣшностью только событій историческихъ, а и ихъ сущностью, ихъ внутренними причинами, всегда останутся благодарными ему, признаютъ за его произведеніями интересъ и значеніе.

Мы говорили до сихъ поръ главнымъ образомъ о романѣ «Пугачевцы» и разумѣли нѣкоторые другіе романы гр. Саліаса, по своему значенію не уступающіе «Пугачевцамъ» или приближающіеся къ нимъ. Для нихъ авторъ могъ близко ознакомиться съ историческими данными, составляющими, какъ мы выше замѣтили вскользь, всегда необходимую основу для воображенія автора нашего. Но среди произведеній его есть такія, которыхъ все содержаніе заключается въ психологіи массы, для которой нѣтъ ни архивовъ, ни другихъ источниковъ, и которую можно постигнуть только художническимъ чувствомъ и воображеніемъ. Авторъ, имѣя недостаточныя фактическія, реальныя основы, утрачиваетъ одно изъ сильнѣйшихъ орудій для изображенія исторической картины, краски на его палитрѣ блѣднѣютъ, воображеніе отказывается служить ему. Эти произведенія принадлежатъ къ слабѣйшимъ изъ написанныхъ гр. Саліасомъ, иногда они ниже его литературной роли и его таланта. Къ такимъ произведеніямъ относится, напримѣръ, романъ «Свадебный бунтъ». Этотъ любопытный эпизодъ русской исторіи принадлежитъ къ интереснѣйшимъ задачамъ для художника беллетриста. Въ ту эпоху, когда великій русскій императоръ созидалъ новую будущность Россіи на почвѣ сближенія съ Европою, въ далекомъ уголкѣ страны, въ Астрахани, естественно, какъ вообще, впрочемъ, во всемъ государствѣ его, реформы, нарушавшія вѣковые обычаи Россіи, производили волнующее впечатлѣніе. На почвѣ слуховъ, слуховъ нелѣпыхъ о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ императора и возникъ этотъ странный «Бунтъ», выразившійся въ эпидеміи свадебъ, имѣвшихъ цѣлію избѣжать для взрослыхъ дѣвицъ Астрахани замужества за нѣмцевъ, которыхъ будто бы нарочно посылалъ съ этой цѣлію въ городъ императоръ цѣлою партіей. Какъ могла возникнуть и совершиться подобная исторія, едва ли имѣющая себѣ подобную? Очевидно, что самый слухъ не могъ быть умышленно выдуманнымъ, вѣроятно, онъ былъ отголоскомъ цѣлой массы неопредѣленныхъ переплетавшихся слуховъ, представлявшихъ, какъ всегда, извращеніе только дѣйствительныхъ фактовъ. И тру-

дно уловить или схематически представить этотъ процессъ массоваго заблужденія. Но авторъ разрубилъ этотъ гордіевъ узелъ, приписавъ возникновеніе нелѣпости не сплетенію милліона мелочныхъ обстоятельствъ и многочисленныхъ побужденій, а просто волѣ одного лица. И воля эта основывалась на романической исторіи безнадежной любви пріятеля этого одного лица, которая только и могла придти къ желательному браку помощью этой остроумной выдумки. Можно не обинуясь сказать, что такое объясненіе свадебнаго бунта произвольно, и если могло быть что̀-нибудь подобное, то оно не могло играть такой огромной роли. Но даже и въ этомъ романѣ читатель видитъ отраженіе своеобразной эпохи съ ея громадными перемѣнами въ жизни, онъ чувствуетъ, если не видитъ, присутствіе всеобщаго безпокойства передъ реформами Петра и сознаетъ причины многочисленныхъ явленій, изъ которыхъ «свадебный бунтъ» былъ только однимъ крупнымъ звеномъ. Такъ, даже при невполнѣ удачномъ замыслѣ, авторъ остается вѣренъ своей задачѣ—дать представленіе извѣстной эпохи съ ея характерными особенностями. И трудно тутъ видѣть какую-нибудь внѣшнюю тенденцію, стремленіе служить какому-нибудь исключительному направленію.

4.

Неполнота и несовершенство психологическаго изображенія массовыхъ народныхъ движеній зависитъ у графа Саліаса, впрочемъ, и отъ другой причины, помимо трудности представляемыхъ имъ задачъ, именно отъ причины, лежащей въ самыхъ свойствахъ авторскаго дарованія. Графъ Саліасъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которые не отличаются силою психологическаго анализа, того, что̀ на языкѣ эстетиковъ носило когда-то названіе «психологическаго прозрѣнія», и въ этомъ именно причина указаннаго нами выше свойства его, что ему удаются изображенія только видѣннаго или близко изученнаго. Оттого-то его персонажи не всегда строго выдержаны, не всегда строго развиты изъ ихъ коренныхъ свойствъ. Не рѣдко лицо, по своему положенію и характеру долженствующее быть сосредоточеннымъ и молчаливо властнымъ, вдается у нашего автора въ наивную болтливость; то лицо, напротивъ, которому самою природой, казалось бы, предопредѣлена откровенная болтливость, ведетъ себя серьезно и сосредоточенно, и т. д. Таковъ, напримѣръ, самъ Пугачевъ въ «Пугачевцахъ». Можно угадывать этотъ характеръ, такъ хорошо выразившійся во время казни, у автора въ романѣ, какъ извѣстно, отсутствующей, и въ обстоятельствахъ ей предшествовавшихъ, можно догадываться о его поразительно сильной волѣ, хитрости, глубокомъ пониманіи людей, умѣньѣ затрогивать ихъ страсти, вліять на нихъ, повелѣвать ими, словомъ обо всѣхъ тѣхъ свойствахъ, которыя слегка, но

съ геніальною силою затронуты Пушкинымъ въ «Капитанской дочкѣ». Но у автора нашего вы встрѣчаете только блѣдное отраженіе этихъ свойствъ, а иногда и противорѣчія имъ. И это опять объясняется тѣмъ, что авторъ не имѣлъ возможности изучить этотъ характеръ, характеръ мужицкій, такъ сказать, непосредственно близко.

На почвѣ реальности только силенъ этотъ талантъ. Оттого-то также не принадлежатъ къ лучшимъ тѣ произведенія графа Саліаса, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ психологически изслѣдовать и очертить человѣческій характеръ. Возьмемъ, напримѣръ, его «поволжскую быль», «Атаманъ Устя». Здѣсь автору предстояла крупная задача изобразить суровый характеръ женщины, ставшей атаманомъ шайки волжскихъ разбойниковъ, а вышла наивная идиллическая картина съ обиліемъ влюбленныхъ въ атамана и съ блѣдностью душевныхъ движеній разбойниковъ и ихъ предводителей. На «Аракчеевскомъ сынкѣ» и «Аракчеевскомъ подкидышѣ» мы имѣемъ другой примѣръ, доказывающій нашу мысль. Здѣсь авторъ имѣлъ передъ собою задачу изобразить лицо, выросшее при гибельныхъ нравственно условіяхъ въ незаконной семьѣ Аракчеева, въ условіяхъ ежедневнаго зрѣлища жестокости и произвола и безнравственныхъ отношеній; но все же это лицо интеллигентнаго общества, ближе понятнаго для графа Саліаса, какъ это ясно изъ всѣхъ его произведеній. И между тѣмъ Аракчеевскій сынокъ является передъ нами только во внѣшнихъ, понятныхъ само собою свойствахъ. Его распущенность, полное неумѣнье господствовать надъ своими страстями, отсутствіе въ немъ истинно нравственныхъ понятій—все это, показанное въ романѣ, само собою разумѣется; все это ясно можно предвидѣть, предугадать. Но затѣмъ собственно индивидуальныя свойства характера этого персонажа, указанія, какъ онъ сложился, подъ какими именно вліяніями, какъ эти свойства его проявляются въ мелкихъ развѣтвленіяхъ, въ романѣ не отражается. Рядомъ съ дурными свойствами, въ немъ, въ аракчеевскомъ сынкѣ, существуютъ прекрасныя задатки доброты и гуманности, и въ то время, когда онъ узнаетъ, что онъ не сынъ Аракчеева, а обманомъ проведенный къ нему въ качествѣ сына, эти добрыя качества получаютъ преобладаніе, причемъ они объясняются наслѣдственностью отъ добрыхъ людей и отрицательнымъ на него вліяніемъ окружавшаго его звѣрства и деспотизма. Какъ видитъ читатель, характеръ этотъ задуманъ глубоко и логически послѣдовательно; но въ практическомъ исполненіи онъ не полонъ и необъясненъ, и добрыя качества его, если и связаны съ злыми въ одно цѣлое, то слабою нитью.

Повторяемъ, графъ Саліасъ не обладаетъ большою силою психологическаго анализа. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ дарованіямъ, которыя вносятъ въ свои изображенія больше мысли, чѣмъ вообра-

женія. Это талантъ постоянно рефлектирующій, изображающій жизнь путемъ больше обдумыванія, но не творящій. Онъ, однако, далеко не чуждъ художественности и вдохновенія, хотя для нихъ ищетъ всегда твердой почвы изученіемъ. И тамъ, гдѣ это изученіе среды ему дается, онъ силенъ и изображаетъ мастерски даже такіе сложные характеры, какъ князь Хвалынскій въ «Пугачевцахъ»; тамъ же, гдѣ знаніе, прямое наблюденіе измѣняютъ ему, онъ даже въ тѣхъ же «Пугачевцахъ» слабъ. Разсматривая его съ этой стороны, вы въ немъ находите словно два различныхъ человѣка: одинъ съ прекраснымъ пониманіемъ и силою изображенія, другой—колеблющійся, ищущій оріентироваться и угадать и представляющій слабые очерки, въ которыхъ отражается это стремленіе автора, но не живая дѣйствительность. Потому-то графъ Саліасъ такъ неровенъ, и рядомъ съ превосходными страницами вы вдругъ находите другія, лишенныя глубины и психологическаго прозрѣнія. Но отъ каждаго писателя можно только требовать того, что онъ можетъ дать, и прекрасныя страницы выкупятъ въ глазахъ читателя все слабое и несовершенное.

Почва, реальная основа имѣетъ такое большое значеніе въ произведеніяхъ графа Саліаса, что нѣкоторыя его произведенія, неотносящіяся прямо къ преслѣдующимъ задачи психологическаго анализа, не возможно не отнести къ замѣчательно удачнымъ. Среди его послѣднихъ произведеній въ этомъ смыслѣ выдается повѣсть «Барыни-крестьянки» (въ «Нивѣ» за 1889 годъ). Само собою разумѣется, что авторъ имѣлъ возможность близко наблюдать явленія крѣпостного права и слагавшіяся на его основаніяхъ отношенія. И вотъ это знаніе, эти непосредственныя наблюденія, дали ему возможность создать необыкновенно живую и жизненную, яркую картинку быта изъ временъ крѣпостной зависимости. «Барыни-крестьянки», какъ они ни легко написаны, замѣтимъ, авторомъ, какъ ни просто авторъ отнесся къ своей задачѣ, въ высокой степени интересны и по замыслу, и по исполненію. Разсказъ этотъ, скажемъ для нечитавшихъ его, состоитъ въ томъ, что дѣвушка-княжна влюбляется въ своего двороваго, геніально-художественную натуру-самородка, и въ концѣ концовъ выходитъ за него замужъ, дѣлаясь одновременно и помѣщицей, и своей собственной крѣпостной, такъ какъ она по небрежности и вслѣдствіе кляузно-подстроеннаго обмана не успѣваетъ освободить отъ крѣпостной зависимости своего мужа. Живя съ мужемъ въ Италіи, желая хоть и навсегда остаться тамъ, гдѣ мужъ ея учился скульптурному искусству, она продала свое имѣніе другу своему, двоюродному брату. А этотъ послѣдній, человѣкъ слабый, попалъ въ плѣнъ къ крѣпостной дѣвушкѣ, злобной и страстной особѣ, прежде влюбленной въ мужа княжны, когда онъ былъ еще дворовымъ. Она настолько овладѣла княземъ, что заставила его жениться на

себѣ и сдѣлалась, такимъ образомъ, юридически помѣщицей княжны, своей бывшей госпожи и ея мужа, заставивъ ихъ пройти рядъ жестокихъ испытаній, пока имъ удалось освободиться отъ нея. Сюжетъ этотъ только повидимому сложный, въ сущности онъ простъ и естественъ при господствовавшихъ тогда порядкахъ. Представьте же себѣ, какія потрясающія коллизіи должны были возникать при этой перемѣнной власти одной женщины надъ другою. И авторъ безъ всякихъ эфектовъ, просто, но ясно, безъ особенной психологической глубины, но съ несомнѣннымъ присутствіемъ значительнаго психологическаго анализа разсказываетъ эту тяжелую исторію. И читатель, нужно сказать, съ невольнымъ трепетнымъ любопытствомъ слѣдитъ за послѣдовательнымъ развитіемъ простыхъ, естественныхъ, но въ глубинѣ страшныхъ событій; онъ не можетъ отказать героямъ въ интересѣ и сочувствіи, страшится вмѣстѣ съ ними и радуется, онъ вполнѣ понимаетъ ихъ, ихъ внутреннюю жизнь и интересы. И характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены довольно живо, понятны читателю. На первый взглядъ можетъ показаться нѣсколько страннымъ замыселъ изобразить въ свѣтѣ идеальномъ любовь образованной дѣвушки, натуры живой и способной на все хорошее, къ простому крѣпостному столяру. Но въ повѣсти автора это выходитъ совершенно естественно и понятно; самое воспитаніе дѣвушки, барская среда, дѣйствовавшая на нее отрицательно, деспотизмъ отца—все влекло ее въ будущемъ къ этому именно исходу. И вотъ, встрѣтивъ въ деревнѣ натуру богатую, притомъ необыкновенно красиваго юношу, княжна, приглядѣвшись къ нему, увлекается. Она не лишена чувственности, но склонна и къ идеальнымъ требованіямъ отъ жизни и людей, и эти оба влеченія находятъ въ юношѣ удовлетвореніе. Все это изображено авторомъ безъ искусственности и эфектовъ, все просто и на своемъ мѣстѣ. Съ такою же простотой, безъ претензій на глубину, нарисованъ и двоюродный братъ княжны, но съ особенной рельефностью выдается соперница ея, крѣпостная дѣвушка, хотя авторъ и не вводитъ ее въ повѣсть вполнѣ, не занятъ ею столько, сколько другими персонажами.

5.

Изъ вышесказаннаго ясно, что произведенія графа Саліаса, въ смыслѣ художественныхъ произведеній, занимая мѣсто второстепенное, тѣмъ не менѣе составляютъ цѣнное пріобрѣтеніе для русской литературы. Въ ряду собственно русской исторической беллетристики имъ принадлежитъ по праву едва ли не самое выдающееся мѣсто. Къ слову сказать, мы, русскіе, съ необыкновенной строгостью относимся къ роднымъ писателямъ, не рѣдко предпочитая имъ весьма посредственныя издѣлія европейской литера-

туры. Графъ Саліасъ подвергался, какъ мы видѣли, рѣзкимъ нападеніямъ. Но признавая, по художественнымъ свойствамъ, произведенія его не стоящими на уровнѣ созданій тѣхъ русскихъ писателей, которые поправу составляютъ гордость русской литературы, мы должны же признать, что авторъ нашъ весьма занимательный разсказчикъ съ сильными художественными сторонами, что при неполнотѣ психологическаго анализа, онъ яркими красками рисуетъ намъ разныя историческія эпохи съ большимъ пониманіемъ и безпристрастіемъ, стараясь вникнуть въ ихъ внутренній смыслъ и значеніе. Послѣ Вальтеръ-Скотта, исчерпавшаго средневѣковой бытъ Европы, во всей европейской литературѣ, быть можетъ, только одинъ Флоберъ съ его «Саламбо» стоитъ на истинно художественной высотѣ рядомъ съ глубокой правдой историческаго изображенія. Между тѣмъ міровой славой пользуется, напримѣръ, Эберсъ съ его египетскими романами. А онъ далеко не отличается силою психологическаго анализа, и все значеніе его въ незаурядномъ знакомствѣ съ древне-египетской жизнью, съ нравами той давней эпохи. Разговоры его египетскихъ принцевъ и принцессъ иногда тяжеловѣсны и совершенно не психологичны, событія изображаются имъ растянуто и часто необоснованно, въ древній бытъ, подъ флагомъ общечеловѣческаго, общаго всѣмъ временамъ и народамъ, вводится имъ не мало современно-европейскаго. И все это не мѣшаетъ ему пользоваться широкой извѣстностью, между прочимъ, и у насъ въ Россіи. Мы не говоримъ уже о такихъ поставщикахъ занимательнаго историко-беллетристическаго чтенія, какъ Грегоръ Самаровъ и полкъ его послѣдователей. Міровою славою пользуются и романы, нѣтъ словъ—высоко замѣчательные и яркіе, Генриха Сенкевича; а они во всякомъ случаѣ нерѣдко грубо тенденціозны, и въ этихъ случаяхъ точно также лишены психологической глубины. Будемъ же болѣе справедливы къ родному писателю, безъ всякаго сомнѣнія оказавшему русскимъ читателямъ и русскому историческому роману немаловажныя услуги.

Значеніе графа Саліаса, центръ тяжести этого значенія, заключается, какъ это ясно, не въ художественности его произведеній,—въ этомъ отношеніи мы имѣемъ настоящіе высокіе образцы, передъ которыми они не могутъ имѣть значительнаго мѣста. Графъ Саліасъ въ высокой степени полезенъ, какъ популярный, доступный изобразитель нѣкоторыхъ историческихъ элементовъ русской жизни. Стало ходячею фразою, что безъ знанія прошлаго нельзя хорошо понять настоящее, и распространеніе историческаго пониманія одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ просвѣщенія публики. Историческій романистъ, умѣющій представить ту или другую эпоху въ ея настоящемъ свѣтѣ, безъ современныхъ тенденцій, съ полнотой и ясностью, можетъ дать объ этой эпохѣ такое отчетливое представленіе, какого не дасть никакая исторія, не говоря уже о крат-

кихъ учебникахъ, которыми ограничивается большинство публики. Такихъ историко-беллетристическихъ произведеній не много, и къ такимъ именно принадлежатъ произведенія графа Саліаса, который раздѣляетъ эту роль съ Данилевскимъ.

Чтобы вполнѣ выяснить указываемое значеніе романовъ графа Саліаса, необходимо разсмотрѣть на примѣрахъ, что же онъ именно говоритъ этими романами, какія мысли вытекаютъ изъ нихъ. Разсматривая романъ «Пугачевцы», вы безъ усилія отмѣчаете съ самаго же начала ту мысль, что весь мятежъ пугачевскій возникъ на почвѣ тогдашнихъ русскихъ порядковъ, въ которыхъ было много неустройства, на почвѣ бѣдствій народа, не имѣвшаго въ своей темнотѣ ни достаточно защиты себѣ отъ настоящихъ «чиновниковъ» и отъ ловкихъ пройдохъ, наряжавшихся чиновниками и обиравшихъ народъ, на почвѣ также помѣщичьей распущенности и жестокаго самоуправства. Пусть это изображено безъ той психологической глубины, какую вы могли бы желать отъ геніальнаго таланта, но все облечено въ ясные образы, говорящіе вашему уму и чувству. Мысль, какъ видите, справедливая и большая, важная, и пусть она подходила бы хоть подъ самыя размосковскія тенденціи, не унижать и преслѣдовать ее слѣдуетъ, а просто признать. Легко вы выводите также, что дѣло не въ Пугачевѣ, что на его мѣстѣ могъ бы быть всякій, конечно, подобный ему по дерзости, и отъ этого дѣло мало бы измѣнилось. И эта мысль, будь она заимствована отъ графа Л. Толстого или нѣтъ, справедливая и значительная, и опять она заслуживаетъ только признанія. Воочію видите вы также, что упорство мятежа, его сила и продолжительность зависѣли отъ невниманія къ народу, отъ неумѣнья постигнуть его характеръ и нужды и потому отъ неумѣнья найти и подходящія средства для борьбы со зломъ. И снова мысль серьезная и благотворная. Въ этомъ неумѣньи постигнуть причины, источники возмущенья, въ романѣ отведена извѣстная роль тому обстоятельству, что въ русскомъ правительствѣ того времени былъ силенъ иностранный, преимущественно нѣмецкій элементъ, самымъ своимъ положеніемъ обреченный на презрительное непониманіе народной русской жизни съ ея потребностями и народнаго характера, и что русскіе, воспитанные на иностранный манеръ, отличались по существу тѣми же качествами. Всѣ эти мысли, выраженныя въ лицахъ и дѣйствіяхъ, даютъ полное и ясное представленіе не только о томъ, что было, но и томъ, чего не должно быть. Всѣ обстоятельства эти оправдываются историческими данными, какія только существуютъ. Внѣ подобныхъ выводовъ въ романѣ безпристрастная критика ничего не можетъ найти, и все другое, что въ немъ находили, доказывало тенденціозность не романа, а самой критики. Проведеніе подобныхъ взглядовъ въ большую читающую публику должно быть признано весьма благотворнымъ дѣломъ, вливающимъ

свѣтъ истины и расширяющимъ взгляды читателя какъ на историческую, такъ вообще и на современную русскую жизнь, дающимъ болѣе ясное, притомъ, представленіе о русскомъ историческомъ народѣ, томъ народѣ, который съ одной стороны создалъ великое движеніе 1612 и 1812 годовъ, а съ другой произвелъ пугачевскую смуту.

Возьмемъ другой примѣръ, другой большой романъ графа Саліаса,—«Петербургское дѣйство». На немъ намъ необходимо остановиться болѣе внимательно, съ нѣкоторыми спеціальными разъясненіями. Какъ извѣстно, романъ этотъ имѣетъ цѣлію разъясненіе переворота, свергшаго съ престола императора Петра III и возведшаго на престолъ Екатерину II. Извѣстно также, что въ романѣ огромная роль отведена нѣмцамъ, которые своимъ презрѣніемъ къ русскимъ людямъ и русскимъ обычаямъ, съ своимъ отношеніемъ къ пріютившей ихъ странѣ, какъ къ варварскому государству, куда они несутъ свѣтъ цивилизаціи, были истинными пособниками императора въ его постепенной утратѣ всякаго сочувствія въ русскихъ людяхъ, всякой популярности, а потому и значительной причиной переворота. Извѣстно это, по правдѣ сказать, въ смутной формѣ. Романъ ставитъ васъ въ ту жизнь, какъ еслибы вы были современникомъ переворота, и вы сразу оріентируетесь во всѣхъ обстоятельствахъ и получаете уроки не только въ пониманіи прошедшаго, а и настоящаго, выучиваетесь судить о нѣкоторыхъ направленіяхъ умственной жизни русской въ самые даже послѣдніе дни.

Понынѣ, когда рѣчь заходитъ о значеніи въ нашей жизни иностраннаго вліянія, о роли въ ней нѣмцевъ и иныхъ, безъ которыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, говоря насмѣшливою фразою Чацкаго, «намъ нѣтъ спасенья»,—когда заходитъ рѣчь объ этомъ, извѣстнаго направленія русскіе люди берутся за слово «наука». Европа дала намъ науку, внесла къ намъ просвѣщеніе, а потому быть условными защитниками умственной самостоятельности и бытовой независимости не полагается. Не отрицая ни великаго значенія науки и просвѣщенія, можно, однако, быть того убѣжденія, что въ данномъ случаѣ умѣстно болѣе осторожно обращаться съ великими словами «наука» и «просвѣщеніе». Наука и просвѣщеніе, особенно въ тѣ времена, о которыхъ идетъ рѣчь, нужны были и дома въ Германіи и вообще въ Европѣ, и въ русскую землю въ восемьнадцатомъ вѣкѣ, за исключеніемъ немногихъ истинно образованныхъ людей, проникли не лучшіе элементы европейскихъ обществъ, пришли искатели приключеній и наживы. Наука и истинное просвѣщеніе и въ Европѣ, какъ отчасти и понынѣ, были рѣдкими исключеніями, и безпокойные элементы, проникшіе въ Россію, даже въ лицѣ представителей высшихъ классовъ, не ихъ принесли съ собою, а свои страсти и эгоистическія стремленія,

чисто нѣмецкое высокомѣріе и заносчивость, презрѣніе будто бы образованныхъ людей къ будто бы варварскому народу, полное непониманіе народнаго характера и національныхъ интересовъ Россіи, да и нежеланіе понять ихъ. Въ сущности «цивилизація», которую они несли въ Россію, имѣла мало общаго съ тѣмъ, что должно разумѣть подъ этимъ словомъ въ его истинномъ значеніи, и позоря на весь міръ русскій «кнутъ»,—слово, вошедшее во всѣ языки, въ качествѣ характеристики Россіи, — они принесли съ собою, какъ орудіе цивилизаціи, шпицрутены. Съ ними настали тяжкія времена Бироновъ и другихъ временщиковъ съ пытками и пристрастіями, мало свидѣтельствующими о цивилизаторской миссіи нѣмцевъ. Вотъ потому-то даже лучшіе русскіе люди, принимавшіе съ благодарностью и, можно сказать, съ благоговѣніемъ результаты вѣковыхъ усилій европейскаго ума, тѣмъ не менѣе, какъ Ломоносовъ, считали своимъ долгомъ вести постоянную борьбу съ иностранцами, заполонившими русскую землю.

Вотъ отраженіе всего этого, въ самый интересный моментъ недолгаго, но горькаго преобладанія нѣмцевъ при Петрѣ III, мы и находимъ въ романѣ графа Саліаса — «Петербургское дѣйство». Романъ даже начинается прямо столкновеніемъ Алексѣя и Григорія Орловыхъ съ однимъ изъ высокомѣрныхъ и грубыхъ представителей тогдашняго нѣмецкаго элемента въ Петербургѣ. Петръ III, какъ извѣстно, плохо воспитанный нѣмецкій принцъ, съ чрезвычайной безтактностью унижалъ русскихъ передъ нѣмцами, именно передъ такими нѣмцами, какихъ мы выше очертили. И тѣмъ съ большимъ презрѣніемъ и съ большею дерзостью вели себя нѣмцы, пока наконецъ выведенное изъ терпѣнія русское общественное мнѣніе не обратилось къ Великой Екатеринѣ, хотя она и была чисто нѣмецкой принцессой, только дѣтьми связанной съ русскимъ царствующимъ домомъ. Все это, конечно, свидѣтельствуетъ и исторія. Въ недавно вышедшемъ первомъ томѣ исторіи Екатерины II г. Бильбасова сказано по поводу переворота, составляющаго предметъ романа графа Саліаса: «большая ошибка думать, что въ Россіи нѣтъ общественнаго мнѣнія... Петръ III презиралъ русское общественное мнѣніе, глумился надъ нимъ и имѣлъ несчастіе испытать на себѣ его страшную силу... Не Екатерина, не Орловы, не Дашкова, произвели переворотъ всѣми ожидавшійся—они были только орудіями того общественнаго мнѣнія, которое подняло всѣ полки, всѣ сословія, весь народъ, и мирно, безъ пролитія крови, заявило о своихъ правахъ на уваженіе». Въ романѣ графа Саліаса вы на частію сочиненныхъ, но имѣющихъ все вѣроподобіе, фактахъ, можете прослѣдить это постепенное наростаніе общественнаго мнѣнія, въ виду дерзости иностранцевъ и своекорыстности ихъ плановъ и побужденій. Сколько угодно можно говорить о «тенденціяхъ» романа графа Саліаса, о приниженіи имъ значенія «образованныхъ» европейцевъ

въ русской жизни,—за него исторія, дѣйствительность, и читатель еще разъ останется благодарнымъ ему за облеченіе сухихъ фактовъ о перемѣнахъ правленій въ живые образы, обличающіе внутреннюю суть дѣла.

Даже произведенія меньшаго значенія, принадлежащія перу нашего автора, по существу не лишены тѣхъ элементовъ правды, стремленія понять событія въ ихъ сущности, въ ихъ скрытыхъ примѣрахъ. Приведенный выше примѣръ «Свадебнаго бунта» хорошо можетъ свидѣтельствовать объ этомъ. Въ романахъ и повѣстяхъ не историческаго характера, какъ «Барыни-крестьянки», вы точно также найдете въ основѣ благородную и гуманную мысль. Конечно, мы, еще видавшіе проявленія крѣпостного права или хорошо знакомые съ ними по близкимъ преданіямъ, не удивимся фактамъ, выставленнымъ въ этой повѣсти. Но представьте людей, мало знающихъ, что такое была крѣпостная зависимость и въ какихъ формахъ она проявлялась,—и они ужаснутся всей ненормальности и негуманности отношеній, которыя создавались при ней. Безпретенціозное и безпристрастное изображеніе жизни, хотя бы и безъ глубины психологическаго анализа, говоритъ тутъ само за себя, само въ себѣ заключаетъ мысль, которую нѣтъ надобности навязывать имъ.

6.

Немногое остается намъ сказать въ заключеніе. Графъ Саліасъ принадлежитъ къ тѣмъ, довольно многимъ русскимъ писателямъ, которыхъ критика или рѣзко причисляла къ тенденціознымъ писателямъ извѣстнаго литературнаго толка и на этомъ основаніи принижала его, или же нерѣдко игнорировала. Въ небольшой характеристикѣ нашей мы старались показать, что среди современныхъ русскихъ писателей онъ имѣетъ право на видное мѣсто и на признаніе извѣстныхъ литературныхъ заслугъ. Онъ, конечно, не принадлежитъ къ писателямъ оригинальнѣйшимъ, способнымъ сказать новое слово, ввести новыя формы литературы. Однако же талантъ его не лишенъ оригинальныхъ и сильныхъ сторонъ. Одинъ изъ первыхъ усвоившій себѣ литературные принципы геніальнѣйшаго изъ русскихъ писателей послѣднихъ десятилѣтій, графа Л. Толстого, онъ своеобразно воспользовался ими и написалъ рядъ произведеній, изъ которыхъ многіе сдѣлали бы честь любой литературѣ. Своимъ читателямъ онъ несомнѣнно принесъ значительную пользу объясненіемъ если не законовъ дѣятельности человѣческаго духа, то основъ нѣсколькихъ народныхъ движеній русскихъ, занявшихъ въ русской исторіи навѣки памятныя страницы.

Арс. Введенскій.

СТОЛѢТІЕ СОБОРА АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

РИДЦАТАГО августа исполнится сто лѣтъ со дня освященія собора Животворящей Троицы, въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Основаніе собора положено въ 1716 году Петромъ Великимъ. Въ 1753 году соборъ былъ оконченъ, но вскорѣ замѣчена была трещина въ стѣнѣ, и черезъ два года храмъ былъ разобранъ до фундамента, и щебень отъ него пошелъ на усыпку Невскаго проспекта. Екатерина II, въ 1776 году, указомъ отъ 26-го февраля, повелѣла построить въ Троицкомъ Александро-Невскомъ монастырѣ соборную церковь по проекту архитектора Старова, и 30-го августа 1778 года, архіепископъ Гавріилъ положилъ въ основаніе Троицкаго собора частицу мощей св. Андрея Первозваннаго въ ковчежцѣ и серебряную доску съ слѣдующею надписью: «Во имя Всемогущаго и Всеблагаго Бога Отца и Сына и Св. Духа созидаемому повелѣніемъ благочестивѣйшія, державнѣйшія великія государыни императрицы Екатерины II храму въ Высочайшемъ его императорскаго высочества благовѣрнаго государя и великаго князя наслѣдника всероссійскаго Павла Петровича и супруги его благовѣрной государыни великой княгини Маріи Ѳеодоровны присутствіи и при благовѣрномъ государѣ и великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ положися основаніе въ лѣто отъ воплощенія Сына Божія 1778. Благополучнаго ея императорскаго величества царствованія въ 17 годъ, августа 30-й день, при архіепископѣ новгородскомъ и с.-петербургскомъ Гавріилѣ въ Александро-Невскомъ монастырѣ».

Строеніе собора начато съ мая 1779 г., а окончено черезъ одиннадцать лѣтъ. Наканунѣ дня освѣщенія, въ четвергъ 29 августа

1790 года, «по неисчетному къ вѣрѣ закона христіанскаго благоговѣнію и по усерднымъ къ угоднику Божію молитвамъ» императрица послала въ даръ храму съ генералъ-маіоромъ П. И. Турчаниновымъ богато сдѣланные золотые, украшенные брилліантами, церковные сосуды и потиръ золотой, сканной работы, украшенный финифтяными изображеніями, при немъ дискосъ, звѣздица, два блюдца, лжица и два копья; въ потирѣ и его принадлежностяхъ

Соборъ Александро-Невской лавры.

вѣсу 8 фунтовъ и 24 золотника; сосудъ золотой вѣситъ 16 фунтовъ 56 золотниковъ. Преосвященный Гавріилъ внесъ эти сосуды въ новую церковь и поставилъ посреди храма на изготовленный къ освященію престолъ, покрывъ ихъ пеленою. Вечеромъ, въ тотъ же день, митрополитъ Гавріилъ, вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ, совершалъ въ новомъ соборѣ надлежащую службу, а затѣмъ, въ сослуженіи всей монашеской братіи и хора пѣвчихъ, при коло-

кольномъ звонѣ, отправился въ старую каменную верхнюю церковь, гдѣ тогда совершалось всенощное бдѣніе при многочисленномъ стеченіи всякаго состоянія людей. Когда запѣли «Слава въ вышнихъ Богу» мощи святаго Александра Невскаго были подняты преосвященнымъ и прочими духовными лицами, а по окончаніи всенощной службы перенесены въ нижнюю церковь и поставлены посреди нея, подъ балдахиномъ, сдѣланнымъ изъ золотого глазета съ серебряными на шнурахъ кистями.

Рака, въ которой почиваетъ св. Александръ Невскій, сдѣлана въ 1752 году императрицею Елисаветою Петровною. Государыня принесла въ даръ угоднику все серебро, добытое въ ея царствованіе изъ Колыванскихъ заводовъ, и приказала сдѣлать изъ него, кромѣ раки, пирамиду и украшенія, представляющія трофеи воинскихъ доспѣховъ, и канделябры; всего чистаго серебра на эти украшенія пошло 86 пудовъ и 30 фунтовъ.

По сторонамъ раки въ барельефахъ изображены важнѣйшія дѣла Александра Невскаго и помѣщена слѣдующая надпись, сочиненная Ломоносовымъ: «Богу всемогущему и Его угоднику, Благовѣрному и Великому князю Александру Невскому, Россовъ усердному защитнику, презрѣвшему прещеніе мучителя, тварь боготворить повелѣвшаго, укротившему варварства на востокѣ, низложившему зависть на западѣ, по земномъ княженіи въ вѣчное царство переселенному въ лѣто 1263, усердіемъ Петра Великаго, на мѣсто древнихъ и новыхъ побѣдъ перенесенному 1724 года. Державнѣйшая Елисавета отеческаго ко святымъ почитанія подражательница, къ нему благочестіемъ усердствуя, сію мужества и святости его дѣлами украшенную раку, изъ первообрѣтеннаго, при ея благословенной державѣ, сребра соорудить благоволила, въ лѣто 1750».

На самой ракѣ виднѣется слѣдующее стихотвореніе Ломоносова:

«Святый и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ;
«Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ,
«И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
«И гдѣ невидимо Петру споспѣшствовалъ.
«Являя дщерь его усердіе святое —
«Сему защитнику воздвигла раку въ честь
«Отъ перваго сребра, что нѣдро ей земное
«Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть».

«Лѣта Господня 1750, государствованія своего 9, августа 30, въ Санктпетербургѣ».

Въ торжественные дни предъ св. мощами ставится драгоцѣнная лампада (вѣса въ ней золота 6 фунтовъ и 57 золотниковъ) съ кистью, снизанною изъ бурмитскихъ зеренъ и сквозныхъ бриллiантовъ. Лампада принесена въ даръ Екатериною II (24 августа 1791 г.).

Соборъ былъ освященъ съ торжествомъ небывалымъ до того времени. Въ день освященія, въ 8 часовъ утра, изъ церкви Рождества, именуемой «Казанской» и отъ церкви Владимірской Божіей Матери слѣдовалъ въ Александро-Невскій монастырь крестный ходъ, при которомъ находились младшіе кавалеры ордена св. Александра Невскаго: сенаторъ А. Л. Щербачевъ и адмиралъ П. И. Пущинъ. Въ 10-мъ часу утра кавалеры ордена св. Александра Невскаго во всемъ орденскомъ уборѣ и прочія знатныя обоего пола персоны, дамы въ русскомъ, кавалеры въ обыкновенномъ цвѣтномъ платьѣ, собрались въ Зимнемъ дворцѣ. Въ исходѣ 10-го часа, императрица вышла съ августѣйшимъ семействомъ, въ малой коронѣ и въ уборѣ гроссмейстерскаго ордена. Шествіе въ монастырь было въ слѣдующимъ порядкѣ: въ первой каретѣ цугомъ ѣхали церемоніймейстеръ и оберъ-церемоніймейстеръ съ ихъ знаками. Во второй каретѣ слѣдовали двое дежурныхъ кавалеровъ; затѣмъ въ слѣдующихъ четырехъ ѣхали камеръ-юнкеры. За ними въ шести каретахъ камергеры; далѣе въ трехъ кавалеры ордена, имѣющіе придворные чины: графъ А. А. Безбородко, И. П. Елагинъ, князь П. А. Голицынъ, графъ Н. Орловъ, оберъ-шенкъ А. А. Нарышкинъ и оберъ-камергеръ И. И. Шуваловъ. За ними слѣдовали 24 лейбъ-гусара съ офицеромъ и 8 ѣздовыхъ конюховъ съ унтеръ-шталмейстеромъ. Послѣ нихъ ѣхала парадная осьмистекольная карета, въ которой сидѣли императрица, государь цесаревичъ съ великою княгинею. По сторонамъ кареты ѣхали верхами: по правую сторону шталмейстеръ В. М. Ребиндеръ, по лѣвую с.-петербургскій губернаторъ П. П. Коновницынъ, за ними дежурные камеръ-пажи, а позади ихъ конвоировалъ эскадронъ л.-гв. Коннаго полка съ обнаженными палашами. Въ 16-й каретѣ ѣхали великіе князья; 17-я карета ея величества была пустая, запасная; 18-я карета была тоже пустая, запасная, ихъ высочествъ; передъ послѣднею ѣхали верхами шесть ѣздовыхъ гусаръ; въ 19-й каретѣ сидѣла статсъ-дама А. Н. Нарышкина. Въ 20-й, 21-й и 22-й сидѣли фрейлины. На запяткахъ каретъ, кромѣ пустыхъ, стояли по два лакея въ богатой статсъ-ливреѣ.

По приближеніи кортежа къ монастырю начался колокольный звонъ и въ ворота, для встрѣчи государыни, вышли въ церковномъ облаченіи преосвященный Гавріилъ, митрополитъ новгородскій, съ знатнымъ духовенствомъ и кавалеры ордена, съѣхавшіеся предъ тѣмъ въ монастырь. Государыня съ наслѣдникомъ подъѣхала къ монастырю, у воротъ вышла изъ экипажа и, приложась къ кресту, направилась въ монастырь, въ нижнюю церковь, предшествуемая пышной свитою. Передъ государыней шли кавалеры ордена попарно, младшіе впереди, не надѣвая шляпъ. За ними слѣдовали великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, затѣмъ наслѣдникъ престола, далѣе гофмаршалъ князь Ив. Вас. Несвицкой съ жезломъ и за нимъ сама императрица. Шлейфъ мантіи

государыни несли шесть камергеровъ, а конецъ середины поддерживалъ Е. А. Чертковъ; по обѣимъ сторонамъ императрицы шли тридцать кавалергардовъ въ богатомъ уборѣ, подъ предводительствомъ кавалергардскаго корнета, генералъ-маіора П. А. Зубова. За государынею слѣдовала великая княгиня, потомъ шла статсъ-дама Нарышкина.

Во время высочайшаго шествія въ церковь, отъ стоящихъ въ монастырѣ л.-гв. Измайловскаго и Коннаго полковъ отдана честь съ музыкою на трубахъ, съ литаврами и барабаннымъ боемъ. По прибытіи въ нижнюю церковь начался молебенъ святому угоднику при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ въ числѣ 101 выстрѣла, и послѣдовало перенесеніе мощей въ соборъ съ продолженіемъ молебнаго пѣнія. Въ крестномъ ходѣ впереди несли хоругви, крестъ и евангеліе, затѣмъ слѣдовало все духовенство съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ. Духовникъ императрицы, І. І. Панфиловъ, несъ великокняжескую шапку, а новгородскаго Юрьева монастыря архимандритъ Ириней—жезлъ святаго Александра Невскаго.

Кавалеры ордена несли мощи, а балдахинъ надъ нимъ несли кавалеры ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра третьей степени, за шнуры и кисти держали кавалеры того же ордена второй степени. За мощами слѣдовала императрица съ августѣйшимъ семействомъ. По внесеніи мощей въ соборъ, они были поставлены посреди храма, а по окончаніи молебна перенесены къ изготовленной предъ тѣмъ за правымъ крилосомъ близь южныхъ церковныхъ дверей ракѣ, въ которую потомъ духовные и поставили гробницу съ мощами.

Послѣ этого, началось освященіе церкви. Во время хода вокругъ церкви съ крестами и антиминсомъ, императрица шествовала съ кавалерами ордена, съ кавалергардами по сторонамъ. По освященіи церкви и по возглашеніи многолѣтія, вторично производилась пушечная пальба, затѣмъ началась литургія, которую совершалъ преосвященный Гавріилъ, а проповѣдь говорилъ Ириней. По окончаніи литургіи, въ третій разъ была пушечная пальба, когда государынѣ приносили поздравленія, при чемъ были жалованы къ рукѣ члены Св. Сѵнода и прочее знатное духовенство.

По возвращеніи изъ церкви, императрица съ августѣйшимъ семействомъ шествовала въ архіерейскій домъ, гдѣ ей приносили поздравленіе кавалеры ордена; въ это время, въ саду, передъ заломъ, играла музыка на трубахъ, съ литаврами и барабаннымъ боемъ. Затѣмъ государыня имѣла обѣденый столъ въ архіерейскомъ домѣ, на 27 кувертовъ. Ихъ высочества кушали отдѣльно, въ особой камерѣ съ членами Святѣйшаго Сѵнода на 38 кувертовъ. Во время стола пили за здоровье государыни, кавалеровъ ордена и ихъ высочествъ; во время питья производилась пальба изъ пушекъ л.-г. Преображенскаго полка, поставленныхъ въ саду, близь архіе-

рейскаго дома. Столъ, за которымъ сидѣла императрица, былъ сервированъ золотымъ сервизомъ въ двѣ перемѣны; столъ, за которымъ обѣдали ихъ высочества, сервированъ серебрянымъ парижскимъ сервизомъ, тоже въ двѣ перемѣны.

Обѣдъ въ верхней особой камерѣ сопровождался итальянской инструментальной и вокальной музыкой, съ хорами духовныхъ концертовъ.

Послѣ стола, который кончился въ 3-мъ часу пополудни, государыня, при колокольномъ звонѣ отбыла въ Зимній дворецъ. Въ этотъ день, вечеромъ, городъ былъ иллюминованъ.

Наканунѣ освященія, государыня пожаловала митрополиту Гавріилу розовую панагію съ изумрудами, и чтобы увѣковѣчить память усердія и трудовъ его, приказала ваятелю Козловскому сдѣлать изъ бѣлаго мрамора барельефный поясной бюстъ Гавріила, въ маломъ архіерейскомъ облаченіи. Бюстъ этотъ поставленъ, въ нишѣ, противъ мощей св. Александра Невскаго.

Соборъ со стѣнами и папертью имѣетъ въ длину 35 саж., въ ширину 20 саж.; ширина купола 8 саж., высота храма съ куполомъ 29 саж., высота колокольни 22 саж. На одной изъ колоколенъ замѣчателенъ колоколъ, вѣсомъ въ 800 пудъ, вылитый въ 1658 г., иждивеніемъ патріарха Никона, и перевезенный сюда изъ Иверскаго монастыря въ 1724 году.

Иконостасъ въ соборѣ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора; вокругъ образовъ красный сибирскій порфиръ; нижній цоколь клиросовъ изъ синяго итальянскаго мрамора. Иконы въ иконостасѣ писаны лучшими художниками: направо отъ царскихъ вратъ, икона Вознесенія Христова, налѣво—Вознесенія Божіей Матери, надъ иконостасомъ — лики Господа Саваоѳа писаны на мѣди профессоромъ Акимовымъ; шесть иконъ на царскихъ вратахъ писаны, также на мѣди, профессоромъ Метенлейтеромъ; надъ южными вратами—Спаситель Ванъ-Дика; надъ сѣверными—Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ—кисти Гверчино. На правомъ клиросѣ средняя икона Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и верхняя—Спасителя, пріемлющаго поруганіе и на лѣвомъ—Богоматери, а надъ нею—воскресенія Лазаря, писаны художникомъ Бассано.

Въ 1790 и 1794 годахъ, Екатерина пожертвовала на украшеніе храма множество картинъ, большею частію фламандской школы,—многія изъ нихъ подлинники извѣстныхъ художниковъ. Изъ оригинальныхъ картинъ въ алтарѣ замѣчательны на горнемъ мѣстѣ: Благовѣщеніе, работы Рафаэля Менгса, Воскресеніе Христово, Рубенса, Снятіе со креста, его же, Спаситель, Ванъ-Дика; затѣмъ есть картина Рембрандта и въ алтарѣ передъ жертвенникомъ изображеніе Св. Троицы, работы Каррата. Изъ русскихъ мастеровъ здѣсь имѣются произведенія кисти: Угрюмова, Дрождина, Бѣльскаго, Воинова, Мошкова и Уткина. Въ храмѣ находятся картины изъ жизни св.

Александра Невскаго: входъ князя во Псковъ, видѣніе Пельгуя и Невская битва, работы грека Георгія Скливы.

Изъ иконъ, отличающихся богатствомъ украшеній и изяществомъ работы, замѣчательны: лаписовый образъ «Моленіе о чашѣ», присланный отъ папы Пія VI въ даръ Екатеринѣ II, всѣ фигуры составляющія образъ вылиты изъ чистаго золота и положены на полированную дощечку лазурика; въ золотой ризѣ его, осыпанной брилліантами, вставленъ превосходный изумрудный антикъ, представляющій св. Магдалину, а внизу другой перламутровый антикъ, изображающій побѣду Константина надъ Максентіемъ. Затѣмъ, другой еще образъ Рождества Богородицы, писанный сухими красками, въ золотой рамѣ, которая по угламъ обложена брилліантами и изумрудами; на оборотѣ этой иконы, на золотой дощечкѣ вырѣзана надпись: «Симъ святымъ образомъ Ея Импер. Велич. Благов. Госуд. Импер. Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, соизволила благословить вселюбезнѣйшую свою, Богомъ избранную, дщерь, Ея Импер. Высоч. Благов. Госуд. Великую княгиню Наталію Алексѣевну въ день вожделѣннѣйшаго ея обрученія. Лѣта Господня 1773 года, августа 16». При погребеніи великой княгини икона была отдана въ лавру.

Большая серебряная люстра о 44 подсвѣчникахъ и четыре меньшихъ люстры принесены въ даръ Екатериной II; въ первой изъ нихъ чистаго серебра 12 пудовъ 25 фунтовъ. Царское мѣсто въ соборѣ, съ рѣзными украшеніями, гербомъ и короною; надъ царскимъ мѣстомъ—икона апостола Петра; на другой сторонѣ, противъ лѣваго клироса, икона св. великомученицы Екатерины. Прежде здѣсь, вмѣсто иконъ, стояли портреты императора Петра и Екатерины, подареные императрицею въ 1795 году; портретъ императрицы былъ писанъ Левицкимъ. Теперь подъ иконою св. Екатерины на бронзовой доскѣ вырѣзана краткая лѣтопись сооруженія монастыря.

Въ ризницѣ собора, помимо вышеописанныхъ золотыхъ сосудовъ, имѣются: одинъ золотой, съ крупнымъ бурмитскимъ жемчугомъ, подарокъ Елисаветы Алексѣевны, другой отъ фельдмаршала князя Меншикова, вѣсомъ въ 4 фунта 54 золотн. Изъ митръ, панагій и крестовъ замѣчательна панагія, присланная Александромъ I, она служила звѣздою Екатеринѣ II, когда она возлагала на себя орденъ св. Андрея Первозваннаго. Ризница богата множествомъ драгоцѣнныхъ облаченій. Изъ замѣчательныхъ художественныхъ вещей, имѣющихся въ храмѣ, достойна вниманія малахитовая сѣнь, круглая, на колонахъ изъ малахита, съ дорогими бронзовыми украшеніями—перенесена она сюда въ 1862 году изъ Таврическаго дворца, подъ нею помѣщается серебряная гробница для плащаницы, вѣсомъ въ 5 пуд. 20 фунтовъ. Въ числѣ цѣнныхъ историческихъ вещей въ соборѣ хранится покровъ на святыя мощи,

сдѣланный въ 1768 году императрицею, на которомъ по атласу написанъ образъ св. Александра Невскаго, съ знакомъ ордена его имени изъ брилліантовъ и жемчуга. Лавра хранитъ также до шести напрестольныхъ крестовъ, относящихся къ XVII столѣтію, принадлежавшихъ нѣкогда боярскимъ родамъ и стариннымъ монастырямъ. Въ числѣ нѣсколькихъ древнихъ антиминсовъ, найденныхъ въ новгородскихъ церквахъ,—здѣсь имѣются самый древній XII вѣка, и затѣмъ XIII, XIV и XV вѣковъ,—эти антиминсы выдаются въ новоосвящаемыя единовѣрческія церкви. Изъ панагій есть одна брилліантовая, сдѣланная изъ Андреевской звѣзды Екатерины II; она подарена была императрицею въ 1770 году митрополиту Гавріилу. Изъ наперсныхъ крестовъ замѣчателенъ усыпаный алмазами и яхонтами съ вензелемъ Елесаветы Петровны, и еще другой съ брилліантами, пожалованный митрополиту Серафиму.

Александро-Невскій монастырь вначалѣ былъ поставленъ выше всѣхъ великороссійскихъ монастырей, и архимандриту его Петру Смѣличу, указомъ отъ 1725 г. велѣно быть первѣйшимъ въ Россійской имперіи архимандритомъ [1]). Но при Аннѣ Іоанновнѣ по ходатайству духовника ея, Варлаама, первенство присвоено Троицкому Сергіеву монастырю, а Невскій монастырь велѣно считать вторымъ. При составленіи штатовъ въ 1797 году, Невскій монастырь постановлено считать третьимъ. Императоръ Павелъ I, указомъ отъ 13-го декабря 1797 г., переименовалъ Александро-Невскій монастырь въ «Лавру». Настоятели лавры, съ самаго основанія, имѣли особыя преимущества: носили епископскую митру, на персяхъ—андреевскій крестъ, на черной шелковой мантіи зеленыя бархатныя скрижали. На правой скрижали, подъ княжескою короною былъ вензель св. Александра Невскаго, а на лѣвой, подъ императорскою короною имя Петра Великаго, съ нашитымъ на вензелѣ андреевскимъ, изъ зеленаго бархата, крестомъ.

День перенесенія мощей св. Александра Невскаго празднуется 30-го августа. По преданію, Петръ Великій самъ на этомъ празднествѣ не былъ ни разу. Въ 1726 году былъ изданъ даже особый церемоніалъ торжества. По этому церемоніалу прибытіе государыни въ монастырь должно было сопровождаться пушечною пальбою, звономъ и иллюминаціею. При монастырѣ была партикулярная верфь, на которой было нѣсколько пушекъ, пальбой изъ которыхъ и сопровождались тогдашнія торжества. Праздникъ въ монастырѣ долженъ былъ кончаться обѣдомъ въ покояхъ архимандрита. Существующій донынѣ крестный ходъ установленъ Св. Сѵнодомъ въ 1748 году, по особому предложенію императрицы Елисаветы.

---

[1]) См. «Ист. стат. свѣдѣн. С.-Петербургской епархіи», т. VIII, стр. 494.

Вскорѣ послѣ постройки собора, въ 1797 году, было учреждено въ монастырѣ ученое братство, члены котораго обязаны были заниматься сочиненіями, переводами и преподаваніемъ наукъ въ духовныхъ училищахъ. При Невскомъ монастырѣ еще при Петрѣ Великомъ были учреждены школа, типографія, библіотека, госпиталь для инвалидовъ и первое нотное пѣніе.

Многія наши духовныя витіи, состоя на службѣ въ этомъ монастырѣ, пріобрѣли себѣ славу знаменитыхъ проповѣдниковъ. Въ лаврѣ существовалъ прежде обычай говорить надгробныя рѣчи при погребеніи знатныхъ особъ. И здѣсь пріобрѣли славу знаменитыхъ проповѣдниковъ слѣдующіе іерархи церкви: Анастасій Братановскій, сказавшій проповѣди при погребеніи Бецкаго и А. А. Нарышкина; Ѳеофилактъ Русановъ—при погребеніи Мелиссино, Иннокентій—надъ гробомъ митрополита Антонія, и Филаретъ московскій при погребеніи графа А. С. Строгонова и графа П. В. Завадовскаго.

М. Пыляевъ.

СИМВОЛИЧЕСКІЕ ЗНАКИ У НАШИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

(Буддійскій амулетъ и пензеръ шамановъ).

СѢ СТАРИННЫЕ памятники личной, семейной, юридической и религіозной символики, сохранившіеся у нашихъ инородцевъ, не смотря на свою грубую форму, напоминаютъ намъ ту многовѣковую истину, что внѣшнее формулированіе отвлеченныхъ идей никогда на земномъ шарѣ не умирало, всегда жило и будетъ жить между людьми, на какой бы ступени умственнаго и соціальнаго развитія они не находились. Если въ старину символомъ называлось тайное ученіе и служеніе въ мистеріяхъ, а впослѣдствіи символическое изображеніе служило знакомъ международныхъ законовъ, касающихся дипломатическихъ или торговыхъ сношеній, принадлежало договорамъ, государственнымъ регаліямъ, гербамъ, печатямъ, наконецъ, обручальному кольцу и проч., то можно согласиться съ мнѣніемъ г. Шассана, который о значеніи символа въ настоящее время, говоритъ:

«Pendant notre moyen âge les symboles regnent dans toutes les parties du droit. Procédure, conventions, redevances, impots, peines, costume, cérémonial, tous les aites et tous les rapports de la vie, dans les usages juridiques aussi bien que dans les cours et dans les tribunaux, sont de leur domaine. Il prennent l'homme à sa naissance et le suivent dans toutes les phases de l'existence civil» [1]).

---

[1]) Essai sur la symbolique du droit. M. Chassan.

Въ нашемъ сообщеніи мы ограничимся только нѣсколькими символическими знаками нашихъ инородцевъ-язычниковъ, какъ по той причинѣ, что кругъ языческой символики слишкомъ великъ и увлекъ бы насъ за предѣлы журнальной статьи, такъ, частію, и потому, что этнографическія свѣдѣнія наши небогаты о всѣхъ тѣхъ инородцахъ, которые обитаютъ въ нашемъ отечествѣ (напримѣръ, кромѣ самоѣдовъ, вогуловъ, остяковъ, бурятъ, тунгусовъ, у насъ живутъ: соіоты, гиляки, гольды, манегры, орочоны, орочи, тàзы, карагазы, чуванцы, качинцы, яринцы, кайбалы, койдоны или шàры, самгеры, мамгунцы, ингидальцы, кегольцы, верхомцы, сагайцы, белтиры, долганцы, якуты, чукчи, логулы, мазы и др.).

Одни изъ этихъ племенъ раздѣляются на осѣдлыхъ, бродячихъ и кочующихъ, другія принадлежатъ одному какому-либо изъ этихъ отдѣловъ; есть такія племена, которыя существуютъ безъ всякой вѣры, не имѣютъ никакихъ религіозныхъ обычаевъ и преданій, другія слѣпо слѣдуютъ своимъ отцовскимъ завѣтамъ, сохраняютъ наслѣдственныя традиціи и боятся ихъ нарушить подъ опасеніемъ неизбѣжной кары—здѣсь и за могилой; безусловно вѣрятъ и вѣруютъ въ своихъ жрецовъ и ламъ, которыхъ между инородцами существуетъ безчисленное множество, подъ многоразличными названіями (шаманы, абызы, татибеи, іомси, карты, мужаны, члены шигомуньянской и ламайской іерархіи: бандиды, хамбо, ширетуи, лацабы, гурумба, умзаты, ноюны, ундусы, унганы, цаганы, хары, ховораки, гецулы, гелунды, банди и др.). Всѣ эти разнородные служители язычества, насколько позволяетъ имъ степень умственнаго развитія народа, ихъ окружающаго, пользуются довѣріемъ къ себѣ своихъ кліентовъ и стараются поддерживать ихъ религіозный фанатизмъ и суевѣріе не одними заклинаніями и жертвоприношеніями, но всякаго рода манипуляціями, одеждою и символическими знаками. Такъ, шаманы (и шаманки) одѣваются для совершенія своихъ таинствъ въ длинный и широкій полукафтанъ (орогой или орго), обвѣшенный сверху до низу звѣриными хвостами, мѣдными и желѣзными подвѣсками и бубенчиками; на шубѣ шамана нашиваются различныя изображенія чертей (эмэ-гэдь), птицъ, животныхъ, въ которыхъ, по убѣжденію вѣрующихъ, онъ можетъ по желанію превращаться. Головной уборъ шамана составляетъ шапка (ѣсхэ или камныхъ бючахъ)—остроконечный шлемъ или желѣзный обручъ съ прикрѣпленными къ нему металическими листами въ видѣ оленьихъ роговъ, на которые навѣшиваются разноцвѣтные лоскутья. На лицо надѣвается чудовищная личина (аба-галдай, буквально: дядя), изъ кожи, дерева или металла. Къ числу необходимыхъ принадлежностей шамана относятся сорби или шалдай—конь, состоящій изъ двухъ палокъ, украшенныхъ разными эмблемами и символическими знаками; бубенъ (кеце) со множествомъ звонковъ и брякушекъ, въ который шаманъ ударяетъ булавою

(холбога или орба у бурятъ)[1]); особенное значеніе у шамана имѣетъ родъ медальона (толи) въ видѣ круглаго блюдечка (особенно у ламайцевъ) съ изображеніемъ знаковъ додекады, или словъ благожеланія и проч. Эта вещь считается символомъ всѣхъ силъ и стихій міра горняго и дальняго; эту вещь носятъ на шеѣ, или ставятъ передъ идолами, при каждомъ хэрэк'ѣ (богослуженіи). Тотъ же, какъ у шамановъ, таинственный символизмъ въ нарядѣ существуетъ и у другихъ служителей язычества. Напримѣръ, татибеи у самоѣдовъ, при совершеніи своихъ таинствъ, надѣваютъ на себя кудесническую одежду, которая шьется изъ замши или выдѣланной оленьей кожи, на подобіе длиннаго кафтана, безъ полъ, убранная костями, бляхами, пуговицами и другими привѣсками. Голова покрывается шапкою (севбопцъ — наглазникъ), которая состоитъ изъ лоскутковъ сукна или другой матеріи; къ низу шапки навѣшиваются бляшки, пуговицы, медвѣжьи кости и другіе привѣски. У тунгусовъ и бурятъ ихъ бакши (учителя) носятъ красный поясъ (сакиль) въ знакъ того, что они дали клятву слѣдовать обѣту ламы (банди). У буддійцевъ[2]) ихъ жрецы и всѣ девять членовъ капища (настоятель, благочинный, его товарищъ, распорядитель, уставщикъ, экзаменаторъ, блюститель кумирнаго порядка, начинатель службы и казначей) имѣютъ каждый свой традиціонный нарядъ, платье и пояса, шактапы (родъ простыни), шапки (натонъ, ваншой и проч.) и мантіи.

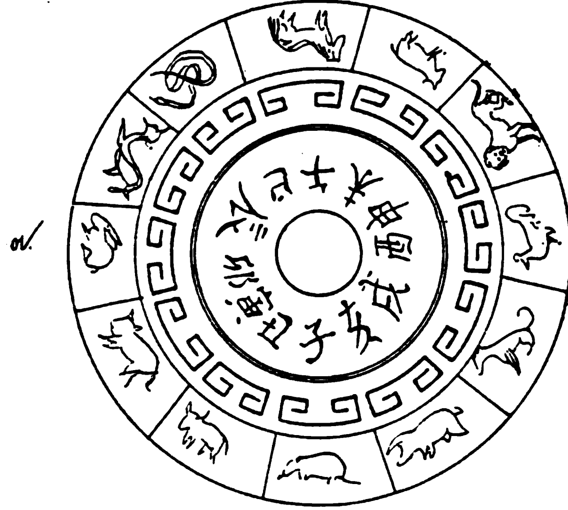
У нашихъ язычниковъ особеннымъ символическимъ значеніемъ пользуются всѣ вещи и предметы, составляющіе принадлежность каждаго капища или относящіеся къ его украшенію. Такъ, въ каждомъ буддійскомъ храмѣ находится: молитвенная машина («колесо—ученья», курду) — шестисторонній цилиндръ, обвитый бумажными свитками, исписанный словами молитвъ и вращающійся на оси; кто вертитъ этотъ цилиндръ, тотъ, подразумѣвается, молится за свои грѣхи; здѣсь же можно встрѣтить музыкальныя орудія: сковороды (харанги), раковины (дунгары), клепало (гонди моди), колокольчики (хонхо), бубенчики (дамара), барабаны (кенгери, дударма), тимпаны (селенины и цаны), трубы (укорь бурѣ), флейты (бискуръ), свистки (мигинъ и лимбо), тарелки (денщинъ) и др.

У ламаистовъ въ храмахъ (дацанахъ), встрѣчаемыхъ въ Си-

---

[1]) Почти всѣ буряты, кочующіе по южной и юго-восточной сторонѣ озера Байкала слѣдуютъ ламайской вѣрѣ; а на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ его—шаманской, которая еще въ XVI столѣтіи была общею вѣрою всѣхъ Сибирскихъ народовъ. Главное различіе этихъ вѣрованій то, что первая (ламайская) приписываетъ все, что совершается въ жизни богамъ, а послѣдняя (шаманская)—злымъ духамъ.

[2]) «Буддизмъ» и «Религія Востока», В. Васильева. «Религія древняго міра», о. Хрисанѳа.

Въ срединѣ амулета (сторона *а*) обозначены 12 циклъ (знаковъ) или вѣтвей, по борту, кругомъ, 12 символическихъ животныхъ; на оборотной сторонѣ амулета (*б*) изображенъ человѣкъ, прогоняющій чертей; на этой же сторонѣ помѣщаются три буквы: джянь (имя) и тянь ши (небесный учитель). Рисунокъ заимствованъ мною изъ книги, принадлежащей покойному профессору И. И. Захарову. Книга подъ заглавіемъ, по объясненію И. И. Захарова, «Новое сочиненіе о монетахъ и талисманахъ» (Цянь-чжи-синь-бянь). По объясненію секретаря нашего настоящаго китайскаго посольства г. Та, точно такіе же символическіе знаки, которые находятся въ серединѣ амулета (сторона *а*), помѣщены на циферблатѣ китайскихъ солнечныхъ часовъ и на компасѣ.

бири, находятся слѣдующіе предметы и вещи: колесо — обычный символъ, выражающій и у буддійцевъ идею круговорота жизни и міровыхъ явленій; слонъ, лошадь, солнечный зонтъ, рогъ изъ раковинъ, фигура изъ 24 угловъ, похожая на крестъ — символъ тѣхъ же круговращеній, золотая рыба, лотосовый листъ и др. Всѣ эти предметы и вещи, по толкованію буддистовъ, указывающія на содержаніе ученія Будды и на его добродѣтели, интересны для насъ какъ памятники религіознаго культа древней Индіи, бережно сохраняемыя нашими язычниками. На кровляхъ кумирень имѣются также символическіе знаки (солнце, луна, дамара, хонха, очиръ и др.); на наружныхъ стѣнахъ помѣщаются фигуры, соотвѣтствующіе буддійскимъ додекадамъ (тигръ, заяцъ, драконъ, змѣя, конь, овца, обезьяна, пѣтухъ, собака, свинья, мышь, корова) и пр. Тѣ же самые знаки находятся на буддійскихъ амулетахъ, служащихъ для отгнанія чертей и злыхъ духовъ.

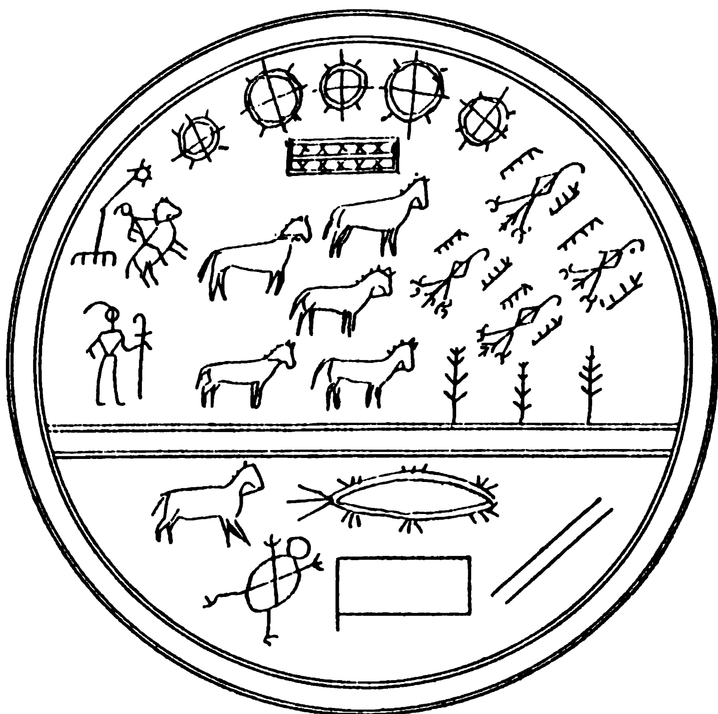
Давно минувшая историческая старина до сихъ поръ ясно сказывается во всѣхъ религіозныхъ обрядахъ у нашихъ язычниковъ. Трудно бываетъ иногда найти въ ихъ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ (камланіяхъ) и пр. логическій смыслъ или символическое значеніе, но можно видѣть, что гдѣ бы они не совершались (въ юртахъ, чумахъ, на священныхъ горахъ, въ лѣсахъ, у древнихъ кургановъ, на могилахъ богатырей, святыхъ и пр.), и кто бы не совершалъ моленія (шаманъ, абызъ, татибей, цаганъ, убанъ и др.), вездѣ эти моленія совершаются съ такою искренностію и съ такимъ увлеченіемъ, что не смотря на дикія манипуляціи какого-либо кудесника, его заунывные напѣвы, подъ глухіе звуки бубна или пензера, производятъ на его адептовъ чарующее впечатлѣніе, въ особенности въ лѣсу, ночью, часто отъ зари до зари, при зрителяхъ и молящихся съ благоговѣйнымъ страхомъ слѣдящихъ за каждымъ движеніемъ шамана или татибея.

У самоѣдовъ ихъ жрецы (татибеи, кудесники) при совершеніи таинства, такъ называемаго «самбадава» [1]) (битьё кудесъ—жертвоприношеніе, соединенное съ вызываніемъ духовъ, для изцѣленія больного) имѣютъ при себѣ «пензеръ» (родъ бубна или барабана) и «ладуранецъ» (колотушка), сдѣланный изъ дерева, въ видѣ идола и обтянутый оленьею кожею. Подобнаго же рода барабаны употребляются нашими лапландцами. Барабанъ покрытъ множествомъ символическихъ знаковъ, частію уже потерявшихъ нынѣ свой древній смыслъ и значеніе. Къ обручамъ пензера прикрѣ-

---

[1]) Во время кудесничества надъ больнымъ, татибей поетъ: «хаяръ нѣвьовія, прій приковъ, нумгы нявей, дадъ тиръ меда сите нягеди дадъ сягада эдянди» (т. е. солнце—мать, дѣдушка—луна, братцы—звѣзды и облака, возьмите его къ себѣ и сжальтесь надъ его недугомъ», или: «бабушка-земля, отпусти отъ себя больного». См. объ этомъ сообщеніе арх. Веніамина: «О самоѣдахъ», въ газ. «Голосъ», 1873, № 198.

пляются кольца, побрякушки, бубенцы и пр. У остяковъ верховскихъ, на рѣкѣ Иртышѣ, бубонъ или барабанъ (называемый домба, пензеръ) всегда круглый, имѣетъ на поверхности различныя изображенія (въ которыя, по понятіямъ остяковъ, можетъ по желанію превращаться жрецъ), какъ напримѣръ: круги (логъ) или колеса, лошади (лау), деревья (нангъ), рыба (хулъ), рѣшетка (корду), ящикъ (ларась) и пр. Кромѣ этихъ изображеній, намазано бываетъ лицо, которое остяки признаютъ за лицо шайтана. Съ помощію такого пензера жрецы, шаманы, кудесники и др.

гадаютъ о будущемъ, дѣлаютъ заклинанія, открываютъ тайны, врачуютъ больныхъ, произнося при этомъ особенныя таинственныя слова и пр.[1]).

Къ сожалѣнію, такого рода молитвенныхъ вещей у насъ покуда весьма немного: въ музеѣ Академіи Наукъ хранится одинъ только экземпляръ шаманскаго бубна, рисунокъ котораго мы здѣсь представляемъ. Между тѣмъ, по массѣ существующихъ у насъ инородцевъ-язычниковъ (см. выше), исповѣдующихъ каждое от-

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія сообщены были намъ природнымъ остякомъ г. А. А. Собринымъ, причемъ названы были знаки на мѣстномъ языкѣ, но таинственнаго ихъ смысла не сдѣлано.

дѣльное племя, свою религію, можно было бы ожидать, что наши этнографическія свѣдѣнія по этой части могли бы быть болѣе обширны. До сихъ поръ намъ извѣстно, что по большой части молитвенные барабаны (домба, пензеръ) имѣютъ простую форму, безъ символическихъ знаковъ; чукчи, напримѣръ, употребляютъ небольшой барабанъ съ рукояткою, покрытый кишками моржа; китовый усъ служитъ палочкою, которою, ударяя по барабану, производятъ шаманы дрожащій звукъ [1]). Существуютъ барабаны, сдѣланные изъ дерева въ видѣ идола и обтянутые оленьею кожею; съ боковъ барабана имѣются кольца, къ одному изъ которыхъ привѣшивается шерсть, взятая изъ-подъ шеи животнаго назначеннаго для жертвы Тору. Жрецъ бьетъ въ барабанъ и, если въ это время кольца не будутъ колебаться, не смотря на сотрясеніе барабана, то жертва считается угодною божеству. Такого рода барабаны (домба) употребляются у нашихъ вогуличей и проч.

Вообще говоря, нашъ сѣверъ и сѣверо-востокъ представляютъ еще до сихъ поръ не исчерпаемый источникъ для всякаго рода ученыхъ изслѣдованій: историческихъ, археологическихъ, этнографическихъ и пр., что такъ наглядно недавно представили намъ интересныя изслѣдованія гг. Потанина, Ядринцева, Позднѣева и др. Въ этомъ краѣ можно встрѣтить самые разнообразные памятники давно минувшей жизни нѣкогда жившихъ здѣсь народовъ и памятники русской старины, то напоминающіе давно минувшее народное творчество (пѣсни обрядовыя, историческія), то эпическое народное міровоззрѣніе (былины, побывальщины), то, наконецъ, остатки миѳическаго или животнаго эпоса, русской космологіи и демонологіи. Здѣсь же, въ этомъ краѣ можно встрѣтить, въ нѣкоторыхъ семьяхъ: уставы стариннаго русскаго быта или народнаго обычнаго права, законы древней русской общины, старинные юридическіе знаки (мѣтки, клейма, бирки), свою символику, свои ôбразныя понятія о земной и загробной жизни, свои мѣстныя повѣрья, звычаи (свычаи) и обычаи, старинные завѣты и уроки, заговоры, отреченныя молитвы, и, наконецъ, разнообразныя вѣрованія и религіи и соединенныя съ ними моленія и жертвоприношенія.

Ал. Савельевъ.

---

[1]) У чукчей ихъ шаманы, во все время призыванія духовъ, находятся за пологомъ юрты нагіе; гасятъ вездѣ огонь и убираютъ желѣзныя вещи и посуду, вообще все, что можетъ причинить рану кудеснику, который, разгорячаясь пѣснями, отвѣчаетъ на вопросы и предсказываетъ будущее. Все волшебство ихъ, по понятіямъ чукчей, заключается въ вызываніи посредствомъ барабана духовъ.

ПЕРВЫЕ ТАМБОВСКІЕ ОПЫТЫ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАГО УЧИТЕЛЬСТВА И ЕГО ДѢЯТЕЛИ.

АЧАЛО царствованія императора Александра I-го, какъ извѣстно, отличалось самыми искренними и широкими просвѣтительными стремленіями, вызвавшими отчасти болѣе или менѣе дѣятельное сочувствіе нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ лицъ русскаго общества. Къ той же порѣ относятся и первые тамбовскіе опыты церковно-приходскаго учительства. Руководителемъ въ дѣлѣ этой мѣстной реформы былъ извѣстный епископъ Ѳеофилъ.

Епископъ Ѳеофилъ, управлявшій нашею епархіею съ мая 1788 года до половины декабря 1811 года, оставилъ по себѣ самую прочную память. Особенно онъ отличался административными и хозяйственными способностями, хотя не чуждъ былъ и того научнаго движенія, которое было доступно его современникамъ. Послѣднее онъ доказалъ тѣмъ, что въ теченіе своего тамбовскаго епископства, дававшаго ему значительныя денежныя средства, собралъ цѣнную библіотеку изъ лучшихъ въ его время богословскихъ и философскихъ сочиненій на разныхъ языкахъ, преимущественно на латинскомъ, который онъ, какъ бывшій кіевскій студентъ, зналъ въ совершенствѣ.

Тамбовская епархія временъ Ѳеофила во всѣхъ отношеніяхъ была крайне неустроенная. Послѣ своихъ предшественниковъ, слишкомъ суроваго Пахомія и добродушнаго Ѳеодосія, нашъ епископъ принялъ тяжелое наслѣдство. Но онъ былъ полонъ силъ и энергіи и взялся за епархіальное управленіе умѣлыми хозяйскими руками. Не разсчитывая на дѣйствіе одного архипастырскаго слова, онъ зорко слѣдилъ за всѣми ближними и дальными своими под-

чиненными и сурово, отечески каралъ всѣхъ епархіальныхъ ослушниковъ въ духѣ своего времени: кого монастырскимъ заключеніемъ и изнуреніемъ, кого консисторскимъ сидѣніемъ въ стулѣ съ желѣзами, кого батогами или розгами. Вотъ одна изъ его энергичныхъ резолюцій: «дьячка Никитина за его своевольство и прекословіе священнику плотно наказать лозою въ присутствіи благочиннаго и всего причта». При всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ властный епископъ старался именно о томъ, чтобы навести на своихъ огурщиковъ грозу и въ то же время всячески оборонялъ благосостояніе своего духовенства, упрочивая его матеріальный бытъ и защищая его отъ всѣхъ постороннихъ напастей.

Епископъ Θеофилъ проявлялъ свою выдающуюся энергію, какъ я сказалъ выше, въ надзорѣ надъ поведеніемъ своихъ подчиненныхъ. Въ этомъ отношеніи работы было ему не мало. Взяточничество, буйство и пьянство, можно сказать, свирѣпствовали въ нашей епархіи въ началѣ его епископства. Θеофилъ своею суровою администраціею все это смягчилъ, насколько было возможно. При этомъ онъ обратилъ вниманіе на своихъ пѣвчихъ, которые, въ началѣ его тамбовскаго архіерейства, отличались поистинѣ янычарскимъ поведеніемъ, особенно во время архіерейскихъ поѣздокъ по епархіи.

14-го ноября 1795 года, хора его преосвященства басовщикъ И. Хованскій зашелъ въ одну тамбовскую харчевню, напился до зеленыхъ зміевъ и разнесъ всѣхъ гостей, хозяевъ и полиціантовъ. Всѣ были въ недоумѣніи, какъ поступить съ расходившимся дикимъ богатыремъ. Недоумѣніе разрѣшилъ Θеофилъ. Онъ вытребовалъ его въ свои покои и властно, отечески и въ соразмѣрность съ его силами наказалъ его, при чемъ снова не могъ не убѣдиться въ обширности голосовыхъ средствъ своего паціента... Съ тѣхъ поръ Хованскій пуще огня боялся Θеофила и въ своихъ трактирныхъ порывахъ сталъ сдерживаться, а къ имени своего суроваго владыки до самой смерти относился съ самымъ искреннимъ почтеніемъ...

Θеофилъ не искалъ популярности въ своей епархіи. Всѣхъ доносчиковъ и прихлебателей онъ терпѣть не могъ. Равно не терпѣлъ и тѣхъ отцовъ протоіереевъ и благочинныхъ, которые превышали свою власть и употребляли причетниковъ на собственныя работы. Сурово и настойчиво онъ ввелъ въ своей епархіи обязательное обученіе грамотѣ всѣхъ духовныхъ дѣтей. По своимъ убѣжденіямъ и совѣсти, онъ дѣйствовалъ открыто и честно, не уклоняясь ни направо, ни налѣво. На видъ это былъ человѣкъ суровый, но на самомъ дѣлѣ онъ искренно, хотя и своеобразно, любилъ свою паству и особенно подчиненныхъ и выражалъ это постоянно и неизмѣнно, существенно улучшая нравственный и матеріальный бытъ тамбовской епархіи. На него были неоднократ-

ныя жалобы высшему начальству. Его обвиняли не разъ въ жестокости и въ вымогательствахъ. Даже синодальныя слѣдствія были наряжаемы по поводу его епархіальнаго управленія. Но онъ побѣдилъ клевету и мстительность спокойствіемъ, твердостію и цѣлесообразностію всѣхъ своихъ дѣйствій въ теченіе 23-хъ-лѣтняго управленія епархіею. Онъ же, какъ сказано выше, былъ посильнымъ руководителемъ и мѣстной училищной реформы.

До начала текущаго столѣтія въ богатой и населенной Тамбовской губерніи народныхъ школъ вовсе не было. Безграмотность была почти поголовная. Она доходила до того, что даже многіе священники не умѣли читать въ твердость, а иные помѣщики, въ подражаніе средне-вѣковымъ рыцарямъ, ловко владѣя охотничьимъ оружіемъ и арапниками, никогда не прикасались къ перу и не умѣли подписывать своихъ фамилій...

Отсюда ясно, какъ трудно было епископу Ѳеофилу зачинать и вести церковно-приходское учительство. Прежде всего ему нужно было побѣдить закоснѣлое упрямство многихъ родителей изъ духовенства, которые всячески укрывали отъ школы и грамотности своихъ дѣтей. Дѣйствуя на основаніи синодскихъ указовъ, Ѳеофилъ, въ 1801 году, распорядился такъ: «тѣхъ духовныхъ дѣтей, кои до шестнадцатилѣтняго возроста остаются безграмотными, исключить изъ духовнаго вѣдомства вовсе и отослать въ гражданскія правительства для обращенія въ военную службу».

Понятно, что такое распоряженіе вызвало переполохъ во всей епархіи. Отцы на спѣхъ стали обучать грамотѣ урослыхъ чадъ своихъ. Буквари и часословы покупались на расхватъ. Чуть не до разсвѣта въ поповскихъ слободкахъ горѣли лучины. И утромъ и по ночамъ во всѣхъ приходахъ производилась обычная и усиленная школьная расправа. Въ церковныхъ домикахъ и караулкахъ, по нотнымъ книжицамъ, тщательно и порядочно, молодыми церковническими голосами распѣвались церковныя службы... Такъ было въ тамбовскихъ приходахъ до 1806 года. Въ этомъ году епископъ Ѳеофилъ сталъ заводить организованныя церковно-приходскія училища. Такъ какъ въ его распоряженіи спеціально подготовленныхъ учителей еще не было и не могло быть, то онъ, руководствуясь синодскимъ указомъ отъ 13-го марта 1805 года, временно поручилъ воспитаніе дѣтей, подъ надзоромъ священниковъ, тѣмъ діаконамъ и причетникамъ, которые учились въ семинаріи и испытаны были въ честномъ и добромъ поведеніи. «Въ разсужденіи же должнаго повиновенія и послушанія учащихся, — циркулировалъ Ѳеофилъ по всей епархіи, — поручить училища въ надзираніе почетнѣйшихъ жителей».

Нельзя сказать, чтобы это распоряженіе Ѳеофила быстро и умѣло исполнялось. Дѣло остановилось затѣмъ, что у насъ оказалось очень мало такихъ священно-церковно-служителей, которые желали и

умѣли учить. Какъ бы то ни было, училищное обученіе кое-гдѣ и кое-какъ началось, поощряемое разными привилегіями и посулами, оповѣщенными епархіальною властію...

Чтобы не обременять членовъ причтовъ матеріальными тратами, епископъ Ѳеофилъ добивался того, чтобы училищъ въ домахъ духовенства не учреждать, а отводить для сего особые дома отъ свѣтскаго правительства, и чтобы всѣ училищные расходы производились помимо священно-церковнослужителей. Но всѣ эти просвѣщенныя желанія умнаго епископа не вызвали въ тамбовскихъ свѣтскихъ людяхъ желаннаго отклика. Училищныхъ домовъ никто не дарилъ и не строилъ. Книгъ мальчикамъ никто не покупалъ. Большой расходъ былъ только на одни розги. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ отцы-педагоги ничуть не стѣснялись даже относительно собственныхъ дѣтей, какъ это видно между прочимъ изъ слѣдующаго примѣра, довольно выразительно характеризующаго отжившіе педагогическіе нравы.

— Зимою, передъ Рождествомъ,—разсказывалъ про свое обученіе нѣкто Андрей Угрюмовъ, сынъ одного тамбовскаго церковника,—отецъ съ матерью велѣли мнѣ быть у заутрени и обѣдни, послѣ которой служили молебенъ пророку Науму. Во время молебна поминутно заставляли меня кланяться въ землю, а когда я вернулся домой, мнѣ дали съѣсть просфору, вручили книжку и указку и отецъ громко и сердито, безъ всякой моей вины, закричалъ на меня: «смотри, Андрюшка, учись прилежно, а то запорю тебя, шельма!»

Грамотѣ началъ учить Угрюмова его родной дѣдъ, смирный и незлобивый, но совершенно неопытный въ педагогіи. Это былъ глубоко симпатичный типъ простеца-церковника своего времени. Кто бы ни бранилъ его, сварливая старуха-жена, сынъ-грубіянъ, сноха-озорница—онъ ни разу ни кому не отвѣчалъ тѣмъ же.

Внука онъ очень любилъ, заступался за него, когда его сѣкли и били, и дѣлалъ ему разныя игрушки. Цѣлый день, зимою и лѣтомъ, онъ или молился на колѣняхъ, или что̀-нибудь работалъ, или училъ внука. Дѣлая телѣги и корзины, онъ продавалъ ихъ и всѣ вырученныя такимъ образомъ деньги раздавалъ бобылямъ и нищимъ; а самъ былъ такъ простъ и невзыскателенъ, что ходилъ въ лаптяхъ...

Приступая къ наукѣ, дѣдъ посадилъ внука подлѣ себя и велѣлъ произносить за собой: азъ, буки... Долго внукъ сидѣлъ подлѣ дѣда и твердилъ мудреныя названія этихъ двухъ буквъ. Между тѣмъ въ комнату вошелъ отецъ Угрюмова и спросилъ его: «гдѣ буки?» Мальчикъ указалъ на азъ. Отецъ размахнулся и ударилъ его по затылку и спросилъ: «гдѣ азъ?» Онъ въ испугѣ указалъ на буки. Тогда отецъ окончательно вышелъ изъ себя и началъ таскать своего оторопѣвшаго малыша за волосы и бить его по ще-

камъ, и по чемъ попало... Отдохнувъ, суровый родитель снова принялся за непонятливаго ребенка, вытащилъ его изъ-за стола на средину избы и началъ съ размаху стегать веревкой, приговаривая: «запорю тебя до смерти...» Съ тѣхъ поръ запуганный и забитый Андрюша Угрюмовъ сталъ бояться отца пуще огня, а понятливости къ наукѣ въ немъ все-таки не прибавилось... Андрюшу сѣкли и били ежедневно, кромѣ праздниковъ и тѣхъ дней, когда отца не было дома. Жестокія отцовскія порки донимали неповиннаго мальчугана и тогда, когда онъ перешелъ отъ букваря къ часослову и псалтыри. Вмѣстѣ съ этою послѣднею книгою началось обученіе и письму, причемъ побои доставались Угрюмову за каждую неправильность въ механическомъ черченіи буквъ. Такимъ образомъ несчастный мальчикъ маялся около трехъ лѣтъ и вынужденъ былъ возненавидѣть науку. Впереди отецъ и мать рисовали ему еще горшія муки.

Наконецъ запуганнаго ребенка отвезли въ Тамбовъ, въ школу. Здѣсь начали сѣчь его не только учителя, но, по усиленной отцовской просьбѣ, и квартирный хозяинъ—заштатный дьяконъ. Озлобленные безпрерывными порками, ученики, товарищи Угрюмова, тоже съ своей стороны донимали его. А классная наука между тѣмъ была такая непонятная и скучная. Тогда Угрюмовъ порѣшилъ свое учебное дѣло по своему. Всѣ свои книги онъ бросилъ въ Цну и, такимъ образомъ, предалъ себя на самое изысканное сѣченіе. Сѣкли его въ двѣ розги и навису...

Черезъ три недѣли послѣ этой усиленной порки, отъ отца получено было письмо съ извѣстіемъ о смерти бабки, которая, какъ и дѣдъ, тоже была жалостлива къ своему внуку. Печальное извѣстіе такъ поразило нервнаго мальчика, что онъ долго и много, до потери сознанія, обливался слезами и, наконецъ, не сказавшись никому, вышелъ изъ квартиры, чтобы пробраться въ отцовскій домъ. Но, не зная дороги, попалъ въ бурьянъ, росшій около собора за бывшимъ домомъ епископа Питирима, сѣлъ на землю, сталъ плакать и заснулъ. Проснулся онъ, когда въ соборѣ благовѣстили къ заутрени. Такъ онъ и не съумѣлъ выйти изъ города: здѣсь его поймали товарищи и привели на квартиру. Что было потомъ—понятно всякому. И квартирный хозяинъ, и всѣ учителя считали долгомъ своимъ, каждый отъ себя особо, жестоко высѣчь уже изсѣченнаго ребенка...

Съ этихъ поръ Угрюмовъ сталъ учиться еще хуже прежняго. И стало ему часъ отъ часу не легче... Чаще всего доставалось ему за дурныя отмѣтки и за небрежное исполненіе обязанностей дневальнаго, которыя состояли въ томъ, чтобы по субботамъ мести классъ и въ продолженіе недѣли имѣть наготовѣ свѣжія и размоченныя розги и безпощадно сѣчь ими провинившихся учениковъ. Напрасно Угрюмовъ, подражая товарищамъ и во избѣ-

жаніе невыносимыхъ порокъ, цѣловалъ на порогѣ учительскіе слѣды и носилъ за пазухой «Сонъ Пресвятой Богородицы». Сѣченіе отъ этого не унималось. Дошло наконецъ до того, что его стали сѣчь уже не розгами, а ременными кнутами. Послѣ этого Угрюмовъ сбѣжалъ, проходилъ нѣсколько лѣтъ по разнымъ монастырямъ и городамъ и въ концѣ концовъ, по суду, угодилъ въ солдаты...

Конечно, этотъ фактъ довольно рѣдкій, но во всякомъ случаѣ онъ характеризуетъ ту эпоху, изъ которой мы взяли его.

О крайне суровыхъ педагогическихъ мѣропріятіяхъ, совершавшихся въ домахъ и училищахъ, Ѳеофилъ, конечно, зналъ, но по духу своего времени смотрѣлъ на увлеченія самодѣльныхъ педагоговъ сквозь пальцы, хотя и не былъ по природѣ жестокимъ человѣкомъ и на этомъ основаніи даже унималъ (словами) слишкомъ ретивыхъ дѣльцовъ современной ему тамбовской педагогіи.

Въ виду многочисленности инородческаго элемента въ Тамбовской губерніи, сдѣлано было Ѳеофиломъ такое распоряженіе. Въ татарскихъ и мордовскихъ училищахъ наставленія производить на татарскомъ и мордовскомъ языкахъ, доколѣ всѣ сіи прихожане отъ мала и до велика совершенно разумѣть будутъ россійскій языкъ. Книги при обученіи употреблять съ двумя текстами: русскимъ и инородческимъ (такія книжки были изданы св. Сѵнодомъ). Учителей-церковниковъ назначать въ инородческіе приходы изъ мѣстныхъ уроженцевъ, знающихъ инородческіе языки. Но и это распоряженіе встрѣтило значительное препятствіе на практикѣ какъ со стороны закоснѣлыхъ въ неграмотности инородцевъ, такъ и со стороны самихъ церковниковъ...

За недостаткомъ хоть какъ-нибудь подготовленныхъ къ учительству церковниковъ, Ѳеофилъ приказалъ, чтобы ученые священники собирали въ свои училища неученыхъ діаконовъ, и причетниковъ и обучали ихъ наряду съ учениками и, такимъ образомъ, приготовляли бы ихъ на помощь себѣ, а современемъ и на перемѣну. Все сіе,—думалъ нашъ епископъ,—исполниться можетъ очень въ короткое время, ибо читать и писать каждый церковникъ знаетъ; остается только показать каждому начальныя дѣйствія ариѳметики. Въ то же время при тамбовской духовной семинаріи открыты были особыя занятія для образованія будущихъ церковно-приходскихъ учителей.

До какой степени слаба была школьная подготовка внезапно призванныхъ къ учительству дѣятелей, видно изъ слѣдующаго. Во всей нашей многоцерковной и многолюдной епархіи діаконовъ и причетниковъ, побывавшихъ въ духовныхъ училищахъ, въ 1806 году, было только 138 человѣкъ.

Первые учители нашихъ церковно-приходскихъ училищъ должны были обучать своихъ учениковъ слѣдующимъ предметамъ: чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, главнымъ началамъ закона Божія и благонравію. Цѣль обученія заключалась въ томъ, чтобы мальчики (о дѣвочкахъ въ то время и рѣчи не могло быть) знакомились съ обязанностями относительно государя, начальства и ближнихъ и чтобы, вообще, имѣли правильное понятіе о вещахъ.

Епископу Ѳеофилу особенно хотѣлось привлечь къ дѣлу народнаго учительства епархіальныхъ діаконовъ, но и при осуществленіи этой мысли онъ встрѣтилъ препятствія, почти неодолимыя.

Дѣло въ томъ, что наши о. діаконы въ огромномъ большинствѣ не были подготовлены къ новому своему призванію ни умственно, ни нравственно. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующей резолюціи Ѳеофила, данной 16-го октября 1806 года: «давно уже примѣчаемъ мы, что діаконà по епархіи нашей въ своихъ должностяхъ весьма своевольствуютъ: первое—что не прилежатъ къ тому, что имъ должно знать по должности ихъ, а именно — эктеніи въ твердость, съ порядочнымъ выговоромъ; второе—что евангеліе прочитать искусно рѣдкій знаетъ; третье—что никогда почти они не причащаются. А какъ чинъ церковный искусствомъ діаконства весьма украшается... того ради консисторіи, для прекращенія таковаго разстройства и своеволія въ церкви, немедленно послать во всѣ духовныя правленія указы и велѣть чрезъ благочинныхъ повсюду обязать подписками: 1) чтобы священники наблюдали за діаконами, дабы каждый изъ нихъ въ каждый воскресный день непремѣнно причащался св. Божіихъ Таинъ. 2) А какъ для таковаго святаго совершенства... потребно пріуготовленіе... то предписать, чтобы каждый чредной священникъ купно съ діакономъ, не исходя изъ церкви, читалъ должное правило... Если же кто изъ діаконовъ будетъ дѣлать упущеніе, то у таковыхъ за каждую литургію вычитать изъ дохода полтину»...

Въ силу этой резолюціи, по всей нашей епархіи начались сборы штрафовъ. А между тѣмъ духовенство наше вообще было бѣдное, и штрафы чувствительно ложились на его домашній бюджетъ. Явились недоимки; можно было думать, что требовательный и строгій владыка отнесется къ недоимщикамъ сурово. Однако, Ѳеофилъ умѣлъ и миловать. На прошеніи одного недоимщика, діакона села Земетчины Якова Иванова, просившаго о сложеніи недоимки, онъ написалъ такое рѣшеніе отъ 10-го сентября 1807 года: «не кожу же съ просителей снять: оштрафовать ихъ положеніемъ въ разныхъ церквахъ по 50 поклоновъ земныхъ».

При крайне ничтожномъ количествѣ способныхъ и усердныхъ церковно-приходскихъ учителей, результатъ отмѣченной школьной реформы былъ, конечно, въ соотвѣтствіи съ ея условіями. Въ средѣ

самого духовенства постепенно накоплялась масса безграмотныхъ церковниковъ. Тогда послѣдовалъ указъ о разборѣ духовныхъ дѣтей для обращенія неграмотныхъ изъ нихъ и имѣвшихъ свыше 15 лѣтъ въ военную службу. Вмѣстѣ съ ними, по смыслу того же указа отъ 15-го декабря 1806 года, забирали въ солдаты и тѣхъ причетниковъ, кои были поведенія непорядочнаго...

Такимъ образомъ, школьная правительственная реформа, гуманно и основательно задуманная, не была серьезно осуществлена, между прочимъ и потому, что встрѣтила мало подготовленныхъ силъ и нравственной поддержки въ средѣ самого духовенства, къ которому преимущественно и обращалось правительство, какъ главной ожидаемой силѣ для всенароднаго наученія...

Итакъ, худо ли, хорошо ли, великое дѣло школьно-приходскаго народнаго учительства началось у насъ въ самомъ началѣ текущаго столѣтія, при епископѣ Ѳеофилѣ. Но Ѳеофилъ скоро скончался (въ декабрѣ 1811 года), и епархія, сама того не сознавая и своеобразно цѣня его только по его энергическимъ мѣропріятіямъ, лишилась въ немъ неутомимаго и крѣпкаго просвѣтителя; а затѣмъ, послѣ Отечественной войны, и всѣ другія условія для развитія народнаго просвѣщенія измѣнились... И только въ послѣднія десятилѣтія вопросъ о народной школѣ ожилъ снова, ожилъ съ небывалою силою, подъ особеннымъ покровительствомъ верховной власти [1]).

Кончина епископа Ѳеофила была вмѣстѣ съ тѣмъ кончиною вопросовъ о развитіи народной школы. Его преемникъ Іона, впослѣдствіи митрополитъ и экзархъ Грузіи, дѣйствовалъ уже въ иномъ направленіи. Онъ утверждалъ и распространялъ мѣстное духовное просвѣщеніе и, такимъ образомъ, только косвенно содѣйствовалъ развитію начальнаго народнаго просвѣщенія посредствомъ домашнихъ школъ грамотности.

Самъ Іона не былъ ни замѣчательнымъ ученымъ, ни выдающимся церковнымъ проповѣдникомъ, но онъ вліялъ на другихъ, воодушевлялъ ихъ, направлялъ, и въ этомъ заключается его огромная церковно-историческая заслуга. Каждому свое... Кто лично трудится на пользу науки, кто подвигаетъ на это дѣло другихъ, и, можетъ быть, эти послѣдніе дѣятели бываютъ многоплоднѣе первыхъ... Ихъ призваніе—педагогическое. Ихъ роль—учительная. Ихъ слава — скромная слава... Но въ скромной и многоплодной дѣятельности и заключается истинное нравственное величіе. Къ типу подобныхъ общественныхъ дѣятелей, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ документовъ, я отношу и нашего тамбовскаго епископа Іону.

---

[1]) Эта краткая замѣтка составлена на основаніи документовъ «Изв. Тамб. уч. арх. ком.», вып. XXV, описанныхъ членомъ комиссіи И. В. Знаменскимъ.

Во время своего убогаго дѣтства Іона нерѣдко доходилъ до того, что просилъ милостыню ради себя и своей безпомощной и безпріютной старушки-бабушки. Такимъ образомъ онъ привыкъ вникать въ чужую бѣду и отзываться на нее дѣятельною помощію. Ближе всѣхъ стояли къ нему бѣдныя дѣти духовенства, и вотъ именно ихъ-то онъ и началъ выводить изъ состоянія нравственной и матеріальной безпомощности посредствомъ училищъ. Іонинскія училища, открытыя имъ въ Елатьмѣ, Лебедяни, Темниковѣ, Шацкѣ и Борисоглѣбскѣ, разумѣется, далеко не блистали ни обстановкой, ни педагогіей во всѣхъ отношеніяхъ. Напротивъ, они отличались выдающеюся нищетою, научною скудостію и крайнею суровостію всего училищнаго склада [1]). Таковы были времена... Но было бы большою историческою ошибкою видѣть въ нашихъ отжившихъ духовныхъ училищахъ только однѣ отрицательныя стороны. Была въ нихъ одна высоко-гуманная черта. Туда, не справляясь со средствами и не стѣсняясь штатами, охотно принимали рѣшительно **всѣхъ** духовныхъ дѣтей, какого бы они ни были возроста, развитія и состоянія. Этихъ дѣтей, можно сказать, подбирали съ улицъ и усиленно, съ крайнею снисходительностію къ ихъ успѣхамъ, старались доводить до окончанія курса.

Преосвященный Іона первый ввелъ у насъ обязательное училищное обученіе всѣхъ духовныхъ дѣтей, дѣйствуя въ данномъ случаѣ рѣшительно и безповоротно. И онъ достигъ своей цѣли. Самымъ грамотнымъ сословіемъ при немъ было, безъ сомнѣнія, духовное. Къ нему-то обязательно и обращались **всѣ** родители съ просьбой о **выучкѣ** дѣтей.

Учебныя программы въ духовной семинаріи при Іонѣ отличались обширностію и разнообразіемъ, но исполненіе ихъ встрѣчало неодолимыя препятствія по поводу отсутствія подготовленныхъ и усердныхъ педагоговъ и пособій. Напримѣръ, въ 1815 году, нѣмецкій языкъ порученъ былъ въ семинаріи нѣкоему Новопокровскому, который своего предмета не зналъ, умѣя только читать, а не переводить. Въ подобныхъ случаяхъ педагогамъ есть нѣкоторый выходъ изъ ихъ тяжелаго положенія. Они должны тщательно подготовляться къ каждому уроку и во время самаго урока отнюдь не выходить изъ предѣловъ приготовленнаго. Можетъ быть, и Новопокровскій хотѣлъ держаться этого порядка, но вотъ бѣда: **учебника Фабіана, по которому онъ обязался преподавать въ семинаріи, въ классѣ не было ни одного, ни у учениковъ, ни у самого учителя...** Любопытно знать, какъ же проходились нѣмецкіе уроки въ Тамбовской семинаріи...

---

[1]) Семинарская скудость выражалась, напр., въ томъ, что даже на больныхъ учениковъ, которыхъ сравнительно баловали, было выдаваемо по 35 коп. на недѣлю.

Іона поощрялъ между семинаристами чтеніе разныхъ книгъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время. Многія книги онъ покупалъ самъ и передавалъ ихъ, по своей цѣнѣ, въ семинарскую библіотеку. Между этими книгами, кромѣ учебниковъ и журналовъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія сочиненія, характеризующія эпоху: «Величіе души», «Вопль истины противъ соблазна міра», «Политика изъ священнаго писанія почерпнутая», «Чтеніе въ бесѣдѣ любителей русскаго слова», «Другъ юношества», «Письма матери къ сыну о истинахъ христіанской религіи», «Зритель Божіихъ дѣлъ» и «Книга о библейскихъ обществахъ».

Бытъ тамбовскихъ семинаристовъ во времена Іоны обращаетъ на себя вниманіе по поводу одного обстоятельства, значительно смягчавшаго семинарскую нищету. Многіе ученики нашихъ духовныхъ училищъ съ младшихъ классовъ пользовались приходскими мѣстами, сдавали ихъ за извѣстную плату наемнымъ лицамъ и на остальныя отъ доходовъ деньги жили во весь семинарскій курсъ безбѣдно, такъ что иные, напримѣръ, студентъ богословія Высоцкій, имѣли у себя за разъ рублей по 200. Именно эту сумму названный ученикъ имѣлъ въ виду употребить на покупку для отца служанки. Договорныя мѣстническія обязательства писались у благочинныхъ, а деньги семинаристамъ доставлялись чрезъ консисторію, но въ какомъ именно количествѣ, объ этомъ наши документы умалчиваютъ...

Съ философскаго класса семинаристы именовались студентами. Съ этой поры, особенно же съ богословскаго класса, ихъ привлекали къ педагогіи и семинарской администраціи. Семинаристы-комиссары вѣдали хозяйственныя и канцелярскія дѣла. Семинаристы-подлекаря составляли лекарства и вели имъ формальный счетъ. Семинаристы-сеніоры слѣдили за нравственностію и успѣхами младшихъ своихъ товарищей, съ правомъ карать и миловать. Въ случаѣ отсутствія кого-либо изъ учителей привилегированные бурсаки съ важностью возсѣдали на учительскихъ стульяхъ и табуретахъ, и авторитетно учительствовали.

Большинство семинаристовъ описываемой эпохи было строго дисциплинировано, но были между ними и такіе отпѣтые добрые молодцы, которые по истинѣ могутъ быть названы до-историческими типами. Таковы семинаристы братья Турдаковскіе: Семенъ и Николай и студентъ Вознесенскій. Въ классы они ходили только тогда, когда хотѣли, и то очень рѣдко, да и вовсе не затѣмъ, чтобы учиться, а чтобы озоровать и вести пошлую войну съ педагогами... Буйства Турдаковскихъ и Вознесенскаго доходили до того, что ихъ часто забирала полиція и предавала свѣтскому суду. Но Іона все надѣялся, по обычной ему кротости и вѣрѣ въ людей, что нелѣпые бурши исправятся. Онъ подвергалъ ихъ легкимъ наказаніямъ и бралъ съ нихъ подписки... Наконецъ, вынуж-

денъ былъ отослать ихъ въ свѣтскую команду, въ губернское правленіе.

Обычныя школьныя семинарскія наказанія во времена Іоны были довольно разнообразны. Семинаристовъ сѣкли розгами, когда въ одну розгу, когда въ двѣ, смотря по винѣ. Сѣченіе бывало келейное, а иногда производилось при самой торжественной обстановкѣ. На экзекуцію собирались начальники, учителя и ученики. Пока сѣкли виновнаго, звонили въ семинарскій колокольчикъ. Это называлось сѣчь подъ звонкомъ. Менѣе виновныхъ наказывали карцеромъ, поклонами и палями, т. е. въ этомъ послѣднемъ случаѣ били по ладонямъ линейками. Упорныхъ и великовозрастныхъ лѣнтяевъ исключали въ епархіальное вѣдомство, но большинство ихъ не печалилось отъ этого и съ радостію предавалось дьячковству и пономарству.

Не смотря на суровыя наказанія, тамбовскіе семинаристы, вообще, учились очень лѣниво и плохо. Многіе изъ нихъ часто бывали въ бѣгахъ не только лѣтомъ, но и зимою. Бывали изрѣдка случаи замерзаній. Но и вьюги, и морозы не смущали отпѣтыхъ бурсаковъ... Упорная лѣность доходила иногда до того, что иной ученикъ, какъ напримѣръ, ученикъ русскаго класса Бѣдняковъ въ теченіе цѣлаго учебнаго года не выучился ни читать, ни писать... Лѣность и великовозрастность нѣкоторыхъ семинаристовъ доводила ихъ до разгула, буйства и секретныхъ болѣзней. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ ихъ отпускали на излеченіе по домамъ, гдѣ они и заживались по цѣлымъ мѣсяцамъ, выздоравливали и все-таки не являлись въ семинарію, такъ что епископъ Іона вынужденъ былъ штрафовать потатчиковъ-родителей.

Семинарскимъ врачемъ описываемаго времени былъ извѣстный тамбовскій цѣлитель Ф. П. Строневскій, составитель набора его имени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ же былъ и аптекаремъ и отъ себя продавалъ въ семинарію лекарства.

Если бытъ тамбовскихъ духовныхъ училищъ, нами изображаемый, былъ далекъ отъ совершенства, то отнюдь не Іона былъ виновенъ въ этомъ. Онъ искренно и неослабно стремился къ просвѣщенію духовенства, дѣлалъ, что могъ, но встрѣчалъ обычную упорную косность со стороны тѣхъ самыхъ лицъ, которыхъ хотѣлъ просвѣтить и облагодѣтельствовать.

Интересъ епископа Іоны къ дѣлу духовнаго просвѣщенія выразился, между прочимъ, въ его заботахъ о томъ, чтобы созданныя имъ духовныя училища открывались съ возможною торжественностію. Вотъ какъ открыто было Темниковское духовное училище.

12-го сентября 1814 года, по просьбѣ смотрителя училища протоіерея Асинкрита Иванова, городничій оповѣстилъ весь городъ о готовящемся торжествѣ. На другой день, въ осьмомъ часу утра, начался праздничный соборный звонъ. Все темниковское духовен-

ство собралось въ соборѣ и крестнымъ ходомъ двинулось оттуда въ училищное зданіе на молебенъ, а изъ училища опять въ соборъ къ литургіи. За крестнымъ ходомъ попарно шли ученики. По окончаніи литургіи всѣ снова отправились въ училище. Здѣсь учитель Дмитріевъ произнесъ рѣчь о пользѣ наукъ, а тремя учениками говорены были приличные о пользѣ же наукъ разговоры. Четвертый ученикъ сказалъ благодарственную рѣчь къ благородному сословію и посѣтителямъ. Въ заключеніе у смотрителя былъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ темниковскій помѣщикъ адмиралъ Ф. Ф. Ушаковъ, который тутъ же и открылъ подписку въ пользу училища, которую началъ самъ пожертвованіемъ въ 300 руб. Остальная пировавшая публика въ свою очередь собрала 500 руб., а протоіерей Ивановъ подарилъ училищу домъ.

Въ программу училища входили слѣдующіе предметы: латинскій, греческій, русскій и церковно-славянскій языки, ариѳметика, церковный уставъ, катехизисъ и священная исторія.

Въ семинарской жизни описываемаго времени нельзя не отмѣтить слѣдующаго утѣшительнаго явленія. Въ 1814 году учителя семинаріи, Поповъ и Новопокровскій (оба протоіереи) согласились отдать въ пользу бѣднѣйшихъ учениковъ свое жалованье за вторую половину майской трети. На суровомъ фонѣ отжившей школьной жизни этотъ фактъ, безъ всякаго сомнѣнія, является свѣтлымъ и примиряющимъ...

Кромѣ школы, епископъ Іона обращалъ особенное вниманіе и на нравственный бытъ подчиненнаго ему духовенства. На этомъ поприщѣ дѣятельности работы было ему не мало... Онъ приглашалъ къ себѣ виновниковъ и дѣйствовалъ на нихъ не столько силою власти, сколько убѣжденіемъ и слезами... и изрѣдка штрафами.

Виднымъ памятникомъ Іонинскаго епархіальнаго управленія служитъ также и то, что онъ организовалъ епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія.

Этими скудными указаніями былого скуднаго народнаго учительства я и оканчиваю свою краткую замѣтку.

И. Дубасовъ.

«СМУТНОЕ ВРЕМЯ» ВЪ ГОРОДѢ ОЛЬШАНСКѢ.

(Очеркъ изъ быта служилыхъ людей начала XVIII вѣка).

РЕДЛАГАЕМЫЙ очеркъ, основанный на документахъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи [1]), рисуетъ любопытную картину борьбы нѣсколькихъ служилыхъ людей изъ-за лакомаго для нихъ куска—воеводства въ городѣ Ольшанскѣ [2]). Борьба носила такой ожесточенный характеръ, что временами доходила до вооруженныхъ столкновеній враждующихъ соперниковъ и ихъ партій. Въ разгарѣ страстей практиковались тутъ прямые «наѣзды» на злосчастный Ольшанскъ... Нѣсколькимъ лицамъ пришлось даже «положить животы свои» за интересы кандидатовъ на Ольшанское воеводство...

И все это возмутительное безобразіе творилось если не подъ покровительствомъ, то ужъ несомнѣнно по прямому попустительству Разряднаго Приказа, который своими неумѣлыми и сбивчивыми распоряженіями еще болѣе увеличивалъ общую неурядицу, обнаруживая здѣсь и недостатки своей организаціи, и слабость своего авторитета. Впрочемъ, мы не должны забывать, что это были годы лебединой пѣсни Разряда (прекратившаго свое существованіе въ 1711 г.), когда немудрено было ослабѣть и расшататься его болѣе чѣмъ полуторавѣковому организму...

---

[1]) См. а) «Дѣла Разрядныя» кн. № 11 (м. іюль, дѣла №№ 73, 74, 101), кн. № 12 (м. сент., д. № 5), кн. № 15 (м. янв., дѣла №№ 11, 21) и б) «Разрядную вязку» № 25 (д. № 16).

[2]) Нынѣ селеніе Воронежской губерніи.

Если къ этому прибавить, что ольшанская исторія разыгралась въ періодъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго и, притомъ, не гдѣ-нибудь въ сибирской глуши, а можно сказать подъ бокомъ у великаго царя (нерѣдко посѣщавшаго Воронежскій край)— то картина своеволія и безчинствъ маленькихъ служилыхъ людей пріобрѣтаетъ особое значеніе...

Ольшанская исторія несомнѣнно говоритъ о существованіи въ провинціи какого-то броженія, свойственнаго переходнымъ эпохамъ. Только въ такія эпохи и возможны подобныя картины своеволія, питаемаго центральною властію... За XVII вѣкъ я не знаю аналогичныхъ фактовъ даже въ самомъ дикомъ (въ то время) углу русской земли—въ Сибири, гдѣ воеводское своеволіе достигало невозможныхъ предѣловъ самодурства. Событія, подобныя ольшанской исторіи, мнѣ представляются просто немыслимыми для XVII вѣка, при его строгомъ и твердо установившемся строѣ служилыхъ отношеній и распорядковъ.

I.

Весною 1703 г., пріѣхали въ Москву изъ города Ольшанска выборные люди отъ посада—«дьячокъ» Ерофѣй Юдинъ и посадскій человѣкъ Игнатій Боевъ съ товарищи, и въ половинѣ мая подали въ Разрядномъ Приказѣ, боярину Тихону Никитичу Стрешневу «челобитную» отъ имени «всего города» на воеводу стольника Луку Артемьевича Милюкова. Челобитчики обвиняли стольника «во многихъ грабительствахъ и налогахъ и во многихъ напрасныхъ взяткахъ и въ смертномъ убивствѣ...» Самой «челобитной» ольшанцевъ не сохранилось, но уцѣлѣла приложенная къ ней «роспись» лицъ, пострадавшихъ отъ воеводы, съ точнымъ обозначеніемъ—у кого именно онъ «всякіе пожитки ималъ насильствомъ» и «кого грабилъ и убилъ до смерти...» Здѣсь перечислено около 50 случаевъ разнообразныхъ «налогъ» воеводы, засвидѣтельствованныхъ рукоприкладствомъ пострадавшихъ лицъ. «Роспись» рисуетъ такую картину воеводскаго «кормленія» Луки Милюкова:

Воевода «кормился» отъ ольшанцевъ всякими путями: бралъ и деньгами, и скотомъ, и разною «рухлядью», хлѣбными запасами и проч., бралъ все это безъ всякаго повода, а только потому, что ему понравился, или понадобился извѣстный предметъ. Напр.—у вдовы Е. Васильевой онъ «отнялъ» гнѣдого жеребца (цѣною въ 7 руб.), у одного солдата взялъ саврасаго мерина (въ 6 руб.), у другого сѣраго коня (въ 15 руб.), у посадскаго человѣка «вымучилъ» 26 руб., у другого 8 руб. и т. п., отнялъ у третьяго карюю кобылу, 2 телѣги, 2 «ременныхъ хомута, новой войлокъ» и т. д. Подобныхъ случаевъ грабительства приведена масса (около 25) и

всѣ они свидѣтельствуютъ, что воевода не брезгалъ ничѣмъ: бралъ и цѣнные предметы, и малоцѣнные (въ родѣ 1 четверти ржи и т. п.).

Взятки брались не только съ посадскихъ людей, но и съ людей служилыхъ, напр.—у подъячаго Онуфрія Вырезубова воевода велѣлъ взять и перевезти на свой дворъ полтора стога сѣна, цѣною въ полтора рубля. У десяти пушкарей «вырубилъ городи» (огорожу) и потравилъ своимъ скотомъ на ихъ огородахъ капусту и «всякія овощи». Когда эти пушкари отправились на службу въ Таганрогъ, воевода «потравилъ хлѣбъ на (ихъ) полѣ свиньями...» У казаковъ и стрѣльцовъ онъ «отписывалъ на себя сады—яблони съ яблоки и вишневои сады съ ягоды». У одного солдата, высланнаго въ Таганрогъ на службу, «зжалъ двѣ полнивы ржи, а нажалъ» на нихъ 27 копенъ. Когда сынъ пострадавшаго пришелъ къ Лукѣ бить челомъ о хлѣбѣ, онъ посадилъ его въ тюрьму и взялъ еще съ него полторы «осмачки» пшеницы. Вернувшійся изъ Таганрога отецъ сталъ просить о возвращеніи хлѣба: за это безпокойство воевода еще содралъ съ него 60 алтынъ...

«Роспись» говоритъ и о другихъ болѣе крупныхъ насильствахъ Милюкова. Такъ, у ольшанца С. Черникова онъ «отнялъ дѣвку Ульяну»—племянницу этого ольшанца, у него же «свелъ насильствомъ» въ свое помѣстье еще двухъ дѣвокъ... Схватилъ сына подъячаго К. Боева и билъ его «ботожьемъ, смертнымъ боемъ, и бивъ его, посадилъ подъ приказъ (т. е. въ подполье Приказной избы) къ свиньямъ и къ медвѣдемъ» (очевидно, ручнымъ), а дочь—дѣвку «держалъ за карауломъ въ приказѣ многое время, напрасно...» Вообще, замѣчаетъ «Роспись»—Милюковъ нерѣдко всякихъ людей «саживалъ подъ приказъ къ свиньямъ и къ медвѣдемъ...»

Не ограничиваясь этою мѣрою, онъ часто прибѣгалъ и къ собственноручной расправѣ. Такъ, у «площаднаго подъячаго» Андрея Болотова Милюковъ выбилъ «дубиною» четыре зуба. Одного стрѣльца избилъ дубиною до того, что руки и ноги у него оказались переломанными, такъ что избитый «нынѣ лежитъ на смертной постели». Другого стрѣльца билъ «не поодинажды» только за то, что тотъ «рыбы ему, Лукѣ, не ловилъ», причемъ «вымучилъ» у него 7 рублей... Нерѣдко онъ посылалъ ольшанскихъ стрѣльцовъ «въ уѣздъ, безъ наказныхъ памятей, и велитъ грабить (населеніе), и мы (жалуются стрѣльцы) безъ наказныхъ памятей ѣхать не хотѣли, и за то бивалъ дубиною...»

Эти расправы кончались иногда очень печально. «Роспись» приводитъ такіе случаи: въ 1702 г. Милюковъ въ приказной избѣ билъ «смертнымъ бьемъ, дубиною», ольшанца М. Новикова, который отъ того дня «умре»... Воевода билъ несчастнаго Новикова для того, чтобы «вымучить» у него 20 рублей денегъ, «епанчу», «лукъ съ лубьемъ и стрѣлами» и др. вещи... Точно также Милю-

ковъ «билъ своими руками и ботожьёмъ» ольшанца И. Бороткина: «и отъ того бою Иванъ лежалъ четыре дни и умре...»

Къ своимъ обязанностямъ оберегателя государевыхъ интересовъ Милюковъ относился небрежно и всюду преслѣдовалъ свои корыстныя цѣли. Такъ, однажды онъ взялъ въ свою пользу изъ «государева сарая»—«приводное платье», три пищали и «коверъ пестрой, черкасского дѣла...» Когда бѣжалъ изъ Ольшанска боярской сынъ С. Петрищевъ, оставшееся послѣ него имущество слѣдовало «отписать на государя», но вмѣсто того Милюковъ продалъ избу съ сѣньми и хлѣвъ бѣглеца какому-то острогожскому посадскому человѣку, а деньги взялъ себѣ. Мало того: все строеніе приказалъ «поневоли» перевезти въ Острогожскъ жителямъ деревни Прилѣпъ... Когда прислана была изъ Разряда память, которою разрѣшалось ольшанцамъ въ «государевъ лѣсъ въѣзжать», то Лука держалъ ее у себя «отъ 10-й пятницы до Филипова заговѣнья» и не выдавалъ ее до тѣхъ поръ, пока не собралъ со всѣхъ городскихъ и уѣздныхъ людей по 8 копѣекъ съ души...

Каковъ попъ, таковъ и приходъ: нѣкоторые подъячіе приказной избы усердно подражали своему воеводѣ въ его корыстныхъ видахъ и жестокости. Такъ, подъячій А. Хабаровъ отнялъ у одного ольшанца карюю кобылу съ жеребенкомъ (цѣною въ 5 руб.) и отдалъ женѣ Милюкова, а та «сослала» ихъ въ свое помѣстье. Тотъ же подъячій въ 1702 г. «убилъ дубиною до смерти» въ деревнѣ Камышной какого-то «гулящаго человѣка...» Подъячій Ѳ. Хабаровъ, братъ перваго, отличался въ Ольшанскѣ воровскими подвигами, напр., на Рождество 1702 г. онъ укралъ въ погребѣ одного посадскаго человѣка «хлѣбъ и пироги...»

Челобитная ольшанцевъ, заключавшая въ себѣ эти жалобы ихъ на безчинства воеводы Луки Милюкова, была подана въ Разрядъ, какъ мы знаемъ, въ маѣ 1703 г. Бояринъ Т. Н. Стрешневъ постановилъ тогда же: отправить въ Ольшанскъ Разряднаго подъячаго Бориса Смирнаго, который долженъ былъ доставить Милюкова въ Москву, «къ допросу» въ Разрядѣ, а «городъ и дѣла» взять у Милюкова и передать усердянину Сергѣю Александрову. Подъячій Смирный поѣхалъ въ Ольшанскъ, но въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ отъ него не было ни слуху, ни духу. Объ этомъ узнаемъ изъ второй челобитной ольшанскихъ выборныхъ людей Е. Юдина и И. Боева съ товарищи, которую они подали въ Разрядъ 13-го іюля и гдѣ жаловались, что Смирный «по се число» не привезъ Милюкова въ Москву и ничего не сообщилъ о передачѣ города С. Александрову. Между тѣмъ, челобитчики живутъ въ Москвѣ уже «осьмую недѣлю» и выражаютъ опасеніе, чтобы имъ, вслѣдствіе такого «отбывательства» Милюкова—«за дѣломъ волочась»—«въ конецъ не разориться» и «государевыхъ службъ и домишекъ своихъ не отбыть...» Снова просятъ они объ ускореніи

вызова Милюкова въ Разрядъ, для чего предлагаютъ послать государеву грамоту къ С. Александрову, а съ нею новаго подъячаго и «посыльныхъ людей—солдатъ».

На это челобитье, «по указу великаго государя, бояринъ Т. Н. Стрешневъ приказалъ: послать новаго подъячаго въ Ольшанскъ, за Л. Милюковымъ».

Въ это же время выступилъ въ Разрядѣ новый челобитчикъ на Ольшанскаго воеводу. Это былъ посадскій человѣкъ г. Острогожска, Денисъ Харитоновъ, разсказывающій слѣдующее въ своей челобитной: въ 1702 г. былъ сильный пожаръ въ Острогожскѣ, когда сгорѣлъ и «домишко» челобитчика и «всякіе пожитенки» его. Вслѣдствіе «пожарнаго разоренья» зять челобитчика, Иванъ Фроловъ, съ женою Акулиной (сестра Дениса), «сошелъ на время жить» въ село Веретье, Ольшанскаго уѣзда, къ попу Михайловской церкви Марку Исаеву. Въ великій постъ 1703 г. Ольшанскій воевода Л. Милюковъ, «похотя съ нево, зятя моево, напаткомъ своимъ взять взятки»—прислалъ въ село Веретье «посыльныхъ людей», которые взяли въ Ольшанскъ Акулину Фролову—больную, на другой день послѣ родовъ... Въ Ольшанскѣ Милюковъ помѣстилъ ее на своемъ воеводскомъ дворѣ, гдѣ «билъ ее и мучилъ напрасно, безъ милости» и заставлялъ, не смотря на ея болѣзнь, работать на него—«толочь и молоть». Акулина не выдержала, еще больше расхворалась и—«въ тюрьмѣ умерла...» При ея жизни еще пришла въ гогородъ изъ села Веретья попадья Ефимья и принесла въ церковь сына Акулины, чтобы причастить его. Воевода посадилъ и попадью «за караулъ», откуда выпустилъ только послѣ смерти Акулины. Ребенокъ послѣдней также скоро умеръ... При взятіи Акулины изъ Веретья посыльные люди «оборвали» съ нея два серебряныхъ креста и «платъ». Послѣдній отдали челобитчику послѣ смерти его сестры, а крестовъ не вернули.

Д. Харитоновъ проситъ, чтобы Милюковъ былъ вызванъ въ Москву и здѣсь допрошенъ «въ томъ нападательствѣ и про мученіе, и про напрасную смерть сестры моей, такожъ и младенца...» Если онъ учнетъ запираться, то Харитоновъ обѣщаетъ представить свидѣтелей.

13-го іюля Т. Н. Стрешневъ постановилъ: присоединить эту челобитную къ челобитью ольшанцевъ и «по того воеводу съ подъячимъ послать государеву грамоту...»

II.

Но не такъ-то легко было вызвать въ Москву Л. Милюкова изъ насиженнаго имъ гнѣзда—г. Ольшанска, и не мало еще пострадало населеніе послѣдняго, пока разсталось съ своимъ буйнымъ воеводою. Немало повозился съ нимъ и назначенный ему въ преем-

ники—Сергѣй Александровъ. 9-го іюля онъ отправилъ въ Разрядъ отписку о своемъ прибытіи въ Ольшанскъ и о пріемѣ, устроенномъ ему тамъ Милюковымъ. Дѣло было такъ, по словамъ Александрова:

Получивши изъ Разряда грамоту о своемъ назначеніи въ Ольшанскъ, на мѣсто Милюкова, Александровъ 6-го іюля отправился туда изъ г. Усерда, въ сопровожденіи около 20 человѣкъ близкихъ ему людей. Когда онъ прибылъ въ Ольшанскъ, Л. Милюковъ вызвалъ его «къ городу» (т. е. къ острогу). Александровъ поѣхалъ, думая, что Милюковъ вызываетъ его для сдачи города. Милюковъ былъ вмѣстѣ съ ольшанскими подъячими Аѳанасіемъ и Ѳедоромъ Хабаровыми и Разряднымъ подъячимъ Борисомъ Смирнымъ. Всѣ они были на коняхъ. Милюковъ подскочилъ къ Александрову и сталъ бить его «плетью и гонялъ». За Александрова вступился одинъ изъ сопровождавшихъ его людей, но Милюковъ сбилъ того съ сѣдла, а «человѣкъ» подъячаго А. Хабарова схватилъ лошадь съ сѣдломъ и отвелъ въ городъ... На подмогу Милюкову подлетѣлъ А. Хабаровъ и «съ копьемъ» въ рукахъ «гонялся» за Александровымъ, а его двоюродный братъ Ѳ. Хабаровъ цѣлился «изъ лука» въ Александрова... «Тотъ ихъ бой» видѣли многіе градскіе люди (между прочимъ, «таможенный голова» Ареѳа Дешевый съ цѣловальниками и др.).

Такимъ образомъ, Милюковъ встрѣтилъ Александрова какъ явнаго врага и, заманивъ его къ себѣ хитростію, съ оружіемъ въ рукахъ сталъ доказывать свои права на владѣніе городомъ... Хотя Александровъ умалчиваетъ, но изъ дальнѣйшаго хода дѣла видно, что Милюковъ на этотъ разъ побѣдилъ и принудилъ своего противника къ отступленію. Присутствіе представителя высшей центральной власти—подъячаго Разряднаго Приказа—нисколько не помѣшало разыграться этому безобразію на глазахъ всего города. Какъ опытный дѣлецъ, Милюковъ съумѣлъ привлечь на свою сторону Б. Смирнаго, который позабылъ, подъ вліяніемъ ухаживаній Милюкова, о своей миссіи—посадить на его мѣсто Александрова и доставить Милюкова въ Москву. Присутствіе Смирнаго въ свитѣ Милюкова должно было немало смутить Александрова и, очевидно, содѣйствовало его пораженію.

Отписка Александрова произвела немалое смущеніе и въ Разрядѣ: какъ ни привыкли тамъ къ своевольству служилыхъ людей, но нахальное ослушаніе Милюкова и Смирнаго слишкомъ ужъ било въ глаза и требовало принятія энергичныхъ мѣръ. Не надѣясь на своихъ посланцевъ въ родѣ Смирнаго, бояринъ Стрешневъ немедленно предписалъ послать государеву грамоту Бѣлгородскому воеводѣ и велѣть ему—тотчасъ «взять» Милюкова и безчинствовавшихъ подъячихъ, и выслать ихъ «за карауломъ» въ Москву.

Бѣлогородскій воевода съумѣлъ «взять» ихъ и—уже 6-го августа вся компанія предстала въ Разрядный Приказъ, на допросъ, который снимался въ присутствіи самого Стрешнева. Допросъ начали съ подъячаго Аѳ. Хабарова, который голословно отвергалъ всѣ взведенныя на него С. Александровымъ обвиненія, т. е., что онъ Сергѣя «не бивалъ, и съ лошади человѣка его не сбивалъ» и т. д. А при встрѣчѣ-де Александрова съ Милюковымъ у «города»—«люди Сергѣевы» стояли съ вынутыми «наголо тесаками». Но почему Милюковъ не сдалъ города Александрову—«про то онъ (Хабаровъ) не вѣдаетъ, а скажетъ-де про то имянно онъ, Лука, вамъ» (т. е. присутствующимъ Разряда)...

Ѳед. Хабаровъ показалъ еще меньше: онъ также отговорился невѣдѣніемъ причины столкновенія стараго воеводы съ новымъ и отвергъ показаніе Александрова о томъ, будто онъ, Ѳедоръ, «намѣревался» стрѣлять изъ лука въ Александрова.

За то обстоятельнѣе всѣхъ объяснился стольникъ Лука Милюковъ. Отвергнувъ обвиненія Сергѣя Александрова въ томъ, будто онъ, Лука, билъ его и проч., стольникъ объявилъ, что не отдалъ Ольшанска вслѣдствіе полученія изъ Разряда грамоты, по которой «города Ольшанска отдавать ему, Сергѣю, не велѣно», а предписано было сдать городъ кому-либо изъ ольшанскихъ подъячихъ—«кому пригоже», по усмотрѣнію воеводы. Милюковъ, согласно этой грамотѣ, поручилъ завѣдываніе городомъ подъячему Онуфрію Вырезубову.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и самъ Разрядъ какъ-то странно распорядился съ вопросомъ о преемникѣ Милюкову: несомнѣнно (см. выше—вторую челобитную выборныхъ ольшанцевъ и отписку С. Александрова), что сначала Разрядъ послалъ грамоту Александрову о назначеніи его на мѣсто Милюкова, а затѣмъ Милюковъ вдругъ получаетъ оттуда же грамоту о томъ, чтобы не передавать города Александрову!.. Почему Разрядъ такъ скоро отмѣнилъ свое первое распоряженіе—трудно рѣшить, но можно предположить, что послѣ дачи грамоты Александрову до Разряда дошли вѣсти о дурномъ прошломъ этого кандидата на воеводство (см. объ этомъ ниже—показанія Милюкова и его челобитную), и онъ поспѣшилъ назначить въ Ольшанскъ другое лицо. Во всякомъ случаѣ, эта путаница Разряда была отчасти причиною столкновенія Александрова какъ съ Милюковымъ, такъ и съ О. Вырезубовымъ и друг., а отъ этихъ столкновеній снова пострадали все тѣ же несчастные ольшанцы, изъ-за воеводства надъ которыми спорило теперь уже нѣсколько лицъ, не желавшихъ уступить другъ другу такого лакомаго кусочка...

Возвращаюсь къ показанію Милюкова.

Отдавъ городъ О. Вырезубову, Милюковъ поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Разряднымъ подъячимъ Бор. Смирнымъ. Только-что онъ

сталъ выѣзжать изъ города, какъ навстрѣчу ему попался С. Александровъ, окруженный «невѣдомо какими людьми—человѣкъ съ 15 и больши», снаряженныхъ «нарянымъ дѣломъ—съ луки и съ пищальми...» Александровъ сталъ требовать у Милюкова сдачи города, но послѣдній объявилъ, что Разрядъ приказалъ отдать Ольшанскъ не Александрову, а кому-либо изъ мѣстныхъ подъячихъ. Александровъ не повѣрилъ этому и тогда О. Вырезубовъ, въ присутствіи стрѣлецкихъ и казачьихъ пятидесятниковъ и «при многихъ грацкихъ людяхъ»—показалъ ему государеву грамоту, по которой «не велѣно Сергѣю города вѣдать... Прочитавъ эту грамоту, Сергѣй принялся бранить Милюкова «матерны», вынулъ «тесакъ» и хотѣлъ его «рубить», но былъ остановленъ ольшанцами. Своимъ людямъ Александровъ также велѣлъ бранить Милюкова «матерны жъ» и «тесаками велѣлъ рубить», что они и сдѣлали: обнаживъ тесаки, «гонялись» за Лукою... Народъ остановилъ и ихъ.

Далѣе Милюковъ обрисовываетъ личность Александрова, котораго онъ называетъ «вѣдомымъ воромъ» и въ подтвержденіе разсказываетъ, будто въ 1702 г. Александровъ «хотѣлъ убить» усердскаго воеводу Алексѣя Беклемишева. Собравшись «многолюдствомъ—невѣдомо съ какими людьми», Александровъ подступилъ однажды къ Усердской приказной избѣ, «караулъ разбилъ и колодниковъ распустилъ, а иныхъ побралъ къ себѣ...» По жалобѣ А. Беклемишева Разрядъ приказалъ Валуйскому воеводѣ Гаврилѣ Дубасову произвести «розыскъ» въ Усердѣ. Во время этого розыска «многіе люди Сергѣя обликовали» (очернили), даже мать его дала противъ него «сказку»... «Розыскъ,—говоритъ Милюковъ,—былъ присланъ въ Разрядъ...» Остается удивляться—какъ скоро Разрядъ забылъ всю эту исторію, случившуюся въ 1702 г., и уже въ слѣдующемъ году счелъ возможнымъ послать буйнаго Александрова на воеводство!..

Въ заключеніе своихъ допросныхъ рѣчей, Милюковъ проситъ не вѣрить вышеприведенной «ложной отпискѣ» Александрова и предлагаетъ подтвердить свои показанія допросомъ ольшанцевъ, бывшихъ свидѣтелями встрѣчи двухъ воеводъ. Въ подтвержденіе же усердской исторіи проситъ сдѣлать «выписку» изъ «розыска» Гаврилы Дубасова.

Ближайшимъ слѣдствіемъ допроса Милюкова и Хабаровыхъ въ Разрядѣ была посылка послѣднимъ грамоты С. Александрову (адресована въ Ольшанскъ) о томъ, чтобы онъ не вступалъ въ управленіе городомъ. Грамота не отрицаетъ, что первоначально Ольшанскъ былъ порученъ Разрядомъ именно Александрову, но что когда 28-го іюля вернулся въ Москву подъячій Бор. Смирный и доставилъ въ Разрядъ Милюкова, то объявилъ Стрешневу, что на мѣсто Милюкова онъ «приказалъ городъ» ольшанцу Ефиму Ха-

барову, а въ товарищи ему назначилъ подъячаго Онуфія Вырезубова (т. е. того самаго Вырезубова, который, по словамъ Милюкова, въ Разрядѣ назначенъ былъ имъ первымъ и единственнымъ лицомъ для завѣдыванія городомъ)... Милюковъ поддержалъ это показаніе Смирнаго и съ своей стороны просилъ (вопреки своему же распоряженію о Вырезубовѣ) утвердить назначеніе Ефима Хабарова, настаивая, чтобы Александрову «за ссорою (съ нимъ, Милюковымъ) того города не вѣдать». Разрядъ согласился и предписываетъ Александрову, что если онъ «принялъ» городъ у Ефима Хабарова, то чтобы «отдалъ ему, Ефиму, попрежнему».

Такимъ образомъ вышла новая путаница съ назначеніемъ Милюкову преемника. Милюковъ назначилъ себѣ преемникомъ Онуфрія Вырезубова, Борисъ Смирный — Ефима Хабарова, а Сергѣй Александровъ продолжалъ, какъ увидимъ ниже, предъявлять и свои права на ольшанское воеводство и всѣ трое одинаково основывались на предписаніяхъ Разряда. Путаница увеличивалась, а въ отвѣтѣ за нее являлось все то же населеніе Ольшанска... Изъ всѣхъ этихъ претендентовъ нахальнѣе другихъ дѣйствовалъ Сергѣй Александровъ и еще немало насолилъ ольшанцамъ, пока не угомонился и не отказался отъ своихъ мнимыхъ правъ на недававшееся ему воеводство.

Какіе были другіе результаты допроса Милюкова въ Разрядѣ, были ли вызваны и допрошены ольшанцы по дѣлу столкновенія его съ Александровымъ? была ли сдѣлана «выписка» о нападеніи Александрова на усердскаго воеводу? — все это неизвѣстно, такъ какъ никакихъ слѣдовъ по этому дѣлу не сохранилось. Нѣтъ также и слѣдовъ розыскного дѣла по челобитью на Милюкова ольшанцевъ и острогоженина Дениса Харитонова. Остались только два документа—отписка Александрова и челобитная Милюкова, разъясняющія дальнѣйшій ходъ событій въ Ольшанскѣ. Оба документа были поданы въ Разрядъ уже въ январѣ 1704 г., но говорятъ о событіяхъ предыдущаго года, послѣ взятія Милюкова въ Разрядъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ документамъ слѣдуетъ упомянуть, что въ сентябрѣ 1703 г. началось новое непріятное для Милюкова дѣло, возникшее по иниціативѣ Приказа Большого Дворца. Оно касалось какихъ-то неисправностей Милюкова, обнаружившихся при устройствѣ имъ «новозаводнаго Битюкскаго поселенія». Въ чемъ именно заключались эти неисправности воеводы, не видно изъ единственнаго сохранившагося по этому дѣлу документа. Это—«память» изъ Приказа Большого Дворца въ Разрядъ, въ которой первый заявляетъ, что еще въ 1701 г., а затѣмъ въ 1702 и въ нынѣшнемъ 1703 гг. Большой Дворецъ требовалъ высылки въ этотъ приказъ стольника Луки Милюкова «для допросу въ новозаводномъ Битюкскомъ поселеніи». Но Лука не былъ досѣлѣ присланъ, такъ какъ все это время «былъ на воеводствѣ въ

Ольшанску, а нынѣ онъ, Лука, на Москвѣ», почему приказъ и проситъ «сыскать» его и выслать по требованію. Разрядъ постановилъ: «сыскавъ (Милюкова), послать (въ Приказъ Большого Дворца) съ памятью по указу». Дальнѣйшій ходъ этого дѣла неизвѣстенъ.

III.

Возвращаюсь къ ольшанской исторіи.

Отписка Сергѣя Александрова, въ январѣ 1704 г., говоритъ, что по первой грамотѣ изъ Разряда воевода Лука Милюковъ не отдалъ ему города, а передалъ его Онуфрію Вырезубову и Ефиму Хабарову и только по второй грамотѣ изъ Разряда Александрову удалось «принять» городъ отъ двухъ послѣднихъ лицъ. Впрочемъ, и въ этотъ разъ не было полнаго пріема: такъ, «дѣла» приказной избы и «государева казна» оказались за печатями Луки Милюкова, а «городовые и казеннаго погреба ключи» были переданы Лукою его женѣ, оставшейся въ Ольшанскѣ на воеводскомъ дворѣ и послѣ отъѣзда мужа... Ничего этого Александровъ и не могъ принять въ Ольшанскѣ. Точно также онъ не могъ занять и воеводскаго двора, а остановился на «постояломъ дворѣ».

15-го декабря Александровъ долженъ былъ выѣхать въ Усердъ, откуда получилъ извѣстіе о смерти дочери. 17-го декабря «прибѣжали» къ нему въ Усердъ изъ Ольшанска тамошній дьячокъ Прохоръ Быльевъ и казачій пятидесятникъ Трифонъ Бочеровъ и разсказали, что послѣ отъѣзда Александрова изъ города произошли тамъ слѣдующія событія:

Въ Ольшанскъ неожиданно пріѣхали братья жены Луки Милюкова—Богданъ и Ѳома Гриневы, а съ ними коротояцкіе подьячіе Аѳанасій Веневской и Кириллъ Катунинъ, да около 50-ти человѣкъ коротоячанъ разныхъ чиновъ людей. Они явились большой поддержкой для партіи Луки Милюкова въ Ольшанскѣ, во главѣ которой Александровъ ставитъ «людей Лукиныхъ»—Якова и Ивана Лощенковыхъ. Гриневы и прибывшіе съ ними лица остановились также на постояломъ дворѣ. Устроившись здѣсь, они велѣли собраться къ себѣ ольшанцамъ «всякихъ чиновъ людямъ». Собралась большая часть служилыхъ и посадскихъ людей. Коротоячане, прибывшіе съ Гриневыми и ольшанцы, оставшіеся вѣрными Милюкову, принялись издѣваться надъ враждебными ему лицами: били «смертнымъ боемъ» (батожьемъ, дубьемъ и пр.) стрѣльцовъ, казаковъ и др. людей. Особенно отличился здѣсь «человѣкъ» Милюкова—Яковъ Лощенковъ: вывернувъ изъ саней оглоблю, онъ избилъ ею ольшанца Власа Латынина, приговаривая: «для чево города у меня, холопа твоего (Сергѣя Александрова) онъ, Власъ, не принялъ?... а Лука-де Артемьевичъ (Милюковъ) указъ на тебя на-

рочно взялъ»... Власъ Латынинъ былъ такъ сильно избитъ, что «нынѣ лежитъ на смертной постели»...

Послѣ этого «боя» разбушевавшіеся коротояченцы и нѣкоторые ольшанцы, съ Гриневыми и подъячимъ Аѳанасіемъ Веневскимъ во главѣ, явились на тотъ постоялый дворъ, гдѣ останавливался въ свой пріѣздъ Сергѣй Александровъ и гдѣ еще оставались его «люди». Толпа явилась «съ дубьемъ»—«знатно, хотѣли меня (Сергѣя Александрова) убить»... Не найдя Александрова, они схватили его шурина Ивана Адоевцова и ольшанца Ивана Платицу, и повели ихъ къ себѣ на постоялый дворъ, причемъ дорогою били ихъ «смертнымъ боемъ», оборвали на нихъ все платье и связали Ивану Платицу, пробовавшаго сопротивляться.

На другой день Гриневы съ товарищи пировали на воеводскомъ дворѣ «въ гостяхъ» у жены Милюкова, а подвыпивъ снова отправились на постоялый дворъ Сергѣя Александрова, гдѣ схватили ольшанскаго подъячаго Онуфрія Вырезубова (которому былъ сданъ городъ Милюковымъ), связали его, «били дубьемъ смертнымъ боемъ». Людей же Александрова они заперли въ конюшнѣ и хотѣли ее «зажечь», но были остановлены «градцкими людьми», которые говорили имъ: «для чего хотитя жечь не по государеву указу?!»... Подъячій Аѳанасій Веневской опомнился, остановилъ своихъ безчинствовавшихъ товарищей и вывелъ ихъ съ постоялаго двора. Собравшимся тутъ людямъ Веневской «указалъ», что воеводою у нихъ будетъ Ѳома Гриневъ, шуринъ Милюкова!... Завѣдывавшаго же городомъ Онуфрія Вырезубова и ольшанца Ивана Платицу Веневской приказалъ сковать и повезъ въ Коротоякъ...

Такимъ образомъ, у бѣдныхъ ольшанцевъ явился новый воевода, поставленный на это мѣсто, какъ оказывается изъ дальнѣйшаго хода дѣла, по распоряженію того же Разряда... Крайне удивительно, что онъ явился въ Ольшанскъ безъ всякихъ доказательствъ своего права на воеводство, т. е. безъ государевой грамоты. На первыхъ порахъ, пока не пришла эта грамота, онъ долженъ былъ казаться ольшанцамъ прямымъ самозванцемъ, ворвавшимся къ нимъ съ вооруженною силою и дѣйствовавшимъ какъ въ непріятельскомъ городѣ... Если самъ Разрядный Приказъ невѣроятнымъ образомъ путался въ этомъ дѣлѣ, назначая въ Ольшанскъ цѣлую кучу воеводъ, то немудрено, что ольшанцы совсѣмъ потеряли голову: кому имъ подчиняться? Этому ли новому избраннику Разряда и близкому родственнику Милюкова—Ѳомѣ Гриневу или Сергѣю Александрову, хотя уѣхавшему изъ города, но вліявшему еще на него чрезъ своихъ людей? или Ефиму Хабарову, или Онуфрію Вырезубову? Болѣе всего, казалось, было правъ на воеводство у Ефима Хабарова, но, какъ увидимъ ниже, Александровъ съумѣлъ удалить его изъ Ольшанска. Онуфрій Вырезубовъ былъ увезенъ Веневскимъ въ Коротоякъ. У Сергѣя Александрова также были

нѣкоторыя права на воеводство, но онъ самъ отступилъ—уѣхалъ въ Усердъ. На лицо оставался одинъ Ѳома Гриневъ, поддерживаемый женою Милюкова и преданными послѣднему ольшанцами, но это былъ новый человѣкъ, не доставившій пока Разрядной грамоты и взведенный на воеводство какимъ-то коротояцкимъ подъячимъ!... Совсѣмъ «смутное время» наступило для ольшанцевъ!...

Узнавъ о подвигахъ А. Веневскаго и Гриневыхъ, С. Александровъ хотѣлъ было ѣхать съ Усерда въ Ольшанскъ, но побоялся, какъ говоритъ въ своей отпискѣ: «и я, слышачи такое ихъ разоренье надъ людьми моими и бой надъ градцкими людьми, ѣхать не смѣю, чтобъ надо мною смертного убивства не учинили»...

Относительно своей короткой воеводской дѣятельности въ Ольшанскѣ Александровъ замѣчаетъ, что полученныя въ бытность его тамъ грамоты, указы и отписки изъ Москвы, Бѣлгорода и Воронежа находились у подъячаго О. Вырезубова, увезеннаго А. Веневскимъ въ Коротоякъ. Кромѣ того, Александровъ сообщаетъ о слѣдующемъ происшествіи, случившемся въ Ольшанскѣ во время вышеупомянутыхъ безчинствъ Веневскаго съ товарищи:

По грамотѣ изъ Разряда, полученной Александровымъ 9-го декабря, была «отписана» на имя «кавалера и губернатора» Александра Даниловича Меншикова государева мельница, находившаяся на р. Соснѣ, подъ Ольшанскомъ, «со всякимъ мельничнымъ заводомъ и строеніемъ». Эта мельница была раньше на откупку жителя г. Острогожска Ивана Колповникова, на которомъ слѣдовало доправить оброчныя деньги за 1703 г. Самъ Иванъ не пріѣхалъ въ Ольшанскъ, а сынъ его, Захаръ, явившись 17-го декабря на мельницу съ А. Веневскимъ, Гриневыми и др., избилъ смотрѣвшаго за мельницею «цѣловальника» Ѳилона Волкова и выгналъ его вонъ, а дьячка Андрея Болотова (который состоялъ при мельницѣ «для записки» всякихъ доходовъ и расходовъ) «били батожьемъ и ослопьемъ, смертнымъ боемъ»... Захаръ не дозволилъ «отписывать» мельницу, а найденный тамъ «сборный хлѣбъ» отвезъ къ себѣ, въ Ольшанскъ.

Этимъ разсказомъ и оканчивается отписка С. Александрова, по которой Разрядъ постановилъ (23-го генваря): «воеводцкую жену (т. е. жену Милюкова) и свойственниковъ ево изъ города выслать», а настоящую отписку Александрова присоединить къ производящемуся въ Разрядѣ розыску по дѣлу Л. Милюкова, о мельницѣ же навести справки и проч.

Если этотъ приговоръ о высылкѣ «свойственниковъ» Милюкова распространялся и на Ѳ. Гринева, только-что назначеннаго Разрядомъ въ воеводы Ольшанска, слѣдовательно — городъ снова остался безъ главы и именно благодаря крайне небрежному выбору въ Разрядѣ кандидатовъ на это злосчастное воеводство...

IV.

Не менѣе интересна и челобитная Луки Милюкова, поданная Разряду въ томъ же генварѣ 1704 года. Но, понятно, что Лука рисуетъ здѣсь ольшанскія событія совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ С. Александровъ.

Прежде всего Милюковъ называетъ первую челобитную ольшанцевъ, поданную Е. Юдинымъ съ товарищи — «воровскою, составною», написанною «бутто ото всего города», а на самомъ дѣлѣ составленною небольшой партіей недоброжелателей воеводы... По этому челобитью Милюковъ «взятъ къ Москвѣ», а городъ «приказанъ бывшему подъячему гулящему С. Александрову». Милюковъ билъ челомъ, чтобы именно этому «гулящему человѣку» не отдавать города, а поручить его кому-либо другому. Просьба его была уважена: Разрядъ предписалъ Милюкову—передать городъ кому-нибудь изъ ольшанцевъ, «кому пригоже». Воевода выбралъ подъячаго Ефима Хабарова. Но Александровъ не обратилъ на это распоряженіе никакого вниманія и, пріѣхавши въ Ольшанскъ, сталъ «вѣдать» городъ. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли туда его пріятели—«вѣдомые воры, которые у него живутъ»—Иванъ Беспаловъ съ товарищи, около 20 человѣкъ. Беспаловъ сошелся здѣсь съ «смертными убойцами» Игнатіемъ и Никифоромъ Боевыми (Игнатій Боевъ вмѣстѣ съ Е. Юдинымъ стояли во главѣ первыхъ челобитчиковъ на Милюкова, а потому понятно — какъ осторожно нужно относиться къ этому отзыву Луки...). Они принялись безчинствовать въ городѣ. Такъ, явившись на «тюремный дворъ» — сбили замки съ дверей и выпустили «колодниковъ», сидѣвшихъ тамъ «въ государевыхъ дѣлахъ и въ челобитчиковыхъ».

Чтобы избавиться отъ совмѣстника по воеводству, Е. Хабарова, назначеннаго Милюковымъ съ разрѣшенія Разряда, Александровъ послалъ къ Бѣлогородскому воеводѣ (которому былъ подчиненъ Ольшанскъ) отписку, гдѣ сообщалъ, что Хабаровъ вѣдаетъ городъ безъ государева указу, а ему-де, Александрову, законному воеводѣ города не отдаетъ. Вслѣдствіе этого Хабаровъ былъ «взятъ» въ Бѣлгородъ, причемъ Александровъ отписалъ въ Разрядный приказъ, «бутто Е. Хабаровъ взятъ (въ Бѣлгородъ) не по его (Александрова) отпискѣ...» Однако, Разрядъ продолжалъ попрежнему недовѣрчиво смотрѣть на Александрова: бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ снова распорядился, чтобы Александровъ не воеводствовалъ въ Ольшанскѣ, а городъ велѣлъ отдать ольшанцу Власу Латынину.

Милюковъ почему-то былъ особенно доволенъ этимъ назначеніемъ и въ своей челобитной страшно негодуетъ на то, что благодаря будто бы проискамъ Александрова воеводство Латынина не состоялось. Милюковъ говоритъ, что Александровъ, «умысля во-

ровски, хотя (желая) меня разорить безъ остатку, мстя мнѣ прежнюю недружбу», (Милюковъ какъ-то прежде производилъ «розыскъ» надъ Александровымъ по обвиненію его «въ посѣчкѣ заповѣди», т. е. заповѣднаго лѣса)—прислалъ при своей отпискѣ въ Разрядъ «скаску» Власа Латынина о томъ, что онъ «города не принялъ за болѣзнью и бутто его, Власа, съ такое дѣло не станетъ», т. е. что у него не хватитъ силъ и умѣнья на такое большое дѣло, какъ воеводство...

Изъ вышепреведенной отписки С. Александрова мы знаемъ, что именно за этотъ отказъ отъ воеводства «человѣкъ» Милюкова Як. Лощенковъ до полусмерти избилъ оглоблею Вл. Латынина...

Послѣ отказа Латынина, которому Милюковъ очевидно не вѣритъ, видя здѣсь единственно козни Александрова, Милюковъ снова билъ челомъ, чтобы Ольшанскъ поручить «иному, кому ты, великій государь, укажешь мимо его Сергѣя» (Александрова). Разрядъ отправилъ тогда грамоту коротояцкому воеводѣ Матвѣю Колычеву о посылкѣ въ Ольшанскъ «кого пригоже», чтобы Александрова и его товарищей «выслать за поруками къ Москвѣ», а городъ передать староосколыцу Ѳомѣ Гриневу.

Какъ извѣстно, это былъ братъ жены Милюкова. О своемъ родствѣ съ Гриневымъ Милюковъ изъ понятныхъ побужденій умалчиваетъ, но несомнѣнно, что это назначеніе состоялось благодаря ходатайству Милюкова въ Разрядѣ предъ всесильными дьяками. Назначеніе Гринева было самымъ желательнымъ для Милюкова. Не говоря уже о томъ, что онъ выгодно устроивалъ судьбу своего близкаго родственника, этотъ послѣдній не мало могъ помочь провинившемуся воеводѣ въ заметаніи слѣдовъ его нечистой дѣятельности въ Ольшанскѣ... Кромѣ того, Милюковъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи при помощи Гринева расквитаться съ врагами въ Ольшанскѣ, которые своими челобитьями принудили его оставить воеводство съ позоромъ и убытками...

Коротояцкій воевода отправилъ въ Ольшанскъ своего подъячаго за С. Александровымъ. Это былъ Аѳанасій Веневскій съ товарищи. Милюковъ не называетъ его и вообще не распространяется о его пребываніи въ Ольшанскѣ. Онъ замѣчаетъ только, что Веневской не нашелъ Александрова въ городѣ, такъ какъ тотъ заблагоразсудилъ «бѣжать» изъ Ольшанска, «вѣдая за собою воровство и составство и составныя воровскія челобитныя...» Оставшійся въ городѣ пріятель его Ив. Беспалой съ товарищи—по словамъ Милюкова—«хотѣли убить до смерти» А. Веневскаго и «стороннихъ людей». Кого онъ разумѣетъ подъ «сторонними людьми»—неизвѣстно, но изъ отписки Александрова мы знаемъ, что съ Веневскимъ пріѣхало въ Ольшанскъ около 50 коротоячанъ, а на такую несомнѣнно вооруженную толпу врядъ ли бы рѣшился напасть Беспалой, у котораго, какъ говоритъ самъ Милюковъ, было

всего около 20 человѣкъ. На ольшанцевъ же Беспалой не могъ расчитывать, такъ какъ тѣ не имѣли никакихъ основаній поддерживать «гулящаго подъячаго» Александрова, уже устраненнаго отъ воеводства центральною властію. Очевидно, этому показанію Милюкова нельзя вполнѣ довѣрять, особенно если сопоставить его съ разсказомъ Александрова о пребываніи Веневскаго въ Ольшанскѣ. Если вѣрить Александрову,—это былъ прямой разбойничій набѣгъ коротоячанъ на Ольшанскъ! Достаточно вспомнить избіеніе Вл. Латынина и другихъ ольшанцевъ, противниковъ Милюкова, намѣреніе сжечь конюшню съ людьми Александрова и проч. Правда, нельзя вполнѣ довѣрять и словамъ Александрова, но нѣтъ дыму безъ огня, притомъ, показанія его о набѣгѣ Веневскаго внушаютъ довѣріе по своей обстоятельности и большимъ подробностямъ, тогда какъ показанія Милюкова о томъ же очень глухи и полны недомолвокъ.

Какъ бы тамъ ни было, но Милюковъ говоритъ, что объ этой стычкѣ Веневскаго съ Беспалымъ и вообще объ ольшанскихъ событіяхъ отписалъ въ Разрядъ коротояцкій воевода М. Колычевъ. О томъ же писалъ въ Москву и новоназначенный ольшанскій воевода Ѳ. Гриневъ.

Увидѣвъ, что его дѣло прогораетъ, Сергѣй Александровъ «написалъ воровскую составную челобитную бутто ото всего города» о томъ, «чтобъ ему, Сергѣю, городъ вѣдать...» Но Милюковъ очень умѣло доказываетъ, что это была подложная челобитная. Оказывается, что она была подписана «невѣдомо какимъ человѣкомъ» («и невѣдомо котораго города»), подписавшимся притомъ, вмѣсто какого-то «ольшанца одного человѣка, а не вмѣсто всѣхъ грацкихъ и уѣздныхъ людей», какъ бы слѣдовало. Милюковъ резонно говоритъ, что если бы это была дѣйствительная челобитная всего города и уѣзда, то на ней были бы рукоприкладства соборныхъ «и иныхъ грацкихъ и уѣздныхъ прихоцкихъ» церквей поповъ, которые должны были подписаться за безграмотныхъ своихъ прихожанъ. «А которые ольшанцы сами грамотѣ умѣютъ, и они бы сами руки прикладывали, а ольшанцы многіе сами грамотѣ умѣютъ...» Между тѣмъ, ихъ «рукъ» ни одной нѣтъ на этой челобитной: «и то по всему значитъ, что тое челобитную составилъ и написалъ онъ, Сергѣй, безъ вѣдома грацкихъ людей...»

Далѣе Милюковъ прямо называетъ С. Александрова «вѣдомымъ воромъ», въ доказательство чего съ новыми подробностями повторяетъ свой разсказъ объ извѣстномъ уже (см. выше—допросныя рѣчи его въ Разрядѣ) случаѣ нападенія Александрова, въ 1702 г., на приказную избу въ Усердѣ. Именно, здѣсь Милюковъ дополняетъ, что Александровъ учинилъ это безчинство вмѣстѣ съ И. Беспалымъ съ товарищи и, что явившись къ приказной избѣ, они из-

били караульщиковъ и сторожей, и выпустили всѣхъ «колодниковъ», которые «сидѣли въ государевыхъ полтынныхъ и рублевыхъ деньгахъ (т. е. за недоимки по сбору этихъ денегъ), и въ иныхъ дѣлахъ и въ исцовыхъ искахъ». Затѣмъ Александровъ отправился на воеводскій дворъ, гдѣ хотѣлъ «убить до смерти» воеводу Алексѣя Беклемишева и «возмущалъ (противъ него) народъ»... Чѣмъ было вызвано такое безчинство Александрова—Милюковъ не объясняетъ, но прибавляетъ, что Беклемишевъ немедленно отписалъ Разряду отъ этомъ происшествіи. Посланному Разрядомъ въ Усердъ, для «розыска», Валуйскому воеводѣ Гаврилѣ Дубасову усердяне «всѣмъ городомъ сказали, что онъ, Сергѣй, смущеніе въ народѣ чинилъ», что онъ, дѣйствительно, на воеводу Беклемишева приходилъ «нарряднымъ дѣломъ—съ луки и съ пищали и съ копьи», хотѣлъ его убить, а колодниковъ «роспустилъ». Эти обстоятельства подтвердили не только «всѣ градкіе и уѣздные люди», но даже родная мать С. Александрова, давшая о томъ «скаску...» Эта «скаска» и «сыскъ» Дубасова отправлены были въ Разрядъ и—«по тому сыску Сергѣй приличился противъ государева указу къ бунтовщикамъ...» Однако, не смотря на доказанность вины Александрова—«за то ево воровство указу никакова по тому розыску не учинено»...

Въ «прошлыхъ годѣхъ» Александровъ «сидѣлъ на Усердѣ въ подъячихъ» и билъ челомъ государю въ Разрядѣ, «чтобъ его поверстать по Усерду въ дѣти боярскіе.» Просьба была уважена и онъ «написанъ по Усерду» (т. е. внесенъ въ списки усердскихъ дѣтей боярскихъ). Но когда послѣ этого явились въ городъ «разборщики и перепищики», для разбора и переписи служилыхъ людей, Александровъ для избѣжанія службы «отъ нихъ ухоранивался и сказокъ не давалъ.» Это удавалось ему не одинъ разъ, такъ что съ того года, какъ онъ написанъ былъ въ дѣти боярскіе—онъ «никакой службы не служитъ и рублевыхъ и полтинныхъ денегъ не платитъ»...

Очертивъ, такимъ образомъ, личность Александрова, Милюковъ возвращается къ вышеуказанному «составному воровскому челобитью» перваго, на которомъ была сдѣлана въ Разрядѣ (дьякомъ Ѳедоромъ Ефимьевымъ) «помѣта» о томъ, что Ольшанскъ снова вручается Александрову... Но Милюковъ замѣчаетъ, что послѣ представленныхъ имъ объясненій—Александрову «не токмо что города вѣдать—и ни у какихъ дѣлъ быть не довелось!..»

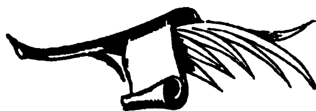
Въ заключеніе Милюковъ снова проситъ не вѣрить этому «составному воровскому челобитью» и не вручать Александрову ольшанскаго воеводства, а послать государеву грамоту къ «сыщику», чтобы тотъ учинилъ розыскъ по настоящей челобитной и по другимъ челобитнымъ, какія Милюковъ станетъ подавать ему «на съѣзжемъ дворѣ». Относительно столкновенія Александрова съ

усердскимъ воеводою А. Беклемишевымъ, Милюковъ проситъ провѣрить его показанія присланнымъ въ Разрядъ «сыскомъ» Г. Дубасова, сопоставить ихъ съ соотвѣтствующими статьями «Соборнаго Уложенія» и «Новоуказныхъ статей» и «по выпискѣ указъ учинить» о наказаніи Александрова за совершенное имъ въ Усердѣ безчинство. Наконецъ, проситъ сыскать то лицо, которое подписало послѣднее «воровское составное челобитье» и допросить: есть ли у него «**выборъ**» отъ всего города и отъ уѣздныхъ людей, отъ имени коихъ будто бы подано это челобитье? Милюковъ проситъ также, чтобы съ этимъ лицомъ ему дана была «очная ставка».

На этой челобитной Луки Милюкова читаемъ такую «помѣту» Разряднаго Приказа: «1704 г., генваря въ 24-й день: взять къ дѣлу и **выписать**». Къ сожалѣнію, ни этой «выписи», ни другихъ документовъ по дѣлу Сергѣя Александрова съ Милюковымъ не сохранилось. Чѣмъ кончилась ихъ борьба между собою и какой результатъ имѣлъ розыскъ по челобитьямъ ольшанцевъ на Милюкова—неизвѣстно. Получилъ ли ольшанское воеводство кто-либо изъ соперничавшихъ между собою этихъ «калифовъ на часъ»— С. Александровъ, или Ѳ. Гриневъ, Е. Хабаровъ, О. Вырезубовъ и проч. и проч? или же воеводство было передано новому лицу, не участвовавшему въ этихъ «междоусобицахъ», послѣдовавшихъ за отозваніемъ изъ Ольшанска Луки Милюкова? Успокоились ли наконецъ ольшанцы, получивъ настоящаго воеводу, послѣ всѣхъ передрягъ этого «смутнаго времени» для нихъ? На всѣ эти вопросы не даютъ, къ сожалѣнію, отвѣта имѣющіеся у меня документы.

Во всякомъ случаѣ, хотя мы и не знаемъ конца этой ольшанской исторіи, она очень характерна уже однѣми тѣми подробностями, какія сохранились въ дѣлахъ Разряднаго Приказа. Они ярко рисуютъ безпомощное положеніе населенія, которое даже при содѣйствіи центральнаго, сильнаго, казалось бы, властію учрежденія не могло справиться съ безчинствами маленькихъ служилыхъ людей, считавшихъ себя въ правѣ бороться другъ съ другомъ изъ-за сытнаго куска—воеводства... Понятно, какъ сильно страдали въ этой борьбѣ интересы населенія и какъ безнадежно оно билось тутъ, защищая себя отъ алчныхъ покушеній служилаго люда!..

Н. Оглоблинъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Великій князь Георгій Михаиловичъ: «Монеты царствованія императора Николая I». Спб. 1889. Gr. in 4°. Съ портретомъ императора Николая Павловича, исполненнымъ геліогравюрою, съ фотогіалотипическими—заглавнымъ листомъ и 41 таблицею изображеній монетъ; 2 листа заглавія, 1 посвященія; XII, 281 стран. текста.

ОВЫЙ ТРУДЪ августѣйшаго автора составляетъ второй выпускъ, задуманнаго имъ, громаднаго предпріятія возможно полнаго и строго научнаго изданія русскихъ монетныхъ знаковъ за періодъ времени съ Петра Великаго и по царствованіе Александра II включительно (1682—1881 гг.). Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (іюнь 1888 года) былъ уже помѣщенъ критическій разборъ перваго тома настоящаго изданія—«Монеты царствованія императора Александра II». Въ этой рецензіи съ одной стороны было отмѣчено научное значеніе задуманнаго обширнаго труда и съ другой выяснено мѣсто, которое онъ долженъ занять въ русской нумизматической литературѣ. Настоящій второй выпускъ по своей внѣшности представляетъ такой же образецъ высокаго типографскаго искусства, какъ и первый томъ. Изданіе необыкновенно роскошно, изящно и тщательно. Также, можно сказать, тщательно выполнено и внутреннее содержаніе книги, по составу своему дѣлящейся на отдѣлы: 1) предисловіе; 2) документы для исторіи монетнаго дѣла и 3) описаніе монетъ. Къ тексту присоединенъ прекрасный алфавитный указатель, составленный очень подробно и точно.

Въ небольшомъ по объему предисловіи высокій авторъ помѣстилъ сжатый историческій очеркъ монетнаго дѣла за данный періодъ времени (1825—1855 гг.). По всей справедливости, нельзя не замѣтить, что группировка фактовъ въ этомъ краткомъ, но цѣнномъ введеніи, весьма выгодно оттѣняетъ эрудицію его составителя. Только изъ предисловія, замѣтимъ кстати, мы узнаемъ, что при императорѣ Николаѣ Павловичѣ на Петербургскомъ Монетномъ Дворѣ бились голландскіе червонцы 94 пробы штемпелями 1818 и

1849 годовъ, а бито ихъ было не мало; за все царствованіе вычеканено всего на сумму 52.226,430 руб. 51 коп.[1]) (см. стр. 170 и 178).

Отдѣлъ «документовъ для исторіи монетнаго дѣла царствованія императора Николая I» состоитъ изъ 304 №№. Чтобы понять цѣнность этого сборника, имѣющаго значеніе не только для нумизматовъ, но и для историка финансовъ, слѣдуетъ отмѣтить, что изъ 304 актовъ не болѣе 93 вошли въ Полное Собраніе Законовъ[2]). Въ царствованіе императора Николая Павловича состоялась извѣстная финансовая операція перевода ассигнацій на серебро, рѣзко отразившаяся на чеканкѣ мѣдной монеты, и была сдѣлана попытка ввести въ монетное обращеніе денежные знаки изъ платины.

Обезцѣненіе ассигнацій къ концу царствованія императора Александра I дошло до того, что серебряный рубль считался въ три слишкомъ рубля на ассигнаціи. При такихъ условіяхъ мѣдная монета, чеканившаяся по манифесту 1810 года по 24 рубля изъ пуда, не соотвѣтствовала стоимости мѣди на ассигнаціи. Съ самаго начала царствованія императора Николая Павловича разрабатывается проектъ чеканки болѣе легковѣсной монеты. Результатомъ этихъ обсужденій осталась пробная монета «3 копѣйки» 1827 года, въ которую думали перечеканить старые гроши (двухкопѣечники). 2 марта 1827 года министръ финансовъ Канкринъ представилъ въ Государственный Совѣтъ записку, въ которой отмѣтилъ, что пудъ штыковой мѣди стоитъ 34 рубля на ассигнаціи и дороже, почему такимъ образомъ казна отъ каждаго пуда мѣдной монеты теряетъ не менѣе 10 рублей. Въ 1832 году пущена была въ обращеніе новая мѣдная монета по 36 рублей изъ пуда металла. Съ 1840 г. стали ходить новыя мѣдныя деньги, чеканенныя по цѣнамъ на серебро изъ пуда по 16 рублей, а въ 1853 году выпущенъ былъ новый чеканъ по 32 рубля изъ пуда. Въ Полномъ Собраніи Законовъ находятся лишь манифесты и указы о различныхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ денежной системы въ имперіи, въ настоящемъ же изданіи мы найдемъ полную мотивировку ихъ въ докладахъ и запискахъ министровъ финансовъ. Такъ въ «предположеніи», внесенномъ въ Государственный Совѣтъ (8 декабря 1848 года) статсъ-секретаремъ и министромъ Вронченко (см. № 262) изложенъ цѣлый историческій очеркъ о «россійской мѣдной монетѣ», начиная со временъ Петра Великаго.

Какъ и у кого зародилась мысль о чеканѣ торговой монеты изъ платины, не выясняется и изъ документовъ разбираемаго сборника. Самый ранній изъ напечатанныхъ здѣсь актовъ (№ 28) отъ 8 марта 1828 года говоритъ уже о приготовленіи штемпелей для трехрублевой платиновой монеты по Высочайше утвержденному рисунку. Только изъ всеподданнѣйшей докладной записки министра финансовъ, представленной 20 апрѣля 1828 г. (№ 32), видно, что по дѣлу о платиновой монетѣ была предварительная пере-

---

[1]) Голландскіе червонцы чеканились и при императорѣ Александрѣ II. Объ этомъ см. въ документахъ перваго тома настоящаго изданія.

[2]) При перепечаткѣ именнаго указа отъ 18-го февраля 1841 года «О находимыхъ въ землѣ казенными крестьянами древнихъ монетахъ» (II, П. С. З., № 14280) безъ оговорки повторена опечатка Полнаго Собранія Законовъ въ фразѣ: «... 9. Монеты новѣйшаго времени, начиная съ XIII столѣтія, какъ не составляющія рѣдкости не могутъ подходить подъ вышеизложенныя правила и находка ихъ подчиняется общему закону о кладахъ, изложенному въ 269 статьѣ X тома Свода Законовъ». Въ данномъ случаѣ необходимо читать вмѣсто «XIII столѣтія»—«XVIII столѣтія».

писка съ барономъ Гумбольдтомъ, отъ котораго ко дню подачи записки окончательнаго отвѣта еще не воспослѣдовало. Попытка примѣнить платину къ чекану, если не монеты, то медалей, сдѣлана была нѣсколько раньше. Извѣстны, напримѣръ, платиновые экземпляры коронаціоннаго жетона 1826 г. Дальнѣйшая исторія чекана монеты изъ платины представлена очень полно; среди документовъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ не вошедшихъ въ Полное Собраніе Законовъ и впервые изданныхъ. Отмѣтимъ для любителей нумизматики, что въ 1829 году выбитъ былъ для представленія государю одинъ экземпляръ платиноваго шестирублевика штемпелемъ полтины (№ 52). Сохранился ли этотъ платиновый полтинникъ 1829 года?[1]).

Какъ извѣстно, знаменитый нумизматъ Рейхель, служившій долго медальеромъ при С.-Петербургскомъ Монетномъ Дворѣ, въ монетахъ видѣлъ историческіе памятники и сдѣлалъ нѣсколько попытокъ къ возстановленію въ Россіи чекана монетъ съ портретами государей. Съ именемъ Рейхеля тѣсно связаны рѣдчайшіе рубль и полтина 1845 года (см. описаніе монетъ №№ 484 и 485). Изъ документовъ разбираемаго сборника становится извѣстнымъ, что и министръ, графъ Канкринъ, держался того же мнѣнія. Такъ, 6 февраля 1831 года (№ 69), онъ докладывалъ государю: «...Наконецъ, принимаю дерзновеніе возобновить всеподданнѣйшую просьбу, не благоугодно ли будетъ Вашему Величеству назначить монету съ портретомъ, ибо съ самыхъ древнихъ временъ россійскія монеты были всегда съ портретами». На докладной запискѣ помѣчена резолюція: «Государь императоръ на портреты не соизволяетъ»...

Цѣлый рядъ документовъ впервые подробно объясняетъ происхожденіе такихъ нумизматическихъ рѣдкостей, какъ полуимперіалъ 1832 года съ надписью «изъ розсыпей Колыванскихъ» (чеканено 1000 экземпляровъ), «фамильные рубли» (собственно десятизлотовки) 1835 и 1836 годовъ и имперіалъ 1836 года съ портретомъ государя и государыни рядомъ, «какъ встрѣчается на древнихъ греческихъ монетахъ»[2]).

Нельзя не отмѣтить и документовъ, касающихся приготовленія серебряныхъ слитковъ для Пекинской Духовной Миссіи (а равно и для консульствъ въ Кульджѣ и Чугучакѣ)[3]). Слитки заготовлялись вѣсомъ въ 1, 1/2, 1/4 и 1/8 фунта. Въ виду того, что эти слитки должны были быть непремѣнно «по прежнему, извѣстной фигуры» и при томъ «съ означеніемъ на каждой штукѣ вѣса», можно пожалѣть, что изображенія ихъ не воспроизведены въ настоящемъ изданіи. Была сдѣлана попытка ввести въ употребленіе и золотые слитки (№№ 221, 222, 255) той же формы, что и серебряные. Попытка оказалась неудачной, потому что: «... китайцы разцѣнили

---

[1]) Къ подобнымъ же «curiosa» относятся экземпляры серебряныхъ «платинниковъ» въ 12, 6 и 3 рубля, представленныхъ государю императору въ 1831 г. (№ 68) и «фамильные» «десятизлотовки» гравера Уткина, выбитые лишь штемпелемъ одной стороны, безъ императорской фамиліи на другой (№ 151).

[2]) Рѣдкость этой монеты—чрезвычайная. При описаніи ея августѣйшій авторъ замѣчаетъ: «У Шуберта помѣчено, что имперіалъ находится въ Эрмитажѣ; между тѣмъ нынѣ этого экземпляра въ Эрмитажѣ не оказывается. Такъ что пришлось помѣстить изображеніе поводѣльнаго экземпляра 1875 года...» (стр. 207). Слѣдовательно, въ настоящее время неизвѣстно ни одного подлиннаго экземпляра этой монеты. Объясненіе такой рѣдкости см. въ документѣ №№ 156 и 158, которыми опровергается, кстати сказать, и показаніе № 164.

[3]) №№ 44, 45, 50, 182, 197, 250, 296, 297.

наше золото только отъ 12½ до 13 кратъ выше серебра той же пробы, тогда какъ въ разсчетѣ, доставленномъ изъ департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, оное разцѣнено было въ 15½ кратъ выше серебра...»

Очень любопытна исторія нумизматической коллекціи знаменитаго графа Аракчеева [1]). Въ 1834 году при передачѣ по высочайшему повелѣнію въ Новгородскій корпусъ собранія разныхъ Россійскихъ монетъ, находившагося въ селѣ Грузинѣ, было констатировано, что 74 экземпляра мѣдныхъ позолоченныхъ названы въ описи золотыми и 303 мѣдныхъ посеребренныхъ названы серебряными. По справкѣ оказалось, что монеты эти въ мартѣ 1824 приготовлены на С.-Петербургскомъ Монетномъ Дворѣ. Когда о такомъ обстоятельствѣ было доложено императору Николаю Павловичу онъ повелѣлъ выяснить, дѣйствительно ли Монетный Дворъ чеканилъ помянутыя поддѣльныя монеты. Бывшій директоръ департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ Е. Мечниковъ представилъ свои объясненія въ письмѣ къ министру финансовъ графу Е. Ф. Канкрину: «Покойный графъ Аракчеевъ, при личномъ свиданіи, объявилъ желаніе и надобность имѣть: образцы монетъ русскихъ, отъ начала тисненія ихъ по царствованіе блаженной памяти государя императора Павла I-го, сдѣланныя изъ мѣди и подъ натуру каждой монеты высеребренныя и вызолоченныя, и историческую коллекцію Россійскихъ медалей бронзовую; почему поручилъ мнѣ приказать все то изготовить на его счетъ на Монетномъ Дворѣ, подъ начальствомъ моимъ находившимся».

Затѣя своеобразнаго нумизмата не встрѣтила препятствій, ибо по признанію Мечникова: «Важность особы и соотношенія ея исключали всякую возможность и всякій видъ приличія къ дальнѣйшему объясненію...» Монеты были отчеканены; но просуществовали недолго. По выслушаніи доклада о показаніяхъ Е. Мечникова—«Его Величеству благоугодно было повелѣть истребовать сіи монеты для уничтоженія, ибо въ существѣ онѣ суть фальшивыя» (стр. 58).

Укажемъ еще на донесеніе вардейна С.-Петербургскаго Монетнаго Двора (23-го сентября 1827 года) о количествѣ золотистыхъ и серебристыхъ частей въ извѣстной «Сибирской» мѣдной монетѣ, чеканенной при Екатеринѣ II по двадцати пяти рублей изъ пуда. Оказывается, что въ каждомъ пудѣ сибирской мѣди содержалось—золота 1 золотникъ 35 долей и серебра 31 золотникъ 3 доли (см. № 20).

Вслѣдъ за сборникомъ документовъ, идетъ рядъ вѣдомостей о количествѣ монеты разныхъ металловъ, отчеканенной въ царствованіе императора Николая I. Таблицы эти, имѣющія безусловную важность для исторіи монеты вообще, нумизмата-практика могутъ иногда ввести въ заблужденіе. Если вѣдомости наглядно рисуютъ рѣдкость золотыхъ монетъ, битыхъ въ Варшавѣ, гдѣ, напримѣръ, червонцевъ въ 1839 году было чеканено 57 штукъ, а въ 1840 всего лишь 26, и полуимперіаловъ въ 1846 г. 61 экземпляръ, въ 1849 г. 133 экземпляра, то съ другой стороны по показанію таблицъ въ 1847 году на Сузунскомъ монетномъ дворѣ полушекъ было выбито на 7500 рублей, то есть три милліона штукъ, а ихъ до сихъ поръ неизвѣстно ни одного экземпляра (стр. 175). Точно также въ коллекціи графовъ Толстыхъ находится, напримѣръ, петербургскій червонецъ 1841 года, когда по вѣдомостямъ

[1]) №№ 123—129.

этой монеты вовсе не чеканено (стр. 224) [1]). Дѣло въ томъ, что нерѣдко монета билась штемпелями предшествовавшаго, а иногда въ рѣдкихъ случаяхъ и послѣдующихъ годовъ.

Описаніе монетъ царствованія императора Николая I сдѣлано августѣйшимъ авторомъ по той же системѣ, которой онъ держался въ первомъ выпускѣ. Каждая монета описана подробно и тщательно; не забыты ссылки на прежнія описанія, если таковыя существуютъ; отмѣчена относительная рѣдкость той или другой монеты; указано, въ какихъ собраніяхъ находятся экземпляры особенно рѣдкихъ монетъ.

Всѣ безъ исключенія монеты описаны и изображены съ подлинниковъ, что могло быть достигнуто только благодаря необыкновенной полнотѣ коллекціи его высочества. Достаточно сказать, что изъ 699 описанныхъ номеровъ въ собраніи автора нѣтъ только 9 монетъ [2]).

Въ концѣ текста приведена исторія знаменитаго рубля императора Константина I—1825 года (съ изображеніемъ этой рѣдчайшей монеты на дополнительной 41 таблицѣ). О константиновскомъ рублѣ подробныя свѣдѣнія въ первый разъ сообщилъ Д. Ѳ. Кобеко («Русская Старина», 1880 г. № 1). Пять экземпляровъ этого рубля, предлагавшіеся къ покупкѣ князьямъ Трубецкимъ—оказались поддѣльными, въ новѣйшее время отчеканенными за границей.

Внимательный просмотръ второго выпуска колоссальнаго изданія великаго князя Георгія Михаиловича заставляетъ высказать пожеланіе, чтобы предпріятіе, требующее такъ много труда и времени, продолжалось безостановочно. Каждый послѣдующій томъ несомнѣнно будетъ имѣть все большее и большее значеніе въ историческомъ и нумизматическомъ отношеніяхъ.

Н. Лихачевъ.

Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1890.

За послѣднія десятилѣтія изученіе русской исторіи, подвигаясь впередъ благодаря появленію на свѣтъ и разработкѣ массы новыхъ матеріаловъ, замѣтно измѣняетъ и свой основной характеръ: все болѣе выступаютъ на первый планъ вопросы внутренней народной жизни, оттѣсняя собою ту политическую исторію, которая занимала раньше первенствующее мѣсто; все чаще появляются труды, ставящіе себѣ задачей изображеніе той или другой, мало до сихъ поръ извѣстной, области этой внутренней жизни русскаго народа и государства. Къ разряду такихъ, заслуживающихъ полнаго сочувствія по своему направленію, трудовъ относится и лежащая передъ нами книга г. Лаппо-Данилевскаго. Авторъ задался цѣлью изучить финансовую

---

[1]) Тоже самое можно сказать и относительно полуимперіаловъ 1827 года (см. стр. 170 и 185).

[2]) Именно: 1) № 284—3 р. 1839 г. M. W. (у гр. Толстыхъ); 2) № 317—3 р. 1840. M. W. (въ Эрмитажѣ); 3) № 359—3 р. 1841. СПБ—А. Ч. (у гр. Толстыхъ); 4) № 512—20 коп. M. W. 1846 года (у гр. Толстыхъ); 5—7) №№ 616, 617 и 619—25, 20 и 5 коп. 1852 года СПБ—Н. I. (у гр. Толстыхъ); 8) № 641—2 коп. 1853. В. М. (у гр. Толстыхъ и гр. Гуттенъ-Чапскаго); 9) № 699—сер. 10 коп. 1854. M. W. (у гр. Гуттенъ-Чапскаго). Не считаю варіантовъ—№№ 520 и 537, а равно и вышеуказаннаго имперіала 1836 года.

систему Московскаго государства въ XVII вѣкѣ и именно организацію прямого обложенія. Тема эта тѣмъ болѣе возбуждаетъ интересъ, что до сихъ поръ она весьма слабо и бѣгло, разработывалась въ ученой литературѣ, тогда какъ матеріалъ, на основаніи котораго она можетъ быть изучаема, отличается и громаднымъ количествомъ, и богатствомъ содержанія. Съ своей стороны авторъ не пожалѣлъ усилій и труда, чтобы охватить вопросъ всесторонне и поставить его такъ широко, какъ онъ того заслуживаетъ. Въ своемъ введеніи онъ указываетъ на развитіе и ростъ прямыхъ налоговъ и личныхъ повинностей въ сѣверно-русскихъ княжествахъ XII—XIV вѣковъ и, затѣмъ, въ Московскомъ государствѣ вплоть до XVII столѣтія, развитіе, совершавшееся подъ вліяніемъ частью внутреннихъ причинъ, частнаго или общественнаго характера, частью причинъ внѣшнихъ, политическихъ, причемъ въ XVII вѣкѣ послѣднее вліяніе взяло верхъ надъ первымъ, и, затѣмъ, разбираетъ сдѣланныя въ Москвѣ въ этомъ столѣтіи попытки упрощенія системы прямыхъ налоговъ и правительственную классификацію и терминологію этихъ послѣднихъ; этотъ разборъ приводитъ его къ выводу, что до послѣдней четверти XVII вѣка въ Московскомъ государствѣ не существовало строго опредѣленной и теоретически выработанной системы налоговъ. Вслѣдъ затѣмъ авторъ переходитъ въ первой главѣ своего изслѣдованія къ распредѣленію прямыхъ налоговъ, указываетъ, что оно было неравномѣрно и главная тяжесть прямого обложенія падала на низшіе или тяглые слои общества, т. е. на крестьянъ и посадскихъ людей и, съ цѣлью опредѣлить взаимное вліяніе соціально-экономическихъ условій жизни населенія и организаціи прямого обложенія, даетъ довольно подробный очеркъ крестьянской и посадской общины, вліянія правительства на ихъ составъ и борьбы тяглыхъ интересовъ городского и сельскаго населенія. Главнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ этой части своего труда, заключаются въ слѣдующемъ: тяглые интересы въ XVII вѣкѣ составляли центръ тяжести общинной жизни какъ въ крестьянской, такъ и въ посадской общинѣ; это самое въ значительной степени обусловливало уже вліяніе правительства на общину, вліяніе, выразившееся главнымъ образомъ въ стремленіи прикрѣпить тяглецовъ къ мѣсту. Борьба же тяглыхъ интересовъ городского и сельскаго населенія, вызванная различіемъ ихъ хозяйства, давая правительству лишній случай проявить свое вліяніе на общинныя отношенія, указывала ему въ то же время на необходимость точнѣе опредѣлить отношенія города и уѣзда. Въ слѣдующей, второй главѣ своей книги авторъ говоритъ о раскладкѣ податей, правительственной и общинной. Такъ какъ правительственная раскладка основывалась на народныхъ переписяхъ, то авторъ въ первой части этой главы останавливается на способахъ и времени производства этихъ переписей, характеризуетъ писцовыя и переписныя книги и указываетъ на ихъ значеніе и степень ихъ достовѣрности. Во второй части онъ останавливаетъ свое вниманіе на тѣхъ податныхъ единицахъ, которыми измѣряло правительство налогоспособность отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ поселеній и въ роли которыхъ являлись послѣдовательно соха, живущая четверть и дворъ. Авторъ характеризуетъ каждую изъ этихъ единицъ и подробно выясняетъ причины перехода въ финансовой системѣ отъ первой изъ нихъ ко второй и третьей. Особенно цѣнно здѣсь даваемое авторомъ впервые точное опредѣленіе живущей четверти, какъ податной единицы, состоявшей изъ опредѣленнаго, но измѣнявшагося сообразно роду помѣстья, числа крестьян-

скихъ и бобыльскихъ дворовъ, служившей переходной ступенью отъ посошной подати къ подворной. Указавъ затѣмъ, что благодаря переписямъ и существованію опредѣленныхъ податныхъ единицъ правительство имѣло возможность составлять общія государственныя росписи и смѣты, разсмотрѣвъ ихъ характеръ и способъ ихъ составленія, авторъ приходитъ къ выводу, что финансовая система Московскаго государства XVII вѣка носила чисто репартиціонный характеръ. Во второмъ отдѣлѣ этой главы авторъ разбираетъ, какъ происходила раскладка податей внутри крестьянскихъ и посадскихъ общинъ. Отмѣтивъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ самой общины въ видѣ дѣйствующаго рядомъ съ общинными властями мірского совѣта, онъ обращаетъ затѣмъ вниманіе на тѣ осложненія, которыя проистекали изъ разновременности и независимости раскладки въ различныхъ группахъ. Третья глава книги посвящена разбору порядка и способовъ взиманія податей органами мѣстнаго самоуправленія и областной администраціи и дальнѣйшей доставки сборовъ въ центральныя учрежденія. Автору приходится отмѣтить здѣсь отсутствіе строгой и вполнѣ правильной организаціи при движеніи сборовъ изъ областныхъ учрежденій въ центральныя. Въ эти послѣднія сборы поступали не только изъ уѣзднаго центра, но и прямо изъ нѣкоторыхъ мелкихъ владѣній частныхъ лицъ и тяглыхъ общинъ. Разобравъ затѣмъ въ четвертой главѣ личныя повинности, ремесленную, ямскую, городовую и ратную, и натуральные сборы, изъ которыхъ наиболѣе подробно и внимательно разсмотрѣнъ сборъ сибирскаго ясака, авторъ въ пятой и послѣдней главѣ переходитъ къ распредѣленію поступленій по центральнымъ учрежденіямъ. Въ XVII вѣкѣ, особенно въ началѣ его, еще живо чувствовался вотчинный принципъ распредѣленія сборовъ, въ силу котораго дворцовыя учрежденія, и въ числѣ ихъ особенно Большой Дворецъ, продолжали еще служить финансовыми центрами и пользовались въ этомъ смыслѣ даже очень большимъ значеніемъ. Постепенно, однако, этотъ вотчинный принципъ, подъ вліяніемъ расширенія границъ Московскаго государства и присоединенія къ нему новыхъ областей, сталъ замѣняться другимъ, территоріально-сословнымъ, выдвинувшимъ на первый планъ въ качествѣ финансовыхъ учрежденій четверти, служившія центральными кассами цѣлыхъ областей. Указавъ на тѣ колебанія, которыя сказывались въ политикѣ правительства при примѣненіи этого новаго принципа, и на тѣ финансовыя неудобства, которыя онъ влекъ за собою, авторъ переходитъ къ разбору сдѣланныхъ правительствомъ въ XVII вѣкѣ попытокъ систематизаціи поступленій. Попытки эти, уронившія значеніе четвертей, какъ финансовыхъ центровъ, сказались на почвѣ сословныхъ разграниченій въ усиленіи значенія Большой Казны и Монастырскаго приказа, въ спеціализаціи бюджетныхъ назначеній, повліявшей и на систематизацію поступленій, наконецъ, въ стремленіи правительства къ объединенію центральныхъ органовъ финансоваго управленія путемъ соединенія разнородныхъ и однородныхъ учрежденій. Всѣ эти попытки въ XVII вѣкѣ не привели, однако, къ образованію одного главнаго финансоваго центра. Характеристикой государственнаго контроля въ XVII вѣкѣ, принадлежавшаго временнымъ комиссіямъ и Счетному приказу, которые наблюдали, однако, лишь за правильностью итоговъ сбираемыхъ и расходуемыхъ суммъ, но не повѣряли правильности бюджетныхъ назначеній, и заканчиваетъ авторъ эту главу своего труда. Въ короткомъ «заключеніи» онъ указываетъ еще ту связь, какая существовала между общею русскою

государственною жизнью того времени и финансовой системой и выразилась въ постепенномъ поглощеніи частныхъ интересовъ государственными, въ усиленіи централизаціи и милитаризма. Таковъ строго обдуманный и замѣчательно систематически разработанный планъ разбираемой книги, составляющій одно изъ наиболѣе крупныхъ ея достоинствъ. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ также отнести весьма значительную эрудицію автора, которая, въ связи съ громаднымъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ, привлеченнымъ имъ къ своему изслѣдованію и строго подчиненнымъ его цѣли, дѣлаетъ этотъ трудъ дѣйствительно цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. Авторъ крайне послѣдовательно разсматриваетъ всѣ стороны намѣченнаго имъ вопроса и даетъ читателю полную картину финансовой системы XVII вѣка, умѣя въ то же время не вдаваться въ слишкомъ уже мелочныя и лишенныя всякаго интереса подробности; вмѣстѣ съ тѣмъ въ его изложеніи остается ясно сознанной и связь разбираемаго имъ частнаго вопроса съ общей исторіей Россіи XVII вѣка. Но наряду съ этими достоинствами въ книгѣ есть и нѣкоторые недостатки, изъ которыхъ наиболѣе замѣтные намъ приходится указать по долгу рецензента. Въ числѣ ихъ особенно видное мѣсто занимаетъ языкъ автора, всегда не особенно гладкій, временами небрежный и неточный. Авторъ допускаетъ иногда даже злоупотребленіе терминологіей. Такъ, на стр. 3 своего предисловія онъ говоритъ: «финансовая политика XVII вѣка держалась не столько политико-экономическихъ, сколько соціально-политическихъ воззрѣній; она болѣе заботилась о казенныхъ выгодахъ, чѣмъ о поощреніи частной предпріимчивости и развитіи народнаго хозяйства». О какихъ же соціально-политическихъ воззрѣніяхъ можетъ быть тутъ рѣчь? Гораздо правильнѣе было бы присвоить этимъ взглядамъ, въ основаніи которыхъ лежитъ казенная выгода, названіе фискальныхъ. Примѣровъ подобной неточности можно бы привести довольно много; мы ограничимся еще двумя. На стр. 89, 90 и 91 авторъ употребляетъ новый, насколько намъ извѣстно, терминъ—«сельскій округъ», не давая, однако, вполнѣ точнаго и яснаго опредѣленія, что онъ разумѣетъ подъ нимъ. На стр. 168, опредѣляя сходство и различіе между селомъ и городомъ въ XVII вѣкѣ, онъ говоритъ: «Большее различіе видимъ мы между селомъ и городомъ въ административномъ отношеніи». Послѣ этой фразы читатель и ждетъ указанія различій, но слѣдуетъ нѣчто совершенно обратное. «На посадѣ,—продолжаетъ авторъ,—сидѣлъ воевода, которому дана была административная и отчасти судебная власть не только въ предѣлахъ городской черты, но и во всемъ уѣздѣ: въ область его вѣдомства входило и полицейское управленіе, если послѣднимъ не завѣдывало отдѣльное лицо—губной староста; на посадѣ же жилъ земскій староста, въ рукахъ котораго сосредоточивались, главнымъ образомъ, дѣла мѣстнаго финансоваго управленія иногда не только въ предѣлахъ одного посада, но и всего уѣзда». Первая фраза здѣсь совершенно не соотвѣтствуетъ слѣдующимъ за нею. Такая нелогичность въ построеніи предложеній, нерѣдкая у автора, особенно рѣзко поражаетъ при строгой логичности всего плана.

Второй недостатокъ въ книгѣ г. Лаппо-Данилевскаго, который мы позволимъ себѣ указать, заключается уже въ самомъ ея содержаніи и именно въ тѣхъ аналогіяхъ, какія онъ проводитъ между русскою и западно-европейскою жизнью. Правда, аналогіи эти въ бо́льшей части случаевъ мелочны, случайны, разсѣяны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и, какъ можно догады-

ваться, авторъ самъ не придавалъ имъ большого значенія, но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что среди нихъ попадаются весьма существенныя ошибки. Мы ограничимся и здѣсь немногими примѣрами. На стр. 83, говоря, что въ Московскомъ государствѣ «общинное дѣленіе стало мало-по-малу замѣняться административнымъ», авторъ прибавляетъ въ примѣчаніи: «M. Ducrocq наблюдаетъ то же явленіе по отношенію къ commune и къ département». Здѣсь очевидное недоразумѣніе: commune—это отдѣльная община, городская или сельская, département—цѣлый административный округъ. Никакой замѣны одного понятія другимъ здѣсь не могло быть и, конечно и, не было. Подобное же недоразумѣніе встрѣчаемъ мы на стр. 170, когда авторъ указываетъ на существованіе связи между городомъ и уѣздомъ и, ссылаясь на Тьерри, замѣчаетъ: «Стремленіе къ сліянію слободъ съ городомъ, а иногда и самое сліяніе уже встрѣчаемъ въ XII вѣкѣ, напр., въ Реймсѣ». Дѣло въ томъ, что этотъ фактъ, самъ по себѣ вѣрный, не представляетъ никакой аналогіи съ русскими отношеніями, такъ какъ западно-европейская слобода можетъ быть сравниваема съ нашимъ посадомъ, но никакъ не съ уѣздомъ, и въ данномъ случаѣ у Тьерри рѣчь идетъ именно о внѣдреніи посада въ городъ.

Переходя теперь къ непосредственнымъ взглядамъ автора на русскую исторію XVII вѣка, мы должны будемъ и здѣсь отмѣтить нѣкоторыя слабыя, какъ намъ кажется, стороны этого взгляда. Опредѣляя въ предисловіи значеніе своего труда, г. Лаппо-Данилевскій говоритъ: въ XVII вѣкѣ «развитіе великорусской національности было довольно одностороннимъ. Оно сказывалось, главнымъ образомъ, въ прогрессивномъ ростѣ правительственныхъ органовъ и ихъ функцій, а не въ разностороннемъ историческомъ движеніи всей совокупности народныхъ силъ. Поэтому, изученіе XVII вѣка сводится, главнымъ образомъ, къ ознакомленію съ его правительственной исторіей». Чтобы убѣдиться въ односторонности подобнаго взгляда, достаточно вспомнить событія начала XVII вѣка, временъ смуты, повліявшія на коренное измѣненіе и политическаго міросозерцанія народа и его хозяйства. И то, и другое и можетъ, и должно быть изучаемо. Наконецъ, XVII вѣкъ ознаменованъ такимъ, во всякомъ случаѣ, крупнымъ явленіемъ въ умственной жизни, какъ начало раскола. Но эта односторонность воззрѣнія, выставляющаго на первый планъ исключительно явленія государственной жизни, наложила яркую печать и на весь трудъ автора. Она сказалась и во взглядѣ его на общину, представляющуюся ему какъ бы слишкомъ слабой внѣ сферы тяглыхъ интересовъ. Впрочемъ, отдѣлъ, посвященный общинѣ, страдаетъ вообще значительной неопредѣленностью и подчасъ даже неясностью. Говоря на стр. 78, что образованіе сложныхъ мѣстныхъ общественныхъ союзовъ было лишь подготовлено общностью экономическихъ и духовныхъ интересовъ, но «осуществилось подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой ихъ зависимости отъ государства», авторъ на стр. 83 замѣчаетъ, что «волость была, вѣроятно, древнимъ общиннымъ дѣленіемъ и хотя вполнѣ возможно признавать административное происхожденіе ея наименованія, объектъ послѣдняго нельзя не считать предшествующимъ и болѣе или менѣе самостоятельнымъ явленіемъ народной жизни». Такая невыясненность понятій въ представленіи самого автора произошла, очевидно, подъ вліяніемъ противорѣчія его основнаго взгляда съ историческими фактами, противорѣчія, которое онъ не позаботился примирить.

Не совсѣмъ удачнымъ представляется намъ и «заключеніе» книги. Не говоря уже о томъ, что оно слишкомъ коротко и въ немъ мы не находимъ свода въ одно цѣлое всѣхъ частныхъ выводовъ изслѣдованія, въ немъ попадаются странныя, чтобъ не сказать болѣе, утвержденія. Если вѣрить автору, въ XVI вѣкѣ «Польшу страшили притязанія московскихъ царей на Константинополь и на Балтійское поморье» и уже при Иванѣ Грозномъ «московское правительство приступило къ рѣшенію... восточнаго вопроса, въ которомъ переплетались интересы Польши и Москвы». Авторъ какъ будто забылъ, что войны съ Польшей шли не изъ-за Константинополя, а изъ-за западно-русскихъ и, позднѣе, малорусскихъ областей, а, вспомнивъ послѣднее, называетъ Андрусовскій договоръ «смертнымъ приговоромъ польской самостоятельности». Все это вмѣстѣ взятое представляетъ уже слишкомъ рѣзкое нарушеніе исторической перспективы.

Не смотря, однако, на всѣ эти частные недостатки, въ цѣломъ о книгѣ г. Лаппо-Данилевскаго намъ остается только повторить сказанное выше, что по массѣ матеріала, по умѣлой его разработкѣ, по богатству эрудиціи автора и основательности большинства его взглядовъ, она представляетъ крайне отрадное и цѣнное явленіе въ нашей исторической литературѣ.

В. М.

Н. Ардашёвъ. Регламентъ вотчинной коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1840 годовъ. Москва. 1890.

Съ учрежденіемъ коллегій Петромъ былъ созданъ такъ называемый генеральный регламентъ, долженствовавшій служить уставомъ для всѣхъ государственныхъ учрежденій, начиная съ коллегій и оканчивая разными канцеляріями и конторами. Кромѣ того, каждая коллегія должна была получить свой регламентъ или уставъ, опредѣлявшій ея организацію, компетенцію и дѣлопроизводство. Такихъ регламентовъ, кромѣ генеральнаго, было издано шесть. Уже одно это число показываетъ, что не всѣ коллегіи получили по регламенту, такъ какъ ихъ было болѣе шести. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находилась и вотчинная коллегія, хотя правительство неоднократно возбуждало вопросъ объ изданіи для нея регламента. Такъ, уже въ 1722 году было предписано именнымъ указомъ «во всѣхъ коллегіяхъ сдѣлать регламенты противъ адмиралтейской коллегіи, только, гдѣ потребно, имена перемѣнить». Во исполненіе этого указа Сенатъ распорядился, чтобы всѣ коллегіи занялись составленіемъ проектовъ своихъ регламентовъ. Вотчинная коллегія получила сенатскій указъ въ октябрѣ 1722 года и немедленно же приступила къ его исполненію, такъ что черезъ три мѣсяца (въ январѣ 1723 г.) проектъ былъ уже готовъ и внесенъ въ Сенатъ.

Главнымъ источникомъ проекта, какъ и было предписано именнымъ указомъ 1722 г., являлся адмиралтейскій регламентъ. Заимствованіе коснулось 10-ти его главъ и въ нихъ, можно сказать, исчерпано все, что только могло быть взято и примѣнено къ вотчинной коллегіи, прямо или косвенно, причемъ заимствованіе дѣлалось, опять-таки согласно съ указомъ, такимъ образомъ: «выписавъ, что принадлежитъ и только имена перемѣня, гдѣ потребно». Иначе говоря, артикулы адмиралтейскаго регламента большею частью переносились въ проектъ цѣликомъ съ перемѣною однихъ только названій, напримѣръ, вмѣсто капитановъ—секретари, вмѣсто казначеевъ—расходчики и т. п.

Проектъ пролежалъ въ Сенатѣ болѣе 9-ти лѣтъ и за все это время Сенатъ ни разу не разсматривалъ его. Впервые сенаторы вспомнили о немъ въ концѣ 1731 года, когда состоялся именной указъ, предписавшій «всѣмъ коллегіямъ, канцеляріямъ и приказамъ сочинить каждому мѣсту собственную инструкцію». Получивъ этотъ указъ, Сенатъ возвратилъ вотчинной коллегіи проектъ съ предписаніемъ составить новый. Коллегія въ продолженіе полугода составляла проектъ и, составивъ, внесла его въ Сенатъ (въ ноябрѣ 1732 г.). Нужно сказать, что, составляя проектъ, коллегія руководилась извѣстнымъ планомъ, состоявшимъ изъ пяти пунктовъ и изданнымъ одновременно съ именнымъ указомъ 1731 г. Но предписавъ опредѣленный планъ, правительство не указало на источникъ для проекта, какъ въ 1722 г., такъ что коллегіи приходилось работать вполнѣ самостоятельно, т. е. заниматься творчествомъ «сочинять», какъ говорилось въ то время, а не переписывать съ замѣною названій, какъ въ 1722 г. Въ виду этого, однимъ изъ важныхъ источниковъ проекта явилось дѣйствующее законодательство въ лицѣ всевозможныхъ указовъ. Другимъ источникомъ была практика самой коллегіи. Благодаря развитію этой стороны въ проектѣ, онъ не имѣетъ вида сухого свода указовъ, а обладаетъ болѣе органическимъ характеромъ: на ряду съ положеніями общаго рода въ него входятъ такія подробности и детали, которыя указываютъ на индивидуальную жизнь, ускользая въ большинствѣ случаевъ отъ общаго законодательства. Но проектъ 1732 г. не ограничивается только сведеніемъ изданныхъ въ разное время указовъ и закрѣпленіемъ существовавшихъ въ коллегіи порядковъ; онъ задается еще преобразовательными цѣлями, хотя преобразованія его имѣютъ скорѣе отрицательный характеръ, такъ какъ стремятся устранить многія неудобства въ дѣйствующей практикѣ коллегіи.

Проектъ, согласно съ правительственнымъ планомъ, состоитъ изъ пяти главъ, заключающихъ въ себѣ до 30 статей. По своему содержанію онъ охватываетъ устройство и дѣятельность коллегіи, во-первыхъ, со стороны присутствія, расширяя и усиливая его дѣятельность раздѣленіемъ на экспедиціи, во-вторыхъ, со стороны канцеляріи, стараясь строго опредѣлить всѣ канцелярскіе порядки и, въ-третьихъ, со стороны архива, обезпечивая ему болѣе самостоятельное положеніе въ будущемъ. Сравнивая его съ проектомъ 1722 г., мы увидимъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ прежнимъ, такъ какъ является вполнѣ самостоятельной новой работой, не слѣдуя рабски, подобно проекту 1722 г. какому-нибудь образцу и не пользуясь какимъ-либо однимъ матеріаломъ, въ качествѣ своего источника. Единственно въ чемъ сходятся оба проекта, это въ ихъ дальнѣйшей судьбѣ: ни тотъ, ни другой, никогда не получили санкціи закона. Второй проектъ такъ же, какъ и первый, пролежалъ нѣсколько лѣтъ безъ всякаго разсмотрѣнія въ Сенатѣ и только въ 1738 году Сенатъ вспомнилъ о немъ и возвратилъ въ вотчинную коллегію съ предписаніемъ дополнить его. На этотъ разъ коллегія оказалось далеко не такой исправной, какъ прежде, и дополняла проектъ слишкомъ два года. Такое промедленіе вывело Сенатъ изъ терпѣнія и онъ рѣшилъ принять репрессивныя мѣры въ отношеніи коллегіи, а именно распорядился послать въ коллегію 20 человѣкъ солдатъ «для задержанія секретарей и служителей безвыходно за карауломъ» до тѣхъ поръ, пока они не окончатъ составленія проекта. Однако, эта мѣра, несмотря на свой рѣшительный характеръ, цѣли не достигла и не ускорила дѣла составленія проекта. Въ свое оправданіе колле-

гія черезъ совѣтника Комынина объяснила Сенату причины замедленія своей работы, въ ряду которыхъ одна изъ главныхъ состояла въ томъ, что проектъ 1732 г. «въ коллегію обратно возвращенъ, а резону на то и яснаго указу, для чего возвращенъ и что еще надлежитъ дополнить—не написано». Однако, несмотря на подобное вѣское доказательство своей правоты въ дѣлѣ составленія проекта, коллегія нужнаго ей «резону» не получила и волей неволей ей пришлось составлять проектъ попрежнему. Названная работа была, наконецъ, окончена въ сентябрѣ 1740 г. и внесена въ Сенатъ.

Проектъ 1740 г. былъ въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ второй редакціей, только переработанной и дополненной новыми указами, проекта 1732 г. Но и онъ никогда не получилъ законодательной санкціи, такъ что вотчинная коллегія за все время своего существованія не имѣла регламента.

Всѣ три проекта изданы г. Ардашевымъ подъ выписаннымъ выше названіемъ и снабжены примѣчаніями издателя. Въ виду того, что они до сихъ поръ не были никому извѣстны, нельзя не поблагодарить г. Ардашева за это изданіе.

В. Латкинъ.

Сочиненія А. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1890.

Въ каждомъ писателѣ нужно отличать то, что принадлежитъ лично ему, отъ того, что составляетъ достояніе времени и руководящаго имъ направленія, отъ вліянія которыхъ не свободенъ никто. Г. Скабичевскій, вышедшій на поприще критики подъ непосредственнымъ вліяніемъ литературныхъ идей Добролюбова и особенно Писарева, усвоилъ себѣ созданное ими направленіе со всѣми его характеристичными свойствами, крайностями и увлеченіями. Правда, въ предисловіи «Отъ автора» г. Скабичевскій говоритъ, что его стремленія были научить соотечественниковъ «цѣнить и почитать каждый великій талантъ, служащій украшеніемъ русской литературы, помимо какихъ-либо партійныхъ пристрастій и доктринерскихъ предубѣжденій.» Но, нисколько не сомнѣваясь въ высокой честности стремленій нашего автора, мы думаемъ, что время и усвоенное имъ направленіе отразились на его воззрѣніяхъ болѣе, чѣмъ онъ самъ, быть можетъ, желалъ. Мы говоримъ о направленіи, между прочимъ, чисто литературномъ, создавшемъ извѣстную манеру трактовать литературныя явленія не съ точки зрѣнія литературныхъ свойствъ ихъ, а съ точки зрѣнія, лежащей внѣ ихъ, со стороны взглядовъ на жизнь и людей автора произведенія; хотя, вѣдь, отличнѣйшіе взгляды могутъ быть въ бездарномъ беллетристическомъ произведеніи и, обратно, произведенія, носящія печать не вашего, такъ сказать, направленія, могутъ, быть геніально талантливыми. Точно также характерны и отзывы автора о лицахъ, о ихъ жизни, и вообще о явленіяхъ жизни.

Такъ, въ статьѣ «Три человѣка сороковыхъ годахъ», написанной въ 1872 году, читаемъ: «Гоголь остался совершенно внѣ умственнаго движенія своего времени... Для него вовсе не существовало тѣхъ мучительныхъ вопросовъ о судьбѣ, духѣ и направленіи русской образованности... Онъ не сдѣлался ни западникомъ, ни славянофиломъ. Западникомъ онъ не могъ сдѣ-

латься потому, что имѣлъ весьма смутныя понятія о духѣ и направленіи западной образованности»... и пр. Словомъ Гоголь «можетъ служить для насъ представителемъ средневѣковыхъ принциповъ въ ихъ чистомъ и непосредственномъ видѣ»... «Съ точки зрѣнія этого средневѣковаго идеала осмѣивалъ Гоголь и окружающую его тину мелочей и дрязгъ». Ссылаясь на произведенія Гоголя, авторъ нашъ замѣчаетъ, что «высшимъ идеаломъ человѣка уже въ этой повѣсти («Портретъ») является передъ нами аскетъ, замаливающій въ монастырѣ грѣхъ своей молодости», а это по автору именно и есть средневѣковый идеалъ. Кто не признаетъ, что все это авторомъ, такъ сказать, слишкомъ «сильно» сказано, и кто не знаетъ, что Гоголь не былъ и не могъ быть представителемъ какихъ-то средневѣковыхъ принциповъ? И развѣ могъ быть единственнымъ идеаломъ человѣка аскетъ для автора «Тараса Бульбы»? А на томъ основаніи, что замаливающій свои грѣхи выставленъ, какъ и должно, въ идеальномъ свѣтѣ у Гоголя, можно бы причислить къ «представителямъ средневѣковыхъ принциповъ» и Тургенева за Лизу «Дворянскаго гнѣзда». Очевидно, что весь приведенный нами отзывъ о Гоголѣ былъ результатомъ направленія времени, «писаревщиной», не хотѣвшей знать ни историческаго положенія лица изображаемаго, ни его положенія жизненнаго вообще, и трактовавшаго всѣ явленія съ точки зрѣнія самыхъ «новѣйшихъ» взглядовъ; а съ этой точки зрѣнія и величайшій подвижникъ съ нравственными понятіями первыхъ вѣковъ христіанства былъ бы неудовлетворителенъ, и произведеніе литературы, съ геніальной реальностью изображавшее его, могло бы подвергнуться нападеніямъ за идеализацію лица, не удовлетворяющаго «новѣйшимъ» понятіямъ.

Загляните въ статью «Волны русскаго прогресса». Въ ней критикъ, допуская талантъ у автора, г-жи Хвощинской, Крестовскаго-псевдонима, строго осуждаетъ ея произведенія, напр., за то, что авторъ, «не въ силахъ будучи остановиться на одномъ отрицаніи, спѣшитъ успокоить читателей, выводя рядъ свѣтлыхъ явленій, положительныхъ, идеальныхъ типовъ, но эти типы являются совершенно въ духѣ смиренномудрія пятидесятыхъ годовъ». «Хвощинской, — замѣчаетъ нашъ авторъ: — въ голову какъ будто не приходитъ, что нисколько неидеальные, мало-мальски живые люди не могли бы и минуты остаться въ нѣдрахъ той затхлой среды... они бѣжали бы изъ этой среды, куда видно, и въ этомъ бѣгствѣ и заключилось бы ихъ единственное право на званіе живыхъ людей». Вотъ истинно-характерный отзывъ! Но если г-жа Хвощинская изображала людей эпохи «смиренномудрія», пятидесятыхъ годовъ, когда еще «живые люди» покуда не бѣжали, если это реальный фактъ, что же ей было дѣлать, — изображать неправду? И будто бы эпоха пятидесятыхъ годовъ была эпохою смиренномудрія! И это требованіе отъ живыхъ людей «бѣжать, куда видно», есть не болѣе, какъ отраженіе увлеченія шестидесятыхъ годовъ, проповѣди бѣгства отъ «заѣдающей» среды. Но вопросъ еще, заключается ли въ этомъ бѣгствѣ *единственное* право на званіе живыхъ людей; напротивъ, «бѣгство», какъ извѣстно, не привело ни къ чему, и жизнь выдвинула иныя идеальныя требованія отъ живыхъ людей нашего общества.

Мы взяли свои примѣры совершенно случайно, открывши первыя попавшіяся мѣста въ книгѣ, потому что не зачѣмъ было предпочитать одну страницу книги другой для нашихъ цѣлей и доказательствъ. Но отъ этого пріема автора нашего вытекаетъ такой результатъ: такъ какъ «что городъ,

то коровъ», что ни умъ, то свое мнѣніе, и такъ какъ авторы писали, не справляясь предварительно, какъ думаетъ критика о персонажахъ, которые они намѣревались выводить въ своихъ произведеніяхъ, то большинство персонажей и явились у нихъ достойными порицанія, были ли они идеальные или не идеальные. Почти вся книга г. Скабичевскаго сплошь носитъ характеръ порицанія разныхъ писателей.

Все это, повторяемъ, принадлежитъ не столько г. Скабичевскому, сколько времени и направленію, которому онъ служилъ. Въ его книгѣ вы найдете всѣ, характерныя для времени, нападенія на Тургенева, на Гончарова за Марка Волохова въ «Обрывѣ», на Л. Толстого за его идеи и пр., и пр. Но авторъ, каковы бы ни были его идеи и проповѣдь, имѣетъ полное право сказать о себѣ, что «всегда онъ ставилъ выше всего народное благо и проповѣдывалъ народные принципы труда и братства; всегда онъ ратовалъ противъ всякаго возвышенія брата надъ братомъ, хотя бы во имя интеллектуально-нравственнаго превосходства». Эти строки, написанныя авторомъ о самомъ себѣ, не могутъ подлежать сомнѣніямъ; искренностью и вѣрностью честнымъ убѣжденіямъ запечатлѣна вся книга г. Скабичевскаго. Въ этомъ смыслѣ она можетъ служить, какъ живое свидѣтельство о направленіи шестидесятыхъ—семидесятыхъ годовъ въ его лучшихъ, искренѣйшихъ проявленіяхъ, и будущій историкъ этого характернаго времени найдетъ въ статьяхъ нашего критика обильный матеріалъ для основательнаго изученія. И если опытъ жизни и развитіе общественной мысли заставили увидѣть односторонность и узость направленія той эпохи, то нужно помнить, что она была необходимой ступенью въ постепенномъ развитіи молодой русской общественной мысли.

В. А.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ двѣнадцатый. Переводъ Андреева (до 459 стр.) и В. Невѣдомскаго (съ 459 стр.). Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1890.

Высокоцѣнное изданіе К. Т. Солдатенкова близится къ концу: лежащій передъ нами XII томъ обнимаетъ событія XVII и первыхъ десятилѣтій XVIII вѣковъ. Здѣсь изложено правленіе кардинала Ришелье и Мазарини; здѣсь все долгое царствованіе Людовика XIV; здѣсь же исторія Стюартовъ на англійскомъ престолѣ, англійская революція, реставрація Стюартовъ и вторичное ихъ паденіе; здѣсь же и усиленіе Пруссіи до вступленія на престолъ Фридриха II. Компиляторскій талантъ Вебера и его наклонность придавать первенствующее значеніе высокопоставленнымъ лицамъ въ изображеніи этой эпохи совершенно на своемъ мѣстѣ; его изложеніе здѣсь замѣчательно ясно и объективно, такъ какъ его почти не путаютъ инстинктивныя, независимыя отъ дипломатическихъ комбинацій движенія массы; единственное исключеніе составляютъ двѣ англійскія революціи; но тамъ все такъ хорошо разобрано Юмомъ и Маколеемъ, что Веберу пришлось только посократить ихъ разсказъ и исправить его по новымъ изслѣдованіямъ. Англійская и нѣмецкая литературы XVII вѣка изложены для неспеціалиста очень хорошо, и эти главы будутъ очень полезны для русской публики; но французская литература вѣка Людовика XIV, какъ говорится, оставляетъ

желать многаго: авторъ, очевидно, самъ не имѣетъ объ ней опредѣленнаго и яснаго представленія и не можетъ, стало быть, и передать его другимъ; это происходитъ, думаемъ мы, отъ того, что онъ воспитывался въ то время, когда въ средней школѣ объ этой литературѣ «золотого вѣка» было одно понятіе, а въ университетахъ и журналистикѣ — другое, діаметрально ему противуположное; вслѣдствіе этого у тѣхъ, кто одинаково довѣрялъ и своимъ гимназическимъ учителямъ, и университетскимъ профессорамъ, на всю жизнь оставалась въ головѣ путаница и неопредѣленность по отношенію къ этому вопросу. Весьма возможно, что эта неопредѣленность помѣшала Веберу познакомиться съ новыми трудами даже нѣмецкихъ ученыхъ, какъ напр. Лотхейсена и др.; обязаннымъ пересмотрѣть ихъ почтенный авторъ не считалъ себя, не будучи спеціалистомъ. Какъ бы то ни было, это одинъ изъ слабѣйшихъ отдѣловъ во всѣхъ томахъ Вебера, обнимающихъ новую исторію.

Г. Невѣдомскій, какъ мы уже не разъ имѣли случай свидѣтельствовать, переводчикъ превосходный и доведетъ огромный трудъ г. Андреева до конца, безъ сомнѣнія, наилучшимъ образомъ; но не одинъ покупатель русскаго Вебера пожалѣетъ о «Прибавленіяхъ» г. Андреева.

Публика съ нетерпѣніемъ ждетъ продолженія указателя къ Веберу; для средней и для новой исторіи онъ еще болѣе необходимъ, чѣмъ для древней; пусть онъ будетъ короче, пусть это будетъ самый простой Index nominum, но пусть онъ не медлитъ своимъ появленіемъ. А всего бы лучше, еслибъ каждый изъ послѣдующихъ томовъ имѣлъ въ себѣ указатель хоть въ полъ-печатнаго листа.

А. К.

Инн. Кузнецовъ. Древнія могилы Минусинскаго округа. Томскъ. 1890.

Первый упрекъ, который можно сдѣлать г. Кузнецову, будетъ заключаться въ томъ, что свою книгу онъ издалъ для кружка лицъ, большая часть которыхъ, быть можетъ, не интересуется самимъ предметомъ, а слѣдовательно и книгой, любезно предложенной имъ авторомъ. Съ другой стороны, авторъ, если не совершенно лишилъ возможности пользоваться его книгой лицъ, интересующихся наукой и слѣдящихъ за всѣми археологическими новинками, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ это пользованіе сопряженнымъ съ большими неудобствами. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, достать экземпляръ книги, изданной въ Томскѣ и, кромѣ того, не предназначенной для продажи! А между тѣмъ заглавіе, данное авторомъ своему труду, можетъ заинтересовать очень многихъ. Археологія, до сихъ поръ считающаяся наукой вспомогательной исторіи и не введенная въ число самостоятельныхъ дисциплинъ, насчитываетъ у себя сравнительно очень небольшое число трудовъ и изслѣдованій, посвященныхъ разработкѣ намѣченныхъ ею вопросовъ. Всякая работа въ этой области вызываетъ большой интересъ, а потому нельзя не пожалѣть, что авторъ предназначилъ свою книгу только для небольшого кружка.

Трудъ этотъ, впрочемъ, не представляетъ собой ничего выдающагося, замѣчательнаго, такъ какъ не даетъ почти ничего новаго. Прежде всего нужно замѣтить, что заглавіе, поставленное на обложкѣ, далеко не исчерпывается содержаніемъ. Говоря «древнія могилы», авторъ разумѣлъ только

ихъ внѣшній видъ, оговариваясь иногда, что «путемъ правильныхъ раскопокъ, произведенныхъ подъ руководствомъ опытнаго археолога, легко узнать содержимое кургана и сдѣлать о немъ какое-либо положительное заключеніе» (стр. 13). Г. Кузнецовъ описалъ внѣшность, сдѣлалъ нѣкоторыя измѣренія, свое описаніе иллюстрировалъ безусловно хорошими снимками, помѣщенными въ концѣ книги, но и только. Всего этого, однако, по нашему мнѣнію слишкомъ еще мало для полной, точной группировки могилъ и кургановъ, для ихъ классификаціи. Игнорировать содержимость ихъ совершенно невозможно при желаніи достигнуть какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ. Основываясь же на тѣхъ незначительныхъ данныхъ, которыми пользовался авторъ, только и можно придти къ гипотезамъ и притомъ самымъ голословнымъ и неубѣдительнымъ, въ родѣ, напримѣръ, такой: «надо все-таки предполагать, что курганъ этотъ долженъ (?!) быть отнесенъ къ тому времени, когда въ Минусинскомъ округѣ была мѣдная (?), бронзовая или древнѣйшая (?) желѣзная культура» (стр. 13). Почему однако это должно предположить—для этого раньше вы не найдете никакихъ причинъ. Да и самое опредѣленіе по меньшей мѣрѣ странно. Къ какому же періоду должно отнести курганъ—къ бронзовому, или желѣзному? Г. Кузнецовъ, не задумываясь, относитъ его и къ тому, и къ другому въ одно и то же время. Виновато здѣсь, безъ сомнѣнія, внѣшнее отношеніе автора къ своему предмету. Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что археологъ, желая дѣйствовать строго научно, прежде чѣмъ раскапывать ту или другую могилу, долженъ «нанести ее на планъ и снять рисунокъ, изображающій ея наружный видъ» (стр. 11). Было бы, однако, очень странно, если бы онъ этимъ только и ограничился. Г. Кузнецовъ, впрочемъ, раскопалъ двѣ, три могилы (стр. 16, 19), но раскопки эти, къ сожалѣнію, сдѣланы очень ненаучно и потому мало принесли пользы изслѣдованію. Автору могли помочь въ данномъ случаѣ «Условія научнаго изслѣдованія кургановъ и городищъ», изданныя проф. Самоквасовымъ. Ненаучный способъ изслѣдованія является причиной той неопредѣленности, а часто даже довольно-яркихъ и странныхъ противорѣчій, которыя мы встрѣчаемъ въ настоящемъ трудѣ. Такъ, напр., на стр. 8-й авторъ говоритъ: «могильные памятники Енисейской губерніи встрѣчаются обыкновенно въ степныхъ, или луговыхъ, болѣе открытыхъ мѣстахъ, чаще всего въ недалекомъ разстояніи отъ воды», а нѣсколько страницъ дальше мы видимъ нѣчто совершенно противоположное: «мы знаемъ (?), говоритъ здѣсь авторъ, съ какою тщательностью древніе обитатели Минусинскаго округа удаляли могилы своихъ близкихъ отъ сосѣдства водъ» (стр. 23). Послѣ всего этого для насъ вполнѣ понятно, почему, задавшись въ концѣ концовъ вопросомъ: «къ какому времени надо отнести тѣ курганы или могилы, которые мы признаемъ (!) за памятники народовъ бронзовой или древнѣйшей желѣзной культуры» (стр. 24), г. Кузнецовъ строитъ три гипотезы, начинающіяся словами «но можетъ быть», «не можемъ ли мы поэтому допустить», «не можемъ ли мы наконецъ предположить», и приходитъ къ заключенію, что «на всѣ эти вопросы и на многіе другіе трудно отвѣчать утвердительно» (стр. 25). Единственно, что удалось сдѣлать автору болѣе или менѣе удовлетворительно, хотя и не на основаніи данныхъ, добытыхъ его археологическими изысканіями, это—доказать ошибочность мнѣнія, что «на югѣ Енисейской губерніи издавна, еще до Р. Хр., жилъ народъ, называемый въ старинныхъ китайскихъ хроникахъ «гянь-гунь», извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ халасовъ или киргизовъ» (стр. 26).

Указанная нами основная ошибка автора была причиной массы другихъ, болѣе мелкихъ, на которыхъ мы не можемъ останавливаться подробно. Но, чтобы дать полное понятіе о книгѣ, необходимо сдѣлать еще два, три замѣчанія. Поставивши эпиграфомъ слова Вирхова, указывающія на необходимость собиранія голыхъ фактовъ, авторъ начинаетъ свой трудъ довольно полнымъ географическимъ очеркомъ Минусинскаго округа и затѣмъ приступаетъ къ описанію внѣшности могилъ. Не смотря, однако, на свою задачу—описать только могилы, авторъ сплошь и рядомъ дѣлаетъ отступленія. Здѣсь вы найдете и описанія камней (стр. 18), и старинныхъ укрѣпленій (стр. 20), и оросительныхъ канавъ (стр. 22) и другихъ памятниковъ древности такого рода, разсѣянныхъ по Минусинскому округу. Вездѣ, однако, замѣтно странное воздержаніе автора отъ раскопокъ. Такъ, напр., и здѣсь, говоря о «сооруженіяхъ неопредѣленнаго назначенія» (стр. 18), авторъ даже пытается опредѣлить его, хотя и сознается, что «раскопки могутъ опредѣлить, нужно ли эти сооруженія относить къ могиламъ, или къ сооруженіямъ, имѣвшимъ совершенно другое назначеніе» (ibid). Заканчиваетъ свою книгу г. Кузнецовъ очеркомъ культуры тогдашнихъ средне-азіатскихъ племенъ и вліянія на нихъ Китая, составленнымъ по труду о. Іакинфа «Исторія о народахъ средней Азіи». Въ концѣ приложены 16 таблицъ со снимками разнаго рода древностей и, главнымъ образомъ, кургановъ. **В. Б.**

Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1890.

Заглавіе книги покойнаго профессора значительно шире, чѣмъ ея содержаніе, и даетъ о ней не совсѣмъ точное представленіе. Она посвящена разбору лишь главнѣйшихъ произведеній Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Писемскаго, Салтыкова и Л. Толстого, которые, конечно, представляютъ собою даровитѣйшихъ представителей послѣгоголевскаго періода русской литературы, но которыми не исчерпывается все ея содержаніе, не наполняется понятіе «русскихъ писателей послѣ Гоголя»; вспомнимъ хотя бы Герцена, Григоровича, Островскаго и проч., и проч., не говоря уже о писателяхъ позднѣйшихъ. Притомъ эти разборы написаны въ установившейся у насъ извѣстной манерѣ анализа персонажей, выведенныхъ въ произведеніяхъ названныхъ писателей; этимъ собственно и исчерпывается вся задача нашего критика и публициста; а эта задача односторонняя, спеціальная, не дающая о писателяхъ представленія точнаго и всесторонняго, не касающаяся многихъ существенныхъ сторонъ значенія ихъ въ исторіи литературы и вообще въ развитіи общественной мысли. Такимъ образомъ, книга покойнаго профессора Ореста Миллера есть книга о нѣкоторыхъ избранныхъ, наиболѣе важныхъ литературныхъ типахъ, выведенныхъ нѣкоторыми изъ знаменитыхъ русскихъ писателей послѣ Гоголя.

Но, какъ извѣстно, почва толкованій литературныхъ типовъ, особенно имѣющихъ не психологическій вообще, а общественный смыслъ, и особенно у насъ, въ русской критикѣ, есть почва довольно произвольная, представляющая широкій просторъ всяческой субъективности, тенденціозности и партійности—вольныхъ и невольныхъ увлеченій. Вспомнимъ хотя бы Онѣгина, котораго Бѣлинскій защищалъ, какъ представителя русской «обра-

зованности» даже въ поступкахъ не симпатичныхъ, Добролюбовъ причислилъ къ Обломовымъ, а Гончаровъ назвалъ просто паразитомъ; вспомнимъ Тургеневскаго Базарова, возбудившаго страстную полемику между разновидностями одного и того же литературнаго направленія, изъ которыхъ одно разсматривало Базарова, какъ клевету со стороны автора на «молодое поколѣніе», а другое почти съ гордостью указывало на него, какъ на лучшаго представителя молодого поколѣнія, при чемъ они, конечно, различно толковали его характеръ и поступки. Съ другой стороны, именно по широкому простору, по произвольности, нѣтъ болѣе благодарной почвы, какъ подобный анализъ литературныхъ типовъ, для выраженія авторомъ своихъ нравственныхъ, историческихъ и общественно-политическихъ воззрѣній. Конечно, можно остаться и въ этомъ родѣ критики независимымъ и свободнымъ отъ всякой предвзятости цѣнителемъ жизненныхъ явленій, но для этого нужно обладать сильнымъ умомъ, непризнающимъ никакихъ стѣсненій, служащимъ только истинѣ, ее только ищущимъ.

Рецензія о книгѣ не есть и не можетъ быть полемическою статью противъ извѣстнаго направленія, противъ извѣстнаго цикла воззрѣній; она можетъ только опредѣлить его и сказать, насколько авторъ послѣдовательно и талантливо проводитъ его. Книга можетъ быть хорошею, принадлежа къ несимпатичному вамъ направленію, и наоборотъ. Обращаясь къ сочиненію О. Миллера прежде всего мы должны сказать, что авторъ есть представитель либеральныхъ воззрѣній съ примѣсью извѣстной доли славянофильства, и этимъ въ достаточной мѣрѣ опредѣляется его направленіе. Покойный профессоръ не принадлежалъ къ умамъ самостоятельнымъ, прокладывающимъ новые пути мысли, и значеніе его книги исчерпывается тѣмъ, что въ ной собраны установившіяся, даже широко распространенныя, воззрѣнія, характера весьма опредѣленнаго. Индивидуальная мысль автора проявляется лишь въ незначительныхъ деталяхъ и оттѣнкахъ. Въ мнѣніяхъ широко распространенныхъ, характеризующихъ данное направленіе, обыкновенно не бываетъ глубины мысли, хотя бы основатели ихъ и не лишены были этой глубины; размѣненныя на мелочь, брошенныя въ массу людей, воззрѣнія непремѣнно лишаются послѣдовательности и силы, которыя лежали въ основаніи ихъ у высказавшаго ихъ и разработавшаго. Глубины и строгой послѣдовательности мы не находимъ и у нашего автора. Послѣдователь Добролюбова и его критической манеры, онъ не обладалъ силой Добролюбовскаго анализа, и его характеристики персонажей, дѣйствующихъ въ великихъ литературныхъ произведеніяхъ, разбираемыхъ имъ, не рѣдко блѣдны и лишены силы мысли даже съ точки зрѣнія того направленія, котораго онъ является представителемъ.

Два-три примѣра вполнѣ пояснятъ нашу мысль. Авторъ характеризуетъ, напримѣръ, старика князя Болконскаго изъ «Войны и мира» гр. Л. Толстого. Говоря о его уединенной жизни въ деревнѣ, авторъ замѣчаетъ: «Онъ, повидимому, могъ бы къ себѣ примѣнить слова, сказанныя позже и въ иномъ совершенно смыслѣ, нашимъ великимъ поэтомъ: «Ты царь — живи одинъ»... Очевидно, подобная характеристика ни въ какомъ смыслѣ не примѣнима къ Болконскому, что сейчасъ же и обнаруживается изъ разбора самого автора. «Прихоть,—говоритъ онъ,—являлась главнѣйшимъ жизненнымъ двигателемъ для князя Николая Андреевича... Полный просторъ для прихоти — вотъ въ чемъ заключалась для стараго князя дѣятельность,

это его любимая добродѣтель...» Прихотью профессоръ объяснялъ даже и то, что князь Болконскій считалъ ничтожнымъ все происходящее послѣ его удаленія въ Лысыя Горы и даже Наполеона—«ничтожнымъ французишкой». По предписаніямъ «реальнаго» критическаго кодекса, О. Миллеръ въ лицѣ князя и бичуетъ всѣми способами «прихоть». Но нужно ли доказывать, что прихоть совсѣмъ не коренное свойство натуры старика Болконскаго и совсѣмъ не играла въ его жизни большой роли? Не говоря уже о томъ, что Болконскій — характеръ сложный, имѣющій значеніе историческое и большое психологическое, разгадать и объяснить которое не легко, другіе критики, оставаясь на той же почвѣ «реальной» критики, нашли справедливо возможность бичевать въ этомъ персонажѣ иныя свойства. И что же въ самомъ дѣлѣ за объясненіе характера прихотью? Такая произвольная характеристика примѣнима къ массѣ персонажей, нисколько не поясняя ихъ. Другой примѣръ. Опредѣляя прямо мнѣніемъ Добролюбова значеніе Обломова, авторъ замѣчаетъ, что «если понимать «обломовщину» такимъ образомъ», то зачатки ея представляетъ у самаго Гончарова Александръ Адуевъ, точно также, какъ Петръ Петровичъ Адуевъ, дядюшка «Обыкновенной исторіи», представляютъ не мало общаго съ Штольцемъ»... Довольно трудно въ молодомъ Адуевѣ отыскать Обломова, въ лѣта котораго онъ становится совершенно тѣмъ же, чѣмъ былъ и дядюшка его, т. е. по самому автору—Штольцемъ, этой противоположностью Обломова. Княжну Марью Болконскую покойный профессоръ находитъ очень похожей на Лизу «Дворянскаго гнѣзда». Но опять это въ высшей степени неудачное сравненіе. Конечно, всѣ немножко похожи другъ на друга, но княжна Марья едва ли много похожа на Лизу. Такихъ примѣровъ въ книгѣ Миллера сколько угодно, тамъ преимущественно, гдѣ онъ говоритъ не словами автора произведенія или не чужими словами вообще.

Достоинство книги покойнаго профессора состоитъ въ томъ, что она вся сплошь проникнута хорошими нравственными принципами. Какъ извѣстно, онъ былъ человѣкъ рѣдкой гуманности и мягкосердія, любви къ ближнему и постоянной готовности сдѣлать добро. И эти свойства его наложили на его книгу необыкновенно симпатичныя черты.

В. А.

Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Составилъ А. П. Лопухинъ. Томъ первый. Отъ сотворенія міра до пророка Самуила. 1889. Томъ второй. Отъ пророка Самуила до Р. Х. Спб. 1890.

На долю г. Лопухина выпало столько похвалъ за его послѣдній трудъ, что онъ, надѣемся, не посѣтуетъ на насъ, если мы, не тратя времени и мѣста на диѳирамбы, прямо приступимъ къ указаніямъ на тѣ немаловажные недостатки, которые кидаются въ глаза при чтеніи его книги каждому, занимавшемуся тѣми же вопросами, какъ и г. Лопухинъ. Начнемъ съ того, что авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать, что все, о чемъ разсказывается въ Библіи, есть несомнѣнная истина, и историческіе факты, заключающіеся въ ней, такъ же непреложны, какъ и нравственное ея ученіе. Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Богооткровенность священныхъ книгъ сказывается именно въ области морали и вѣры, но врядъ ли Духъ Святой, вдохновляя

священныхъ писателей, имѣлъ въ виду раскрывать научныя истины или писать всеобщую исторію. «L'intention de l'Écriture Sainte est de nous apprendre comment on va au ciel, et non pas comment va le ciel» — сказалъ по этому поводу кардиналъ Бароній. Да и самъ г. Лопухинъ въ одномъ мѣстѣ долженъ былъ преклониться передъ этой истиной: когда ему пришлось говорить о годахъ жизни допотопныхъ патріарховъ, то онъ натолкнулся на разногласіе въ цифрахъ между тремя редакціями Библіи (еврейской, греческой и самаритянской), да кромѣ того по еврейской редакціи выходило, что Маѳусаилъ на 10 лѣтъ пережилъ потопъ. Отдать предпочтеніе той или другой редакціи нѣтъ основаній, и потому г. Лопухинъ признался, что «хронологія, какъ неимѣющая прямого отношенія къ основнымъ началамъ вѣры и нравственности, есть предметъ второстепенный въ Библіи, точное опредѣленіе ея не входило въ задачу бытописателя, а предоставлено усмотрѣнію разума и изысканіямъ науки». Но отчего же авторъ въ другихъ мѣстахъ продолжалъ упорно отстаивать даже эту неважную для вѣры хронологію? Зачѣмъ онъ заявлялъ, что ни геологія, ни антропологія, ни лингвистика, ни исторія, не могутъ поколебать свидѣтельства библіи о сотвореніи человѣка за 5508 лѣтъ до Р. Х.? Вѣдь это упорство привело его къ великому абсурду. Стараясь всѣми способами уменьшить древность памятниковъ египетскихъ и вавилонскихъ, онъ нашелъ, что они «могутъ уводить насъ не далѣе, какъ за 3000 лѣтъ до Р. Х. Дойдя до такого результата, г. Лопухинъ торжествовалъ — оказалось, что между сотвореніемъ міра и появленіемъ древнѣйшихъ государствъ прошло 2½ тысячи лѣтъ, было, слѣдовательно достаточно времени для размноженія рода человѣческаго и развитія цивилизацій. Но авторъ немножко не досмотрѣлъ: вѣдь за 3000 лѣтъ до Р. Х. произошелъ потопъ, уничтожившій всѣхъ людей, кромѣ Ноя съ семьей, и всѣ цивилизаціи, кромѣ вѣры въ Единаго Истиннаго Бога. Какъ же сразу послѣ потопа могла появиться цвѣтущая держава Мены и высоко-развитая вавилонская культура?! Такое противорѣчіе между фактами и библейской хронологіей заставляетъ совершенно отказаться отъ нея и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какую цѣну имѣютъ ухищренія г. Лопухина всѣми правдами и неправдами поддержать букву Библіи. Не менѣе пристрастнымъ оказался авторъ и въ вопросѣ объ единствѣ Пятокнижія. Онъ упорно отвергаетъ высказанную впервые Жаномъ Астрюкомъ теорію о томъ, что Пятокнижіе есть сводъ двухъ цикловъ сказаній; авторъ одного цикла называетъ Бога Елогимъ, а авторъ другого цикла употребляетъ для той же цѣли слово Ягвехъ[1]). Эту теорію, раздѣляемую теперь всѣми серьезными учеными, г. Лопухинъ, не потрудившись даже мало-мальски основательно опровергнуть ее, обрекаетъ на смерть и объявляетъ еретической, не зная, вѣроятно, что съ его точки зрѣнія блаженный Іеронимъ, святой отецъ церкви, потворствовалъ еще большей ереси, говоря: «Sive Mosen dicere volueris auctorem Pentateuchiis sive Esdram eiusdem instauratorem operis, non recuso». Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ подробно остановиться на этомъ вопросѣ, требующемъ цѣлаго отдѣльнаго труда, и мы ограничимся только тѣмъ, что приведемъ относящіяся сюда слова Ф. Ленормана, геніальнаго ученаго и вѣрнаго сына католической церкви. «Я не нахожу болѣе возможнымъ поддерживать такъ назы-

[1]) Чтеніе Іегова, котораго придерживается г. Лопухинъ, неправильно и давно уже оставлено на западѣ.

ваемое единство Пятокнижія. Внутренняя и внѣшняя критика текста привела къ положительнымъ результатамъ, которые я принялъ не безъ труда, но при очевидности которыхъ я долженъ былъ окончательно сдаться. Я выражаю относительно этого вопроса искреннее убѣжденіе, которое потребовало для утвержденія въ моемъ умѣ тѣмъ болѣе сильныхъ доводовъ, что я знаю прекрасно, что оно идетъ противъ долгой традиціи, противъ мнѣнія всѣхъ католическихъ наставниковъ, но это мнѣніе не поддержано догматомъ, такъ какъ оно выходитъ за предѣлы догматики. Вмѣстѣ съ наиболѣе авторитетными писателями протестантской школы въ Англіи и Германіи, защищающими Богооткровенность Священнаго Писанія не менѣе ревностно, чѣмъ католики, я считаю доказаннымъ существованіе двухъ основныхъ документовъ, элогистскаго и еговисткаго, которые послужили источникомъ для окончательнаго редактора четырехъ первыхъ книгъ Пятокнижія и между которыми онъ ограничился утвержденіемъ извѣстнаго согласія, оставляя ихъ редакцію неприкосновенной. Можно почти безъ пропусковъ возстановить эти два первоначальные текста, между которыми легко указать извѣстное количество несогласій, подобныхъ наблюдаемымъ также въ различныхъ описаніяхъ одного и того же событія, когда о немъ разсказано въ двухъ книгахъ Библіи, какъ-то въ книгѣ Царствъ и Паралипоменонъ. Но эти несогласія относятся только къ фактамъ историческаго характера, а не къ вопросамъ вѣры».

Нельзя отнестись одобрительно и къ систематическому униженію другихъ націй, которое производитъ г. Лопухинъ для вящаго прославленія евреевъ. Особенно рѣзко выступаетъ это стремленіе автора въ его отношеніи къ Египту. Урѣзавъ насколько было возможно его древность, авторъ постарался также урѣзать возвышенность религіи и морали египетской и вслѣдствіе этого обрисовалъ Египетъ совершенно неправильно. Постараемся хотя нѣсколько разсѣять туманъ, напущенный г. Лопухинымъ на древній Египетъ. Что касается до древности Египта, то тутъ разногласіе происходитъ именно отъ того, что огромная цифра, получаемая по Манеѳону для года воцаренія Мены, перваго фараона, заставила ученыхъ усумниться въ вѣрности Манеѳонова списка династій, но теперь, чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше его данныя подтверждаются египетскими документами, такъ что въ новѣйшемъ трудѣ по египетской исторіи, принадлежащемъ Альфреду Видеману, этотъ ученый относитъ Мену за 5700 лѣтъ до Р. Х. Съ этого времени начинается для насъ Египетская исторія, для насъ, говоримъ мы, потому что истинное начало Египетской цивилизаціи надо отнести къ незапамятной эпохѣ, такъ какъ Мена застаетъ Египтъ съ культурой уже совершенно сложившейся, доросшей до изумительной высоты и въ области искусства, и въ области знанія, и въ области нравственнаго развитія. Вся послѣдующая исторія Египта представляетъ постепенное искаженіе и упадокъ этой великой культуры. Такъ вотъ какова древность Египта. Что же касается до Египетской религіи, то самъ г. Лопухинъ, старавшійся унизить ее, въ одномъ мѣстѣ—именно, когда пришлось говорить о древности монотеизма—привелъ столько цитатъ, подтверждающихъ возвышенное единобожіе, царившее въ Египтѣ съ незапамятной древности, что всякій безпристрастный человѣкъ преклонился бы предъ величіемъ религіозныхъ представленій этого народа и ужъ отнюдь не сталъ бы относиться къ нему свысока и презрительно, какъ это дѣлаетъ г. Лопухинъ. Къ свидѣтельствамъ Масперо,

Ленормана и др., приведеннымъ г. Лопухинымъ, мы не можемъ не прибавить еще нѣсколькихъ словъ изъ труда Борегарда «Египетскія божества», въ которомъ возвышенность египетской религіи нашла себѣ наиболѣе яркое выраженіе: «Высшее существо обозначалось у египтянъ словомъ Амунъ, которое значитъ «таинственный»; священное имя Амунъ всегда сопровождается египетскимъ словомъ Ра; слово Ра значитъ солнце, солнце есть свѣточъ міра. Итакъ Аманъ-Ра значитъ: «Таинственное существо, свѣточъ міра», то есть: «Богъ, свѣтъ міра». Черезъ 6000 лѣтъ евангелистъ Іоаннъ влагаетъ въ уста Христа слова: «Я свѣтъ міра». Различныя качества божества: единство, вѣчность, творческая сила, высшій разумъ—были главнымъ основаніемъ религіозныхъ вѣрованій Египта». Вотъ въ чемъ заключалась сущность египетской религіи, г. Лопухинъ, а отнюдь не въ поклоненіи животнымъ и не въ идолослуженіи. Напрасно старается авторъ унизить и нравственную высоту Египта: такъ называемая «книга мертвыхъ», игравшая у египтянъ ту же роль, какъ у насъ разрѣшительная молитва, показываетъ прекрасно, что моральные принципы этого народа стояли очень высоко и приближались къ христіанскому нравоученію. Но г. Лопухинъ утверждаетъ, что эти принципы соблюдались только на бумагѣ, а въ сущности египтяне были развратны и испорчены до нельзя. Такой взглядъ проводитъ онъ, между прочимъ, въ разсказѣ о пребываніи Авраама въ Египтѣ. Предоставляемъ читателю вывести надлежащее заключеніе изъ безъискусственнаго и откровеннаго разсказа Библіи. Приближаясь къ Египту, Авраамъ говоритъ Сарѣ: «вотъ я знаю, что ты женщина прекрасная видомъ; и когда египтяне увидятъ тебя, то скажутъ: это жена его; и убьютъ меня, а тебя оставятъ въ живыхъ. Скажи же, что ты мнѣ сестра, дабы мнѣ хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя черезъ тебя». Когда же фараонъ узналъ про обманъ, то онъ призвалъ Авраама и упрекнулъ его: «Что ты это сдѣлалъ со мною? Для чего не сказалъ мнѣ, что она жена твоя? Для чего ты сказалъ: она сестра моя? и я взялъ было ее себѣ въ жену. И теперь вотъ жена твоя; возьми ее и пойди». Неужели изъ этого разговора можно вывести заключеніе о низкомъ нравственномъ уровнѣ египтянъ сравнительно съ евреями?!...

Много бы еще можно было указать недостатковъ въ трудѣ г. Лопухина, но для того, чтобы разъяснить автору и его читателямъ всѣ его заблужденія и ошибки, потребовалась бы книга не меньше, если только не больше разбираемой (а въ «Библейской исторіи» г. Лопухина свыше 2000 страницъ); въ простой же библіографической замѣткѣ этого сдѣлать невозможно. Мы указали только на нѣсколько слабыхъ сторонъ книги г. Лопухина для того, чтобы показать его отношеніе къ своему предмету, и въ общемъ мы должны заявить, что авторъ не выполнилъ своей задачи: книга съ такимъ заголовкомъ, какъ у него, должна была sine ira et studio сообщить, до чего дошла современная наука въ дѣлѣ критики Библіи, должна была прямо указать, гдѣ наука подтверждаетъ библейскія свидѣльства, гдѣ она ихъ опровергаетъ и гдѣ до сихъ поръ останавливается въ недоумѣніи, а г. Лопухинъ увлекся предвзятой идеей, преслѣдуя ее, долженъ былъ по неволѣ прибѣгать къ натяжкамъ и искаженіямъ, и вслѣдствіе всего этого его трудъ даетъ русской публикѣ совершенно превратное понятіе объ изученіи Библіи на западѣ.

С. А—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англичанинъ, разсказывающій исторію Россіи.—Балтійскій нѣмецъ, взывающій къ войнѣ съ русскими.—Французъ, воспѣвающій «святую Русь».—Русскій, знакомящій Францію съ нашимъ театромъ.—Французскій еврей, доказывающій неизбѣжность войны съ нѣмцами.—Американскій еврей, обижающійся, что литература не хвалитъ его соотечественниковъ.—Біографія греческаго героя.—Англійскій утилитаристъ.—Двѣ книги, доказывающія сумасшествіе Жанъ-Жака Руссо.—Стэнли въ дебряхъ Африки.

АНГЛИЧАНЕ, нѣмцы и французы попрежнему усердно занимаются Россіей. Сотерландъ Эдуардсъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ написавшій недурную книгу о нашемъ отечествѣ въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи, считая себя поэтому знатокомъ и въ исторіи Россіи, издалъ въ Лондонѣ книгу подъ громкимъ названіемъ «Романовы — цари Москвы и императоры Россіи» (The Romanoffs: Tsars of Moscow and Emperors of Russia. By H. Southerland Edwards). Самое заглавіе книги возбуждаетъ осужденіе строгаго критическаго журнала «Athenaeum». «Мы еще поняли бы выраженіе: «московскіе цари»,—говоритъ критикъ,—но что значитъ—цари Москвы? Титулъ царя принятъ былъ Иваномъ Грознымъ въ половинѣ XVI столѣтія и въ это время владѣнія русскихъ царей не ограничивались одною Москвою». Журналъ отмѣчаетъ и другіе недостатки книги. Къ чему указывается на то, что обвиненія Ивана IV въ жестокости основываются преимущественно на свидѣтельствѣ «русскаго историка Карамзина», когда и до него Флетчеръ, Горсей Одерборнъ, Таубе, Крузе говорятъ о томъ же?.. Правда, у нихъ встрѣчается много легендъ объ Иванѣ, въ родѣ того, что онъ приказалъ прибить гвоздями къ головѣ шляпу, которую не хотѣлъ снять передъ нимъ одинъ посланникъ, и велѣлъ выколоть глаза архитектору, выстроившему великолѣпный соборъ, для того, чтобы въ другой разъ художникъ не создалъ ничего подобнаго, но послѣднюю легенду приписываютъ многимъ

властителямъ, а исторію со шляпой, прибитой гвоздями, разсказываютъ и о Дракулѣ, молдавскомъ господарѣ, жившемъ за сто лѣтъ до Ивана IV. Трудно понять также, почему авторъ считаетъ поэта Мицкевича авторитетомъ по русской исторіи и признаетъ непреложными мнѣнія этого врага Россіи. Обвинять Петра I въ томъ, что онъ виновникъ смерти своего сына—нельзя, не имѣя историческихъ доказательствъ. Ошибочно также утвержденіе, что въ русскую азбуку Петръ I ввелъ новыя буквы: онъ, напротивъ, выбросилъ изъ нея многія буквы славянскаго языка. Критикъ опровергаетъ также мнѣніе автора, что императоръ Юстиніанъ былъ славяниңъ, и что Тацитъ говоритъ о славянахъ. Для современной исторіи авторъ считаетъ также совершенно напрасно авторитетомъ мемуары Адама Чарторыйскаго. Эдуардсъ упоминаетъ, что онъ былъ въ Россіи въ 1855 году и провелъ въ ней восемь мѣсяцевъ,—это не много, чтобы ознакомиться съ духомъ и особенностями страны. О панславизмѣ онъ держится убѣжденія, что политическое объединеніе славянъ немыслимо. Ультрамонтанство Польши—непреодолимый антагонизмъ русскаго православія. Болгары также мало понимаютъ русскихъ, какъ испанцы итальянцевъ, какъ сербы чеховъ. Отношенія поляковъ ко всѣмъ славянамъ сдержанны и эгоистичны, но нѣмцевъ они ненавидятъ еще больше, чѣмъ русскихъ, что не мѣшаетъ имъ, однако, вотировать единодушно увеличеніе военныхъ расходовъ въ рейхстагѣ, потому что это увеличеніе направлено противъ Россіи.

— Трудно сказать, кто относится къ намъ съ большею непріязнью: англичане или нѣмцы. Во всякомъ случаѣ полемическій задоръ на сторонѣ послѣднихъ и укоренился въ нѣмецкой политикѣ еще въ царствованіе Бисмарка, такъ краснорѣчиво увѣряющаго теперь своихъ собесѣдниковъ и корреспондентовъ, что онъ всегда любилъ Россію и оказывалъ ей всевозможныя услуги. И въ этомъ случаѣ, какъ всегда, нашими злѣйшими врагами оказываются все-таки не прусскіе или австрійскіе нѣмцы, а наши доморощенные балтійскіе. И чѣмъ интеллигентнѣе нѣмецъ, тѣмъ онъ больше тщеславится своею высшею культурою, и съ бо̀льшею злобою относится къ Россіи. Въ европейской публицистикѣ не мало шума надѣлала нѣмецкая брошюра съ латинскимъ заглавіемъ «Да остерегутся консулы» (Videant consules). Ее приписывали и апостоламъ германскаго шовинизма и прихвостнямъ юнкерской партіи, пока «Московскія Вѣдомости» не нашли, что она написана остзейскимъ нѣмцемъ Шиманомъ, воспитаннымъ, конечно, у насъ и на русскія деньги, но бѣжавшимъ въ Пруссію, по достиженіи высшей культуры, какъ сотни его земляковъ, получающихъ тамъ государственныя должности, на которыхъ они сколько могутъ вредятъ Россіи и клевещутъ на нее. Авторъ брошюры—человѣкъ умный, знающій дѣло и высказывающій сокровенныя желанія нѣмцевъ. Онъ прямо взываетъ къ своимъ соотечественникамъ о необходимости начать войну съ Россіей и Франціей и сожалѣетъ о томъ, что упущено благопріятное время для начала этой войны, какъ было въ 1887 году, когда во Франціи вооруженіе было гораздо хуже нѣмецкаго и не былъ еще вотированъ военный законъ, дающій огромныя преимущества организаціи французской арміи. Теперь французы превосходятъ нѣмцевъ не только численностью войскъ, но и образованіемъ офицеровъ. Впрочемъ, боевыя силы лиги мира почти равны союзнымъ силамъ Россіи и Франціи. Съ Франціей война должна имѣть видъ дуэли, съ цѣлью возвратить французамъ честь ихъ оружія, дать имъ почетный миръ и соотвѣт-

ствующія териториальныя вознагражденія. Но совсѣмъ другого рода войну слѣдуетъ вести съ Россіей: «храбрость ея солдатъ достойна міроваго удивленія, но ея чиновники и офицеры отличаются страшнымъ невѣжествомъ и развратомъ». Русскій нѣмецъ презрительно отзывается о «генералахъ панславизма и нигилизма à la Скобелевъ», и находитъ у насъ полное командное неустройство. «Вся русская цивилизація, — говоритъ авторъ, — создана честными и вѣрными балтійскими нѣмцами». Вѣрными кому? во всякомъ случаѣ не Россіи, если самъ авторъ бѣжалъ изъ нея и теперь считаетъ своимъ долгомъ поносить ее. И онъ еще прибавляетъ: «этихъ балтійцевъ Россія теперь угнетаетъ, подобно разбойнику, убивающему иностранца, подавшаго ему милостыню». Вѣрный и честный Шиманъ категорически заявляетъ, что настоящій врагъ нѣмцевъ Россія и пока Германія не отодвинетъ ее завоеваніемъ Остзейскаго края, до тѣхъ поръ культурная задача нѣмцевъ не будетъ завершена и принадлежащая имъ по праву гегемонія въ Европѣ не будетъ достигнута. Имѣя флотъ сильнѣе русскаго, легко завоевать Остзейскій край и сдѣлать его базисомъ постоянныхъ наступленій на русскую землю. «Великій народъ — такъ откровенничаетъ авторъ — не можетъ довольствоваться своими природными границами, а долженъ искать новыхъ мѣстъ для своей культурной пропаганды и новыхъ слабыхъ племенъ для покоренія ихъ и пріобщенія къ высшей культурѣ». Намъ великодушно предоставляютъ такую же культурную миссію — въ степяхъ Азіи. Упрекая Висмарка въ томъ, что онъ въ послѣднее время ослабѣлъ въ преслѣдованіи цѣмецкой задачи и нанесъ ей тяжкіе ущербы, допустивъ усиленіе русскихъ корпусовъ на границѣ, авторъ находитъ, однако, что теперь еще Германія занята реформою артилеріи и опытами съ бездымнымъ порохомъ, но когда все это будетъ закончено, консулы должны озаботиться о томъ, чтобы разгромить ненавистную Россію.—Но и сквозь фразы, полныя ненависти, ярко просвѣчиваетъ въ брошюрѣ сознаніе въ слабости силъ союзныхъ Австріи и Италіи, даже своихъ собственныхъ силъ и въ превосходствѣ силъ Россіи. Но воззваніе къ неминуемой войнѣ съ могущественнымъ сосѣдомъ сильно не понравилось осторожнымъ нѣмцамъ, и они начали доказывать, что эта война вовсе не неизбѣжна. Явилась, въ опроверженіе Шимана, брошюра «Cedant armatogae» и другія, но всѣ онѣ написаны слабо, неубѣдительно и не произвели никакого впечатлѣнія въ Германіи.

— Пресловутая Жюльета Аданъ, пишущая, въ сотрудничествѣ съ своими старыми поклонниками и подъ псевдонимомъ графа Василія, нашла благовременнымъ, въ виду англійскихъ и нѣмецкихъ нападковъ на ея излюбленную Россію, подкадить ей въ сочиненіи «Святая Россія, ея дворъ, армія, духовенство, буржуазія, народъ» (Comte Vasili. La Sainte Russie. La cour, l'armée, le clergé, la bourgeoisie, le peuple). Все это изложено на 550-ти страницахъ роскошнаго изданія со множествомъ рисунковъ, которые, однако, хуже, чѣмъ въ книгѣ Морфиля о Россіи. Книга, очевидно, написана разными лицами; однѣ статьи въ ней недурны, другія очень слабы. Начинается она исторіею Россіи, составленною большимъ патріотомъ, но плохимъ историкомъ. Призваніе варяговъ онъ не считаетъ, конечно, завоеваніемъ сѣверозападныхъ славянскихъ земель, но говоритъ: «были ли они норманны или скандинавы — неизвѣстно». Походы Олега на Константинополь, по словамъ автора, повели «къ двумъ величайшимъ событіямъ русской исторіи: введенію христіанства и принятію царскаго титула». Не го-

воря уже о томъ, что между этими событіями нѣтъ ни малѣйшаго отношенія, ихъ раздѣляетъ періодъ времени въ пять столѣтій. Кириллъ и Меѳодій изобрѣли азбуку вовсе не для болгаръ, а для славянъ Великой Моравіи. Западныя провинціи имперіи никогда не были обращены въ католичество, а приняли только унію. Между казацкими вождями авторъ, наряду съ Хмельницкимъ, ставитъ — Тараса Бульбу! Слово холопъ принадлежитъ не одному польскому языку, а многимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Глава о дворянствѣ также чрезвычайно слаба (Бодуэнъ де Куртене вовсе не кіевскій профессоръ и не принадлежитъ къ потомкамъ капетинскихъ принцевъ Куртене). Раскольничьи секты описаны очень поверхностно и не полно. Къ лучшимъ главамъ относится описаніе обѣихъ столицъ и правительственныхъ учрежденій, но авторъ уже слишкомъ расхваливаетъ и эти учрежденія и правительственныя лица. И потомъ: неужели въ Россіи нѣтъ вовсе ни литературы, ни искусствъ, что авторъ не говоритъ объ нихъ ни слова?

— Иностранцамъ простительно ошибаться въ своихъ статьяхъ о Россіи, но когда съ нею берутся знакомить иностранцевъ наши соотечественники, критика должна отнестись къ нимъ гораздо строже. Г. Корвинъ-Крюковской, авторъ нѣсколькихъ неудачныхъ русскихъ пьесъ и одной удавшейся французской: «Les Danicheff», которую, однако же, съ начала до конца передѣлалъ Александръ Дюма, написалъ исторію русскаго театра: «Pierre de Corvin (Nevsky). Le théatre en Russie depuis ses origines jusqu'à nos jours». Уже въ самомъ заглавіи книги—неправда, потому что разгонисто напечатанный томъ въ 350 страницъ оканчивается 1825 годомъ. И притомъ это вовсе не серьезная исторія, а газетный фельетонъ, составленный изъ понадерганныхъ отовсюду анекдотовъ, съ пропускомъ самыхъ важныхъ явленій и безчисленными промахами. Авторъ вовсе незнакомъ съ серьезной драматической критикой. О комедіяхъ Фонвизина онъ высказываетъ самыя поверхностныя сужденія. Выписывая свои свѣдѣнія объ операхъ и композиторахъ XVIII вѣка, авторъ не даетъ себѣ труда исправить даже корректуру собственныхъ именъ. Такъ у него являются небывалыя оперы, исполняемыя будто бы въ Петербургѣ: Dgio Catore вмѣсто il Giuocatore, Abiasace вмѣсто Arsace, Serva pardona вмѣсто Serva padrona. Ломоносовъ изучалъ металургію въ саксонскомъ городѣ Фрейбергѣ, а не въ швейцарскомъ Фрейбургѣ и пр. Подробнѣе всего авторомъ передана исторія не русскаго театра, а французскаго—въ Россіи, что и не мудрено, такъ какъ г. Крюковскому близко знакомы дѣла французской труппы нашего Михайловскаго театра.

— По примѣру балтійскаго нѣмца французскій еврей и депутатъ сенскаго департамента Камилъ Дрейфусъ доказываетъ также неизбѣжность войны Германіи только не съ Россіей, а съ Франціей. Въ своей брошюрѣ: «La guerre nécéssaire. Paroles d'un français», этотъ другъ Флоке и практическій дѣлецъ спокойно анализируетъ необходимость этой войны, говоря: «я пишу и высказываю громко и вслухъ только то, что молча думаютъ многіе французы. Съ твердымъ убѣжденіемъ и полнымъ сознаніемъ своего долга и отвѣтственности, я говорю: для Франціи пробилъ часъ начать войну съ Германіей. Франція должна поднять вопросъ о пересмотрѣ франкфуртскаго договора или самой разорвать его. Потеря Эльзасъ-Лотарингіи не только уязвляетъ самолюбіе и достоинство Франціи, но лишаетъ ее необходимой безопасности». Со стороны Вогезовъ Парижъ не защищенъ отъ

вторженія никакими естественными преградами. Самъ Бисмаркъ сознался въ 1879 году французскому посланнику Сен-Валье: «мой государь и его военные совѣтники, отнимая Мецъ съ кускомъ Лотарингіи, сдѣлали крупную политическую ошибку». Въ десять лѣтъ Франція истратила 3½ милліарда франковъ на вооруженіе и новыя пушки и ружья, которыя, благодаря успѣхамъ и изобрѣтеніямъ техники, съ каждымъ годомъ теряютъ свое достоинство и требуютъ новыхъ усовершенствованій. Ежегодные военные расходы, въ силу требованій народной обороны, доходятъ до милліарда франковъ, что составляетъ третью часть всего бюджета страны. Горячкѣ всеобщихъ вооруженій нѣтъ конца. Земледѣліе, промышленность, торговля, подавлены массой налоговъ и не могутъ конкурировать съ Америкой, незнающей разорительнаго военнаго бюджета. Дрейфусъ не находитъ другого возможнаго выхода изъ нестерпимаго положенія Франціи — кромѣ войны, и начать ее необходимо, не теряя времени. «Два года назадъ война съ Германіей была преждевременной, черезъ два года она можетъ оказаться слишкомъ поздней». Таковъ конечный и, надо признаться, вполнѣ логичный выводъ брошюры, настаивающей въ то же время на необходимости союза съ Россіей, вытекающаго изъ естественнаго хода политическаго положенія.

— Въ то время какъ офранцузившійся еврей думаетъ только о своемъ второмъ отечествѣ, еврей американскій пишетъ цѣлую книгу о высокомъ значеніи еврейства въ литературѣ. Равинъ Филипсонъ издалъ въ Цинциннати изслѣдованіе: «Еврей въ англійскомъ творчествѣ» (The Jew in english fiction. By rabbi David Philippson). Говоря о еврейскихъ типахъ, изображенныхъ англійскими писателями въ своихъ произведеніяхъ отъ Марлова до нашихъ временъ, равинъ возстаетъ противъ драматурговъ и романистовъ, выводившихъ евреевъ мошенниками, эксплуататорами и врагами человѣчества, ростовщиками, сводниками, скупщиками краденаго. Авторъ сознаетъ поневолѣ, что типы эти «до извѣстной степени сходны съ дѣйствительностью», но изображать евреевъ въ такомъ видѣ—значитъ, разжигать къ нимъ вражду, ненависть, а это несправедливо и не гуманно. «Съ уничтоженіемъ Гетто, евреи слились вездѣ съ массой населенія (то-то что нигдѣ не слились, а вездѣ только эксплуатируютъ христіанъ, живя обособленно, кагальной жизнью, ненавидя всѣхъ неевревъ больше, чѣмъ ихъ самихъ ненавидятъ другія націи). Критикъ журнала «Athenaeum» удивляется обидчивости равина и его требованіямъ, чтобы современныхъ евреевъ не изображали въ непривлекательномъ видѣ, тогда какъ они и теперь немногимъ лучше средневѣковыхъ Шейлоковъ. Критикъ не называетъ евреевъ ни націей, ни кастою, а «обществомъ» (а community), управляемымъ кагаломъ, а это одно уже развиваетъ между ними совершенно обособленные типы, преслѣдовать которые долгъ каждаго серьезнаго писателя.

— Мистрисъ Эдмондсъ написала біографію «Ригаса Ферайоса, первомученика греческой независимости» (Rigas Pheraios, the protomartyr of greek independence). Этотъ герой, авторъ народнаго гимна грековъ: «Δεῦτε, παῖδες τῶν Ἑλλήνων» (Возстаньте, дѣти эллиновъ), превосходно переведеннаго Байрономъ (на русскомъ см. «Исторію всемірной литературы». Томъ I, стр. 667), организовавшій еще въ концѣ XVIII вѣка первыя греческія гетеріи, подготовившія возстаніе и свободу Греціи, былъ, какъ извѣстно, захваченъ Австріею, выданъ ею Турціи и застрѣлянъ въ Бѣлградѣ, недостигнувъ даже начала осуществленія своихъ цѣлей. Бѣлградскій паша приго-

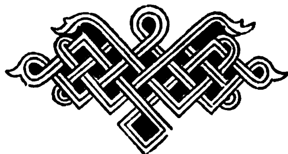
ворилъ его сначала—утопить въ Дунаѣ, но побоявшись народнаго волненія, приказалъ просто тюремнымъ сторожамъ раздробить ему голову пистолетными выстрѣлами. Такихъ людей какъ Ригасъ, Колокотрони, Канарисъ, Боцари—современная Греція не производитъ, обходясь своими Трикуписами и Деліанисами, и потому ихъ потомкамъ, готовымъ, по выраженію Щербины, «продать за грошъ свой вѣковѣчный Партенонъ», не мѣшаетъ познакомиться съ своими предками хоть въ англійскихъ біографіяхъ.

— Литература въ Англіи наполнена въ послѣднее время жизнеописаніями ея отечественныхъ и иностранныхъ дѣятелей, даже и не первоклассныхъ, но которыя выходятъ изъ-подъ пера изслѣдователя личностями, заслуживающими того, чтобы на нихъ остановить вниманіе. Такова и «Жизнь Вильяма Эллиса», написанная Келль Блейтомъ (Life of William Ellis). Джонъ Стюартъ Милль, въ своей автобіографіи, отзывается съ большимъ уваженіемъ объ этомъ страстномъ проповѣдникѣ экономическаго ученія Бентама и особенно—новыхъ болѣе разумныхъ основаній воспитанія и обученія. Эллисъ былъ оригинальный мыслитель, не иниціаторъ, но ревностный пропагандистъ лучшихъ идей своего времени. Онъ посвятилъ всю свою жизнь такому апостольству, приносящему въ нашъ все популяризующій и демократизирующій вѣкъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ изобрѣтатели великихъ идей и открытій. Это былъ утилитаристъ, но въ лучшемъ значеніи этого слова. Стюартъ Милль говоритъ, что жизнь Эллиса была отдана величайшему долгу, какой можетъ назначить себѣ человѣкъ — заботамъ о благосостояніи человѣчества. Келль Блейтъ подтверждаетъ, что всѣ его старанія были направлены къ уменьшенію огромной массы человѣческихъ бѣдствій и громаднаго числа обездоленныхъ бѣдняковъ.

— Послѣдователи теоріи Ломброзо, что геній есть особаго рода безуміе, должны быть довольны появленіемъ въ одно время двухъ книгъ, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, доказывающихъ, что Жанъ Жакъ Руссо былъ сумасшедшій. Обѣ книги написаны докторами, нѣмецкая Мебіусомъ: «J. J. Rousseau's Krankheitsgeschichte», французская швейцарскимъ докторомъ Шателеномъ: «La folie de J. J. Rousseau». Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ начинающагося помѣшательства является, какъ извѣстно, бредъ преслѣдованія. Больной начинаетъ видѣть во всѣхъ людяхъ враговъ, воображаетъ, что всѣ его преслѣдуютъ, злоумышляютъ противъ его жизни, извѣстности, благосостоянія. Множество фактовъ, собранныхъ обоими біографами Руссо, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что этотъ великій писатель и философъ положительно страдалъ психическимъ разстройствомъ при концѣ своей жизни. Въ этомъ были убѣждены всѣ близкіе къ нему люди, не высказывавшіе только этого явно, по понятному чувству, да и самъ Руссо объяснялъ многіе изъ своихъ эксцентрическихъ поступковъ припадками безумія. У него было дѣйствительно много враговъ, преслѣдовавшихъ его клеветами, завидовавшихъ его славѣ. Его «Эмиль» и «Новая Элоиза» были осуждены и сожжены палачомъ, изъ Швейцаріи онъ былъ изгнанъ, изъ Франціи ему пришлось бѣжать. Все это могло, конечно, сдѣлать философа мизантропомъ, но въ своихъ письмахъ онъ говоритъ, что противъ него составленъ «всеобщій заговоръ», что онъ окруженъ только шпіонами и врагами. Укрывшись въ Англіи, онъ бѣжитъ и оттуда, такъ какъ и тамъ враги не даютъ ему покоя. Отъѣздъ задерживается бурей, корабль не можетъ выйти въ море—Руссо и въ этомъ видитъ

«тайные происки». Другъ его, Юмъ, проситъ срисовать портретъ съ философа, тотъ соглашается, но взглянувъ на прекрасно исполненный портретъ, находитъ, что онъ изображенъ чудовищемъ и дѣлается смертельнымъ врагомъ Юма. Къ другому своему другу Гримму, онъ проникается ненавистью потому, что «по тону его рѣчей, по его взгляду узналъ въ немъ тайнаго врага». Жену свою онъ также подозрѣваетъ въ заговорѣ противъ него. Онъ пишетъ цѣлый трактатъ (Dialogues), наполненный жалобами на людей, запечатываетъ его въ пакетъ съ адресомъ «Провидѣнію» и подсовываетъ его подъ алтарь парижской церкви Notre Dame, чтобы пакетъ дошелъ по назначенію. Развѣ это не явное помѣшательство?..

— Перваго іюля вышла одновременно на четырехъ языкахъ—англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ, книга Стэнли: «Въ дебряхъ Африки» (In the darknes of Africa). Это два тома въ 500 страницъ, заключающіе въ себѣ исторію освобожденія Эмина-паши, губернатора экваторіальной провинціи, написаны изслѣдователемъ Африки въ Каирѣ въ полтора мѣсяца и черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ онъ прибылъ въ Багамойо, отыскавъ нѣмецкаго пашу и доставивъ его въ европейскія владѣнія изъ страны, гдѣ туземцы держали его если не въ плѣну, то въ осадѣ, какъ заложника. Книга наполнена описаніемъ всѣхъ трудностей, какія пришлось перенести неутомимому путешественнику въ своихъ поискахъ, въ стремленіи пробиться сквозь невѣдомыя племена внутренней Африки, черезъ мѣстности, гдѣ не была нога европейца. И Стэнли описалъ свой подвигъ и свои открытія, какъ истый репортеръ, тѣмъ же живымъ, фельетоннымъ языкомъ, какимъ онъ разсказывалъ о томъ «какъ нашелъ Ливингстона». Новая книга его читается съ такимъ же любопытствомъ, какъ и прежняя, хотя въ ней нѣтъ ни ученыхъ изслѣдованій, ни глубокомысленныхъ разсужденій, ни даже особенно важныхъ и неожиданныхъ открытій. Но весь этотъ первобытный африканскій міръ, изъ-за котораго уже начинаютъ грызться цивилизованные народы, до того новъ, оригиналенъ, и непохожъ на просвѣщенныя европейскія страны, гордящіяся своею культурою, что знакомство съ нимъ не можетъ не увлекать мыслящаго человѣка. Къ книгѣ приложено полтораста рисунковъ, снятыхъ на мѣстѣ и три большихъ карты мѣстностей, пройденныхъ Стэнли во время его почти трехлѣтняго странствованія, съ новыми горами, рѣками и озерами, открытыми путешественникомъ. Своимъ преемникамъ онъ оставилъ уже немного неизвѣданныхъ странъ въ экваторіальной Африкѣ.

СМѢСЬ

АМЯТНИКЪ на могилѣ Тотлебена. 19-го іюня, въ Севастополѣ, на Братскомъ кладбищѣ, послѣдовало торжественное открытіе памятника, сооруженнаго надъ могилою покойнаго генералъ-адъютанта графа Тотлебена. Въ торжествѣ этомъ приняли участіе: всѣ войска севастопольскаго гарнизона, морскіе чины и флотскія команды въ Севастополѣ, и военныя суда, на севастопольскомъ рейдѣ стоящія, а также лица, командированныя по высочайшему повелѣнію: отъ высочайшаго имени — генералъ-адъютантъ князь Имеретинскій; отъ 7-го Гренадерскаго Самогитскаго генералъ-адъютанта графа Тотлебена полка: командиры полка и первой роты и фельдфебель; отъ корпуса военныхъ инженеровъ и саперныхъ войскъ: помощникъ начальника главнаго инженернаго управленія генералъ-лейтенантъ Коссинскій, командиръ сапернаго батальона генералъ-маіоръ Ласковскій и по одному офицеру отъ 2-й и 5-й саперныхъ бригадъ; отъ николаевской инженерной академіи и училища начальникъ ихъ генералъ-маіоръ Шильдеръ; отъ полевыхъ управленій бывшей дѣйствующей арміи 1877—1878 гг.: начальникъ артилеріи Петербургскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Штаденъ, генералъ-лейтенантъ Левицкій, генералъ-маіоръ князь Кантакузинъ и помощникъ интенданта Одесскаго военнаго округа, Букинъ, также не находившіеся въ строю начальники войсковыхъ управленій и учрежденій, чины флота и представители севастопольскаго городскаго общественнаго управленія. Къ 9½ часамъ утра всѣ войсковыя части и лица заняли на Братскомъ кладбищѣ, вокругъ памятника, назначенныя имъ мѣста. Въ 10 час. утра, по прибытіи на кладбище командующаго войсками одесскаго военнаго округа генерала-отъ-инфантеріи Роопа, началась заупокойная служба на могилѣ Тотлебена, а затѣмъ и освященіе памятника. При провозглашеніи «вѣчной памяти», съ памятника спала завѣса и глазамъ присутствующихъ представился величественный памятникъ съ бюстомъ незабвеннаго защитника Севастополя. Войска взяли «на-караулъ» и музыка заиграла «Коль славенъ»; затѣмъ, по командѣ, всѣ войска произвели салютъ троекратнымъ залпомъ, въ которомъ участвовали и суда черноморскаго флота, стоявшія на рейдѣ. Перекаты ружейныхъ залповъ и гулъ орудійныхъ выстрѣловъ невольно переносили каждаго изъ присут-

ствовавшихъ къ той безпримѣрной въ военной исторіи эпохѣ, когда славный герой Севастополя, полковникъ Тотлебенъ, защищалъ многострадальный городъ. По окончаніи салюта, находившіяся въ строю войска, имѣя впереди себя лица депутацій, прошли мимо памятника церемоніальнымъ маршемъ. Передъ этимъ архимандритъ Херсонскаго монастыря Инокентій, князь Имеретинскій, генералъ-адъютантъ Кремеръ и генералъ-лейтенантъ Рербергъ произнесли рѣчи, въ которыхъ яркими красками охарактеризовали славные боевые подвиги покойнаго Тотлебена какъ во время обороны Севастополя, такъ и во время обложенія Плевны. Въ этотъ же день вдова покойнаго Тотлебена, прибывшая въ Севастополь со всѣми своими дѣтьми, получила отъ Государя Императора телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Счастливъ, что могу обезсмертить память благороднѣйшаго и храбраго Эдуарда Ивановича, приказавъ воздвигнуть ему надмогильный памятникъ и именно въ Севастополѣ, съ которымъ его дорогое имя связано навсегда воспоминаніемъ его боевыхъ трудовъ». АЛЕКСАНДРЪ.

19-го іюня, Котки.

Говорилъ также рѣчь 75-лѣтній ветеранъ и герой Крымской кампаніи Ѳедоръ Самокатовъ, прослужившій 35 лѣтъ на дѣйствительной службѣ, украшенный орденами и медалями за храбрость и семью золотыми шевронами. Онъ геройски защищалъ Севастополь въ теченіе всего времени осады подъ командою графа Тотлебена, въ минномъ отрядѣ, удачно взрывая непріятельскія укрѣпленія. Этотъ старикъ, не смотря на раны, полученныя въ бояхъ, еще очень бодръ, держится прямо и говоритъ внятно. Онъ вспоминалъ и описывалъ всѣ походы, битвы и трудности, перенесенныя героями при защитѣ отчизны.

Стоимость памятника выразилась въ 21,000 руб.; онъ изготовленъ въ мраморной мастерской Менціоне, въ Одессѣ. Бюстъ изваянъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора и установленъ на колоннѣ такого же мрамора надъ входомъ въ склепъ. Нижняя часть склепа изъ гранита. Весь памятникъ представляетъ сѣрую мраморную нишь, обращенную открытой стороной къ Севастополю; на фронтонѣ, увѣнчанномъ бѣлымъ крестомъ, широкая надпись: «Графу Эдуарду Ивановичу Тотлебену». Пьедесталъ на которомъ стоитъ бюстъ, нѣсколько выдвинутъ впередъ. На груди графа—всѣ его многочисленные знаки отличія, включительно до ордена св. Андрея Первозваннаго. На передней сторонѣ пьедестала — военная и инженерная арматура, а по бокамъ тексты изъ Евангелія: «Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы», «Видѣли очи мои спасеніе Твое», изъ псалмовъ и пророковъ Авакума и Осіи. На задней сторонѣ ниши—гербъ графа Тотлебена съ девизомъ: «Treu im Tod und Leben» (вѣренъ въ смерти и жизни), а подъ гербомъ числа рожденія «8-го марта 1818 г.» и смерти «19-го іюня 1884 г.». По бокамъ надписи—«Севастополь», «Плевна», а подъ ними барельефные виды севастопольскихъ и плевненскихъ твердынь. Пьедесталъ и ступени памятника утопали въ цвѣтахъ и зелени. У самаго подножія бюста, въ стеклянныхъ футлярахъ, были два вѣнка съ датою: «19-го іюня 1890 года» и надписями: «Дорогому мужу» и «Дорогому отцу». Всѣхъ вѣнковъ не перечесть. Пріѣхавшіе депутаціи и представители, мѣстныя учрежденія и почитатели покойнаго, спѣшили возложить на его могилу дань своего уваженія. Бѣлыя ленты съ черными и золотыми надписями гласили, отъ кого тотъ или другой вѣнокъ. Особенно красивы были вѣнки: «Отъ военныхъ инженеровъ Севастопольской крѣпости» и «Отъ 7-го Гренадерскаго Самогитскаго полка».

Столѣтнія годовщины морскихъ сраженій. 22-го іюня исполнилось 100 лѣтъ со времени славной побѣды нашего флота надъ шведскимъ въ Выборгскомъ заливѣ. Эту побѣду императрица Екатерина II ставила въ одинъ уровень съ Чесменскою. Нѣсколько тысячъ шведовъ взято въ плѣнъ; многія ихъ

суда потоплены и сожжены; Чичаговъ преслѣдовалъ непріятеля вплоть до Свеаборга. Самъ король Густавъ едва не былъ захваченъ и избѣгъ русскихъ рукъ только хитростью. Мы не праздновали вѣковую годовщину этого крупнаго и отраднаго событія. Иначе поступили наши финляндскіе шведы. Не далѣе пяти лѣтъ назадъ финляндцамъ было предоставлено, офиціально и торжественно, съ залпами и рѣчами праздновать воспоминаніе нѣсколькихъ авангардныхъ стычекъ, въ которыхъ финскіе батальоны, вмѣстѣ съ шведскими, одержали верхъ надъ русскими. 28-го іюня, также сто лѣтъ назадъ, было въ русскомъ флотѣ событіе столь же, если еще не болѣе, грандіозное, но только съ исходомъ прямо противоположнымъ. Въ тѣхъ же финляндскихъ шхерахъ, мимо которыхъ за шесть только дней бѣжалъ разбитый подъ Выборгомъ шведскій флотъ, русская флотилія подверглась полному разгрому. Пораженіе при Роченсальмѣ или Свенкзундѣ представляло нѣчто ужасное. По однимъ источникамъ 10,000, по другимъ даже 14,000 русскихъ сдѣлались жертвою бѣдствія. 54 судна разнаго ранга погибли. Иныя, какъ фрегатъ «Николай», утонули со всѣмъ своимъ полутысячнымъ экипажемъ. Русскій народъ не долженъ краснѣть за роченсальмское пораженіе. Его національной гордости не нанесено удара; умирать за отечество—дѣло не позора, а славы. Пятно за тяжкія жертвы 28-го іюня 1790 г. всѣмъ своимъ бременемъ ложится на легкомысліе и недобросовѣстность командовавшаго русскою флотиліей адмирала иностранца, принца Нассау-Зигена. Какъ имя адмирала Чичагова покрылось славою выборгской побѣды за шесть дней до Роченсальма, такъ погромъ при послѣднемъ дѣлаетъ для русскаго человѣка ненавистнымъ имя этого иноземца, искателя отличій.

Желая сдѣлать императрицѣ Екатеринѣ пріятный сюрпризъ въ день восшествія ея на престолъ, 28-го числа, Нассау повелъ въ этотъ день свою флотилію въ атаку противъ шведовъ безъ всякихъ рекогносцировокъ, не сформировавъ даже отрядовъ какъ должно, не знакомясь съ людьми, не имѣя на иныхъ судахъ вовсе офицеровъ. Многіе изъ его помощниковъ не знали совсѣмъ по-русски и должны были командовать черезъ переводчиковъ. Многочисленную флотилію свою онъ повелъ въ роченсальмскую тѣснину при попутномъ вѣтрѣ, который не замедлилъ обратиться въ бурю, лишавшую возможности отступить въ случаѣ надобности. На авангардныхъ судахъ люди, только-что набранные изъ разныхъ сухопутныхъ частей, не имѣвшіе до того понятія о морѣ, вынуждены были проработать на веслахъ цѣлую ночь, спѣша къ мѣсту боя, и немедленно вступить въ дѣло. Теперь они падали отъ изнеможенія. Непріятель сталъ бить этихъ неопытныхъ, измученныхъ, никѣмъ не управляемыхъ людей, сильнымъ фланговымъ огнемъ. Нассау, думая помочь, постепенно нагналъ въ тѣсный проливъ такое множество большихъ судовъ, что они только давили другъ друга. Чтобы удержать противъ свирѣпѣвшей бури, онъ ставилъ ихъ на якоря, и тѣмъ только помогалъ непріятелю разносить ихъ. Дѣло, начатое рано утромъ, съ полудня было уже окончательно потеряно. Затѣмъ вплоть до слѣдующаго утра въ Роченсальмѣ продолжалась только бойня: суда разбивались безпомощно о скалы, тонули подъ выстрѣлами, горѣли, гибли вмѣстѣ съ тысячами людей.

Тяжкое чувство гнететъ душу предъ такой картиной смерти и бѣдствій. Но великому народу нѣтъ основаній стыдиться или замалчивать подобные трагическіе эпизоды его исторіи. Напротивъ, истинный патріотизмъ требуетъ полнаго и торжественнаго ихъ признанія. Оно является собою лишь малую дань благодарности потомковъ тѣмъ жертвамъ, которыя безотвѣтно гибли въ пылу битвы и въ разъяренныхъ волнахъ, стоя на стражѣ отечества и упрочивая его величіе. Роченсальмское пораженіе было для Россіи однимъ изъ такихъ созидательныхъ и искупительныхъ жертвоприношеній, однимъ изъ крупныхъ звеньевъ той цѣпи, которая связала, наконецъ, Финляндію навсегда и воедино съ нашимъ отечествомъ.

Древняя могила. Профессоръ Овсянниковъ сообщаетъ изъ Керчи: «На дняхъ при одной изъ каменоломенъ, вблизи татарской мечети, въ Татарской слободкѣ, совершенно случайно открытъ входъ, который каменщики не замедлили разработать и глазамъ ихъ открылась довольно большая пещера, въ которую нѣкоторые и поспѣшили проникнуть. Что они тамъ нашли и чѣмъ попользовались—неизвѣстно, такъ какъ вѣсть объ этой интересной находкѣ дошла до полиціи едва на третій день, а до директора мѣстнаго археологическаго музея только па другой день, любопытныя же толпы перебывали уже тамъ цѣлыми тысячами... Но какъ бы ни было, однако, есть основаніе предполагать, что если не самая могила, т. е. каменная гробница, то пещера оказалась уже разграбленною. Сдѣлано это было теперь или ранѣе — рѣшить трудно, но кругомъ гробницы никакихъ сосудовъ и прочихъ принадлежностей похоронъ не оказалось. Однако, тѣмъ не менѣе, открытая гробница представляетъ высочайшій интересъ и не для однихъ только археологовъ. Мнѣ только вчера удалось ее осмотрѣть. Само собою разумѣется, что теперь она закрыта вновь и тщательно охраняется въ ожиданіи пріѣзда кого-либо изъ ученыхъ археологовъ. Ставши лицомъ къ сѣверо-западному склону горы Митридата, необходимо спуститься въ довольно глубокое, прямоугольное отверстіе внизъ, какъ бы въ небольшой колодезь и вы сразу очутитесь въ комнатѣ, имѣющей видъ и какъ будто назначеніе нашихъ «переднихъ», вѣрнѣе—преддверіе. Въ этой «передней», на правой стѣнѣ, начертана на древне-греческомъ языкѣ слѣдующая надпись, теперь уже разобранная и переведенная по-русски: «Здѣсь погребенъ, во второй разъ избранный судья, завѣщающій проклятіе тому, кто осмѣлится нарушить прахъ его костей». Не ясное начало надписи слѣдуетъ понимать такъ: похороненъ вторично избранный судья. Въ противоположной сторонѣ стѣны помѣщается окно, обрамленное вѣнкомъ изъ листьевъ, сдѣланныхъ живописью прекрасно, какъ живые сохранившихся, а далѣе на той же стѣнѣ — изображеніе двухъ голубей и Меркурія. Комната довольно обширная, и изъ нея входъ въ продолговатый коридоръ, съ двумя особыми комнатками, также роскошно отдѣланными живописью, изъ которой рельефно выдѣляются человѣческая фигура съ птичьей (неизвѣстной породы) головой, цвѣты, цѣлыя гирлянды листьевъ и какая-то, очевидно, бытовая, тѣхъ временъ, сцена. Повторяю, вся живопись этихъ фресокъ, писанныхъ сводовъ штукатурки, въ нѣсколько красокъ — зеленой, желтой, красной и частью черной—сохранилась необычайно живо, ярко и рельефно, безъ малѣйшихъ слѣдовъ сырости, а работа обличаетъ изящество и выдержанность рисунка. Опредѣлить время этой могилы — трудно, но за двухъ-тысячелѣтнее существованіе ея поручиться возможно».

Преміи имени Петра Великаго. На соисканіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, поступило въ ученый комитетъ три сочиненія: одно рукописное и два печатныя. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій была учреждена, подъ предсѣдательствомъ члена комитета В. Х. Лемоніуса, особая комиссія, въ составъ которой избраны: членъ ученаго комитета И. П. Хрущовъ, экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета Ѳ. Ф. Зелинскій и преподаватели с.-петербургской 3-й гимназіи Э. Э. Кесслеръ и П. А. Сидоровъ. Комиссія, разсмотрѣвъ переданныя ей конкурсныя сочиненія, признала рукопись г. Муссеіюса, подъ заглавіемъ: «Русско-латинскій словарь» заслуживающею большой преміи въ 2,000 рублей, а изданіе г. Миллера, подъ заглавіемъ: «Horatii Flacci carmina. Оды и эподы Горація, съ примѣчаніями», малой преміи въ 500 рублей. Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателя В. Х. Лемоніуса и членовъ И. П. Хрущова, Ѳ. Ф. Зелинскаго, Э. Э. Кесслера и П. А. Сидорова, по разсмотрѣнію означенныхъ сочиненій, рѣшено выдать имъ золотыя медали. Для сочиненій па соисканіе премій императора Петра Великаго, ученымъ

комитетомъ назначенъ по разряду гимназій слѣдующій порядокъ: на премію 1891 года—группа «математика, математическая географія и физика», съ предпочтительнымъ правомъ на премію по математической географіи: на премію 1892 года—группа «языки нѣмецкій и французскій», съ предпочтительнымъ правомъ на премію систематической граматики нѣмецкаго языка; на премію 1893 года—группа «русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и логика; сюда присоединяется педагогика съ дидактикою и методикою примѣнительно къ гимназіямъ», съ предпочтительнымъ правомъ на премію по логикѣ; на премію 1894 года—группа «исторія и географія, всеобщая и русская», съ предпочтительнымъ правомъ на премію книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, примѣнительно къ потребностямъ русской школы (славяне и Византія). Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, но не позже 1-го ноября. Учебныя руководства и пособія принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если онѣ окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія рукописныя, а также и печатныя, но безъ означенія имени автора, посылаются подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

† Одинъ изъ видныхъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія, инспекторъ народныхъ училищъ Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи, **Александръ Петровичъ Сердобскій.** Покойный представлялъ изъ себя выдающееся исключеніе, какъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, ушедшій простымъ учителемъ въ народную школу и всю свою дѣятельность посвятившій ей. Высшее образованіе онъ получилъ въ Казанскомъ университетѣ, по окончаніи учебнаго курса въ которомъ, поступилъ учителемъ въ ясно-полянскую школу графа Л. Н. Толстого. Съ послѣднимъ онъ, и оставивъ его школу, сохранилъ самыя лучшія отношенія. Переписка Сердобскаго съ графомъ Л. Н, Толстымъ представляется крайне интересною для біографіи и характеристики дѣятельности нашего писателя. Послѣ учительства въ ясно-полянской школѣ А. П. Сердобскій съ 1872 г. по 1889 г. преподавалъ въ Казанской инородческой семинаріи и завѣдывалъ ею. Эта семинарія приноситъ своею дѣятельностью большую пользу мѣстному краю и ей придается крайне важное значеніе въ дѣлѣ образованія нашихъ инородцевъ. Покойному семинарія между прочимъ обязана устройствомъ при ней мастерскихъ и постановкой ихъ на чисто практическую почву. Вообще, семинарія при немъ какъ нельзя больше отвѣчала потребностямъ деревенскихъ жителей, въ среду которыхъ возвращаются воспитанники семинаріи. Имъ же было составлено нѣсколько учебниковъ для начальнаго образованія. Инспекторомъ народныхъ училищъ Ставропольскаго уѣзда онъ былъ назначенъ въ прошломъ году.

† 11-го іюня, 73 лѣтъ вдова извѣстнаго дѣтскаго писателя и педагога **Софья Аѳанасьевна Чистякова**, издававшая вмѣстѣ съ мужемъ въ 50-хъ годахъ «Журналъ для дѣтей» и работавшая въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ переводчица. Ею, между прочимъ, составлена «Исторія Петра Великаго» для юношества и переведены романы Ауэрбаха, Марлитта и друг.

† Въ Самарѣ похоронили бывшаго профессора Казанскаго университета, врачебнаго инспектора Самарской губерніи, доктора медицины **И. М. Пулло.** Покойный съ 1880 г. читалъ на медицинскомъ факультетѣ Казанскаго университета курсъ оперативнаго акушерства, а съ 1882 г. завѣдывалъ акушерскою клиникою и велъ клиническое преподаваніе акушерства студентамъ V курса. Покойный считался однимъ изъ лучшихъ русскихъ акушеровъ-практиковъ.

† Генералъ-лейтенантъ **А. М. Смѣкаловъ.** Безвременно угасшій начальникъ Терской области и наказный атаманъ Терскаго казачьяго войска генералъ-лейтенантъ Алексѣй Михайловичъ Смѣкаловъ происходилъ изъ извѣстнаго дворянскаго рода Вологодской губерніи. Родился онъ 10-го марта 1838 г., и, слѣдовательно, умеръ еще не имѣя 52 лѣтъ отъ роду, въ полномъ разцвѣтѣ своихъ силъ и способностей. 18-ти лѣтъ покойный окончилъ курсъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и лѣтомъ 1856 года вступилъ на военную службу прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Менѣе чѣмъ черезъ два года, по волѣ начальства, онъ былъ уже прикомандированъ къ штабу отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, для приготовленія къ поступленію въ Николаевскую академію Генеральнаго Штаба, въ которую и былъ принятъ въ августѣ 1858 г., послѣ блестяще выдержаннаго имъ экзамена. Здѣсь покойный Алексѣй Михайловичъ пробылъ 18 мѣсяцевъ и по окончаніи курса въ декабрѣ 1860 г. былъ причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ состоять при главномъ штабѣ Кавказской арміи. По производствѣ въ подпоручики, Алексѣй Михайловичъ, въ сентябрѣ 1861 г., прибылъ въ Тифлисъ. Такимъ образомъ, съ первыхъ шаговъ въ своей практической жизни Алексѣй Михайловичъ попалъ въ самый центръ кипучей дѣятельности на Кавказѣ, гдѣ въ это время, близкое еще къ послѣднимъ моментамъ борьбы съ горцами, шла усиленная работа по замиренію ихъ и развитію въ нихъ началъ гражданственности. Менѣе чѣмъ черезъ годъ онъ произведенъ, въ іюлѣ 1862 г., въ поручики, а въ августѣ того же года уже въ штабсъ-капитаны. Въ январѣ слѣдующаго 1863 г. онъ былъ назначенъ для особыхъ порученій по части генеральнаго штаба въ штабъ войскъ Дагестанской области. Особыя порученія, возложенныя въ это время на Алексѣя Михайловича, помѣшали отправленію его въ Дагестанъ и командировка эта не состоялась. Въ ноябрѣ того же года онъ получаетъ новое назначеніе—дѣлопроизводителемъ канцеляріи по управленію кавказскими горцами. Эта канцелярія состояла тогда при управленіи генералъ-квартирмейстера арміи. Служа въ ней, новый дѣлопроизводитель, переименованный, съ измѣненіемъ штатовъ, въ начальники отдѣленія, обнаружилъ рѣдкія способности и усердіе, и ежегодно получалъ денежныя награды. Здѣсь же впервые пришлось ознакомиться ему со всѣми тонкостями административной дѣятельности. Къ этому же времени относится и первое участіе покойнаго въ бою: осенью 1864 г. онъ находился въ составѣ даховскаго отряда и участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами. Лѣтомъ 1865 года Алексѣй Михайловичъ былъ назначенъ исправлять должность помощника правителя канцеляріи начальника Терской области и вслѣдъ затѣмъ былъ произведенъ въ капитаны. Съ этого времени и начинается обстоятельное знакомство покойнаго съ дѣлами Терской области. Черезъ четыре мѣсяца послѣ этого назначенія онъ уже исправлялъ должность правителя канцеляріи. Труды его цѣнились по заслугамъ: въ іюлѣ 1866 г. онъ былъ награжденъ, за дѣла съ горцами въ даховскомъ отрядѣ, орденомъ св. Анны 3-й степени съ мечами, а въ слѣдующемъ же 1867 г. послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на принятіе и ношеніе имъ турецкаго ордена Меджидіе 4-й степени, пожалованнаго ему его величествомъ султаномъ за оказанное содѣйствіе въ 1865 г. къ успѣшному переселенію въ Турцію чеченцевъ. Въ томъ же 1867 г. Алексѣй Михайловичъ былъ произведенъ въ подполковники и утвержденъ въ должности правителя канцеляріи начальника Терской области. Къ концу шестидесятыхъ годовъ относится и дѣятельное участіе покойнаго въ составленіи и приведеніи въ дѣйствіе положенія объ освобожденіи зависимыхъ сословій, существовавшихъ въ горскихъ племенахъ Кавказа. Съ 1-го января 1871 г. Алексѣй Михайловичъ оставляетъ канцелярію и назначается вице-губернаторомъ въ Терской области, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ. 30-го августа 1876 г. Алексѣй Михайловичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры,

съ назначеніемъ помощникомъ начальника Терской области и съ зачисленіемъ по генеральному штабу. Здѣсь мирная дѣятельность по административному управленію краемъ была прервана разыгравшимся, во время войны съ Турціей, востаніемъ нѣкоторыхъ горскихъ народностей въ Терской и Дагестанской областяхъ. Состоя съ августа 1877 по августъ же 1878 г. начальникомъ отдѣльныхъ отрядовъ, покойный Алексѣй Михайловичъ выказалъ много мужества и распорядительности, за что награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и св. Станислава 1-й степени. Высочайшимъ приказомъ отъ 4-го апрѣля 1881 г. Алексѣй Михайловичъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Батумской области, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ. Въ іюнѣ 1883 г. состоялось преобразованіе военно-народнаго управленія Кавказскимъ краемъ, по которому Батумская область была присоединена къ Кутаисскому военному губернаторству, вслѣдствіе чего Алексѣй Михайловичъ былъ назначенъ Кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1886 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 11-го февраля 1887 г., послѣ шестилѣтняго отсутствія изъ Терской области, возвращенъ въ нее начальникомъ области и наказнымъ атаманомъ Терскаго казачьяго войска. Въ 1888 г. состоялось новое положеніе о преобразованіи управленія ею, тогда же была введена воинская повинность среди туземнаго населенія края. Алексѣй Михайловичъ принималъ горячее и непосредственное участіе въ организаціи этого новаго дѣла, за что ему было объявлено монаршее благоволеніе. Въ 1889 г. онъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

Покойный Алексѣй Михайловичъ женился въ 1868 г., бывши правителемъ канцеляріи начальника Терской области, на Елисаветѣ Адамовнѣ баронесѣ Фитингофъ. Отъ этого брака онъ имѣетъ четырехъ дѣтей: трехъ сыновей и одну дочь. Въ 1882 г. Алексѣй Михайловичъ овдовѣлъ.

Въ 1888 г. онъ сочетался вторымъ бракомъ съ фрейлиной двора ея величества дѣвицей Екатериной Михайловной Родзянко.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи „Памятникъ Понятовскому".

Въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» появилась статья озаглавленная «Памятникъ Понятовскому». Авторъ этой статьи г. В. К. предполагаетъ, что найденное въ Новогеоргіевскѣ и затѣмъ перевезенное въ Гомель произведеніе Торвальдсена есть статуя послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго, и на этомъ основаніи объясняетъ приказъ императора Николая Павловича разбить статую несочувствіемъ его ко всѣмъ лицамъ возвеличеннымъ его бабкой. Здѣсь очевидное заблужденіе со стороны автора статьи: статуя представляетъ не короля Станислава Понятовскаго, а его племянника, князя Іосифа Понятовскаго, бывшаго маршаломъ Наполеона I, и утонувшаго въ Эльстерѣ во время сраженія при Лейпцигѣ въ 1813 году. Такимъ образомъ, нерасположеніе императора къ лицу, сражавшемуся противъ русской арміи, объясняется гораздо проще, чѣмъ это допускаетъ г. В. К. Что статуя представляетъ не короля Понятовскаго, а его племянника—видно и изъ приложеннаго къ статьѣ рисунка: 1) король Понятовскій никогда ни въ какомъ сраженіи участія не принималъ и потому трудно предположить, чтобы его представляли сидящимъ на конѣ и съ мечомъ; 2) лицо всадника на статуѣ Торвальдсена украшено усами, которыхъ король не носилъ.

Ф. А. П.

женъ былъ закрыть входъ французамъ въ Тоскану; вскорѣ онъ измѣнилъ политику: отправился самъ въ лагерь Карла VIII, предоставилъ ему не только свободный доступъ въ Тоскану, но и занятіе всѣхъ крѣпостей, и, сверхъ того, обѣщалъ ссудить двѣсти тысячъ флориновъ.

Когда во Флоренціи узнали объ унизительномъ договорѣ Піетро Медичи съ королемъ французскимъ, граждане возстали всѣ поголовно. Возвратившись въ столицу, Медичи нашелъ публичный палаццо запертымъ и охраняемымъ часовыми солдатами; синьорія ему прислала сказать, что она не желаетъ принять его. Хотя Піетро Медичи и его братья Джіуліано и Джіованни (кардиналъ, впослѣдствіи папа Левъ X), съ своими сторонниками начали сопротивляться, но были изгнаны изъ города, вооружившимися гражданами и, перейдя Аппенины, укрылись въ Болоньѣ.

Такимъ образомъ, во Флоренціи опять водворилась древняя республиканская свобода и продолжалась отъ 1494 по 1512 годъ, когда Реймондо Кардона съ иностраннымъ войскомъ, различныхъ національностей, занялъ Флоренцію и снова водворилъ господство Медичи. Братья умершаго Піетро, Джіуліано и Джіованни, кардиналъ, торжественно вошли въ завоеванный городъ, окруженные своими приверженцами; народъ былъ обезоруженъ и всѣ законы 1494 года отмѣнены.

Вскорѣ кардиналъ Джіованни де-Медичи былъ избранъ папою, подъ именемъ Льва X-го, и умеръ его братъ Джіуліано. Вся благосклонность папы, такимъ образомъ, обратилась къ его племяннику Лоренцо, котораго онъ сдѣлалъ герцогомъ Ирбино, женивъ на Мадленѣ делла Тори, принцессѣ крови. Но вскорѣ Лоренцо умеръ, какъ историкъ выражается, стыдной болѣзнею, (vergognosa maladia). Наслѣдниковъ Козьмы Медичи не осталось, кромѣ самого папы и троихъ незаконно рожденныхъ: Юлія кардинала, Ипполита и Александра, еще дѣтей.

Двое послѣднихъ жили во Флоренціи съ своимъ гувернеромъ, кардиналомъ Пассерини, представлявшимъ собой высшую государственную власть. Но въ 1527 году вспыхнула революція, и гувернеръ съ своими двумя воспитанниками были изгнаны изъ Флоренціи. Въ столицѣ Тосканы снова водворилось республиканское правленіе; но оно продолжалось не долго. Папа Левъ X, два года спустя, по знаменитой болоньской конвенціи, получилъ отъ императора Карла V-го Флоренцію въ свое распоряженіе. Столица Тосканы была окружена солдатами, какъ желѣзнымъ кольцомъ, и началась знаменитая осада, послѣ которой, не смотря на достоинства Феруччіо и на геній Микель-Анжело, Флоренція снова пала.

Началась страшная месть папы. Забравъ въ свои руки власть, сторонники Медичи подвергли пыткѣ и смертной казни самыхъ

уважаемыхъ гражданъ, принимавшихъ участіе въ республиканскомъ правленіи. Кромѣ замученныхъ пыткой и казненныхъ, масса гражданъ была приговорена къ изгнанію и имѣнія ихъ конфискованы. По смерти папы Льва X, Джіованни де-Медичи, вступилъ на престолъ Юлій Медичи подъ именемъ Климента VII. Этотъ послѣдній выпросилъ у императора Карла V-го для Александра Медичи флорентійское герцогство. На что Карлъ V изъявилъ согласіе, обѣщавъ герцогу Александру руку своей дочери Маргариты.

Этотъ папскій фаворитъ, въ 1531 году, торжественно въѣхалъ во Флоренцію, окруженный иностраннымъ войскомъ, и завладѣлъ столицей противъ воли гражданъ.

Обезоруживъ всѣхъ флорентійцевъ, герцогъ Александръ проявилъ себя истиннымъ тираномъ; злодѣйства его не имѣли границъ. Папа, очень благоволившій къ нему, не однократно въ своихъ письмахъ уговаривалъ его исправиться, но это ровно ни къ чему не привело: Александръ продолжалъ неистовствовать.

Со смертью папы Климента VII, количество враговъ герцога Александра значительно увеличилось; вмѣстѣ съ тѣмъ возросли и злодѣйства, которыми хотѣлъ обезпечить тиранъ свое существованіе. По произволу его министровъ, гражданъ сажали въ тюрьмы, пытали и убивали; каждый день приводились въ исполненіе самыя страшнѣйшія сентенціи надъ тѣми, кого подозрѣвало правительство. Кромѣ всѣхъ этихъ варварствъ, герцогъ Александръ приказалъ отравить своего двоюроднаго брата Ипполита, за то, что онъ будто бы питалъ надежду наслѣдовать престолъ тосканскаго герцогства. Отдавая приказаніе убить брата, тиранъ сказалъ:

— Пусть знають, что мы умѣемъ ловить мухъ и вокругъ насъ.

Напрасно эмигрирующіе флорентійцы, между которыми было много знаменитыхъ людей, умоляли императора спасти столицу Тосканы отъ злодѣйствъ герцога Александра. Карлъ V-й былъ глухъ къ ихъ просьбамъ; герцогъ Александръ пользовался его протекторатомъ, по двумъ причинамъ: императоръ выдалъ за него свою тринадцатилѣтнюю дочь Маргариту, и разсчитывалъ получить отъ зятя сто тысячъ скуди. Сочетавшись бракомъ съ принцессой Маргаритой, герцогъ Александръ продолжалъ вести жизнь распутнаго тирана. Въ числѣ его приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ былъ его родственникъ Лоренцо Медичи. Этотъ послѣдній наружно показывалъ самое горячее расположеніе къ Александру, но внутренно рѣшилъ избавить отъ него Флоренцію. 6-го января, 1537 года, Лоренцо заманилъ Александра къ себѣ въ домъ, подъ предлогомъ познакомить его съ одной очень хорошенькой дворянкой. Александръ, ничего не подозрѣвая, явился на любовное свиданіе, въ домъ своего пріятеля, родственника, гдѣ и былъ зарѣзанъ кинжаломъ Лоренцо и его слугой. Но убійца не имѣлъ духа вос-

пользоваться плодами своего преступленія; онъ не могъ призвать народъ къ возстанію и убѣжалъ въ Болонью, а оттуда въ Венецію.

Такимъ образомъ, Флоренція была избавлена отъ самаго страшнаго злодѣя, который когда-либо существовалъ на свѣтѣ. Но этимъ путемъ страна не избавилась отъ гнета знаменитой фамиліи Медичи. Сторонники Александра, узнавъ о его смерти и не желая дать народу опомниться и возстать за свободу, собрали войска изъ сосѣднихъ графствъ и пригласили на герцогскій тронъ Флоренціи Козимо Медичи, трубача Банды Нере, какъ его называетъ историкъ (Il condottiero della Banda Nere).

Козимо Медичи въ то время имѣлъ только восемнадцать лѣтъ отъ роду, но уже обладалъ многими качествами своего семейства. Прибывъ во Флоренцію и представившись совѣту, онъ поблагодарилъ за избраніе, торжественно обѣщавъ управлять страною не иначе, какъ подъ санкціей главнаго совѣта. Такое обѣщаніе далъ Козимо Медичи гражданамъ въ первый день его избранія. Но вскорѣ онъ съумѣлъ избавиться отъ совѣтниковъ, мѣшавшихъ ему сдѣлаться неограниченнымъ владыкой всей страны. Въ главный совѣтъ были назначены всѣ его приверженцы, которые способствовали молодому герцогу въ осуществленіи его честолюбивыхъ плановъ.

Между тѣмъ, многіе флорентійскіе эмигранты, въ числѣ которыхъ были всѣми уважаемые Филиппъ Строцци, его сынъ Піетро и многіе другіе, протежируемые папою Павломъ III, противникомъ дома Медичи, наняли четыре тысячи слугъ и триста лошадей, спустились съ Аппенинъ и заняли територію Пистои (близъ Флоренціи). Филиппъ Строцци увлекся и достигъ зàмка Монтемурло. Здѣсь, послѣ кровопролитнаго боя, онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со всѣми его сообщниками солдатами Козимо Медичи. Флорентійцы имѣли несчастье видѣть какъ по улицамъ города вели подъ конвоемъ, какъ преступниковъ, ихъ знаменитыхъ гражданъ-патріотовъ. Молодой Козимо Медичи съ злорадствомъ истиннаго тирана приказалъ привести плѣнныхъ къ себѣ во дворецъ, велѣлъ имъ стать на колѣни и просить помилованія; затѣмъ, несчастныхъ отвели въ тюрьмы и послѣ мучительнѣйшихъ пытокъ казнили на площади.

Послѣ этой побѣды надъ гражданами-патріотами Козимо Медичи сталъ неограниченнымъ владыкою страны. Императоръ Карлъ V, протежировавшій зарѣзанному тирану Александру, не лишилъ своихъ милостей и Козимо Медичи. Онъ утвердилъ его въ званіи тосканскаго герцога и сосваталъ ему невѣсту Элеонору ди Толедо, дочь вице-короля неаполитанскаго. По отзывамъ всѣхъ историковъ Элеонора обладала рѣдкими достоинствами. Утвержденный герцогъ,

забравъ окончательно власть въ руки, приказалъ чеканить монету съ своимъ именемъ, вмѣсто имени св. Джіовани, покровителя республики. Затѣмъ, оставивъ старый домъ своихъ родителей, Козимо де-Медичи переѣхалъ во дворецъ Сеньоріи, для того, чтобы всѣмъ гражданамъ было извѣстно, что отнынѣ во Флоренціи нѣтъ другого господина, кромѣ герцога Козимо де-Медичи.

Воспоминанія Біанки Капелло, писанныя ею самой.

I.

ОМЪ НАШЪ скучный, маленькій, узкій; только два окна выходятъ на площадь св. Марка. Я могла бы посмотрѣть въ окно, развлечь себя, хотя немного; но мнѣ это строго запрещено. Мой свекоръ и мой мужъ цѣлый день проводятъ внѣ дома; рано утромъ уходятъ, являются къ обѣду, снова уходятъ и возвращаются лишь къ ужину, послѣ котораго мы всѣ идемъ спать.

Прошедшую ночь я не могла заснуть. Сколько думъ, сколько воспоминаній приходило мнѣ въ голову! Какъ мнѣ кажется далеко это мое прошлое! Какъ я постарѣла! Между тѣмъ я еще молода. Только мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ минуло семнадцать лѣтъ!.. а сколько мнѣ еще остается жить и страдать!

Цѣлый день ихъ нѣтъ дома и меня оставляютъ одну съ больной старухой и этой отвратительной дурой, составляющей всю нашу прислугу.

Мой свекоръ Заноби, я понимаю, онъ нотаріусъ, долженъ цѣлый день сидѣть въ своей конторѣ и работать, чтобы содержать семью. Но Піетро что дѣлаетъ? Какъ онъ проводитъ день? Онъ еще не нашелъ занятій, хотя и говоритъ, что ищетъ ихъ на морѣ и на сушѣ. Вѣрю: иначе какъ же можно объяснить бѣготню въ продолженіе цѣлаго дня за тѣмъ, чего нельзя найти?

Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ онъ не въ состояніи располагать нѣсколькими часами времени и посвятить ихъ своей женѣ, которая, по милости его, впала въ такое незавидное положеніе. Но,

впрочемъ, что же онъ дѣлаетъ? Чѣмъ занимается? Я боюсь... Но оставимъ эту боязнь! Я бы этого не желала и была бы очень несчастлива. Синьора Костанца, моя старая свекровь, серьезно больна; у нея грудной катарръ, не обѣщающій ничего хорошаго. Я должна быть ея сидѣлкой. Наша бѣдная прислуга не имѣетъ времени ухаживать за больной; она едва справляется съ кухней и то я должна ей помогать.

Кто бы могъ подумать, что я буду въ такомъ положеніи?! Могла ли я себѣ представить что-либо подобное, когда жила во дворцѣ Сант'Аполлинаре, окруженная роскошью, имѣвшая свою камеристку, пажа, которые глядѣли мнѣ въ глаза, не позволяли самой даже поднять платка, перевернуть страницу книги; мой пажъ такъ сладко пѣлъ, акомпанируя себѣ на мандолинѣ, для того, чтобы меня развлечь. Кто могъ бы подумать, повторяю я, что мнѣ придется исполнять должность сидѣлки и почти слуги!

Потомъ... У синьоры Костанцы Бонавентури есть четыре невѣстки, мужья ихъ имѣютъ свои дома, свое хозяйство. Почему же я, какъ нищая, должна есть хлѣбъ свекра?! Мнѣ скажутъ, что мои деверья благородные и богатые. А я? Развѣ мои родные не составляютъ правительства Венеціи? Что же значатъ эти несчастные флорентійскіе дворянишки, слуги герцога, въ сравненіи съ венеціанскими свободными патриціями? Что значатъ всѣ эти Альбицци, Віери, Мартелли—передъ Капелло? Но я жалкая эмигрантка, преслѣдуемая и семействомъ, и отечествомъ. Кто же виноватъ въ этомъ, если не мой несчастный супругъ, толкнувшій меня противъ моей воли на эту дорогу?

Однако, я взяла съ собой часть моего приданаго,—драгоцѣнности, которыя я унесла изъ отческаго дома... А развѣ это преступленіе? Нѣтъ. Это драгоцѣнности, принадлежавшія моей покойной матери, а слѣдовательно мои по праву наслѣдства. Меня ожидало богатое наслѣдство, блестящая партія; теперь это все отъ меня отнято. И если я взяла мои собственныя драгоцѣнности, кто же можетъ назвать это преступленіемъ?

Между тѣмъ, меня выдаютъ передъ всѣми какъ самую простую, вульгарную воровку! Какой позоръ! Дочь Капелло! Благородная дѣвица Венеціи! О, они не умолимы, кромѣ моего отца, разумѣется, онъ такъ добръ, въ душѣ, я увѣрена, меня давно простилъ. Но Гримани, родные мачихи, которые постоянно меня ненавидили, братъ Лукреціи прежде всѣхъ, этотъ надменный патріотъ д'Аквилеа, это все они раздули огонь, они были причиною, что меня осудили и преслѣдуютъ.

Но теперь, что будетъ со мною? Піетро уже предупредили, что изъ Венеціи прибыли подозрительные люди, по всей вѣроятности имъ дано порученіе убить насъ. Жизнь мужа въ опасности, но также и моя. Положимъ, я замурована въ этихъ четырехъ стѣ-

нахъ, не смѣю приблизиться даже къ окну. Но что же изъ этого, къ чему такія предосторожности? Развѣ неизвѣстно, что я живу въ домѣ Бонавентури, меня и здѣсь могутъ убить. Венеціанскіе браво всегда достаютъ тѣхъ, кому они хотятъ мстить. Голова моя оцѣнена въ тысячу дукатовъ, а это такая соблазнительная сумма, которая можетъ толкнуть на самый отчаянный рискъ любого разбойника.

Прекрасно, если уже судьбой назначено, чтобы моя жизнь потухла насильственнымъ образомъ, пусть же приходитъ смерть! Я хочу выйти изъ моей темницы, пусть меня видитъ вся Флоренція. Что же можетъ быть ужаснѣе моего положенія, постоянно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ и каждую минуту бояться за свою жизнь и за жизнь мужа. Онъ безъ страха себя выставляетъ и рискуетъ на каждомъ шагу, почему же и я не могу сдѣлать того же?

Но я говорю такъ, какъ будто я свободно могу располагать собою! Какъ будто я не раба и не завишу отъ воли другихъ!

А это существо, которое я ношу подъ моимъ сердцемъ, къ чему оно предназначено? Оно явится на свѣтъ, само того не зная, что было причиною несчастій и слезъ его матери.

Въ безсонную ночь, когда я не въ силахъ была заснуть, мнѣ пришла мысль: записывать все, что̀ я испытываю въ моей короткой и странной жизни. Быть можетъ я умру скоро и не лишне будетъ, если я оставлю послѣ себя исторію моей жизни. Если же мнѣ суждено долго жить и перемѣнится моя судьба, мнѣ будетъ пріятно перечитывать воспоминанія моихъ прошлыхъ бѣдствій. Данте говоритъ, что не можетъ быть бо̀льшого несчастья, какъ вспоминать счастливые дни въ бѣдствіи. Значитъ, вспоминать въ счастливые дни о бѣдствіяхъ будетъ пріятно. Впрочемъ, я не думаю. Воспоминаніе радостей не радость, а воспоминаніе страданій—страданіе. Тѣмъ не менѣе я рѣшила писать мой дневникъ. Бѣдная лодка, она идетъ въ бездну забвенья, надо оставить позади ея хотя тощую борозду.

II.

Когда я погружаюсь въ воспоминанія моей прошлой, далекой жизни, передо мной встаетъ образъ моей милой незабвенной матери Пеллегрины Марозины. Я вижу ее около меня, какъ она слѣдитъ за моими первыми, неровными шагами въ аллеѣ сада нашего дворца въ Венеціи. Я помню эти громадные луга, окружавшіе нашу виллу въ Марка Тривиджіана. Я вижу изъ гондолы, скользящей по Большому Каналу (Canal Grande), эти грандіозные мраморные дворцы, стоящіе въ величавомъ спокойствіи. Какъ милая мама была добра ко мнѣ, къ отцу! Какъ онъ ее любилъ! Не могу понять, какъ онъ могъ послѣ ея смерти жениться на другой и дать своей дочери мачиху?

Я помню одинъ разъ, когда я еще была совсѣмъ ребенкомъ, мама взяла меня на праздникъ нашего родного города. Среди зрѣлищъ, видѣнныхъ мною, меня особенно поразила регата [1]) на Большомъ Каналѣ и турниръ на плацу св. Марка.

Регата! Развѣ можно ее забыть! Всѣ эти лодочки, убранныя цвѣтами, быстрыя какъ стрѣлы, гребцы, одѣтые въ разноцвѣтные костюмы, праздничные крики народа, развѣвающіяся ткани на балконахъ, быстрые маневры гондолъ, торжественность, окружающая дожа, всѣ эти переливы цвѣтовъ, громъ звуковъ, сливающихся въ одну очаровательную гармонію, все это взятое вмѣстѣ, составляетъ что-то необыкновенное, не поддающееся никакому описанію, никогда и нигдѣ, кромѣ моей Венеціи, не существующее.

Турниръ на площади св. Марка былъ данъ по случаю побѣды, одержанной нашими галерами надъ турками. Это торжество я не могу забыть, я видѣла его съ моей мамой съ балкона палаццо Прокуратіи. Кавалеры на кровныхъ скакунахъ выѣхали на плацъ подъ звуки трубъ, потомъ, выстроившись, объѣхали вокругъ, и каждый изъ нихъ, имѣя на себѣ цвѣтъ дамы своего сердца, подъѣзжалъ къ ея балкону и кланялся. Дождь живыхъ цвѣтовъ сыпался на всадниковъ. Затѣмъ былъ тріумфъ въ честь капитана-побѣдителя; раздались залпы изъ пушекъ, заиграла военная музыка, и, когда показались знамена, отнятыя у непріятеля, единодушные крики народа потрясли воздухъ. Казалось, вся Венеція имѣла одинъ голосъ, которымъ привѣтствовала своихъ сыновей, прославившихъ ея имя. Пурпуровое знамя, блистая золотомъ, гордо развивалось на верху зданія св. Марка. Яркіе лучи солнца освѣщали всю эту картину торжества.

Я еще была очень маленькой дѣвочкой; но это необыкновенное торжество врѣзалось въ моей памяти.

Со смертью моей мамы — увы! кончился для меня праздникъ жизни.

Болѣзнь мамы была хроническая и тяжелая. Я живо помню, какъ она звала меня къ своей кровати, съ которой уже не суждено ей было встать. Я бросала мои игры и спѣшила къ мамѣ. Я живо помню ея блѣдное лицо и глаза, въ которыхъ уже потухалъ огонь жизни. Отецъ также сидѣлъ около больной. Я ласкалась къ мамѣ, цѣловала ея руки и мнѣ никогда ни одного раза не приходило въ голову, чтобы моя милая, дорогая мама покинула меня навсегда.

Между тѣмъ роковой день приближался...

Я не имѣла ни малѣйшаго понятія о смерти и когда мама почувствовала приближеніе своего конца, подозвола меня къ себѣ, нѣсколько разъ крѣпко поцѣловала и проговорила задыхающимся

---

[1]) La regata слово венеціанское означаетъ деньги, раздаваемыя гондольерамъ.

голосомъ: «Прощай, дочь моя, прощай». Я никакъ не могла понять, что значило это слово мамы «прощай». Она лежала тутъ на кровати и не имѣла, какъ мнѣ казалось, намѣренія никуда уходить.

Послѣ я уже поняла, что все это значило. Отецъ мой подошелъ къ мамѣ, приложилъ руку къ ея лбу и вскричалъ голосомъ раздирающимъ душу:

— Умерла! моя Пеллегрина умерла!..

Я упала на колѣни и стала горько плакать; плакала до тѣхъ поръ, пока меня не подняли съ этого мѣста.

Отецъ мой послѣ смерти мамы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сосредоточился въ самомъ себѣ и былъ крайне не сообщителенъ. Я его иногда видала прохаживающимся по громадному залу нашего палаццо, съ руками сложенными на груди, грустнаго, не разговорчиваго.

Когда онъ встрѣчалъ меня, то всегда говорилъ сквозь слезы:

— Бѣдное дитя! Бѣдная моя Біанка! Теперь ты одна у меня осталась!

Въ дѣтскомъ возрастѣ грусть не долго господствуетъ въ душѣ. Мало-по-малу я стала забывать горе; моя кормилица заставляла меня играть, и я не рѣдко смѣялась...

Но среди всѣхъ развлеченій, мнѣ иногда являлся во всемъ своемъ величіи чудный образъ моей доброй, милой мамы, и я горько плакала.

Лицо моего отца, какъ мнѣ казалось, тоже начинало проясняться. Конечно, онъ не могъ забыть мамы, но въ немъ происходила какая-то перемѣна... Онъ уже болѣе не сосредоточивался на одной гнетущей мысли, сталъ посѣщать совѣтъ и заниматься государственными дѣлами, а иногда бывалъ и въ семействахъ патриціевъ.

Мало-по-малу его отлучки изъ дома дѣлались чаще и онъ повеселѣлъ; одно что было странно: при видѣ меня онъ становился печальнымъ и его ласки были всегда грустны.

Затѣмъ я стала замѣчать какое-то странное движеніе у насъ въ домѣ, что̀-то приготовляли; но что̀ именно, я понять не могла. Я спрашивала кормилицу, слугъ, камеристокъ, но всѣ они не удовлетворяли моего любопытства. Кругомъ меня совершалась какая-то тайна, мнѣ казалось, будто устроивается нѣчто въ родѣ заговора. Мой отецъ, всегда милый и добрый со мной, постоянно давалъ уклончивые отвѣты на всѣ мои вопросы и даже избѣгалъ бывать со мной. Я рѣшительно не знала, что и подумать; я теряла разсудокъ.

Но вскорѣ тайна была раскрыта. Въ одинъ прекрасный день нашъ домъ, въ которомъ, какъ я говорила уже, давно шли какія-то приготовленія, — былъ празднично убранъ, слуги одѣлись въ парадные костюмы, разослали повсюду дорогіе ковры, разставили цвѣты и вообще приготовили весь домъ для большого банкета.

Гондолы, убранныя цвѣтами, подъ звуки музыки останавливались около нашего палаццо. Мой отецъ, окруженный блестящей свитой, тоже подъѣхалъ на одной изъ гондолъ и вошелъ въ залъ, подъ руку съ молодой синьорой, одѣтой во все бѣлое, съ вѣнчальнымъ покрываломъ на головѣ. Подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Отнынѣ она будетъ твоей матерью.

Тогда я поняла все, и изъ груди моей вырвался крикъ скорби и негодованія.

Все общество было крайне удивлено.

Красивая синьора, хотя и глядѣла на меня съ улыбкой, но сквозь эту кажущуюся доброту и ласку видна была ненависть.

Я тоже на нее смотрѣла и тотчасъ же въ ней узнала Лукрецію Гримани, которая была мнѣ всегда крайне антипатична.

Кровь прилила мнѣ къ головѣ и я вскричала:

— Вы мнѣ будете матерью?! Никогда!..

Съ этими словами я убѣжала въ мою комнату, гдѣ и проплакала цѣлый день.

III.

Сердце мое было растерзано. Видѣть постороннюю женщину въ домѣ, гдѣ жила мама, для меня было не выносимо. Я нуждалась въ ласкѣ, въ утѣшеньи, между тѣмъ, мой отецъ занимался только своей молодой супругой и, мнѣ казалась, избѣгалъ моего общества. Сначала я никакъ не могла понять такой перемѣны; но вскорѣ догадалась, что мой добрый родитель, въ глубинѣ души любящій меня, страдалъ, глядя на меня, и я служила ему какъ бы укоромъ совѣсти; моя грусть осуждала его за то, что онъ далъ мнѣ мачиху и такъ скоро забылъ мою бѣдную мать. Мнѣ еще казалось, что отецъ, влюбленный въ Гримани, боялся ласкать меня, чтобы не возбудить въ ней ревности къ покойной мамѣ, на которую я очень была похожа.

Мачиха же моя, вмѣсто того, чтобы любить меня, стараться ласкою привязать меня къ себѣ, въ чемъ, конечно, она бы успѣла,— напротивъ, была со мной холодна и сурова. Она никакъ не могла забыть моего протеста, вылетѣвшаго у меня отъ души невольно и вмѣсто того, чтобы пожалѣть бѣдную сироту, которая не могла видѣть равнодушно, что на мѣсто ея покойной матери явилась другая женщина,—показывала мнѣ презрѣніе, доходившее до ненависти. Я, конечно, платила ей тѣмъ же.

Мой отецъ былъ занятъ исключительно заботами о развлеченіи своей молодой супруги. Онъ постоянно возилъ ее на балы, маскарады и другія празднества; а я всегда оставалась одна дома съ моей нескончаемой тоской. Я начала худѣть, на моихъ щекахъ исчезъ юный румянецъ, глаза потухли и ввалились отъ слезъ;

можно было серьезно безпокоиться за мое здоровье. Прислуга, глядя на меня, печально качала головой. Но болѣе всѣхъ безпокоилась обо мнѣ моя кормилица, которая любила меня, какъ свою родную дочь. Она употребляла всѣ средства, чтобы разсѣять мою грусть, и когда въ этомъ не успѣвала, плакала вмѣстѣ со мной.

Мачиха, желая во что̀ бы то ни стало избавиться отъ меня, отравляя всю мою жизнь, старалась лишить меня этихъ послѣднихъ радостей, утѣшенія моего единственнаго друга-кормилицы.

Подъ предлогомъ, что кормилица портитъ мой характеръ, исполняя всѣ мои капризы, мачиха уговорила отца отправить ее въ деревню Марка Тривиджіано. Кормилица обняла меня въ послѣдній разъ, проливая горькія слезы. Чувствуя, что съ отъѣздомъ Терезы я вторично осиротѣю, лишусь моего единственнаго друга, я обняла ее и не хотѣла съ ней растаться. Меня силой оторвали отъ кормилицы.

Осталась я совсѣмъ одна и жизнь стала мнѣ противна.

На слѣдующій годъ мои отношенія къ мачихѣ еще болѣе ухудшились по случаю рожденія брата Виктора. Вся нѣжность и забота матери сосредоточились на сынѣ, меня она дарила холоднымъ презрѣніемъ. Ребенокъ мужского пола, плодъ новой любви и законный наслѣдникъ отца, привлекалъ вниманіе всѣхъ, для меня уже ничего не оставалось.

Но всѣ эти ласки, оказываемыя Виктору, не возбуждали во мнѣ зависти, я его любила. Чѣмъ же былъ виноватъ невинный ребенокъ въ несправедливости другихъ?

Быть можетъ, и братъ раздѣлялъ бы мои чувства, если бы могъ понимать ихъ. Помню, я разъ подкралась къ его колыбели и тихо его поцѣловала, чтобы не разбудить. Въ этомъ положеніи меня застала мачиха. Она разсердилась на меня и выгнала изъ комнаты. Этотъ поступокъ мачихи глубоко меня оскорбилъ. Какъ, думала я, меня лишаютъ права ласкаться къ брату, къ этому невинному созданію? Да за что̀ же? По какому праву?

Я болѣе чѣмъ когда-нибудь загрустила и уже окончательно сосредоточилась въ себѣ самой.

Между тѣмъ, кругомъ меня опять начинало происходить что̀-то мнѣ непонятное. Слуги, глядя на меня, шептались; порой до слуха моего долетали какія-то отрывочныя слова. Всѣ смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ.

Наконецъ, и эта тайна обнаружилась. Камеристка Анжіолетта, приставленная ко мнѣ послѣ отъѣзда Терезы, сообщила мнѣ, что меня рѣшили отдать въ монастырь, для окончанія моего воспитанія, такъ какъ свѣтская жизнь венеціанцевъ, по мнѣнію мачихи, не могла благотворно вліять на мое развитіе. Въ сущности же мотивы, побудившіе мачиху хлопотать о моемъ удаленіи въ монастырь, были другіе. Подростая, я хорошѣла, такъ, по крайней

мѣрѣ, находили всѣ и изъ ребенка быстро формировалась красивая дѣвушка, именно это и безпокоило достойную супругу моего родителя, вполнѣ согласившагося съ доводами жены.

Въ виду всѣхъ этихъ обьстоятельствъ, отъѣздъ мой въ монастырь былъ рѣшенъ окончательно. Эта новость меня не испугала. Напротивъ, я смотрѣла на монастырь, какъ на убѣжище, гдѣ я могла отдохнуть отъ страданій и домашнихъ непріятностей. Я надѣялась обрѣсти миръ моей душѣ, забыть всю фальшь свѣта и уже предвкушала святую радость рая. А потому, когда отецъ поручилъ моему духовнику передать мнѣ его рѣшеніе—отдать меня въ монастырь, гдѣ должно было окончится мое воспитаніе, я приняла это рѣшеніе безъ всякаго протеста.

Впослѣдствіи я узнала, что мачиха положила окончательно оставить меня въ монастырѣ и склонить меня, постричься въ монахини.

Для этой цѣли былъ избранъ монастырь святого Захарія, гдѣ воспитывались дворянки лучшихъ фамилій Венеціи, наслаждаясь всѣми удовольствіями монастырской жизни. При томъ же въ монастырѣ св. Захарія была абатессою Гримани, родственница мачихи. Послѣдняя, какъ я узнала, просила настоятельницу склонить меня къ постриженію. Мачиха боялась, что я могу убавить состояніе ея дѣтей, взявъ изъ дома приданое, когда буду выходить замужъ.

Между тѣмъ мнѣ черезчуръ было достаточно и своего приданаго, оставленнаго мнѣ мамой. Впрочемъ, легко, быть можетъ, жадная супруга моего отца имѣла намѣреніе, въ случаѣ моего постриженія, воспользоваться и тѣмъ приданымъ, которое мнѣ оставила мама.

IV.

Наконецъ, настапъ день моего отъѣзда. Хотя я и рѣшилась вступить въ монастырь безъ особеннаго горя, тѣмъ не менѣе мнѣ жаль было растаться съ роднымъ домомъ, гдѣ прошло мое дѣтство подъ крыломъ милой мамы, гдѣ я родилась, узнала первыя радости и первое горе и гдѣ такъ много надѣялась. Мнѣ хотѣлось сказать всему этому дорогому моей души послѣднее прости.

Прежде всего, разумѣется, я пошла въ комнату мамы, гдѣ она скончалась; перецѣловала, какъ святыню, всѣ вещи, къ которымъ она прикасалась; востановила въ моей памяти дорогой мнѣ образъ покойной, горячо помолилась Богу, вышла и стала готовиться къ отъѣзду.

Отецъ со слезами меня обнялъ, старые слуги, бывшіе свидѣтели моего рожденія, прощаясь со мной, также плакали. Только одна Гримани, моя мачиха, оставалась холодною; по ея губамъ скользила улыбка торжества. Съ замираніемъ сердца, вся трепе-

щущая, я вышла изъ отеческаго дома и въ сопровожденіи одной нашей родственницы-старушки изъ дома Коронаро сѣла въ гондолу. На душѣ у меня было тяжело, я ни о чемъ не могла думать въ этотъ торжественный моментъ моей жизни. Нашъ пріѣздъ въ монастырь, пріемъ, оказанный мнѣ абатессою, мое прощаніе съ родственницей, все это прошло будто сонъ, о которомъ не сохранилось у меня ясныхъ воспоминаній. Я помню только съ какимъ любопытствомъ разсматривали меня собравшіяся пансіонерки. Я уже сказала, что цѣлью моего вступленія въ монастырь было успокоиться душой; у подножія алтаря я искала мира моему растерзанному сердцу, въ четырнадцать лѣтъ я сдѣлалась аскетомъ. Меня не пугала суровость монастырскихъ правилъ, я съ радостью готова была ихъ принять, я хотѣла постомъ и молитвою заслужить благодать Господа, забыть мое горе и всѣ мои страданія.

Первые дни моего пребыванія въ монастырѣ были посвящены молитвѣ. Затѣмъ я стала посѣщать школу. Но уроки, тамъ преподаваемые, оказались для меня безполезными; все, чему обучали въ монастырѣ, я уже давно знала въ родительскомъ домѣ. Моя суровость и не сообщительность возбуждали удивленіе, даже восторги въ воспитателяхъ и монахиняхъ; онѣ говорили: «мы изъ нея сдѣлаемъ святую».

Не желая быть гордой, я тѣмъ не менѣе показывала всѣмъ, что ищу уединенія. Мало-по-малу къ этому привыкли и меня оставили въ покоѣ. Но развѣ могъ долго продолжаться подобный аскетизмъ въ четырнадцать лѣтъ? Когда душа имѣетъ потребность въ любви, въ ласкѣ, когда каждое слово вырывается отъ сердца, когда наши глаза, противъ воли раскрываютъ самыя интимныя наши привязанности?

Молоденькая сестра Цецилія изъ дома Фоскари, приставленная ко мнѣ въ качествѣ учительницы, не обратила вниманіе на мою несообщительность, какъ это дѣлали всѣ другія, старалась сойтись со мной, въ чемъ и успѣла. Цецилія была очень хороша собою, и года на четыре старше меня. Она мнѣ очень симпатизировала и употребляла самыя деликатныя средства, чтобы завоевать мое сердце, была со мной ласкова, предупредительна, и всѣми мѣрами старалась меня развлечь. Сначала я дичилась, потомъ стала понемногу разговаривать съ Цециліей, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и въ концѣ концовъ привязалась къ ней; наши свиданія устроивались ежедневно, и мы стали большими друзьями.

Проживъ нѣкоторое время въ монастырѣ, я стала обращать вниманіе на все, что̀ меня окружало и сначала не было мною замѣчено. Я нашла, что монастырь съ его обитательницами, обычаи, господствующіе въ немъ, и жизнь, которую вели монахини, далеко не соотвѣтствовали идеалу, составленному мною дома о монастырской жизни.

Я читала жизнь сестры Терезы Санкецъ и мнѣ казалось, что всѣ монахини должны отрѣшиться отъ свѣта и посвятить себя Богу. Я думала, что въ монастырѣ должны господствовать суровость, презрѣніе къ земнымъ соблазнамъ и постоянное стремленіе къ небеснымъ радостямъ. Между тѣмъ монахини монастыря святого Захарія поступали совершенно наоборотъ. Онѣ заботились только объ удовольствіяхъ. Ихъ монастырь былъ соединеніемъ произведеній искусствъ, удобства и комфорта: громадный дворъ, длинные портики, прелестный садъ, полный цвѣтовъ и тѣнистыхъ алей; затѣмъ, кельи монахинь далеко не отличались суровостью и простотой—всѣ онѣ были убраны необыкновенно роскошно и элегантно. Вазы, статуи, большіе зеркала, самые тонкіе духи, картины, словомъ, все, что можетъ возбудить чувственность и воображеніе, было въ каждой кельѣ. Апартаменты настоятельницы абатессы были обширны, богато и чрезвычайно изящно убраны. Пріемная по роскоши, величинѣ и удобству походила болѣе на аристократическій салонъ, чѣмъ на пріемную монастыря. Потомъ я узнала, что въ нашу пріемную часто являлись дамы аристократки, элегантные кавалеры, играла музыка и все общество угощали самыми дорогими прохладительными.

Въ бесѣдѣ съ Цециліей я выразила мое удивленіе по случаю всей этой далеко не монастырской жизни. Она мнѣ отвѣчала, что тутъ ничего нѣтъ необыкновеннаго; такъ какъ монахини осуждены на вѣчное заключеніе, то надо же имъ себя развлекать, хотя чѣмъ-нибудь.

«Надо же,—говорила Цецилія,—чѣмъ-нибудь украшать свою тюрьму и дѣлать эту ужасную жизнь сносною. При томъ же,—продолжала Цецилія — мы монахини монастыря св. Захарія всѣ принадлежимъ къ лучшимъ и богатымъ дворянскимъ фамиліямъ и пріучены съ самаго дѣтства къ роскоши. Слѣдовательно, совершенно естественно, что мы продолжаемъ вести жизнь, къ которой привыкли въ родительскомъ домѣ. И если мы не въ состояніи имѣть всего того, что имѣютъ наши родные, друзья и знакомые, то мы ищемъ хотя частицу удовольствій, для того, чтобы сдѣлать нашу жизнь хотя мало-мальски пріятною».

Но эти доводы моей пріятельницы нисколько меня не убѣдили. Контрастъ былъ черезчуръ великъ между той утонченною роскошью и суровостью монастырской жизни, о которой я составила себѣ понятіе.

Вообще, я переходила отъ сюрприза къ сюрпризу. За столомъ благочестивыхъ сестеръ св. Захарія не рѣдко стали появляться самыя роскошныя кушанья и дорогія вина; постовъ никогда не соблюдали, даже и въ то время, когда надо было идти къ обѣднѣ. Монахини предавались всевозможнымъ удовольствіямъ, нисколько не заботясь о спасеніи души. Нерѣдко онѣ собирались груп-

пами, разсказывали другъ другу разныя романическія исторіи, или, которая-нибудь, взявъ мандалину, начинала пѣть соблазнительные романсы. Чрезъ прислужницъ, имѣвшихъ свободный выходъ изъ монастыря, монахини посылали письма къ знакомымъ, получали отвѣты, а нерѣдко съ ними вмѣстѣ и подарки, и вообще знали все, что̀ происходило въ большомъ и веселомъ городѣ. Но что̀ всего болѣе меня поражало, это туалетъ монахинь; онъ былъ черезчуръ изысканъ и далеко не согласовался съ торжественными обѣтами бѣдности, данными каждой сестрой монастыря св. Захарія. За туалетомъ монахини проводили долгіе часы, изучая передъ зеркаломъ позу, улыбку и выраженіе физіономіи. Онѣ свои длинные, лоснящіеся волосы, не скрытые подъ покрываломъ, какъ предписано уставомъ, прежде всего омывали благоуханными жидкостями, потомъ расчесывали и чрезвычайно искусно завивали вокругъ лба, въ видѣ небрежно падающихъ мелкихъ локоновъ, что производило эфектный контрастъ съ бѣлымъ покрываломъ, оттѣнявшимъ цвѣтъ волосъ. Рубашки ихъ были изъ самаго тончайшаго полотна, кругомъ обшитыя дорогими дружевами; платья изъ легкой бѣлой матеріи, граціозно обрисовывали стройный станъ; корсажи позволяли видѣть голую шею и часть груди.

Моя пріятельница Цецилія также очень тщательно занималась своимъ туалетомъ, просиживая долгіе часы передъ зеркаломъ, вмѣсто того, чтобы исполнять строгіе каноны, предписывающіе простоту всѣмъ монахинямъ, посвятившимъ себя Богу. Поэтому поводу я также не могла не выразить Цециліи моего удивленія.

— Мы еще не похоронены заживо — отвѣчала мнѣ она, — къ намъ ѣздятъ много посѣтителей; зачѣмъ же ихъ пугать. Красота есть даръ, данный намъ Богомъ, ее не слѣдуетъ скрывать. То же самое мнѣ говоритъ и мой духовникъ.

— А! у тебя есть духовникъ, — вскричала я, — и онъ вмѣсто того, чтобы уничтожать въ тебѣ тщеславіе, поощряетъ его!

— Однако, онъ знаменитъ, какъ ученый теологъ.

— Молодой?

— Нѣтъ, старикъ; очень добрый и снисходительный; онъ совсѣмъ не такой фанатикъ, какъ всѣ эти попы, которые точатъ тебя за всякіе пустяки. Онъ всегда улыбается, снисходитъ къ слабостямъ молодости и никогда не скупится на отпущенія (assoluzine). Я бы тебѣ совѣтывала взять его себѣ въ духовники. Его зовутъ отецъ Анзельмо.

Я была еще очень молода, но никакъ не могла понять эту снисходительность духовника, поощряющаго грѣховныя наклонности въ моей пріятельницѣ. Мои чувства, разумѣется, я передала Цециліи.

— Сейчасъ видно, что ты еще новенькая (novizia), — отвѣчала она мнѣ съ хохотомъ, — исповѣдь отца Анзельмо опасна для моего

здоровья потому, что онъ слишкомъ снисходителенъ. Если бы ты знала... Есть множество духовниковъ несравненно болѣе вредныхъ для спасенія души. Но довольно объ этомъ: болѣе тебѣ я ничего не могу сказать. Мой духовникъ, по крайней мѣрѣ, старикъ. Онъ мнѣ никогда не говорилъ ничего не относящагося къ религіи и милосердію.

— Какъ, развѣ есть и такіе, которые говорятъ о другомъ? — вскричала я.

— Оставимъ этотъ разговоръ. Пока я тебѣ ничего болѣе не могу сказать.

V.

Я все-таки никакъ не могла привыкнуть къ тому, чтò меня окружало и чтò я слышала отъ сестры Цециліи. Я не могла перенести равнодушно моего разочарованія. Жизнь монахинь, полная комфорта, вѣтренности, кокетства,—возмущала мою юную душу. Ради покаянія, я съ восторгомъ готова была перенести всевозможныя истязанія: посты, бдѣніе, власяницу, бичеваніе, все, чтò умерщвляетъ плоть, но то, чтò я видѣла, меня глубоко возмущало; эта дорога въ рай, усланная роскошными коврами, эта жизнь, полная утонченной роскоши, была для меня противна, невыносима.

Каждый день я наталкивалась на самыя возмутительныя вещи. Разъ я зашла въ келью сестры Цециліи; на ея элегантномъ рабочемъ столикѣ, между прочими вещами, лежали и раскрытыя книги. Я стала ихъ разсматривать. Одна изъ книгъ была «Храмъ Богородицы», другая «Подражаніе Христу» въ страстную недѣлю и около этихъ священныхъ книгъ лежали: сонеты Петрарки и нѣсколько частей Аріосто.

— Какими судьбами эти книги попали къ тебѣ?—спросила я.

— Поэзія, моя милая, — отвѣчала мнѣ пріятельница, — что же можетъ быть прелестнѣе поэзіи?

— Я понимаю, но мнѣ говорили, что поэты воспѣваютъ любовь.

— А потому,—отвѣчала мнѣ сестра Цецилія съ какимъ-то сладострастнымъ утомленіемъ (languore vollutuoso), котораго прежде я въ ней не замѣчала,—если намъ не суждено пользоваться земной любовью со всей ея опьяняющей реальностью (realta inebbriante), то мы хотя въ книгахъ будемъ искать поэтическіе образы, которымъ и дѣлаемъ глазки. Прелестнѣе поэзіи ничего и быть не можетъ, вѣрь мнѣ.

— Но развѣ ты не находишь опаснымъ такое чтеніе? Эти поэтическіе образы могутъ возбудить молодую фантазію. Развѣ ты не боишься соблазна?

— Я тебѣ уже сказала, что въ нашемъ грустномъ положеніи монахинь, естественно прибѣгать къ подобнымъ развлеченіямъ.

На этомъ кончился нашъ разговоръ, послужившій матеріаломъ для моихъ размышленій.

Одинъ разъ, ночью, я была пробуждена звуками прелестной музыки, раздававшейся съ канала, прилегавшаго къ монастырю,— это были скрипка и флейта. Инструменты точно пѣли жалобно, нѣжно, пріятно, о чемъ-то молили, потомъ мольба перешла въ страсть, неудержимую, жгучую, какъ огонь. Мнѣ хотя еще и не были извѣстны страсти людей, но эта музыка заставила меня предчувствовать ихъ; я уже начинала догадываться. Мое сердце усиленно билось; я страдала и наслаждалась въ одно и то же время; я хотѣла, чтобы эта музыка никогда не прекращалась и чтобы она тотчасъ же смолкла. Когда музыка перестала играть и все погрузилось въ обычную тишину, мнѣ казалось, будто я еще слышу эти страстныя ноты флейты, проникающія прямо въ сердце.

Я не могла заснуть цѣлую ночь.

Почему эта чудная музыка сдѣлала на меня такое впечатлѣніе?—спрашивала я себя. И мнѣ казалось, что во мнѣ пробудила музыка воображеніе, слухъ женщины. Это была, конечно, не первая пѣснь любви, которую я слышала, но именно теперь поняла ее, когда я вступила въ тотъ періодъ жизни, когда является способность и даже потребность чувства любви. Вотъ почему на меня такъ подѣйствовали страстныя ноты, полныя любовнаго томленія, сердце мое забилось, я была взволнована и почувствовала себя въ новомъ мірѣ.

Утромъ я просила сестру Цецилію объяснить мнѣ, что значила эта ночная музыка?

— И ты также слышала?—сказала она мнѣ.—Какая прелестная музыка, правда? Это была серенада.

— Серенада! Для какой-нибудь молоденькой синьорины, которая, вѣроятно, живетъ тутъ гдѣ-нибудь поблизости.

— Поблизости? Да нѣтъ же, для той, которая живетъ здѣсь въ монастырѣ.

— Здѣсь, ты говоришь? Въ монастырѣ?

— Ну, да, серенаду устроили для одной изъ нашихъ сестеръ.

— Какъ серенада монахинѣ?

— Что тебя удивляетъ? Развѣ мы не имѣемъ поклонниковъ?

— Нѣтъ, ты шутишь, конечно.

— Да нѣтъ же, моя дорогая, я нисколько не шучу. Я даже знаю, для кого была эта серенада.

— Для кого?

— Для сестры Гортензіи,—отвѣчала Цецилія, понизивъ голосъ,— для этой жеманницы, которая совсѣмъ не хороша... Что ты на это скажешь?

— Нѣтъ, она мнѣ нравится...

— Она изъ себя корчитъ такую святошу. Если ты посмотришь

на нее попристальнѣе, ты увидишь, что Гортензія не имѣетъ ничего необыкновеннаго. Между тѣмъ ея обожатель одинъ изъ лучшихъ кавалеровъ; онъ готовъ отдать все, чтобы заслужить взаимность. Надо быть истиннымъ монакиномъ (monachino), чтобы вытворять подобныя вещи.

— Монакиномъ ты говоришь, чтó это слово означаетъ?

— Развѣ ты не знаешь? Монакини—это молодые люди, дворяне, посвятившіе себя монахинямъ. Всѣ они очень богаты, элегантны и постоянно разъѣзжаютъ по женскимъ монастырямъ,— всегда являются съ рекомендательными письмами къ абатессѣ и пріору. Ихъ принимаютъ съ особенной честью въ парляторіяхъ (пріемный залъ), гдѣ они знакомятся съ молоденькими монахинями, которымъ впослѣдствіи посылаютъ подарки, цвѣты, стихи, записочки. Неужели ты не знала этого обычая?

— Нѣтъ, не знала.

— Да, этотъ обычай дѣлаетъ нѣсколько сноснымъ наше затворничество. Монакини вообще отличаются своей любезностью и угодливостью намъ. Когда понравится которому-нибудь изъ нихъ монахиня, начинаются ухаживанія, нѣжныя демонстраціи, очень деликатныя услуги и т. д., въ родѣ сегодняшней ночной серенады.

— Значитъ, серенада прошедшей ночи?..

— Серенада любви.

— Монахинѣ?

— Да, монахинѣ.

— О, по моему это грандіозное уродство!

— Полно, пожалуйста!—вскричала Цецилія какъ-то странно улыбаясь,—ты, повѣрь, сама будешь такая же, когда привыкнешь къ монастырской жизни.

— О, нѣтъ, нѣтъ, къ такой жизни я никогда не привыкну,— прошептала я.

Жизнь монастырская для меня положительно не годилась; я въ этомъ убѣждалась все болѣе и болѣе.

Если я не желаю отстать отъ свѣтскихъ удовольствій, то для меня самое лучшее покинуть монастырь и возвратиться въ домъ отца. Я могу выйти замужъ и избавиться отъ мачихи. Тогда я могу вести свѣтскую жизнь открыто, при солнечномъ свѣтѣ, безъ лицемѣрія.

Если я хотѣла вступить въ монастырь, то единственно для того, чтобы посвятить себя Богу; но то, чтò я здѣсь встрѣтила, наполняетъ ужасомъ мою душу, и я не вижу надобности лишать себя свободы.

Рѣшившись написать отцу о моемъ неизмѣнномъ желаніи покинуть монастырь, я продолжала наблюдать за всѣмъ, чтò кругомъ меня дѣлалось и постоянно находила чтó-нибудь новое, разоблачавшее въ моихъ глазахъ интимную жизнь монастыря.

Одинъ разъ послушница Бенедикта (conversa), возвратившись изъ города, подала сестрѣ Гортензіи записочку, на которую она, взявъ, посмотрѣла, потомъ поцѣловала ее и спрятала на груди. Вскорѣ Гортензія ушла въ свою келью, вѣроятно для того, чтобы на свободѣ прочесть полученную записку.

Въ тотъ же вечеръ, она сошла въ залъ перваго этажа и чрезъ растворенное окно, разговаривала съ какимъ-то синьоромъ, стоявшимъ на улицѣ. Въ послѣднемъ легко было узнать любовника Гортензіи, писавшаго къ ней чрезъ послушницу Бенедикту и назначавшаго ей свиданіе.

Мои впечатлѣнія по поводу видѣннаго, я, разумѣется, поспѣшила сообщить моей пріятельницѣ, сестрѣ Цециліи.

— Что̀ же тутъ удивительнаго?—отвѣчала она мнѣ,—подобные романы были и будутъ въ монастыряхъ. Не забывай, что бо̀льшая часть изъ насъ даютъ обѣты, не по убѣжденію, а принужденныя силой, а потому и не обязаны исполнять обѣщанія.

— И онѣ не боятся ада?

— Адъ!—вскричала, смѣясь, Цецилія,—и ты думаешь, что мы въ него вѣримъ?

— А развѣ сомнѣваетесь? Ну, тогда вы еретички.

— Знаешь, дорогая, что я тебѣ скажу,—живо возразила мнѣ Цецилія,—есть много теологовъ, отвергающихъ существованіе ада. Они говорятъ, что Господь Богъ черезчуръ милосердъ для того, чтобы подвергать вѣчному мученію существо, созданное по Его подобію, и что адскія муки выдуманы какъ страшилища для того, чтобы удержать людей отъ грѣховъ.

— Ты меня поражаешь!

— Затѣмъ извѣстно, что раскаяніе въ послѣднюю минуту жизни избавляетъ отъ адскихъ мукъ.

— А если не будетъ времени?

— О, въ этомъ отношеніи можно быть совершенно покойной, надо только дѣлать такъ, какъ я дѣлаю: каждое утро читать три раза «Ave Maria» и каждую субботу зажигать лампаду передъ ея святымъ образомъ. Поступая такъ, можно быть увѣренной, что Пресвятая Дѣва будетъ присутствовать при кончинѣ и дастъ всѣ средства спасти душу. Такъ мнѣ совѣтовалъ и мой духовникъ...

Болѣе я уже не обращала вниманія на слова пріятельницы, монастырскій романъ мнѣ представлялся такимъ невѣроятнымъ, безнравственнымъ абсурдомъ. Въ моей юной головѣ понятіе о любви сложилось только при условіи замужства, другой любви я не могла допустить.

— А такъ какъ для монахинь замужество невозможно, то какой же результатъ можетъ быть изъ любви?—наивно спросила я сестру Цецилію.

До сихъ поръ мое невѣжество вызывало улыбку на уста моей пріятельницы, но этотъ послѣдній мой вопросъ воодушевилъ ее.

— Правда,—отвѣтила она,—наши романы кратковременны и никогда не закончены. Мы не можемъ наслаждаться этимъ земнымъ раемъ—ласкать нашихъ дѣтей, съ восторгомъ видѣть въ нихъ живые плоды нашей любви. Мы лишены этого блаженства, даннаго Богомъ двумъ любящимъ существамъ. Но за то сколько поэзіи въ нашихъ романахъ! Запертыя въ четырехъ стѣнахъ на всю жизнь, съ какимъ высокимъ наслажденіемъ мы умѣемъ пользоваться минутами нашей кратковременной любви! Дознано, что женщины, живущія въ свѣтѣ, не могутъ любить такъ, какъ любимъ мы, принявшія отреченіе. Любовь наша идеальная, мы не можемъ дать свободу нашей страсти. Эти вѣчныя препятствія образуютъ пламя, которое, правда, насъ сжигаетъ; но въ этихъ мукахъ мы находимъ высшую прелесть.

Такъ говорила сестра Цецилія, глаза ея горѣли, румянецъ выступилъ на щекахъ. Этотъ энтузіазмъ моей пріятельницы служилъ яснымъ доказательствомъ, что и ей хорошо были извѣстны всѣ муки и наслажденія монастырской любви.

— Наконецъ,—продолжала она,—эта таинственность, постоянныя опасности, препятствія, еще болѣе разжигаютъ пламя любви. Свѣтской дѣвушкѣ ея родные, женихъ, окружающіе, говорятъ открыто о любви, о замужествѣ, тогда какъ мы должны таить нашу страсть, пожирающую нашу душу и тѣло до полнаго забвенія всего земнаго и небеснаго!

Хотя сестра Цецилія и нарисовала самыми яркими красками поэтическую картину монастырской любви, но я вовсе не имѣла охоты испытать это блаженство; напротивъ, меня пугала мысль, что если я останусь въ монастырѣ, то, быть можетъ, и во мнѣ явится желаніе попробовать запретнаго плода.

Не смотря на мою юность и на то, что тайны сердца мнѣ еще не были извѣстны, я понимала, что эти романы безъ цѣли, не имѣющіе подъ собой законной почвы, могутъ временно опьянять и доставить нѣкоторое удовольствіе, но за то послѣдствія ихъ всегда ведутъ къ несчастью.

Такимъ образомъ, во мнѣ все болѣе и болѣе созрѣвала рѣшимость оставить монастырь и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Я написала моему отцу, не объясняя главнаго мотива, что убѣдилась въ моей неспособности быть хорошей монахиней и что затворническая жизнь создана не для меня. Мой родитель, какъ было видно, желалъ меня запереть въ монастырь навсегда въ угоду своей супруги, и просилъ хорошо подумать, поближе присмотрѣться къ монастырской жизни, не спѣшить рѣшеніемъ. Вообще, онъ хотѣлъ меня убѣдить въ противномъ; я настаивала на моемъ желаніи покинуть монастырь, говорила, что уже приглядѣлась ко всему и хорошо обдумала мое рѣ-

шеніе; а потому, прибавила я, въ концѣ письма, — если вы меня любите, мой дорогой папа, возьмите меня скорѣе изъ монастыря.

VI.

Нѣсколько недѣль спустя, ко мнѣ въ келью вошла Цецилія радостная, сіяющая.

— Знаешь новость? — сказала она мнѣ, — сегодня нашъ монастырь посѣтятъ монакины. Все дворяне съ материка, они пріѣдутъ въ Венецію съ рекомендательными письмами отъ епископовъ: Падуи, Удино и Тревизо. Имъ открытъ свободный входъ во всѣ монастыри, они уже были въ доминиканскомъ и капуцынскомъ, сегодня придутъ къ намъ; абатесса очень озабочена приготовленіемъ разныхъ прохладительныхъ напитковъ и убранствомъ апартаментовъ, вообще всѣмъ, что касается пріема почетныхъ гостей. Теперь она составляетъ списокъ монахинь, которыя должны съ нею вмѣстѣ встрѣтить монакиновъ. Выбраны самыя красивыя и граціозныя; какъ я слышала, и меня не исключили изъ этого списка.

— Ты, кажется, очень довольна!

— Конечно, подобный выборъ дѣлаетъ мнѣ честь, которой я могу гордиться; а удовольствіе-то? Ты себѣ представить не можешь, какіе милые эти монакины, какъ они галантны, услужливы. Еслибы ты ихъ видѣла, ты бы согласилась со мной.

— Ты думаешь?

— Я въ этомъ убѣждена... Постой, мнѣ пришла въ голову удивительная мысль...

— Какая?

— Надо тебѣ знать, что воспитанницамъ запрещено присутствовать при подобныхъ пріемахъ. Но мать абатесса меня очень любитъ, я, быть можетъ, выпрошу у нея позволенія для тебя. Ты можешь присутствовать при церемоніи, стоя позади монахинь, незамѣченная... Сію минуту бѣгу...

— Погоди, мнѣ не надо; для меня все равно, — говорила я Цециліи, желая ее удержать.

Но послѣднее было сдѣлать очень трудно. Моя пріятельница, какъ вѣтеръ, понеслась.

Скоро она возвратилась и, вся сіяющая, объявила мнѣ, что ей удалось получить отъ абатессы позволеніе для меня. Цецилія торжественно мнѣ сообщила объ этомъ, точно она мнѣ доставляла самое высшее благо въ мірѣ.

Сначала я была совершенно равнодушна къ предстоящему спектаклю, но потомъ во мнѣ возбудилось любопытство, и я также стала съ нетерпѣніемъ ждать пріѣзда монакиновъ.

Слѣдуя совѣтамъ Цециліи, я надѣла мое простенькое платье, и, когда она пришла ко мнѣ проводить на мѣсто, я почувствовала

нѣкоторое волненіе: сердце мое билось и руки дрожали. Невѣрными шагами я шла по корридору, чувствуя горловую спазму. Когда же я увидала всѣхъ монахинь, собравшихся въ парадной пріемной для встрѣчи почетныхъ гостей, я еще болѣе сконфузилась, но стала на мѣсто, указанное мнѣ Цециліей. Хотя я была и позади всѣхъ, но прекрасно могла видѣть монакиновъ, а также и они меня не могли не замѣтить.

Моя пріятельница сказала совершенную правду. Всѣ монакины были дѣйствительно очень красивые и изящные молодые люди. Они очень любезно отвѣчали на привѣтствія монахинь, говорили имъ комплименты, въ самой почтительной формѣ, глаза ихъ были полны энтузіазма, льстившаго самолюбію красивыхъ затворницъ. Послѣднія, разумѣется, не относились равнодушно къ любезностямъ блестящихъ кавалеровъ, краснѣли, опускали глазки, и ихъ молодыя сердца били тревогу. Но я не могла наблюдать за всѣми этими нѣжными взглядами, улыбками, обмѣномъ комплиментовъ и т. д., потому что при самомъ началѣ церемоніи все мое вниманіе было обращено на одного изъ кавалеровъ, стоявшаго въ сторонѣ отъ всѣхъ. Это былъ юноша лѣтъ двадцати, красиво сложенный, съ блѣднымъ лицомъ, брюнетъ, съ черными блестящими глазами. Испанскій костюмъ изъ чернаго бархата прекрасно обрисовывалъ его красивый и гибкій станъ. Серьезное выраженіе его лица странно противорѣчило его юношеской свѣжести. Если я его тотчасъ же отличила отъ всѣхъ, то и онъ также меня замѣтилъ и, какъ мнѣ показалось, я возбудила въ немъ чувство симпатіи. Его черные глаза были пристально устремлены на меня, такъ что я должна была отвернуться; но, не смотря на это, я чувствовала его взглядъ. Иногда, противъ моей воли, я смотрѣла на него и наши глаза встрѣчались. Въ эти минуты я ощущала невыразимый трепетъ, была лишена способности сдѣлать малѣйшее движеніе, сойти съ мѣста, точно была пригвождена къ полу. Красивый юноша также какъ и я стоялъ позади всѣхъ, мы не могли перемолвиться словомъ, но эти нѣмые переговоры глазами были краснорѣчивѣе всякихъ объясненій и комплиментовъ. Казалось, мы съ нимъ составляли одно лицо, одну мысль, одно желаніе, одно чувство.

Послѣ угощенія прохладительными напитками, новаго обмѣна комплиментовъ, любезностей и пожеланій, монакины уѣхали. Мнѣ почему-то захотѣлось быть одной и я отправилась въ садъ. Красавецъ-юноша не выходилъ у меня изъ головы; мнѣ казалось, онъ долженъ былъ сохранить обо мнѣ воспоминаніе; потомъ фантазія моя пошла далѣе. Интересный юноша влюбляется въ меня, дѣлаетъ предложеніе, мы вѣнчаемся и уходимъ изъ отцовскаго дома.

Какія быстрыя крылья у юной фантазіи!

Эти надежды, эти мечты, не имѣли тѣни основанія; между тѣмъ, мнѣ онѣ казались вполнѣ осуществимы.

VII.

Прошелъ мѣсяцъ. Монакины, посѣтившіе нашъ монастырь, по обыкновенію прислали монахинямъ письма, полныя любезностей, стихи, букеты цвѣтовъ, благовонныя косметики и т. п. Я также ожидала письма или подарка отъ юноши, заинтересовавшаго меня и, какъ мнѣ показалось, обратившаго вниманіе исключительно на меня. Но, увы! разочарованіе мое было полное. Я не получила ни подарка, ни письма, словомъ, ничего, что̀ бы служило доказательствомъ его воспоминанія обо мнѣ.

Это разочарованіе было причиной моей серьезной грусти. Мнѣ хотѣлось забыть вѣтренника, но не думать о немъ я не могла; красивый образъ юноши живо рисовался въ моемъ воображеніи.

Сестра Цецилія безпрестанно спрашивала меня, что со мною, почему я такъ грустна; но я всегда отказывалась объяснить ей. Мнѣ было совѣстно этого дѣтскаго чувства, я боялась его высказать и была увѣрена, что Цецилія меня осмѣетъ. Причину моей грусти объясняла скукой затворнической жизни и медленностью отца, который до сихъ поръ не беретъ меня изъ монастыря. Сестра Цецилія, глядя на меня, говорила:

— Ты права, Біанка, совершенно права.

Потомъ, нѣсколько подумавъ, прибавляла, меланхолически улыбаясь:

— А впрочемъ, и монастырская жизнь имѣетъ свои прелести

Сначала я не придала никакого значенія этимъ словамъ моей пріятельницы и лишь впослѣдствіи поняла ихъ смыслъ.

По прошествіи нѣкотораго времени мнѣ случилось видѣть то, чего я никакъ не могла ожидать. Было около часу ночи, по случаю кануна праздника, мы всѣ были собраны въ залѣ и слушали чтеніе священнаго писанія. Чувствуя себя утомленной, я просила отпустить меня спать. Получивъ разрѣшеніе, я отправилась въ спальню. Для того, чтобы попасть туда, мнѣ надо было пройти нѣсколько портиковъ, дворовъ и лѣстницъ. Повсюду было темно и безлюдно; лишь нѣкоторые углы слабо освѣщались блѣдными лучами мѣсяца. Мнѣ невольно становилось жутко. Въ монастырѣ каждый день разсказывались страшныя исторіи, какъ по ночамъ бродятъ привидѣнія, души умершихъ и т. п. Я не была суевѣрна и не вѣрила всѣмъ этимъ сказкамъ; тѣмъ не менѣе, разсказы эти до извѣстной степени вліяли на мое юное воображеніе. Призвавъ на помощь разумъ, я смѣло шла впередъ, не обращая вниманія на таинственныя тѣни и лучи мѣсяца, въ иныхъ мѣстахъ принимавшія какія-то фантастическія формы. Мнѣ надо было пройти небольшой дворикъ, прилегавшій къ монастырской стѣнѣ. Едва я сдѣлала шагъ по этому дворику, какъ въ ужасѣ остановилась и замерла на мѣстѣ. Противъ меня, около стѣны, стояла жен-

щина, вся въ бѣломъ. Ея фигура, освѣщенная луной, казалась мнѣ привидѣніемъ. Я хотѣла бѣжать назадъ, но не имѣла силъ, мои ноги не двигались, колѣна дрожали. Страхъ сковалъ мои члены; я стояла неподвижно на мѣстѣ, какъ мраморная статуя. Между тѣмъ, бѣлое привидѣніе подошло къ старой, давно упраздненной калиткѣ, вынуло изъ кармана ключъ и отперло ее; калитка отворилась и показалась фигура мужчины въ круглой шляпѣ, тщательно закутаннаго въ плащъ. Не смотря на темноту, мнѣ удалось разглядѣть его: онъ былъ молодъ и строенъ. Мнимое привидѣніе заперло калитку, взяло подъ руку мужчину и исчезло съ нимъ въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, на противоположномъ концѣ двора.

Я, конечно, поняла въ чемъ дѣло. Здѣсь не могло быть и рѣчи о сверхъестественномъ явленіи; двое людей, которыхъ я только-что видѣла своими собственными глазами, были живые существа, это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Страхъ мой, конечно, моментально исчезъ, и я начала обдумывать этотъ странный случай. До этого дня я не могла себѣ представить, чтобы смѣлость монахинь доходила до такихъ размѣровъ; привести любовника въ монастырь, мнѣ казалось положительно невозможнымъ. На слѣдующій день я не могла удержаться, чтобы не сообщить моихъ впечатлѣній сестрѣ Цециліи.

Едва я пройзнесла нѣсколько словъ о томъ, что видѣла ночью, какъ моя пріятельница поблѣднѣла, затряслась и съ ужасомъ проговорила:

— Молчи... молчи, или, по крайней мѣрѣ, говори тише. Значитъ, ты меня открыла, когда... а я-то воображала, что приняла всѣ предосторожности? Боже великій, что если бы это была не ты, а другая! Надѣюсь, ты не выдашь меня, сохранишь мою тайну, неправда ли?

Я была поражена. Сестра Цецилія выдала сама свою тайну. Ночью я ее не узнала и была убѣждена, что это не она, а кто-нибудь другая; иначе я, конечно, не говорила бы съ ней такъ откровенно. Но она не выдержала, вообразивъ, что я ее узнала и тайна была открыта. Я оставила ее въ этомъ заблужденіи и поклялась никому не разсказывать о томъ, что видѣла.

— Могу себѣ представить, какого ты будешь мнѣнія обо мнѣ!— сказала сестра Цецилія, послѣ краткаго молчанія,—но еслибы ты могла понять какая непреодолимая сила въ этой запретной любви, какъ не замѣтно она вкрадывается въ сердце и охватываетъ все наше существо!.. Какъ мало-по-малу мы переходимъ отъ самыхъ невинныхъ дѣйствій къ сумасшествію и страшному неблагоразумію!

Затѣмъ сестра Цецилія стала уже съ полной откровенностью посвящать меня въ тайны монастырскихъ романовъ. Предо мной

она раскрыла соблазнительную картину, поразившую мое разгоряченное воображеніе. Романы въ монастыряхъ, — говорила она мнѣ,—устроиваются такимъ образомъ. Сначала дѣлаютъ другъ другу влюбленные глазки, говорятъ комплименты при свиданіи въ пріемной, такъ вспыхиваетъ первое пламя. Потомъ влюбленный находитъ случай передать предмету своего обожанія письмо самаго страстнаго содержанія, устроиваетъ серенады и, наконецъ, добивается свиданія. Первый разъ оно всегда бываетъ около окна, а потомъ уже въ стѣнахъ монастыря. Были монахини, обладавшія изумительной смѣлостью. Нѣкоторыя изъ нихъ уходили изъ монастыря на цѣлую ночь, отпирая калитки фальшивымъ ключемъ, врученнымъ имъ ихъ любовниками. Многія подъ маской во время карнавала катались на гондолахъ, гуляли на площади св. Марка, посѣщали театры и, вообще, принимали участіе во всѣхъ публичныхъ удовольствіяхъ.

Часто бывали и скандалы, доходившіе до процессовъ. Но правительство всегда старалось погасить такія дѣла, не желая компрометировать аристократическія фамиліи, къ которымъ принадлежали виновныя монахини.

Всѣ эти открытія побуждали меня настойчивѣе просить отца поскорѣе взять меня изъ монастыря. Если любовь есть назначеніе женщины, — разсуждала я, — къ чему же лицемѣрить и маскировать передъ свѣтомъ это естественное чувство? Къ чему профанировать святость алтаря? Но родитель, не смотря на мои частыя просьбы, откладывалъ мой выходъ изъ монастыря подъ разными предлогами. То онъ мнѣ писалъ, что я еще черезчуръ молода и мое воспитаніе не окончено; то сезонъ не благопріятствовалъ моему выходу и т. п. безъ конца. Такимъ образомъ, отецъ могъ отдалить на неопредѣленное время часъ моего избавленія, и я могла разсчитывать никогда не выйти изъ монастыря, если бы не случился фактъ, побудившій его, наконецъ, немедленно исполнить мою просьбу.

Самая красивая и граціозная монахиня монастыря св. Захарія была Гортензія, изъ дома Барбариго, та самая особа, въ честь которой устроивалась серенада, о чемъ я выше говорила. Гортензія была прелестное созданіе: добра, великодушна, умна и совершенная красавица. Характеръ ея былъ очень живой и веселый. Но съ нѣкоторыхъ поръ она начала задумываться, избѣгать всѣхъ, даже и меня, не смотря на то, что я съ ней очень подружилась; лицо ея блѣднѣло, походка становилась слабою. Въ одно прекрасное утро сестра Гортензія не явилась въ общій залъ. Сказали, что она больна. Потомъ распространился слухъ, что сестры Гортензіи уже нѣтъ въ монастырѣ. Но вскорѣ объ этомъ перестали говорить, напротивъ, утверждали, что Гортензія въ монастырѣ, но что не выходитъ изъ своей кельи по случаю тяжкой болѣзни. За-

тѣмъ объявили, что больная безнадеждна, что съ ней уже агонія, наконецъ, будто бы сестра Гортензія умерла. Всѣ эти слухи очень быстро смѣнялись одинъ другимъ.

Въ комнату больной никто не входилъ, кромѣ абатессы и духовника. Только они одни были во время ея болѣзни и когда Гортензія умерла, положили ее въ гробъ, который тутъ же сами и заколотили. Потомъ гробъ былъ вынесенъ въ церковь, убранную въ трауръ, отслужена заупокойная обѣдня, покойницу опустили въ могилу на монастырскомъ кладбищѣ.

Обо всѣхъ этихъ тайнахъ монахини разсказывали другъ другу разныя разности одна другой не сообразнѣе; никто изъ обитательницъ монастыря не хотѣлъ вѣрить, что сестра Гортензія умерла. Начали дѣлать справки внѣ монастыря, и вотъ что мнѣ передала сестра Цецилія.

Несчастная Гортензія забеременѣла и, конечно, пришла въ ужасъ, зная хорошо, какое страшное наказаніе ее ожидаетъ, если будетъ открыто ея положеніе, она трепетала ежеминутно. Посовѣтовавшись съ своимъ любовникомъ, графомъ Орсениго изъ Падуи, она рѣшилась бѣжать изъ монастыря. Ночью Орсениго подъѣхалъ на гондолѣ къ монастырю; сестра Гортензія вышла въ одну изъ калитокъ, выходившихъ на каналъ. Гондола съ любовниками быстро понеслась по каналамъ, какъ вдругъ въ одномъ мѣстѣ большая барка въ вооруженными людьми перерѣзала ей дорогу. То были инквизиторы, которымъ шпіоны дали знать о намѣреніи сестры Гортензіи бѣжать изъ монастыря. Положеніе было страшное, безвыходное. Попастся въ руки инквизиторовъ бѣглой и беременной монахинѣ, значило идти на самыя невыносимыя пытки и подвергнуться наказанію хуже смерти. Все это вмигъ сообразила Гортензія, обняла горячо своего друга, сказала ему послѣднее прости и бросилась въ волны. Инквизиторы вытащили ее изъ воды уже мертвую. Графъ Орсениго былъ арестованъ и запертъ въ инквизиціонную тюрьму, а несчастная монахиня Гортензія похоронена гдѣ-то за оградой кладбища. Такимъ образомъ стало ясно, что мать абатесса и благочестивый духовникъ продѣлали самую гнусную комедію. Гробъ, заколоченный ими и вынесенный въ церковь, былъ пустъ и не смотря на это была отслужена заупокойная обѣдня и совершены похороны. Всѣмъ обитательницамъ монастыря стали извѣстны эти подробности. Не смотря на таинственность святой инквизиціи и монастырскаго начальства по городу разнеслась эта вѣсть, публика узнала, что сестра Гортензія исчезла изъ монастыря св. Захарія и не возвратилась туда ни живая, ни мертвая, и что въ монастырской церкви продѣлали недостойную комедію съ пустымъ гробомъ. Скандалъ былъ громкій, о которомъ узналъ и мой родитель и, наконецъ, взялъ меня изъ монастыря.

Сбылось мое пламенное желаніе: двери тюрьмы, наконецъ, растворились передо мной; я оставляла монастырь, куда вступила желая обрѣсти покой моей души, встрѣтивъ тамъ массу вопіющихъ фактовъ, окончательно разочаровавшихъ меня. Жаль мнѣ было оставлять въ этомъ адскомъ мѣстѣ моего дорогого друга Цецилію. Я со слезами обняла ее и мы разстались навсегда.

VIII.

Возвратившись домой, я, къ моему изумленію, нашла большую перемѣну въ мачихѣ. Я не могу сказать, чтобы она меня любила, но обращеніе ея со мной уже не было такъ грубо, какъ прежде. Она стала заниматься моимъ туалетомъ и нерѣдко брала меня съ собой въ гости и на праздники.

Изъ поведенія мачихи и нѣкоторыхъ словъ отца, я увидѣла ясно, что меня хотятъ выдать замужъ для того, чтобы выпроводить изъ дома, такъ какъ проектъ запереть меня на всю жизнь въ монастырь не удался.

Ко мнѣ была назначена въ качествѣ камеристки нѣкто Маріетта, жена Джіороламо, лодочника палаццо (barcarolo di casa). Эта женщина меня очень полюбила. Она мнѣ сообщала все, что̀ слышала обо мнѣ отъ другихъ слугъ. Она всегда знала напередъ куда меня повезутъ, какого жениха мнѣ представятъ, какъ я буду одѣта и т. п.

Мнѣ дѣйствительно много представляли жениховъ, но они не возбуждали во мнѣ ни малѣйшей симпатіи. Всѣ мои думы были поглощены воспоминаніемъ о молодомъ, интересномъ monachino, котораго я видѣла въ пріемной монастыря св. Захарія. Съ тѣхъ поръ я его не встрѣчала, но мнѣ почему-то казалось, что мы не должны быть потеряны другъ для друга. Я желала, чтобы этотъ прекрасный юноша и никто другой просилъ моей руки. Я была увѣрена, что только онъ одинъ можетъ составить мое счастье.

Эта была мечта юной, непрактичной дѣвочки, но я никакъ не могла избавиться отъ этой мечты. Быть можетъ, она и была причиной моего равнодушія къ другимъ кавалерамъ.

При моей мачихѣ состоялъ пажомъ нѣкто Анзолетто. Отецъ и его супруга, считая пажа ребенкомъ, никогда его не стѣснялись и свободно дѣлали на мой счетъ разныя предположенія. Между тѣмъ моя камеристка Маріетта съумѣла снискать расположеніе Анзолетто, который ей все передавалъ, что говорили обо мнѣ отецъ и мачиха. Такимъ образомъ, я узнала, что графъ Зуліанъ дель Кадоре проситъ моей руки для своего молодого сына, того самаго юноши, которымъ я заинтересовалась въ монастырѣ. Можно себѣ представить мою радость! Оказалось, что молодой человѣкъ былъ также не равнодушенъ ко мнѣ и, узнавъ кто я, просилъ чрезъ сво-

его отца моей руки. Мечты мои сбывались, я была увѣрена, что мой монастырскій герой сдѣлаетъ меня счастливѣйшей изъ женщинъ.

Но увы! радость моя была слишкомъ кратковременна. Мачиха увѣрила отца, что породниться съ дворяниномъ материка было бы не достойно нашего дома. Отецъ, безусловно вѣрившій своей женѣ, согласился съ ней и графу отказали.

Отказъ былъ сдѣланъ въ самой оскорбительной формѣ и на возобновленіе предложенія не оставалось никакой надежды. Я была въ отчаяніи. Счастье прошло такъ близко около меня. И все это надѣлалъ мой злой геній мачиха!

Между тѣмъ меня продолжали вывозить въ общество и пріискивать мнѣ жениха изъ венеціанской аристократіи. Въ поклонникахъ недостатка не было. За мной давали хорошее приданое и всѣ находили меня очень красивою. Мнѣ безпрестанно дѣлали предложенія, но я отказывала. Къ чести моего отца онъ не насиловалъ моей воли.

Я никакъ не могла отрѣшиться отъ моего идеала и все еще надѣялась, что осуществится моя завѣтная мечта.

IX.

Такое было мое душевное состояніе, когда случился рядъ событій, которыя должны были рѣшить судьбу всей моей жизни. Одинъ разъ, вечеромъ, я вышла на балконъ, выходившій на каналъ. Мнѣ было грустно, я разсѣянно смотрѣла на мраморныя стѣны палаццо, освѣщенныя полной луной. Въ то же самое время на балконѣ противоположнаго дома я замѣтила фигуру молодого человѣка, очень похожаго на молодого графа Зуліано. Вскорѣ я убѣдилась, что хотя и есть сходство, но это не онъ, мой обожаемый monachino. Между тѣмъ, молодой кавалеръ не спускалъ съ меня глазъ, въ его пристальномъ взорѣ, казалось, сосредоточилась вся душа. Я невольно покраснѣла и ушла съ балкона.

Я бы солгала, если бы сказала, что не думала объ этомъ молодомъ кавалерѣ, такъ пристально на меня смотрѣвшемъ. Всю ночь онъ мнѣ снился. На другой день, когда пришло время мнѣ выйти на балконъ, сначала я боялась: ну, если я опять встрѣчу этого кавалера, не спускавшаго съ меня глазъ, и я рѣшилась не показываться на балконѣ. Потомъ меня стало мучить любопытство, мнѣ непремѣнно хотѣлось знать, стоитъ ли красивый юноша опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ я его видѣла вчера. Чувство женскаго любопытства пересилило, и я невольно вышла на балконъ, меня туда будто толкнула какая-то невидимая сила. Молодой человѣкъ стоялъ на томъ же мѣстѣ и пристально на меня смотрѣлъ. Я испугалась, мнѣ было совѣстно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень пріятно. Про-

бывъ нѣсколько минутъ на балконѣ, я ушла, давъ слово больше туда не показываться.

Мнѣ было ужасно досадно, что по милости этого нахальнаго кавалера я должна лишить себя удовольствія по вечерамъ выходить на мой любимый балконъ. Я очень сердилась на моего молодого сосѣда, а съ другой стороны мнѣ хотѣлось оправдать его, познакомиться и спросить, почему онъ такъ настойчиво преслѣдуетъ меня своими глазами? Хотя я и предвидѣла отвѣтъ юноши, но все-таки мнѣ хотѣлось отъ него самаго слышать этотъ отвѣтъ.

Такимъ образомъ, не смотря на мою досаду, волненіе, обѣщанія никогда не показываться на балконѣ, я каждый вечеръ туда ходила. Повторяю: меня точно толкала какая-то невидимая сила. И каждый разъ я видѣла напротивъ фигуру кавалера, пристально на меня смотрѣвшаго. Противъ моей воли и я стала смотрѣть на красиваго юношу, такимъ образомъ, мы каждый день обмѣнивались взорами. Искра страсти уже начинала жечь мое сердце, напрасно я старалась сопротивляться. Сладкій ядъ понемногу сталъ вливаться въ мои жилы, хотя я тогда и не могла понимать всѣ послѣдствія моего поведенія, но мнѣ было совѣстно за мою нескромность; вспоминая мою милую маму, я краснѣла до бѣлка глазъ, между тѣмъ, я не имѣла силы избавиться отъ чаръ охватившихъ меня. Вскорѣ сомнѣнія разсѣялись, я увидала, что любовь мало-по-малу проникла въ мое сердце, противиться ей уже было поздно.

Какъ могла я любить этого юношу! Давно ли я составила себѣ идеалъ, которому посвятила всѣ мои мысли, желанія и надежды? Этотъ прекрасный юноша, видѣнный мною въ стѣнахъ монастыря, искавшій моей руки, давно ли составлялъ предметъ моихъ пламенныхъ мечтаній, а теперь я уже люблю другого, совершенно неизвѣстнаго мнѣ, котораго я видѣла лишь издали!

Но не смотря на всѣ эти разсужденія и протесты, мнѣ все-таки хотѣлось знать, кто этотъ неизвѣстный заинтересовавшій меня кавалеръ. Съ этой цѣлью я обратилась къ моей преданной Маріеттѣ. Не разоблачая передъ ней моихъ чувствъ, я просто, какъ бы изъ любопытства, спросила ее, кто живетъ противъ насъ на другой сторонѣ канала? Маріетта, разумѣется, догадалась, что̀ побуждаетъ меня дѣлать подобныя справки и, лукаво улыбаясь, отвѣчала:

— Въ этомъ домѣ банкъ и живутъ тамъ благородные флорентійцы Сальвіати, молодые люди вполнѣ достойные, извѣстные богачи. Если бы которой-нибудь изъ нихъ посватался къ моей доброй госпожѣ, было бы весьма не дурно.

Выслушавъ все это, я не выдержала и бросилась обнимать Маріетту.

Я имѣла очень нѣжное сердце, способное любить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гордилась своимъ происхожденіемъ. Еслибы мнѣ Маріетта

сказала, что молодой человѣкъ, заинтересовавшій меня, незнатный, я задушила бы въ самомъ зародышѣ мое чувство къ нему. Въ гордости я нашла бы силу бороться съ моей страстью. Ничто въ мірѣ не могло бы свести меня съ того пьедестала, на который поставило меня мое происхожденіе. Увы! какъ страшно я была наказана за мою гордость!

Узнавъ, что мой молодой обожатель принадлежитъ къ благороднѣйшей фамиліи Сальвіати, который, какъ я слышала въ родствѣ съ папами и владѣтельными принцами, я убѣдилась, что онъ мнѣ пара. Въ этой тайной любви я видѣла для себя блестящую будущность. Теперь уже меня ничто не могло удержать, я смѣло дала волю чувству и бѣдный графъ Кадоре былъ забытъ окончательно!

Сальвіати имѣли банкъ во Флоренціи и были купцы. Но какіе купцы! Мнѣ было хорошо извѣстно, что многіе флорентійскіе дворяне занимались коммерціей, также какъ наши венеціанцы производили торговлю на своихъ корабляхъ и отъ этого ихъ гербы не потускнѣли, напротивъ, пріобрѣли еще болѣе блеска.

Когда моя фантазія разыгрывалась, она летѣла далеко, далеко. Я уже воображала себя женой этого красиваго кавалера Сальвіати, въѣзжающаго торжественно въ стѣны великолѣпнаго города Флоренціи! Я себѣ составила самое поэтическое понятіе о столицѣ Тосканы. Прелестныя пѣсни ея поэтовъ, великія созданія живописцевъ, смѣлыя произведенія талантливыхъ архитекторовъ, долины, полныя цвѣтовъ, сладкая рѣчь, вѣжливость кавалеровъ и меланхолическая красота женщинъ. Все это въ моей головѣ сливалось въ одну прелестную заманчивую картину. Мнѣ казалось, что въ этой романической странѣ жизнь должна быть раемъ. Кто бы могъ мнѣ тогда сказать, что во Флоренціи я буду влачить горькое и темное существованіе! Полная очаровательныхъ фантазій и блаженныхъ надеждъ я весело вышла въ этотъ вечеръ на балконъ и прямо посмотрѣла на того, кто занималъ мое воображеніе.

Красивый молодой человѣкъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ. Моя перемѣна, какъ видно, была имъ замѣчена. Обыкновенно скромный, неподвижный, онъ оживился, и, когда лучи мѣсяца нѣсколько померкли, онъ приложилъ руку къ сердцу, что означало нѣмое признаніе въ любви.

Я чувствовала, какъ покраснѣло мое лицо, но не двигалась съ мѣста, продолжая смотрѣть на интереснаго кавалера. Вѣроятно поощренный моимъ вниманіемъ, онъ осмотрѣлся кругомъ и послалъ мнѣ воздушный поцѣлуй. Я вся задрожала, покраснѣла еще больше и убѣжала съ балкона.

Съ тѣхъ поръ этотъ воздушный поцѣлуй красиваго юноши преслѣдовалъ меня днемъ и ночью. Мнѣ очень хотѣлось отвѣтить ему тѣмъ же, но было стыдно. Это былъ первый поцѣлуй данный мнѣ. Правда, я получила его издалека, чрезъ извѣстное про-

странство, тѣмъ не менѣе онъ жегъ мою грудь неугасаемымъ огнемъ.

Постель мнѣ казалась горниломъ, одѣяло кололо мое тѣло будто иглами, я задыхалась, не могла спать, вскакивала и бѣжала на балконъ...

Было воскресенье, я по обыкновенію собралась къ обѣдни въ ближнюю церковь св. Апполинарія; меня сопровождала Маріетта. Мы вошли въ гондолу, которой управлялъ ея мужъ Джіороламо.

Когда мы подъѣхали къ церкви и вышли изъ гондолы, Маріетта шла со мной рядомъ, а ея мужъ позади несъ мой молитвенникъ. Но едва мы прошли нѣсколько ступенекъ, какъ я увидала синьора Сальвіати, стоящаго при входѣ въ церковь. Сердце у меня страшно забилось. Наши взоры встрѣтились, и я почувствовала что̀-то новое, какой-то трепетъ всего моего существа. Въ то же самое время точно пламя жгло мое лицо, голова закружилась и для того, чтобы не упасть, я должна была опереться на руку Маріетты. Оправившись нѣсколько, я сдѣлала шагъ впередъ, подняла голову и взглянула... Кавалера уже не было, онъ вошелъ въ церковь. Подойдя къ сосуду съ священной водой, я его снова увидала. Обмочивъ свой палецъ въ воду, онъ протянулъ мнѣ руку, почтительно наклонивъ голову. Тутъ я почувствовала прямо ужасъ. Первая мысль, блеснувшая въ моей головѣ, была уйти. Но ноги мои не двигались. Я посмотрѣла на Сальвіати, онъ стоялъ съ протянутой рукой; онъ имѣлъ видъ сконфуженный, почтительный. Какъ было не принять святой воды? Отказаться отъ нея я не имѣла права, какъ христіанка. Я протянула мою руку и коснулась его руки. Это продолжалось одинъ моментъ не болѣе, но я опять вся затрепетала и услышала шопотъ, полный сладкой гармоніи. Мой кавалеръ проговорилъ: о, Біанка!

Во все время обѣдни я стояла около главнаго алтаря на колѣняхъ, и хотя голова моя была опущена, но я чувствовала его жгучій взглядъ, устремленный на меня: этотъ взглядъ господствовалъ надо мной, проникалъ меня всю, я была безпредѣльно счастлива, не могла молиться и о чемъ-либо думать.

При выходѣ изъ церкви, я опять увидала моего красиваго кавалера, онъ стоялъ около святой воды и почтительно мнѣ поклонился. Страшно взволнованная, я вышла изъ церкви.

Весь этотъ день и ночь я ни о чемъ не могла думать, кромѣ, какъ о Сальвіати. Его образъ постоянно былъ передъ моими глазами.

Я не буду подробно описывать, какъ мало-по-малу эта любовь проникла въ мою душу и стала полной госпожей всѣхъ моихъ дѣйствій и помышленій. Не испытавшіе на себѣ подобное не могутъ меня понять. Каждый вечеръ мы продолжали видѣться на нашихъ балконахъ; кромѣ нѣжныхъ взглядовъ, которыми мы обмѣнивались, я стала отвѣчать на жесты и поклоны Сальвіати.

Затѣмъ каждое воскресенье я находила моего обожателя у дверей церкви, предлагавшаго мнѣ святую воду; наши руки соприкасались... и чувство такъ пугавшее меня прежде, теперь доставляло мнѣ самое высокое наслажденіе. Прикасаясь къ рукѣ Сальвіати, въ мои жилы вливалась точно волна невыразимыхъ наслажденій.

Одинъ разъ онъ мнѣ слегка пожалъ руку, я вся затрепетала и это былъ мой отвѣтъ ему, краснорѣчивое доказательство моей къ нему любви.

Вечеромъ въ воскресенье Маріетта, знавшая уже все, вручила мнѣ съ таинственнымъ видомъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Обожаемая Біанка!

«Говорить вамъ, какъ пламенно я васъ люблю, было бы лишне, мнѣ кажется, вы и сами это поняли. Но я горю желаніемъ сказать вамъ это живою рѣчью. Дайте мнѣ высшее блаженство упасть къ вашимъ ногамъ.

«Pierо».

Два совершенно противоположныя чувства боролись во мнѣ при чтеніи этого посланія. Я получила первое любовное письмо отъ того, кого такъ страстно полюбила и была вполнѣ счастлива. Съ другой стороны, исполнить просьбу Сальвіати, пойти съ нимъ на тайное свиданіе, безъ воли отца, мнѣ казалось недостойнымъ благовоспитанной дѣвушки. Я колебалась. Но Маріетта, видя мою нерѣшительность, сказала:

— Чего вы боитесь, синьорина? Все это дѣло поведетъ васъ къ самому честному и святому концу—къ свадьбѣ. Кавалеръ Сальвіати желаетъ просить вашей руки у папаши, но прежде, чѣмъ это сдѣлать, онъ хочетъ убѣдиться, любите ли вы его. Какъ видно, онъ васъ страстно любитъ, но безъ вашего позволенія не смѣетъ адресоваться къ вашему батюшкѣ. Развѣ это не благородно съ его стороны? Вѣрьте мнѣ, вы ничѣмъ не рискуете, согласившись на свиданіе. По всему видно, что Сальвіати юноша скромный, хорошій; въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ.

Я хотя и боялась нарушить мой долгъ приличія, но желаніе слышать слова любви изъ устъ моего прелестнаго поклонника было сильнѣе этой боязни, а потому доводы Маріетты меня безъ труда убѣдили. Я согласилась.

Никогда я не сдѣлала бы такого шага, если бы была жива моя милая мама, отъ которой я ничего не скрывала!

Вечеромъ Маріетта взяла меня за руку и провела въ одну изъ необитаемыхъ комнатъ перваго этажа, куда никогда никто не ходилъ. Я была блѣдна, какъ смерть, и вся дрожала. Первое наше свиданіе было частью въ присутствіи Маріетты. Сальвіати мнѣ

Прогулка Біанки Капелло съ Бонавентури.

Дозв. ценз. Спб., 17 апрѣля 1890 г.

клялся въ любви, говорилъ, что будетъ просить согласія моего отца и на прощаньи страстно поцѣловалъ мою руку, точно обжогъ ее. Я долго чувствовала огонь этого поцѣлуя.

X.

Благодаря покровительству преданной мнѣ Маріетты, наши любовныя свиданія устроивались почти постоянно. Я любила моего Пьеро страстно, безумно. Мнѣ онъ казался самымъ красивымъ, смѣлымъ и любезнымъ изъ всѣхъ мужчинъ; отказать ему я ни въ чемъ не могла. Когда я его спрашивала, почему онъ, принадлежащій къ семейству знаменитыхъ Сальвіати, не адресуется прямо къ моему отцу съ просьбой моей руки, онъ мнѣ отвѣчалъ, что дядя, замѣнившій ему его покойнаго отца, находитъ его, Пьеро, черезчуръ молодымъ для брачныхъ узъ, что согласіе дяди, конечно, можно получить, но не теперь, а впослѣдствіи.

— Дядя живетъ во Флоренціи,—говорилъ мнѣ Пьеро,—для того, чтобы начать переговоры о бракѣ, надо мнѣ туда ѣхать, или дождаться пріѣзда дяди въ Венецію. Во всякомъ случаѣ надо имѣть терпѣніе, поспѣшность можетъ испортить все дѣло. Я,—увѣрялъ меня Пьеро,—пламеннѣе тебя желаю ускорить наше счастье.

Между тѣмъ время шло, проходили дни, недѣли, мѣсяцы; наши свиданія продолжались; мое увлеченіе дошло до полнаго самозабвенія, до потери разсудка и воли. Я на все смотрѣла глазами моего обожаемаго Пьеро. Я была побѣждена этой любовью точно волшебными чарами. Я чувствовала, что исчезаетъ моя воля, что я не могу противиться очарованью любви и нерѣдко, въ минуты проблеска разсудка, я вспоминала мою несравненную маму, которой одной я могла бы повѣрить тревоги моего сердца; она поддержала бы меня, руководила мною и была бы моей защитой. Но увы! мамы около меня не было.

Я мечтала въ одиночествѣ и эти мечты были полны опьяняющей страсти первой любви. Часто, когда луна закрывалась тучкой, какъ вуалемъ, мы катались въ гондолѣ, и Пьеро пѣлъ мнѣ подъ акомпаниментъ мандолины...

Въ моей невинности я воображала, что чувство любви экзальтируетъ только душу, но мало-по-малу страсть зажгла и тѣло. Пьеро воспользовался моей неопытностью и я отдалась ему вся... Я упала съ чистаго неба... Были минуты, когда я была готова возненавидѣть того, кто былъ причиною моего несчастья.

Мы были виноваты оба, но Пьеро больше меня; онъ не долженъ былъ такъ безжалостно разбивать мои святыя грёзы, толкать меня на эту дорогу...

Одинъ разъ, вечеромъ, я сказала ему, что откладывать нашу свадьбу долѣе нельзя, что онъ долженъ позаботиться уговорить

своихъ родныхъ просить моей руки у отца. Мое заявленіе, болѣе серьезное, чѣмъ нѣжное, какъ мнѣ показалось, смутило Пьеро. Но это продолжалось одинъ лишь моментъ. Оправившись, онъ меня сталъ увѣрять, что серьезно объ этомъ думаетъ, что даже сегодня вечеромъ, онъ писалъ къ дядѣ во Флоренцію, что послѣдній на будущей недѣлѣ долженъ пріѣхать въ Венецію и явиться къ моему отцу просить моей руки.

Во всѣ послѣдующія наши свиданія, Пьеро увѣрялъ меня въ томъ же самомъ и всегда умѣлъ разсѣявать мои подозрѣнія. Онъ мнѣ говорилъ, что вторично написалъ дядѣ и что на дняхъ получилъ благопріятный отвѣтъ: дядя съ удовольствіемъ изъявляетъ согласіе породниться съ семействомъ Капелло. Затѣмъ, совершенно неожиданно, возникли какія-то препятствія; но все это, будто бы, должно было устроиться съ пріѣздомъ дяди въ Венецію. Пріѣздъ же его въ Венецію непремѣнно будетъ не позднѣе двухъ, трехъ недѣль.

— Подожди еще немного,—успокоивалъ меня Пьеро,—мы будемъ совсѣмъ счастливы, наша будущность устроится какъ нельзя лучше.

Но и послѣ всего этого, я услышала цѣлый рядъ отговорокъ: то дядя внезапно заболѣлъ, потому и не можетъ пріѣхать въ Венецію, то его задерживаютъ самыя нужнѣйшія и спѣшныя дѣла, которыя необходимо привести въ порядокъ, прежде чѣмъ пуститься въ дорогу и т. д.

Меня страшно возмущали всѣ эти препятствія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душу мою невольно стало закрадываться сомнѣніе противъ Пьеро.

Такимъ образомъ, прошло три мѣсяца и, не смотря на это, не было и тѣни надежды, что обѣщанія Пьеро исполнятся. Я страшно безпокоилась и, наконецъ, моя тревога перешла въ полное отчаяніе, вслѣдствіе совершенно неожиданныхъ обстоятельствъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, я почувствовала себя нездоровою. Симптомы болѣзни были какіе-то странные, никогда со мной не бывалые. Я посовѣтовалась съ Маріеттой, и она ничего не могла мнѣ объяснить. Но вскорѣ мнѣ уже не надо было прибѣгать ни къ чьимъ совѣтамъ, я сама поняла, что со мной дѣлается. Въ одинъ прекрасный день, я почувствовала будто что-то повернулось внутри меня. Сомнѣнія мои разсѣялись: я забеременѣла. Это открытіе поразило меня ужасомъ. Никакими словами нельзя выразить моего отчаянія.

Я, разумѣется, объявила моему обожателю о послѣдствіяхъ нашей грѣховной связи. Пьеро, казалось, былъ пораженъ не менѣе меня.

Онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и закрылъ лицо руками.

— Итакъ, — сказала я, — нашъ бракъ долженъ совершиться безотлагательно. Прошу тебя употребить всѣ средства, чтобы твой дядя поспѣшилъ пріѣхать въ Венецію. Если ему нельзя пріѣхать сюда безотлагательно, тогда пусть твой старшій братъ проситъ у отца моей руки для тебя. Главное, чтобы поскорѣе состоялась наша свадьба. Я надѣюсь, Богъ дастъ мнѣ силы скрыть мое положеніе. Обвѣнчавшись, мы будемъ спасены.

Страшная опасность, въ которой я находилась, пробудила во мнѣ всю мою энергію и рѣшимость; Пьеро, напротивъ, былъ смущенъ и колебался. Видя его нерѣшительность, я вскричала:

— Быть можетъ, ты предпочитаешь, чтобы я сама открыла отцу всю истину?

— Боже сохрани!—возразилъ испуганно Пьеро, — подобное открытіе было бы нашимъ страшнымъ несчастьемъ: тебя заперли бы на всю жизнь въ монастырь, меня въ тюрьму, а быть можетъ и казнили бы смертью.

— Слѣдовательно, для спасенія насъ остается лишь исполнить то, что̀ я предлагаю. Неужели я тебя должна уговаривать! Скажи есть въ тебѣ сердце?

— Ахъ, Біанка!—отвѣчалъ онъ,—еслибы ты знала, какъ душа моя страдаетъ, такъ она растерзана... Но ты не принимаешь въ соображеніе всѣхъ препятствій,— наконецъ, тебѣ неизвѣстно настоящее положеніе вещей.

— Я знаю одно, что ты меня поставилъ въ это ужасное положеніе, ты и долженъ изъ него меня вывести.

— И я это сдѣлаю!—вскричалъ онъ, будто только въ эту минуту рѣшаясь.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ прибавилъ:

— Но ты будешь тверда, рѣшительна?

— И ты меня объ этомъ спрашиваешь?

— Готова на все?

— Чтобы быть твоей женой, конечно!

— Хорошо, подожди меня завтра вечеромъ; я тебѣ сообщу мой планъ... Необходима только смѣлость и мы спасены.

— Но помни я жду отъ тебя не одних только словъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, на этотъ разъ это будутъ не одни слова, но и дѣло.

— И такъ до завтра!

— До свиданія, радость моей жизни.

Такъ мы и разстались. Я возвратилась въ мою комнату никѣмъ не замѣченною. Спать я не могла.

Впечатлѣніе разговора моего съ Піеро было черезчуръ сильно. Когда я оставалась одна, глазъ на глазъ съ моимъ несчастьемъ.

въ моемъ воображеніи рисовались картины опасностей, и я страшно страдала. Хотя свадьба и была моимъ единственнымъ спасеніемъ, но, пока она совершится, могло встрѣтиться не мало препятствій. Кромѣ того, если отецъ мой и дастъ согласіе, нельзя было надѣяться, что насъ обвѣнчаютъ тотчасъ же. Пойдутъ приготовленія приданаго, помолвка, балы, празднества и все, чтò въ обычаяхъ патриціевъ нашей страны. Но, что если во время всѣхъ этихъ приготовленій мое положеніе будетъ обнаружено,—думала я съ ужасомъ,—тогда я безвозвратно погибла. Еслибы была жива моя милая мама, другое дѣло, она помогла бы мнѣ скрыть мой стыдъ; но хитрая Гримани, которая съ такимъ восторгомъ хотѣла меня запереть на всю жизнь въ монастырь, открывъ мою тайну, вооружитъ противъ меня всѣхъ и будетъ доказывать, что выдать меня за моего соблазнителя, значитъ, не наказать грѣхъ, а, напротивъ, поощрить его. Отецъ, разумѣется, согласится съ ней и я погибну. Слѣдовательно, являлась неизбѣжная необходимость поспѣшить свадьбой. Но какъ это сдѣлать? Чтò значатъ слова Піеро, зачѣмъ онъ спрашивалъ меня могу ли я рѣшиться, буду ли смѣла? Почему съ нимъ вдругъ произошла какая-то перемѣна? Чтò все это значитъ?

Цѣлую ночь я задовала себѣ эти вопросы и никакъ не могла ихъ разрѣшить. Спать я, разумѣется, не могла; я бредила на яву.

На другой день я не выходила изъ моей комнаты до тѣхъ поръ, пока Маріетта не пришла ко мнѣ, чтобы проводить меня въ комнату, выходившую на каналъ, гдѣ устроивались наши свиданія съ Піеро.

На этотъ разъ мой обожатель былъ особенно взволнованъ и вообще имѣлъ какой-то странный видъ.

— Обдумала ты хорошо все, чтò я тебѣ вчера говорилъ? — спросилъ онъ, лишь только я показалась.

— Разумѣется, — отвѣчала я, съ смущеніемъ глядя на него.

— Значитъ, ты рѣшаешься на все? — продолжалъ Піеро допрашивать, сверкая глазами.

— Я уже тебѣ сказала.

— Ты не побоишься скомпрометировать себя, способна всѣмъ рискнуть?

— Чтò ты этимъ хочешь сказать?

— Я говорю тебѣ: насъ можетъ спасти только смѣлость.

— Смѣлость ты говоришь, но какимъ образомъ?

— Да, малѣйшая нерѣшительность насъ погубитъ...

— Ты меня пугаешь!

— Біанка, моя обожаемая Біанка, насъ можетъ спасти только бѣгство...

— Бѣгство! Ты мнѣ предлагаешь бѣжать?! Но ты бредишь, мой милый!

— Нѣтъ, Біанка.

— Но бѣгство было бы позоромъ нашей фамиліи! И ты рѣшаешься дѣлать мнѣ подобныя предложенія, ты, Сальвіати?!

— Выслушай меня ради Бога, Біанка, умоляю тебя выслушай... Это единственное средство спасенія.

— Единственное! Но, что̀ ты говоришь? Развѣ у насъ нѣтъ времени, развѣ я не могу быть твоей законной женой?

— Да, конечно, ты можешь быть моей женой; но не по согласію твоего отца, не общепринятымъ порядкомъ.

— Это почему? Слѣдовательно, есть какія-нибудь препятствія, и ты ихъ скрывалъ отъ меня? Говори мнѣ сейчасъ, я хочу знать твою тайну.

— О, Біанка, Біанка, прости меня,—вскричалъ съ отчаяніемъ Пьеро, падая на колѣни.

— Простить! Да въ чемъ же? — отвѣчала я, пораженная ужасомъ.—Что̀ ты сдѣлалъ, несчастный, что̀, говори!

— Я тебя обманывалъ, — продолжалъ Пьеро, закрывъ лицо руками.

— Ты меня обманывалъ? какимъ образомъ?

— Я не Сальвіати.

Это открытіе поразило меня точно громомъ. Въ первый моментъ на меня напалъ столбнякъ, я ничего не могла сообразить. Въ головѣ моей былъ какой-то хаосъ. Но это состояніе длилось не долго, точно лучъ свѣта озарилъ мой мозгъ, я поняла весь ужасъ моего положенія и страшная злоба закипѣла въ моей груди, я схватила за руку моего несчастнаго любовника, стоявшаго на колѣняхъ, и вскричала:

— А! ты не Сальвіати? Кто же ты, негодный обманщикъ?! Кто ты?

— Прости, прости! — отвѣчалъ мнѣ Пьеро, все ниже и ниже опуская голову.

Отчаяніе и страшное горе вытѣснили мою любовь, въ эту минуту я съ наслажденіемъ разорвала бы на клочки этого негодяя, плакавшаго у ногъ моихъ.

— Отвѣчай же, я тебя спрашиваю: кто ты такой?!. — кричала я.

— Прости, прости!

Я должна была выждать, пока онъ хотя немного успокоится, потому что его рыданія мѣшали ему связно говорить. Прошло нѣсколько минутъ, Пьеро всталъ и, низко склонивъ голову, началъ:

— Я не Сальвіати. Меня зовутъ Пьетро Бонавентури; я флорентіецъ, простой служащій въ банкѣ Сальвіати. Я не дворянинъ

и не богатъ. Мнѣ никогда нельзя было разсчитывать получить твоей руки.

— Негодяй!—вскичала я въ страшномъ негодованіи,—зачѣмъ же ты меня обманывалъ?!

— Имѣйте ко мнѣ состраданіе, Біанка, въ эту минуту я несчастнѣйшій изъ людей. Я, вѣрьте мнѣ, никогда не хотѣлъ васъ обманывать. Когда я полюбилъ васъ, я не имѣлъ намѣренія скрывать мое имя. Но вы сами приняли меня за Сальвіати, благороднаго и богатаго. Признаюсь вамъ, я не имѣлъ духа разсѣявать ваше заблужденіе. Я былъ виноватъ, очень виноватъ, но подумайте, Біанка, что было причиною моей вины? — Безпредѣльная любовь къ вамъ.

Я сдѣлала жестъ отвращенія.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ сказать все, — продолжалъ Пьетро, — повторяю, я васъ безпредѣльно любилъ. Какъ же, скажите, я могъ сойти съ того пьедестала, на который вы меня поставили? Гдѣ взялъ бы я силу идти противъ своего счастья, лишиться вашей любви, уваженія и стать въ глазахъ вашихъ ничтожнымъ труженикомъ? О, нѣтъ, на такой подвигъ я не былъ способенъ, для подобнаго самоотверженія у меня не хватало силъ. Я не могъ быть героемъ и въ этомъ, признаюсь, моя вина. Теперь судите меня, Біанка, и я готовъ сію минуту покориться вашему приговору.

Сказавъ это, онъ отворилъ дверь на каналъ—черный въ этотъ поздній часъ ночи.

Я его остановила.

Не смотря на мое горе, на глубокое оскорбленіе, мнѣ вдругъ стало жаль Пьетро. Его страстная, краснорѣчивая рѣчь, обильныя слезы и, какъ мнѣ казалось, искреннее раскаяніе, меня тронули; чувство злобы и мести прошло, я не хотѣла, чтобы онъ умиралъ. Прощаясь, я протянула ему руку. Пьетро упалъ на колѣни и, обливая мою руку слезами, говорилъ, что соглашается жить единственно для того, чтобы заслужить мое прощеніе.

XI.

Оставшись одна съ Маріеттой, я не знала, что говорить... на что рѣшиться... Повѣренная моихъ тайнъ была не менѣе меня несчастна, она никогда не подозрѣвала обмана, жертвой котораго была ея госпожа. Поощряя мою любовь къ Піетро, она считала его за богатаго и знатнаго Сальвіати. Узнавъ всю исторію, бѣдная Маріетта горько заплакала. Но слезами помочь дѣлу было нельзя. Въ моемъ ужасномъ положеніи слѣдовало принять безотлагательное

рѣшеніе. Необходимо было тотчасъ же обсудить предложеніе, сдѣланное мнѣ моимъ любовникомъ: бѣжать, или нѣтъ?

Опять возникла борьба въ головѣ моей. Впечатлѣніе страшнаго оскорбленія было еще сильно, мнѣ казалось отвратительнымъ слѣдовать за человѣкомъ, обманувшимъ меня, и быть его женой. Съ другой стороны, я понимала, что любовь ослѣпила Пістро, заставила его такъ дурно поступить со мной. Наконецъ, этотъ человѣкъ не могъ мнѣ быть чужимъ: я подъ сердцемъ носила плодъ нашей преступной связи. Какъ я могла разорвать этотъ узелъ, связывающій насъ?

Покидая домъ отца, я окончательно подвергала себя осужденію, навсегда лишалась семьи и отчизны; но дома, что меня ожидало? Скрывать долѣе мое положеніе являлось невозможнымъ. Вскорѣ долженъ былъ открыться мой грѣхъ и тогда меня ожидало страшное наказаніе. Самое малое, какъ справедливо сказалъ Пістро, меня на всю жизнь заперли бы въ монастырь, но не въ такой, гдѣ монахини проводятъ время пріятно, какъ монастырь св. Захарія, а въ настоящую тюрьму, ужасную, и тамъ мнѣ суждено было покончить дни мои; юныя мечты мои, святыя вѣрованія въ монастырскую жизнь для кающихся, посвятившихъ себя Богу, были окончательно разбиты въ монастырѣ св. Захарія, разочарованіе мое было полное. Теперь мнѣ предстояла пожизненная тюрьма; между тѣмъ, я была молода, полна силъ, испытала счастье, сладость любви, хотѣла жить, надѣялась, а тутъ смерть, могила. Нѣтъ, я не хочу смерти, въ могилѣ вѣчный мракъ, тишина, ледяной холодъ, а я хочу свѣта, удовольствій, любви, я хочу жизни! Надо принять его предложеніе,—думала я,—это единственный путь къ моему спасенію, указанный мнѣ судьбой!

На другой день, вечеромъ, я сообщила Пістро въ присутствіи Маріетты о моемъ рѣшеніи. Мы сговорились устроить наше бѣгство такимъ образомъ. Ночью мужъ Маріетты довезетъ меня въ гондолѣ до острова Бурано, гдѣ Пістро долженъ ожидать меня съ баркой, на которой послѣ фальшивыхъ маневровъ по лагунѣ, мы достигнемъ до канала Фузино и по материку, переѣхавъ Папскія владѣнія, будемъ въ Тосканѣ.

Такимъ образомъ, я стала готовиться къ бѣгству. Было бы очень долго говорить о лихорадочныхъ волненіяхъ этихъ дней, о планахъ и мечтахъ нашихъ. Маріетта постоянно была посредницей между нами и своимъ здравымъ смысломъ разбивала наши мечты. Я мало-по-малу стала привыкать къ мысли о бѣгствѣ. Пістро уже не внушалъ мнѣ отвращенія, моя любовь къ нему опять проснулась. Мнѣ его было жаль и я окончательно его простила. Моя молодая фантазія рисовала мнѣ самыми поэтическими красками бродячую и полную приключеній жизнь, на которую я рѣшилась. Самая опасность имѣла прелесть въ моихъ глазахъ.

Наконецъ, день бѣгства былъ назначенъ. Пістро уѣхалъ.

На другой день Маріетта мнѣ сказала:

— Синьорина моя, Пістро, съ которымъ вы бѣжите, бѣденъ: вы подумали объ этомъ?

— Что ты этимъ хочешь сказать?—отвѣчала я,—какъ же мнѣ иначе поступить, я вынуждена необходимостью. Будемъ надѣяться на Бога.

— А я бы совѣтывала вамъ немного обезпечить себя, чтобы не впасть въ нужду.

— Но какимъ образомъ?

— Въ сундукѣ, что стоитъ въ вашей комнатѣ, хранятся драгоцѣнности покойной вашей матери. Они ваши, почему бы вамъ не взять ихъ? Тридцать тысячъ скуди, которые они стоятъ, могли бы предохранить васъ отъ голода.

— Развѣ я могу это сдѣлать? Не будетъ ли это значить, что я украла драгоцѣнности моей покойной матери?

— Нисколько. Ваша матушка въ могилѣ и если бы она была жива, съ вами ничего дурного не случилось бы. Драгоцѣнности она назначила вамъ, слѣдовательно, вы берете свое, а не чужое.

Въ концѣ концовъ Маріетта убѣдила меня и я рѣшилась послѣдовать ея совѣту. Ключъ отъ сундука отецъ мнѣ отдалъ послѣ своей женитьбы. Я отперла сундукъ, вынула драгоцѣнности и стала ихъ разсматривать. Въ памяти моей живо воскресъ образъ милой, доброй мамы, которая носила ихъ, сначала мнѣ совѣстно было ихъ брать, но потомъ, взглянувъ на портретъ мамы, улыбающейся, будто благословляющей меня, я вспомнила, что всѣ эти драгоцѣнности она, дѣйствительно, предназначала мнѣ, и, обливаясь слезами, я рѣшилась ихъ взять.

. . . .

Въ эту ночь свѣтила луна. Маріетта и ея мужъ просили отложить бѣгство, но я не могла долѣе переносить эту пытку неизвѣстности и объявила имъ, что мое намѣреніе неизмѣнно.

Покидая мою комнату, я поцѣловала портретъ мамы, какъ единственную дорогую мнѣ святыню. Объ отцѣ я не думала. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился и всю свою нѣжность сосредоточилъ на новомъ семействѣ, онъ для меня былъ постороннимъ; я безъ сожалѣнія съ нимъ разставалась. Одѣвшись во все черное, укутавшись въ мантилью такого же цвѣта, и взявши маленькую шкатулку, гдѣ хранились драгоцѣнности мамы, я спустилась къ каналу въ сопровожденіи Маріетты, и мы сѣли въ гондолу. Джіороламо быстро взмахнулъ веслами, я взглянула на палаццо, освѣщенный луной, гдѣ родилась, который покидала навсегда. Мнѣ вдругъ стало нестерпимо грустно, хотѣлось воротиться, еще разъ взглянуть на все, что мнѣ было такъ дорого, но я пересилила свое

Біанка Капелло на балконѣ.

дозв. ценз. спб., 20 декабря 1889 г.

волненіе и, завернувшись въ мантилью, молча, опустилась на подушку.

Гондола быстро скользила по каналамъ города; вскорѣ мы выѣхали на лагуну и достигли острова Бурано. Здѣсь меня встрѣтилъ Піетро Бонавентури. Моя вѣрная Маріетта обняла меня, заливаясь горькими слезами, а добрый Джіороламо крѣпко поцѣловалъ мою руку. Мнѣ горько было разставаться съ Маріеттой, я точно отрывалась отъ всего родного. Піетро помогъ мнѣ пересѣсть на барку и мы разстались. Долго я слѣдила за удаляющейся гондолой, на которой уѣзжали отъ меня навсегда мои вѣрные друзья: Маріетта и Джіороламо. Гребцы наши сильно налегали на весла и вскорѣ дорогая гондола скрылась изъ глазъ. Легкій попутный вѣтерокъ рябилъ воду, между тѣмъ, луна сіяла во всей своей красотѣ. Такимъ образомъ, мы благополучно прибыли въ Фузино. Здѣсь я переодѣлась въ мужское платье и рядомъ съ Піетро верхомъ на лошади, въ сопровожденіи контрабандистовъ поскакала по мало извѣстнымъ тропинкамъ. Мы ѣхали цѣлый день. Ночью немного отдохнули въ хижинѣ крестьянина. На другой день, вечеромъ, мы переѣхали на баркѣ рѣку По. Картина была грустная. Лучи заходящаго солнца обливали точно кровью бурную рѣку, издалека слышался звонъ колокола, призывавшаго къ Ave Maria; мнѣ вдругъ сдѣлалось невыразимо грустно, я заплакала.

По другую сторону рѣки мы уже были въ герцогствѣ Феррарскомъ. Съ переѣздомъ границы венеціанской республики для насъ миновалась опасность. Первый разъ во все время путешествія мы покойно отдохнули. Затѣмъ, проѣхавши никѣмъ не замѣченные герцогство, мы достигли болонскихъ владѣній.

Я не хотѣла пріѣзжать во Флоренцію, не обвѣнчавшись съ Піетро, о чемъ и объявила ему. Онъ изъявилъ полное согласіе и мы обвѣнчались въ церкви одной болонской деревни.

Бракъ былъ совершенъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей при двухъ постороннихъ свидѣтеляхъ. Такимъ образомъ, я черезъ три дня пріѣхала во Флоренцію супругой Піетро Бонавентури.

Увы! великолѣпная столица Тосканы не оправдала моихъ мечтаній. Она мнѣ показалась грустною.

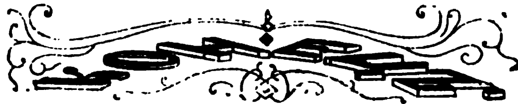
И вотъ я, запертая въ четырехъ стѣнахъ, могу видѣть только площадь св. Марка, которую сравниваю съ венеціанской площадью того же названія, извѣстной своей величественной красотой.

Здѣсь я влачу мои печальные дни... Здѣсь я погребена тѣмъ, кого судьба назначила мнѣ въ мужья...

Изъ Венеціи я получаю только роковыя вѣсти: я осуждена съ позоромъ, Піетро тоже, его старый дядя Джіованни Батисто, осужденный за сообщничество съ племянникомъ, посаженъ въ колодцы;

Маріетта и Джіороламо тоже въ тюрьмѣ и по всей вѣроятности въ самой суровой.

А со мной что̀ будетъ, осужденной, преслѣдуемой наемными убійцами?.. Впрочемъ, оно и лучше, по крайней мѣрѣ окончится это жалкое существованіе.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Андріяшевъ, А. Руководство къ разумному пчеловодству. Изд. 2-е, значит. дополнен. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Багалѣй, Д. И. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. въ XVI—XVIII ст. Т. II. Харьковъ. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Базинеръ, Ѳ. Ѳ. Эпикуреизмъ и его отношенія къ новѣйшимъ теоріямъ естественныхъ и философскихъ наукъ. Одесса. 1889 г. Ц. 50 к.

*) **Беккеръ, К.** Древняя исторія, вновь обработанная Вильгельмомъ Мюллеромъ. Съ 95-ю рисунками и 2-мя раскраш. картами. Ч. II. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Бильярдъ. Практическое пособіе для правильнаго изученія теоріи и техники бильярдной игры. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Богачевъ, Н. Свобода человѣка на земномъ мірѣ. М. 1890 г. Ц. 30 к.

Боттонъ, С. Р. Практическое руководство къ изготовленію электрическихъ приборовъ. Изд. 2-е, пересмотр. и дополнен. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Въ 3-хъ частяхъ. Ч. III. М. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Васнель, Я. Темное дѣло. Повѣсть. (Изъ разсказовъ сибирскаго стряпчаго). Томскъ. 1890 г. Ц. 50 к.

Верга, Дж. Ева. Романъ. М. 1890 г. Ц. 50 к.

Верновичъ, С. И. Дополненіе къ книгѣ „Топографическо-этнографическій очеркъ Македоніи". Спб. Ц. 50 к.

Виреніусъ, А. Переутомленіе у учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Всеобщая исторія литературы. Начата подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакціей А. Кирпичникова. Вып. XXIV. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Вопросы философіи и психологіи, подъ редакціей проф. Н. Я. Грота. Кн. I. Изданіе 2-е. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Воеводскій, Н. и баронъ Ю. Искуль. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12-го іюня 1890 г. и дополнит. къ нему постановленія объ отдѣльныхъ отрасляхъ дѣятельности земства. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Выдринъ, В. И. Сборникъ узаконеній по нотаріальной части, со всѣми позднѣйшими измѣненіями и дополн. Изд. 3-е. Кіевъ. 1889 г. Ц. 3 р.

Гольденвейзеръ, А. С. Соціальное законодательство Германской имперіи. Страхованіе рабочихъ. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Гохманъ, Х. І. Кинематика машинъ. Т. I. Одесса. 1890 г. Ц. 4 р.

Гоше, Н. Руководство къ плодоводству для практиковъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ измѣнен. и дополн. относительно Россіи, составл. подъ редакц. проф. А. Ѳ. Рудзкаго. 2 т. Спб. 1890 г. Ц. за 2 т. 12 р.

Гусевъ, А. Н. Уставъ путей сообщенія, измѣнен. и дополн. по прод. 1886, 1887 и 1889 гг. Харьковъ. 1890 г. Ц. 2 р.

Давыдовъ, Ю. А. Тайный заговоръ и сверженіе Кобургскаго. Харьковъ. 1890 г. Ц. 25 к.

Данилевскій, М. Вѣра. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Харьковъ. 1890 г. Ц. 75 к.

Дмитріевъ, М. Д. Первыя страницы алгебры. (По программѣ 4-хъ классовъ кадетск. корпусовъ). Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

*) **Екатерина II, императрица.** Избранныя сочиненія. Книжка вторая. („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.

*) — Избранныя сочиненія. Книжка 3-я. („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Составл. подъ редакціей Ю. И. Юрлова. Т. VI. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ивановскій, И. Собраніе дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Т. I. Ч. 1-я и 2-я. Одесса. 1890 г. Ц. 3 р. 25 к.

Іолли, Л. Народное образованіе въ западно-европейскихъ государствахъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карскій, М. Б. (Левинъ). Аккорды и звуки. (Стихотворенія). Одесса. 1890 г. Ц. 75 к.

Квитка, Г. Ѳ. Повѣсти и разсказы Грыцько Основьяненко. Т. IV. Харьковъ. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ концентрическаго учебника французскаго языка В. С. Игнатовича. Харьковъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Крафftъ-Эбингъ, проф. Лекціи: 1) Значеніе психіатріи, какъ клинической науки. 2) Dementia paralytica или прогрессивный параличъ. М. 1890 г. Ц. 80 к.

Ланге, д-ръ. Аффекты (душевныя движенія). Психофизическій этюдъ. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Лебедевъ, А. Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Левaковскій, И. Воды Россіи по отношенію къ ея населенію. Харьковъ. 1890 г. Ц. 2 р.

Ленингъ, Э. Полиція нравственности (пьянство, азартныя игры, половое распутство и истязаніе животныхъ). Спб. 1890 г. Ц. 80 к.

Лѣтній календарь для посѣтителей черноморскихъ курортовъ на 1890 годъ. Спб. Ц. 1 р.

Любимовъ, Д. С. Волостной судъ. Общедоступная справочная книга. Москва. 1890 г. Ц. 50 к.

Мальцовъ, П. И. Справочная книга для инженеровъ, механиковъ и строителей. Изд. 2-е, перераб. Ч. I. Общая механика. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мантегацца, П. Физіологія ненависти. Одесса. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Марковичъ, А. И. Двадцатипятилѣтіе Импер. Новороссійскаго университета. Одесса. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михаилъ, епископъ. Толковый Апостолъ. Кн. II. Соборныя посланія св. апостоловъ, на славянскомъ и русскомъ нарѣчіи, съ предисл. и подробн. объяснительными примѣч. Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Минхъ, Г. Н. Проказа и песь. Т. II. Исторія проказы и песи. Вып. 1-й. Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р.

Модестовъ, В. И. Русская наука въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Публичныя лекціи. Одесса. 1890 г. Ц. 40 к.

Мотыжинскій архивъ. Акты Переяславскаго полка XVII—XVIII в. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изд. 10-е. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Настольный энциклопедическій словарь. Изд. А. Гербель и К°. Вып. 2-й. М. 1890 г. Ц. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Николаевъ, Ю. Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстого. Критическій этюдъ. М. 1890 г. Ц. 50 к.

Нетыкса, М. А. Практическій курсъ столярнаго искусства. Съ атласомъ. М. 1890 г. Ц. 7 р.

Новиковъ, Я. А. Протекціонизмъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Обязательныя патолого-анатомическія изслѣдованія студентовъ-медиковъ Имп. Харьковск. университета выпуска 1890 г. Харьковъ. Ц. 1 р. 50 к.

Одоевскій, А. И., князь (декабристъ). Полное собраніе стихотвореній. М. 1890 г. Ц. 75 к.

*) **Одоевскій, В. Ѳ.,** князь. Повѣсти. Книжка 1-я („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

*) — Повѣсти. Книжка 2-я. („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

Первольфъ, І. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. III. Ч. I-я. Варшава. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Положенія и правила о земскихъ участковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

По вопросу о значеніи привилегій и порядкѣ ихъ выдачи. Обзоръ нѣкоторыхъ изобрѣтеній по желѣзнодорожному дѣлу, привилегированныхъ въ Германіи въ 1888 и 1889 гг. Спб. Ц. 65 к.

Prochownick, L., d-r. Массажъ въ гинекологіи. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Пфлюгеръ, Э. Ф. В. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса. 1890 г. Ц. 30 к.

Пѣшковъ, Дмитрій. Путевыя записки (дневникъ), отъ Благовѣщенска до Петербурга. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Радивановскій. Практическая фотографія или собраніе практическихъ свѣдѣній и рецептовъ по фотографіи и ея примѣненіямъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Регель, Э., д-ръ. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Ч. II. Вып. 1-й. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Религіозно-нравственныя стихотворенія. Собраны іеромонахомъ Евгеніемъ. Спб. 1890 г. Ц. 80 к.

Ровинскій, П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. I. (Сборн. Имп. Академіи Наукъ, т. 45-й). Спб. 1888 г. Ц. 3 р.

Рудзкій, А., проф. Лѣсная таксація. Изданіе 2-е, исправ. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Русская военная сила. Вып. XI. М. 1890 г. Ц. 60 к.

«Русское судоходство». Ежемѣсячный журналъ, №№ 121 и 122. Апрѣль и май 1890 г. Спб. Ц. отд. № 1 р.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. IV. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Рѣдниковъ, Ил. Сборникъ замѣчательныхъ изреченій, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ. Издан. 2-е, исправл. и дополнен. Вятка. 1890 г. Ц. 1 р.

Рытовъ, М. Русская капуста. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Савановскій, А. А. Дополненіе къ общему уставу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ по 15-е іюня 1890 г. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. II. Харьковъ. 1890 г. Ц. 4 р.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е мая 1890 г. Спб. Ц. 50 к.

«Семейная Библіотека», № 7. С. С. Смирнова. „Огонекъ". Романъ. Ч. III. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Синани, И. О. Исторія возникновенія и развитія караимизма. Симферополь. 1888 г. Ц. 2 р.

Спасовичъ, В. Д. Сочиненія. Т. III. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Этнографическія замѣтки. М. 1889 г. Ц. 25 к.

— Воронъ въ народной словесности. М. 1890 г. Ц. 25 к.

— Степанъ Лукичъ Гаевскій. Харьковъ. 1890 г. Ц. 25 к.

Томсонъ, А. Историческая грамматика современнаго армянскаго языка города Тифлиса. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тихоміровъ, Л. Начала и концы. „Либералы" и террористы. М. 1890 г. Ц. 40 к.

Троицкій, И. Обличеніе заблужденій штундизма. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

Трофимовъ, Вл. Походъ подъ Казань ея осада и взятіе въ 1552 г. Казань. 1890 г. Ц. 80 к.

Уффельманъ, Ю., д-ръ. Руководство частной и общественной гигіены ребенка. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фалькнеръ, И. С. Самоубійства въ Одессѣ. (Статистическій очеркъ). Одесса. 1890 г. Ц. 50 к.

Филипповъ, М. М. Хорваты и борьба ихъ съ Австріей. Съ введеніемъ и эпилогомъ М. Д. Балайградскаго. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Ферри, Э. Преступленія и преступники въ наукѣ и въ жизни. Одесса. 1890 г. Ц. 40 к.

Чижовъ, Вл. Памятная книжка для земскаго начальника, уѣзднаго съѣзда и волостного суда. М. 1890 г. Ц. 25 к.

«Шахматы». Ежемѣсячный журналъ. Подъ редакц. И. Е. Митропольскаго. № 5, май 1890 г. Спб. Ц. отд. № 75 к.

Шофильдъ, А. Т. Иной міръ или четырехмѣрное пространство. Кіевъ. Ц. 60 к.

Шрамченко, М. Положеніе о наймѣ на сельскія работы. (Т. XII, ч. 2-я, издан. 1886 г.) и уставъ о промышленности. (Т. XI, ч. 2, издан. 1887 г.). Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эйхельманъ, О., проф. Обзоръ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій управленія въ Россіи. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ, съ предисл. В. Шрадера. Ревель. 1889 г. Ц. 3 р.

Эссенъ-фонъ, М. Новыя таблицы готовыхъ разсчетовъ провозныхъ платъ при нагрузкѣ вагона въ 600, 610, 700 и 750 п. отъ 1 до 3,000 вер. (Для хлѣбныхъ грузовъ). Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Юриевичъ, М. В. Д. А. Славянскій въ его четверть-вѣковой художественной и политической дѣятельности (съ портретомъ). М. 1889 г. Ц. 3 р.

Янжулъ, Екатерина. Рукодѣліе какъ предметъ обученія въ народной школѣ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Яснопольскій, Н. П. О географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ Россіи. Ч. I. Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять рублей** съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

СЕНТЯБРЬ, 1890

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1890 г.

См. слѣд. стр.

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ПЕРВАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и политическія статьи С. С. Татищева. Спб. 1890. **П. М.**—Исторія русской этнографіи. Т. I. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. А. Н. Пыпина. Спб. 1890. **С.**—Ѳ. И. Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Спб. 1890. **В. М.** — Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. П. О. Бобровскаго. Спб. 1890. **Н. С. К.** — Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. VIII, вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. И. И. Смирнова. Казань. 1890. **В. Б.** — Литературныя встрѣчи и знакомства. А. П. Милюкова. Спб. 1890. **С. Т—чева.**—Двинскіе или Борисовы камни. Изслѣдованіе А. Сапунова. Изд. Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Витебскъ. 1890. **М. Г—цкаго.**—В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ. Кіевъ. 1890. **В. Б.**—Великій князь Георгій Михаиловичъ: «Монеты царствованія императора Николая I». Спб. Gr. in. 4°. Съ портретомъ императора Николая Павловича, исполненнымъ геліогравюрою, съ фототіалотипическими — заглавнымъ листомъ и 41 таблицею изображеній монетъ; 2 листа заглавія, 1 посвященія; XII, 281 стран. текста. **Н. Лихачева.**—Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1890. **В. М.**—Н. Ардашевъ. Регламентъ вотчинной коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1840 годовъ. Москва. 1890. **В. Латкина.** — Сочиненія А. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1890. **В. А.**—Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотреннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ двѣнадцатый. Переводъ Андреева (до 458 стран.) и В. Невѣдомскаго (съ 459 стран.). Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1890. **А. К.** — Инн. Кузнецовъ. Древнія могилы Минусинскаго округа. Томскъ. 1890. **В. Б.** — Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1890. **В. А.** — Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Составилъ А. П. Лопухинъ. Томъ первый. Отъ сотворенія міра до пророка Самуила. 1889. Томъ второй. Отъ пророка Самуила до Р. Х. Спб. 1890. **А. С—ва.** — Г. Борепіусъ. Акты для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго. Гельсингфорсъ. 1890. **В. Латкина.**—Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Составилъ ректоръ Кіевской духовной семинаріи архимандритъ Борисъ. Періодъ второй (313—529 гг.). Казань. 1890. **С. А—ва.**—Очеркъ по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв. Сочиненіе В. Якушкина. Выпускъ первый. XVIII вѣкъ. Москва. 1890. **В. М.**—И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1753 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Вып. второй. Казань. 1890. **А. Б—ва.**—Городъ Любимъ и упраздненныя обители въ Любимѣ и его уѣздѣ.

ОСИПЪ ПЕТРОВИЧЪ КОЗОДАВЛЕВЪ.

Съ гравированнаго портрета Зенфа.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 25 АВГУСТА 1890 Г.

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ? [1]

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

XXXI.

Страшная вѣсть.

АРЬ Алексѣй Михайловичъ, впечатлительный и мечтательный по природѣ, поэтъ въ душѣ, говоря современнымъ языкомъ, очень любилъ всякую торжественную обрядность и «дѣйство», въ родѣ «пещнаго дѣйства», а впослѣдствіи и «комидійныхъ дѣйствъ». Нравились ему и благочестивыя зрѣлища съ обрядовою обстановкою, и благочестивое, душеспасительное пѣснопѣніе странниковъ и «каликъ перехожихъ», и онъ охотно слушалъ духовные стихи о «богатомъ и убогомъ Лазарѣ», «о грѣшной душѣ» и т. п.

И теперь, когда онъ занимался въ своей образной горницѣ съ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, на заднемъ крыльцѣ Коломенскаго дворца сидѣли двое «каликъ перехожихъ», о которыхъ онъ слышалъ отъ царевенъ и въ особенности отъ царевны Софьи, что они поютъ разные, «зѣло предивные стихи».

Дѣла были неотложныя. Съ нижней Волги съ самаго ея вскрытія не было никакихъ вѣстей, а между тѣмъ ходили слухи, что Разинъ съ Дону уже двинулся къ Волгѣ. Нужно было озаботиться о снаряженіи на Волгу, въ «плавную службу», какъ можно болѣе ратныхъ людей съ верхней Волги и съ Камы. Поэтому сегодня долженъ былъ выѣхать на Вятку съ государевою «памятью» мо-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLI, стр. 241.

лодой Ординъ-Нащокинъ, Воинъ, который съ ратными людьми просился въ Астрахань—на всякій случай—въ помощь къ тестю своему, къ князю Прозоровскому.

Вотъ эту «память» и докладывалъ теперь царю Алмазъ Ивановъ. О взятіи Разинымъ Царицына и о разгромѣ посланныхъ изъ Казани стрѣльцовъ до Москвы еще не дошли слухи, такъ какъ единственный путь для сношенія съ низовыми городами—Волга—былъ уже въ рукахъ у казаковъ, одинъ отрядъ которыхъ, посланный Разинымъ изъ Царицына вверхъ по Волгѣ, овладѣлъ Дмитріевскомъ, что нынѣ Камышинъ.

— Да, да, настали для насъ «злыдни»,—говорилъ Алексѣй Михайловичъ какъ бы самъ съ собою, пока Алмазъ Ивановъ надѣвалъ очки, чтобы читать память:—надо торопить съ плавною службою. Ну, вычти...

Алмазъ Иаановъ началъ читать: «Лѣта 7179-го, маія въ 30 день, по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, память Воину Ордину-Нащокину. Ѣхати ему на Вятку, для того: по государеву указу, велѣно быти на государевѣ службѣ, въ плавной, съ бояриномъ и воеводою, со княземъ съ Юрьемъ Борятинскимъ съ товарищи, съ Вятки ратнымъ людемъ полтретьи тысячи человѣкомъ; да велѣно на Вяткѣ для государевы плавные службы сдѣлати сто струговъ».

— Сто струговъ? не мало?—спросилъ государь.

— Въ перву версту, государь, довольно,—отвѣчалъ дьякъ.

— Добро. Ну?

Дьякъ продолжалъ: «А посланъ изъ Казани для тѣхъ судовъ Офонька Косыхъ. И Воину, пріѣхавъ на Вятку, отдати отъ боярина и воеводы отъ князь Юрья Борятинскова съ товарищи дьяку Сергѣю Резанцеву съ товарищи жъ отписку, и говорити имъ, чтобъ они собрали на Вяткѣ ратныхъ людей полтретьи тысячи человѣкъ тотчасъ, съ вогненнымъ и съ лучнымъ боемъ, и рогатины бъ у нихъ съ припоры были; а были бъ ратные люди молоды и рѣзвы...»

— Не то что мы съ тобой,—улыбнулся Алексѣй Михайловичъ.

— Гдѣ жъ намъ, государь, холопемъ твоимъ тягаться съ твоею государевою рѣзвостью!—пробурчалъ дьякъ свой придворный комплиментъ, и продолжалъ докладъ:—«и изъ пищалей бы стрѣляти были горазды, а старыхъ бы и недорослей въ нихъ не было. А какъ на Вяткѣ ратныхъ людей сберутъ, и Воину съ тѣми ратными людьми ѣхати въ Казань тотчасъ съ вешнею водою вмѣстѣ, а Офонасью Косыхъ съ стругами велѣти ѣхати въ Казань тотъ же часъ не мѣшкая, чтобъ за тѣмъ государевѣ службѣ мотчанья не было. А не пришлютъ съ Вятки ратныхъ людей вскорѣ, по государеву указу, всѣхъ сполна, а государевѣ службѣ учинитца за ними мотчанье, и вятчанъ пошлютъ изъ прогоновъ и пеню имъ учинятъ по государеву указу».

Алмазъ Ивановъ кончилъ.

— Быть по сему,—заключилъ государь.—Пущай же Воинъ ѣдетъ безъ мотчанья. Все доложилъ?

— Все государь,—отвѣчалъ дьякъ, собирая въ сумку докладные свитки.

Дьякъ откланялся и вышелъ, а государь отправился на дѣвичью половину. Тамъ въ покояхъ царевны Софьи онъ засталъ постояннаго посѣтителя дѣвичьихъ покоевъ Симеона Полоцкаго, который продолжалъ заниматься съ любознательной царевной, а также пріятельницу ея, молоденькую жену Воина Ордина-Нащокина, Наталью Семеновну, и Артамона Сергѣевича Матвѣева съ своею юною воспитанницей, Натальей же Кириловной Нарышкиной.

— А! и ты, старый, тутъ съ молоденькими,—милостиво поздоровался государь съ Матвѣевымъ.

Матвѣевъ сталъ замѣчать, что Алексѣй Михайловичъ, встрѣчая иногда у дочери юную его воспитанницу, обращалъ на нее особенное вниманіе, и, казалось, она ему серьезно нравилась. Это и заставило его учащать къ Софьѣ Алексѣевнѣ съ своею «царевною Несмѣяною», какъ онъ называлъ ее за то, что она почти никогда не смѣялась и хорошенькія глазки ея были всегда серьезны и задумчивы.

— Да вотъ, государь, моя-то царевна Несмѣяна соскучилась по государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, я и привезъ ее,—отвѣчалъ Матвѣевъ, кланяясь.—А я у нея и мамка, и нянька.

— Что же, дѣло хорошее,—замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ:—намъ, старикамъ, чѣмъ же инымъ и быть, какъ не няньками?

— Помилуй, государь!—возразилъ Матвѣевъ.—Не тебѣ бы это говорить, не намъ бы слушать! Тебѣ, великому государю, самая верста жениться.

Алексѣй Михайловичъ поспѣшилъ замять этотъ разговоръ, и обратился къ Симеону Полоцкому.

— А слыхалъ ты, Симеонъ Ситіановичъ, што нонѣ весной было трясеніе земли въ Персидѣ?—сказалъ онъ, садясь около дочери.

— Сказывали, государь,—отвѣчалъ ученый бѣлорусъ.—Былъ трусъ и въ Грекахъ.

— А отчего оное трясеніе земли бываетъ?—спросилъ государь.

— Я знаю, батюшка, отчего,—отозвалась Софья.

— О! да ты у меня всезнайка,—улыбнулся государь.—А ну-ну, разскажи.

— Оттого,—начала царевна покнижному,—егда вѣтры внидутъ въ скважни подъ землю и паки оттуду исходити имутъ, и не могутъ поразитися вонъ, и тогда отъ нихъ бываетъ трясеніе земли.

— Такъ, такъ... Ну, а съ чево эти скважни бываютъ?—допытывался государь.

— А съ тово—гдѣ земля вельми жестока, тамо есть на всякомъ мѣстѣ вода подъ тою землею въ исподѣ, и егда та бездна водная подвизается отъ вѣтровъ и вонъ выразитися вода жестокости ради земныя не можетъ, тогда раздираетъ землю великою силою, и сице ту страну двизаетъ,—скороговоркой проговорила Софья, какъ заученный урокъ [1]).

Симеонъ Полоцкій съ любовью смотрѣлъ на свою ученицу — она не ударила лицомъ въ грязь.

— Да, дивны дѣла рукъ божіихъ;—задумчиво проговорилъ Алексѣй Михайловичъ; и потомъ, обратясь къ молодой Ординой-Нащокиной, съ улыбкой спросилъ:—А что, Наталья, будешь плакать, муженька провожамши на ратное дѣло?

— Я ужъ и такъ, государь, плакала,—вспыхнула молодая женщина.—Я бъ и сама съ нимъ, коли можно, къ батюшкѣ поѣхала.

— О-о! прыткая! — улыбнулся государь. — А впротчемъ што дивйть!—ужъ коли матушки-игуменьи не испужалась—бѣжала къ жениху, дакъ вора Стеньки и подавно не испужаешься.

Молодая бѣглянка еще больше покраснѣла. Но Софья Алексѣевна замяла этотъ разговоръ.

— Чтожъ, батюшка,—позвать кàликъ?—сказала она.

— Позови, позови,—согласился Алексѣй Михайловичъ.

Царевна вышла и вскорѣ воротилась, но уже не одна: за нею осторожно ступая, какъ бы опасаясь провалиться, вошли въ свѣтлицу два странника. Одинъ изъ нихъ, помоложе, былъ совсѣмъ слѣпой: волосы его, сбившіеся шапкой и никогда повидимому нечесанные, падали на лобъ и на слѣпые глаза. Другой былъ зрячій старикъ, но безъ правой руки.—Войдя въ свѣтлицу, они разомъ поклонились земно, а потомъ, стоя на колѣняхъ, проговорили, осѣнясь крестнымъ знаменіемъ:

— Благословеніе дому сему и всѣмъ обитающимъ въ ономъ.

— Аминь,—набожно сказалъ царь.—Встаньте, страннички,— куда путь держите?

— Къ преподобнымъ Зосимѣ-Савватію на Соловки,—отвѣчалъ слѣпецъ.

— А откудова Богъ несетъ?

— Съ Астракани, государь-батюшка.

Этотъ отвѣтъ произвелъ общее движеніе. Молодая Ордина-Нащокина даже привскочила на мѣстѣ.

— Изъ Астрахани?—переспросилъ Алексѣй Михайловичъ.—А чтò тамъ слышно?—Что воевода, князь Прозоровскій?

— Были мы, государь-батюшка, у воеводы,—отвѣчалъ зрячій:— онъ насъ милостиво принялъ, отпустилъ съ миромъ и съ милостынею и велѣлъ помолиться святымъ угодникамъ о здравіи твоемъ,

---

[1]) «Книга глаголемая Лусидаріусъ».

великій государь, и всево государева дома, да велѣлъ еще помолиться о здравіи рабы божьей Натальи...

— Батюшка, родной мой!—вырвалось у Ординой-Нащокиной.

— Да приказалъ еще воевода,—продолжалъ старшій кàлика,—помолиться объ избавленіи града Астракани отъ вора и супостата Стеньки Разина.

— А што объ немъ слышно,—гдѣ онъ?—надъ кѣмъ промыслъ чинитъ? — стрепенулся Алексѣй Михайловичъ. — Оттудова давно нѣтъ вѣстей.

— Слышно, надёжа-грсударь,—сказывали, быдто воръ городъ Царицынъ добылъ и воеводу предалъ лютой смерти, — отвѣчалъ чуть слышно кàлика.

— Боже всемогущій!—воскликнулъ Алексѣй Михайловичъ, блѣднѣя:—пощади люди твоя, и грады, и веси, всемилостивый Господи!—Штожъ еще слышно—сказывайте.

— Охъ, надёжа-государь!—заплакалъ старшій странникъ:—не слыхали мы, а самъ я своими глазами видѣлъ злое дѣло ево — какъ и глаза у меня не ослѣпли отъ тово, што видѣли... Прошли мы это ужъ Енатаевской городъ и Черный-Яръ,—идемъ Вòлгою, бережечкомъ,—коли слышимъ: птица это каркаетъ, вороньё, да коршуны и орлы клекочутъ, ажъ страшно стало.—Смотрю я: птица та надъ Волгой тучею носится—такъ хмарою и застилаетъ небо.—Далѣ, болѣ, надёжа-государь, вижу я: кружитъ та хмара не то надъ высокими деревами, не то надъ островомъ какимъ, и то подымается хмара, то спустится къ тѣмъ деревамъ. — Далѣ-ближе, государь-батюшка, вижу я: то не дерева и не островы, а плывутъ по Волгѣ какъ бы двѣ посудины—ни то расшивы, ни то струги большіе, а на снастяхъ у тѣхъ струговъ изнавѣшено чтò-то будто красное, а на томъ красномъ понасѣли птицы видимо-невидимо: и коя птица стаями садится на тѣ снасти, да на то красное, а коя птица хмарою кружитъ, да каркаетъ, да клекочетъ — и уму непостижимо!—Далѣ-ближе, надёженька-государь, вижу ясно: плывутъ два большихъ струга, а помосты-то у нихъ—вымолвить страшно!—устланы мертвыми людьми—мертвецъ на мертвецѣ,—и все то стрѣльцы...

— Стрѣльцы!—въ ужасѣ проговорилъ царь.

— Стрѣльцы, надёжа-государь,— продолжалъ кàлика: — сотни ихъ тамъ понаметано, либо и тысщи, и на снястяхъ-ту все висятъ стрѣльцы: што ихъ тамъ изнавѣшено, и сказать не умѣю!—А на всемъ этомъ трупѣ сидитъ вороньё, да орлы, да коршуны, и клюютъ тѣ трупы, и дерутся промежъ себя за дòбычъ, и каркаютъ, и клекочутъ, и тучею-хмарою кружатъ!—Волосы ожили у меня на головѣ, надёжа-государь, — дыбомъ встали! — Мы стоимъ, смотримъ, да только крестимся.—А струги все плывутъ тихо, все плывутъ. И слышимъ мы, надёжа-государь, съ тѣхъ струговъ гласы чело-

вѣческіе: — «люди божьи! помолитесь объ насъ, грѣшныхъ, — объ рабѣ божьемъ Иларіонѣ, да объ рабѣ божьемъ Панкратѣ: мы-де стрѣлецкіе головы, посланы были съ Казани съ ратными людьми для обереженья низовыхъ государевыхъ городовъ, и супостатъ-воръ Стенька надъ нами-де воровской промыслъ подъ Царицыномъ учинилъ и всю государеву рать, мало не до единово перебилъ вогненымъ смертнымъ боемъ, а насъ-де, Ларивона да Панкрата, оставилъ въ живыхъ для тово: плыли бъ мы, Ларивонъ да Панкратъ, съ мертвою государевою ратью въ Астракань на двухъ стругахъ, и поклонились бы астраканскому воеводѣ, князю Прозоровскому, мертвою государевою ратью, и сказали бъ воеводѣ, чтобъ онъ скоро ждалъ къ себѣ ево, вора Стеньки, приходу.—А мы-де — говорятъ Ларивонъ да Панкратъ, прикованы къ стругамъ чепью.

Какъ громомъ поразила всѣхъ эта страшная вѣсть. Алексѣй Михайловичъ, блѣдный, съ дрожащими губами, растерянно озирался. Симеонъ Полоцкій крестилъ и дулъ въ лицо молодой Ординой-Нащокиной, которая лежала въ обморокѣ. Юная Нарышкина Наталья вся дрожала и плакала. Матвѣевъ Артамонъ Сергѣевичъ тоже растерялся. Одна царевна Софья повидимому не растерялась: блѣдная, съ плотно сжатыми губами, она подошла къ отцу, который какъ-то безпомощно шепталъ: «злодѣи, злодѣи...»

— Батюшка, касатикъ!—взяла она его за руку: — пойдемъ... созови сейчасъ думу... бояръ всѣхъ, дьяковъ... За тебя станетъ вся русская земля—за тебя Богъ...

И какъ бы въ подкрѣпленіе мужественныхъ словъ юной царевны, кàлики тихо, молитвенно запѣли:

«Ой, у Бога великая сила...»

XXXII.

Братскія похороны и походъ.

Струги съ мертвой кладью достигли наконецъ Астрахани.

Этотъ страшный караванъ съ мертвецами, расклеванными до костей хищными птицами, прежде всѣхъ увидѣли астраханскіе рыбаки, закидывавшіе тони выше Астрахани. Какъ и кàлики перехожіе они не могли сначала понять, чтò такое плыло по Волгѣ и почему надъ этимъ невѣдомымъ «чтò-то» тучами кружились и кричали птицы.

Но скоро и для нихъ это «чтò-то» — чтò-то страшное — стало понятнымъ, особенно когда струги подплыли ближе и съ нихъ послышались слабые человѣческіе голоса, скорѣе—два стона, исходившіе отъ каждаго струга. Приблизившись къ нимъ въ лодкахъ, рыбаки, не смѣя взойти на страшныя пловучія кладбища, отъ

прикованныхъ къ рулямъ стрѣлецкихъ головъ узнали всю ужасную ихъ исторію. Невольные рулевые были чуть живы, но все еще настолько владѣли мускулами рукъ, что могли съ трудомъ направлять свои струги по стержню рѣки: они боялись приткнуться гдѣ-либо къ берегу или къ острову, чтобъ не погибнуть голодною смертью за недостаткомъ корма. Когда же они плыли мимо Чернаго-Яра и Енотаевска, то жители какъ того, такъ и другого, узнавъ что̀ это за струги такіе и какую они кладь везутъ,—съ ужасомъ уплывали отъ нихъ къ берегу.

Выслушавъ эту страшную исторію, астраханскіе рыбаки тотчасъ же поспѣшили съ ужасною вѣстью въ городъ.

— Не даромъ тогда старый Илья Осиповъ изъ рыбнова ряду сказывалъ, когда, лѣтось, мы пымали тѣхъ ужастенныхъ трехъ осетровъ, что послали тады одново государю-царю, другово—святому владыкѣ патріарху, а третьимъ поклонились батюшкѣ Степану Тимоѳеичу,—не даромъ, чу, Осиповъ сказывалъ, что съ самой той поры, какъ въ Астракани у насъ ца̀рила Маришка-безбожница съ Ивашкою Заруцковымъ, такихъ осетровъ въ Волгѣ не видывали,—говорилъ одинъ старый рыбакъ, поспѣшая съ товарищами въ городъ: — должно и нонѣ будетъ государствовать надъ нами батюшка Степанъ Тимоѳеичъ.

— Дай-то Богъ!—отозвался на это молодой пловецъ изъ затинщиковъ.

— Такъ-ту такъ, милый,—може и будетъ онъ государствовать, да надолго ли?—возразилъ старый ловецъ.—У бояръ-ту на Москвѣ сила не махонька.

Рыбаки тотчасъ же поспѣшили къ воеводскому подворью.

Князь Прозоровскій въ это время объѣзжалъ у себя на дворѣ прекраснаго карабахскаго коня, присланнаго ему изъ Испагани въ подарокъ персидскимъ купцомъ Сэхамбетомъ въ благодарность за то, что въ прошломъ году, когда Разинъ ограбилъ на Каспійскомъ морѣ купеческую персидскую бусу, везшую поминки шаха царю Алексѣю Михайловичу, и захватилъ въ полонъ ѣхавшаго на этой бусѣ сына Сэхамбета,—князь Прозоровскій своимъ вліяніемъ на Разина, смягченнаго тогда любовью къ прекрасной Заирѣ, способствовалъ выкупу изъ полона молодого перса.

Вмѣстѣ съ отцомъ упражнялся на дворѣ въ верховой ѣздѣ и старшій сынишка князя, десятилѣтній княжичъ Степа, подъ руководствомъ опытнаго наѣздника, пятидесятника конныхъ стрѣльцовъ, Фрола̀ Дуры.

— Я теперь, батя, и свово тёзки не испужаюсь, Стеньки Разина,—хвастался мальчикъ, трепля гриву своего смирнаго киргизскаго конька.

— О! княжичъ!—улыбался его менторъ, Фролъ Дура:—да Стенька теперь тебя самъ испужается.—Вонъ какой ты ратникъ—страхъ!

— Да,—улыбался и воевода:—по нынѣшнимъ временамъ, сынокъ, намъ нужны ратники:—не ровенъ часъ—опять нагрянетъ чадушка.

Въ это время вошли на дворъ рыбаки.

Принесенная ими вѣсть до того ошеломила всѣхъ, что воевода видимо растерялся. Онъ не ожидалъ, что въ смирившемся-было крамольникѣ опять проснулся кровожадный звѣрь. Пославъ тотчасъ же коннаго пятидесятника съ этимъ извѣстіемъ къ своему товарищу, къ князю Семену Ивановичу Львову, онъ приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ созвать къ себѣ всѣхъ стрѣлецкихъ головъ, а самъ поскакалъ къ митрополиту Іосифу—просить его совѣта.

Едва онъ вошелъ во владычныя палаты, какъ подъ окнами раздались крики:

— Плывутъ! плывутъ струги съ мертвецами!

Услыхавъ страшную вѣсть, митрополитъ тотчасъ же поспѣшилъ въ соборную церковь, приказавъ по пути немедленно собраться туда же и прочему духовенству.

Скоро отъ собора къ Волгѣ потянулась церковная процессія съ крестами, иконами и хоругвями. Митрополитъ и прочее духовенство были облачены въ черныя ризы. За процессіей повалилъ народъ со всѣхъ концовъ города.

На Волгѣ процессію ожидало потрясающее зрѣлище. Выѣхавшіе съ пристани навстрѣчу стругамъ ловцы и ратные люди плавной службы буксировали къ берегу страшные струги. Испуганные необычайнымъ движеніемъ на берегу, вороны, сидѣвшіе на трупахъ и кружившіеся въ воздухѣ, оглашали воздухъ еще болѣе оглушительнымъ карканьемъ. Въ толпѣ слышался плачъ женщинъ и дѣтей, и весь этотъ плачъ и карканье хищныхъ птицъ покрывалъ похоронный звонъ всѣхъ астраханскихъ церквей.

Наконецъ струги были прибуксированы къ берегу и на борты ихъ кинуты сходни. Когда стрѣльцы отковали прикованныхъ къ рулямъ головъ и свели ихъ подъ руки на землю, митрополитъ и священники, поднявшись по сходнямъ и не вступая на струги, гдѣ за трупами негдѣ было стать, начали общее отпѣваніе на брани побіенныхъ.

Въ воздухѣ почти не слышно было трупнаго запаха, потому-что мертвецы обклеваны были птицею до костей, а отъ многихъ и кости были растащены и разнесены по степямъ орлами и коршунами.

За воплями женщинъ почти не слышно было погребальныхъ гимновъ, и только кадильный дымъ вился струйками въ воздухѣ и таялъ, да отъ времени до времени съ крѣпостныхъ стѣнъ пушкари и затинщики пушечными выстрѣлами отдавали послѣднюю почесть погибшимъ въ бою товарищамъ.

Между тѣмъ на кладбищѣ Троицкаго монастыря сторожа и

боярскіе холопи, по распоряженію городового приказчика, копали нѣсколько огромныхъ ямъ для общихъ братскихъ могилъ.

Изъ города въ то же время выслано было на пристань нѣсколько телѣгъ для перевозки труповъ, и скоро началась страшная процессія перенесенія ихъ съ струговъ въ телѣги. Зрѣлище было потрясающее!

Но когда хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ возгласилъ стихиру Іоанна Дамаскина: «плачу и рыдаю, внегда помышляю смерть» и когда въ этомъ надрывающемъ душу пѣніи слышались такія слова, какъ «вижу красоту твою, безобразную и безславную, не имущую виду», или «како предаемся тлѣнію»,—то со всѣхъ сторонъ послышались глухія рыданія...

Плакалъ и князь Прозоровскій. Никогда не могъ онъ и подумать, чтобы когда-нибудь привелось ему видѣть такое зрѣлище, или чтобы, отправляясь на воеводство въ Астрахань, онъ могъ ожидать, что еще будетъ когда-либо плакать такъ, какъ въ послѣдній разъ плакалъ, четыре года тому назадъ, въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, когда тамъ постригали, а ему казалось — хоронили его любимицу, юную дочку Натален̆ьку...

«Плачу и рыдаю»—стонало у него въ душѣ, и онъ плакалъ, плакалъ, какъ бы предчувствуя, что черезъ нѣсколько дней и его самого будутъ стрѣльцы тащить такого же «безобразнаго, безславнаго, не имущаго виду» и бросятъ въ общую могилу съ сотнями такихъ же какъ и онъ «безславныхъ и обезображенныхъ...»

И вотъ подъ заунывный, нестройный, но тѣмъ болѣе удручающій душу перезвонъ колоколовъ всѣхъ астраханскихъ церквей потянулся рядъ телѣгъ съ мертвецами къ Троицкому кладбищу,— телѣга за телѣгой, по тряской и изрытой водороинами дорогѣ, а трупы въ лохмотьяхъ, въ красныхъ, изодранныхъ когтями и клювами орловъ и коршуновъ стрѣлецкихъ кафтанахъ, точно недобитые и недоѣденные, подпрыгивали на этихъ водороинахъ и еще болѣе увеличивали тѣмъ ужасъ общей картины. За ними валилъ толпами народъ, жадный до всякаго рода зрѣлищъ, даже до такихъ, каково было это...

Скоро на кладбищѣ образовалось около десятка высокихъ земляныхъ бугровъ.

А къ вечеру—новое зрѣлище. За день воеводы и стрѣлецкіе головы успѣли снарядить и вооружить до сорока большихъ морскихъ струговъ и посадить на нихъ около трехъ тысячъ ратныхъ людей—стрѣльцовъ и другихъ служилыхъ съ княземъ Львовымъ во главѣ. Флотилія эта должна была идти навстрѣчу Разину и истребить его «воровское толпище» до послѣдняго человѣка.

Съ возгласами и пѣснями отплывали стрѣльцы отъ Астрахани. Чтобы показать свою удаль, стрѣльцы, едва отплыли отъ берега подъ прощальные выстрѣлы крѣпостныхъ пушекъ, какъ тотчасъ же

грянули хоромъ любимую тогда всѣми ратными людьми «весновую пѣсню», которая въ одномъ старинномъ сборникѣ записана была дословно еще въ 1619 году. Запѣвалой былъ Костка «гудошникъ», и онъ началъ подголоскомъ:

«Сотворилъ ты, Боже,
«Да и небо-землю,
«Сотворилъ же, Боже,
«Весновую службу.
«Не давай ты, Боже,
«Зимовыя службы!»

Съ берега пѣвцамъ махали шапками, ширинками — это бабы. На сосѣднемъ стругѣ подхватили другимъ хоромъ, низкими голосами:

«Зимовая служба—
«Молотцамъ кручинно
«Да сердцу надсадно.
«Ино дай же, Боже,
«Весновую службу:
«Весновая служба—
«Молотцамъ веселье,
«А сердцу утѣха».

— Любо! любо!—кричали стрѣльцы изъ вятичей и ветлужанъ:— ай да понизовые!—У насъ такъ не съумѣютъ голосомъ низы забрать.

А понизовые, поощряемые похвалами, наддавали верхними голосами съ подголосками:

«А емлите, братцы,
«Яровы весельца,
«А сядемте, братцы,
«Въ ветляны стружечки,
«Да грѣнемте, братцы,
«Въ яровы весельца
«Ино внизъ по Волги...»

— Не внизъ, братцы, а вверхъ! — поправилъ Костка «гудошникъ»:—внизъ по Волгѣ.

— Ино внизъ—точно...

«Сотворилъ намъ, Боже,
«Весновую службу» [1]).

Князь Львовъ, сидя подъ наметомъ на передовомъ стругѣ и слушая эту пѣсню, самодовольно улыбался: онъ видѣлъ, что его

---

[1]) Эта замѣчательная пѣсня записана, какъ сказано выше, въ 1619 году, для оксфордскаго баккалавра Ричарда Джемса, вмѣстѣ съ другими шестью пѣснями, въ томъ числѣ знаменитыя пѣсни царевны Ксеніи Годуновой, и донынѣ хранятся въ Оксфордѣ. Напечатаны въ «Извѣстіяхъ II отд. Акад. Наукъ».

ратные люди съ бодрымъ духомъ и съ «рѣзвостью» идутъ противъ вора и злодѣя Стеньки.

Скоро флотилія князя Львова скрылась изъ глазъ провожавшихъ ее астраханцевъ, а они все стояли на берегу и прислушивались къ молодецкому пѣнію, все болѣе и болѣе замиравшему вдали.

Флотиліи этой, однако, не суждено было воротиться въ Астрахань...

Что̀ съ нею сталось — это мы узнаемъ изъ послѣдующихъ главъ.

XXXIII.

«Они тамъ, а мы тутъ...»

Прошло нѣсколько томительныхъ дней ожиданія возврата стрѣльцовъ съ княземъ Львовымъ; но ни стрѣльцовъ, ни вѣстей никакихъ сверху не было.

Только однажды, на зарѣ, знакомые намъ ловцы, закинувъ тони нѣсколько выше Астрахани, вмѣстѣ съ осетрами и бѣлорыбицей вытащили — къ ужасу — нѣсколько труповъ. Закинули еще — и опять утопленики!

Но когда хорошенько разсмотрѣли обезображенныя и распухшія да притомъ изъѣденныя раками лица мертвецовъ, то хотя съ трудомъ, однако же, распознали въ нихъ тѣхъ стрѣлецкихъ головъ, сотниковъ и дворянъ, которые отправились противъ Разина вмѣстѣ съ княземъ Львовымъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что и эту высылку, состоявшую почти изъ трехъ тысячъ стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей, постигла та же участь, какую испытала подъ Царицыномъ прежняя высылка изъ Казани.

Астрахань, такимъ образомъ, должна была готовиться ко всему.

— Я давно зналъ, што такъ оно и выдетъ,—лукаво замѣтилъ, отпихивая подальше въ воду весломъ тѣло одного стрѣлецкаго головы, — тотъ молодой ловецъ изъ затинщиковъ, который охотно ожидалъ въ Астрахань батюшку Степана Тимоѳеича.

— А ты почемъ, возгрякъ, зналъ про то? — спросилъ старикъ рыбакъ.

— Мнѣ сказывалъ Костка гудошникъ, — отвѣчалъ малый: — мы-де—говоритъ—спѣвку сдѣлали промежъ себя и всѣмъ нашимъ головамъ да сотникамъ зальемъ за шкуру сала, штобъ они напредкѝ не заѣдали нашево кормовово да посошново жалованья.

Плывшіе по Волгѣ трупы этихъ головъ да сотниковъ были, наконецъ, усмотрѣны съ берега и въ Астрахани, и выловлены. Не нашли между ними только князя Львова.—Гдѣ онъ?—что̀ съ нимъ?..

Ждать было спасенья не откуда, а тѣмъ болѣе изъ Москвы: не было болѣе пути, по которому можно было бы тайно послать

въ Москву гонца съ вѣстью о предстоявшей Астрахани гибели, потому что Волга была въ рукахъ Разина, а посылать черезъ степь — было безполезно: тамъ по всѣмъ направленіямъ рыскали калмыки, давно озлобленные противъ русскихъ воеводъ за ихъ грабежи и притѣсненія.

Оставалось одно — запереться въ городѣ и укрѣпиться.

Въ тотъ же день совершенъ былъ крестный ходъ вокругъ городскихъ стѣнъ. Ходъ былъ особенно торжественный и внушительный: церковная святыня всѣхъ астраханскихъ церквей, хоругви, кресты, горящія громадныя свѣчи въ массивныхъ паникадилахъ,—все двигалось вокругъ стѣнъ, а впереди всего этого шествовала величайшая святыня города — икона Божіей Матери въ драгоцѣнномъ окладѣ. У каждыхъ воротъ шествіе останавливалось и воздухъ оглашался молебствіемъ и пѣніемъ всѣхъ церковныхъ хоровъ и всего духовенства. День былъ такой тихій, что свѣчи горѣли на воздухѣ и пламя ихъ совсѣмъ не колебалось. Надъ процессіей кружились стаи голубей, всполошенныхъ церковнымъ звономъ и пѣніемъ.

Вмѣстѣ съ процессіей двигался весь городъ, особенно женское населеніе. Во главѣ шествія, позади духовенства, шелъ воевода и внимательнымъ взоромъ осматривалъ городскія стѣны и ворота. Тутъ же шла и княгиня Прозоровская съ двумя сыновьями. Старшій мальчикъ шелъ бодро, увѣренно. Казалось, что онъ былъ убѣжденъ въ истинѣ словъ своего «коневаго учителя» Фрола̀ Дуры: Степанъ Разинъ «самъ испужается своего тёзки», княжича Степана Прозоровскаго. Но младшій сынишка воеводы, Сеня, былъ больше занятъ голубями, между которыми онъ искалъ своихъ любимыхъ «турмановъ».

Однако не весь городъ участвовалъ въ процессіи. Если бы князь Прозоровскій могъ видить и прислушаться къ таинственнымъ перешоптываньямъ на базарахъ разныхъ кучекъ холопей и посадскихъ ободранцевъ, то онъ увидѣлъ бы въ этомъ нѣчто очень зловѣщее...

А вечеромъ, когда воевода обошелъ всѣ городскія стѣны и башни, осмотрѣлъ пушки и боевые запасы, разставилъ по мѣстамъ пушкарей, затинщиковъ и воротниковъ, роздалъ стрѣльцамъ запасное оружіе и приказалъ стрѣльчихамъ кипятить въ котлахъ воду,—стрѣльчихи коварно между собой переглядывались...

— Ты, Дарьюшка, не больно-то перекипячивай воду...

— Знаю — меня не учить стать: не перекипячу — не впервой своихъ стрѣльчатъ купать въ корытцахъ...

— Ха-ха-ха! вотъ сказала!—стрѣльчатъ купать...

— А то какъ же?—Може и твой соколъ полѣзетъ на стѣну, дакъ и ему кипяткомъ очи заливать! — А сподручнѣе тепленькой водицей...

— Да они тамъ и не полѣзуть... А тутъ мы ихъ сами за бѣлы ручки востягнемъ на стѣну...

— Такъ, такъ:—они тамъ, а мы тутъ...

XXXIV.

Разинъ въ Астрахани.

Надъ Астраханью спускаются сумерки.

Тихо надъ городомъ и надъ Волгою. И въ городѣ тихо, какъ будто все поснуло, а между тѣмъ никто и не думалъ спать. Тихо такъ, что даже слышится въ темнотѣ какой-то шопотъ. Кое-гдѣ неслышно перебѣгаютъ человѣческія тѣни. Слышно даже, какъ у Волги, подъ учугами, соловей заливается...

— Не долго тебѣ, соловушко, пѣть,—говоритъ боярскій сынъ, стоя на часахъ надъ Вознесенскими воротами: — до Петрова дни ужъ не далеко.

— И то правда,—тихо отвѣчаетъ другой часовой, сидя тамъ же «въ запасѣ»:—ужъ и кукушка—сказываютъ—полушкой подавилась—не кукуетъ болѣ; и какъ овесъ выкинетъ колосъ, дакъ и соловей потеряетъ голосъ.

При всеобщей тишинѣ въ воздухѣ однако проносятся иногда какіе-то неопредѣленные звуки; но слухъ не можетъ ихъ уловить: не то жужжанье насѣкомыхъ, не то шопотъ прибрежныхъ камышей съ осокою.

По небу звѣздочка прокатилась и сгасла...

— Што это—видишь?

— А што такое?—а?—гдѣ?

— Гляди—точно лѣсъ двигается и шевелится.

— Вижу, вижу... Это они!—звони въ колоколъ!—бей сполохъ.

И вдругъ въ вечерней тишинѣ раздался звонъ башеннаго колокола. За нимъ другой, третій—всѣ башни заговорили.

Въ городѣ началась тревога. Послышались голоса со стѣнъ.

— Воры идутъ!—къ Вознесенскимъ воротамъ!

Теперь ясно было видно, какъ къ городу надвигались массы. Въ темнотѣ можно было различить, что нападающіе тащили къ стѣнамъ лѣстницы.

Услыхавъ тревогу, князь Прозоровскій быстро вышелъ на дворъ, гдѣ уже ожидалъ его осѣдланный карабахскій скакунъ, подаренный ему Сэхамбетомъ. Тутъ же на дворѣ суетливо готовились къ бою дворяне, дѣти боярскіе, подъячіе и стрѣлецкіе головы.

Вложивъ ногу въ стремя, князь приказалъ трубить.

— Трубачи! — крикнулъ онъ, — трубить къ Вознесенскимъ воротамъ!

Онъ выѣхалъ со двора, за нимъ остальные служилые люди,

Впереди бѣжали холопы съ зажженными смоляными факелами и освѣщали путь.

Сойдя у Вознесенскихъ воротъ съ коня, воевода поспѣшилъ на стѣну. Отъ факеловъ мракъ кругомъ еще болѣе сгустился, такъ что нельзя было отличить осаждающихъ. Чтò-то металось внизу, подъ стѣнами, слышны были голоса: «давай лѣстницы!—приставляй къ стѣнамъ!—дружно, атаманы-молодцы!»

— Лей кипятокъ! на головы имъ, окаяннымъ!—распоряжался воевода.

Послышался плескъ воды со стѣнъ.

— Лей дружнѣе!—не жалѣй кипятку!

А внизу вдругъ раздается хохотъ...

— Вода-то у васъ, братцы, тепленька! не замерзла бы!—слышится снизу.

— И впрямь вода не горяча!—Што за притча!—Остыла чтò ли?—слышны голоса на стѣнѣ.

Между тѣмъ, на стѣнѣ ближе къ Троицѣ творилось чтò-то необычайное. Тамъ приставленъ былъ сплошной рядъ лѣстницъ, и по нимъ быстро, но безшумно взбирались на стѣну казаки и стрѣльцы.

Слышанъ былъ шопотъ и сдержанный смѣхъ.

— Давай руку! такъ, такъ, взлѣзай!

— Соколики! сюда! сюда!—слышались бабьи голоса,—мы васъ давно ждемъ.

Слышны поцѣлуи, радостный говоръ.

— А гдѣ батюшка Степанъ Тимоѳеичъ?

— Ужъ онъ въ городѣ... Городъ нашъ!

Астрахань взята была безъ выстрѣла. Оказалось, что въ тайнѣ все было подготовлено для пріема Разина и его войска. Согласники его составляли большую часть населенія города: и посадскіе, и стрѣльцы, и холопы — всѣ ждали его, какъ своего спасителя, милостивца, защиту отъ бояръ, отъ приказныхъ, отъ дѣтей боярскихъ и всякаго начальства. Тотъ трехтысячный отрядъ, который былъ отправленъ противъ казаковъ съ княземъ Львовымъ, сдался Разину безъ боя и потерялъ только своихъ головъ и сотниковъ, которыхъ Разинъ приказалъ перебить и побросать въ Волгу.

Князя Львова Разинъ велѣлъ оставить въ живыхъ и приказалъ ему ходить за маленькой калмычкой, за Марушкой, съ которой казаки не хотѣли разстаться.

Когда казаки подошли къ Астрахани на приступъ, то ужъ они заранѣе знали, съ которой стороны брать ее: они показывали видъ, что начнутъ штурмовать городъ съ Вознесенскихъ воротъ, куда и направились всѣ защитники злополучнаго города, а между тѣмъ приставили лѣстницы къ стѣнѣ тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе могли ожидать. Но тамъ ждали ихъ свои—посадскіе люди, стрѣльцы

и ихъ жены, а также холопы и базарная, и кабацкая голытьба: они-то и подавали руки осаждающимъ, когда ихъ лѣстницы немного не доставали до верху стѣны. Стрѣльчихи же вмѣсто кипятку налили въ чаны, кадки и перерѣзы теплой воды, въ какой они своихъ дѣтей купаютъ.

Въ ночной темнотѣ грянули вдругъ выстрѣлы:—это былъ знакъ, что городъ въ рукахъ у казаковъ.

Воевода, сбѣжавъ со стѣны, вскочилъ на своего карабаха и помчался туда, гдѣ онъ слышалъ крики торжества. За нимъ ринулись дѣти боярскіе, дворяне и оставшіеся вѣрными стрѣлецкіе головы. Но ихъ ждала тамъ гибель: чернь и казаки бросились на нихъ и всѣхъ перебили.

Костка гудошникъ, замѣтивъ воеводу, бросился на него съ копьемъ.

— А! такъ я жъ тебя ссажу съ коня!

Копье вонзилось въ животъ воеводы, и князь Прозоровскій свалился съ своего великолѣпнаго карабаха. Испуганный конь умчался, а стонущаго воеводу какой-то сердобольный старикъ на своихъ плечахъ стащилъ въ соборную церковь и тамъ положилъ на коверъ.

Городскіе ворота, между тѣмъ, отворили, и вся масса разинцевъ двинулась въ городъ и затопила площади и улицы.

Начались неистовства, о которыхъ мы говорить не намѣрены...

Скажемъ только, что князь Прозоровскій самимъ Разинымъ былъ столкнутъ съ раската, и его защитникъ, Фролъ Дура, изрубленъ казаками въ куски...

. . . .

Разинъ пробылъ въ Астрахани три недѣли, завелъ въ городѣ казацкіе порядки и уничтожилъ посты—всѣмъ велѣлъ ѣсть скоромное.

Сдавъ городъ Васькѣ Усу, какъ своему намѣстнику, Разинъ наканунѣ выступленія въ походъ, приказалъ привести къ себѣ сыновей князя Прозоровскаго.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ старшаго мальчика.

— Князь Степанъ, княжъ сынъ Семеновъ Прозоровской,—бойко отвѣчалъ мальчикъ.

— Мудрено что̀-то,—зло усмѣхнулся атаманъ,—и самъ князь, и княжъ сынъ, да еще и Степанъ, мой тёзка, значитъ... Ладно... А бояриномъ будешь?

— Буду,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, это еще старуха надвое сказала,—снова усмѣхнулся Разинъ.—А въ казаки хочешь?

— Нѣтъ, не хочу.

— Молодецъ! изъ тебя будетъ прокъ.—А тебя какъ зовутъ?—обратился онъ къ младшему.

— Сеней,—отвѣчалъ робко мальчикъ.

— Только-то? А тоже, поди, князь и княжъ сынъ... А бояриномъ будешь? Высоко пойдешь?

Мальчикъ молчалъ.

— Вотъ что, атаманы-молодцы, — обратился Разинъ къ окружавшимъ его, — эти щенята высоко пойдутъ, какъ выростутъ... Пущай же теперь пойдутъ повыше... только ногами кверху... Поняли? а? Повѣсить ихъ за ноги!

Двое изъ казаковъ распустили на себѣ кушаки, связали ноги юнымъ Прозоровскимъ, которые отъ страха не могли даже плакать, и подвѣсили ихъ съ раската... Тутъ только послышались крики несчастныхъ дѣтей... Личики ихъ затекали кровью...

— Довольно! тащи сюда щенятъ!

Ихъ подняли и развязали.

— Ну, тезка, а теперь будешь бояриномъ? будешь вѣшать нашего брата?—спросилъ Разинъ старшаго.

Мальчикъ плакалъ и молчалъ.

— Аспидъ будетъ,—замѣтилъ Разинъ, глядя на него.—Туда ево—къ отцу!

И казаки столкнули мальчика съ раската...

— Ну, а этово малыша жаль,—сказалъ Разинъ.—А чтобъ онъ не былъ бояриномъ, все-таки — выпороть его! Подымайте рубашонку.

Ребенка тутъ же высѣкли ремнемъ, но слегка.

— Ну, теперь не будешь бояриномъ, — гладя мальчика по головкѣ, сказалъ Разинъ.—Сѣченый—что за бояринъ! А теперь отвезите сѣченова къ матери.

Подъ раскатомъ кто-то шелъ и пьянымъ голосомъ распѣвалъ:

«Поставлю я келью со дверью,
«Стану я Богу молиться,
«На красную-горку поститься,
«Чтобы меня дѣвки любили,
«Крашо̀ныя яйца носили.
«Или-или, или-или, йли!
«Крашо̀ныя яйца носили!»

— Да это никакъ попъ Никифоръ? Ахъ, горемыка!

Это и былъ, дѣйствительно, царицынскій соборный протопопъ. Послѣ ужасной смерти дочери, онъ присталъ къ казакамъ и съ горя сталъ пить.

XXXV.

Съ самимъ встрѣтиться!..

Былъ уже сентябрь мѣсяцъ на исходѣ.

Воинъ Аѳанасьевичъ Ординъ-Нащокинъ, съ успѣхомъ исполнивъ возложенное на него царемъ трудное порученіе по сбору рат-

ныхъ людей съ при-вятскихъ и при-камскихъ волостей, находился уже въ Казани въ распоряженіи воеводы Борятинскаго и ожидалъ со дня на день выступленія въ походъ, когда разъ утромъ, сидя на берегу озера Булака, куда онъ ходилъ, чтобы размыкать свою тоску, къ нему подошла старая цыганка, и, вглядѣвшись въ него, таинственно проговорила:

— Объ чемъ закручинился добрый мо̀лодецъ? Коли о томъ, что на Москвѣ, такъ ту кручину я руками разведу, а коли о томъ, что случилось въ Астрахани—такъ и къ той кручинѣ я ума-разума приложу.

Воина поразилъ этотъ двойственный намекъ цыганки.

— А ты почемъ знаешь о моей кручинѣ?—спросилъ онъ.

— Черная птица всюду летала, всюду все видала и добрымъ людямъ помогала: поможетъ и тебѣ черная птица, добрый мо̀лодецъ,—попрежнему таинственно отвѣчала цыганка.

— Чѣмъ же она поможетъ мнѣ?

— А кручину съ сердца сыметъ, а замѣстъ кручины—радость положитъ: а та радость астраханской кручинѣ сродни будетъ, а тебѣ, добрый молодецъ—вдвое сродни,—все также загадочно отвѣчала цыганка.

Суевѣрный страхъ внушали Воину эти слова—онъ былъ сынъ своего вѣка и вѣрилъ въ чудесное, какъ Аввакумъ вѣрилъ тому, что онъ бѣса изъ-подъ печки выгналъ и скуфьей билъ.

— Чтожъ ты—судьбу мою покажешь мнѣ?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Покажу,—отвѣчала цыганка.—Ты видишь въ озерѣ вонъ то бѣлое оболочко!—Она показала на воду.

— Вижу,—отвѣчалъ Воинъ.

— Такъ я и судьбу твою вижу изъ глазъ твоихъ: вонъ Арбатъ, а вонъ Веницѐя градъ — вонъ, вонъ — съ облочкомъ все уплыло, и вотъ новая судьба плыветъ...

Воинъ вскочилъ съ мѣста: ему казалось, что онъ видитъ сонъ.

— Почему жъ Веницѐя?—спросилъ онъ.

— Не знаю—такъ мнѣ черная птица говоритъ... А слышишь, какъ кто-то «не бѣлы-то снѣжки» поетъ и плачетъ?

Воинъ испуганно перекрестился...

— Чуръ! чуръ! сгинь-пропади!

— Полно, добрый молодецъ, не чурайся! — улыбнулась цыганка. — Ты думаешь, что я бѣсъ? — Нѣтъ, на мнѣ крестъ — видишь?—И она показала висѣвшій у нея на груди крестъ.

Воинъ чувствовалъ, что имъ овладѣваетъ какая-то таинственная сила, и сила эта исходитъ отъ этой невѣдомой женщины. Но въ то же время разсудокъ говорилъ ему, что изъ него хотятъ что̀-то выпытать—для чего?—для кого?

Вслѣдствіе этого, онъ самъ рѣшился выпытать изъ цыганки, что̀ она дѣйствительно знаетъ о немъ.

— А ты знаешь, кто я?—спросилъ онъ.

— Знаю, кто ты былъ, и узнаю, кто ты есть,—былъ уклончивый отвѣтъ.

— Ктожъ я былъ?—спросилъ Воинъ.

Цыганка посмотрѣла ему въ глаза, потомъ стала глядѣть на воду.

— Вижу: столовая изба—въ ней царь сидитъ и бояре... Какіе хохлатые люди!—большіе... царску руку цѣлуютъ... А послѣ нихъ—тотъ, что на тебя похожъ, тожъ руку у царя цѣлуетъ... На Арбатѣ въ саду ночью соловей заливается, а красная дѣвица въ слезахъ потопаетъ... Сгинулъ доброй мо̀лодецъ—пошелъ искать за море живой и мертвой воды... Не нашелъ живой воды — кручину нашелъ... Томится добрый мо̀лодецъ, что птица въ клѣткѣ: и дверцы отворены, и крылья есть, да летать страшно—коршуны кружатъ въ небѣ... И запѣла пташечка: «не бѣлы-то снѣжки...» Плачется добрый молодецъ на свою горькую судьбину...

Цыганка остановилась, а Воинъ, казалось, все еще слушалъ ее: передъ нимъ проходила вся его жизнь. Но въ то же время онъ ясно видѣлъ, что эта женщина, дѣйствительно, многое знаетъ: несомнѣнно, что ей извѣстны главные моменты изъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Но откуда она могла узнать все то, что̀ извѣстно только ему одному да его женѣ? И онъ рѣшился выпытать, что̀ еще ей извѣстно.

— Хорошо говоритъ тебѣ твоя черная птица, — сказалъ онъ послѣ не большого раздумья!—А што она еще скажетъ тебѣ?

Цыганка опять стала смотрѣть на воду.

— Вижу, вижу — заговорила она снова таинственно: — вонъ опять плыветъ оболочко въ водѣ, и затѣмъ за оболочкомъ летитъ изъ-за моря пташка... Откуда ни возьмись коршуны, и пымали бѣдную пташку... Опять пташка въ полону... Это не пташка, а добрый молодецъ въ полону у польскихъ людей... Польскіе люди спятъ, а слѣпые люди выкрадываютъ добра мо̀лодца, и добрый молодецъ очутился у хохлатыхъ людей... Надъ Москвою оболочко... Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ всенощная, и добрый молодецъ тамъ—ищетъ красну дѣвицу, а въ мѣсто красной дѣвицы — черная черница!

Цыганка вдругъ замолчала, и, казалось, собиралась совсѣмъ уходить.

— Ну, чтожъ дальше было съ добрымъ молодцемъ и съ черничкой?—спросилъ съ улыбкою Воинъ.

— Что̀ было—самъ знаешь,—не охотно повидимому отвѣчала цыганка:—а вотъ што было:

«Какъ и курочка бычка родила,
«Поросеночекъ яичко снесъ,
«А черничка да сынка привела»...

Воинъ въ волненіи схватилъ ее за руку.

— Такъ это правда?—У меня сынъ родился?—Сказывай!

Но цыганка вдругъ вырвалась и побѣжала берегомъ Булака въ городъ.

— Кудажъ ты?—погоди!—кричалъ ей вслѣдъ Воинъ:—возьми денегъ за трудъ.

— Черной птицѣ твоей казны не надо!—не оборачиваясь, отвѣчала цыганка, и скрылась.

Въ странномъ смущеніи остался на берегу Булака Воинъ.— Что̀ отъ него нужно было этой цыганкѣ? Несомнѣнно — она изъ Москвы, и кѣмъ-нибудь подослана. Но кѣмъ?—отъ кого она могла узнать такія подробности объ его жизни? Она сказала, что сниметъ съ его сердца кручину, а вмѣсто кручины дастъ ему радость. И эту радость она повѣдала ему: она прямо сказала, что та, которая была черничкой, привела ему сына. Неужели это правда?— А они съ женой почти четыре года кручинились, что у нихъ нѣтъ дѣтей. Его Наталья думала, что неплодіемъ наказалъ ее Богъ за побѣгъ изъ монастыря. И вотъ она теперь мать... Ясно, что цыганка ею подослана. Но отчегожъ она этого не сказала прямо? Отчего Наталья ни строчкой не увѣдомила его о себѣ? Вѣдь почти четыре мѣсяца, какъ онъ съ нею разстался, а она ничѣмъ не дала о себѣ знать. Да и гдѣ было искать его, когда онъ мыкался все лѣто по Вяткѣ да по Камѣ?

Да и Богъ знаетъ, когда еще имъ придется свидѣться. Вонъ какой пожаръ распустили по всей русской землѣ! Съ Дону началось, съ какого-то кабака,—а вонъ куда зарево хватаетъ—до Москвы до самой, до державнаго мѣста! Астрахань, Царицынъ, Саратовъ, Самара—вся низовая сторона—все въ огнѣ. И полымя все дальше и все шире захватываетъ—до Бѣлаго моря дошло, до Соловокъ, до Пустозерска: Аввакума-де изъ земляной тюрьмы выручать пошли, патріарха Никона изъ Ферапонтова вывести хотятъ...

А какія «прелестныя» грамоты разсылаетъ воръ по всему московскому государству! Хана крымскаго съ ордами зоветъ на Русь, персидскаго шаха въ братья себѣ прочитъ, въ Запорожьѣ его воры мутятъ... Теперь всѣ языки поднимаются—татарва, черемиса, мордва, чуваши—Нижній обложили...

Такія невеселыя мысли бродили въ головѣ Воина, когда онъ, послѣ встрѣчи съ цыганкой, возвращался отъ Булака.

А тестя, князя Прозоровскаго, не воротить ужъ къ жизни.— А знаетъ ли объ этомъ Наталья? Дошло ли до нея, что отца ея уже нѣтъ на свѣтѣ? — Съ низу — говорятъ — нѣтъ къ Москвѣ ни проходу, ни проѣзду: всюду пожаръ и кровь.

Въ тихомъ, ясномъ осеннемъ воздухѣ стелятся по небу бѣлыя нити паутины... Ведро, значитъ, еще долго постоитъ... Но вонъ и гуси длинною вереницею тянутся ужъ на теплыя воды, за море...

Воинъ грустно покачалъ головой: ему вспомнилось его мыканье по бѣлу свѣту, тамъ, въ заморщинѣ... А тутъ онъ мыкался по Вяткѣ да по Камѣ—дикая, бѣдная сторона, не то что тамъ: какіе города, села! а здѣсь—одна бѣднота, голодъ... Вотъ голодные люди и идутъ добывать себѣ хлѣба, либо—смерти: имъ все равно помирать голодною смертью съ наготы да съ босоты...

«Женишка и дѣтишка испроѣли»—правда, правда: Воинъ самъ все это видѣлъ... Онъ все это доложитъ великому государю, когда Богъ живымъ донесетъ его до Москвы. А тамъ его ждетъ сынокъ, Наталья,— да дождутся ли?..

— А! Воинъ Аѳанасьичъ! здравствуй на многая лѣта—до конца вѣка!

— Спасибо, Аѳанасій Ивличъ, какъ твое здоровье?

— Самъ себѣ дивуюсь, какъ еще на ногахъ Богъ держитъ.

— Да, правда, Аѳанасій Ивличъ, кручинно тебѣ было съ этою тяготою на Вяткѣ:—шутка ли! сто струговъ снарядить въ такую пору, когда все въ нѣтѣхъ. Ну, да слава Богу, за тобой государево дѣло не стало.

Это встрѣтилъ Воина товарищъ его по наряду на Вяткѣ ратныхъ людей для плавной государевой службы и по постройкѣ тамъ же ста струговъ для Волги,—Аѳанасій Косыхъ, мужчина лѣтъ подъ шестьдесятъ, но еще бодрый, съ рѣзкою сѣдиной въ русой бородѣ.

— Ты откудова это теперь?—спросилъ Воинъ Аѳанасья.

— Отъ воеводы, отъ князя отъ Юрья: назавтра походъ объявилъ противъ вора, и стружечки мои чтобъ наутреѣ отошли отъ Бакалды внизъ до Симбирсково съ кормомъ и съ зелейными запасы, а самъ онъ идетъ на вора по сухопутью,—отвѣчалъ Косыхъ.

— Такъ завтра? Ну, слава Богу!—и Воинъ перекрестился, хотя у него на сердцѣ заскребли кошки:—шутка ли! съ самимъ встрѣтиться,—подумалъ онъ.

XXXVI.

Монисто князя Юрья Борятинскаго.

— Кажись, онъ, соколикъ, глазки открылъ?

— И точно, матушка Ираида, смотритъ: не подыметъ ли ево Господь?

— Охъ, отецъ Варсунофей, я, кажись, ужъ не чаю.

— Не говори, матушка, на все божья воля: ужъ коли меня, старца негоднаго, Богъ вызволилъ съ турской каторги да изъ Шпанской земли довелъ досюдова и сподобилъ меня приложиться къ мощамъ святыхъ угодниковъ, преподобныхъ Гурія и Варсунофія, такъ ево, воина Христова, подниметъ Господь.

Этотъ разговоръ осторожнымъ шопотомъ вели между собой старый инокъ въ черной скуфейкѣ съ старенькою живою монашкою, черные живые глаза которой такъ, повидимому, не ладили съ ея сухимъ, темнымъ морщинистымъ лицомъ.

Они сидѣли въ просторной горницѣ, въ окна которой проникалъ нѣжный свѣтъ загоравшейся на востокѣ зари. Въ той же горницѣ, на высокой кровати у стѣны, полузадернутой зеленымъ тафтянымъ пологомъ, лежалъ среднихъ лѣтъ мужчина, повидимому тяжко больной. Голова его, обрамленная спутавшимися волосами, и мертвенно блѣдное, съ слѣдами сильнаго загара лицо рѣзко оттѣнялись отъ бѣлой подушки.

Больной дѣйствительно открылъ глаза.

— Гдѣ я?—слабо прошептали его запекшіяся губы.

Старый инокъ на цыпочкахъ подошелъ къ нему и осторожно нагнулся.

— А!—съ горечью протянулъ больной:—такъ я все еще въ Веницеи... а мнѣ чаялось...

— Нѣту, батюшка, ты не въ Веницеи, а на святой Руси,—съ нѣжностью сказалъ старый инокъ:—ты, должно, меня стараго пса призналъ, што выкупилъ съ полону, съ каторги: тебѣ и мерещится Веницея.

— Такъ гдѣжъ я?—изумленно спросилъ больной.

— Въ Синбирскомъ, батюшка, у боярина и воеводы Ивана Михайлыча Милославсково въ опочивальнѣ,—проговорилъ старый инокъ.

Больной закрылъ глаза. Ему казалось, что все это сонъ. Но между тѣмъ въ умѣ его вставали новые неясные образы. Эти запорожцы, которыхъ онъ видѣлъ въ столовой избѣ у царя. Но это сонъ: онъ во снѣ, будто бы въ Казани, на берегу Булака видѣлъ цыганку, и она много ему наговорила, и о сынѣ, и о запорожцахъ. Только теперь онъ видѣлъ ихъ не въ столовой избѣ, и не у Брюховецкаго, а гдѣ-то здѣсь, близко... И тотъ еще, самый большой, что упалъ въ столовой избѣ, закричалъ: «вотъ оно, аспидово отродье—сынокъ Ордина-Нащокина!» А вотъ самъ Разинъ... Онъ помнитъ, какъ онъ этого самаго вора Разина хватилъ саблей по головѣ... Да, все это сонъ, хотя онъ, кажется, и лежитъ съ открытыми глазами...

— Онъ опять, соколикъ, открылъ глазки,—слышитъ онъ шопотъ.

— Бредитъ, должно, въ огнѣ.

— Кто это говоритъ?—спрашиваетъ больной, силясь поворотить голову.

— Я, соколикъ,—говоритъ монашка, подходя къ нему робко.

— Опять цыганка!—слабо простоналъ больной.

— Я не цыганка—я старица Ираида—отъ Натальи Семеновны къ тебѣ прислана.

— Отъ Натальи? А гдѣ она?

— Въ Москвѣ, соколикъ.

— Такъ это не сонъ?

— Не сонъ, соколикъ, опомнись... Припомни—ты былъ въ бою съ воромъ Стенькою—тебя порубили въ бою казаки воровскіе, и мы не чаяли видѣть тебя въ живыхъ. А теперь слава Господу—ты въ память приходишь... Перекстись, родной.

Воинъ (это былъ онъ) хотѣлъ было перекреститься—и не могъ, застоналъ: рука его была на перевязи; онъ былъ раненъ.

Но эта боль заставила его вспомнить все или почти все. Рать воеводы и князя Юрія Борятинскаго изъ Казани подоспѣла къ Симбирску въ то время, когда симбирскій воевода, бояринъ Иванъ Милославскій, истомленный почти мѣсячнымъ сидѣньемъ въ облогѣ отъ воровъ, уже хотѣлъ было сдаться—отворить ворота въ кремль. Разинъ съ казаками и татарами стремительно бросился на царское войско. Завязалась отчаянная борьба...

Воинъ все вспомнилъ, но это все былъ какой-то адъ... Громъ пушекъ, гиканье налетавшихъ на нихъ казаковъ, алалаканье татаръ, вышедшихъ съ топорами и рогатинами,—все это смѣшалось въ какой-то страшной картинѣ...

Лично онъ вспомнилъ, какъ на то крыло, гдѣ онъ находился, ударили татары подъ предводительствомъ мурзъ Багая и Шелмеско; потомъ въ середину лавы врѣзался самъ Разинъ съ тремя запорожцами... Запорожцы узнали его—онъ узналъ ихъ... Но тутъ все смѣшалось въ его умѣ: мелькнулъ бѣлый конь подъ Разинымъ, готовый, кажется, раздавить Воина; но Воинъ махнулъ саблей и угодилъ въ голову Разину... Больше онъ ничего не помнитъ...

Теперь Воинъ осмотрѣлся кругомъ сознательно. Да, это не сонъ, и то не былъ сонъ.

Около его постели опять стояли старый инокъ и цыганка въ монашескомъ одѣяніи. Въ первомъ онъ узналъ бывшаго полонянина Варсонофія, котораго онъ выкупилъ въ Венеціи.

— Ты какъ сюда, старче, попалъ?—спросилъ его Воинъ, все еще смутно сознавая свое положеніе.

— Къ тебѣ, батюшка Воинъ Аѳанасьичъ, приплелся я съ Москвы,—отвѣчалъ старикъ:—тебѣ отслуживать за мою волю, што ты далъ.

— Какъ же ты узналъ, что я здѣсь?

— Я за тобой, батюшка, съ самой Казани.

Воинъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на монашенку.

— А меня прости Христа-ради, батюшка Воинъ Аѳанасьичъ, за Казань,—сказала она, низко кланяясь.—Я не цыганка: я старица Ираида изъ Новодѣвичей обители.

— Для чевожъ ты въ Казани цыганкой прикинулась?—спросилъ Воинъ съ удивленіемъ.

— Такъ, батюшка, приказала Наталья Семеновна,—отвѣчала монашка.

— Моя жена?

— Она самая, батюшка.

— А для чево? — еще съ большимъ удивленіемъ спросилъ Воинъ.

— Ее спытай, батюшка: ее это воля была,—отвѣчала монашка.— Для-ради ея супокою мы вотъ съ Варсунофьюшкомъ и пошли искать тебя потому—насъ, людей божьихъ, старцевъ, кому охота обижать? А пошли она гонца съ грамоткою, и по нонѣшнему времячку ему бы не сносить своей головы: нонѣ и царскихъ гонцовъ по дорогамъ воры вѣшаютъ. А мы што?—мы та же калѝчъ, нишшая братья убогая, — съ насъ нечево взять. А мы-то съ Варсунофьюшкомъ въ бродячемъ дѣлѣ дотошны: онъ, самъ вѣдаешь, съ самой бусурманской вѣры, да съ Шпанской земли доплелся до бѣлокаменной; а я, родимый, съ той самой поры, какъ насъ съ инокиней Надеждой, што нонѣ твоя благовѣрная, отпустила мать игуменья изъ Новодѣвичья за мірскимъ сборомъ и какъ инокиня Надежда изъ Успенсково собору ушла къ тебѣ, — съ той поры и я все брожу по свѣту, по угодничкамъ: и кіевскимъ угодничкамъ маливалась, и самово етмана Брюхатово видала, и соловецкимъ угодничкамъ, Зосимѣ-Савватею, маливалась же, да и у казанскихъ чудотворцевъ, у Гурія и Варсунофея святыя раки лобызала. Тамъ мы съ Варсунофьюшкомъ и тебя, соколика, сустрѣли, да за тобою какъ псы вѣрные и сюда прибрели. А все для-ради супокою матушки Натальи Семеновны. И цыганкой-то я обернулась для-ради ея же благополучія. А нонѣ вотъ Богъ привелъ и за тобой походить. Какъ это пришелъ подъ Синбирской съ ратными людьми съ Казани князь Борятинскій,—и ты, батюшка, съ нимъ же пришелъ, да какъ учинился у васъ смертный бой съ воромъ и антихристомъ Стенькой,—съ утра до ночи бой шолъ, а мы ни живы, ни мертвы ждемъ, чѣмъ кончится,—коли къ ночи слышимъ: побили-де царскія рати вора Стеньку на голову и самъ-де онъ бѣжалъ въ маломъ числѣ, и голова-де у нево перевязана—саблей разсѣчена, и разсѣкъ-де ево, сказываютъ, Воинъ Ординъ-Нащокинъ, а самъ-де Воинъ убитъ лежитъ. — Какъ услыхали мы это, батюшка Воинъ Аѳанасьичъ, что ты мертвъ лежишь, мы и свѣта божьяво за слезами не взвидѣли.—Коли слышимъ: живъ-де еще Ординъ-Нащокинъ, токмо зѣло порубленъ. И велѣлъ тогда воевода и бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій снести тебя, голубчика, къ ему въ палаты, и лекаря къ тебѣ приставилъ, а насъ—во хожалокъ мѣсто.—И былъ ты все безъ памяти который день, а нонѣ вонъ божіимъ изволеніемъ въ себя пришелъ.

Монашка радостно при этомъ перекрестилась на иконы. Перекрестился и старикъ Варсонофій.

— Такъ воръ Стенька, сказываете, разбитъ?—спросилъ Воинъ съ просвѣтлѣвшимъ взоромъ.

— Разбитъ нàчисто, батюшка Воинъ Аоанасьичъ, — въ одинъ голосъ отвѣчали старица и старецъ:—и тою же ночью бѣжалъ.

— Бѣгу яся; нѐ солоно хлебавши,—добавилъ Варсонофій: — а клевреты его, што не успѣли бѣжать, вонъ всѣ висятъ на висѣлицахъ вдоль берега,—ишь какое ожерелье изнавѣшано ихъ! — И старикъ показалъ рукою въ окно.

— И запорожцевъ повѣсили, тѣхъ, что съ тобой вмѣстѣ, батюшка, въ столовой избѣ у государевой руки были—Гараську, да Пашку, да Мишку,—добавила старица Ираида.

— Да и татарскіи мурзы Багай да Шелмеско, што государю челомъ били на государевыхъ воеводъ, — и они повѣшены жъ,— присовокупилъ Варсонофій.—А этотъ мурза Багай,—сказывали,— мало не закололъ боярина и воеводу Ивана Михайловича Милославскаго: мы—говоритъ—помираемъ голодною смертью, съ наготы да съ босоты, а вы—говоритъ—вонъ какіе жирные.—Дакъ ево ратные люди съ коня сбили и связали, а нонѣ вонъ онъ болтается у самой Волги, што твоя колода.

Въ это время въ опочивальню, въ которой лежалъ раненый Воинъ, вошелъ пожилой мужчина съ окладистой бородой и широкой лысиной ото лба. На немъ было богатое боярское одѣяніе.

— Ба-ба-ба!—весело заговорилъ вошедшій: — да кажись нашъ богатырь Илья Муромецъ въ добромъ здоровьѣ?

— Спасибо, бояринъ Иванъ Михайловичъ,—по милости божьей, самъ видишь, я очнулся,—отвѣчалъ Воинъ.

Вошедшій былъ бояринъ и воевода симбирскій Иванъ Михайловичъ Милославскій.

— Слава Богу, слава Богу!—продолжалъ бояринъ.—Надо тотчасъ же еще гонца послать—родителя и супругу твою порадовать вѣсточкою, што ты въ себя пришелъ наконецъ.—Да и великій государь радъ будетъ такой вѣсти: вить ты саблей огрѣлъ вора прямо по башкѣ—зѣло добрѣ назнаменовалъ! — Можетъ, отъ твоево знаменья онъ, воръ Стенька, и плечи намъ показалъ:—бѣжалъ, аки тотъ Святополкъ Окаянный.

— А гдѣ воевода князь Юрій?—спросилъ Воинъ.

— Да все еще монистомъ своимъ занятъ,—съ улыбкой отвѣчалъ Милославскій.

— Какимъ монистомъ, бояринъ!—удивился Воинъ.

— Да вонъ воровъ нанизываетъ на веревки—шутка ли! болѣ шестисотъ зеренъ жемчугу бурмицково нанизалъ ужъ на свое монисто... Самыя крупныя зерна у нево — три запорожца, што еще съ Брюховецкимъ воровали, да двое мурзишекъ татарскихъ, Багайка да Шелмеско, кои всю татарву да черемису на насъ под-

няли,—знатное монисто!—есть чѣмъ похвастать князь Юрью... А не подоспѣй онъ — я бы попалъ въ монисто къ вору Стенькѣ... Никто какъ Богъ!

XXXVII.

Эпилогъ.

Въ Грановитой палатѣ, въ столовой избѣ, у великаго государя съ боярами сидѣнье. Тутъ же и святѣйшій патріархъ Іосифъ съ освященнымъ соборомъ.

Великій государь и святѣйшій патріархъ и бояре думаютъ: великая смута и крамола охватила всю русскую землю; всѣ низовые города взяты воромъ на копье; воеводы, дѣти боярскіе и служилые люди пріяли отъ злодѣевъ наглую смерть; царскія рати либо осилены воромъ и побиты, либо передались злодѣю; замутилась вся русская земля—и что будетъ дальше—Богу вѣдомо...

Ни откуда—ни луча надежды...

Ка̀къ быть?—что̀ умыслить?—гдѣ набрать столько ратей?

Великій государь самъ думаетъ идти чинить промыслъ надъ крамольниками... Но съ кѣмъ? — гдѣ его воеводы?—Всѣ они оказались безсильными...

Отвратилъ Создатель лицо свое отъ людей своихъ... За чьи грѣхи?..

«Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече!»—шепчетъ святѣйшій патріархъ, поднимая глаза къ лику Спасителя.

Дьякъ Алмазъ Ивановъ, угрюмо уставившись въ какую-то бумагу, прислушивается, кажется, какъ за окномъ ворона каркаетъ...

Думаютъ бояре—есть имъ о чемъ подумать! — на нихъ идетъ эта страшная буря; а кто ихъ укроетъ?—Ромодановскій, Шереметевъ, Борятинскій, Долгорукій?—Но отъ нихъ нѣтъ вѣстей; да и гонцы ихъ всѣ погибаютъ въ пути—всѣхъ ловятъ и убиваютъ крамольники.

Вонъ какъ постарѣлъ Алексѣй Михайловичъ за этотъ годъ... И сколько потеры!—жену потерялъ, дочь и двухъ сыновей похоронилъ... «И бѣ домъ его пустъ...»

Слышатся подавленные вздохи, да карканье вороны за окномъ...

И на крыльцѣ, гдѣ обыкновенно собирались стольники, стряпчіе и дворяне, теперь не слышно «шумства» и споровъ; напротивъ—испуганнымъ шопотомъ передаютъ собравшіеся одинъ другому, что будто бы ужъ и Симбирскъ взятъ и выжженъ, взята и разорена Казань,—Лысково, Нижній, Темниковъ, Корсунъ, Саранскъ, оба Ломова, Пенза, Арзамасъ—все въ рукахъ у злодѣевъ,—что всѣ холопи и крестьяне разбѣжались, рѣжутъ и вѣшаютъ господъ, жгутъ боярскія усадьбы,—что хлѣба̀ въ поляхъ потопчены,

потравлены или выжжены,—что скоро страшный атаманъ, котораго ни пуля, ни сабля не берутъ, нагрянетъ въ Москву... Куда дѣваться?—гдѣ спасеніе?..

Алексѣй Михайловичъ ждетъ совѣта отъ святѣйшаго патріарха, на него вопросительно поглядываетъ—не вразумитъ ли его Господь?

А святѣйшій патріархъ только шепчетъ, глядя на ликъ Спасителя: «Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече...»

И Онъ услышалъ!..

Тамъ, на крыльцѣ, или на дворѣ, пронесся вдругъ ропотъ не то изумленія, ни то испуга:

— Гонецъ!—гонецъ пригналъ!—съ какими вѣстями?..

И столовая изба вся встрепенулась — точно шумъ вѣтра прошелъ по ней...

Глаза всѣхъ уставлены на дверь—ожиданіе, томленіе, испугъ...

«Услыши ны, Боже!..»

Гонецъ въ дверяхъ—едва переступаетъ порогъ—онъ блѣденъ—шатается—онъ, кажется, скоро грохнетъ на полъ... Онъ ничего не видитъ—ни царя, ни бояръ...

— Поддержите... онъ упадетъ...

Бояре его поддерживаютъ... Онъ силится говорить...

— Великій государь!.. воевода князь Юрій... твои государевы рати... вора Стеньку... и ево толпища... разбили на голову...

Крикъ радости вырвался изъ сотни грудей!—Всѣ крестились...

— Самово вора Стеньку... Воинъ Ординъ-Нащокинъ... саблею посѣкъ въ голову... а Воина изрубили...

Гонецъ не договорилъ. Отъ Симбирска до Москвы онъ загналъ семь лучшихъ коней—не спалъ и не ѣлъ во весь путь...

Гонца увели—онъ потерялъ сознаніе...

Всѣ оглянулись на стараго Ордина-Нащокина, который сидѣлъ недалеко отъ царя: по лицу старика текли слезы—слезы и скорби, и радости.

Д. Мордовцевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ЛИТЕРАТОРА[1]).

III.

Исторія «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря».

1845—1855 гг.

I.

Первые энциклопедическіе словари въ Россіи.—Ихъ составъ и значеніе.—Словари Зизанія и Памвы Беринды.—Сочиненіе Полидора Урбинскаго.—Словотолкователь Яновскаго.—Историческій словарь.—Изданія различныхъ энциклопедій въ XVIII вѣкѣ.—Энциклопедическія изданія въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

ЫСЛЬ о необходимости такой книги, изъ которой можно было бы получить свѣдѣнія о различныхъ предметахъ, хотя бы самыя поверхностныя и краткія, проявилась у насъ очень рано подъ названіемъ «словарей» и встрѣчается уже въ XVI вѣкѣ. Первый русскій энциклопедическій словарь былъ «справочный», какъ это видно изъ его опредѣленія и, конечно, съ богословскимъ оттѣнкомъ. Иначе и быть не могло. Первый такой словарь, появившійся въ Великой Россіи, былъ озаглавленъ: «Сказаніе о неудобь понимаемыхъ рѣчахъ, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ русскаго языка, ихъ же древни перевод-

---

[1]) Первыя двѣ части воспоминаній А. В. Старчевскаго были напечатаны: въ октябрьской книжкѣ 1886 г. («Встрѣчи и знакомства») и въ октябрьской книжкѣ 1888 года («Сотрудничество въ журналахъ въ 1844—1846 годахъ») «Историческаго Вѣстника».

ницы не удоволишася на русскій языкъ преложити, понеже ова обрѣтаются еврейски, ова же сирски, ина же римски, ина латински, ина еллински, ина египетски, ина сербски, ина гречески, и иныхъ многихъ языкъ, яже здѣ положены по буквамъ скораго ради обрѣтенія, паче же рещи яко на русскій языкъ переложены».

Такъ какъ наша литература того времени не выходила изъ предѣловъ богословія, то и первый словарь можно назвать «Справочнымъ богословско-энциклопедическимъ». Длинное его заглавіе замѣняетъ собою предисловіе. Изъ этого заглавія мы видимъ и цѣль и побудительныя причины и догадываемся, чѣмъ должны были пользоваться у насъ первые составители такихъ «словарей». Но кромѣ богословскихъ предметовъ сюда вошли уже и другіе неудобь понимаемые тогда. Этотъ первый нашъ «Справочный богословско-энциклопедическій словарь» расположенъ по алфавиту, но статьи не слѣдуютъ въ строго алфавитномъ порядкѣ. Многія иностранныя слова, встрѣчаемыя въ богословскихъ книгахъ, по обыкновенію были искажены перенисчиками. Покойный Сахаровъ думалъ, что поводомъ къ составленію такихъ «словарей» послужили отмѣтки на поляхъ старыхъ книгъ и рукописей, сдѣланныя нашими толковниками тѣхъ словъ, которыя не могли быть понятны для каждаго русскаго человѣка.

При составленіи этого словаря пользовались, какъ видно изъ отмѣтокъ, встрѣчаемыхъ на поляхъ его списковъ, трудами: Григорія Богослова, Максима Грека, Козьмы Индикоплова, Іоанна Экварха Болгарскаго, Діонисія Ареопагита, Іоанна Дамаскина, Григорія Амиритскаго, Ефрема Сирина, Петра Аѳонскаго, Аѳанасія Аѳонскаго; житіями: Саввы Освященнаго, Игнатія Богоносца, Арсенія, Іоанна Милостиваго, Саввы Сербскаго, Іоанна Лѣствичника, Ѳеодора Студійскаго, Антонія Великаго; Патерикомъ Скитскимъ, паліемъ, хронографами, похожденіемъ Александра царя македонскаго, Златою цѣпью, Прологомъ, книгами Ветхаго и Новаго завѣта и книгами церковно-служебными. Такъ какъ составитель постоянно ссылается на всѣ эти книги, поэтому надо признать, что по средствамъ и образованію того времени, трудъ этотъ сосоставленъ весьма добросовѣстно. Но что этотъ словарь былъ не чисто богословскій, а «энциклопедическій», доказывается тѣмъ, что въ составъ его вошли слѣдующіе предметы: толкованіе именъ; опредѣленіе: что есть человѣкъ духовенъ и душевенъ; о краегране́сіяхъ; о двунадесяти каменѣхъ, иже бяху на Ежудѣ; что есть позоръ, и что съ удивленіемъ бываетъ зримо, и что безъ удивленія? объясненіе образа Софіи премудрости Божіей; что ради пишется на иконахъ сошествія Св. Духа; что суть пять чувствъ душевныхъ; что являетъ на образѣ Господа Саваоѳа осмиугольный вѣнецъ? Что являетъ вѣнецъ на образѣ Іисуса Христа?

Появленіе этого перваго «словаря» было вещью совершенно новою для того времени, а потому составитель его нашелъ нужнымъ сказать какъ употреблять эту книгу: «сего ради здѣ отъ святыхъ книгъ снисканы и по буквамъ положены, и яко ища и, вскорѣ, каждую рѣчь обрящешь по своимъ акростихидамъ, сирѣчь началострочіямъ. Тѣмъ же аще какъ рѣчь акростихисъ имать азъ, яко же пишетъ: апостолъ, ангелъ, архистратигъ, и ты тое рѣчи ищи въ буквѣ, глаголемѣй: азъ».

Чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о томъ, что это былъ за словарь, лучше всего объяснятъ примѣры. Выписываемъ объясненія нѣкоторыхъ предметовъ:

Амеөисъ, камень дорогій, яко поломенъ барзо; въ горахъ находится Ливійскихъ, на берегахъ морскихъ; ускромляетъ моцность въ нихъ и не допущаетъ того, кто его носитъ, съ памяти отходити.

Ласкосродный — полизачъ мисокъ, талеровъ, гортанобѣсецъ, чревобѣсецъ, ядецъ, хтивый, неповстягливый, збытній, мѣру перебираючій въ ѣдѣню, ласый, который такъ на лакоты сдался, же и пальцѣ облизуетъ и талеръ, лакомый на веты, на конфеты жарлокъ, стравца, пьяница, утратникъ, тѣлесный, распустный.

Нафта, смола, алой, въ которой и воскъ и смердячій камень; нефтою смердитъ колодезь за моремъ фалинскимъ, въ Черкасѣхъ горскихъ, отъ града Шулетъ 7 верстъ, на барзо высокой горѣ, на самомъ гребени; такъ горячь, же и мясо въ немъ укипитъ.

Папа, тато, отецъ, попъ, папежъ, зацный отецъ, албо отецъ отцовъ многихъ; называлися тѣмъ именемъ папасъ всѣ духовныи, или гдѣ весь причетъ церкви и литургіа по вся дни; число 362 исполнется (папас). А особливѣ патріархъ Александрійскій называется папа.

Псипъ есть животнище нѣкое крилато, тончайше яко же прахъ, еже рождается отъ дивіихъ смоковъ глаголемыхъ олvнеъ, ихъ же садовницы вѣшаютъ на добрыхъ смоковницахъ, на укрѣпленіе плодовъ ихъ; рождаемія бо отъ олvнеъ псини прилетающе и прилѣпляющеся къ концомъ смоковнымъ, крѣпятъ смоквы и не отпадаютъ прежде зрѣлства.

Скилла, звѣря морское, о шести головъ песѣхъ, а постать красной невѣсты, а остатокъ тѣла якъ ужъ, въ тѣсномъ мѣсци живетъ, гдѣ и харавдисъ, то есть, тѣсное море, гдѣ якъ виръ пожираетъ кораблѣ.

Церковь: 1) Храмъ Божій, домъ Божій. 2) Церковь есть названа отъ царя, ижъ царскимъ домомъ есть, а въ грецкомъ языку екклисіа, церковь; отсюль называется соборъ, отъ зобраня, згромаджѣне, отъ зозваня въ куту на громаду, мастъ имснъ много, называется скинія, домъ молитвы, свѣденіе, святило, село святое, людзское, а олтарь зовется святая святыхъ. — 3) Церковь еллински, екклесія, згромаженье, або зобраніе людій многое, або зволанье, зозванье, або дружина; есть церковь овчарня овецъ христовыхъ розумныхъ; есть церковь окружнымъ обведена и обварована цыркломъ, отъ котораго слова, и етимонъ свой, то есть выводъ маетъ; зобранье правовѣрныхъ иль оцыркловано догматами святыми, и надъ поданую вѣру и догмата благочестивыи, иныхъ не припущаетъ до себе, и до обцыхъ не выходитъ и не выскакуетъ въ своего цырклю; зри состояніе.

Весь этотъ «Словарь» мало могъ объяснить русскому человѣку, потому что составленъ на особенномъ смѣшанномъ языкѣ, въ составъ котораго вошли нарѣчія: польское, бѣлорусское, малорусское и чисто русское. Я привелъ здѣсь лишь чисто энциклопедическую часть, не касаясь объясненія обыкновенныхъ и иностранныхъ словъ. Для поляка этотъ словарь, хотя и написанный русскими буквами, вполнѣ понятенъ, для бѣлорусса—тоже; для малоросса—на половину; но для русскаго — это темная вода... По моему это переводъ съ какого-то польскаго словаря, пересыпанный русскими словами. Въ словарѣ этомъ объяснено 7,100 словъ.

Почти въ одно время съ появленіемъ въ Великой Россіи перваго русскаго энциклопедическаго словаря, въ Литвѣ появляется такой же словарь Лаврентія Зизанія, напечатанный въ 1596 г. Появленіе этого словаря показываетъ, что уже тогда нуждались въ немъ. Лаврентій Зизаній былъ православнымъ протопопомъ въ г. Корцѣ, Волынской губерніи, и извѣстенъ тѣмъ, что написалъ славянскую грамматику и большой Катихизисъ. Краткій словарь его приложенъ къ грамматикѣ. Составитель не придерживался азбучнаго порядка въ словахъ.

Второй русскій «Справочный энциклопедическій словарь» относится къ началу XVII столѣтія. Списки его принадлежатъ къ началу царствованія Михаила Ѳедоровича подъ заглавіями: «Книга глаголемая «азбуковникъ» или буквы»,—также «Книга глаголемая алфавитъ», — и, наконецъ, самое ученое для того времени: «Лексисъ неудобь разумѣваемымъ рѣчемъ». Составитель этого словаря пользовался словаремъ Лаврентія Зизанія и въ иныхъ спискахъ этого словаря находятся, при нѣкоторыхъ словахъ, показанія, съ какого языка они заимствованы. Система этого словаря та же самая, что и перваго. Составитель его говоритъ: «Вѣдомо буди, еже что ради каждо рѣчь въ семъ буквицѣ имать надъ собою красную букву, внимай: аще надъ коею рѣчью азъ красенъ, то есть сице: арабски, арменски, еллински, еѳіопски, еврейски, египетски, гречески, схваитски, жидовски, иверски, латински, литовски, македонски, мидонски, персни, римски, сербски, сирски, татарски, чесски».

Кромѣ обыкновенныхъ словъ, мы встрѣчаемъ въ этомъ словарѣ еще слѣдующія статьи: о грамматикѣ и просодіи; о еже како во святыхъ книгахъ каждо пословица писати и глаголати; о еже чесо ради наречется славянская грамота; и иже отъ коего вѣка наречется Русь и въ колика имена раздѣлишися славяне; отъ книги Св. Іоанна Дамаскина о осьми частѣхъ, слово вкратцѣ, но нужная избрана здѣ (статьи эти помѣщены вначалѣ передъ словаремъ). О постѣ Арцыурцыевѣ и т. д.— всѣ тѣ статьи, которыя были въ въ первомъ русскомъ словарѣ, только порядокъ ихъ измѣненъ. Труды, на которые ссылается составитель, тѣ же, что и у перваго:

встрѣчаемъ указанія на труды Аввы Дороѳея, Григорія Пресвитера обители Пантократора, Епифанія Кипрскаго, Патерики, азбучникъ, Кроника, словари Зизанія и первый великороссійскій, называемый «Сказаніе о неудобь»... Повѣсть о святогорскихъ монастыряхъ, житія: Кирилла Бѣлозерскаго, Онуфрія Великаго, Ѳеодосія Великаго, Сергія Радонежскаго, Пахомія Великаго, Іоанна Златоуста и Похвала царю Константину Великому. Сахаровъ въ предисловіи ко второму тому «Сказаній русскаго народа» указываетъ какія именно слова и опредѣленія заимствованы у каждаго изъ приведенныхъ здѣсь сочиненій.

Приводимъ выдающіяся опредѣленія словъ изъ «Азбуковника»:

Алконостъ (т. е. Алкіонъ-зимородокъ), птица есть, имѣетъ гнѣздо на брезѣ песка, вскрай моря и ту кладетъ яица свои. Времья жъ изытія чадъ ея въ зимвій годъ бываетъ, но егда почютитъ изытіе чадамъ ея, взимаетъ въ яицахъ чада своя и носитъ я на среду моря и опущаетъ въ глубину. Тогда убо море многими бурями ко земли приражается, но егда алконостъ сноситъ яица на едино мѣсто, и насядетъ на нихъ верху моря, яица въ глубинѣ сущимъ, тогда море непоколебимо бываетъ 7 дней, дондe же алконостовы яица во глубинѣ излупятся. Вышедши чада познаютъ своя родители.

Андрони, есть люди, живутъ въ Африцкой землѣ, а держутъ мужкую и женскую плоть по поламъ; правыя груди мужскія а лѣвыя женскія.

Аспидъ, есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота, а въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ, живетъ въ горахъ каменныхъ, но любитъ же трубнаго гласа, видитъ пестра всякими цвѣты; а на земля не садится, токмо на камени. Обоянницы пришедше обоятн ю, копаютъ яму, садятся въ яму съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ, и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себя угліе горящее и разжигаютъ клещи. Еда бо заиграютъ въ трубы, тогда засвищетъ, яко потрястися горѣ, и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положитъ на землю, и другое заткнетъ хоботомъ, и начинаетъ битися. Человѣцы же ухвативши ее клещами горящими, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же сокрушатся клещи ни едины, но двои и трои, и такъ сожжена клещами умираетъ.

Астромове, есть люди, живутъ въ Индійской землѣ, а рта у нихъ, ни губъ нѣтъ, не пьютъ, ни ѣдятъ, но точно носомъ дыхаютъ, тѣмъ и живутъ.

Вретанія, есть островъ велій, въ длину 1,000 верстъ, въ ширину 300, а живутъ въ немъ человѣцы два рода велика: 1 родъ Калидоне, 2 Меате. Градовъ и жилищъ не имутъ, но пребываютъ въ горахъ дивіихъ и поляхъ пустыхъ, переходяще отъ мѣста на мѣсто, наэи и не обувены, земли не дѣлаютъ, но питаются паствою воловою, и овощіемъ; а царя надъ собою не имать.

Дивій волъ, подобенъ видомъ волу, а хвостъ что у коня. Аще зацѣпитъ хвостъ за дерево или за камень, станетъ не подвижимъ, не хотя ни единаго власа погубити. Тоземцы пришедше отсѣкаютъ хвостъ его мечемъ. Онъ же прежъ жалѣя единаго волоса погубити, а потомъ и весь хвостъ оставляя, бѣжитъ. И сей бо разумъ имать власы беречи, наипаче разумныхъ брадобицевъ Арменъ, и прочихъ подобныхъ имъ. Отъ хвоста его исходитъ хоненъ ею же конямъ красятъ хвостъ.

Исидонія — дѣвица бѣ нѣкая, юже Зевесъ возлюбивъ, въ вола преложися, хотя утаитися жены своей Иры, она же разумѣвъ, неистовство возложи на ню.

Сего Зевеса и жену его Иру и любодѣицу Исидонію дѣвицу несмысленнія Еллины нарѣкоша себѣ богами.

Монокули, есть люди, ноги у нихъ таковы велики, что отъ солнца лапою весь міръ покроется.

Порфира, есть нѣкое животное въ море, называемое желва, ея жъ въ кроникахъ называютъ рыбою, а на спинѣ у ней чаша и наполняется та чаша сокомъ изъ рыбы, и тѣмъ красятъ всякія драгія сукна. А въ граматичномъ алфавитѣ, пишетъ Лаврентій Зизантій, яко животно оно, испущаетъ изъ себя багровый потъ, его жъ емлютъ на шарлатную краску, и отъ того зовется шарлатъ.

Фениксъ есть птица въ великой Индіи единогнѣздна, и не имѣетъ ни подружія, ни чадъ, но сама во гнѣздѣ пребываетъ, пищу творитъ слетающе въ кедры Ливана, тамо облетающе исполняетъ крылѣ свои благоуханіемъ. И егда состарѣется возлетаетъ на высоту и взимаетъ тамъ огня небеснаго, исходяще зажигаетъ гнѣздо свое ту и сама сгораетъ. И паки въ попелѣ гнѣзда своего заражается червемъ, и той червь бываетъ птица. То бо ихъ нравъ и естество.

Въ приведенныхъ здѣсь словахъ, я, можно сказать, исчерпалъ всю нашу старинную энциклопедическую мудрость до семнадцатаго вѣка, то есть ту мудрость, которою питалась и жила наша духовная, боярская и книжная интелигенція почти триста лѣтъ назадъ. Это была сокровищница, въ которой заключались наши научныя, миѳологическія, историческія, географическія и другія свѣдѣнія вообще.

Энциклопедическіе словари, составленные въ Великой Россіи, тѣмъ отличаются отъ словаря Зизанія, что они заключаютъ въ себѣ разнородныя свѣдѣнія. Изъ нихъ мы видимъ, что уже въ XVI вѣкѣ была у насъ жажда къ познаніямъ энциклопедическимъ, хотѣли изучать науки и художества. Въ нихъ встрѣчаемъ уже географическій элементъ, который тогда ограничивался описаніемъ городовъ, горъ, рѣкъ и странъ. Эти свѣдѣнія, конечно, были ограничены, потому что заимствовались исключительно изъ палеевъ, хронографовъ, хроникъ и повѣстей. Въ этнографической части попадаются самыя невѣроятныя показанія, заимствованныя изъ труда Козьмы Индикоплова, изъ хожденія Александра Македонскаго и изъ хронографовъ. Изъ всеобщей исторіи въ словари эти вносились біографическія свѣдѣнія о писателяхъ, князьяхъ и царяхъ. Эта часть—самая краткая и почерпнута исключительно изъ хронографовъ и хроникъ. Естественная исторія тоже вошла въ нихъ, хотя въ самыхъ главныхъ чертахъ; въ нихъ встрѣчаемъ опредѣленія нѣкоторыхъ звѣрей, птицъ, камней. Но опредѣленія эти—самыя баснословныя, преданія невѣжества. Хроника и повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ были главными источниками, изъ которыхъ заимствованы свѣдѣнія о природѣ. Миѳологіи тоже отведено значительное мѣсто, но тутъ все представлено въ самомъ смѣшномъ и уродливомъ видѣ. Всѣ названія миѳологическія до того изуродо-

ваны, что съ трудомъ догадываешься о чемъ идетъ рѣчь. Художества вошли сюда въ самомъ не значительномъ объемѣ. Метеорологіи тоже дано мало мѣста. Но является вопросъ: лучше ли были въ это время подобные словари западныхъ литературъ?— Совсѣмъ нѣтъ. Наши имѣютъ еще достоинство оригинальности и самостоятельности,—такъ какъ составлены въ Россіи и изъ своихъ источниковъ.

Въ половинѣ царствованія Михаила Ѳедоровича въ Западной Руси, принадлежавшей тогда Польшѣ, появился словарь Памвы Беринды, напечатанный въ Кіевѣ, въ 1627, впослѣдствіи перепечатанный въ Кутеинскомъ монастырѣ, въ 1653 году подъ заглавіемъ: «Лексиконъ словеноросскій и именъ тлъкованіе, пръвое типомъ изобразися въ Киновіи с. великія чудотворныя лавры Печерскія Кіевскія ставропигіа Н. Р. Константинопольскіа патріарха вселенскіа (лѣта бытіа міра 7135, отъ рождества же Христова 1627 Куріопасха Індикта 10, августа 11). При составленіи этого словаря Памва Беринда, какъ самъ онъ показываетъ, руководился слѣдующими трудами: словаремъ Лавр. Зизанія и многія мѣста списалъ у него слово въ слово, и сверхъ источниковъ, которыми пользовались составители великороссійскихъ словарей и ихъ трудовъ еще слѣдующими: толкованія Максима Грека, Мануила Ритора, «произвольники» на краехъ оставленныя здѣсь числомъ до листа и не толкованны нѣкія вписовавъ, равнѣ творя и отъ Бесѣдъ Дѣяній Апостольскихъ». Въ самомъ же словарѣ встрѣчаемъ другія указанія: на Василія В., Кирилла Іерусалимскаго, Никона Черныя горы, Андрея Критскаго, Каллиста, Іоанна Дамаскина, Патерикъ Соловецкій, Уставъ Ѳедора Студійскаго, на Ѳукидида и Аристотеля, на Подлинникъ или Персональникъ, на Номоканонъ, Типикъ, Корнукопіе и др., которыми пользовались составители великорусскихъ словарей. Но двѣ трети словъ этого словаря совсѣмъ не показаны, откуда они заимствованы. Словарь Беринды состоитъ изъ словъ литовско-русскаго и малорусскаго нарѣчій. Это смѣшеніе обоихъ нарѣчій началось вмѣстѣ съ введеніемъ Уніи, когда возникла ученая полемика въ Западной Руси.

Послѣ словаря Памвы Беринды, появившагося вторымъ изданіемъ въ 1653 году, до Петра Великаго мы ничего подобнаго не встрѣчаемъ въ нашей литературѣ. Въ царствованіе Петра, когда возбуждались умственныя силы Россіи, почувствовалась и необходимость въ энциклопедической книгѣ, которая могла бы знакомить русскихъ съ различными новыми предметами, начинавшими входить въ нашу жизнь, и тогда появилось сочиненіе «Полидора Виргиліа Урбинскаго, осьмъ книгъ о изобрѣтателѣхъ вещей», переводъ съ латинскаго М. 1720.

Не смотря на быстрое развитіе образованія въ Россіи, только спустя 60 лѣтъ послѣ появленія этой книги, которая едва ли лучше Памвы Беринды, въ блистательное царствованіе императрицы Екатерины II, когда у насъ существовалъ уже Московскій университетъ, явилось, въ 1782 году, второе изданіе этой книги, подъ заглавіемъ: «Полидора Виргилія Урбинскаго, о первыхъ изобрѣтателяхъ всѣхъ вещей, 2 ч. Москва».

Однако, спустя восемь лѣтъ послѣ выхода втораго изданія этой книги, появился родъ энциклопедическаго словаря подъ заглавіемъ: «**Словарь историческій, или сокращенная библіотека, заключающая въ себѣ: житія и дѣянія патріарховъ, царей, императоровъ и королей; великихъ полководцевъ, министровъ и градоначальниковъ; боговъ и героевъ древняго язычества; папъ римскихъ, учителей церковныхъ, философовъ древнихъ и нынѣшнихъ вѣковъ, историковъ, стихотворцевъ, ораторовъ, богослововъ, юриспрудентовъ, медиковъ и проч. сост. обществомъ ученыхъ людей. Переводъ съ французскаго**». Здѣсь русскій міръ исправленъ и увеличенъ значительно. Словарь этотъ вышелъ въ **четырнадцати частяхъ**, печатался съ 1790—1798. Стоилъ 100 руб. и замѣнялъ собою словарь энциклопедическій.

Хотя для своего времени книга эта была необыкновенной важности, но ей не доставало научной и технической части словаря; между тѣмъ требованія на эти части были уже такъ значительны, что въ 1801 году появились именно эти части подъ заглавіемъ: «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащій: разныя въ россійскомъ языкѣ встрѣчающіяся иностранныя рѣченія и техническіе термины, значеніе которыхъ не всякому извѣстно, каковы суть: между прочимъ: астрономическіе, математическіе и прqч. Соч. Яновскаго. 3 ч. Спб. 1803—1806».—Это можно сказать, первый русскій справочный энциклопедическій словарь безъ исторической части, весьма важный въ свое время и стоившій тоже 100 руб. Кто имѣлъ «Историческій Словарь» и «Словотолкователь» Яновскаго, тотъ имѣлъ возможность узнать, хотя вкратцѣ, о всемъ томъ, чего не зналъ. Теперь книга Яновскаго сдѣлалась библіографическою рѣдкостью.

Съ легкой руки Яновскаго пошло у насъ развитіе энциклопедическихъ свѣдѣній. Въ 1807 году стали помышлять о второмъ изданіи историческаго словаря, напечатали три тома, до 1811 года, но политическія событія прервали это предпріятіе.

Съ этого времени не встрѣчаемъ уже попытки издать энциклопедическій словарь, который бы соотвѣтствовалъ требованіямъ тогдашняго образованія. Но мысль объ изданіи спеціальныхъ словарей, начавшая проявляться еще въ концѣ прошлаго столѣтія, стала развиваться не смотря на множество изданій иностранныхъ словарей.

Собственно энциклопедическія сочиненія стали у насъ появляться съ перваго года царствованія императрицы Екатерины. Первая энциклопедія на русскомъ языкѣ появилась въ 1763 году подъ названіемъ: «Энциклопедія или собраніе нравоучительныхъ мыслей и разсужденій о разныхъ матеріяхъ». Это былъ переводъ съ французскаго И. Преклонскаго (М. 1763 г.); за ней послѣдовала «Энциклопедія или краткое начертаніе наукъ и всѣхъ частей учености; переводъ съ нѣмецкаго Ивана Шувалова, М. 1781 г.» Въ началѣ этого столѣтія явились: «Нравственная энциклопедія, содержащая обязанности человѣка въ общежитіи, или экономія гражданской жизни. Переводъ съ французскаго И. Красовскаго 2 ч. М. 1804 г.»—«Энциклопедическое обозрѣніе различныхъ наукъ вообще, а въ особенности политическихъ и историческихъ наукъ по ихъ понятію и взаимному отношенію. Соч. Хр. Шлецера. М. 1823 г.»—«Ручная математическая энциклопедія. Соч. Дм. Перевощикова 4 ч. М. 1826—1827 г.»—Въ 1835 году появился «Энциклопедическій Лексиконъ», Плюшара. Въ 1837 году, когда «Энциклопедическій Лексиконъ» былъ въ полномъ разгарѣ, Плюшаръ предпринялъ «Военный Энциклопедическій Лексиконъ». Послѣ того, какъ А. А. Плюшаръ приступилъ къ изданію «Энциклопедическаго Лексикона» у насъ появились слѣдующія энциклопедическія изданія: «Энциклопедическій Альбомъ», заключающій въ себѣ собраніе разныхъ любопытныхъ свѣдѣній и историческихъ обозрѣній, наукъ, художествъ, торговли и прочее. Составилъ П. Машковъ. Спб. 1835».—«Энциклопедическая картинная галлерея» изданная Зубовымъ и Снѣсаревымъ». Но ея вышло въ 1837 году только 1-е отдѣленіе, чѣмъ дѣло это и прекратилось. Наконецъ, въ 1845 году, приступлено было къ составленію и изданію «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря».

II.

Мое знакомство съ типографщикомъ Краемъ.—Мысль объ изданіи «Энциклопедическаго словаря».—И. М. Гедеоновъ.—Составленіе мною алфавита.—Предложеніе Края издавать словарь.—Составъ издательской компаніи.—Условіе, заключенное между компаньонами.—А. И. Варгунинъ.—Его торговая дѣятельность.—Участіе Варгунина въ изданіи «Энциклопедическаго словаря».

Мысль о предпринятіи изданія «Справочнаго энциклопедическаго словаря» пришла мнѣ въ голову случайно, когда я былъ еще студентомъ С.-Петербургскаго университета и перешелъ со второго курса на третій. Въ 1840 г., имѣя возможность уѣхать за границу, я познакомился въ Гамбургѣ, съ отправившимся туда же содержателемъ извѣстной и лучшей тогда петербургской типогра-

фіи, молодымъ образованнымъ человѣкомъ, Карломъ Карловичемъ Краемъ. Будучи въ Вѣнѣ, въ одинъ жаркій іюльскій день, возвратившись послѣ долгой прогулки по городу въ гостинницу «Zum Weissen Ross» и пообѣдавъ, какъ подобаетъ проголодавшимся путешественникамъ, за табль д'отомъ, мы пришли въ свой номеръ, сбросили пиджаки, разлеглись на диванчикахъ и стали разсуждать о томъ, о семъ, о наукахъ, искусствѣ и литературѣ; а отъ послѣдней до типографіи былъ одинъ только шагъ. Край началъ разсказывать разные анекдоты изъ типографскаго міра, которые были весьма любопытны для человѣка, незнакомаго съ типографскими тайнами и, между прочимъ, разсказалъ о томъ, какъ послѣ прекращенія плюшаровскаго «Энциклопедическаго Лексикона», затѣвался новый, который долженъ былъ печататься въ его типографіи, что во главѣ предпріятія хотѣли стать профессоръ А. В. Никитенко, А. А. Краевскій и кажется капиталистъ Струбинскій, но дѣло не состоялось изъ-за мелочныхъ разногласій участниковъ.

Я принялся доказывать Краю необходимость изданія у насъ энциклопедическаго лексикона скромныхъ размѣровъ, и хотя тогда я былъ еще студентомъ, но такъ обстоятельно развилъ ему планъ подобнаго изданія, что онъ глубоко запалъ ему въ голову, и спустя четыре года послѣ этого, мысль моя осуществилась и наше совмѣстное путешествіе за границей, въ 1840 году, принесло русскому обществу пользу, насколько это было возможно при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Въ концѣ октября 1840 г., возвратясь изъ-за границы, я былъ у Края, возобновилъ съ нимъ знакомство, но, спустя два мѣсяца, опять уѣхалъ за границу, гдѣ оставался около двухъ лѣтъ и посѣщалъ Берлинскій университетъ. Возвратившись въ Петербургъ, осенью 1842 г., я по временамъ посѣщалъ Края, и онъ не терялъ меня изъ виду, но, желая покончить съ университетомъ, я до мая 1843 г. готовился къ экзамену изъ двухъ курсовъ — третьяго и четвертаго. По окончаніи экзаменовъ и по полученіи степени кандидата правъ, я сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», редактировавшагося тогда К. С. Сербиновичемъ, и въ началѣ 1844 года принялъ еще участіе въ журналѣ «Финскій Вѣстникъ», издававшемся К. Ѳ. Дершау.

Въ одинъ вечеръ, ко мнѣ собрались мои товарищи по университету: Ап. Ник. и Вал. Ник. Майковы, Ст. Сем. Дудышкинъ,— Ѳ. К. Дершау и штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Ив. Мих. Гедеоновъ, съ которымъ я тогда только-что познакомился. Почему-то у насъ зашла рѣчь объ энциклопедическомъ лексиконѣ; я сталъ разсказывать, какъ такая же мысль пришла мнѣ въ Вѣнѣ и весь вечеръ былъ посвященъ вычисленіямъ, во что бы могъ обойтись энциклопедическій словарь, если предпринять его въ скромныхъ размѣрахъ и при умѣренномъ вознагражденіи. Толковали много,

обуждали предпріятіе съ различныхъ сторонъ, подвели итоги; но этимъ дѣло и кончилось.

Спустя недѣлю, ко мнѣ заѣхалъ Ив. Мих. Гедеоновъ, навѣдаться по одному литературному дѣлу и объявилъ, что онъ предпринимаетъ съ извѣстнымъ тогда книгоправцемъ Юл. Анд. Юнгмейстеромъ энциклопедическій лексиконъ, куда они желаютъ пригласить меня редакторомъ. На какихъ основаніяхъ и условіяхъ предпринимали они энциклопедическій лексиконъ мнѣ не сообщалось, но тутъ же Ив. Мих. уговорился со мною на счетъ составленія алфавита, который долженъ быть готовъ черезъ два мѣсяца, за что мнѣ назначалось 300 руб. сер. Я охотно взялся за это дѣло, но вскорѣ заболѣлъ и 1-го мая, больной, уѣхалъ на дачу въ Царское Село, гдѣ, оправившись отъ болѣзни, посвятилъ два мѣсяца на составленіе порученнаго мнѣ дѣла. Впослѣдствіи, совершенно случайно въ мои руки попалъ проектъ условія Гедеонова съ Юнгмейстеромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я узналъ, что въ то самое время, когда мнѣ предложена была Гедеоновымъ редакція «Энциклопедическаго Лексикона», для котораго я уже занимался составленіемъ алфавита, Валеріану Майкову, поручено было написать планъ «Энциклопедическаго Лексикона». Документъ этотъ, писанный рукою В. Майкова, скрывался отъ меня въ началѣ 1845 г., а потомъ я получилъ его случайно и храню до сихъ поръ.

Въ концѣ лѣта мнѣ за чѣмъ-то понадобилось быть въ Петербургѣ, гдѣ, въ случаѣ пріѣзда, я останавливался въ домѣ Симанской, на Вознесенскомъ проспектѣ. Едва я вошелъ къ моимъ знакомымъ, какъ мнѣ сказали, что меня уже два дня ищутъ изъ какой-то типографіи, и что сегодня опять придутъ въ три часа. Я ушелъ по дѣламъ и, возвратясь къ тремъ часамъ, засталъ разсыльнаго изъ типографіи Края съ запиской, въ которой онъ приглашалъ меня пожаловать къ нему немедленно, по важному дѣлу.

Я поспѣшилъ къ Краю и былъ имъ встрѣченъ съ радостью. Онъ разсказалъ мнѣ, что наша вѣнская идея не погибла, что нашелся одинъ богатый негоціантъ, Варгунинъ, который даетъ средства на изданіе «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», какой я проектировалъ, что дѣло это совсѣмъ устроено и остановилось только за конспектомъ, послѣ чего можно будетъ тотчасъ заключить условіе и приступить къ занятіямъ.

Тогда я заявилъ Краю, что имѣется уже въ виду изданіе «Энциклопедическаго Лексикона», для котораго мнѣ поручили составить алфавитъ и куда меня приглашаютъ въ редакторы. Край отлично зналъ Юнгмейстера, который прежде былъ приказчикомъ у извѣстнаго французскаго книгопродавца Белизара, и сказалъ, что изъ этого предпріятія ничего не выйдетъ, потому-что денегъ у Юнгмейстера нѣтъ; а все дѣло долженъ будетъ вынести на своихъ плечахъ Гедеоновъ; денегъ же на изданіе порядочнаго энци-

клопедическаго лексикона потребуется очень много, если на словарь, проектируемый только изъ четырехъ томовъ, Варгунинъ ассигнуетъ двадцать тысячъ рублей. Такъ какъ у меня ничего не было еще сдѣлано формальнаго съ Ив. Мих. Гедеоновымъ и Юнгмейстеромъ, то Край требовалъ, чтобы я отказался отъ ихъ предложенія и сошелся съ нимъ и Варгуниномъ.

Разставшись съ Краемъ, я не поѣхалъ въ Царское Село, а остался въ Петербургѣ, чтобы составить, какъ можно скорѣе требуемый конспектъ энциклопедическаго словаря.

Написавъ его, я, на слѣдующій день, зашелъ, въ три часа къ Гедеонову, жившему тогда по Вознесенскому проспекту въ домѣ Моравица, передалъ ему мой разговоръ съ Краемъ и совѣтъ послѣдняго отказаться отъ сдѣланнаго мнѣ раньше предложенія, и спросилъ: что онъ объ этомъ думаетъ? Иванъ Михайловичъ, подумавъ не много и объяснившись со мною, сказалъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ моего отказа, но проситъ меня уговорить Края принять и его въ компанію по этому предпріятію.

Мнѣ пришлось еще на день остаться въ городѣ, чтобы передать Краю желаніе И. М. Гедеонова, при чемъ я вовсе не настаивалъ на томъ, чтобы его непремѣнно приняли въ компанію. Край началъ говорить, что имъ болѣе никого не нужно; но въ это время явился самъ Гедеоновъ и лично предложилъ Краю принять его въ предпріятіе, подобное которому онъ тоже затѣвалъ. Пошли разговоры, Край сталъ сдаваться и, наконецъ, объявилъ Ивану Михайловичу, что поѣдетъ къ Варгунину и предложитъ ему принять Гедеонова въ компанію.

Варгунинъ охотно согласился на предложеніе, замѣтивъ, что въ троемъ веселѣе будетъ вести дѣло. И. М. Гедеонова приняли въ третью часть предпріятія, а затѣмъ, мы заключили условіе, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: Въ предпріятіе вступаютъ четыре человѣка;—сумму на изданіе «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» ассигнуютъ: Варгунинъ $^2/_3$, И. М. Гедеоновъ—$^1/_3$; издателемъ считается К. К. Край, получаетъ за наборъ и печатаніе «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» въ количествѣ 5,000 экземпляровъ 40 руб. сер. за печатный листъ и треть чистой выгоды отъ предпріятія; я состою редакторомъ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» и получаю жалованья по 75 руб. сер. въ мѣсяцъ; на редакцію и составленіе одного тома «Словаря» полагается употребить не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. За листъ печатнаго текста съ корректурами, равняющійся двумъ обыкновеннымъ печатнымъ журнальнымъ листамъ, назначается по 50 руб. сер., деньги выдаются по предъявленіи редакціею готоваго оригинала, разсчитывая его приблизительно. Сверхъ того, изъ чистой выгоды отъ предпріятія мнѣ назначалось пять процентовъ. Ив. Мих. Гедеоновъ, за взносъ третьей части суммы, нуж-

ной на изданіе «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» въ извѣстные сроки, долженъ былъ получить то же третью часть выгоды отъ предпріятія.

Изъ всего этого видно, что А. И. Варгунинъ шелъ въ дѣло не изъ-за матеріальной выгоды, если дѣлилъ ее съ Краемъ по поламъ. Едва ли кто-нибудь сдѣлалъ бы это теперь?!. Поэтому я считаю не лишнимъ сообщить здѣсь свѣдѣнія о личности Варгунина.

Александръ Ивановичъ Варгунинъ былъ с.-петербургскій временной первой гильдіи купецъ и владѣлецъ извѣстной Невской писчебумажной фабрики. Онъ родился въ 1807 году въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его занимался торговлей писчей бумаги. Съ 1820 года Александръ Ивановичъ, будучи тринадцати лѣтъ, поступилъ въ лавку къ отцу; съ 1826 года послѣ смерти отца сталъ самъ вести торговыя дѣла. Въ 1832 году поступилъ приказчикомъ для продажи бумаги Ропшинской фабрики, состоявшей тогда въ вѣдѣніи собственной его величества конторы. По прошествіи трехъ лѣтъ, онъ сдалъ дѣла во всей исправности и получилъ аттестатъ отъ комиссіонера фабрики—Крюгера. Въ 1837 году Александръ Ивановичъ поступилъ самъ комиссіонеромъ Петергофской бумажной фабрики, по контракту на пять лѣтъ (до 1842 года), но въ 1839 году основалъ уже вмѣстѣ съ британскимъ подданнымъ Гобертомъ собственную бумаго-дѣлательную фабрику. Основанная ими Невская фабрика была первая въ Россіи, дѣйствовавшая парами. При усиленномъ стараніи обоихъ учредителей, фабрика ихъ вскорѣ доведена была до возможнаго совершенства, такъ-что за образцы выдѣлываемой ею бумаги, представленные на Петербургскую мануфактурную выставку 1849 года, А. И. Варгунинъ удостоился получить золотую медаль, на анненской лентѣ, съ надписью «за полезное». Въ 1851 году Александръ Ивановичъ отправилъ образцы бумаги, выдѣлываемой Невской фабрикой, на всемірную лондонскую выставку, комитетъ которой, состоявшій подъ предсѣдательствомъ принца Альберта, супруги королевы, нашелъ справедливымъ наградить Варгунина медалью и патентомъ, какъ за качество представленной имъ на выставку пищей бумаги, такъ и за дешевизну ея цѣны. Пятнадцатилѣтніе труды Александра Ивановича, его осмотрительность и умѣніе брата его Павла Ивановича, управлявшаго фабрикою, вести это сложное дѣло, увѣнчались наконецъ полнымъ успѣхомъ, такъ-что Невская фабрика сдѣлалась образцовой тогда во всѣхъ отношеніяхъ. А. И. Варгунинъ въ первое десятилѣтіе существованія его фабрики былъ участникомъ во многихъ большихъ ученыхъ и литературныхъ предпріятіяхъ и изданіяхъ, на которыя, начиная съ 1839 года, ставилъ въ огромномъ количествѣ печатную бумагу, по умѣреннымъ цѣнамъ, охотно открывая, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ авторамъ, такъ и издателямъ и другимъ лицамъ, кредитъ на цѣ-

лыя десятки тысячъ. При нашей еще не развитой тогда книжной торговлѣ, многимъ авторамъ и издателямъ замѣчательныхъ нашихъ изданій, пришлось бы не однократно остановить свои предпріятія и изданія, еслибы Александръ Ивановичъ отказалъ имъ въ помощи, не смотря на то, что въ подобныхъ случаяхъ нельзя было обойтись иногда безъ значительныхъ потерь.

Варгунинъ по собственному почину былъ создателемъ «Спр. Энц. Словаря», на который далъ 35.000 руб. сер.; ему общество обязано этимъ изданіемъ, которое какъ первое, въ этомъ родѣ, имѣло свои несовершенства; но все же оно было весьма важно для своего времени, представляя книгу, въ которой каждый могъ найти нужныя и разнообразныя свѣдѣнія. На сумму, опредѣленную и выданную А. И. Варгунинымъ, были изданы семь томовъ «Словаря» (1, 2, 5, 6, 10, 11 и 12). Къ несчастью, изданіе это было пріостановлено до 1853 г., и тогда А. И. Варгунинъ, не принимая уже болѣе прямого участія въ этомъ дѣлѣ, но желая видѣть его оконченнымъ, охотно открылъ мнѣ кредитъ до 10.000 руб. сер., такъ что окончаніе «Спр. Энц. Словаря» было, при его помощи, обезпечено.

III.

Мои литературные труды до редакціи «Энциклопедическаго Словаря».—Знанія, которыми я обладалъ для редактированія этого изданія.—Составленіе алфавита и плана.—Предварительныя работы для словаря.—Цензурныя условія.

Когда я принималъ на себя редакцію «Спр. Энц. Словаря» мнѣ было 27 лѣтъ; я былъ кандидатомъ правъ Петербургскаго университета, два года посѣщалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ по юридическому факультету (въ 1841 и 1842) и слушалъ: Савиньи, Дирксена, Шталя, Ранке, Габлера и друг. Въ Берлинѣ я издалъ въ двухъ томахъ «Сказанія иностранныхъ писателей шестнадцатаго вѣка о Россіи» [1]), на латинскомъ языкѣ, за что былъ сдѣланъ членомъ-корреспондентомъ Археографической Комиссіи; составилъ, тамъ же, извлеченіе изъ нашего свода законовъ: «Книжку законовъ, которые необходимо знать каждому русскому человѣку, по системѣ «Code de Napoléon» и «Книжку законовъ, которыми пользуются иностранцы въ Россіи», вышедшую въ Берлинѣ, на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Die Russische Gesätzes Ausländer betreffend» in-8° 1841 г., издалъ «Galerie Slave», заключающую въ себѣ 360 портретовъ знаменитыхъ славянъ съ ихъ біографіями на французскомъ языкѣ, первый томъ которой вышелъ въ Бер-

---

[1]) Подъ заглавіемъ: «Historiae Ruthenicae Scriptores exteri, saeculi XVI», 2 тома in-4.

линѣ, въ 1843 г., in-4°—и перевелъ «Коммерческій уставъ»—на французскій языкъ.

Я былъ постояннымъ сотрудникомъ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія» по части исторической критики, славянской филологіи и обзора русскихъ газетъ и журналовъ. Кромѣ того, я писалъ оригинальныя статьи по русской исторіи, переводилъ съ славянскихъ нарѣчій на русскій языкъ и разбиралъ историческія книги, выходившія за границей на славянскихъ нарѣчіяхъ.

Занимаясь въ то же время преподаваніемъ славянскихъ нарѣчій старшему сыну Карамзина (исторіографа)—Андрею Николаевичу, я составилъ для него на русскомъ языкѣ грамматики, съ небольшими словарями, слѣдующихъ славянскихъ нарѣчій: польскаго, чешскаго, словакскаго, верхне-лужицкаго, болгарскаго, сербскаго и словенскаго или хорутанскаго.

Наконецъ, въ «Финскомъ Вѣстникѣ», издаваемомъ въ 1845 г. Ѳ. К. Дершау былъ помѣщенъ мой трудъ: «Очеркъ литературы Русской исторіи съ XI столѣтія до Карамзина» (XIX в.), изданный и отдѣльною книгою, а вслѣдъ за этимъ была написана мною монографія: «Николай Михайловичъ Карамзинъ», напечатанная впослѣдствіи, въ 1848 г., въ «Библ. для Чтенія» и вышедшая тоже отдѣльно.

Кромѣ славянскихъ нарѣчій, которыя я зналъ основательно, я зналъ языки: латинскій, французскій, италіанскій, нѣмецкій—на которыхъ говорилъ; англійскій и испанскій, на которыхъ читалъ, и хорошо былъ знакомъ съ литературами всѣхъ этихъ языковъ.

Перечисляю я все это не съ цѣлью хвастовства, а единственно для того, чтобы показать съ какимъ запасомъ знаній приступилъ я къ редакціи «Справ. Энц. Словаря».

Я принялъ на себя редакцію, не обращаясь въ цензурный комитетъ ни за какимъ разрѣшеніемъ, и когда вышелъ первый томъ, то на немъ было выставлено: редакторъ А. Старчевскій. По редакціи я не имѣлъ прямого помощника, но искреннимъ совѣтникомъ моимъ и первымъ сотрудникомъ былъ Ив. Мих. Гедеоновъ—онъ же и соиздатель «Словаря».

Я уже раньше сказалъ, что Ив. Мих. Гедеоновъ поручилъ мнѣ составить списокъ словъ, долженствовавшихъ войти въ «Энциклопедическій Лексиконъ», задуманный имъ съ Ю. А. Юнгмейстеромъ. Теперь, когда Край предложилъ мнѣ редакцію предпринимаемаго имъ «Спр. Энц. Словаря» и дѣло И. М. Гедеонова съ Юнгмейстеромъ разстроилось, трудъ мой по составленію списка словъ или алфавита, остался за мною, пошелъ на изданіе Края и слѣдующее мнѣ за него вознагражденіе въ 300 руб. сер. я получилъ отъ Варгунина.

При составленіи алфавита я пользовался слѣдующими сочиненіями: 1) «Энциклопедич. Лексикономъ» Плюшара, 2) «Encyclope-

die des gens du monde», 3) «Dictionnaire encyclopétique de Saint-Laurent», 4) «Dictionnaire de la conversation», 5) «Biographie Universelle», 6) «Conversazions-Lexicon», Брокгауза, всѣми нашими спеціальными словарями и нѣкоторыми пространными руководствами по естественнымъ наукамъ. Алфавитъ былъ оконченъ къ 1-му августа 1845 г. и тогда же начались работы по составленію «Словаря». Впослѣдствіи, при измѣненіяхъ въ первоначальной программѣ и планѣ «Словаря» весь алфавитъ не могъ пойти въ дѣло и пришлось ограничиться только половиною его, все же остальное осталось и сохраняется у меня по настоящее время.

Послѣ составленія алфавита, прежде всего отъ меня потребовали изложенія плана предпринимаемаго «Энциклопедическаго Словаря». Раздавъ работы по словарю, я принялся за изложеніе плана и въ концѣ августа онъ былъ готовъ, переписанъ собственноручно Ив. Мих. Гедеоновымъ для литографіи, отпечатанъ въ количествѣ 24 экземпляровъ и посланъ разнымъ лицамъ для замѣчаній; но изъ двадцати четырехъ лицъ намъ возвратилъ планъ съ своими замѣчаніями одинъ только Вал. Ник. Майковъ; однако, его замѣчаніями мы не могли воспользоваться, такъ какъ они были сдѣлены въ духѣ Леру, словаремъ котораго мы не могли и не желали руководиться, потому что его принципы не совпадали съ нашими взглядами и убѣжденіями...

Распредѣленіе работъ по составленію статей для «Словаря»— было, разумѣется, главнѣйшимъ дѣломъ редакціи и для этого требовалось разсмотрѣть главнѣйшіе иностранные энциклопедическіе словари, съ которыми пришлось близко ознакомиться и, убѣдившись въ ихъ достоинствахъ и недосткахъ, указать что̀ именно изъ какого словаря слѣдовало взять для «Спр. Энц. Словаря».

Чтеніе доставляемыхъ сотрудниками статей сопровождалось разнаго рода справками и провѣрками, а всѣ переводныя статьи были просматриваемы, состоявшимъ въ самомъ началѣ при редакціи, въ родѣ секретаря, Ив. Пет. Крешевымъ, наблюдавшимъ за единствомъ слога. Затѣмъ, просмотрѣнныя и исправленныя статьи подбирались по алфавиту, и когда накоплялся оригиналъ на весь томъ, тогда изъ него отбирались статьи духовнаго содержанія, которыя представлялись на разрѣшеніе духовной цензуры, а всѣ прочія отправлялись въ обыкновенную цензуру.

Статьи писались на четверткахъ листа бумаги: однѣ умѣщались на одной четверткѣ, а для болѣе обширныхъ употреблялось нѣсколько четвертокъ. При такомъ сложномъ, копотливомъ и объемистомъ трудѣ, статьи переходили чрезъ нѣсколько рукъ. Цензору доставлялся весь томъ и на каждой изъ такихъ четвертокъ, заключавшихъ въ себѣ одну статью, цензоръ, по прочтеніи ея, обязанъ былъ написать: печатать позволяется, выставить число и подписать свою фамилію, или ставить по одной буквѣ изъ всего

разрѣшенія, какъ это обыкновенно дѣлалось на рукописяхъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ сшитыхъ и перенумерованныхъ листовъ. Но здѣсь статьи были не сшиты, потому что по полученіи отъ цензора ихъ приходилось раздавать на руки двадцати наборщикамъ, поэтому они не могли быть сшиты и цензорованы обыкновеннымъ образомъ, какъ рукописи; писать же все разрѣшеніе на каждомъ листѣ, не было физической возможности, потому что для написанія такого разрѣшенія на 10.000 четвертушкахъ, составлявшихъ томъ, приходилось употребить по меньшей мѣрѣ одинъ годъ, такъ какъ на цензорахъ лежало тогда нѣсколько обязанностей. Если же разрѣшать къ печати, какъ дѣлалось на обыкновенныхъ рукописяхъ, то это не имѣло бы смысла, потому что каждая четвертушка заключала бы въ себѣ одну какую-либо букву изъ фамиліи цензора; а такую четвертушку легко можно было подмѣнить другимъ текстомъ и выставить одну цензурную букву. Между тѣмъ оригиналъ, подписанный цензоромъ, служилъ доказательствомъ того, что все напечатанное въ вышедшей книгѣ разрѣшено цензурою.

Какъ же слѣдовало сдѣлать, чтобы, не тормозя дѣла, прочесть и подписать 10,000 статей? Цензорами тогда были большею частью профессора университета, за малыми исключеніями, а эти исключенія составляли чиновники, имѣвшіе чины дѣйствительнаго статскаго совѣтника; профессора придумали слѣдующее: такъ какъ правительство не разрѣшало читать энциклопедическіе словари въ корректурныхъ листахъ, а въ рукописныхъ статьяхъ, то цензоръ на каждой четвертушкѣ подъ окончаніемъ статьи писалъ только Ц. К. черными чернилами, что означало цензоръ Корнѣевъ, Крыловъ и т. д. Если же въ статьѣ приходилось что-либо измѣнить или совсѣмъ запретить, то для этого употреблялись красныя чернила; впрочемъ, дѣло обходилось безъ нихъ, потому что статьи составлялись людьми благонамѣренными и не желавшими играть въ жмурки съ цензурою. Однако, чтобы на каждой статьѣ поставить только двѣ буквы: Ц. К. или Ц. П. и т. д. цензору приходилось употребить на просмотръ и подписаніе одного тома не менѣе двухъ недѣль. Разрѣшеніе же къ печати in extenso прописывалось только на заглавномъ или титульномъ листѣ, гдѣ означалось какой это томъ «С. Э. С.» и какія онъ заключаетъ въ себѣ буквы.

По полученіи процензорованнаго оригинала и вставкѣ въ него, по алфавиту, статей духовнаго содержанія, пропущенныхъ духовной цензурой, онъ поступалъ въ типографію Края.

Когда всѣ листы, составляющіе томъ, были отпечатаны, тогда типографія посылала его къ цензору, который тотчасъ подписывалъ его на выпускъ и на другой же день этотъ томъ «С. Э. С.» поступалъ въ продажу.

Не смотря на сложную процедуру печатанія такого изданія, типографія Края успѣла, однако, выпустить въ 1847 году четыре тома (1-й, 5-й, 6-й и 12-й).

Въ слѣдующемъ 1848 году дѣло пошло медленнѣе, и въ теченіе года вышло только три тома: 2-й, 10-й и 11-й и затѣмъ дѣло остановилось почти на половинѣ. О причинѣ остановки я разскажу ниже.

IV.

Біографическій отдѣлъ, введенный въ «Энциклопедическій Словарь».—Мѣры принятыя для составленія этого отдѣла.—Нѣкоторыя любопытныя автобіографическія замѣтки, полученныя редакціей.—Я. И. Ростовцевъ.—Количество цензуръ, которымъ подвергались статьи словаря.—Френъ и Штукенбергъ.—Штиглицы.

Въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» введенъ былъ отдѣлъ, котораго вовсе не было въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара — это біографіи какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ замѣчательныхъ современныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ. Всякій согласится съ тѣмъ, что для общества весьма интересно и даже нужно знать выдающіеся факты изъ жизни лица, сдѣлавшагося знаменитымъ или широко извѣстнымъ, хотя бы не касаясь его происхожденія, частной и семейной жизни.

Но какъ исполнить такую задачу? Для иностранныхъ живыхъ современныхъ знаменитостей, есть источники въ словаряхъ, называемыхъ «Gegenwart» и частью въ особенныхъ сборникахъ біографій знаменитыхъ современниковъ.

Относительно нашихъ военныхъ знаменитостей поступлено было такъ: редакція «С. Э. С.» испросила у начальника главнаго штаба разрѣшить офицеру, тамъ же служащему, сдѣлать краткія извлеченія изъ ихъ формуляровъ. Этимъ занимались: сначала Ив. Мих. Гедеоновъ, потомъ кн. О. Мещерскій и, наконецъ, Ѳ. Леонтьевъ, Ко всѣмъ прочимъ замѣчательнымъ лицамъ были посланы циркуляры съ вопросами, на основаніи которыхъ можно было бы составить краткія ихъ біографіи. На эти циркуляры нѣкоторыя лица прислали свои біографіи, другія отвѣчали съ нежеланіемъ, третьи—отвѣчали съ пренебреженіемъ, находили, что они не достойны того, чтобы ихъ вносили въ «С. Э. С.», тѣ же, которымъ были посылаемы ихъ біографіи, прибавляли къ нимъ пустяки и т. д.

Считаю не лишнимъ познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ отвѣтовъ, полученныхъ на посланные циркуляры съ вопросами:

«Генералъ-адъютантъ Бибиковъ возвращаетъ при семъ въ редакцію «Энциклопедическаго Словаря» присланные къ нему вопросы, для составленія его біографіи, такъ какъ, вѣроятно, во-

просы эти, присланы по ошибкѣ, ибо Бибиковъ не считаетъ и не можетъ считать себя въ числѣ знаменитыхъ современниковъ».

Не смотря на такой отказъ, біографія его, хотя краткая, была помѣщена въ «Словарѣ».

Князь Воронцовъ отвѣчалъ: «М. Г. я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 30-го ноября изъ С.-Петербурга и принося вамъ искреннюю мою благодарность за желаніе ваше помѣстить мою біографію въ издаваемомъ вами «Справочномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ», я не могу не выразить вамъ мою мысль и мое убѣжденіе, что въ подобныхъ изданіяхъ не слѣдовало бы никогда помѣщать біографіи людей еще живущихъ, которые никогда не могутъ быть полны и окончены, но только біографіи людей умершихъ. Но ежели уже въ изданіи вашемъ это принято, то по примѣру другихъ и я готовъ изъявить вамъ на это мое согласіе. Самъ я ничего не могу о себѣ писать и сообщать, но вы можете достать формулярный мой списокъ изъ военнаго министерства».

Графъ Клейнмихель на посланномъ оттискѣ его біографіи, составленной по формулярному списку, просилъ, въ числѣ наградъ прибавить полученныя имъ двѣ золотыя табакерки, осыпанныя брильянтами.

Адмиралъ Литке сердито помѣтилъ краткіе отвѣты на предложенные ему вопросы, не желая говорить о своемъ происхожденіи.

А. Львовъ (композиторъ) отвѣтилъ: «М. Г. Альбертъ Викентьевичъ! Исполняя желаніе редакціи «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», имѣю честь препроводить при семъ мою біографію, искренно благодаря, что редакціи угодно было обо мнѣ вспомнить и поставить въ число людей, принесшихъ хотя ничтожную пользу отечеству и соотечественникамъ. Біографію эту я составилъ сколь возможно короче, самому о себѣ писать трудно, особенно если въ жизни успѣлъ заслужить нѣкоторое вниманіе людей просвѣщенныхъ; а потому, если вамъ, м. г., желательно будетъ имѣть еще нѣкоторыя подробности, то я всегда съ благодарностью готовъ сообщить вамъ оныя».

Главный начальникъ почтъ Ѳ. И. Прянишниковъ отвѣтилъ: «Получивъ письмо ваше отъ 30-го ноября, считаю долгомъ принести вамъ покорнѣйшую благодарность за ваше вниманіе, но нахожу для себя нескромнымъ согласиться на предложеніе ваше помѣстить мою біографію въ составляемомъ вами «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ».

Я. И. Ростовцевъ, получивъ мое письмо, прислалъ ко мнѣ полковника Маркова (драматурга) просить: не могу ли я удѣлить ему нѣсколько минутъ вечеромъ. Я былъ у Я. И., онъ мнѣ очень понравился своимъ обращеніемъ, откровенностью; разспрашивалъ дѣйствительно ли «Словарь» проходитъ черезъ 12 цензуръ, какъ

ему сказывалъ Вл. Ив. Даль, на что я замѣтилъ, что Даль сказалъ невѣрно. «Словарь» проходитъ чрезъ 15 цензуръ. Онъ вскрикнулъ, всплеснулъ руками, схватилъ карандашъ и записалъ всѣ цензуры, которыя я ему продиктовалъ; затѣмъ замѣтилъ: «какъ же вы ведете свое дѣло при такихъ порядкахъ?» Тогда я разсказалъ ему примѣръ съ однимъ несчастнымъ листомъ на букву Л, въ которомъ находились статьи, подлежавшія разсмотрѣнію всѣхъ спеціальныхъ цензуръ. Каждый цензоръ имѣлъ право держать у себя листъ сколько ему угодно, безпокоить цензора было опасно, чтобы разсердясь онъ не похерилъ сколько душѣ угодно. Этотъ листъ проходилъ по цензурамъ цѣлый годъ, послѣ чего, когда онъ возвратился къ главному цензору на окончательную подпись, то вмѣсто разрѣшенія его къ печати, на листѣ этотъ цензоръ, д. с. с. Крыловъ, написалъ, что по такой-то статьѣ цензурнаго устава процензорованное годъ назадъ, не имѣетъ силы, а потому просилъ типографію прислать ему новый оттискъ для отправленія вновь по разнымъ цензорамъ.

— Значитъ то же будетъ и съ буквой Р?—спросилъ Ростовцевъ.

— Нѣтъ, теперь намъ нѣсколько облегчено и осталось только девять цензуръ,—отвѣчалъ я.

Ростовцевъ поручилъ полковнику Маркову составить біографію, которая вскорѣ была мнѣ доставлена и напечатана.

Затѣмъ онъ разспрашивалъ меня о положеніи литературнаго дѣла вообще и въ заключеніе сказалъ: «одно только немножко меня коробитъ, что я буду фигурировать въ томъ изданіи, въ которомъ помѣщена біографія Клейнмихеля».

Когда вышли послѣдніе тома «Словаря», печатавшіеся въ типографіи военно-учебныхъ заведеній, Ростовцевъ внесъ въ ученый совѣтъ предложеніе о пріобрѣтеніи 60 экземпляровъ «Словаря» для военно-учебныхъ заведеній. Совѣтъ единогласно принялъ его предложеніе и полученные за это 1,200 руб. сер. пошли на удовлетвореніе типографіи.

Статсъ-секретарь Танѣевъ, отвѣчалъ: «М. Г. А. В. Вы изъявили желаніе имѣть мою біографію для помѣщенія въ «Спр. Энц. Словарѣ». Препровождая при семъ испрашиваемыя обо мнѣ свѣдѣнія, я присовокупляю здѣсь покорнѣйшую просьбу, помѣстить въ «Словарѣ» вашемъ и составленную мною статью о дворянахъ Танѣевыхъ, въ томъ уваженіи, что если знаменитости на полѣ брани и въ области словесности, наукъ и художествъ, должны жить въ потомствѣ, то и гражданскія добродѣтели и доблести достойны остаться въ памяти соотечественниковъ».

Государственный контролеръ Татариновъ прислалъ 31-го декабря 1847 года отвѣты на вопросы и свой формуляръ, безъ всякихъ объясненій.

Но были и такія лица, которыя сами доставляли свои біогра-

фіи; изъ нихъ я долженъ упомянуть о Сем. Алекс. Юрьевичѣ, генералъ-маiорѣ, состоявшемъ при особѣ государя наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Кромѣ своей біографіи, генералъ Юрьевичъ доставилъ для напечатанія въ «Спр. Энц. Словарь» статью «Юрьевичи» съ доказательствомъ своего княжескаго происхожденія и съ весьма настоятельною просьбою о ея напечатаніи. Хотя статья была и не объемистая, но я счелъ нужнымъ справиться основательна ли она и оказалось, что князья Юрьевичи не имѣютъ ничего общаго съ дворянами Юрьевичами и потому статья эта напечатана не была.

Совсѣмъ не то было съ современниками-нѣмцами. Я обратился къ академику Френу, знаменитому оріенталисту, и случайно познакомившись съ Штукенбергомъ, авторомъ гидрографіи Россіи на нѣмецкомъ языкѣ, обѣщалъ и ему помѣстить о немъ не большой біографическій очеркъ, такъ какъ, дѣйствительно, жизнь послѣдняго была довольно замѣчательна по своимъ невзгодамъ, когда онъ служилъ по вѣдомству путей сообщенія.

Тотъ и другой доставили довольно обширныя біографіи свои на нѣмецкомъ языкѣ, которыя были переведены и напечатаны. Когда вышли въ свѣтъ томы, въ которыхъ были помѣщены біографіи Френа и Штукенберга, то первый прислалъ своего сына за полученіемъ гонорара за свою біографію; а Штукенбергъ явился лично. Сынъ Френа остался не доволенъ, что трудъ его отца не былъ оплаченъ; а Штукенбергъ написалъ Краю цѣлый листъ ругательствъ и брани: какъ можно не платить человѣку за его трудъ!..

Теперь мнѣ остается сказать еще о біографіи барона А. Л. Штиглица. Когда въ газетахъ было напечатано объявленіе о выходѣ перваго тома «Спр. Энц. Словаря», и что вслѣдъ за этимъ томомъ будетъ напечатанъ XII томъ, заключавшій въ себѣ статьи на буквы: Ц до V, то, спустя недѣли двѣ, ко мнѣ явился Ник. Бор. Штиглицъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, полковникомъ Штиглицемъ, и очень хлопотали, чтобы о родѣ Штиглицъ вообще и о Штиглицахъ банкирахъ въ особенности, появились такія статьи, какія имъ хотѣлась видѣть въ печати, при чемъ вызывались сами доставить статьи о Штиглицахъ. Я исполнилъ ихъ желаніе.

V.

Сотрудники «Энциклопедическаго Словаря». — Распредѣленіе между ними работъ. — Оригинальное порученіе къ Ѳ. В. Булгарину. — Визитъ Булгарина къ Краю.—Цензорская продѣлка.—Попечитель учебнаго округа и предсѣдатель цензурнаго комитета Мусинъ-Пушкинъ.—Объясненіе съ нимъ.—Ночное свиданіе съ цензоромъ. — Цензоръ Пейкеръ. — Исторія съ біографіей Варгунина.—Цензоръ Ахматовъ.—Цензоръ Крыловъ.—Продѣлка съ словаремъ Кирилова.—Путешествіе одного листа «Энц. Словаря» по разнымъ цензурамъ. — Выходъ перваго тома «Словаря». — Увеличеніе объема изданія и капитала назначеннаго для него.— Выходъ II, V, VI и XII томовъ «Словаря».

Когда алфавитъ для «Словаря» былъ совсѣмъ готовъ, тотчасъ послѣдовала раздача работы сотрудникамъ, которые уже были приглашены заблаговременно. Распредѣленіе занятій было слѣдующее:

Первымъ и принимавшимъ наибольшее участіе въ составленіи статей для «Словаря», былъ капитанъ генеральнаго штаба Ив. Мих. Гедеоновъ (нынѣ генералъ отъ инфантеріи), онъ взялся составлять: 1) географо-этнографо-топографо-промышленныя и статистическія описанія губерній и уѣздовъ, для чего пользовался такими же описаніями губерній, находившимися въ генеральномъ штабѣ (составляемыми офицерами генеральнаго штаба); 2) описанія губернскихъ и уѣздныхъ городовъ россійской имперіи; 3) біографіи замѣчательнѣйшихъ живыхъ военныхъ лицъ, на основаніи ихъ формуляровъ; 4) статьи по военнымъ наукамъ и 5) извлеченія изъ историческихъ и географическихъ статей «Энциклопедическаго Лексикона», Плюшара на буквы: А, Б и В.

Статьи по военной исторіи и біографіи лицъ, игравшихъ важную роль въ военной исторіи вообще, были поручены: профессору военной академіи, капитану Пет. Семеновичу Лебедеву, бывшему впослѣдствіи редакторомъ «Русскаго Инвалида» и офицеру генеральнаго штаба Шалашникову, спустя нѣкоторое время оставившему Петербургъ и посвятившему себя исключительно военной карьерѣ.

Статьи по русской исторіи составлялись отчасти мною, затѣмъ надворнымъ совѣтникомъ, служившимъ въ морскомъ министерствѣ, Алек. Ив. Леромъ, (умершимъ въ 1884 году въ чинѣ дѣйствительнаго стат. совѣтника и бывшимъ командоромъ Яхтъ-клуба), исключительно по Карамзину; кандидатомъ правъ здѣшняго университета Ив. Ал. Сахаровымъ и А. Ѳ. Бычковымъ, служившимъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ (нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ и директоръ библіотеки) и кандидатомъ С.-Петербургскаго университета по восточному факультету, Ант. Осип. Жолкѣвичемъ — по исторіи и географіи Польши, и Западнаго края; по исторіи Малороссіи статьи составлялъ г. Мачуговскій.

Статьи по исторіи и географіи Востока составлялъ надворный совѣтникъ, кандидатъ по факультету восточныхъ языковъ, Ѳодоръ Никол. Менцовъ, бывшій главнымъ помощникомъ у О. И. Сенковскаго, когда послѣдній редактировалъ «Энциклопедическій Лексиконъ» Плюшара, а впослѣдствіи онъ и самъ былъ редакторомъ послѣднихъ двухъ, 17 и 18, томовъ его.

Статьи по русской географіи вообще и статистикѣ составлялъ частью извѣстный намъ гидрографъ Штукенбергъ и постоянный сотрудникъ «С. Э. С.» Всев. Ник. Мамышевъ; по этнографіи Сибири—С. И. Черепановъ—казакъ, сопровождавшій нѣсколько разъ наши миссіи въ Пекинъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи литераторомъ и, наконецъ, газетнымъ корреспондентомъ.

Составленіе статей по юриспруденціи было поручено кандидату С.-Петербургскаго университета Ал. Ал. Сахарову, впослѣдствіи д. с. с., прослужившему всю жизнь въ государственномъ контролѣ и очень долго сотрудничавшему въ «Ж. М. Н. Просвѣщенія».

Статьи духовнаго содержанія вообще взялъ на себя профессоръ петербургской духовной академіи Ев. А. Бенескриптовъ; ему помогали въ этомъ дѣлѣ способнѣйшіе студенты послѣдняго курса. Впослѣдствіи статьи духовнаго содержанія составлялъ Ѳома И. Яцкевичъ, издавшій спустя нѣсколько лѣтъ свой «Библейскій словарь».

Статьи по русской словесности составлялись помощникомъ редактора «Ж. М. Н. Просв.», Ив. Дм. Галанинымъ, Вышнеградскимъ, впослѣдствіи директоромъ первой петербургской женской гимназіи, Ив. Пет. Крешевымъ — поэтомъ и постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Инвалида»; кандидатомъ С.-Петербургскаго университета Ал. Петр. Грекомъ — впослѣдствіи д. с. с. и первымъ переводчикомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Н. Н. Николаевымъ и Вл. Ап. Солоницынымъ.

Статьи по медицинскимъ наукамъ составлялись докторами: Усаневичемъ, Магазинеромъ, Малиновскимъ, гофъ-медикомъ Гиренко и др.

Статьи по естественнымъ наукамъ составлялись: по зоологіи—кол. сов. Ник. Алек. Ушаковымъ; по ботаникѣ—И. Невструевымъ; по минералогіи П. А. Егоровымъ (учителемъ физики) и Всев. Ник. Мамышевымъ.

Статьи по физикѣ обработывали старшій учитель гимназіи — П. А. Егоровъ и подполковникъ генеральнаго штаба Н. Г. Писаревскій.

По химіи составляли статьи Н. Гр. Писаревскій и М. Ст. Хотинскій.

Статьи по философіи составляли А. Андреевъ, Н. В. Савельевъ-Ростиславичъ и др.

По математическимъ наукамъ занимались: корресп. Акад. Наукъ П. Павроцкій, П. Н. Филипповъ и подполковникъ Соколовъ.

лось, всѣ они оставались вѣрны изданію до его пріостановки въ 1849 году.

Заботясь, чтобы дѣло велось въ современномъ духѣ, я слѣдилъ за всѣмъ, пользовался новѣйшими тогда энциклопедическими и другими словарями, спеціальными, выходившими за границей и у насъ, и ни одной статьи не было напечатано по какой бы то ни было отрасли человѣческаго знанія, о которой можно бы было сказать, что она устарѣла или несовременна.

Конечно, не обходилось безъ споровъ и препирательствъ между сотрудниками о такихъ статьяхъ, которыя въ одно и то же время относились къ физикѣ и химіи и т. д. Но все это улаживалось, а нѣкоторые вопросы надо было рѣшать подиктаторски, что̀ и дѣлалось.

Когда текстъ перваго тома «Спр. Энц. Словаря» былъ готовъ, Край отправился съ нимъ къ назначенному намъ цензору, фамилію котораго я предпочитаю не называть. Рукопись перваго тома представляла изъ себя четвероугольную кипу бумаги вышиною въ аршинъ. Передавая цензору этотъ первый редакціонный трудъ, Край спросилъ: когда приблизительно можетъ онъ получить этотъ томъ подписаннымъ къ печати?

Цензоръ посмотрѣлъ на него грозно и сказалъ:

— Что же вы воображаете, что я оставлю всѣ свои служебныя и профессорскія занятія и займусь исключительно чтеніемъ этой аршинной кипы вашихъ билетиковъ! Я буду трудиться и не задержу васъ, но это будетъ стоить 600 руб. ассигн. (тогда мы не могли еще отдѣлаться отъ счета на ассигнаціи).

Край видѣлъ, что дѣлать было нечего и отвѣчалъ, что завтра доставитъ требуемое... Возвратившись отъ цензора, онъ сообщилъ объ этомъ А. И. Варгунину и 150 руб. сер. были выданы изъ кассы безъ возраженія. На другой день деньги были свезены куда слѣдовало, а спустя шесть дней аршинная кипа билетиковъ была намъ возвращена съ помѣтками и ничтожными помарками; а на оборотѣ перваго билета, на которомъ стояло: «Спр. Энц. Словарь», изданіе К. Края, т. I», написано было разрѣшеніе къ печати.

Мы перекрестились отъ радости, что цензура насъ не задержала... Край даже сдѣлалъ вечеринку, радуясь, что можетъ сейчасъ же начать наборъ. Это было въ концѣ августа 1846 г. На другой день послѣ вечеринки, я получилъ изъ Цензурнаго Комитета повѣстку съ приглашеніемъ пожаловать къ предсѣдателю Цензурнаго Комитета, онъ же былъ и попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа.

Я удивился и не могъ понять, что̀ бы это значило, но при свиданіи все объяснилось.

При составленіи статей для I тома имѣлось въ виду помѣстить въ немъ въ сокращенномъ видѣ всѣ статьи, находившіяся въ «Энци-

клопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, чтобы при сравненіи не могли насъ упрекать, что въ «Спр. Энц. Словарѣ» пропущены слова встрѣчающіяся въ «Энц. Лексиконѣ». Сокращеніемъ статей изъ «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара на букву А занимался Ив. Мих. Гедеоновъ. Получивъ отъ цензора подписанный къ печати первый томъ, мы не замѣтили, что цензоръ оставилъ у себя двѣ статьи: Анну Іоанновну и Анкерстрема, которыя, если ему не угодно было разрѣшить, онъ могъ бы или перечеркнуть ихъ красными чернилами и не подписать, или просто уничтожить.

Но потребовавъ отъ издателей за цензировку 150 руб. сер., онъ хотѣлъ въ то же время показать передъ начальствомъ всю свою строгость и потому, не смотря на то, что всѣ статьи, а слѣдовательно и удержанныя теперь двѣ, взятыя изъ «Энцикл. Лексикона» Плюшара, были тамъ помѣщены съ разрѣшенія цензуры, цензоръ счелъ нужнымъ спросить въ засѣданіи Цензурнаго Комитета: можно ли эти статьи разрѣшить къ перепечатанію въ изданіи «общедоступномъ», какъ «Спр. Энц. Словарь»? Предсѣдатель Мусинъ-Пушкинъ поднялъ по этому случаю страшную бурю, взялъ къ себѣ статьи и потребовалъ меня къ отвѣту.

Явившись къ попечителю, я засталъ тамъ болѣе 60-ти человѣкъ, ожидавшихъ его появленія; то были: академики, директора, профессора, учителя, родители съ дѣтьми, студенты, ученики и т. д. Просители стояли по обѣимъ сторонамъ залы, такъ что оставался только свободный проходъ по серединѣ, на которомъ лежалъ узенькій зеленый коверъ. Войдя въ залъ, я остановился почти у самыхъ дверей, потому что онъ былъ полонъ народа и духота была ужасная.

Едва я успѣлъ окинуть глазами посѣтителей, какъ отворились двери кабинета и Мусинъ-Пушкинъ въ черномъ сюртукѣ и въ сапогахъ на мягкихъ подошвахъ, вылетѣлъ оттуда, сталъ кивать головою по обѣимъ сторонамъ залы и направился прямо ко мнѣ. Не успѣлъ я поклониться, какъ онъ заревѣлъ (онъ любилъ распекать и кричать, но въ сущности былъ человѣкъ добрый и благородной души).

— Какъ вы смѣете, милостивый государь, помѣщать въ своемъ словарѣ всякихъ Анкерстремовъ и подкопы всякихъ Долгорукихъ! Вы знаете, что я за ваше желаніе наполнять «Спр. Энц. Словарь» такими богопротивными извѣстіями, завтра же запрещу вамъ печатать этотъ словарь. Вы знаете, что если я разрѣшилъ издавать «Спр. Энц. Словарь», то только потому, что считалъ васъ порядочнымъ человѣкомъ. Вы знаете, что за такія статьи надо авторовъ ихъ посылать туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ! Вы знаете ли... (у него появилась пѣна у рта). Вы готовы сжечь Россію... (Всѣ посѣтители побѣлѣли отъ страха и я тоже).

Видя, что онъ перевелъ духъ, я собрался съ своимъ, чтобы сказать, что эти двѣ несчастныя статейки одна въ 50, а другая въ 8

строкъ были разрѣшены цензурою и напечаны въ «Энц. Лексиконѣ» Плюшара, но едва я открылъ ротъ, какъ Мусинъ-Пушкинъ закричалъ: «молчать!» такъ грозно, что нѣкоторые просители изъ страха невольно опустились на стоявшія позади ихъ кресла... Я молчалъ, мнѣ сдѣлалось очень тяжело; вѣроятно онъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Я надѣюсь, что вы не доведете меня во второй разъ до того, чтобы я вамъ дѣлалъ замѣчанія при многочисленныхъ свидѣтеляхъ... Прощайте!

Онъ повернулся ко мнѣ спиной и сталъ говорить съ академикомъ Кеппеномъ, извѣстнымъ нашимъ статистикомъ, котораго я видѣлъ здѣсь въ первый разъ. Я вылетѣлъ изъ залы весь красный и отправился прямо къ профессору N, нашему цензору, поблагодарить его за доставленную мнѣ аудіенцію у попечителя.

Цензоръ жилъ на Васильевскомъ островѣ, по 1-й линіи; я засталъ его дома, разсказалъ все какъ было и сталъ упрекать: зачѣмъ онъ не распорядился собственною властью съ этими злополучными двумя статьями, а доставилъ мнѣ такое удовольствіе, при многочисленномъ собраніи разныхъ личностей.

— Вамъ это очень не по душѣ,—сказалъ N,—а у насъ такія сцены бываютъ каждое засѣданіе... Другой разъ такую задастъ головомойку, что отказался бы и отъ цензорскаго жалованья. Но мы уже къ этому привыкли—пускай кричитъ себѣ на здоровье, а все-таки онъ,—очень, очень хорошій человѣкъ. Такое уже у него аракчеевское воспитаніе...

Нечего было дѣлать надо было мириться со всѣмъ—и съ цензоромъ и съ попечителемъ.

За семь томовъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, Край свезъ за цензировку 150×7=1.050 р. с. Конечно, при такомъ издателѣ, какъ А. И. Варгунинъ, подобная затрата была не чувствительна, лишь бы только не тормозилось дѣло.

Не могу не разсказать здѣсь объ одномъ случаѣ, бывшемъ при этомъ же цензорѣ. Въ началѣ мая 1847 г., подписавъ къ печати V и VI томы, цензоръ собрался совершить въ теченіе лѣта экскурсію на сто верстъ вокругъ столицы, что онъ дѣлалъ ежегодно. Въ половинѣ сентября онъ возвратился, въ то самое время, когда подписанные имъ томы были уже отпечатаны. Узнавъ объ его пріѣздѣ, Край послалъ къ нему за билетомъ на выпускъ. Билетъ былъ полученъ и на другой день книги должны были поступить въ продажу.

Въ половинѣ второго часа ночью ко мнѣ пріѣхалъ И. М. Гедеоновъ, велѣлъ разбудить и говоритъ:

— Какъ намъ быть съ выпускомъ томовъ? Въ V томѣ помѣщена біографія Кази-Муллы; а сегодня посаженъ на гауптвахту редакторъ «Инвалида» за то, что помѣстилъ въ этой газетѣ статью о Кази-Муллѣ. Что̀ намъ дѣлать?

— Я сейчасъ поѣду къ цензору и сообщу ему объ этомъ,— отвѣтилъ я,—можетъ быть онъ прикажетъ, для большей безопасности, вырѣзать эту статью и перепечатать осьмушку...

Одѣваюсь, ѣду на Васильевскій островъ къ цензору—звоню, не могу дозвониться. Наконецъ, N самъ отпираетъ двери въ римскомъ костюмѣ и въ бѣломъ вязаномъ колпакѣ.

— Чтò это вы ломитесь въ такую позднюю пору?..

Разсказываю ему въ чемъ дѣло и поясняю, что редакторъ «Инвалида» посаженъ на недѣлю на гауптвахту.

— Ну, такъ чтожъ?—говоритъ N,—пускай его сидитъ.

Я подаю ему томъ, въ которомъ напечатана статья о Кази-Муллѣ. Прочелъ.

— Изъ-за этого-то вы меня безпокоите—эхъ, какіе вы!

— А если вамъ достанется?

— Достанется мнѣ, такъ вамъ-то чтò? Выпускайте книгу... Пустяки, ничего не будетъ... А редакторъ пусть его сидитъ... на то и редакторъ...

Затѣмъ онъ подалъ мнѣ руку, поклонился и захлопнулъ дверь.

Разгадайте послѣ этого людей?

Прошло четыре года, въ теченіе которыхъ много воды утекло. Назначены были другіе цензора, Н. И. Пейкеръ и С. Ахматовъ, оказавшіеся, пожалуй, строже, но безъ вымогательствъ. Н. И. Пейкеръ—какъ цензоръ—былъ благороднѣйшая личность, но разъ онъ заартачился и помучилъ меня три недѣли изъ-за одной статьи. Онъ цензировалъ букву В—это было уже по возобновленіи «Словаря». Желая воздать должное А. И. Варгунину за его безкорыстіе и великодушіе, съ которыми онъ бросилъ на «Спр. Энц. Словарь» тридцать пять тысячъ руб. сер., я рѣшился помѣстить въ «Словарѣ» его біографію, тѣмъ болѣе, что онъ тогда пошелъ въ ходъ и это было для него очень лестно. Получивъ отъ него всѣ данныя, я составилъ его біографію, велѣлъ набрать ее и послать Пейкеру. Н. И. никогда корректуръ не задерживалъ, а біографію Варгунина оставилъ у себя.

Я поѣхалъ къ нему и получаю въ отвѣтъ, что онъ доложитъ объ этой біографіи въ Цензурномъ Комитетѣ, а самъ пропустить ее не можетъ.

Нечего было дѣлать... Послѣ засѣданія Цензурнаго Комитета, я опять ѣду къ Н. И., онъ мнѣ отвѣчаетъ, что не успѣлъ доложить. Такъ онъ промучилъ меня порядочное время. Наконецъ, я рѣшился объясниться откровенно: почему онъ не рѣшается подписать къ печати біографію Варгунина. Видно было, что отвѣчать ему было нелегко, наконецъ, онъ сказалъ:

— Помилуйте, Альбертъ Викентьичъ, какая вамъ охота помѣщать въ «Словарѣ» всякаго гостиннодворца... Въ томъ самомъ «Сло-

варѣ», въ которомъ вы помѣщаете моихъ дядей, генераловъ Веймарновъ, вы туда же суете вашего Варгунина.

— Вы вѣдь прочли, что онъ сдѣлалъ: неужъ-то потому только, что онъ не генералъ, его нельзя помѣстить въ «Словарѣ»?..

— Вы ставите ему въ заслугу, что онъ хорошо велъ дѣло Петергофской бумажной фабрики, а по слухамъ, онъ тамъ порядочно нагрѣлъ себѣ руки... А вы еще ему панегирики за это пишете...

— Мало ли какіе ходятъ о комъ слухи, а мы все-таки расписываемъ ихъ біографіи...

— Ужъ если вамъ такъ захотѣлось вывести его въ знаменитости, извольте,—и Н. И., скрѣпя сердце, подписалъ, наконецъ, къ печати біографію А. Ив. Варгунина.

Цензоръ Ахматовъ порядочно трусилъ, маралъ, но не задерживалъ и за всѣ помарки всегда щедро расплачивался прелестными кавалерійскими анекдотами: онъ былъ уже въ лѣтахъ, сѣдой, но бодрый и веселый старикъ и, разсказывая анекдоты, совершенно переносился въ то время, когда служилъ въ гусарахъ и стоялъ на квартирахъ въ нашихъ западныхъ и южныхъ губерніяхъ. Пріѣдешь бывало къ нему съ корректурами «Словаря» [1]), онъ тутъ же громко читаетъ ихъ, разсуждаетъ и херитъ, выпьетъ во время чтенія, по крайней мѣрѣ, десять стакановъ чаю, разскажетъ нѣсколько дюжинъ анекдотовъ, и затѣмъ мы разстаемся съ нимъ весело и отправляемся обѣдать: онъ въ свою столовую, а я домой съ корректурами...

Кромѣ Н. И. Пейкера и Ахматова былъ назначенъ еще вторымъ цензоромъ, д. с. с. Крыловъ—слабый старикъ, разрѣшившій къ печати «Словарь иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, Н. С. Кирилова». Съ нимъ устроили чисто-мошенническую продѣлку. «Словарь» состоялъ изъ довольно толстой рукописи, въ которой во многихъ статьяхъ, расположенныхъ по алфавиту, изложено было все ученіе Леру, съ подобающими приложеніями къ Россіи.

Рукопись написана была неразборчиво, поправокъ, передѣлокъ въ ней была масса; много было зачеркнуто, потомъ опять возстановлено. Въ Цензурномъ Комитетѣ помѣчено было отдать ее на разсмотрѣніе цензору Крылову. Прочесть эту рукопись не было никакой возможности. Авторы увѣрили цензора, что въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго—онъ и разрѣшилъ ее къ печати. Тогда авторы стали вставлять въ нее что̀ имъ вздумалось—типографія напечатала. Цензоръ подписалъ выпускной билетъ и книжонка вышла въ свѣтъ. Такъ какъ она была посвящена великому князю Михаилу Павловичу, то въ тотъ же день была доставлена въ Михайловскій дворецъ. Обыкновенно, адъютанты великаго князя,

---

[1]) Съ 6-го апрѣля 1853 г. разрѣшено было Цензурнымъ Комитетомъ представлять статьи «Словаря» на разрѣшеніе цензора въ корректурахъ.

прежде чѣмъ передать полученныя газеты и книги по назначенію, разсматривали тѣ и другія и потомъ передавали. Адъютантъ Озеровъ взялъ «Словарчикъ» Кирилова, сталъ перелистывать его и наткнулся на такія статейки, отъ которыхъ у него волоса встали дыбомъ... Писала ихъ дерзкая рука Петрашевскаго и его товарищей... Адъютантъ, передавая книжку великому князю, показалъ что именно ему посвящается. Великій князь сначала расхохотался, но тотчасъ распорядился, чтобы книга была остановлена и изъята изъ продажи. Такъ какъ книга была отдана на комиссію въ книжный магазинъ Юнгмейстера, то туда сейчасъ же было послано приказаніе отобрать всѣ экземпляры.

Великій князь приказалъ вызвать немедленно капитана Кирилова, который былъ тогда преподавателемъ словесности во Второмъ кадетскомъ корпусѣ. Явился Кириловъ, и съ него отобрали показаніе. Оказалось, что Кириловъ былъ только издатель и даже не читалъ того, что издалъ, да если бы и прочелъ, то не зналъ бы въ чемъ дѣло; а развѣ понялъ бы только то, что многое въ книгѣ написано очень дерзко... Кириловъ также, какъ и цензоръ, не имѣли ни малѣйшаго понятія объ ученіи Леру, какъ это оказалось въ тотъ же день, когда въ Цензурный Комитетъ пригласили Крылова и предсѣдатель спросилъ: какъ онъ разрѣшилъ къ печати такую богомерзкую книжонку и объяснилъ ему въ чемъ дѣло. Крыловъ добродушно отвѣтилъ, что кромѣ чисто филантропическихъ воззрѣній, онъ не замѣтилъ въ ней ничего особенно выдающагося; а въ химическихъ статьяхъ онъ ничего не смыслитъ, да тамъ и не могло быть ничего не позволительнаго.

Кириловъ и Крыловъ отдѣлались благополучно, а авторы дерзкой выходки поплатились за нее жестоко.

Этотъ-то цензоръ и былъ назначенъ читать VII томъ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря»; и у него именно листъ съ статьей Литва и т. д. путешествовалъ цѣлый годъ по разнымъ цензурамъ. Сначала весь листъ былъ прочитанъ имъ и въ одной медицинской статьѣ онъ сдѣлалъ помарки красными чернилами. Листъ, обходя всѣ спеціальныя цензуры, попалъ къ Е. В. Пеликану, просматривавшему медицинскія статьи, которыя составлялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Маркъ Яковл. Магазинеръ. Пеликанъ, увидя помарки, сдѣланныя красными чернилами въ статьѣ Магазинера, возстановилъ все зачеркнутое и на краю, противъ статьи написалъ: «Какой это дуракъ зачеркиваетъ то, чего вовсе не понимаетъ и не долженъ касаться?..» Обойдя всѣ цензуры, листъ возвратился опять къ главному цензору на окончательную подпись. Крыловъ, прочитавъ такую отмѣтку Пеликана, оставилъ этотъ листъ у себя, а типографіи приказалъ доставить новый для новой циркуляціи по всѣмъ цензурамъ, о чемъ я уже разсказалъ выше, описывая свиданіе мое съ Я. И. Ростовцевымъ...

Чтобы читатель не подумалъ, что, говоря о 12-й—15-й цензурахъ, я преувеличиваю, считаю нужнымъ замѣтить, что, желая отклонить отъ себя и самую тѣнь возможной отвѣтственности, тогдашніе цензора иногда отмѣчали на разсмотрѣніе и утвержденіе спеціальныхъ цензоровъ самыя невинныя вещи, подлежавшія разсмотрѣнію обыкновенной цензуры. Особенно этимъ отличался Крыловъ послѣ разсказанной выше исторіи.

Наконецъ, въ началѣ 1847 года вышелъ первый томъ «Словаря». Я уже говорилъ, что первоначально Край предполагалъ издать «Словарь» въ четырехъ томахъ, большого формата, въ два столбца, которые должны были заключать въ себѣ до 200,000 статей, самаго краткаго объема, такъ, чтобы всѣ эти статьи помѣстились на 120 печатныхъ листахъ убористой печати. Необходимыя средства для этого исчисленныя въ 16,000 руб. были даны А. И. Варгунинымъ. Мнѣ ставилось въ обязанность руководствоваться только-что вышедшимъ тогда въ свѣтъ краткимъ энциклопедическимъ словаремъ Лорана, изданнымъ на французскомъ языкѣ,—пополнить его статьями изъ другихъ иностранныхъ энциклопедическихъ словарей, бывшихъ тогда въ ходу, а также статьями, касающимися непосредственно Россіи.

Рѣшено было весь «Словарь» окончить въ 16-ть мѣсяцевъ, полагая по четыре мѣсяца на каждый томъ, и начать приготовительныя работы съ 1-го августа 1845 года, а къ 1-му декабря долженъ былъ выйти въ свѣтъ первый томъ.

Редакція принялась за работы и дѣйствовала съ большимъ рвеніемъ и поспѣшностью. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ оказалось, что какъ бы сжато ни были составлены статьи, но, если вносить въ словарь, все необходимое, то 200,000 статей, или словъ, нельзя вмѣстить въ четырехъ томахъ; поэтому еще до поступленія въ печать перваго тома, рѣшено было издателями измѣнить первоначальный планъ изданія «Словаря» и увеличить его до восьми томовъ большого формата. На изготовленіе каждаго тома, по прежнему, полагалось четыре мѣсяца и предположено было окончить словарь въ 32 мѣсяца, т. е. 1-е декабря 1848 г.— А. И. Варгунинъ охотно согласился увеличить капиталъ на изданіе «С. Э. С.» вдвое, и вмѣсто 16,000, ассигновать на это дѣло до 32,000 руб. сер. По выходѣ перваго тома «С. Э. С.» въ началѣ 1847 года и критика и сама редакція замѣтили, что статьи «Словаря» кратки, не смотря на то, что въ изданный томъ не вошли всѣ предназначавшіяся для него статьи. Тогда издатели рѣшили не стѣснять редакцію и вмѣсто 8-ми—издать 12 томовъ, употребивъ на изданіе «Словаря» до 50,000 руб. сер.

Положено было окончить все изданіе въ 1849 году. Но дѣло оказалось слишкомъ сложнымъ и типографія тормозила его, не успѣвая съ наборомъ и печатаніемъ. Почти весь текстъ «Словаря»

былъ готовъ и окончательно обработанъ и потому редакція сочла за лучшее издавать томы «Словаря» не по порядку, а произвольно, чтобы показать публикѣ, что весь «Словарь» уже готовъ. Послѣ перваго тома, заключавшаго въ себѣ статьи на букву А, явился вскорѣ томъ XII со статьями на буквы, начиная съ Ц до V; затѣмъ вышли V и VI томы—на буквы И, I, К; за ними II—съ буквою Б и т. д.

VI.

Причины замедленія въ выпускѣ перваго тома «Словаря».—Типографія Края.—Недоразумѣнія, возникшія между Краемъ и другими издателями.—Постоянныя требованія Краемъ денегъ.—Растройство его дѣлъ.—Остановка изданія «Словаря».—Расторженіе условія съ Краемъ.

Условіе о предпринятіи изданія «С. Э. С.» было подписано А. И. Варгунинымъ, К. К. Краемъ, И. М. Гедеоновымъ и мною, въ августѣ 1845 года. Первый томъ долженъ былъ выйти къ 1-му декабря 1845 года, между тѣмъ онъ вышелъ только вначалѣ января 1847 года, т. е. годомъ позже, хотя текстъ для 1-го тома былъ готовъ въ началѣ декабря 1845 года.

Приступая къ изданію такого капитальнаго труда, Край задумалъ расширить свою типографію, выписалъ новыя скоропечатныя зигелевскія (берлинскія) машины, заказалъ за границею особенныя матрицы для боргеса, которымъ долженъ былъ набираться «Словарь», и при этомъ разсчитывалъ поправить свои дѣла, которыя, хотя не были въ упадкѣ, но требовали поддержки. Руководствуясь такими предлогами, онъ взялъ у Варгунина въ счетъ будущихъ благъ 4,000 руб. сер.

Заказы были сдѣланы за границей въ началѣ зимы и не могли поспѣть и попасть въ Россію раньше навигаціи 1846 года, такъ какъ все это были вещи большею частью грузныя. Пока онѣ были изготовлены и отправлены въ Россію, пока очищены здѣсь отъ пошлины и выпущены изъ кладовыхъ таможни, пока все было поставлено, приспособлено и устроено, пока поспѣли приливки шрифта и всѣ спеціальныя мелочи, прошло очень много времени и къ набору и печатанію было приступлено не ранѣе осени. Вотъ отъ чего первый томъ «Словаря» поспѣлъ только къ началу 1847 года.

Уже съ самаго начала типографія показала себя, забравъ за печатаніе значительную сумму впередъ. Расширивъ свое дѣло, Край нанялъ для себя въ томъ же домѣ другую, большую квартиру, отдѣлалъ ее роскошнымъ образомъ и задумалъ жениться. Отдавшись этому дѣлу, онъ положился на фактора, который долженъ былъ вполнѣ замѣнить его; но какъ только въ типографіи почувствовали отсутствіе хозяйскаго глаза, все пошло по иному.

Не вышелъ еще первый томъ словаря, а Краю ужъ опять понадобились деньги и онъ взялъ у Варгунина въ счетъ будущихъ благъ еще 2,000 руб. сер. Наконецъ, давно ожидаемый и давно желанный томъ вышелъ въ свѣтъ и заключалъ въ себѣ 36½ листовъ. Такъ какъ, по условію, Край выговорилъ себѣ за печатный листъ 40 руб. сер., то ему слѣдовало получить отъ издателей за этотъ томъ 1,460 руб. сер.

Но онъ представилъ счетъ по 80 руб. за печатный листъ, основываясь на томъ, что были очень большія корректуры, причемъ выставилъ нѣсколько тысячъ рабочихъ часовъ, употребленныхъ на правку корректуръ...

Конечно, ни Варгунинъ, ни Гедеоновъ, въ этомъ дѣлѣ ничего не понимали, и противъ Края приходилось ратовать мнѣ, не смотря на то, что я былъ нѣкоторымъ образомъ ему обязанъ. Однако, издатели такъ обрадовались появленію 1-го тома, что вовсе не сокрушались объ излишней уплатѣ и лишь выразили желаніе, чтобы это больше не повторялось, полагая наверстать 1,500 руб. сер., затраченныхъ на корректуры, на быстромъ и выгодномъ расходѣ «Словаря». Но дѣло этимъ не кончилось. Край просилъ издателей выдать ему еще 2,000 руб. сер. для разныхъ уплатъ по типографіи. Ему замѣтили, что онъ уже получилъ 6,000 руб. сер. въ счетъ будущихъ благъ. Тогда Край заявилъ, что 4,000 руб. сер. онъ употребилъ на обзаведеніе новымъ шрифтомъ и приспособленіе типографіи для набора и печатанія «Словаря», и что онъ не можетъ принимать этихъ издержекъ на себя, а они самымъ законнымъ образомъ должны идти на счетъ издателей. Ему возразили, что въ счетъ перваго тома онъ уже получилъ 2,000 руб. сер., слѣдовательно ему слѣдуетъ получить всего 920 руб. сер., которые и будутъ ему выданы завтра въ 11 часовъ въ магазинѣ Варгунина. Но Край настаивалъ на томъ, чтобъ ему выдали 2,000 руб. сер. и Ал. Ив. Варгунинъ добродушно согласился на это.

Такъ продолжалось въ теченіе всего 1847 года, до 1-го мая 1849 года, когда вышелъ второй, а по числу седьмой томъ «Словаря», заключавшій въ себѣ статьи на букву Б. За эти семь вышедшихъ томовъ Краю слѣдовало получить отъ издателей за 250 листовъ—10,000 руб. сер., между тѣмъ ему было уже выдано за нихъ впередъ 20,000 руб. сер., кромѣ четырехъ тысячъ, полученныхъ имъ въ самомъ началѣ.

Этого мало. Двѣсти экземпляровъ отпечатаннаго «Словаря» находились въ рукахъ Края, ему разрѣшено было продавать ихъ, отдавать на комиссіи и распоряжаться ими по своему личному усмотрѣнію... Отъ этихъ экземпляровъ въ карманъ А. И. Варгунина не попала ни одна копѣйка и ни одна копѣйка, вырученная Краемъ за продажу экземпляровъ, не была зачтена ему за типографскія работы.

Наконецъ, въ началѣ 1849 года, поступилъ въ печать томъ, заключавшій въ себѣ статьи на буквы Л. и М. Уже набрано было и отпечатано семь листовъ его, какъ вдругъ Край, по примѣру прежнихъ лѣтъ, обратился къ А. И. Варгунину съ просьбой выдать ему въ счетъ будущихъ благъ 2,000 руб. сер. впередъ. Дѣла его въ это время были очень разстроены, пошли разныя семейныя неудовольствія, женитьба не состоялась и Край сталъ терять голову.

А. И. Варгунинъ объявилъ ему, что не дастъ болѣе ни одной копѣйки на продолженіе «Спр. Энц. Словаря»—пускай все пропадаетъ. Надо знать мѣру!.. Изданіе остановилось. Прошло три года въ безплодныхъ переговорахъ. Между тѣмъ, въ условіи, заключенномъ Варгунинымъ съ Краемъ, сказано, что никто изъ нихъ, ни въ какомъ случаѣ, не имѣлъ права отказываться отъ окончанія предпріятія, и Варгунинъ боялся, чтобы Край не потребовалъ отъ него судомъ исполненія контракта.

Въ апрѣлѣ 1850 года я получилъ отъ Варгунина письмо, въ которомъ онъ просилъ меня пріѣхать къ нему для переговоровъ по одному весьма важному дѣлу, не терпящему отлагательства. Прочитавъ эти строки, я обрадовался, думая, что нашъ несчастный заснувшій «Словарь» опять пойдетъ въ ходъ; но я ошибся... Варгунинъ рѣшился покончить дѣло съ «Словаремъ» навсегда и расторгнуть контрактъ, заключенный съ Краемъ, такъ какъ дѣла послѣдняго пришли въ совершенный упадокъ, надежды на поправку не было никакой и продолжать съ нимъ «Словарь», значило убить столько же денегъ, сколько уже было убито; а этого не желали ни Варгунинъ, ни Гедеоновъ. Такъ какъ Край избѣгалъ свиданій съ Варгунинымъ, то А. И. приступилъ ко мнѣ съ просьбой употребить всѣ зависящія отъ меня усилія, чтобы развязать его съ Краемъ.

Я сталъ ловить Края, потому что, вслѣдствіе разстроенныхъ дѣлъ, онъ почти никого не принималъ и не сказывался дома, на письма также не давалъ отвѣтовъ. Но въ одинъ день мнѣ удалось захватить его дома; это было въ началѣ апрѣля. Я употребилъ не мало времени, пока уломалъ его поѣхать со мною къ Варгунину.

Дорогой я сталъ подготовлять Края къ тому, что̀ его ожидало у Варгунина, заявивъ ему, что разговоръ пойдетъ, кажется, о томъ, что рѣшено покончить съ «Словаремъ» и контрактомъ.

— А какъ же будетъ на счетъ передержанныхъ мною 14,000 руб. сер. денегъ?—замѣтилъ Край.

— О деньгахъ теперь не можетъ быть и рѣчи,—сказалъ я; что̀ получить съ васъ А. И., когда ваши дѣла пришли въ такое критическое положеніе... Что̀ онъ съ васъ возьметъ?..

— Да, это вѣрно,—замѣтилъ Край, нѣсколько успокоеннымъ тономъ...—Мнѣ главное—этотъ проклятый долгъ—а что касается контракта—контрактъ теперь—мертвая буква—чортъ съ нимъ.

Когда мы подъѣхали къ дому Варгунина, Край вспыхнулъ, зардѣлся, въ глазахъ его появилось безпокойство. Войдя въ кабинетъ, онъ совсѣмъ растерялся, но Варгунинъ по моему лицу замѣтилъ, что дѣло сладится... Стали говорить о дѣлѣ, въ это время пріѣхалъ и Ив. М. Гедеоновъ. Послѣ долгихъ толковъ, было рѣшено расторгнуть контрактъ, написавъ на немъ, что по взаимному согласію условіе уничтожается... Края опять бросило въ жаръ; подписали уже свои фамиліи Варгунинъ, Гедеоновъ и я — Край заартачился: позвольте, говоритъ, мнѣ подумать, я надняхъ заѣду и подпишу...

Я заговорилъ съ нимъ смѣлѣе и рѣшительнѣе другихъ.

— Вамъ прощаютъ 14,000 руб. сер.,—сказалъ я,—а вы хотите еще подумать. Если люди поступаютъ съ вами такъ великодушно, то вы съ своей стороны должны показать, что цѣните это и развязать всѣмъ намъ руки, въ этомъ злополучномъ предпріятіи...

Край вдругъ схватилъ перо и подписалъ расторженіе условія.

VII.

Толки объ «Энциклопедическомъ Словарѣ» послѣ четырехъ лѣтъ забвенія.—Мои переговоры съ П. А. Печаткинымъ. — Предложеніе Варгунина. — Пріобрѣтеніе мною и И. М. Гедеоновымъ отъ Варгунина непроданныхъ томовъ неоконченнаго «Словаря».—Назначеніе Гедеонова на службу въ Москву и его отказъ отъ участія въ продолженіи изданія.—Мои предположенія. — Объясненіе съ Мусинымъ-Пушкинымъ. — Переговоры съ Краемъ.—Вывозъ изъ его типографіи шрифта.—Мое рѣшеніе окончить «Словарь» на собственный рискъ. — Хлопоты съ типографіями.—Неожиданное полученіе денегъ отъ Пономарева. — Помощь Норова и Ростовцева.—Мѣры къ распространенію «Словаря».—Окончаніе «Словаря» и расчетовъ съ И. М. Гедеоновымъ и Варгунинымъ.

Прошло четыре года послѣ того, какъ остановился «Словарь». Всѣ о немъ забыли, объявленій не дѣлалось, въ продажѣ онъ почти не шелъ. Изданіе не оконченное, остановившееся на половинѣ и стоившее 18 руб. сер.—кому оно нужно?

Вдругъ, въ началѣ 1853 г., когда я былъ уже вторымъ редакторомъ «Библ. для Чтенія» до меня дошелъ слухъ, что въ книгопродавческихъ кружкахъ толкуютъ, будто А. И. Варгунинъ продаетъ извѣстному фактору типографіи Императорской Академіи Наукъ, Францу Егоровичу Нагелю, человѣку имѣвшему разныя книжныя дѣла и предпріятія—остающіеся экземпляры «Спр. Энц. Словаря» за 10,000 руб. сер., и что Нагель намѣренъ продолжать изданіе. Я былъ хорошъ съ Нагелемъ, зналъ его падкость на предпріятія, гдѣ можно было нажить копѣйку, и потому полагалъ, что въ этомъ слухѣ могла быть доля правды; но къ Нагелю я не обращался ни съ какими разспросами. Вслѣдъ затѣмъ, разнесся слухъ, что А. И. Варгунинъ рѣшился продать «Словарь» на рынокъ на

пуды... Это меня взорвало, я не выдержалъ и рѣшился прежде, чѣмъ обратиться къ Варгунину, переговорить съ В. П. Печаткинымъ, при книжномъ магазинѣ котораго находилась контора «Библ. для Чтенія» и съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Я разсказалъ ему исторію «Спр. Энц. Словаря» и доказывалъ, что, если пріобрѣсти отъ Варгунина 28,000 книгъ за 10,000 руб. сер. на векселя, съ уплатой въ нѣсколько лѣтъ и употребить на окончаніе этого дѣла тысячъ двадцать, то можетъ выйти весьма выгодное предпріятіе. Сдѣлавъ ему подробную смѣту, я просилъ передать мои слова его отцу, П. Ал. Печаткину и посовѣтоваться съ нимъ.

П. А. Печаткинъ былъ то же бумажный фабрикантъ, какъ и Варгунинъ, но фабрикантъ—не большой тогда руки и не навидѣлъ Варгунина, который всѣмъ другимъ фабрикантамъ портилъ цѣну на торгахъ по подрядамъ. Старикъ былъ человѣкъ толковый и разсудительный. Вникнувъ въ это дѣло и объяснившись со мною, онъ объявилъ, что согласенъ войти въ предпріятіе на изложенныхъ мною основаніяхъ, но что прежде я долженъ хорошенько узнать о видахъ и предположеніяхъ Варгунина.

Я отправился къ А. И. Варгунину и прямо спросилъ его: правда ли, будто онъ хочетъ продать «Спр. Энц. Словарь» на пуды, на толкучку? На это Варгунинъ отвѣтилъ, что ему больше ничего не остается дѣлать, такъ какъ «Словарь» занимаетъ у него весь верхъ магазина въ Гостинномъ дворѣ и ему негдѣ складывать бумагу, привозимую съ фабрики...

— Ну, а если я вамъ предложу передать «Словарь» вѣрному человѣку за 10,000 руб. сер., съ тѣмъ, что онъ уплатитъ вамъ эту сумму въ три-четыре года—согласны вы на это?

— Сдѣлайте милость, хоть сейчасъ,—сказалъ Варгунинъ.

Тогда я передалъ ему, что мы съ Вяч. Петровичемъ Печаткинымъ желаемъ пріобрѣсти отъ него «Словарь» и окончить его.

— Вотъ это дѣло, такъ дѣло,—воскликнулъ Варгунинъ:—Вячеславъ хорошій человѣкъ, я объ немъ слыхалъ только хорошее, а вы это дѣло знаете въ совершенствѣ, съ Богомъ!

Не теряя времени, я изъ Гостиннаго двора отправился въ домъ Армянской церкви, гдѣ былъ книжный магазинъ Вяч. Петр. Печаткина, передалъ ему о согласіи Варгунина и мы вмѣстѣ съ нимъ тотчасъ же поѣхали къ первому и покончили дѣло въ принципѣ.

Начались хлопоты, приготовлены были условія и векселя за подписями Вяч. П. Печаткина и моей. Вдругъ П. А. Печаткинъ получилъ какой-то большой заказъ бумаги, и чтобы исполнить его, долженъ былъ поставить еще одинъ приводъ на своей красносельской бумажной фабрикѣ, который обошелся бы ему не менѣе 20.000 р. с., но обѣщалъ большія выгоды. Такъ какъ дѣло съ Варгунинымъ было еще не кончено, хотя векселя и условія были уже

написаны, то Петръ Алексѣевичъ отказался отъ «Словаря» и дѣло опять осталось по старому. Мнѣ пришлось отправиться къ Варгунину и объявить ему объ этомъ. А. И. очень разсердился, обругалъ Печаткиныхъ и тѣмъ прекратились объясненія. Но когда я прощался съ нимъ и, повѣся носъ, собирался уходить, онъ замѣтилъ:

— Знаете что! возьмите вы съ Ив. М. Гедеоновымъ отъ меня «Словарь» на такихъ условіяхъ, на какихъ вы хотѣли взять его съ Печаткинымъ и доканчивайте изданіе. Я почему-то увѣренъ, что вы это дѣло доведете до конца, а чтобы доказать вамъ, что я въ этомъ вполнѣ убѣжденъ, я открываю вамъ кредитъ на бумагу для окончанія «Словаря»—въ 10.000 р. с. безъ всякихъ векселей—на честное слово! Переговорите объ этомъ съ Ив. Мих. и завтра пожалуйте — покончить дѣло: берите себѣ съ Богомъ весь «Словарь» и наживайтесь; такъ вѣрно судьбѣ угодно, чтобы тотъ кто трудился—пожиналъ и плоды...

Я поѣхалъ къ Ив. Мих. Гедеонову, мы поговорили, посчитали, потолковали и рѣшились войти въ соглашеніе съ А. И. Варгунинымъ.

— Но на чтò же мы будемъ продолжать изданіе?—какъ-то нечаянно вырвалось у Ивана Михайловича.

— Какъ-нибудь устроимъ,—успокоивалъ я его,—надо спасти экземпляры, чтобы они не попали на толкучку... тогда уже все пропало!

На другой день мы явились къ А. И. Варгунину, подписали условіе, отдали ему нами обоими подписанные векселя на 10.000 р. с. въ разсрочку на пять лѣтъ, получили у него подтвержденіе обѣщанія относительно кредита въ 10.000 р. с. на бумагу и обязались въ теченіе недѣли забрать отъ него всѣ экземпляры «Словаря» и очистить его кладовыя... Спустя нѣсколько дней тюки съ «Словаремъ» были перевезены нами въ свою кладовую, нанятую въ такъ называемомъ Маломъ гостинномъ дворѣ и я сталъ помышлять чтò дѣлать? Съ чего начать?..

Но у «С. Э. С.» была странная судьба, все съ нимъ не клеилось... Едва успѣли мы оформить переходъ къ намъ «Словаря» отъ Варгунина, едва сговорились какъ намъ издавать его на половинныхъ издержкахъ, вдругъ Ив. Мих. Гедеоновъ получаетъ новое назначеніе, вслѣдствіе котораго долженъ оставить Петербургъ и отправиться на службу въ Москву начальникомъ межевой части. Онъ объявилъ мнѣ, что его обстоятельства такъ сложились, что на продолженіе «Словаря» онъ не можетъ дать ни одного рубля.—«Дѣлайте какъ знаете,—сказалъ онъ на прощаньи—и на меня не разсчитывайте».

Я сталъ обдумывать, что мнѣ дѣлать и разсудилъ такъ:—на редакцію деньги мнѣ не нужны,—вотъ экономія въ 1.800 р. с.; на

текстъ мнѣ тоже ихъ не нужно, потому-что онъ у меня есть, надо только его пополнить современными статьями; на бумагу нужно около 5.000 р. с., но бумаги дастъ Варгунинъ сколько угодно; на типографію же, считатая по 25 р. за листъ, необходимо около 5.000 р. с. Вотъ это главное, но гдѣ ихъ взять?!

Кромѣ того, нужно было непремѣнно кончить все дѣло въ два года, а потому необходимо печатать «Словарь» въ двухъ типографіяхъ и просить Цензурный Комитетъ назначить на «Справочный Словарь» разомъ двухъ цензоровъ, чтобы не задерживать дѣла.

Я отправился сперва въ Цензурный Комитетъ и прямо нарвался на предсѣдателя Мусина-Пушкина, который вслѣдъ за мною вошелъ въ канцелярію. Не смотря на то, что мы не видались семь лѣтъ, онъ узналъ меня и, замѣтивъ на моей головѣ лысину, вскричалъ:

— Здравствуйте, г. Старчевскій,—куда же это дѣвались у васъ волосы?

Видя, что попечитель въ хорошемъ настроеніи духа, я рѣшился отвѣтить:

— Это все цензура сдѣлала, в. п—во.

— Да, вы все готовы взваливать на цензуру... Ну что вашъ «Энциклопедическій Словарь»—уснулъ на вѣки?

— Нѣтъ, в. п—во, я вотъ за этимъ и пришелъ, онъ опять воскресаетъ—представилась полная возможность окончить все дѣло въ два года, я желалъ бы печатать его разомъ въ двухъ типографіяхъ и потому рѣшаюсь просить васъ дать мнѣ двухъ цензоровъ.

— Хоть десять могу вамъ дать, только кончайте, — это хорошее дѣло!

И не откладывая въ долгій ящикъ, предсѣдатель назначилъ мнѣ двухъ цензоровъ. У каждаго человѣка есть слабая струна, на которой надо умѣть играть, но разумѣется такъ, чтобы она не оборвалась... Дѣло въ томъ, что когда «Словарь» двигался еще на всѣхъ парахъ, къ Мусину-Пушкину было отправлено изъ редакціи письмо съ просьбой о матеріалахъ для его біографіи. На это письмо послѣдовала присылка формулярнаго списка, на основаніи котораго и была составлена біографія, набрана, послана ему для просмотра, исправлена, пополнена имъ и возвращена въ редакцію. Мусинъ-Пушкинъ не могъ дождаться появленія въ свѣтъ буквы М. Уже набиралась буква Л; онъ объ этомъ зналъ—и вдругъ все лопнуло и біографія его осталась въ архивѣ «Словаря». Когда зашла рѣчь о назначеніи цензоровъ, онъ неожиданно спросилъ:

— Какія у васъ теперь идутъ буквы?

Я отвѣчалъ:—«Л и М». Вотъ почему онъ готовъ былъ назначить хоть цѣлый десятокъ цензоровъ—лишь бы скорѣе вышелъ седьмой томъ...

Такимъ образомъ, дѣло съ цензурой было устроено.

Объѣхавъ нѣсколько типографій, я возвратился ни съ чѣмъ, потому-что ни одна не бралась за наборъ «С. Э. С.», такъ какъ ни въ одной не было въ большомъ количествѣ такого шрифта, которымъ изданіе печаталось у Края. Чтò было дѣлать? Я отправился въ типографію отдѣльнаго корпуса Внутренней Стражи, гдѣ тогда печаталась «Библ. д. Ч.» и съ начальникомъ которой (типографіи) я былъ въ отличныхъ отношеніяхъ. И тутъ та же исторія:—«охотно беремся печатать дешево и въ кредитъ, но такого шрифта нѣтъ... Дайте намъ шрифтъ и мы готовы служить вамъ».

Чтò же оставалось дѣлать? Сталъ я помышлять: откуда бы взять шрифтъ и наконецъ придумалъ, что такъ какъ съ Краемъ всѣ дѣла покончены и Варгунинъ передалъ намъ съ Гедеоновымъ всѣ къ нему претензіи, которыя по сведеніи счетовъ за проданный имъ «Энциклопедическій Словарь» достигаютъ цифры 14.000 р., а въ числѣ ихъ были 4.000 р. с. выданные ему на шрифтъ для «Спр. Энц. Словаря», то мнѣ слѣдуетъ отправиться къ Краю, котораго дѣла хотя и были въ совершенномъ упадкѣ, но типографія еще существовала, и уговорить его возвратить мнѣ шрифтъ, пріобрѣтенный на счетъ Варгýнина, чтобы я имѣлъ возможность докончить его же дѣтище,—«Спр. Энц. Словарь».

Край заявилъ мнѣ, что онъ охотно сдѣлалъ бы это и находитъ, что я требую законнаго, но его стѣсненное положеніе заставило его заложить весь свой шрифтъ, приблизительно 1.000 пудовъ, нѣкоему адвокату Миллеру, но къ счастію шрифтъ не былъ взятъ и находился въ кассахъ.

— Какъ же вы заложили чужую собственность?—возразилъ я.

— Теперь нечего объ этомъ толковать, когда дѣло сдѣлано!

— Но надо раздѣлать то, чтò сдѣлано незаконно. Знаете чтò— я явлюсь съ извозчиками въ вашу типографію, въ воскресенье, когда не будетъ наборщиковъ и заберу всѣ кассы съ варгунинскимъ шрифтомъ, тѣмъ болѣе, что этотъ шрифтъ вовсе не въ дѣлѣ.

— Попробуйте,—сказалъ Край,—возьмите это на свой страхъ, а если чтò выйдетъ, тогда вы и отвѣчайте.

— За чтò же я буду отвѣчать, когда вещь принадлежитъ мнѣ, а вы ее заложили незаконно?

— Дѣлайте, какъ знаете,—я связанъ теперь по рукамъ и по ногамъ и не знаю на чтò рѣшиться...

Отъ Края, типографія котораго находилась тогда на канавкѣ, между Банковымъ и Сухарнымъ мостами, въ домѣ Стенбокъ-Фермора, я отправился по сосѣдству на Сѣнную, въ Телячій переулокъ, въ домъ де-Роберти, гдѣ находилась типографія моего знакомаго О. Д. Дмитріева и сообщилъ ему въ подробности положеніе дѣла. Дмитріевъ увѣрилъ меня, что я ничѣмъ не рискую, что онъ беретъ отъ меня шрифтъ по 5 р. с. за пудъ, а за наборъ и печа-

таніе «Словаря»—25 р. с. съ печатнаго листа, работу будетъ производить въ кредитъ, но чтобы по выходѣ каждаго тома расплата производилась безотложно. Я охотно согласился на такія предложенія, хотя шрифтъ принимался имъ за очень дешевую цѣну. Въ слѣдующее воскресенье, благодаря близости обѣихъ типографій, шрифтъ былъ перевезенъ отъ Края къ Дмитріеву въ часъ времени. Дмитріевъ напечаталъ этимъ шрифтомъ четыре книжки «Словаря»: 7, 8 и 9 (двѣ части) томы, а Миллеръ вовсе не предъявлялъ никакихъ требованій о возвратѣ заложеннаго ему шрифта.

Вслѣдъ за тѣмъ, я случайно и выгодно пріобрѣлъ отъ купца Цургозена, за 440 рублей, слишкомъ сто пудовъ заложеннаго у него шрифта, которымъ печатался «Энциклопедическій Лексиконъ» Плюшара. Шрифтъ этотъ былъ отправленъ въ типографію Внутренней Стражи, гдѣ его приняли въ суммѣ 1,100 руб. сер. въ счетъ данной работы. Къ нему пришлось сдѣлать только не большую приливку для заголовковъ статей. Такимъ образомъ сюда отданъ былъ въ наборъ томъ III «Словаря», заключавшій въ себѣ буквы: В и Г, съ уплатой по 15 руб. за печатный листъ (типографія была казенная и работники даровые—солдаты).

Набравъ половину тома—15-ть печатныхъ листовъ, типографія Внутренней Стражи нашла дѣло копотливымъ и невыгоднымъ и отказалась отъ него. Я обратился въ типографію военно-учебныхъ заведеній.

Здѣсь согласились взять въ печать III и IV томы, принять отъ меня шрифтъ по 15 руб. за пудъ, а за наборъ по 20 руб. сер., за печатный листъ. Плюшаровскій шрифтъ былъ перевезенъ туда изъ типографіи Внутренней Стражи, и работа пошла снова, но крайне медленно, такъ что Дмитріевъ, вовсе не располагавшій средствами, кончилъ печатаніе четырехъ книгъ одновременно съ типографіей военно-учебныхъ заведеній, гдѣ набиралось и печаталось всего полтора тома, около 45 печатныхъ листовъ. Съ этой типографіей условлено было, что уплата за печать послѣдуетъ по окончаніи и выпускѣ въ свѣтъ двухъ томовъ.

Но откуда взять денегъ, чтобы заплатить за напечатаніе 6-ти книгъ «Словаря»?

Шрифтъ Края, полученный безвозмездно, принятъ былъ Дмитріевымъ только за 500 руб. сер. Плюшаровскій шрифтъ пошелъ въ типографію военно-учебныхъ заведеній за 1,500 руб. сер., но для расплаты съ типографіями этихъ двухъ тысячъ было мало, такъ какъ по смѣтѣ предстояло заплатить 7,500 руб. Неожиданный случай опять выручилъ меня.

Въ одно прекрасно утро ко мнѣ является нѣкто Паклинъ и объявляетъ, что онъ родственникъ скончавшагося на дняхъ Прок. Ив. Пономарева—извѣстнаго богача, бывшаго петербургскаго головы и спрашиваетъ: будетъ ли продолжаться «Энциклопедическій Сло-

варь» Края, которому, два года тому назадъ, покойный Пономаревъ переслалъ для напечатанія свою біографію?

Я объявилъ г. Паклину, что именно теперь дѣлаются всѣ распоряженія относительно продолженія и выпуска «Спр. Энц. Словаря» и что дѣло стало только за средствами. Тогда Паклинъ заявилъ, что П. И. Пономаревъ, умирая, при своихъ родныхъ Алферовскихъ и при немъ Паклинѣ, завѣщалъ, чтобы внукъ его и наслѣдникъ, то же Прокофій Ив. Пономаревъ, выдалъ послѣ его смерти 1,000 руб. сер. на изданіе, т. д. продолженіе «Спр. Энц. Словаря», въ которомъ должна быть помѣщена его біографія. Можно себѣ представить, какъ это извѣстіе пришло кстати, но такъ какъ распоряженіе покойнаго Пономарева не было включено въ формальное завѣщаніе, а сдѣлано на словахъ, то мнѣ пришлось порядочно повозиться съ его наслѣдникомъ, пока я получилъ при содѣйствіи Паклина эти 1,000 руб сер.

Помня слова: «ищите и обрящете», я обратился къ барону Штиглицу съ просьбой помочь мнѣ двумя тысячами для окончанія моего предпріятія, напомнивъ ему, что въ «Спр. Энц. Словарѣ» впервые появилась біографія его отца и его самого. Но баронъ Штиглицъ отказалъ мнѣ въ помощи, приславъ лишь 100 руб. сер.

Я обращался также къ Андр. Ник. Карамзину, женатому на вдовѣ П. П. Демидова, и хотя мы съ нимъ были въ хорошихъ отношеніяхъ, но мое письмо осталось безъ результата, можетъ быть потому, что онъ не вѣрилъ въ возможность довести «Спр. Энц. Словарь» до конца.

Но не даромъ говорятъ: «свѣтъ не безъ добрыхъ людей». Когда появились въ свѣтъ еще три тома «Спр. Энц. Словаря», я отправился къ министру народнаго просвѣщенія Абр. Сер. Норову и поднесъ ему свое берлинское изданіе: «Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI» и всѣ вышедшіе уже 10-ть томовъ «Спр. Энц. Словаря». Норовъ принялъ меня очень привѣтливо, долго разговаривалъ со мною о моихъ трудахъ и редактируемой мною «Библіотекѣ для Чтенія», и когда я попросилъ его помочь мнѣ докончить «Словарь», предписавъ взять извѣстное число «Словаря» для учебныхъ заведеній М. Н. Пр. съ условіемъ, что я готовъ уступить ихъ по уменьшенной цѣнѣ, т. е по 20 руб. сер. за экземпляръ, Норовъ съ величайшей готовностью обѣщалъ исполнить мою просьбу и дѣйствительно исполнилъ ее. М. Н. Пр. взяло «Словаря» на 5,000 руб. сер., что было достаточно для уплаты А. И. Варгунину за бумагу, которую онъ кредитовалъ мнѣ.

Спустя годъ, начальникъ военно-учебныхъ заведеній, Як. Ив. Ростовцовъ (о чемъ мною уже сказано раньше), желая дать мнѣ возможность уплатить за печатаніе того, что слѣдовало типографіи военно-учебныхъ заведеній, съ согласія совѣта этихъ заведеній,

приказалъ взять для библіотекъ послѣднихъ 60 экземпляровъ «Словаря», на сумму 1,200 руб. сер.

Когда изданіе «Словаря» окончилось и сдѣланы были объявленія, при чемъ цѣна тома съ 3 руб. сер. была понижена на 2 руб. сер., а весь «Словарь» продавался по 25 руб. сер. за экземпляръ, тогда мною было сдѣлано предложеніе разнымъ военнымъ, гражданскимъ и судебнымъ учрежденіямъ о пріобрѣтеніи «Словаря» въ разсрочку, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. Выписано было разными правительственными мѣстами и служащими въ нихъ лицами болѣе чѣмъ на 12,000 руб. сер., но почти третья часть этой суммы не была уплачена.

Продажа «Словаря» въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ, также двинулась значительно впередъ, но для этого потребовалось дѣлать много объявленій. На выручку подоспѣлъ съ слѣдующаго 1856 г. возобновленный мною «Сынъ Отечества», въ каждомъ номерѣ котораго печаталось объявленіе о «Спр. Энц. Словарѣ», что̀ продолжалось двѣнадцать лѣтъ и, конечно, очень содѣйствовало распродажѣ изданія.

Когда весь «Словарь» былъ оконченъ и вышелъ въ свѣтъ, отзывъ объ немъ явился только въ одной «Библ. для Чтенія», но ни одна газета, ни одинъ журналъ, не удостоили изданіе ни похвалы, ни брани!

Въ теченіе второй половины 1853 года, всего 1854 г. и первой половины 1855 г., когда я возился и терялъ голову съ изданіемъ «Словаря», Ив. М. Гедеоновъ находился въ Москвѣ, но не могъ помочь мнѣ ни однимъ рублемъ. Онъ зналъ о ходѣ дѣла, удивлялся, какъ я веду его къ окончанію, безъ копѣйки и въ письмахъ ко мнѣ постоянно справлялся: «Вы еще не въ тюрьмѣ?» т. е. не въ долговомъ отдѣленіи. Но судьба заботилась о «Словарѣ» и я съ нимъ не погибъ...

Наконецъ Ив. Мих. Гедеоновъ возвратился изъ Москвы на постоянное жительство въ Петербургъ и рѣшился отказаться отъ своей половины въ Словарѣ въ мою пользу съ тѣмъ, чтобы я уплатилъ за него по выданнымъ нами векселямъ А. И. Варгунину 5,000 руб. сер., выдалъ ему за его часть на 12,000 руб. сер. векселей и пожертвовалъ въ его пользу 500 полныхъ экземпляровъ «Спр. Энц. Словаря», которые впослѣдствіи онъ переуступилъ мнѣ за 3,000 руб. сер.

Такимъ образомъ, пріобрѣтеніе мною половины словаря, принадлежавшей Ив. Мих. Гедеонову обошлось мнѣ въ 20,000 руб. сер., а считая проценты, въ 25,000 руб. сер., изъ которыхъ 10,000 руб. сер. остались неуплаченными Ив. Мих. Гедеонову, вслѣдствіе полнаго разстройства моихъ дѣлъ въ 1868 г.; но принимая во вниманіе, что Ив. Мих. вложилъ въ это дѣло, входя въ него съ Варгунинымъ, около 15,000 руб. сер., окажется, что если онъ и не по-

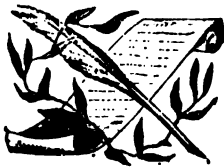
лучилъ никакихъ выгодъ отъ «Словаря», то не понесъ и большихъ убытковъ, тогда какъ Варгунинъ потерялъ на этомъ изданіи ровно 20,000 руб. сер., изъ которыхъ на Краѣ пропало 10,000 руб. сер.

Вотъ правдивая и, какъ мнѣ кажется, не лишенная интереса исторія «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря».

Я былъ гораздо счастливѣе Варгунина и Гедеонова, потому что, взявшись довести дѣло до конца, на чтò по самой экономической смѣтѣ требовалось не менѣе 25,000 руб. сер., окончилъ его безъ копѣйки въ карманѣ, не оставшись долженъ ни сотрудникамъ, ни корректорамъ, ни типографіямъ, ни за бумагу.

Выдавъ А. И. Варгунину векселя на 10,000 руб. сер. за пріобрѣтенный у него «Спр. Энц. Словарь» и уплачивая ему эту сумму въ теченіе десяти лѣтъ, я не былъ въ состояніи ему уплатить послѣднихъ 2,000 руб. Но потеря такой суммы для милліонера не могла быть чувствительна...

А. Старчевскій.

„ЗЕЛЬМИРА"[1].

Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Екатерины II.

(1782 — 1788).

V.

РИЧИНОЮ удаленія принцессы изъ Петербурга было, какъ видно, желаніе императрицы прекратить въ столицѣ всѣ толки объ этомъ неблаговидномъ эпизодѣ. Къ тому же Екатерина не могла оставить послѣ своего отъѣзда принцессу тамъ, гдѣ находились Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна, бывшіе въ нѣкоторомъ разладѣ съ Августою. Удаленіе принцессы въ Ревель было лишь временною мѣрою. Сложный вопросъ о разводѣ могъ затянуться, съ разныхъ сторонъ могли явиться затрудненія. Екатерина въ концѣ 1786 года не могла знать, какъ отнесется къ этому дѣлу отецъ «Зельмиры», герцогъ брауншвейгскій. На время переговоровъ, на время путешествія Екатерины, нужно было пріютить принцессу въ другомъ мѣстѣ. Ревель и его окрестности могли казаться удобными для ея пребыванія.

Дѣло о разводѣ и дальнѣйшая судьба принцессы не переставали занимать Екатерину въ это время. Въ письмахъ къ Гримму замѣчанія о дѣловой перепискѣ императрицы съ герцогомъ брауншвейгскимъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Къ тому же нѣкоторые изъ этихъ документовъ были изданы лишь въ послѣднее

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLI, стр. 277.

время. Изъ нихъ видно, что вопросъ о разводѣ занималъ отца принцессы еще до катастрофы 17-го декабря 1786 года.

Въ подробной запискѣ, помѣченной «Брауншвейгъ, 1 декабря 1786 г.», герцогъ говоритъ о печальной судьбѣ дочери, о возможности развода и объ отдѣльныхъ условіяхъ его. Заслуживаетъ вниманіе, что въ этой бумагѣ отецъ не только ни однимъ словомъ не порицаетъ образа дѣйствій дочери, но, напротивъ, хвалитъ ея умственныя и нравственныя качества. Далѣе онъ выражаетъ искреннюю благодарность императрицѣ за покровительство, оказанное дочери со времени ея прибытія въ Россію. Герцогъ предоставляетъ Екатеринѣ рѣшить вопросъ: нужно ли при извѣстныхъ обстоятельствахъ приступить къ разводу, и нѣтъ ли другихъ средствъ для улаженія дѣла и для устройства судьбы обоихъ супруговъ? Что касается до условій развода, то герцогъ проситъ Екатерину вести переговоры по этому дѣлу съ виртембергскимъ правительствомъ и гарантировать условія сдѣлки. Сыновья принца и принцессы, въ силу такого, имѣвшагося въ виду «amicabile divortium», должны были оставаться у отца, дочь же — у матери. Нѣсколько параграфовъ этого проекта относились къ денежнымъ вопросамъ о содержаніи принцессы и ея дочери.

Вскорѣ послѣ этой записки, герцогъ брауншвейгскій получилъ отъ императрицы письмо съ подробнымъ изложеніемъ событія 17-го декабря [1]). Онъ отвѣчалъ на это письмо 13-го января 1787 года, изъявляя императрицѣ искреннюю благодарность за ея образъ дѣйствій въ этомъ дѣлѣ, говоря о своемъ горѣ при видѣ плачевной судьбы дочери, и умоляя Екатерину устроить будущность принцессы. Ссылаясь на проектъ условій развода, отправленный къ императрицѣ чрезъ посредство Гримма, герцогъ предоставлялъ ей принять всѣ необходимыя мѣры для достиженія желанной цѣли. Екатерина отвѣчала герцогу, во время пребыванія въ Кіевѣ, 6-го февраля, 1787 года, сообщая нѣкоторыя подробности о ходѣ открывшихся тѣмъ временемъ переговоровъ съ виртембергскимъ дворомъ и изъявляя надежду, что Августа скоро будетъ имѣть возможность возвратиться къ Брауншвейгъ къ родителямъ. Императрица, предлагая свои «bons offices» въ этомъ дѣлѣ, совѣтовала обѣимъ сторонамъ обратиться въ находившемуся во Франкфуртѣ русскому резиденту, Н. П. Румянцеву [2]).

Эти документы писаны въ чисто официальномъ тонѣ и имѣютъ характеръ дипломатическихъ нотъ. О переговорахъ императрицы съ виртембергскимъ правительствомъ мы не имѣемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній. Вѣроятно, родственники принца въ Виртембергѣ были оскорблены не менѣе великой книгини Маріи Ѳеодоровны

---

[1]) Этого письма мы не имѣемъ.

[2]) «Архивъ князя Воронцова», XII, 447—455.

энергичными мѣрами Екатерины въ отношеніи къ мужу «Зельмиры». Чрезвычайно любопытнымъ комментаріемъ къ исторіи этихъ переговоровъ съ одной стороны и къ исторіи дальнѣйшей судьбы принцессы—съ другой, служатъ опять-таки письма Екатерины къ Гримму, въ которыхъ и въ продолженіе 1787 года весьма часто бывала рѣчь о «Зельмирѣ».

1-го января 1787 года, Екатерина писала: «Никогда еще не заваривалось такой каши, какъ за послѣднія три-четыре недѣли. Прилагаемое письмо познакомитъ васъ со сплетнями на счетъ Зельмиры [1]). Мнѣ пришлось заняться этимъ дѣломъ не кое-какъ, а очень и очень серьезно. Невѣстка [2]) разыгрываетъ роль невиннаго ребенка; ей нельзя всего говорить; ну, она, какова есть, такою и останется, а чего въ ней нѣтъ, того и не будетъ. Стало быть благоразумнѣе всего было поступить такъ, какъ я поступила, вотъ и все. Но это говорится для васъ однихъ» и пр.

1-го апрѣля, Екатерина писала изъ Кіева: «Вчера я получила письмо отъ Зельмиры и вложенное въ немъ письмо отъ ея родителя. Изъ письма видно, что, не смотря на обѣщаніе родителя, клеветы мужа не остались безъ впечатлѣнія. Этотъ бѣшеный на меня злится по крайней мѣрѣ столько же, сколько на жену, за покровительство, которое я ей оказала. У него развязаны руки, благодаря тому, что я прикрыла его безобразія; но если онъ выведетъ меня изъ терпѣнія, я заговорю въ свою очередь, и тогда увидимъ, кто изъ насъ будетъ болѣе правъ. Изъ послѣдняго письма отца Зельмиры ко мнѣ я очень хорошо вижу, что онъ сталъ со мною гораздо менѣе откровененъ, чѣмъ былъ вначалѣ. Я, было, приписала это первому невольному впечатлѣнію послѣ шести-часовой бесѣды съ зятемъ; но письмо къ его дочери доказываетъ, что эта бесѣда пускаетъ прочные корни. Зельмира умираетъ отъ страха, какъ бы ее не выдали мужу. Всякій, кто знаетъ положеніе дѣла, какъ я его знаю, скажетъ, что это было бы безчеловѣчно. Буду молчать, пока будетъ можно, и никогда не заставлю Зельмиру покинуть свое теперешнее убѣжище, гдѣ она живетъ въ безопасности и на своей волѣ, до тѣхъ поръ, пока она сама не убѣдится вполнѣ и совершенно, что ея судьба измѣнится къ лучшему и пока у нея не останется никакого повода къ какимъ бы то ни было опасеніямъ. Слышите, я покамѣсть говорю и не договариваю, потому что рѣшилась сказать все свое настоящее слово тогда только, когда увижу въ томъ необходимость. Постарайтесь воспользоваться настоящимъ сообщеніемъ возможно лучше, чтобы подѣйствовать на отца; я буду очень рада, если меня не вынудятъ заговорить. Если бы я могла переговорить съ вами въ продолженіе

[1]) Мы не знаемъ, что это за письмо съ этимъ «tripotage».
[2]) Марія Ѳеодоровна.

четверти часа, вы сказали бы: она въ самомъ дѣлѣ права; и отецъ, и дочь, и зять, обязаны ей много, очень-очень много. У меня на это есть неопровержимый свидѣтель, который, при случаѣ, подтвердитъ все, что̀ мною сдѣлано и что̀ теперь я говорю».

Екатерина должна была сообщить болѣе подробныя данныя объ исторіи брака принца и принцессы. Въ другомъ письмѣ ея къ Гримму сказано: «Въ моей пространной депешѣ, отправленной съ Кашкинымъ, я говорила лишь о началѣ ужасныхъ сценъ. Во-первыхъ, невозможно же требовать, чтобы я постоянно отмѣчала и записывала всѣ сцены, которыя, къ соблазну цѣлаго Петербурга и всей Финляндіи, происходили между Зельмирою и ея мужемъ, пока они тамъ жили. Во-вторыхъ, о многихъ изъ такихъ сценъ до моего свѣдѣнія доходило только уже спустя нѣкоторое время. Въ-третьихъ, я не всегда упоминала о нихъ, потому что мнѣ это надоѣло, и я вовсе не подряжалась вести имъ списокъ... Отецъ пишетъ дочери, будто бы, до ея отъѣзда отъ мужа ко мнѣ, въ ея домѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ господствовали тишина и согласіе. Это пахнетъ упрекомъ, и дочь задѣта этимъ за живое. На самомъ дѣлѣ Зельмира божилась мнѣ, что за всѣ семь лѣтъ ея супружеской жизни, она, общимъ счетомъ, не можетъ насчитать и шести недѣль спокойныхъ, да и тутъ еще двѣ недѣли насчитала я, потому что собственно, по ея словамъ, не наберется и четырехъ. Въ Финляндіи, къ великому соблазну цѣлаго края, сцены нерѣдко бывали за столомъ въ присутствіи мѣстныхъ служащихъ, такъ что отъ приглашеній на ихъ обѣды бѣгали какъ отъ чумы. Я не покину Зельмиры, но она боится, что родитель ея выдастъ ее тирану. Впрочемъ, все, что̀ будетъ сдѣлано для блага Зельмиры, очень меня порадуетъ, потому что я принимаю искреннее участіе въ этой бѣдняжкѣ, участь которой могла бы быть совсѣмъ иною, еслибы ее не выдали за этого сумасшедшаго, у котораго, повидимому, желчь отнимаетъ разсудокъ, потому что онъ злится безъ исключенія на весь родъ человѣческій. Я не могу вмѣшаться прямо въ дѣло о разводѣ, потому что съ перваго же дня велѣла передать бѣшеному супругу, что не берусь быть его судьею, и счастье его, что это такъ. Таковой отзывъ мой я сообщила и герцогу брауншвейгскому; но если бы послѣдній или владѣющій герцогъ виртембергскій [1]) пожелали моего добраго содѣйствія (mes bons offices), то графъ Румянцевъ, находящійся во Франкфуртѣ, уполномоченъ мною оказать имъ таковое. И такъ покамѣстъ я ограничиваюсь тѣмъ, что стараюсь, какъ только могу, быть полезною Зельмирѣ, которая въ своемъ уединеніи несетъ свое горе съ твердостью и мужествомъ философа, и которая гораздо умнѣе

---

[1]) То былъ Карлъ Евгеній, царствовавшій отъ 1744 до 1793 года, отецъ Фридриха.

нежели я предполагала въ то время, когда она была слишкомъ забита».

Въ другихъ письмахъ императрицы, писанныхъ также въ Кіевѣ, мы встрѣчаемъ слѣдующія замѣчанія по этому предмету: «Вы правы, говоря, что дѣло Зельмиры меня занимаетъ не на шутку, и очень, и очень. Я не разъ чувствовала искушеніе написать къ ея отцу цѣлыя тетради бумаги по этому дѣлу и удержалась потому только, что сказала себѣ: развѣ ты забыла, что объявила сама, что не хочешь быть судьею въ этомъ дѣлѣ? или же ты желаешь записаться въ стряпчіе и впутаться въ это дѣло больше, чѣмъ слѣдуетъ? Во мнѣ не произошло никакой перемѣны по отношенію къ интересамъ Зельмиры. Но Зельмирѣ кажется, что такая перемѣна произошла въ умѣ свѣтлѣйшаго родителя и что сей послѣдній далъ себя опутать ея сумасшедшему супругу и намѣренъ ему выдать ее; и вотъ Зельмира въ такомъ смущеніи, что нельзя и выразить. Я думаю, что если отецъ дастъ мнѣ честное слово никакимъ образомъ не вынуждать Зельмиру съѣхаться съ мужемъ, отъ котораго она дѣйствительно всего можетъ опасаться; то мнѣ легко удастся убѣдить ее возвратиться къ родителямъ, и срокомъ для того, принимая въ разсчетъ всѣ обстоятельства, я полагаю время моего возвращенія въ Петербургъ; ибо думаю, что къ той порѣ отецъ и мужъ успѣютъ сговориться насчетъ ея содержанія. Обѣщаніе возвращенія дочери къ отцу могло бы послужить приманкой, но я вижу, что эта статья у нихъ уже улажена. Изъ пунктовъ или статей соглашенія, предложеннаго мужемъ отцу, я усматриваю, что онъ предлагаетъ ей 7,000 гульденовъ въ годъ, каковые, мнѣ думается, будутъ уплачиваться весьма плохо; ибо петербургскіе заимодавцы свидѣтельствуютъ, что почтенный супругъ никогда ничего не платилъ. И такъ, если хотите знать чистый доходъ Зельмиры, самое вѣрное будетъ считать доходъ съ дома, который я подарила ей въ Петербургѣ, если его удастся продать; да и то слѣдуетъ замѣтить, что супругъ запустилъ его страшно, какъ не принадлежащій ему, и не хотѣлъ никогда гроша истратить ни на какой ремонтъ».

Въ другомъ письмѣ говорится по этому же поводу: «Зельмира пишетъ мнѣ изъ своего пріюта, что она никогда въ жизни не была такъ спокойна и счастлива; она видится только съ честными и добрыми людьми, которыхъ я къ ней приставила; она читаетъ, работаетъ, гуляетъ, занимается музыкой и, повидимому, здорова. Она, кажется, въ очень кроткомъ настроеніи, притомъ мужественна и тверда, и я сдѣлалась ея кумиромъ; за то и я съ своей стороны ее не покину. Мужъ дѣлаетъ все на свѣтѣ, чтобы очернить ее предъ всѣми: въ самомъ дѣлѣ не виновата ли она, что не обожаетъ такого чудовища? Въ концѣ концовъ то, въ чемъ онъ обвиняетъ ее, было бы не болѣе какъ весьма извинительною человѣ-

свою слабостью, между тѣмъ какъ проступки мужа гнусныя и преступныя мерзости».

Во время плаванія по Днѣпру на роскошныхъ галерахъ Екатерина писала 4-го мая: «Послушайте, однако: что это брауншвейгскій папаша наводитъ такой страхъ на свою дочку? Бѣдняжка пишетъ мнѣ изъ своей эстляндской резиденціи въ Лоде, что по письмамъ отца видно сильное неудовольствіе противъ нея. Скажите, пожалуйста, за чтò такая немилость? За то ли, что она не въ силахъ была болѣе выносить дурное обращеніе мужа? Зачѣмъ же не позаботились дать ей мужа получше? Если хотятъ имѣть ее опять у себя не надобно высказывать ей неудовольствія, иначе она ни за чтò не уѣдетъ изъ Лоде, гдѣ она живетъ очень уединенно. Ей бы очень хотѣлось вернуться въ Петербургъ, но это не входитъ въ мои разсчеты; къ моему пріѣзду ея дѣло, надѣюсь, успѣетъ вполнѣ уладиться, и тогда я желала бы отправить ее, ибо чтò же ей дѣлать у меня? Если же ее у меня будутъ морить страхами и опасеніями, какъ мнѣ уговаривать ее ѣхать добровольно? А говоря правду, безъ ея собственной доброй воли и не будучи увѣрена въ спокойной ея участи, я сама не рѣшусь посовѣтовать ей рисковать этой поѣздкой. Такимъ образомъ, моя малютка, у которой на свѣтѣ только одна я, и которая держится за меня какъ репейникъ, вовсе не глупо дѣлаетъ, что зàмокъ Лоде, гдѣ ей покойно, предпочитаетъ новымъ непріятностямъ. Мнѣ сдается еще, что папаша и на меня также немножко изволитъ дуться, ибо съ февраля отъ него ни слуху, ни духу; все это за то, что я не разболтала всего, что мнѣ было извѣстно, и дѣйствовала съ удивительною осторожностью, такъ что, право, даже и на себя дивлюсь. Этимъ, быть можетъ, пользуется ея отвратительный супругъ, который, сдается мнѣ, завладѣлъ ушами папаши и набиваетъ въ нихъ Богъ вѣсть чего. Между тѣмъ, захоти только я показать свой товаръ на лицо, вѣтеръ бы перемѣнился, такъ что не поздоровилось бы супругу, мерзости котораго я схоронила и котораго судьею отказалась быть. NB. NB. NB. Замѣтьте, вотъ чему подвергаешься, когда говоришь, какъ оракулъ, и дѣйствуешь съ удивительною осмотрительностью и осторожностью. Мужья прячутся въ кусты, родители принимаются дуться, а бѣдняжки-жены никакъ не могутъ добиться спокойнаго существованія. Ну, чтò же? Извольте дѣйствовать вы съ вашей высокой логикою и даромъ убѣжденія, извольте дѣйствовать и направить все это на такую добрую дорогу, чтобы всѣ остались довольны. Тогда и мы съ моей маленькой Зельмирой будемъ довольны».

Затѣмъ изъ Херсона отъ 15-го мая: «Послѣ того, какъ я написала предшествующія страницы, я получила письмо отъ брауншвейгскаго папаши. Письмо это показалось мнѣ благодушнымъ и

разсудительнымъ; я его и отправила сейчасъ же въ Лоде, чтобы успокоить Зельмиру».

Таково было положеніе дѣлъ во время путешествія Екатерины въ Крымъ. Ея надежда, что дѣло принцессы уладится до возвращенія двора въ Петербургъ, и «Зельмира» будетъ имѣть возможность возвратиться къ родителямъ, оказалась тщетною. Слѣдующее письмо Екатерины къ Гримму отъ 13-го сентября 1787 года весьма рельефно рисуетъ положеніе этого сложнаго семейнаго дѣла и даетъ намъ въ то же время понятіе о послѣдовательности и выдержанности образа дѣйствій Екатерины. Она писала: «Поговоримте о дѣлахъ Зельмиры. Какъ я ни старалась до сихъ поръ, она не высказываетъ ни малѣйшаго желанія возвратиться на родину. Она говоритъ, во-первыхъ, что тамъ ей ждать нечего, кромѣ непріятностей и каверзъ, что такъ какъ ея содержаніе должно будетъ зависѣть отъ мужа, то она увѣрена, что мужъ не будетъ давать ей ничего, что она лишь будетъ въ тягость своимъ родителямъ, которые притомъ каждый Божій день будутъ приставать къ ней, требуя, чтобы она вернулась къ мужу, а въ такомъ случаѣ она опасается за самую жизнь, изъ чего слѣдуетъ, что она предпочитаетъ оставаться тамъ, гдѣ она теперь, гдѣ она избавлена отъ всякихъ преслѣдованій и живетъ очень скромно, но совершенно покойно. Если хотите знать настоящую суть этого дѣла, я вамъ ее объясню и скажу мое собственное мнѣніе. Зельмира уѣхала отсюда въ помѣстье, которое у меня есть въ Эстляндіи, называемое Лоде, за три или четыре дня до моего отъѣзда въ Кіевъ, въ концѣ прошедшаго года, съ твердымъ намѣреніемъ дожидаться тамъ окончательнаго рѣшенія своего дѣла, которое и я и она предоставили на благоусмотрѣніе ея батюшки, къ которому я отправила курьера. Родитель ея, по пріѣздѣ курьера, заблагоразсудилъ имѣть нѣсколько свиданій съ супругомъ Зельмиры. Довольно странно, конечно, что отецъ несчастной и оскорбленной дочери видится съ бѣшенымъ человѣкомъ и допускаетъ отводить себѣ глаза. Зельмира думаетъ и убѣждена, что родитель даетъ полную вѣру всему, что̀ любезному супругу угодно было на нее взвести. Вѣрно, что письмо ея родителя и особенно присылка нѣкоего Шрёдера, который въ настоящее время состоитъ на службѣ у супруга и котораго отецъ даже самъ съ письмомъ прислалъ къ ней въ Лоде въ мое отсутствіе, достаточно доказываютъ, что папаша и супругъ за одно, что папаша въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не съ тѣмъ благородствомъ и прямотою, которыя свойственны человѣку возвышеннаго характера, какой я за нимъ всегда предполагала. Я бы даже имѣла право жаловаться на недостатокъ откровенности герцога со мною. Я дала ему это почувствовать, и онъ вывернулся довольно неловко, слегка коснувшись этого мѣста моего письма. Представьте

себѣ, что въ то самое время, какъ батюшка отправляетъ этого самаго Шрёдера въ Лоде съ грознымъ письмомъ къ дочери, въ которомъ приказываетъ ей подписать въ присутствіи Шрёдера разныя пункты соглашенія, для дочери весьма невыгодныя, въ то же самое время онъ пишетъ мнѣ въ Кіевъ письмо, которымъ проситъ меня подать ей совѣтъ. По моему, это значитъ смѣяться надъ добрыми людьми. Дочери онъ приказываетъ что̀-то такое подписывать въ Лоде, въ то время, когда я болѣе чѣмъ за тысячу верстъ оттуда; а меня онъ проситъ давать совѣты. Ясно, что или она должна подписать безъ моего совѣта, или же должна ослушаться отца и обратиться ко мнѣ за совѣтомъ; а я, ничего не зная, какія ей тамъ присланы приказанія, изволь совѣтовать. Но коса нашла на камень (à bon chat bon rat). Шрёдера къ Зельмирѣ не допустили [1]). Мой пріятель, г-нъ Польманъ, завѣдующій маленькимъ хозяйствомъ Зельмиры, человѣкъ осторожный и предусмотрительный, озабоченный единственно интересами Зельмиры, очень учтиво спровадилъ посланца, объявивъ, что безъ моего особаго приказанія никого не можетъ допустить видѣться съ Зельмирой. Тогда Шрёдеръ показалъ письмо отца, и оно было передано Зельмирѣ. Это громоносное писаніе повергло Зельмиру въ отчаяніе; она заболѣла и слегла въ постель. Тѣмъ временемъ я возвратилась сюда (въ С.-Петербургъ). Извѣстившись о ея грустномъ настроеніи, я обмѣнялась съ нею нѣсколько разъ письмами и, высказавъ ей все, что̀ могла резонно высказать ради того, чтобы склонить ее воротиться къ родителямъ, наконецъ, право, сжалилась надъ ея положеніемъ, и вы можете быть увѣреннымъ, что впредь не сдѣлаю болѣе ни шага въ этомъ направленіи, какъ въ отношеніи Зельмиры, такъ и ея почтеннаго батюшки. Зельмира останется въ Лоде, какъ долго сама пожелаетъ, или возвратится къ родителямъ, тоже когда ей захочется, и такъ какъ она рада жить въ Эстляндіи, то и я этому рада, и такъ какъ любезный папаша предпочитаетъ слушать урода-супруга, которому онъ вѣритъ больше, чѣмъ намъ съ Зельмирой, то пусть себѣ слушаетъ его на здоровье, сколько ему будетъ угодно. Такъ какъ Зельмирѣ не къ кому прибѣгнуть на свѣтѣ, кромѣ меня одной, то я клянусь и беру васъ въ свидѣтели, что я ее не покину. Въ Лоде она держитъ себя съ кротостью ягненка и заставила обожать себя тѣхъ немногихъ людей, которые ее окружаютъ. Польманъ сдѣлался ея преданнымъ другомъ; мадамъ Вильде тоже. Они въ ней души не чаютъ. Время

---

[1]) Въ вышеупомянутой загадочной біографіи Потемкина, яко бы написанной Сенъ-Жаномъ, сказано на стр. 90, что Шрёдеръ явился въ Ревель послѣ того, какъ она уже цѣлый годъ прожила въ этомъ городѣ: «Allein Herr Schröder komite keinen Zutritt zu der Tochter seines Herzog erlangen; selbst den Brie durfte er ihr nicht überreichen». Шрёдеръ, правда, не видалъ принцессы, но письмо, привезенное имъ, было ей отдано.

проводитъ она въ чтеніи, въ занятіи музыкою или въ прогулкахъ: притомъ она добра и тверда духомъ». Къ этому прибавлено 4-го октября 1787 года: «Ничего не измѣнилось съ того времени, когда я вамъ писала предыдущее, въ состояніи Зельмиры» [1]).

VI.

Немного позже, послѣдовалъ окончательный разрывъ между императрицею и принцемъ виртембергскимъ. Мы видѣли выше, что Екатерина, удаляя его изъ Россіи въ декабрѣ 1786 года, дала ему годовой отпускъ, намекнувъ при этомъ, что онъ можетъ подать въ отставку. Характеристической чертою образа дѣйствій принца можно считать стойкость, съ которою онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, оставаться въ русской службѣ. Находясь въ Германіи въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ и не думалъ подавать въ отставку. Напротивъ того, въ письмѣ къ Екатеринѣ отъ 4-го (15) сентября 1787 года, указывая на открытіе военныхъ дѣйствій между Россіею и Портою, онъ выразилъ желаніе участвовать въ нихъ, служа въ русскомъ войскѣ [2]). Екатерина отклонила это предложеніе и писала по этому поводу къ Гримму: «Дикарь изъ Монбеліара [3]) заявилъ мнѣ, что, по пламенной привязанности къ русской арміи, онъ желаетъ продолжать службу; а я отвѣчала, что такъ какъ обстоятельства, вызвавшія его удаленіе отсюда, не могутъ измѣниться, я не могу согласиться на его желаніе. На это онъ сообщилъ мнѣ, что выходитъ въ отставку, послѣ чего я приказала не считать его долѣе на службѣ россійской имперіи. Что до Зельмиры, то лѣтомъ она будетъ жить въ своемъ помѣстьѣ Лоде, а по зимамъ въ Ревелѣ». Въ письмѣ отъ 30-го ноября говорится: «Что касается до моей Зельмиры, то она окончательно рѣшилась остаться въ Эстляндіи, и очень хорошо дѣлаетъ; недавно я получила отъ нея письмо, и она мнѣ кажется спокойной и довольной. Господинъ Варваръ хотѣлъ было опять пріѣхать и поступить въ армію, но я сказала: не желаю; а когда его жена узнала, что таково было его намѣреніе, и что онъ получилъ отказъ, она сказала, что и за сто миль отъ нея онъ все еще будетъ казаться ей слишкомъ близкимъ».

Въ виду раздраженія императрицы противъ принца нельзя удивляться тому, что она не пожелала его возвращенія въ Россію. Ее интересовало свиданіе, которое Гриммъ имѣлъ съ принцемъ [4]). Она

---

[1]) «Сб. И. Общ.», XXIII. 390, 394—395, 997—98, 404—406, 409—410, 416—417.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XV, 28.

[3]) «Don Féroce de Monbéliard»; féroce—лютый. Въ Монбеліарѣ жилъ отецъ принца.

[4]) Въ письмахъ Гримма къ императрицѣ мы не нашли данныхъ объ этомъ эпизодѣ.

писала 27-го ноября: «Что̀ до вашего свиданія въ Délices[1]), то оно меня насмѣшило. Это была такая сцена, которую бы стоило нарисовать. Но каковъ сплетникъ тесть! Онъ выболталъ зятю все, что самъ поручалъ вамъ передать мнѣ относительно своей дочери; право, кто бы подумалъ, что они подружатся въ Берлинѣ до того, что станутъ повѣрять другъ другу, что̀ до сихъ поръ скрывали одинъ отъ другого? Если хотите знать правду, я была лучшаго мнѣнія о свѣтлѣйшемъ тестѣ, чѣмъ какое вынесла о немъ теперь изъ всего этого дѣла. Онъ человѣкъ фальшивый и безъ сердца: ибо еслибы оно у него было, сталъ ли бы онъ обращаться съ тираномъ родной дочери, какъ съ близкимъ другомъ? А по отношенію ко мнѣ онъ поступалъ съ такимъ двоедушіемъ, какого я не могла ожидать. Замѣтьте, что дочь мало вѣрила въ правдивость батюшки и часто говорила: о, онъ обманываетъ мою мать!» [2]).

Увольненіе принца виртембергскаго изъ русской службы подало поводъ къ непріятностямъ. Оскорбленный отказомъ Екатерины, онъ написалъ въ раздраженіи слѣдующее письмо: «Имѣя несчастіе видѣть, что мои вѣрныя услуги не удостоиваются болѣе счастія быть принятыми вашимъ императорскимъ величествомъ, я вижу себя принужденнымъ просить васъ принять симъ мою покорнѣйшую просьбу объ отставкѣ. Быть можетъ, я не напрасно надѣюсь, что когда-нибудь ваше императорское величество благоволите убѣдиться, что изъ числа вашихъ слугъ никто не превзойдетъ рвеніемъ и вѣрностью имѣющаго честь называть себя» и пр.

Екатерина исполнила просьбу принца въ неблагопріятной для него формѣ. Въ другомъ письмѣ къ Екатеринѣ онъ сильно жаловался на безцеремонность, съ которою она распорядилась объ его отставкѣ. «Съ большимъ прискорбіемъ», писалъ принцъ, «узналъ я изъ письма, полученнаго мною отъ графа Пушкина, что Ваше Величество, давъ мнѣ отставку, не нашли возможнымъ соединить съ нею милостиваго указа объ отставкѣ за собственноручною подписью, милость, которая бы смягчила нѣкоторымъ образомъ несчастіе моего положенія и живѣйшую печаль, которую я испытываю, будучи лишенъ чести служить Вашему Величеству». Затѣмъ принцъ выразилъ надежду, что императрица еще окажетъ ему милость, написавъ собственноручный указъ, о чемъ онъ просилъ, всячески унижаясь предъ Екатериною. Въ письмѣ къ графу Мусину-Пушкину принцъ также жаловался на свою горькую долю: «Я не могу вообразить себѣ», сказано тутъ, «чтобы императрица упорствовала въ отказѣ облегчить этимъ мою печаль, которая увеличится еще горестью, которую отказъ сей непремѣнно причинитъ моимъ родителямъ». Въ самыхъ лестныхъ для графа Мусина-Пушкина выраженіяхъ принцъ

---

[1]) Имѣніе Вольтера близь Женевы.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 422 и 428.

просилъ его ходатайствовать по этому поводу. Сестра принца, великая княгиня Марія Θеодоровна, была также въ отчаяніи и писала Екатеринѣ: «Признаюсь, что я не ожидала этого несчастія и что оно страшно поразило меня; братъ мой служилъ вамъ пять лѣтъ, какъ вѣрный подданный... а вы отказываете ему въ милости, которой лишаютъ только преступниковъ. Ради Бога... не наносите этого позора моему брату, вы положили бы въ гробъ почти шестидесятилѣтняго старика, которому мы обязаны жизнію и который не переживетъ этого удара. Я у ногъ вашего величества; сердце мое говоритъ мнѣ, что мать, что та, которую я уважаю какъ мать свою и государыню, дастъ это новое доказательство справедливости и доброты» и пр.

Императрица отвѣтила великой княгинѣ: «Я получила, любезная дочь моя, отъ брата вашего три письма, написанныя въ тонѣ, къ которому я не привыкла. Я считала неудобнымъ отвѣчать на первое; на второе было необходимо высказать ему мнѣніе: онъ намѣревался возвратиться сюда, на что я не согласилась; третьимъ онъ увѣдомляетъ меня, что выходитъ въ отставку; вслѣдствіе чего я увѣдомила, кого слѣдуетъ, что онъ отставленъ, и поручила, разумѣется, графу Пушкину извѣстить его, что его желанія исполнены. Изъ этого простого и искренняго разсказа вы сами увидите, что обыкновенныя формы не приложимы къ дѣлу, которое, кажется, къ нимъ не подходитъ. Я считаю вашихъ любезныхъ родителей слишкомъ благоразумными, чтобы они могли одобрять поведеніе своего сына».

Марія Θеодоровна не могла успокоиться. Въ новомъ письмѣ къ Екатеринѣ она замѣтила, что не знала о проступкахъ брата, на которые указывала императрица, и находила, что содержаніе писемъ брата къ Екатеринѣ не нарушало уваженія и покорности, должныхъ ей: иначе она, великая княгиня, не осмѣлилась бы передать эти письма Екатеринѣ: «Нѣтъ, ваше величество», говорится далѣе въ письмѣ Маріи Θеодоровны, «я не считаю себя на это (т. е. на передачу неприличныхъ писемъ) способной; узнайте лучше ту, кто имѣетъ счастье быть вашей дочерью. Если братъ провинился своими письмами, то я столько же виновата, какъ и онъ». Послѣ дальнѣйшихъ объясненій и толкованія писемъ брата, Марія Θеодоровна въ крайнемъ волненіи писала: «Ради Бога, ваше величество, повинуйтесь чувствамъ своего сердца; подумайте о несчастіи, которымъ вы наполнили бы жизнь моихъ родителей, о позорѣ, который палъ бы отъ этого на нихъ и на меня, и присоедините это новое доказательство доброты и справедливости къ тѣмъ, которыя ежедневно знаменуютъ ваше царствованіе. Умоляю васъ на колѣняхъ» и пр.

Екатерина отвѣтила кратко и рѣшительно: «Полагаю, любезная дочь, что вы не взвѣсили значенія выраженій упомянутыхъ пи-

семъ, относительно которыхъ я не могу ошибаться. Ссылаясь на то, что̀ уже вамъ сказала, обнимаю васъ».

Великая княгиня еще разъ попыталась возобновить свою просьбу. Ея третье письмо, писанное по этому поводу, отличается самымъ кроткимъ тономъ. «На колѣняхъ заклинаю и умоляю васъ объ этомъ и тысячу разъ обнимая ваши колѣни» и пр. говорится въ концѣ этого письма, къ которому и Павелъ Петровичъ прибавилъ отъ себя: «Осмѣливаюсь, любезная мать, присоединиться къ просьбѣ моей жены съ полною надеждою на ваши милости, которыхъ желаемъ только сдѣлаться достойными».

Екатерина, спокойная, непоколебимая въ своемъ рѣшеніи, положила конецъ этому дѣлу слѣдующимъ письмомъ: «Я бы желала, чтобы кто-нибудь защищалъ меня съ такимъ же усердіемъ предъ вами, какъ вы вотъ уже въ третій разъ предо мною защищаете весьма предосудительное дѣло. Если кто-нибудь, послѣ отвратительнаго поведенія, дерзко (arrogamment) говоритъ въ письмѣ, что беретъ отставку, то здравый смыслъ, кажется, диктуетъ, что хорошо дать ему почувствовать отсутствіе этого смысла въ немъ самомъ, особенно если этотъ кто-нибудь въ предыдущемъ письмѣ притворно говоритъ о своемъ рвеніи въ арміи, избѣгая упоминать или употреблять выраженія, которыя должна была внушать ему его присяга. Считаю необходимымъ отправить пока письмо графа Пушкина. Родители ваши непремѣнно согласятся со мною, такъ какъ нѣтъ послѣдствій безъ причины, а къ этой послѣдней я не подавала никакого повода; напротивъ, мнѣ не въ чемъ упрекать себя. Добрый вечеръ! Обнимаю васъ»[1]).

Такимъ образомъ, кончилась неудачная карьера виртембергскаго принца въ Россіи. Обстоятельства объясняютъ достаточно нѣкоторую крутость образа дѣйствій Екатерины. Въ виду вышеупомянутыхъ слуховъ о какихъ-то государственныхъ преступленіяхъ принца, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ этихъ письмахъ, писанныхъ по поводу отставки супруга «Зельмиры», мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека на какой-либо неблаговидный поступокъ принца въ области политики. Зная за собою такую вину, принцъ, какъ намъ кажется, никогда бы не выразилъ желанія возвратиться въ Россію. Имѣя возможность обвинить принца въ чемъ-либо помимо варварскаго обращенія съ женою и дерзкихъ писемъ къ Екатеринѣ, императрица не преминула бы коснуться хотя бы слегка этихъ дѣлъ. Но для нея, оказывавшей покровительство «Зельмирѣ», грубость нравовъ принца была достаточнымъ поводомъ не щадить его, отдѣлаться отъ него нѣсколько безцеремонно, дать ему почувствовать нерасположеніе и презрѣніе.

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XV, 29—36.

VII.

За̀мокъ Лоде, построенный въ началѣ XIII вѣка, находится въ Викскомъ уѣздѣ, во ста слишкомъ верстахъ за Ревелемъ и верстахъ въ сорока отъ Гапсаля. Въ 1771 году князь Г. Г. Орловъ купилъ этотъ за̀мокъ у барона Ливена; въ 1786 году Лоде находилось въ казенномъ вѣдомствѣ. Изъ бумагъ, хранящихся въ ревельскомъ архивѣ, видно, что указомъ отъ 22 декабря 1786 года, значитъ тотчасъ же послѣ того, какъ принцесса искала защиты у Екатерины, за̀мокъ и имѣніе Лоде были изъяты изъ-подъ власти и подсудности мѣстныхъ учрежденій и ввѣрены егермейстеру Польману, который былъ обязанъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ непосредственно самой государынѣ. Польманъ управлялъ дѣлами имѣнія, располагалъ довольно значительными доходами Лоде, переписываясь по этому дѣлу съ эстляндскимъ губернаторомъ Врангелемъ. Графъ Броунъ предложилъ губернатору откомандировать гапсальскаго уѣзднаго врача Рубенау въ распоряженіе егермейстера Польмана, что̀ и было исполнено[1]).

Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ о томъ, сколько времени принцесса, при которой находились Польманъ и г-жа Вильде, прожила въ Ревелѣ. Въ Лоде и Ревелѣ сохранилось преданіе, что къ принцессѣ Августѣ съѣзжались гости-сосѣди, что танцы продолжались за полночь и что принцесса постановила правиломъ не прекращать ихъ, пока не истреплятся танцовальные башмаки.

Польману въ это время было около 60 лѣтъ. Сохранились портреты егермейстера: онъ былъ красивый мужчина. Съ нимъ Екатерина въ это время находилась въ перепискѣ и отсюда видно. съ какою заботливостью государыня относилась къ принцессѣ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ писемъ, писанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ и очень недавно сдѣлавшихся извѣстными[2]).

26-го февраля 1787 года Екатерина писала изъ Кіева: «Скажите правду: императрица ведетъ очень исправную переписку съ вашимъ хозяйствомъ. Я и надѣюсь все привести къ хорошему концу; только не испортите мнѣ ничего безполезною болтовнею съ женщинами и домашними людьми. Чѣмъ менѣ пустыхъ толковъ, тѣмъ лучше. У кого есть уши, чтобы слышать, тотъ ничего не слушай».

«. . . Прилагаемое письмо прошу отдать по адресу».

1-го апрѣля: «Мнѣ пріятно, что вамъ хорошо жить въ Лоде».

---

[1]) См. нѣкоторые частности изъ архивныхъ дѣлъ въ «Рус. Архивѣ», 1888, I, 13—14.

[2]) Секретарь эстляндскаго дворянства, баронъ Гаральдъ Романовичъ фонъ-Толь сообщилъ эти письма Бартеневу.

14-го мая: «Скажите принцессѣ, что шуринъ ея, у котораго жена полька, дошелъ также до того, что мать этой жены нынѣ поѣхала туда выручать дочь свою изъ ада. Ей приходится снимать сапоги у супруга и мыть ему бѣлье, иначе онъ ее колотитъ» [1]).

Изъ Царскаго Села Екатерина писала 2-го августа 1787 года: «Письмо ваше отъ 21-го іюля съ приложеніемъ (т. е. съ письмомъ принцессы) я получила вчера. Кажется, что маленькой женщинѣ не очень хочется отсюда (т. е. изъ Россіи) уѣзжать, и, конечно, въ этомъ она довольно права: она желаетъ жить спокойно. Отъ мужа, отъ родныхъ, ей нѣтъ или мало надежды на спокойствіе. Ей полюбилось въ Лоде лѣтомъ, а зимой ей бы желательно быть въ Ревелѣ. Каковъ вашъ ревельскій домъ? Отчего бы ей не пользоваться зимою въ Ревелѣ обществомъ подходящихъ къ ней людей? Вести жизнь свыше ея доходовъ нѣтъ надобности... Я вамъ писала, чтобы вы сдѣлали письменное примѣрное расчисленіе тому, что̀ ей нужно, что̀ она получаетъ съ Лоде, что̀ можетъ дать домъ, чего недостаетъ въ хозяйствѣ. Вашъ домъ продается ли? Довольно ли онъ великъ? Есть ли у васъ ему планъ? Какъ довольны вы маленькой женщиной? Кажется, что она очень довольна и чрезвычайно любитъ васъ и г-жу Вильде. Что подѣлываетъ г-жа Вильде? Какъ идетъ все хозяйство» [2])?

Въ письмѣ отъ 13-го августа 1787 г. сказано: «Конечно, принятое принцессою рѣшеніе самое благоразумное и спокойное—проводить лѣто въ Лоде, а зиму въ Ревелѣ. Такъ какъ теперь таково ея желаніе, то остается только одинъ вопросъ: можно ли жить зимою въ вашемъ ревельскомъ домѣ? Прилично ли меблированъ этотъ домъ? Я взяла планъ у Ребиндера, и по плану домъ лучше снаружи нежели внутри; но рѣшительно судить ни о какомъ домѣ невозможно по плану. Если онъ нравится принцессѣ, то мы можемъ придти къ соглашенію... Принцесса пишетъ, что лишь бы всѣ люди въ Ревелѣ были столь обходительны, какъ егермейстеръ Польманъ и мадамъ Вильде, то она была бы весьма довольна. Позаботьтесь о хозяйствѣ, какъ отецъ; помогите все устроить какъ можно лучше, и когда все будетъ приготовлено, переѣзжайте съ Богомъ въ Ревель; я очень рада тому, что все у васъ идетъ ладно, что всѣ довольны; если только мадамъ Вильде желаетъ оставаться, то мнѣ это будетъ очень пріятно. Прощайте. Жду смѣты вашихъ расходовъ. Наша барынька (die Kleien Frau) ведетъ себя отлично и вполнѣ довѣряетъ мнѣ; ей не придется сожалѣть объ этомъ» и пр. [3]).

---

[1]) Второй братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны, Людвигъ, принцъ виртембергскій, былъ съ 1784 года женатъ на сестрѣ кн. Адама Чарторижскаго. Онъ послѣ развелся съ нею. См. «Рус. Арх.», 1888, I, 6.

[2]) «Русскій Архивъ», 1888, I. 1—2.

[3]) Подлинникъ этого послѣдняго письма цѣликомъ напечатанъ въ сочиненіи Блюма «Ein russischer Staatsmann», II, 557. Въ письмѣ Гримма къ Екате-

И въ продолженіе 1788 года въ письмахъ къ Гримму Екатерина довольно часто упоминала о принцессѣ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ сказано: «Папаша и мамаша довольны Зельмирою; и я могу быть довольною». 19-го апрѣля императрица писала: «Я очень рада, что вы довольны моими распоряженіями въ отношеніи къ Зельмирѣ и что мой другъ Польманъ, котораго вы лично знаете, своимъ благоразуміемъ разстроилъ коварные планы папаши и мужа» [1]).

Въ дневникѣ Храповицкаго также мѣстами упоминается о пребываніи принцессы Августы и Польмана въ Эстляндіи. 5-го іюня 1788 года онъ пишетъ: «Писали къ Польману и къ принцессѣ виртембергской и послали французскія книги. (Затѣмъ слова Екатерины): «она любитъ чтеніе и проводитъ время съ Польманомъ и его семьею, ежели бъ не было ему 60-ти лѣтъ, то бы его сочли ея любовникомъ. Не говорятъ ли сего?»—Отвѣтъ Храповицкаго: «я не слыхалъ». Въ іюлѣ Храповицкій замѣтилъ о Екатеринѣ: «Писали къ принцессѣ виртембергской и Польману о шалостяхъ и ошибкахъ короля шведскаго» [2]). Значитъ, и въ самомъ разгарѣ шведской войны Екатерина находила время продолжать письменную бесѣду съ «Зельмирою» и Польманомъ.

Въ вышеупомянутой запискѣ, составленной эстляндскимъ губернаторомъ барономъ Будбергомъ, 25 октября 1819 г. сообщаются нѣкоторыя данныя о житьѣ-бытьѣ принцессы въ Лоде. Авторъ этой записки, какъ мы знаемъ, руководствовался разсказомъ дочери пробста Даля, проживщаго въ 1787—88 годахъ близь Лоде. Тутъ сказано, что кромѣ Польмана и г-жи Вильде при принцессѣ находились два офицера, исполнявшіе должность курьеровъ, г-жа Зандеръ, пріѣхавшая вмѣстѣ съ принцессою въ Россію, и французъ Роменъ (Romain) съ женою [3]).

Вдругъ, въ сентябрѣ, принцесса скончалась. Храповицкій пишетъ 21-го сентября 1788 года: «Спрошенъ послѣ обѣда и посы-

---

ринѣ отъ 1—12 декабря 1787 года сказано между прочимъ: «Il ne parle pas à Votre Majesté Impériale de Zelmire. J'ai prouvé par ma derniére pancarte que papa et maman sont fort contents de la savoir sous la sauvegarde de Minerve. Je le crois bien, moyennant quoi on a pourvu à tout. Je n'ai pu lire sans attendrissement tout ce que l'immortelle m'a mandé à ce sujet au milieu de ses petites affaires avec le croissant. Zelmire chante avec les gens de Grimme: Eine feste Burg ist unsere Kaiserin und wer sich auf Sie verlässt, Kann ruhig schlafen zu Lohde, zu Grimma und anderwärts» и пр. «Сб. И. Общ.», XLIV, 367.

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 437 и 440.

[2]) «Дневникъ Храповицкаго», изд. Барсукова, 88 и 120.

[3]) Сколь критически должно относиться къ этимъ разсказамъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Тутъ сказано, что всѣ эти лица, за исключеніемъ француза и его жены, были удалены мало-по-малу. Польманъ и мадамъ Вильде оставались до конца въ Лоде; курьеры непремѣнно исполняли свою должность; значитъ, одна развѣ г-жа Зандеръ удалилась. Къ ней вѣроятно относится замѣтка въ донесеніи Путятина, о которой будетъ рѣчь ниже.

лалъ на дачу къ графу Безбородкѣ по случаю полученнаго на эстафетѣ увѣдомленія отъ Польмана о смерти принцессы виртембергской. Сказывали (т. е. Екатерина сказала), что она умерла отъ остановившихся кровей; съ нею и прежде то случалось. Жаль ее (слова Екатерины). Осмѣлился сказать, что она въ несчастіи своемъ, кромѣ вашего величества, иной защиты не имѣла».

Кончина принцессы заставила Екатерину принять разныя мѣры, какъ видно изъ слѣдующихъ замѣчаній въ дневникѣ Храповицкаго 22 сентября: «Приказано Рылѣеву [1]) запечатать у купца Ариста принцессины бриліанты, на продажу высланные; ихъ по оцѣнкѣ отъ 15 до 20,000. Когда донесъ онъ объ исполненіи, то велѣно привесть бриліанты во дворецъ». 23 сентября: «Бриліанты принцессины, запечатавъ въ ящикъ, отослалъ для храненія въ кабинетскую кладовую. Сказано (т. е. Екатерина сказала): ихъ надобно отдать, но до времени пусть не знаютъ, что̀ такое» [2]).

Изъ слѣдующаго замѣчанія въ дневникѣ Храповицкаго видно во-первыхъ, что императрица въ самый день полученія извѣстія о кончинѣ принцессы отправила письмо къ Польману, и далѣе, что правительство не объявило всенародно объ этомъ событіи. 10-го октября: «Разговоръ (т. е. между императрицею и Храповицкимъ) о смерти принцессы виртембергской, 16-го сентября приключившейся, и что нѣтъ отвѣта отъ Польмана на письмо ея величества отъ 21-го сентября. Я сказалъ, что начинаютъ говорить о томъ въ городѣ, чаятельно, по слухамъ изъ Ревеля. Написали письмо къ отцу ея и къ матери, поставя 23-го сентября» [3]).

Тутъ, пожалуй, можно удивляться тому, что Польманъ медлилъ отвѣтомъ на письмо Екатерины отъ 21-го сентября — принцесса скончалась 16-го. Эстафета съ извѣстіемъ прибыла въ Петербургъ не раньше какъ 21-го. Пять дней—долго. Разстояніе отъ Ревеля до Петербурга 360 верстъ; значитъ для эстафеты довольно двое сутокъ; къ этому можно прибавить еще третьи сутки для разстоянія отъ Лоде до Ревеля. Девятнадцать дней для обмѣна письмами Екатерины и Польмана—еще дольше. Далѣе можетъ казаться страннымъ, что императрица не тотчасъ же сообщила родителямъ принцессы о ея кончинѣ. Когда было писано письмо къ герцогу и герцогинѣ—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ до 10-го октября; помѣтка этого письма 23-го сентября невѣрна: письмо писано гораздо позже.

Въ ноябрѣ было получено изъ Брауншвейга письмо въ отвѣтъ на извѣстіе о кончинѣ принцессы. По этому поводу Храповицкій въ своемъ дневникѣ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, проливающее свѣтъ на житье-бытье принцессы въ Эстляндіи. Онъ пишетъ:

---

[1]) Полиціймейстеру.

[2]) «Дневникъ Храповицкаго», 158 и 159.

[3]) «Дневникъ Храповицкаго», 170.

«Спрошенъ послѣ обѣда для отправленія курьера къ Польману съ тѣмъ, дабы онъ, по желанію родителей покойной принцессы, прислалъ обстоятельное описаніе о всемъ, относящемся къ болѣзни ея и рановременной смерти. Тутъ говорено объ обоюдной ихъ другъ къ другу привязанности, очень похожей на любовь. Вопросъ у меня (Храповицкій отвѣтилъ): здѣсь не слышно, развѣ были рѣчи въ тѣхъ мѣстахъ, кои ближе, и притомъ г-жа Вильдс знать должна (на это кажется Екатерина замѣтила): она не смѣетъ говорить и мнѣ только сказано, что когда онъ (Польманъ) не велитъ, то (принцесса) и гулять не поѣдетъ» [1]).

Значитъ, Екатерина считала возможнымъ, что Польманъ и принцесса полюбили другъ друга. Вопросъ о томъ, до чего доходила эта привязанность долженъ оставаться открытымъ. Далѣе можно спросить по поводу замѣтки въ дневникѣ Храповицкаго: почему такъ поздно, т. е. около двухъ мѣсяцевъ послѣ кончины принцессы и не раньше какъ послѣ выраженнаго родителями принцессы желанія было отправлено въ Брауншвейгъ подробное оффиціальное сообщеніе о ходѣ болѣзни принцессы? «Отъ Польмана полученное докторское описаніе для пересылки къ Феронсу [2]) къ вамъ посылаю», сказано въ запискѣ Екатерины къ графу Безбородкѣ, очевидно, относящейся къ осени 1788 года [3]).

Наконецъ, можетъ показаться страннымъ и то обстоятельство, что въ изданныхъ письмахъ Екатерины къ Гримму въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не говорится вовсе о «Зельмирѣ». Между тѣмъ, она писала письма въ сентябрѣ и октябрѣ, въ которыхъ говорится о разныхъ дѣлахъ, но о кончинѣ принцессы—ни слова. Но весьма вѣроятно, что не всѣ письма Екатерины къ Гримму, относящіяся къ этому времени, были изданы, тѣмъ болѣе, что замѣчанія о «Зельмирѣ» въ письмахъ Екатерины, писанныхъ въ 1789 году, заставляютъ думать, что о кончинѣ принцессы была рѣчь въ письмахъ, до насъ не дошедшихъ.

Въ письмѣ отъ 29-го января 1789 года сказано: «Образъ дѣйствій родителей Зельмиры въ отношеніи къ ней и ко мнѣ былъ неблагоразумнымъ и не откровеннымъ. Мать говорила ей въ нѣжномъ тонѣ, совѣтовала ей обращаться ко мнѣ, казалось, дѣйствовала совершенно на перекоръ волѣ отца, желала вникнуть въ его тайныя мысли; а далѣе мать критиковала и порицала поведеніе дочери; папаша дѣйствовалъ заодно съ мужемъ; мнѣ же онъ писалъ, что уже впередъ соглашается со всѣми совѣтами, которые я давала бы Зельмирѣ. Зельмира боялась вернуться къ родителямъ и не хотѣла промѣнять вѣрное на сомнительное. Зельмира не была

---

[1]) «Дневникъ Храповицкаго», 198.

[2]) Феронсъ былъ брауншвейгскимъ министромъ.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», XLII, 275.

бездарною и не была лишена нѣкоторой твердости; она могла настаивать на своемъ; она предполагала жить совершенно самостоятельно, въ Лоде она склонила всѣхъ лицъ, ее окружавшихъ, въ свою пользу».

Въ другомъ письмѣ [1]) сказано: «Повидимому г-ну Феронсу любопытно узнать, чтò я вамъ сказала о смерти Зельмиры [2]). Да чтòжъ я могла сказать, кромѣ того, что Зельмира умерла? Я послала ея отцу копію съ письма, которое мнѣ написалъ Польманъ. Г. Феронсъ просилъ фактотума [3]) сообщить мнѣніе докторовъ или описаніе ея смерти. Фактотумъ навѣдывался въ Лоде. Докторъ сказалъ, что Зельмира нѣсколько разъ посылала за нимъ, чтобъ посовѣтоваться насчетъ здоровья, что онъ ей приготовлялъ лекарства отъ той болѣзни, отъ которой она умерла, что его не было при ней въ минуту смерти: за нимъ послали, но она уже умерла, такъ какъ болѣзнь продолжалась всего нѣсколько часовъ. Теперь папенька хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ постарался спасти для внучатъ то немногое, чтò осталось послѣ Зельмиры, т. е. 40 или 50 тысячъ рублей и бриліанты. Грубіанъ требуетъ, чтобы все отдали ему, а тогда дѣтямъ не видать ни гроша, потому что онъ дырявый мѣшокъ и по уши въ долгахъ» [4]).

Какъ видно, императрица была весьма недовольна не только принцемъ виртембергскимъ, но и родителями «Зельмиры». Еще въ сентябрѣ 1790 года она вспоминала о неблаговидномъ образѣ дѣйствій герцога Брауншвейгскаго въ дѣлѣ «Зельмиры» [5]). Мы видѣли выше, что въ декабрѣ 1786 года, когда принцесса ушла отъ мужа, Екатерина тотчасъ же отправила курьера въ Брауншвейгъ для сообщенія родителямъ о случившемся. Въ 1788 году она, какъ кажется, не спѣшила извѣщеніемъ герцога и герцогини о кончинѣ ихъ дочери. Очевидно ея отношенія къ Брауншвейгцамъ были нѣсколько натянутыми. Впрочемъ, въ началѣ 1789 года, она отправила въ Брауншвейгъ особеннаго димпломатическаго агента, князя Путятина, который затѣмъ доносилъ изъ Дрездена, 23-го мая (3-го іюня) 1789 года, слѣдующее:

«Вашимъ императорскимъ величествомъ всевысочайше ввѣренное мнѣ порученіе имѣлъ я счастіе исполнить точно по высоко-

---

[1]) Г. Гротъ, издавая письма Екатерины къ Гримму, очевидно по ошибкѣ, отнесъ это письмо къ 24 января 1890 года, между тѣмъ какъ оно писано годомъ раньше. Есть и другой случай такой же ошибки въ изданіи этихъ писемъ: см. стр. 128, гдѣ очевидно напечатано письмо, относящееся не къ 1779, а къ 1780 году.

[2]) Подтвержденіе нашего предположенія, что въ другихъ, не дошедшихъ до насъ, письмахъ говорится о кончинѣ принцессы.

[3]) Безбородко.

[4]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 472, 479.

[5]) Тамъ же, 495.

монаршей вашей волѣ. Взявъ путь мой на Гамбургъ, чтобъ на прямой дорогѣ къ Дрездену проѣхать чрезъ Брауншвейгъ, расчислилъ я представиться ко двору сему тогда, когда владѣющій герцогъ былъ отсутственъ, занимаясь въ Магдебургѣ смотрами войскъ прусскихъ. А потому и имѣлъ я удобнѣйшій случай вручить владѣющей герцогинѣ оба пакета, съ надлежащею осторожностью. Чувствительность, съ коею ея свѣтлость ихъ приняла, была чрезмѣрна: по прочтеніи же оныхъ старалась герцогиня, обращаясь непремѣнно ко мнѣ одному, изъяснить признательность и благодарность ея къ вашему императорскому величеству, кои казались быть совершенны, и тѣмъ несомнительнѣе справедливы, что, проистекая отъ истиннаго чувства, изъявляемы были просто и въ рѣчахъ многократно повторяемыхъ. При самомъ началѣ примѣтилъ я, что ея свѣтлость склонна была къ откровенному со мною объясненію и къ многому меня вопрошенію, почему (во-первыхъ, не имѣя повелѣнія касательно отвѣтовъ и объясненій, коибъ я могъ дѣлать; во-вторыхъ же, вѣдая откровенность и совершенную незакрытость герцогини противу владѣющаго герцога, а потому опасаясь дать себѣ видъ важнѣйшаго какого-либо политическаго порученія)—почелъ я за прямой мой долгъ ограничить себя точно и единственно въ моей комиссіи, состоящей въ отдачѣ пакетовъ, и для того при самомъ началѣ принужденъ былъ вымыслить и сказать, что, съ нѣсколькихъ лѣтъ, будучи весьма малое время въ Петербургѣ, едва имѣлъ я честь видѣть покойную герцогининю дочь и его свѣтлость бывшаго ея зятя. Но, не смотря на сіе, имѣлъ я длинный разговоръ съ герцогинею въ саду и наединѣ, въ продолженіе коего услышалъ я: 1-е, что ея свѣтлость истинно и совершенно благодарна вашему императорскому величеству, какъ за нее самое, такъ равно и за покойную дочь ея, и что высокомонаршей особѣ вашей наполнена герцогиня истинными чувствами высокоуваженія, приверженности и высокопочитанія; 2-е, что герцогиня, любя дочь свою, утѣшена, впрочемъ, совершенно тѣмъ, что̀ судьба участь покойной рѣшила; 3-е, что она сѣтуетъ весьма на его свѣтлость бывшаго ея зятя, считая его первѣйшею и, можетъ быть, единою причиною всего несчастія покойной ея дочери, вслѣдствіе чего негодуетъ она, что владѣющій герцогъ весьма безпокоенъ былъ касательно оставшихся его писемъ, почему она, герцогиня, весьма будетъ рада ему ихъ возвратить, свои же письма сожжетъ она, никому не показавъ; 5-е, изъ всѣхъ извѣстныхъ герцогинѣ обстоятельствъ страннѣе и непонятнѣе кажется ей то, что покойная дочь возненавидѣла приближенную и пріѣхавшую съ нею въ Россію женщину, и что, наконецъ, съ помощію господина Польмана, отвращеніемъ и холодностью принудила она женщину сію возвратиться въ Брауншвейгъ. Отозвавшись на сіе невѣдѣніемъ, коимъ предварительно и неизбѣжно оградить себя былъ я долженъ, за

долгъ однакожъ почелъ я примѣтить ея свѣтлости, что по мнѣнію моему въ обстоятельствѣ семъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо множество можетъ случиться причинъ и маловажныхъ, кои услугу приближенной женщины могутъ сдѣлать не только неугодною, но и тягостною», и пр. [1]).

Скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, что происходило въ Ревелѣ, Лоде и Гольденбекѣ, послѣ кончины принцессы. Свѣдѣнія сюда относящіяся отрывочны и не столько рѣшаютъ, сколько возбуждаютъ вопросы о причинахъ смерти принцессы.

Существуютъ слѣдующія дѣловыя бумаги. — Указомъ изъ Ревельскаго намѣстническаго правленія отъ 14-го октября 1788 г. на имя гольденбекскаго пробста Даля, предписывается послѣднему тѣло принцессы до воспослѣдованія подлежащаго высочайшаго повелѣнія поставить въ склепъ гольденбекской церкви и объ этомъ сообщить Польману. Далѣе найдено предложеніе графа Броуна ревельскому губернатору отъ 21-го февраля 1789 г., въ которомъ сказано, что нужно распорядиться о снесеніи устроенныхъ, вслѣдствіе предложенія отъ 1787 г. на дорогахъ, ведущихъ въ зàмокъ Лоде, заставъ и воротъ. Къ этому генералъ-губернаторъ присовокупляетъ, что если въ зàмкѣ еще остались какія-либо вещи покойной принцессы, то слѣдуетъ ихъ хранить подъ хорошимъ присмотромъ. Изъ отвѣта губернатора, отъ 28 февраля 1789 г., видно, что принадлежащія къ зàмку Лоде имѣнія попрежнему находились въ распоряженіи Польмана, что послѣдній нѣкоторыя вещи, принадлежавшія принцессѣ, отправилъ въ Петербургъ и что еще въ послѣднее время къ нему было отправлено нѣсколько курьеровъ. Въ чемъ именно заключались эти пересылки между Лоде и Петербургомъ, мы не знаемъ [2]).

О могилѣ принцессы г. Бартеневъ, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Гольденбекѣ, сообщаетъ слѣдующее. «Такъ какъ предполагалось, что родители можетъ быть захотятъ перевезти къ себѣ въ Брауншвейгъ останки Августы, то настоящихъ похоронъ не было, и «Зельмира» предана землѣ лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда подросли ея дѣти. Она положена въ самой срединѣ гольденбекской кирки. Надъ нею очень грубая каменная и тяжелая плита, обведенная довольно высокою, но самою простою желѣзною рѣшеткою. На плитѣ читаемъ: «Hic jacet in pace Augusta Carolina Eridérica Luisa, Ducis Brunsvicensis Guelfibytani (?) Freia, Eriderici Guilelmi Caroli Ducis Wurtembergensis et supremi Praefecti Wiburgensis. Mata d. III. Dec. MDCCLXIV. Denata d. XVI. Sept. MDCCLXXXVIII».

Г. Бартеневъ далѣе замѣчаетъ: «Процессъ Раксаля былъ вѣ-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1879, I, 112—115.
[2]) «Русскій Архивъ», 1888, I, 14.

роятно поводомъ къ тому, что сынъ принцессы испросилъ у своего шурина императора Александра позволеніе произвести разслѣдованіе на мѣстѣ. Что̀ тутъ было найдено, намъ неизвѣстно, но гораздо позднѣе, уже въ наши дни, потребовалось слѣдать поправки въ полу гольденбекской церкви, который весь устланъ надгробіями. По настоянію барона Пиллара вскрытъ былъ гробъ принцессы, и присутствовавшій при этомъ тогдашній кистеръ сказывалъ намъ, что кости лежатъ правильно, а не навзничь; но тамъ гдѣ былъ животъ, находятся маленькій черепъ и младенческія косточки» [1]).

Что̀ было найдено въ 1819 году, когда по просьбѣ короля Виртембергскаго состоялось погребеніе принцессы, извѣстно въ подробностяхъ. Очень недавно былъ напечатанъ протоколъ, составленный при этомъ случаѣ [2]) судебнымъ слѣдователемъ Ренненкампфомъ, пасторомъ Шульцомъ и титулярнымъ совѣтникомъ Гольцомъ (Holtz) 10—13 ноября 1819 года. Эти три лица, вмѣстѣ со столяромъ Буттенгофомъ, которому подъ присягою было вмѣнено въ обязанность никому не говорить ни слова о томъ, что̀ онъ могъ бы увидѣть при этомъ случаѣ, вскрыли склепъ, въ которомъ находился сильно поврежденный гробъ принцессы. По снятіи крыши гроба оказалось, что скелетъ находился въ обыкновенномъ положеніи. Не было найдено никакихъ слѣдовъ младенческаго скелета. Была вырыта могила для гроба въ срединѣ церкви. 7-го декабря 1819 года происходила церемонія погребенія праха принцессы въ этой могилѣ.

Профессоръ М. лѣтомъ 1888 г. посѣтилъ гольденбекскую церковь. Ему сообщили, что очень недавно по случаю ремонта церкви была вскрыта могила принцессы, и гроба въ ней не оказалось. Какимъ образомъ и когда состоялось перемѣщеніе останковъ Августы въ другое мѣсто, мы не знаемъ.

Такова исторія «Зельмиры». Можно сожалѣть, что нѣкоторые историческіе матеріалы, которые могли бы пролить еще болѣе яркій свѣтъ на эпизодъ пребыванія принцессы въ Эстляндіи и на ея кончину, остаются пока неизвѣстными. Такъ, напр., мы не имѣемъ переписки императрицы съ принцессою; изъ переписки Екатерины съ Польманомъ имѣются лишь немногія письма. Переписка Екатерины съ Гриммомъ очевидно представляетъ собою пробѣлы. Мы не знаемъ ничего о докторѣ, находившемся при Августѣ въ послѣднее время ея жизни, не имѣемъ также описанія ея болѣзни, о которомъ говорится въ приведенныхъ выше документахъ и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя данныя, относящіяся

[1]) «Русскій Архивъ», 1888, I, 15.

[2]) См. статью «Das geheimnissvolle grab in der Kirche zu Goldenbeck», въ сборникѣ «Deutsch-protestantisch Kämpfe in den baltischen Provinzen Russlands». Leipzig. 1888, стр. 85—90.

къ исторіи «Зельмиры» находятся въ архивахъ русскомъ, браун-швейгскомъ и виртэмбергскомъ [1]).

Не смотря, однако, на эти пробѣлы въ историческомъ матеріалѣ, мы все же располагаемъ безпорно достаточными данными для того, чтобы рѣшить вопросъ: заслуживаютъ ли довѣрія вышеупомянутые слухи о какомъ-то ужасномъ преступленіи, яко бы совершенномъ Екатериною надъ принцессою? Сопоставивъ всѣ находившіяся въ нашемъ распоряженіи данныя для исторіи несчастной принцессы, мы приходимъ къ заключенію, что разсказы о ея насильственной смерти, благодаря современнымъ документальнымъ свидѣтельствамъ, оказываются бо̀льшею частью лишенными основанія, и что вопросъ о преступленіи Польмана долженъ оставаться открытымъ. Менѣе всего послѣ сообщенія вышеприведенныхъ данныхъ такое подозрѣніе можетъ относиться къ императрицѣ Екатеринѣ II.

А. Брикнеръ.

[1]) См. «Русскій Архивъ», 1888, I, 1.

ВЪ ДЕРЕВНѢ НА ЮГО-ЗАПАДѢ ВЪ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДАХЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

РОДИЛСЯ въ деревнѣ Писаревкѣ, Волынской губерніи, Староконстантиновскаго уѣзда. Отецъ мой, прослуживъ около тридцати лѣтъ, вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника и поселился въ купленномъ у генерала польскихъ войскъ Подгороденскаго имѣніи, гдѣ я увидѣлъ въ первый разъ свѣтъ. Мы происходили изъ дворянъ Костромской губерніи, а мать моя, урожденная Кохановская, была дочерью мѣстнаго предводителя, владѣвшаго тысячью душами. Въ Писаревкѣ было двѣсти четырнадцать душъ мужскаго пола; имѣніе было куплено за восемнадцать тысячъ рублей. Хозяйство велось трехъ-польное, въ каждой изъ трехъ смѣнъ было по двѣсти морговъ земли,—счета на десятины тогда въ Юго-Западномъ краѣ не знали. Озимое поле по преимуществу засѣвалось пшеницей, родившей, безъ всякаго удобренія, иногда и самъ двадцать. Спустя два-три года куплена была отцомъ и другая деревня, Индыки, въ пяти верстахъ отъ Писаревки, гдѣ было сто шестьдесятъ душъ. Въ Писаревкѣ былъ винокуренный заводъ, содержалась тысяча испанскихъ овецъ, и заведена была суконная фабрика, на которой, кромѣ десятка нѣмцевъ, работало шестьдесятъ человѣкъ обоего пола, своихъ крестьянъ. Въ 1838 г. фабрика сдана въ аренду, чуть ли не первому, въ Юго-Западномъ краѣ, интелигентному еврею Беру. Онъ одѣвался въ короткое платье, читалъ газеты, знакомъ былъ съ нѣмецкой литературой, ѣлъ трефное, курилъ въ шабасъ; послѣднее, впрочемъ, онъ дѣлалъ очень секретно, такъ какъ при господствовавшемъ тогда между евреями фанатизмѣ, за эту провинность противъ вѣры можно было жестоко поплатиться. Кресть-

яне дѣлились на три разряда: паровыхъ и поединековъ, работавшихъ съ собственнымъ скотомъ, и пѣшаковъ, у которыхъ скота не было. Оброчныя статьи, т. е. питейный домъ и мельницы, водяную и вѣтряную, содержалъ старый еврей Хаимъ, жившій съ своей огромной семьей въ старой, деревянной корчмѣ, крытой соломою, почернѣвшей и обросшей зеленымъ мохомъ.

Помѣщики вели тогда въ деревнѣ жизнь изобильную и далеко не скучную, а для насъ дѣтей, самыми радостными въ году днями были зажинки, т. е. первый, и обжинки послѣдній день жатвы озимаго хлѣба, празднуемые обыкновенно съ большою торжественностью. Въ эти дни всѣ крестьяне работали не въ счетъ установленнаго количества дней (что носило названіе толоки) и получали угощеніе отъ помѣщика. Въ полдень высылался имъ хлѣбъ, творогъ, пироги, водка, огурцы, по окончаніи работы всѣ жители села являлись къ помѣщику, на обширномъ дворѣ котораго, возлѣ барскаго дома, разставляли столы съ угощеніями, напитками, и начинался пиръ, продолжавшійся иногда далеко за полночь.

Пиръ въ день обжинокъ обыкновенно начинался вечеромъ, слѣдующею церемоніей: бабы, окончивъ работу, плели два вѣнка: одинъ изъ пшеничныхъ колосьевъ, другой изъ ржаныхъ, потомъ выбирались двѣ самыя красивыя и бойкія дѣвки, на нихъ надѣвали эти вѣнки и, затѣмъ, всѣ, съ громкими пѣснями, большой гурьбой шли съ поля къ помѣщику. Мы, дѣти, стоя на крыльцѣ дома, въ торжественномъ настроеніи духа, съ нетерпѣніемъ ожидали веселую процессію. Вотъ, вѣтеръ доноситъ, наконецъ, до насъ звуки малороссійской пѣсни, не смотря на радость и торжество, все-таки унылой. Но какъ нарочно, вѣтеръ на минуту утихаетъ и опять ничего не слышно. Однакожъ, не проходитъ и двухъ минутъ, кажущихся вѣчностью, и всѣ сомнѣнія исчезаютъ; не смотря на сумерки, мы ясно видимъ, что изъ-за корчмы, стоящей на углу улицы, двигается большая толпа, а пѣсня льется уже широкой волной, и приводитъ насъ въ восторгъ и умиленіе. Войдя во дворъ, толпа устанавливалась въ слѣдующемъ порядкѣ; на первомъ планѣ стояли увѣнчанныя колосьями дѣвки, позади ихъ жены самыхъ почетныхъ въ селѣ крестьянъ паровыхъ, по сторонамъ ихъ мужья, а за ними остальные. Тогда появлялись на крыльцѣ отецъ и мать и принимали поздравленія. Снимать съ головы дѣвокъ вѣнки и вручать имъ по рублю, предоставлялось брату и мнѣ, что доставляло намъ не малое удовольствіе; потомъ начиналось угощеніе, которымъ занимались экономъ, т. е. управляющій, экономическій писарь, старый Хаимъ и старшіе дворовые люди. Выпивали ведеръ двадцать водки, бочки двѣ пива, столько же яблочнаго и грушеваго квасу. Закусывали хлѣбомъ, кнышами съ лукомъ, баранками, творогомъ, квашеными огурцами и капустой. Бабъ и дѣвокъ подчивали гру-

шами, яблоками и сливами, собственнаго фруктоваго сада. Раздавали также бисеръ и красныя ленточки, а дѣтямъ мѣдные крестики. Обжинки были единственнымъ въ году днемъ, когда, въ урожайный годъ, довольные благопріятнымъ и успѣшнымъ окончаніемъ жатвы, помѣщики становились въ нѣсколько болѣе фамильярныя отношенія съ своими крестьянами.

Покойнаго отца крестьяне вообще любили и называли добрымъ паномъ. При его жизни я совсѣмъ не помню у насъ наказанія розгами, или какихъ бы то ни было истязаній.

Память моя достигаетъ очень ранняго дѣтства и я хорошо помню страшный не урожай 1834 года. У не богатыхъ и не запасливыхъ помѣщиковъ люди даже умирали съ голода. У сосѣда нашего, Василевскаго, въ селѣ Глибкахъ, появился тифъ и умерло болѣе пятидесяти душъ. Продавали жемчугъ, серебро, турецкія шали, чтобы купить хлѣба, но и за большія деньги трудно было его достать. Я очень хорошо помню, какъ въ одно лѣтнее, солнечное, воскресное утро, раздались радостные возгласы во всей деревни, при вѣсти, что помѣщикомъ раздобыто гдѣ-то въ Дубенскомъ уѣздѣ двѣ повозки ржи. Не смотря на праздничный день, рожь немедленно была отправлена на мельницу и въ слѣдующее утро я видѣлъ около сотни громадныхъ, горячихъ еще хлѣбовъ; ихъ разрѣзывали по поламъ, паръ валилъ изъ нихъ, и хлѣбъ раздавали голоднымъ семьямъ. Цѣловали тогда руки, кланялись въ ноги, крестились и благословляли добраго помѣщика, а спустя не много времени, жали уже жито, и страшному бѣдствію наступилъ конецъ. Вѣроятно, этотъ неурожай навелъ правительство на мысль завести сельскіе, запасные хлѣбные магазины, устроенные кажется въ 1836 году. Смотрителя этихъ магазиновъ выбирались изъ помѣщиковъ; первымъ былъ у насъ дядя мой Александръ Александровичъ Кохановскій. Русскихъ помѣщиковъ было тогда очень мало: въ нашемъ уѣздѣ жили полковникъ Королевъ, Аксюкъ, Чигринецъ, въ сосѣднемъ Заславскомъ: Нартовъ, Овсяный, — вотъ и всѣ, которыхъ я помню. Значительно позднѣе поселился въ мѣстечкѣ Красиловѣ отставной полковникъ гвардіи Чорба, женатый на владѣлицѣ этого мѣстечка княжнѣ Сапѣга. У ея отца, князя Януша Сапѣги, было тридцать тысячъ душъ, но, живя постоянно за границей, онъ прожилъ все почти имѣніе. Русскіе съ польскими помѣщиками жили дружно; у насъ бывалъ весь уѣздъ, хотя отецъ до самой смерти не говорилъ ни слова по-польски. Изъ поляковъ ближайшими сосѣдями были родители моей матери, дядя Александръ, подольскій предводитель графъ Пржездецкій, крестный отецъ покойнаго брата, Іодко, очень богатый человѣкъ, графъ Комаровскій, у котораго было семь взрослыхъ дѣвицъ дочерей и восьмая замужемъ за генераломъ Пенхержевскимъ, Подгороденскіе Маріанъ и Евгеній, Василевскій и его сынъ Вицюсь, учившійся одно время у насъ въ

домѣ, наконецъ, страшный кутила, князь Мартынъ Сапѣга. Самымъ просвѣщеннымъ былъ Маріанъ Подгородонскій; самымъ чиновнымъ Пржездецкій (онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и имѣлъ двѣ звѣзды), богатымъ Іодко, плутоватымъ Василевскій, а гордымъ и не доступнымъ мой дѣдушка Кохановскій. Онъ держалъ себя какимъ-то божкомъ; дѣти и домашніе предъ нимъ благоговѣли, чуть не молились на него. Это былъ старикъ въ высшей степени щекотливый, нервный, и если, бывало, что̀-либо хоть немного задѣвало его самолюбіе, онъ важно уплывалъ въ свои апартаменты, не выходилъ потомъ изъ нихъ цѣлыя недѣли и читалъ бабушкѣ дни и ночи предлинныя нотаціи о томъ, что его недостаточно цѣнятъ и уважаютъ. Къ нему, въ это время, рѣшительно никого не пускали, а если и допустятъ кого изъ дѣтей, родныхъ, или гостей, то передъ этимъ долго внушаютъ, какъ нужно отвѣчать на вопросы, какъ держать себя, какъ поклониться, какъ приложиться къ ручкѣ, какъ сѣсть, куда смотрѣть и, Боже упаси, чтобы не кашлянуть или чихнуть, потому что это раздражало дѣдушку.

Къ намъ, въ Писаревку, на моей памяти, въ продолженіе десятка лѣтъ, дѣдушка пріѣзжалъ всего два раза. О днѣ пріѣзда извѣщалось за нѣсколько недѣль впередъ и сколько было тревоги, приготовленій, заботъ! Поправлялась дорога, мостки, готовились для пробы блюда, предположенныя къ столу въ этотъ день, а намъ дѣтямъ дѣлались репетиціи, какъ войти, на какомъ разстояніи поклониться, какъ держать руки, какое придать выраженіе лицу.

— А если я расхохочусь?—разъ, легкомысленно, во время репетицій, спросилъ я.

— Ну и высѣкутъ,—отвѣчала гувернатка сестеръ Шафинская и побѣжала къ матери доложить о моихъ словахъ. Мать появилась на порогѣ классной, гнѣвная, мрачная, долго измѣряла меня съ головы до ногъ взоромъ и потомъ грозно произнесла:

— Безъ обѣда!—и удалилась.

Моя выходка внушала родителямъ моимъ серьезное опасеніе, что, пожалуй, я надѣлаю какую-нибудь бѣду; но вышло совсѣмъ не такъ: за обѣдомъ, дѣдушка, скушавъ половину куриной котлетки, другую половину, въ знакъ особаго благоволѣнія, приказалъ дать мнѣ и меня одного при прощаніи погладилъ по головѣ, за что̀ я и былъ награжденъ отцомъ серебрянымъ рублемъ.

Оба визита дѣдушки сошли вполнѣ благополучно, такъ какъ на дорогѣ не оказалось ухабовъ, карета, запряженная шестерней съ форейторомъ и двумя лакеями на запяткахъ, катилась медленно, но плавно, гонецъ во время извѣстилъ, что экипажъ приближается и хозяева съ дѣтьми и домочадцами встрѣтили именитаго гостя на крыльцѣ, за обѣдомъ подавали любимыя дѣдушкой блюда и старое венгерское; разговоръ велся солидно, чинно, и никто не во время не кашлянулъ и не чихнулъ. При второмъ посѣщеніи слу-

чился впрочемъ казусъ, чуть-чуть не испортившій все дѣло: откуда ни возмись, никѣмъ незамѣченный вошелъ въ гостиную нашъ большой, пестрый котъ и, усѣвшись прямо противъ дѣдушки, началъ смотрѣть ему прямо въ глаза; бабушка вскрикнула, матушка ахнула, отецъ кинулся выгонять дерзкаго нахала, а дѣдушка такъ перепугался, что, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ, забывъ всю свою сановитость и важность, проворно вскочилъ съ ногами на диванъ. Когда котъ былъ унесенъ, минуты съ двѣ продолжалось гробовое томительное молчаніе; но вдругъ дѣдушка опустилъ на полъ ноги и продолжалъ прерванный разговоръ о политикѣ, т. е. о Донъ-Карлосѣ, воевавшемъ въ Испаніи, а потомъ, въ сотый разъ, вспоминалъ, какъ во время высочайшаго смотра въ 1818 году при селѣ Григоровкѣ, будучи предводителемъ, получилъ орденъ на шею, а бабушка на балѣ у владѣлицы Староконстантинова, графини Ржевуской, прошлась въ польскомъ съ императоромъ Александромъ I. Балъ этотъ обошелся графинѣ Ржевуской весьма дорого: онъ окончательно пошатнулъ ея дѣла; долги графини превышали стоимость имѣнія съ четырнадцатью тысячами душъ. Для разбора дѣлъ съ кредиторами высочайше назначена была комиссія, управлявшая имѣніемъ около тридцати лѣтъ. Не давно умершій въ Кіевѣ полковникъ Королевъ, нашъ сосѣдъ, былъ послѣднимъ предсѣдателемъ этой комиссіи.

Дядя Александръ хотя и вкусилъ немного отъ древа познанія въ Кременецкомъ лицеѣ, но былъ человѣкомъ мало интелигентнымъ; младшій дядя Евстафій, и тетка Емилія, вышли какими-то совсѣмъ неудачными. Можно было подумать, что въ этой семьѣ природа обезсилѣла, создавъ такую энергическую и буйную натуру, какой была моя мать, одаренная вдобавокъ умомъ, краснорѣчіемъ и даромъ убѣжденія.

Помѣщики вели жизнь разгульную, веселую, чиновники подражали имъ, ксендзы и уніаты тоже; одно только православное духовенство, загнанное, нищенствующее, вело труженическую жизнь, почти наровнѣ съ своими прихожанами-крестьянами. Хозяйствомъ и дѣлами занимались мало, книги и газеты читали рѣдко, больше охотились, плясали на балахъ и тянули водку и старое венгерское. Князь Мартынъ Сапѣга круглый годъ разъѣзжалъ: то на балъ, то на охоту, съ охоты на ярмарку, и опять на балъ и на охоту. Во всемъ околоткѣ выписывалось только четыре газеты—три польскія: дѣдушкой, Маріаномъ Подгороденскимъ и графомъ Пржездецкимъ, и одна русская «Сѣверная Пчела» получалась нами и вдобавокъ «Библіотека для Чтенія». У графа Бурковскаго была библіотека, но въ ней не было ни одной книги, а только стояли шкафы, а въ нихъ за стекломъ, разставлены были деревянныя колодки, на подобіе книгъ, съ золоченными буквами на корешкахъ.

У насъ также два раза въ годъ бывали балы: въ именины отца и матери, въ мартѣ и въ октябрѣ. Балы эти были сопряжены съ большими хлопотами, расходами и безпокойствомъ. Приготовлялись за недѣлю впередъ, тратились, а въ то же время опасались, что такъ какъ именины приходились осенью, и ранней весной, во время распутицы, то гости пожалуй не съѣдутся и выйдетъ скандалъ. Приглашать гостей считалось не приличнымъ, а только распускался слухъ, что въ день именинъ будутъ дома и милости просятъ пожаловать кому угодно. Въ дѣйствительности скандала никогда не случалось. Собиралось человѣкъ до полтораста помѣщиковъ, офицеровъ и старшихъ чиновниковъ. Мелкіе чиновники, простые шляхтичи, поповичи, никогда не дерзнули бы явиться къ помѣщикамъ, владѣющимъ ста душами и болѣе, т. е. настоящимъ помѣщикамъ, имѣвшимъ право голоса на выборахъ. Даже отставной поручикъ Чигринецъ, какъ очень мелкопомѣстный, четырнадцати-душевой, считалъ за большую честь, что его, все-таки офицера, принимали у насъ въ домѣ. Но на него смотрѣли свысока.

— Распорядись, братецъ,—бывало, въ день бала, говорилъ ему отецъ, и Чигринецъ усердно распоряжается и суетится съ большимъ рвеніемъ: бѣжитъ на конюшню посмотрѣть дали ли лошадямъ именитыхъ гостей овса, оттуда, по порученію матушки, въ кухню; хлопочетъ, чтобы за обѣдомъ аккуратно подавались блюда, досматриваетъ, чтобы гостямъ во время было подлито въ рюмки вино.

До бала, въ теченіе недѣли, чистили комнаты, шили дѣтямъ одежду, людямъ поправляли или дѣлали новыя ливреи, варили, жарили. Наканунѣ бала обыкновенно пріѣзжалъ изъ города Кременца кондитеръ и привозилъ конфекты, торты, сахарныя пирамиды, или корзины съ имитаціей фруктовъ для украшенія обѣденнаго стола. Онъ приготовлялъ также мороженное, оршадъ, лимонадъ и еще какіе-то шипучіе прохладительные напитки. Музыку, если она находилась вблизи, брали военную, если же не было ее, приглашали странствующихъ чеховъ, а въ крайнемъ случаѣ брали и еврейскихъ музыкантовъ. Графъ Пржездецкій своего оркестра, состоявшаго изъ пятидесяти человѣкъ, въ наемъ не отпускалъ. У дѣдушки тоже одно время была своя музыка, но ее распустили, когда я былъ еще очень маленькимъ.

Гости начинали съѣжаться часовъ съ десяти утра, а къ полудню дворъ былъ уже полонъ экипажей, а домъ гостей. Въ диванной, спальнѣ и дѣтскихъ, дамы и дѣвицы одѣваются; въ гостиной хозяева встрѣчаютъ новыхъ гостей; въ залѣ, биліардной и кабинетѣ отца мужчины передаютъ другъ другу новости, расхаживаютъ, курятъ. Въ числѣ ихъ находится также и восьмидесятилѣтній хорунжій Хоментовскій, послѣдній изъ могиканъ въ нашемъ околоткѣ, носившій еще польскій кунтушъ и жупанъ, съ атласнымъ вышитымъ серебромъ и шелкомъ поясомъ.

Къ тремъ часамъ всѣ уже въ сборѣ и кавалеры попарно съ дамами идутъ къ обѣденному столу. Ахъ да! я забылъ сказать, что мужчины обязательно перецѣловали уже ручки у всѣхъ присутствующихъ дамъ и дѣвицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. За большимъ столомъ въ залѣ сидятъ самые почетные гости, по одну сторону дамы, по другую мужчины. Разсаживая ихъ, хозяева въ извѣстной степени соблюдаютъ чинопочитаніе, обращая вниманіе на старшинство лѣтъ и общественное положеніе каждаго гостя. Менѣе знатные гости садятся за другими столами въ разныхъ комнатахъ и гдѣ попало. Обѣдъ тянется часа два и болѣе, такъ какъ блюдъ много, а между ними большіе промежутки. Пока-то разнесутъ, вымоютъ тарелки и блюда, принесутъ новыя! Половина прислуги уже пьяна. Хозяевамъ просто горе: мать раскраснѣется какъ пурпуръ, отецъ теряетъ терпѣніе и, обращаясь къ Чигринцу, еще разъ уныло произноситъ:

— Распорядись, братецъ!

Послѣ обѣда сейчасъ же начинались танцы. Шалей и котильоновъ уже не танцовали, а какъ и теперь, польскій, мазурку, вальсъ, голопъ, кадриль; полька вошла въ моду лишь въ концѣ сороковыхъ годовъ. Пока дѣвицы и молодыя дамы танцовали съ молодежью, пожилыя женщины сплетничали, а потомъ дремали, мужчины играли въ карты, по преимуществу въ ландскнехтъ, называвшійся у насъ діабелкомъ. Въ банкѣ случались цѣлыя горы ассигнацій, червонцевъ и пецовъ, т. е. полуимперіаловъ. Выигрывались и проигрывались большія суммы. Въ игрѣ учавствовалъ также и сосланный на жительство въ м. Красиловъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, извѣстный игрокъ Сельвестровичъ, но метать ему не позволяли. Этотъ аферистъ и фокусникъ сопровождалъ наши войска въ 1814 г. въ Парижъ и говорятъ, играя въ карты, ворочалъ милліонами. Сельвестровичъ игралъ на билліардѣ такъ искусно, что каждую партію выигрывалъ всегда сразу. Гости разъѣзжались на слѣдующій день со свѣтомъ, мать, проклиная ихъ въ душѣ, долго дѣлала отцу сцены, но, несмотря на это, и на слѣдующія именины у насъ опять бывалъ балъ. Со смертью отца балы прекратились. Дѣло ограничивалось именинными обѣдами, а потомъ чаемъ. Съѣзжалось не болѣе двухъ-трехъ десятковъ человѣкъ.

Въ административномъ мірѣ первымъ лицомъ въ уѣздѣ былъ служившій по выборамъ предводитель дворянства, потомъ тогда выбираемые уѣздный судья, засѣдатели и смотрители хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, а коронными капитанъ-исправникъ, ассесоры, стряпчій, доктора—уѣздный и городской, казначей и почтмейстеръ. Дѣла велись еще по литовскому статуту. Сводъ нашихъ законовъ введенъ былъ въ краѣ въ сороковыхъ годахъ. Казенные чиновники держали себя, по отношенію къ помѣщикамъ, осторожно,

сдержанно, а къ богатымъ и въ особенности знакомымъ съ губернаторомъ относились съ замѣтнымъ подобострастіемъ. Взяточничества было мало, такъ какъ выборные чиновники первенствовали и не допускали его. Оно завелось позднѣе. Правда, что исправнику, ассесорамъ, казначею и почтмейстеру посылались хлѣбъ, овесъ, сѣно, но это дѣлалось больше изъ любезности, или если случалось въ имѣніи чтò-либо исключительное: кто-нибудь утопится или повѣсится. Подати платили аккуратно, рекрутъ ставили исправно. Тутъ, со стороны помѣщиковъ, былъ полнѣйшій произволъ. За малѣйшую провинность, или просто по капризу, отдавали въ рекруты семейныхъ людей, оторвавъ отъ женъ и дѣтей. Это насильственное калѣченіе священныхъ узъ родства составляетъ самое темное пятно въ исторіи крѣпостничества. Бывало нежданно-негаданно врываются въ мирную семью панскіе гайдуки, хватаютъ, обезпамятѣвшаго отъ ужаса, одного изъ членовъ ея, и уводятъ, иногда навсегда, въ жертву любострастія или глупѣйшей фантазіи.

Къ евреямъ относились съ большимъ пренебреженіемъ. Говорили всѣмъ имъ, за исключеніемъ одного Бера, ты; изъ числа евреевъ уѣзда помѣщики сажали въ своемъ присутствіи только трехъ человѣкъ: Бера, очень богатаго тестя его Красносельскаго, и Іося Рубинштейна. У послѣдняго было болѣе двухъ сотъ тысячъ рублей, что составляло тогда огромныя деньги; но онъ ходилъ въ рваномъ кафтанѣ, въ грязной рубашкѣ и съ голою грудью. Извѣстный нашъ богачъ Эпштейнъ разбогатѣлъ позже. Этотъ чудакъ дрожалъ надъ каждою копейкой, ѣздилъ въ третьемъ классѣ, а когда этому удивлялись, то отвѣчалъ:

— Развѣ я виноватъ, что въ Россіи нѣтъ, какъ въ Германіи, четвертаго класса?

А въ то же время на общественныя дѣла, онъ, не задумываясь, жертвовалъ цѣлыя тысячи.

Еврейскихъ дѣтей отдавали въ кантонисты. Торговля гораздо болѣе чѣмъ теперь была въ рукахъ евреевъ. Дворяне считали постыднымъ торговать, крестьянамъ дѣлать это не дозволяли помѣщики; мѣщане торговали только волами и свиньями, а торговлей хлѣбомъ, виномъ, водкой, шерстью, краснымъ, галантерейнымъ и бакалейнымъ товарами, занимались одни евреи. Изъ христіанъ, я помню только три торговые дома: нѣмцы Шафнагель и Бросманъ продавали инструменты и предметы роскоши, первый въ Бердичевѣ, а второй въ Проскуровѣ, и въ Староконстантиновѣ русскіе купцы Григорій и Пантелей Журавлевы торговали мѣхами, мѣдью, красными и бакалейными товарами.

Изъ политическихъ событій края, въ тридцатыхъ годахъ, первое мѣсто, послѣ польскаго возстанія 1831 г., безъ сомнѣнія, занимаетъ открытый въ 1839 г. заговоръ Канарскаго. Къ нему при-

надлежало очень много лицъ, но директоръ канцеляріи генералъ-губернатора, Писаревъ, которому Бибиковъ вполнѣ довѣрялъ, какъ-то такъ устроилъ, что сосланы были относительно не многіе и то люди среднихъ состояній, богатые же, побывавъ въ Кіевѣ и посидѣвъ тутъ нѣкоторое время въ казематѣ, или на свободѣ, преспокойно возвращались потомъ домой. Изъ числа нашихъ знакомыхъ сосланы были только Маріанъ Подгороденскій и нѣкто Обнинскій, при арестѣ котораго мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ; оба молодые люди, хорошаго шляхетскаго рода, но не владѣвшіе имѣніями. Съ заговоромъ Канарскаго угасъ для поляковъ послѣдній лучъ надежды возстановить когда-либо свое владычество на юго-западѣ.

Хотя я былъ тогда еще очень малъ, но заговоръ Канарскаго мнѣ очень памятенъ, въ особенности по траги-комическому случаю съ Обнинскимъ, происходившему у моей бабушки уже послѣ кончины дѣдушки, умершаго въ 1838 г. Случай произошелъ въ обширномъ домѣ ея села Монекъ. Но прежде чѣмъ продолжать, я долженъ сказать нѣсколько словъ о бабушкѣ. Это была старушка маленькаго роста, полная, кругленькая, добродушная, гостепріимная, но безтактная и порядочно безтолковая. Съ нами она не важничила, какъ ея супругъ, а напротивъ фамиліарно разговаривала, играла въ карты, показывала картинки въ книгахъ, но толку не смыслила ни въ чемъ, до смѣшного. Бывало смотритъ она въ книгу, а видитъ Богъ знаетъ что̀: животныя, напримѣръ, ей представляются людьми, люди цвѣтами, а видъ города Невшателя она приняла однажды за человѣческія лица.

— Видишь какой старикъ, — говоритъ она мнѣ, указывая на изображеніе Нефшателя.

— Это, бабушка, не старикъ, — чуть не прыснувъ отъ смѣха, отвѣчалъ я.

— Старикъ, когда я говорю, что старикъ,—обидѣвшись возразила бабушка. — Смотри, вотъ носъ, — и она ткнула пальцемъ въ гору,—а вотъ борода, да и какая кудластая... и бабушкинъ палецъ направился къ изображеніямъ городскихъ строеній.

— А гдѣ глаза?—лукаво спрашиваю я.

Но бабушка и тутъ не потерялась, такъ какъ Невшательское озеро выручило ее. Я уже хорошо зналъ, что со старшими слѣдуетъ соблюдать политику и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, прикинулся, что повѣрилъ бабушкѣ.

Играть съ бабушкой въ карты было очень забавно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выгодно. Играли въ преферансъ, покупать никому не дозволялось, а всегда она сама покупала. Бывало объявитъ кто-нибудь семь, бабушка покупаетъ восемь, объявитъ десять, она сердится и провозглашаетъ:

— Десять! Какъ ты смѣешь спорить, если я покупаю!

А потомъ оказывается, что у нея нѣтъ и простой игры и она остается безъ пяти, но ремиза ни за что̀ не хочетъ ставить.

По окончаніи игры счетовъ не сводилось, а бабушка давала намъ по нѣсколько злотыхъ, и мы оставались очень довольными.

У старушки было много причудъ и всѣ одна другой потѣшнѣе. Вотъ разъ и случилось то, что̀ я хочу разсказать.

Проживъ съ десятокъ лѣтъ въ деревнѣ, покойный отецъ опять поступилъ на службу по гражданской части; онъ назначенъ былъ въ Варшаву на весьма видный постъ. Отецъ уѣхалъ раньше насъ, чтобы устроившись въ этомъ городѣ, перевезти тогда и семью, пока же мы гостили у бабушки. У нея, со смерти мужа, пошла страшная безалаберщина и домъ походилъ на гостинницу, въ которой постоянно жила цѣлая куча гостей болѣе изъ мелкопомѣстныхъ и приживальщиковъ. обоего пола. Всѣ они ѣли вдоволь, пили, веселились, сплетничали, то ссорились, то мирились, хозяйку дома въ ея отсутствіе бранили, а въ глаза льстили ей и при всякомъ удобномъ случаѣ обдирали. И на этотъ разъ въ домѣ находилось около двадцати душъ постороннихъ объѣдалъ и обирательницъ. Было лѣто, и гости помѣщались кто въ домѣ и во флигелѣ, а кто въ бесѣдкахъ въ саду и оранжереяхъ. Намъ отведены были двѣ лучшія въ домѣ комнаты изъ числа предназначенныхъ для гостей. Окна ихъ выходили въ садъ и расположены они были рядомъ съ большой залой, гдѣ стоялъ рояль. Я помню, что хотя намъ, дѣтямъ, обязательно было ложиться въ постель въ девять часовъ, но мнѣ обыкновенно долго не удавалось заснуть, такъ какъ мѣшали, то музыка и танцы въ залѣ, то пѣніе въ саду, продолжавшееся далеко за полночь. Въ одинъ прекрасный день, въ сумерки, когда всѣ были уже въ сборѣ въ залѣ, а я съ большимъ прискорбіемъ съ минуты на минуту ожидалъ, что меня ушлютъ въ дѣтскую, вдругъ, вдали, раздались звуки колокольчиковъ; все общество притихло и стало прислушиваться, притаивъ дыханіе. Это было какъ разъ во время самаго разгара арестовъ по дѣлу Канарскаго, а такъ какъ ѣздить съ колокольчиками дозволено было только полиціи, то не трудно было догадаться, что ѣдутъ непрошенные гости, притомъ же, если они, вопреки принятому этикету, катятъ въ помѣщичій домъ въ такую позднюю пору, то безъ сомнѣнія быть бѣдѣ.

— Они ѣдутъ за паномъ Обнинскимъ, — отозвался, наконецъ, кто-то.

— Да здравствуетъ отчизна! — воскликнулъ Обнинскій. — Радуюсь, что я за нее несчастную погибну!

Въ залѣ поднялся страшный переполохъ. Всѣ въ одинъ голосъ заговорили, совѣтовались, разсуждали, разумѣется безъ толку, а бабушка хотя также перепугалась, но ей въ то же время казалось

чѣмъ-то неестественнымъ, просто немыслимымъ, чтобы она, сама пани маршалкова, могла потерять резонъ. И вотъ, второпяхъ, она заговорила:

— Не бойся, панъ Обнинскій! Они не посмѣютъ сдѣлать тебѣ зла! Какъ! У меня въ домѣ! Въ моемъ присутствіи! Да развѣ я позволю!

— Не забудьте, пани маршалкова,—отозвался Обнинскій,—что это полиція, жандармы!

— Ну, такъ что̀ же что жандармы! А я развѣ уже не маршалкова? Не первое лицо въ уѣздѣ?

— Но что̀ же вы въ состояніи сдѣлать? — замѣтилъ кто-то.

— Какъ что̀?—въ большомъ азартѣ возразила бабушка.—Да я просто прогоню ихъ! Не пойдутъ! Ну, я стану вопить прямо къ небесамъ, жалуясь на такую несправедливость! На крышу полѣзу и стану оттуда кричать! Таки полѣзу! Лѣзу! Лѣзу уже!

И совсѣмъ растерявшись, сама не помня себя, бабушка раскраснѣлась, распѣтушилась и начала звать свою прислугу.

— Павелекъ! Михалекъ! Раманекъ! — что было мочи кричала она.—Сюда! Скорѣй! Бѣгите за мной! Давайте мнѣ лѣстницу, я на крышу полѣзу! Живѣй! За мной!

Цѣлая дюжина перепуганныхъ бабушкиныхъ лакеевъ гурьбой вбѣжали въ залу, а она, какъ ни удерживали ее, отъ большого волненія совсѣмъ потерявъ голову, никого не слушала и выбѣжала изъ дома. Услужливые же лакеи, исполняя приказъ своей пани, успѣли уже приставить лѣстницу къ стѣнѣ. И полѣзла бабушка, поддерживаемая приживальщиками и лакеями на крышу. Едва успѣла она туда добраться, какъ двѣ тройки вкатили во дворъ. На одной повозкѣ сидѣлъ капитанъ-исправникъ и ассесоръ, а на другой жандармы: офицеръ и солдатъ. Не трудно вообразить ихъ удивленіе при видѣ картины представшей предъ ихъ глазами: на обширномъ дворѣ, такъ какъ всѣ бывшіе въ домѣ выскочили, большая толпа, и всѣ смотрятъ на крышу дома, гдѣ сидитъ бочкообразная старуха, хозяйка дома, и что̀-то вопитъ.

«Св. Антоній! Юзефе свентый!» раздавалось съ крыши. Бабушка еще что̀-то громко кричала, жалуясь небу на несправедливость на землѣ, но ни тутъ, ни тамъ, никто не обращалъ уже на пани маршалкову вниманія. Пріѣхавшіе сошли съ повозокъ, исправникъ, указывая на крышу и ткнувъ себѣ пальцемъ въ лобъ, что̀-то проговорилъ жандармскому офицеру и тотъ усмѣхнулся. Взоры всѣхъ обратились къ пріѣзжимъ, а они втроемъ, жандармъ, исправникъ и ассесоръ, подошли прямо къ пану Обнинскому, что нужно было сказали ему, потомъ усадили его на одну изъ повозокъ, повернули оглобли и исчезли съ глазъ нашихъ. Только вѣтеръ, среди гробового молчанія, такъ какъ бабушка утихла, все слабѣе и слабѣе

доносилъ звуки удаляющихся колокольчиковъ. Слѣзла бабушка съ крыши, и потомъ долгое время всѣхъ увѣряла, что если, не смотря на всѣ ея мольбы, дошло до того, что какой-нибудь москаль-исправникъ старше маршалковой, то значитъ, что теперь нѣтъ уже правды не только на землѣ, но и у святыхъ угодниковъ на небесахъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, мы уѣхали въ Варшаву.

Н. Шигаринъ.

Она была очень красивая; большіе черные глаза, большая тяжелая черная коса, хотя и короткая еще, здоровыя, красныя, какъ кровь, губы, которыя она, совсѣмъ еще съ дѣтской привычкой, облизывала.

— Лидочка!—скажетъ ей бабушка и покачаетъ при этомъ головой.

А она улыбнется или и вовсе расхохочется.

— Бабушка, да онѣ сохнутъ у меня.

— Онѣ всегда у тебя будутъ сохнутъ, если ты ихъ лизать будешь.

— Вотъ какъ къ дѣтямъ передаются привычки,—говорила при этомъ бабушка:—ея мать, которую она едва ли даже и помнитъ—все облизывала губы.

Такою эта Лидочка намъ представилась въ этомъ году, когда бабушка въ первый разъ къ намъ пріѣхала и такой же точно, только еще больше полюбили, подружились съ ней, мы нашли ее и когда черезъ мѣсяцъ, объѣхавъ всѣхъ родныхъ, бабушка завернула на обратномъ пути «отдохнуть» къ намъ.

Бабушка съ Лидочкой уѣхали, и когда начали послѣ этого пріѣзжать къ намъ родственники, эта Лидочка не сходила у нихъ съ языка.

— Ну, Аграфена Ниловна успокоилась теперь, кажется:—нашла себѣ наслѣдницу.

— Непонятно только зачѣмъ она ее всюду съ собою таскаетъ? Это вызовъ съ ея стороны...

— Она, погодите, задастъ еще ей...

— Аграфена Ниловна, вотъ вы увидите, не только Большой Боръ, а и свое здѣшнее имѣніе ей же отдастъ.

И все въ этомъ родѣ. И опять начинались безконечные пересуды и доказательства того, что настоящихъ родственныхъ чувствъ у бабушки ни къ кому изъ своихъ родныхъ нѣтъ.

Осенью, мы, по обыкновенію, съ матушкой отправились на недѣлю къ бабушкѣ въ Большой Боръ, но тоже, по обыкновенію, прожили тамъ не одну недѣлю, а двѣ цѣлыхъ, если не больше. Опять мы цѣлыми днями проводили время съ Лидочкой, бѣгали, она насъ всюду водила, гдѣ мы прежде и не были, угощала насъ, объясняла намъ, чего мы не понимали или не знали въ ихъ отличномъ отъ нашего домашнемъ быту.

Короче, Лидочка сдѣлалась такимъ нашимъ другомъ, что когда потомъ пришлось намъ при отъѣздѣ разставаться, мы расплакались всѣ и въ томъ числѣ и сама Лидочка. Я какъ сейчасъ гляжу на нее: стоитъ, смотритъ; большіе, большіе сдѣлала глаза и все старается сморгнуть съ рѣсницъ слезы, а онѣ у нея все набѣгаютъ и капаютъ ей на щеки, крупныя, большія...

Мы такъ и разстались, повторяя все и ей и бабушкѣ, чтобы онѣ раньше пріѣзжали на будущій годъ къ намъ и дольше у насъ прогостили...

IV.

Въ эту зиму у насъ по какому-то случаю собралось много родственниковъ,—кажется, это было въ день именинъ отца,—жили, угощались нѣсколько дней, и такъ какъ никакихъ развлеченій, кромѣ картъ, ѣды и т. под. не было, то неиграющіе дамы и мужчины посвящали досуги длинныхъ зимнихъ вечеровъ обсужденію чужихъ дѣлъ, оцѣнивая достоинства и недостатки въ отсутствующихъ, однимъ словомъ, занимались обычными своими дѣлами. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, кто-то изъ родственниковъ такъ, какъ бы между прочимъ, замѣтилъ, что вотъ хорошо бы было женить дядю Яшу на бабушкиной Лидочкѣ. У дяди Яши, какъ ни противенъ онъ былъ, однакоже, особенно между родственницами, были и защитницы, и покровительницы, которыя ухитрялись видѣть въ немъ какую-то угнетенную невинность, жертву чуть не общей къ нему несправедливости и проч., и проч.

— Въ самомъ дѣлѣ, я со всѣмъ не понимаю, отчего ему на ней и не жениться?

Другіе возражали, что на это никогда и ни въ какомъ случаѣ не согласится бабушка, что объ этомъ и думать нечего.

— Почему это?

— Ну, какъ почему?

— То-то: почему?—настаивала одна родственница, особенно ненавидѣвшая и всегда злословившая про бабушку:—прежде всего кто это такая эта Лидочка? Какая-то Петрова, а Яковъ Дмитріевичъ все-таки хорошей фамиліи.

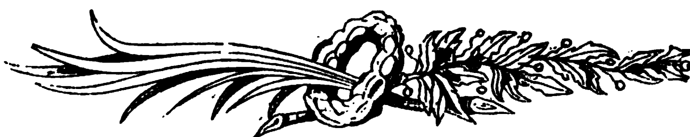
— Все равно, объ этомъ и рѣчи не можетъ быть, бабушка низачто не согласится за него выдать ее.

— А можетъ ея согласія никто и не спроситъ?.. Увидитъ эта Лидочка Якова Дмитріевича какъ слѣдуетъ, въ приличномъ видѣ—развѣ не можетъ онъ этого сдѣлать?—и влюбится въ него.

— Въ Якова Дмитріевича-то!..

— Да, и очень даже легко.

Это все говорилось при насъ съ сестрой, мы слушали это, удивлялись, и намъ было какъ-то даже страшно за Лидочку. А родственница разсуждала объ этомъ, какъ о совершенно возможномъ фактѣ, причемъ все удивлялась, что это другія находятъ въ этомъ страннаго. И какая можетъ быть рѣчь о томъ, что бы, если Яковъ Дмитріевичъ, этотъ родовитый баринъ, сдѣлаетъ честь, предложитъ руку какой-то бездомной Петровой, чтобы она не согласилась за него выйти? О согласіи бабушки на это она уже совсѣмъ умалчивала или отзывалась какъ-то иронически и зло.

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА[1].

(Псевдонимы: Дѣвица-Кавалеристъ, Александровъ).

1783—1866.

АКУЮ необычайную загадку въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во время прусской кампаніи, задала женщина, очутившаяся въ военномъ мундирѣ въ рядахъ русскихъ войскъ! Сколько было толковъ, споровъ, догадокъ, предположеній! Въ петербургскихъ аристократическихъ гостиныхъ только и говорилось, что о феноменальной женщинѣ, которая успѣла заслужить вниманіе начальства, какъ храбрый, неустрашимый воинъ. Дѣйствительные разсказы,—какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,—перемѣшивались рядомъ самыхъ невозможныхъ небылицъ... И чѣмъ запутаннѣе становилось истинное происшествіе, тѣмъ сильнѣе возбуждало интересъ и порождало желаніе

---

[1]) Вотъ чѣмъ я пользовалась при составленіи статьи: 1) Записки Н. А. Дуровой («Совр.» 1836 г., т. II); 2) Дѣвица-Кавалеристъ. Происшествіе въ Россіи. 2 ч. Изд. Иванъ Бутовскій, Спб. 1836 г.; 3) Разсказъ Елена Т—ская красавица—Александрова (Дурова) («В. д. Чт.», т. XXIII, 1837 г.); 4) Годъ жизни въ Петербургѣ или невыгоды третьяго посѣщенія. Соч. Александрова, Спб., 1838 г.; 5) Графъ Маврицкій — Александрова (Дѣвица Кавалеристъ) («В. д. Ч.», 1838 г., т. XXVII); 6) Гудишки. Романъ въ 4 ч. Соч. Александрова, 1839 г., Спб.; 7) Сѣрный Ключъ (черемисская повѣсть) Александрова («Сто русскихъ литераторовъ», т. I, 1839 г.); 8) Павильонъ — Александровъ («От. Зап.» 1839 г., т. I); 9) Кладъ. Соч. Александрова, Спб., 1840 г.; 10) Ярчукъ. Соч. Александрова, Спб., 1840 г.; 11) Уголъ. Соч. Александрова, Спб., 1840 г.; 12) Русскія женщины новаго времени, Д. Мордовцева, 1874 г., Спб.; 13) «Кіевск. Старина», 1886 г., февраль: «Изъ записной книжки» бар. Бюллера; 14) Записки Т. Пассекъ, II; 15) «Рус. Архивъ» 1872 г.. стр. 199: «Письма А. С. Пушкина къ Дуровой»; 16) «Ист. Вѣстникъ» 1888 г., февраль. «Кавалеристъ-Дѣвица и Дуровы» Елянова; 17) «В. д. Ч.» 1839 г., т. XXXV: Разборъ романа Гудишки; 18) «В. Д. Чт.» 1840 г., т. XLII: Разборъ

во что бы то ни стало узнать—кто она, эта необычайная женщина? Какъ ее имя? Но всѣмъ разнорѣчивымъ толкамъ и слухамъ пришлось найти въ обществѣ свое разрѣшеніе не раньше 1836 года: весь запутанный мотокъ сплетенъ и разсказовъ распуталъ наконецъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Онъ помѣстилъ во второмъ томѣ основаннаго имъ «Современника» отрывки изъ «Записокъ» Н. А. Дуровой, пояснивъ въ предисловіи, что авторъ есть та самая женщина, которая нѣкогда служила рядовымъ въ конно-польскомъ уланскомъ полку и которая надѣлала въ началѣ столѣтія такъ много шума. «Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины—говоритъ онъ въ предисловіи—столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы «Современника» отрывками изъ журнала, веденнаго ею въ 1812—1813 годахъ. Съ глубочайшей благодарностью спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ».

Можно себѣ представить, какой громадный интересъ должны были возбудить въ обществѣ «Записки»! Онѣ поднимали таинственную завѣсу, раскрывали загадку, открывали новый литературный талантъ, на который указывалъ самъ Пушкинъ. И «Записки» Н. А. Дуровой дѣйствительно имѣли необычайный успѣхъ. Пушкинъ предвидѣлъ это и потому сильно дорожилъ ихъ помѣщеніемъ въ «Современникѣ». Онъ боялся, чтобы цензура не помѣшала ихъ появленію. «Что «Записки» Дуровой? писалъ онъ женѣ,—пропущены ли цензурой? онѣ мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ». Онъ хотѣлъ даже взять на себя изданіе всѣхъ «Записокъ», но Надежда Андреевна не пожелала утруждать его, и безъ того заваленнаго всевозможной работой и своими хлопотами.

повѣстей—Уголъ, Кладъ и Ярчукъ; 19) Сочиненія П. А. Плетнева, т. II: Рецензія на «Годъ жизни въ Петербургѣ»; 20) «Вятскія Губернскія Вѣдомости» 1866 г., № 28: Надежда Андреевна Дурова—біографическій очеркъ; 21) Тамъ же № 40: Замѣтка о похоронахъ Надежды Андреевны Дуровой; 22) «Иллюстрированная Газета» В. Зотова, 1866 г.: некрологъ Дуровой (простая перепечатка изъ «Вятскихъ Вѣдомостей»); 23) «Вѣсть» 1866 г., № 35: О смерти Дуровой (опять перепечатка) и указъ объ отставкѣ штабъ-ротмистра Александрова-Дурова; 24) «Голосъ» 1863 г., № 346: «Къ біографіи Дѣвицы-Кавалеристъ». Сост. Н. Д. (должно быть—дядя Дуровой, братъ ея отца); 25) «Рус. Архивъ» 1872 г., стр. 2043: Дѣвица-Кавалеристъ; 26) Библіогр. Словарь русскихъ писательницъ, кн. Н. Н. Голицына; 27) Соч. Бѣлинскаго, т. III: О запискахъ Александрова (Дуровой); Тамъ же, т. IV: О Ярчукѣ; 29) Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, V: Предисловіе къ запискамъ Н. А. Дуровой и объявленіе о выходѣ ея книги; 30) Тамъ же, т. VII: Письмо къ Н. А. Дуровой; 31) Кавалеристъ-Дѣвица; Соч. Байдарова, 1887 г., Спб., изд. редакціи «Досугъ и Дѣло» (безцеремонная перепечатка «Записокъ» Дуровой съ кое-какими ничтожными прибавленіями). 32) Рукопись Н. В. Сушкова, хранящаяся въ Моск. Рум. М., № 1856.

«Отрывки» произвели эфектъ. Имя Дуровой облетѣло всю Россію, какъ пріятная разгадка, а въ литературѣ оно тотчасъ же заняло почетное мѣсто, которое остается за ней и до настоящаго времени. Ободренная словами великаго писателя: «Будьте смѣлы,— вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило»,—Дурова смѣнила саблю на перо и дала рядъ беллетристическихъ произведеній подъ псевдонимомъ то Александрова, то Дѣвицы-Кавалеристъ.

О ней, какъ о воинѣ, много писали, говорили, говорятъ и пишутъ и въ настоящее время, удивляются ея храбрости, отвагѣ, предпріимчивости, пересказываютъ на разные лады ея автобіографическія «Записки», внося въ нихъ иногда совсѣмъ ненужныя добавленія. Но до сихъ поръ нѣтъ ея хоть сколько-нибудь цѣльнаго литературнаго облика, который неменѣе интересенъ ея воинственной физіономіи. Какъ писательница, она представляетъ изъ себя замѣчательный самородокъ. Надежда Андреевна Дурова никогда нигдѣ не училась, а между тѣмъ ея перо удостоилось похвалъ не только всѣхъ рецензентовъ тогдашнихъ толстыхъ журналовъ,— ее хвалили П. А. Плетневъ, В. Г. Бѣлинскій, ее хвалилъ — какъ мы уже видѣли—самъ Пушкинъ. Несомнѣнно она стòитъ вниманія. И я, предварительно передавъ ея необычайное дѣтство, юность, сдѣлавъ при этомъ нѣкоторыя біографическія поправки, познакомлю читателей съ ея произведеніями и несомнѣнно выдающимся самороднымъ талантомъ.

I.

Родители Надежды Андреевны—Андрей Васильевичъ Дуровъ, легкоконный ротмистръ, и Марѳа Тимоѳеевна, урожденная Александровичъ, обвѣнчались тайкомъ, противъ воли родителей, въ одной изъ малороссійскихъ деревенскихъ церквей. Мать происходила изъ богатаго рода Александровичъ, у которыхъ было большое имѣніе въ Полтавской губерніи. Старикъ Александровичъ по доброй волѣ ни за чтò бы не выдалъ дочь за «москаля». Поэтому молодые послѣ свадьбы не осмѣлились вернуться въ домъ невѣсты, а проѣхали въ Кіевъ. Отсюда Марѳа Тимоѳеевна писала отцу, просила о прощеніи; но упрямый Александровичъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, и только впослѣдствіи, когда у молодой четы пошли дѣти, онъ смирилъ гнѣвъ, простилъ, и даже позволилъ дочери съ дѣтьми пріѣхать погостить въ Малороссію.

Походная жизнь со всѣми своими невзгодами встрѣтила молодую красавицу чуть не съ первыхъ дней замужства. Избалованная, изнѣженная, она сильно страдала отъ всѣхъ неизбѣжныхъ лишеній походной жизни, и съ каждымъ днемъ становилась капризна, раздражительна. Рожденіе перваго ребенка, появленіе ко-

тораго она ждала съ такимъ нетерпѣніемъ, тоже было ей не въ радость. Марѳа Тимоѳеевна хотѣла первенцемъ имѣть непремѣнно мальчика и вполнѣ была увѣрена, что родится мальчикъ. И вдругъ—ей подносятъ дѣвочку! да еще какую? неимовѣрной величины! То была Надежда Андреевна—будущая дѣвица-кавалеристъ, женщина-воинъ и писательница. Она родилась въ 1783 году [1]). Мать съ самой минуты рожденія не взлюбила дочь. За то она сдѣлалась любимицей отца. Онъ взялъ ее четырехъ мѣсяцевъ съ рукъ матери и передалъ на попеченіе фланговому гусару Ахматову. Ахматовъ сталъ ея нянькой, воспитателемъ, гувернанткой. Цѣлые дни онъ таскалъ ее на рукахъ, носилъ въ конюшню, сажалъ на лошадей... И дѣвочка, не умѣя еще ходить, дѣлается вполнѣ уже военнымъ ребенкомъ, дочерью полка,—ея окружаютъ всѣ впечатлѣнія воина,—сабли, ружья, пистолеты, становятся ея игрушками, военная музыка, утреннія, вечернія зори, нѣжатъ ея дѣтскій слухъ въ перемежку съ громкими криками: «эскадронъ! налѣво кругомъ, маршъ!» Дѣвочка такъ привыкаетъ къ этимъ звукамъ, что они дѣлаются ей пріятны, какъ привычная пѣсня няни, баюкающая слухъ въ раннемъ дѣтствѣ. Будучи четырехъ мѣсяцевъ, она уже испытала прелести походной жизни: отецъ изъ Кіева переходилъ съ полкомъ въ Херсонъ, за нимъ въ каретѣ слѣдовала и молодая семья. Ни куколъ, ни дѣтскихъ игръ, ни мирныхъ забавъ, не помнитъ Надежда Андреевна въ раннемъ дѣтствѣ. Ружья, пистолеты, лошади, гусаръ Ахматовъ—добрый, тихій солдатъ, ея нянька и воспитатель, — вотъ что̀ вспоминаетъ она изъ временъ дѣтства.

Семья Дуровыхъ между тѣмъ съ каждымъ годомъ увеличивалась, и отецъ увидѣлъ себя въ необходимости бросить военную службу и хлопотать о пріисканіи новаго мѣста. Съ этою цѣлью онъ поѣхалъ изъ Херсона въ Москву, а жену съ дѣтьми отправилъ пока въ Малороссію къ ея родственникамъ.

Въ концѣ 1789 года мы видимъ его уже въ Вятской губерніи, въ городѣ Сарапулѣ, на мѣстѣ городничаго. Сюда къ нему пріѣхала и жена съ дѣтьми. Старшей Надеждѣ Андреевнѣ минулъ уже седьмой годъ. Хотя теперь и былъ отставленъ отъ нея Ахматовъ—ея нянька-гусаръ,—но за то въ ней остались всѣ гусарскія привычки, манеры, симпатіи, вкусы. И говоритъ, и ходитъ, и держитъ себя дѣвочка какъ-то погусарски. Мать сильно огорчалась, глядя на грубыя манеры дочери; а она къ тому же и безъ того была сильно измучена жизнью—бѣдностью, походами, а впослѣд-

---

[1]) Въ «Словарѣ русскихъ писательницъ», кн. Голицына, почему-то годъ рожденія показанъ 1790 (и мѣсто рожденія—Херсонъ?); я же указываю на 1783 на основаніи выписки изъ метрическихъ книгъ, гдѣ помѣчено, что въ 1801 году Надеждѣ Андреевнѣ было 18 лѣтъ («Ист. Вѣстн.», 1888, февраль, стр. 414).

ствіи и личными невзгодами. Ея мужъ мало далъ женѣ отдыха и счастья. Понятно, все это могло переполнить жизнь бѣдной женщины непосильнымъ горемъ и еще больше усилить раздражительность. И, вмѣсто кротости, которая одна, можетъ быть, была бы въ силахъ обуздать мужскіе, грубые, военные порывы дѣвочки, воспитанной среди лагерной жизни,—она обходилась съ дочерью строго, сурово, бранила дѣвочку, жаловалась отцу, даже била ее. Какого труда стоило ей бывало усадить непослушную дѣвочку за вязанье, шитье или книгу, а только отвернется—Надежды Андреевны и слѣдъ простылъ: она скрывалась куда-нибудь въ глубину сада, гдѣ хранилось изломанное, старое ружье, заржавѣвшій пистолетъ, лукъ, стрѣлы... и предавалась тамъ своимъ любимымъ занятіямъ: стрѣльбѣ, выкидыванію ружьемъ разныхъ артикуловъ... Ее поймаютъ, приведутъ, накажутъ; но это нисколько не помѣшаетъ ей завтра повторить то же самое. И опять побои, брань, крикъ, преслѣдуютъ странныя наклонности дѣвочки. Не успѣетъ мать прекратить одну шалость, какъ какая-нибудь изъ сѣнныхъ дѣвушекъ уже шепчетъ на ухо, что барышня выкидываетъ новую проказу: ложится спать по ночамъ нераздѣтая. И матери опять новая забота. Чтобы узнать, какія еще затѣи придумала Надежда, она не спитъ ночь. И дѣвушка, и мать караулятъ несносную проказницу. А дѣвочка, въ простотѣ душевной, приподнялась на кровати, оглядѣлась кругомъ—все тихо. «Слава Богу—спятъ». Осторожно пробралась на цыпочкахъ до двери, а тамъ одна секунда, и она на дворѣ. Дѣвушка вслѣдъ за нею бросается къ барынѣ въ спальню съ докладомъ. Барыня на босу ногу бѣжитъ въ сѣни, на дворъ, и... Но она не вѣритъ себѣ!.. Ея дочь, ея Надежда, на глазахъ у нея выводитъ изъ конюшни страшнаго черкесскаго жеребца Алкида, того самаго, который такъ необузданъ и горячъ, что даже самъ отецъ, опытный наѣздникъ, и тотъ садится на него не безъ опаски. А Надежда преспокойно выводитъ его подъ уздцы, смѣло ведетъ своей дѣтской ручонкой, словно какую игрушку. Мать готова вскрикнуть при видѣ такой картины, но удерживается: она принимаетъ Надежду Андреевну за сомнамбулистку и боится, какъ бы крикомъ не напугать ее,—и спѣшитъ скорѣе разсказать все мужу, позвать его, пусть самъ любуется...

Нечего говорить, какъ сильно досталось дѣвочкѣ за ея воинственныя проказы. Слѣдствіемъ такого событія былъ ея невольный отъѣздъ въ Малороссію къ бабушкѣ Александровичъ: мать не захотѣла больше держать при себѣ несносную дѣвочку. Надеждѣ Андреевнѣ въ это время было тринадцать лѣтъ. Года три провела она у родственниковъ матери, сперва въ чопорномъ домѣ бабушки, дѣда уже не было въ живыхъ, потомъ у тетки Значко-Яворской, близь города Дубно. И тамъ, и тутъ, ей давали полную свободу—бѣгать, играть, читать,—но Боже сохрани ѣздить верхомъ,

или стрѣлять изъ ружья, объ этомъ нельзя было и помыслить, да и самая обстановка въ домѣ богатыхъ родственниковъ была такъ далека отъ казармъ и военщины, что дѣвочка сама начала мало-по-малу отвыкать отъ всѣхъ прежнихъ забавъ. Когда же она поселилась у тетки Значко-Яворской, то въ душу ея стали закрадываться совсѣмъ иныя радости. Тетка понемногу указывала ей на иныя стороны въ жизни женщины. Прежде всего стала сводить загаръ съ ея дѣтскаго, загрубѣлаго личика; стала красиво, со вкусомъ, одѣвать племянницу, вывозить къ сосѣдямъ на вечера, у себя дома устроивать балы. И понемногу въ дочери-полка начала просыпаться женщина. Она охотно стала принимать заботы тетки о своемъ костюмѣ, стала интересоваться нарядами, съ удовольствіемъ ѣздить въ гости. И изъ нея понемногу складывалась дѣйствительно молоденькая дѣвушка, хотя, правда, не особенно красивая. «Лицо мое,—писала она въ «Запискахъ,—было испорчено оспою, черты неправильны, а безпрестанное угнетеніе свободы и строгость обращенія матери, а иногда и жестокость, напечатлѣли на физіономіи моей выраженіе страха и печали».

Но то было еще въ тринадцать лѣтъ, когда она жила дома, теперь же ей минуло шестнадцать. А какая дѣвушка не красива въ шестнадцать лѣтъ? Привлекательна была въ эти годы, въ особенности при извѣстномъ уходѣ за собой, и Надежда Андреевна. За ней началъ ухаживать сынъ помѣщицы Кирьяковой. Онъ пожимаетъ ей руку, кидаетъ на нее любовные взгляды. Дѣвушка отвѣчаетъ тѣмъ же. Въ одно изъ воскресеній, въ церкви, за обѣдней, она такъ увлеклась при встрѣчѣ съ молодымъ человѣкомъ, что забыла о зоркомъ взглядѣ тетки, и у нея на глазахъ сняла съ себя кольцо и отдала Кирьякову.

Тетка, снисходительно и терпѣливо отучавшая дѣвочку отъ грубыхъ гусарскихъ манеръ, готовая хоть каждую ночь собственноручно натирать ея лицо яичнымъ желткомъ или сывороткой, чтобы сдѣлать ея кожу нѣжной и свести загаръ съ загрубѣлаго лица, была не въ силахъ простить легкость поведенія племянницы—и притомъ у себя на глазахъ!.. Послѣ этого событія, она рѣшила не оставлять племянницы ни минуты въ своемъ домѣ, и сдѣлавъ ей строгій выговоръ, отвезла Надежду Андреевну назадъ къ бабушкѣ... Тамъ, безъ сомнѣнія, ее ждалъ вторичный выговоръ и навѣрно еще болѣе строгій... Богъ вѣдаетъ, какъ приняла бы она это новое стѣсненіе свободы, если бы не случайность, заставившая ее почти тотчасъ покинуть Малороссійскій край, гдѣ она успѣла отвыкнуть отъ грубыхъ казарменныхъ забавъ, гдѣ стала похожа не только по внѣшности, но и по развившимся привычкамъ—къ шитью, вязанью, чтенію, рисованью—на благовоспитанную дѣвушку, гдѣ, наконецъ, впервые узнала проблески женской любви. Но все это по возвращеніи домой должно было замереть на пер-

выхъ же порахъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ: мать совершенно неожиданно вызвала ее домой, въ родную семью—въ Сарапуль.

Какая странная судьба! Надеждѣ Андреевнѣ всего шестнадцать лѣтъ, а сколько мытарствъ, непріятностей, успѣла уже перенести она! сколько хлопотъ надѣлать другимъ! А все отчего? оттого, что ея природныя свойства и наклонности, нашедшія поддержку въ первоначальномъ воспитаніи, не укладывались въ рамку обыденной жизни. Ея свободолюбивая, независимая натура не хотѣла признавать никакихъ стѣсненій, никакихъ преградъ. Она рвала, разрушала ихъ, подобно стихіи, не поддаваясь никакимъ ограниченіямъ.

II.

Въ родной семьѣ и прежде было невесело, а теперь, послѣ Малороссіи, гдѣ не только люди, но и природа своимъ лазурнымъ небомъ, яснымъ солнцемъ, мягкою зеленью ласкала, веселила взоръ, теперь стало еще скучнѣе. Суровыя картины Камскихъ береговъ, съ своею темною хвоею, пронзительнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, совсѣмъ замораживали только-что было начавшее просыпаться женское молодое сердце и обволакивали ледяной корой. Что-то мрачное, томящее висѣло въ многочисленной семьѣ Дуровыхъ, у которыхъ по пріѣздѣ въ Сарапуль родились еще четыре дочери: Клеопатра (род. 1791 г.), Евгенія (1793 г.), Варвара (1795 г.), Анна (1796 г.). Отецъ цѣлые дни пропадалъ изъ дома; мать съ утра до вечера плакала, проклинала свою судьбу, говоря, что женская доля отъ колыбели до могилы есть непрерывное угнетеніе, что женщина отъ природы «исполнена слабостей, лишена всѣхъ совершенствъ и не способна ни къ чему»; что нѣтъ существа болѣе несчастнаго на свѣтѣ, чѣмъ женщина. Такой мрачный взглядъ развивался у матери, разумѣется, подъ вліяніемъ личнаго горя, неудавшейся жизни. Андрей Васильевичъ разлюбилъ жену и открыто сошелся съ другой женщиной. Марѳа Тимоѳеевна грозила было разрывомъ, и разъ даже совсѣмъ уѣхала изъ дома, но потомъ сжалилась, повѣрила обѣщаніямъ и вернулась, а обѣщанія почти тотчасъ же опять были нарушены. Но это не мѣшало увеличенію семьи Дуровыхъ: въ 1799 году у нихъ родился первый и единственный сынъ Василій, а въ 1801 послѣдняя дочь, которую назвали опять Евгеніей, вѣрно, первая Евгенія уже умерла.

Надежда Андреевна, попавъ въ старую, родную обстановку и притомъ при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, разумѣется, почувствовала въ себѣ прежнюю Надю, никому и ничему неподчиняющуюся и не желающую признавать въ себѣ женщины. Всѣ прежнія дѣтскія воинственныя мысли, чувства, симпатіи, которыя были отодвинуты на время жизнью въ Малороссіи, еще съ боль-

шею силою овладѣли ею, какъ только она попала въ родительскій домъ. Надежда Андреевна съ перваго же дня поняла, что творилось между матерью и отцомъ. Но какъ всегда далеко стоявшая отъ матери, она и теперь не взяла ея стороны. Она цѣлые дни проводила съ отцомъ, котораго попрежнему была любимицей. Онъ вскорѣ подарилъ ей своего коня—ея любимца Алкида,—сшилъ ей черкесскій бешметъ, и самъ сталъ учить ѣздить верхомъ, стройно, красиво, держаться на лошади. Она страстно полюбила эти прогулки. Сядетъ бывало верхомъ помужски, иначе она не ѣздила, и такъ помчится въ карьеръ, что самъ отецъ залюбуется. Мать, убитая горемъ, по цѣлымъ днямъ сидѣла въ своей комнатѣ, никуда не показываясь, она не знала объ этихъ новыхъ забавахъ дочери.

Такъ прошло два года. Надеждѣ Андреевнѣ минуло восемнадцать лѣтъ. Въ тѣ времена дѣвушка такихъ лѣтъ считалась уже засидѣвшейся невѣстой. Надежда Андреевна, увлеченная верховой ѣздой, охотою, стрѣльбой, и слышать не хотѣла о семейной жизни, гдѣ все ей казалось такъ пусто, скучно, тоскливо, — то ли дѣло жизнь мужчины, жизнь воина! Но не только мать, а теперь и отецъ настаивали на замужествѣ, благо женихъ нашелся—чиновникъ 14-го класса, засѣдатель нижняго земскаго Сарапульскаго суда, Василій Степановичъ Черновъ... Весьма возможно, что женихъ приглянулся некрасивой невѣстѣ, и это именно и вызвало съ ея стороны согласіе. 25-го октября 1801 года была отпразднована въ Сарапулѣ ея свадьба съ Черновымъ. Жениху было всего 25 лѣтъ. Но человѣку и постарше, пожалуй, не легко было бы съумѣть ужиться и удержать при себѣ такую живую, кипучую, своеобразную натуру, искавшую дѣятельности особой, военныхъ подвиговъ, и чувствовавшую отвращеніе къ тишинѣ семейной жизни. Родные думали: «стерпится—слюбится». Но всѣ поговорки и пословицы справедливы только для толпы; единицы же ихъ никогда не оправдываютъ. Хотя у молодой четы черезъ годъ, въ декабрѣ 1802 года,—и родился сынъ Иванъ, но это еще не было ручательствомъ за водвореніе счастья въ семьѣ Черновыхъ. Скоро мужа командировали изъ Сарапуля въ другой городъ, — Надежда Андреевна поѣхала съ нимъ, но ненадолго. Ей не жилось съ мужемъ,—хотѣлось уйти,—только куда? Да хоть опять въ Сарапуль, только бы не оставаться здѣсь... Еще съ ранняго дѣтства извѣстны были ея твердая воля и непреклонный характеръ,—что̀ она задумала, захотѣла—ужъ непремѣнно выполняла. И на этотъ разъ она осталась вѣрна себѣ: бросила мужа и опять явилась въ Сарапуль, въ отцовскій домъ. Но чѣмъ Сарапуль былъ лучше какого-нибудь Ирбитя—что̀ манило ее сюда?—А куда жъ было бѣжать? Здѣсь все же жила родная семья, гдѣ она могла найти пріютъ, здѣсь отецъ, который ее любитъ, сестры, маленькій братъ... А

дома—разладъ съ мужемъ, несносная жизнь... И Надежда Андреевна убѣжала къ отцу,—но не на радость, не на веселье. Не ея сторону приняли родные,—сколько упрековъ, порицаній посыпались на нее со стороны разныхъ знакомыхъ, друзей! Не даромъ впослѣдствіи въ разсказѣ «Елена Т—ская красавица» Надежда Андреевна такъ горячо заступается за молодую женщину, испорченную мужемъ. Онъ заставлялъ ее пить шампанское и подъ вліяніемъ этого напитка Елена расходится съ мужемъ и сходится съ его пріятелемъ. Очень характерно въ повѣсти то мѣсто, гдѣ авторъ

Надежда Андреевна Дурова.

приводитъ раздающіяся кругомъ рѣчи въ защиту мужа и въ обвиненіе жены—и какъ отвѣчаетъ на то и другое Надежда Андреевна.

«Статочное ли дѣло! Мужъ поступилъ, какъ поступаютъ всѣ молодые люди: что за бѣда, если онъ когда выпилъ лишнее? Для мужчинъ, говорятъ, это не порокъ.—Хорошо,—а картежная игра?—Умная жена пусть удерживаетъ отъ этого просьбами и совѣтами.—А если эта жена ребенокъ, неспособный совѣтовать? Если на ея просьбы и слезы отвѣчаютъ бранью и толчками?—Терпи: на то она жена,—должна уступить.—Пусть такъ: но невѣрность, разврат-

ное поведеніе?—Вотъ еще что! Его не убыло. Гдѣ ни ходить, а все ея мужъ...»

Читая эти строки, такъ и кажется, что присутствуешь при сценѣ встрѣчи Надежды Андреевны въ родительскомъ домѣ, слышишь, какъ раздаются въ ушахъ упреки, обвиненія за побѣгъ. Но она рѣшила не возвращаться къ мужу, и ничто не въ силахъ заставить ее перемѣнить рѣшеніе. Теперь она съ еще большей силою отдалась прежнимъ излюбленнымъ идеаламъ. Природная страсть къ свободѣ еще сильнѣе направляла ее въ эту сторону, и мечта о военной службѣ росла и крѣпла съ каждымъ днемъ.

На Камѣ, близъ Сарапуля, давно шалила шайка татаръ. Для ея усмиренія, а также и вообще для охраненія города, въ Сарапулѣ стоялъ отрядъ казаковъ. Осенью 1806 года, казаки должны были оставить городъ. Надежда Андреевна рѣшила воспользоваться случаемъ, и бѣжать съ отрядомъ изъ родительскаго дома. Отрядъ выступилъ 17-го сентября—въ день ея имянинъ. Она дала ему отойти верстъ 50, и въ ночь съ 17-го на 18-е, переодѣвшись въ мужское платье, оставивъ свой женскій костюмъ на берегу Камы, пустилась на своемъ неизмѣнномъ Алкидѣ въ погоню за отрядомъ. Вотъ что̀ она чувствовала, убѣгая изъ дома: «И такъ я на волѣ! свободна и независима! я взяла мнѣ принадлежащее — мою свободу: свободу! драгоцѣнный даръ неба, неотъемлимо принадлежащій каждому человѣку». Вотъ что̀ влекло и толкало Надежду Андреевну на ту дорогу, гдѣ она всѣхъ такъ поразила; вотъ что̀ было причиною побѣга изъ дома, а не любовь къ казацкому есаулу, на которую указываютъ нѣкоторые біографы.

Этотъ побѣгъ также ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ставить въ связь съ той женской свободой, о которой писалось и говорилось со времени шестидесятыхъ годовъ, для которой даже было придумано во Франціи новое слово «эмансипація». Надежда Андреевна въ своихъ подвигахъ не руководилась теоретическими идеалами, она стремилась только къ тому, чего хотѣла, чего требовала ея натура, какъ неотъемлемой принадлежности, требовала стихійно. Потому нельзя согласиться и съ мнѣніемъ г. Мордовцева, называющаго Надежду Андреевну «прародительницей всѣхъ новыхъ русскихъ женщинъ, ищущихъ занятія, труда, посѣщающихъ библіотеки, лекціи профессоровъ, медицинскіе курсы, жаждущихъ поступленія въ университетъ». Въ ея поступкѣ не было ничего теоретическаго, тенденціознаго, изъ чего исходили стремленія современной женщины, доведенной до тѣхъ или иныхъ теорій экономическимъ положеніемъ жизни.

Г. Мордовцевъ видитъ въ побѣгѣ Дуровой поступокъ, какъ бы подогрѣтый примѣромъ Прасковьи Лупаловой (Параши Сибирячки), пришедшей въ 1804 году пѣшкомъ въ Петербургъ изъ Тобольска просить государя о помилованіи отца, который былъ сосланъ въ

Сибирь за какое-то преступленіе еще въ 1798 году. Лупалова проходила черезъ Ирбитъ, который г. Мордовцевъ почему-то называетъ «роднымъ городомъ» Дуровой. Надежда Андреевна во всякомъ случаѣ не могла не знать о подвигѣ Лупаловой. И вотъ будто бы подъ этимъ впечатлѣніемъ она тоже рѣшается на подвигъ—бѣжать изъ дома и поступить въ полкъ. Весьма возможно, что удачный подвигъ Лупаловой могъ ободрить Дурову, сильнѣе утвердить въ задуманномъ планѣ, только не онъ былъ причиною побѣга, не онъ далъ толчекъ Надеждѣ Андреевнѣ. Все ея дѣтство, всѣ сложившіяся условія въ семьѣ, способствовали мало-по-малу постепенному назрѣванію, развитію и, наконецъ, даже осуществленію ея воинственныхъ идеаловъ. Энергичная, сильная, крѣпкая, живая, съ горячей жаждой дѣятельности,—гдѣ могла она приложить свои силы въ захолустной семьѣ? Воинственность, храбрость были идеаломъ для многихъ женщинъ начала нынѣшняго столѣтія. Женщины подражали мужчинамъ въ одѣяніи, старались сравняться съ ними въ храбрости, силѣ, въ физическихъ подвигахъ. Уже на что̀ старуха Платеръ, — и та въ началѣ столѣтія ходила въ мужскомъ костюмѣ, въ сапожкахъ со шпорами, разъѣзжала въ алыхъ панталонахъ, помужски садясь верхомъ на лошадь.— Одновременно почти съ Дуровой, жена генерала, командира Измайловскаго полка, Матвѣя Евграфовича Храповицкаго, урожденная Дедюлина, сопровождала мужа во весь походъ до Парижа, подъ видомъ комнатнаго казачка, за что̀ получила медаль на голубой лентѣ съ надписью: «За взятіе Парижа». Да даже и въ наполеоновскихъ рядахъ была женщина въ мужскомъ платьѣ. Но всѣ эти примѣры не стоятъ въ непосредственной связи съ стремленіями женщинъ послѣдняго времени, а тѣмъ болѣе поступкомъ Дуровой, какъ и Лупаловой, которыя, бросая домъ родительскій, совсѣмъ далеки были отъ мысли насчетъ общественнаго значенія своего поступка для женщинъ. Онѣ пролагали имъ дорогу только лично для себя. На подобный подвигъ могла рѣшиться только исключительная женщина. И поступокъ Дуровой, какъ и слѣдовало ожидать, не вызвалъ подражателей, кромѣ, можетъ быть, какихъ-нибудь глупыхъ выходокъ со стороны единицъ.

III.

Въ 1807 году, когда мужъ Надежды Андреевны, а также и отецъ съ матерью, примирились, наконецъ, съ неестественной смертью дочери, погибшей въ волнахъ Камы,—вдругъ отецъ получаетъ отъ нея изъ Гродно письмо. Онъ приходитъ въ страшное безпокойство— и радъ, и испуганъ, и самъ не знаетъ, что̀ дѣлать. Оказывается, его дочь не только жива, но служитъ въ конно-польскомъ улан-

скомъ полку рядовымъ, куда поступила подъ именемъ Александра Васильевича Соколова.

Мать Надежды Андреевны въ это время сильно хворала. Узнавъ, гдѣ и чтò ея дочь, она такъ поразилась, что прочитавъ письмо дочери, тутъ же скончалась. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій, отецъ тотчасъ написалъ письмо въ Петербургъ къ своему брату—коллежскому совѣтнику Н. Дурову: «Ради Бога узнайте объ Надеждѣ, дайте ей объ этомъ (т. е. о смерти матери) знать; она, вѣрно, пріѣдетъ домой, незамай будетъ дѣтямъ матерью...[1]). Крайне бы хотѣлось знать объ Надеждѣ».

Отецъ, между тѣмъ, сталъ повсюду розыскивать дочь. По совѣту брата Николая Дурова, онъ 28-го сентября 1807 года подалъ вмѣстѣ съ нимъ всеподданнѣйшее прошеніе о «возвращеніи имъ сей несчастной»: она здѣсь прямо называется «дочь Надежда, по мужу Чернова, которая по семейнымъ несогласіямъ принуждена была скрыться» изъ дома.

Пока родные розыскивали Надежду Андреевну, она успѣла уже выказать много воинственной храбрости. Скрывъ свой полъ, она 31-го декабря 1807 года поступила въ конно-польскій уланскій полкъ, подъ именемъ Соколова, участвовала въ прусской кампаніи, отличилась подъ Гудштатомъ и Гальзбергомъ,—была представлена къ чину и къ знаку отличія св. Георгія. Тайну, что она женщина, раскрылъ при дворѣ ея дядя, который просилъ уволить племянницу отъ военной службы.

По высочайшему повелѣнію, послѣ всеподданнѣйшаго прошенія отца и дяди, она была вытребована въ Петербургъ, представлена самому государю и усердно просила оставить ее въ военной службѣ. Государь исполнилъ просьбу, велѣлъ ей поступить въ Маріупольскій гусарскій полкъ корнетомъ, подъ именемъ Александрова, чтобы такимъ образомъ въ новомъ полку и подъ новой фамиліей она снова исчезла изъ глазъ своихъ родственниковъ. Съ этихъ поръ отецъ могъ узнавать о ней только черезъ князя Ливена, черезъ котораго шли письма отъ дочери къ отцу.

Но въ гусарскомъ полку служить было очень дорого, не смотря на неоднократную денежную помощь изъ царской казны, — и въ 1811 году 1-го апрѣля Надежда Андреевна перешла въ Литовскій уланскій полкъ, участвовала съ нимъ въ походахъ противъ Наполеона, въ битвахъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ,—здѣсь получила контузію, затѣмъ поступила въ ординарцы къ Кутузову и, наконецъ, уѣхала въ отпускъ къ отцу. Вернувшись къ войскамъ, она вмѣстѣ съ ними преслѣдовала Наполеона, участвовала при блокадѣ Модлина, Гамбурга и Гарбурга. 29-го августа 1812 года

[1]) Отъ всей многочисленной семьи Дуровыхъ въ это время оставалось всего трое дѣтей, кромѣ Надежды Андреевны: Клеопатра, Василій и Евгенія.

она была произведена въ поручики, а въ 1817 г. вышла въ отставку съ чиномъ штабъ-ротмистра и съ правомъ на полученіе пенсіи.

Ей было въ то время 34 года, она имѣла богатый запасъ видѣннаго, слышаннаго и перечувствованнаго, а на груди — крестъ св. Георгія и орденъ св. Владиміра,— которые носила и по выходѣ въ отставку.

«Я видѣлъ этого заслуженнаго воина,— говоритъ Николай Васильевичъ Сушковъ въ неизданной части своего «Обоза къ потомству» — уже въ черномъ фракѣ, въ сѣрыхъ съ лампасами брюкахъ, съ солдатскимъ крестомъ св. Георгія и съ офицерскимъ св. Владиміра съ бантомъ—въ домѣ В. С. Шереметева. Къ обѣду онъ повелъ одну изъ хозяекъ. Послѣ обѣда курилъ табакъ изъ своей гусарской трубки... Александровъ отказался отъ службы' какъ обиженный: ему прислали на голову ротмистра. Два раза, однако жъ, его удерживали въ полку и только по третьему прошенію онъ уволенъ».

Съ какой тоской покидала Надежда Андреевна жизнь воина и возвращалась къ домашнимъ пенатамъ: «Что я буду дѣлать дома?— говоритъ она въ «Запискахъ».— Такъ рано осудить себя на монотонныя занятія хозяйства?.. Надобно сказать всему прости!.. и свѣтлому мечу, и доброму коню... друзьямъ!.. веселой жизни!.. скачкѣ, рубкѣ, всему конецъ! Все затихаетъ, какъ не бывало, и одни только незабвенныя воспоминанія будутъ сопровождать меня на дикіе берега Камы..: Минутное счастье!.. слава!.. опасности!.. шумъ!.. блескъ!.. жизнь, кипящая дѣятельностью!.. прощайте!»

IV.

Промежутокъ лѣтъ въ пятнадцать отдѣляетъ Н. А. Дурову-воина изъ Дуровой-писательницы. Рука, привыкшая въ продолженіе одиннадцати лѣтъ хорошо владѣть саблей, нескоро могла привыкнуть къ перу, прежде чѣмъ оно оказалось вполнѣ послушнымъ въ рукахъ воина.

Поѣздка въ Петербургъ еще во время военной службы, весьма возможно, была первымъ толчкомъ къ выступленію на литературное поприще. Безпрестанные разспросы о томъ, какъ она совершила свой необычайный подвигъ, непрестанное желаніе узнать подробности ея походовъ, военнокочевой жизни и т. д., должны были дать почувствовать Надеждѣ Андреевнѣ, что ея прошлое и настоящее составляютъ величайшій предметъ интереса, любопытнѣйшую исторію, которая способна сильно занять и заинтересовать публику. И вотъ, оставивъ военное поприще, поселившись сперва въ Сарапулѣ, гдѣ отецъ черезъ нѣкоторое время по смерти жены женился во второй разъ на крестьянкѣ, отъ которой обза-

велся новымъ поколѣніемъ дѣтей,—потомъ, переѣхавъ въ Елабугу, Надежда Андреевна принялась за обработку богатаго матерьяла, накопившагося въ видѣ дневниковъ и записей. Эти литературные интересы, безъ сомнѣнія, сильно поддерживались поѣздками въ Петербургъ, свиданіями съ той или другой знаменитостью, рядомъ съ которыми и она представляла не заурядное явленіе. Случалось, что въ Петербургъ ее гнали и семейныя дѣла. Сестры повышли замужъ; у нихъ успѣли уже повырости дѣти. Время было ихъ опредѣлять въ ученье. И Надежда Андреевна ѣздила для этого въ Петербургъ,—и не безъ успѣха. А всего важнѣе, конечно, для нея было ободрѣніе со стороны славнаго корифея нашей литературы—А. С. Пушкина. Онъ ободрялъ ее и письмомъ, и устными похвалами, которыми осыпалъ при личномъ свиданіи. Надежда Андреевна довольно подробно останавливается на этомъ первомъ свиданіи съ знаменитымъ поэтомъ. Пріѣхавъ въ 1836 году въ Петербургъ для изданія своихъ «Записокъ», она тотчасъ послала Александру Сергѣевичу письмо и свой адресъ.

«На другой день, въ половинѣ перваго часа,— пишетъ она,— карета знаменитаго поэта нашего остановилась у подъѣзда; я покраснѣла, представляя себѣ, какъ онъ возносится на лѣстницу и удивляется, не видя ей конца!.. но вотъ отворилась дверь въ прихожую!.. я жду съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ!.. отворяется дверь и мнѣ... но это еще пока мой Тишка; онъ говоритъ мнѣ шопотомъ и вытянувшись: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ».—Проси!—Входитъ Александръ Сергѣевичъ!.. Къ этимъ словамъ прибавить нечего. Я не буду повторять тѣхъ похвалъ, какими вѣжливый писатель и поэтъ осыпалъ слогъ моихъ «Записокъ», полагая, что въ этомъ случаѣ онъ говоритъ тѣмъ языкомъ, какимъ обыкновенно люди образованные говорятъ съ дамами. Впрочемъ, любезный гость мой приходилъ въ примѣрное замѣшательство всякій разъ, когда я, разсказывая что̀-нибудь относящееся ко мнѣ, говорила: «былъ!.. пришелъ!.. пошелъ!.. увидѣлъ!» Онъ взялъ мою рукопись, говоря, что отдастъ ее сейчасъ переписывать, благодарилъ меня за честь, которую,—говорилъ онъ,—я дѣлаю ему, избирая его издателемъ моихъ «Записокъ» и, оканчивая обязательную рѣчь свою, поцѣловалъ мою руку!.. Я поспѣшила выхватить ее, покраснѣла и, уже вовсе не знаю, для чего сказала: «Ахъ, Боже мой! Я такъ давно отвыкъ отъ этого!» На лицѣ Александра Сергѣевича не показалось и тѣни усмѣшки, но полагаю, что дома онъ не принуждалъ себя и, разсказывая домашнимъ обстоятельство перваго свиданія со мною, вѣрно, смѣялся отъ души надъ этимъ послѣднимъ восклицаніемъ».

Пушкинъ совѣтовалъ ей дать «Запискамъ» самое простое названіе, а не называть «Записки Амазонки», какъ хотѣла Надежда Андреевна. И въ этотъ 1836 годъ онъ помѣстилъ отрывокъ изъ

нихъ въ «Современникѣ». Если считать этотъ годъ началомъ ея литературной дѣятельности, то нельзя не замѣтить, что писательскій періодъ ея дѣятельности вышелъ несравненно короче военнослужебнаго. Начиная съ 1836, онъ уже оканчивается 1840 г. Но за то въ этотъ четырехлѣтній періодъ она написала нѣсколько томовъ. За «Записками» въ «Современникѣ» въ этомъ же году слѣдовали два большихъ тома «Записокъ» подъ вычурнымъ названіемъ: «Дѣвица-кавалеристъ. Происшествіе въ Россіи»; въ слѣдующемъ 1837 году. «Елена Т—ская красавица»—разсказъ; въ 1838 г. выходятъ уже двѣ вещи: «Годъ жизни въ Петербургѣ, или невыгоды третьяго посѣщенія» и «Графъ Маврицкій»; а 1839 годъ едва ли не можетъ назваться самымъ плодовитымъ: въ этомъ году напечатаны: «Гудишки», романъ въ 4-хъ частяхъ; «Записки» — дополненіе къ «Дѣвицѣ-кавалеристъ»; Черемисская повѣсть: «Сѣрный ключъ» и повѣсть— «Павильонъ». Въ этомъ же году,— надо прибавить — были переизданы всѣ «Повѣсти и разсказы» отдѣльнымъ изданіемъ въ четырехъ книжкахъ. И, наконецъ, въ 1840 году, она закончила литературную дѣятельность тремя отдѣльно изданными повѣстями, выходившими чуть ли не черезъ мѣсяцъ одна послѣ другой: «Кладъ», «Ярчукъ», «Уголъ».

Для изданія послѣднихъ повѣстей Надежда Андреевна опять сама пріѣзжала въ Петербургъ, видѣлась, между прочимъ, съ Т. П. Пассекъ, которая говоритъ про Дурову въ своихъ «Запискахъ», что она была «роста средняго, съ женскимъ добродушнымъ, кругловатымъ лицомъ, одѣвалась въ сюртукъ съ солдатскимъ Георгіемъ въ петлицѣ». Но это былъ уже, по всему вѣроятію, послѣдній пріѣздъ въ столицу. Съ этихъ поръ она больше ничего не писала и, кажется, уже не выѣзжала никуда изъ Елабуги.

Надежда Андреевна не потому только писала свои «Записки», что къ ней приставали съ разспросами объ ея прошломъ, это скорѣе только понудило ее къ печатанію, къ рѣшенію выступить публично; но писала она потому, что ей радостно было переживать опять, хотя съ перомъ въ рукахъ, хотя только въ воображеніи, тотъ періодъ жизни, который былъ полонъ отваги, блеска, который сдѣлалъ ея имя извѣстнымъ Россіи, начиная съ царя, кончая деревенской избой, куда разсказы о «Дѣвицѣ-кавалеристѣ» заносились вернувшимися изъ Наполеоновскихъ походовъ солдатами. Надежда Андреевна въ своихъ «Запискахъ», описываетъ то, что испытала, слышала, видѣла сама. Она—главный герой своихъ «Записокъ», обнимающихъ ея собственную жизнь со дня свадьбы родителей, вплоть до возвращенія домой въ чинѣ штабъ-ротмистра. Дѣлая себя главнымъ героемъ разсказа, центромъ, вокругъ котораго все вертится, она не увлекается своимъ «я», въ «Запискахъ» не видно ни малѣйшаго пристрастія къ нему, чѣмъ не-

рѣдко грѣшатъ въ такихъ случаяхъ и люди первой величины. Незамѣтно тутъ и другой крайности—смиренія, уничиженія, которыя всегда такъ звучатъ фальшиво. Отъ той и другой крайности спасаетъ автора его самородный талантъ, который пріятно поражаетъ читателя на всемъ протяженіи «Записокъ» до послѣдней страницы.

Какимъ храбрымъ, неустрашимымъ воиномъ рисуется эта женщина во время битвъ, перестрѣлокъ, въ самый разгаръ сраженій! Въ этой неустрашимости чувствуется что-то стихійное, необычайное, чему можно удивляться, но не подражать. Чего только не перенесла она во время 1812 года? Разъ, во время похода, лошадь такъ разбила ей ногу, что нога почернѣла—но Дурова не только не остановилась, но даже никому и вида не показала. Ее контузили—она и на это не хочетъ обращать вниманія,—и если бы не Кутузовъ—онъ замѣтилъ, что она хромаетъ,—такъ бы и не обратилась за медицинской помощью. А какъ мужественно выносила она всѣ лишенія наравнѣ съ солдатами! «Чтобы прогнать сонъ, меня одолѣвающій,—говоритъ она,—я встаю съ лошади и иду пѣшкомъ, но силы мои такъ изнурены, что я спѣшу опять сѣсть на лошадь, и съ трудомъ поднимаюсь въ сѣдло. Жажда палитъ мою внутренность; воды нѣтъ нигдѣ, исключая канавъ по бокамъ дороги; я сошла опять съ лошади и съ величайшимъ неудобствомъ достала на самомъ днѣ канавы отвратительной воды, теплой, зеленой; я набрала ее въ бутылку и, сѣвъ съ этимъ сокровищемъ на лошадь, везла еще верстъ пять, держа бутылку передъ собою на сѣдлѣ, не имѣя рѣшимости ни выпить, ни бросить эту гадость, — но чего не дѣлаетъ необходимость! Я кончила тѣмъ, что выпила адскую воду... Еслибъ я имѣла милліоны, отдала бы ихъ теперь всѣ за позволеніе уснуть. Я въ совершенномъ изнеможеніи. Всѣ мои чувства жаждутъ успокоенія... Мнѣ вздумалось взглянуть на себя въ свѣтлую полосу своей сабли; лицо у меня блѣдное, какъ полотно, а глаза потухли! Съ другими нѣтъ такой сильной перемѣны, и, вѣрно, оттого, что они умѣютъ спать на лошадяхъ, а я не могу»...

Но рядомъ съ такой выносливостью, храбростью, неустрашимостью, Надежда Андреевна выступаетъ натурой вполнѣ мягкой, любящей, сострадательной. Стоитъ вспомнить, какъ она съ опасностью жизни спасла раненаго офицера, отдала ему своего коня, или какъ вступилась за французскаго плѣннаго, когда его били русскіе солдаты за то, что онъ не понималъ по-русски; или какъ она оплакивала и хоронила своего любимаго коня—Алкида, распоровшаго животъ о желѣзную изгородь,—наконецъ ея нѣжность къ подкинутой собачкѣ... Объ этой же мягкости, чувствительности и женской нѣжности говорятъ и тѣ патетическія мѣста «Записокъ», гдѣ она отдается нахлынувшему чувству любви къ отцу, описываетъ

сцену прощанья съ нимъ и съ матерью... Все это несомнѣнно говоритъ за присутствіе того женскаго сердца, которое она такъ тщательно старалась скрывать подъ военнымъ мундиромъ.

Ясность, простота, живость и мѣстами блескъ языка, удачныя, оригинальныя сравненія, поразили рецензентовъ и читателей. Бѣлинскій говоритъ: «Кажется, самъ Пушкинъ отдалъ ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостью и силою, этою яркою выразительностью своего слога, этою живописною увлекательностью своего разсказа, всегда полнаго, проникнутаго какою-то скрытою мыслію». Стоитъ прислушаться къ ея описаніямъ и сравненіямъ, къ ихъ поражающей простотѣ— такъ и чудится, что на ухо шепталъ и подсказывалъ ей геній Пушкина. Но такъ какъ Пушкинъ въ качествѣ издателя бралъ и прочитывалъ «Записки» Дуровой, то можно подумать, что онъ и подправлялъ ихъ мѣстами,—и отнести прелесть языка къ сдѣланнымъ поправкамъ; но Надежда Андреевна можетъ защитить себя языкомъ своихъ слѣдующихъ произведеній, хотя бы, напримѣръ, «Павильона», который появился черезъ два года послѣ смерти Пушкина: тамъ языкъ такой же блестящій и живописный какъ и въ «Дѣвицѣ-Каралеристѣ».

Въ «Зацискахъ» мало вымысла. Авторъ по преимуществу разсказываетъ то, что̀ съ нимъ было,—это прекрасная автобіографія, съ указаніемъ мѣстъ, именъ, событій. Многія, не то забывая о «Запискахъ», какъ объ автобіографіи писательницы, — не то считая встрѣчающіяся тамъ указанія невѣрными, — не разъ дѣлали въ разныхъ журналахъ біографическія сообщенія, совершенно расходящіяся съ «Записками». Такъ кто-то указалъ на любовь Надежды Андреевны Черновой къ казацкому эсаулу, какъ на главное основаніе ея побѣга изъ дома родителей. Какъ же объяснить себѣ тогда ея страсть къ подвигамъ, ея храбрость, неустрашимость и т. д. всѣ поступки въ томъ же воинственномъ духѣ уже послѣ того, какъ она оставила казацкій полкъ, гдѣ былъ названный эсаулъ? Какъ объяснить то терпѣніе, ту выносливость, которую она высказываетъ, не покидая военной жизни вплоть до окончанія Наполеоновскихъ войнъ? Не любовь къ эсаулу, которая не въ силахъ влить храбрости и отваги, а любовь къ свободѣ, страсть къ войнѣ, воинскимъ подвигамъ,—которыми она жила съ колыбели, — были главными стимулами ея побѣга, — эта страсть только еще больше усилилась послѣ того, какъ самое трудное—побѣгъ и присоединеніе къ войску было совершено. Также не вѣрными оказываются и другія біографическія поправки. Вопросъ, напримѣръ, какъ, кто и гдѣ раскрылъ тайну Надежды Андреевны, что она не мужчина,— возбуждалъ, разумѣется, сильный интересъ, и придумывались разные анекдоты, а ея собственныя свидѣтельства почему-то отбрасывались, какъ невѣрныя. Она въ «Запискахъ» говоритъ, что, по-

бывавъ въ дѣйствующей арміи и отличившись, послала изъ Гродно письмо отцу. Отецъ переслалъ его въ Петербургъ къ дядѣ—а отсюда вѣсть о дѣвицѣ въ мужскомъ платьѣ доходитъ до государя. Но ея сообщеніе обходятъ, какъ невѣрное, а даютъ такое объясненіе: «разъ она была ранена въ руку и упала съ лошади. Когда для осмотра раны сняли мундиръ, то узнали, что она женщина, донесли государю,—онъ назначилъ ей пенсію, и она возвратилась въ Сарапуль». Ничего подобнаго не было, а было все такъ, какъ передаетъ сама Надежда Андреевна въ своихъ «Запискахъ». Еще въ 60-хъ годахъ этотъ фактъ ея жизни былъ подтвержденъ документально въ газетѣ «Голосъ», гдѣ было напечатано письмо князя Ливена къ графу Аракчееву. «Родной ея дядя — говорилось въ письмѣ—коллежскій совѣтникъ Николай Дуровъ, находящійся здѣсь въ Петербургѣ, открылъ ея тайну и просилъ объ увольненіи ея отъ военной службы; вслѣдствіе сего она по высочайшему повелѣнію выписана была сюда; но поелику она объявила лично его величеству желаніе продолжать службу, то по сему и опредѣлена она въ Маріупольскій гусарскій полкъ—корнетомъ, подъ именемъ Александрова, дабы тѣмъ скрыть настоящее состояніе, ибо о семъ званіи родственникамъ ея неизвѣстно». Зачѣмъ понадобилось вносить поправки въ ея автобіографическія «Записки» и замѣнять быль небылицами? Трудно сказать,—тѣмъ болѣе, что, какъ кажется, «Записки» не нуждаются ни въ какихъ коментаріяхъ, ни въ какихъ крупныхъ поправкахъ, за исключеніемъ одной: Надежда Андреевна называетъ себя тамъ «дѣвицей» Дуровой, а на самомъ дѣлѣ,—какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада ея отца и дяди,—на самомъ дѣлѣ она была не дѣвица, а женщина замужняя и даже мать. Желаніе скрыть передъ публикой свое замужество изъ боязни разныхъ двусмысленныхъ коментарій на счетъ ея жизни въ полку,—какія и безъ того распространялись въ столицѣ и въ провинціи,—дѣлаетъ эту невинную ложь вполнѣ основательной, понятной и законной.

Рядомъ съ автобіографическими данными, «Записки» Дуровой полны разсказовъ о встрѣчахъ, случаяхъ, разныхъ эпизодахъ войны, начиная съ 1807 года и кончая преслѣдованіемъ Наполеоновскихъ войскъ въ Парижъ,—что̀ даетъ имъ помимо біографическаго и извѣстный историческій интересъ. Хотя онѣ писаны болѣе полстолѣтія тому назадъ, но и до сихъ поръ поражаютъ талантомъ, чистотою и красотою языка. Не даромъ же Пушкинъ такимъ образомъ привѣтствовалъ въ «Современникѣ» выходъ перваго тома «Записокъ»: «Читатели «Современника» видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили, безъ сомнѣнія, прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній,— и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ самыя не-

обыкновенныя происшествія. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ».

V.

Послѣ отзывовъ о «Запискахъ» худыхъ и хорошихъ, одинаково признававшихъ въ авторѣ литературный талантъ, Надеждѣ Андреевнѣ любезно открыли свои двери и такіе толстые журналы, какъ «Библіотека для Чтенія» и «Отечественныя Записки». Смирдинъ, предпринявшій изданіе: «Сто русскихъ литераторовъ», усердно просилъ писательницу не отказать въ своемъ участіи. И ея повѣсть съ портретомъ въ мужскомъ платьѣ красуется въ I томѣ изданія Смирдина, вмѣстѣ съ корифеями нашей литературы. Она выступила здѣсь съ повѣстью «Сѣрный ключъ», гдѣ премило разсказываетъ трогательную судьбу сиротки-красавицы Зеилы, которая жила въ черемисской деревнѣ. Зеилу любила вся деревня,—и сирота была вполнѣ счастлива, въ особенности съ того времени, какъ встрѣтила у Сѣрнаго ключа пастуха Дукмара. Они полюбили другъ друга. Но несчастье стерегло ихъ. Въ окрестныхъ лѣсахъ появился медвѣдь. У черемисовъ же издавна существуетъ обычай: если молодой человѣкъ желаетъ прославить себя на всю жизнь, какъ храбрый богатырь, то долженъ идти на медвѣдя одинъ на одинъ съ двухстороннимъ ножемъ въ рукахъ и располосовать медвѣдя съ головы до ногъ. Тогда молодцу достается слава и шкура медвѣдя, или же въ противномъ случаѣ онъ самъ погибаетъ на мѣстѣ. Предложили идти Дукмару. Онъ пошелъ, но уже больше не возвращался. Съ тѣхъ поръ Зеила лишилась разсудка и теперь каждый день ходитъ на Сѣрный ключъ, гдѣ нѣкогда видалась съ Дукмаромъ, плачетъ и моетъ въ ключѣ свои волосы. Разсказъ написанъ очень живо, увлекательно, поэтично,—въ него незамѣтно вплетаются нравы и вѣрованія черемисовъ. Въ повѣсти сильно отражается романтизмъ Жуковскаго, чувствуется отчасти и карамзинская сентиментальность,—такое же, какъ у Карамзина сентиментальное изображеніе народа. Зеила совсѣмъ не походитъ на крестьянку, а на картинкѣ, приложенной къ повѣсти, больше напоминаетъ Офелію или Джульету Шекспира, чѣмъ черемисскую дѣвушку.

Такой же точно изящной женщиной рисуется и поселянка Юзефа, дочь казака Рущенко, въ повѣсти «Графъ Маврицкій», гдѣ красавецъ польскій графъ, въ котораго влюблены были всѣ женщины, вдругъ влюбляется въ поселянку Юзефу, — разводится съ женой и женится на Юзефѣ, которая въ свою очередь тоже съ нимъ разводится. Юзефа, когда ее встрѣчаетъ въ первый разъ графъ Маврицкій, даже и по костюму не напоминаетъ крестьянки: на ней бѣлая рубаха, синяя юбка и черный суконный поясъ. Да

и въ самомъ изображеніи крестьянъ много сентиментальнаго, а въ языкѣ—изысканности и торжественности.

Превосходно освоившись съ формой «Записокъ», гдѣ весь интересъ вертится вокругъ самого автора, Надеждѣ Андреевнѣ трудно было перейти и справиться съ какой-нибудь иной опредѣленной беллетрической формой. Она много разъ дѣлала попытки, но каждый разъ выходило неудачно,—форма не выдерживалась и представляла какую-то смѣсь; авторъ то перескакивалъ къ разсказу отъ перваго лица, то вводилъ въ повѣсть излюбленную форму записокъ. Какъ образчикъ такой сбивчивости и невыдержанности со стороны формы, можно указать разсказъ: «Елена Т—ская красавица». Авторъ то разсказываетъ отъ себя, какъ онъ встрѣтился и разговорился съ одной изъ своихъ пріятельницъ объ Еленѣ, которую знавалъ, еще будучи пятилѣтнимъ ребенкомъ, то развертываетъ передъ читателемъ записки этой самой пріятельницы, изъ которыхъ читатель узнаетъ жизнь Елены,—и, наконецъ, опять разсказываетъ отъ себя, какъ недавно встрѣтилъ Елену нищенкой, больной, состарѣвшейся. Такая сбивчивость поражаетъ почти во всѣхъ произведеніяхъ Дуровой, какъ скоро она отступаетъ отъ формы записокъ, дневниковъ, и старается дать что-нибудь законченное, въ родѣ романа, повѣсти, разсказа. Какъ неестественна и странна выходитъ форма въ ея большомъ романѣ «Гудишки!» Весь романъ изъ четырехъ частей разсказываетъ автору жидъ арендаторъ корчмы, а авторъ во все время исполняетъ роль молчаливаго слушателя. Жидъ разсказываетъ длинную исторію, почему всѣ двѣнадцать деревень въ его мѣстности носятъ названіе «Гудишекъ». Этотъ разсказъ собственно и составляетъ романъ или вѣрнѣе—сказку, въ которую входятъ два романа: графа съ Гедвигой и Евстафія съ Астольдой. Въ обоихъ романахъ много страстныхъ сценъ, очень недурно выполненныхъ. Каждая сцена, каждый разговоръ, отзываются необычайной крѣпостью и силой. Ясность изображаемыхъ чувствъ, ощущеній, пріятно поражаетъ во всемъ произведеніи, которое романтической стороной, какъ и повѣсть «Сѣрный Ключъ», напоминаетъ сказки Жуковскаго, и «Руслана и Людмилу» Пушкина.

Такъ необычайно проведенная молодость, счастливо совпавшая съ природными наклонностями и дарованіями автора, дала Дуровой богатый матеріалъ для литературныхъ произведеній, сообщила ея природному писательскому таланту, благодаря исключительному знакомству съ жизнью, исключительному праву всматриваться и видѣть то, что закрыто для женщины при обычныхъ условіяхъ, сообщила ея перу мужскую силу, простоту и ясность, отсутствіемъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ страдаютъ женщины-писательницы, въ особенности въ изложеніи тѣхъ сторонъ жизни и явле-

ній, которыя переходятъ за ихъ обычный узкій кругъ семьи, области личнаго счастья, любви,—которыя остаются ихъ удѣломъ.

У Дуровой вездѣ какъ бы мужская ясность ума, ничего туманнаго, недосказаннаго, покрытаго въ женскихъ писаніяхъ неопредѣленными «гдѣ-то», «когда-то»,—которыхъ не избѣгаютъ и лучшія изъ нихъ.

Если не преданія, то всегда дѣйствительныя событія составляютъ основу повѣстей и разсказовъ Дуровой. И чѣмъ ближе знакомъ авторъ въ жизни съ описываемыми явленіями, тѣмъ они выходятъ сильнѣе и рельефнѣе. Вы чувствуете тогда въ авторѣ мастера и художника своего дѣла; разсказывая, онъ не только не дѣлаетъ надъ собой усилій, а напротивъ—даже какъ бы наслаждается, живетъ. Но стоитъ ему оставить почву видѣннаго и слышаннаго, перейти въ область вымысла, какъ онъ тотчасъ покидаетъ правду жизни и стремится воспроизвести необычайное, фантастическое; въ такихъ случаяхъ его крѣпкій, сильный, яркій талантъ настолько тускнѣетъ, что съ трудомъ удается признать въ такихъ произведеніяхъ перо Дуровой. Ярче всего это выступаетъ въ длинномъ произведеніи «Ярчукъ». Авторъ переноситъ насъ здѣсь въ Богемію, въ XVII столѣтіе, да еще на кладбище. Здѣсь собравшіеся пятеро студентовъ, подъ вліяніемъ печальной и вмѣстѣ съ тѣмъ страшной обстановки, рѣшили разсказывать другъ другу страшныя исторіи. Одинъ изъ нихъ Эдуардъ сталъ разсказывать исторію своей собаки Маграби, которая была Ярчукъ, т. е. духовидецъ,—качество, пріобрѣтаемое девятой черной собакой происшедшей отъ восьми поколѣній такихъ же черныхъ.

Разъ Эдуардъ вмѣстѣ съ Маграби заблудился въ лѣсу. Ему повстрѣчался баронъ Рейнгофъ. Баронъ пригласилъ его къ себѣ ночевать. Ночью онъ признался Эдуарду, что влюбленъ въ женщину-дьявола, съ синими бѣлками, черными глазами, которую видитъ въ лѣсу въ полночь, во время полнолунія, окруженную толпою дьяволовъ, съ длинными руками, желѣзными когтями. Онъ сталъ просить у Эдуарда помощи—отдѣлаться отъ адскаго призрака; просилъ сходить въ полночь въ лѣсъ вмѣстѣ съ Маграби, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли тамъ черти. Эдуардъ исполнилъ его желаніе. Насильно повлекъ Маграби—и увидалъ чертей; Маграби тотчасъ же лишился чувствъ.

Только успѣлъ это разсказать Эдуардъ, какъ вдругъ студенты увидали барона Рейнгофа. Баронъ присоединился къ нимъ и докончилъ разсказъ. Оказалось, въ лѣсу были не черти, а цыгане; а та, которую онъ принималъ за женщу-дьявола,—была красавица-сиротка,—цыганки держали ее у себя. Рейнгофъ освободилъ красавицу изъ цыганскаго плѣна, женился на ней, а цыганъ предалъ суду.

Причемъ же тутъ черти? причемъ собака-духовидецъ, когда на

самомъ дѣлѣ она приняла цыганъ за чертей?.. Зачѣмъ вся эта чертовщина понадобилась автору, когда съ появленіемъ на кладбище среди студентовъ барона Рейнгофа вся фантастическая часть повѣсти падаетъ, какъ выдумка и притомъ выдумка безцѣльная, которая между тѣмъ составляетъ основу повѣсти? Видимо, авторъ увлекся фантастическими разсказами Гофмана и не соразмѣрилъ своихъ силъ. У него все вышло «длинно, растянуто, многословно; событія представляютъ собою какую-то путаницу разныхъ невѣроятностей, лишенныхъ всякой занимательности». Такъ отзывается объ «Ярчукѣ» Бѣлинскій. И то же можно повторить относительно всѣхъ произведеній, гдѣ авторъ стремится въ область сказочнаго, уходитъ отъ дѣйствительности,—таковъ въ общемъ романъ «Гудишки», татарская повѣсть «Кладъ», гдѣ рядомъ съ еврейской семьей Іохая выводится татарская, съ героемъ Гаметомъ, полнымъ неустрашимости, отваги, удальства; эта повѣсть, а въ особенности ея герой, носятъ на себѣ слѣды восточныхъ поэмъ Пушкина и Лермонтова. Она переноситъ насъ на суровые берега Камы, гдѣ прошла послѣ воинскихъ подвиговъ вся остальная жизнь Дуровой. Тамъ же происходитъ дѣйствіе и въ другой повѣсти «Уголъ», написанный въ 1840 году, которою собственно и заканчивается писательская дѣятельность Надежды Андреевны.

VI.

За то какой простотой, красотой и художественностью, поражаетъ она, какъ скоро пишетъ о томъ, что̀ видѣла, описываетъ то, что̀ слышала, что̀ было на самомъ дѣлѣ, гдѣ не надо прибѣгать къ вымыслу, звать на помощь малоуслужливую фантазію, а оставаться только въ предѣлахъ своего богатаго воображенія, которому послушно поддавалось ея талантливое перо.

Послѣ замѣчательныхъ во всѣхъ отношеніяхъ «Записокъ», повѣсть «Павильонъ» можетъ быть указана, какъ самое лучшее изъ ея беллетристическихъ произведеній. Но и она составляла нѣкогда часть «Записокъ», входила, какъ эпизодъ; авторъ извлекъ ее оттуда и напечаталъ отдѣльно въ видѣ повѣсти въ «Отечественныхъ Запискахъ», а между тѣмъ тамъ передается истинное происшествіе.

Авторъ разсказываетъ, какъ разъ остановился съ полкомъ въ одномъ изъ польскихъ селеній и ушелъ бродить по лѣсу. Увлекшись красотой мѣстности, онъ не замѣтилъ, какъ настала ночь. Ему пришлось чуть не ощупью выбираться изъ рощи, которая примыкала къ кладбищу. На кладбищѣ, не смотря на шумъ вѣтра и проливной дождь, онъ услыхалъ страшные стоны. Оглядѣвшись кругомъ, онъ увидѣлъ на могилѣ больного ксендза, съ которымъ сдѣлался припадокъ. Авторъ поднялъ его, помогъ дойти до дома,

уложилъ его въ постель, а самъ, хоть грязь была по колѣно,—добрался до своей стоянки. На другой день ксендзъ прислалъ его просить къ себѣ.

Хозяинъ квартиры, гдѣ поселился авторъ,—Рудзиковскій убѣждалъ его идти къ ксендзу въ партикулярномъ платьѣ и ни слова не упоминать о кладбищѣ и рощѣ. Авторъ хоть и послушалъ его совѣта, но на другой день сталъ просить Рудзиковскаго объяснить—къ чему, зачѣмъ всѣ эти предосторожности?

Вотъ чтò разсказалъ ему Рудзиковскій.

Ксендзъ Венедиктъ послѣ десяти лѣтъ счастливой брачной жизни получилъ на свѣтъ перваго сына. А родильница каждый вечеръ стала принимать порошекъ кремортартора. Разъ ей, вмѣсто кремортартора, по ошибкѣ принесли изъ аптеки мышьяку, и она умерла. Ксендзъ Венедиктъ служилъ въ то время въ военной службѣ. Теперь, послѣ такого несчастія, онъ рѣшилъ поступить въ духовное званіе и сына своего Валеріана пустить по той же дорогѣ. Изъ Валеріана вышелъ очень образованный молодой человѣкъ, который умѣлъ не только говорить на разныхъ языкахъ, но и рисовать, и играть на фортепьянахъ, играть на арфѣ.

Разъ онъ сталъ въ одномъ аристократическомъ домѣ давать уроки музыки. Ученицу его звали Терезой. Она была зла, некрасива и сварлива. Въ этомъ же домѣ жила маленькая сиротка Лютгарда. Она приходилась родственницей хозяйкѣ, была княжескаго рода. Но ее держали наравнѣ съ прислугой. Тереза даже била Лютгарду по щекамъ за то, что та неловка, а въ сущности Тереза просто завидовала ея красотѣ и не любила Лютгарды.

Валеріанъ не разъ замѣчалъ дурное обращеніе съ красавицей-сироткой и ему становилось жаль бѣдняжку. Онъ всегда ей покровительствовалъ, ласкалъ, цѣловалъ ее. Лютгарда тоже его любила, называла «мой Валеріанъ». Онъ испросилъ позволеніе у хозяйки дома учить ее на арфѣ. Но уроки продолжались недолго: Валеріанъ получилъ назначеніе викаріемъ въ томъ самомъ селеніи, гдѣ жилъ его отецъ. Приходилось распроститься со всѣми ученицами. Ему ужасно было жаль оставить несчастную Лютгарду. Прощаясь, онъ сказалъ ей, что черезъ мѣсяцъ пріѣдетъ и увезетъ ее тайно къ себѣ, будетъ воспитывать, учить и образованной дѣвушкой выпустить въ свѣтъ.

И Валеріанъ сдержалъ слово, не забылъ Лютгарды. Пріѣхавъ на новое мѣсто, онъ не поселился у отца, а нанялъ отдѣльный домъ у Рудзиковскаго, котораго упросилъ уступить ему и павильонъ, помѣщавшійся въ тополевой аллеѣ.

Изъ павильона Валеріанъ сдѣлалъ чудный уголокъ, убралъ и украсилъ его самымъ изысканнымъ образомъ и сюда-то тайкомъ ночью привезъ маленькую Лютгарду.

Три года жила она здѣсь взаперти, подъ надзоромъ добраго

Валеріана, который усердно училъ ее и развивалъ ея умъ. Одно было грустно Лютгардѣ, что къ ней никто не ходилъ, и ей не позволяли выходить изъ павильона,—развѣ только изрѣдка и то ночью. Ключъ отъ павильона всегда былъ при Валеріанѣ. Но, кромѣ явной двери, въ павильонѣ была еще и непримѣтная потайная: ее можно было отпереть, только пожавъ пружину снаружи у карниза.

Такъ прошло три года. Лютгардѣ минуло шестнадцать лѣтъ. Она стала тяготиться одиночествомъ, скучать, что Валеріанъ рѣдко бываетъ съ ней, отстраняется отъ ея ласкъ... Валеріанъ, чтобы утѣшить ее, не разъ прижималъ дѣвушку къ своей груди—и кровь огнемъ загоралась въ его тѣлѣ. Онъ отскакивалъ, отстранялъ отъ себя Лютгарду. Она плакала и при этомъ такъ смотрѣла на него, что ему казалось, она его любитъ. И онъ былъ внѣ себя отъ счастья. Ради нея онъ готовъ былъ отказаться отъ духовнаго сана, и съ этою цѣлью отправился въ Краковъ къ бискупу. Въ это время у него гостилъ графъ Р., гусарскій офицеръ. Одинъ жидъ, обозлившійся на ксендза Валеріана за дерзкое отношеніе къ жидамъ, подговорилъ графа пожить у ксендза и подсмотрѣть, какая красавица скрыта у него въ павильонѣ. Графъ жилъ у Валеріана долго. Сначала онъ думалъ, что самъ ксендзъ ему признается. Но ксендзъ не признался и уѣхалъ въ Краковъ, чтобы во всемъ покаяться передъ верховнымъ священникомъ и оставить духовный санъ.

Въ это время графъ дни и ночи ходилъ вокругъ павильона, искалъ, какъ въ него проникнуть, но на двери висѣлъ замокъ. Разъ, сидя въ саду, онъ бросилъ табакерку въ кошку, которая спускалась съ крыши къ карнизу, гдѣ сидѣла птичка, и самъ, не зная какъ, попалъ въ потаенную пружину. Дверь отворилась. Графъ бросился внутрь павильона.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ Лютгарды. Онъ разбудилъ ее поцѣлуями. Она ужасно ему обрадовалась: она не разъ видала его въ окно, когда онъ гулялъ съ Валеріаномъ. И теперь цѣловала его какъ человѣка, котораго давно любила. Они рѣшили, что имъ самое лучшее бѣжать. И они бѣжали. Что долженъ былъ испытать Валеріанъ по возвращеніи, — авторъ предоставляетъ судить самому читателю.

Разъ какъ-то Валеріанъ былъ въ городѣ, и черезъ селеніе проходилъ гусарскій полкъ, въ его рядахъ ѣхалъ графъ Р., а за нимъ карета. Полкъ останавился немного отдохнуть въ селеніи. За графомъ Р. ѣхала въ каретѣ его беременная жена, которую вдругъ схватили предродовыя мýки. Графъ поспѣшилъ гдѣ-нибудь помѣстить жену. Ему указали на домъ ксендза. Онъ внесъ туда жену, которая вскорѣ лишилась чувствъ и казалось умерла. А полкъ между тѣмъ двинулся дальше. Графъ долженъ былъ оста-

вить покойницу и идти за полкомъ. Онъ просилъ ксендза Венедикта похоронить графиню, оставилъ ему денегъ — и въ отчаяніи отправился за полкомъ. Венедиктъ распорядился, чтобы покойницу перенесли въ павильонъ.

Наконецъ, вернулся домой Валеріанъ. Отецъ ему разсказалъ, что былъ графъ Р., что его жена здѣсь умерла, и теперь тѣло ея находится въ павильонѣ. Валеріанъ бросился въ тополевую аллею, не помня себя. Но въ павильонѣ нашелъ не трупъ, а мать съ двумя новорожденными малютками. Въ изступленіи онъ занесъ ножъ. Мать кричала, просила о пощадѣ. Эти раздирающіе крики услыхалъ ксендзъ Венедиктъ и бросился вслѣдъ за сыномъ... Но дверь въ павильонѣ оказалась запертой изнутри. Когда ее отворили, — тамъ были лужи крови: не одна мать съ дѣтьми лежала мертвой, былъ мертвъ и Валеріанъ. Отецъ разразился проклятіями надъ трупомъ единственнаго сына. И съ тѣхъ самыхъ поръ съ нимъ стали дѣлаться припадки, ему чудились крики Лютгарды.

VII.

Я нарочно подробно изложила содержаніе повѣсти, чтобы читатель самъ видѣлъ, сколько въ ней эфектныхъ сценъ, трагическихъ положеній, ужасовъ, крови, проклятій, тайныхъ дѣлъ! — сколько изящныхъ картинъ! какъ интересно, какъ заманчиво развивается фабула,—сколько любви, симпатіи и, наконецъ, тяжелаго сожалѣнія возбуждаетъ красавица-сиротка! Да и самъ Валеріанъ, не смотря на все преступное убійство, возбуждаетъ въ читателѣ, вмѣсто негодованія и злобы, чувство необыкновенной симпатіи и жалости. Это вполнѣ честная, гуманная личность, съ добрымъ сердцемъ, доведенная до такой трагической развязки силою обстоятельствъ и вмѣшательствомъ въ его жизнь удалаго гусара.

Изъ сдѣланнаго подробнаго изложенія видны, какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны писательства Дуровой. Какъ ни старается она придать «Павильону» форму повѣсти, а все же это въ сущности выходятъ тѣ же записки, только на этотъ разъ вложенныя какъ бы въ двойныя рамки: первой служитъ «я» самого автора; вторую замѣняетъ Рудзиковскій, который разсказываетъ всю трагическую исторію Лютгарды и Валеріана. Тотъ же недостатокъ формы, который замѣчается и въ другихъ произведеніяхъ,—и рядъ совсѣмъ ненужныхъ, вызванныхъ только этою самою искусственною формой подробностей, какъ напримѣръ—кладбище, ночное путешествіе автора, его встрѣча съ ксендземъ Венедиктомъ... все это до самой повѣсти, т. е. до несчастной исторіи Валеріана и Лютгарды, не имѣетъ никакого отношенія. Бѣлинскій говоритъ, что этой повѣсти цѣны бы не было, еслибы она не была растянута, еслибы исключить изъ нея всѣ ненужныя подробности.

Дѣйствительно, какъ прелестно удались автору всѣ трагическія сцены крови, страданій, мукъ! Въ этомъ особенность пера Дуровой-Александрова: чѣмъ ужаснѣе, чѣмъ трагичнѣе, чѣмъ экстраординарнѣе сцена, тѣмъ лучше она удается автору, тѣмъ ярче, художественнѣе выходитъ у него ея воспроизведеніе. Его, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, всегда влечетъ все ужасное, фантастическое, таинственное, страшное... кладбище... черти... таинственный павильонъ... похищеніе... убійство... громкіе вопли, стѣнанія... картины битвъ, борьба съ медвѣдемъ и т. д. А между тѣмъ онъ самъ еще съ дѣтства отличался поразительнымъ безстрашіемъ: Надеждѣ Андреевнѣ ничего не значило въ темную ночь идти одной на кладбище... въ лѣсъ, на пустынный берегъ Камы, взобраться на высокій, утесистый берегъ рѣки... Ни въ чертей, ни въ домовыхъ Дурова не вѣрила; никого и ничего не боялась, а между тѣмъ ей доставляло какое-то особое удовольствіе, особое наслажденіе запугивать другихъ подобными разсказами, возбуждать въ душѣ другихъ страхъ и трепетъ. Простую, обыкновенную будничную жизнь она не любила ни въ дѣйствительности, въ повѣстяхъ. Сама экстраординарная во всемъ, она искала въ жизни чего-нибудь выходящаго изъ ряда вонъ, чего-нибудь необыкновеннаго, исключительнаго! и только исключительное охотно изображала и въ «Запискахъ», и въ повѣстяхъ. Простая, повседневная жизнь не могла привлечь ея вниманія и настолько завладѣть воображеніемъ, чтобы появилось желаніе вылить эту жизнь въ образы, сложить разсказъ или повѣсть.

Всего только разъ она сдѣлала предметомъ своего повѣствованія заурядное явленіе: непостоянство симпатій столичныхъ людей. Она изобразила это въ произведеніи: «Годъ жизни въ Петербургѣ или невыгоды третьяго посѣщенія». Какъ человѣкъ возросшій въ провинціи среди патріархальныхъ нравовъ, какъ человѣкъ въ высшей степени искренній, Надежда Андреевна привыкла вѣрить тому, что̀ говорятъ, привыкла вѣрить словамъ, полагаться на ихъ значеніе, вѣрить въ привязанность и въ прочность чувства и т. д. И вдругъ ей, провинціалкѣ, приходится столкнуться съ свѣтскими столичными людьми и горькимъ опытомъ на себѣ самой испытать, какъ люди не постоянны въ своихъ привязанностяхъ,—узнать,—какъ часто ихъ слова выражаютъ гораздо больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ,—что люди часто говорятъ только ради слова, ради моды и т. д. И всѣмъ этимъ Надежда Андреевна удивлена, поражена до глубины души.

Въ 1836 году, когда вышли ея «Записки», Петербургъ встрѣтилъ Дурову, какъ дорогого гостя. Ее на перебой приглашали на обѣды, вечера, завтраки, присылали за ней экипажи. Несомнѣнно, ей было это пріятно, льстило самолюбію, тѣмъ болѣе, что она вѣрила въ искренность тѣхъ ласкъ и уваженія, съ которыми ее встрѣ-

чали во всѣхъ домахъ. Но при третьемъ посѣщеніи одной и той же семьи она поражена: что случилось? на нее не обращаютъ вниманія, ни съ кѣмъ не знакомятъ, не приглашаютъ даже садиться. Она смущена, поражена, недоумѣваетъ. И такой пріемъ почти во всѣхъ домахъ. Очень немногіе не мѣняютъ такъ рѣзко своего отношенія. Сначала она готова была не вѣрить себѣ,— потомъ стала доискиваться причины. Оказывается ларчикъ просто открывался: ею интересовались на первый разъ, какъ необыкновеннымъ явленіемъ, хотѣли показать знакомымъ, какъ феноменъ — и для этого приглашали во второй разъ, а тамъ, найдя, что она не красива, стали прислушиваться къ распускаемымъ сплетнямъ, — чѣмъ и объясняется третій холодный пріемъ.

Оскорбленное чувство руководило перомъ автора въ данномъ случаѣ, и потому здѣсь нечего искать художественнаго воспроизведенія столичныхъ гостиныхъ съ ихъ разговорами о политикѣ, остротами, новостями; для художественнаго произведенія требуется больше объективности, больше спокойствія, а авторъ,—какъ было замѣчено,—черезчуръ уязвленъ. Плетневъ еще тогда замѣтилъ въ «Современникѣ», гдѣ помѣстилъ рецензію на «Годъ въ Петербургѣ», что «выходъ этихъ записокъ не отдѣленъ законнымъ промежуткомъ отъ эпохи событія: для художественнаго интереса— прибавляетъ онъ—полагаемъ это необходимымъ условіемъ».

Въ общемъ произведеніе скучно, растянуто, состоитъ изъ повторенія одного и того же факта въ нѣсколькихъ домахъ,— и имѣетъ скорѣе личный, біографическій, чѣмъ какой-нибудь иной интересъ.

Надеждѣ ли Андреевнѣ въ самомъ дѣлѣ было любить обыденное, когда она сама представляла такое феноменальное явленіе? Другихъ подобныхъ примѣровъ на воинскомъ поприщѣ наша исторія не знаетъ; не знаетъ она также и писательницы съ такимъ сильнымъ, мужественнымъ и блестящимъ перомъ среди самоучекъ, обязанныхъ своимъ талантомъ и развитіемъ исключительно себѣ, собственной энергіи; не знаетъ наша литература и такой писательницы, которая, выступивъ на литературную арену въ такіе уже пожилые годы (Надежда Андреевна начала писать 53 лѣтъ) и писавши всего только четыре года,—такъ много дала бы въ этотъ короткій промежутокъ! Она успѣла заявить себя, какъ несомнѣнный талантъ и притомъ талантъ не маленькій, выросшій большимъ блестящимъ самородкомъ, который удивилъ не менѣе ея эксцентричной выходки—поступленія въ полкъ. И тамъ, и тутъ, она съумѣла выдвинуться.

Съ 1840 года о ней замолкаютъ слухи въ литературѣ. Она поселилась въ Елабугѣ, гдѣ въ это время мѣсто городничаго занималъ ея братъ, Василій Андреевичъ, неменѣе странный, какъ и она,—дикій, необузданный. Онъ отличался разными эксцентрич-

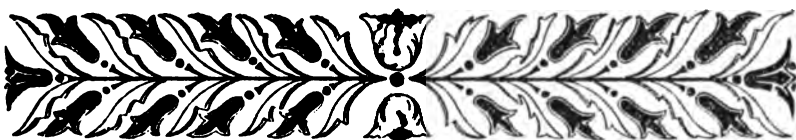
ностями, былъ страшный взяточникъ; у него, говорятъ, даже нищіе были обложены опредѣленнымъ сборомъ. Это тотъ самый Дуровъ, котораго Пушкинъ, возвращаясь изъ Арзрума, подвезъ до Москвы въ своей коляскѣ,—какъ проигравшагося въ карты,—который всю дорогу надоѣдалъ Александру Сергѣевичу своими изобрѣтеніями различныхъ способовъ, какъ раздобыться 100,000 рублями, которыя Дурову хотѣлось бы имѣть во что̀ бы то ни стало. Насколько Надежда Андреевна сходилась съ братомъ—неизвѣстно, потому что объ этомъ періодѣ ея жизни нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что она жила не съ нимъ, а отдѣльно, на пенсію, которую получала со времени своей отставки изъ военной службы. Пенсія, разумѣется, была небольшая, жить приходилось больше, чѣмъ скромно. Но это, впрочемъ, не мѣшало Надеждѣ Андреевнѣ отдавать иногда послѣднія деньги, бывшія въ карманѣ, за какую-нибудь совсѣмъ негодную вещь, которая сейчасъ же послѣ покупки бросалась и отдавалась первому попавшемуся нищему. Можетъ быть, тоже отсутствіе средствъ, а можетъ быть уже и преклонные годы,—потеря всѣхъ друзей, заставили ее подъ конецъ вести уединенную жизнь,—и въ городѣ о ней какъ бы забыли.

Tout passe, tout casse...

И тихо, незамѣтно, 23-го марта 1866 года, сошла въ могилу, нѣкогда такъ сильно нагремѣвшая и нашумѣвшая, Н. А. Дурова. Не оставляла она на землѣ никого, кому бы тяжела была ея утрата. Правда, послѣ нея оставался сынъ. Но онъ былъ не только взрослый, но уже старый человѣкъ, да и едва ли когда-нибудь сынъ былъ къ ней близокъ. Вслѣдствіе ли обычнаго своего каприза, или любви къ экстравагантности, или вслѣдствіе недовольства имъ, она требовала, чтобы онъ не называлъ ея матерью. Ни денегъ, ни богатствъ не оставляла послѣ себя женщина-воинъ и писательница. Въ карманѣ ея мужского сюртука послѣ смерти былъ найденъ одинъ рубль,—это было все ея богатство!

Гробъ въ день похоронъ вынесенъ былъ въ церковь раннимъ утромъ. Жители Елабуги не стремились на проводы нѣкогда большой знаменитости. За то мѣстный кадровый батальонъ по правиламъ воинскимъ не могъ забыть и не отдать чести товарищу, заслужившему славу храбраго Георгіевскимъ крестомъ. Крестъ—улика храбрости—былъ на лицо. Его несъ на рукахъ одинъ изъ офицеровъ до самаго кладбища. Туда же проводилъ покойницу и мѣстный батальонъ. Такъ успокоилась Надежда Андреевна послѣ восьмидесяти-трехъ-лѣтней жизни, полной борьбы, труда, лишеній подвиговъ и двойной славы воина и писателя.

Е. Некрасова.

КЪ ИСТОРІИ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЕННО-СИРОТСКАГО ДОМА И ПАВЛОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

ВЪ НАЧАЛѢ шестидесятыхъ годовъ, бывшіе кадетскіе корпуса были упразднены и вмѣсто нихъ учреждены военныя гимназіи. Гимназіи эти должны были составить совершенно новыя заведенія, не имѣвшія никакого отношенія къ прежнимъ кадетскимъ корпусамъ. Такъ: «дабы сохранить память о 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, какъ разсадникѣ военнаго образованія въ отечествѣ и преданія связанныя съ его именемъ о доблестяхъ военно-начальниковъ и государственныхъ людей, проведшихъ юность въ этомъ заведеніи», повелѣно было придать Павловскому военному училищу названіе 1-го военнаго училища [1]).

Такимъ образомъ, 1-е Военное Павловское училище, сохраняя память о 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, именемъ своимъ только случайно напоминало о бывшемъ военно-учебномъ заведеніи того же названія, но ничего общаго съ нимъ не имѣло и ни въ какомъ преемственномъ отношеніи къ нему не состояло. Павловскій кадетскій корпусъ былъ упраздненъ окончательно; кадеты его переведены въ различныя военныя гимназіи, а знамена—корпусное и бывшаго Военно-Сиротскаго Дома и мраморныя доски переданы въ 1-е Павловское училище.

Зданія Павловскаго корпуса—коренныя, у Обуховскаго моста—были переданы еще прежде Константиновскому училищу, а послѣднія (домà бывшаго Дворянскаго Полка), въ коихъ корпусъ находился передъ его упраздненіемъ — заняты были 1-ю военною гимназіей.

---

[1]) Приказъ по воен. вѣд., 17 мая 1864 г., № 158.

Въ 1877 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы преемниками 1-го кадетскаго корпуса считать какъ 1-ю военную гимназію, такъ и 1-е военное Павловское училище въ совокупности. Этимъ повелѣніемъ окончательно подтверждено, что 1-е военное Павловское училище, не имѣло ничего общаго съ бывшимъ корпусомъ, имя коего случайно носило.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, военныя гимназіи вновь преобразованы въ кадетскіе корпуса, которые и признаны потомъ преемниками прежнихъ корпусовъ. Этимъ путемъ возстановились всѣ прежніе корпуса, кромѣ Павловскаго, какъ незамѣненнаго при реформѣ 1864 г. военной гимназіей. Это обстоятельство было весьма прискорбно для бывшихъ павловскихъ кадетъ и въ средѣ ихъ, особенно со времени начала періодическихъ сборищъ на ежегодные товарищескіе обѣды 23 декабря, возникла мысль ходатайствовать о томъ, чтобы память о Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ была возстановлена тѣмъ или другимъ образомъ.

Желанія эти были удовлетворены при дѣятельномъ содѣйствіи нынѣшняго военнаго министра, генералъ-адъютанта Ванновскаго, бывшаго послѣднимъ директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса и первымъ начальникомъ Павловскаго военнаго училища. 17-го ноября 1887 г.[1]), Высочайше повелѣно: «съ возстановленіемъ 1-го кадетскаго корпуса, считать его преемникомъ бывшаго 1-го кадетскаго корпуса, а 1-е военное Павловское училище — бывшаго Павловскаго кадетскаго корпуса».

Тогда же Павловскому училищу указано: «имѣть знамя бывшаго Павловскаго кадетскаго корпуса, хранящееся нынѣ въ церкви училища и съ которымъ оно выходило въ строй до передачи ему знамени бывшаго 1-го кадетскаго корпуса». Знамя Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома и мраморныя доски, переданныя училищу изъ Павловскаго кадетскаго корпуса, остались въ немъ попрежнему.

Подобное установленіе преемственности дало 1-му военному Павловскому училищу право считать днемъ своего основанія 23 декабря 1798 года, когда учрежденъ былъ императоромъ Павломъ I Императорскій Военно-Сиротскій Домъ. При этомъ оказалось, что недалеко уже то время, когда училищу придется праздновать свою столѣтнюю годовщину. Заговорили о благовременности приступа къ собранію матеріаловъ по изготовленію исторіи, которая должна быть общею для Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома, Павловскаго кадетскаго корпуса и 1-го военнаго Павловскаго училища. Для составленія исторіи Павловскаго корпуса образовался особый комитетъ, каждый членъ котораго взялъ на себя разработку матеріаловъ за тотъ или другой періодъ времени. На мою долю, какъ

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ по глав. упр. военно-учеб. зав., 9-го ноября 1887 г., № 108.

бывшаго павловца и члена комитета, пришлись матеріалы Военно-Сиротскаго Дома.

Письменныхъ матеріаловъ для моей работы оказалось много, но всѣ они были односторонни, потому что обрисовывали одну офиціальную сторону дѣла, давая мало данныхъ для выясненія бытовой стороны существованія заведенія. При самомъ приступѣ къ работѣ я убѣдился, что пріурочение дня учрежденія Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома къ 23-му декабря 1798 г. неосновательно. Въ этотъ день Высочайше утвержденъ докладъ (Пол. Соб. Зак., № 18793, 1798 г., стр. 488) «объ учрежденіи Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома и отдѣленій онаго при гарнизонныхъ полкахъ» съ приложенными къ нему штатами. Самое же заведеніе существовало прежде, съ 31-го марта 1797 г., подъ именемъ «Дома Военнаго Воспитанія», а съ 12-го апрѣля 1798 г. уже подъ названіемъ Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома [1]).

Выяснилось также, что еще въ Гатчинѣ, цесаревичъ Павелъ учредилъ школы мальчиковъ и дѣвочекъ. Содержалъ онъ ихъ на собственныя средства и потомъ перевелъ въ Петербургъ (14-го февраля 1797 г.), образовавъ изъ нихъ Домъ Военнаго Воспитанія.

Найдя документальныя доказательства, что столѣтній юбилей 1-го военнаго Павловскаго училища придется праздновать по крайней мѣрѣ на полтора года ранѣе, чѣмъ предполагали, я почти одновременно съ этимъ открытіемъ былъ пріятно пораженъ появленіемъ въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ «Воспоминаній И. Р. Тимченко-Рубана», бывшаго воспитанника Военно-Сиротскаго Дома во время преобразованія его въ Павловскій кадетскій корпусъ.

Оказывается, что въ періодъ времени съ 1823 по 1833 г. когда И. Р. Тимченко-Рубанъ былъ въ заведеніи, въ немъ еще жили свѣжія преданія о его основателѣ и изъ устъ въ уста переходила легенда о томъ, какъ императоръ Павелъ Петровичъ и императрица Марія Ѳеодоровна любили Домъ какъ свое «дѣтище».

«Не было и недѣли,—говоритъ И. Р. Тимченко-Рубанъ,—чтобы питомцы заведенія не видѣли своихъ августѣйшихъ покровителей. Императрица никогда не пріѣзжала безъ цѣлаго транспорта корзинъ, наполненныхъ конфектами и другими лакомствами, которыя она собственноручно раздавала и мальчикамъ и дѣвочкамъ. Императоръ, въ сравненіи съ его отношеніями къ другимъ заведеніямъ, былъ даже пристрастенъ къ Дому. Это пристрастіе весьма рельефно выражалось по отношнію къ выпускнымъ воспитанникамъ: сверхъ обмундированія, имъ выдавалось еще денежное пособіе изъ какого-то, собственно для этого существующаго капитала. Для произ-

---

[1]) Архивъ 1-го восп. Павловскаго учил. Документы бывшаго Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома, дѣла №№ 2 и 4 (стр. 344).

водимыхъ же въ полки гвардейской кавалеріи, государь дарилъ верховыхъ лошадей изъ собственной конюшни».

Кромѣ того, въ «Воспоминаніяхъ» говорится, «что графъ Воронцовъ подарилъ для заведенія громадный домъ съ обширнымъ пустымъ мѣстомъ въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, у Обухова моста».

На мой взглядъ легенда объ отношеніяхъ императора Павла къ Военно-Сиротскому Дому — весьма драгоцѣнна. Она показываетъ, что память о державномъ основателѣ Дома, долговременно сохранялась между его питомцами, съ благоговѣніемъ передававшими другъ другу разсказы о милостяхъ своего благодѣтеля. За время моего пребыванія въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ съ 1844 по 1857 г. эти воспоминанія, къ сожалѣнію, совсѣмъ уже изгладились. Легенда перестала жить между кадетами, а изъ нашихъ воспитателей никто не напоминалъ намъ о его основателѣ, великодушно дававшемъ на его содержаніе изъ своихъ скудныхъ средствъ не малыя денежныя суммы. Только наименованіе корпуса Павловскимъ и прекрасный портретъ императора Павла I — выставленный не въ рекреаціонномъ залѣ наряду съ портретами его царственныхъ сыновей, а хранившійся почему-то въ библіотекѣ — напоминали намъ о далекомъ прошломъ. Впрочемъ, въ 1851 году, воспоминанія эти нѣсколько оживились. 1-го августа того года, въ Гатчинѣ былъ открытъ памятникъ императору Павлу Петровичу и на открытіи присутствовало 12 кадетъ Павловскаго корпуса, въ числѣ коихъ былъ и я. 7-го августа я былъ произведенъ въ прапорщики л.-гв. Егерскаго полка.

Переходя къ приведенной вышѣ легендѣ и сопостовляя ее съ несомнѣнными данными, я долженъ сказать, что она нѣсколько пріукрашена, что, впрочемъ, не отнимаетъ у нея ея достоинствъ и свидѣтельствуетъ только объ особой любви и благодарности воспитанниковъ къ своему благодѣтелю.

Разсмотрѣвъ всѣ дѣла Военно-Сиротскаго Дома за время царствованіе Павла I, я нашелъ одно только указаніе на посѣщеніе государемъ Дома. Это было 15-го января 1800 г.[1]). Государь, обозрѣвъ Домъ, остался весьма доволенъ найденными имъ порядками и, объявивъ свое благоволеніе, приказалъ: «о всѣхъ съ отмѣннымъ прилежаніемъ служащихъ въ ономъ, представить къ награжденію чинами». Тогда же всѣ служащіе въ Домѣ, имѣвшіе штатскіе чины, получили право носить мундиръ Петербургской губерніи[2]). О другихъ посѣщеніяхъ, если таковыя были, нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Можетъ быть не относится ли легенда ко времени нахожденія школъ еще въ Гатчинѣ?

---

[1]) Арх. 1-го Пав. уч. Дѣло № 21, стр. 145.

[2]) Тамъ же, Дѣла №№ 7, 19 и 18.

За время царствованія Павла I, съ 6-го ноября 1796 г. по 12-е марта 1801 г. изъ Военно-Сиротскаго Дома произведены въ офицеры 43 чел., а именно:

а) 7-го мая 1799 г. 17 воспитанниковъ, изъ которыхъ 16 чел. опредѣлены прапорщиками въ гарнизонный полкъ Леццано (въ Иркутскѣ), а одинъ въ гарнизонъ генерала Бибикова (въ Воронежѣ) [1]).

б) 13-го октября того же 1799 г. 24 воспитанника выпущены прапорщиками тоже въ гарнизонные полки; 4 чел. въ полкъ графа де-Кастро-Лацерда; 5 чел. въ полкъ Вырубова 1; 7 чел.—въ полкъ Балашева и 8 чел. въ полкъ Бушена.

в) 6-го и 7-го марта 1801 г. кадеты: Харкевичъ произведенъ въ прапорщики «л.-гв. въ полкъ его императорскаго высочества Николая Павловича» и Ирецкій — въ корнеты въ Кавалергардскій полкъ.

Ирецкій былъ произведенъ въ гвардейскую кавалерію за недѣлю до смерти Павла I и если получилъ лошадь изъ собственной его величества конюшни, то имъ однимъ и ограничилась подобная милость.

Офицерамъ обоихъ выпусковъ 1799 г. выданы прогоны и отпущено заимообразно впередъ третное жалованье (по 54 р. 66 к. по полевому положенію). Кромѣ того, изъ суммъ Кабинета его величества, отпущено на обмундированіе офицеровъ второго выпуска по 50 р. каждому. Предписывая эконому получить изъ Кабинета эти деньги и выдать по принадлежности, директоръ Дома подполковникъ Веймарнъ говоритъ: «прошу васъ служить симъ бѣднымъ и неопытнымъ молодымъ людямъ въ покупкѣ нужнаго имъ помочью, дабы ихъ не обманули». Въ позднѣйшее время, напримѣръ, въ мое, такой заботливости о молодыхъ офицерахъ корпусное начальство не проявляло.

Особые денежные капиталы, дѣйствительно, были подарены императоромъ Военно-Сиротскому Дому. Указомъ 18-го іюля 1799 г. № 373 [2]), Военная Коллегія дала знать директору Дома, что графы Михаилъ и Николай Петровичи Румянцевы пожертвовали пятьдесятъ тысячъ рублей «въ благодарность за поставленный памятникъ службѣ отца ихъ», «съ тѣмъ чтобы ежегодные съ этой суммы проценты обращены были на пріумноженіе воспитывающихся въ учрежденномъ здѣсь Военно-Сиротскомъ Домѣ дѣтей». Тѣмъ же указомъ сообщалось, что тысячу рублей изъ ежегодныхъ процентовъ Высочайше повелѣно, назначить на обмундированіе кадетъ, выпускаемыхъ въ армейскіе полки.

---

[1]) Въ числѣ воспитанниковъ, произведенныхъ 7-го мая 1799 г., вторымъ показанъ Іадоръ Тимченко-Рубанъ, бывшій въ заведеніи съ 20 фев. 1797 г. Отъ роду ему было 15 л.

[2]) Арх. 1-го Пав. уч. Дѣло № 8, стр. 62 и 63.

Передъ тѣмъ, за мѣсяцъ, 3-го іюня 1799 г. Высочайше утвержденъ былъ актъ объ учрежденіи графомъ Сергѣемъ Румянцевымъ, въ пользу благородныхъ воспитанниковъ Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома командорства подъ названіемъ «Монументскаго» [1]). «Въ изъявленіе всеглубочайшей благодарности къ е. и. в. за сооруженіе памятника службы покойнаго его родителя, графа Румянцева-Задунайскаго, установляетъ (графъ Сергѣй Румянцевъ) въ пользу благородныхъ воспитанниковъ Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома командорства подъ названіемъ Монументскаго, которое бы на вся грядущія времена сопровождаемо и самый сей памятникъ свидѣтельствомъ душевной его къ великодушію государя императора признательности».

Монументское командорство должно было приносить три тысячи рублей ежегоднаго дохода. Въ обезпеченіе его осуществленія представлено было, находившееся въ Малороссійской губерніи въ Глуховскомъ повѣтѣ, село Литвиновичи, 324 души, да въ ближайшихъ селеніяхъ 76, а всего 400 душъ.

Первыми командорами назначены были прапорщики Максимовъ 1-й, Максимовъ 2-й, Селивановъ и Толмачевъ, выпуска 7-го мая 1799 г. Всѣ они въ Иркутскъ не отправлены, а приказомъ 21-го мая 1799 г. назначены подпоручиками въ егерскій Михельсона 2-го полкъ.

Затѣмъ въ 1800 г. (дѣло № 12, стр. 177) указомъ отъ 18-го сентября Военная Коллегія сообщила о принятіи 50.000 руб. «вносимыхъ здѣшнимъ купцемъ Нащокинымъ съ товарищи изъ усердія въ пользу Военнаго Сиротскаго Дома». Ближайшихъ поводовъ къ этому крупному пожертвованію изъ дѣлъ невидно.

Пожертвованія графовъ Румянцевыхъ и особенно «купца Нащокина съ товарищи» свидѣтельствуютъ, что во всѣхъ слояхъ столичнаго общества знали, какое значеніе придавалъ императоръ Павелъ I учрежденному имъ заведенію. Только этимъ и можетъ быть объяснено, что графы Румянцевы и Нащокинъ съ товарищи, свои крупныя пожертвованія связали съ дѣломъ воспитанія юношества въ Императорскомъ Военно-Сиротскомъ Домѣ. Этимъ хотѣли сдѣлать личное удовольствіе государю. И очевидно стало быть, что благодарная легенда дѣйствительно могла образоваться среди воспитанниковъ Дома.

Свидѣтельство И. Р. Тимченко-Рубана о томъ, что графъ Воронцовъ подарилъ Военно-Сиротскому Дому свой громадный домъ у Обухова моста, слѣдуетъ вполнѣ опровергнуть. Въ документахъ Дома (дѣло № 2) мною найдено слѣдующее предписаніе С.-Петербургскаго военнаго губернатора графа Буксгевдена отъ 23-го ноября 1797 г. № 1583.

---

[1]) Арх. 1-го Пав. уч. Дѣло № 8, стр. 410.

«Господину директору Дома Военнаго Воспитанія маіору Веймарну.

«Во исполненіе высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, симъ вамъ, господинъ директоръ предписываю: купленный въ казну большой домъ графа Воронцова, стоящій у Обухова моста, назначенный для дѣтей Дома Военнаго Воспитанія, по полученіи сего, надлежащимъ порядкомъ по описи припять отъ управителя его, губернскаго секретаря Дилигенскаго, въ ваше вѣдѣніе и по исполненіи мнѣ рапортовать. Графъ Буксгевденъ».

Приведенныя выше поправки доказываютъ, что въ распоряженіи лицъ, занимающихся нынѣ составленіемъ исторіи Павловскаго кадетскаго корпуса находится много весьма интересныхъ и существенно важныхъ офиціальныхъ документовъ. Но, къ сожалѣнію, матеріалы эти мало говоря о бытовой сторонѣ, невсегда достаточны и для разъясненія фактическихъ сторонъ дѣла. Такъ, напримѣръ, нѣтъ ничего точнаго о времени открытія въ Гатчинѣ и переводѣ въ Петербургъ, учрежденныхъ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, школъ, составившихъ Домъ Военнаго Воспитанія; нѣтъ свѣдѣній, гдѣ это заведеніе помѣщалось въ Петербургѣ до перевода въ домъ Воронцова, у Обухова моста, есть только свидѣтельство, что директоръ Дома жилъ въ Итальянскомъ саду, по набережной р. Фонтанки (нынѣ тамъ Екатерининскій институтъ); нѣтъ также никакихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ къ Дому знаменитаго Аракчеева.

И. Р. Тимченко-Рубанъ, упоминая, что его съ братомъ приняли въ Домъ по запискѣ графа Аракчеева къ директору, приводитъ слѣдующія слова временщика:

«Я помѣщаю васъ въ лучшее и любимое заведеніе, основанное по моему проекту блаженной памяти императоромъ Павломъ Петровичемъ, и ежели вы будете учиться и вести себя хорошо, я незабуду васъ».

Дѣйствительно, докладъ поднесенный Военною Коллегіей на утвержденіе государя объ учрежденіи Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома былъ подписанъ: цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ, генераломъ-отъ-инфантеріи Ламбомъ, генераломъ-отъ-кавалеріи барономъ Паленомъ и генералъ-лейтенантомъ барономъ Аракчеевымъ (Пол. Соб. Зак. № 18.793). Очевидно, что баронъ Аракчеевъ принималъ участіе въ составленіи проекта объ учрежденіи Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома, но можно ли изъ этого заключить, что онъ одинъ составилъ этотъ проектъ, а прочія лица только его подписали? Вѣроятность есть, но положительно утверждать нельзя. Во всѣхъ дѣлахъ Военно-Сиротскаго Дома за время царствованія императора Павла есть двѣ, три незначительныя (по нѣскольку строкъ) бумаги за подписью Аракчеева и больше ничего. Желательно бы разъяснить это. Нѣтъ ли свѣдѣ-

ній объ этомъ у кого-нибудь изъ лицъ, занимающихся біографіей Аракчеева?

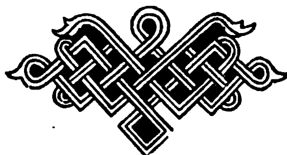
Точно также представляется желательнымъ разъяснить свѣдѣнія о первыхъ школахъ, изъ которыхъ составленъ былъ въ Петербургѣ «Домъ Военнаго Воспитанія». Домъ этотъ учрежденъ въ Петербургѣ 14-го февраля 1797 г. [1]). 31-го марта 1797, въ Домъ назначенъ директоромъ маіоръ Веймарнъ [2]) и ему генераломъ графомъ Буксгевденомъ предписано принять: «отъ имѣющихъ состоять подъ вѣдомствомъ вашимъ маіорши Деропъ и регистратора Шахова, коимъ уже о сдачѣ отъ меня предписано какъ воспитанницъ, такъ и воспитанниковъ и служителей, а равнымъ образомъ и всѣ въ томъ Домѣ находящіяся вещи по описи».

Госпожа Деропъ, подписавшаяся «маіорша фон-дерропова», уволена была отъ службы 2-го января 1798 г. съ пенсіей по 200 руб. въ годъ. О регистраторѣ же Шаховѣ есть указанія, что онъ принадлежалъ къ числу чиновъ морского вѣдомства, бывшихъ въ Гатчинѣ.

По этимъ указаніямъ о маіоршѣ Деропъ (Дюропъ? или фонъ-деръ-Роопъ?) и регистраторѣ Шаховѣ не найдется ли у кого-либо болѣе подробныхъ данныхъ какъ о нихъ самихъ, такъ и о заведеніяхъ состоявшихъ подъ ихъ начальствомъ.

Свѣдѣнія объ отношеніяхъ Аракчеева къ Военно-Сиротскому Дому, о г-жѣ Деропъ и Шаховѣ, а также о гатчинскихъ школахъ цесаревича и вообще Военно-Сиротскомъ Домѣ—я бы просилъ адресовать мнѣ на Бассейную, 25.

Д. Анучинъ.

---

[1]) Архивъ 1-го Павловскаго училища. Дѣло № 9, стр. 113. Рапортъ Веймарна отъ 28-го октября 1799 г. № 484.

[2]) Тамъ же. Дѣло № 2 ордеръ Буксгевдена отъ 31-го марта 1797 г. № 44.

ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ГРАКХОВЪ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

«У насъ показался новый Гракхъ — Козодавлевъ. Я думаю сообщить тебѣ его мнѣніе... Почувствуешь въ немъ запахъ, пріятный обонянію настоящаго времени».

(Изъ письма гр. Завадовскаго къ гр. С. Р. Воронцову).

СТОРИКЪ нашей Россійской Академіи (нынѣ второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ) М. И. Сухомлиновъ посвятилъ шестой томъ своего замѣчательнаго труда исключительно біографіи Осипа Петровича Козодавлева. До сихъ поръ о Козодавлевѣ встрѣчались лишь отрывочныя, неясныя свѣдѣнія, а между тѣмъ личность этого выдающагося и энергичнаго дѣятеля Екатерининскаго и Александровскаго времени заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ значеніе Козодавлева въ исторіи русской литературы и въ исторіи умственнаго развитія русскаго общества несомнѣнно. Пользуясь матеріалами, собранными М. И. Сухомлиновымъ, мы попытаемся представить въ нашемъ очеркѣ сжатую характеристику Козодавлева.

Осипъ Петровичъ Козодавлевъ — родовитый русскій дворянинъ, хотя и выводилъ себя отъ выходца изъ нѣмецкой земли, по фамиліи Koss-von-Dahhen; Козодавлевы начинаютъ фигурировать въ разрядныхъ спискахъ, начиная съ царствованія Бориса Годунова. Отецъ нашего Козодавлева умеръ 29 лѣтъ отъ роду въ чинѣ секундъ-ротмистра Конногвардейскаго полка, и четырехлѣтній мальчикъ остался на попеченіи матери своей, Аграфены Григорьевны, дочери камергера Петрово-Соловово. Восьми лѣтъ Козодавлевъ назначенъ въ пажи, и съ этого времени числится на службѣ, а 15-ти — отправленъ императрицей Екатериной II въ Лейпцигъ для довер-

шенія образованія въ тамошнемъ университетѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими русскими юношами. Слушая здѣсь курсъ юридическихъ наукъ, Козодавлевъ въ то же время находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ знаменитаго въ то время профессора филологіи Платнера, о которомъ говоритъ въ своихъ письмахъ Карамзинъ, и Геллерта (1715—1769), который, отказавшись отъ каѳедры въ университетѣ, читалъ публичныя лекціи объ изящной словесности.

Козодавлевъ уѣхалъ изъ Лейпцига хорошо образованнымъ человѣкомъ и съ самыми просвѣщенными стремленіями; но особенно цѣнно въ немъ то, что жизнь за границей и пріобрѣтенныя тамъ познанія не оторвали его отъ почвы: напротивъ, вернувшись на родину, онъ живо почувствовалъ желаніе узнать и изучить относительно своей родной страны то же, что онъ такъ тщательно усвоилъ относительно строя иноземныхъ государствъ. Въ прошеніи своемъ объ опредѣленіи на службу въ Сенатъ, поданномъ тотчасъ по возвращеніи въ Россію, пажъ Козодавлевъ пишетъ: «прошу опредѣлить меня въ Правительствующій Сенатъ, зная, что я нигдѣ такъ способно мою службу продолжать не могу, какъ тутъ, потому что я ни обрядовъ, ни правъ россійскихъ не знаю, то покорно прошу мнѣ такое мѣсто дать, гдѣ бы онымъ научиться могъ» (Сухомлиновъ, Ист. росс. акад.» т. VI, стр. 27). Поступивъ въ Сенатъ протоколистомъ въ 1774 году, Козодавлевъ черезъ три года былъ назначенъ экзекуторомъ, затѣмъ совѣтникомъ с.-петербургской палаты гражданскаго суда, а въ началѣ 1783 года опредѣленъ однимъ изъ двухъ совѣтниковъ при директорѣ Императорской Академіи Наукъ, что̀ приблизило Козодавлева къ княгинѣ Е. Р. Дашковой, занявшей въ то время эту должность. Онъ сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ княгини, по изданію «Собесѣдника любителей россійскаго слова», и озаботился изданіемъ сочиненій М. В. Ломоносова, включивъ въ это собраніе и его письма. На слѣдующій годъ Козодавлевъ оставляетъ свой постъ, чтобы принять на себя еще болѣе отвѣтственное дѣло, въ качествѣ преемника извѣстнаго Янковича де-Мирьево, по должности директора училищъ С.-Петербургской губерніи и члена комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ. Важнѣйшимъ памятникомъ участія его въ трудахъ этой комиссіи является составленный проектъ устава русскихъ университетовъ. Нельзя не согласиться съ біографомъ Козодавлева, что въ этомъ его проектѣ «выражается тогдашнее состояніе нашей образованности и знакомство автора съ тогдашними условіями нашей общественной жизни», благодаря чему «по своимъ основнымъ чертамъ проектъ Козодавлева органически сливается съ предшествующими и послѣдующими дѣйствіями и предпріятіями для водворенія у насъ высшаго образованія» (ibid. 56—57). Не входя въ особыя подробности этого проекта, осуществленнаго впослѣдствіи въ

русской жизни, укажемъ лишь на тотъ общій взглядъ на университетскій вопросъ, какой проводился Козодавлевымъ. Онъ держался того мнѣнія, что «свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ», а потому такая свобода должна быть въ преподаваніи профессоровъ и приватъ-доцентовъ, въ роли которыхъ проектъ допускалъ всякаго магистра и доктора. Доступъ въ университетъ предполагался открытымъ для всѣхъ «любознательныхъ и подготовленныхъ» безъ различія сословій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ университетской жизни должны, по проекту, преобладать научныя цѣли; все постороннее, хозяйственное не должно отвлекать научную корпорацію, оставаясь предметомъ заботы особаго вѣдомства, въ то время Приказа общественнаго призрѣнія.

Горячій интересъ къ дѣлу народнаго образованія въ широкомъ смыслѣ этого слова, образованія, охватывающаго всѣ слои общества, Козодавлевъ проявилъ вслѣдъ за тѣмъ и въ представленномъ имъ отчетѣ о состояніи народныхъ училищъ, заведенныхъ въ 10 губерніяхъ и осмотрѣнныхъ имъ на мѣстѣ. Здѣсь онъ ставилъ на видъ тѣсную связь низшаго и средняго образованія съ высшимъ, безъ котораго не будетъ разсадника учителей, настаивалъ на улучшеніи ихъ матеріальнаго и общественнаго положенія и проводилъ мысль о профессіональныхъ задачахъ школы (такъ высказался Козодавлевъ, говоря о тульскомъ народномъ училищѣ).

Со вступленіемъ на престолъ императора Павла, Козодавлевъ назначается оберъ-прокуроромъ Сената, а затѣмъ и сенаторомъ. Императоръ Александръ I назначилъ его членомъ комиссіи по пересмотру уголовныхъ дѣлъ, при первоначальномъ разрѣшеніи которыхъ весьма многіе тяжело пострадали въ царствованіе Павла I и раньше. Черезъ сенатора Козодавлева повела свое ходатайство и знаменитая Прасковья Лупалова, которую, подъ именемъ Параши-Сибирячки, обезсмертили Ксавье де-Местръ, г-жа Коттэнъ и Николай Полевой. Согласно письму къ Козодавлеву отъ неизвѣстнаго изъ города Бахмута (Екатеринославской губерніи) о тяжелой участи мѣстнаго чиновника Раменскаго, сосланнаго со знакомъ безчестія въ каторжныя работы, за безсвязныя рѣчи, произнесенныя въ пьяномъ видѣ, но принятыя за тяжкое оскорбленіе величества, комиссія получила отъ императора Александра I конфирмацію: «возвратя чины, освободить». Сверхъ того, сердобольный монархъ далъ указъ о назначеніи Раменскому ежегодной пенсіи въ 300 рублей и на проѣздъ изъ Нерчинска 1,000 рублей.

Проникнутый извѣстнымъ образомъ мыслей, Козодавлевъ всегда безстрашно проводилъ и защищалъ свои взгляды. Замѣчательно его особое мнѣніе въ Сенатѣ по дѣлу о раскольникахъ Филиппова согласія, жившихъ въ прежней Польшѣ подъ именемъ старовѣровъ или филиппоновъ. Польскіе паны смотрѣли на этихъ выходцевъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ. Добиваясь защиты закона, филип-

поны обратились съ просьбой къ императору Александру I, который, повелѣвъ разсмотрѣть дѣло въ Сенатѣ, разрѣшилъ его, помимо мнѣній и меньшинства, и большинства, согласно съ особымъ мнѣніемъ одного сенатора Козодавлева, и всѣмъ филиппонамъ, ссылавшимся на письменные свои договоры съ владѣльцами земель, на которыхъ они селились, предоставилъ полную свободу, а записанныхъ во время присоединенія къ нашей имперіи польскихъ губерній въ мѣщанское званіе, повелѣлъ признавать мѣщанами. По поводу этого графъ Завадовскій писалъ графу С. Р. Воронцову: «У насъ показался новый Гракхъ — Козодавлевъ. Я думаю сообщить тебѣ его мнѣніе о польскихъ филиппонахъ: почувствуешь въ немъ запахъ, пріятный обонянію настоящаго времени» (Сух. 144).

Съ назначеніемъ Козодавлева министромъ внутреннихъ дѣлъ (1810 г.), въ руки его перешло дѣло, конечною цѣлью котораго было освобожденіе крестьянъ. «Испытанный поборникъ свободныхъ началъ»—говоритъ біографъ Козодавлева,—«призванъ былъ потрудиться для свободы дѣйствительной, не въ отвлеченномъ и иносказательномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова, — для освобожденія живыхъ людей отъ тяготѣющихъ надъ ними произвола, насилія и гнета. Задумавъ освобожденіе крестьянъ, Александръ I избралъ своимъ сотрудникомъ Козодавлева, который и долженъ былъ, по мѣрѣ возможности, прокладывать путь къ успѣшному достиженію цѣли. Выборъ государя и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ по отношенію къ Козодавлеву, можно назвать счастливымъ. Козодавлевъ соединялъ въ себѣ свойства, заслуживающія уваженія и сами по себѣ, и вполнѣ соотвѣтствовавшія возложенной на него не только юридической, но и нравственной обязанности. Не только какъ министръ либеральнаго государя, но и какъ просвѣщенный человѣкъ, въ глубинѣ души предпочитавшій свободу насилію и деспотизму, Козодавлевъ былъ достойнымъ ходатаемъ за угнетенныхъ и порабощенныхъ. Его христіанскія убѣжденія, его образованность, его дѣйствія въ отношеніи къ собственнымъ крестьянамъ ручались за то̀, что онъ не будетъ тормозить дѣла, которому и безъ того угрожали безчисленныя затрудненія и препятствія. По свидѣтельству современниковъ, Козодавлевъ принадлежалъ къ числу примѣрныхъ помѣщиковъ, принимавшихъ истинно человѣческое участіе въ судьбѣ своихъ крѣпостныхъ. Даже люди, искоса посматривавшіе на блестящую служебную карьеру Козодавлева, отдавали ему полную справедливость за его попеченія о крестьянахъ. Когда выгорѣла одна изъ его деревень, онъ не только освободилъ крестьянъ отъ всѣхъ повинностей, но не имѣя на ту пору собственныхъ денегъ, взялъ взаймы десять тысячъ рублей и послалъ ихъ на вспоможеніе крестьянамъ. Козодавлевъ былъ христіаниномъ не только по имени, но и по образу мыслей и по сердцу: вслѣдствіе этого онъ видѣлъ въ своемъ крѣпостномъ своего ближняго.

Идеи свободы, развиваемыя въ сочиненіяхъ и лекціяхъ Платнера, Гоммеля, Геллерта и другихъ наставниковъ студента Козодавлева, не безслѣдно запали въ его впечатлительную душу, готовую принять доброе сѣмя. Житейская школа, житейскій опытъ не истребили добрыхъ задатковъ и дали только возможность, хотя бы и въ самыхъ скромныхъ и едва примѣтныхъ размѣрахъ, примѣнить къ дѣйствительности то, что̀ считалось такою неопровержимою истиною въ теоріи» (ibid. стр. 206, 207).

По всѣмъ дѣламъ, возникшимъ согласно указу о вольныхъ хлѣбопашцахъ (1803 г.), Козодавлевъ долженъ былъ сноситься непосредственно съ самимъ государемъ. Въ этихъ дѣлахъ обнаруживается неуклонное стремленіе Козодавлева отстаивать интересы крестьянъ, сильно страдавшіе отъ неопредѣленности юридическихъ отношеній и канцелярской рутины и путаницы.

Такъ, напримѣръ, вдова генералъ-поручика графиня Подгоричани заявила правительству, что сынъ ея сдѣлалъ словесное завѣщаніе, чтобы, въ случаѣ его смерти, крестьяне его были выпущены на волю и обращены въ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Графиня Подгоричани утверждала, что сынъ ея былъ послѣдній въ родѣ. Между тѣмъ явилось нѣсколько претендентовъ съ юридическими доказательствами своего происхожденія изъ того же рода и своихъ правъ на наслѣдство, то есть на крестьянъ. Опираясь на то, что имѣніе было пожаловано генералъ-поручику графу Подгоричани и не было исконнымъ достояніемъ рода этой фамиліи, Козодавлевъ нашелъ вполнѣ справедливымъ ходатайство графини Подгоричани.

По ходатайству Козодавлева не только свободные хлѣбопашцы, но и помѣщичьи крестьяне могутъ учреждать фабрики и заводы. Онъ же испросилъ запрещеніе торговать крестьянами и покупать ихъ фабрикамъ и заводамъ, а также заставлять крестьянъ работать на господъ въ воскресные и праздничные дни.

Беззавѣтной преданностью Козодавлева идеѣ освобожденія самымъ коварнымъ образомъ воспользовались остзейскіе бароны, которые, съ его вѣдома, осуществили освобожденіе своихъ крестьянъ безъ земельныхъ надѣловъ, и такимъ образомъ, предоставивъ имъ личную свободу, повергли ихъ въ вѣчную отъ себя экономическую зависимость.

Общіе взгляды, руководившіе Козодавлевымъ, побуждали его къ самой многосторонней дѣятельности на пользу общественнаго благоустройства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ясно понималъ, что всѣ эти мѣропріятія могутъ получить жизненное значеніе лишь съ развитіемъ общественнаго самосознанія. Ему не было причины скрывать отъ общества своихъ идей и стремленій, а потому онъ и высказывалъ ихъ вполнѣ опредѣленно въ основанной имъ (въ 1809 г.) офиціальной газетѣ «Сѣверная Почта» или новая С.-Петербург-

ская газета. Вотъ живая характеристика Козодавлева въ этой роли, сдѣланная его біографомъ:

«Трудно было найти лучшаго редактора. Обязанности, возлагаемыя на Козодавлева по редакціи газеты, вполнѣ соотвѣтствовали и его расположенію къ литературнымъ занятіямъ, и его сочувствію къ тогдашнимъ видамъ правительства. Въ большинствѣ случаевъ онъ являлся не однимъ только истолкователемъ правительственныхъ намѣреній, но и выразителемъ своихъ собственныхъ самостоятельныхъ и независимыхъ убѣжденій. Принимая на себя званіе редактора, онъ не отрѣшался отъ своего личнаго образа мыслей, не измѣнялъ самому себѣ, а дѣйствовалъ въ кругѣ своихъ обычныхъ воззрѣній, которыя совпадали на ту пору со взглядами и цѣлями правительства. Если бы слова Козодавлева говорились съ чужого голоса, то въ нихъ не было бы ни искренности, ни послѣдовательности: съ перемѣною взгляда сильныхъ міра, мѣнялись бы и мнѣнія ихъ прислужника. Не то мы замѣчаемъ у Козодавлева. Временное настроеніе правительственныхъ сферъ служило только поводомъ къ изложенію тѣхъ мыслей, которыя постоянно занимали Козодавлева и въ которыхъ сказывалось пробужденіе народнаго самосознанія. Онъ искренно и горячо отстаивалъ права отечественнаго языка и его значеніе въ умственной жизни народа. Такъ же искренно желалъ онъ успѣха нашей промышленности, охотно предпочитая русскія произведенія иностраннымъ. И онъ выступалъ ревностнымъ поборникомъ роднóго языка и всего отечественнаго во всѣ періоды своего общественнаго поприща, по своему внутреннему убѣжденію, независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ внушеній и вліяній.

«Козодавлевъ смотрѣлъ на изданіе газеты, какъ на одну изъ самыхъ серьезныхъ задачъ, выпавшихъ на его долю. Онъ былъ не только редакторомъ газеты, но однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея сотрудниковъ; помѣщалъ въ ней свои статьи; заботился о распространеніи ея въ различныхъ слояхъ общества; слѣдилъ за впечатлѣніемъ, которое она производила на читателей и велъ обширную и оживленную переписку по поводу своего изданія» (ibid., стр. 231, 232).

Первый нумеръ «Сѣверной Почты» вышелъ 3-го ноября 1809 года. Съ тѣхъ поръ, до самой смерти Козодавлева, газета выходила два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ. Она состояла изъ двухъ отдѣловъ: извѣстія внутреннія и извѣстія иностранныя, съ присоединеніемъ иногда смѣси. Извѣстія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, сообщались не только по официальнымъ источникамъ, но и по частнымъ письмамъ. Въ различныхъ краяхъ Россіи и отчасти также и за границею, были у Козодавлева корреспонденты; то, чтó сообщали они, появлялось въ видѣ извлеченій изъ «партикулярныхъ писемъ». Для того, чтобъ обезпечить скорое

и исправное полученіе извѣстій, редакція «Сѣверной Почты», издававшейся при почтовомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, считала необходимымъ привлечь къ дѣятельному участію въ ея предпріятіи почтовое вѣдомство. Съ этою цѣлью она находилась въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ мѣстными почтовыми чиновниками, нарушая даже нѣкоторые обычные пріемы служебной іерархіи. Почтмейстеры и почтовые экспедиторы должны были «доносить министру прямо отъ себя (слѣдовательно, минуя свое непосредственное начальство, т. е. почтдиректоровъ) о происшествіяхъ, въ мѣстахъ пребыванія ихъ случающихся, безъ малѣйшаго промедленія времени съ первою почтою. Преемникъ Козодавлева, въ докладѣ своемъ государю, говоритъ о «Сѣверной Почтѣ»: «Главнѣйшій источникъ внутреннихъ извѣстій, въ сей газетѣ помѣщаемыхъ, есть донесенія почтмейстеровъ, коимъ доставленіе оныхъ вмѣнено нѣкоторымъ образомъ въ обязанность». (Сухомл. 232, 233).

Внутренній отдѣлъ этой газеты былъ главнымъ образомъ посвященъ обзору производительныхъ силъ Россіи, что̀ вполнѣ соотвѣтствовало энергичнымъ мѣрамъ Козодавлева къ поднятію отечественной промышленности, заботы о которой были тогда, какъ и теперь, сосредоточены въ департаментѣ мануфактуръ и торговли, находившемся однако въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Увлекшись обзоромъ дѣятельности Козодавлева, какъ государственнаго человѣка, мы не должны забывать и его участія въ литературѣ своего времени. Его собственные труды въ области изящной словесности выразились главнымъ образомъ въ переводѣ трагедіи Гёте «Клавиго» и поэмѣ Тюммеля (1738—1817) «Вильгельмина». Кромѣ того, онъ передѣлалъ съ нѣмецкаго комедію «Перстень» (заимствовано у Энгеля), а также писалъ и оригинальные стихи въ извѣстномъ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», который, какъ мы уже знаемъ, онъ и редактировалъ. Легкость и плавность этихъ стиховъ была оцѣнена Добролюбовымъ въ его статьяхъ о журналистикѣ Екатерининскаго времени, и, дѣйствительно, нельзя не оцѣнить по достоинству такія, напримѣръ, поэтическія строки:

«Опредѣленъ судьбой къ мученью,
«Покоя тщетно я ищу;
«Любви предавшися волненью,
«Безъ утѣшенія грущу....»

и т. д. (изъ стихотворенія «Клелія». Ibid., стр. 333).

Для исторіи русской литературы весьма цѣнны свѣдѣнія объ отношеніяхъ Козодавлева къ Державину, Княжнину и Карамзину. Извѣстно, что ода Фелица, составившая славу Державина въ современномъ ему обществѣ, явилась въ печати благодаря тому об-

стоятельству, что обладавшій литературнымъ вкусомъ и чутьемъ Козодавлевъ прочиталъ ее въ рукописи и вполнѣ оцѣнилъ это замѣчательное произведеніе русской лирики восемнадцатаго столѣтія. «Фелица» и напечатана впервые въ томъ журналѣ, редакторомъ котораго былъ Козодавлевъ.

Полагаютъ, что и трагедія Княжнина «Вадимъ», послужившая поводомъ къ обвиненію автора въ революціонныхъ замыслахъ, появилась въ печати также благодаря Козодавлеву. Впрочемъ, это свѣдѣніе, сообщаемое княгиней Дашковой въ ея мемуарахъ, опровергается біографомъ Козодавлева, академикомъ Сухомлиновымъ, который указываетъ на то, что трагедія напечатана была въ академическомъ журналѣ уже по оставленіи Козодавлевымъ должности академическаго совѣтника, и что въ письмѣ своемъ къ брату графу А. Р. Воронцову, писанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего происшествія, княгиня Дашкова сама говоритъ, что поручила прочитать трагедію совѣтнику Чихачеву.

Интересъ къ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина Козодавлевъ систематически подготовлялъ въ своей газетѣ «Сѣверная Почта», еще за долго до появленія этого знаменитаго труда, постоянными сообщеніями о ходѣ этой работы.

Козодавлевъ трудился до гробовой доски. 21-го іюня 1819 года онъ осматривалъ Ямбургскія казенныя фабрики, а черезъ мѣсяцъ 24-го іюля онъ уже скончался, послѣ тяжкихъ страданій (По метрической записи онъ умеръ отъ чахотки) и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ на правой сторонѣ, въ четвертомъ ряду отъ входа.

Памятникъ надъ нимъ состоитъ изъ глыбы финляндскаго гранита, имѣющей форму Голгоѳы; а на этой глыбѣ водруженъ бѣлый мраморный крестъ съ изображеніемъ Распятія.

Правдивая и безпристрастная характеристика такихъ людей, не великихъ, но глубоко замѣчательныхъ по благородству стремленій, жизненной энергіи и самоотверженности, не должна забываться среди современности «завистливой, къ соблазну жадной» и не умѣющей различать въ наличныхъ дѣятеляхъ дѣла отъ фразы.

Евгеній Гаршинъ.

ПЕТРУШКА ГЕРЦИКЪ.

(Очеркъ изъ быта первой четверти XVIII столѣтія).

Ъ ИЗСЛѢДОВАНІИ «Мазепа и Мазепинцы» Н. И. Костомаровъ, сообщая свѣдѣнія о мазепинцѣ Григоріѣ Герцикѣ, между прочимъ, говоритъ: «Жена его (Герцика) Анастасія Громыковна, привезенная въ Москву съ тремя сыновьями, въ 1722 году подавала на царское имя челобитную, жалуясь, что князь Алексѣй Васильевичъ Долгоруковъ, пріѣхавшій изъ Петербурга въ Москву, нашелъ въ своемъ домѣ поступившаго туда на службу ея сына, Петра, заперъ его въ банѣ, держалъ его такимъ образомъ шесть недѣль, подвергая истязаніямъ, наконецъ, отправилъ въ Преображенскій приказъ къ розыску. Молодой Герцикъ сидѣлъ «въ бѣдности» и былъ помѣченъ въ ссылку въ Сибирь. Объ его освобожденіи и о доставкѣ изъ Преображенскаго приказа въ Посольскій, вѣдавшаго всѣхъ малороссіянъ, била челомъ его мать. Неизвѣстно, что послѣ того съ нимъ сталось, какъ равно неизвѣстно, въ чемъ былъ онъ обвиненъ и за что посланъ былъ въ Преображенскій приказъ» [1]).

Среди документовъ московскаго архива министерства юстиціи мнѣ удалось отыскать дѣло о Петрѣ Герцикѣ, изъ котораго видно, что ему пришлось сыграть хотя пассивную, но весьма важную роль въ семейной распрѣ князя Алексѣя Васильевича Долгорукова съ женою.

20-го сентября 1721 г. въ Преображенскій приказъ поступило челобитье князя Алексѣя Долгорукова, въ которомъ онъ писалъ:

---

[1]) Н. И. Костомаровъ: «Истор. мон. и изсл.», т. XVI, изд. втор., стр. 686—687.

«въ нынѣшнемъ, въ 1721 году, въ августѣ мѣсяцѣ, у двороваго моего человѣка Петра Григорьева явилися коренья, и я, увѣдавъ, сталъ его спрашивать: чего ради онъ такіе коренья у себя держитъ? и тотъ человѣкъ мой запирался и правды не сказывалъ; и по вопросамъ моимъ тотъ мой человѣкъ подалъ мнѣ письмо повинное, въ которомъ написано явно о волшебствѣ». Въ заключеніе проситъ Герцика и его повинную взять въ Преображенскій приказъ и разспросить.

Въ повинной Петра Герцика малорусскимъ почеркомъ написано: «Когда была княгиня испорчена, и въ тѣ поры мы ѣздили по мужика за Юрьевъ городъ въ деревню Дарьино по Өедоса Евдокимова; и онъ, Өедосъ, сказалъ про порчу, что «два де мужика да третья баба испортили», а именно не сказалъ, кто испортилъ. Да когда мы были со княгиней въ рязанской вотчинѣ и были мы у Рюминова тестя, у виннаго заводчика, и тамъ былъ Иванъ кузнецъ и давалъ онъ мнѣ травку, чтобъ я далъ испить княгинѣ въ квасу тую травку. И я взялъ тую травку и въ квасу ей давалъ и стала княгиня ко мнѣ добра. Да приходили ко мнѣ Дарья Степанова дочь Удова, да Өекла Максимова дочь, и говорили мнѣ, чтобъ я промыслилъ мужичка, чтобъ князя приворотить къ княгинѣ, чтобы былъ князь до княгини добръ; и я такого мужика искалъ и сыскалъ и къ нимъ въ Воронино привозилъ. Повинную принесъ Петръ Черкасъ».

Того жъ числа Петрушка Герцикъ въ Преображенскій приказъ былъ принятъ и немедленно разспрошенъ, какъ по поводу письма, такъ и относительно кореньевъ.

Герцикъ сказался родомъ изъ города Полтавы, гдѣ отецъ его, Григорій Павловъ, былъ полковникомъ. Еще до Полтавской баталіи отецъ его съ бывшимъ гетманомъ Иваномъ Мазепою измѣнилъ и бѣжалъ въ турецкую землю, гдѣ и жилъ; а послѣ Полтавской баталіи, по указу царскаго величества, мать его Настасья Васильева съ дѣтьми: съ Даміаномъ, съ Васильемъ, съ Павломъ и съ нимъ Петромъ, да съ дочерью Прасковьей, да съ женою его дяди Ивана Герцика, который тоже измѣнилъ и бѣжалъ въ турецкую землю, Аграфеной Ивановой, изъ Полтавы взяты въ Харьковъ и держаны подъ карауломъ два года, а изъ Харькова взяты въ Москву въ Посольскій приказъ, а изъ того приказа переведены жить на малороссійское подворье. Отсюда старшій братъ его Даміанъ пошелъ служить въ домъ поручика князя Николая Щербатова и въ томъ домѣ умеръ, а онъ, Петръ, съ братьями Васильемъ и Павломъ, пошли учиться въ латинскую школу. Братья его и теперь въ школѣ, а онъ изъ той школы вышелъ два года тому назадъ и поступилъ на службу въ домъ князя Алексѣя Васильевича Долгорукова, будучи принятъ его женою, княгинею Настасьей, такъ какъ самъ князь жилъ въ Петербургѣ, гдѣ и служилъ до

привода его въ Преображенскій приказъ. Мать же его, по отпуску изъ Посольскаго приказа, уѣхала въ черкасской городъ Смѣлый для свиданія съ родственниками ненадолгое время.

Разсказавши свою біографію, Герцикъ затѣмъ разсказалъ князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому съ товарищами о своей службѣ въ домѣ князя Долгорукова и о своихъ отношеніяхъ къ княгинѣ слѣдующее:

Въ 1719 г., въ началѣ осени, княгиня Настасья Долгорукова, будучи въ подмосковной своей деревнѣ, въ сельцѣ Воронинѣ, занемогла, почала тосковать; потоскавала недѣли съ двѣ и отъ той болѣзни свободилась. Того же года, послѣ праздника Пр. Богородицы Покрова, княгиня поѣхала въ рязанскую свою деревню, въ село Полянки, и оставалась тамъ до первозимья. Проживая въ той деревнѣ, княгиня разъ посылала его, Герцика, въ село Перевлѣсъ для покупки рыбы, но онъ, будучи боленъ лихорадкою, отъ порученія отказался; княгиня послала за рыбой другого своего человѣка. Въ тотъ же день княгиня, по приглашенію виннаго подрядчика Гаврила Рюмина, поѣхала въ гости къ тестю его на желѣзные заводы и велѣла и Герцику ѣхать за собою; возвратившись съ заводовъ, княгиня сильно разгнѣвалась на него и говорила: «какъ-де я посылала тебя купить рыбы, такъ ты не могъ, а на заводы поѣхалъ?» и грозилась его бить батогами. Въ то время въ селѣ Воронинѣ у скотника Филиппа Бахарева прилучился кузнецъ съ желѣзныхъ заводовъ, Иванъ, про котораго Герцикъ слыхалъ, что онъ умѣетъ лечить порчу и ворожить. Послѣ угрозъ княгини, онъ изъ хоромъ отправился въ избу скотника и завелъ разговоръ съ кузнецомъ: «вотъ я госпожѣ своей служу, служу, стараюсь угождать, а милости отъ нея къ себѣ не вижу!» «Этому дѣлу могу помочь»,—отвѣчалъ кузнецъ;—«дамъ я тебѣ травку, а ты подай ее княгинѣ въ квасу, и она будетъ къ тебѣ милостива». На другой же день кузнецъ принесъ какую-то траву сухую, тертую, похожую на табакъ, и далъ Петрушкѣ, а тотъ, какъ только княгиня спросила квасу, всыпалъ ее въ стаканъ, налилъ квасу и подалъ княгинѣ; выпивши квасъ, княгиня ничего не сказала и отдала стаканъ ему обратно. Послѣ этого, спустя недѣлю, стала къ нему княгиня милостива. По возвращеніи изъ деревни въ Москву, уже зимою, недѣли три спустя по пріѣздѣ, княгиня какъ-то одна была въ своей спальнѣ, вся же прислуга, кромѣ Петрушки, была въ другой свѣтлицѣ; княгиня потребовала квасу. Петрушка подалъ ей квасъ въ стаканѣ и, когда она, выпивъ квасъ, подала ему стаканъ обратно, онъ, примѣтивъ, что она къ нему милостива, поцѣловалъ ея руку, на что̀ она ничего не сказала. На другой день пришлось ему быть съ княгиней въ той же спальнѣ одинъ-на-одинъ и были у нихъ всякіе разговоры, а послѣ разговоровъ княгиня съ нимъ поцѣловалась. Послѣ того, при всякомъ

удобномъ случаѣ, княгиня съ Петрушкой игрывала, при чемъ онъ ее обнималъ и цѣловалъ, и въ такихъ отношеніяхъ они были два года, до пріѣзда князя Алексѣя въ Москву; отношеній такихъ никто изъ остальной прислуги не видалъ и не знаетъ. Пользуясь ласковымъ обращеніемъ княгини, Петрушка сталъ выпрашивать у нея денегъ на свои расходы, и она давала ему по рублю, по пяти и по восьми рублей, да кромѣ того сдѣлала ему платье: кафтанъ, камзолъ, штаны суконныя дикаго цвѣта съ золотнымъ позументомъ и со шнуркомъ, шелкъ съ золотомъ, и съ золотными пуговицами, камзолъ тафтяный красный, съ шнуркомъ, съ пуговицами и съ кистями серебряными; стало то платье двадцать пять рублей».

Послѣ того Петрушка началъ обвинять княгиню Долгорукову въ ворожбѣ съ цѣлью привлечь къ себѣ любовь мужа, путешествовавшаго за границей, а потомъ все время проживавшаго въ Петербургѣ.

«Въ 1720 г.,—говорилъ Петрушка,—вскорѣ послѣ Святой недѣли, княгиня Настасья занемогла «тоскотною болѣзнію»; княгининъ же дворовый человѣкъ Леонтій Шапкинъ, узнавши про ея болѣзнь, говорилъ Петрушкѣ: «знатно, княгиня наша испорчена! а я знаю такого мужика, что онъ тое болѣзнь лечить можетъ». Шапкинъ самъ вызвался съѣздить за указаннымъ мужикомъ и княгиня послала съ нимъ Герцика да двороваго человѣка Василья Крылова. Мужикъ-цѣлитель, Ѳедосъ Евдокимовъ, былъ найденъ посланцами княгини за Юрьевымъ городомъ въ десяти верстахъ, въ деревнѣ Дарьинѣ, и привезенъ ими въ Москву.

Знахарь-Ѳедосъ, какъ только увидалъ княгиню, авторитетно высказалъ свое заключеніе, что ее испортили два мужика да баба и началъ лечить ее; въ двѣ недѣли курсъ леченія былъ конченъ и Ѳедосъ, богато награжденный, былъ отпущенъ домой. Но леченье очевидно не помогло: вскорѣ послѣ отъѣзда Ѳедоса княгиня начала «кликать», и разъ, будучи въ сельцѣ Воронинѣ, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ выкликнула: «испортили меня Александръ да баба!» Для излеченія ея отъ порчи принесли изъ дворцоваго села Митрополья образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія и при молебствіи передъ образомъ княгиня вскрикнула: «посажено въ меня три бѣса, послѣдній Буслай!» а послѣ того кликать перестала, но продолжала тосковать. Въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, когда княгиня проживала въ Воронинѣ, къ Воронинскому приказчику, Францу, пріѣхалъ въ гости села Алешина дьяконъ; жена приказчика Ѳекла Максимова между прочимъ обратилась къ нему съ словами: «княгиня наша больна, тоскуетъ; не знаетъ ли онъ такого человѣка, который бы ее вылечилъ?» Дьяконъ обѣщалъ доставить такого человѣка и на другой день дѣйствительно привезъ какого-то мужика, который кня-

гиню долго лечилъ, но не вылечилъ. Для излеченія той же «тоскотной болѣзни» княгиня Долгорукова въ Филипповъ постъ, передъ Николинымъ днемъ, поѣхала въ Кіевъ молиться Богу и, не доѣзжая до Кіева двадцати верстъ, встрѣтилась съ своею матерью Татьяной Васильевной, женою генералъ-маіора Владиміра Петровича Шереметева, и съ нею вмѣстѣ поѣхали въ Кіевопечерскій монастырь. Княгиня ночевала одну ночь въ Антоніевой пещерѣ и вышла изъ пещеры совсѣмъ здоровой, какою остается и до сихъ поръ. Да въ нынѣшнемъ 1721 году весною, княгиня, проживавшая въ Воронинѣ, получила письмо отъ мужа своего изъ Петербурга и, прочтя его, легла въ постель и долго плакала; на другой день она велѣла ему, Петрушкѣ, съѣздить къ Алешинскому дьякону и съ нимъ отправиться къ тому мужику, котораго дьяконъ привозилъ прежде, и привезти мужика къ княгинѣ, чтобы онъ приворотилъ къ ней князя. Петрушка поѣхалъ къ дьякону и съ нимъ вмѣстѣ отправились въ деревню Бунятину, гдѣ и нашли того мужика, по имени Алексѣя, и привезли его къ княгинѣ. Мужикъ оставался у княгини одинъ день и что̀ дѣлалъ, того онъ, Петрушка, не знаетъ; при мужикѣ въ хоромахъ все время была жена приказчика Ѳекла Максимова.

Въ заключеніе разспроса, Герцикъ далъ объясненіе относительно корешковъ, которые были у него отобраны и представлены въ приказъ при челобитной князя Алексѣя Долгорукова.

«Тѣ корешки чемеричной травы; накопалъ онъ ихъ нынѣшней осенью по дорогѣ отъ Николы изъ Радуницы къ Москвѣ на Дѣдновскихъ сѣнныхъ покосахъ для выгону изъ лошадей лѣтомъ червей. Тѣжъ корешки, ежели, высуша, истереть и положить въ порошекъ, и оттого будетъ чхота. О дачѣ тѣхъ корешковъ лошадямъ слышалъ онъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Коломенской вотчинѣ отца княгини, Владиміра Петровича, въ селѣ Ѳедоровскомъ, отъ коновала, иноземца Шмита; а о клажѣ ихъ въ порошокъ слышалъ въ прошлыхъ годахъ отъ гошпитальныхъ учениковъ, Корнила и Ефима Савиныхъ, которые учились съ нимъ въ латинской школѣ».

По окончаніи разспроса, Герцикъ былъ отведенъ въ тюрьму. Черезъ три дня, 25-го сентября, Герцикъ снова былъ приведенъ въ судейской столъ, за которымъ сидѣли комиссаръ Матвѣй Алексѣевъ и дьякъ Петръ Вылинскій; ему были прочитаны его показанія и предложенъ вопросъ: «все ли онъ правду говорилъ, или что и утаилъ? и чтобъ онъ, памятуя страшный судъ Божій, сказалъ самую истину».

Въ три дня Герцикъ вспомнилъ многое и пустился въ новыя разсказы.

Когда онъ, Петрушка, въ 1718 г. поступилъ на службу въ домъ князя Алексѣя Долгорукова, въ скоромъ же времени былъ принятъ на службу въ тотъ же домъ бывшій послуживецъ вдовы боя-

рыни Марьи Ивановны Салтыковой, Өедоръ Завьяловъ, и жилъ все лѣто до первозимья; и знатно, княгиня почала было его любить, потому что она игрывала съ нимъ при людяхъ въ карты, а когда станетъ сучить шелкъ для шитья, то давала держать его Завьялову и похватывала его за руку. По первозимью Завьяловъ былъ вытребованъ княземъ въ Петербургъ, а княгиня сдѣлалась больна, потому что получила отъ князя письмо, что онъ въ Москву не пріѣдетъ. Во время этой болѣзни Өекла Максимова, Францева жена, бывши въ Москвѣ, однажды проходила пьяною изъ большой свѣтлицы въ меньшую, что надъ банею, и сказала встрѣтившемуся ей Петру: «какъ нынѣ княгинѣ горько да тошно, такъ бы де князю, ту ее вору . . . . было горько да тошно!»

Въ 1719 году, весною, послѣ Святой недѣли, вышла разъ княгиня изъ спальни къ нему, Петру, въ прихожую свѣтлицу и одинъ на одинъ говорила: «ежели наша сестра станетъ любить кого вашего брата и между ими такой человѣкъ, ктобъ то ихъ дѣло зналъ, надобенъ ли, или лучше, чтобъ то дѣло вѣдали они между себя одни?» на что онъ отвѣтилъ, что не знаетъ. Княгиня ушла попрежнему въ спальню и велѣла сбирать обѣдать и во время обѣда подала ему «подачу», а другую подачу дала дѣвкѣ своей казначеѣ Аннѣ Тихоновой; поѣвши, она легла на постель, а ту дѣвку послала въ подклѣть ѣсть, и скинувъ съ себя чепецъ, велѣла ему чесать себѣ голову. Онъ, Петръ, чесалъ ей голову, сначала стоя у постели, а потомъ она велѣла ему стать у той постели на колѣни; а какъ онъ сталъ на колѣни, она начала похватывать его за бороду, притягивать къ себѣ, поцѣловала его и почала ему говорить: «стану любить тебя!» и отвернулась отъ него къ стѣнѣ. А на другой день она отослала изъ дому всѣхъ своихъ людей и они остались только вдвоемъ... Послѣ того они уѣхали въ село Воронино, гдѣ жили до октября 1719 г., а потомъ пріѣхали въ Москву; на другой же день изъ Москвы уѣхали въ рязанскую деревню въ село Полянки, гдѣ оставались до первозимья, и возвратились опять въ Москву.

Затѣмъ Герцикъ повторилъ разсказъ о поѣздкѣ за мужикомъ въ Юрьевской уѣздъ, о «выкликаньи» княгини въ селѣ Воронинѣ, о привозѣ Алешинскимъ дьякономъ мужика для леченья княгини и о поѣздкѣ въ Кіевопечерской монастырь, и прибавилъ еще слѣдующія новости.

Въ 1721 г., весною, будучи въ селѣ Воронинѣ, княгиня въ разговорѣ съ Өеклою Максимовой и съ нимъ, Петромъ, между прочимъ сказала: «слышала де я отъ людей, что мужъ мой, князь Алексѣй, живучи въ Санктъ-Петербургѣ, гуляетъ и живетъ съ дамами!» Өекла отвѣчала: «лѣта его молодыя, тому не дивно!» Княгиня энергично снова сказала: «хотя бы я на грѣхъ поступила, а сыскала бъ такого человѣка, чтобъ кто его ко мнѣ поворотилъ,

чтобъ онъ меня любилъ!» Недѣли черезъ двѣ послѣ этихъ разговоровъ къ княгинѣ пришелъ въ хоромы Воронинскій священникъ и разсказалъ ей, что де онъ слышалъ, будто у ихъ села, на землѣ Хилковыхъ, есть кладъ и «если бы де сыскать такого человѣка, чтобъ сыскалъ тотъ кладъ, то бы де годилось на церковное строеніе». Княгиня приняла дѣятельное участіе въ отысканіи клада и тотчасъ послала Герцика къ Алешинскому дьякону спросить, не знаетъ ли онъ человѣка, который умѣетъ искать кладъ. Алешинскаго дьякона Петрушка дома не засталъ, но нашелъ у него отца его, попа Максима, который сказалъ ему, что кладъ можетъ розыскать Бунятинскій мужикъ Алексѣй. Герцикъ поѣхалъ за мужикомъ въ Бунятино, нашелъ тамъ нужнаго мужика и привезъ его въ Воронино. Княгиня приказала тайно отъ всей прислуги проводить его въ баню и снести ему для ѣды яицъ; когда онъ пришелъ съ яицами въ баню, тамъ была Θекла Максимова, угощавшая мужика виномъ, на нижнемъ полку лежалъ завернутый въ бумагу шелковый платокъ коричневаго цвѣта. Θекла угостила Петрушку виномъ и, подавая ему платокъ, сказала: «княгиня велѣла мнѣ запечатать этотъ платокъ, а я не умѣю; запечатай-ка ты!» и подала ему платокъ, бумагу, сургучъ и княгинину печать. Запечатавъ платокъ, Петрушка отдалъ его Θеклѣ, а та снесла его къ княгинѣ. Клада въ эту ночь не искали, потому что былъ дождь, мужика отправили къ попу Семену, а онъ отвезъ его въ Бунятино.

Сдѣлавъ эти новыя показанія, Петрушка сознался, что въ первомъ разспросѣ онъ сказалъ много неправды: княгиня за рыбой въ село Перевлѣсъ его не посылала, на него низачто не гнѣвалась, травы у кузнеца никакой не бралъ и княгинѣ въ квасу не давалъ и княгиня за мужикомъ къ Алешинскому дьякону, для приворота князя, его не посылала и тѣхъ словъ, что: «ей хоть на грѣхъ поступить, да мужа къ себѣ приворотить» не говаривала. Все это онъ написалъ въ повинной своей въ безпамятствѣ, «не стерпя мученія его княжова, потому что во время того разспросу, по приказу княжому, въ той банѣ развязанъ онъ былъ руками къ шесту платками крѣпко и стоялъ привязанный къ тому шесту съ утра до вечера, и отъ того привязыванья затекли у него руки».

Послѣ второго разспроса Герцика, изъ Преображенскаго приказа были посланы съ наказами солдаты по всѣхъ, оговоренныхъ имъ въ разспросѣ. Прежде всего были приведены тѣ изъ оговорныхъ людей, которые въ данное время находились въ домѣ князя Долгорукова. Первою была разспрошена жена Воронинскаго приказчика Франца, Θекла Максимова. Въ разспросѣ она показала о болѣзни княгини, о посылкѣ въ Юрьевскій уѣздъ за Θедосомъ для леченья, о «кликаньи» княгини, о моленіи ея, чтобы освободиться объ болѣзни, о присылкѣ Алешинскимъ дьякономъ Бунятинскаго мужика, о разговорѣ ея съ княгинею про гулянье ея мужа съ да-

мами, о пріискѣ человѣка, ктобъ приворотилъ къ княгинѣ мужа, о посылкѣ по мужика для отысканія клада, о приводѣ того мужика въ баню и о печатаніи платка то же, что̀ говорилъ и Герцикъ; сверхъ того прибавила: «госпожа де ихъ, княгиня Настасья Долгорукова, къ Петрушкѣ Герцику была добра и былъ онъ отъ своей братьи отъ всѣхъ отмѣненъ и бывалъ непрестанно все въ хоромахъ и въ спальнѣ, трезвый и пьяный, и табакъ при ней нюхивалъ смѣло; а о связи ихъ не знаетъ. А запечатанный Петрушкою платокъ вмѣстѣ съ ставикомъ, въ которомъ были сваренныя въ сахарѣ миндальныя ядра, княгиня вскорѣ послала къ мужу своему въ Петербургъ.

Ноября въ 13-й день въ приказъ къ розыску были доставлены: изъ Духовнаго правленія—Воронинской попъ, а изъ Юрьева-Польскаго крестьянинъ Ѳедосъ. Послѣдній на допросѣ показалъ, что онъ крестьянинъ вдовы Настасьи Кузьминъ-Короваевой, деревни Мардарьевы; у княгини Долгоруковой былъ дважды и лечилъ ее отъ порчи кореньями, которые онъ для той болѣзни выкапываетъ изъ земли, а худобы де онъ никакой не дѣлывалъ.

Священникъ показалъ, что въ селѣ Воронинѣ, на землѣ Хилкова, съ Петромъ Герцикомъ и съ пастухомъ Лепехинымъ кладъ искалъ, но ничего не нашелъ; въ деревню Бунятину по посылкѣ княгини за мужикомъ Алексѣемъ ѣздилъ, а кладу не искали, потому что былъ дождь.

Ноября въ 15-й день въ Преображенскій приказъ самъ собою явился Алешинскій дьяконъ и въ разспросѣ показалъ: какъ де въ 1720 г. онъ былъ въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Воронинѣ и его жена приказчика, Ѳекла Максимова, спрашивала, не знаетъ ли онъ такого человѣка, ктобъ княгиню отъ тоскотной болѣзни вылечилъ, то онъ отвѣтилъ, что есть въ вотчинѣ князя Оболенскаго въ деревнѣ Бунятинѣ мужикъ Алексѣй Степановъ, который пользуетъ младенцевъ отъ грыжи и лечитъ лошадей. Послѣ того онъ по посылкѣ княгини ѣздилъ за тѣмъ мужикомъ и привезъ его въ Воронино; а что̀ онъ у княгини дѣлалъ, того не знаетъ.

Таковы были показанія лицъ, привлеченныхъ оговоромъ Петра Герцика по обвиненію княгини Долгоруковой въ измѣнѣ мужу. Другое заговорили всѣ, какъ ихъ подвергли пыткѣ. Первымъ былъ пытанъ Петрушка Герцикъ: онъ былъ поднятъ на дыбу и получилъ 30 ударовъ кнутомъ. Когда его спустили съ дыбы, онъ показалъ: «на тое княгиню онъ говорилъ напрасно, что съ нею игрывалъ и былъ въ связи, говорилъ это второпяхъ, неопамятовся и за страхомъ, такъ какъ прежде сего, по приказу князя Алексѣя Долгорукова, былъ привязанъ онъ въ банѣ къ шесту цѣлый день, и въ повинномъ своемъ письмѣ написалъ на кузнеца о дачѣ имъ травы ложно, отъ того мученья, въ безпамятствѣ; а платье себѣ

дѣлалъ на заемныя деньги. Про посылку княгини ставика съ ядрами и платка къ мужу въ Петербургъ не вѣдаетъ».

Ѳекла Максимова съ пытки показала: «княгиня мужиковъ Ѳеодоса и Алексѣя для леченья, а пастуха Лепехина для исканія клада, призывала. А нынѣшней весной княгиня, пріѣхавъ въ Воронино, велѣла дворовой своей женкѣ, а ея, Ѳеклы, сестрѣ вдовѣ Дарьѣ Степановой, послать невѣдомо въ какую деревню за мужикомъ для наговора надъ ставикомъ съ миндальными ядрами, чтобъ мужъ ея, княгининъ, князь Алексѣй былъ къ ней добръ; и тотъ посланный, Костеревъ, возвратясь, сказалъ княгинѣ, что мужикъ съ нимъ не пошелъ, отговорившись тѣмъ, что порубилъ себѣ ногу. Тогда княгиня съ тѣмъ же Костеревымъ, послала къ мужику самый ставикъ, и Костеревъ, возвратившись, сказалъ княгинѣ, что мужикъ надъ ставикомъ наговаривалъ. Тотъ ставикъ княгиня послала въ Петербургъ къ мужу своему вмѣстѣ съ платкомъ, который запечатывалъ Герцикъ».

Къ допросу была притянута и Дарья Степанова; она показала: «въ 1720 г. въ праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы, крестьянинъ Костеревъ, разговаривая о снахъ, между прочимъ сказалъ: «иной де сонъ привидится, что въ руку положить! Былъ онъ въ извозѣ и дорогою видѣлъ во снѣ, будто у него дома кобыла умерла; когда же онъ пріѣхалъ домой, домашніе сказали ему, что кобыла дѣйствительно умерла». Про сонъ Костерева Дарья разсказала княгинѣ, а та велѣла узнать у Костерева, кто ему толковалъ его сонъ и не знаетъ ли онъ такого человѣка, ктобъ ее отъ болѣзни вылечилъ. Костеревъ отвѣчалъ, что онъ такого человѣка не знаетъ. Да нынѣшней весной въ разное время получила княгиня изъ Петербурга отъ мужа своего три письма на имя дочери ея княжны Анны, чтобъ она княгиня постриглась, а въ послѣднемъ письмѣ было написано, чтобъ она постриглась всеконечно. Читая такія письма при ней, Дарьѣ, и при другихъ людяхъ, княгиня плакала и говаривала: «брошена я мужемъ своимъ безъ всякой причины, вины за собою никакой не знаю!» Вскорѣ княгиня начала собираться въ Воронино и велѣла ей взять съ собою ставикъ съ вареными ядрами, да сахаръ; Дарья взяла ставикъ и сахаръ и поставила въ княгинину коляску, а, пріѣхавъ въ Воронино, поставила въ ея спальню. На другой день Ѳекла Максимова сварила миндальныхъ ядеръ, дополнила ими ставикъ и поставила его подъ кроватью; на слѣдующій день ставикъ съ ядрами Ѳеклою былъ переданъ Костереву, чтобы онъ снесъ его къ мужику для наговора, а потомъ опять былъ поставленъ подъ кроватью. Въ тотъ же день княгиня отослала ставикъ съ ядрами и запечатанный платокъ въ Москву для отсылки къ мужу въ Петербургъ. А нынѣшнимъ лѣтомъ, послѣ госпожиннаго заговѣнья, какъ они, вмѣстѣ съ Костеревымъ и Герцикомъ, по приказу князя Алексѣя Долгорукова, сидѣли у князя

въ подклѣтьѣ закованные и подъ карауломъ, Костеревъ въ разговорахъ говорилъ, что онъ ставика ни къ какому мужику для наговору не нашивалъ, а пролежалъ все время въ лѣсу, и никакого наговорщика не знаетъ; а княгиню онъ обманулъ, будто ставикъ заговоренъ, желая попользоваться тѣми деньгами, которыя долженъ былъ отдать мужику за наговоръ».

Остальные оговорные, будучи пытаны, ничего новаго къ своимъ первымъ показаніямъ не прибавили; Герцикъ со второй, третьей и четвертой пытокъ твердилъ одно: «княгинѣ Настасьѣ Долгоруковой никакого привороту онъ не дѣлывалъ, и волшебства никакого за нимъ нѣтъ, и волшебниковъ никого для такого дѣла онъ не пріискивалъ, а въ подлинномъ письмѣ о привороте написалъ въ безпамятствѣ, потому что князь Алексѣй Долгоруковъ разспрашивалъ его и того дѣла на немъ спрашивалъ въ банѣ у себя, развязавъ къ шесту; и въ Преображенскомъ приказѣ въ томъ дѣлѣ говорилъ на себя за вышеписаннымъ же страхомъ, такъ какъ у него съ княгинею никакихъ игрушекъ не бывало подлинно».

Розыскное это дѣло, начатое 20 сентября 1721 г., окончилось сравнительно быстро: 17 марта 1722 г. состоялся указъ: «По указу императорскаго величества ближній стольникъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановской приказалъ: дву жонкамъ и пастуху, учиня наказанье, отдать съ росписками, а черкашенина сослать въ Сибирь съ наказаньемъ...» На указѣ сдѣлана помѣта: «Петрушкѣ Герцику, жонкамъ Ѳеклѣ Максимовѣ и Дарьѣ Степановѣ наказанье учинено: биты кнутомъ того же числа». Остальные участники процесса были отпущены на поруки къ своимъ господамъ.

Странное впечатлѣніе производитъ это дѣло: истецъ только прислалъ своего слугу съ повинной къ суду, самъ же вовсе не явился къ дѣлу; отвѣтчицу совсѣмъ никто не безпокоитъ. Тамъ, въ приказѣ, идетъ розыскъ, дѣлаются допросы, чинится пытка, а главная виновница совсѣмъ въ сторонѣ. Это было, однако, въ обычаяхъ того времени: суды какъ будто не существовали для знатныхъ персонъ, за всѣ дѣянія господъ развѣдывались ихъ слуги.

Чего же добивался князь Алексѣй Васильевичъ Долгоруковъ, отдавая такое количество людей въ руки палачей?

Къ сожалѣнію, не смотря на всѣ поиски, не удалось ни по архивнымъ матеріаламъ, ни по печатнымъ источникамъ возстановить біографію князя Алексѣя Долгорукова; въ родословной князей Долгоруковыхъ имени его и его жены совсѣмъ нѣтъ. Только въ дѣлахъ Синодальнаго Казеннаго Приказа за 1720 г. значится, «мая—дня. Запечатанъ указъ о строеніи церкви по челобитью князь Алексѣя княжъ Васильева сына Долгорукова: велѣно ему въ Московскомъ уѣздѣ, въ Радонежскомъ стану, въ вотчинѣ его, въ сельцѣ Воронинѣ, на прежнемъ церковномъ кладбищномъ мѣстѣ, построить вновь церковь во имя Успенія пресвятой Богоро-

лицы, и подъ церковь, и подъ кладбище и попу съ причетники подъ усадьбу и по поступкѣ къ церкви землю отмѣрить». Когда построена церковь, свѣдѣній не найдено. Въ 1704 г. владѣльцами сельца Воронина были Владиміръ Петровичъ Шереметевъ и князь Юрій Ѳедоровичъ Щербатовъ. Владиміръ Петровичъ свою половину отдалъ въ приданое дочери своей Настасьѣ, зятю князю Алексѣю Васильевичу Долгорукову, а отъ нихъ перешло къ сыну ихъ, князю Петру. Вотъ все, что извѣстно объ этой семьѣ Долгоруковыхъ.

Изъ самаго дѣла можно вывести слѣдующія данныя. Князь Алексѣй Васильевичъ былъ человѣкъ новаго направленія; онъ былъ нѣсколько разъ за границей и совсѣмъ сдѣлался европейцемъ. Все время онъ проживалъ въ Петербургѣ, крайне рѣдко навѣщая Москву, гдѣ проживала его жена съ тремя дочерьми. Она была много старше его и, судя по ея поступкамъ, представляла изъ себя типичную старинную боярыню. Разумѣется, люди съ столь различными характерами не могли сойтись и князь не разъ приставалъ къ женѣ, чтобы она постриглась, а онъ бы женился на другой. Не добившись на это согласія, князь Алексѣй повелъ дѣло иначе: онъ подкупилъ княгинину казначею, чтобы она сообщала ему о всѣхъ поступкахъ княгини, которыя давали бы ему возможность порвать супружескія связи. Княгиня скоро подала къ тому поводъ: скучая по мужѣ, она обратилась къ обычному тогда средству, колдовству, чтобы приворотить къ себѣ мужа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приблизивши къ себѣ красиваго малоросса, Петрушку Герцика, она дала поводъ къ сплетнямъ относительно ея супружеской вѣрности. Этихъ фактовъ было достаточно для князя Алексѣя; онъ внезапно нагрянулъ въ Москву, забралъ Герцика, засадилъ его въ баню и пытками вынудилъ у него вышеприведенную повинную. Дѣло сначала пошло вполнѣ въ его пользу: Герцикъ съ пытки въ Преображенскомъ приказѣ подтвердилъ свою повинную, но затѣмъ, какъ онъ, такъ и другіе оговорные, обвинивши княгиню въ сношеніи съ колдунами, рѣшительно оправдали ее въ невѣрности къ мужу.

Когда былъ поставленъ въ Преображенскомъ приказѣ приговоръ о Герцикѣ и другихъ оговорныхъ лицахъ, въ дѣло вступился отецъ княгини Настасьи, Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. Онъ подалъ прошеніе въ Св. Сѵнодъ о переносѣ этого дѣла туда и по указу Сѵнода все означенное дѣло было послано на разрѣшеніе его. Въ Сѵнодѣ дѣло замялось и не получило дальнѣйшаго хода. А между тѣмъ Петръ Герцикъ въ ожиданіи ссылки въ Сибирь сидѣлъ въ тюрьмѣ. За него, наконецъ, вступилась мать его и подала слѣдующее прошеніе: «Привезена я, нижайшая, съ дѣтьми своими, съ Петромъ Григорьевымъ и съ другими двумя сыновьями, и привозъ нашъ въ Посольскомъ приказѣ записанъ. И мнѣ дѣтей моихъ прокормить нечѣмъ, и сынъ мой Петръ по-

шелъ служить въ домъ князь Алексѣя Васильевича Долгорукова и былъ въ домѣ князь Алексѣя Васильевича. И какъ онъ, князь Алексѣй Васильевичъ, пріѣхалъ изъ Петербурга, въ домѣ своемъ сына моего, заперши въ баню, держалъ шесть недѣль, и пыталъ разными пытками и отдалъ въ Преображенской приказъ къ розыску. И въ Преображенскомъ приказѣ розыскиванъ многажды и ни въ чемъ не винился; и до днесь сидитъ въ Преображенскомъ приказѣ въ бѣдности, помираетъ голодною смертію и помѣченъ въ ссылку въ Сибирь. Всемилостивѣйшій государь! прошу ваше императорске величество, вели, государь, изъ Посольскаго приказа послать въ Преображенскій приказъ свой императорскаго величества указъ о присылкѣ сына моего въ Посольской приказъ, потому что мы судомъ вѣдомы въ Посольскомъ приказѣ». На прошеніи помѣчено: «Записать въ книгу»—фраза, которая означаетъ: «убрать въ сторону».

Такимъ образомъ дальнѣйшая судьба князя А. В. Долгорукова и его слуги Герцика остается для насъ невѣдомой.

А. Востоковъ.

„НАШИ ХУДОЖНИКИ“[1].

(2-й томъ).

ИТАТЕЛИ «Историческаго Вѣстника» ознакомились съ первымъ томомъ иллюстрированнаго изданія г. Булгакова «Наши Художники»[2]). Недавно вышелъ и второй томъ, которымъ завершается это художественное предпріятіе. Два тома вмѣстѣ составляютъ 536 страницъ въ четвертку большого формата съ 750 иллюстраціями, безупречно исполненными фототипически и автотипически, изъ которыхъ весьма многія заполняютъ собою цѣлыя страницы. Доведеніе до конца въ сравнительно короткое время такого изданія выдающагося и по внѣшности, и по обилію фактическаго матеріала о дѣятеляхъ русскаго искусства изъ первыхъ источниковъ, безъ сомнѣнія, сдѣлало бы честь и спеціальному учрежденію, а не только единичнымъ усиліямъ и энергіи автора, исполнившаго этотъ трудъ безъ всякихъ субсидій.

Трудъ г. Булгакова уже потому заслуживаетъ вниманія, что тутъ впервые сдѣланъ сводъ достовѣрныхъ свѣдѣній о русскихъ художникахъ и подведенъ итогъ произведеніямъ ихъ за послѣднюю четверть вѣка. До появленія изданія «Наши Художники» у насъ по этой части собрано было очень немного.

Первымъ по времени источникомъ, составленнымъ на основаніи болѣе или менѣе точнаго матеріала и заключавшимъ въ себѣ

---

[1]) Θ. И. Булгаковъ. «Наши Художники» (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры), на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-тилѣтія. Біографіи, портреты художниковъ и снимки съ ихъ произведеній. Въ алфавитномъ порядкѣ именъ художниковъ. Т. II-й (Л—Я). Спб. 1890 г.

[2]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIX, стр. 626.

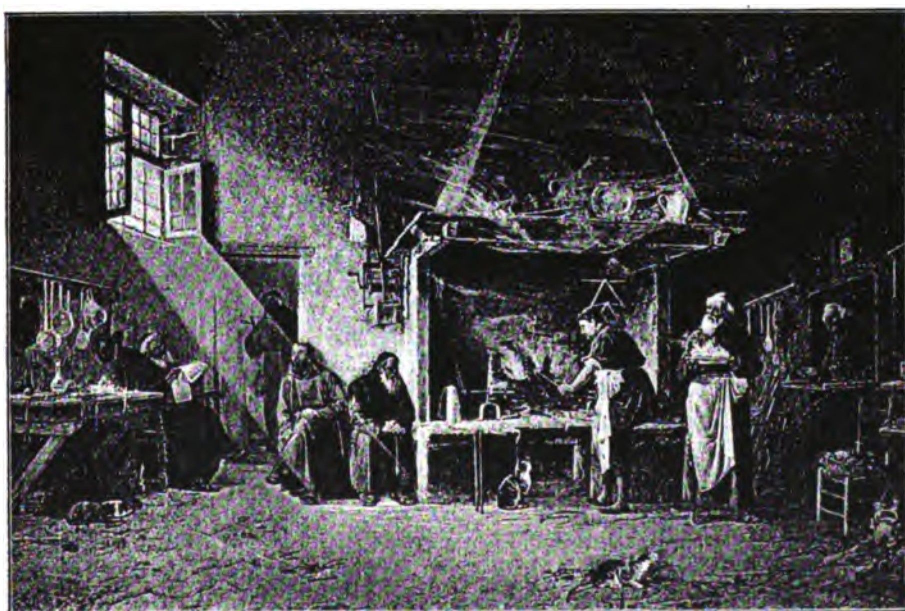
Прозрачная вода. Р. Г. Судковскаго.
Изъ изданія «Наши Художники».

Уголокъ Венеціи. А. Н. Новоскольцева.
Изъ изданія «Наши Художники».

Посольская изба XVII вѣка. В. Г. Шварца.
Изъ изданія «Наши Художники».

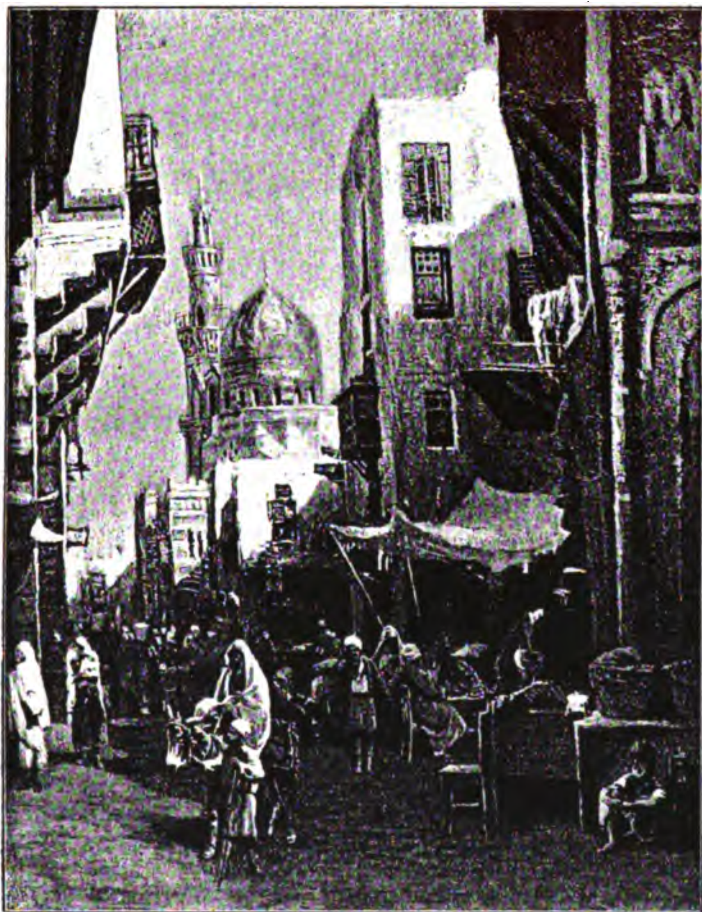
Монастырская кухня. А. А. Риццони.
Изъ изданія «Наши Художники».

систематически сгруппированныя краткія біографическія данныя о русскихъ художникахъ, явился отпечатанный въ 1874 году г. Сомовымъ каталогъ произведеній русской живописи, находящихся въ картинной галлереи Академіи Художествъ. Но въ академическомъ изданіи помѣщены лишь свѣдѣнія о 150 авторахъ этихъ произведеній, начиная съ XVIII столѣтія и кончая 1869—1870 годами, и къ новѣйшему періоду русскаго искусства относятся здѣсь всего 60 біографическихъ замѣтокъ. Затѣмъ съ 1875 по 1878 гг. иллюстрированный журналъ «Пчела» подъ редакціею г. Прахова отводилъ не мало мѣста свѣдѣніямъ о нашихъ художникахъ. Но журналъ этотъ оказывалъ явное предпочтеніе одной группѣ художниковъ, примыкавшихъ тогда еще къ юному «Товариществу передвижныхъ выставокъ». Только художникамъ, входившимъ въ составъ этого «Товарищества», воздавалось должное, а всѣ тѣ, кто оставался такъ или иначе причастнымъ къ Академіи Художествъ, третировались въ «Пчелѣ», какъ элементы отсталости и застоя. Болѣе обстоятельныхъ фактическихъ замѣтокъ и статей, которыя не потеряли значенія и по сіе время, удостоились въ этомъ журналѣ нѣсколько академическихъ художниковъ, умершихъ въ годы изданія «Пчелы». Но эти біографіи почти одновременно печатались въ видѣ некрологовъ въ приложеніяхъ къ отчетамъ Академіи Художествъ.

Еще болѣе партійный характеръ носили данныя о русскихъ художникахъ, печатавшіяся въ покойномъ теперь «Художественномъ Журналѣ» (съ 1880 г.), ближайшимъ вдохновителемъ котораго состоялъ И. Н. Крамской, бывшій тогда главою и руководителемъ помянутаго «Товарищества». Все здѣсь сводилось къ лестнымъ отзывамъ о дѣятельности членовъ этого «Товарищества» и къ разнаго рода не всегда разборчивымъ въ средствахъ обличеніямъ противъ участниковъ академическихъ выставокъ. О какомъ-либо систематическомъ собираніи фактовъ о жизни и трудахъ дѣятелей русскаго искусства, безъ различія ихъ флаговъ, не могло быть и рѣчи. Въ «Худ. Журн.» оно вытѣснялось свѣдѣніями анекдотическаго свойства съ отпечаткомъ рецензентскаго задора.

Первая попытка, направленная къ тому, чтобы хотя отчасти собрать матеріалъ о русскихъ художникахъ новѣйшаго времени, была сдѣлана въ изданіи М. П. Боткина — «Иллюстрированномъ каталогѣ художественнаго отдѣла всероссійской промышленной выставки въ Москвѣ 1882 г.», которому составитель его, г. Собко, далъ совершенно несоотвѣтственный титулъ «25 лѣтъ русскаго искусства (1855—1880)». На самомъ же дѣлѣ это была только перепечатка офиціальнаго каталога московской выставки съ добавленіемъ годовъ при названіяхъ выставленныхъ произведеній и нѣкоторыхъ датъ при именахъ 160 авторовъ ихъ (живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ, рисовальщиковъ и граверовъ). Въ

московской выставкѣ, однако, принимали участіе далеко не всѣ художники означеннаго періода, а изъ участвовавшихъ нѣкоторые явились съ тѣми немногими изъ своихъ произведеній, какія случайно удалось имъ собрать къ выставкѣ. Но хотя громкое заглавіе и не оправдывалось весьма скромнымъ содержаніемъ текста

Улица въ Каирѣ. Н. Е. Маковскаго.
Изъ изданія «Наши Художники».

въ этомъ изданіи, тѣмъ не менѣе нельзя не признать заслуги составителя «Иллюстрированнаго каталога» въ томъ, что онъ потрудился сгруппировать всѣ данныя объ участвовавшихъ въ московской выставкѣ, какія нашелъ въ вышеупомянутомъ академическомъ каталогѣ, въ «Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ» (1864 г.) и въ академическихъ отчетахъ до 1881 г.,

Свадебный боярскій пиръ XVII вѣка. К. Е. Маковскаго.
Изъ изданія «Наши Художники».

По примѣру боговъ. Г. И. Семирадскаго.
Изъ изданія «Наши Художники».

а также свѣдѣнія доставленныя ему нѣкоторыми изъ художниковъ. Справедливость требуетъ упомянуть, что неподходящій къ тексту каталога титулъ могъ найти свое оправданіе отчасти въ 260 иллюстраціяхъ каталога, ибо въ большинствѣ ихъ воспроизведены тѣ художественныя работы, о которыхъ, какъ о выдаю-

Тройка. Н. Е. Сверчкова.
Изъ изданія «Наши Художники».

щихся явленіяхъ означеннаго двадцатипятилѣтія (1855—1880 гг.), шла рѣчь въ статьяхъ В. В. Стасова въ «Вѣстникѣ Европы», посвященныхъ обзору движенія и успѣховъ русской живописи, скульптуры и архитектуры за этотъ періодъ.

Такого же компилятивнаго характера, какъ и текстъ каталога г. Собко, но не въ столь узкихъ рамкахъ, дальнѣйшая попытка со-

брать біографическій матеріалъ о представителяхъ русскаго искусства вообще и о новомъ его періодѣ въ частности, принадлежитъ г. Булгакову, напечатавшему рядъ статей въ журналѣ «Новь» о нашихъ художникахъ. Въ данномъ случаѣ уже самое классифицированіе художниковъ по родамъ ихъ дѣятельности (живописцы историческіе, баталисты, бытовые и пейзажисты) не исключало возможности

Крестьянинъ въ бѣдѣ. М. А. Чижова.
Изъ изданія «Наши Художники».

произвола въ группировкѣ фактическаго матеріала, не говоря уже о возможныхъ неточностяхъ и погрѣшностяхъ, неизбѣжныхъ въ компилятивной работѣ при невозможности пользоваться документальными данными.

Если прибавить еще нѣсколько монографій и этюдовъ объ отдѣльныхъ представителяхъ русской живописи, напечатанныхъ въ

«Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ» (особенно статьи Стасова), и случайныя статьи о нихъ въ газетахъ и журналахъ, вызванныя различными предлогами интересовъ дня, то получится рѣшительно все, чѣмъ располагала наша литература до появленія изданія «Наши Художники» для ознакомленія публики съ біографическими свѣдѣніями и данными о дѣятельности русскихъ художниковъ за послѣднюю четверть вѣка.

Этой послѣдней задачѣ вполнѣ удовлетворяетъ и второй томъ труда г. Булгакова, заключающій въ себѣ провѣренныя по архивнымъ документамъ Академіи Художествъ свѣдѣнія о художникахъ съ фамиліями на буквы Л—Я.

Въ обоихъ томахъ собраны свѣдѣнія о 700 живописцахъ, скульпторахъ, мозаичистахъ, граверахъ и медальерахъ, съ перечнемъ произведеній ихъ, не только бывавшихъ на всѣхъ петербургскихъ, заграничныхъ и провинціальныхъ академическихъ выставкахъ съ 1865 по 1889 годъ включительно, но и вообще на всѣхъ выставкахъ означеннаго періода, о которыхъ авторъ могъ найти какія-либо указанія, по крайней мѣрѣ, относительно наиболѣе крупныхъ художниковъ. Біографіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, при всей своей сжатости, которая почти неизмѣнно соблюдается въ обоихъ томахъ, изложены съ наивозможной полнотой и обиліемъ фактовъ. Таковы біографіи К. Маковскаго, Семирадскаго, Трутовскаго, А. Рицциони, Орловскаго, Судковскаго, Чижова и другихъ. Къ извѣстнымъ раньше свѣдѣніямъ прибавлены нѣкоторыя новыя. Напримѣръ, о покойномъ Шварцѣ нашлось кое-что новое даже послѣ прекрасной біографіи В. В. Стасова. Біографіи весьма многихъ художниковѣ нерѣдко публика, но и любители узнаютъ здѣсь впервые: Н. Лаверецкаго, Матэ, Морозова, Мясоѣдова, Навозова, г-жи Паленъ, Пелевина, Платонова, Подозерова, А. Н. Попова, А. А. Попова, М. П. Попова, Постникова, Премацци, Раевской, Ремера, Снигиревскаго, К. Степанова, Сухоровскаго, Творожникова, Феддерса, Френца и многихъ другихъ.

Авторъ изданія «Наши Художники» постарался розыскать данныя и о всѣхъ тѣхъ художникахъ, дѣятельность которыхъ, оставившая слѣды несомнѣннаго дарованія, была прервана рановременной смертью въ полнѣйшей безвѣстности. Такъ, впервые мы узнаемъ здѣсь о той обстановкѣ, въ какой погибъ талантъ молодаго пейзажиста Стефановскаго, подававшаго большія надежды. Несложная біографія его, полная трагизма, ярко обрисовываетъ положеніе у насъ еще не оперившихся дарованій, лишенныхъ протекціи. Не менѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ впервые приведенная въ извѣстность краткая біографія даровитаго жанриста Шурыгина.

Вообще въ біографіяхъ «Нашихъ Художниковъ», попутно съ данными о чисто художественной дѣятельности представителей

русскаго искусства, попадается не мало отдѣльныхъ частностей ихъ житейскаго быта, иллюстрирующихъ зависимость ихъ успѣховъ, иногда всей карьеры, отъ какихъ-то нелѣпыхъ случайностей, и свидѣтельствующихъ о томъ, что дѣятельность художника у насъ далеко не поставлена на твердую почву.

Старый бояринъ. П. П. Чистякова.
Изъ изданія «Наши Художники».

По части иллюстрацій второй томъ изданія г. Булгакова еще богаче и интереснѣе перваго какъ по количеству, такъ и по выбору произведеній, съ которыхъ сдѣланы снимки. Наша историческая живопись, вообще неизобилующая разнообразіемъ сюжетовъ и крупными работами, представлена здѣсь съ достаточною полнотою.

Привалъ арестантовъ. В. И. Якобія.
Изъ изданія «Наши Художники».

Изъ балета «Конекъ Горбунокъ»: Базарная площадь. М. А. Шишкова.

Изъ изданія «Наши Художники».

Какъ извѣстно, у насъ всѣ живописцы, за исключеніемъ занимающихся спеціально пейзажемъ, получаютъ отъ Академіи Художествъ званіе историческихъ живописцевъ, но на самомъ дѣлѣ художниковъ, трактующихъ историческіе сюжеты, приходится считать единицами. За послѣднее 25-ти-лѣтіе такихъ художниковъ, внесшихъ цѣнную лепту въ область исторической живописи, не болѣе 13—14. По русской исторіи, если не принимать въ разсчетъ изображеній офиціальныхъ церемоній и заказныхъ баталій разныхъ временъ, весьма немногія событія воспроизведены на картинахъ нашихъ художниковъ. Въ изданіи г. Булгакова по этому отдѣлу отмѣтимъ снимки съ произведеній В. Г. Шварца—съ картины «Іоаннъ Грозный у тѣла своего сына», гдѣ впервые созданъ тотъ типъ Грознаго, который потомъ цѣликомъ копировался и изображался въ нашей скульптурѣ и живописи многими художниками; затѣмъ изъ рисунковъ къ роману графа А. К. Толстого «Князь Серебряный», доставившихъ художнику большую извѣстность, «Князь Серебряный въ гостяхъ у Морозова» и, кромѣ того, съ картины «Посольскій приказъ XVII вѣка» (Голштинскіе послы въ посольскомъ приказѣ). За эту картину, здѣсь перепечатываемую, международное жюри на парижской всемірной выставкѣ 1867 года присудило ея автору золотую медаль. Къ тому же отдѣлу относятся картины покойнаго Сѣдова—«Іоаннъ Грозный и Малюта Скуратовъ» и «Іоаннъ Грозный любуется на спящую Василису Мелентьевну», покойнаго Плѣшанова—«Убіеніе царевича Димитрія въ Угличѣ»; К. Маковскаго—«Убіеніе дѣтей Бориса Годунова», «Смерть Іоанна Грознаго» и его историкобытовыя картины, дающія ему поводъ показать блестящую роскошь старинныхъ русскихъ костюмовъ, а именно воспроизводимый нами «Свадебный боярскій пиръ XVII вѣка» и «Выборъ невѣсты царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ»; профессора Шарлеманя—«Петръ I накрываетъ заговорщиковъ у Цыклера» (23-го февраля 1697 г.); впервые напечатанная г. Булгаковымъ картина нынѣшняго ректора Академіи Художествъ Шамшина, могущая служить образцомъ безжизненнаго условнаго стиля старой школы—«Избраніе Михаила Θеодоровича на царство»; покойнаго Худякова—«Плѣнная царица Сююнбека, покидающая Казань»; покойнаго Флавицкаго—«Княжна Тараканова» (съ офорта г. Дмитріева-Кавказскаго); П. П. Чистякова знаменитая программа на большую золотую медаль—«Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбѣ Василія II Темнаго» независимо отъ другихъ его произведеній, изъ которыхъ помѣщаемъ «Старый бояринъ»; также извѣстная академическая программа г. Мясоѣдова—«Бѣгство Григорія Отрепьева изъ корчмы».

Изъ новѣйшихъ программъ на золотыя медали также не забыты наиболѣе выдающіяся, а именно рановременно умершаго даровитаго Ростворовскаго—«Послы Ермака бьютъ челомъ царю

Передъ грозой (хуторъ въ Днѣпровскомъ лиманѣ). Р. Г. Судковскаго.

Изъ изданія «Наши Художники».

Ивану Грозному», академика Новоскольцева «Преподобный Сергій благословляетъ Дмитрія Донского на битву съ Мамаемъ» и г. Савинскаго «Больной князь Пожарскій принимаетъ московскихъ пословъ».

Въ числѣ русскихъ историческихъ картинъ пользуются извѣстностью картины профессора Якобія изъ временъ царствованія

Мальчикъ, играющій съ кошкой. А. А. Риццони.
Изъ изданія «Наши Художники».

Анны Іоанновны, и всѣ онѣ напечатаны въ изданіи «Наши Художники», гдѣ воспроизведены того же автора «Послѣднія минуты Робеспьера», «Первое торжественное собраніе Академіи Художествъ (28-го іюня 1765 г.)» и печатаемая нами картина «Привалъ арестантовъ», доставившая ея автору первую золотую медаль и право на заграничное пенсіонерство.

Скупой. К. П. Степанова.
Изъ изданія «Наши Художники».

Изъ живописцевъ классическаго міра первое мѣсто безспорно должно принадлежать Г. И. Семирадскому, особенно по изображенію блеска и роскоши временъ римскаго цезаризма. Въ ряду «Нашихъ Художниковъ» онъ и представленъ съ особенной полнотою, начиная съ его программы на большую золотую медаль («Довѣріе Александра Македонскаго къ врачу Филиппу во время болѣзни») и кончая его знаменитой «Фриной на праздникѣ Посейдона въ Элевзисѣ». Изъ 19 напечатанныхъ г. Булгаковымъ картинъ г. Семирадскаго, въ числѣ которыхъ впервые встрѣчаемъ и двѣ картины, находящіяся въ московскомъ историческомъ музеѣ («Тризна воиновъ Святослова» и «Сожженіе Руса» въ X вѣкѣ), помѣщаются здѣсь «Пляска среди мечей» и «По примѣру боговъ» (собственность Государя Императора).

Если наша историческая живопись не можетъ похвалиться обиліемъ замѣчательныхъ образцовъ, то, напротивъ, наша бытовая, портретная и пейзажная живопись въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ должна считаться оригинальнымъ и свободнымъ отъ всякихъ условностей выраженіемъ русскаго искусства. И эти три рода живописи за послѣднюю четверть вѣка достигли значительныхъ успѣховъ въ своемъ самобытномъ развитіи.

Изданіе «Наши Художники» богато образцами жанровъ всякаго рода. Разносторонній талантъ К. Маковскаго засвидѣтельствованъ въ этомъ изданіи многочисленными снимками съ его картинъ изъ крестьянскаго, дѣтскаго и семейнаго быта, а также превосходными каирскими картинами («Перенесеніе священнаго ковра»), картиной «Масляница въ Петербургѣ», образцами декоративной живописи и портретами мужскими, въ томъ числѣ превосходнымъ и малоизвѣстнымъ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго, портретами дѣтскими и особенно женскими, изъ которыхъ наиболѣе выдается прелестный «Семейный портретъ». Изъ своеобразныхъ жанровъ В. Маковскаго находимъ «Въ четыре руки» и «Друзья-пріятели», изъ картинъ покойнаго Перова—безподобный «Птицеловъ», «Охотники на привалѣ», типическій «Учитель рисованія» и «Странникъ»— одна изъ картинъ, за которую В. Г. получилъ званіе профессора; Ил. М. Прянишникова—знаменитый «Гостинный дворъ въ Москвѣ», г. Рѣпина – «Бурлаки», «Проводы новобранца» и его замѣчательную академическую программу «Воскрешеніе дочери Іаира»; шесть малороссійскихъ жанровъ г. Трутовскаго съ яркимъ оттѣнкомъ юмора, 5 мелкихъ сценъ изъ домашней обстановки простолюдина, писанныхъ г. Пелевинымъ, тройки маститаго профессора Сверчкова, а также картины его изъ русскаго народнаго быта; сельскія сцены г. Морозова («Сельская безплатная школа» и «Выходъ изъ церкви»), граціозныя женскія фигуры Платонова, и произведенія многихъ другихъ бытовыхъ живописцевъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ каждый художникъ представленъ въ изданіи г. Булгакова съ

Родопа. Н. А. Лаверецкаго.
Изъ изданія «Наши Художники».

своимъ излюбленнымъ сюжетомъ: П. Свѣдомскій съ своими загадочными женскими натурами, г. Харламовъ съ своими дѣвичьими выразительными лицами, г. Е. Сорокинъ съ своимъ «Свиданіемъ», и Чумаковъ съ женской головкой à la Грёзъ, А. А. Поповъ съ извѣстной картиной «Татары нагружаютъ чай на Нижегородской ярмаркѣ».

Изъ работъ молодыхъ силъ русской живописи обращаютъ на себя вниманіе рисунки г. Самокиша, картины гг. Кл. Степанова (изъ нихъ мы печатаемъ наиболѣе выдающуюся «Скупой»), Новосколъцева, котораго прелестный «Уголокъ Венеціи» также перепечатывается здѣсь, Пимоненко, Навозова, покойнаго Шурыгина.

Особаго упоминанія заслуживаютъ произведенія А. А. Риццони. Это—нашъ Мейсонье, по точности рисунка и выработанности техники. Изъ его работъ немногія попадали даже на выставки, а въ печати онѣ едва ли воспроизводились когда-нибудь, и напечатанныя г. Булгаковымъ 21 картина г. Рицпони впервые всесторонне характеризуютъ этого миніатюриста, искуснаго перспективиста, изобразителя внутренностей церквей, тавернъ, съ тщательно исполненными фигурками (образчикомъ можетъ служить прилагаемый снимокъ съ картины «Монастырская кухня»), съ замѣчательными кошками, у которыхъ выписаны даже усы, портретиста кардиналовъ, живописца еврейскихъ сборищъ, квартетовъ съ типическими, иногда комическими, физіономіями, красивыхъ итальянокъ и сценокъ, выхваченныхъ изъ жизни, въ родѣ воспроизводимаго здѣсь «Мальчика, играющаго съ кошкой».

Не менѣе богата крупными силами и наша пейзажная живопись. Во второмъ томѣ изданія «Наши Художники» мы встрѣчаемся съ такими корифеями этой отрасли искусства, какъ Орловскій, несравненный въ передачѣ южныхъ пейзажей съ эффектами солнечнаго освѣщенія, покойный маринистъ Р. Г. Судковскій съ его замѣчательными 14 картинами, изъ которыхъ приводимъ «Передъ грозой» и «Прозрачная вода», Шишкинъ съ его лѣсной глушью, къ сожалѣнію, скудно иллюстрированный, каламистъ Мещерскій съ его эфектнымъ «Вечеромъ въ лѣсу», Лагоріо съ кавказскими видами, которыми онъ прославился, акварелистъ Премацци съ видами крымскихъ дворцовъ, и перспективистъ и живописецъ архитектурныхъ видовъ покойный Н. Е. Маковскій, котораго печатаемая нами «Улица въ Каирѣ» можетъ служить образцомъ его любимыхъ каирскихъ видовъ, писанныхъ въ маломъ размѣрѣ. Впервые въ такомъ изобиліи встрѣчаемъ въ этомъ изданіи прекрасные снимки съ работъ нашего несравненнаго декоратора М. А. Шишкова. Тутъ есть образцы декорацій его, въ которыхъ мастерски примѣненъ къ живописи древнерусскій архитектурный стиль,—изъ оперы «Жизнь за Царя», изъ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго», изъ драмы «Гроза», изъ трагедіи «Борисъ Годуновъ»,

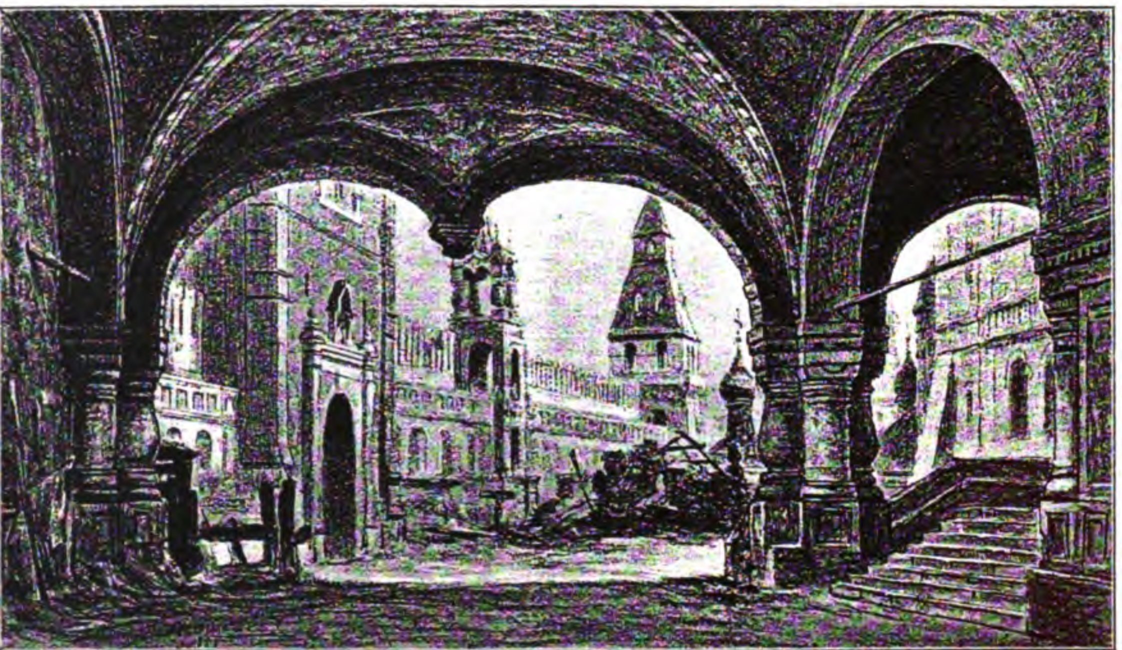
Пляска среди мечей. Г. И. Семирадскаго.
Изъ изданія «Наши Художники».

изъ балета «Конекъ Горбунокъ» (этотъ снимокъ воспроизводится нами) и «Дочь снѣговъ», изъ оперъ «Русланъ и Людмила», «Нижегородцы» (печатается здѣсь) и «Псковитянка».

Мы бы долго не кончили, еслибы потребовалось перечислять все интересное по части живописи въ настоящемъ изданіи, ибо это цѣлый музей разнокалиберныхъ ея образцовъ. Описанія каждой отдѣльно картины, за исключеніемъ только тѣхъ, сюжеты которыхъ нуждаются въ поясненіи, г. Булгаковъ не даетъ. Но и требовать этого довольно странно. До какихъ размѣровъ разрослось бы это изданіе, еслибы автору пришла несчастная мысль излагать содержаніе каждаго изъ 750 напечатанныхъ снимковъ. Полагаемъ, кромѣ того, что такое наглядное, отчетливое и ясное воспроизведеніе картинъ, какое находимъ въ изданіи «Наши Художники», должно ближе ознакомить съ ними, чѣмъ самое подробное изложеніе ихъ сюжетовъ.

Въ заключеніе остается еще обратить вниманіе на скульптуру въ этомъ изданіи. Тутъ, какъ уже упоминалось въ «Истор. Вѣстн.», когда шла рѣчь о первомъ томѣ «Наш. Худ.», полно и всестороннe представлена наша скульптура за послѣднее 25-тилѣтіе и, такъ сказать, впервые введена въ исторію. Къ произведеніямъ, достойнымъ виднаго мѣста въ исторіи русскаго искусства, второй томъ прибавляетъ разнообразныя работы покойнаго Лансере, изъ которыхъ «Сокольничій XVI вѣка» перепечатывается нами, многочисленныя жанровыя и классическія работы проф. Н. Лаверецкаго, мраморная группа «Баянъ» молодого профессора Вельонскаго, произведенія изобразителя звѣрей г. Обера, «Фрина» М. Попова, выразительныя статуи г. Снигиревскаго, единственныя въ своемъ родѣ бытовыя жизненныя группы г. Чижова, памятники гг. Микѣшина и Шредера. Изъ снимковъ съ произведеній этихъ художниковъ выбираемъ для помѣщенія въ «Историческомъ Вѣстникѣ» статую невольницы, проданной вмѣстѣ съ Эзопомъ въ 450 г. до Р. Х., «Родопу» г. Лаверецкаго и «Крестьянинъ въ бѣдѣ» г. Чижова.

Въ общемъ итогѣ, два тома изданія «Наши Художники» составляютъ не только весьма крупное и выдающееся явленіе въ нашей художественной литературѣ, но и цѣнный вкладъ въ нее. Значеніе его уже признано и спеціалистами, какъ показываетъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ о трудѣ г. Булгакова, напечатанный въ академическомъ изданіи «Художественныя Новости» (1890 г., № 12): «при помощи этого труда, не посѣщающіе академическихъ и другихъ художественныхъ выставокъ, могутъ составить себѣ наглядное понятіе о томъ, что производило русское искусство въ послѣднюю четверть вѣка, узнать обстоятельства жизни художниковъ и ихъ артистическаго развитія; въ любителяхъ искусства, слѣдившихъ за его ходомъ въ нашемъ отечествѣ, сочиненіе это способно оживить воспоминаніе о картинахъ, статуяхъ и другихъ произведе-

Изъ оперы «Нижегородцы»: Площадь. М. А. Шишкова.

Изъ изданія «Наши Художники».

ніяхъ русскаго искусства, прошедшихъ передъ ихъ глазами въ теченіе многихъ лѣтъ; для будущихъ историковъ художества въ Россіи эти два тома надолго останутся полезною справочною книгою, особенно въ лицевомъ, такъ сказать, отношеніи, т. е. въ отношеніи сюжетовъ, композиціи, рисунка и вообще того, что̀ видишь въ самомъ произведеніи художника, и что̀ не поддается точному описанію въ наиподробнѣйшемъ библіографическомъ словарѣ артистовъ».

М.

Царскій сокольничій XVI вѣка. Е. А. Лансере.
Изъ изданія «Наши Художники».

ПОСАДЪ КАЗИМИРЪ.

ОСАДЪ Казимиръ, бывшій до 1870 года городомъ, находится въ Ново-Александрійскомъ уѣздѣ, Люблинской губерніи, и расположенъ на правомъ берегу рѣки Вислы, въ 42 верстахъ разстоянія отъ губернскаго города Люблина.

На первый взглядъ, посадъ Казимиръ, съ его старыми, почернѣвшими домами, кажется пасмурнымъ и обветшалымъ, но, всмотрѣвшись въ его развалины и окружающія горы, получается прекрасный и оригинальный видъ, въ особенности весною и лѣтомъ, когда возвышенности покрываются зеленью, а на Вислѣ возникаетъ разнообразная дѣятельность.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположенъ посадъ Казимиръ, восемь вѣковъ назадъ существовала рыбачья деревня Вѣтжна-гора, которую король Болеславъ Храбрый въ 1008 г. отдалъ во владѣніе монахамъ-бенедектинамъ, имѣвшимъ монастырь на Лысой горѣ. Въ царствованіе Казимира Справедливаго, въ 1181 году, деревня Вѣтжна-гора принадлежала монахинямъ-норбертранкамъ, имѣвшимъ свою обитель въ Звѣжинцѣ, близь Кракова. Къ тому же времени, въ виду увеличивавшейся торговли при Вислѣ, относится и переименованіе деревни въ городъ, съ присвоеніемъ ему нынѣшняго названія въ честь короля Казимира. Такъ говоритъ мѣстное преданіе. Дѣйствительнымъ же основателемъ города Казимира, по всей вѣроятности, былъ строитель многихъ городовъ въ Польшѣ—король Казимиръ Великій, который, признавая городъ важнымъ въ торговомъ отношеніи, даровалъ ему магдебургское право, освободилъ отъ платежа пошлинъ за товары и построилъ оборонительный за-

мокъ съ сторожевою башнею. Заботливостью послѣдующихъ королей городъ, вмѣщавшій въ себѣ торговыя конторы мѣстныхъ и заграничныхъ купцовъ, дошелъ до такого матеріальнаго развитія, что получилъ въ народѣ названіе «Малаго Данцига». Самою счастливою эпохою въ жизни города считаются царствованія Сигизмунда III и сына его Владислава. При королѣ Сигизмундѣ обыватели были освобождены отъ постойной и подводной повинности, а для бо́льшаго развитія торговли оба берега Вислы были соединены постояннымъ мостомъ. При Владиславѣ IV учреждена здѣсь таможня, упраздненная въ 1810 году. Къ этой эпохѣ относится и постройка каменныхъ амбаровъ, разбросанныхъ на берегу Вислы и находящихся нынѣ большею частью въ развалинахъ. Амбары эти, составлявшіе нѣкогда собственность окрестныхъ землевладѣльцевъ, служили для склада, передъ сплавомъ по Вислѣ, продуктовъ ихъ сельскаго хозяйства, и доказываютъ, что здѣшніе помѣщики прежде сами занимались продажей изъ первыхъ рукъ своихъ произведеній.

До конца XVI столѣтія не находимъ никакихъ слѣдовъ пребыванія въ городѣ Казимирѣ евреевъ и только въ 1601 году ихъ значится здѣсь до 30 душъ, владѣвшихъ семью домами. Съ дальнѣйшимъ упроченіемъ въ Казимирѣ семитовъ появляются въ ихъ пользу привилегіи, устанавливающія нѣкоторую равноправность евреевъ съ христіанами. Подобныя привилегіи были даны Яномъ III Собѣсскимъ въ 1677 г., Августомъ III въ 1738 г. и Станиславомъ II Августомъ въ 1765 году; но вмѣстѣ съ тѣмъ королевскими грамотами опредѣлялись извѣстныя для евреевъ ограниченія; такъ, въ декретѣ короля Августа III права ихъ не распространены на пропинаціонные доходы [1]) и на пользованіе королевскими лѣсами.

Началомъ упадка города Казимира послужили шведскія войны, моровая язва 1705 года, измѣненія въ руслѣ рѣки Вислы, повліявшія на хлѣбную торговлю, и, наконецъ, упраздненіе таможни въ 1810 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ упадокъ торговли, въ соединеніи съ опустошительными пожарами 1841 и 1866 годовъ, были причиною обѣдненія жителей. Въ видахъ облегченія послѣднихъ отъ дорого стоившаго городского управленія, городъ Казимиръ, какъ не вполнѣ отвѣчающій значенію городского поселенія, на основаніи Высочайшаго указа 1 іюля 1869 г., обращенъ съ 3 марта 1870 г. въ посадъ, съ образованіемъ изъ него отдѣльной гмины [2]), пользующейся правомъ сельскаго самоуправленія.

Къ числу замѣчательныхъ зданій посада Казимира слѣдуетъ отнести приходскій костелъ во имя апостола Варѳоломея, освящен-

[1]) «Пропинація» составляетъ исключительное право вотчинника на выдѣлку или продажу спиртныхъ напитковъ.

[2]) Гмина—всесословная сельская единица, соотвѣтствующая отчасти общерусской волости.

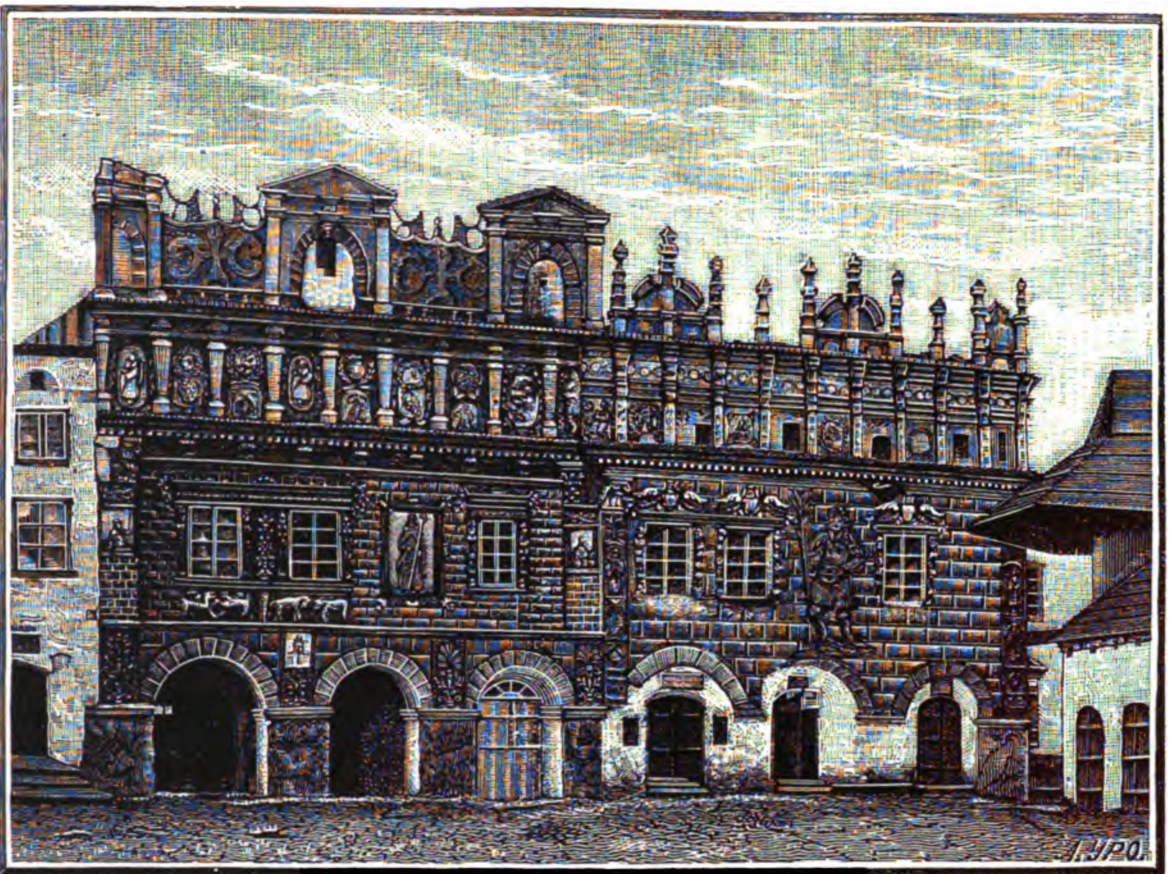

Видъ посада Казиміра.

ный краковскимъ епископомъ Демскимъ въ 1591 году; приписной костелъ во имя св. Анны, построенный въ 1623 году (въ настоящее время закрытъ за ветхостію); костелъ ордена реформатовъ, сооруженный краковскимъ епископомъ Генрихомъ Фирлеемъ въ 1622 году; монастырь этотъ упраздненъ въ числѣ другихъ по указу 27 ноября 1864 года. Самый костелъ монастыря не представляетъ изъ себя ничего замѣчательнаго; но обращаютъ на себя вниманіе находящіяся въ немъ катакомбы, расположенныя подъ алтарною частью со входомъ изъ внутренней стороны костела. Спустившись чрезъ этотъ входъ по лѣстницѣ ступеней въ 15, мы входимъ въ корридоръ, шаговъ въ 20, въ концѣ котораго вверху виднѣется небольшое окно, дающее весьма слабый свѣтъ. Здѣсь со свѣчей въ рукахъ замѣчаемъ камеру и лежащіе въ ней прямо на землѣ, на каменномъ полу, трупы монаховъ-реформатовъ въ ихъ монашескомъ одѣяніи, съ перетянутой въ таліи веревкой. Такихъ камеръ находится шесть и въ каждой изъ нихъ отъ пяти до десяти труповъ. Нѣкоторые изъ нихъ очень хорошо сохранились, не смотря на то, что лежатъ уже болѣе 200 лѣтъ, не будучи бальзамированы; объясняется это очень просто: въ камерахъ замѣтно обильное количество пережженной извести, которая въ настоящемъ случаѣ выдаетъ истинную причину сохранности тѣлъ. Изъ другихъ зданій посада Казимира заслуживаетъ вниманія домъ на базарной площади, носившій названіе «ратуши»[1]); отличается онъ готическою архитектурою съ хорошо сохранившимися на лицевой сторонѣ арабесками и фигурами; построенный въ 1615 году, этотъ красивый домъ вмѣщаетъ нынѣ въ себѣ скромное сельское учрежденіе—гминное управленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ помѣщеніемъ для нижнихъ чиновъ стоящей здѣсь постоемъ 2 батареи 18 артилерійской бригады. На фронтонахъ какъ этого дома, такъ и сосѣдняго съ нимъ, такой же архитектуры, встрѣчаемъ рельефныя изображенія святыхъ и латинскія надписи, взятыя изъ сочиненій Сенеки. Подобное сооруженіе находится на Сенаторской улицѣ и составляетъ частную собственность. Но самою характерною достопримѣчательностью посада Казимира являются развалины древняго зàмка и сторожевой башни. Зàмокъ, основанный, какъ выше сказано, Казимиромъ Великимъ, былъ обитаемъ до 1780 года. Нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній, чтобы въ немъ была когда-либо постоянная королевская резиденція; извѣстно только, что Казимиръ Великій часто пріѣзжалъ сюда съ своимъ дворомъ для охоты, чему весьма благопріятствовала лѣсистая тогда и богатая звѣрями мѣстность. Въ маѣ 1707 года, во время Сѣверной войны, въ Казимирскомъ зàмкѣ жилъ императоръ Петръ Великій, праздновавшій здѣсь день своего

---

[1]) Такъ называются въ Привислинскомъ краѣ городскія управленія, соотвѣтствующія общерусскимъ «думамъ» и «магистратамъ».

Ратуша въ Казимирѣ, построенная въ 1615 году.

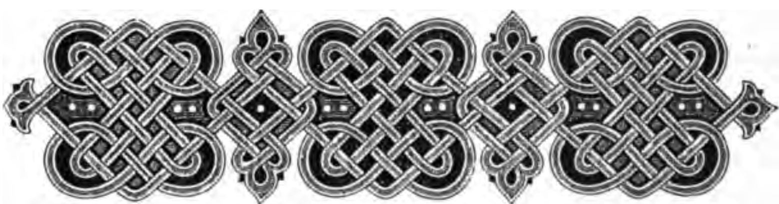
рожденія; при чемъ Меншикову былъ пожалованъ титулъ князя Ижорскаго.

Въ томъ же году, осенью, проживалъ здѣсь болѣе двухъ мѣсяцевъ шведскій король Карлъ XII, и здѣсь совершилась казнь лифляндскаго депутата Паткуля, выданнаго шведамъ польскимъ королемъ Августомъ II, согласно условіямъ Альтранштадтскаго мира. По преданію, тѣло Паткуля погребено на высокой горѣ, называемой Крестовою и находящейся на сѣверо-восточной сторонѣ посада. На вершинѣ этой горы сохранился до сихъ поръ могильный курганъ, въ которомъ, при установкѣ въ 1852 году новыхъ крестовъ, найдены человѣческія кости. Сторожевая башня, лежащая на противоположной горѣ, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и тюрьмой для государственныхъ преступниковъ. Лѣтописи называютъ Познанскаго воеводу Матвѣя Барковича, который за злоупотребленіе власти погибъ здѣсь голодною смертью, въ царствованіе Казимира Великаго. Башня не имѣла особо устроеннаго входа и на нее всходили по приставляемой къ стѣнѣ лѣстницѣ, черезъ отверстіе, сдѣланное въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ земли. Башня эта, какъ и большая часть городскихъ зданій, построена изъ бѣлаго камня. Прежде она была гораздо выше и имѣла нѣсколько этажей; въ настоящее время она не превышаетъ 50 футовъ.

Какъ велико было въ прежнее время населеніе города Казимира, неизвѣстно, но по значенію, какимъ пользовался онъ при польскихъ короляхъ и по числу сохранившихся въ немъ костеловъ можно полагать, что оно было весьма многочисленно. Въ настоящее время постояннаго населенія въ посадѣ считается около 3,000 душъ, изъ которыхъ евреевъ больше половины.

В. Ф.

ПАМЯТНИКЪ ВОЛЬТЕРУ ВЪ ФЕРНЕѢ.

Ъ ФЕРНЕѢ, пограничномъ французскомъ городкѣ, въ полутора часахъ ѣзды отъ Женевы, недавно торжественно открытъ памятникъ Вольтеру, который провелъ въ этомъ городкѣ послѣдніе 18 лѣтъ жизни и прославилъ его на весь міръ. Вольтеръ, живя близъ Женевы въ «Les Délices», еще въ ноябрѣ 1758 году купилъ имѣніе Ферней за 80,000 ливровъ, но переселился въ него два года спустя и оставилъ его за нѣсколько недѣль до смерти, послѣдовавшей въ 1778 г. въ Парижѣ. Въ бытность свою въ Фернеѣ онъ положилъ начало цѣлому селенію, которое въ теченіе столѣтія расширилось въ благоденствующій городокъ, носящій теперь названіе «Ферней-Вольтеръ» въ память своего основателя и благодѣтеля.

«Я себѣ устроилъ довольно красивое королевство», — говоритъ Вольтеръ въ одномъ изъ писемъ касательно своего новаго владѣнія, которое онъ значительно расширилъ сосѣдними усадьбами и стариннымъ зàмкомъ Турнейемъ. При домѣ его, которымъ заправляла его племянница г-жа Денисъ, жило до тридцати человѣкъ. Вольтеръ держалъ 12 лошадей и дѣлалъ новыя постройки. Сады кругомъ зàмка онъ превратилъ въ большой, красивый паркъ. Дома и деревья, мѣшавшіе лицезрѣнію далей въ перспективѣ, были снесены и, такимъ образомъ, съ терассы передъ зàмкомъ открывался видъ на Альпы и Монбланъ. Кромѣ парка, зàмку принадлежали поля, виноградники, рощи и пруды. Дома, построенные владѣльцемъ зàмка, сдавались въ аренду поселянамъ и ремесленникамъ,

которыхъ Вольтеръ привлекъ въ немаломъ количествѣ. Многіе часовщики изъ Женевы покинули свой родной городъ вслѣдствіе смутъ тамъ послѣдовавшихъ, и подъ покровительствомъ Вольтера нашли себѣ новый кругъ дѣятельности въ Pays de Gex. Когда Вольтеръ переселился въ Ферней, тамъ, по его собственному показанію, все населеніе состояло изъ 49 бѣдныхъ крестьянъ. Въ 1778 году, число выстроенныхъ имъ домовъ увеличилось до ста, а число жителей— до 1,200. Ремесленникамъ онъ помогалъ совѣтомъ и дѣломъ. Онъ давалъ имъ деньги въ займы безъ всякихъ процентовъ, поручалъ имъ веденіе фабрикъ и промышленныхъ заведеній. Рядомъ съ производствомъ часовъ стала процвѣтать выдѣлка шелковыхъ тканей. Самъ Вольтеръ обнаруживалъ удивительную дѣятельность въ доставленіи продуктовъ мѣстнаго производства во Францію, причемъ ему помогли въ данномъ случаѣ его отношенія къ министру Людовика XV, герцогу Шуазелю, бывшему его другомъ и почитателемъ. Съ какой быстротой Ферней достигъ благосостоянія, видно изъ того, что уже въ 1776 г. доходы его производствъ простирались до 600,000 ливровъ. Вольтеръ, перешедши за предѣлы 70-лѣтняго возраста, являлся душею этой промышленной дѣятельности, находя время на это среди своего неутомимаго писательства, при веденіи переписки почти со всѣми европейскими государями и при энергической борьбѣ своей съ суевѣріями и предразсудками.

Извѣстно, что этотъ послѣдній періодъ въ жизни Вольтера былъ богатъ чертами человѣколюбія, самопожертвованія и преданности дѣлу. Именно въ это время выступилъ онъ защитникомъ невинно-угнетенныхъ противъ фанатизма и варварства. Нельзя не вспомнить при этомъ, съ какой деликатностью онъ пригласилъ къ себѣ племянницу великаго Корнеля, воспиталъ ее, какъ собственнаго ребенка, и при ея замужествѣ снабдилъ ее большимъ приданымъ. Около этого времени онъ написалъ «Commentaire sur Corneille», изданіе котораго дало только по подпискѣ 100,000 ливровъ, и бо̀льшую часть этой суммы Вольтеръ отдалъ родственникамъ Корнеля. Наибольшую популярность и славу стяжалъ онъ тогда своей защитой Жана Каласа, протестанскаго купца въ Тулузѣ, который былъ казненъ 9-го марта 1762 года по обвиненію фанатическаго духовенства. Семья несчастнаго бѣжала въ Женеву, гдѣ и познакомился съ ней Вольтеръ. Его энергіи удалось привести очевидныя доказательства неосновательности обвиненія, несправедливости приговора и разоблачить позорный образъ дѣйствій духовенства и судей въ Тулузѣ. Тогда же онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе «Le Traité sur la Tolérance à l'occasion de la mort de Jean Calas», которое безспорно принадлежитъ къ самымъ блестящимъ памфлетамъ, когда-либо сочинявшимся въ интересахъ человѣчности. Благодаря этому памфлету, процессъ былъ пересмотрѣнъ и въ 1765 году приговоръ тулузскаго парламента отвергнутъ какъ несправедливый, самъ

Статуя Вольтера въ Фернеѣ.

Жанъ Каласъ признанъ невиннымъ и его родственникамъ возданы общественныя почести. За процессомъ Каласа послѣдовалъ процессъ кальвиниста Сирвена въ Кастрѣ. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что утопилъ свою дочь въ колодцѣ за обращеніе ея въ католицизмъ. Фернейскій философъ. и тутъ опять явился защитникомъ невинно-обвиненнаго. Точно также Вольтеръ горячо защищалъ де-ля-Барра, который былъ подвергнутъ пыткамъ и казненъ за то, что, по наговору фанатическаго духовенства, обвинялся въ оскорбленіи Распятія и въ неснятіи шапки передъ одной процессіей. Тогда же въ дѣлѣ супруговъ Монбальи въ Артуа ему удалось спасти отъ казни жену Монбальи, который былъ невинно колесованъ.

Этому-то Вольтеру, «философу и патріарху Фернея», и посвященъ памятникъ, воспроизводимый въ прилагаемомъ рисункѣ. Самый памятникъ подаренъ городу исполнившимъ статую парижскимъ скульпторомъ Эмилемъ Ламбертомъ, нынѣшнимъ владѣльцемъ зáмка Вольтера. Бронзовая статуя представляетъ философа въ натуральную величину. Держа шляпу въ правой рукѣ, лѣвой онъ опирается на палку.. Вольтеръ имѣетъ видъ добродушнаго старика, всегда готоваго помочь бѣднякамъ и защитить угнетенныхъ. Лицо здѣсь не выдаетъ злорадствующаго сатирика и насмѣшника или внушавшаго страхъ ратоборца противъ суевѣрій и предразсудковъ. Эти тонкія улыбающіяся черты дышатъ только благодушіемъ и кротостью, можетъ быть, подъ вліяніемъ того чувства, съ какимъ Вольтеръ говорилъ о себѣ:—«И я сдѣлалъ немного добра; вотъ мое наилучшее дѣло». И за это «немногое добро» ему признательны не только Ферней и Pays de Gex, но и все образованное человѣчество.

Статуя возвышается на пьедесталѣ изъ бѣлаго бургундскаго камня, который покоится на валлисской гранитной глыбѣ. На новооткрытомъ памятникѣ поставлены четыре надписи. На лицевой сторонѣ—«Патріарху Фернея 1694, 1758, 1778»; на правой сторонѣ—«поэту-философу» съ обозначеніемъ его гуманныхъ стремленій и названій его сочиненій, написанныхъ въ Фернеѣ; на лѣвой сторонѣ—«Благодѣтелю Фернея» съ обстоятельнымъ объясненіемъ его благодѣяній для Фернея и Pays de Gex. Наконецъ, на задней сторонѣ памятника обозначены даты открытія его и имя скульптора, исполнившаго статую.

Множество сотенъ гостей изъ окрестныхъ мѣстностей пріѣзжали на торжество открытія памятника. Къ числу почетныхъ гостей принадлежали президентъ французскаго сената Ле-Ройэ, сенаторы и депутаты, а также префектъ и другіе представители французской администраціи изъ Энскаго департамента. Шествіе къ зáмку Вольтера совершено было съ знаменами и съ музыкой.

Въ зáмкѣ показывали салонъ и спальню философа. Въ салонѣ

вправо отъ входа поставлена урна съ сердцемъ Вольтера. На ней двѣ надписи. На одной сказано: «умъ его вездѣ, а сердце его здѣсь», на другой — «мои пенаты утѣшены, потому что сердце мое среди васъ». Затѣмъ портретъ 40-лѣтняго Вольтера, портретъ его друга — маркизы де Шатлэ, картина, изображающая императрицу Екатерину II, украшаютъ салонъ, по срединѣ котораго на столѣ положена неизбѣжная записная книга для занесенія въ нее фамилій. Въ смежной маленькой комнатѣ стоятъ кровать и кресло Вольтера. Пертретъ Фридриха II украшаетъ стѣну рядомъ съ каминомъ, на которомъ помѣщено въ рамкѣ подъ стекломъ послѣднее четверостишіе Вольтера, продиктованное имъ 29 мая 1778 г. за день до своей кончины. На противоположной стѣнѣ находится рядъ гравированныхъ на стали портретовъ Мильтона, Корнеля, папы Климента XIV, уничтожившаго іезуитскій орденъ, Франклина, герцога Шуазеля д'Амбуазъ, Делилля, Мармонтеля, Расина. На большой группѣ изображенъ Вольтеръ съ своими друзьями за столомъ: аббатомъ Мори, д'Аланберомъ, Кондорсэ, Дидро, Лагарпомъ и др. Недалеко отъ зàмка, какъ разъ рядомъ съ террасой его, стоитъ небольшая церковь, построенная Вольтеромъ вскорѣ по его прибытіи въ Ферней. На ней есть надпись: «Deo erexit Voltaire MDCCLXI».

ЗАГАДОЧНЫЯ ДРЕВНОСТИ.

Ъ ПОСЛѢДНЮЮ четверть вѣка изученіе нашихъ древностей и бытовой стороны древне-русской жизни сдѣлало громадные успѣхи. Особенно сильно и замѣтно продвинулась впередъ археологія такъ называемаго курганнаго періода, которая путемъ повсемѣстныхъ раскопокъ, въ отдаленнѣйшихъ углахъ Россіи, пріобрѣла весьма обильный и разнообразный научный матеріалъ. Хотя этотъ матеріалъ еще далеко не разработанъ, не приведенъ въ систему и даже самый доступъ къ нему въ значительной степени затрудненъ наивными выводами тѣхъ археологовъ, которые рылись въ курганахъ безъ всякой научной подготовки и потому преувеличивали значеніе своихъ находокъ,—однакожъ, добытый раскопками матеріалъ на столько великъ, раскопки произведены на такой громадной площади, что современному русскому историку, при своихъ изслѣдованіяхъ, приходится постоянно имѣть въ виду указанія русской археологической науки. Мало того, эти выводы, волей-неволей, вынужденъ принимать въ соображеніе и каждый изъ иноземныхъ историковъ, занимающихся древнѣйшими судьбами Восточной Европы и ея сношеніями съ Азіей. Въ этихъ именно видахъ, иноземные ученые очень тщательно изучаютъ наши музеи, наши коллекціи древностей, наши археологическіе атласы и очень заботятся о томъ, чтобы поскорѣе привести добытый нами археологическій матеріалъ въ извѣстнаго рода систему. Но эти заботы и старанія, конечно, еще долгое время не приведутъ ни къ какому результату, отчасти, по нашей собственной винѣ, отчасти по недостатку точныхъ данныхъ для классификаціи раскопокъ и добываемаго изъ нихъ матеріала. Наша собственная вина заключается въ томъ, что мы до сихъ поръ не издали ни одной подробной карты произве-

денныхъ въ Россіи раскопокъ, не напечатали иллюстрированныхъ указателей того богатѣйшаго матеріала, который заключается въ нашихъ музеяхъ, не составили ни одного сколько-нибудь систематизированнаго археологическаго атласа по русскимъ древностямъ, въ частности, и вообще по древностямъ добытымъ раскопками въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Не только древности частныхъ музеевъ (въ родѣ Строгоновскаго) или такихъ общественныхъ древлехранилищъ какъ Румянцевскій музей, какъ музей Московскаго и Петербургскаго Археологическаго Обществъ, какъ музеи Кіевскаго, Казанскаго и Московскаго университетовъ, какъ музеи Академій Наукъ и Художествъ остаются совершенно неизвѣстными для каждаго ученаго, которому не удалось лично ихъ посѣтить и изучить на мѣстѣ; но даже и богатѣйшія, единственныя въ своемъ родѣ коллекціи древностей нашего Эрмитажа изданы только отчасти и притомъ въ видѣ такихъ дорогихъ и рѣдкихъ изданій, которыя недоступны большинству ученыхъ.

Благодаря такому недостатку общихъ обзоровъ археологическаго матеріала, облегчающихъ всякія сравненія, сопоставленія и обобщенія, многіе изъ нашихъ археологовъ, съ замѣчательною легкостью, создаютъ теоріи, придумываютъ классификаціи, придаютъ извѣстному отдѣлу древностей произвольныя названія. Въ Пермскомъ краѣ являются пермскія древности, въ южныхъ степяхъ скиѳскія древности, въ Рязанской губерніи рязанскія древности, въ Ярославской и Костромской губерніяхъ мерянскія древности, въ изслѣдованіяхъ Эйхвальда чудскія древности, въ изслѣдованіяхъ Аспелина финно-угорскія древности!... А между тѣмъ, при сличеніи всѣхъ этихъ «разнообразныхъ» древностей, мы убѣждаемся въ томъ, что между ними очень много общаго; что часть древностей, отрытыхъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, почти тождественна съ древностями злосчастнаго Ананьинскаго могильника, съ древностями пермскими и даже сибирскими (Минусинскаго округа), а формы древностей мерянскихъ, съ точностью почти фотографической, повторяются формами различныхъ предметовъ, добытыхъ раскопками въ самыхъ противоположныхъ концахъ Россіи. Мало того, бронзовыя издѣлія, извлеченныя изъ могильныхъ насыпей Сибири и приуральскихъ мѣстностей, оказываются чрезвычайно схожими съ тѣмъ богатымъ запасомъ курганной бронзы, который собранъ въ Королевскомъ Копенгагенскомъ музеѣ и такъ отчетливо переданъ въ извѣстной книгѣ Ворса[1]).

Есть, однакоже, въ числѣ извѣстныхъ намъ древностей, добытыхъ раскопками въ Россіи, нѣкоторые предметы и нѣкоторыя изображенія, служащія какъ бы указаніями на тотъ путь, который былъ пройденъ народами, завѣщавшими намъ свои могильныя на-

---

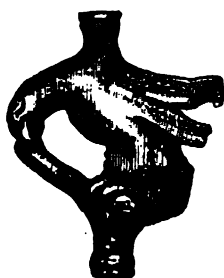
[1]) Древности Копенгагенскаго музея, 1852, Спб.

сыпи. Въ такъ называемыхъ скиөскихъ могилахъ, рядомъ съ изящнѣйшими металлическими издѣліями греческихъ мастеровъ, найдены были грубѣйшія бронзовыя изваянія и желѣзныя издѣлія, очевидно, ничего не имѣющія общаго ни съ греческой, ни съ грекоскиөской культурой. Эти бронзовыя изваянія и желѣзныя издѣлія также грубы, какъ тѣ каменныя бабы, которыя были найдены во множествѣ на могильныхъ курганахъ нашего Юга и Востока. Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній приведены нами здѣсь, какъ характерные образчики формъ и манеры издѣлій, о которыхъ мы говоримъ. Рядомъ съ этими предметами, въ тѣхъ же могилахъ были добыты и большіе желѣзные котлы, украшенные по верхнему краю изображеніями сибирскихъ каменныхъ барановъ съ ихъ огромными, колѣнчатыми, закинутыми на спину рогами. Въ той залѣ Эрмитажа, въ которой собраны вещи добытыя изъ Александропольскаго и Чертомлыцкаго кургановъ, рядомъ съ ними выставлены въ двухъ отдѣльныхъ шкафахъ вещи добытыя въ Новочеркасскѣ (?) и въ Сибири (?)—пестрая смѣсь предметовъ изъ различныхъ странъ и эпохъ, неразобранная и неопредѣленная научнымъ образомъ и неизвѣстно, гдѣ именно добытая [1]). Между этими предметами, поражающими чрезвычайнымъ богатствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и невѣроятною грубостью и массивностью работы, есть очень много предметовъ, не только по формѣ, но и по характеру отдѣлки, и по общему типу, напоминающихъ отдѣльные предметы изъ богатой добычи Чертомлыцкаго и Александропольскаго кургановъ. Но въ особенности поражаетъ въ сибирскихъ древностяхъ Эрмитажа обиліе изображеній каменнаго барана и сѣвернаго оленя, то въ видѣ полныхъ, тщательно отдѣланныхъ изваяній, то въ видѣ плоскихъ, нашивныхъ бляхъ. Такими же плоскими, прорѣзными изображеніями оленей и каменныхъ барановъ украшенъ поверху и тотъ замѣчательный варварскій вѣнецъ (№ 891), который составляетъ существеннѣйшую драгоцѣнность всей этой коллекціи сибирскихъ древностей [2]). Для насъ еще чрезвычайно любопытенъ и важенъ тотъ фактъ, что эти сибирскія древности Эрмитажа представляютъ весьма много общаго съ «пермскими» древностями коллекціи Ешевскаго, хранящимися въ Румянцевскомъ музеѣ (въ Москвѣ), и съ древностями Лихачевской коллекціи, собранной въ Булгарѣ и Би-

---

[1]) Относительно древностей сибирскихъ могу сообщить то, что слышалъ когда-то отъ академика А. А. Куника; эти древности были переданы въ Эрмитажъ изъ Публичной Библіотеки. Когда именно? Неизвѣстно. Но при этой передачѣ уже не было никакихъ указаній на мѣсто добычи древностей. Извѣстно было только то, что они добыты въ Сибири.

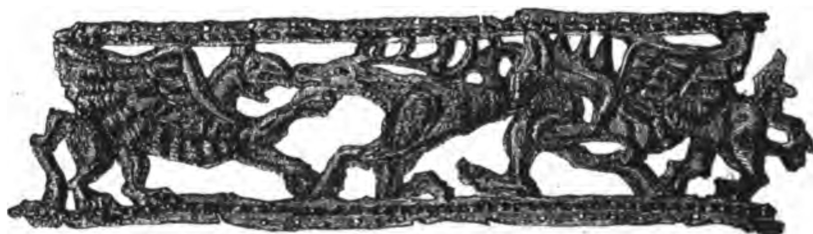
[2]) Этотъ вѣнецъ представляетъ собою нѣчто удивительно-курьезное. Онъ украшенъ и каменьями, въ грубой оправѣ, и жемчугами, и камеями, къ которымъ въ свою очередь приложены камни въ оправѣ и, наконецъ, рельефными, прорѣзными изображеніями животныхъ.

лирени. А объ этихъ именно древностяхъ самъ Ешевскій—проницательный и тонкій изслѣдователь—писалъ нѣкогда въ «Пермскомъ Сборникѣ»:

«Многія вещи, находимыя въ Казанской губерніи, особенно по Камѣ и ея притокамъ (разумѣя вещи до татарской эпохи) совершенно сходны съ находимыми въ Пермской губерніи... Сличеніе древностей Пермскаго края съ древностями Казанской губерніи также естественно и необходимо, какъ и сличеніе первыхъ съ вещами и памятниками, встрѣчающимися въ Сибири. Нѣкоторыя вещи, находимыя въ Пермской губерніи, очевидно, сибирскаго или азіатскаго происхожденія» [1]).

Гипотеза Ешевскаго, выведенная изъ довольно обширнаго круга наблюденій надъ курганными древностями Казанской и Пермской губ., была весьма естественна по отношенію къ древностямъ этой мѣстности, издавна стоявшей въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ Азіей. Богатая добыча скиѳскихъ могилъ не была еще тогда приведена въ извѣстность съ такою подробностью, какъ теперь, и потому Ешевскій не могъ коснуться нѣкоторыхъ предметовъ, найденныхъ въ скиѳскихъ могилахъ рядомъ съ драгоцѣнными произведеніями греческаго искусства. Но если бы Ешевскій увидѣлъ эти предметы, онъ, не обинуясь, пришелъ бы къ тому заключенію, что и эти предметы, очевидно, «сибирскаго или азіатскаго происхожденія». Блистательнымъ подтвержденіемъ такого предположенія могутъ служить древности Минусинскаго музея, нынѣ приведенныя въ извѣстность и роскошно изданныя г. г. Клеменцомъ и Кузнецовымъ [2]). Въ атласѣ, приложенномъ къ описанію Минусинскихъ древностей, мы находимъ множество предметовъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми, которые мы подъ названіемъ «пермскихъ» и «скиѳскихъ» древностей привели здѣсь. Тѣ же формы, та же манера выполненія, тѣ же украшенія, въ видѣ плоскихъ прорѣзныхъ изображеній каменныхъ барановъ, отгибныхъ каёмокъ и врѣзанныхъ полосокъ, та же форма котловъ на поддонѣ, кругомъ котораго раскладываютъ огонь... Съ перваго же взгляда на древности Минусинскаго музея, азіатское (и не только азіатское, а именно сибирское) происхожденіе многихъ предметовъ въ скиѳскихъ курганахъ становится совершенно очевиднымъ; настолько же очевиднымъ, какъ и азіатское происхожденіе болгарскихъ или такъ называемыхъ пермскихъ древностей. Невольно приходятъ на память тѣ изслѣдованія о каменныхъ бабахъ (въ Трудахъ Перваго Ахреологическаго Съѣзда), которыя намѣчали путь движенія какихъ-то древнихъ племенъ изъ Азіи въ южно-русскія степи, и указывали

---

[1]) «Пермскій Сборникъ», 1859, I, 135.

[2]) Древности Минусинскаго музея. Текстъ и атласъ сост. Клеменцомъ. изд. Кузнецовымъ. 1887. Разборъ этого изданія въ XXVIII т. «Истор. Вѣстн.».

именно на то, что эти племена обозначавшіе свой путь постановкою каменныхъ истукановъ на курганахъ — шли въ наши степи и съ юго-востока, какъ бы двигались съ Кавказа и съ дальняго зауральскаго сѣверо-востока, изъ глубины сибирскихъ степей.

Если бы каталогъ минусинскихъ дневностей не былъ напечатанъ г. г. Клеменцомъ и Кузнецовымъ и къ каталогу не былъ приложенъ прекрасно-исполненный фототипическій атласъ древностей, сравненіе сибирскихъ древностей съ уральскими древностями, откопанными изъ земли въ разныхъ мѣстахъ Россіи, было бы не возможно, и многіе предметы, находимые въ курганахъ европейской Россіи, представлялись бы загадочными. Вотъ почему и желательно было бы поскорѣе увидѣть иллюстрированные (хотя бы и самымъ дешевымъ способомъ) каталоги нашихъ музеевъ, казенныхъ и частныхъ, для осуществленія въ будущемъ завѣтной мысли всѣхъ археологовъ—общаго археологическаго атласа важнѣйшихъ русскихъ древностей.

П. Полевой.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Г. Бореніусъ. Акты для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго. Гельсингфорсъ. 1890.

ЗДАННЫЙ г. Бореніусомъ сборникъ документовъ, полное названіе котораго выписано выше, имѣетъ цѣлью облегчить справки по подлиннымъ источникамъ касательно правоваго и политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго въ его соединеніи съ Россійскою Имперіею. На первомъ мѣстѣ въ сборникѣ помѣщены акты, относящіеся къ Боргоскому сейму 1809 г.; что же касается до высочайшихъ прокламацій и манифестовъ относительно покоренія Финляндіи, изданныхъ въ 1808 г., еще во время войны то они въ сборникъ не вошли. Издатель объясняетъ эту неполноту сборника тѣмъ, что названные документы, «хотя и представляютъ историческій интересъ, но не имѣютъ одинаковаго юридическаго значенія, какъ тѣ акты, которыми императоръ Александръ I въ 1809 г., послѣ совершившейся оккупаціи края, окончательно установилъ положеніе великаго княжества». Однако, съ этимъ мнѣніемъ довольно трудно согласиться. Не говоря уже о томъ, что «историческій интересъ», присущій актамъ 1808 г., долженъ былъ бы служить достаточнымъ стимуломъ для помѣщенія ихъ въ сборникѣ, можно еще возразить противъ мнѣнія о неодинаковости юридическаго значенія актовъ 1808 и 1809 гг. Само собой разумѣется, что въ моментъ изданія актовъ 1808 года, они не могли обладать никакимъ юридическимъ характерамъ, въ виду того, что Финляндія въ это время, хотя и была занята русскими войсками, но попрежнему принадлежала Швеціи, такъ какъ война еще продожалась и миръ, по которому Финляндія отходила къ Россіи, не былъ заключенъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе фактическаго, а не юридическаго господства русскихъ въ финляндскихъ провинціяхъ Швеціи въ это время, законодательные акты и административныя распо-

ряженія, изданые русскимъ правительствомъ, не могли имѣть юридическаго значенія, сохраняя только характеръ распорядительныхъ мѣръ, такъ какъ исходили отъ иностраннаго правительства, власть котораго юридически не распространялась на Финляндію. Однако, съ заключеніемъ Фридрихсгамскаго мира, санкціонировавшаго фактическое присоединеніе Финляндіи къ Россіи и превратившаго его въ юридическое, всѣ акты, изданные до этого времени русскимъ правительствомъ по отношенію къ Финляндіи, должны были получить юридическое значеніе, совершенно одинаковое съ значеніемъ, присущимъ позднѣйшимъ актамъ, изданнымъ въ періодъ времени, слѣдовавшій за миромъ. Въ виду всего сказаннаго, приходится весьма пожалѣть, что въ сборникъ г. Борениуса не вошли также и акты 1808 г.

Кромѣ актовъ, относящихся къ Боргоскому сейму 1809 г. въ сборникѣ помѣщены и такіе акты позднѣйшаго времени, «коими подтверждаются ососновные законы Финляндіи или въ которыхъ монархи вообще точнѣе высказывались по вопросу о государственно-правовомъ положеніи Финляндіи». Каждый актъ приводится на томъ языкѣ—русскомъ или французскомъ,—на которомъ составленъ высочайше утвержденный текстъ.

Наибольшее число актовъ, какъ и слѣдовало ожидать, относится къ царствованію императора Александра I, причемъ невольно бросается въ глаза пропускъ Фридрихсгамскаго договора—одного изъ существеннѣйшихъ актовъ, «выясняющихъ политическое положеніе» Финляндіи. Чѣмъ объясняется подобный пропускъ — неизвѣстно, такъ какъ издатель ничѣмъ не мотивируетъ его.

Собраніе документовъ начинается съ высочайшаго повелѣнія о созваніи финляндскаго сейма въ Борго, въ мартѣ 1809 г. Въ этомъ актѣ императоръ Александръ I, заявивъ, что «волею Провидѣнія и побѣдою нашего оружія Великое Княжество Финляндское навсегда присоединено къ нашей имперіи», доводитъ до свѣдѣнія всего населенія края, что заботиться о благосостояніи послѣдняго становится отнынѣ одной изъ главныхъ его обязанностей. Для достиженія же подобной цѣли онъ и находитъ нужнымъ созвать финляндскіе земскіе чины на сеймъ. Наканунѣ открытія засѣданій послѣдняго, государь издалъ манифестъ, которымъ утвердилъ права и привилегіи финляндскихъ сословій. «Произволеніемъ Всевышняго, читаемъ въ манифестѣ, вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали мы за благо симъ утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и неприложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Приведенный манифестъ любопытенъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, изъ него видно, что подтвержденіе финляндскихъ привилегій императоромъ Александромъ I было актомъ милости государя («признали мы за благо»—говорится въ манифестѣ), а совершенно не основывается на какомъ бы то ни было договорѣ, обязательномъ для русскаго правительства; во-вторыхъ, обѣщая хранить привилегіи, Александръ I говоритъ только о себѣ, совершенно не связывая рукъ, въ этомъ отношеніи, у своихъ преемниковъ.

За названными документами слѣдуютъ въ сборникѣ документы, относящіеся до исторіи Боргоскаго сейма, а именно: рѣчь государя при открытіи сейма, высочайшія предложенія послѣднему, церемоніалъ принесенія

присяги, манифестъ государя послѣ присяги и рѣчь его при закрытіи сейма. Далѣе слѣдуютъ учрежденіе финляндскаго правительственнаго совѣта, инструкція комиссіи финляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ и манифестъ о присоединеніи Выборгской губерніи къ Финляндіи съ распространеніемъ на первую всѣхъ законовъ послѣдней. Послѣдній документъ, относящійся къ царствованію Александра I, это—манифестъ о переименованіи финляндскаго совѣта въ сенатъ.

Обозрѣвая упомянутые документы, мы должны придти къ тому выводу, что на основаніи ихъ никоимъ образомъ нельзя говорить о какой бы то ни было уніи—личной или реальной, существующей между Россіей и Финляндіей. Напротивъ, на основаніи многихъ мѣстъ документовъ видно, что Финляндія была просто присоединена къ Россіи или, выражаясь юридически, инкорпорирована Россіей. Такъ, уже въ первомъ документѣ (высочайшее повелѣніе о созваніи сейма въ Борго) встрѣчается слѣдующая фраза «волею Провидѣнія и побѣдою нашего оружія Великое Княжество Финляндское навсегда присоединено къ нашей имперіи». Далѣе, въ манифестѣ о подтвержденіи правъ и привилегій Финляндіи императоръ Александръ заявляетъ, что «произволеніемъ Всевышняго онъ вступилъ въ обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндія». Затѣмъ въ манифестѣ о переименованіи финляндскаго совѣта въ сенатъ говорится снова о «присоединеніи Великаго Княжества Финляндскаго къ имперіи нашей». Въ этомъ же документѣ встрѣчается еще слѣдующее мѣсто: «нынѣ достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренними дѣлами государства нашего, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ мы, для вящшаго ознаменованія намѣренія нашего о упомянутомъ мѣстномъ управленіи края сего, дать финляндскому вышнему правительству названіе финляндскаго сената». И такъ, на основаніи приведеннаго манифеста Финляндскій край входитъ въ составъ «государства нашего», т. е. Россіи и внутреннія дѣла послѣдней, «а въ числѣ оныхъ» и финляндскія, одинаково озабочиваютъ государя, который, въ силу этого, рѣшается предпринять извѣстную реформу въ области мѣстнаго управленія Финляндіи. Болѣе категорически нельзя высказаться о характерѣ отношеній между Россіей и Финляндіей!

Ко времени императора Николая относятся только два акта, а именно манифестъ объ утвержденіи финляндскихъ привилегій и манифестъ объ учрежденіи статсъ-секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго (упразднившій комиссію финляндскихъ дѣлъ). Такое незначительное количество актовъ объясняется особымъ направленіемъ политики императора Николая въ отношеніи Финляндіи. Какъ извѣстно, названный государь ни разу не созывалъ финляндскаго сейма и вообще далеко не сочувственно относился къ финляндской автономіи. Напротивъ, сынъ Николая I, императоръ Александръ II продолжалъ политику своего дяди. Ко времени его царствованія относятся слѣдующіе акты, помѣщенные въ сборникѣ г. Бореніуса: манифестъ о подтвержденіи финляндскихъ привилегій, манифестъ объ учрежденіи комитета для финляндскихъ дѣлъ, высочайшее повелѣніе о созваніи сейма въ Гельсингфорсѣ, въ сентябрѣ 1863 года, рѣчь государя при открытіи этого сейма и высочайшее утвержденіе сеймоваго устава 1869 года. Рѣчь императора Александра заканчивается слѣдующими знаменательными

словами: «вамъ, представители великаго княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойнымъ характеромъ вашихъ преній, что въ рукахъ развитаго народа, стремящагося трудиться въ союзѣ съ государемъ надъ дѣломъ развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія, далеко не составляя опасности, являются гарантіей порядка и преуспѣянія». Въ этой же рѣчи государь, говоря о необходимости реформъ въ области основныхъ законовъ Финляндіи, упомянулъ о присоединеніи ея къ Россіи.

Сборникъ заканчивается тремя актами нынѣ царствующаго государя а именно: манифестомъ о подтвержденіи привилегій, рескриптомъ по поводу этого подтвержденія и рѣчью государя, прочитанной при открытіи сейма 12-го января 1882 года. **В. Латкинъ.**

Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Составилъ ректоръ Кіевской духовной семинаріи архимандритъ Борисъ. Періодъ второй (313—529 г.). Казань. 1890.

Пять лѣтъ тому назадъ архимандритъ Борисъ (тогда еще Вл. Вл. Плотниковъ) выпустилъ первый томъ труда, заглавіе котораго мы выписали. Этотъ томъ обнималъ первые три вѣка по Р. Х. и былъ посвященъ по преимуществу «вопросу объ отношеніи разума къ вѣрѣ, знанія къ Откровенію. Это объясняется тѣмъ, что таковъ былъ предметъ, занимавшій преимущественно мысль самихъ церковныхъ писателей перваго періода, когда имъ приходилось касаться греко-римской языческой образованности и отношенія ея къ христіанству»[1]). Поэтому первый выпускъ «Исторіи христіанскаго просвѣщенія» имѣетъ значеніе болѣе для богослова, чѣмъ для историка и мы не будемъ на немъ останавливаться. Что же касается до настоящаго тома, то онъ не лишенъ и значительной доли интереса историческаго. Въ немъ авторъ старается «шагъ за шагомъ прослѣдить процессъ постепеннаго развитія и формированія различныхъ отраслей христіанской науки и литературы подъ вліяніемъ древней греко-римской образованности». «Нужно воспроизвести, говоритъ о. Борисъ, предъ умственнымъ взоромъ читателя хоть въ главныхъ чертахъ картину этой громадной лабораторіи мысли, показать, какъ въ теченіе вѣковъ мало-по-малу перерабатывался въ новыя формы драгоцѣнный литературный и научный матеріалъ, почерпнутый христіанскими народностями изъ классическихъ источниковъ». Какъ видитъ читатель, въ эти слова почтеннаго автора вкралось нѣкоторое противорѣчіе, ибо, если слѣдить за какимъ-либо процессомъ шагъ за шагомъ, то придется нарисовать картину этого процесса отнюдь не въ главныхъ чертахъ, а въ мельчайшихъ подробностяхъ. Поэтому и о. Борисъ, слѣдуя первому способу, изобразилъ «громадную лабораторію» даже слишкомъ подробно: онъ просто заваливаетъ читателя фактами иногда настолько мелочными и неважными, что они только затрудняютъ чтеніе и, отвлекая вниманіе отъ главной мысли, дѣлаютъ ее расплывчатой и неясной. Разбираемая книга заключаетъ въ себѣ болѣе 500 страницъ, но можно смѣло сказать, что добрая половина ея могла бы быть отброшена безъ вреда для научнаго достоинства книги и ужъ во вся

---

[1]) «Исторія христіанскаго просвѣщенія», стр. VI.

комъ случаѣ съ громадной выгодой для сбереженія времени и удобства читателя. Говоря, напримѣръ, о сочиненіи Евсевія Кесарійскаго «Προπαρασκευῆς καὶ ἀποδείξεως εὐαγγελικῆς βιβλία», о. Борисъ болѣе 7 страницъ занимаетъ перечисленіемъ авторовъ, на коихъ ссылается Евсевій въ своемъ трудѣ (стр. 299—307). Спрашивается, для чего это? Кому какая польза оттого, что болѣе 7 страницъ занято голыми именами? Не гораздо ли проще было сказать, что Евсевій пользовался огромной массой источниковъ, даже привести ихъ число? Или, къ чему можетъ послужить страница 299, на которой съ тщательностью, достойной лучшаго дѣла, выписаны различныя фразы, которыя Евсевій вставлялъ, опуская въ выдержкѣ изъ того или другого автора то, что менѣе было нужно для его цѣли? Или еще примѣръ: приступая въ VI-ой главѣ къ изложенію воззрѣній св. Іоанна Златоуста на свѣтское образованіе, авторъ предварительно сообщаетъ въ широковѣщательныхъ фразахъ, что церковь ставитъ имя этого вселенскаго учителя наряду съ именами Василія Великаго и Григорія Богослова, что въ предъидущихъ главахъ говорилось объ этихъ двухъ святыхъ, что мать Златоуста звалась Анеуса, что Ливаній, его воспитатель, питалъ «гордость, очень понятную въ учителѣ» и т. п. Всѣ эти примѣры мы приводимъ для подтвержденія той мысли, что почтенный авторъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы послѣдовалъ второй части своего противурѣчиваго плана, а не первой. Но оставивъ въ сторонѣ многословіе и излишнія подробности, въ которыя вдается о. Борисъ, мы должны признать за его трудомъ солидныя достоинства. Такъ авторъ отличается значительной начитанностью и прекраснымъ знакомствомъ съ своимъ предметомъ: при составленіи «Исторіи христіанскаго просвѣщенія» онъ пользовался болѣе, чѣмъ двумястами различныхъ источниковъ и пособій и пользовался ими весьма умѣло и удачно, хотя ссылки его не всегда удовлетворительны; напр., на стр. 182 авторъ говоритъ объ обширныхъ познаніяхъ Златоуста въ классической литературѣ и подтверждаетъ свои слова ссылками на Joby, Landriot, Guillon, Leblanc—все новѣйшіе писатели, а не мѣшало бы привести какое-нибудь свидѣтельство первоисточника: оно было бы гораздо убѣдительнѣе. Критическіе пріемы автора вполнѣ цѣлесообразны, полемика въ достаточной степени убѣдительна, главные выводы также обоснованы весьма твердо, такъ что мы находимъ далеко не лишнимъ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ двадцатой (послѣдней) главы этого труда, заключающей въ себѣ общіе выводы изо всего изслѣдованія. Вотъ важнѣйшіе изъ нихъ: «древняя греко-римская культура была тѣмъ историческимъ факторомъ, многоразличныя отношенія къ которому христіанства въ значительной степени обусловливали, различнымъ образомъ направляли и видоизмѣняли развитіе христіанскаго просвѣщенія. Чтобы скорѣе и легче завоевать себѣ право гражданства въ образованномъ мірѣ, христіанство должно было извѣстнымъ образомъ приспособиться къ условіямъ окружающей среды, тѣмъ болѣе, что само христіанское общество, если бы и хотѣло, не могло бы избѣжать вліянія этой среды. Это приспособленіе выразилось тѣмъ, что оно усвоило себѣ лучшіе, здоровые элементы греко-римской образованности, приняло тѣ же формы, какія выработала послѣдняя и въ этой новой оболочкѣ пріобрѣло себѣ господство. Не менѣе важно значеніе греко-римской образованности и для внутренняго развитія и роста христіанскаго общества. Образовательные элементы античной духовной культуры расширяли умственный кругозоръ христіанскаго общества, позволяя ему видѣть такія стороны и отношенія

мыслей, которыя безъ того были бы недоступны для него. Это обогащеніе христіанской учености содѣйствовало разработкѣ богословія, которая состояла преимущественно въ раскрытіи, уяснепіи и обоснованіи того, что дано въ Откровеніи. Съ другой стороны логическія категоріи и научныя формы древнихъ давали возможность приводить христіанскія вѣрованія въ порядокъ. Такимъ образомъ сформировалась сложная и стройная система богословской науки. Параллельно съ развитіемъ богословія совершалось движеніе философской мысли христіанъ, находившееся постоянно въ тѣсномъ соотношеніи съ древними и современными ему языческими философемами. Точно также и свѣтская наука, получившая начало позже, и своими формами и самымъ своимъ содержаніемъ почти всецѣло обязана древней образованности. Даже литература христіанъ отразила въ себѣ слѣды ея сильнаго многосторонняго вліянія. Однимъ изъ главнѣйшихъ путей, какими проникало это вліяніе въ среду христіанъ, было общественное образованіе, основывавшееся, съ одной стороны, на изученіи Священнаго Писанія и твореній отеческихъ, съ другой—на усвоеніи элементовъ древняго греко-римскаго образованія. Посредствомъ всѣхъ указанныхъ процессовъ и формъ умственной жизни и дѣятельности древняго христіанскаго общества лучшіе элементы древней греко-римской культуры перешли въ христіанскія школы, въ христіанскую литературу и науку и легли въ основу ново-европейскаго образованія и ново-европейской литературы» (стр. 502—505). Дѣлаетъ автору честь и та замѣтка, которой онъ заключаетъ свой трудъ. Замѣтка эта касается того практическаго значенія, какое теперь могутъ имѣть классики и представляетъ прямое слѣдствіе, естественно вытекающее изъ всего труда. Вотъ она: «святые отцы и учители церкви защищали греко-римскій классицизмъ, такъ какъ греко-римская литература была для нихъ единственной классической, т. е. образцовой. Новоевропейскіе народы создали свою собственную классическую литературу. Древнія литературы не могутъ имѣть для насъ и сотой доли того значенія, какое они имѣли для древнихъ христіанскихъ народовъ. Умственныя богатства современнаго образованнаго человѣчества неизмѣримо превосходятъ научное и литературное достояніе тѣхъ отдаленныхъ временъ. Поэтому намъ нѣтъ надобности намѣренно съуживать основы общаго образованія, давая въ немъ преобладающее значеніе такимъ образовательнымъ предметамъ, которые давно уже таковое утратили. Св. отцы и учители древней церкви защищали современное имъ общее образованіе, основывавшееся на изученіи древне-классической литературы и науки. Отсюда правильный выводъ слѣдуетъ сдѣлать такой, что общее образованіе юношества въ наше время должно имѣть также современный характеръ, т. е. основываться на изученіи новѣйшихъ классическихъ литературъ и важнѣйшихъ предметовъ современнаго научнаго знанія» (стр. 506).

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить надежду, что почтенный авторъ не остановится на эпохѣ Юстиніана, до которой онъ дошелъ теперь, а продолжитъ свое изслѣдованіе дальше и выяснитъ вліяніе греко-римской образованности на христіанскую цивилизацію въ послѣдующіе вѣка и въ особенности въ вѣкъ возрожденія наукъ и искусствъ. **С. А—въ.**

Очеркъ по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв. Сочиненіе В. Якушкина. Выпускъ первый. XVIII вѣкъ. Москва. 1890.

Авторъ этой книги въ предисловіи къ ней самъ указываетъ свою задачу и свой взглядъ на постановку вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію въ его трудѣ, въ такихъ словахъ: «При изученіи исторіи крестьянъ и крестьянскаго вопроса за два послѣдніе вѣка, вопросъ о поземельномъ надѣлѣ крестьянъ выдѣляется, какъ нѣчто самостоятельное. Не смотря на тѣсную связь земельнаго надѣла со всѣми условіями быта крестьянъ, не смотря на важное значеніе, какое принадлежитъ земельнымъ отношеніямъ въ исторіи нашего крестьянства, вопросъ о крестьянскомъ надѣлѣ можетъ и долженъ быть, какъ мнѣ кажется, выдѣленъ для самостоятельнаго изслѣдованія,—для болѣе точнаго пониманія и для болѣе полнаго изученія онъ долженъ быть приведенъ въ связь съ другими явленіями въ исторіи русской поземельной политики. Вотъ какимъ образомъ и въ какихъ размѣрахъ поставлено мною изслѣдованіе нашей аграрной политики». Авторъ выводитъ такимъ образомъ вопросъ о земельномъ надѣлѣ изъ сферы исторіи крестьянства и пытается разсмотрѣть его съ иной точки зрѣнія—въ связи со всею поземельною политикой правительства. Сообразно этому взгляду онъ дѣлитъ свое настоящее изслѣдованіе на двѣ части: въ первой онъ указываетъ общее направленіе аграрной политики XVIII вѣка, разбирая случаи ограниченія землевладѣльцевъ въ пользованіи, во второй, значительно болѣе обстоятельной и въ сущности важнѣйшей части труда, разсматриваетъ поземельный надѣлъ въ различныхъ его видахъ. Такая постановка изслѣдованія возможна, хотя и съ оговорками, но она не предрѣшаетъ еще вопроса о содержаніи книги. Послѣднее зависитъ не только отъ поставленныхъ авторомъ вопросовъ, но и отъ тѣхъ источниковъ, какими онъ пользовался для ихъ выясненія и рѣшенія. Въ данномъ случаѣ главнымъ источникомъ автора явилось, конечно, «Полное собраніе законовъ»; кромѣ него, авторъ пользовался, правда, и архивнымъ матеріаломъ «вотчиннаго архива», именно «указными книгами» и «указами сената», но онъ самъ говоритъ, что этотъ «архивный матеріалъ... не вноситъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ общее изображеніе нашей поземельной политики, какъ оно дается въ П. С. З.». Такимъ образомъ сочиненіе г. Якушкина построено, если не исключительно, то преимущественно на матеріалѣ печатномъ, уже извѣстномъ и въ значительной степени обслѣдованномъ другими. Это свойство матеріала отразилось и на самой книгѣ: въ ней почти не имѣется новыхъ фактовъ, и самый интересъ ея заключается не въ новизнѣ дѣлаемыхъ авторомъ выводовъ, а въ отличной отъ другихъ изслѣдователей группировкѣ ихъ. Въ первой части своей книги г. Якушкинъ разсматриваетъ тѣ случаи въ законодательной практикѣ XVIII вѣка, когда правительство вторгалось въ область частной собственности, ограничивая землевладѣльцевъ въ пользованіи лѣсомъ, ископаемыми богатствами, жемчугомъ, оброчными статьями и др., устанавливая особый видъ землевладѣнія—владѣніе условное, стѣсняя землевладѣльцевъ въ ихъ правѣ распоряженія или, наконецъ, прибѣгая къ отчужденью (экспропріаціи) частновладѣльческихъ земель. Разборъ этихъ частныхъ случаевъ, сдѣланный авторомъ въ довольно общихъ чертахъ, даетъ ему возможность указать какъ руководящіе принципы русской аграрной политики XVIII вѣка, такъ и тѣ измѣненія, которымъ эти принципы под-

вергались въ теченіе столѣтія. Тогда какъ при Петрѣ В. государственная, «общенародная польза» была поставлена выше всего и аграрная политика государства отличалась большой энергіей, сильно стѣсняя права частныхъ владѣльцевъ, при ближайшихъ преемникахъ его подобныя его распоряженія въ значительной мѣрѣ были измѣнены и смягчены, и хотя при Аннѣ Ивановнѣ и еще болѣе при Елисаветѣ Петровнѣ они опять были возстановлены, но въ царствованіе Екатерины II правительство еще болѣе круто повернуло на путь измѣненія Петровскаго законодательства и въ большинствѣ случаевъ отступилось отъ правъ государства по отношенію къ частновладѣльческимъ землямъ. Такъ было съ вопросомъ о лѣсахъ, о рудокопномъ дѣлѣ, жемчужной ловлѣ и другихъ. Переходя къ важнѣйшему вопросу своего труда и вмѣстѣ съ тѣмъ всей поземельной политики XVIII в., къ вопросу о земельномъ надѣлѣ, авторъ указываетъ на ту перемѣну, какая совершилась въ правительственной политикѣ съ паденіемъ помѣстной системы къ началу XVIII столѣтія. Поземельные служилые надѣлы продолжаютъ раздаваться, но они лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ помѣстный характеръ, въ большинствѣ же правительство путемъ этой раздачи преслѣдуетъ совершенно иныя цѣли—награды за службу, колонизація края и т. п. По мѣрѣ уничтоженія помѣстной системы все болѣе выступаетъ на первый планъ система денежнаго вознагражденія за службу, и въ силу этой перемѣны измѣняется и финансовая политика правительства: исходнымъ пунктомъ ея остается земля, но земля крестьянская, служащая главнымъ источникомъ финансовыхъ средствъ государства. Сообразно этому и заботы правительства переходятъ съ земельнаго служилаго надѣла на надѣлъ крестьянскій. Переходъ этотъ былъ облегченъ тѣмъ, что еще ранѣе крестьянскаго надѣла правительственная политика принимала подъ свою опеку близко подходящую къ нему форму надѣла служилыхъ разныхъ службъ и отставныхъ служилыхъ и городскаго. Тогда какъ на первомъ были выработаны основные принципы аграрной политики—уравнительность надѣла, его неотчуждаемость и обезпеченіе для будущихъ поколѣній въ формѣ запасныхъ участковъ и переселенія, на второмъ, при полной силѣ тѣхъ же принциповъ съ особенной яркостью проявился основной мотивъ аграрной политики правительства—его финансовые интересы. По отношенію къ крестьянамъ правительство руководилось тѣми же финансовыми соображеніями, но съ полною опредѣленностью политика его могла выразиться лишь относительно крестьянъ государственныхъ. Разбирая отдѣльные виды государственныхъ поселянъ, авторъ и приходитъ къ выводу, что въ теченіе XVIII вѣка русскимъ законодательствомъ было вполнѣ сознано государственное значеніе крестьянскаго надѣла, что сказалось въ постоянныхъ заботахъ о немъ правительства и примѣненіи къ нему всѣхъ указанныхъ выше принциповъ. Что касается до крестьянъ помѣщичьихъ, то къ нимъ правительство не могло примѣнять той же политики при существованіи крѣпостного права, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣрахъ просвѣчиваетъ такой же взглядъ и на ихъ надѣлъ. Таковы, напримѣръ, указы о пожалованіи земель для заселенія, о раздачѣ помѣщикамъ примѣрныхъ земель пропорціонально числу ихъ крестьянъ и нѣк. др. Свой трудъ авторъ заключаетъ главой, представляющей обзоръ литературныхъ мнѣній XVIII в. о крестьянскомъ надѣлѣ, обзоръ, не дающій однако ничего новаго сравнительно съ извѣстной книгой В. И. Семевскаго «Крестьянскій вопросъ въ Россіи». Вообще выводы автора

могли бы, намъ кажется, имѣть болѣе значенія, еслибы онъ поставилъ вопросъ шире и не занялся изученіемъ исключительно правительственной политики, а прибавилъ къ нему изученіе поземельныхъ отношеній. Тогда, быть можетъ, и самый характеръ выводовъ нѣсколько измѣнился бы. Помѣщенныя имъ въ концѣ книги довольно обширныя приложенія имѣютъ въ сущности частный интересъ. Написана книжка живо, гладкимъ языкомъ и читается съ интересомъ.

В. М.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Вып. второй. Казань. 1890.

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1889 годъ мы упомянули о появленіи перваго выпуска монографіи г. Витевскаго, причемъ познакомили нашихъ читателей съ содержаніемъ двухъ послѣднихъ главъ, въ которыхъ была изложена исторія Оренбургскаго края до пріѣзда туда И. И. Неплюева. Возвращаемся теперь къ этому почтенному труду въ виду выхода въ свѣтъ его второго выпуска. Такъ какъ въ этомъ выпускѣ авторъ не оканчиваетъ своего добросовѣстнаго изслѣдованія, то, откладывая характеристику Неплюева съ точки зрѣнія г. Витевскаго до окончанія всей монографіи, мы остановимся пока на девятой и двѣнадцатой главахъ, въ которыхъ говорится о яицкихъ казакахъ и, въ связи съ волненіями послѣднихъ, о положеніи крестьянъ въ прошломъ столѣтіи. Привольныя степи по обоимъ берегамъ «золотого донышка съ серебряною крышечкою», какъ называли казаки рѣку Яикъ (нынѣ Уралъ), не составляли ничьей собственности, такъ какъ кочевники-башкиры нуждались только въ травѣ для своихъ стадъ, а не въ землѣ, поэтому они бродили всѣмъ родомъ гдѣ попало и останавливались только тамъ, гдѣ былъ кормъ для скота. Въ послѣдніе годы царствованія Ивана Грознаго небольшой отрядъ донскихъ казаковъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, ушелъ на Яикъ и въ 3 верстахъ отъ Кошевскаго устья основалъ Яицкій городокъ; такимъ образомъ, около 1584 года, возникло новое государство въ формѣ военной республики. Тяготѣя по племенному происхожденію и по религіи къ царской Москвѣ, яицкіе казаки не отказывались присоединять свои отряды къ полкамъ царскихъ воеводъ въ случаѣ походовъ, но считали себя независимыми и не допускали посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла. Въ то время, какъ въ другихъ казацкихъ общинахъ требовалось, чтобы вступающій въ нихъ былъ христіаниномъ и давалъ обѣтъ безпощадно губить басурманъ, яицкіе казаки не пренебрегали никѣмъ и были вѣротерпимы по отношенію къ тѣмъ иновѣрцамъ, которые добровольно являлись къ нимъ, и съ общаго войскового согласія становились членами военнаго братства. Благодаря этому, при другихъ условіяхъ, на берегахъ Яика могло бы возникнуть сильное государство, тѣмъ болѣе, что сюда стекались съ христіанскаго запада и мусульманскаго востока люди ловкіе, смѣлые, храбрые, гордые, создавшіе народъ, который искалъ вольностей, простора и независимости политической и религіозной. Вскорѣ Яицкій городокъ былъ перенесенъ вверхъ по рѣкѣ къ Кирсановскимъ ярамъ а въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича его снова перенесли на то мѣсто, гдѣ онъ и теперь стоитъ подъ именемъ Уральска. Рыболовство и

скотоводство составили главную основу богатства казаковъ, а недостатокъ хлѣба, денегъ и другихъ вещей они пополняли, помимо незначительной торговли, «промысломъ», то есть грабежомъ и разбоемъ въ сосѣднихъ аулахъ киргизовъ и калмыковъ, а также по Волгѣ и Каспію, нападая безъ различія на московскихъ и персидскихъ торговцевъ. Первое время у нихъ былъ опасный врагъ въ лицѣ золотоординскихъ татаръ, но вскорѣ рядъ удачныхъ столкновеній вполнѣ обезопасилъ казаковъ съ этой стороны и военная республика видимо процвѣтала. Смутное время на Москвѣ затронуло и яицкихъ обитателей, которые волею неволею стали противъ Москвы, особенно когда къ нимъ явилась Марина Юрьевна, вдова двухъ лже-Димитріевъ и атаманъ Иванъ Заруцкій; казнь названныхъ лицъ, а также атамана Баловня, произвела, по всей вѣроятности, очень внушительное впечатлѣніе, такъ какъ вскорѣ у казаковъ возникла мысль стать «подъ высокую царскую руку». Сліяніе состоялось при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, который, исполняя желаніе новыхъ подданныхъ, подписалъ имъ жалованную грамоту, по которой казакамъ «дана была рѣка Яикъ съ сущими при ней рѣки и притоки и со всякими угодьи, отъ вершинъ той рѣки до устья, чтобы имъ на той рѣкѣ жить и владѣть, и ему великому государю служить казачью службу и набираться на житье вольными людьми». Эта грамота подтверждалась преемниками Михаила Ѳеодоровича и служила косвенною причиною всѣхъ смутъ и неурядицъ среди яицкихъ обитателей; московское правительство стремилось слить эту окраину съ остальнымъ государствомъ по обязанностямъ и правамъ, а казаки упорно отстаивали свои вольности и старину. Въ силу своеобразныхъ условій правосудія того времени, возникали волокиты и сутяжничества, наполнявшія все существованіе удалого казачества; иногда вспыхивали вооруженныя возстанія, усмиряемыя въ потокахъ крови. Кромѣ того, благодаря приливу на Яикъ недовольныхъ Москвою, казаки принимали участіе въ мятежахъ Хлопуши, Разина, Пугачева и другихъ, а это въ свою очередь влекло кровавую расправу. Бѣглые люди полюбили берега привольнаго Яика, гдѣ ихъ охотно принимали и заботливо укрывали отъ сыскныхъ командъ; обстоятельства внутри Россіи вполнѣ благопріятствовали тайному и безконтрольному удаленію бѣглыхъ на окраины государства; причины побѣговъ были очень разнообразны, но особенно жутко приходилось въ то время крѣпостнымъ крестьянамъ. Въ одной челобитной, поданной Петру Великому, мы читаемъ: «Просимъ и молимъ и умильно вопіемъ, да тя на милость приклонимъ о свободствѣ, дабы намъ изъ Содому и Гомору отраднѣе было. На семъ нашемъ приношеніи къ тебѣ, великому государю, сановники твои бояре и князи тебѣ, великому государю, станутъ возбранять, чтобы намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморѣ, мучиться, яко львы зубы, челюсти своими пожираютъ и, якоже зміи ехидныя, разсвирѣпея, напрасно напираютъ и, яко же волци свирѣпіи, біютъ насъ, яко немилостивые пилаты: великій государь, смилуйся пожалуй!» Со смертью Петра Великаго, который все-таки старался сдерживать порывы владѣльческой алчности и безчеловѣчія, произволъ и жестокость помѣщиковъ достигаютъ крайнихъ предѣловъ: крестьянинъ былъ низведенъ на степень вьючнаго безгласнаго скота. Не говоря уже о личныхъ отношеніяхъ такихъ выродковъ, какъ пресловутыя «Салтычиха», «Ковлиха» (княгини Салтыкова и Козловская), прямые косвенные налоги, составлявшіе одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ условій для матеріальнаго благосостоянія народа, по смерти

Петра Великаго осложнялись и увеличивались особыми хлѣбными и денежными сборами; возвышеніе цѣны на соль и вино породило корчемство и воровская продажа этихъ продуктовъ развилась въ громадныхъ размѣрахъ. Къ этому необходимо прибавить, что съ 1719 по 1741 годъ изъ податного сословія было взято 407,831 работникъ въ военную службу, а между тѣмъ населеніе продолжало вносить подати и за нихъ, благодаря чему недоимки возростали въ ужасающемъ размѣрѣ, взысканіе же ихъ производилось энергично и настойчиво; наконецъ, въ общую картину входятъ: недородъ хлѣба, падежъ скота, пожары, повальныя болѣзни, страшные разбои, произвольное измѣненіе цѣнности монеты, обиліе мѣдныхъ денегъ, отсутствіе золота и серебра на рынкѣ, взяточничество, доходящее до наивности и безсмыслія. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, объясняютъ въ удовлетворительной степени причины появленія бѣглыхъ во всѣхъ окраинахъ и даже за границею. Число бѣглыхъ увеличилось еще болѣе, когда началось гоненіе на раскольниковъ, уходившихъ отъ «антихристовой печати» на оба Иргиза, Камеликъ, Чагру, Чижею и оба Узеня, гдѣ въ то время тянулись непроходимые лѣса, дававшіе возможность укрываться отъ сыщиковъ въ своихъ непролазныхъ трущобахъ. Яицкіе казаки считали себя въ правѣ покровительствовать бѣглымъ въ силу стариннаго обычая и царской грамоты, а потому не обращали вниманія на цѣлый рядъ грозныхъ и запретительныхъ указовъ встревоженнаго правительства. Тогда къ энергичнымъ, но не достигавшимъ своей цѣли мѣрамъ свѣтскихъ властей присоединились крутыя распоряженія духовенства, и читателю легко себѣ представить положеніе обширной территоріи отъ Саратова до степей вокругъ Аральскаго озера; это было сплошь волнующееся море, вѣчно недовольное и готовое подняться съ оружіемъ въ рукахъ по первому знаку отважнаго коновода. Долго яицкое казачество было главнымъ очагомъ недовольныхъ, долго правительство не могло сладить со свободолюбивымъ населеніемъ, пока наконецъ усмиреніе «пугачевщины» не дало возможности разомъ покончить съ казачьимъ самоуправленіемъ: указомъ 15-го января 1775 года Екатерина II уничтожила всѣ привилегіи казаковъ и переименовала ихъ изъ яицкихъ въ уральскихъ; самъ Яикъ былъ названъ Ураломъ, а Яицкій городокъ Уральскимъ. Такъ окончило свое существованіе военное братство, продержавшееся при разнообразныхъ условіяхъ почти двѣсти лѣтъ. Мы не замедлимъ вернуться къ монографіи г. Витевскаго при появленіи третьяго выпуска.

А. Б—въ.

Городъ Любимъ и упраздненныя обители въ Любимѣ и его уѣздѣ. Матеріалы для исторіи русской іерархіи. И. А. Вахрамѣева. Москва. 1890.

Г. Вахрамѣевъ, на основаніи двухъ рукописей, издалъ описаніе 12 упраздненныхъ монастырей, принадлежавшихъ къ Любимскому уѣзду, находившемуся до 1777 г. въ составѣ костромскаго намѣстничества.

Въ напечатанныхъ г. Вахрамѣевымъ документахъ сообщается не мало любопытныхъ данныхъ о русской церкви. Такъ, въ описаніи упраздненнаго Воскресенскаго Обнорскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи прен. Силиверста (стр. 12). оказывается, что монастырь этотъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ не только въ ростовской епархіи, но и во всей сѣверной Россіи.

Основателемъ его почитается преп. Селиверстъ, игуменъ Обнорскій, жившій въ половинѣ XII в. (въ 1149 г.). Хотя Филаретъ Черниговскій и неизвѣстные авторы многихъ мѣстныхъ брошюръ съ описаніемъ монастыря и жизни преп. Селиверста считаютъ его ученикомъ Сергія Радонежскаго и самый годъ его кончины относятъ къ 25 апр. 1379 г., но эти опредѣленія слишкомъ шатки и основаны на сомнительныхъ данныхъ. Преп. Селиверстъ былъ современникъ преп. Герасима Вологодскаго († 4 марта 1178 г.) какъ это доказывается ученѣйшимъ протоіереемъ о. Михаиломъ Діевымъ, которому св. Сvнодомъ была поручена провѣрка іерархическихъ каталоговъ и исправленіе россійской іерархіи. Съ рукописи о. Діева и напечатано г. Вахрамѣевымъ описаніе Обнорскаго монастыря по описямъ 1764 г.

Не менѣе любопытны описанія Троицкой, что въ Колясникахъ, мужской пустыни (стр. 38.) и Морозовской Рождественской дѣвичьей пустыни (стр. 52.). Во второй четверти XVII в. прославился строгостью своей жизни старецъ Капитонъ, неграмотный мужикъ дворцоваго села Даниловскаго. Жизнь свою Капитонъ проводилъ въ затворничествѣ и въ строгомъ постѣ, не разрѣшая себѣ даже въ великіе праздники ничего, кромѣ черстваго хлѣба, сѣмянъ и ягодъ. Слава объ его подвижничествѣ доставила ему много послѣдователей, желавшихъ жить вмѣстѣ съ Капитономъ и, по просьбѣ послѣдняго, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1634 году пожаловалъ въ четырехъ верстахъ отъ с. Даниловскаго двѣ пустоши — Колясниково и Маремьянинъ починокъ, для устройства тамъ пустыни. Въ новоутвержденной Троицкой Колясниковой пустынѣ въ числѣ братіи поселились архимандритъ Герасимъ, бывшій передъ тѣмъ настоятелемъ Преображенскаго монастыря въ Рязани, и Симеонъ, впослѣдствіи, архіепископъ Тобольскій. Когда же къ Капитону собралось много и изъ женскаго пола изъ ревности къ строгой иноческой жизни, то онъ, въ двухъ верстахъ отъ Колясниковой пустыни, основалъ женскую Морозову пустынь, гдѣ и постригъ въ иночество до 12 старицъ. Основавъ двѣ пустыни, Капитонъ возгордился до такой степени, что сталъ считать себя за святого; училъ почитать только старинныя иконы, употреблять двуперстное крестное знаменіе, въ Пасху христосоваться вмѣсто яицъ красными луковицами. Тогда въ 1639 г. по доносу архимандрита Герасима, патріархъ Іоасафъ грамотою на имя Ярославскаго воеводы Петра Ивановича Секерина предписалъ Капитона, какъ расколоучителя, арестовать и содержать въ Ярославскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ подъ строгимъ надзоромъ архимандрита. Но не успѣлъ еще воевода прибыть въ пустынь, какъ Капитонъ бѣжалъ въ Вязниковскіе лѣса (Владимірской губерніи), которые тогда были переполнены бѣжавшими раскольниками и здѣсь пріобрѣлъ новую славу и еще болѣе учениковъ. Напрасно были посылаемы указы къ разнымъ воеводамъ, напрасно отправляли въ разныя мѣстности стрѣльцовъ, чтобы его взять и доставить въ Москву—Капитона хорошо укрывали и онъ умеръ тихо среди своихъ послѣдователей. Краснорѣчивый авторъ «Россійскаго Винограда» — Денисовъ въ своемъ знаменитомъ твореніи «объ отцахъ Вязниковскихъ» не мало восхваленій посвятилъ Капитону, какъ одному изъ первыхъ піонеровъ безпоповщины. По удаленіи Капитона, по грамотѣ царя изъ Колясниковой пустыни, управленіе ею ввѣрено было настоятелю Даниловскаго Преображенскаго монастыря, отцу Пимену, съ предписаніемъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы старцы оставили Капитоново ученіе. Но пропагандистомъ капитоновскихъ теорій явился въ Колясниковской обители старецъ Миронъ, за-

служившій среди иноковъ величайшее уваженіе святостію своей жизни. Братія не слушалась Пимена и, вѣроятно, когда настоятель, кромѣ мѣръ въ предѣлахъ христіанскаго увѣщанія, сталъ прибѣгать и къ другимъ, то она разбѣжалась по разнымъ пустынямъ, куда массами стали стекаться послѣдователи старой вѣры, преимущественно крестьяне. Послѣ такихъ происшествій Колясникова пустынь осталась совсѣмъ безъ братіи, почему и повелено было перевести въ нее монаховъ изъ Даниловскаго Преображенскаго монастыря, а этотъ монастырь упразднить. Тогда же въ Колясникову пустынь была перенесена и теплая деревянная церковь съ чудотворною иконой Казанской Божіей Матери (стр. 30).

Самое цвѣтущее время Колясниковской пустыни было—1682 годъ. Тогда келарь Троицко-Сергіевской лавры, старецъ Прохоръ, построилъ два каменныхъ храма. Въ 1693 г. въ пустыни случился сильный пожаръ, отъ котораго эстались лишь обгорѣлыя стѣны каменныхъ храмовъ. Вскорѣ однако они были возобновлены на пожертвованія кн. Петра Лукича Львова.

Изъ числа древнихъ священныхъ предметовъ доселѣ уцѣлѣлъ замѣчательный громаднаго размѣра Синодикъ, написанный въ 1640 году, съ различными, довольно неблаговидными изображеніями и съ изреченіями св. писанія. Въ немъ записанъ родъ благотворителя обители сибирскаго архіепископа Симеона [1]), бывшаго нѣкогда въ числѣ братіи Колясниковской пустыни. Затѣмъ родъ Иларіона, митрополита псковскаго и изборскаго, архіепископа тверскаго Сергія, князей Одоевскихъ, Хованскихъ, Куракиныхъ, Пронскихъ, Львовыхъ, Черкаскихъ, Урусовыхъ, Вадбольскихъ и другихъ.

Не менѣе интересно въ бытовомъ отношеніи и описаніе Рябининой Ильинской пустыни (стр. 55). Прежде тутъ существовала деревянная церковь, разрушенная до основанія въ XVI вѣкѣ и на ея мѣстѣ выросла рябина, которая оказалась чудодѣйственной; многіе, прикасаясь къ этому дереву, получали исцѣленія отъ разныхъ болѣзней. Въ 1612 году, во время стеченія народа, пришелъ сюда причетникъ села Гужева, Прокофьевъ, и сталъ увѣщевать народъ возстановить на прежнемъ мѣстѣ церковь въ честь пророка Ильи, а не поклоняться дереву. Его предложеніе было принято и рѣшено отправиться къ помѣщицѣ Иринѣ Чеглоковой, владѣлицѣ означеннаго мѣста, съ просьбою уступить землю для построенія храма, на что она и согласилась, а самого причетника пожелала имѣть при церкви священникомъ. Въ 1619 году тутъ образовался не безъ участія того же Прокофьева мужской Ильинскій монастырь. Въ книгѣ г. Вахрамѣева заключается не мало любопытныхъ свѣдѣній объ имуществѣ и постройкахъ упраздненныхъ монастырей. Приведены описи и грамоты преимущественно XVII вѣка. Къ книгѣ приложенъ подробный указатель личныхъ и географическихъ именъ, что облегчаетъ пользованіе книгою для ученыхъ занятій. А. К.

Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. Русскіе писатели и артисты. 1824—1870. Спб. 1890.

Печатавшіяся въ прошломъ году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и возбуждавшія живой интересъ читающей публики воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой недавно вышли отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг.».

---

[1]) «Исторія рос. іерархіи», ч. I стр., 110.

Г-жа Головачева, дочь извѣстнаго въ тридцатыхъ годахъ артиста Брянскаго, все свое дѣтство провела въ родительскомъ домѣ, гдѣ ей часто приходилось видѣть очень многихъ товарищей по искусству отца, разговаривать съ ними, а потому естественно, что у ней сохранилось въ памяти много фактовъ и впечатлѣній, характеризующихъ какъ театральныхъ дѣятелей, такъ и вообще весь театральный міръ того времени. Въ первыхъ трехъ главахъ книги, посвященныхъ исключительно воспоминаніямъ объ артистахъ и театрѣ, сообщается много интереснаго изъ жизни Мартынова, Каратыгиныхъ, Самойловыхъ, Семеновой и другихъ артистовъ и артистокъ, а также описываются тогдашніе театральные порядки.

Съ выходомъ замужъ за И. И. Панаева, имѣвшаго обширныя литературныя знакомства, г-жа Головачева переселилась въ міръ литературный. Воспоминанія о писателяхъ, составлявшихъ преимущественно кружокъ «Современника» за самое блестящее время его существованія, т. е. за время редактированія его Некрасовымъ и Панаевымъ, занимаютъ существенную и большую часть книги. Авторъ обладаетъ блестящей памятью и, отмѣчая самыя мелкія обстоятельства, при которыхъ произошелъ тотъ или другой фактъ, въ живомъ и занимательномъ разсказѣ знакомитъ насъ съ частною, семейною жизнью писателей, съ ихъ взаимными отношеніями, съ ихъ интересами, привычками, слабостями. Передъ читателемъ словно живые проходятъ наши знаменитые литераторы—Бѣлинскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Добролюбовъ, Герценъ, Гоголь, Островскій и др. Всего болѣе удѣлено мѣста въ воспоминаніяхъ Бѣлинскому, Некрасову и Тургеневу, какъ лицамъ, ближе стоявшимъ къ «Современнику». Въ разсказѣ Бѣлинскій обрисованъ довольно вѣрно какъ человѣкъ, въ силу своихъ нравственныхъ качествъ и убѣжденій, имѣвшій громадное вліяніе на своихъ товарищей; онъ, по словамъ Головачевой, «былъ нравственной уздой для своего кружка, такъ что послѣ его смерти всѣ, какъ школьники, освободясь отъ надзора своего наставника, почувствовали свободу. Имъ болѣе не нужно было идеализировать передъ Бѣлинскимъ свои поступки, которые на дѣлѣ были далеки отъ идеальности, или впадать въ самобичеванье своихъ слабостей». Некрасова авторъ всюду старается защитить отъ разныхъ обвиненій и сплетень, которыми поэтъ былъ опутанъ; Тургеневъ же не пользуется симпатіями автора и ему безъ разбора ставится на видъ все, что только могло бы его шокировать. Весьма сочувственно написаны страницы о Добролюбовѣ, Рѣшетниковѣ и др.; очень забавно разсказаны назойливыя посѣщенія и визиты къ Панаевымъ Дюма; не безъ интереса читаются обстоятельства, при которыхъ состоялся переходъ «Современника» изъ рукъ Плетнева подъ редакторство Панаева и Некрасова и далѣе водвореніе въ «Современникѣ» новыхъ людей съ новыми идеями, разрывъ съ нимъ одного изъ главныхъ его сотрудниковъ Тургенева.

Вообще надо замѣтить, что книга г-жи Головачевой очень интересна и имѣетъ значеніе для исторіи литературы и журналистики. Но, конечно, историкъ литературы будетъ пользоваться воспоминаніями г-жи Головачевой осторожно, принимая во вниманіе, что они написаны не совсѣмъ объективно; авторъ иногда, повидимому, не можетъ освободиться отъ партійности, которая все-таки существовала въ кружкѣ «Современника», и часто совершенно случайное обстоятельство возводитъ на степень важнаго и характернаго, и наоборотъ. Самые факты подчасъ приводятся только по слу-

хамъ или по предположенію, а потому характеристики дѣйствующихъ въ воспоминаніяхъ лицъ нуждаются зачастую въ провѣркѣ. Самое изложеніе страдаетъ отсутствіемъ внутренней связи; по поводу одного эпизода, авторъ припоминаетъ другой, случившійся нѣсколько лѣтъ раньше и не имѣющій ничего общаго съ первымъ, потомъ опять возвращается назадъ. Но не смотря на всѣ эти недостатки, воспоминанія г-жи Головачевой имѣютъ несомнѣнную, значительную цѣнность и большой интересъ, доказываемый и тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ публика слѣдила за ихъ появленіемъ въ печати. А. Д.

Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ съ рисунками и нотными примѣрами. Ал. С. Фаминцына. Спб. 1890.

Авторъ этого изслѣдованія, извѣстный композиторъ А. С. Фаминцынъ, затрогиваетъ совершенно неизслѣдованную область, къ тому же скудную въ отношеніи матеріаловъ. Русскій народъ считается, и по праву, однимъ изъ тѣхъ, которые любятъ музыку; его музыкальное чувство нашло великолѣпное выраженіе въ пѣсняхъ, столь разнообразныхъ и столь оригинальныхъ. Но историческія судьбы его не покровительствовали этой его склонности Начиная съ первыхъ временъ христіанства у насъ и до Петра Великаго, отцы церкви и духовенство не переставали ратовать противъ «треклятаго эллинства» и свѣтская власть всегда была готова поддержать и узаконить требованія духовенства своимъ авторитетомъ. Невинныя музыкальныя забавы приравнивались къ «бѣсовскимъ вожделѣніямъ» и Антоніемъ Печерскимъ, порицавшимъ великаго князя Изяслава, допускавшаго къ своему столу пѣсенниковъ и инструменталистовъ; такъ же на нихъ смотрѣли и въ эпоху первыхъ царей дома Романовыхъ, когда по повелѣнію патріарховъ сжигались на Москвѣ рѣкѣ возы музыкальныхъ инструментовъ и преслѣдовались какъ провинные въ противуобщественныхъ поступкахъ скоморохи—свѣтскіе артисты той эпохи.

Въ то время, когда на западѣ свѣтская музыка довольно скоро освободилась отъ оковъ дурно понятаго религіознаго чувства и разросталась пышнымъ цвѣтомъ, способствуя созданію цѣлаго ряда всевозможныхъ инструментовъ, разнообразныхъ и богатыхъ въ средствахъ своего выраженія, у насъ, встрѣчая вѣками враждебное къ себѣ отношеніе общества, осталась въ зачаткахъ, какъ и наши народные инструменты—гусли, балалайка, свирѣль и др. недалеко ушли отъ своего первоначальнаго типа. Притомъ же мы ничего почти и не можемъ сказать точнаго объ этихъ зачаткахъ, такъ какъ имѣемъ по этой части мало матеріаловъ, кромѣ отрывочныхъ указаній лѣтописей или пѣсень. Мы можемъ только синтетически по отдѣльнымъ кусочкамъ лѣтописей или по отдѣльнымъ стихамъ той или другой пѣсни или былины возстановлять желаемую картину—работа трудная, кропотливая и требующая энергіи, знакомства съ дѣломъ и большого литературнаго и музыкальнаго такта.

Послѣдними качествами въ полной мѣрѣ обладаетъ г. А. Фаминцынъ. Думаемъ, что, не касаясь личностей, а просто беря фактъ какъ онъ есть, мы можемъ сказать, что никто изъ современыхъ нашихъ образованныхъ музыкантовъ не могъ бы выполнить эту задачу съ большимъ знаніемъ пред-

мета, чѣмъ сдѣлалъ это г. Фаминцынъ. Доказательство своего обшираго знакомства съ областью музыкально-этнографической и филологической, онъ представилъ уже съ своихъ вышедшихъ ранѣе сочиненіяхъ, къ предмету теперешняго его изслѣдованія — «Божества древнихъ Славянъ», «Скоморохи на Руси» и т. д.

«О старинныхъ русскихъ инструментахъ,—говоритъ авторъ,—а тѣмъ болѣе объ ихъ исторіи, существуютъ самыя смутныя, самыя разногласныя представленія, лишенныя всякаго положительнаго основанія». Поставивъ себѣ задачею представить «на сколько позволитъ скудость имѣющихся матеріаловъ, картину историческаго развитія русскихъ народныхъ музыкальныхъ орудій, начиная съ гуслей, или хотя бы картину исторической послѣдовательности въ ихъ употребленіи», г. Фаминцынъ дѣйствительно вноситъ не малый свѣтъ въ эту темную область.

Что можно было сказать о гусляхъ, пользуясь пѣснями, лѣтописями и самими интрументами, сохранившимися у насъ кое-гдѣ, имъ сказано; природа интрумента—опредѣлена, такъ же какъ и его славянское происхожденіе. Не его вина если онъ не могъ одушевить умершій инструментъ, не могъ дать его таболатуры, какъ могли дать таболатуру напр. западные изслѣдователи стараго инструмента запада, лютни, вымершей, но при желаніи могущей быть реставрированной любымъ музыкальнымъ археологомъ. Для лютни имѣются на лицо старинные письменные памятники; для гусель—никакихъ или почти никакихъ, за исключеніемъ развѣ того «Самоучителя» начала нынѣшняго вѣка, который найденъ и приложенъ г. Фаминцынымъ къ его труду, но остается все-таки крайне недостаточнымъ для этой цѣли.

Съ большою эрудиціею авторъ доказываетъ что гусли въ первоначальномъ видѣ были небольшимъ, легко переносимымъ инструментомъ, и не принадлежали никогда къ числу смычковыхъ струнныхъ инструментовъ; что дальнѣйшею ихъ усовершенствованною формою были «гусли-псалтырь»,—гдѣ уже сказалось довольно сильно вліяніе запада,—инструментъ съ болѣе глубокимъ и пространнымъ голоснымъ ящикомъ, по внѣшнему виду не подходившій къ первобытному (ручному) своему виду; наконецъ, гусли принимаютъ (въ XVIII в.) форму схожую съ клавицимбаломъ, но безъ клавишей. Въ нынѣшнемъ столѣтіи фортепьяно быстро вытѣсняетъ и этотъ видъ гуслей, теперь встрѣчающійся крайне рѣдко и то среди провинціальнаго духовенства, играющаго на немъ чисто практически, по слуху. Въ народѣ всего болѣе сохранились гусли въ восточныхъ губерніяхъ—среди черемисовъ, мордвы и другихъ инородцевъ финско-татарскаго происхожденія, нѣкогда заимствовавшихъ у насъ этотъ инструментъ, что г. Фаминцынъ доказываетъ путемъ доводовъ филологическихъ и этнографическихъ. Впрочемъ, наше удовольствіе по поводу нашей самостоятельности въ дѣлѣ изобрѣтенія гусель быстро колеблется авторомъ, такъ какъ въ концѣ концовъ г. Фаминцынъ выводитъ гусли съ древняго Востока, проводя ихъ черезъ Византію. Для послѣдняго заключенія—по нашему мнѣнію—у него нѣтъ достаточно доводовъ. Съ неменьшимъ правомъ можно было оставить Византію въ сторонѣ, ограничившись только вліяніемъ Персіи, играющей роль въ нашемъ искусствѣ вообще, можетъ быть, отнюдь не меньшую, чѣмъ Византія, къ которой мы обращаемся по привычкѣ.

Въ заключеніе этой бѣглой замѣтки мы пожелаемъ осуществленія дальнѣйшаго намѣренія г. Фаминцына—дать намъ монографію или хотя бы

очеркъ развитія другихъ русскихъ народныхъ инструментовъ. Это задача достойная вниманія нашихъ музыкальныхъ писателей и за которую,—повторяемъ—врядъ ли кто изъ нихъ могъ бы взяться съ большею компетентностью, чѣмъ г. Фаминцынъ. Изслѣдованія подобнаго рода могутъ не только раскрыть многое въ этой области, но и бросить свѣтъ на многіе вопросы, остающіеся открытыми въ народной нашей пѣснѣ, а слѣдовательно бросить свѣтъ и на вопросы относящіеся къ «направленію», т. е. къ судьбамъ нашего музыкальнаго искусства вообще. М—е.

Памятная книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Москва. 1890.

Цѣль этого изданія такъ опредѣляется въ предисловіи къ нему: «съ одной стороны—дать въ руки постороннимъ лицамъ, посѣщающимъ Архивъ для ученыхъ занятій, пособіе къ первоначальному знакомству съ общимъ составомъ Архива и, въ частности, съ тѣми видами историческихъ документовъ, которые въ немъ хранятся, съ другой—дать для служащихъ въ Архивѣ справочную книгу по всѣмъ предметамъ, которые входятъ въ кругъ ихъ обязательныхъ занятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, «Памятная книжка» можетъ служить отчетомъ о нынѣшнемъ состояніи и текущей дѣятельности Архива, просуществовавшаго со времени своего образованія 38 лѣтъ». Если мы вспомнимъ, что Московскій Архивъ М. Ю. есть одинъ изъ богатѣйшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наименѣе ещеразработанныхъ архивовъ Россіи, то понятна будетъ вся важность такого изданія, удовлетворяющаго поставленнымъ цѣлямъ. Въ виду двойственности послѣднихъ и сама «Книжка» раздѣлена на два отдѣла, изъ которыхъ первый содержитъ обозрѣніе хранящихся въ архивѣ документовъ, а второй—свѣдѣнія объ управленіи Архивомъ и его дѣятельности. Первый отдѣлъ состоитъ изъ шести главъ. Въ первой изъ нихъ изложена вкратцѣ исторія трехъ сенатскихъ архивовъ, извѣстныхъ подъ названіями «Разряднаго», «Вотчиннаго» и «Старыхъ дѣлъ» и въ 1852 году при учрежденіи Московскаго Архива М. Ю. положенныхъ въ его основаніе. Дальнѣйшія главы со второй до четвертой включительно, содержатъ въ себѣ перечисленіе и характеристику сохранившихся документовъ этихъ архивовъ по группамъ и видамъ ихъ, съ присоединеніемъ свѣдѣній о томъ, какіе изъ этихъ документовъ были уже изданы и гдѣ именно. Въ пятой главѣ находится подобное же обозрѣніе хранящихся въ Архивѣ дѣлъ московскихъ департаментовъ сената и дѣлъ, переданныхъ въ него изъ петербургскаго Сенатскаго архива, равно какъ недавно перевезеннаго изъ послѣдняго въ Москву Литовской метрики. Наконецъ, шестая глава сообщаетъ свѣдѣнія о дѣлахъ изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ судебной реформой 20-го ноября 1864 года, и дѣлахъ московскаго городскаго управленія прошлыхъ лѣтъ, также переданныхъ московской думой въ архивъ министерства юстиціи. Въ каждой изъ этихъ главъ обозрѣніе документовъ ведется по группамъ, для которыхъ почти всюду отмѣчены и крайнія хронологическія даты, что естестественно облегчаетъ возможность найти точныя указанія на нужные документы. Встрѣчающаяся же мѣстами нѣкоторая непослѣдовательность, описаніе однородныхъ дѣлъ въ различныхъ группахъ, вполнѣ объясняются установившимся годами порядкомъ храненія дѣлъ, измѣнять который при массѣ документовъ крайне трудно, если не невозможно. Нако-

нецъ, важное значеніе для облегченія труда отысканія матеріаловъ имѣетъ помѣщенный во второмъ отдѣлѣ «Памятной книжки» обзоръ имѣющихся въ архивѣ описей его документовъ; тамъ же присоединенъ и перечень изданій самаго архива. Сверхъ того, въ этомъ же второмъ отдѣлѣ помѣщены свѣдѣнія объ устройствѣ архивнаго зданія, объ управленіи архивомъ, выдачѣ справокъ и занятіяхъ въ немъ, и о составѣ его служащихъ, съ присоединеніемъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о каждомъ. Заимствуемъ изъ этихъ послѣднихъ тотъ немаловажный фактъ, что изъ 24 лицъ, служащихъ теперь въ архивѣ, 18 получили высшее образованіе. Уже изъ этого краткаго перечня данныхъ, заключающихся въ новомъ изданіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи, можно видѣть важность его для всякаго занимающагося русской исторіей и остается только благодарить нынѣшнее управленіе архива за удачное исполненіе мысли покойнаго И. В. Калачова объ изданіи «Памятной книжки». **В. М.**

Е. Щепкина. Старинные помѣщики на службѣ и дома. (1578—1762). Спб. 1890.

Источникомъ для настоящей работы послужили извѣстныя «Записки А. Т. Болотова». Г-жа Щепкина воспользовалась только частью ихъ и довела свой разсказъ до 1762 г., т. е. до того момента, «когда указъ о вольности дворянства, какъ говорится въ предисловіи къ книгѣ, закончилъ исторію этого класса и когда жизнь поколѣній екатерининскаго вѣка входитъ въ новыя рамки и съ ними переносится уже въ вѣкъ XIX». Авторъ, вполнѣ понимая трудность всесторонней разработки мемуаровъ Болотова, сознается, что подобная разработка ему не по силамъ; но, не смотря на такое откровенное сознаніе, нельзя все-таки не замѣтить, что г-жа Щепкина очень ужъ скромно пользуется тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который даютъ «Записки», хотя бы даже въ третьей долѣ ихъ, избранной авторомъ для своей компиляціи. «Записки Болотова» такъ подробны, въ нихъ заключается такъ много различныхъ мелкихъ, но характерныхъ чертъ изъ быта помѣщиковъ XVIII вѣка, что умѣлое сопоставленіе ихъ съ выдающимися фактами изъ тѣхъ же «Записокъ» могло бы дать довольно вѣрную и законченную картину быта помѣщиковъ того времени. Если бы г-жа Щепкина задалась такой цѣлью, то работа ея имѣла бы въ извѣстной степени самостоятельное значеніе; теперь же это ни болѣе ни менѣе какъ поверхностный пересказъ части «Записокъ» съ явной претензіей на какое-то научно-критическое изслѣдованіе. Задавшись этой послѣдней цѣлью, авторъ начинаетъ очень издалека; при помощи указаній Болотова, г-жа Щепкина разыскиваетъ его предковъ XVI и XVII вв., выписываетъ изъ писцовыхъ книгъ числовыя данныя объ ихъ имуществѣ, разсказываетъ исторію нѣсколькихъ семействъ изъ рода Болотовыхъ, и изъ этого разсказа пытается сдѣлать характеристику быта служилыхъ людей XVI и XVII вѣковъ; но, за недостаткомъ матеріаловъ, желаніе автора «привести въ тѣсную связь поколѣнія до-петровскаго времени съ ихъ жизнью и обстановкой съ поколѣніями первой половины XVIII вѣка»—такъ и остается однимъ желаніемъ.

Со второй главы начинается самый пересказъ записокъ Болотова; но тутъ авторъ не долго идетъ по намѣченной дорогѣ: всего въ нѣсколькихъ небольшихъ главахъ г-жа Щепкина разсказываетъ о томъ, что собственно

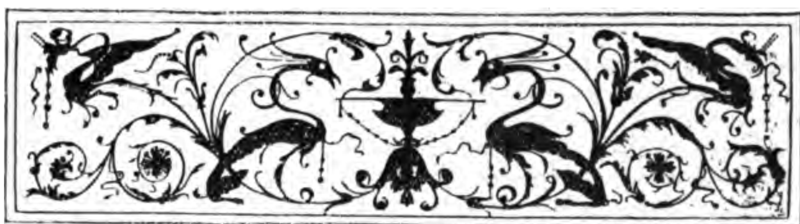
должно было бы составлять всю суть книги, т. е. о бытѣ помѣщиковъ; въ остальныхъ разсказахъ, слѣдя за различными обстоятельствами жизни А.Т. Болотова, она обращаетъ все вниманіе почти исключительно на его личность, описываетъ его характеръ, разсказываетъ о его умственномъ развитіи, не дѣлая изъ этого никакихъ обобщеній. Чѣмъ дальше, тѣмъ г-жа Щепкина все больше увлекается самими «Записками» и совершенно уже забываетъ о главной своей задачѣ: нѣсколько главъ посвящено спеціально описаніямъ различныхъ походовъ Семилѣтней войны, не дающихъ для исторіи быта помѣщиковъ ровно никакихъ свѣдѣній и имѣющихъ значеніе только для военнаго историка; цѣлую главу занимаетъ подробнѣйшее описаніе Гроссъ-Эгерсдорфской битвы, по разсказу очевидца-Болотова, и провѣрка этого разсказа не менѣе подробнымъ описаніемъ той же битвы у военнаго историка Масловскаго. Въ громадныхъ «Запискахъ Болотова», касающихся не исключительно бытовой стороны, а захватывающихъ вообще весь строй жизни XVIII в., подобныя описанія различныхъ военныхъ дѣйствій и походовъ очень понятны, а у г-жи Щепкиной они совершенно излишни.

Въ двухъ отдѣльныхъ главахъ—«Воспитаніе въ XVIII в.» и «Популярная литература въ срединѣ XVIII вѣка»—авторъ опять-таки, занимаясь исключительно самимъ Болотовымъ, попутно касается вопроса о воспитаніи на западѣ и излагаетъ содержаніе нѣкоторыхъ иностранныхъ романовъ и философскихъ трактатовъ, которыми зачитывался Болотовъ; эта послѣдняя глава о литературѣ имѣетъ еще нѣкоторый интересъ, какъ совершенно отдѣльный очеркъ.

Вообще же желаніе автора придать своей молодой работѣ характеръ какого-то научнаго изслѣдованія, что ясно видно по слабымъ попыткамъ критики, дѣлаетъ книгу г-жи Щепкиной крайне скучной, и всякій, желающій познакомиться съ бытомъ помѣщиковъ XVIII в., съ бо́льшимъ удовольствіемъ и пользой прочтетъ, конечно, самыя «Записки Болотова», полныя живого интереса, чѣмъ претенціозную и неудачную компиляцію изъ нихъ.

А. Д.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Второе изданіе воспоминаній генерала Фэя о Крымской войнѣ. — Русская восточная нумизматика на французскомъ языкѣ. — Неожиданный успѣхъ «Журнала Маріи Башкирцевой» въ англійскомъ переводѣ.—Швейцарская корреспонденція о русской жизни.—Русская литература съ іюля 1889 по іюль 1890 года въ оцѣнкѣ англійскаго журнала.

ВОСПОМИНАНІЯ о Крымской войнѣ 1854—1856 гг. генерала Фэя» вышли вторымъ изданіемъ (Souvenirs de la guerre de Crimée). Они значительно пополнены извлеченіями изъ «Защиты Севастополя» Тотлебена и письмами маршала Боске своей матери. Фэй былъ адъютантомъ Боске и потому выдвигаетъ вездѣ впередъ этого храбраго генерала, «который думалъ обо всемъ передъ сраженіемъ и видѣлъ все во время сраженія». Авторъ говоритъ, впрочемъ, и о другихъ начальникахъ восточной арміи, но болѣе всего описываетъ дѣйствія второй пѣхотной дивизіи, потомъ второго корпуса, которыми Боске послѣдовательно командовалъ. Особенно подробно изображаетъ онъ сраженіе при Инкерманѣ, на основаніи обнародованныхъ документовъ и своихъ собственныхъ воспоминаній, передавая всѣ фазисы этой битвы, длившейся семь часовъ. Фэй оставался на полѣ сраженія до ночи, между мертвыми и умирающими. Онъ удивляется спокойному выраженію труповъ русскихъ солдатъ. Также отчетливо описаны имъ: экспедиція въ Добруджу, сраженіе при Альмѣ, гдѣ смѣлымъ маневромъ дивизія Боске заставила отступить лѣвый флангъ и тылъ русской арміи; атаку на Балаклаву, бурю 14-го ноября 1854 г., ошибки и нерѣшительность войскъ, осаждавшихъ Севастополь, энергическую защиту осажденныхъ, которые до іюля казалось сами вели наступательную войну и осаждали непріятельскія траншеи. Со стороны союзниковъ рѣшительныя дѣйствія были приняты только маршаломъ Пелисье. Послѣдовательно разсказываетъ авторъ о взятіи Зеленаго Кургана и другихъ укрѣпленій, о штурмѣ 18-го іюня, о сраженіи на Черной, этой послѣдней попыткѣ рус-

скихъ отразить союзниковъ, наконецъ, о штурмѣ 8-го сентября, отраженномъ на 4-хъ пунктахъ, но удавшемся на 5-мъ, на Малаховомъ курганѣ, этомъ ключѣ къ Севастополю. Встрѣчаются любопытныя замѣтки автора объ упадкѣ духа англійской арміи и о полной ея деморализаціи, вслѣдствіе медленности ея движеній и недостатковъ ея организаціи. Такъ французы должны были доставлять ей на своихъ спинахъ ядра и бомбы отъ Балаклавы до траншей; ихъ раненыхъ и больныхъ перевозили въ госпитали на французскихъ повозкахъ. Лордъ Рагланъ спрашивалъ даже: не могутъ ли французы изъ двухъ дней на третій брать на себя защиту англійскихъ укрѣпленій, чтобы англичане могли отдохнуть въ это время. Англійскій редутъ у маяка могъ быть оконченъ только съ помощью батальона французскихъ саперовъ. Говорится также о дружбѣ русскихъ съ французами, когда они сходились на короткое время въ траншеяхъ во время уборки мертвыхъ. Офицеры обмѣнивались сигарами, говорили о Парижѣ, объ удовольствіяхъ свидѣться по заключеніи мира; французы удивлялись свѣжести перчатокъ русскаго полковника, спрашивали: красивы ли севастопольскія перчаточницы, потомъ парламентерскій флагъ спускался, снова начиналась канонада и за парапетами укрѣпленій нескончаемая перестрѣлка. Враги цѣлили въ голову того, кому только-что пожимали руку. Въ траншеяхъ сидѣлъ живописецъ Проте, рисовавшій военныя сцены. Есть у автора и эпизодическія сцены, какъ пожаръ Варны, страния англичанъ въ Ольдфортскомъ лагерѣ, гдѣ они варили себѣ супъ въ такихъ котлахъ, которые не могли сдвинуть съ мѣста. Зуавы устроивали по вечерамъ спектакли и разныя увеселенія, даже литографировали афиши, въ которыхъ встрѣчались нерѣдко примѣчанія: такіе-то актеры убиты или ранены передъ началомъ спектакля и потому ихъ пришлось замѣнить другими, не подготовленными къ представленію, поэтому дирекція театра проситъ снисхожденія къ новичкамъ, неуспѣвшимъ твердо заучить роли. Новое изданіе книги генерала Фэя будетъ конечно имѣть такой же успѣхъ, какъ прежнее.

— Друэнъ, спеціальный критикъ журнала «Revue critique d'historie et de litterature», даетъ очень сочувственный отзывъ о книгѣ г. Маркова объ арзакидскихъ и другихъ монетахъ (Monnaies arsacides, subarsacides, sassanides de l'institut de langues orientales, decrites par Alexis de Markoff). Трудъ русскаго автора, консерватора въ эрмитажномъ музеѣ, составляетъ продолженіе каталога мусульманскихъ монетъ петербургскаго института восточныхъ языковъ, основаннаго въ 1826 г. Аделунгомъ. Первыя двѣ части каталога этой важной коллекціи описаны Дорномъ въ 1877 и 1881 годахъ. Г. Марковъ, на долю котораго выпало продолженіе этого капитальнаго труда, издалъ теперь описаніе арзакидскихъ и сасанидскихъ монетъ, составляющихъ два первые отдѣла мусульманской нумизматики. Послѣ историческаго введенія объ основаніи и формированіи русской коллекціи и послѣ полной библіографіи всѣхъ сочиненій, относящихся къ этому предмету, авторъ начинаетъ свой трудъ съ описанія пареянскихъ монетъ. Въ русской коллекціи 680 арзакидскихъ монетъ съ греческими надписями и около сотни монетъ съ надписями арамейскими или древне-пельвійскими, принадлежащихъ данникамъ великаго царя, называемымъ восточными писателями Мулюкъ-Тауаифъ. Русскій музей обладаетъ почти полной серіей арзакидскихъ монетъ; въ ней недостаетъ только тетрадрахмы Фраата IV, шестнадцатаго арзакида, тогда какъ имѣются монеты предшествующихъ царей. Въ порядкѣ

и классификаціи монетъ г. Марковъ слѣдуетъ за Перси Гарднеромъ, въ его каталогѣ британскаго музея. Это, конечно, прекрасный руководитель, но слѣдовало бы также воспользоваться позднѣйшими указаніями Гудшмида въ его «Geschichte Irans», 1888. Авторъ описываетъ также и маленькія бронзовыя монеты каждаго царствованія, очень интересныя, хотя ими обыкновенно пренебрегаютъ нумизматы. Кромѣ того, въ русской коллекціи есть серія въ сорокъ монетъ, замѣчательныхъ семитическими надписями. Г. Марковъ не пытается разобрать ихъ, но говоритъ только, что это монеты неизвѣстной эпохи, Маздейскихъ царей, управлявшихъ невѣдомыми странами Ирана. Жаль только, что г. Марковъ не выгравировалъ ни одной изъ этихъ монетъ на двухъ страницахъ, приложенныхъ къ его книгѣ и такимъ образомъ лишилъ другихъ нумизматовъ возможности разобрать ихъ. Можетъ быть, онѣ и отличаются отъ монетъ, описанныхъ Френомъ, Стикелемъ и Тизенгаузеномъ въ строгоновской коллекціи. Факсимиле надписей, приводимое г. Марковымъ, хотя и отличается алфавитомъ отъ арзакидскихъ монетъ, но имѣетъ аналогію съ алфавитомъ надписей Вахбехана, Тенгиботана и др., предшествовавшихъ сассанидской эпохѣ и появлявшихся въ III вѣкѣ нашей эры въ Хорассанѣ и на Оксусѣ. Это весьма любопытныя монеты для изученія письменныхъ знаковъ въ Средней Азіи. Рисунокъ этихъ знаковъ отличается отъ монетъ чеканеныхъ въ Согдіанѣ позднѣе нѣсколькими вѣками, при послѣднихъ Сассанидахъ и въ началѣ Гиджры. Эти послѣднія монеты сдѣлались извѣстны только со времени русскихъ походовъ въ Хиву и Самаркандъ. Впервые ихъ разобралъ Лерхъ въ 1878 году и прочелъ дажѣ на нихъ названіе Бухары, что впрочемъ весьма сомнительно. Вторая часть каталога г. Маркова посвящена сассанидскимъ царямъ, въ ней описано до 500 монетъ, кромѣ того 60 съ пельвійскими надписями, чеканеными арабскими правителями Персіи. Въ классификаціи и хронологіи авторъ слѣдовалъ указаніямъ Мордтмана. Царствованія Фируза, Кобада I и двухъ Хозроевъ особенно богаты, но въ серіи Баграмовъ и послѣднихъ Сассанидовъ есть пробѣлы. Изъ золотыхъ монетъ, рѣдко чеканившихся, есть только двѣ: Сапора II и Фируза. Вмѣсто Хозроя на монетахъ стоитъ Хусруди. Извѣстно, что арабы называютъ этого же царя Ксера. Трудъ г. Маркова еще не оконченъ и общіе выводы его изслѣдованій будутъ представлены во второй части, но и первая уже возбуждаетъ вниманіе и сочувственные отзывы европейскихъ нумизматовъ.

— На даровитыхъ русскихъ людей обращаютъ вниманіе не одни французы. Шесть лѣтъ тому назадъ умерла въ Парижѣ безспорно даровитая, но съ далеко не установившимися принципами, 24-хъ-лѣтняя художница и писательница Марія Башкирцева. Послѣ нея, кромѣ нѣсколькихъ хорошихъ картинъ остался ея «Журналъ», писанный на французскомъ языкѣ и любопытный во многихъ отношеніяхъ, хотя не представляющій ничего особенно выдающагося. Мы говорили объ немъ во время его появленія въ свѣтъ въ 1884 году. Онъ явился въ извлеченіи и на русскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ и литература и журналистика имѣли время забыть объ оригинальномъ, но достаточно парадоксальномъ произведеніи. А между тѣмъ, оно вдругъ появилось въ Лондонѣ въ англійскомъ переводѣ, гдѣ въ короткое время достигло третьяго изданія, не говоря уже о Сѣверной Америкѣ, гдѣ только въ послѣдніе мѣсяцы разошлось до 75,000 экземпляровъ журнала Маріи Башкирцевой (The Journal of Marie Bashkirtseff, translated

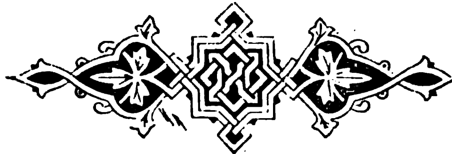
by Mathilde Blind). Этотъ неожиданный успѣхъ изданіе пріобрѣло послѣ статьи Гладстона въ журналѣ «XIX столѣтіе». Знаменитый глава либеральной Англіи называетъ этотъ дневникъ замѣчательнѣйшею книгою нашего вѣка. Критика сравниваетъ ее съ исповѣдью Руссо и признаніями современнаго натурализма; критику привлекаетъ откровенность дѣвушки, начинающей свой дневникъ съ того времени, когда она еще играла въ куклы, но мечтала уже о любви, и о томъ, что выйдетъ замужъ за императора. Тогда уже развилась у ней страсть къ танцамъ и пѣнію, и она достигла большихъ успѣховъ въ обоихъ этихъ искусствахъ. Позднѣе высказался въ ней талантъ къ живописи и скульптурѣ. Въ 1873 году, поселившись съ своимъ отцомъ въ Ниццѣ, 12-ти-лѣтняя дѣвушка начала тамъ писать свой дневникъ слѣдующими строками: «Господи! дай мнѣ въ мужья англійскаго герцога В. Я буду его любить и сдѣлаю счастливымъ, буду сама счастлива, и буду дѣлать много добра бѣднымъ. Конечно, грѣшно думать, что можно заслужить милость Божью добрыми дѣлами, но я не могу выражаться иначе». «Я не дурна собой,—пишетъ она дальше,— и меня можно даже назвать хорошенькой, но я вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошая дѣвушка, и никогда не полюблю никого, кромѣ своего мужа и не позволю никому цѣловать себя». Не видимъ, чѣмъ было восхищаться Гладстону такими наивными и дѣтскими фразами. Ихъ можно встрѣтить въ дневникѣ каждой институтки. Далѣе Башкирцева пишетъ, что 13 лѣтъ — лучшіе годы для ученья, и дѣйствительно, очень усердно изучаетъ англійскій, итальянскій, нѣмецкій, латинскій и греческій языки, занимаясь въ то же время живописью, музыкой и пѣніемъ. 14 лѣтъ должна она была отказаться отъ надеждъ сдѣлаться женою герцога В., женившагося въ это время на одной леди, и тогда же высказываетъ мысль, что мущины и кошки самыя отвратительныя созданія на землѣ. О своемъ дневникѣ она очень высокаго мнѣнія, и пишетъ: «этотъ журналъ самая полезная для чтенія книга, какія когда-либо выходили. Она описываетъ все существо женщины, всѣ ея мысли и надежды, ея слабости и привлекательныя стороны. Читатель будетъ въ состояніи изучить всю мою жизнь отъ колыбели до могилы и такое описаніе, въ которомъ ничего не скрыто, будетъ, конечно, въ высшей степени занимательнымъ чтеніемъ». 15 лѣтъ она, однако, уже задумывается о своей смерти, такъ какъ одинъ врачъ нашелъ въ ней зловѣщіе признаки болѣзни дыхательныхъ органовъ. «Если я умру молодою,—пишетъ она,—пусть сожгутъ этотъ журналъ». Она прожила, однако, еще девять лѣтъ и желаніе ея не было исполнено. 16 лѣтъ она влюбилась въ черноглазаго римлянина, племянника всевластнаго кардинала и называетъ его въ своемъ журналѣ «fichu fils de pretre». Религіозныя убѣжденія ея вообще не установились и отличаются очень странною шаткостью: отъ того, что Богъ не помогъ ей быстро выучиться англійскому языку, она пишетъ: «jusqu'à présent je me suis toujour adressée à Dieu, mais comme il ne m'entend pas du tout je n'y crois presque plus». Подобныхъ странныхъ выходокъ не мало въ двухъ томахъ ея журнала. Надобно удивляться, почему чопорные англичане съ такимъ восторгомъ читаютъ переводъ этой книги. Въ ней, конечно, много живого, искренняго, откровеннаго, но всего этого мало для литературнаго успѣха. Богато одаренная натура Башкирцевой не успѣла создать, однако, ничего прочнаго и положительнаго ни въ литературѣ, ни въ искусствѣ. Въ ея послѣднихъ картинахъ явно видны слѣды кисти послѣдняго предмета ея любви, даровитаго фран-

цузскаго художника, умершаго вслѣдъ за нею тоже отъ чахотки. Имя этого художника Бастьенъ Лепажъ. Извѣстно, что французское правительство купило нѣсколько картинъ русской художницы для своего національнаго музея, а великій старикъ Англіи называетъ ея журналъ лучшею книгою нашего столѣтія. Русской литературѣ не мѣшало бы во всякомъ случаѣ имѣть переводъ этого произведенія.

— На русскую жизнь обращаютъ вниманіе не только великія державы, но и мелкія. Намъ приходилось уже говорить объ интересныхъ русскихъ письмахъ, выходящихъ въ Лозаннѣ въ серьезномъ швейцарскомъ журналѣ «Bibliothèque universelle»; въ этомъ изданіи корреспонденція изъ Петербурга помѣщается не всякій мѣсяцъ, но всегда представляетъ вѣрную картину нашей общественной жизни. Такъ въ послѣдней книжкѣ этого журнала говорится о безпорядкахъ въ Петербургскомъ университетѣ и свидѣтельствуется, что политика не играла въ нихъ никакой роли. Далѣе въ корреспонденціи говорится о преподаваніи у насъ китайскаго языка, объ изданіи въ Пекинѣ китайско-русскаго словаря архимандрита Палладія и драгомана Попова. Правительство выдало на изданіе 10,000 рублей. Корреспондентъ говоритъ также о представленіи въ царскосельскомъ театрѣ послѣдней пьесы Л. Н. Толстого «Плоды просвѣщенія», весьма слабой, и конечно, о пресловутой «Крейцеровой сонатѣ», запрещенной не въ одной Россіи, но и въ Австріи. Корреспондентъ говоритъ и о такихъ журнальныхъ дѣятеляхъ и явленіяхъ, на которыя русская критика не обращаетъ вниманія. Такъ онъ хвалитъ романъ Боборыкина «На ущербѣ», повѣсть г. Казанцева «Маленькая Зина умерла», помѣщенную въ «Наблюдателѣ» и отличающуюся тонкимъ психическимъ анализомъ, объ исторіи Екатерины II г. Вильбасова, предупреждающаго читателей, что онъ «получилъ разрѣшеніе все говорить (въ книгѣ, однако, нѣтъ такого разрѣшенія),—хотя историкъ не злоупотребилъ этимъ разрѣшеніемъ, оставляя говорить за себя документы, не отличающіеся ясностью». Потомъ говорится объ исторіи императрицы Маріи Ѳедоровны Шумигорскаго, о смерти послѣдняго кобзаря Вересая, умершаго 83-хъ лѣтъ, и объ историческомъ значеніи его пѣсенъ. Корреспонденція заканчивается отчетомъ о тюремной выставкѣ.

— По принятому обычаю, въ первомъ іюльскомъ нумерѣ своего изданія англійскій Атенеумъ представляетъ обозрѣніе литературной дѣятельности 12-ти главныхъ европейскихъ державъ отъ іюля 1889 года по іюль 1890 года. Статья о Россіи, какъ и въ прошломъ году, написана г. Павломъ Милюковымъ и гораздо полнѣе и содержательнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. На 7-ми съ половиною столбцахъ критикъ представляетъ довольно полную картину нашего литературнаго и ученаго движенія за цѣлый годъ. Обзоръ начинается, разумѣется, съ неизбѣжной «Крейцеровой сонаты» и обозрѣватель разсказавъ ея содержаніе, поучаетъ неизвѣстно кого: графа или его читателей настоящимъ взглядамъ на жизнь. «Реальная жизнь,—говоритъ г. Милюковъ,—возможна даже внѣ границъ индивидуальнаго существованія, хотя въ то же время она отрицаетъ послѣднее. Она состоитъ изъ любви и самопожертвованія для блага нашего сосѣда». Ну, а для нашего собственнаго? Мы не станемъ разбирать философію г. Милюкова. Онъ убѣжденъ, и не безъ основанія, что въ Россіи много послѣдователей фарисейской системы нравственности. Но разъясняя убѣжденія высокоталантливаго писателя, не слѣдовало сопоставлять съ нимъ такого писателя, какъ Минскій, создавшій

въ своемъ сочиненіи «При свѣтѣ совѣсти» уже совершенно невмѣняемую вещь. Похваливъ «Гардениныхъ», г. Эртеля, и г. Боборыкина, обозрѣватель переходитъ къ журналу «Артистъ» и говоритъ о десяти напечатанныхъ въ немъ пьесахъ, какъ о чемъ-то особенно выдающемся. Этимъ и оканчивается собственно, литературная исторія Россіи за послѣдніе 12 мѣсяцевъ. Далѣе идетъ уже наука: хвалится біографія Салтыкова г. Михайловскаго, собраніе сочиненій Островскаго, вышедшее гораздо раньше прошлаго года, новое изданіе Гоголя, подъ редакціей профессора Тихонравова, записки Панаевой, біографія Кошелева, Колюпанова, словарь Венгерова, названный чудовищнымъ (enormous), новый журналъ «Вопросы философіи и психологіи», гдѣ почему-то указывается на лишенныя научнаго значенія теософическія мнѣнія князя Трубецкаго, отыскавшаго въ метафизикѣ древнихъ грековъ слѣды какого-то«до христіанскаго христіанства». Надъ этимъ можно скорѣе улыбнуться, чѣмъ надъ тріадою, проповѣдуемою г. Владиміромъ Соловьевымъ. Изъ чисто историческихъ книгъ упоминаются сочиненія Лаппо-Данилевскаго, Сергѣевича, Чечулина, Ключевскаго, Кулиша, Андреевича, Якушина, Вильбасова, Трачевскаго, Цвѣтаева и др. По этнографіи отмѣчены труды обоихъ Харузиныхъ, Смирнова (Вотяки), Анучина и проч. Статья заканчивается нѣсколькими строками объ умершихъ въ послѣднее время: Н. Д. Хвощинской, Н. Г. Чернышевскомъ (о которомъ г. Милюковъ говоритъ совершенно напрасно, что «долгое изгнаніе въ Сибири, съ 1863 года, сломило его энергію и помрачило его умъ»), А. Градовскаго и Ореста Миллера. О литературныхъ явленіяхъ другихъ странъ поговоримъ въ слѣдующей книжкѣ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Царскій крестникъ.

ѢТОМЪ 1824 года, императоръ Александръ Павловичъ, путешествуя по Россіи, посѣтилъ, между прочимъ, далекій уголокъ своего обширнаго государства, Оренбургскій край. О пребываніи Александра Павловича въ этомъ краѣ среди жителей г. Оренбурга ходитъ много интересныхъ разсказовъ, характеризующихъ его доброту и ласковое обращеніе.

Въ Оренбургскій край Александръ Павловичъ прибылъ изъ Самары въ первыхъ числахъ сентября. Въ Оренбургѣ, первомъ городѣ губерніи того же названія, императоръ пробылъ четыре дня, съ 11-го по 15-е сентября, оставивъ о себѣ добрую память въ сердцахъ своихъ подданныхъ этого отдаленнаго края, которые въ память посѣщенія города державнымъ владыкой воздвигли памятникъ, дабы онъ напоминалъ потомству о времени, когда освободитель Европы осчастливилъ городъ своимъ пребываніемъ.

Изъ г. Оренбурга, 15-го сентября, въ день своего коронованія, Александръ Павловичъ поѣхалъ въ г. Уфу. На пути отъ Оренбурга до Уфы съ императоромъ произошелъ случай, который нельзя обойти молчаніемъ, такъ какъ онъ рисуетъ одну изъ лучшихъ и свѣтлыхъ чертъ характера Александра Павловича.

По маршруту, государь долженъ быдъ прибыть въ Уфу 16-го сентября; по дорогѣ же, въ башкирской деревнѣ Зирганъ, съ 15-го на 16-е сентября, предполагался ночлегъ. За неимѣніемъ здѣсь лучшихъ помѣщеній, квартиру для его величества отвели на почтовой станціи.

Пріѣзда государя въ Зирганѣ ждали съ нетерпѣніемъ. Представители губерніи были всѣ въ сборѣ. Изъ окрестныхъ деревень, побросавъ полевыя работы, съѣхались, чтобы увидѣть батюшку-царя, и крестьяне, и башкиры.

Въ станціонномъ домѣ все мылось, чистилось и приготовлялось въ лучшемъ видѣ. Бывшій въ то время смотрителемъ Зирганской станціи, чиновникъ Чистозвоновъ, съ ногъ сбился, дѣлая всевозможныя распоряженія и готовясь къ встрѣчѣ царя. Хлопоты его утраивались по особому случаю. У него была больна жена, которая требовала обязательнаго ухода. Она находилась при послѣднихъ часахъ беременности. Ясно, что смотрителю заботъ былъ полонъ ротъ. Съ одной стороны слышатся вздохи, охи и душу раздирающіе стоны жены, съ другой начальство тревожитъ то тѣмъ, то другимъ приказаніемъ. Надо поспѣть туда и сюда. Положеніе станціоннаго смотрителя, конечно, всякій пойметъ и безъ объясненій.

Но вотъ, вдали, за селеніемъ, высоко поднялась густая пыль, указывая приближеніе поѣзда государя; въ ту же минуту въ станціонномъ домѣ раздался страшный крикъ страдавшей матери и на свѣтъ Божій явился новый человѣкъ—у смотрителя родился сынъ. Не успѣлъ обрадованный отецъ перекреститься, какъ коляска государя подкатила къ крыльцу станціоннаго дома. Императоръ вышелъ изъ экипажа, принялъ рапорты отъ мѣстныхъ властей и вошелъ въ комнату.

Скоро на столѣ, накрытомъ безукоризненной бѣлизны скатертью, появился чай и смотритель самъ прислуживалъ государю.

— Ты холостой?—поинтересовался Александръ Павловичъ, обращаясь къ нему.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество!

— Что же я не вижу хозяйки?

— Виноватъ!..—замялся Чистозвоновъ, поставленный такимъ вопросомъ въ неловкое положеніе,—она... больна...

— Что съ ней?

— Смѣю доложить вашему величеству,— сказалъ кто-то изъ свиты,— жена смотрителя только что разрѣшилась отъ бремени—въ ту именно минуту, когда ваше величество изволили подъѣзжать къ селенію.

— Такъ что жъ ты раньше не сказалъ мнѣ этого,—ласково обратился къ смотрителю государь.—Гдѣ же малютка? Покажи мнѣ его! Я радъ, что въ день моего пріѣзда и въ день моего коронованія у тебя родился сынъ, для меня новый подданный.

Повелѣніе его величества тотчасъ же было исполнено. Завернутое въ чистенькое одѣяльце, государю было представлено маленькое, только-что родившееся, существо. Императоръ полюбовался имъ, потрепалъ его по щекѣ и, кладя въ зыбку[1]) 300 рублей ассигнаціями, промолвилъ:

— Вотъ это ему на зубокъ,—затѣмъ, обращаясь къ смотрителю, сказалъ:—Посылай скорѣе за священникомъ. Я хочу, чтобы ты при мнѣ крестилъ ребенка. Я буду его воспріемникомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ во всѣ сосѣднія русскія села были посланы гонцы. Но ожиданія не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, такъ какъ дѣло уже было ночью, да еще въ малонаселенной русскими мѣстности, гдѣ кромѣ раскольничьихъ скитовъ на сто верстъ не найдешь православнаго храма. Ближайшій къ Зиргану священникъ Воскресенскаго завода оказался въ отлучкѣ для исправленія требъ по своему обширному приходу.

---

[1]) Зыбка—мѣстное названіе колыбели, люльки.

Государь очень жалѣлъ, когда ему доложили о результатѣ,— вслѣдствіе чего онъ не могъ присутствовать при крещеніи ребенка.

— Что дѣлать?— сказалъ онъ,— и безъ меня окрестите младенца, но только смотри,— обратился онъ къ смотрителю,— не забудь записать меня крестнымъ отцомъ.

На другой день, утромъ, его величество отправился изъ Зиргана на Уфу, пожелавъ всего лучшаго своему крестному сыну. Чистозвоновъ поѣхалъ проводить царскій поѣздъ до слѣдующей станціи. Но не успѣли еще отъѣхать отъ станціоннаго дома и полуверсты, какъ вдругъ коляска государя остановилась по срединѣ моста, перекинутаго чрезъ оврагъ, раздѣляющій селеніе на двѣ части.

— Позвать ко мнѣ смотрителя!—приказалъ государь.

Думая, что на мосту случилось какое-нибудь несчастіе съ царской коляской, Чистозвоновъ, блѣдный, трясясь всѣмъ тѣломъ, подбѣжалъ къ экипажу. Государь, замѣтивъ его напрасную тревогу, сначала успокоилъ его и, затѣмъ, подавая ему 200 ассигнаціонныхъ рублей, проговорилъ:

— Вотъ еще на крестъ твоему сыну. Смотри же, не забудь записать меня его воспріемникомъ.

Растроганный милостью царя, Чистозвоновъ упалъ передъ Александромъ Павловичемъ на колѣни, проливая обильныя слезы радости.

Царскій крестникъ, теперь уже старикъ, здравствуѣтъ и до сихъ поръ въ Оренбургѣ, окруженный многочисленнымъ семействомъ, и любитъ разсказывать объ этомъ счастливомъ событіи своего перваго дня жизни.

Сообщено П. Л. Юдинымъ.

СМѢСЬ

Столѣтіе мира съ Швеціей. 3-го августа исполнилось сто лѣтъ какъ Петербургъ праздновалъ съ необыкновенною торжественностью миръ съ Швеціей. Война со Швеціей для Петербурга была очень тревожна; въ іюнѣ войска короля Густава снова приблизились къ столицѣ и громъ непріятельскихъ пушекъ слышался въ городѣ. Шведскій король хвастался, что придетъ въ Петербургъ низвергнуть конную статую Петра I, а на ея мѣсто велитъ поставить свою. Простой народъ до того былъ озлобленъ на короля, что называлъ его вторымъ Пугачевымъ. Миръ былъ подписанъ 3-го августа, съ нашей стороны барономъ Игельстремомъ и съ шведской—Армфельдтомъ. Екатерина по поводу этого писала: «Однимъ зломъ меньше». Празднества въ Петербургѣ длились десять дней. Въ назначенный день торжественнаго объявленія мира, съ восходомъ солнца, сдѣлано изъ крѣпости 21 пушечный выстрѣлъ и «на городу» поднятъ штандартъ. Наканунѣ этого дня, во всѣхъ церквахъ отправлялась всенощная. Въ 8 часовъ утра прибыли въ Казанскій соборъ караулъ изъ полной роты Преображенскаго полка съ знаменемъ и команда л.-гв. Коннаго полка, для объявленія въ городѣ о мирѣ. Императрица въ 9 часовъ пріѣхала изъ Царскаго села и была встрѣчена оберъ-полиціймейстеромъ Рылѣевымъ на Городскомъ валу (на мѣстѣ нынѣшняго Семеновскаго плаца). По прибытіи въ церковь Казанской Богородицы, императрицу встрѣтилъ митрополитъ Гавріилъ. Послѣ литургіи Безбородко читалъ манифестъ о мирѣ, по прочтеніи заиграли на трубахъ и литаврахъ, а съ крѣпости учиненъ 101 выстрѣлъ. Чтеніе манифеста въ городѣ было въ пяти мѣстахъ: 1) на площади противъ Зимняго дворца, 2) на площади, гдѣ монументъ Петра I, 3) на Васильевскомъ островѣ, передъ апартаментами колегій (гдѣ университетъ), 4) на Петербургской сторонѣ, передъ церковью Троицы и 5) передъ губернскими присутственными мѣстами (на Садовой). На этихъ же мѣстахъ города генералъ кригсъ-комисаръ Потемкинъ въ бѣлой черезъ плечо перевязи, съ двумя штабъ-офицерами съ такими же украшеніями и съ мѣшками серебряныхъ жетоновъ, при конвоѣ съ трубами и литаврами, бросали въ народъ жетоны—на одной

сторонѣ котораго было вычеканено «миръ со Швеціею заключенъ 3-го августа 1790 г.», на другой виднѣлась миртовая вѣтвь съ лавровыми вѣнками и по краямъ шла надпись «сосѣдственный и вѣчный»; серебряные жетоны были величиною въ двугривенный. Въ пятый день празднованія мира, въ 12 часовъ по сигналамъ изъ пушекъ даны были народу жареные быки на устроенныхъ пирамидахъ и изъ фонтановъ пущено виноградное вино. Народный праздникъ прошелъ подъ проливнымъ дождемъ. Вотъ что писала Екатерина о немъ: «дождь льетъ, какъ изъ ведра, это соусъ къ двумъ быкамъ съ принадлежностями, которые стоятъ у меня подъ окнами, но безъ этой приправы можно бы обойтись. Эта вода разбавитъ и вино въ двухъ фонтанахъ, устроенныхъ рядомъ съ господами быками». Въ послѣдній десятый день праздниковъ былъ данъ при дворѣ для дворянства и купечества маскарадъ.

Раскопки въ Таращѣ. Изъ Таращи пишутъ, что въ іюнѣ крестьяне с. Лѣсовичи, Таращанскаго уѣзда (близь города), Журавли и Нагорные, при рытьѣ колодца въ усадьбѣ, на глубинѣ 3-хъ саженей, выкопали кости мамонта: зубъ до 10 фунтовъ и голень; остальная же часть всего остова осталась въ землѣ. Въ томъ же селѣ, въ церковной усадьбѣ, весною настоящаго года, образовался провалъ, причемъ открылся огромный погребъ съ подземными ходами, а весною прошлаго года такой же провалъ образовался въ усадьбѣ крестьянина Негляда, на возвышенности горы, которая, по преданіямъ, считается древнѣйшимъ замковищемъ запорожскихъ казаковъ, надъ рѣкою Котлуемъ. По историческимъ свѣдѣніямъ, на мѣстѣ существующаго нынѣ села Лѣсовичи былъ довольно обширный городъ Самборъ, въ которомъ существовалъ Николаевскій мужской монастырь и двѣ приходскія церкви: Рождество-Богородичная и Покровская. На мѣстахъ названныхъ церквей и теперь имѣются капличка и церковныя кладбища. Городъ Самборъ разоренъ и сожженъ во время нашествія Батыя. Монастырь и церкви разграблены и также сожжены. Мѣсто, гдѣ былъ городъ, поросло лѣсомъ и только спустя долгое время на томъ мѣстѣ стали вновь селиться бѣглые люди, и какъ поселокъ этотъ былъ въ огромномъ и густомъ лѣсу, то и назвали его Лѣсовичами. Обвалы остались неизслѣдованными и даже вовсе нетронутыми.

Историческій музей въ Москвѣ. Въ настоящее время въ залахъ Историческаго Музея, еще недавно занятыхъ археологической выставкой, закончилась отправка вещей экспонентамъ. Коллекція иконъ Н. М. Постникова оставалась на время въ тѣхъ же залахъ музея, также какъ и коллекція эмалей Д. А. Постникова. Изъ числа другихъ залъ, двѣ предназначены къ отдѣлкѣ: одна изъ нихъ, смежная съ недавно отдѣланной такъ называемой «Владимірской», опредѣлена для храненія памятниковъ Суздальской области и будетъ орнаментирована слѣпками съ рельефныхъ украшеній, сохранившихся на внѣшнихъ стѣнахъ суздальскаго собора. Другая зала, смежная съ Суздальской и предназначенная для храненія памятниковъ ростовской старины, — будетъ украшена мотивами орнаментовъ, заимствованныхъ съ памятниковъ церковнаго зодчества въ г. Ростовѣ. За послѣднее время коллекціи музея увеличились новыми дарами и новыми покупками: такъ, отъ Наслѣдника Цесаревича музеемъ получена въ даръ рукопись въ кожаномъ переплетѣ, содержащая въ себѣ записки о фортификаціи по Вобану, составленныя Мечевымъ и относящіяся ко времени Петра Великаго [1]). Отъ великаго князя Сергія Александровича музей получилъ прекрасно выполненныя модели раскопки кургана въ Псковской губ., а также модель башни псковскаго кремля. Въ послѣднее время отъ его высочества музей полу-

---

[1]) Василій Мечевъ съ братьями былъ записанъ въ 1709 года по государеву указу «въ приказѣ артиллеріи, въ школу для науки словесной и цифирной грамотѣ учить» (Изъ челобитной).

чилъ роскошный альбомъ съ прекрасно-выполненными рисунками древностей изъ кургановъ Харьковской губ.; раскопки эти сдѣланы и рисунки выполнены г. Зарѣцкимъ. Отъ Е. Г. Шереметевой получено въ даръ харатейное рукописное Евангеліе начала XV в., украшенное заставками и миньятюрами, въ роскошномъ эмальированномъ переплетѣ новой парижской работы. Особенно дорогія историческія воспоминанія соединяются съ принесеннымъ въ даръ музею А. С. Перфильевымъ простымъ гусинымъ перомъ, которымъ 28-го января 1861 г. былъ подписанъ журналъ засѣданія общаго собранія государственнаго совѣта покойнымъ Государемъ и членами совѣта—объ уничтоженіи крѣпостного права. Перо заключено въ рамку за стекломъ подъ собственноручной объяснительной надписью гр. Ланского. Въ научномъ отношеніи особенно интересны вещи, полученныя изъ суздальскаго собора—мѣдный золоченый голубь, съ крыльями, украшенными эмалью, на спинѣ устроено полое мѣсто для храненія запасныхъ даровъ. Вещь эта работы французской и можетъ быть отнесена къ XII—XIII вѣку. Богатый матеріалъ для иконографіи представляетъ большая, шитая шелками, пелена съ изображеніемъ таинства евхаристіи и житіемъ Богородицы, по апокрифическому евангелію; по надписи, пелена эта относится къ XV вѣку. Императорская археологическая коммиссія предоставила музею значительную часть богатой коллекціи изъ могильниковъ Осетіи, собранную г. Ольшевскимъ и пріобрѣтенную комиссіей. Кромѣ того, музей пріобрѣлъ весьма интересную коллекцію подобныхъ вещей изъ той же мѣстности, но изъ другихъ могильниковъ. Обѣ коллекціи, дополняя одна другую, представляютъ богатый археологическій матеріалъ для изученія древней, весьма оригинальной культуры этой части Кавказа: такъ, здѣсь находятся бронзовыя фибулы или заколки весьма разнообразныхъ и оригинальныхъ формъ; такимъ же разнообразіемъ формъ отличаются и бронзовыя сѣкиры, часто украшенныя литыми изображеніями животныхъ; бронзовый, конической формы, шлемъ весьма напоминаетъ по формѣ древніе ассирійскіе шлемы. Серьги изъ золота украшены подвѣсками, изображающими виноградныя кисти. Изъ глиняныхъ сосудовъ замѣчателенъ сосудъ, представляющій птицу и сходный съ сосудами финикійскаго типа, находимыми на островѣ Кипрѣ. Весьма интересная коллекція курганныхъ древностей скиѳскаго типа пріобрѣтена музеемъ изъ раскопокъ г. Зарѣцкаго въ Харьковской губ.; въ этой коллекціи, между прочимъ, находятся золотыя бляхи, украшавшія лучни и оригинальныя по изображеніямъ звѣрей. А. В. Толстой пожертвовалъ музею большую коллекцію серебряныхъ вещей изъ могильника, разрытаго крестьянами въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губ.; между этими вещами особаго вниманія заслуживаютъ темнорусая женская коса, завернутая въ деревянную трубку, украшенную спиральными, покрытыми тонкой серебряной проволокой ремнями; привѣски изъ серебряныхъ треугольныхъ пластинокъ; перстни изъ серебра съ узоромъ изъ черневи. Вообще, благодаря археологической выставкѣ, музеемъ пріобрѣтено не мало интересныхъ вещей, а также не мало вещей получено въ даръ отъ экспонентовъ. Изъ числа первыхъ нельзя не упомянуть о коммодѣ-бюро, обложенномъ костяными пластинками съ узорной рѣзьбой и медальонами съ различными аллегорическими изображеніями, весьма любимыми въ XVIII вѣкѣ. Коммодъ вообще представляетъ роскошный и рѣдкій образецъ этого рода издѣлій, процвѣтавшихъ въ Архангельскѣ въ теченіе XVIII в. Коллекція портретовъ, собираемыхъ музеемъ въ послѣднее время, увеличилась пріобрѣтенными портретами изъ имѣнія Струйскаго, любителя искусства, литературы и стихотворца вѣка Екатерины, имѣвшаго въ своемъ имѣніи типографію. Изъ числа портретовъ особенно интересенъ портретъ Екатерины II, грудной овальной формы, работы русскаго художника Кропотова; портретъ вставляется въ большую деревянную панель, богато украшенную рѣзьбой съ надписью и стихами; къ ниж-

ней части панели принадлежитъ и мраморный столикъ съ деревянными золочеными рѣзными ножками, украшенными у основанія большимъ двуглавымъ орломъ. Все вмѣстѣ производитъ цѣльное впечатлѣніе господствовавшаго въ XVIII вѣкѣ вкуса и можетъ служить весьма характернымъ украшеніемъ залы Екатерины II.

Открытіе древней гробницы. Недавно Варшавскимъ университетомъ было получено сообщеніе войта гмины Помѣхово, г. Веселовскаго, объ открытіи на поляхъ дер. Коссево, Плонскаго уѣзда, Плоцкой губерніи, доисторическаго кладбища. Обслѣдованіе мѣста находки, порученное университетомъ профессору Д. Я. Самоквасову, привело къ открытію остатковъ разрушенной крестьянами гробницы эпохи второго періода (неолитическаго) каменной культуры. Гробница помѣщалась подъ ровною поверхностью земли, на границѣ владѣній двухъ крестьянъ деревни Коссево, Родницкаго и Паенга. Она была случайно найдена первымъ изъ названныхъ крестьянъ нынѣшнею весною при распашкѣ поля; плугъ встрѣтилъ въ землѣ большой камень; когда крестьянинъ Родницкій сталъ его откапывать, онъ нашелъ три каменныя плиты, лежавшія плашмя, горизонтально, другъ возлѣ друга, а подъ ними наполненный землею ящикъ, сложенный изъ колотыхъ камней, поставленныхъ вертикально одинъ къ другому. Гробница имѣла форму прямоугольника около $2^1/_2$ арш. длины, въ направленіи съ сѣвера на югъ, и 2-хъ арш. ширины, въ направленіи съ востока на западъ. Вынимая землю изъ гробницы, крестьянинъ встрѣтилъ на глубинѣ двухъ аршинъ три глиняные сосуда. Сосуды, которые, вмѣсто ожидавшихся денегъ, оказались наполненными землею, Родницкій передалъ впослѣдствіи войту гмины. Вынувъ изъ земли камни, составлявшіе сѣверную и западную стѣнки гробницы и лежавшіе на его полѣ, Родницкій перевезъ ихъ въ свою усадьбу вмѣстѣ съ плитами, покрывавшими гробницу сверху. Камни, составлявшіе восточную стѣнку гробницы и часть южной стѣнки и лежавшіе за межою, на землѣ сосѣда, остались нетронутыми. Затѣмъ Родницкій, прекративъ дальнѣйшую раскопку, засыпалъ вырытую яму и засѣялъ поле гречихою, а юговосточная часть могилы, лежавшая подъ полемъ сосѣдняго владѣльца, крестьянина Паенга, въ то же время была засѣяна картофелемъ. Профессоръ Д. Я. Самоквасовъ, прибывъ въ дер. Коссево 19-го іюня, по указанію войтомъ гмины мѣста находки глиняныхъ сосудовъ, при посредствѣ металлическаго щупа вскорѣ нашелъ рядъ камней на глубинѣ $^3/_4$ арш. отъ поверхности поля, засѣяннаго картофелемъ. Камни находились съ юго-восточной стороны межи, проходившей между полями двухъ вышеупомянутыхъ крестьянъ и, какъ оказалось впослѣдствіи, дѣлившей гробницу въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ. Послѣдовавшая затѣмъ раскопка мѣстанахожденія гробницы обнаружила шесть колотыхъ плитообразныхъ гранитныхъ камней, поставленныхъ ребромъ одинъ къ другому, величиною до $1^1/_2$ арш. высоты, 1 арш. ширины и 10 вершк. толщины, составлявшихъ восточную сторону и часть южной стороны гробницы. Съ наружной стороны, у подошвы стѣнки гробницы, а равно щели между камнями, были тщательно обложены и забиты булыжникомъ и битымъ камнемъ. Внутри гробницы, на ея днѣ, были открыты 8 человѣческихъ костяковъ, погребенныхъ въ сидячемъ положеніи. Одинъ изъ нихъ, взрослый, сидѣлъ у средины южной стѣнки гробницы въ слѣдующемъ положеніи: голова его была найдена упавшею на ребра, а ребра—непосредственно у таза; правая рука пригнута къ туловищу, кистью къ головѣ; нижнія конечности пригнуты къ туловищу и свалились вправо, а тазъ сохранилъ первоначальное положеніе сидячаго корпуса; лѣвая рука согнута подъ тупымъ угломъ такъ, что плечевая кость помѣщалась у лѣваго бока, а предплечье и лучевая кость—на срединѣ нижнихъ конечностей. На ребрахъ этого остова было найдено шлифованное долото изъ темнаго кремня, на тазовыхъ костяхъ—двѣ массивныя костяныя

прорѣзныя пряжки, а у праваго бока — десять разной формы небольшихъ овальныхъ булыжныхъ камней; у лѣваго бока были найдены слѣды разложившейся кучи рѣчныхъ раковинъ и нѣсколько мелкихъ углей. Слѣды такой же разложившейся кучи рѣчныхъ раковинъ сохранились въ юго-восточномъ углу гробницы. У западной стѣнки гробницы находились четыре остова,—два взрослыхъ и два дѣтскихъ,—съ пригнутыми къ туловищу конечностями, свалившимися у трехъ остововъ вправо, а у одного — влѣво. На двухъ остовахъ сохранились узорчатыя прорѣзныя костяныя пряжки и ожерелья изъ янтарныхъ бусъ и подвѣсокъ, овальной формы, съ отверстіями, въ количествѣ болѣе пятидесяти; но эти бусы и подвѣски были такъ хрупки, что удалось вынуть изъ гробницы и сохранить изъ нихъ только 22. При третьемъ остовѣ, у западной стѣнки гробницы были найдены слѣды разложившейся костяной пряжки, ожерелье изъ мелкихъ пробуравленныхъ раковинъ и клыкъ вепря. У восточной стѣнки помѣщались 3 остова, — два взрослыхъ и одинъ дѣтскій. При дѣтскомъ остовѣ сохранилось ожерелье изъ янтарныхъ бусъ, въ формѣ продолговатыхъ трубочекъ разной величины, лежавшихъ на груди въ 3 ряда, а у головы одного изъ взрослыхъ остововъ найдено превосходно шлифованное каменное долото. У сѣверной стѣнки гробницы помѣщался рядъ глиняныхъ стравницъ, т. е. сосудовъ, заключавшихъ въ себѣ пищу и питье, поставленныхъ въ могилу покойниковъ. Одинъ изъ этихъ сосудовъ—большой, шарообразной формы, съ овальнымъ дномъ и узкимъ горлышкомъ, украшеннымъ маленькими ушками; другой—такой же формы, но малой сравнительно величины,—украшенъ по горлышку узоромъ, состоящимъ изъ точекъ и прямыхъ линій; третій,—имѣющій форму чашки съ плоскимъ дномъ, украшенъ по вѣнчику четырехъ-ряднымъ узоромъ изъ точекъ, прямыхъ и ломаныхъ линій. Наконецъ, въ сѣверо-восточномъ углу гробницы была найдена часть челюсти свиньи или вепря. Изъ человѣческихъ костей въ гробницѣ были найдены хорошо сохранившимися два полныхъ человѣческихъ черепа взрослыхъ остововъ и одинъ почти полный дѣтскій черепъ, а также нѣсколько конечностей и другихъ человѣческихъ костей.

Странная находка. Въ Лужскомъ уѣздѣ, Городенской волости, около деревни Уношковицы, верстахъ въ 30-ти отъ Луги, на лѣсномъ участкѣ, принадлежащемъ городенскому лавочнику Николаю Андрееву, пастухъ случайно напалъ въ густой лѣсной заросли на слѣды плитъ, которыя, по очисткѣ отъ покрывавшаго ихъ мха, оказались покрытыми надписями; на одной изъ плитъ такая: «К. 1741. ІИС. Како. 177 фунт. золота» (что составитъ 4 п. 17 ф.), а на другой—«Люди 4 сж. Ѿ (отъ) этого камня на востокъ завѣтантѣ на церковь Пкр. В.». По бокамъ надписей осьмиконечные кресты. Вѣсть о «стотысячномъ кладѣ» разнеслась по всей округѣ. Дано было знать и властямъ, явился урядникъ и обвелъ высѣченныя буквы синимъ карандашомъ. Теперь мѣсто, гдѣ лежали плиты, расчищено, расчищена и дорожка къ нему и «кладъ» охраняется сторожами въ ожиданіи распоряженія властей. Предосторожность оказалась не лишней, такъ какъ охотниковъ попользоваться находкой не мало. Уже были поползновенія на разрытіе клада, а какія-то руки почти совсѣмъ сцарапали слово «церковь», чтобы кладъ достался не церкви, а владѣльцу пустоши. У перваго камня около буквы «к» также отломанъ уголъ камня, на которомъ можетъ быть также была надпись. Наши археологи, конечно, обратятъ вниманіе на эту находку.

† 26-го мая въ своемъ родовомъ имѣніи, Тульской губерніи, с. Кошелевкѣ, **Анастасія Кондратьевна Пущина**, дочь поэта-декабриста К. Ѳ. Рылѣева. Отъ брака съ Н. М. Тевяшевой К. Ѳ. имѣлъ двухъ дѣтей: сына Александра (умершаго въ 1824 г.) и дочь Анастасію, род. 23-го мая 1823 г. Въ письмахъ своихъ изъ Петропавловской крѣпости Рылѣевъ относился къ своей

единственной дочери (Настинькѣ, «несчастной сироткѣ, бѣдной малюткѣ, крошкѣ») съ горячею любовью и отеческою заботливостью: молится о ней, благословляетъ ее, велитъ сберечь для нея его библіотеку и въ послѣднемъ прощальномъ письмѣ завѣщаетъ женѣ «болѣе всего заботиться о воспитаніи Настиньки». Съ 1842 г. А. К. была замужемъ за И. А. Пущинымъ. При содѣйствіи П. А. Ефремова, она издала «Сочиненія и переписку К. Ѳ. Рылѣева». Эти книги вышли въ свѣтъ двумя изданіями въ 1872 и 1874 гг.

† 4-го іюля внезапно отъ разрыва сердца управляющій акцизными сборами Петербургской губерніи **Дмитрій Александровичъ Миропольскій**. Покойный и по своей служебной, и по литературной дѣятельности, которой прежнее время посвящалъ часть своего времени, главнымъ образомъ, въ качествѣ провинціальнаго корреспондента и составителя весьма обстоятельныхъ трудовъ подъ названіемъ «Косвенные налоги въ Россіи» и «Сводъ уставовъ о соли» — принадлежалъ къ числу людей выдающихся. Дѣятельный, трудолюбивый, онъ оставилъ по себѣ память среди товарищей. Онъ умеръ 47 лѣтъ. Поставленный съ ранняго дѣтства въ неблагопріятныя жизненныя условія, Миропольскій путемъ упорнаго труда достигъ въ послѣднее время виднаго служебнаго положенія. Окончивъ курсъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, онъ до 1866 г. служилъ въ военной службѣ и затѣмъ перешелъ въ акцизное вѣдомство, гдѣ прошелъ всѣ должности, начиная съ помощника надзирателя. Въ концѣ 70-хъ годовъ Миропольскій былъ переведенъ въ Петербургъ ревизоромъ департамента неокладныхъ сборовъ и тогда же исполнилъ нѣсколько важныхъ порученій этого департамента. Въ 1880 г. онъ назначенъ управляющимъ акцизными сборами Могилевской губерніи, но вскорѣ переведенъ въ царство Польское, гдѣ требовалось тогда приведеніе въ порядокъ дѣлъ акцизнаго вѣдомства. Затѣмъ былъ назначенъ управляющимъ акцизными сборами сперва Херсонской, а потомъ Петербургской губерній; обѣ эти губерніи въ акцизномъ дѣлѣ требуютъ опытнаго руководителя.

† 17-го іюля одинъ изъ бывшихъ газетныхъ сотрудниковъ, а въ послѣднее время издатель и редакторъ нѣсколькихъ органовъ страхованія **Владиміръ Григорьевичъ Лаврентьевъ**. Онъ умеръ отъ зараженія крови, вслѣдствіе огнестрѣльныхъ ранъ, полученныхъ имъ на охотѣ отъ нечаянно попавшаго въ него выстрѣла дробью, которымъ сопровождавшій его егерь хотѣлъ убить летѣвшую птицу. Лаврентьевъ родился въ 1852 г. По окончаніи курса наукъ въ гимназіи поступилъ въ Петербургскій университетъ, затѣмъ вольноопредѣляющимся въ военную службу, потомъ, съ начатіемъ сербско-турецкой войны, въ качествѣ добровольца, отправился на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ въ теченіе всей войны состоялъ адъютантомъ генерала Черняева. По окончаніи войны поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ перешелъ въ министерство финансовъ, въ 1881 г. въ Греціи былъ корреспондентомъ отъ нѣсколькихъ русскихъ газетъ. Вернувшись въ Россію въ 1883 г. былъ секретаремъ редакціи газеты «Петербургскія Вѣдомости», въ 1885 г. пропагандировалъ страховое дѣло въ Россіи и былъ издателемъ-редакторомъ перваго страхового журнала въ Россіи «Вѣстникъ Страхованія». Въ началѣ 1889 г. предпринималъ изданіе «Вѣстника Взаимнаго Страхованія», подъ редакціею г. Влaндова, а въ мартѣ нынѣшняго года приступилъ къ изданію «Страховыхъ Вѣдомостей».

† въ Твери на 84-мъ году, старѣйшій л.-гв. гренадеръ **Василій Михайловичъ Еропкинъ**. В. М. родился въ 1807 г. въ Москвѣ, выпущенъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ 1827 году въ Гренадерскій полкъ. Въ 1828 г. сдѣлалъ турецкій походъ, участвовалъ при взятіи Варны; въ 1831 г. сдѣлалъ польскую кампанію, участвовалъ въ штурмѣ Варшавы, въ битвѣ при Остроленкѣ. Въ 1831 г. вышелъ въ отставку и въ 1838 г. былъ выбранъ серпуховскимъ дворянствомъ посредникомъ по размежеванію земель, съ

назначеніемъ ему 5,000 руб. въ годъ, отъ которыхъ В. М. отказался. Въ крымскую кампанію В. М. Еропкинъ снова вступилъ въ военную службу командиромъ батальона л.-гв. Бородинскаго полка, находился при защитѣ Севастополя, въ битвѣ подъ Альмой, контуженъ въ ногу, въ сраженіи на Инкерманскихъ высотахъ раненъ штуцерною пулею въ другую ногу; за опасностью операціи пулю не вынули изъ ноги. Въ 1881 г. В. Еропкинъ посѣтилъ свой Гренадерскій полкъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. По желанію полка, В. М. Еропкинъ далъ въ полкъ свой портретъ, который повѣшенъ въ дежурной комнатѣ, съ слѣдующей надписью: «В. М. Еропкинъ, участникъ славныхъ для л.-гв. гренадеръ сраженій подъ Варною въ 1828 г.; неразстающійся и донынѣ душою и сердцемъ съ роднымъ полкомъ. 28-го іюля 1881 г.». Къ похоронамъ Еропкина прибыли представители Гренадерскаго полка. Пржецлавскій и поручикъ Даниловъ возложили на гробъ вѣнокъ отъ полка съ надписью на лентахъ цвѣта полка: «Старѣйшему л.-гренадеру отъ товарищей», Воспоминанія В. М. Еропкина напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» въ декабрѣ 1877 г. и февралѣ 1878 г. и въ «Русской Старинѣ» за 1884 г.

† Русская журналистика лишилась еще одного виднаго дѣятеля: 31-го іюля, въ 7½ часовъ утра, послѣ продолжительной болѣзни, 63-хъ лѣтъ отъ роду, скончался **Николай Викентьевичъ Альбертини**. Покойный воспитывался въ Московскомъ университетѣ. По окончаніи курса, въ 1850 г., первые годы былъ преподавателемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ Москвѣ. Николай Викентьевичъ былъ больше извѣстенъ какъ журналистъ, чѣмъ какъ педагогъ. Съ 1864 года онъ началъ сотрудничать въ «Голосѣ», гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ политическомъ отдѣлѣ газеты. Высланный на непродолжительное время въ сѣверныя губерніи, онъ скоро получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ. Кромѣ того, онъ работалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и, затѣмъ, по прекращеніи «Голоса», въ «Новомъ Времени». Покойный принадлежалъ къ небольшой плеядѣ оставшихся еще въ живыхъ литераторовъ пятидесятыхъ годовъ, до конца жизни относящихся съ юношескимъ жаромъ ко всѣмъ вопросамъ. Послѣдніе два года тяжкая болѣзнь лишила Альбертини возможности работать.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Надгробная плита Я. Корнаро 1362 года, найденная подъ Азовомъ.

Газета «Донское Поле» въ № 45-мъ приводитъ два «объясненія» латинской надписи на надгробной плитѣ венеціанскаго посла Корнаро въ Танѣ, найденной въ прошломъ году близь Азова. Одно изъ объясненій, по словамъ газеты, принадлежитъ венеціанскимъ ученымъ, другое — профессору С.-Петербургскаго археологическаго института Маркову. Изъ статьи «Донского Поля», подписанной X. П. не видно, кто дѣлалъ переводъ предложеннаго венеціанскими учеными чтенія надписи и кто эти «венеціанскіе ученые». Что же касается профессора Маркова, то приводится переводъ, сдѣланный имъ, въ подлинникѣ. Въ передовой статьѣ того же № отъ 28-го іюня, посвященной тому же историческому памятнику, редакція расточаетъ упреки

«Таганрогскому Вѣстнику» за то, что эта газета, будто бы «воспользовавшись ея изданіемъ (именно приложеніемъ къ № 1-му «Донского Поля»), поспѣшила тогда же помѣстить на своихъ страницахъ крайне неудачный и во многомъ невѣрный переводъ надписи на плитѣ и тѣмъ самымъ ввела въ заблужденіе не только другія провинціальныя и столичныя газеты, но даже и такое серьезное изданіе, какъ журналъ «Историческій Вѣстникъ», и при томъ безъ указанія даже первоначальнаго источника позаимствованія». «Донское Поле» продолжаетъ такъ: «Въ виду этого мы вправѣ ожидать, что всѣ газеты и журналы, принявшіе перепечатку изъ «Таганрогскаго Вѣстника», сочтутъ справедливымъ, въ интересахъ науки, исправить свою ошибку, въ которую они вовлечены были «Таганрогскимъ Вѣстникомъ», сдѣлавши должныя извлеченія изъ настоящаго нумера нашей газеты».

На эти обвиненія считаю долгомъ отвѣтить, такъ какъ переводъ надписи былъ сдѣланъ мною, по просьбѣ одного изъ сотрудниковъ «Таганрогскаго Вѣстника».

Прежде чѣмъ входить въ сущность дѣла, устраню обвиненіе въ плагіатѣ, простымъ указаніемъ, что въ фельетонѣ «Таганрогскаго Вѣстника», въ которомъ помѣщенъ переводъ надписи, именно въ № 140 за 1889 годъ, на стр. 2, столбецъ 4, строка 28 и слѣдующія сказано: «изображеніе которой (т. е. плиты) приложено къ № 1 новой газеты «Донское Поле». Стало быть, утвержденіе, что «Таганрогскій Вѣстникъ» ввелъ въ заблужденіе всю нашу печать «и при томъ безъ указанія даже первоначальнаго источника позаимствованія», есть со стороны «Донского Поля» поступокъ подходящій подъ одинъ изъ этихъ двухъ разрядовъ: крайней небрежности и опрометчивости, или возмутительной недобросовѣстности, а ни то, ни другое не допустимо въ сколько-нибудь основательной и уважающей себя газетѣ.

Переходя къ переводу надписи, я утверждаю, что всѣ обвиненія «Донского Поля» не вѣрны и либо свидѣтельствуютъ о полномъ невѣжествѣ газеты въ дѣлѣ, о которомъ она взялась такъ развязно судить, либо представляютъ намѣренное взведеніе на «Таганрогскій Вѣстникъ» напраслины изъ-за какихъ-либо постороннихъ побужденій.

Къ сожалѣнію, у меня передъ глазами нѣтъ изданнаго «Донскимъ Полемъ» facsimile доски, и я долженъ положиться на текстъ «венеціанскихъ ученыхъ», напечатанный въ № 45 этой газеты. Надѣюсь, что память поможетъ мнѣ возстановить по моему переводу мое чтеніе этой надписи. Обращаюсь къ подробному разбору.

Вотъ надпись, какъ ее читаютъ «венеціанскіе ученые».

MCCC. LXII. DIEI [1]) MS (MENSIS) AVGUSTI HIC. IACET EGREGIVS ET. NOBILIS VIR. DNS (DOMINVS) IACOBVS. CORNARIO. HONORAB ILIS. COMES. ARBENSIS. ET. DE. DVCA LI. MANDATO. AMBASI. ATOR (AMBASIATOR) ET. CONSVL. IN TANA ET P (PER) TOTVM. INPIV (IMPERIVM) GACARIE (GASARIAE) QVI. OBIIT. AIA. (ANIMA) CVIVS. IN PACE. RE QVIESCANT.

Относительно года и мѣсяца всѣ согласны. Число мѣсяца неразборчиво, мнѣ показалось XI, т. е. 11-е. Далѣе:

Hic jacet egregius et nobilis vir.

---

[1]) Не разборчиво.

Мною переведено: Здѣсь почіетъ знаменитый и благородный мужъ. У «венеціанскихъ ученыхъ»: Здѣсь покоится почтенный и благородный человѣкъ, что не точно, ибо egregius, не передается словомъ «почтенный», которое соотвѣтствуетъ находящемуся ниже эпитету honorabilis. Egregius значитъ выходящій изъ ряду, собственно «изъ стада»—e grege, стало быть выдающійся. Профессоръ Марковъ перевелъ это словомъ превосходный, которое нисколько не ближе моего знаменитый. Самое близкое этимологически было бы изрядный, но его не принято употреблять въ этомъ смыслѣ. У меня, какъ и у профессора Маркова, vir передано словомъ мужъ, а не «человѣкъ», какъ у «венеціанскихъ ученыхъ».

Послѣдній переводъ заставляетъ предположить, что «венеціанскіе ученые» перевели надпись на итальянскій языкъ, на которомъ nobilis vir будетъ nobil uomo, а уже переводившій съ итальянскаго на русскій передалъ uomo словомъ человѣкъ, игнорируя вѣроятно латинскій оригиналъ, въ которомъ стоитъ vir (мужъ), а не homo (человѣкъ).

Dns (Dominus) Jacobus Cornario honorabilis comes Arbensis. Въ моемъ переводѣ: «Господинъ Яковъ Корнаріо, венеціанецъ (по неразборчивости этого слова приходится догадываться) графъ Арбскій (?)».

Въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ ясно, что «венеціанскіе ученые» сдѣлали переводъ съ латыни на итальянскій языкъ, ибо они имя умершаго изобразили по-итальянски, даже спеціально по-венеціански: Якопо Корнеръ, Iacopo вмѣсто Giacomo и Corner вмѣсто Cornaro. Въ надписи стоитъ латинизированное Cornario, которое я буквально и передалъ, тогда какъ профессоръ Марковъ привелъ фамилію въ итальянскомъ ея видѣ. «Венеціанскіе ученые» пошли дальше и транскрибировали ее по мѣстному діалекту, любящему подобныя сокращенія, напримѣръ, Vendramin, Contarin, Fazan, Manin и проч. Русскій переводчикъ съ итальянскаго, съ тою же наивностью, какъ и выше при словѣ vir—uomo—человѣкъ, поставилъ слово господинъ въ скобки. Ему вѣроятно было невдомекъ, что dominus поставлено въ скобки, какъ объясняющее сокращенное DNS, стоящее передъ нимъ.

Послѣ Cornario стоитъ неразборчивое слово, которое у профессора Маркова выпущено и замѣнено многоточіемъ, «венеціанскими учеными» прочтено какъ honorabilis, а мною какъ venetus или venetianus.

Отсюда разница въ переводѣ: у «венеціанцевъ»: «Корнеръ, уважаемый графъ Арбэ», а у меня «Корнаріо, венеціанецъ», съ оговоркою, что по неразборчивости слова приходится догадываться. При словѣ Арбскій, произведенномъ мною для передачи прилагательнаго Arbensis я поставилъ знакъ (?), ибо островъ Арбэ, откуда происходитъ графскій титулъ Корнаро, былъ мнѣ неизвѣстенъ.

Et de ducali mandato ambasiator et consul. Первыя два слова венеціанскаго чтенія et de я прочелъ за сокращеніе et caetera и перевелъ и прочая. Къ этому побуждалъ меня обычай въ офиціальныхъ документахъ за именемъ знатнаго лица, для сокращенія титуловъ и во избѣжаніе какихъ-либо упущеній въ ихъ перечисленіи, ставить «и прочая», что соблюдается отчасти и въ наше время, особенно на западѣ. Чтеніе гг. венеціанцевъ et de ducali mandato при всей нечистотѣ латинскаго языка надписи неправдоподобно. Просто ducali mandato безъ предлога de вполнѣ достаточно и общеупотребительно въ подобныхъ оборотахъ, а если бы и стоялъ предлогъ, то скорѣе per, чѣмъ de. Въ спорныхъ чтеніяхъ вообще отдается преимущество

тому, которое содержательнѣе, которое даетъ наибольшій смыслъ. Въ этомъ отношеніи мое чтеніе et caetera предпочтительно передъ чисто формальными частицами et de, ничего не прибавляющими къ смыслу. Русскій переводчикъ венеціанскаго толкованія почему-то помѣстилъ слово «повелѣнію» въ скобки, какъ выше уже сдѣлалъ со словомъ «господинъ», что совершенно непонятно.

In Tana et per totum imperium Gacarie, (т. е.—ae). Всѣ три перевода сходятся, только напрасно въ переводѣ съ перевода «венеціанскихъ ученыхъ» употреблено слово имперія, которое не соотвѣтствуетъ латинскому imperium. Послѣднее означаетъ владѣніе, страну (какъ и перевелъ профессоръ Марковъ), царство (какъ перевелъ я), а никакъ не имперію, слово, употребленіе котораго спеціализировалось послѣ римскихъ временъ: оно стало означать не государство вообще, а извѣстнаго рода, или строя, государство, въ противуположность другимъ формамъ, королевству, республикѣ и проч. Gacarie я транскрибировалъ буквально—Гакарія, профессоръ Марковъ перевелъ «страна Хазарская», а венеціанскіе ученые взяли середку на половинѣ—Газарія и поставили въ скобкахъ Крымъ, что не вполнѣ точно, ибо оба эти названія не покрываются взаимно.

Qui obiit aia (anima) cuius in pace requiescant. Здѣсь наибольшее несогласіе между тремя переводчиками. Я припоминаю, что первое слово, принимаемое венеціанцами за qui, я читалъ — uvi, считая его за переходную форму порченой латыни между латинскимъ ubi и итальянскимъ ove, и перевелъ по этому «гдѣ». Для меня и теперь, когда я знаю другую конъюктуру, кажется лучше ubi, чѣмъ qui, такъ какъ оно хорошо связывается съ предыдущимъ: «...консулъ въ Танѣ и по всему царству Хазаріи гдѣ и умеръ». Чтеніе же венеціанцевъ даетъ слѣдующее: «Здѣсь почіетъ такой-то»... который умеръ» и далѣе «душа котораго въ покоѣ отдыхаетъ». Не даетъ ли мое чтеніе гдѣ и умеръ лучшій смыслъ? Здѣсь есть нѣчто новое—опредѣленіе мѣста кончины лица. А говорить въ надгробной надписи, что покоится здѣсь лицо, которое умерло (а не живо, что ли?) не даетъ удовлетворительнаго смысла, а является вполнѣ излишнимъ. Все это мѣсто я читаю такъ:

Ubi obiit. Aia (anima) cinus in pace requiescant, и перевожу: «гдѣ и умеръ. Душа и прахъ (союзъ et, и, при перечисленіяхъ полатыни не былъ необходимъ) въ мирѣ да покоятся». Слово, которое венеціанцы читаютъ cuius я прочелъ cinus, принимая его за искаженную форму вмѣсто cinis—пепелъ, зола, прахъ. Оправдывается это чтеніе множественнымъ числомъ requiescant—да покоятся. Ни это множественное число, ни сослагательное наклоненіе не переданы въ другихъ двухъ переводахъ. Венеціанцы говорятъ: «который скончался. Душа котораго въ покоѣ отдыхаетъ». Здѣсь два раза подрядъ который и утвержденіе, что душа отдыхаетъ. У профессора Маркова: «который умеръ и его останки (такъ передано слово aia подъ титломъ съ оговоркою, что оно вполнѣ не разобрано) почіютъ въ мирѣ». Здѣсь передано множественное число, но оно годится при русскомъ словѣ останки; а при латинскомъ anima не можетъ стоять множественное requiescant. Очевидно, кромѣ anima, есть еще какое-то существительное, которое кроется въ этомъ попорченномъ словѣ, неправильно читаемомъ cuius; присутствіе этого второго подлежащаго необходимо, чтобы объяснить множественное requiescant. При всемъ уваженіи къ профессору Маркову

нельзя не сказать, что его «останки» не. переводъ, а перифраза и представляетъ un expédient, попытку выбраться изъ затрудненія, но не разрѣшившую затрудненія.

Изъ этого подробнаго разбора явствуетъ, что смыслъ всѣми тремя переводами переданъ вѣрно и тождественно. Но нельзя было ограничиться однимъ анализомъ передачи общаго смысла ввиду рѣзкихъ обвиненій по адресу «Таганрогскаго Вѣстника», высказанныхъ въ передовой статьѣ отъ 28-го іюня «Донского Поля». Мой переводъ названъ тамъ крайне неудачнымъ, во многомъ невѣрнымъ, чѣмъ я будто бы ввелъ въ заблужденіе всю нашу печать, при чемъ особенно отягчающимъ обстоятельствомъ выставляется, что обманулъ я даже такое серьезное изданіе, какъ «Историческій Вѣстникъ». По моему, обманъ напрасно такъ сортировать — онъ одинаково скверенъ къ кому бы ни примѣнялся, даже пожалуй хуже въ отношеніи къ невѣдущему, чѣмъ къ свѣдущему и могущему его провѣрить. Во всякомъ случаѣ я въ немъ неповиненъ, что и будетъ ясно изъ вышеприведеннаго разбора надписи для каждаго, для кого латынь не китайская грамота, какъ повидимому для «Донскаго Поля». **А. Алфераки.**

II.

Къ „Воспоминаніямъ“ Н. Я. Аѳанасьева.

Н. Я. Аѳанасьевъ, разсказывая въ своихъ воспоминаніяхъ, въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» о поступкѣ Венявскаго съ однимъ изъ товарищей по оркестру, прибавляетъ, что Венявскій занялъ мѣсто Вьётана. Память измѣняетъ автору: мѣсто Вьётана занялъ скрипачъ Аполлинарій Контскій. Венявскій тогда еще только начиналъ свое музыкальное поприще. Да и по характеру онъ былъ далекъ отъ задора и нахальства, тогда какъ Контскій скромностью не отличался. Достаточно вспомнить афиши о его концертахъ...

Г. Аѳанасьевъ вспоминаетъ о встрѣчѣ въ Тифлисѣ, въ домѣ князя Воронцова, съ К. Булгаковымъ, «извѣстнымъ своими шалостями», который «и въ Тифлисѣ былъ такой же неугомонный». Булгаковыхъ было два брата Константинъ и Павелъ. Послѣдняго и могъ только встрѣтить въ Тифлисѣ г. Аѳанасьевъ. П. А. Булгаковъ въ 1845 году былъ высланъ изъ Москвы въ Тифлисъ на службу, за то, что бросилъ на сцену танцовщицѣ Андреяновой околѣвшую кошку. К. А. Булгакову было тогда не до проказъ: болѣзнь его угомонила.

Ѳ. С. Глинка.

III.

Къ „Воспоминаніямъ“ И. Р. Тимченко-Рубана.

Въ іюльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» въ воспоминаніяхъ И. Р. Тимченко-Рубана вкралась существенная ошибка, вѣроятно, по неразборчивости почерка рукописи. Фамилія помощника инспектора классовъ Павловскаго корпуса, сотрудника «Энциклопедическаго словаря» Плюшара, не Шелонъ — а Шенинъ.

Аделаида Тимченко-Рубанъ.

СТЭНЛИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОЧЕРКЪ ЕГО ПУТЕШЕСТВІЙ И ОТКРЫТІЙ.

Ранніе годы Стэнли.—Какъ Стэнли отыскалъ Ливингстона.—По африканскимъ озерамъ.— Основаніе государства Конго.—На поискахъ за Эминомъ-пашей.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1890

РЕДЛАГАЕМЫЙ очеркъ жизни, путешествій и открытій Стэнли вызванъ тѣмъ интересомъ, какой возбужденъ во всей европейской печати его послѣдней африканской экспедиціей, описанной въ отпечатанныхъ недавно двухъ объемистыхъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Въ дебряхъ Африки». Это—четвертый трудъ знаменитаго путешественника, посвященный ознакомленію съ наименѣе извѣданной частью свѣта.

Стэнли стяжалъ себѣ извѣстность уже своимъ первымъ путешествіемъ во внутрь Африки, которое подробно разсказано въ его сочиненіи «Какъ я отыскалъ Ливингстона?». Черезъ пять лѣтъ онъ вторично побывалъ въ Центральной Африкѣ и въ книгѣ «Черезъ темную часть свѣта» впервые освѣтилъ многія ея области. Въ 1879 г. онъ снова отправился въ Африку для основанія станцій въ открытой имъ области Конго и въ 1885 г. явился его третій трудъ «Конго».

Послѣднее сочиненіе, «Въ дебряхъ Африки», вышедшее одновременно на всѣхъ главныхъ иностранныхъ языкахъ, подверглось гораздо болѣе строгой критикѣ, чѣмъ его прежніе труды. Это и понятно. Открытія въ Африкѣ оцѣниваются теперь не съ одной научной точки зрѣнія. Однѣ научныя и гуманитарныя цѣли въ настоящее время представляются немыслимыми безъ политической подкладки, безъ практическихъ разсчетовъ. И съ послѣдней экспедиціей Стэнли, офиціально предпринятой съ безкорыстною цѣлью найти оставленнаго египетскимъ правительствомъ на произволъ судьбы Эмина-пашу и доставить ему возможность уйти изъ Ваделайя, связываются еще виды на открытіе торговыхъ сношеній съ Экваторіальной провинціей и еще болѣе широкіе планы англійской колоніальной политики.

Съ другой стороны, слѣдуетъ помнить, что Стэнли въ своихъ путешествіяхъ никогда не задавался ни спеціально научными изысканіями, ни собираніемъ матеріала для изслѣдованій, ни обстоятельнымъ и всестороннимъ изученіемъ новооткрытыхъ областей. Его интересуетъ открытіе новыхъ озеръ и горъ, установленіе карты неизвѣданной страны и расширеніе свѣдѣній объ ея народахъ, въ видахъ разрѣшенія крупныхъ вопросовъ. То же видимъ и въ новомъ его сочиненіи. Оно не знакомитъ ни съ флорой, ни съ фауной новооткрытыхъ имъ земель, не даетъ и точныхъ геологическихъ свѣдѣній о нихъ, какъ и вообще никакого цѣннаго естественно-научнаго матеріала. Стэнли даже иронически относится къ коллекціонированію Эмина-паши въ этомъ направленіи. Для отважнаго журналиста-англичанина главное составляютъ вопросы политической географіи и этнологіи.

Помимо неподготовленности къ задачамъ ученаго собирателя въ трудахъ Стэнли даетъ поводъ къ критикѣ и то, что объясняется его неизживной жилкой журналиста, который началъ свою карьеру корреспондентомъ бойкой американской газеты. Поразительная быстрота обработки собранныхъ свѣдѣній должна была неблагопріятно отразиться на послѣднемъ сочиненіи Стэнли. Караванъ Стэнли вступилъ въ Багамайо 4-го декабря 1889 г., а отчетъ объ этомъ трехлѣтнемъ путешествіи былъ уже отпечатанъ въ концѣ іюня 1890 г. Два тома въ тысячу страницъ in-8 были написаны Стэнли въ 50 дней. Отсюда и получились это безпорядочное нагроможденіе фактическихъ подробностей, эта смѣсь серьезнаго съ поверхностнымъ, дѣльнаго съ высокопарными фразами, возвышеннаго съ банальнымъ.

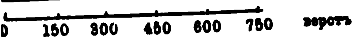
Все это небезосновательно ставится Стэнли на видъ его критиками и, однако же, нисколько не умаляетъ значенія его замѣчательной предпріимчивости и огромныхъ успѣховъ, достигнутыхъ его экспедиціями въ интересахъ дальнѣйшаго изученія внутренней Африки, открытія новыхъ колонизаціонныхъ пунктовъ, наконецъ, въ интересахъ науки и культуры. Самая суровая критика не можетъ отрицать въ этомъ путешественникѣ организаціоннаго таланта, непоколебимой твердости въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, безстрашія и мужества передъ непрерывной цѣпью опасностей, нужды, невзгодъ и бѣдствій всякаго рода, которымъ подвергалась экспедиція его, и удивительнаго презрѣнія къ смерти въ виду ужасающихъ трудностей и опасностей пути. Немудрено, что ни одинъ путешественникъ раньше Стэнли не достигалъ такихъ обширныхъ географическихъ результатовъ, какихъ достигъ онъ съ своей энергіей и неустрашимостью. Нагляднымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить прилагаемыя здѣсь двѣ карты «Средняя Африка до Стэнли» и «Средняя Африка послѣ Стэнли».

Въ свою первую экспедицію, которую Стэнли предпринялъ, будучи невѣдомымъ репортеромъ американской газеты, онъ отыскалъ Ливингстона и вмѣстѣ съ нимъ изслѣдовалъ озеро Танганайка. Во вторую экспедицію онъ съ возможной точностью изслѣдовалъ озеро Викторія-Ніанца, затѣмъ отправился къ югу и, найдя на пути озеро Альбертъ-Эдвардъ-Ніанца, предпринялъ то достопамятное путешествіе по водѣ, которое дало ему возможность впервые ознакомиться съ теченіемъ главной рѣки Средней Африки—Конго. Этой же экспедиціей было положено начало ознакомленію европейцевъ съ географическою сѣтью Конго и организаціи на ней судоходства и торговли.

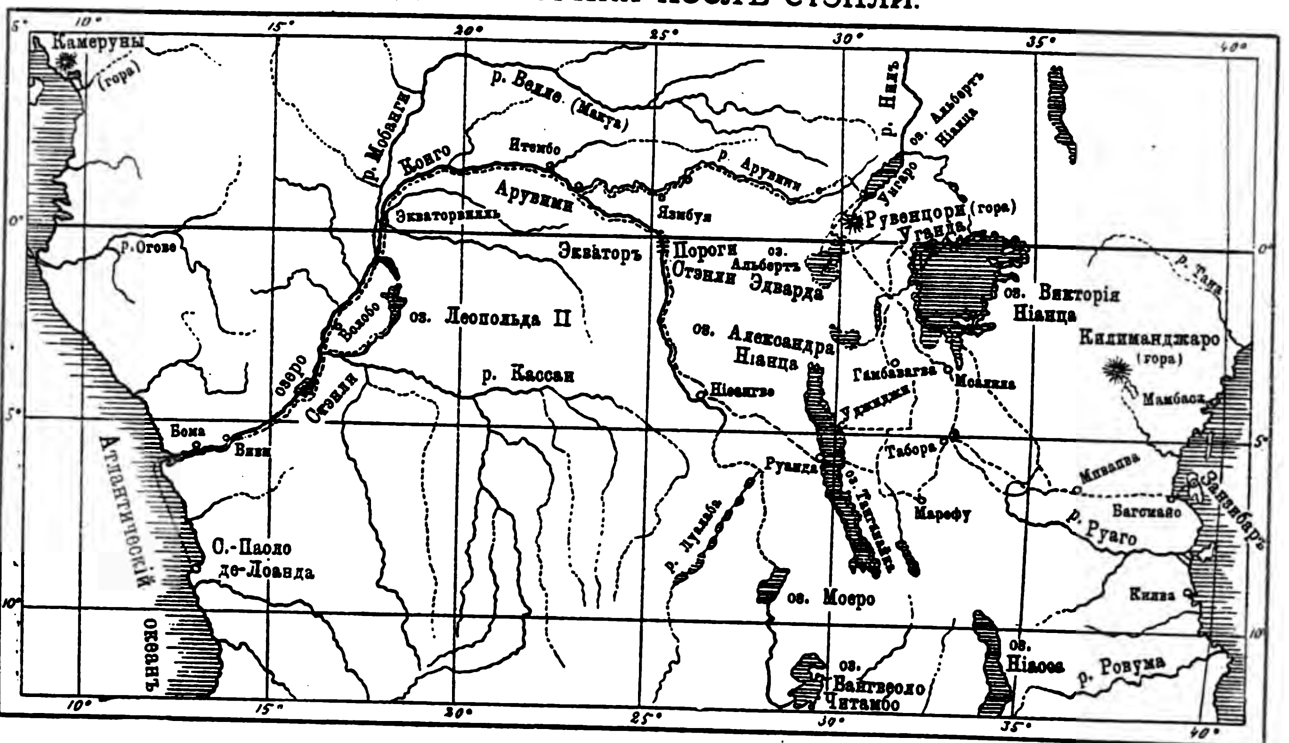
Что касается послѣдней экспедиціи Стэнли, офиціально именовавшейся «Emin Pasha Relief Expedition», то, независимо отъ ожидаемой провѣрки показаній путешественника другими изслѣдователями, уже теперь отмѣчаются важнѣйшіе и замѣчательнѣйшіе ея результаты, не подлежащіе сомнѣнію. Первый значительный научный результатъ представляетъ собой открытіе въ центрѣ Африки горной массы Рувенцори, питающей съ одной стороны озеро Викторія-Ніанца, съ другой — Альбертъ-Ніанца и Альбертъ-Эдвардъ-Ніанца. Второй важнѣйшій результатъ—открытіе долины Семлики, на сѣверномъ концѣ которой находится Альбертъ-Ніанца, а на южномъ—Альбертъ-Эдвардъ-Ніанца, соединенныя водами Семлики. Не менѣе 62 рѣкъ вытекаетъ изъ Рувенцори и направляются въ эту впадину, которая тянется на 292 километра длины отъ одного озера до другого отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Третій крупнѣйшій результатъ экспедиціи Стэнли заключается въ установленіи того факта, что вся область Арувими отъ Ямбуя и также пространство между этой рѣкой и верхнимъ Конго, заполнена зеленымъ моремъ тропическаго лѣса, совершенно сходнаго съ бразильскимъ лѣсомъ въ области Амазонской рѣки и, подобно ему, непроходимаго и необитаемаго. Этотъ лѣсъ покрываетъ 224 милліона акровъ и, считая по 48 деревьевъ на акрѣ, имѣетъ до 10,752 милліоновъ большихъ деревьевъ. Послѣднія отъ 20 до 200 футовъ высоты тѣснятся одно къ другому такъ, что вѣтви ихъ переплетаются, образуя тѣнистую крышу, чрезъ которую не проникаютъ и лучи солнца. Стэнли трижды прошелъ этотъ лѣсной океанъ вдоль теченія Итури (названіе Арувими въ верхнемъ теченіи). 156 дней отважный путешественникъ впервые пролагалъ себѣ путь по лѣсу, шагъ за шагомъ прорубая топоромъ дорогу, при вѣчномъ господствѣ сумерекъ, когда голодъ и болѣзни поражали храбрый отрядъ и со дня на день угрожали ему окончательной гибелью. Въ этой области 150 дней въ году идутъ проливные дожди и каждый ливень сопровождается сильными вѣтрами, бурями, громовыми ударами и молніею.

СРЕДНЯЯ АФРИКА ДО СТЭНЛИ.

Камерувы (гора)
р. Огове
Экваторъ
р. Конго
р. Кассаи
С.-Паоло де-Лоанда
Атлантическій океанъ
оз. Альбертъ Ніанца
р. Нилъ
Ніангве
р. Луалаба
р. Луапула
оз. Мееро
оз. Бангвеоло
Читамбо
Уджиджи
оз. Танганайка
Табора
оз. Викторія Ніанца
р. Тана
Килиманджаро (гора)
Момбаса
Баганай
Занзибаръ
р. Руага
Килва
оз. Ніанца
р. Ровума
Индійскій океанъ
10° отъ Гринича
15°
20°
25°
30°
35°
40°
5°
0°
5°
10°

СРЕДНЯЯ АФРИКА ПОСЛѢ СТЭНЛИ.

Новѣйшая исторія открытій знаетъ немного такихъ путешествій, каковы экспедиціи Стэнли. Въ нашемъ очеркѣ излагаются въ сжатой и общедоступной формѣ факты и наиболѣе выдающіяся данныя всѣхъ этихъ экспедицій въ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ равно и біографическія свѣдѣнія о самомъ предпринимателѣ ихъ. Эти данныя извлечены изъ лондонскаго изданія «Stanley» (Ernest Nister, 1890) и въ V-й главѣ этого очерка дополнены наиболѣе любопытными свѣдѣніями изъ послѣдняго сочиненія Стэнли «Въ дебряхъ Африки», откуда взято и значительное большинство рисунковъ.

Ѳ. Б.

I.

Ранніе годы Стэнли.

Бетсинъ сынъ.—Подлинное имя Стэнли.—Бѣгство изъ школы.—Поиски счастья въ Америкѣ.—Усыновленіе Стэнли лавочникомъ въ Новомъ Орлеанѣ.—Участіе Стэнли въ американской междуусобной войнѣ.—Стэнли-матросъ.—Пребываніе въ Малой Азіи.—Возвращеніе на родину.—Вторичное путешествіе въ Америку.—Первые шаги журнальной карьеры.—Корреспонденція Стэнли въ «New York Herald» изъ Абиссиніи.

НВАРЯ 28-го, 1841 года, на базарной площади маленькаго городка Денбигъ, въ сѣверномъ Валлисѣ, было замѣтно особенное оживленіе, хотя день приходился не базарный. Солнце ярко свѣтило, и горы окружающія долину Клвидъ, въ центрѣ которой находился самый городъ, угрюмо выступали на свѣтломъ, ясномъ небѣ. На рынкѣ почти не торговали, но тамъ и сямъ группами стояли представительницы женскаго пола въ огромныхъ валлійскихъ шляпахъ и о чемъ-то, видимо, горячо толковали. Къ нимъ присоединились двоетрое стариковъ, очевидно, заинтересованныхъ разсказомъ.

— Да, такъ вотъ какъ-съ,—говорила старая дама, смахивавшая на ворожею,— и у Бетси родился сынъ, и старикъ Джонъ Роллантсъ произведенъ въ дѣдушки, — съ особенною важностью произнесла она послѣднюю фразу.

Особенно важнымъ казалось тутъ то, что старый Джонъ Роллантсъ сталъ дѣдушкой. Старикъ Джонъ былъ фермеръ, а главное мѣстная знаменитость. Его остроумные разсказы о мѣстныхъ тузахъ имѣли всегда громадный успѣхъ въ шинкѣ и по вечерамъ публика «Льва» неистово аплодировала ему.

Послали въ «зàмокъ» гонца за фермеромъ Джономъ.

«Зàмкомъ» называлось нѣсколько домиковъ, построенныхъ на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ зàмокъ временъ Эдуарда; развалины этого зàмка короною возвышались надъ городомъ.

Въ одномъ изъ этихъ домиковъ и народился «Бетсинъ сынъ».

На возвратномъ пути изъ фермы, вновь испеченному дѣдушкѣ пришлось проходить мимо базарной площади. Здѣсь его забросали вопросами. Кто интересовался узнать, красивъ ли его внукъ, другіе допытывались, не худъ ли онъ. Старый Джонъ, не останавливаясь, отвѣчалъ всѣмъ одно и тоже: «изъ мальчика Бетси современемъ выйдетъ человѣкъ!»

Черезъ нѣсколько недѣль мальчика окрестили и назвали Джономъ Раулandсъ, англизированная форма Роллантса.

Роллантсъ младшій, отецъ, умеръ черезъ два года и со смертью его рушилось благополучіе въ «зàмкѣ». Ребенка отдали на воспитаніе, а мать нанялась въ прислуги. Пяти лѣтъ мальчика помѣстили въ англійскую частную школу. Здѣсь онъ пробылъ недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ. Дядя, платившій за него, женился, вслѣдствіе чего мальчика перевели въ школу при рабочемъ домѣ въ С.-Асафѣ. «Намъ всѣмъ было его очень жаль,—разсказывалъ одинъ изъ его родственниковъ, отвозившій его въ С.-Асафъ,—онъ былъ такой умный, толковый мальчикъ!»

Ему въ это время было около шести лѣтъ, но благодаря своему уму и отвагѣ, онъ живо завоевалъ себѣ мѣсто старшаго между своими сверстниками. Учился онъ чрезвычайно старательно, любимыми его предметами были ариѳметика и географія. Въ играхъ онъ отличался сообразительностью, въ кулачномъ бою и въ дракахъ удивительною находчивостью и выносливостью. Оба эти свойства и впослѣдствіи отличали его, когда онъ сталъ однимъ изъ великихъ современныхъ путешественниковъ.

13-го мая 1856 года, Джонъ, послѣ отчаянной драки съ однимъ изъ товарищей, сбѣжалъ изъ школы къ своему двоюродному брату, Давиду Овэну, школьному учителю въ Бриндфордѣ. Вскорѣ этотъ Давидъ Овэнъ получилъ въ свое завѣдываніе школу въ Мольдѣ и взялъ Джона къ себѣ въ помощники.

Въ этотъ періодъ своей жизни Джонъ зачитывался книгами съ разными приключеніями и путешествіями и, говорятъ, сталъ проявлять непреклонную волю, которая не склонялась ни передъ какими препятствіями. Самый характеръ его чтенія, борьба съ обстоятельствами, его упрямая натура, развили въ немъ желаніе искать приключеній. Въ шестнадцать лѣтъ это былъ упрямый, своевольный юноша, съ круглой головой, съ полнымъ лицомъ, съ глубокими выразительными глазами. Во время бесѣды его большіе каріе глаза точно утопали въ какомъ-то созерцаніи. Онъ былъ чрезвычайно крѣпкаго, но не красиваго сложенія, ноги его были не пропорціонально коротки.

Не долго пробылъ онъ у своего двоюроднаго брата. Овэнъ былъ человѣкъ склонный къ зависти и мелочности, а гордый нравъ Джона не могъ смириться и подчиниться требованіямъ человѣка, котораго онъ не уважалъ. Въ концѣ концовъ жизнь въ Мольдѣ стала для него невыносима и онъ рѣшился искать счастья гдѣ-

Портретъ Стэнли 1890 г.

нибудь въ другомъ мѣстѣ. Съ нѣсколькими пенсами въ карманѣ онъ предпринялъ путешествіе въ Ливерпуль.

Прибывъ на мѣсто назначенія, онъ принялся за поиски себѣ какой-нибудь работы на судахъ, стоящихъ въ докахъ. Послѣ многочисленныхъ грубыхъ отказовъ, ему, наконецъ, удалось получить

мѣсто каютъ-юнги на купеческомъ суднѣ, дѣлавшемъ рейсъ по Миссисипи. По прибытіи въ Новый Орлеанъ, Джона разсчитали, и тутъ ему снова пришлось искать себѣ мѣста. Прочитавъ на дверяхъ лавки Генриха Мортона Стэнли, что требуется мальчикъ, онъ вошелъ въ лавку и предложилъ свои услуги.

— Что же ты умѣешь, любезный другъ? — спросилъ его хозяинъ лавки съ добродушной привѣтливой физіономіей.

— Я готовъ исполнять всякую работу, какая только подъ силу мальчику моихъ лѣтъ, — отвѣчалъ Джонъ.

Хозяинъ лавки нанялъ его, а вскорѣ усыновилъ и сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ. Такимъ-то образомъ Джонъ Рауландсъ получилъ имя Генриха Мортона Стэнли.

Скоропостижная смерть Стэнли разрушила всѣ надежды его пріемнаго сына. Завѣщанія не оказалось и родственники лавочника завладѣли всѣмъ его состояніемъ.

Тутъ на время мы теряемъ изъ виду Стэнли, пока не началась американская междуусобная война. Въ этой войнѣ онъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ подъ командою генерала Джонстона, включая битву подъ Питсбургомъ въ апрѣлѣ 1862 г. Здѣсь онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но, во время пересылки его въ военный судъ, ему удалось бѣжать. Онъ переплылъ рѣку подъ цѣлымъ градомъ гранатъ.

Затѣмъ онъ вернулся въ Валлисъ и посѣтилъ своихъ родственниковъ. Его жалкій видъ, очевидная бѣдность сдѣлали то, что онъ былъ принятъ всѣми хуже, чѣмъ онъ могъ разсчитывать, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова переплылъ черезъ Атлантическій океанъ.

Въ Нью-Іоркѣ его арестовали, какъ бѣжавшаго плѣнника, но онъ нашелъ выходъ изъ этого непріятнаго положенія, записавшись простымъ матросомъ въ федеральный флотъ. Онъ поступилъ на судно «Тикондерога» въ началѣ 1863 г., а уже черезъ четыре мѣсяца службы былъ назначенъ секретаремъ къ адмиралу. Вскорѣ онъ отличился, проплывъ 500 ярдовъ подъ дождемъ выстрѣловъ, чтобъ привязать канатъ къ захваченному пароходу. За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ ежегодной пенсіей въ 350 фунт. стерл. Кромѣ того, онъ сражался во многихъ сухопутныхъ и морскихъ стычкахъ и принималъ участіе во вторичной осадѣ форта Фишеръ въ январѣ 1865 г.

«Тикондерога» отправилось въ десятимѣсячное плаваніе. По прибытіи въ Константинополь, Стэнли получилъ отпускъ. Тутъ онъ предпринялъ экскурсію въ Іерусалимъ и съ двумя пріятелями отправился путешествовать по Малой Азіи. Безумная отвага одного изъ его компаніоновъ повела къ тому, что въ Смирнѣ ихъ всѣхъ арестовали. Когда же ихъ выпустили на свободу, то на нихъ напали разбойники и, ограбивъ ихъ, выдали властямъ, какъ

разбойниковъ. Стэнли и тутъ не потерялъ присутствія духа. Онъ не только съумѣлъ отстоять себя и своихъ пріятелей въ этой непріятной исторіи, но еще черезъ посредство представителя Соединенныхъ Штатовъ получилъ вознагражденіе отъ турецкаго правительства.

Затѣмъ онъ снова вернулся на свою родину, гдѣ на этотъ разъ его приняли лучше. Въ С.-Асафѣ онъ посѣтилъ школу при рабочемъ домѣ, въ которой учился въ дѣтствѣ, и сказалъ ученикамъ рѣчь, причемъ упомянулъ, что онъ считаетъ себя обязаннымъ этой школѣ всѣмъ, подготовкою къ жизни и всѣми будущими успѣхами, благодаря хорошему воспитанію, которое въ ней получилъ.

Черезъ нѣсколько недѣль Стэнли уже снова былъ въ Америкѣ. Тутъ онъ отказался отъ морской службы и посвятилъ себя журналистикѣ. Онъ былъ корреспондентомъ «Missouri Democrat», «New York Tribune» во время экспедиціи Шермана противъ индѣйцевъ Сіу. Его корреспонденціи обратили на себя общее вниманіе, и издатель «New York Herald» предложилъ ему въ качествѣ спеціальнаго корреспондента сопровождать англійскую армію въ Абиссинію. «Я видѣлъ, какъ сражаются американцы, видѣлъ, какъ сражаются индѣйцы и былъ радъ случаю посмотрѣть, какъ сражаются англичане»,—говоритъ Стэнли. Впервые онъ увидѣлъ англійскихъ солдатъ, приготовившихся къ войнѣ въ пустыняхъ Зоулла (Zoulla) въ Абиссиніи.

Война велась съ императоромъ Абиссиніи Ѳеодоромъ, который захватилъ въ плѣнъ, и истязалъ нѣсколькихъ англійскихъ миссіонеровъ, а также держалъ въ плѣну англійскаго консула, капитана Камерона. Въ 1867 г. англійское правительство потребовало освобожденія плѣнныхъ, а когда это требованіе не было уважено, была отправлена экспедиція изъ Бомбея, подъ начальствомъ генерала Непира. Стэнли не былъ готовъ къ продолжительному походу и вообще, какъ онъ признается самъ, не имѣлъ яснаго представленія ни объ Абиссиніи, ни о системѣ веденія войны англичанами. У него почти не было ни багажа, ни палатки, и ему пришлось летѣть на всѣхъ парахъ, когда внезапно пришло извѣстіе о предстоящей осадѣ Магдала. Все его богатство заключалось въ одеждѣ изъ буйволовой кожи, которая служила ему защитою отъ стрѣлъ.

Онъ заявилъ себя корреспондентомъ энергичнымъ и чрезвычайно отважнымъ. Особенно интересны его очерки жизни въ Абиссиніи. Про абиссинскія деревни онъ говоритъ, что онѣ состоятъ изъ скученныхъ грязныхъ, низкихъ домиковъ съ плоскими крышами, и населенныхъ людьми въ фантастическихъ костюмахъ. Между прочимъ, онъ описываетъ мѣстные похороны, какъ священники во время похоронъ для выраженія скорби раздираютъ

на себѣ тюрбаны, рвутъ волосы, неистово воютъ, но какъ только опустятъ въ землю покойника, на котораго обыкновенно изъ экономіи надѣваютъ старое платье, скорбь быстро смѣняется весельемъ и домой всѣ возвращаются подъ веселые звуки гобоевъ.

Магдала, по словамъ Стэнли, городъ на вершинѣ горы въ 10,000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря, окруженный гигантскими горами, между которыми встрѣчаются пропасти въ 2,000, 3,000 и даже 4,000 фут. глубины. Во время энергичнаго бомбардированія стѣнъ Магдалы, Стэнли пожелалъ видѣть послѣднее дѣяніе рукъ Θеодора и заглянулъ въ одну изъ пропастей. Страшное, ужасающее зрѣлище представилось его взору, — 300 труповъ, голыхъ, обезображенныхъ, разлагавшихся съ оковами на ногахъ и рукахъ, лежали кучею одинъ на другомъ.

Кампанія эта, какъ извѣстно, кончилась взятіемъ Магдалы и самоубійствомъ Θеодора. Стэнли вернулся въ Европу и былъ немедленно командированъ въ Испанію съ цѣлью слѣдить за ходомъ событій во время революціоннаго кризиса въ этой странѣ.

II.

Какъ Стэнли отыскалъ Ливингстона.

Ложное извѣстіе о смерти Ливингстона.—Англійская правительственная экспедиція въ Африку.—Свиданіе Стэнли съ Бенеттомъ, издателемъ «New York Herald».—Побочныя задачи Ливингстоновской экспедиціи Стэнли.—Трудности движенія каравановъ Стэнли.—Африканскій «Наполеонъ».—Изъ письма Ливингстона къ Бенетту.—Приключенія, постигшія Стэнли.—Встрѣча Стэнли съ Ливингстономъ въ Уджиджи.—Возвращеніе съ поисковъ Ливингстона.—Корреспонденціи Стэнли объ экспедиціи на ашантіевъ.—Кончина Ливингстона.

Ъ ПИСЬМѢ доктора Сиварда изъ Занзибара въ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ, отъ 10-го декабря 1866 г., подробно было описано убіеніе знаменитаго африканскаго путешественника доктора Ливингстона. Вся эта исторія, какъ оказалось потомъ, была выдумана Али-Музою, начальникомъ конвоя Ливингстона и только благодаря ру Родерику Мюрчисону, впервые обратившему вниманіе на разныя несообразности въ этомъ ложномъ извѣстіи Али-Музы, въ публикѣ зародилось сомнѣніе въ правдивости оповѣщенія объ убійствѣ героя-путешественника. Общественное мнѣніе въ Англіи требовало, чтобы дѣло это было выяснено, и выражалась готовность поддержать его въ матеріальномъ отношеніи, оказавъ помощь Ливингстону или для возвращенія его въ Англію, или для продолженія задуманныхъ имъ изысканій.

Англійское правительство рѣшило отправить экспедицію на Замбези и озеро Ніасси. Сотни добровольцевъ предложили свои услуги. Изъ нихъ были избраны морякъ Эдвардъ Юнгъ и поручикъ 17-го Уланскаго полка Генрихъ Фолькнеръ. Экспедиція отправилась изъ Англіи 11-го іюня 1867 г. По наведеннымъ справ-

камъ оказалось, что Ливингстонъ благополучно прошелъ то мѣсто, гдѣ, по словамъ Али-Муза, онъ былъ убитъ, и такимъ образомъ, извѣстіе о его смерти являлось очевидною выдумкою. Но куда же дѣвался Ливингстонъ? Сказать, что онъ не убитъ, еще не значило сказать, что онъ живъ. Никто давно уже не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ него и друзья Ливингстона серьезно были озабочены его судьбою.

Вотъ тутъ-то и оказалъ услуги Стэнли. Въ полночь 17-го августа 1869 г. онъ стучался въ дверь одной изъ комнатъ «Grand Hôtel'я» въ Парижѣ. Его вызвали телеграммою изъ Мадрида.

— Войдите... кто тамъ?—спросилъ его голосъ за дверью.

— Я—Стэнли!—отвѣтилъ молодой корреспондентъ.

— Чудесно. Садитесь. У меня есть къ вамъ важное дѣло.

Издатель «New York Herald» былъ уже въ постели, но тутъ онъ накинулъ на себя халатъ и обратился къ Стэнли съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Какъ вы думаете, гдѣ Ливингстонъ?

— Рѣшительно не могу себѣ представить, сэръ.

— Думаете ли вы, что онъ живъ?

Стэнли отвѣчалъ, какъ настоящій оракулъ—можетъ быть, Ливингстонъ и живъ, а можетъ быть и нѣтъ.

— По моему, онъ живъ,—замѣтилъ Беннетъ,—и его можно розыскать, и я имѣю намѣреніе отправить васъ на поиски за нимъ.

— Да что вы... неужели же вы думаете, что я дѣйствительно могу найти Ливингстона, неужели вы собираетесь меня отправить въ Центральную Африку?

Бенеттъ отвѣчалъ утвердительно.

— Почемъ знать, быть можетъ, старикъ нуждается въ помощи, предоставляю на ваше личное усмотрѣніе все по устройству этого путешествія; только найдите мнѣ Ливингстона. Располагайте деньгами, не стѣсняясь. Истративъ тысячу фунтовъ, принимайтесь за другую, за третью, за четвертую, только найдите Ливингстона.

Путешествіе не должно было имѣть явною цѣлью поиски Ливингстона. Стэнли отправился сперва на открытіе Суэзскаго канала. Затѣмъ спустился по Нилу. Кромѣ того, ему поручено было собрать разныя свѣдѣнія касательно экспедиціи Беккера, составить путеводитель по Нижнему Египту, описать всѣ открытія, сдѣланныя капитаномъ Уарреномъ въ Іерусалимѣ, посѣтить Константинополь, всѣ поля битвы въ Крыму и черезъ Кавказъ добраться до Каспійскаго моря и оттуда уже, черезъ Персію,—въ Индію. Кромѣ того, ему поручалось ознакомиться съ сѣтью желѣзной дороги въ Евфратской долинѣ. Все это онъ обязывался исполнить между прочимъ, настоящею же и дѣйствительною цѣлью путешествія было узнать истину о Ливингстонѣ,—если онъ живъ, собрать

всѣ свѣдѣнія объ открытіяхъ его, если онъ умеръ, то запастись несомнѣнными доказательствами его смерти.

— Прощайте, и Господь съ вами!—закончилъ свое объясненіе Бенеттъ.

Англійскія газеты открыто смѣялись надъ порученіемъ, возложеннымъ на Стэнли, и увѣряли, что онъ преспокойно проживетъ въ одномъ изъ отелей Нью-Іорка, съ правомъ кушать и пить сколько угодно и съ условіемъ никуда не показываться. И дѣйствительно,—до 3-го іюля 1872 года ни въ одной англійской газетѣ ничего не появлялось относительно его удивительной миссіи.

Д-ръ Ливингстонъ.

Между тѣмъ, онъ за это время спустился по Нилу, видѣлся съ капитаномъ Уарреномъ въ Іерусалимѣ, осмотрѣлъ камни въ фундаментѣ храма Соломона, посѣтилъ мечети Стамбула, поля сраженій въ Крыму, встрѣтился въ Трепезонтѣ съ Пальгревомъ, арабскимъ путешественникомъ, побывалъ у русскаго посланника въ Тегеранѣ, былъ чрезвычайно любезно принятъ въ Персіи представителями индоевропейской телеграфной компаніи. На яхтѣ «Polly» онъ отправился изъ Бомбея къ острову св. Маврикія. Это путешествіе длилось 37 дней. На яхтѣ онъ познакомился съ Вилльямомъ Лоренсомъ Форкаромъ, первымъ штурманомъ, превосходнымъ мореплавателемъ, который оказалъ большія услуги Стэнли. Такъ какъ невозможно было добраться до Занзибара прямо, то онъ направился въ Сейшеллесъ и вмѣстѣ съ Форкаромъ и однимъ арабскимъ мальчикомъ, который служилъ имъ переводчикомъ, 6-го января 1871 года прибылъ въ Занзибаръ. Здѣсь Стэнли пригласилъ себѣ въ спутники Джона Вилльяма Шоу, лондонскаго уроженца, служившаго третьимъ штурманомъ на американскомъ кораблѣ «Nevada», предложившаго ему свои услуги.

Іогари, старшій драгоманъ консульства Соединенныхъ Штатовъ, оказалъ содѣйствіе Стэнли въ наймѣ пяти человѣкъ изъ отряда, сопровождавшаго Спика въ Египетъ и получившихъ медали «за открытіе истоковъ Нила»—ихъ называли «вѣрные» Спика. Стэнли взялъ къ себѣ также главнаго служителя Спика—по имени Сиди Мбаракъ Момбей или «Бомбей» и сдѣлалъ его начальникомъ своего конвоя, а этотъ уже отъ себя набралъ 18 человѣкъ въ солдаты (аскари).

4-го февраля, черезъ 28 дней по прибытіи въ Занзибаръ, всѣ приготовленія были сдѣланы и на четырехъ баркасахъ экспедиція отправилась въ Багамойо.

Кромѣ провизіи, разныхъ кухонныхъ принадлежностей, палатокъ, инструментовъ, лодокъ, постелей, всякаго багажа, тутъ были подарки для предводителей африканскихъ туземцевъ, а именно 82 тюка сукна, изъ нихъ 42 цвѣтного, въ дань начальникамъ разныхъ територій, черезъ которыя имъ предстояло пройти. Сверхъ того, были взяты разноцвѣтныя бусы, цѣлые клубки проволоки, ружья, револьверы, пистолеты, шпаги, кинжалы, американскіе топоры, сѣчки и 24 громадныхъ мясничьихъ ножа. Были тутъ еще 2 лошади и 27 ословъ.

Хотя Багамойо находился всего въ 25 миляхъ, но грузные баркасы сдѣлали ихъ въ теченіе 10 часовъ. Здѣсь Стэнли пришлось не безъ труда добыть 163-хъ носильщиковъ, чтобы переправить запасы въ Уньяньембе (Unyanyembe). Экспедиція раздѣлилась на 5 каравановъ, изъ которыхъ первый былъ отправленъ 18-го февраля, а послѣдній, подъ предводительствомъ самого Стэнли,—отправился 21-го марта. Въ 5 караванахъ насчитывалось всего 192 человѣка.

31-го марта 5-й караванъ прибылъ въ Кингару (Kingaru), гдѣ пали двѣ лошади. Здѣсь пришлось потерять пять дней по винѣ четвертаго каравана, который отсталъ на нѣсколько миль. Изъ людей у Стэнли оказалось пятеро больныхъ и одинъ носильщикъ бѣжалъ.

Рано утромъ, 6-го апрѣля, двинулись по направленію къ Имбики (Imbiki), такъ какъ 4-му каравану былъ данъ отдыхъ на 24 часа. Отъ Имбики до Мсувы (Msuwa) дорога шла между кустарниками и испаренія отъ гніющихъ растеній были чрезвычайно сильны. Слѣдующій привалъ сдѣлали въ Кисемо (Kisemo), за которымъ течетъ Унгеренгери (Ungerengeri), питающая рѣку Кингани.

По прибытіи въ Мухаллехъ (Muhalleh), четвертый караванъ снова отсталъ. Здѣсь Стэнли получилъ извѣстіе о Ливингстонѣ черезъ араба, сообщившаго, что онъ видѣлъ стараго путешественника въ Уджиджи (Ujiji) и что онъ только-что оправился отъ болѣзни и еще очень слабъ. Сдѣлали привалъ на пескахъ Унгеренгери въ четырехъ миляхъ за Симванвенны (Simwan-wenni). Тутъ Стэнли впервые подвергался пароксизмамъ отъ «мукурунгу», африканской лихорадки. Путешествіе отъ Багамойо (Bagamoyo) до Симванвенни, 119 миль, было сдѣлано въ 29 дней.

Двигались такъ медленно изъ-за 4-го каравана, который постоянно отставалъ, а также изъ-за дождей, лившихъ непрерывно и превратившихъ караванный лагерь въ отвратительное мѣсто гніенія. Нечистоты цѣлыхъ поколѣній носильщиковъ привлекали сюда безсчетныя массы всякихъ ползующихъ гадовъ. Тамъ были цѣлыя

миріады муравьевъ, черныхъ, бѣлыхъ, красныхъ, всѣ кустарники покрыты червеобразными стоногами, желтоголовыя осы, съ ядовитыми жалами, скорпіоны гнѣздами висѣли на вѣтвяхъ, жуки величиною съ мышей копошились въ кучахъ навоза. Все было покрыто всевозможною тлёю. На пятый день дождь пересталъ на нѣсколько часовъ и караванъ благополучно совершилъ переходъ черезъ вздутую приливомъ воды Унгеренгери.

Дорога въ Угого (Ugogo) проходитъ черезъ долину Маката (Makata), совершенно дикую мѣстность съ безконечными саваннами и болотами. Болѣзни стали быстро развиваться, а люди были уже и безъ того истощены усталостью. Пройдя 30 миль болотами отъ одного до трехъ футовъ глубины, добрались, наконецъ, до сухой земли и въ Регеннеко (Regenneko), у подошвы горы Усагара (Usagara), караванъ расположился лагеремъ. Переходъ черезъ долину Маката значительно сократилъ число ословъ; въ живыхъ осталось ихъ всего 5, да и тѣ были полумертвые. Самъ Стэнли захворалъ дисентеріей и былъ на краю могилы. По прибытіи въ Кіора (Kiora), отвратительную деревушку, умощенную козьимъ навозомъ, оказалось, что третій караванъ еще тамъ не тронулся съ мѣста и что его предводитель Форкаръ заболѣлъ острыми припадками Брайтовой болѣзни и не въ состояніи идти дальше. Тогда 3-й и 5-й караваны были соединены и по достиженіи горы Мварвы (Mwarwa) въ Угого Форкара оставили въ одной изъ сосѣднихъ деревушекъ до выздоровленія. Въ Мварвѣ съѣстные припасы были дешевы и обильны и караваны сдѣлали здѣсь остановку на три дня.

Стэнли въ довершеніе всѣхъ непріятностей пути въ Уньяньембе узналъ, что прямая дорога въ Уджиджи отрѣзана африканскимъ «Наполеономъ», знаменитымъ разбойникомъ и грабителемъ Мирамбо, который объявилъ войну арабамъ и проливалъ человѣческую кровь какъ воду. Этотъ дерзкій разбойникъ говорилъ, что не успокоится до тѣхъ поръ, покуда всѣ арабы до единаго не будутъ изгнаны изъ Уньяньембе.

Стэнли, осужденный на ту же участь, что и арабы, за гостепріимство и доброе отношеніе къ нему принялъ участіе въ ихъ войнѣ съ кровожаднымъ тираномъ, который клялся, что ни одинъ арабскій караванъ не попадетъ въ Уджиджи иначе какъ черезъ его трупъ. Но арабы не унывали и были увѣрены въ побѣдѣ. Стэнли обѣщалъ имъ сопровождать ихъ съ своимъ караваномъ до Мфуто (Mfuto), затѣмъ надѣялся послѣ разбитія Мирамбо пройти прямымъ путемъ въ Уджиджи той самой дорогой, которая теперь была отрѣзана. На слѣдующее утро они прибыли въ Мфуто, назначенное для сборнаго пункта арабской арміи, которая состояла изъ 2,255 человѣкъ. Изъ нихъ 1,500 были вооружены не только ружьями, но еще длинными ножами, чтобы уродовать трупы.

3-го августа, Стэнли выступилъ изъ Мфуто съ цѣлью начать непріятельскія дѣйствія съ могущественнымъ Мирамбо, оставивъ все имущество и всѣ запасы въ арабской крѣпости съ тѣмъ, чтобы все было готово къ слѣдованію въ Уджиджи, если караванъ не будетъ уничтоженъ африканскимъ предводителемъ. Прежде чѣмъ они добрались до Уманда (Umanda), у Стэнли снова повторился пароксизмъ лихорадки, хотя сильный, но не долго длившійся. 4-го августа, едва караванъ выступилъ изъ лѣса на Уньяньембскую дорогу, какъ непріятель внезапно сталъ его обстрѣливать, а 6-го числа, Мирамбо прибѣгнулъ къ военной хитрости, настигъ его врасплохъ и разбилъ такъ, что многіе бѣжали. Кровопролитіе было серьезное, убитыхъ оказалось не мало, стоны и вопли раздавались всю ночь.

На слѣдующее утро, Стэнли не безъ ироніи замѣтилъ арабскимъ предводителямъ, что у нихъ, какъ видно, особая система обращаться съ союзниками—покидать поле битвы въ трудныя минуты, и рѣшилъ идти другою дорогою—болѣе на югъ. Но оказалось, что это было не менѣе опасно — ему пришлось набирать новыхъ людей, а изъ Ваньямвези (Wanyamwezi) никто не соглашался идти по случаю военнаго времени, когда, по обычаямъ ихъ, они не могли служить носильщиками.

Такимъ образомъ, съ одной стороны Стэнли былъ запертъ въ Уньяньембе и лишенъ возможности попасть въ Уджиджи ранѣе окончанія войны или переслать Ливингстону свои запасы, съ другой — Ливингстонъ не могъ вернуться въ Занзибаръ, такъ какъ дорога къ Нилу была отрѣзана.

13-го августа прибылъ береговой караванъ и принесъ вѣсть о смерти Форкара. На слѣдующій день и Шоу опасно заболѣлъ.

Но пока Стэнли буквально былъ запертъ въ Уньяньембе, Ливингстонъ прибылъ въ Уджиджи.

Въ своемъ письмѣ къ Джемсу Гордону Бенетту въ ноябрѣ 1871 года Ливингстонъ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ добрался до Уджиджи. Нѣсколько сотъ миль ему пришлось сдѣлать пѣшкомъ подъ вертикально-палящимъ солнцемъ; вмѣсто людей изъ Занзибара ему выслали цѣлую массу какихъ-то невольниковъ, которые его поносили, и въ концѣ концовъ вынудили отступить назадъ и это почти въ виду обѣтованной земли—географической цѣли его миссіи. Сердце его обливалось кровью при видѣ всѣхъ жестокостей людей относительно другъ друга. Ему казалось, что онъ не выживетъ и умретъ на пути, и когда, наконецъ, онъ добрался до Уджиджи, то, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ похожъ на мѣшокъ съ костями.

Наступило 20-е сентября. День этотъ Стэнли назначилъ для выступленія южною дорогою въ Уджиджи. Было нанято нѣсколько носильщиковъ и два проводника—Асмани и Мабруко. Весь пер-

соналъ экспедиціи состоялъ изъ 56 человѣкъ, въ томъ числѣ Стэнли и Шоу.

Измученный вторымъ пароксизмомъ лихорадки, Стэнли все-таки собралъ всѣхъ людей у своей палатки, и сдѣлалъ всѣмъ перекличку. Не оказалось только Бомбея, который бѣжалъ.

Багамойо съ лагеремъ Стэнли.

25-го сентября было сдѣлано распоряженіе перенести Шоу обратно въ Квигара (Kwihara). Ему казалось, что онъ умретъ, и онъ раскаивался, что предпринялъ столь далекій путь и просилъ, чтобы ему позволили вернуться. Утромъ 27-го сентября, когда всѣ собрались, Шоу былъ положенъ на носилки. «Мои люди, — говоритъ Стэнли, — стали въ двѣ шеренги, были подняты флаги и между этими двумя живыми рядами веселъ, и подъ этими широкими вымпелами, которые развѣвались надъ водами Танганайка, онъ отплылъ на сѣверъ, а мы двинулись на югъ довольные, что избавились отъ тяжелой обузы». Но положеніе экспедиціи въ дальнѣйшемъ ея движеніи нисколко не облегчилось. Все осталось по прежнему: лихорадки, болѣзни, побѣги носильщиковъ, требованія огромной дани, безумныхъ пошлинъ въ какихъ-нибудь жалкихъ деревушкахъ, переходъ черезъ безграничные лѣса. Въ одномъ мѣстѣ Стэнли попробовалъ выкупаться, но едва не попалъ въ пасть крокодила, въ другомъ мѣстѣ караванъ попалъ въ мертвую стоянку. Тутъ люди стали бунтовать. Стэнли былъ на краю гибели въ этотъ день и только спасся,

благодаря тому, что съ необычайною быстротою обернулъ оружіе направленное на него противъ самого труса-убійцы.

3-го ноября онъ узналъ отъ одного начальника каравана, что въ Уджиджи только-что прибылъ изъ Маніуемы какой-то бѣлый человѣкъ.

Это была важная новость для всѣхъ.

Тогда Стэнли обратился къ своимъ людямъ съ вопросомъ, согласны ли они идти прямо въ Уджиджи безъ остановокъ, обѣщая имъ за это подарки. Всѣ они радостно согласились и немедленно выступили въ деревню Исинга (Isinga). Огромная дань, которую приходилось платить разнымъ начальникамъ племенъ по эту сторону озера Танганайка, дѣлала остановки неизбѣжными.

Въ Кагириги (Kagirigi), въ Уггѣ (Uhha), съ нихъ потребовали такую громадную дань, что Стэнли рѣшился прибѣгнуть къ хитрости, чтобы не платить ея. Вскорѣ послѣ полуночи, данъ былъ условный сигналъ и всѣ люди вышли изъ деревни. Проводники направились къ западу и при лунномъ свѣтѣ пришлось шествовать по бамбуковымъ болотамъ. Ноги у всѣхъ были изорваны въ кровь, но тѣмъ не менѣе удалось благополучно выйти изъ предѣловъ Угга, и скоро соломенныя крыши Укаранья (Ukaranya) предстали ихъ взорамъ.

Наконецъ, настало утро счастливаго, радостнаго дня 10-го ноября. Свѣжимъ воздухомъ пахнуло на опаленныя зноемъ лица каравана; стремительно несущіяся воды Мкути (Mkuti) среди поросшихъ тростникомъ береговъ точно манили слѣдовать все быстрѣе, быстрѣе за ними. Стэнли, который поддерживалъ себя все время только словами «терпѣнье», «терпѣнье!», теперь уже говорилъ самъ себѣ: «еще нѣсколько часовъ и я буду лицомъ къ лицу съ этимъ бѣлымъ, все равно кто бы онъ ни былъ, а можетъ быть, это Ливингстонъ». Когда на Востокѣ небо стало блѣднѣть, Стэнли приказалъ своему слугѣ приготовить новую фланелевую рубашку, вычистить сапоги, вымѣлить шлемъ, надѣть на него новое забрало для того, чтобы имѣть самый приличный видъ для предстоящаго свиданья съ бѣлымъ и съ арабами Уджиджи.

Запыхавшись, поднимались они по крутымъ горамъ, не чувствуя усталости. Черезъ два часа имъ предстояло увидѣть «Большое озеро»; какъ расплавленное серебро, оно блестѣло въ лучахъ утренняго солнца. Вотъ добрались они до вершины—еще немного и что за блескъ, что за ослѣпительный свѣтъ! Это озеро Танганайка.

«Ура!» воскликнулъ Стэнли, на что всѣ его люди восторженно отвѣчали тѣмъ же возгласомъ. Въ далекихъ лѣсахъ отдавалось эхо ихъ голосовъ. Стэнли былъ до такой степени поглощенъ своими личными ощущеніями, что на время потерялъ способность интересоваться чѣмъ-либо другимъ, что̀ не относилось прямо къ тому торжественному моменту, который онъ переживалъ. Онъ приказалъ

людямъ развернуть флаги и зарядить ружья. «Разъ, два, три, пли!» Раздался громъ 50 ружейныхъ выстрѣловъ и всѣ сосѣднія деревни пробудились отъ сна, всѣ сбѣжались посмотрѣть на флагъ бѣлаго человѣка, развѣвавшійся на вершинѣ.

— Здравствуйте, сэръ! — проговорилъ чей-то странный голосъ, обращаясь къ Стэнли.

— Вы кто такой?—спросилъ его Стэнли.

— Я, Сузи, слуга доктора Ливингстона,— отвѣтилъ тотъ, показавъ рядъ своихъ блестящихъ зубовъ.

— Какъ? Развѣ докторъ Ливингстонъ здѣсь?

— Да, сэръ.

— Вы убѣждены въ этомъ?

— Вполнѣ, я только-что отъ него.

— Здравствуйте, сэръ,—проговорилъ другой голосъ.

— Еще знакомый—а ваше имя?

— Шумахъ, сэръ.

— Какъ? вы другъ Векотани?

— Да, сэръ,—онъ самый.

— Ну, Сузи, теперь бѣги къ доктору Ливингстону и предупреди его о моемъ приходѣ.

Сузи пустился бѣжать, какъ сумасшедшій.

У Стэнли сильно билось сердце, онъ сильно волновался, но старался казаться спокойнымъ, чтобы какъ-нибудь не умалить уваженія къ бѣлому человѣку. Пробравшись черезъ толпу, и выйдя черезъ арріергардъ на тополиную аллею, онъ дошелъ до фасада арабскаго полукруга, передъ которымъ стоялъ европеецъ. Подъ вліяніемъ волненія отъ радости, вмѣсто того, чтобы броситься къ нему на шею, Стэнли тихо подошелъ къ нему и снялъ шляпу. Онъ разглядѣлъ, что на старикѣ была суконная синяя фуражка съ золотой ленточкой и куртка съ красными рукавами.

— Если не ошибаюсь, докторъ Ливингстонъ? — обратился онъ къ нему.

Можно себѣ представить, какимъ измѣнившимся голосомъ онъ проговорилъ эти слова.

— Да,—отвѣтилъ Ливингстонъ просто, снимая фуражку, и оба протянули другъ другу руки.

— Благодарю Бога за то, что Онъ далъ мнѣ возможность увидѣть васъ!

Ливингстонъ былъ больной, унылый, терпѣлъ постоянно лишенія, потому что съѣстные припасы, которые ему посылались съ берега, продавались и пропивались негоднымъ пьяницею невольникомъ.

— Я не мало видѣлъ ужасовъ на своемъ вѣку, — разсказываетъ Стэнли,— приходилось видѣть поля битвы, переживать воз-

станія, рѣзню, случалось присутствовать при казни преступниковъ—но ничто такъ не трогало меня, какъ разсказы этого человѣка о его лишеніяхъ, страданіяхъ, печаляхъ, разочарованіяхъ.

По пріѣздѣ Стэнли, Ливингстонъ сталъ быстро поправляться и крѣпнуть духомъ и тѣломъ. «Маленькій господинъ» и «большой господинъ», какъ ихъ называли ихъ люди, дружески сошлись и рѣшили вмѣстѣ изслѣдовать сѣверную часть озера Танганайка и рѣки Рузизи (Ruzisi). Путешествіе по Танганайка продолжалось 28 дней и должно было окончательно рѣшить вопросъ, впадаетъ ли Рузизи въ озеро или вытекаетъ изъ него.

Красавица изъ Вавиры (Область Альбертъ-Ніанца).

Стэнли убѣждалъ Ливингстона отдохнуть и вернуться домой, но Ливингстонъ не соглашался, говоря, что долженъ прежде исполнить свою задачу—открыть устье Нила. Съ своей стороны онъ предложилъ сопровождать Стэнли до Уньяньембе, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ провіантомъ, высланнымъ ему изъ Занзибара.

Экспедиція, увеличившаяся Ливингстономъ съ его пятью слугами, хорошо снабженная провіантомъ, одеждою, ослами и лодками, выступила 27-го декабря. Водою слѣдовали до мыса Тонгве, затѣмъ сухимъ путемъ до Уньяньембе. По дорогѣ въ Мисонги (Misonghi) на нихъ напала цѣлая туча пчелъ и заставила ихъ обратиться въ бѣгство; быки и ослы дико ревѣли отъ боли; у Стэнли и Ливингстона были страшно искусаны головы и лица. Въ Мвару (Mwaru) пришло извѣстіе о смерти Шоу въ Квигара.

18 дней спустя, 18-го февраля, экспедиція прибыла въ Уньяньембе съ развивавшимися флагами и съ ружейными выстрѣлами. Здѣсь Ливингстонъ получилъ свой провіантъ и разные запасы, какъ оказалось, въ отчаянномъ видѣ, и съ благодарностью принялъ отъ Стэнли нѣсколько тюковъ сукна и другихъ разныхъ необходимыхъ вещей.

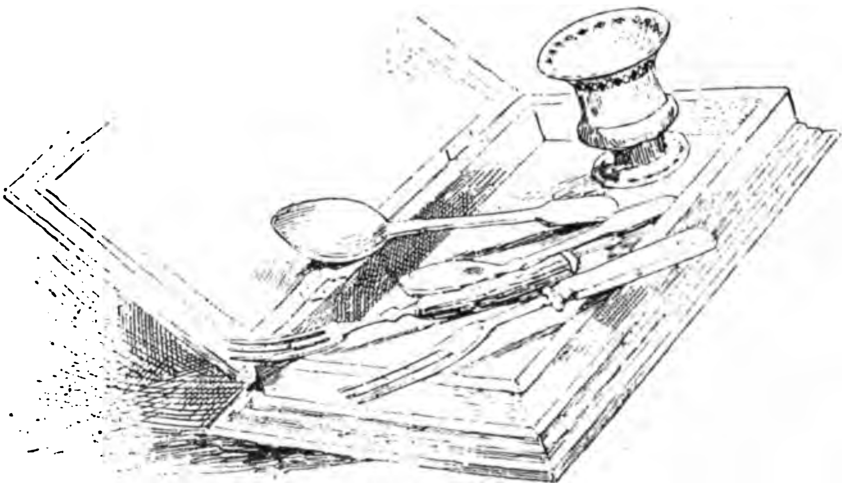
14-го марта экспедиція «Herald'а» отправилась обратно. Ливингстонъ проводилъ караванъ за городъ.

«Мы шли рядомъ,—говоритъ Стэнли,—я старательно всматривался въ лицо Ливингстона, чтобы на долго сохранить въ памяти его черты. Мы пожали другъ другу руки и съ глубокимъ отчаяніемъ въ душѣ я разстался съ нимъ».

— Прощайте докторъ! дорогой другъ!

— Прощайте, и въ путь!

Экспедиція направилась по дорогѣ въ Багамойо. Возвращеніе домой было повтореніемъ путешествія на поиски Ливингстона, — тѣ же поля, тѣ же болота, тѣ же тростники около Мзувы (Msuwa). «Боа надъ головами, змѣи и скорпіоны подъ ногами, малярія въ воздухѣ, которымъ дышешь, на землѣ масса муравьевъ, кусавшихъ насъ за ноги такъ, что мы подпрыгивали какъ помѣшанные».

Реликвіи Ливингстона.

6-го мая съ закатомъ солнца караванъ вступилъ въ Багамойо, сдѣлавъ 525 миль въ 35 дней по болотамъ, саваннамъ, тростникамъ, почти подъ непрерывнымъ дождемъ. Сюда же прибыли лейтенантъ Геннъ и Освель Ливингстонъ съ порученіемъ отъ лондонскаго королевскаго географическаго общества искать Ливингстона и экспедицію для освобожденія его. Стэнли сообщилъ имъ, что Ливингстонъ найденъ, и совѣтовалъ Освелю Ливингстону какъ можно скорѣе доставить отцу людей и провіантъ. На слѣдующій день Стэнли съ своими людьми отправился на баркасѣ въ Занзибаръ.

Расплатившись съ людьми и наградивъ ихъ, Стэнли снова нанялъ 20 изъ нихъ, съ тѣмъ чтобы они вернулись къ «Большому господину», а самъ немедленно принялся за организацію англійской экспедиціи въ помощь Ливингстону. Освель Ливингстонъ въ самую послѣднюю минуту отказался вести новую экспедицію, счи-

тая себя неспособнымъ къ этому дѣлу, и потому это было поручено одному арабу.

20-го мая Стэнли сдѣлалъ смотръ новой Ливингстоновской экспедиціи, состоявшей изъ 57 человѣкъ, а черезъ девять дней онъ отбылъ въ Европу.

Въ концѣ 1873 года онъ снова попалъ въ Африку въ качествѣ корреспондента «Herald'a» при экспедиціи на ашантіевъ, подъ предводительствомъ Гарнета Уольслея. Въ своихъ корреспонденціяхъ онъ строго и не безъ основанія критикуетъ управленіе этой экспедиціею. Онъ находилъ, что миролюбивое рѣшеніе затрудненій съ королемъ ашантіевъ въ концѣ концовъ оказалось бы болѣе практичнымъ.

Едва успѣлъ Стэнли вернуться въ Европу, какъ было получено извѣстіе о смерти Ливингстона и на него возложили печальную обязанность держать покровъ на похоронахъ «Большого господина».

Ливингстонъ скончался отъ хронической дисентеріи 4-го мая 1873 г. при Муилала (Muilala), въ Бизѣ (Bisa), въ 80 миляхъ на юго-западъ отъ южнаго конца озера Танганайка, и останки его были перевезены его спутниками на берегъ, оттуда доставлены въ Европу и погребены въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, въ субботу, 17-го апрѣля 1874 года.

III.

По африканскимъ водамъ и озерамъ.

Англо-американская экспедиція въ Африку.—Составъ экспедиціи.—Невзгоды ея въ странѣ Угого.—Смерть Эдварда Покока.—Нападеніе туземцевъ въ Итурѣ.—Пребываніе въ Абадди.—Путешествіе по озеру «Викторія»—Нападеніе гиппопотамовъ.—Плодовитость крокодиловъ.—Туземцы озера Викторія - Ніанца.—Область Уганды, африканскій Неронъ и король Мтеза.—Стрѣльба Стэнли въ крокодила.—Захватъ лодки Стэнли жителями Бумбирейскихъ островов.—Африканскій государственный совѣтъ «Шори».—Встрѣча съ гиппопотамами.—На необитаемомъ островѣ.—Прибытіе въ лагерь Кагехіи.—Природа и люди въ Угандѣ.—Красавицы гарема Мтезы.—Война вавумцевъ съ вагандцами.—Машина—«Злой духъ», придуманная Стэнли для рѣшенія этой войны.—Обращеніе въ христіанство Мтезы и его подданныхъ.—Церемонія братства крови между Стэнли и Мирамбо, королемъ Уніамвези.—Король Вагумба.—Типпо-Типъ и экспедиція на Луалабу.—Плавучій лазаретъ.—Ужасы положенія экспедиціи.—Борьба съ водоворотомъ.—Стычки съ населеніемъ Вангалы.—Stanley Pool.—Гибель Франка Покока.

ЕЛИКАЯ задача, которую поставилъ себѣ Давидъ Ливингстонъ, не была завершена. Тайна истоковъ Нила, къ открытію которой стремились со временъ Геродота, все еще оставалась не вполнѣ выясненной, хотя изысканія Спика и другихъ отчасти указывали уже на происхожденіе истоковъ Нила.

По возвращеніи изъ Занзибара, Стэнли не покидала мысль о новыхъ проектахъ изслѣдованія Африки. Онъ скупалъ всевозможныя книги, относящіяся до путешествій по Африкѣ. Онъ заново изучилъ естественную исторію, географію, этнологію темнаго континента и когда смерть похитила единственнаго человѣка, способнаго пролить свѣтъ цивилизаціи въ

эти мрачныя, наполненныя ужасами, земли—его планы разомъ созрѣли, его разсчеты были готовы.

Онъ сообщилъ издателю лондонской газеты «Daily Telegraph» о своей мысли соединить усилія Англіи и Америки для изслѣдованія Африки. Предложеніе заслуживало вниманія. Двѣ націи одного языка, имѣя представителями своими два выдающіеся органа общественнаго мнѣнія, должны были соединиться съ цѣлью проникнуть въ дебри Центральной Африки и сдѣлать первый шагъ къ прекращенію торговли невольниками—этого величайшаго униженія человѣческаго достоинства.

Предложеніе было встрѣчено весьма сочувственно. Немедленно отправили телеграмму Джемсу Гордону Бенетту, который впослѣдствіи оказалъ столько содѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Его спрашивали, согласенъ ли онъ присоединиться къ «Daily Telegraph» для командировки Стэнли съ цѣлью пополнить открытія Спика, Бертона и Ливингстона. Отвѣтъ былъ такой: «Да. Бенеттъ». Стэнли, не теряя ни минуты, принялся за подготовку экспедиціи. Онъ сдѣлалъ прощальные визиты друзьямъ въ Америкѣ и подготовилъ дѣло настолько, чтобы въ его отсутствіе оно могло идти впередъ. За пять дней до его отъѣзда, «Daily Telegraph» объявилъ, что онъ соединяется съ «New York Herald'омъ» для организаціи новой экспедиціи въ Африку подъ начальствомъ мистера Генри Стэнли.

«Цѣль экспедиціи,—возвѣщалъ «Daily Telegraph»,—продолжать начатое дѣло, и неоконченное за смертью Ливингстона, разрѣшить, если возможно, еще неразрѣшенныя задачи по изученію Центральной Африки, розыскать и собрать свѣдѣнія о притонахъ торговцевъ невольниками... Стэнли будетъ представителемъ двухъ націй, которыя одинаково заинтересованы возрожденіемъ Африки, чему можетъ служить доказательствомъ то, что потерянный англійскій изслѣдователь былъ розысканъ американскимъ корреспондентомъ. Въ то знаменательное путешествіе Стэнли проявилъ всѣ лучшія свойства африканскаго путешественника, а имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя средства для ближайшаго изученія Африки, можно разсчитывать, что путешествіе его окажетъ громадныя услуги наукѣ, человѣчеству и цивилизаціи».

Немедленно по возвращеніи въ Англію, Стэнли отправился въ Занзибаръ, въ сопровожденіи тѣхъ европейцевъ, которые должны были участвовать въ экспедиціи. Ихъ было всего трое, хотя послѣ перваго объявленія объ экспедиціи онъ получилъ, по его словамъ, 12,000 предложеній отъ разныхъ генераловъ, полковниковъ, капитановъ, поручиковъ, шкиперовъ, инженеровъ, коммисіонеровъ отелей, механиковъ, сторожей, поваровъ, людей неизвѣстнаго званія, отъ спиритовъ, гипнотизеровъ, которые всѣ, по ихъ увѣренію, знали Африку вдоль и поперекъ, спеціально были знакомы со всѣми условіями путешествій по Африкѣ. Гипнотизеры, кромѣ того, объ-

щали, въ случаѣ нападеній, гипнотизировать непріятеля и ручались за безопасность каравана. Къ счастью, или къ несчастью, у Стэнли не было достаточно средствъ для такого количества людей, но онъ утверждаетъ, что, будь деньги, онъ бы могъ набрать въ экспедицію 5,000 англичанъ, 5,000 американцевъ, 2,000 французовъ, 2,000 нѣмцевъ, 500 итальянцевъ, 250 швейцарцевъ, 200 бельгійцевъ, 50 испанцевъ, 5 грековъ и всего 15,000 европейцевъ.

Онъ ограничился тремя компаньонами—братьями Францискомъ Джономъ и Эдвардомъ Пококъ (Pocok) и Фридрихомъ Баркеромъ (Barker.) Братья Пококъ—сыновья одного кентскаго рыбака, молодые люди атлетическаго сложенія, были хорошо знакомы съ рѣчнымъ судоходствомъ. Фридрихъ Баркеръ служилъ клеркомъ въ лангамскомъ отелѣ. Его обуяла страсть къ путешествію по Африкѣ и его искреннее увлеченіе этимъ серьезнымъ предпріятіемъ побудило Стэнли принять его въ свои компаньоны. Стэнли указалъ имъ на всѣ предстоявшія имъ опасности, предупреждалъ, что имъ придется бороться не только съ туземцами, но и съ перемѣнами климата и условіями жизни. Но они оказались непоколебимы въ своемъ рѣшеніи. И дѣйствительно, Стэнли ни разу не пришлось уличить ихъ въ неисполненіи долга, какъ и въ нежеланіи отдаться всецѣло взятымъ на себя обязанностямъ.

Они прибыли въ Занзибаръ въ сентябрѣ 1874 года, какъ разъ черезъ 28 мѣсяцевъ со времени отъѣзда Стэнли изъ Занзибара послѣ встрѣчи его съ Ливингстономъ. Работа двигалась съ лихорадочною горячностью. Запасы скупались живо, и нагружались вьюками по 60 фунтовъ каждый. Съ собою были взяты сукно, бумажныя ткани, мѣдная проволока въ $^1/_8$ дюйма толщиною, и большой запасъ бисера и бусы, служившія ходячею монетою, какъ зналъ уже Стэнли по опыту, въ извѣстныхъ странахъ, черезъ которыя имъ предстояло проходить. Общій вѣсъ багажа превышалъ 8 тоннъ, и требовалось болѣе 300 человѣкъ для передвиженія его.

12-го ноября 6 арабскихъ судовъ съ экспедиціей покинули берега Занзибара. Сдѣлавъ остановку на 5 дней въ Багамойо, экспедиція тронулась въ путь въ глубь материка, 17-го ноября 1874 года, съ отрядомъ 356 человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей. Всѣ разсчитывали на благополучное, успѣшное путешествіе.

Дорога отъ Багамойо до страны Угого была пройдена безъ всякихъ приключеній. Дорога эта была хорошо извѣстна не только Стэнли, но и большинству участвовавшихъ въ походѣ.

Въ Угого, однако, посыпались на нихъ всякія невзгоды. Какъ разъ настала пора проливныхъ дождей. Туземцы встрѣчали ихъ не дружелюбно, провіанта почти нельзя было достать ни за какія деньги, такъ какъ туземцы въ первые полгода съѣдаютъ почти всѣ запасы, а остальные полгода живутъ въ проголодь. Люди болѣли, сбивались съ дороги, и только благодаря энергіи вождя, отправив-

шаго 40 человѣкъ изъ самыхъ сильныхъ за покупкою провіанта, за какую бы то ни было цѣну, отрядъ былъ спасенъ отъ голода. Цѣлыя недѣли несчастные блуждали по болотамъ и дремучимъ лѣсамъ, ежеминутно подвергаясь нападеніямъ окружающихъ племенъ.

Къ довершенію бѣдствія, Эдвардъ Пококъ заболѣлъ тифомъ въ Сунѣ (Suna), въ Урами (Urami). Нападенія туземцевъ становились все серьезнѣе и серьезнѣе, ихъ силы все прибывали. Медлить было нельзя. Больного Покока положили въ гамакъ и экспедиція немедленно двинулась, окруженная съ обоихъ фланговъ племенами враждебныхъ туземцевъ. Не смотря на заботливый уходъ преданныхъ ему людей, Эдвардъ Пококъ скончался въ Чивинѣ (Chiwyn), въ разстояніи всего нѣсколькихъ миль. Такимъ образомъ Стэнли лишился одного изъ своихъ европейскихъ компаньоновъ, не пройдя и 400 миль отъ моря, имѣя въ перспективѣ еще цѣлыя тысячи миль въ невѣдомой странѣ.

Еще большія непріятности ожидали ихъ въ Виніатѣ (Vinyata), въ Южной Итурѣ (Ituru), гдѣ на нихъ было сдѣлано организованное нападеніе цѣлой толпы разъяренныхъ туземцевъ за то, что они разложили нѣсколько кусковъ сукна сушить на солнцѣ послѣ дождя. Стэнли не хотѣлъ сперва придавать серьезнаго значенія этой вылазкѣ. Нѣсколько бродягъ изъ его партіи было убито, но у него не было прямыхъ доказательствъ виновности враждебныхъ, коварныхъ шаекъ туземцевъ, которыя окружали его со всѣхъ сторонъ, и вполнѣ сознавалъ, что для успѣха дѣла ему необходимо во что бы то ни стало сохранять миръ съ туземцами. Но наконецъ двое изъ его экспедиціи были убиты въ одной мили отъ лагеря и, когда торжествующіе убійцы на глазахъ людей Стэнли стали подговаривать своихъ сотоварищей на новыя враждебныя дѣйствія, онъ приказалъ своимъ карабинерамъ стрѣлять, и непріятель въ страхѣ бѣжалъ.

Это было только начало тѣхъ нападеній, которыя сдѣлались для нихъ потомъ за эти 7,000 миль какимъ-то обычнымъ явленіемъ. Вангваны или мѣстные жители Занзибара, изъ которыхъ состояла большая часть отряда Стэнли, первоначально не проявляли никакихъ военныхъ способностей и только впослѣдствіи, благодаря опыту и постояннымъ упражненіямъ, они научились отражать организованныя нападенія враговъ—и вотъ тогда-то Стэнли сталъ являться побѣдителемъ.

Караванъ былъ истощенъ жестоко. Потеря въ Итурѣ состояла изъ 20 человѣкъ убитыхъ и 4 раненыхъ. Кромѣ того, заболѣло 25 человѣкъ, да большинство носильщиковъ, отъ недостатка пищи и отъ усиленной ходьбы по болотамъ, до того изнурились, что значительную часть багажа пришлось сжечь и бросить. Экспедиція теперь состояла изъ трехъ европейцевъ, изъ 200 вангванцевъ и ваніамвезцевъ, 25 женщинъ и 3 мальчиковъ.

Походъ черезъ Узукуму (Usukuma) и Ушамби (Uchambi) въ Абадди (Abaddi) совершенъ былъ быстро. Мѣстные жители встрѣчали путешественниковъ буквально съ распростертыми объятіями. Страна была весьма плодородная, провизіи болѣе, чѣмъ достаточно за весьма дешевыя цѣны. Быкъ, стоившій въ Угого 48 ярдовъ холста, въ этой мѣстности уступался за 6 ярдовъ, за козла въ Угого приходилось отдать 12 ярдовъ холста, въ Абадди же за него брали всего 2, въ Угого за барана платили 10 ярдовъ холста, въ Абидди—2, цыпленокъ въ Угого стоилъ отъ 5 до 10 нитокъ бусъ, въ Абадди—1 нитку. Экспедиція продолжала свой путь, въ сопровожденіи сотень этихъ любезныхъ туземцевъ, которые всякими жестами, веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ желали выразить ей свое удовольствіе по поводу посѣщенія ихъ страны.

«Приходите опять къ намъ,—говорили они,—когда бы вы ни пришли, мы всегда будемъ вамъ рады».

Разница между условіями, при которыхъ были сдѣланы эти два путешествія, ясно опредѣлена слѣдующими словами самого Стэнли: «Половину путешествія мы съ трудомъ то пробирались между сухими кустарниками, то ползли точно армія муравьевъ среди высокой морской травы, которая покрывала насъ до головы. Въ Міомбо (Myombo) лѣса Уваривери (Uvariveri) съ своими чистыми, какъ кристалъ, ручьями и потоками, несущими свои воды въ Египетскую священную рѣку, не были намъ такъ пріятны, не внушали намъ того чувства свободы, какое мы ощущали теперь, попавъ въ открытыя мѣста съ низкой травой».

Наконецъ, 27-го февраля, добрались до большого озера Викторія-Ніанца въ Кагехіи (Kagehyi), и караванъ расположился на время лагеремъ, вполнѣ заслуживъ отдыхъ.

Покуда экспедиція отдыхала, Стэнли занялся приготовленіями къ плаванію по озеру. Озеро «Victoria» никогда еще не было вполнѣ изслѣдовано. Спикъ и Ливингстонъ изучали отдѣльныя его части, но общее его обозрѣніе еще никѣмъ не предпринималось, а между тѣмъ отъ результата этого изслѣдованія зависѣло разрѣшеніе многихъ вопросовъ, весьма важныхъ въ географическомъ отношеніи.

Стэнли скоро убѣдился въ невозможности отправиться по озеру всей экспедиціей. Только съ небольшимъ числомъ людей онъ могъ сдѣлать быстрый и точный осмотръ его, и потому онъ рѣшилъ предпринять путешествіе съ командою, которая бы вся помѣстилась въ одной лодкѣ «Lady Alice», привезенной имъ изъ Англіи разобранною по частямъ.

Не легко ему было набрать команду.

Люди его заявили о своемъ полномъ неумѣніи управлять лодкою; всѣ они были носильщиками или солдатами. Всѣ они изъявляли полную готовность идти, куда угодно, и дѣлать все, что угодно, но только на сушѣ, а не на водѣ. Стэнли созвалъ ихъ всѣхъ и

спросилъ, нѣтъ ли между ними охотниковъ. Но такихъ не оказалось.

Онъ обѣщалъ имъ отдѣльную плату и награду. Всѣ молчали.

— Я долженъ ѣхать,—сказалъ онъ имъ,—неужели вы меня отпустите одного.

— Нѣтъ, не пустимъ одного,—былъ отвѣтъ.

— Кто же изъ васъ сопровождаетъ меня?

Гробовое молчаніе. Онъ обошелъ всѣхъ и спросилъ каждаго отдѣльно — у всѣхъ была какая-нибудь причина для отказа; всѣ они одинаково не умѣли справиться съ лодкой. Тогда онъ выбралъ 10 человѣкъ изъ болѣе способныхъ и рулевого, далъ подробную инструкцію Франку Пококъ и Фридриху Баркеръ по управленію лагеремъ въ его отсутствіи, одарилъ начальника области, въ которой они квартировали, и отбылъ въ свое опасное плаваніе 8-го марта 1875 г.

Кагехія, деревушка, въ которой экспедиція расположилась лагеремъ, находится на юго-западной окраинѣ «Залива Спика», названнаго такъ въ честь великаго изслѣдователя, открывшаго его. Стэнли отправился по восточному направленію, рѣшивъ объѣхать озеро съ востока на западъ. Путешествіе началось весьма неудачно. Черезъ нѣсколько часовъ по отплытіи, поднялась страшная буря. Испуганная команда вся попряталась на дно лодки; только Стэнли и рулевой остались на своихъ мѣстахъ, и соединенными силами старались удержать лодку въ равновѣсіи. Но буря стихла такъ же внезапно, какъ и налетѣла.

На слѣдующій день они увидали бухту, куда впадаетъ Шимійю (Shimeeyu), крайній южный притокъ Нила, оставляющій озеро на 200 миль къ сѣверу. Шимійю имѣетъ 300 миль длины, а отъ нея Стэнли считаетъ теченіе Нила въ 4,200 миль. Это, слѣдовательно, вторая рѣка въ мірѣ по длинѣ.

«Lady Alice» быстро плыла вдоль берега залива Спика. Укереве (Ukerewe), широкая полоса земли, выдающаяся въ озеро, оказалась, согласно Спику, островомъ, хотя она и отдѣлена отъ суши проливомъ всего въ 6 футовъ ширины, мѣстами только въ 3 фута глубины и длиною около мили.

Дальнѣйшее путешествіе было полно приключеній. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ они причалили къ берегу, на лодку напала цѣлая масса гиппопотамовъ, съ открытыми пастями и въ такомъ количествѣ, что Стэнли счелъ за лучшее оставить лодку въ ихъ распоряженіи. Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ лодка наскочила на спину спящаго гиппопотама, который выразилъ свое неудовольствіе весьма чувствительнымъ образомъ. Онъ приподнялъ лодку надъ водою, и еслибъ гребцы не схватились быстро за весла, они бы непремѣнно опрокинулись въ воду.

№ 35.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Абрамовъ, Я. Сельскій календарь на 1891 годъ. Спб. Ц. 20 к.

Андреяновъ, М. М. Сборникъ рѣшеній граждан. кассац. департам. Прав. Сената за 1888 годъ, въ выпискахъ и извлеченіяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Аркадьевъ, Е. И. Словарь библіофила, т. е. словъ, касающихся книжнаго и печатнаго дѣла. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бибиковъ, Викторъ. Три портета: Стендаль.—Флоберъ.—Бодлэръ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

В. В. Курите сколько хотите. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Веберъ, К. Руководство къ смолокуренію. Спб. 1890 г. Ц. 90 к.

Владимірскій-Будановъ, М. Ф., проф. Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права. II. Кіевъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Воскресенскій, В. А. Педагогическій календарь на 1890—1891 г. для учителей и воспитателей. М. 1890 г. Ц. 20 к.

Геликофилъ Кохлеаріусъ. Сибирскій вистъ-преферансъ „Винтъ". Спб. 1890 г. Ц. 60 коп.

Гельбке, Ф. Календарь для учителей на 1890—91 годъ. Спб. Ц. съ приложеніемъ 1 р.

Герасимовъ, М. Календарь для учителей городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ училищъ на 1890—91 г. Въ 2 част. Спб. Ц. за 2 ч. 1 р.

Грудзинскій, Д. Пенсіи и пособія офицерскимъ чинамъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и ихъ семействамъ. Изданіе 2-е. Кіевъ. 1890 г. Ц. 80 к.

Грудистовъ, М. Н. Дешевыя несгораемыя постройки. Земля, какъ строительный матеріалъ, земляной кирпичъ и постройки изъ него. Саратовъ. 1890 г. Ц. 50 к.

Дерюгинъ, М. Е. Начало механики. Курсъ средн. учеб. заведеній. Издан. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, А. Очерки изъ исторіи города Перми. Пермь. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Пермская старина. Вып. I. Пермь. 1889 г. Ц. 1 р. То же. Вып. II. Пермь. 1890 г. Ц. 1 р.

Законъ 4-го іюня 1890 года о мѣрахъ къ поощренію сельско-хозяйственнаго винокуренія. М. 1890 г. Ц. 20 к.

Игнатовскій, Г. С. Краткій курсъ естествовѣдѣнія для женскихъ гимназій. Ч. I. Тифлисъ. 1890 г. Ц. 60 к.

Игнатовъ, Н. И. Сборникъ подробныхъ правилъ и програмъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія (исключая высшихъ) на 1890—1891 г. Издан. 2-е, исправ. и дополн. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей Л. Георгіевскаго и С. Манштейна: Гомеръ. Иліада. Пѣснь I. Ц. 50 коп.—Ксенофонтъ. Анабасисъ. Кн. I. Ц. 50 коп.—Ксенофонтъ. Анабасисъ. Кн. II. Ц. 40 коп.—Платонъ. Апологія Сократа. Ц. 70 к.—Титъ Ливій. Кн. I. Ц. 80 коп.—Титъ Ливій. Кн. XXI. Ц. 1 р.—Саллюстій. Югуртинская война. Ц. 70 к.—Вергилій. Энеида. Пѣснь I. Ц. 50 к.

Инкогнито. Воздушные замки. (Комическій этюдъ). М. 1890 г. Ц. 30 к.

*) **Кайгородовъ, Д.** Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. II. Спб. Ц. 75 к.

Кирпичниковъ, Д. М. Предохраненіе дерева отъ гніенія, а въ частности о пропитываніи шпалъ и дерева пиреновою жидкостью. М. 1890 г. 30 к.

Кованъ, Т. В. Руководитель англійскаго пчеловода. Издан. 2-е, дополн. по 10 изданію. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

*) **Кохановская.** Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Издан. 2-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

*) — Кирила Петровъ и Настасья Дмитро на. Повѣсть. Издан. 2-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

Крашевскій, I. И. Изъ семилѣтней войны. Историческій романъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Литературный сборникъ въ пользу бѣдныхъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Лѣсковъ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10 томахъ. Т. X. Спб. 1890 г. Ц. по подпискѣ на 10 т. 20 р.

Мартановъ, А. „Звѣзды неба, волны моря". Стихотворенія. М. 1889 г. Ц. 30 к.

Московскій, Ал. Образцовый самоучитель французскаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго французскаго произношенія. Вып. I. Спб. 1890 г. Ц. 80 к.

Могилевъ, М. Повторительный курсъ русскаго государственнаго права. Издан. 2-е исправ. и дополн. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Д. Государства и народы Балканскаго полуострова, ихъ прошедшее, настоящее и будущее и болгарская кривда. М. 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Оболенскій, Д. Д., князь. Охотничьи воспоминанія и наброски. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Озерецковскій, С. И. Ученье — свѣтъ. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія. М. 1890 г. Ц. 25 к.

Орловъ, М. А. Курсъ исторіи русской литературы. Вып. II. Изд. 7-е, исправ. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 80 к.

Панаевъ, П. П., проф. Практическія свѣдѣнія о земляной системѣ оздоровленія (земляные клозеты) пастора Муля, ея дѣйствіи и устройствѣ. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Пелетаевъ, Н. Объ основаніяхъ вмѣненія по началамъ положительной философіи. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Пономинъ, И. А. Справочная книжка для таможенныхъ чиновниковъ и экспедиторовъ, а также офицеровъ пограничной стражи. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Поповъ, Н. А. Романъ каторжника. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Раевская, Е. Опытъ сравнительной грамматики русскаго и французскаго языка, по методѣ академика Я. К. Грота. М. 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Сахаровъ, А. По русской землѣ. Географическіе очерки и картины. М. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е іюня 1890 г. Спб. Ц. 50 к.

Сергѣевъ, С. Е. Императоръ Вильгельмъ II и вопросы международной политики. Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

Соловьевъ, Всев. „Волхвы". Романъ. XVIII вѣка. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Срезневскій, Б. Снѣжные заносы на желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи. Спб. 1890 г. Ц. 85 к.

Токарскій, А. А., д-ръ. Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М. 1890 г. Ц. 50 к.

Толычева, Т. Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя. Изд. 3-е. М. 1890 г. Ц. 40 к.

Тубянскій, М. Календарь и справочная книжка для студентовъ на 1890—91 академическій годъ. Спб. Ц. 1 р.

Туръ, Евгенія. Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Съ англійскаго. Изд. 6-е. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Фрасеръ, Г. О передачѣ силы на различныя разстоянія путемъ электричества. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Фрейманъ, В. Ф. Библіотекарь. Спутникъ по библіографіи и библіотековѣдѣнію. Вып. II. М. 1890 г. Ц. 50 к.

*) **Чеховъ, Антонъ.** Разсказы. Изданіе 4-е. Спб. 1890 г. Ц. 1.

Чичаговъ, Л. М. Что служитъ основаніемъ каждой науки. М. 1890 г. Ц. 50 к.

Шкляревскій, А. С. О леченіи аргилланами или сложными глинами. Кіевъ. 1890 г. Ц. 60 к.

Щегловитовъ, С. Г. Судебные уставы Императора Александра II, съ законодательными мотивами и разъясненіями. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Изд. 4-е, исправ. и дополнен. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Якубовичъ, В. Ф. Руководство къ діагностикѣ дѣтскихъ болѣзней и способамъ изслѣдованія дѣтей. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. **Отдѣленіе** главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1995

